Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Harvard College Library

FROM THE

BRIGHT LEGACY

One half the income from this Legacy, which was received in 1880 under the will of

JONATHAN BROWN BRIGHT

of Waltham, Massachusetts, is to be expended for books for the College Library. The other half of the income is devoted to scholarships in Harvard University for the benefit of descendants of

HENRY BRIGHT, JR.,

who died at Watertown, Massachusetts, in 1686. In the absence of such descendants, other persons are eligible to the scholarships. The will requires that this announcement shall be made in every book added to the Library under its provisions.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ETNOGRAF. OBOZR.
1-3

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Кн. I.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

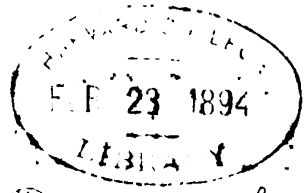
Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
„Русская" типо-литографія, Тверская, д. Гинцбургъ.
1889.

Digitized by Google

128.10 (1-5)
IX.308
Slav 25.7



Bordwell fund.
(1889-1892.)

Печатать разрѣшается. Москва, 5 мая 1889 г. Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

Ординарный Профессоръ *Всеволодъ Миллеръ*.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

От редакціи . . . . . I—II.

I. О задачахъ русской этнографіи. *Д. Н. Анучина* . 1

II. О нойдахъ у древнихъ и современныхъ лопарей. *Н. Н. Харузина* 36

III. Свадебные обычаи Ахалцихскихъ армянъ. *Вл. Н. Акимова* 77

IV. О черничкахъ. *В. Н. Свѣтъ*. 92

V. Замѣтка о народной медицинѣ. *П. М. Богаевскаго*. 101

VI. Бесѣдныя складчины и ссыпчины Обонежья. *Г. И. Куликовскаго* 106

VII. Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ. Гл. I. *В. В. Каллаша*. 115

VIII. Библіографія. . . . . 136—171

I. Журналы (136).—II. Ученыя и справочныя изданія (144).—III. Газеты (152).

IX. Извѣстія и замѣтки. . . . . 172—181

Дѣятельность ученыхъ обществъ: Имп. Моск. Археологическаго (172), Имп. Рус. Географическаго (175), Имп. Об. Люб. Естествозн., Антр. и Этнографіи (176)., Казанскаго Общ. Археол., Истор. и Этнографіи (178), Казанск. Общ. Врачей (179).—Публичныя лекціи (179).—Этнографическій Музей въ Варшавѣ (180).—Народныя пѣсни (А. Ходзько, Люд. Кубы, Н. Лопатина и В. Прокунина).—Инородческіе словари: Н. Первухина—вотятцкій, Д. Добронравова—чувашскій (181).

X. Поправки и добавленія. 182

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Приступая къ изданію спеціальнаго журнала, посвященнаго этнографіи Россіи, мы полагаемъ, что онъ не только не будетъ несвоевременнымъ, но, напротивъ, будетъ отвѣчать настоятельной потребности, которая ясно сознается русскимъ обществомъ. Развитіе русской этнографіи, возрастающее съ каждымъ годомъ, наглядно доказываетъ, насколько необходимъ спеціальный органъ въ этой области отечественной науки. Въ то время, какъ за-границей уже десятки лѣтъ издаются въ значительномъ количествѣ разные этнографическіе журналы, у насъ до настоящаго времени не дѣлалось даже опыта подобнаго изданія. Такое положеніе дѣла служитъ немалымъ тормазомъ для развитія нашей этнографической науки.

Правда, существуетъ въ Россіи довольно много ученыхъ обществъ, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ при себѣ этнографическія отдѣленія, которыя печатаютъ результаты своихъ изслѣдованій въ ученыхъ трудахъ. Но участіе въ обществахъ и ихъ изданіяхъ доступно лишь небольшому кругу людей, большею частью спеціалистовъ; большинство же этнографовъ-любителей, въ особенности провинціальныхъ, лишь изрѣдка находитъ себѣ пріютъ въ какомъ-нибудь губернскомъ, оффиціальномъ или частномъ изданіи, въ какой-нибудь мѣстной газетѣ, причемъ они невольно должны приноравливать къ характеру этихъ изданій не только внѣшнюю форму изложенія, но и самое содержаніе своихъ работъ, иногда вопреки научнымъ требованіямъ, сообразуясь лишь съ извѣстнымъ кругомъ читателей. Отсюда происходитъ поверхностность и недостатокъ научности въ большинствѣ подобныхъ работъ, въ противоположность излишней сухости и учености, какою съ другой стороны отличаются изданія ученыхъ обществъ, большею частью обреченныя, какъ по своему содержанію, такъ

Digitized by Google

часто и по цѣнѣ, на незначительное распространеніе среди болѣе широкаго круга образованныхъ читателей.

Мы хорошо сознаемъ, что согласить научность содержанія съ популярностью изложенія—дѣло далеко не легкое, но все-таки болѣе или менѣе возможное, и въ области этнографіи оно, быть можетъ, достижимо болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Поэтому мы не отказываемся отъ надежды хотя отчасти удовлетворить этимъ требованіямъ. Популяризація научныхъ выводовъ и разработка вопросовъ мало изслѣдованныхъ или вовсе не затронутыхъ наукою—вотъ главная задача изданій, подобныхъ нашему, и къ выполненію этой задачи мы, по мѣрѣ силъ, будемъ стремиться.

Для приведенія въ извѣстность этнографическаго матеріала, появляющагося въ разныхъ изданіяхъ, а также для опредѣленія состава и количества литературныхъ силъ, работающихъ въ области русской этнографіи, мы будемъ обращать особое вниманіе на библіографическій отдѣлъ нашего изданія, въ которомъ постараемся, если не сразу, то постепенно, достигнуть возможной полноты.

Не задаваясь слишкомъ широкимъ планомъ, мы ограничиваемъ, по крайней мѣрѣ на первое время, содержаніе нашего журнала предѣлами Россіи, не устраняя ни одной живущей или жившей въ ней народности изъ круга нашего изученія. Изъ этой области въ журналѣ найдутъ себѣ мѣсто статьи, касающіяся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ этнографическаго характера, какъ по внѣшнему, такъ въ особенности по внутреннему, духовному быту народа. Поэтому мы и не даемъ заранѣе подробной программы нашего изданія; замѣтимъ только, что въ общемъ мы будемъ держаться предѣловъ тѣхъ программъ, которыя выработаны ранѣе Этнографическимъ Отдѣломъ и изданы въ 1887 г., въ VIII кн. его «Трудовъ».

«Этнографическое Обозрѣніе» разсчитано на 4 книжки въ годъ (2 въ весеннее полугодіе, 2 въ осеннее), приблизительно по 10 листовъ каждая. Въ виду того, что изданіе открывается не съ начала года, въ текущемъ году выйдутъ только три книжки.

Digitized by Google

О задачахъ русской этнографіи.

(Нѣсколько справокъ и общихъ замѣчаній).

Русская этнографія существуетъ не со вчерашняго дня. Если даже оставить въ сторонѣ тѣ отрывочныя этнографическія данныя, которыя разбросаны въ литературныхъ памятникахъ до-Петровской эпохи, въ лѣтописяхъ, хронографахъ, космографіяхъ, „хожденіяхъ", статейныхъ спискахъ, отдѣльныхъ сказаніяхъ,—то все-таки исторія русской этнографіи начинается почти одновременно съ исторіей научной этнографіи вообще. Правда, мы имѣемъ на западѣ цѣлый рядъ описаній путешествій, изданныхъ въ XVII, даже въ XVI вѣкѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ въ себѣ не мало интересныхъ свѣдѣній о разныхъ народахъ, съ приложеніемъ нерѣдко любопытныхъ рисунковъ (достаточно указать, напримѣръ, на путешествія Герберштейна, Олеарія, Де-Бри, многихъ португальцевъ и голландцевъ); но, во-первыхъ, этнографическій элементъ въ нихъ является болѣе или менѣе случайнымъ, и, во-вторыхъ, онъ ограничивается большею частью тѣмъ, что доступно туристу, не выказывая стремленія проникнуть глубже въ народныя особенности, подвергнуть ихъ сравнительному изученію, воспользоваться ими для общихъ вопросовъ исторіи или языкознанія. Только въ XVIII вѣкѣ полагаются первыя основы научнаго, сравнительнаго изученія языковъ, религій, быта, вводится въ употребленіе самый терминъ „этнографія" и дѣлаются попытки воспользоваться этнографическими данными для расширенія предѣловъ исторіи и для болѣе глубокаго пониманія древнѣйшихъ стадій развитія человѣческаго духа, человѣческой культуры,

Digitized by Google

человѣческаго общества *). Но въ теченіи того же столѣтія этнографическіе вопросы обратили на себя серьезное вниманіе и въ Россіи. Озабоченный своими филологическими разысканіями, Лейбницъ обращается къ Петру Великому и Шафирову и проситъ ихъ о собраніи образцовъ различныхъ нарѣчій въ предѣлахъ Россіи для того, „чтобы путемъ сравненія ихъ дойти до познанія происхожденія скиѳскихъ народовъ". Въ 1716 году русское правительство заключаетъ контрактъ съ докторомъ Мессершмидтомъ о поѣздкѣ послѣдняго въ Сибирь для изученія этой страны, причемъ онъ обязывался также заниматься „описаніемъ сибирскихъ народовъ и филологіею". Желаніе Лейбница исполнилось только въ 1786 г. въ изданномъ Екатериною II сравнительномъ словарѣ языковъ (Linguarum totius Orbis Vocabularia comparativa Augus-

*) По словамъ Бастіана (Die Vorgeschichte der Ethnologie, 1881, S. 15), впервые терминъ „этнографія" былъ введенъ въ употребленіе въ изданіи: „Ethnographische Bildergallerie, Nürnberg, 1791. Первоначально терминъ Ethnici противополагался терминамъ Christiani et Judaei и обнималъ всѣ народы, за исключеніемъ христіанъ и евреевъ. Это видно изъ сочиненія *Hospinianus*, De festis, первая часть котораго, изданная въ Женевѣ, въ 1675 году, озаглавлена: De festis Ethnicorum et Iudaeorum, а вторая, 1679 года: De festis Christianorum.—Позже однако терминъ ethnici сталъ прилагаться къ изученію всѣхъ вообще народовъ.—Къ XVIII вѣку относятся труды Лейбница, Вездина, Анкетиль Дюперрона, Джонса, лорда Монбоддо, Герваса и другихъ—по языкознанію; Гогэ, Стибса, Мейнерса, Гердера — по исторіи культуры, причемъ впервые сознается важность изученія современныхъ, особенно дикихъ народовъ, для пониманія быта народовъ древности и вводится въ употребленіе самое слово „культура" въ современномъ его значеніи. Извѣстно, что это латинское слово, заключающее въ себѣ понятіе о заботѣ, разведеніи, употреблялось сперва рѣдко въ сельско-хозяйственномъ смыслѣ, но уже Цицеронъ и Горацій переносятъ его на заботы о воспитаніи, а Цицеронъ называетъ также философію „культурою духа". Въ средніе вѣка „cultura" примѣнялась только къ земледѣлію, но испанцы стали употреблять его и въ смыслѣ воспитанія человѣка и духовнаго облагороженія. Въ Германіи, въ концѣ XVIII вѣка, съ словомъ „Kultur" стало соединяться понятіе объ облагороженіи и утонченіи всѣхъ духовныхъ (и физическихъ) силъ человѣка и народа, стало обозначать просвѣщеніе, освобожденіе отъ предразсудковъ, также смягченіе и утонченіе нравовъ. Гердеръ заявляетъ о необходимости „статистики странъ" для подготовки „исторіи культуры народовъ".

Digitized by Google

tissimae cura collecta, Petropoli. 1876. Sect. prim. Pars. I), но изученіе различныхъ народностей Россіи началось полъ-вѣкомъ ранѣе. Въ 1733—37 гг. Г. Ф. Миллеръ и I. Г. Гмелинъ, при содѣйствіи Штеллера и Крашенниникова, собрали массу этнографическихъ данныхъ въ предѣлахъ Сибири, и Крашенниниковъ, въ особенности, составилъ интересное описаніе быта камчадаловъ, народа, находившагося еще тогда въ первобытной стадіи каменнаго вѣка. Это описаніе, появившееся въ печати ранѣе, чѣмъ совершились знаменитые кругосвѣтныя экспедиціи Лаперуза, Кука, Форстера,—не утратило своего интереса и въ настоящее время, какъ одно изъ древнѣйшихъ, правдивыхъ и обстоятельныхъ изображеній быта и нравовъ неизвѣстнаго дикаго народа на берегахъ восточной Азіи. Въ 1768 г. начался новый циклъ ученыхъ экспедицій, въ которомъ приняли участіе Палласъ, Гмелинъ младшій, Гюльденштедтъ, Лепехинъ, Зуевъ, Рычковъ, Фалькъ, Георги и другіе. Всѣми этими изслѣдователями былъ собранъ богатый запасъ свѣдѣній по географіи, естественной исторіи и этнографіи различныхъ областей Россіи, особенно Урала, Сибири, Киргизскихъ степей и Кавказа. Что касается этнографическихъ свѣдѣній, то онѣ касались, разумѣется, болѣе внѣшней обстановки быта; тѣмъ не менѣе въ трудѣ Палласа—о монгольскихъ народностяхъ—была сдѣлана попытка обозрѣть не только бытъ, но также исторію этихъ племенъ, ихъ религію, общественное устройство и т. д. Около того времени, какъ въ Германіи были изданы первые опыты систематическаго описанія различныхъ народовъ, съ приложеніемъ ихъ изображеній (Ethnographische Bildergallerie и др.), и у насъ появилась книжка *Миллера*: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то: черемисъ, чувашъ и вотяковъ", С.-Пб. 1791, съ рисунками, и гораздо болѣе обширный трудъ *Георги*: „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ". Вышедшее сперва на нѣмецкомъ языкѣ, это послѣднее сочиненіе было затѣмъ издано два раза на русскомъ, причемъ второе изданіе, 1799 года, полнѣе оригинала и снабжено ста изображе-

Digitized by Google

ніями народовъ. При составленіи своего труда Георги пользовался, кромѣ собственныхъ наблюденій, еще описаніями Миллера, I. Гмелина, Крашенниникова, Штелера, Фишера, Рычкова, С. Гмелина, Палласа, Лепехина, Рычкова, Лема, Клингстедта, Гегстрема, Шлетцера и другихъ, и вообще его трудъ, по своей обширности и числу описанныхъ въ немъ народовъ, едва ли имѣлъ въ то время равныхъ въ западно-европейской литературѣ. Рядомъ съ инородцами, въ немъ описаны и русскіе, но, сравнительно, болѣе кратко и поверхностно, да и то по преимуществу въ историческомъ отношеніи *).

XIX вѣкъ внесъ въ изученіе русской этнографіи новые вопросы и новые методы. Трудъ Клапрота объ языкахъ Азіи былъ первой попыткой научнаго анализа языковъ массы русскихъ инородцевъ. За нимъ слѣдовали труды Шёгрена и Кастрена, положившіе начало сравнительному изученію финскихъ языковъ и финской этнографіи. Разсужденіе Востокова о славянскомъ языкѣ (1820 г.) было первымъ русскимъ научнымъ трудомъ въ области славянской филологіи, оцѣненнымъ однако сначала лишь западными славистами—Копитаромъ и Шафарикомъ. Собственно этнографическія изслѣдованія, серьезное собираніе матеріаловъ по народному, крестьянскому быту, началось лишь въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Ранѣе, въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, при рѣзкомъ отчужденіи высшихъ слоевъ русскаго общества отъ низшихъ, при усвоенномъ презрительномъ отношеніи къ нравамъ и обычаямъ „подлаго“ народа, обстоятельное изученіе его быта, воззрѣній, вѣрованій, поэзіи—было немыслимымъ. Немногіе собиратели матеріаловъ по на-

*) Любопытно, что въ предисловіи къ русскому изданію 1799 года доказывается своевременность труда, между прочимъ, тѣмъ, что многіе народы Россіи подъ вліяніемъ господствующаго языка, религіи и нравовъ утрачиваютъ свои особенности и смѣшиваются съ сосѣдями, а интересъ его — тѣмъ, что „внимательное разсматриваніе всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи, представляетъ намъ живо древній, простой, естественному состоянію весьма близкій міръ“ и что „грубые наши народы“ выказываютъ сходство по своему образу жизни и нравамъ „со многими дикими другихъ частей свѣта“.

Digitized by Google

родному быту выбирали изъ него то, что имъ нравилось или казалось болѣе любопытнымъ и курьезнымъ, часто притомъ еще искажая его—поправкою языка, произвольными догадками, выпусканіемъ излишнихъ, по ихъ мнѣнію, подробностей или сентиментальнымъ, фальшивымъ тономъ. Разработка русской исторіи, потребность составить себѣ болѣе наглядное понятіе о бытѣ предковъ была, кажется, однимъ изъ главныхъ поводовъ и къ собиранію данныхъ о различныхъ сторонахъ современнаго народнаго быта. Впрочемъ, первыя попытки изученія русскихъ древностей (напр. Успенскаго) и миѳологіи обходились безъ такихъ аналогій съ народною жизнью, и только въ трудахъ Снегирева, Сахарова, Терещенка—мы видимъ попытки болѣе серьезнаго собиранія этнографическихъ матерьяловъ и истолкованія ихъ (не всегда удачнаго), какъ остатковъ отдаленной старины. Къ тому же времени, именно къ концу тридцатыхъ и къ сороковымъ годамъ, относится починъ научнаго изученія исторіи юридическаго быта, изученія, которое было перенесено затѣмъ и въ область миѳологіи, обычая и преданія. Въ обширномъ разборѣ книги Терещенка: „Бытъ русскаго народа" Кавелинъ сдѣлалъ первый серьезный опытъ объясненія народнаго быта, примѣняя къ народной миѳологіи, преданіямъ и обычаямъ тотъ способъ изслѣдованія, какой исторія юридическаго быта прилагала къ учрежденіямъ *). Значительное вліяніе на движеніе русской этнографической науки оказало далѣе, съ одной стороны, знакомство съ славянскимъ міромъ и его литературой, въ лицѣ Срезневскаго, Бодянскаго, Надеждина и иныхъ, съ другой—знакомство съ сравнительно-филологическимъ методомъ, съ новыми направленіями, внесенными Боппомъ, Поттомъ, Гриммомъ, позже Маннгардтомъ, Бенфеемъ и т. д. въ науку о языкѣ и сравнительную миѳологію и приложенными къ соотвѣтственнымъ отраслямъ знанія въ Россіи—Буслаевымъ, Аѳанасьевымъ, Котляревскимъ, Веселовскимъ и другими. Извѣстную долю вліянія оказали

*) *Пыпинъ*, „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ". Спб. 1873, стр. 196.

Digitized by Google

также многіе русскіе беллетристы, обратившіеся къ изученію народной жизни и къ ея художественному воспроизведенію или, подобно Далю, занимавшіеся собираніемъ матерьяловъ по русскому народному языку, записываніемъ словъ, поговорокъ, сказокъ, повѣрій и т. п.

Всѣ эти труды въ области изученія русской народности были однако выраженіемъ лишь стремленій отдѣльныхъ частныхъ лицъ, и только въ концѣ сороковыхъ годовъ возникло въ Петербургѣ ученое Общество, принявшее этнографическія изслѣдованія подъ свое руководство и покровительство. Основанное въ 1845 году, Русское Географическое Общество поставило цѣлью своего „Отдѣленія Этнографіи Россіи" собираніе „свѣдѣній о прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи племенъ, вошедшихъ въ составъ государства, въ отношеніяхъ: физическомъ, нравственномъ, общественномъ и языковѣдѣнія". Въ первыхъ двухъ книжкахъ „Записокъ" этого Общества, вышедшихъ вторымъ изданіемъ въ 1849 году, были помѣщены двѣ статьи, составляющія какъ бы введеніе къ послѣдующимъ трудамъ членовъ Общества въ области этнографіи. Одна изъ этихъ двухъ статей, составившая сообщеніе, сдѣланное въ засѣданіи 6 марта 1846 г. академикомъ К. Э. Фонъ-Бэромъ, первымъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія, озаглавлена: „Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ вообще и въ Россіи въ особенности" *).

Бэръ, какъ извѣстно, былъ ранѣе профессоромъ анатоміи въ Кёнигсбергѣ, а затѣмъ, переселившись въ Петербургъ, занявъ здѣсь мѣсто академика по каѳедрѣ зоологіи, позже—анатоміи, и читая анатомическіе курсы въ медико-хирургической академіи, интересовался особенно антропологіей, изученіемъ человѣческихъ племенъ въ физическомъ или соматическомъ отношеніи. Но, понимая антропологію въ обширномъ смыслѣ, Бэръ, по примѣру Причарда, вполнѣ признавалъ важность изученія племенъ и въ психическомъ,

*) Статья эта была написана по-нѣмецки, но читана въ засѣданіи въ русскомъ переводѣ, который и былъ помѣщенъ въ „Запискахъ".

Digitized by Google

бытовомъ отношеніи. „Еслибъ богатый человѣкъ,—такъ начинаетъ онъ свою статью,—желая оставить прочный памятникъ своей любви къ наукамъ и къ Россіи, спросилъ меня, что ему сдѣлать для этого,—я отвѣчалъ бы: доставьте возможность изслѣдованіемъ Россіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составить полное этнографическое описаніе нынѣшняго населенія ея и дайте средства издать подобное описаніе. Этимъ вы оставите по себѣ сочиненіе, которое никогда не можетъ быть измѣнено и улучшено, и съ коимъ будутъ справляться самые отдаленные потомки, такъ какъ нынѣ мы ищемъ свѣдѣній въ твореніяхъ Геродота и вообще въ первыхъ литературныхъ произведеніяхъ народовъ... Запасы для работъ этнографическихъ уменьшаются съ каждымъ днемъ вслѣдствіе распространяющагося просвѣщенія, которое сглаживаетъ различія племенъ. Народы исчезаютъ и остаются одни имена ихъ. Исторія открытія Сибири показала много именъ народовъ, которые уже не существуютъ. Нѣкоторыя племена близки къ уничтоженію, напр. Ливы и Кревинги. Хотя небреженіе къ физическимъ и нравственнымъ различіямъ племенъ ведется издавна, и вслѣдствіе того память о нихъ теряется, но еще есть многое въ этомъ отношеніи, что могло бы быть собрано и что съ теченіемъ времени уменьшится, а наконецъ и вовсе исчезнетъ. Всѣ свѣдѣнія, кои еще возможно соединить, составляютъ сокровище, которое съ теченіемъ времени возрастетъ въ цѣнѣ... Богачъ, о коемъ я говорилъ, есть наше Географическое Общество. Оно желаетъ собрать свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, имѣя для этого немаловажныя средства (Географическому Обществу была пожалована ежегодная субсидія въ 10,000 р.). Но оно должно желать, чтобы труды его были оцѣнены въ ученомъ свѣтѣ и чтобъ они имѣли достоинство постоянное. Посему не должно ли оно предложить себѣ вопросъ: на какія изслѣдованія употребить прежде всего эти средства? И не слѣдуетъ ли отвѣчать: употребите ихъ для работъ такого рода, матеріалъ коихъ уменьшается съ каждымъ днемъ, и коль скоро исчезнетъ, то уже никакъ не можетъ быть созданъ

Digitized by Google

вновь, и притомъ такихъ, которыя будутъ вполнѣ оцѣнены отечественными и заграничными учеными и никогда не потеряютъ своей важности. Посему я совѣтовалъ бы употребить немедленно средства, коими Общество располагаетъ, если не исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно на этнографическія изслѣдованія въ Россіи, еслибъ только для этого не нужно было продолжительное приготовленіе. Но приготовленіе необходимо. Мы должны сдѣлаться вообще болѣе способными для этнографическихъ работъ и найти людей, кои исключительно посвятили бы себя этому роду занятій".

Далѣе Бэръ указываетъ на важность этнографіи для исторіи: „Этнографія нашего времени представляетъ современныя племена въ живой картинѣ того положенія, въ коемъ находились другіе народы, давно исчезнувшіе, но о коихъ сохранились еще неясныя сказанія... Исторія, или по крайней мѣрѣ исторія просвѣщенія и этнографія часто заимствуются одна отъ другой и въ основаніяхъ своихъ составляютъ одну и ту же науку... Сравнительная этнографія описываетъ въ настоящемъ тѣ отношенія, о коихъ исторія повѣствуетъ, когда они уже прошли. Такимъ образомъ, исторія образованности человѣчества, написанная Клеммомъ, есть ничто иное, какъ изображеніе жизни народовъ въ теченіе временъ. Но кромѣ всеобщихъ свѣдѣній о разныхъ степеняхъ просвѣщенія, подробное знаніе разныхъ народовъ новѣйшаго времени весьма важно для вывода общихъ заключеній тамъ, гдѣ чувствуется недостатокъ въ собственныхъ историческихъ данныхъ. Все, что народъ сохранилъ отъ прошедшаго, можетъ повести часто къ весьма важнымъ заключеніямъ. Сюда мы отнесемъ: физическія свойства народа, умственныя способности его, религію, предразсудки, нравы, способы къ жизни, жилища, посуду, оружіе, языкъ, повѣрья, сказки, пѣсни, музыку и проч. Даже часто мѣстныя названія даютъ достовѣрнѣйшія свѣдѣнія, чѣмъ подлинные документы... Но я никогда бы не кончилъ, еслибъ вздумалъ подробно излагать, какимъ образомъ познаніе племенъ объясняетъ исторію. Это

Digitized by Google

было бы притомъ излишне, ибо каждый видитъ, что исторія человѣчества имѣетъ два рода данныхъ: одни, собранныя на камнѣ, пергаментѣ и бумагѣ, и другія, составляющія часть настоящей жизни народовъ. Слишкомъ долго занимались ученые только перваго рода данными... Только въ прошедшемъ столѣтіи стали обращать вниманіе на живые источники и только въ XIX вѣкѣ убѣдились, что эти источники измѣняются и истощаются. Могу заключить только замѣчаніемъ, что историческій изслѣдователь съ величайшимъ усердіемъ старается теперь подмѣтить и сохранить самомалѣйшія отличительныя черты народности во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ съ удивленіемъ видитъ, сколько было употреблено трудовъ и расходовъ, и сколько еще теперь употребляется, чтобъ разузнать прошедшее положеніе народа, и какъ беззаботно въ то-же время пропускаютъ безъ замѣчанія нынѣшнія обстоятельства. Составлены цѣлыя собранія Египетскихъ рѣдкостей и употреблены на это милліоны... но я сомнѣваюсь, чтобъ гдѣ-нибудь сохраняли русскую балалайку, хотя чрезъ столѣтія настоящая балалайка, конечно, будетъ большою рѣдкостью. Вообще изъ собственно русскихъ произведеній едва ли мы найдемъ что-нибудь въ музеяхъ, кромѣ развѣ лаптей, которые Петръ Великій подарилъ на память въ Копенгагенѣ".

Въ заключеніе Бэръ обратилъ вниманіе на важность основательныхъ этнографическихъ свѣдѣній для „политики". Введеніе новыхъ формъ общественнаго устройства, реформы въ существующихъ гражданскихъ отношеніяхъ, должны сообразоваться, по его мнѣнію, съ обстоятельствами, съ уровнемъ культуры племенъ, ихъ бытомъ и потребностями. Однѣ и тѣ же формы не могутъ прилагаться одинаково ко всѣмъ народамъ и къ различнымъ ступенямъ культуры. Племя негровъ, говоритъ онъ далѣе, нигдѣ не возвысилось надъ жалкимъ фетишизмомъ...„Въ монгольскомъ племени мы находимъ пространныя государства и полное развитіе самодержавія, но нигдѣ не видимъ ограниченія самодержавія правительственными учрежденіями, или же находимъ только кочующихъ народовъ, безъ устроен-

Digitized by Google

наго правительства... Организованную республику и умѣренную монархію находимъ только въ племенахъ индо-европейскаго происхожденія". Что касается до причинъ, обусловливающихъ такое различіе, то, по мнѣнію Бэра, „съ увѣренностью можно сказать, что условія мѣстности опредѣляютъ главныя различія способностей народа," но „остается также справедливымъ, что способности ума находятся въ зависимости и связи съ тѣлеснымъ образованіемъ". При обсужденіи этихъ взглядовъ Бэра слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ то время, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, западно-европейскими учеными высказывалось нерѣдко мнѣніе о неравенствѣ человѣческихъ расъ въ психическомъ отношеніи. Укажемъ, напримѣръ, на Гобино, написавшаго четырехтомное сочиненіе: „Sur l'inégalité des races humaines" и на Каруса, дѣлившаго всѣ племена человѣчества на активныя и пассивныя, „мужскія" и „женскія". Это коренное различіе между племенами проводилось нѣкоторыми гораздо дальше, чѣмъ между неграми и бѣлыми. Многіе нѣмецкіе историки и публицисты, Лео, Клеммъ, Риль—видѣли въ различіи германцевъ и славянъ какъ бы различіе половое, и доказывали, что германцы представляютъ собою элементъ мужескій, активный, а славяне—элементъ женскій, страдательный. Иные выставляли германцевъ носителями внутренне-религіознаго, нравственнаго элемента, романцевъ—раціоналистическо-политическаго, а славянъ—матеріалистическаго, и уподобляли ихъ хамитамъ, въ противоположность семитамъ и яфетитамъ. Дитцель сравнивалъ славянъ съ неграми и доказывалъ, что „Русскіе, хотя и бѣлые, но у нихъ есть свойства негровъ. Они не работаютъ болѣе, чѣмъ нужно, и безъ принужденія". Поэтому „крѣпостное право надолго не можетъ быть уничтожено въ Россіи, даже по причинамъ экономическимъ, такъ какъ русскій иначе, какъ изъ-подъ палки, работать не умѣетъ" *). Мы не думаемъ однако утверждать, чтобы Бэръ раздѣлялъ подобные же взгляды, хотя

*) См. В. *Ламанскій*, Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра. Спб. 1871.

Digitized by Google

онъ и былъ, повидимому, убѣжденъ въ существенномъ отличіи физическаго типа славянъ отъ типа германцевъ (особенно по черепу) и въ бо́льшей близости его къ монгольскому.

Въ другомъ своемъ сообщеніи, сдѣланномъ въ 1848 г., Бэръ предложилъ Географическому Обществу обратить вниманіе на устройство обширнаго и систематическаго этнографическаго музея, который бы могъ дать наглядное понятіе объ обстановкѣ народной жизни, недостижимое простымъ описаніемъ. Въ своемъ сообщеніи Бэръ изложилъ подробную программу такого музея, указалъ на тѣ категоріи предметовъ, которыя должны быть въ немъ представлены, и на то, что лучше, если они будутъ размѣщены по народностямъ, а не по другой системѣ, напримѣръ—по видамъ предметовъ. Развивая такіе взгляды, Бэръ проводилъ мысли, высказанныя 17 годами ранѣе Жомаромъ (Jomard), извѣстнымъ археологомъ-египтологомъ, библіотекаремъ королевской (нынѣ національной) библіотеки, который еще въ 1831 г. представилъ французскому министру торговли записку о необходимости основать въ Парижѣ этнографическій музей. Въ этой запискѣ, въ числѣ разныхъ доводовъ, былъ, между прочимъ, приведенъ тотъ, что „когда со временемъ пожелаютъ начертать историческую картину прогресса дикарей, можетъ быть для того не окажется уже никакого матеріала, кромѣ смутныхъ указаній и темныхъ преданій. Поэтому для исторіи человѣчества и цивилизаціи представляло бы большое значеніе, еслибы было опредѣлено въ подробностяхъ то состояніе, котораго достигли эти дикіе народы ранѣе усвоенія ими благъ просвѣщенія и лучшаго общественнаго устройства“. На записку Жомара откликнулся особенно извѣстный этнографъ и знатокъ Японіи, Зибольдъ. Въ своемъ „Письмѣ о пользѣ этнографическихъ музеевъ“ (Lettre sur l'utilité des Musées Ethnographiques, 1843), адресованномъ Жомару, Зибольдъ замѣтилъ, между прочимъ, что „изслѣдованія, которыя можно назвать сравнительно-археологическими и сравнительно-этнологическими и которыя основываются на

Digitized by Google

очевидныхъ аналогіяхъ, представляемыхъ бытомъ народовъ исчезнувшихъ съ бытомъ народовъ еще живущихъ, — что этого рода изслѣдованія выставили съ особенною ясностью значеніе археологическихъ и этнографическихъ коллекцій, сдѣлавшихся теперь существенно необходимыми при серьезномъ изученіи исторіи древней и новой культуры". Записка Жомара была передана на разсмотрѣніе особой коммиссіи и удостоилась полнаго одобренія вліятельнаго тогда Кювье; тѣмъ не менѣе, прошло около тридцати лѣтъ, прежде чѣмъ идея Жомара получила, и то далеко не полное, осуществленіе въ Парижѣ.

Какъ натуралистъ, Бэръ интересовался всѣми племенами и народностями Россіи одинаково, и если отдавалъ изученію нѣкоторыхъ предпочтеніе, то потому, что они были менѣе извѣстны или близки къ вымиранію и исчезновенію. Съ другой стороны, не будучи русскимъ, онъ не могъ сознавать вполнѣ важности изученія кореннаго русскаго племени, познаніе котораго могло внести новый свѣтъ какъ въ русскую исторію, такъ и въ пониманіе современныхъ народныхъ потребностей. Поэтому сдѣланное въ 1846 г. сообщеніе Н. И. Надеждина: „Объ этнографическомъ изученіи народности русской" являлось существеннымъ дополненіемъ ко взглядамъ и задачамъ, высказаннымъ Бэромъ. Надеждинъ былъ славистъ, историкъ-географъ и, по тому времени, человѣкъ многостороннеобразованный. Его изслѣдованія о Геродотовой Скиѳіи и его „Опытъ исторической географіи русскаго міра" были важными и цѣнными вкладами въ русскую науку. Послѣдній трудъ остался, правда, неоконченнымъ, и въ сущности это было только введеніе въ русскую историческую географію; но онъ важенъ тѣмъ, что въ немъ было впервые указано на важность этой отрасли знанія для пониманія историческихъ судебъ славянскаго племени и русской народности и разъяснено на рядѣ примѣровъ, какимъ методомъ слѣдуетъ руководствоваться при анализѣ русской географической номенклатуры. Свое сообщеніе, сдѣланное въ годичномъ собраніи Географическаго Общества 1848 г., Надеждинъ началъ съ того,

Digitized by Google

что напомнилъ объ обязанности Общества, согласно его уставу, сосредоточить свою дѣятельность, главнымъ образомъ, на изученіи отечества, а отсюда слѣдуетъ, по мнѣнію Надеждина, что особеннымъ предметомъ вниманія отечества „должно быть то, что именно дѣлаетъ Россію Россіею, то есть человѣкъ русскій,—разумѣю, совокупность отличительныхъ чертъ, тѣней и оттѣнковъ, условливающихъ особую, самообразную бытность человѣчности или, какъ говорится обыкновеннѣе,—*народности русской*, сказать короче еще--*этнографію* собственно *русскую*". Указавъ затѣмъ, что въ послѣднее время стали появляться лица, какъ Даль, Кеппенъ, Сахаровъ, Снегиревъ, собирающія русскія народныя повѣрья, сказки, пѣсни, пословицы, Надеждинъ замѣчаетъ: „Все это добрый, отличный матеріалъ для русской этнографіи. Но самой этнографіи еще нѣтъ. Нѣтъ и не будетъ, пока этотъ матеріалъ только что копится, да копится,—пока имъ, не къ одной забавѣ любопытства, но къ удовлетворенію существенныхъ требованій народнаго самопознанія, не займется и не распорядится наука"... Но въ чемъ должно состоять содержаніе этнографіи, какъ науки, и какія ея задачи въ дѣлѣ этнографическаго изученія народности собственно-русской? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, Надеждинъ разбираетъ смыслъ термина „этнографія", и выводитъ, что предметъ ея составляютъ народы и что ея задача пріурочивать „людское" къ „народному" и чрезъ то обозначать, какъ „общечеловѣческое". Вѣрнѣйшее и удобнѣйшее средство различать народы дается языкомъ, который и долженъ привлекать къ себѣ особенное вниманіе этнографа. именно языкъ, по преимуществу, живой народный. „Слово устное, языкъ живой, въ своемъ *всенародномъ* или—скажу еще точнѣе—*простонародномъ* употребленіи: вотъ собственно дѣло этнографіи; вотъ законная, безпрекословная область ея лингвистическихъ работъ; ибо тутъ только, чрезъ цѣпь вѣковъ, чрезъ ряды всякаго рода переворотовъ. сберегается, если не вся, то по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, первоначальная, самообразная жизнь и особность народовъ, что̀ именно и есть

Digitized by Google

ихъ *народность*. Обращаясь затѣмъ къ „народности собственно русской", Надеждинъ выставилъ на видъ, что въ отношеніи къ ней основная часть этнографическаго изученія, часть лингвистическая, въ только что изложенномъ смыслѣ, „находится въ крайнемъ, почти совершенномъ запущеніи". „Довольно замѣтить, что если производятся у насъ филологическія работы, если есть грамматики и словари, то отнюдь не для русскаго языка, а для россійскаго; то есть— для того, который находится въ оффиціальномъ, такъ сказать, употребленіи по Россіи, а не для того, которымъ Русь запросто пробавляется. Въ этомъ послѣднемъ не опредѣлено еще доселѣ съ желательной точностью: въ какомъ отношеніи состоятъ между собою его главныя видоизмѣненія, называемыя языками велико-россійскимъ, мало-русскимъ и бѣлорусскимъ; что составляетъ существенные отличительные признаки ихъ лексическаго состава и грамматической ткани, ихъ словообразованія, словосочиненія и, наконецъ, всего болѣе, словопроизношенія, гдѣ ярче, нежели во всемъ прочемъ, выражаются мельчайшія черты народнаго различія; въ какихъ географическихъ предѣлахъ заключаются эти видоизмѣненія; какъ раздробляется потомъ каждое изъ нихъ на свои тѣни и оттѣнки? Все это предметы первой важности при изученіи народа въ его языкѣ, при обращеніи лингвистики на пользу этнографіи, и все это у насъ почти вовсе не тронуто". *).

Послѣ языка, по мнѣнію Надеждина, вниманіе этнографіи „должно обращаться порознь на обѣ составныя стихіи человѣческой природы, т. е. тѣлесную и духовную, и каждую изъ нихъ подвергать изслѣдованію въ тѣхъ отличіяхъ, коими запечатлѣваетъ ее народная особность. Это составитъ двѣ другія части народоописательной науки, кои можно на-

*) Характеристика великорусскаго нарѣчія была сдѣлана впервые Сахаровымъ и Надеждинымъ. Послѣдній написалъ статью „Великая Россія" въ „Энциклопедическомъ лексиконѣ" Плюшара, т. IX, и подробнѣе коснулся того же предмета въ статьѣ „Mundarten der russishen Sprache" въ „Viener Iahrbücher". 1841. XCI.

Digitized by Google

звать *этнографіей физической* и *этнографіей психической*. Подъ „этнографіей физической“ Надеждинъ понималъ то, что теперь называютъ антропологіей племенъ, т. е. изученіе физическихъ различій между ними, — область знанія, которая, по выраженію Надеждина, въ то время, была еще „листъ совершенно бѣлый“.—Но отъ этого,—продолжаетъ Надеждинъ,—нѣтъ еще нужды приходить въ излишнее отчаяніе. „Приложеніе естественнаго познанія человѣка къ народознанію началось весьма недавно и до сихъ поръ не можетъ хвалиться особенною успѣшностью развитія... Почва физико-этнографическихъ изысканій еще зыбка и мало способна къ установленію на ней прочныхъ выводовъ“... Болѣе подвинулось собираніе матеріала въ области „этнографіи психической,“ куда относятся, по Надеждину, „всѣ особенности, коими знаменуются въ народахъ проявленія духовной стороны природы человѣческой, какъ то: весь бытъ народный, „народный умъ и народная нравственность“, „семейное устройство“, „домохозяйство“, „общественность“, религія и т. д.,—„словомъ, разумныя убѣжденія и глупыя мечты, установившіяся привычки и бѣглыя прихоти, заботы и наслажденія, трудъ и забавы, дѣло и бездѣлье, коими человѣкъ доказываетъ, что онъ живетъ не только какъ ему можется, но какъ самъ хочетъ и какъ умѣетъ“...

Но въ чемъ же должна состоять научная очистка и разработка этого матеріала, его *этнографическая критика*, особенно въ примѣненіи къ народности собственно-русской? На этотъ вопросъ Надеждинъ отвѣчаетъ такъ: „Народность должно наблюдать и изучать въ дѣйствительномъ быту народа. Но народъ дѣйствительно существуетъ въ безчисленномъ множествѣ отдѣльныхъ личностей, принадлежащихъ, конечно, къ одному, тѣмъ не менѣе всегда болѣе или менѣе вѣтвистому и притомъ въ вѣтвяхъ своихъ болѣе или менѣе разнообразному корню. Разнообразностью этой нечего бъ было слишкомъ смущаться, еслибъ она всегда была плодомъ чистаго, безпримѣснаго, само изъ себя исходящаго, самимъ чрезъ себя опредѣляемаго различія. Но извѣстно, что во

Digitized by Google

всемъ, касающемся человѣка, какъ человѣка, особенно въ таинственномъ процессѣ образованія такъ называемыхъ „народностей"... участвуетъ неисчислимое множество разнороднѣйшихъ случайностей. Преимущественно сильно здѣсь взаимное сліяніе самыхъ народностей, когда онѣ, вслѣдствіе различныхъ переворотовъ, составляющихъ исторію человѣчества, сталкиваются между собой, тѣмъ болѣе остаются надолго въ близкомъ, постоянномъ соприкосновеніи. Тутъ всегда, больше или меньше, происходитъ обоюдный размѣнъ понятій, нравовъ, привычекъ, однимъ словомъ—всѣхъ національныхъ особенностей, которыя, по свойственной человѣческой натурѣ емкости, до того срастаются иногда съ воспріявшими ихъ народами, что кажутся уже не прививками и приростами, но существенными чертами ихъ самороднаго своебытнаго образа. Такимъ образомъ, въ дѣйствительномъ быту народа, какъ онъ представляется непосредственному наблюденію, можетъ находиться многое, вовсе не принадлежащее его народности, совершенно чужое и чуженародное". Изъ этого общаго закона, продолжаетъ Надеждинъ, не могло быть исключенія и для народа русскаго. „Русскій человѣкъ сложился въ свой нынѣшній видъ въ постоянномъ соприкосновеніи, подъ непрерывнымъ вліяніемъ различнѣйшихъ чуженародностей. Извѣстно, что Востокъ и Сѣверъ нынѣшней Россіи издревле заселены были сплошною чудью,.. что первенствующій нынѣ оттѣнокъ народности русской, оттѣнокъ такъ называемый Велико-Россійскій, собственно, не что иное, какъ плодъ проникновенія грубаго чудства образовательною стихіею русскою". На югѣ и западѣ нынѣшней Россіи, „въ старинномъ домовищѣ русскаго человѣка", послѣднему пришлось также „вытерпѣть немало приливовъ и наплывовъ, отсѣдъ которыхъ не могъ не остаться на его природной физіономіи". Оттого „въ нынѣшнемъ юго-западномъ обликѣ народности русской... многое отзывается чистою Азіею, изобличаетъ въ себѣ происхожденіе Кавказское, или, еще далѣе, подъ-Алтайское... Присовокупите къ тому... вліяніе цивилизацій, прибывав-

Digitized by Google

шихъ на Русь въ разныя времена... Греческо-Византійской... Латинско-Польской... Нѣмецко-Варяжской... При всемъ этомъ русскій человѣкъ не пересталъ быть человѣкомъ русскимъ, не выродился ни въ чудь бѣлоглазую, ни въ сорочину долгополую, не обернулся ни ляхомъ-католикомъ, ни нѣмцемъ-алюторомъ... Чтожъ именно теперь въ немъ принадлежитъ его первобытной, основной, чистой, безпримѣсной русской натурѣ? Что въ этой многовѣковой накипи разнородныхъ и разнокачественныхъ элементовъ, которая составляетъ нынѣшнюю бытность народа русскаго, должны мы признавать существенно своимъ, ни откуда не занятымъ, самородно и самообразно русскимъ? Вотъ задача этнографической критики, примѣненной къ нашему народному самопознанію".

Путемъ къ рѣшенію этой задачи, полагалъ Надеждинъ, „не иное что можетъ и должно быть, какъ сравненіе". Нужно сличать всѣ мѣстныя особенности и отбирать все то изъ нихъ, что оказывается общимъ, повсюднымъ... При этомъ нужно не упускать ни малѣйшаго уголка, гдѣ только есть русскіе. Въ особенности не слѣдуетъ забывать о *русскихъ внѣ Россіи*, „которые заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что въ нихъ основное обще-русское начало не подвергалось многимъ изъ тѣхъ вліяній, какимъ подлежатъ или подлежали русскіе въ нынѣшнихъ предѣлахъ Россіи,.. и что поэтому особенности, ими представляемыя, должны имѣть особенный интересъ при томъ процессѣ сравненія, коимъ должно доходить до открытія коренныхъ чертъ истинно русской народности". Въ виду этого, Надеждинъ и посвятилъ вторую половину своего сообщенія обзору Галицкой и Венгерской (Угорской) Руси, характеристикѣ такъ называемыхъ русиновъ или русняковъ, тѣмъ болѣе, говоритъ онъ, „что вслѣдствіе неоднократно совершенныхъ путешествій, на основаніи личнаго живаго наблюденія, объ этой *внѣ-русской Руси* пріобрѣтены мною нѣкоторыя свѣдѣнія".

Указанныя статьи Бэра и Надеждина могутъ быть разсматриваемы какъ попытки указать этнографическому отдѣленію только что основавшагося Географическаго Общества

Digitized by Google

задачи, направленія и отчасти методы, коими оно имѣло руководствоваться въ предстоявшей ему дѣятельности. Повидимому, Общество и приняло эти указанія во вниманіе; по крайней мѣрѣ о томъ свидѣтельствуетъ его дальнѣйшая дѣятельность. Конечно, Общество не могло послѣдовать совѣту Бэра—употребить всѣ или большую часть своихъ средствъ на описаніе народностей Россіи, но оно приняло рядъ мѣръ къ ознакомленію со многими малоизвѣстными племенами и къ изученію нѣкоторыхъ недостаточно извѣстныхъ областей Россіи въ этнографическомъ отношеніи. Въ первое время Общество слѣдовало, повидимому, болѣе указаніямъ Бэра. Такъ, первая этнографическая экспедиція была снаряжена имъ для изученія вымирающихъ ливовъ и кревинговъ; послѣдующія экспедиціи доставили свѣдѣнія о самоѣдахъ и остякахъ (Гофманъ), объ Амурскихъ инородцахъ (Маакъ, Шренкъ), о туркменахъ и другихъ народностяхъ средней Азіи. Въ изданіяхъ Общества за первыя 10—15 лѣтъ былъ помѣщенъ кромѣ того рядъ очерковъ различныхъ инородческихъ племенъ: самоѣдовъ, бурятъ, чукчей, коряковъ, тунгузовъ, карагассовъ, крымскихъ татаръ и т. д. Получивъ казенное помѣщеніе, Общество стало собирать въ немъ доставляемые различными путешественниками и случайно присылаемые этнографическіе предметы, хотя ему и не удалось устроить изъ нихъ настоящій музей. При всемъ этомъ не забывалась и русская народность. Въ Архивѣ Общества сталъ скопляться мало-по-малу обширный рукописный матеріалъ, разныя замѣтки о бытѣ народа, сборники пѣсенъ, описанія повѣрій и обрядовъ, юридическихъ обычаевъ и т. д., часть котораго была обработана и напечатана въ изданіяхъ Общества, но часть такъ и осталась сырымъ рукописнымъ матеріаломъ. Въ разное время было помѣщено также нѣсколько статей о народностяхъ Балканскаго полуострова, объ Угорской Руси, о Литвѣ, а въ шестидесятыхъ годахъ Общество снарядило даже большую этнографическую экспедицію въ Юго-Западный Край, и собранные ею матеріалы, въ обработкѣ П. Чубинскаго,

Digitized by Google

составили весьма цѣнный вкладъ въ русскую этнографію. Наконецъ, Общество издало этнографическую программу, этнографическую карту Европейской Россіи, принимало участіе въ собираніи матеріаловъ по обычному праву, по антропологіи и доисторической археологіи, а въ послѣднее время снарядило экспедицію для собиранія мотивовъ русскихъ пѣсень и издало рядъ сборниковъ по народной поэзіи.

Одною дѣятельностью Географическаго Общества русская наука однако удовольствоваться не могла. Съ оживленіемъ русскаго общества въ концѣ пятидесятыхъ годовъ началось усиленное собираніе этнографическаго матеріала помимо собственно Географическаго Общества. Уже въ царствованіе Николая Павловича были основаны Губернскія Вѣдомости, начавшія мѣстами помѣщать на своихъ столбцахъ этнографическія замѣтки и матеріалы, но въ шестидесятыхъ годахъ ихъ дѣятельность въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, замѣтно усилилась. Кромѣ того, подобный же матеріалъ сталъ появляться въ Памятныхъ Книжкахъ, въ Трудахъ статистическихъ комитетовъ, въ провинціальныхъ сборникахъ, въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, въ земскихъ изданіяхъ, въ Морскомъ Сборникѣ и т. д. Возникли отдѣлы Географическаго Общества: Восточно-Сибирскій, Западно-Сибирскій, Кавказскій, Оренбургскій, Юго-Западный. Нѣкоторые изъ нихъ скоро закрылись, но другіе дѣйствуютъ до сихъ поръ, и въ ихъ изданіяхъ скопилось не мало цѣннаго этнографическаго матеріала. Въ Москвѣ этнографія получила свой центръ въ лицѣ Этнографическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія, которому, по иниціативѣ А. П. Богданова и при содѣйствіи В. А. Дашкова, удалось осуществить въ 1867 г. обширную этнографическую выставку, собравъ для нея массу этнографическихъ предметовъ, отчасти представленныхъ наглядно, въ формѣ манекеновъ, группъ и т. д., и послужившихъ затѣмъ ядромъ новаго Этнографическаго Музея. Кромѣ того, Этнографическимъ Отдѣломъ былъ изданъ въ его „Трудахъ“ рядъ изслѣдованій и матеріаловъ по славянскимъ и инород-

Digitized by Google

ческимъ племенамъ, снаряжено нѣсколько экспедицій, изданы программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи и по обычному праву и т. д. На Кавказѣ, кромѣ изданій отдѣла Географическаго Общества, этнографія обогатилась цѣнными матеріалами въ рядѣ томовъ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ", „Сборника статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ" и „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа", изд. управленіемъ Кавказскаго Учебнаго Округа. По Туркестану масса данныхъ скопилась въ „Сборникѣ свѣдѣній о Средней Азіи", изд. Главнымъ Штабомъ, въ отчетахъ о многихъ экспедиціяхъ, въ описаніяхъ путешествій и т. д. По изученію собственно русской народности слѣдуетъ отмѣтить рядъ сборниковъ пѣсень, былинъ, духовныхъ стиховъ, сказокъ—Кирѣевскаго, Рыбникова, Безсонова, Варенцова, Аѳанасьева, Кулиша, Антоновича и Драгоманова, Шеина и др., и рядъ написанныхъ о нихъ изслѣдованій—Буслаева, Веселовскаго, Миллера, Стасова, Сумцова, Халанскаго и т. д.; Толковый Словарь живаго великорусскаго языка—Даля; рядъ изслѣдованій и наблюденій по русскому языку и его нарѣчіямъ (Потебни, Житецкаго, Соболевскаго, Карскаго и др.), по общинѣ и обычному праву, по расколу, по народной музыкѣ, по нѣкоторымъ обычаямъ и обрядамъ и т. д. Этнографическая литература разрослась наконецъ до того, что слѣдить за ней стало труднымъ и потребовались ежегодные ея указатели, которые и помѣщались съ 1859 года, лѣтъ двадцать, Межовымъ, въ приложеніи къ „Извѣстіямъ" Географическаго Общества, покуда Общество, изъ излишней экономіи, не нашло нужнымъ ихъ прекратить, къ общему сожалѣнію всѣхъ интересующихся русской географіей и этнографіей. Разростаніе литературы, однако, еще не гарантируетъ ея научности и полноты, и что въ этомъ отношеніи остается еще многаго желать,—доказываетъ недавній отзывъ извѣстнаго знатока русской литературы, книжной и народной, А. Н. Пыпина.

Въ своей статьѣ „О задачахъ русской этнографіи", читанной въ засѣданіи отдѣленія этнографіи 17 апрѣля 1885 г.,

Digitized by Google

г. Пыпинъ высказалъ рядъ мыслей о томъ, „что́ было бы нужно для правильной, широкой постановки той науки, отъ успѣха которой такъ много зависитъ наше знаніе народа". Прежде всего, по мнѣнію Пыпина, нужно собрать возможно болѣе матеріала. Матеріалъ, уже собранный, великъ, но его недостаточно, если принять во вниманіе громадную область, на которой раскинуто русское племя, разнообразныя условія его жизни, многоразличные типы населенія и пр. „При всемъ обиліи этнографической литературы, крайне не полны еще свѣдѣнія о самой господствующей народности. Великорусское племя существуетъ теперь въ цѣломъ рядѣ оттѣнковъ и варіацій, которые не только не изслѣдованы вполнѣ, но иногда едва намѣчены. Народный типъ центральныхъ губерній, поморскаго Сѣвера, южныхъ областей на переходѣ къ малорусскому, средней и нижней Волги, типъ казацкихъ населеній на Дону и на Уралѣ, типъ сибирскій,—все это весьма несходныя варіаціи, подробное изслѣдованіе которыхъ въ извѣстной систематической цѣлости представило бы величайшій интересъ, какъ научный, такъ и общественный. Варіанты великорусскаго народнаго типа произошли не только отъ старыхъ корней, отдаляясь одинъ отъ другаго подъ всякими природными и историческими условіями, но и изъ множества племенныхъ смѣшеній. Русскій народъ воспринялъ въ себя цѣлую массу инородческихъ элементовъ. Изученіе этихъ инородческихъ стихій русской народности, можно сказать, еще не существуетъ". Этотъ отзывъ г. Пыпина, по нашему мнѣнію, нѣсколько преувеличенъ, и если покопаться въ литературѣ, то можно найти уже довольно много данныхъ, какъ о различныхъ оттѣнкахъ русской народности (напр., о поморахъ, сибирскомъ населеніи, казакахъ, подраздѣленіяхъ малоруссовъ), такъ и о многихъ инородцахъ; но, конечно, многое еще и остается сдѣлать въ этомъ отношеніи, особенно по такимъ вопросамъ, которые (какъ, напримѣръ, вопросы объ особенностяхъ говора) требуютъ извѣстной подготовки для ихъ изслѣдованія.

Говоря о значеніи этнографіи, Пыпинъ указываетъ на

Digitized by Google

„глубокій общественный смыслъ народнаго міровоззрѣнія“, болѣе правдивая картина котораго „можетъ быть дана только обширнымъ и многостороннимъ наблюденіемъ“, а также на важность ея матеріаловъ для исторіи культуры, миѳологіи, исторіи словесности, психологіи народовъ, соціологіи и т. д. Съ другой стороны, по мнѣнію Пыпина, усиленное этнографическое собираніе становится теперь необходимымъ еще потому, что старый обычай быстро исчезаетъ, что съ паденіемъ крѣпостнаго права, съ разрушеніемъ крестьянской обособленности, съ распространеніемъ школы и вообще культурныхъ вліяній, старыя пѣсни, обычаи, преданія забываются и исчезаютъ, и процессъ подтачиванія старины идетъ теперь гораздо быстрѣе, чѣмъ онъ шелъ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Поэтому нужно поторопиться сохраненіемъ для нашей собственной исторіи отголосковъ народной старины. Нужно организовать возможно обширное собираніе этнографическихъ матеріаловъ, и притомъ не случайное и отрывочное, а систематичное и научное, чрезъ посредство университетски образованныхъ и спеціально подготовленныхъ лицъ и при помощи любителей, надлежащимъ образомъ руководствуемыхъ. Слѣдуетъ составить, при помощи разныхъ спеціалистовъ, руководство для такого собиранія, которое бы состояло не изъ однихъ голыхъ и сухихъ вопросовъ, но и знакомило бы съ содержаніемъ науки, ея задачами, мотивировало бы вопросы научными объясненіями и примѣрами и т. д. Важнымъ подспорьемъ для собиранія и возбужденія интереса къ дѣлу могли бы служить этнографическіе музеи, которые, еслибы они стремились къ извѣстной полнотѣ и систематичности, могли бы быть пригодны не для однѣхъ только популярныхъ, обще-образовательныхъ цѣлей, но и для научныхъ, именно для сравненій, которыя могутъ дѣлаться только по достаточно полному и систематически подобранному матеріалу. Далѣе, желательно, чтобы были предприняты работы „для соединенія въ одно цѣлое, хотя бы путемъ подробнаго библіографическаго описанія, тѣхъ многочисленныхъ матеріаловъ, нерѣдко очень цѣнныхъ, которые раз-

Digitized by Google

сѣяны въ періодическихъ изданіяхъ, напримѣръ, провинціальныхъ, и большею частью остаются недоступными для изслѣдователей". — Этнографическое Отдѣленіе Географическаго Общества могло бы, по мнѣнію г. Пыпина, взять въ свои руки новую организацію усиленнаго этнографическаго собиранія. Оно могло бы намѣтить тѣ группы русскаго и инородческаго населенія, которыя требовали бы особеннаго вниманія, взять на себя составленіе новыхъ руководствъ и программъ для этнографическаго собиранія, организовать этнографическіе съѣзды, установить дѣятельныя сношенія съ отдѣлами Общества, основать „этнографическія станціи" въ различныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ пунктахъ и снарядить рядъ этнографическихъ экспедицій. Большую пользу, особенно для любителей, могло бы оказать также, по мнѣнію Пыпина, спеціальное періодическое изданіе, которое бы служило для объединенія дѣла, ставило бы общіе и частные вопросы и объясняло программы, давало свѣдѣнія о ходѣ работъ, о накопленіи этнографическихъ данныхъ, вызывало бы сообщенія, знакомило бы, однимъ словомъ, съ жизнью и движеніемъ науки и съ развитіемъ этнографическаго собиранія.

Во всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ и пожеланіяхъ г. Пыпина есть, несомнѣнно, много справедливаго, но въ общемъ статья его не отвѣчаетъ, какъ намъ кажется, заглавію. „Задачи этнографіи" въ ней очерчены недостаточно ясно, и авторъ распространяется почти исключительно о собираніи этнографическаго матеріала. Упрекая составителей этнографическихъ программъ въ сухости вопросовъ, не мотивированныхъ научными объясненіями и примѣрами, самъ г. Пыпинъ останавливается еще менѣе на задачахъ пропагандируемой имъ науки и не подкрѣпляетъ своихъ desiderata, какъ бы то слѣдовало, примѣрами и разъясненіями. Между тѣмъ, говорить все только о собираніи и собираніи, жаловаться на недостаточность матеріала и требовать для пополненія его цѣлаго ряда предпріятій и значительныхъ средствъ, по нашему мнѣнію, еще не много можетъ помочь дѣлу. Нужно дѣйствовать скорѣе примѣромъ, доказать, что и съ малыми средствами мо-

Digitized by Google

жетъ быть кое-что сдѣлано, а затѣмъ указать, что̀ именно требуетъ большихъ средствъ и почему именно оно необходимо и важно. Нѣкоторыя desiderata г. Пыпина понемногу и осуществляются: въ послѣднее время появляется все болѣе и болѣе образованныхъ молодыхъ людей, посвящающихъ свое свободное время изученію народа въ той или иной мѣстности и собирающихъ данныя объ его бытѣ, языкѣ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и т. д. Свидѣтелями тому служатъ, между прочимъ, Труды Этнографическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія, „Сборникъ", издаваемый при Дашковскомъ Музеѣ подъ редакціей В. Ѳ. Миллера, наконецъ — настоящее изданіе, которое питаетъ надежду сдѣлаться періодическимъ. Какъ много можно сдѣлать, сравнительно, съ слабыми силами, доказываетъ также „Сборникъ матеріаловъ, для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа", издаваемый Кавказскимъ Учебнымъ Округомъ. Этнографическимъ Отдѣломъ изданы также подробныя программы, снаряжались экспедиціи, и если не сдѣлано бо̀льшаго, то потому, что не было больше работниковъ и средствъ. Съ другой стороны, для пополненія имѣющихся свѣдѣній, нужно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по нашему мнѣнію, не такъ уже много. Мы полагаемъ, что еслибы было приведено въ извѣстность все, что напечатано по этнографіи во многочисленныхъ и часто трудно доступныхъ изданіяхъ, книгахъ, журналахъ, сборникахъ, газетахъ, брошюрахъ, а также и то, что въ видѣ рукописей хранится въ архивахъ Географическаго Общества, его отдѣловъ и другихъ Обществъ, то получился бы весьма обширный матеріалъ, пополненіе котораго, соотвѣтственно его пробѣламъ и сообразно съ новыми вопросами и требованіями науки, было бы дѣломъ, можетъ быть, менѣе труднымъ, чѣмъ оно способно казаться. По нашему мнѣнію, одною изъ ближайшихъ нуждъ этнографіи Россіи должно считаться сведеніе во едино разбросанныхъ свѣдѣній о различныхъ инородцахъ и частяхъ русскаго населенія. Это сведеніе не можетъ однако дѣлаться механическимъ путемъ, подобно составленію библіо-

Digitized by Google

графическаго указателя; да и библіографія по спеціальной отрасли знанія только бы выиграла, если бы за нее взялось лицо въ этой спеціальности компетентное, которое бы могло выдѣлить болѣе важное отъ второстепеннаго, дать оцѣнку отдѣльнымъ работамъ, указать ихъ содержаніе, опредѣлить, что въ нихъ своего, оригинальнаго, и что заимствованнаго или пересказаннаго, привести, въ случаѣ надобности, выписки и т. д. Тѣмъ болѣе подобная компетентность необходима въ дѣлѣ *обработки* этнографическихъ данныхъ, — обработки, требующей, кромѣ основательнаго изученія литературы, еще и личнаго наблюденія, провѣрки и пополненія иногда разнорѣчивыхъ свѣдѣній. Вообще, по нашему мнѣнію, процессъ монографическаго описанія какого-нибудь племени или этнографической области долженъ быть, въ главныхъ своихъ чертахъ, такой. Берущійся за такую работу долженъ быть знакомъ съ основаніями этнографической науки вообще и этнографіи Россіи въ частности; кромѣ того, онъ долженъ имѣть достаточное понятіе о методахъ и пріемахъ собиранія этнографическихъ данныхъ. Обладая такой общей подготовкой, онъ долженъ познакомиться основательно съ литературой избранной имъ народности или этнографической области, просмотрѣть все то, что есть по нимъ въ доступныхъ музеяхъ и архивахъ, намѣтить рядъ ближайшихъ вопросовъ для собственныхъ дальнѣйшихъ изысканій, заручиться нужными пособіями и указаніями для путешествія, и отправиться затѣмъ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, для ближайшаго личнаго ознакомленія съ объектомъ своихъ изслѣдованій. Ознакомившись съ народомъ, его типомъ, различными сторонами его быта и, по возможности, съ его языкомъ (знаніе мѣстнаго языка существенно полезно и необходимо для изслѣдователя), привезя съ собой этнографическую (а по возможности и антропологическую) коллекцію, серію фотографій и рисунковъ и нѣсколько сплошь исписанныхъ записныхъ книжекъ,—изслѣдователь долженъ приняться за разработку добытаго имъ матеріала и за его провѣрку и пополненіе уже имѣющимися въ лите-

Digitized by Google

ратурѣ данными. При этомъ, ему придется, можетъ быть, для полноты изслѣдованія, подыскать, по возможности, всѣ, даже самыя мелкія статьи, имѣющія отношеніе къ предмету, и извлечь изъ нихъ все то, что онъ имѣетъ основаніе считать вѣрнымъ, характернымъ, любопытнымъ или даже только вѣроятнымъ и возможнымъ, не упуская указать и то, что̀ онъ съ полнымъ основаніемъ долженъ отвергнуть, признать не существующимъ или невѣрно понятымъ. Въ заключеніе останется только надлежащимъ образомъ разгруппировать матеріалъ и обработать его болѣе или менѣе литературно, отнеся мелкія подробности въ примѣчанія и дополнивъ свое изложеніе библіографическимъ указателемъ и, если окажется надобность, приложеніями (напр. пѣсни, сказки, ноты, словарь и т. п.). Если при этомъ къ тексту будутъ еще приложены достаточно удачные рисунки, изъясняющіе типъ и подробности быта народа, и карта, показывающая его разселеніе, то получится въ высшей степени цѣнная и важная для науки монографія, которая можетъ избавить будущихъ изслѣдователей отъ всякой необходимости рыться снова въ разбросанной прежней литературѣ предмета.

Мы сказали, что такая работа не особенно трудна, въ томъ смыслѣ, что всякій образованный человѣкъ, интересующійся этнографіей и не лишенный наблюдательности, сметки, терпѣнія и характера, можетъ за нее приняться; но понятно, что она будетъ особенно удачной, когда человѣкъ увлечется предметомъ, будетъ лучше подготовленъ, способенъ будетъ посвятить больше времени на личныя наблюденія и изученіе соотвѣтственной литературы, и когда притомъ онъ обладаетъ нѣкоторымъ умѣньемъ комбинировать данныя и извѣстнымъ литературнымъ талантомъ. Всѣ эти качества и условія встрѣчаются вмѣстѣ не часто: иногда есть знанія, но нѣтъ умѣнья ихъ комбинировать и излагать; иногда есть литературный талантъ, но слабъ располагаемый запасъ данныхъ. Притомъ такая монографія не можетъ не выйти объемистою, а разъ она объемиста, возникаетъ вопросъ объ ея изданіи, которое можетъ быть сопряжено

Digitized by Google

съ значительными расходами, не всегда способными вознаградиться. Монографія даже небольшаго, сравнительно, племени, можетъ потребовать 25—30 печатныхъ листовъ, а болѣе значительнаго и распадающагося на многіе подраздѣленія и оттѣнки—и гораздо болѣе. Это обстоятельство способно подорвать охоту изслѣдователя къ избранному имъ труду, лишить его надежды на возможность видѣть свой трудъ въ печати. Мы полагаемъ однако, что если изслѣдователь работалъ при содѣйствіи какого либо ученаго общества или, вообще, если ходъ его работы извѣстенъ и его трудъ обладаетъ дѣйствительнымъ научнымъ значеніемъ и изложенъ литературно и интересно, то нѣтъ основаній отчаяваться въ его изданіи, и почти навѣрное можно сказать, что такъ или иначе, но онъ будетъ изданъ. Обстоятельно и литературно написанный очеркъ лопарей, самоѣдовъ, калмыковъ, якутовъ, лезгинъ, изображающій живо бытъ племени, страну имъ занимаемую, обстановку его жизни и т. д., можетъ читаться съ большимъ интересомъ, и если онъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ охватывать самыя различныя стороны народной жизни, его поэзію, миѳологію, общественное устройство, экономическій бытъ, то, несомнѣнно, обратитъ на себя вниманіе и многихъ спеціалистовъ, не только собственно-этнографовъ, но и историковъ, статистиковъ, юристовъ. Такая система монографической обработки можетъ быть примѣнена однако не ко всѣмъ народностямъ; объ иныхъ имѣется слишкомъ мало данныхъ, которыя нуждаются еще въ значительномъ пополненіи; другія слишкомъ обширны, заселяютъ значительное пространство, распадаются на многіе оттѣнки, которые требуютъ еще предварительнаго изученія. Въ отношеніи къ такимъ народностямъ полезнѣе ограничиться подготовительными трудами, и особенно было бы важнымъ составленіе толковыхъ и подробныхъ библіографическихъ указателей.

Но еслибы даже и можно было составить монографіи по всѣмъ народностямъ Россіи, каждой въ отдѣльности, то этого было бы еще недостаточно для цѣлей этнографіи Россіи.

Digitized by Google

Этнографія не можетъ быть наукой чисто описательной, и ея конечныя задачи должны заключаться въ объясненіи и истолкованіи фактовъ народной жизни и взаимнаго отношенія и распредѣленія племенъ. Безъ извѣстной доли анализа и истолкованія этнографическихъ данныхъ нельзя обойтись и при монографическомъ изученіи племенъ, но понятно, что въ послѣднемъ случаѣ такой анализъ можетъ быть прилагаемъ лишь въ ограниченной мѣрѣ, иначе онъ способенъ отклонить изслѣдователя слишкомъ въ сторону отъ его ближайшей задачи. Аналитическія работы въ области этнографіи должны составлять свой отдѣльный циклъ и преслѣдовать свои особенныя цѣли. Предметомъ ихъ можетъ быть любая сторона народнаго быта, матеріальнаго или духовнаго, даже извѣстная категорія повѣрій, извѣстный родъ издѣлій, какой-нибудь обрядъ, сказка, предразсудокъ и т. п. Изслѣдователь прилагаетъ къ извѣстному факту народной жизни или частности быта сравнительный методъ, слѣдитъ за варіаціями этого факта у различныхъ народностей, старается воспроизвести его въ первоначальномъ его видѣ, однимъ словомъ—пытается прослѣдить его исторію, происхожденіе, развитіе, видоизмѣненіе и постепенное исчезаніе или забываніе. Такія работы могутъ быть въ высшей степени интересны и плодотворны по своимъ результатамъ, но онѣ предполагаютъ достаточную эрудицію и начитанность, умѣнье отыскивать подходящія аналогіи и извѣстную способность къ анализу и къ логичному комбинированію разрозненныхъ данныхъ. Такого рода работы имѣютъ въ этнографіи подобное же значеніе, какъ работы сравнительно-анатомическія, эмбріологическія и, пожалуй, біолого-географическія въ зоологіи. Безъ нихъ нельзя достигнуть болѣе глубокаго пониманія этнографическихъ фактовъ, и въ то-же время, располагая однородные факты въ извѣстной послѣдовательности и связи, онѣ даютъ имъ новое освѣщеніе, уясняютъ смыслъ кажущихся иногда второстепенными и несущественными подробностей и позволяютъ легче обнять и удержать въ памяти ихъ разнообразіе. Кромѣ того,

Digitized by Google

особую категорію изслѣдованій могутъ составить изысканія по взаимному отношенію племенъ, ихъ смѣшенію, воздѣйствію одного племени на другое и тому подобнымъ вопросамъ.

Изученіе различныхъ народностей, населяющихъ Россію, кромѣ интереса, представляемаго имъ самимъ по себѣ, можетъ дать важныя указанія и для русской исторіи, какъ для исторіи собственно (распространенія русскаго племени, его борьбы съ инородцами и т. д.), такъ и для исторіи русской народной словесности, русскаго быта и культуры. Наоборотъ, недостаточность этнографическихъ данныхъ способна отражаться неблагопріятно и на истолкованіи русской старины, на научной разработкѣ русской археологіи. Многіе старинные обряды, слова, частности быта, издѣлья могли бы стать гораздо болѣе понятными, еслибы мы могли подыскать имъ аналогіи въ современномъ народномъ быту. Лучшее знакомство съ различными сторонами народной жизни способно было бы бросить новый отраженный свѣтъ и на соотвѣтственныя стороны быта древняго.

Но изслѣдованія въ области русской этнографіи могли бы дать новые факты и открыть новыя точки зрѣнія также въ области исторіи культуры вообще и этнологіи или исторіи первобытной культуры въ особенности. Западные ученые, положившіе начало этой отрасли знанія и открывшіе новые пути въ изученіи древнѣйшихъ стадій культуры, основывались въ своихъ сравненіяхъ, съ одной стороны, на данныхъ доисторической археологіи, палеонтологіи, языка и этнографіи дикихъ внѣ-европейскихъ народовъ, съ другой—на тѣхъ болѣе или менѣе скудныхъ отголоскахъ сѣдой старины, которые сохранились въ быту, повѣрьяхъ, обрядахъ, соціальныхъ отношеніяхъ культурныхъ народовъ древняго и новаго міра Европы. Но обширная область, составляющая переходъ отъ Европы къ Азіи, масса народностей Европейской Россіи, Кавказа, Средней Азіи и Сибири—менѣе извѣстны въ этнографическомъ отношеніи на Западѣ, чѣмъ многія области Африки, Америки или Полинезіи. О Россіи знаютъ большей

Digitized by Google

частью лишь постольку, поскольку она была предметомъ изученія иностранныхъ путешественниковъ и поскольку о ней имѣются свѣдѣнія въ сочиненіяхъ, изданныхъ на западноевропейскихъ языкахъ. Но русская этнографическая литература теперь значительно возросла; въ ней скопилось много данныхъ, остающихся неизвѣстными на западѣ и ожидающихъ примѣненія ихъ къ вопросамъ общей первобытной культуры со стороны русскихъ ученыхъ. Кромѣ того, по многимъ вопросамъ, возникшимъ или опредѣлившимся яснѣе лишь недавно, требуются еще новыя изслѣдованія обѣщающія дать любопытные и цѣнные результаты, способные значительно пополнить имѣющіяся свѣдѣнія.

Въ Америкѣ, напримѣръ, Mallery собралъ весьма интересный матеріалъ о языкѣ жестовъ у индѣйцевъ и о такъ называемой пиктографіи (начертанія на скалалъ, на деревьяхъ, тамги, бирки, знаки татуировки и т. п.); но ему остался неизвѣстнымъ тотъ матеріалъ, который могъ бы быть собранъ по этому предмету въ Сибири и въ Россіи вообще. Много новаго и интереснаго могъ бы встрѣтить также среди племенъ Россіи изслѣдователь матеріальной культуры, или такъ называемой житейской техники. У нѣкоторыхъ народовъ Сибири еще въ прошломъ вѣкѣ были въ употребленіи каменныя орудія, да и теперь еще есть тамъ племена, хотя и знакомыя съ желѣзомъ, но въ сущности еще едва вышедшія изъ быта каменнаго вѣка. Исторія орудій и оружія,—топора, долота, сабли, лука, стрѣлы, скребка, ножа,—могла бы значительно пополниться при помощи данныхъ русской археологіи и русской этнографіи. Относительно, напримѣръ, происхожденія ружья наука имѣетъ еще слишкомъ мало указаній: извѣстны духовыя трубки для выдуванія стрѣлъ у малайцевъ Борнео и индѣйцевъ Гвіаны, но ихъ связь съ позднѣйшими ружьями представляется сомнительною. Между тѣмъ, развитіе ружья можетъ выясниться болѣе, если принять въ соображеніе древность этого оружія въ Китаѣ, существованіе по русскимъ сказаніямъ въ XV—XVI вѣкахъ народовъ въ верховьяхъ Оби, пускавшихъ стрѣлы изъ желѣзныхъ тру-

Digitized by Google

бокъ помощью удара молоткомъ, и распространеніе теперь еще въ Алтаѣ, въ южномъ Уралѣ и у вотяковъ въ качествѣ дѣтской игрушки—деревянной трубки для бросанія стрѣлъ. Развитіе охотничьяго и рыболовнаго промысла можетъ быть представлено, несомнѣнно, гораздо въ большей полнотѣ при пользованіи этнографическимъ матеріаломъ, собраннымъ въ Россіи, точно также, какъ и бытъ пастушескихъ народовъ можетъ значительно разъясниться наблюденіями надъ русскими племенами номадовъ, а равно и первобытныя стадіи земледѣлія могутъ быть наглядно иллюстрированы тѣми переходными формами быта, которыя мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ инородцевъ Алтая. По отношенію къ жилищу мы имѣемъ въ Россіи почти всѣ формы его, начиная отъ землянки, вѣжи, чума, юрты, кибитки,—до хаты, избы, причемъ мѣстами, напримѣръ у якутовъ и въ Алтаѣ, можно подыскать даже различныя переходныя стадіи отъ землянки и кибитки къ деревянной избѣ. Кромѣ того, изученіе деревянныхъ построекъ—разныхъ видовъ избъ, часовенъ, церквей, старинныхъ хоромъ, ихъ плановъ, фасадовъ, орнамента—способно внести и другія новыя данныя во всеобщую исторію архитектуры. Развитіе повозки Тайлоръ начинаетъ съ приспособленія обрубка круглаго дерева, изъ котораго образовалась двухколесная телѣжка съ наглухо укрѣпленною въ толстыхъ колесахъ осью; но онъ, повидимому, забылъ о саняхъ, которыя, очевидно, были древнѣйшей повозкой и которыя мѣстами въ Россіи и теперь еще составляютъ единственный экипажъ. Мало того, у насъ можно найти и простѣйшіе типы саней—волокуши, а равно и простѣйшія формы колесныхъ повозокъ, съ наглухо забитою осью, какъ напримѣръ кавказскія (особенно абхазскія) арбы и нѣкоторыя повозки въ глухихъ мѣстностяхъ внутренней Россіи. Съ другой стороны, въ Олонецкой губерніи у насъ сохранились еще простѣйшіе типы колесъ на неподвижной оси изъ толстыхъ цилиндрическихъ обрубковъ стволовъ, съ прорѣзанными въ нихъ четырьмя отверстіями, причемъ площадь этихъ отверстій значительно меньше площади раздѣляющихъ ихъ пе-

Digitized by Google

ремычекъ (спицъ). Не менѣе интересныя данныя можетъ дать и изученіе употребляемыхъ у насъ лодокъ, челновъ, душегубокъ, карбасовъ и т. д., а также веселъ, парусовъ и пр., причемъ было бы желательно, чтобы всѣ типы этихъ посудинъ, равно какъ повозокъ, жилищъ, орудій и т. д., были не только описаны, но и представлены въ рисункахъ, а болѣе характерныя и собраны въ оригиналахъ, въ музеяхъ. Исторія одежды, обуви, тканей, украшеній (въ томъ числѣ—татуировки и искусственнаго деформированія головы)—можетъ также обогатиться многимъ на почвѣ Россіи, равно какъ исторія деревянной и глиняной посуды и ихъ орнамента. У разныхъ инородцевъ, и даже отчасти у русскаго народа, сохранились еще первобытные способы произведенія огня, а слѣды почитанія этой стихіи еще весьма распространены въ народныхъ понятіяхъ. Нѣмая, мѣновая торговля давно уже отошла на Западѣ въ область смутнаго преданія, а у насъ, въ Сибири, она производилась мѣстами еще недавно, и даже производится кое-гдѣ и теперь. Архаическая народная поэзія уже почти исчезла въ Европѣ, а у насъ она еще живетъ, хотя и вымираетъ, можно сказать, съ каждымъ годомъ. Много интереснаго можетъ также дать серьезное изученіе нашей народной музыки и народныхъ музыкальныхъ инструментовъ, начавшееся только въ самое послѣднее время, а равно изученіе народныхъ графическихъ искусствъ, рѣзьбы и живописи. Даже по первобытной исторіи театра Россія можетъ доставить небезъинтересныя свѣдѣнія, какъ то доказываютъ наблюденія г. Гондатти надъ сценическими представленіями у маньзовъ (вогуловъ) при празднествахъ по случаю удачной охоты на медвѣдя. У нѣкоторыхъ инородцевъ Сибири еще и теперь употребляются маски, въ качествѣ принадлежностей религіозныхъ обрядовъ, а въ древнихъ могилахъ Минусинскаго края были найдены характерныя гипсовыя маски, подобныя которымъ еще нигдѣ не были извѣстны. Какое обширное поле для наблюденій представляютъ также народныя дѣтскія игры, игрушки и народное воспитаніе дѣтей,—даютъ понятіе свѣдѣнія, собранныя по этимъ вопросамъ Е. А. Покровскимъ.

Digitized by Google

Богатую жатву обѣщаетъ также этнографическое собираніе и изученіе въ области религіозныхъ вѣрованій, религіозныхъ миѳовъ, обрядовъ, повѣрій, предразсудковъ. Въ предѣлахъ Россіи живутъ еще народы, сохранившіе первобытныя религіозныя формы анимизма, фетишизма и шаманизма. Можно сказать даже, что нигдѣ шаманство не развилось въ такой полнотѣ и многообразіи, какъ на почвѣ Сибири, и что нигдѣ нѣтъ, слѣдовательно, болѣе подходящей почвы для его изученія. Но вѣрованіе въ духовъ и въ сверхъестественныя силы нѣкоторыхъ людей, способныхъ вступать въ общеніе съ духами, сохранилось и у многихъ другихъ народностей Россіи, давно уже покинувшихъ стадію явнаго шаманизма. Темный міръ колдовства и вѣдьмъ еще оказывается крѣпко живучимъ въ русскомъ народѣ и представляетъ весьма благодарный объектъ для научнаго изученія. Вообще, подъ оболочкой христіанства, часто понимаемаго лишь внѣшнимъ образомъ, въ различныхъ областяхъ Россіи сохранилось еще много остатковъ древнихъ религій, остающихся еще иногда, какъ у нѣкоторыхъ инородцевъ, черемисъ, вотяковъ и другихъ, главнымъ содержаніемъ народныхъ вѣрованій и обрядовъ. Но и въ средѣ собственно русской народности эти остатки еще далеко не изгладились, и серьезное изученіе ихъ сравнительно съ вѣрованіями инородцевъ, съ понятіями сектантовъ и съ тѣмъ, что намъ извѣстно относительно вѣрованій нашихъ предковъ, можетъ дать много интересныхъ фактовъ и выводовъ для сравнительной исторіи религій. Укажемъ еще на важность изученія религіозныхъ аттрибутовъ и символовъ, напримѣръ разнообразныхъ формъ идоловъ (у амурскихъ инородцевъ, тунгузовъ, самоѣдовъ, остяковъ, алтайцевъ), другихъ принадлежностей культа (шаманскихъ бубновъ, жертвоприношеній, амулетовъ и т. д.), а равно на анализъ вѣрованій въ загробную жизнь, представленій о мертвецѣ, похоронныхъ обрядовъ, выказывающихъ въ предѣлахъ Россіи не мало разнообразія и сохраняющихъ еще многіе слѣды первобытныхъ воззрѣній.

Обширное и благодарное поле для наблюденій предста-

Digitized by Google

ляетъ также народная нравственность и общественность, изученіе народной семьи, брака и его обрядовой стороны, общины, юридическаго быта и вообще соціальнаго міровоззрѣнія. Многое въ этомъ отношеніи уже собрано, но многое и остается еще собрать, а затѣмъ подвергнуть всѣ эти данныя научному анализу и сравненію съ соотвѣтственными данными относительно другихъ народовъ. Уже сдѣланныя до сихъ поръ наблюденія показываютъ, какіе цѣнные факты можетъ дать въ этомъ отношеніи русская этнографія для исторіи первобытнаго права. У нѣкоторыхъ нашихъ инородцевъ еще сохранились слѣды материнскаго права (матріархата); въ нѣкоторыхъ уголкахъ Кавказа еще живутъ феодальныя понятія и обычаи; въ русскомъ обычномъ правѣ и свадебныхъ обычаяхъ можно открыть еще много пережитковъ глубокой, первобытной старины. Нѣтъ сомнѣнія, что когда русская этнографія выйдетъ изъ періода накопленія сырого матеріала и обогатится рядомъ научныхъ монографій, въ родѣ трудовъ Ковалевскаго, Ефименка, Сумцова,—въ ней будутъ черпать щедрою рукою западно-европейскіе изслѣдователи исторіи культуры.

Для русскаго же общества всѣ эти результаты этнографическихъ изслѣдованій могутъ принести и другую важную пользу. Они познакомятъ насъ ближе съ нашимъ народомъ, уяснятъ намъ его міровоззрѣніе, его стремленія и его потребности, позволятъ заглянуть глубже въ его духовный міръ, и тѣмъ дадутъ важное дополненіе къ выводамъ русской исторіи, по отношенію къ выработкѣ вѣрнаго, истинно народнаго самосознанія. Незнакомство съ этнографическими данными, непониманіе быта, состоянія и потребностей народа было у насъ уже причиною многихъ административныхъ и законодательныхъ ошибокъ, какъ по отношенію къ инородцамъ, такъ и къ собственно-русской народности. Благодаря этимъ ошибкамъ, напримѣръ, буряты изъ шаманистовъ сдѣлались буддистами, а киргизы—магометанами, чѣмъ, можетъ быть, отрѣзанъ на-всегда путь къ ихъ сліянію съ русскимъ народомъ. Вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ

Digitized by Google

ихъ обращенію въ христіанство и къ противодѣйствію вліянію буддизма и магометанства, у насъ было признано, что буддизмъ и магометанство, во всякомъ случаѣ, лучше шаманизма, и тѣмъ косвенно была дана возможность утвердиться этимъ религіямъ, которыя между тѣмъ способны противостоять гораздо крѣпче христіанству, чѣмъ первобытныя вѣрованія. На Кавказѣ у насъ также поддерживали иногда, мѣстами, хановъ и аристократію противъ взглядовъ и желаній народа; въ другихъ случаяхъ не принимали мѣръ противъ эксплоатаціи одной народности другою, или побуждали къ перемѣнѣ быта, напримѣръ, кочевого на осѣдлый, хотя послѣдній не могъ упрочиться по мѣстнымъ условіямъ, и т. под. Не мало было у насъ также реформаторовъ, стремившихся разрушить сельскую общину или ввести ее тамъ, гдѣ ея не создалъ самъ народъ, или навязать народу чуждыя ему понятія въ сферѣ семейныхъ отношеній, наслѣдованія и т. под. Не все, конечно, раздѣляемое и сохраняемое народомъ, можетъ быть признано справедливымъ, разумнымъ и заслуживающимъ сохраненія и поддержки, но, съ другой стороны, и навязываніе ему чуждыхъ формъ, отъ которыхъ для него не можетъ быть никакой пользы, также не желательно и способно лишь разрушить коренные устои его жизни. Данныя этнографіи (и, прибавимъ, статистики) могутъ быть важными свидѣтельствами въ вопросахъ, касающихся организаціи и улучшенія народнаго быта, и съ ними нельзя не считаться при всякой серьезной реформѣ крестьянскихъ отношеній и порядковъ.

Д. Анучинъ.

22 февр., 1889 г.

Digitized by Google

О нойдахъ

у древнихъ и современныхъ лопарей.

Всякій, говорящій о современныхъ лопаряхъ, долженъ строго отличать двѣ главныя группы лопарей: скандинавскую и русскую. Различіе въ физическомъ типѣ представителей обѣихъ группъ, различіе въ языкѣ, въ образѣ жизни, въ нравахъ и обычаяхъ дѣлаетъ невозможнымъ смѣшеніе этихъ обѣихъ группъ въ одну. Кромѣ того, отчужденныя въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ другъ отъ друга, обѣ эти группы, подвергаясь постепенному вліянію своихъ сосѣдей, уже въ силу того, что культуры этихъ сосѣдей были различны, должны были выработать каждая своеобразный типъ. Вотъ почему было бы крайне ошибочнымъ, говоря о современныхъ русскихъ лопаряхъ, навязывать имъ взгляды, нравы и обычаи ихъ скандинавскихъ сосѣдей.

Но если соединеніе современныхъ скандинавскихъ и русскихъ лопарей въ одну группу можетъ повести къ грубымъ ошибкамъ, то при описаніи лопарей древнихъ это не такъ, и это соображеніе не можетъ имѣть мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни отличались современные русскіе и скандинавскіе лопари другъ отъ друга, они, все-таки, являются лишь вѣтвями одного дерева, все-таки, родственны другъ другу, хотя вѣковая обособленность и различныя вліянія и должны были наложить не только на каждую группу, но даже почти на каждый погостъ своеобразный оттѣнокъ. Подобно тому, какъ различныя нарѣчія, которыми въ настоящее время говорятъ лопари, суть лишь развѣтвленія одного коренного лопарскаго языка, такъ и ихъ обычаи, записанные много вѣковъ до нашего времени, суть

Digitized by Google

лишь развѣтвленія, видоизмѣненія однихъ общихъ лопарскихъ обычаевъ.. Поэтому, принимая свидѣтельства древнихъ писателей объ обычаяхъ лопарей, мы, относя эти свѣдѣнія и къ древнѣйшимъ русскимъ лопарямъ, не рискуемъ впасть въ слишкомъ грубую ошибку, предполагая, что и у нихъ встрѣчались тѣ-же обычаи и обряды, которые древніе писатели подмѣтили у современныхъ имъ скандинавскихъ лопарей,—и чѣмъ древнѣе писатель, тѣмъ вѣроятность грубой ошибки будетъ меньше. Конечно, въ частностяхъ мы всегда ошибемся, но самое основаніе, такъ сказать, духъ того или иного обряда, хотя бы и въ менѣе развитой формѣ, уяснится намъ и по отношенію къ древнимъ русскимъ лопарямъ. Естественно, что, говоря хотя бы о вѣрованіяхъ скандинавскихъ лопарей XVII вѣка, мы не можемъ лопарямъ русскимъ XVII же вѣка навязывать эти вѣрованія. Но безошибочно можно сказать, что въ основѣ и у русскихъ лопарей были тѣ-же вѣрованія, хотя, быть можетъ, и въ болѣе отдаленную эпоху, когда обособленность лопарскаго племени не могла быть столь значительной.

Вотъ почему, говоря о *нойдахъ-шаманахъ* у древнихъ и о *нойдахъ-коммунахъ* у современныхъ лопарей, я считаю себя въ правѣ говорить о древнихъ способахъ колдовства, ссылаясь исключительно на источники, имѣвшіе въ виду лишь лопарей скандинавскихъ.

Можетъ, конечно, возникнуть вопросъ, для чего не говорить прямо о лопаряхъ русскихъ (древнихъ и современныхъ) и къ чему въ древнемъ періодѣ ихъ соединять въ одну группу съ лопарями скандинавскими? Такое соединеніе является необходимымъ въ виду того, что о древнихъ русскихъ лопаряхъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній, а современныя воззрѣнія ихъ не могутъ быть поняты безъ взгляда на эпоху предшествующую, такъ какъ то, что уцѣлѣло теперь изъ древнихъ вѣрованій лопарей, является лишь жалкими обломками ихъ прежняго развитаго міросозерцанія.

Русскіе познакомились съ лопарями очень давно; уже въ XIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе о городахъ: Кола и

Digitized by Google

Терь. Христіанство среди русскихъ лопарей стало распространяться въ XVI вѣкѣ, но, не смотря на это вѣковое знакомство, у нашихъ писателей мы либо не встрѣчаемъ никакихъ свѣдѣній о лопаряхъ, либо находимъ свѣдѣнія лишь крайне отрывочныя, не могущія уяснить намъ представленій и міровоззрѣнія древне-русскаго лопаря. Лазарь Муромскій, встрѣтившій лопарей около Онежскаго озера въ XIV в., ограничивается лишь упоминаніемъ, что они „страшные сыроядцы" и „звѣроподобные люди"; а въ Соловецкомъ „Садѣ спасенія" XVI в. читаемъ: „древле быша сіи вышерѣченніи родове (лопари), яко звиріе дивіе живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разсѣлинахъ каменныхъ, неимуще ни храма ни иного потребнаго къ жительству человѣческому, но только животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда же кожа оленей тѣмъ бяша. Отсюда Бога истиннаго, единаго и отъ него посланнаго Іисуса Христа ни знати ни разумѣти хотяху, но имъ же когда чрево насытитъ, тогда оно и Бога си поставляше, и аще иногда камнемъ звѣря убіетъ—камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое—палицу боготворитъ, еже и нынѣ въ самоѣдахъ зловѣріе закаменѣлое обрѣтается, еще и въ лопарѣхъ отчасти" [1]). Естественно, что изъ подобныхъ свѣдѣній мы мало узнаемъ о лапаряхъ. Даже въ XVIII в. русская литература о лопаряхъ ограничивается переводами иностранныхъ писателей, навязывая такимъ образомъ тогдашнимъ русскимъ лопарямъ взгляды и обычаи ихъ скандинавскихъ сосѣдей. Въ виду всего этого, единственнымъ источникомъ, могущимъ освѣтить для насъ міровоззрѣніе древнихъ русскихъ лопарей, являются свидѣтельства современниковъ о лопаряхъ скандинавскихъ. Въ этомъ отношеніи мы находимъ богатый матеріалъ: во всѣхъ древнихъ описаніяхъ шведскаго государства упоминается и о лопаряхъ, причемъ главнымъ образомъ обращалось вниманіе на ихъ образъ жизни и ихъ суевѣрія. Миссіонеры, объѣзжавшіе лопарскую

---

[1]) Дергачевъ. Подр. опис. Лопской земли въ Арх. Губ. В. 1869 г. № 64.

Digitized by Google

землю и описывавшіе ее, естественно, также главнымъ образомъ обращали вниманіе на ихъ вѣрованія, жертвенный ритуалъ, суевѣрія и т. п. Съ XVI—XVII вв. когда христіанство стало распространяться съ бо́льшей силой среди шведскихъ лопарей, усиливается и количество данныхъ. Свѣдѣнія эти пополняются путешественниками (учеными и туристами), которымъ также послѣ внѣшней обстановки лопаря, его костюма и образа жизни бросаются въ глаза и ихъ суевѣрные обряды. Въ XVIII в. мы видимъ то-же самое. Благодаря этому обилію данныхъ, мы узнаемъ не только древнія вѣрованія лопарей, ихъ миѳологію, жертвоприношенія и пр., но можемъ также прослѣдить, какъ постепенно падало и разбивалось подъ напоромъ христіанства древнее міровоззрѣніе лопаря. А такъ какъ примѣнительно къ *древнимъ* русскимъ лопарямъ, какъ я указалъ еще выше, мы можемъ пользоваться источниками, трактующими о лопаряхъ скандинавскихъ, то мы въ состояніи нарисовать себѣ на основаніи этихъ источниковъ хотя бы приблизительно вѣрную картину представленій древнихъ русскихъ лопарей.

Не останавливаясь на вѣрованіяхъ лопарей вообще, я коснусь лишь колдовства и колдуновъ. Эта сторона лопарскихъ вѣрованій, выразившаяся главнымъ образомъ въ шаманизмѣ, стоитъ въ тѣсной связи съ вѣрованіями лопарей. Что касается вообще древней религіи лопарей, то писавшимъ о ней справедливо можно сдѣлать упрекъ, который Кастренъ дѣлаетъ по отношенію къ писавшимъ о вѣрованіяхъ алтайскихъ народовъ вообще. „Древнѣйшую собственную религію алтайскихъ народовъ, пишетъ онъ, [1]) обыкновенно означали именемъ шаманизма, т. е. религіи волшебства. Какъ при названіи, такъ и при восприниманіи дѣла обращалось больше вниманія на внѣшнюю, видимую сторону, чѣмъ на внутреннюю сторону и на самую суть дѣла“. Дѣйствительно, не одно шаманство составляетъ характерную черту древне-лопарскихъ вѣрованій; на ряду съ нимъ мы встрѣчаемъ и вы-

---

[1]) A. Castren. Vorlesungen über die Finnische Mythologie. p. 1.

Digitized by Google

соко-развитыя представленія: и поклоненіе духамъ, населяющимъ окружающую лопаря природу, и поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ и грознымъ атмосферическимъ явленіямъ. Но, не смотря на довольно хорошо разработанную миѳологію, мы встрѣчаемъ у лопарей и грубый фетишизмъ, который какъ-то странно соединяется съ высокими религіозными представленіями. Въ тѣсной связи съ фетишизмомъ стоитъ у лопарей и шаманизмъ, на которомъ я и позволю себѣ остановиться.

Шаманизмъ, какъ и фетишизмъ—послѣдніе уступили мѣсто вновь пришедшему христіанству, и это опять-таки оттого, что шаманизмъ, наравнѣ съ фетишизмомъ, былъ наиболѣе близокъ лопарю.

Сдѣлавъ эти необходимыя замѣчанія, для того, чтобы оправдать свое пользованіе источниками, толкующими о скандинавскихъ лопаряхъ, перехожу теперь къ *нойдамъ* (древнимъ шаманамъ и современнымъ колдунамъ).

Съ незапамятныхъ временъ Лапландія считается страной, населенной чародѣями. Еще въ Калевалѣ мать Леминкейнена, желая удержать его отъ поѣздки въ Похьолу, говоритъ:

„Не ходи ты, мой сыночекъ,
Въ села дальнія Похьолы;
Не ходи безъ чародѣйства,
Безъ премудрости всевластной
Къ очагамъ дѣтей Похьолы,
На поля дѣтей лапландскихъ.
Запоетъ тебя лапландецъ,
Заклянетъ тебя турьянецъ,
По уста положитъ въ угли,
Въ пламя голову и плечи,
Въ золу жаркую всю руку
На каменьяхъ раскаленныхъ“.[2])

[2]) Калевала; руна 12; пер. Л. Бѣльскаго. „Турьянецъ“—норвежецъ

Digitized by Google

И нѣсколько дальше:

Не ходи отсюда, милый,..
Въ эту мрачную Похьолу.
Тамъ опасность угрожаетъ...
Хоть ты будешь стоязычнымъ,..
Все же ты не бросишь пѣньемъ
Сыновей Похьолы въ воду;
Ты не скажешь, какъ турьянецъ,
Ты не скажешь, какъ лапландецъ." [1])

Въ древней Россіи мы встрѣчаемся также со взглядомъ на лопарей, какъ на опасныхъ чародѣевъ и вѣдуновъ, могущихъ открыть будущее. Кромѣ тѣхъ волхвовъ-лопарей, которые привезены были для Іоанна Грознаго, мы знаемъ, что, когда послѣ убійства Лжедимитрія I стали ходить слухи, что земля его не принимаетъ, нѣкоторые утверждали, „что Гришка былъ колдунъ, выучившійся этому искусству у Лапонцевъ: когда они дадутъ себя убить, могутъ и воскрешать себя. И онъ выучился этому дьявольскому искусству" [2]).

Но наиболѣе характерными въ этомъ отношеніи являются разсказы, передаваемые намъ средневѣковыми писателями о колдовствѣ лопарей. Уже одинъ тотъ фактъ, что эти разсказы были такъ сильно распространены, служитъ доказательствомъ, какъ крѣпко утвердилась за лопарями слава о ихъ чародѣйствѣ. Ограничусь лишь нѣкоторыми изъ этихъ разсказовъ.

Такъ, долгое время держалось мнѣніе, что лопари имѣютъ власть надъ вѣтрами. Циглеръ сообщаетъ, что лопари завязываютъ три волшебныхъ узла, и когда они развязываютъ одинъ узелъ—поднимаются вѣтры съ умѣренной силой; когда они развяжутъ второй узелъ — начинаютъ дуть вѣтры болѣе сильные; когда развяжутъ третій — поднимается буря и гроза [3]). Другой писатель сообщаетъ, что лопари мо-

---

1) ibid.
2) Петръ Петрей. Ист. о Вел. Кн. Московскомъ стр. 222.
3) J. Schefferus. Lapponia p. 144.

Digitized by Google

гутъ удержать корабль на ходу такъ, что никакая сила вѣтровъ не можетъ ихъ сдвинуть съ мѣста [1]). Далѣе, Циглеръ говоритъ, что лопари приготовляютъ небольшія, величиной съ палецъ волшебныя копья изъ свинца и посылаютъ ихъ на своихъ враговъ; копье это ранитъ того, кому оно было послано, и тотъ въ страшной боли умираетъ черезъ три дня. Шефферъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, замѣчаетъ, что „теперь (въ концѣ XVII в.) нѣтъ никого, кто бы зналъ это"; онъ полагаетъ, что Циглеръ ошибся, предполагая, что лопари посылаютъ волшебныя свинцовыя копья, и прибавляетъ, что другой писатель, Петръ Клауди, называетъ „ганъ"—то, что посылаютъ лопари, что ганъ имѣетъ видъ мухи и что это самъ дьяволъ; этотъ ганъ наноситъ людямъ и животнымъ смерть или вредъ [2]). Но если одни лопари имѣли силу насылать такимъ образомъ смерть, то другіе лопари были надѣлены силою изгонять этотъ ганъ; кромѣ того, ганъ вредилъ лишь тогда, если посылающій его зналъ имя отца того лица, которому онъ хотѣлъ вредить [3]). Наконецъ, лопари, по словамъ Шеффера, имѣютъ силу насылать еще т. наз. тире (tyre), особо приготовленную массу, величиной съ орѣхъ или средней величины яблоко. Это тире продается лопарями; оно летитъ по направленію того лица, на которое оно насылается, „словно вихрь или словно пущенная стрѣла либо шаръ, и если по дорогѣ ему встрѣтится что нибудь живое, каково бы оно ни было,—тире поражаетъ его... и такимъ образомъ оно нерѣдко отклоняется отъ лица, для котораго оно было назначено, и поражаетъ невиннаго. И даже до нашего времени, заключаетъ Шефферъ, нѣтъ недостатка въ печальныхъ примѣрахъ такого рода". [4]) Могутъ лопари насылать болѣзнь или смерть также при помощи волшебнаго бубна, хотя способы, которыми зло дѣлается при помощи бубна, и неизвѣстны, такъ какъ лопари держатъ ихъ втай-

1) Schefferus, ibid. p. 145.
2) ibid. 146.
3) ibid. 148.
4) ibid. 149.

Digitized by Google

нѣ. Еще писатель XVII вѣка Іоаннъ Торней вполнѣ вѣритъ въ возможность нанесенія вреда при посредствѣ бубна: „Между этими лопарями, пишетъ онъ, былъ одинъ лѣтъ восьмидесяти, который признавался, что онъ, будучи еще мальчикомъ научился отъ своего отца этому искусству (т. е. наносить вредъ) и въ 1670 г. ... устроилъ такъ, что одинъ крестьянинъ... утопъ на одномъ порогѣ. Его приговорили къ смертной казни и въ оковахъ вели изъ Лапландіи къ ближайшему городу Ботніи. На дорогѣ онъ при помощи своего искусства убилъ себя, такъ что скончался въ одинъ мигъ, хотя сидѣлъ совершенно здоровымъ въ телѣгѣ [1])". Чародѣи при помощи барабана или при исполненіи извѣстныхъ дѣйствій могли узнать и о томъ, что происходило въ чужой странѣ. Такъ, напримѣръ, Шефферъ передаетъ разсказъ, по которому приказчикъ одного нѣмецкаго купца, находясь въ Лапландіи, пожелалъ узнать, что дѣлаетъ его господинъ; чародѣй послѣ нѣсколькихъ дѣйствій, разсказалъ все, что дѣлаетъ патронъ въ далекомъ нѣмецкомъ городѣ [2]). Даже въ XVIII в. П. Гегстремъ считаетъ нужнымъ опровергнуть ходячее мнѣніе, что лопари могутъ переноситься на облакѣ вмѣстѣ съ своими оленями съ мѣста на мѣсто, и объявить такого рода мнѣнія „ложными представленіями необразованнаго человѣка, такъ какъ подобныя вещи въ Лапландіи неизвѣстны [3])".

Но конечно не всѣ лопари считались таковыми. Изъ ихъ числа выдвигалось лишь нѣсколько, знающихъ тайны чародѣйства, могущихъ навести порчу, причинить болѣзнь или смерть. Таковыми были ихъ шаманы, называемые самими лопарями нойдами, которые въ своемъ лицѣ соединяли функціи и шамана, и колдуна.

Шаманизмъ опредѣляютъ обыкновенно какъ религію, въ которой при помощи опредѣленныхъ дѣйствій, приводящихъ жреца (шамана) въ экстазъ, можно подчинить себѣ какого

1) Schefferus, ibid. 143, 144.

2) ibid. p. 135.

3) P. Högström. Beschreibung des... Lapplandes. 1748. p. 26.

Digitized by Google

нибудь духа, обыкновенно того, который вселился въ шамана, и заставить его произвести тѣ или иныя дѣйствія, раскрыть будущее, исполнить какое-нибудь порученіе. „Основная идея (лежащая въ основѣ шаманизма), говоритъ Кастренъ [1]), это та, что въ природѣ существуютъ абсолютныя силы, которыя оказываютъ безусловное вліяніе на человѣка. Вмѣстѣ съ постепенно пріобрѣтеннымъ взглядомъ, что человѣкъ не созданъ непосредственнымъ владыкой природы, является въ немъ и потребность отыскать извѣстныя средства, для достиженія своихъ намѣреній".

Но если таковъ дѣйствительно шаманизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его обыкновенно застаемъ у различныхъ народовъ, то въ основѣ своей у лопарей онъ, повидимому, происходитъ отъ иного взгляда. Можно думать, что первоначальнымъ шаманомъ у лопарей былъ глава рода или семьи и что лишь впослѣдствіи шаманы выдѣлились въ особую группу жрецовъ, на которыхъ и перешли потомъ всѣ тѣ обязанности, которыя лежали нѣкогда на главѣ семьи. Это положеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ фактахъ. Обязанности при жертвоприношеніяхъ перешли съ теченіемъ времени на нихъ. Они гадали на бубнѣ о томъ, кто изъ боговъ желаетъ жертвы и какое животное нужно принести каждому изъ нихъ. Обязанности жрецовъ при жертвоприношеніяхъ также исполнялись ими. Однако въ то время, когда жрецы обособились уже въ извѣстный классъ, мы встрѣчаемъ въ другихъ мѣстностяхъ Лапландіи, что всѣ обязанности жреца исполнялись главой семьи. Каждая семья, пишетъ Моне [2]), имѣла по крайней мѣрѣ одного духа (сторьюнкаре); многія семьи имѣли ихъ нѣсколько. Этотъ духъ оставался въ домѣ и переходилъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, вслѣдствіе чего глава семьи обязанъ былъ знать искусство обходиться съ духами. Это и было колдовство; ему поэтому и учились, и сынъ, на ряду съ домашними духами, унаслѣдовалъ и это искусство. По Шефферу почти

[1]) A. Castren. Vorlesungen über die Finnische Mythologie. p. 4.

[2]) Mone. Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa. I. стр. 31.

Digitized by Google

каждая семья имѣла свой волшебный бубенъ, который и перевозился лопарями обыкновенно при всѣхъ перекочевкахъ. Какъ увидимъ ниже, бубенъ являлся необходимымъ при жертвоприношеніяхъ. И такъ, хотя и на основаніи очень немногихъ данныхъ, мы можемъ заключить, что въ качествѣ переживанія писатели XVII в. застали еще главу семьи въ его роли приносителя жертвъ, семейнаго жреца, хотя шаманы—нойды въ то время уже выдѣлились въ другихъ мѣстностяхъ Лапландіи въ особую группу.

Необходимость существованія такихъ семейныхъ жрецовъ будетъ особенно очевидной, если мы посмотримъ на тѣхъ божествъ, которымъ приносились жертвы лопарями. Кромѣ боговъ солнца, грома и др., лопарямъ чаще всего приходилось жертвовать священнымъ камнямъ. Мало того, свѣдѣнія о жертвоприношеніяхъ солнцу и грому относятся далеко не ко всѣмъ мѣстностямъ Лапландіи, и повидимому преобладающимъ культомъ оставался культъ этихъ священныхъ камней. Эти камни одними писателями называются *сторьюнкаре*, другими—*сейтами*, *сейдами*. Очевидно, слово „сторьюнкаре" не лопарское, а заимствованное отъ сосѣдей скандинавовъ; но уже самъ переводъ этого слова—„великій господинъ" [1]) заслуживаетъ вниманія: ясно, что эти камни считались божествами сильными [2]). Но слово „сторьюнкаре" замѣнялось обыкновенно словомъ „сейта".

Что такое *сейта*? Уже Моне дѣлаетъ слѣдующее предположеніе: „Они (лопари)... имѣли родовыя сказанія о сейтахъ, и уже имя умершихъ *ситте* или *сите* доказываетъ связь ихъ съ сейтами, откуда происходитъ ученіе о душахъ. Душа дѣлалась такимъ образомъ высшимъ духомъ, сторьюнкаре, домашнимъ богомъ [3])". Этому предположенію Моне вполнѣ соотвѣтствуетъ предположеніе Кастрена. Онъ указываетъ на то, что въ тѣхъ мѣстностяхъ Лапландіи, которыя

---

[1]) Mone, ibid. стр. 36.

[2]) Шефферъ выдѣляетъ сторьюнкаре въ особое божество для нѣкоторыхъ мѣстностей Лапландіи.

[3]) Mone, ibid. 38.

Digitized by Google

населены финнами, эти сейды иногда носятъ названіе Kenttä-Kiwet, происходящее отъ финскихъ словъ: Kenttä—стоянка и Kiwi (мн. Kiwet) — камень, и именно это названіе, заключаетъ онъ, доказываетъ,—что можно было бы принять и изъ другихъ основаній,—что сейды были пенатами лопарей [1])". Дюбенъ считаетъ сейдовъ также пенатами. Вѣроятно, говоритъ онъ, что нѣкогда отмѣчали жилище мертвыхъ камнемъ, какъ бы въ видѣ могильнаго памятника. Эти камни стояли одиноко и были разсѣяны тутъ и тамъ. Около этихъ камней приносились жертвы въ честь покойниковъ. Священные камни сдѣлались впослѣдствіи сейтаръ по мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ времени воспоминаніе о ихъ первоначальномъ значеніи ослабилось и развился антропоморфизмъ. Тогда стали воздвигать сейды подъ давленіемъ совершенно другой идеи. Имъ не придавали больше значенія памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь предковъ; ихъ считали богами предковъ. Камень одѣлили способностью жить, двигаться, ѣсть и пить, причинять несчастіе. Онъ принадлежалъ личности, семьѣ, роду [2]). Лишнимъ доказательствомъ значенія сейдовъ какъ божествъ родовыхъ можетъ служить и то обстоятельство, что женщины не только не имѣли права присутствовать при жертвоприношеніяхъ, но не смѣли даже приближаться къ мѣсту, на которомъ стоялъ сейдъ. Мысль, что женщина, происходящая изъ другого рода, является по отношенію къ родовому божеству существомъ не чистымъ, оскверняющимъ своимъ присутствіемъ святое мѣсто, столь общая у всѣхъ некультурныхъ народностей, сквозитъ и здѣсь. Интереснымъ является и то, что по отношенію къ священному бубну существовали тѣ же мнѣнія. Бубенъ считали предметомъ столь священнымъ, что ни одна женщина не имѣла права трогать его. Если женщина пройдетъ по той дорогѣ, по которой пронесли бубенъ, она или тотчасъ умретъ, или захвораетъ, или на нее обрушится вообще какое-нибудь несчастіе. Но

1) A. Castren. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844. стр. 60.

2) Düben. La Laponie et les Lapons (въ Congrés international des Sciences Géographiques 1878. p. 332).

Digitized by Google

опасность проходить по дорогѣ, по которой пронесли бубенъ, прекращается для женщины по прошествіи трехъ дней. Какъ семейная святыня, бубенъ при перекочевкахъ перевозился по дорогамъ тайнымъ, по которымъ обыкновенно никто не ходилъ [1]). Были ли сейды (священные камни) памятниками надъ могилами предковъ или нѣтъ—опредѣлительно сказать нельзя, хотя наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ происхожденія ихъ и является предположеніе Дюбена. Въ самомъ дѣлѣ, если мы впослѣдствіи и встрѣчаемся съ вѣрованіями въ сейдовъ какъ боговъ, имѣющихъ видъ камней, или колдуновъ, обращенныхъ за неисполненіе точныхъ правилъ при колдовствѣ въ сейдовъ, если употребительными являются помазанія яствами и питьемъ священнаго камня,—все это еще не служитъ опроверженіемъ теоріи происхожденія сейдовъ отъ могильныхъ памятниковъ, и поклоненія имъ—отъ поклоненія лежащимъ подъ этими камнями предкамъ. Мало того, вѣроятнѣе предположить, что лопари, подобно многимъ другимъ народностямъ, останавливались при своихъ перекочевкахъ именно на мѣстахъ, на которыхъ были похоронены ихъ предки, что обмазываніе жиромъ камней явилось лишь символическимъ кормленіемъ умершихъ предковъ, подобно тому, какъ у другихъ народовъ обычай положенія предметовъ обихода въ могилу замѣнился высѣченіемъ или вырисовываніемъ на могильномъ камнѣ изображеній этихъ предметовъ. Но даже кромѣ сейдовъ у лопарей были еще особые домашніе духи. По словамъ Іоанна Торнея, лопарскія семьи имѣли каждая своего духа, отличнаго отъ духовъ остальныхъ семей, враждебныхъ даже духамъ прочихъ семей. Не только отдѣльныя семьи имѣютъ духовъ, но даже и отдѣльныя лица имѣютъ ихъ, либо одного, либо нѣсколькихъ, которые и защищаютъ ихъ отъ козней духовъ прочихъ лицъ и даже вредятъ другимъ людямъ [2]). Эти домашніе духи живутъ подъ очагомъ; имъ приносятъ жертвы. Шефферъ передаетъ, что умершихъ

---

[1]) Schefferus. Lapponia p. 132, 133.

[2]) Schefferus. Ibid p. 121.

Digitized by Google

называли именемъ *ситте*, но что не дѣлали ихъ изображеній [1]). Имъ приносили жертвы, выбирая эти жертвы при посредствѣ бубна; указанному бубномъ животному до жертвоприношенія прокалывали правое ухо и вводили въ проколъ черную нитку [2]).

При существованіи вѣры въ домашнихъ духовъ-покровителей (какъ извѣстно, происходящей отъ поклоненія предкамъ), при принесеніи жертвъ покойникамъ, естественно, что жрецомъ могъ быть только глава семьи, который и совершалъ жертвенный ритуалъ. При жертвоприношеніи употребляется бубенъ, который употреблялся и нойдами. Повидимому и бубенъ изъ семеной или родовой собственности перешелъ съ теченіемъ времени въ руки отдѣльныхъ лицъ. Этихъ главъ семьи, исполняющихъ обязанности и семейнаго жреца, хранящихъ и поддерживающихъ семейную религію, семейный культъ, писатели XVII в. застаютъ еще какъ переживаніе среди лопарей. Нойды, какъ особый классъ, успѣли уже зародиться, въ иныхъ мѣстахъ успѣли вытѣснить прежнихъ семейныхъ жрецовъ; этому, конечно, долженъ былъ способствовать упадокъ семейнаго культа вообще среди лопарей, вызвавшій появленіе особаго класса жрецовъ, исполняющихъ всѣ обязанности, которыя нѣкогда лежали на главѣ семьи. Но этотъ классъ въ XVII в., если и былъ преобладающимъ, повидимому не успѣлъ еще окончательно вытѣснить прежній способъ жертвоприношеній. Вотъ почему въ то время, какъ почти всѣ писатели говорятъ о нойдахъ, какъ лицахъ, держащихъ въ своихъ рукахъ всѣ жреческія обязанности, мы встрѣчаемъ еще у нѣкоторыхъ писателей упоминанія, хотя и робкія, о существованіи жрецовъ—главъ семьи, передающихъ по наслѣдству свои знанія въ колдовствѣ и въ жертвенныхъ ритуалахъ.

---

[1]) Отсутствіе изображеній умершихъ, естественно, не можетъ служить опроверженіемъ происхожденія сейдовъ отъ могильныхъ памятниковъ: въ мѣстностяхъ, знакомыхъ Шефферу, эта связь сейдовъ и ситте могла уже утратиться. Къ тому-же самъ священный камень не есть изображеніе покойника, а лишь могильный памятникъ.

[2]) Schefferus. Ibid. p. 117.

Digitized by Google

Но, какъ я уже сказалъ, большинство писателей знаетъ нойдовъ, какъ классъ уже выдѣлившійся, обособившійся въ отдѣльную группу. Они являются жрецами и колдунами. Неотъемлемой принадлежностью ихъ является бубенъ, при помощи котораго они совершаютъ и колдовство, и узнаютъ волю боговъ, и лѣчатъ отъ болѣзней.

Нойдомъ могъ сдѣлаться не всякій; нѣкоторые имѣли уже отъ природы даръ сдѣлаться имъ. Вотъ какъ объясняетъ, со словъ лопарей, Іоаннъ Торней средства, при помощи которыхъ такіе люди дѣлаются шаманами: „всякій разъ, когда дьяволъ увидитъ, что такіе люди могутъ быть хорошими слугами ему, онъ посылаетъ на нихъ въ самомъ дѣтствѣ болѣзнь, во время которой онъ показываетъ имъ различныя картины и видѣнія, изъ которыхъ они сообразно съ своимъ возрастомъ научаются тому, что относится къ этому искусству (колдовству). Затѣмъ онъ насылаетъ на нихъ вторую болѣзнь и показываетъ имъ больше видѣній, изъ которыхъ они научаются еще больше искусству, чѣмъ во время первой болѣзни. Если онъ пошлетъ на нихъ третью болѣзнь, которая бываетъ столь тяжелой, что они подвергаются опасности потерять жизнь, то имъ являются всѣ видѣнія дьявольскія, изъ которыхъ они научаются всему, что необходимо для совершеннаго знанія колдовства [1])“. Колдовству можно однако научиться и отъ другого шамана. Можно было быть его ученикомъ, извѣстное время сопровождать его, присутствовать и помогать ему при его дѣяніяхъ и такимъ образомъ выработать изъ себя шамана. Но для того, чтобы считаться шаманомъ, необходима была санкція старыхъ, уже испытанныхъ нойдовъ. Посвященіе новаго нойда совершалось слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько старыхъ нойдовъ соглашались собраться у молодого, желающаго получить это званіе. Когда они собрались всѣ вмѣстѣ въ домѣ кандидата, то одинъ старый нойдъ садился около дверей такъ, что ноги молодого нойда и стараго скрещивались. Молодой начиналъ

1) Schefferus. Lapponia стр 122.

Digitized by Google

затѣмъ бить въ бубенъ и пѣть. Если во время этого сайво (божество, о которомъ я скажу нѣсколько ниже) входилъ въ жилище и переходилъ ихъ ноги, но такъ, что его видѣлъ лишь одинъ молодой, то старикъ не обращалъ на это никакого вниманія. Но если сайво входилъ такъ, что его видѣлъ и старый колдунъ, то молодой объявлялся тотчасъ же нойдомъ [1]).

Колдунъ считался обладающимъ большою силою, могущимъ и узнавать будущее, и толковать волю боговъ. Въ большинствѣ случаевъ подспорьемъ ему служилъ его бубенъ. Бубенъ былъ неодинаковъ; но несходство одного бубна съ другимъ выражалось лишь въ частностяхъ: въ его формѣ и отчасти рисункахъ, на немъ изображенныхъ. Обыкновенно бубенъ дѣлался изъ дерева—сосны, ели или березы, причемъ требовалось, чтобы дерево „росло по̀-солонь".

Самый бубенъ, если вѣрить свидѣтельству Іоанна Торнея, назывался лопарями Kannus или quobdas [2]). Та часть бубна, по которой били, была, по словамъ современниковъ, раскрашена; на ней были изображены разныя фигуры красной краской, добытой изъ коры ольхи. На срединѣ бубна проводились двѣ черты поперекъ, на которыхъ изображались главные боги, какъ Торъ (иначе Айеке—богъ грома) съ его famulis, Сторъюнкарь со своими. Ниже этихъ чертъ, проводилась параллельно имъ черта, доходящая до половины бубна; на ней изображали Христа съ нѣсколькими апостолами. Надъ этими чертами изображались птицы, звѣзды, луна. Ниже этихъ чертъ, на самой срединѣ бубна, изображали солнце. Ниже изображенія солнца помѣщали различныхъ животныхъ, напримѣръ: медвѣдей, волковъ, оленей, лисицъ, змѣй; далѣе изображали болота, озера, рѣки и т. п. Иногда на южной части рисовали Швецію, сѣвернѣе Норвегію, отмѣчались города и представлялись люди. По срединѣ обѣихъ частей рисовали Лапландію, занимавшую бо̀льшую, чѣмъ остальныя страны, площадь. Въ Лапландіи изображались различныя

1) Erman. Archiv. XX. стр. 353.

2) Schefferus. Lapponia p 122.

Digitized by Google

животныя [1]). Иногда отъ изображенія солнца шли четыре радіуса, долженствовавшіе изображать дороги во всѣ четыре страны свѣта. Солнце изображалось въ видѣ четырехугольника; радіусы, отъ него идущіе, иногда означали, что дѣйствіе солнца распространяется всюду [2]). Путешественникъ XIX ст., Гоггюеръ, видѣвшій въ 1828 году шаманскій бубенъ, описываетъ его въ слѣдующихъ словахъ: онъ имѣетъ видъ рѣшета, покрытъ приготовленной, лишенной шерсти, оленьей шкурой, на которой кровью нарисована масса изображеній: сѣверныхъ оленей, медвѣдей, волковъ, собакъ, птицъ, деревьевъ и многихъ другихъ предметовъ [3]).

Бубенъ употреблялся слѣдующимъ образомъ. На него клали кольцо, сдѣланное изъ металла, либо изъ ольхи; къ этому кольцу обыкновенно привязывались нѣсколько маленькихъ колецъ. Иногда большое кольцо замѣнялось костяной фигурой, имѣвшей видъ буквы „дельта". Когда кольцо было положено по срединѣ бубна, начинали ударять молоткомъ въ бубенъ, сопровождая удары пѣснью. По направленію кольца, которое двигалось отъ ударовъ, узнавали то, что требовалось. Если нужно было узнать, какое жертвенное животное, положимъ, требуетъ себѣ какой-нибудь богъ, то, смотря по тому, около изображенія какого животнаго кольцо останавливалось, то и опредѣляли для жертвоприношенія. Кольцо носило названіе *арта* [4]).

Бубномъ шаманы пользовались въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда требовалось узнать, что дѣлается въ другихъ краяхъ, гдѣ находится потерянная вещь или животное; 2) чтобы узнать исходъ предполагаемаго дѣла или исходъ болѣзни; 3) для излѣченія болѣзни; 4) чтобы узнать, какому богу и какое животное принести къ жертву; 5) чтобы нанести какой-нибудь вредъ человѣку.

Когда требовалось узнать, какому богу или какое

---

1) Schefferus, ibid. p. 124, 126.

2) A. Réville. Les Religions des peuples non civilisés. II. p. 186.

3) Hogguer. Reise nach Lappland, стр. 96.

4) Schefferus. Lapponia p. 130.

Digitized by Google

животное нужно принести въ жертву, то шаманъ поступалъ слѣдующимъ образомъ. Если требовался отвѣтъ на первый вопросъ, то, положивъ кольцо на средину бубна, шаманъ начиналъ бить по немъ, пока кольцо, пришедшее въ движеніе отъ сотрясенія, не начинало двигаться и не останавливалось передъ изображеніемъ того или иного божества. Этимъ и рѣшался вопросъ. Иногда, когда лопари хотѣли принести жертву какому-нибудь божеству, то прежде требовалось убѣдиться, желаетъ ли данное божество принесенія жертвы. Нойдъ начиналъ бить въ бубенъ, а всѣ члены семьи, которая рѣшилась принести жертву, окружая его, пѣли вмѣстѣ слѣдующія слова: „что ты скажешь, великій, святой богъ? принимаешь ли ты ту жертву, которую я назначилъ для принесенія тебѣ?“ Во время пѣсни они поминали и ту гору, на которой должно было совершиться жертвоприношеніе. Если данное божество желаетъ жертвы, кольцо останавливается передъ его изображеніемъ; если нѣтъ—лопари съ той-же пѣснью предлагаютъ другому богу жертву, и такъ до тѣхъ поръ, пока кольцо не остановится передъ какимъ-нибудь изображеніемъ божества [1]). Роль нойда не ограничивалась только выборомъ божества или предмета жертвы: и во время жертвоприношенія онъ являлся главнымъ жрецомъ. Еще до жертвоприношенія онъ былъ обязанъ приготовиться постомъ и омовеніемъ къ своему дѣлу. Въ день жертвоприношенія онъ являлся въ лучшихъ своихъ одеждахъ, надѣвалъ оловянныя цѣпи на правую руку и повязывалъ черезъ лѣвое плечо поясъ. При жертвоприношеніяхъ женскимъ божествамъ онъ надѣвалъ бѣлую льняную шапку. На его обязанности лежало заклать животное; онъ же руководилъ и жертвеннымъ ритуаломъ, произносилъ опредѣленныя слова молитвы, становился на колѣни, а остальные присутствующіе лишь подражали ему [2]). Женщины, имѣвшія право присутствовать при гаданіи о томъ, какому богу и какая должна быть при-

---

[1]) Schefferus, ibid. p. 109.

[2]) Erman. Archiv. XX. стр. 351, 352.

Digitized by Google

несена жертва, исключались совершенно отъ присутствія при жертвоприношеніи.

Когда требовалось узнать объ исходѣ задуманнаго предпріятія, нойдъ клалъ большое кольцо съ привѣшенными къ нему малыми кольцами на бубенъ такъ, чтобы оно приходилось на изображеніи солнца. Затѣмъ начиналъ бить въ бубенъ: если маленькія кольца двигались по́-солонь, то это считалось за хорошее предзнаменованіе; если наоборотъ, то предзнаменованіе считалось дурнымъ. Прежде чѣмъ идти на охоту, производили то-же гаданіе и, смотря по тому, будутъ ли кольца направлены на востокъ или на западъ, шли по этому направленію, увѣренные въ полученіи хорошей добычи.

Естественно, что этими видами гаданій могъ заниматься всякій лопарь, имѣвшій бубенъ, и сила и значеніе нойдовъ, вліяніе, которое они оказывали на своихъ соплеменниковъ и даже на многихъ иностранцевъ, посѣщавшихъ лопарскую землю, заключались не въ этомъ: они имѣли, по вѣрованіямъ лопарей, еще силу врачевать болѣзни и узнавать, что дѣлается въ чужихъ, отдаленныхъ отъ ихъ мѣстожительства краяхъ. Дѣло въ томъ, что каждый лопарскій нойдъ имѣлъ въ Сайво-аймо (странѣ усопшихъ) три вида животныхъ, находившихся въ постоянномъ его распоряженіи, именно: птицу (saivo lodde), рыбу (saivo kuelle) и оленя (saivo sarvo). Общее имя этихъ животныхъ было—Noaidde-vuoingga, т. е. духи чародѣевъ. Птицы были то въ видѣ ласточекъ, то въ видѣ воробьевъ, орловъ, лебедей, голубей или коршуновъ. Цвѣтъ ихъ былъ обыкновенно бѣлый съ чернымъ (сѣрымъ). Онѣ всегда слѣдовали за шаманомъ, когда онъ ихъ вызывалъ пѣніемъ, показывали ему дорогу, помогали въ охотѣ, доносили чужія рѣчи и т. п. Рыбы переносили нойда въ царство мертвыхъ. „Духи чародѣевъ“ продавались или передавались по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Эти животныя были необходимы для чародѣя, когда онъ отправлялся въ землю усопшихъ. А ѣздить ему туда приходилось либо для вызова усопшихъ на землю, либо для того, чтобы лично

Digitized by Google

упросить подземныхъ боговъ даровать больному еще на нѣкоторое время жизнь [1]), либо узнать причину болѣзни и вывѣдать, какія средства нужны для умилостивленія подземныхъ духовъ. Чтобы посѣтить страну умершихъ, шаманъ, ударяя въ бубенъ и напѣвая при этомъ пѣснь, впадалъ въ безсознательное состояніе, и въ это-то время духъ его путешествовалъ въ подземныя страны. Позволю себѣ привести здѣсь кстати разсказы найдовъ объ ихъ путешествіяхъ въ загробное царство. „Волшебная рыба приходила на ихъ зовъ, и на ея спинѣ нойдъ отправлялся въ царство мертвыхъ. Если божество подземнаго царства не хотѣло отпустить умершаго на землю или, что чаще случалось, если умершіе родственники больного требовали, чтобы онъ (больной) пришелъ къ нимъ, то они не отпускали чародѣя и пытались его убить. Тогда приходилъ умершій ему на помощь и вступалъ съ ними въ бой, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока остальные не позволяли требуемому на землю умершему уѣхать съ шаманомъ. Если больному (о которомъ пріѣзжалъ узнать шаманъ) даровалась жизнь, то это бывало всегда подъ условіемъ, чтобы онъ принесъ жертву умершимъ, желавшимъ имѣть его среди себя. Если же умершіе оставались непреклонными, то больному суждено было умереть. Объ участи, ожидающей больного, объявлялъ шаманъ, по возвращеніи своемъ изъ царства мертвыхъ.“ [2]) Послѣ того какъ нойдъ узнавалъ, какими жертвами слѣдуетъ умилостивить умершихъ, чтобы больной жилъ, онъ приступалъ къ его лѣченію. Если требовалась жертва, то шаманъ требовалъ немедленнаго обѣщанія отъ больного принести жертву на опредѣленномъ мѣстѣ. Если болѣзнь происходила отъ того, что въ больного вселился какой-нибудь духъ, то шаманъ, узнавъ объ этомъ, лѣчилъ его слѣдующимъ образомъ. Больной давалъ шаману одно кольцо оловянное, одно серебряное и долженъ былъ надѣть ихъ на правую руку шамана; эти кольца поступали въ его собствен-

---

1) Erman. Archiv. XX стр. 174, 175.
2) Ibid. стр. 175, 176.

Digitized by Google

ность, какъ вознагражденіе за трудъ. Затѣмъ онъ начиналъ бить въ бубенъ и пѣть торжественную пѣснь, которой вторили присутствующіе мужчины и женщины [1]).

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность нойдовъ, какъ лѣкарей. Однако еще болѣе важное значеніе имѣютъ они, какъ колдуны, когда они заставляютъ подчиненныхъ имъ духовъ узнавать, что дѣлается въ той или иной мѣстности. Какъ наиболѣе бьющая на воображеніе, именно эта сторона дѣятельности лопарскихъ шамановъ нашла себѣ и наибольшее число описателей и разсказчиковъ.

Ограничусь описаніемъ и этой дѣятельности нойдовъ лишь въ общихъ чертахъ.

Для исполненія этой задачи требовалось, чтобы шаманъ пришелъ въ экзальтированное состояніе при помощи ударовъ въ бубенъ и пѣсни, какъ своей, такъ и своихъ спутниковъ (учениковъ), которые помогали ему. Въ числѣ помощниковъ были не только мужчины, но и женщины. Пѣсни, которыя пѣлись какъ самимъ шаманомъ, такъ и его спутниками, имѣли строго опредѣленныя слова; первая называлась *іойике*, вторая — *дуура* [2]). Шаманъ сначала начиналъ ударять въ бубенъ тихо, затѣмъ сильнѣе и сильнѣе, пока не терялъ сознанія. Спутники нойда въ это время усиленно пѣли, опасаясь забыть слова пѣсни; если это произойдетъ, шаману грозитъ смерть. Въ это же время, пока духъ совершаетъ свое путешествіе, нужно оберегать шамана отъ прикосновенія чего бы то ни было, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему также грозитъ смерть. Пролежавъ такимъ образомъ нѣкоторое время, онъ поднимается и разсказываетъ, что происходило въ той странѣ, куда духъ его направлялся [3]). Небезъинтереснымъ является разсказъ Реньяра (французскаго путешественника въ Лапландію въ XVII в.) о шаманѣ, котораго онъ видѣлъ. Когда явился къ нему нойдъ, онъ попросилъ, чтобы тотъ принесъ ключи отъ комнаты его мате-

1) Schefferus. Lapponia p. 142.
2) ibid p. 137.
3) ibid. p. 135—139.

Digitized by Google

ри... „Глаза у чародѣя завертѣлись, лицо измѣнилось въ цвѣтѣ, борода всклокочилась. Казалось, что онъ сломаетъ свой бубенъ: съ такой силой онъ ударялъ по немъ, и наконецъ онъ упалъ, окаченѣвъ, словно палка. Всѣ лопари, здѣсь присутствовавшіе, тщательно оберегали, чтобы кто-нибудь не приблизился къ нему при такомъ его состояніи; отгоняли даже мухъ, не позволяя имъ сѣсть на него... Лопарь лежалъ словно мертвый съ четверть часа и, мало-по-малу приходя въ себя, сталъ блуждающимъ взоромъ смотрѣть на насъ. Осмотрѣвъ насъ всѣхъ, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ, что его духъ не можетъ повиноваться ему, такъ какъ я болѣе сильный чародѣй, чѣмъ онъ, и что мой духъ сильнѣе его“ [1]). Ачерби передаетъ и слова пѣсни іойике: „проклятый волкъ, уходи отсюда и не оставайся болѣе въ этихъ лѣсахъ. Уходи въ самые отдаленные предѣлы земли; если ты не уйдешь, пусть убьетъ тебя охотникъ“. Эту пѣснь, по словамъ Ачерби, поютъ также и не колдуны, такъ какъ она имѣетъ силу ограждать стада отъ волковъ [2]). Трудно представить себѣ, однако, чтобы это были единственныя слова пѣсни шамановъ, такъ какъ изгнаніе волка не совсѣмъ умѣстно, когда шаманъ собирается отправляться въ другіе края или даже въ царство мертвыхъ.

Небезъинтересенъ и тотъ фактъ, что шаману не должно было быть болѣе пятидесяти лѣтъ, и что зубы у него должны были быть цѣлы,—иначе онъ утрачивалъ свою силу [3]).

Слава лопарскихъ нойдовъ была настолько сильна, настолько упрочилась за ними, что не только сосѣдніе финляндцы, но даже шведы и норвежцы, если вѣрить словамъ Шеффера, посылали своихъ дѣтей обучаться у нихъ колдовству.

Конечно, указанными сторонами не ограничивалась дѣятельность древнихъ шамановъ; но старинные писатели оттѣняютъ лишь эти стороны дѣятельности ихъ, и поэтому-то

1) Regnard. Voyage de Laponie p. 88, 89.

2) Acerbi. Reise durch Schweden und Finnland.

3) Erman Archiv. XX. стр. 355.

Digitized by Google

я на нихъ и остановился. Кромѣ того, и христіанству, и шведскому законодательству приходилось сильно бороться именно съ шаманизмомъ. Шведское законодательство, несмотря на строгость свою къ тѣмъ, которые употребляли бубенъ, вывела его изъ употребленія очень не скоро. Въ XVIII в. дѣйствительно его встрѣчаютъ рѣже. Гегстремъ пишетъ, что ему самому даже не удалось ни разу видѣть бубна, такъ какъ тотъ, кто его имѣетъ, держитъ это втайнѣ, боясь кары [1]). Мало-по-малу выходя изъ употребленія, бубенъ продержался вплоть до начала XIX столѣтія, и хотя Шубертъ, посѣтившій Лапландію въ 2-мъ десятилѣтіи нашего вѣка, пишетъ, что бубенъ встрѣчался у лопарей еще лѣтъ за 20 до его пріѣзда, но что теперь языческіе обряды всѣ исчезли,[2]) однако мы имѣемъ свидѣтельство Гоггюера отъ 1828 г., который пишетъ, что нѣкоторые старики до сихъ поръ имѣютъ еще бубенъ[3]). Свидѣтельство Шуберта объ исчезновеніи языческихъ обрядовъ можетъ быть, пожалуй, вѣрнымъ только для скандинавской Лапландіи, гдѣ проповѣдь христіанства, поставленная на разумную почву, дѣйствительно принесла свои плоды. Въ русской Лапландіи мы видимъ далеко не то.

Современемъ однако христіанство и въ русской Лапландіи въ корнѣ должно было измѣнить міросозерцаніе лопаря, заставить забыть своихъ прежнихъ боговъ, оставить пустынными древнія капища. Однимъ словомъ, богатая языческая миѳологія лопаря оказалась замѣненной новымъ пантеономъ, такъ какъ христіанство усвоилось лишь съ чисто внѣшней стороны. Поэтому-то, разбивъ, разрушивъ прежнія вѣрованія лопаря, христіанство не стерло ихъ окончательно но оставило хотя бы и жалкіе остатки, въ которыхъ мы съ трудомъ увидимъ развалины прежнихъ вѣрованій. Сравнимъ теперь, что осталось отъ древнихъ шамановъ среди современныхъ кол-

---

1) P. Högström. Beschreibung des Lapplandes. стр. 224.

2) Schubert. Reise durch Schweden, Norwegen, Lappland. стр. 312.

3) Hogguer. Reise; стр. 96: „Волшебный бубенъ почти совсѣмъ вышелъ изъ употребленія, хотя и встрѣчаются еще нѣкоторые старики, которые тайкомъ пользуются имъ“.

Digitized by Google

дуновъ лопарскихъ, какъ видоизмѣнились они за нѣсколько вѣковъ исповѣдыванія лопарями христіанства.

Прежде чѣмъ перейти къ этому вопросу, позволю себѣ коснуться хоть бѣгло вообще современныхъ вѣрованій русскихъ лопарей.

По отзывамъ, лопари „добрые христіане", „церковь посѣщаютъ усердно", „иконы чтутъ и свѣчки ставятъ" и т. д. Если основываться исключительно на этихъ данныхъ можно вынести впечатлѣніе, что дѣйствительно христіанство въ русской Лапландіи оказало сильное воздѣйствіе на умы лопарей, заставило ихъ забыть свое прежнее міросозерцаніе. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ: поговорите съ любымъ колянином, и онъ разскажетъ вамъ въ огромномъ количествѣ случаи, гдѣ лопарь является чистымъ полуязычникомъ. Такъ, разсказывали мнѣ, что еще недавно лопари пріѣзжали въ Колу брать очистительную молитву для своихъ женъ послѣ родовъ и просили священника „наговорить" имъ молитву въ шапку; разсказывали также, что когда лопарь по ошибкѣ молился передъ иконой не того святого, которому онъ хотѣлъ поставить свѣчку, онъ, замѣтивъ свою ошибку, выругался на икону и т. п. Дѣйствительно, подобные разсказы имѣютъ лишь анекдотичный характеръ, и, какъ извѣстно, такіе разсказы очень распространены въ Россіи повсюду, гдѣ великорусскій элементъ сталкивается съ инородческимъ; но эти разсказы все-таки обрисовываютъ намъ и взглядъ колянина на лопаря, который своимъ лишь чисто формальнымъ отношеніемъ къ христіанству далъ ему поводъ приписать ему такого рода воззрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, подъ этой внѣшней оболочкой христіанства таятся у лопаря воззрѣнія и вѣрованія далекой языческой эпохи, причемъ, конечно, съ каждымъ годомъ христіанство заполоняетъ все болѣе и болѣе кругозоръ лопарей, заставляя ихъ на вѣрованія отцовъ смотрѣть лишь какъ на суевѣрія, отъ которыхъ однако лопарю не легко отрѣшиться.

Современный русскій лопарь, какъ и его предокъ язычникъ, населяетъ землю различными духами, но эти духи вы-

Digitized by Google

ходятъ какими-то жалкими, сравнительно съ развитыми представленіями о богахъ у древнихъ лопарей. То, что нѣкогда являлось необходимымъ условіемъ жертвеннаго ритуала, является теперь лишь „симпатическимъ“ средствомъ. И лишь среди немногихъ, сравнительно, лопарей эти суевѣрія имѣютъ еще характеръ точныхъ религіозныхъ представленій. Но смотритъ ли современный лопарь на прадѣдовскія вѣрованія, какъ на остатокъ завѣщаннаго ему предками его культа, или какъ на обряды, въ значеніи которыхъ онъ себѣ дать отчета не можетъ,—все-таки они являются существенной стороной его жизни, все-таки поглощаютъ его вниманіе.

Ограничусь лишь нѣкоторыми свѣдѣніями, которыя мнѣ лично удалось узнать отъ лопарей. Прежніе домашніе духи, которыхъ лопари поселяли подъ очагомъ и которыхъ чтили жертвоприношеніями, перешли въ обыкновеннаго домового, по-лопарски — *пертъ-хозинъ*. Въ Сонгельскомъ погостѣ, разсказывали мнѣ, пертъ-хозинъ не давалъ покоя одному лопарю: ночью поднимался шумъ; пертъ-хозинъ сыпалъ съ потолка на проходящихъ и бросалъ въ нихъ вещи домашняго обихода. Одинъ лопарь ухитрился схватить домового за руку и зажечь спичку. Оказалось, что тотъ весь въ шерсти, „словно собака“; но послѣ этого пертъ-хозинъ бросилъ этотъ домъ. Здѣсь мы видимъ, что домовой, какъ почти всюду, обратился въ духа недобраго, вредящаго и мѣшающаго жителямъ даннаго дома. Воспоминаніе о немъ, какъ о предкѣ, утратилось совершенно, и его не только не ублажаютъ жертвами, но даже рады, когда онъ уйдетъ изъ дому. Какъ воспоминаніе о связи пертъ-хозина съ домашнимъ очагомъ, сохранился слѣдующій обычай, распространенный почти у всѣхъ, такъ называемыхъ кольскихъ лопарей: именно, куда бы лопари ни пріѣхали, они сначала зажигаютъ огонь въ камелькѣ, а затѣмъ уже сносятъ кладь; это дѣлается для того, чтобы пертъ хозинъ былъ ласковѣе. Когда лопари уѣзжаютъ на другое мѣсто, они оставляютъ на покидаемомъ ими мѣстѣ въ камелькѣ дрова, спички и растопку, чтобы по возвращеніи своемъ скорѣе зажечь огонь, не то съ кѣмъ нибудь случится

Digitized by Google

болѣзнь. Всякій разъ, когда лопари ложатся спать, они накладываютъ въ камелекъ жаръ и затѣмъ ножемъ крестятъ камелекъ три раза. Во всѣхъ этихъ обычаяхъ сквозитъ ясно мысль, что въ камелькѣ живетъ пертъ-хозинъ. Древніе помѣщали подъ очагомъ души усопшихъ. Ясно, что пертъ-хозинъ есть лишь извращенный предокъ, обломокъ нѣкогда развитаго вѣрованія въ духовъ-покровителей. Въ связи съ домашнимъ очагомъ стоитъ слѣдующее: около камелька, обыкновенно отгораживается мѣсто, имѣющее видъ продолговатаго четырехугольника; за эту ограду никто, ни мужчина ни женщина, не можетъ переступить; женщины не смѣютъ даже ни становиться, ни садиться на эту ограду: это оскверняетъ святыню. Не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что на этомъ мѣстѣ находились либо священныя изображенія языческой эпохи, либо что это мѣсто считалось жилищемъ домашнихъ духовъ. Среди лопарей нѣкоторыхъ погостовъ это отдѣленіе четырехугольника осталось, но съ нимъ ужъ не связывается никакихъ религіозныхъ представленій: въ этотъ четырехугольникъ кладутъ посуду.

Въ горахъ живетъ другой духъ, женскій—*Луотъ-хозикъ* (оленья хозяйка). Это божество особенно близко къ лопарямъ, такъ какъ въ горахъ обыкновенно проводятъ олени все лѣто. Дѣло въ томъ, что, спуская оленей на волю лѣтомъ, лопари уѣзжаютъ сами по своимъ тонямъ; такимъ образомъ олени остаются безъ всякаго присмотра, и обыкновенно осенью, когда лопари собираютъ своихъ оленей, они многихъ не досчитываются. Если олени оказались цѣлыми, то это даръ и знакъ милости луотъ-хозикъ: она посылаетъ оленямъ богатыя пастбища изъ оленьяго моха, она оберегаетъ ихъ отъ дикихъ звѣрей; лишь отъ человѣка она не можетъ уберечь стада. Лопари ея не боятся: она охраняетъ и пасетъ стада оленьи, самое дорогое, самое цѣнное изъ убогаго имущества лопаря. Она же посылаетъ и охотнику дикаго оленя. Луотъ хозикъ при отпусканіи оленей на волю молятся въ слѣдующихъ словахъ: „Луотъ-хозикъ, береги нашихъ оленей.“ Если къ осени олени всѣ нашлись, ее благодарятъ, говоря:

Digitized by Google

„спасибо тебѣ, что поберегла нашихъ оленей". Даже если часть оленей пропадетъ, то ее не винятъ. Луотъ-хозикъ живетъ въ тундрѣ; видомъ походитъ она на человѣка: „ходитъ на ногахъ, какъ человѣкъ, и лицо человѣчье, только вся въ шерсти, словно олень", описывали мнѣ ее лопари.

Кромѣ Луотъ хозикъ обязанность оберегать оленей лежитъ еще на *Поць-хозинъ* и *Поць-хозикъ*, (мужъ и жена). Они также пасутъ оленей, оберегаютъ ихъ отъ волковъ, но также какъ и Луотъ-хозикъ, не могутъ уберечь отъ злого человѣка. Съ Луотъ-хозикъ они живутъ мирно.

Сообщу еще краткія свѣдѣнія о лѣсномъ духѣ и о духѣ воды. Лѣсной духъ—*мецъ-хозинъ* живетъ въ лѣсу; черный съ хвостомъ; зла людямъ онъ не дѣлаетъ, если люди ему не досаждаютъ; но если они въ лѣсу начинаютъ кричать, шумѣть, или пѣть, то мецъ-хозинъ заведетъ ихъ въ лѣсу „такъ, что не выйдешь"; поэтому-то и необходимо, проходя по лѣсу, соблюдать тишину.

Во всякой водѣ, будь то озеро или рѣка, живетъ *саціенъ* съ своими дѣтьми. Она является людямъ въ образѣ нагой женщины, расчесываетъ свои волосы „хорошимъ" гребнемъ. Лицо у ней бѣлое, чистое, волосы черные. Если испугать саціенъ. она въ испугѣ бросается въ воду, оставляя на берегу на камнѣ, на которомъ сидѣла, и гребень, и часть волосъ. Это божество не всегда является милостивымъ: она часто затаскиваетъ къ себѣ людей, почему купаться и является опаснымъ. Вотъ что разсказывали мнѣ лопари Нотозерскаго погоста про одного изъ своихъ односельчанъ Ивана Титова: „Ванька Титовъ купался утромъ, часа въ 4. Какъ снялся совсѣмъ, видитъ—въ водѣ идетъ человѣкъ нагишемъ, и стала тащить его и протащила съ $^1/_2$ версты за ногу. Онъ закричалъ; пришли жонки, да и онъ молитву прочелъ, только тѣмъ и спасся. Потомъ онъ спать завалился на ночь; пришла къ нему саціенъ и говоритъ: „счастливъ ты, что у тебя есть жонки, а то бы я тебя утащила; дай мнѣ то, чего тебѣ не жалко". Онъ говоритъ: „ладно, даю", и далъ серебряный рубль да бисеръ и бросилъ въ воду, а на слѣдующую ночь

Digitized by Google

саціенъ пришла и говоритъ: „спасибо: очень я довольна". Послѣ этого онъ и не смѣетъ купаться".

Я позволилъ себѣ остановиться на вѣрованіяхъ въ этихъ духовъ, такъ какъ они по своему назначенію являются наиболѣе близкими для лопаря. На водѣ ему приходится проводить большую часть времени при его рыбныхъ промыслахъ, являющихся главнымъ источникомъ его дохода; олени—самое дорогое для лопаря имущество, и богатство лопарей мѣряется даже по числу головъ, принадлежащихъ той или иной семьѣ; пертъ-хозинъ уже въ своемъ положеніи домашняго духа долженъ быть близокъ лопарю. Но, несмотря на то, что именно эти духи являются столь близкими лопарю, и вслѣдствіе этого уже должны были устоять крѣпче подъ напоромъ новыхъ идей,—вѣра въ этихъ духовъ, ихъ культъ крайне слабо развитъ среди лопарей и уничтожается быстро съ каждымъ годомъ. Теперь еще въ Нотозерскомъ погостѣ приносятся жертвы разнымъ вышепоименованнымъ духамъ; вѣроятно, что это встрѣчается и среди лопарей другихъ погостовъ, но это является уже переживаніемъ, которое вскорѣ либо совсѣмъ выйдетъ изъ употребленія, либо обратится въ „симпатическое" средство, въ простое суевѣріе. Капища, въ которыхъ недавно сравнительно приносились лопарями жертвы, стоятъ въ настоящее время пустыми, и если, быть можетъ, встрѣчаются еще жертвоприношенія, то они совершаются лишь украдкой; мнѣ, по крайней мѣрѣ, не удалось ничего узнать даже о фактѣ существованія жертвоприношеній, хотя мнѣ и указывали на старинныя капища.

Если такъ быстро измѣнились, рухнули вѣрованія лопарей (это разрушеніе вѣрованій произошло очень недавно, съ тѣхъ поръ, какъ внутри Лапландіи стали строить церкви), то въ правѣ ли мы ожидать богатыхъ данныхъ о колдунахъ? И ихъ слава прошла или потускнѣла, какъ потускнѣла слава боговъ прежнихъ лопарей. За уничтоженіемъ жертвоприношеній и жрецъ оказался лишнимъ. Бубенъ вышелъ изъ употребленія, сами средства колдовства видоизмѣнились. И если посмотрѣть на современнаго колдуна среди лопарей,

Digitized by Google

на его дѣятельность,—онъ съ перваго взгляда мало будетъ похожъ на шамановъ, выходившихъ изъ среды предковъ современныхъ лопарей.

Однако, если вглядѣться глубже и провѣрить, какъ самъ лопарь смотритъ на своихъ колдуновъ, какой силой онъ ихъ одаряетъ, хотя эта сила и не выражается подчасъ видимымъ для лопарей образомъ,—мы ясно увидимъ, что современный лопарскій колдунъ лишь нѣсколько болѣе слабый потомокъ прежнихъ чародѣевъ, но потомокъ несомнѣнный, прямой. Уже то обстоятельство, что лопари своего колдуна называютъ *нойдъ*, слѣдовательно, тѣмъ же именемъ, какое придавалось древнему шаману, доказываетъ, что тотъ колдунъ, котораго мы видимъ въ настоящее время среди лопарей, есть лишь нѣсколько видоизмѣненный древній шаманъ. Въ качествѣ жреца ему уже не приходится принимать участія, но гаданія, узнаваніе будущаго и т. д. остались его дѣломъ.

Современные нойды въ большомъ числѣ встрѣчаются среди лопарей; они, такъ сказать, разсѣяны по всей лопской землѣ. Но сила ихъ, какъ и древнихъ шамановъ, не одинакова. Въ то время, какъ одни лопари, по словамъ своихъ односельчанъ, являются лишь „маленько колдунами", другіе прославились на большое пространство, и къ нимъ приходятъ издалека за совѣтомъ и зовутъ ихъ въ отдаленные погосты для излѣченія больного или для гаданія.

Какимъ же образомъ лопарь дѣлается колдуномъ?

Можно имъ быть отъ природы, можно и научиться колдовству, хотя для того, чтобы быть признаннымъ колдуномъ, на сколько мнѣ извѣстно, и не требуется исполненія тѣхъ формальностей, описаніе которыхъ мы видимъ у древнихъ писателей. Обыкновенно же умѣнье колдовать переходитъ по наслѣдству изъ рода въ родъ: отецъ-колдунъ, умирая, оставляетъ умѣнье колдовать либо сыну, либо дочери, „благословляетъ колдовствомъ", какъ говорятъ лопари. Въ Нотозерскомъ погостѣ, живетъ одна лопарка, по имени Афимья Егоровна, жена того Ивана Титова, о которомъ я говорилъ выше. Родомъ она изъ Пазрѣцкаго погоста; ей приписываютъ умѣнье

Digitized by Google

колдовать, и по поводу способа, которымъ перешло это искусство на Егоровну, существуетъ у лопарей слѣдующій разсказъ, отъ справедливости котораго и сама Егоровна не отрекается: „Когда отецъ Егоровны умиралъ, онъ спрашиваетъ ее: „чѣмъ тебя, Афимьюшка, благословить?“ Она молчитъ. Что-то упало на улицѣ. Отецъ испугался и замололъ что-то и закашлялъ; когда пришелъ онъ въ себя, она и говоритъ: „ты чего испугался? что-то упало на улицѣ“. Онъ и говоритъ: „этимъ-то только я благословляю тебя—больше ничѣмъ не могу“. Съ тѣхъ поръ она стала пугаться и немного колдовство знаетъ“.

Такого рода передача колдовства отъ отца къ сыну или дочери можетъ имѣть силу сколько угодно поколѣній: знаніе колдовства, являясь собственностью его обладателя, на ряду съ прочимъ семейнымъ имуществомъ переходитъ на наслѣдниковъ; но въ то время, какъ прочее имущество глава семьи не имѣетъ права завѣщать другому лицу помимо семейныхъ, этотъ даръ колдовства онъ можетъ передать и чужому, хотя обыкновенно передаетъ его одному изъ своихъ наслѣдниковъ. Въ этомъ обычаѣ передачи своихъ знаній въ колдовствѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, мы видимъ еще воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда сынъ научался колдовству отъ отца, и такимъ образомъ это знаніе являлось наслѣдственнымъ. Эту эпоху, какъ видно изъ предшествующаго, писатели XVII в. застали еще у скандинавскихъ лопарей, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ скандинавской Лапландіи.

Колдуны въ большой славѣ у лопарей; имъ приписывается большая сила, и масса разсказовъ, ходящихъ въ устахъ лопарей о чудесахъ, произведенныхъ нойдами, служатъ лучшимъ подтвержденіемъ этого. Часть этихъ разсказовъ относится къ далекому прошлому, но, передавая ихъ, лопари и не думаютъ оттѣнять, что современные нойды слабѣе древнихъ. Всякій нойдъ, если онъ силенъ, можетъ сдѣлать то, что дѣлали древніе, и если онъ этого не дѣлаетъ, то лишь оттого, что этому не представляется случая или необходимости.

Digitized by Google

Во всякомъ случаѣ, эти разсказы характерно рисуютъ намъ взглядъ лопарей на ихъ нойдовъ и поэтому я позволю себѣ остановиться на нихъ [1]).

Существуетъ преданіе, что Нотозеро было однажды спасено отъ разорительнаго набѣга чуди одной дѣвкой—нойдою. Однажды нойда сказала своимъ односельчанамъ: „Заготовьте хлѣба и воды на три дня; изъ тупъ (избъ) не ходите—будетъ буря; а меня не будите три дня". Дѣйствительно, поднялась большая буря съ мятелью, которая длилась три дня. Въ это время нойда спала; когда по прошествіи трехъ дней она проснулась, она сказала: „теперь всѣ мужики идите съ топорами на большой мохъ". Когда мужики пришли на означенное мѣсто, они увидѣли погибающую въ снѣгу отъ холода чудь: всѣхъ чудиновъ тутъ и побили. Такимъ образомъ побѣгъ чуди не удался.

А вотъ какъ разсказываютъ пазрѣцкіе лопари о томъ, почему перевелись въ ихъ странѣ дикіе олени. „Жилъ въ Пазрѣкѣ нойдъ; ему хотѣлось, чтобы у пазрѣчанъ было много оленей. Вотъ онъ разъ и сказалъ своимъ друзьямъ: „поѣдемъ на суднѣ въ Швецію, привеземъ оттуда оленей". Поѣхали съ Вылемскаго наволока (съ устья Пазрѣцкаго залива) и пристали къ Шведскому берегу. Нойдъ выходя на берегъ, сказалъ своимъ: „я возьму тамъ оленій рогъ и буду грызть: вы не препятствуйте и ничего не спрашивайте". Съ берега онъ возвратился, держа во рту рогъ, сѣлъ въ лодкѣ на кормѣ, и снова они поѣхали. Олени за нимъ и поплыли. Онъ грызъ рогъ и дошелъ до вѣтвей его. Тутъ онъ сталъ показывать своимъ спутникамъ, чтобы они отрубили ихъ, но тѣ не поняли его знаковъ. Пріѣхали къ Вылемскому наволоку, нойдъ вышелъ на берегъ и сказалъ: „зачѣмъ не отрубили вы вѣтвей у рога: теперь будутъ у насъ только тѣ олени, которые успѣли зайти въ море, а прочіе останутся, да и пришедшіе

[1]) Свѣдѣнія о пазрѣцкихъ лопаряхъ и послѣдній разсказъ о нойдѣ сообщены мнѣ обязательнымъ настоятелемъ Пазрѣцкой церкви, отцомъ Константиномъ Щеколдинымъ, за что и позволяю себѣ выразить здѣсь ему мою глубокую признательность.

Digitized by Google

не долго будутъ жить. Вотъ поэтому и нѣтъ дикихъ оленей". Кромѣ вѣры въ силу нойда, которая такъ ясно выразилась въ этомъ сказаніи, характернымъ является то, что при совершеніи колдовства, нойдъ не можетъ говорить: онъ долженъ хранить глубокое молчаніе. Въ слѣдующемъ разсказѣ это выражается еще яснѣе. Сила нойдовъ доходитъ здѣсь до высшей степени. Противъ Рыбачьяго наволока лежатъ такъ называемые Айновы острова. О происхожденіи ихъ у пазрѣцкихъ лопарей существуетъ слѣдующее преданіе. Еще до принятія христіанства лопарями въ Печенгскомъ погостѣ славились три брата-силача — нойды. Оленей въ это время было мало, а въ Швеціи ихъ было много. Вотъ братья и сказали матери: „поѣдемъ въ Норвегу, отрѣжемъ кусокъ земли и пріѣдемъ на ней со всѣмъ добромъ и оленями". Они уѣхали, и мать, спустя долгое время, увидѣла во снѣ, что дѣти возвращаются. Она вышла изъ тупы и услышала шумъ; съ радости она закричала: „вотъ дѣтки ѣдутъ, везутъ живота, быковъ, важенокъ (самка оленя); не даромъ же они говорили". Когда она прокричала это, сама окаменѣла, окаменѣлъ и весь погостъ (деревня). Земля, на которой, дѣйствительно, подплывали ея дѣти, разорвалась на двѣ части; нойды и олени потонули, а изъ земли, на которой плыли нойды, образовались два острова Айновы, извѣстные морошкою.

Кромѣ этого преданія о происхожденіи Айновыхъ острововъ, существуетъ преданіе, что нойды хотѣли запереть островами входъ въ Печенгскій заливъ, а Кильдинскимъ островомъ входъ въ Кольскій заливъ, для того чтобы сдѣлать непріятность св. Трифону, проповѣдывавшему христіанство въ то время среди лопарей. Когда люди увидѣли подплывающую землю, они закричали: „земля идетъ!". Земля тотчасъ остановилась, а нойды, плывущіе на ней, тотчасъ окаменѣли.

Кромѣ вѣры, что нойды могутъ отрѣзывать куски земли и на нихъ переплывать съ мѣста на мѣсто, въ этихъ двухъ преданіяхъ ясно выражено, что шумъ при совершеніи колдовства является гибельнымъ для колдуновъ. Въ первомъ преданіи они тонутъ, во второмъ обращаются въ камни.

Digitized by Google

Это воззрѣніе, живущее, какъ видно, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, среди пазрѣцкихъ лопарей, сближаетъ вѣрованія современныхъ лопарей съ древними ихъ скандинавскими сосѣдями. Аналогичныя преданія записаны и тамъ. Такъ, происхожденіе многихъ священныхъ камней (сейдовъ) объяснялось именно тѣмъ, что чародѣи превращались въ камни. Чародѣи имѣли особую способность сгонять оленей или лѣсныхъ звѣрей для себя и для другихъ. Но, чтобы это удалось, требовалось, чтобы колдованіе происходило при полномъ молчаніи. Если нойдъ произносилъ хоть слово, онъ тотчасъ превращался въ камень. Такъ произошелъ камень, находящійся на берегу Утсьоки. Преданіе гласитъ, что тамъ жилъ извѣстный волшебникъ, который однажды призвалъ заклинаніями къ себѣ оленье стадо. При совершеніи заклинаній онъ запретилъ своему слугѣ нарушать молчаніе. Слуга, увидавъ, что оленье стадо приближается, забылъ запрещеніе своего господина и закричалъ отъ радости: оленье стадо дѣйствительно подошло, но нойдъ былъ обращенъ въ камень [1]).

Оставивъ въ сторонѣ народныя преданія, посмотримъ, чего лопарь можетъ требовать отъ колдуна, на чемъ сосредоточивается его дѣятельность. Конечно, о жертвоприношеніяхъ, въ которыхъ древніе шаманы принимали столь дѣятельное участіе, въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Остальныя функціи остались за нимъ, онъ можетъ приносить добро и зло, можетъ насылать болѣзнь или излѣчивать больного, узнавать будущее, подавать счастіе. Въ способность колдуна исполнять всѣ эти задачи лопари вѣрятъ беззавѣтно. Мало того, иногда случается такъ, что колдунъ помимо своей воли приноситъ добро, если знать способы, какъ заставить его это сдѣлать. Вотъ какой разсказъ сообщилъ мнѣ о. Константинъ Щеколдинъ; онъ ярко рисуетъ намъ вѣру лопаря въ своего колдуна. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ разсказъ передается лопарями не какъ сказка, а какъ быль, т. е. какъ фактъ, бывшій въ дѣйствительности, и въ этомъ своемъ зна-

---

1) Erman Archiv XX. стр. 351.

Digitized by Google

ченіи были онъ пріобрѣтаетъ еще большую цѣну для обрисовки мнѣній и взглядовъ современнаго лопаря.

Былъ не очень давно въ Пазрѣкѣ одинъ лопарь, по имени Никита. Онъ былъ раньше хорошій охотникъ, но послѣ по неизвѣстнымъ причинамъ ему не удавалось убить ни одного звѣря, ни птицы; вслѣдствіе этого онъ сталъ чувствовать большую нужду. Однажды изъ Сонгельскаго погоста пріѣхалъ въ Пазрѣку нойдъ; Никита пошелъ къ нему на встрѣчу и пригласилъ къ себѣ въ тупу. Нойдъ былъ къ тому и родственникъ Никитѣ. Вечеромъ онъ его угостилъ. Послѣ ужина для нойда онъ приготовилъ и постель. Когда нойда вышелъ на улицу, Никита положилъ ему внизъ подъ голову, такъ что нойдъ этого не замѣтилъ, рогъ съ порохомъ и пулями. Нойдъ легъ спать. Утромъ нойдъ сталъ въ головахъ у себя перебирать все платье и, наконецъ, дошелъ и до роговъ. Взялъ онъ ихъ въ руки и сказалъ Никитѣ: „Кто тебя научилъ сюда ихъ положить?"—Ѣсть захочешь, поневолѣ положишь.—„Ну, возьми, теперь будешь доставать хорошо". И дѣйствительно, послѣ этого старикъ съ охоты никогда болѣе не возвращался съ пустыми руками.

Ходятъ лопари къ колдуну также съ просьбой приворожить себѣ кого-нибудь. Характерно то, что къ колдуну обращаются съ этой цѣлью только парни, никогда дѣвушки. Колдуну приносятъ что-нибудь съѣстное, "какой-нибудь ѣдунъ", на который колдунъ и наговариваетъ. Затѣмъ онъ приноситъ указанной дѣвушкѣ этотъ „ѣдунъ" какъ бы отъ себя, и та, какъ только съѣстъ, тотчасъ привораживается къ данному парню. Когда колдунъ начинаетъ наговаривать, онъ покрывается самъ и покрываетъ и предметъ, на который онъ наговариваетъ, платкомъ. Самый наговоръ онъ совершаетъ, ушедши въ уголъ комнаты; по произнесеніи словъ наговора, колдунъ поспѣшно обвертываетъ наговоренный предметъ въ тряпку или бумажку и несетъ его дѣвушкѣ. Случается, конечно, что дѣвушка не рѣшается принять отъ колдуна подарокъ, что дѣлается, впрочемъ, по словамъ лопарей, не изъ страха передъ колдуномъ, а изъ стыдливости;

Digitized by Google

тогда колдунъ производитъ свой наговоръ вторично и снова несетъ дѣвушкѣ какой-нибудь гостинецъ, пока та не согласится принять подарокъ, или если дѣвушка остается въ своемъ отказѣ непреклонной, нашептываетъ на воду и заставляетъ дѣвушку выпить эту воду.

Обращаются къ колдуну и супруги, живущіе несогласно другъ съ другомъ, что однако встрѣчается рѣдко, такъ какъ въ общемъ супруги здѣсь живутъ обыкновенно очень согласно. Рѣдко вообще можно встрѣтить семью, въ которой мужъ и жена живутъ нехорошо другъ съ другомъ. Но если однако это случилось, то помощникомъ при возстановленіи семейнаго мира является опять-таки колдунъ или колдунья. Производится опять наговоръ, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, съ покрытіемъ себя и наговариваемаго предмета (воды, муки или рыбы) платкомъ; кромѣ того, нойдъ чертитъ ножомъ разныя фигуры на наговариваемомъ предметѣ; послѣ этого наговоренный предметъ дается супругу при первой возможности.

Служитъ колдунъ также для объясненія непонятныхъ лопарю чудесныхъ явленій, видѣній сновъ и т. п. Къ первымъ лопари имѣютъ особую склонность. Приведу разсказъ, записанный мною буквально со словъ лопарей—быль про ту-же Егоровну, о которой я упоминалъ уже выше. Это было еще тогда, когда Егоровна была лишь невѣстой Ивана Титова. „Отецъ и мать уѣхали въ Колу. Егоровна сидѣла одна и мужику (т. е. жениху) подъ вѣнецъ каньги (обувь) шила. Солнце было часу на шестомъ. Она сидѣла и шила подъ окномъ, которое выходило на улицу. Двѣ барышни прилетѣли будто на крыльяхъ. Онѣ прилетѣли и сѣли около нея; барышни въ черныхъ платьяхъ и въ шляпахъ и въ лентахъ, возлѣ нея сѣли и говорятъ: „мы шли, шли—по пути избушка стоитъ; въ той избушкѣ—маленька подружка, порато (очень) маленькая“; и головой качаютъ. Которая постарше барышня, у той ключи въ карманѣ, которыми она и брякаетъ, и старшая сестра брякаетъ въ карманѣ ключами и спрашиваетъ у младшей сестры: „отдать ли этой (Егоровнѣ) ключи?“ Млад-

Digitized by Google

шая сестра и говоритъ : „нѣтъ, рано ей еще отдать, не можетъ она владать нашими ключами.“ У младшей сестры руки всѣ въ кольцахъ. Егоровна и спросила: „барышни—въ Колѣ видала я барышень—тѣ колецъ не носятъ, а у васъ много колецъ на рукахъ“. Она и говоритъ: „мы эти кольца даемъ разнымъ лицамъ, кому два, кому три, кому пять, кому и десятокъ. А тебѣ на 23-мъ году даемъ ломанное кольцо, а на 44-мъ году дадимъ тебѣ кольцо—на весь вѣкъ хватитъ да и послѣ тебя еще останется“. Барышни эти полетѣли опять... эти барышни пришли опять подъ окно и говорятъ: „...смотри, до трехъ лѣтъ не сказывай“, и улетѣли. Егоровна испугалась и занемогла. За рѣкой тетка живетъ; она ждетъ Егоровну въ гости—та не идетъ: сутки—нѣтъ и другія—нѣтъ. Она пришла провѣдать, а Егоровна лежитъ: волосы растрепаны и сама черная, какъ уголь — въ чемъ душа?.. Тетка поѣхала къ Колѣ на встрѣчу отцу. Встрѣтила и говоритъ: „что дѣвку-невѣсту бросили всѣ? она въ худыхъ душахъ лежитъ“. Они и говорятъ: „неужто лежитъ?“ Они пріѣхали домой... отецъ маленько колдунъ былъ: у Егоровны онъ кольцо снялъ съ руки и косынку съ головы, а самъ ушелъ въ амбаръ; въ амбарѣ повалился спать, а кольцо и косынку подъ голову положилъ. Видитъ во снѣ, кто-то говоритъ ему: „кто-то былъ у дочери, но она не можетъ раньше трехъ лѣтъ сказать, а если скажетъ, то съ ней что-нибудь случится“. Онъ и сталъ матери этотъ сонъ разсказывать и говоритъ: „ей нельзя сказать, не надо и тревожить“. А послѣ трехъ лѣтъ она сказала отцу, какъ были барышни. Онъ и говоритъ: „Это у тебя дьяволы были: они хотѣли тебѣ колдовства дать—ключи, а только ты молода слишкомъ была. А кольца хотѣли дать—будетъ у тебя на 23-мъ году недоношенный ребенокъ“.

Этотъ разсказъ интересенъ тѣмъ, что, кромѣ того, что онъ рисуетъ намъ способы, къ которымъ прибѣгаетъ колдунъ для узнаванія тайныхъ явленій, онъ даетъ намъ еще представленіе, что колдовство посылается, по мнѣнію лопарей, дьяволомъ. На этомъ послѣднемъ воззрѣніи я остановлюсь

Digitized by Google

нѣсколько ниже; теперь позволю себѣ еще сказать о способахъ лѣченія болѣзней нойдами.

Дѣло въ томъ, что всѣ нойды имѣютъ силу посылать то, что лопари называютъ „стрѣлы", „витряное",—выражающееся въ колотьяхъ. Это вѣрованіе раздѣляютъ вмѣстѣ съ лопарями и коляне, и русскіе поморы, которые также приписываютъ лопарскимъ колдунамъ эту способность. Въ этомъ мы видимъ переживаніе взгляда, съ которымъ мы встрѣчались у древнихъ писателей, приписывавшихъ лопарямъ способность насылать тире, ганъ, или свинцовыя копья.

Если у кого появятся колотья призываютъ нойда, на обязанности котораго и лежитъ узнать прежде всего, кто наслалъ „стрѣлы"; ему даютъ платокъ и серебряный рубль или иную какую либо серебряную монету. Нойдъ завязываетъ ее въ платокъ и, отправляясь спать, кладетъ его подъ ухо; во снѣ онъ кричитъ и поетъ и, проснувшись, объявляетъ, что такой-то напустилъ „стрѣлы". Больной послѣ этого долженъ сказать: „сними съ меня стрѣлы". Колдуну даютъ другой платокъ съ деньгами, и онъ снова ложится спать и во снѣ отсылаетъ „стрѣлы" пославшему ихъ. Больной долженъ послѣ этого выздоровѣть. Если колдуну не дать денегъ и платка—онъ умретъ, такъ какъ ему нечѣмъ будетъ стряхнуть съ себя „стрѣлы", которыя онъ сгоняетъ съ больного, и болѣзнь должна перейти на него. „Стрѣлы" же можно стряхнуть лишь платкомъ и серебромъ (Нотозеро). Иногда „стрѣлы" вынимаютъ: ощупываютъ тѣло больного, пока не найдется мѣста, которое болитъ; найдя его, начинаютъ нажимать его, какъ бы выдавливая что-нибудь; затѣмъ дѣлаютъ видъ, будто вынули иголку, переламываютъ ее и сдуваютъ на вѣтеръ. Этотъ способъ практикуется, какъ колдунами, такъ и знахарями и даже простыми лопарями. Пазрѣцкіе лопари за труды колдунамъ платятъ платьемъ, оленями или овцами. Денегъ имъ никогда не даютъ, такъ какъ вѣрятъ, что давшій колдуну денегъ навсегда обѣднѣетъ. Въ Нотозерскомъ погостѣ, какъ мнѣ говорили лопари, тотъ платокъ и деньги, которые даются колдуну поступаютъ въ его собственность.

Digitized by Google

Особою славою, какъ колдуны, какъ лица умѣющія посылать „стрѣлы", славятся лопари Сонгельскаго погоста. Ихъ слава въ этомъ отношеніи столь велика, что пазрѣцкіе лопари боятся ихъ и встрѣчаютъ ихъ съ почетомъ: передъ ихъ проѣздомъ непремѣнно хвораютъ нѣсколько жителей Пазрѣки „витрянымъ"; имъ же приписывается способность вынимать изъ живого оленя сердце и печень.

Остается еще вопросъ: при помощи кого лопарскіе нойды производятъ свои дѣйствія? На этотъ вопросъ, до извѣстной степени, можно было уже отвѣтить, а именно, что у лопарей есть какой-нибудь духъ, который имъ служитъ, такъ какъ мы видѣли этихъ двухъ „барышень", которыя являлись Егоровнѣ и хотѣли дать ей ключи колдовства, и того колдуна, который во снѣ кричитъ и поетъ, и сгоняетъ тѣмъ „стрѣлы" съ больного. Подобно тому, какъ древній шаманъ въ безсознательномъ состояніи, вмѣстѣ съ духомъ ему служащимъ, совершалъ далекія путешествія и узнавалъ о причинахъ болѣзни,—такъ и современный нойдъ въ состояніи сна узнаетъ, кто послалъ на больного „стрѣлы". Кромѣ того, у пазрѣцкихъ лопарей, по словамъ о. Щеколдина, встрѣчаемся съ вѣрованіемъ, что у каждаго нойда есть какой-нибудь духъ. Онъ является ему ночью и лопарь приказываетъ ему сдѣлать то или другое, и духъ исполняетъ порученіе. Когда умираетъ нойдъ, духъ остается свободнымъ, и если колдунъ не завѣщалъ его кому нибудь—онъ идетъ къ разнымъ лопарямъ, предлагая свои услуги; является онъ въ этомъ случаѣ либо въ видѣ юноши, либо дѣвушки; къ такимъ-то оставшимся безъ господина духамъ и слѣдуетъ отнести тѣхъ „барышень", которыя являлись къ Егоровнѣ.

На Пайасъ-озерѣ ходитъ слѣдующій разсказъ, который выдается лопарями опять-таки за быль. На Пайасъ-озерѣ жилъ лопарь съ женой, не очень еще давно. У нихъ было три сына. Отецъ и мать уѣзжали на озеро промышлять рыбу, а дѣтей оставляли однихъ. Въ отсутствіе родителей ежедневно приходили къ нимъ трое красивыхъ юношей. Когда родители должны были возвратиться, юноши уходили и го-

Digitized by Google

ворили мальчикамъ: „когда вы выростете большими, мы будемъ жить вмѣстѣ, неразлучно, будемъ товарищами. Вы только отцу и матери не говорите, что мы ходимъ къ вамъ и что вамъ говоримъ". Однако меньшой сынъ разъ какъ-то разсказалъ родителямъ о происходящемъ въ ихъ отсутствіи. Тѣ испугались, чтобы дѣтей у нихъ не укралъ кто-нибудь, и поэтому переѣхали вмѣстѣ съ тупой на другую сторону озера. Юноши болѣе не показывались. Но вскорѣ всѣ три сына умерли. Тогда родители догадались, что подъ видомъ трехъ юношей приходили дьяволы, оставшіеся послѣ смерти какого-нибудь нойда, и хотѣли имъ служить, но такъ какъ родители уѣхали, то и духи ихъ оставили.

Древніе писатели, трактовавшіе о лопаряхъ и о ихъ шаманахъ, ничего не передали намъ, каковы были вѣрованія лопарей, сопряженныя съ нойдомъ послѣ его смерти. Что касается современныхъ русскихъ лопарей, то колдунъ остается опаснымъ и послѣ смерти, и даже будучи уже покойникомъ можетъ вредить людямъ. Приведу здѣсь разсказъ пазрѣцкихъ лопарей о смерти одного колдуна,—разсказъ, который въ своей безъискуственной формѣ повѣдаетъ намъ прямо изъ устъ лопарей, чѣмъ страшенъ колдунъ послѣ своей смерти. Позволяю себѣ привести этотъ нѣсколько длинный разсказъ цѣликомъ.

Жилъ въ Нотозерѣ нойдъ, по имени Ризь. Онъ много портилъ людей, а многимъ и пособлялъ. Наконецъ, подъ старость и самъ онъ занемогъ. Всѣ думали, что онъ поправится, но вышло иначе. Черезъ нѣсколько времени онъ умеръ и его стали бояться всѣ еще больше, чѣмъ живаго. Гробъ ему таки сдѣлали и туда положили, но везти хоронить никто не соглашался, потому что, какъ колдунъ, онъ могъ дорогой встать и другого съѣсть. Не смѣли его везти хоронить даже и сыновья. Наконецъ, одинъ таки, подобный ему, также нойдъ, нашелся и за назначенную плату повезъ хоронить покойника. Выѣхалъ онъ съ нимъ вечеромъ, чтобы утромъ или днемъ похоронить. Сперва ѣхалъ онъ на оленяхъ хорошо, но около полуночи вдругъ, ни съ того, ни съ сего,

Digitized by Google

олени испугались. Онъ посмотрѣлъ впередъ, на стороны, но нигдѣ никого не видно и не слышно. Оглянулся назадъ и увидѣлъ, что мертвецъ сидитъ. Ему сдѣлалось страшно, но онъ, какъ колдунъ, сейчасъ закричалъ ему: „когда умеръ—ложись!“ Мертвецъ его послушался—легъ. Черезъ нѣсколько времени олени опять испугались. Онъ посмотрѣлъ опять назадъ и видитъ, что *яммій* (мертвецъ) опять сидитъ. Онъ выскочилъ изъ кережи (саней), выхватилъ изъ-за пояса ножъ и сказалъ: „ложись, а не то я тебя зарѣжу, если не повалишься“. У покойника, при видѣ ножа, зубы сдѣлались желѣзными, и поэтому опасъ (возница) пожалѣлъ, что показалъ ножъ. Нужно было показать палку или полѣно и тогда зубы сдѣлались бы деревянными. Мертвецъ, однако, и на этотъ разъ легъ. Опасъ поѣхалъ впередъ, но онъ теперь зналъ, что если встанетъ яммій въ третій разъ, тогда его съѣстъ, и поэтому онъ подъѣхалъ къ большой ели, соскочилъ съ кережи, привязалъ оленей въ сторону, а самъ послѣ этого сталъ поспѣшно ползти вверхъ по дереву. Наконецъ, онъ добрался до вершины, а яммій—нойдъ въ это время всталъ и вышелъ изъ кережи. Зубы желѣзные чернѣли и скрипѣли, а руки были на груди такъ же, какъ и были сложены на крестъ, благословясь. Яммій подошелъ къ ели, обошелъ ее нѣсколько разъ кругомъ и сталъ грызть ель. Сперва онъ грызъ сучья и это сдѣлалъ скоро. Наконецъ, сталъ грызть и стволъ. Грызъ онъ, какъ россомаха, и отъ острыхъ зубовъ летѣли крупныя щепки. Грызъ онъ бойко и, наконецъ, ель стала почти шевелиться. Опасъ увидѣлъ, что дѣло плохо, поэтому на вершинѣ сталъ самъ ломать сучья у ели и бросать ихъ внизъ. Яммій, увидавъ это, подумалъ, что ель падаетъ и пересталъ грызть. Такъ опасъ нѣсколько разъ отвлекалъ его отъ работы. Опасъ это дѣлалъ для того, чтобы ель не упала до зари, а съ зарею, онъ зналъ, что яммій долженъ лечь—умереть. Сучья наконецъ пособлять не стали: яммій догадался и сталъ грызть безъ остановки. Опасъ послѣ этого запѣлъ по пѣтушьи для того, чтобы покойникъ испугался и подумалъ, что начинается утро. Пѣлъ опасъ такъ нѣсколько разъ, и мертвецъ послѣ

Digitized by Google

каждаго раза смотрѣлъ туда, гдѣ должна быть заря, и, не видя ея, продолжалъ грызть. Опасъ, увидавъ, что ничѣмъ не можетъ остановить, испугался. Онъ рѣшился потихоньку спускаться, съ мыслію, что мертвецъ, увидя это, подумаетъ, что онъ поддается ему самъ. Яммій, дѣйствительно, пересталъ грызть и сталъ дожидаться. Такъ онъ спускался тихонько. Наконецъ, показалась заря и опасъ закричалъ: „пришла заря— поди въ свой гробъ". Нойдъ-яммій увидѣлъ зарю, испугался, пошелъ къ кережѣ и легъ въ гробъ. Опасъ сошелъ съ ели, закрылъ гробъ, припрягъ оленей и повезъ его къ мѣсту, гдѣ должно было его похоронить. Пріѣхалъ туда скоро, вырылъ могилу и гробъ опустилъ на бокъ, чтобы яммій не могъ встать; онъ зналъ, что если нойда положить въ могилу на спину или вверхъ спиной, онъ по ночамъ будетъ вставать. Могилу онъ зарылъ и скорѣй пошелъ назадъ. Пріѣхалъ и и разсказалъ все, какъ было; народъ сталъ бояться. Боялись даже въ первые 6—7 лѣтъ послѣ его смерти ходить мимо его могилы, и тѣ, которые ходили мимо, слышали, что будто тамъ въ могилѣ кто-то плачетъ или воетъ. Разъ мимо его могилы, въ мѣстѣ Ристъ-Кидъ, проходили молодые ребята и смѣялись, говоря: „былъ большой нойдъ, да тутъ и легъ". Когда они отошли съ версту отъ могилы, вдругъ услышали, что за ними будто кто-то ѣдетъ, даже земля дрожитъ. Они испугались. Одинъ былъ изъ нихъ не простой и догадливый: онъ вырубилъ ольховый батогъ-палку и сдѣлалъ имъ на землѣ крестъ. Нойда, добѣжавъ до этого мѣста, перейти не могъ и обходилъ стороной далеко. Они же въ это время бѣжали впередъ и какъ только слышали погоню, опять дѣлали на дорогѣ крестъ палкой. Такъ они добѣжали до р. Туломы, гдѣ былъ карбасъ (лодка). Они стянули его съ горы въ воду и поѣхали отъ берега. На берегу въ это время услышали большой стукъ и увидѣли, что въ воду упали словно два большихъ камня и утонули. Ребята пріѣхали домой совсѣмъ перепуганные и послѣ сказали другимъ, чтобы не смѣялись, если не хотятъ попасть на зубы нойда.

Таковы вѣрованія лопарей въ колдуновъ-нойдовъ. Вгля-

Digitized by Google

дѣвшись въ нихъ ближе, мы видимъ, что въ основѣ они остались тѣми же, какими ихъ намъ рисуютъ древніе писатели у лопарей скандинавскихъ. Но все-таки вѣковое исповѣдываніе христіанства, усвоиваемое хотя бы лишь съ внѣшней стороны, низвело ихъ на значительную низшую степень. И между жрецомъ главой рода, и могущественнымъ шаманомъ древнихъ временъ и современнымъ колдуномъ—у русскихъ лопарей огромная разница. Но все-таки мы и въ современныхъ русско-лопарскихъ колдунахъ видимъ лишь потомковъ, хотя и болѣе слабыхъ, древнихъ шамановъ: мы можемъ прослѣдить, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, постепенный ходъ развитія колдовства у лопарей, сначала въ пользу шамановъ, которые постепенно узурпируютъ жреческія обязанности изъ рукъ главы семьи, затѣмъ постепенный упадокъ подъ вліяніемъ новыхъ идей.

Но каковы бы ни были нойды у современныхъ русскихъ лопарей, какъ бы ни блѣдны были отблески славы древнихъ шамановъ на нихъ, они все-таки сильно чтутся лопарями: ихъ опасаются и русскіе, вѣрящіе слѣпо въ ихъ силу. И если Лапландія еще въ Калевалѣ называется „мрачной страной чародѣевъ", то и въ настоящее время ей этотъ эпитетъ не будетъ лишнимъ.

Николай Харузинъ.

Digitized by Google

Свадебные обычаи ахалцихскихъ армянъ. *)

Армяне, населяющіе въ настоящее время Ахалцихскій уѣздъ Тифлисской губерніи, до 1829 года жили въ Эрзерумскомъ вилайетѣ. Въ первой половинѣ XIX столѣтія они, въ числѣ 6000 семействъ, были водворены на новыхъ мѣстахъ. Правительство съ своей стороны оказало всѣ услуги эмигрантамъ; такъ, оно раздавало имъ сѣмена для посѣвовъ, снабжало деньгами, необходимыми матеріалами и отводило имъ земельные участки. Часть эмигрантовъ, не примирившись съ незнакомой обстановкой новыхъ мѣстъ, перекочевала вновь въ Турцію. Одной изъ причинъ ихъ возвращенія въ Турцію можно считать то обстоятельство, что правительство не исполнило ихъ просьбъ, выраженныхъ ими въ прошеніи на имя гр. Паскевича въ 1831 г. Въ этомъ прошеніи эмигранты-армяне просили предоставленія имъ слѣдующихъ правъ и привилегій: 1) права учрежденія своего особаго, національнаго суда, 2) права свободной безпошлинной торговли и 3) чтобы съ ними не были поселены другія народности. Не смотря на то, что эта просьба не была уважена, большинство переселенцевъ остались на своихъ мѣстахъ, и занятая ими область, оставаясь съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1830 г., постоянно подъ властью Россіи, составила съ нею одно органическое цѣлое. Въ 1865 году одна часть Ахалцихскаго уѣзда, извѣстная тогда подъ именемъ Джавахетіи, была преобразована въ самостоятельное административное цѣлое и

*) Рефератъ, читанный 7-го Декабря 1888 г. въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Эти свѣдѣнія собраны *В. Н. Акимовымъ* во время поѣздки его лѣтомъ 1887 года въ Ахалцихскій и Ахалкалакскій уѣзды Тифл. губ.

Digitized by Google

образовала собой нынѣшній Ахалкалакскій уѣздъ. Вотъ причина, почему нѣтъ рѣзкаго различія въ обычаяхъ и бытѣ ахалцихскихъ и ахалкалакскихъ армянъ.

Армяне этихъ уѣздовъ, занимающіеся преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ, по вѣроисповѣданію распадаются на двѣ, неравныя по численности, группы: 1) армяно-григоріанъ и 2) армяно-католиковъ. Послѣдніе составляютъ только $^1/_5$ часть армянскаго населенія. Между послѣдователями этихъ двухъ исповѣданій существуетъ довольно сильный антагонизмъ. Вообще, армяно-григоріане смотрятъ какъ-то непріязненно на своихъ соплеменниковъ католиковъ. Все еще патріархальный армяно-григоріанинъ, живущій одной общей жизнью съ своимъ многочисленнымъ семействомъ, ведущій одно общее хозяйство и играющій какъ-бы роль древне-римскаго patris familias, не можетъ безъ укоризны смотрѣть на сильное раздробленіе семьи, экономическаго быта и интересовъ армянина-католика. Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Вермишевъ въ своемъ обстоятельномъ трудѣ: „Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ въ Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ уѣздахъ Тифлисской губерніи“: „Отсутствіе гостепріимства, нелюбовь къ чистоплотной жизни, весьма свободныя отношенія половъ, полная разрозненность всѣхъ домохозяевъ—вотъ тѣ черты, которыми григоріанинъ всегда отмѣчаетъ армянина-католика“.

Численность армянъ, живущихъ въ 44 деревняхъ обоихъ уѣздовъ, по послѣднимъ статистическимъ даннымъ, доходитъ до 24859 душъ обоего пола. Число же армянъ-католиковъ простирается до 6214 лицъ обоего лица. Намъ приходилось быть исключительно въ армяно-григоріанскихъ селеніяхъ, такъ что въ настоящей статьѣ мы и будемъ имѣть ихъ преимущественно въ виду.

Костюмъ ахалцихскихъ армянъ почти ничѣмъ не отличается отъ костюма другихъ аборигеновъ, сосѣднихъ съ ними. Обычнымъ, ежедневнымъ одѣяніемъ ахалцихской женщины является простенькое синее платье, красный передникъ

Digitized by Google

и феска—у дѣвицъ, и болѣе сложная головная повязка у замужнихъ женщинъ. Въ ахалцихской замужней армянкѣ, къ счастью, не осталось многаго, присущаго женщинѣ Востока, напримѣръ, затворничества. Она уже не та затворница, какою, навѣрное, была когда-то въ Эрзерумскомъ вилайетѣ. Напротивъ, теперь ахалцихская армянка вездѣ въ деревняхъ появляется съ открытымъ лицомъ и вообще не избѣгаетъ мужчинъ и общества, что дѣлаютъ мусульманки фанатичнаго Востока. Есть даже обычаи въ деревняхъ, гдѣ женщина играетъ довольно важную роль. Такъ, напримѣръ, самая красивая изъ женщинъ или дѣвушекъ встрѣчаетъ гостя, привѣтствуетъ его и снимаетъ съ его ногъ коши (родъ обуви) и во все время его пребыванія всячески прислуживаетъ ему. Подтвержденіемъ той-же мысли, что армянка вышла уже изъ своего затворничества и не избѣгаетъ общества, служатъ, между прочимъ, также сходбища парней и дѣвушекъ по вечерамъ и по праздничнымъ днямъ. Здѣсь отношенія двухъ половъ совершенно непринужденны: затѣваются игры, ведутся хороводы, раздаются пѣсни, начинаются любимыя пляски и проч.

Наиболѣе многочисленною народностью, съ которою армяне находятся въ болѣе близкомъ и тѣсномъ общеніи, являются грузины, въ числѣ 14421 человѣкъ обоего пола. Кромѣ нихъ, въ этихъ же уѣздахъ живутъ русскіе сектанты—духоборы, курды и таракаманы. Грузины по вѣроисповѣданію распадаются на слѣдующія три группы: 1) магометане—сунниты, 2) православные и 3) католики. Различіе религіи имѣло своимъ послѣдствіемъ такое же различіе въ бытовыхъ отношеніяхъ этихъ трехъ группъ одного и того же грузинскаго народа. Курды Ахалцихскаго и Ахалкалакскаго уѣздовъ, въ свою очередь, распадаются на двѣ группы: исмаиланскую и зиланскую. Различія въ образѣ жизни и бытѣ этихъ двухъ группъ почти не уловимы. Таракама-карапапахи составляютъ одну изъ вѣтвей татарскихъ народовъ. Главнымъ занятіемъ ихъ является скотоводство. Костюмъ ихъ оригиналенъ и вполнѣ отличается отъ турец-

Digitized by Google

каго. Ихъ характерный головной уборъ составляетъ высокая, чернаго цвѣта, кончающаяся конусомъ, папаха, откуда и самое названіе ихъ—„кара“ (черный) и „папаха“ (шапка). Г. Загурскій въ своемъ сочиненіи: „Поѣздка въ Ахалцихскій уѣздъ“, считаетъ ихъ выходцами изъ Персіи, но время ихъ переселенія въ Ахалцихскій уѣздъ достовѣрно неизвѣстно. До завоеванія русскими Ахалцихскаго пашалыка, они уже жили на этихъ мѣстахъ. Въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія въ Ахалцихскомъ уѣздѣ были поселены духоборы—выходцы изъ Таврической, Воронежской и другихъ губерній Россіи. Общее число ихъ равняется 6323 душамъ обоего пола. Духоборы составляютъ рѣзкій контрастъ съ туземнымъ населеніемъ; этотъ контрастъ виденъ во всемъ, особенно же рельефенъ онъ въ образѣ жизни и другихъ бытовыхъ отношеніяхъ. Форма и планировка построекъ въ духоборскихъ деревняхъ, ихъ широкіе дворы, чистыя, опрятныя, на-половину каменныя избы, свѣтлыя комнаты и рѣдкая чистота нравовъ—все это рѣзко отличаетъ духобора отъ грязнаго и нечистоплотнаго, по большей части, туземца. Въ самомъ характерѣ и міровоззрѣніяхъ духобора очень много симпатичнаго и привлекательнаго. Духоборъ въ высшей степени гуманенъ. Какъ глубоко-религіозный человѣкъ, онъ готовъ всегда помочь нуждающемуся и въ культурномъ отношеніи ниже его стоящему туземцу. Вотъ почему, являясь дѣятельнымъ пособникомъ въ устройствѣ хозяйства туземцевъ, онъ пользуется любовью и почетомъ послѣднихъ. Вообще, бытъ духоборовъ со всѣми его особенностями представляетъ много интереснаго для этнографа.

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ народностями этихъ уѣздовъ, перейдемъ теперь къ главному предмету настоящей статьи, именно, къ свадебнымъ обычаямъ армянъ Ахалцихскаго и Ахалкалакскаго уѣздовъ Тифлисской губерніи. Начнемъ съ обычаевъ, отличающихся большей древностью. [1])

---

[1]) Нѣкоторыя данныя почерпнуты нами изъ упомянутыхъ выше сочиненій гг. Загурскаго и Вермишева.

Digitized by Google

Обычай похищенія невѣстъ существуетъ у армянъ этой мѣстности, хотя его нельзя отнести къ частымъ явленіямъ мѣстной жизни. Похищенія противъ воли дѣвушки почти не встрѣчаются, но обыкновенно похищаемая сговаривается предварительно съ похитителемъ. Поводомъ къ похищенію служитъ обыкновенно нежеланіе родителей невѣсты дать согласіе на бракъ. Иногда случается, что несогласіе бываетъ только со стороны отца; тогда мать является пособницей въ дѣлѣ увоза. Молодой человѣкъ, заранѣе сговорившись съ дѣвушкой о похищеніи, получаетъ отъ нея въ залогъ кольцо или какую-нибудь цѣнную вещь. Похититель пріѣзжаетъ со своими товарищами, числомъ обыкновенно около десяти, вооруженными съ головы до ногъ. Подъѣхавъ къ дому и улучивъ удобное время, онъ входитъ черезъ отверстіе, пробитое въ крышѣ и служащее въ армянскихъ сакляхъ окномъ, быстро схватываетъ молодую дѣвушку и садится на коня. Кто-нибудь изъ членовъ семьи невѣсты служитъ ему сообщникомъ и подготовляетъ для него безпрепятственный входъ. Похититель везетъ невѣсту обыкновенно въ другое село, въ домъ своего друга, и тамъ ночью заключаетъ съ ней брачный союзъ. Затѣмъ молодые стараются покрыть все вѣнчаніемъ, которое происходитъ черезъ 2—3 дня, самое большое черезъ недѣлю, если нѣтъ препятствія со стороны церкви. Бываютъ случаи, что церковь утверждаетъ бракъ лишь черезъ три—четыре года послѣ похищенія; въ теченіе этого времени молодые живутъ семейной жизнью, но имъ, какъ живущимъ невѣнчанными, не дозволяется посѣщать богослуженіе. Если похититель не находится въ родствѣ съ похищаемой, то получить согласіе на вѣнчаніе не представляется особенно затруднительнымъ; въ случаѣ же родства между ними, союзъ ихъ расторгается иногда и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, и молодая обязана вернуться въ свою семью, сохраняя за собою право выйти замужъ, также какъ и похититель имѣетъ право вновь жениться. До выхода ея замужъ она получаетъ отъ похитителя извѣстную сумму на содержаніе. Дѣти, прижи-

Digitized by Google

тыя съ нею, остаются на его попеченіи. Для умиротворенія родителей невѣсты, обыкновенно посылается священникъ, съ близкими родственниками жениха, которые и ведутъ переговоры, увѣнчивающіеся успѣхомъ, благодаря нежеланію оглашать непріятное происшествіе. Послѣ вѣнчанія родители молодого устраиваютъ свадебный пиръ, который происходитъ не такъ торжественно, какъ при обыкновенной свадьбѣ. Считаемъ не лишнимъ добавить, что народъ вообще неодобрительно смотритъ на похищенія.

Молодые люди, намѣревающіеся жениться, выплачиваютъ семейству невѣсты калымъ, сообразно со своимъ состояніемъ. Калымъ. т. е. покупная плата за дѣвушку, выплачивается собственно отцомъ жениха отцу невѣсты; въ случаѣ же, если женихъ одинокъ, то платитъ самъ. Бѣдныя семейства выплачиваютъ 20—30 рублей за дѣвушку, богатыя же семейства 60—100 руб. Калымъ идетъ весь на снаряженіе приданаго. Если же выходящая замужъ—вдова, то за нее вносится извѣстная сумма, которая выплачивается тѣмъ людямъ, у которыхъ живетъ вдова. Впрочемъ за вдову не обязателенъ взносъ калыма. Калымъ называется по мѣстному „хаасенъ".

Приданое состоитъ изъ платьевъ, двухъ или трехъ паръ бѣлья, нѣкоторыхъ хозяйственныхъ принадлежностей и женскихъ головныхъ уборовъ. Головные уборы ахалцихской женщины слѣдующіе: шеритъ, состоящій изъ тесьмы, на которой привѣшены турецкія золотыя монеты, числомъ отъ 25 до 40; ктуцъ—уборъ, унизанный поддѣльнымъ жемчугомъ и бусами; вартъ—состоящій изъ цвѣтной матеріи; вокругъ этого убора идетъ лента, у которой съ обѣихъ сторонъ у висковъ находятся сшитыя изъ матеріи розы, откуда и получилъ этотъ головной уборъ свое названіе *вартъ*, что значитъ по-армянски роза. Шеритъ и ктуцъ въ приданомъ бываютъ по одному, а вартъ по пяти штукъ; кромѣ того, въ приданое входятъ всѣ остальныя принадлежности туземнаго женскаго костюма.

Въ названныхъ уѣздахъ вступаютъ въ бракъ въ весьма раннемъ возрастѣ: мужчины отъ 14-ти до 20-ти лѣтъ, дѣ-

Digitized by Google

вушки въ большинствѣ случаевъ отъ 12-ти до 18-ти лѣтъ; въ двадцать лѣтъ дѣвушка считается уже перезрѣлой— „ащацъ". Ранніе браки происходятъ, главнымъ образомъ, отъ желанія увеличить число работницъ въ домѣ. Соотвѣтствіе между лѣтами жениха и невѣсты не соблюдается, только невѣста не можетъ быть старше жениха. Случается иногда, хотя весьма рѣдко, что сами дѣвушки обрекаютъ себя на безбрачіе, считая это богоугоднымъ дѣломъ; къ такой дѣвушкѣ, давшей обѣтъ безбрачія, вся семья и односельчане относятся съ большимъ уваженіемъ. Молодые люди и дѣвушки, если ихъ нѣсколько въ семьѣ, вступаютъ въ бракъ по старшинству; старшій сынъ и старшая дочь пользуются передъ остальными преимуществомъ; младшему брату или сестрѣ не дозволяется вступать въ бракъ ранѣе старшихъ. Браковъ армянъ съ русскими и грузинами не встрѣчается.

Браки заключаются съ обоюднаго согласія жениха и невѣсты. При незамкнутой жизни ахалцихскихъ армянокъ, свободный выборъ вполнѣ возможенъ. Браки по принужденію родителей жениха или невѣсты почти не встрѣчаются. Задумавъ жениться, молодой испрашиваетъ формальнаго разрѣшенія у своихъ родителей, причемъ голосъ матери имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о бракѣ. Если родителей нѣтъ въ живыхъ, то испрашивается согласіе у старшаго родственника (дяди или старшаго брата). При выборѣ жениха и невѣсты главнымъ образомъ обращается вниманіе на то, чтобы они происходили изъ хорошаго дома или рода. Пословицы, характеризующія взглядъ, которымъ народъ руководится при выборѣ невѣсты, между прочимъ, слѣдующія: „не видѣвши матери, не бери дочери"; „дочери богатаго трудно угодить". Потому-то принято вступать въ бракъ съ ровней по состоянію. За бѣдныхъ молодыхъ людей рѣдко выдаются богатыя невѣсты.

Родство, даже весьма дальнее, служитъ важнымъ препятствіемъ для заключенія брака. Бракъ двухъ родныхъ братьевъ съ двумя родными сестрами не допускается. Вступать въ бракъ разрѣшается не болѣе трехъ разъ, причемъ въ третій

Digitized by Google

разъ можно взять только вдову. Свадьба вдовца и вдовы не обставляется такою торжественностью.

Что касается времени заключенія браковъ, то въ этомъ отношеніи, какъ обыкновенно, едва-ли не главную роль играютъ внѣшнія условія. Дешевизна продуктовъ и свободное отъ занятій время заставляютъ поселянина выбирать для справленія свадьбы именно осень; наибольшее число свадебъ выпадаетъ на ноябрь мѣсяцъ. Между сватаньемъ и выдаваньемъ проходитъ еще отъ пяти мѣсяцевъ до года.

Собственно обрядовая сторона мѣстной армянской свадьбы состоитъ въ слѣдующемъ. Когда родители жениха, задумавъ сосватать дѣвушку, отправляются къ семьѣ невѣсты, то послѣ обычныхъ привѣтствій родители жениха начинаютъ восхвалять дѣвушку и вслѣдъ затѣмъ объявляютъ цѣль прихода. Этикетъ не дозволяетъ дать прямое согласіе, но родители дѣвушки должны для приличія заставлять просить много разъ и вести долгіе переговоры относительно своей дочери. Недѣли черезъ двѣ родители дѣвушки даютъ знать о своемъ рѣшеніи. Вслѣдъ за полученіемъ согласія назначаются смотрины (харсптесъ), которыя происходятъ черезъ мѣсяцъ послѣ сватовства. Родственники и близкіе знакомые собираются въ назначенный день въ домъ невѣсты. Ихъ встрѣчаютъ родители невѣсты и обмѣниваются пожеланіями. Гостей усаживаютъ по старшинству, причемъ родственники невѣсты сидятъ ниже родственниковъ жениха. Часа черезъ полтора послѣ ихъ прихода невѣсту выводятъ къ гостямъ. Обыкновенно сестра или другая родственница идетъ впереди и ведетъ за собою невѣсту. Онѣ подходятъ къ каждому изъ гостей, начиная со стариковъ, и цѣлуютъ у всѣхъ руки. Обойдя всѣхъ, невѣста становится возлѣ стариковъ и все время молчитъ. Затѣмъ подается обѣдъ изъ любимыхъ національныхъ блюдъ: бозбаша, долмы и др., при чемъ произносятся тосты въ честь жениха и невѣсты. Пиршество продолжается послѣ того недолго, и гости расходятся, давая на прощанье невѣстѣ деньги. До сватовства созываются иногда семейные совѣты, въ которыхъ принимаетъ участіе вся семья, за ис-

Digitized by Google

ключеніемъ малолѣтнихъ и самого жениха, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ участію въ семейныхъ совѣтахъ допускаются и близкіе знакомые.

Послѣ сватовства женихъ можетъ видѣться съ невѣстой только тайкомъ; онъ можетъ бывать у нея два раза въ мѣсяцъ и притомъ оставаться съ ней не болѣе получаса. При ихъ свиданіи, впрочемъ, дозволяется присутствовать сестрамъ невѣсты; но родителямъ невѣсты слѣдуетъ всячески избѣгать жениха во время этихъ свиданій и стараться не показываться ему на глаза. До самой свадьбы невѣста не можетъ показываться на улицѣ и принуждена сидѣть дома.

Калымъ, о которомъ мы раньше говорили, вручается родителямъ невѣсты въ то время, когда они приходятъ въ домъ жениха изъявлять свое согласіе на бракъ. Женихъ даритъ невѣстѣ ожерелья изъ крупныхъ турецкихъ золотыхъ монетъ, а также отдариваетъ сестеръ невѣсты. Невѣста должна дѣлать подарки отцу жениха, братьямъ и близкимъ родственникамъ его. Отецъ жениха получаетъ отъ нея тюфякъ, подушку и чулки. Шаферу даритъ она какую-нибудь вышитую вещь.

У армянъ во время свадьбы весьма важную роль играетъ крестный отецъ жениха, называемый по-армянски „каворъ". Онъ присутствуетъ при „таштатрэкѣ", закалываніи свадебнаго быка, завязываетъ поясъ невѣсты предъ тѣмъ, какъ ей идти къ вѣнцу, и принимаетъ ближайшее участіе во всѣхъ приготовленіяхъ къ свадьбѣ. Непосредственно за нимъ слѣдуютъ два шафера: „хачахперъ", главный шаферъ, который держитъ крестъ во время вѣнчанія и называется братомъ по кресту, и „песахперъ", т. н. братъ жениха. Песахперъ является тѣлохранителемъ жениха. Кромѣ этихъ лицъ, съ извѣстнымъ кругомъ обязанностей, дѣятельное участіе во время свадебнаго празднества принимаютъ еще молодые люди, товарищи жениха, называемые „азапнерами" или „макарнерами". Со стороны же невѣсты бываетъ т. н. братъ невѣсты, выбираемый изъ ея родственниковъ или приближенныхъ. Онъ является въ свою очередь охранителемъ невѣсты, и иногда случается, что по совер-

Digitized by Google

шеніи свадьбы онъ живетъ цѣлый мѣсяцъ въ домѣ жениха, являясь тамъ защитникомъ и покровителемъ молодой. Хачахперъ считается въ духовномъ родствѣ съ женихомъ и невѣстой, такъ что бракъ съ вдовой того человѣка, котораго онъ сопровождалъ къ вѣнцу, ему не разрѣшается. Бракъ между дѣтьми хачахпера и дѣтьми молодыхъ также не допускается. Кромѣ шаферовъ, избираютъ еще распорядителей свадебнаго празднества; одинъ изъ почетныхъ знакомыхъ избирается главнымъ распорядителемъ, къ нему въ помощники избирается еще нѣсколько человѣкъ, которые чередуются при исполненіи своихъ обязанностей. Главный распорядитель завѣдуетъ угощеніемъ.

За день до свадьбы происходитъ такъ называемый „таштатрекъ". Таштатрекомъ называютъ канунъ свадьбы, въ который при перемѣнномъ участіи кавора и молодыхъ дѣвушекъ пекутъ свадебный хлѣбъ. Муку, по освященіи ея, просѣиваютъ семь дѣвицъ, каждая по рѣшету.

Кромѣ приготовленія свадебнаго хлѣба, съ большой торжественностью закалываютъ и свадебнаго быка, изъ котораго готовятся всѣ мясныя блюда для свадьбы. Это происходитъ слѣдующимъ образомъ: приводятъ быка и валятъ его наземь; зурначи играетъ соотвѣтствующій этому случаю мотивъ. Когда рѣзникъ приступаетъ къ своему дѣлу и начинаетъ брызгать кровь издыхающаго въ предсмертныхъ судорогахъ животнаго, тогда каворъ беретъ замокъ, опускаетъ его открытымъ въ кровь и запираетъ, не вынимая его оттуда; онъ сберегаетъ этотъ замокъ, который служитъ символомъ крѣпости и нерушимости брачныхъ узъ. При этомъ женихъ выдергиваетъ нѣсколько волосъ изъ хвоста быка, вкладываетъ ихъ между лезвеемъ и ножнами своего кинжала и въ такомъ видѣ держитъ этотъ послѣдній у себя до первой брачной ночи. Этотъ обычай объясняется тѣмъ, что быкъ служитъ символомъ мужской половой силы. Наканунѣ дня свадьбы женихъ обѣдаетъ у кавора, причемъ послѣ обѣда происходитъ обрядъ, называемый „косбандъ" или „усбандъ".

Обычай этотъ заключается въ томъ, что сестра или ка-

Digitized by Google

кая-нибудь родственница кавора, танцуя, подходитъ къ жениху, имѣя въ рукахъ платокъ, и, дважды обводя рукою по его груди крестообразно, обвязываетъ платкомъ его шею, прикрѣпивъ конецъ платка къ поясу. Тутъ обыкновенно женихъ выбираетъ себѣ песахпера (т. н. брата жениха), который отличается отъ другихъ тѣмъ, что носитъ при себѣ, какъ тѣлохранитель жениха, шашку. Этотъ песахперъ, взявъ чашу вина и подносъ со сластями, открываетъ шествіе жениха, который, въ сопровожденіи кавора и всѣхъ молодыхъ людей, идетъ лично приглашать на свадьбу своихъ знакомыхъ и родственниковъ. По существующему обычаю, всѣ они, завязавъ на шею жениха по платку, поздравляютъ его, говоря: „съ доброй покупкой", разумѣя, конечно, подъ словомъ покупка его невѣсту.

Для свадьбы обыкновенно избираютъ воскресный день, и церковный обрядъ вѣнчанія происходитъ ночью, часовъ въ 12.

Въ день свадьбы собираются приглашенные въ домъ жениха. Почетные гости осматриваютъ одежду, которую женихъ даритъ невѣстѣ, и наполняютъ изюмомъ предназначенные въ подарокъ невѣстѣ башмаки. Затѣмъ процессія направляется въ домъ невѣсты. Впереди шествія идетъ зурначи, потомъ молодые люди, которые танцуютъ въ это время, причемъ одинъ изъ нихъ несетъ на головѣ платье невѣсты, а за ними женихъ и хачахперъ, имѣя по обѣимъ сторонамъ мальчиковъ съ зажженными свѣчами, обмотанными красными нитками; шествіе завершаютъ родственники и прочіе гости. Жениха и гостей встрѣчаютъ родители невѣсты, вводятъ ихъ въ домъ и сажаютъ на тахту [1]). Прежде, при появленіи поѣзда жениха, невѣста пряталась, и родственники ея, преимущественно молодежь, притворно сопротивлялись пропуску жениха и его поѣзжанъ во дворъ невѣсты, съ цѣлью получить отъ него деньги. Теперь этотъ обычай хотя и встрѣчается иногда, но мало-по-малу выводится изъ употребленія. Пока гости бесѣдуютъ съ родителями невѣсты, священ-

[1]) Тахта—низкое сидѣніе, идущее вдоль стѣнъ комнаты и покрытое коврами. На Востокѣ тахта замѣняетъ диванъ.

Digitized by Google

никъ благословляетъ платье молодой и затѣмъ начинается въ невѣстиной комнатѣ процессъ одѣванія. Невѣсту одѣваетъ молодая замужняя женщина и при одѣваніи зурна играетъ самые печальные мотивы. Тѣмъ временемъ нѣсколько дѣвицъ приносятъ въ подарокъ жениху полотенце и носки; такіе-же подарки получаетъ каворъ и хачахперъ. Съ жениха тутъ-же снимаютъ носки и надѣваютъ ему новые. Изъ женской половины приходятъ звать кавора для того, чтобы онъ завязалъ поясъ невѣсты. Когда каворъ приходитъ въ ея комнату, то дѣвицы, которыя помогаютъ одѣвать невѣсту, говорятъ, что поясъ пропалъ и что безъ денегъ онъ не найдется. Каворъ даетъ дѣвушкамъ деньги и, взявъ отысканный поясъ, крѣпко обвязываетъ имъ талію невѣсты, говоря: „первымъ роди сына, съ суженымъ живи любовно". Послѣ этого невѣста подходитъ къ „тонырю" (печь въ видѣ ямы), кладетъ на четыре стороны поклоны и цѣлуетъ края его; это означаетъ, что она благодаритъ свою печь за то, что она кормила ее въ родительскомъ домѣ [1]). Родители невѣсты прощаются съ ней и, благословивъ ее, подводятъ къ жениху и соединяютъ ихъ руки. Затѣмъ вся процессія направляется въ церковь, причемъ невѣста и женихъ должны идти рядомъ вплотную, такъ чтобы между ними не оставалось пространства, иначе, по народныхъ вѣрованіямъ, у нихъ не будетъ дѣтей. Если невѣста изъ другой деревни, то ея односельчане загораживаютъ дорогу веревкой, и кто-нибудь изъ нихъ выходитъ на встрѣчу, вызывая дружковъ на единоборство или же подводитъ къ невѣстѣ барана. Невѣста старается поднять барана, и если она его подниметъ, то баранъ дѣлается ея собственностью; если она же будетъ не въ силахъ приподнять барана, то родственники жениха обязаны заплатить четвертую часть стоимости барана. Кромѣ того, родственники жениха должны дать денегъ молодежи, чтобы она опустила веревку и пропустила свадебный поѣздъ.

1) Объ этомъ же обычаѣ упоминаетъ г. Зелинскій, встрѣтившій его у нахичеванскихъ армянъ Эриванской губ.

Digitized by Google

По окончаніи церковнаго обряда, когда молодые проходятъ черезъ церковныя двери, тѣлохранитель жениха (песахперъ) вынимаетъ шашку и держитъ ее надъ проходомъ; послѣ этого у всѣхъ дверей, черезъ которыя въ этотъ день проходятъ новобрачные, тѣлохранитель жениха держитъ саблю и дѣлаетъ ею кресты, чтобы, по народнымъ понятіямъ, злой духъ не нанесъ вреда жениху, которому онъ въ этотъ день сильно завидуетъ.

Изъ церкви, при звукахъ зурны, всѣ направляются къ дому жениха. При приближеніи новобрачныхъ, родители молодого встрѣчаютъ ихъ у дверей, причемъ мать кладетъ жениху и невѣстѣ въ ротъ по куску сахара, чтобы, отвѣдавъ этого сахара, они оставались между собой навсегда въ пріятныхъ и нѣжныхъ отношеніяхъ. Обыкновенно какой-нибудь маленькій мальчикъ садится на подушку, предназначенную для невѣсты, такъ какъ у армянъ считается хорошимъ предзнаменованіемъ увидѣть въ первый разъ послѣ вѣнчанія мальчика, а не дѣвочку; это значитъ, что у молодыхъ родится первый сынъ. Всѣ гости приносятъ поздравленія и за тѣмъ, за позднимъ временемъ, расходятся до слѣдующаго дня, въ который и назначается свадебное празднество.

На другой день празднество начинается обыкновенно обѣдомъ, причемъ женщины обѣдаютъ отдѣльно отъ мужчинъ. Послѣ обѣда молодые люди начинаютъ борьбу, стараясь выказать передъ другими свою силу и ловкость.

Послѣ свадебнаго обѣда тѣлохранитель жениха даетъ ему саблю; до окончанія свадьбы женихъ долженъ ее беречь и быть на сторожѣ, чтобы братъ невѣсты не стащилъ ее и тѣмъ не осрамилъ бы его. Уже подъ вечеръ начинаются танцы, въ которыхъ принимаютъ участіе почти всѣ присутствующіе; танцуютъ главнымъ образомъ національный танецъ эрзерумскихъ армянъ „веръ-веръ“, который заключается въ томъ, что молодые люди и дѣвицы становятся въ кругъ и, держа другъ друга за руки, подъ звуки зурны и каманги (родъ скрипки) двигаются кругомъ, внутри же круга сидитъ зурначи. По окончаніи танцевъ собираютъ

Digitized by Google

шабашъ. Шабашомъ называется плата, которая обыкновенно дается зурначи за ихъ игру. Шабашъ собираютъ у присутствующихъ молодыя дѣвушки. Собравшая болѣе другихъ въ пользу зурначи хвастается предъ подругами, что она, благодаря своей ловкости, дала такой громадный барышъ зурначи. Этимъ свадебное празднество и кончается.

Невѣста въ первую ночь послѣ свадьбы спитъ въ одной комнатѣ со своимъ братомъ который охраняетъ ее отъ молодого, вторую ночь она спитъ съ сестрой мужа, а на третью ночь уже съ мужемъ. На третій день утромъ мать молодого выноситъ на показъ гостямъ и семьѣ брачное бѣлье для доказательства честности своей невѣстки, и присутствующіе воздаютъ хвалу невѣстѣ, матери ея, воспитавшей такую дочь, и цѣлому роду. Родители молодого дарятъ молодой въ этотъ день подарки. Бѣлье это бережется въ такомъ же видѣ и больше не употребляется и не стирается. Шаферъ не спитъ первую ночь изъ боязни, чтобы братъ невѣсты не укралъ бы сабли жениха.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ упомянуть, что суженую или суженаго, назначеннаго судьбою, стараются узнать различными способами, и вслѣдствіе этого армянки прибѣгаютъ къ различнымъ гаданьямъ, изъ которыхъ наиболѣе употребительны слѣдующія. На новый годъ рано утромъ молодые люди и дѣвушки кладутъ на дворѣ, на видномъ мѣстѣ шарики изъ хлѣба, спеціально для этого заготовляемые, и сами наблюдаютъ, куда ворона унесетъ этотъ хлѣбъ. Если ворона унесетъ этотъ шарикъ въ садъ или на крышу, то это значитъ, что избранникъ или избранница живетъ или въ томъ домѣ, на крышу котораго сѣла ворона, или въ домѣ собственника сада. Или же, предъ масляницей, въ послѣдній день постной недѣли Сурнъ Саркиса (св. Георгія) молодые люди и дѣвицы съ утра не пьютъ воды и не употребляютъ въ пищу ничего жидкаго, стараясь какъ можно болѣе съѣсть соленаго. Они ложатся спать съ желаніемъ увидѣть того, кто имъ во снѣ дастъ воды. Кто поднесетъ имъ пить, тотъ и есть избранникъ или избранница. Если же

Digitized by Google

дѣвушка увидитъ во снѣ, что пить ей даетъ дѣвица, то это значитъ, что ея суженый есть членъ той семьи, къ которой принадлежитъ приснившаяся. Тоже и съ молодыми людьми.

Кромѣ того, у армянъ держатся при свадьбѣ очень многихъ суевѣрій, изъ которыхъ приведу слѣдующія:

Если женихъ во время вѣнчанія наступитъ на ногу невѣсты, то не будетъ подъ башмакомъ ея.

Во время обряда вѣнчанія женихъ держитъ въ рукѣ кусокъ воска, а потомъ этотъ воскъ тайно растворяетъ въ водѣ и даетъ пить своей невѣстѣ, послѣ чего она, будто бы, не можетъ сдѣлаться безплодной женщиной.

При входѣ въ комнату во время свадебной процессіи, женихъ разбиваетъ ногой какую-нибудь глиняную или фарфоровую вещь (посуду), и тѣмъ онъ какъ бы очищается отъ грѣховъ безпутной холостой жизни [1]).

12 февр., 1888 г

Вл. Акимовъ.

---

[1]) То-же и у г. Зелинскаго: „Матеріалы для изученія мѣстностей и племенъ Кавказа". Выпускъ II. 1882, стр. 54; статья: „Этнографич. очерки изъ быта армянъ" и пр.

Digitized by Google

О черничкахъ.

Нижеизложенныя свѣдѣнія основаны преимущественно на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ слободѣ Тарасовкѣ, Харьковской губерніи, Купянскаго уѣзда [1]).

Слобода Тарасовка Тарасовской волости—бывшее военное поселеніе; она находится при рѣкѣ Красной, въ 68 верстахъ отъ уѣзднаго города Купянска и въ 100 верстахъ отъ желѣзной дороги. Населена Тарасовка малороссіянами—черкасами, бывшими военными поселянами, нынѣ государственными крестьянами, занимающимися почти исключительно земледѣліемъ, по мѣстному—хлѣборобами. Въ слободѣ находится волостное правленіе, начальное училище для дѣтей обоего пола и, съ 1820 года, Николаевская церковь, при которой состоитъ прекрасный церковный хоръ, образованный мѣстнымъ приходскимъ священникомъ, протоіереемъ о. Александромъ Басанскимъ, изъ крестьянскихъ дѣвушекъ, такъ называемыхъ черничекъ. Объ этихъ-то черничкахъ я и сообщаю здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія.

Въ Тарасовкѣ встрѣчается много случаевъ, что дѣвушки даютъ обѣтъ безбрачной жизни и живутъ, проводя время въ молитвѣ и занимаясь ручной работой, преимущественно шитьемъ. Дѣвушки увѣчныя и слабыя здоровьемъ, не могущія перенести крестьянскихъ работъ, ожидающихъ ихъ въ замужествѣ, бываютъ обрекаемы родителями на безбрачную

---

1) Свѣдѣнія доставлены въ декабрѣ 1887 года учительницей Тарасовскаго начальнаго училища Варварой Николаевной *Сентъ*, въ видѣ отвѣтовъ на относящіеся къ этому вопросу пункты „Программы для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ“, изданной Этнографическимъ Отдѣломъ, подъ редакціей М. Н. Харузина, въ 1887 г. Они предлагаются здѣсь въ нѣсколько систематизированномъ видѣ *Ред.*

Digitized by Google

жизнь еще съ малолѣтства. Много бываетъ примѣровъ, что матери болѣзненныхъ дѣвочекъ обрекаютъ Богу, говоря: „Колы Богъ дастъ одужа и не вмре, то буде Божа". Также еще въ случаѣ сильной болѣзни дѣвочки родители даютъ обѣтъ: „Тилько одужа, оддамо въ школу,—нехай учится и буде Божа". Это соединеніе обѣта съ ученіемъ объясняется тѣмъ, что прежде дѣтей отдавали черничкамъ въ ученіе. Часто случается, что такая дѣвочка, обреченная Богу, благополучно выздоравливаетъ и, выросши, дѣлается красивой, видной, „хоть бы и не черничка, а якъ заправська монашка". Монашка въ этомъ случаѣ ставится выше чернички потому, что между черничками много есть увѣчныхъ, а въ монастыри принимаютъ только вполнѣ здоровыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ. На такихъ, окрѣпшихъ послѣ обѣта дѣвушкахъ, по убѣжденію народа, лежитъ особенная благодать Божія. Обреченныя на безбрачную жизнь въ дѣтскомъ возрастѣ мало участвуютъ въ играхъ дѣтей, а вошедши въ болѣе зрѣлый возрастъ, не посѣщаютъ ни вечерницъ, ни посидѣлокъ, ни супрядокъ и идутъ на жизнь черничекъ съ радостью, считая это особенно богоугоднымъ подвигомъ. Есть и такія, которыя, вошедши уже въ возрастъ, сознательно обрекаютъ себя на такую жизнь, объясняя свое желаніе тѣмъ, что онѣ ищутъ уединенія; спасенія души и труда для Бога. Такія-то дѣвушки называются черничками, а иногда и монашками.

Мѣстное крестьянское общество на монашество и на жизнь черничекъ смотритъ, какъ на идеалъ, и къ черничкамъ, живущимъ въ отдѣльныхъ кельяхъ при семьѣ, питаетъ уваженіе; многіе ходятъ къ нимъ за совѣтомъ, особенно бабы. На черничекъ, живущихъ въ общинѣ, многіе смотрятъ съ недовѣріемъ и насмѣшливо. Существуетъ убѣжденіе, что на семьѣ, въ которой есть черничка, почіетъ благодать Божія; но еще большую благодать приноситъ она тогда, когда идетъ въ настоящія монахини—въ монастырь. О домашнихъ же черничкахъ иногда отзываются и такъ: „Воно дило Боже, да народъ ставъ дуже балованный, и чернычки не то, що треба: живутъ не по обиту". Въ своей семьѣ отецъ и мать

Digitized by Google

относятся къ черничкамъ съ большою любовью и даже почтеніемъ, и не препятствуютъ, если дочь хочетъ сдѣлаться черничкой, считая ее своей молитвенницей предъ Богомъ, совѣтуются съ ней и, между прочимъ, особенное значеніе придаютъ ея снамъ, которые черничка будто бы видитъ предъ важными событіями въ семьѣ. Черничкѣ, живущей при семьѣ, доставляютъ обыкновенно все содержаніе, пока живъ отецъ; когда же отецъ умираетъ, то братья даютъ ей только то, что завѣщано отцомъ въ духовномъ завѣщаніи. Поэтому братья часто непріязненно относятся къ сестрамъ—черничкамъ. Это и понятно: выдавая сестру замужъ, они получаютъ за нее выкупъ отъ жениха, а когда она остается въ домѣ черничкой, то всю жизнь болѣе или менѣе они должны о ней заботиться, хотя она и сама зарабатываетъ. Отецъ и мать и всѣ женщины семьи не только не попрекаютъ бездѣйствіемъ черничку, живущую при семьѣ въ отдѣльной кельѣ, но даже считаютъ, что черезъ нее нисходитъ на весь домъ благословеніе Божіе. Братья иногда относятся къ нимъ дурно, но это ставится имъ въ укоръ. Дурныя отношенія братьевъ объясняются иногда, какъ сказано выше, просто корыстью, а иногда тѣмъ, что черничка считаетъ своей обязанностью стоять на-стражѣ семейной нравственности, сдерживать ихъ въ ихъ разгульной жизни, давать имъ наставленія. Братья въ этихъ случаяхъ хотя и выказываютъ неудовольствіе, а надъ молодыми сестрами-черничками и трунятъ, но все же по крайней мѣрѣ ихъ выслушиваютъ; тогда какъ обыкновенныя сестры-дѣвушки не только не могутъ учить братьевъ, въ особенности женатыхъ, но находятся въ полномъ подчиненіи у нихъ.

Черничка живетъ въ домѣ своихъ родителей въ отдѣльной кельѣ, построенной или тутъ же при домѣ, или сбоку, на огородѣ. Такъ живутъ чернички болѣе зажиточныхъ родителей, а бѣдныя чаще идутъ въ общину. Черничка поселяется въ кельѣ лѣтъ съ 20-ти, а въ общину уходитъ и ранѣе. Особенную келью выстраиваетъ черничкѣ ея отецъ или братъ по завѣщанію отца, если тотъ умираетъ и остается въ семьѣ дочь, предназначенная для безбрачной жизни.

Digitized by Google

Семья не требуетъ отъ чернички обязательнаго исполненія работъ по хозяйству, и въ ежедневныя работы и хозяйство она не мѣшается. Во время полевыхъ работъ, если она здорова, то выходитъ въ поле, хотя при этомъ пользуется правомъ работать, сколько пожелаетъ. Оставаясь дома, она присматриваетъ за хозяйствомъ. Она также имѣетъ право брать работу со стороны, и деньги, заработанныя ею, поступаютъ въ полное ея распоряженіе. Она на нихъ одѣвается, а также подаетъ на церковь, на свѣчи, нищимъ, прохожимъ монашкамъ, просящимъ на монастыри.

Черничка не имѣетъ права выходить замужъ; это считается позоромъ для нея и для ея семьи. Тѣмъ не менѣе, это случается нерѣдко. Родные въ такихъ бракахъ не участвуютъ. Черничка не выйдетъ замужъ за мужика-пахаря и за живущаго при семьѣ: семья не приметъ такую невѣстку; а выходятъ чернички за торговцевъ и вообще вышедшихъ изъ крестьянства и за одиночекъ. Такой бракъ совершается какъ бы уходомъ. Свободная любовь тѣмъ болѣе недозволительна, но и тутъ бываютъ исключенія. Случается, что черничка бросаетъ келью или общину и живетъ съ кѣмъ-нибудь, но только не въ своей слободѣ. Въ такихъ случаяхъ родные стараются покрыть грѣхъ, хотя бы уже послѣ рожденія дѣтей. Семья не обязана давать черничкѣ приданаго при выходѣ ея замужъ, тѣмъ болѣе, что это замужество всегда бываетъ противъ воли семьи.

Если семья производитъ раздѣлъ, то черничка получаетъ то, что назначено ей по завѣщанію отцомъ; но часто, въ семьяхъ зажиточныхъ, отецъ при жизни не только строитъ ей келью, но и назначаетъ что-нибудь изъ скота, даетъ деньгами, и она ведетъ свое хозяйство отдѣльно. Въ семьяхъ болѣе бѣдныхъ отецъ всегда завѣщаетъ сыну выстроить дочери-черничкѣ келью, если она еще не выстроена, и выдавать ей извѣстное количество продуктовъ ежегодно. Величина доли, получаемой черничкой, зависитъ отъ воли отца; но никто не можетъ указать въ Тарасовкѣ примѣра, чтобы братья оставили безъ помощи сестру-черничку, и она бы

Digitized by Google

нуждалась; напротивъ, всѣ онѣ живутъ въ довольствѣ. Такимъ образомъ, черничка остается всю жизнь на попеченіи братьевъ и родныхъ. Они считаютъ себя нравственно обязанными во всемъ помогать ей и давать все, что нужно. Также и чужіе помогаютъ черничкѣ: кто топливомъ, кто хлѣбомъ, а кто даетъ и деньги на поминъ покойниковъ, такъ какъ чернички каждый день читаютъ псалтырь.

Въ слободѣ Тарасовкѣ есть двѣ общины черничекъ. Живутъ онѣ въ двухъ отдѣльныхъ домахъ, выстроенныхъ ими же самими на заработанныя деньги, а также на пожертвованныя имъ на стройку нѣкоторыми богатыми людьми, на которыхъ онѣ работаютъ, вышиваютъ. У черничекъ, живущихъ въ общинѣ, есть одна главная, но вновь поступающихъ онѣ принимаютъ къ себѣ по общему согласію. Хозяйственныя заботы онѣ дѣлятъ между собой. Такъ какъ трапеза у нихъ общая, то стряпаютъ по очереди, и очередная даже и въ праздники въ церковь не ходитъ, а цѣлый день сидитъ дома. Онѣ составляютъ пѣвческій церковный хоръ, за что каждая получаетъ отъ священника, смотря по голосу, отъ 3 до 10 рублей въ годъ. На праздникахъ онѣ ходятъ, какъ обыкновенно пѣвчіе, съ поздравленіемъ, и это доставляетъ имъ извѣстный доходъ, который онѣ дѣлятъ между собой. Онѣ также прекрасно шьютъ и вышиваютъ; поэтому невѣсты болѣе зажиточныхъ крестьянъ шьютъ себѣ у нихъ приданое. Кромѣ того, онѣ засѣваютъ огородъ, сѣютъ хлѣбъ. Добываемые отъ этихъ занятій продукты, за удовлетвореніемъ нуждъ общины, идутъ также въ продажу. Прибыль съ огорода и посѣва идетъ на общій расходъ. Въ полѣ на своей пашнѣ и въ огородѣ онѣ работаютъ сами, а также имъ помогаютъ родные и знакомые: пашутъ имъ ниву, даютъ подводы для свозки, иногда и молотятъ. Деньги, получаемыя за вышиванье и шитье, онѣ дѣлятъ, смотря по работѣ: если ее исполнила одна, то одна и получаетъ, а если вмѣстѣ работаютъ, до дѣлятъ. Деньги же, нужныя для хозяйства, вносятся поровну каждою, а если въ общинѣ живетъ молоденькая, бѣдная черничка, еще не успѣвшая достаточно зара-

Digitized by Google

ботать, чтобы дѣлать положенный взносъ на расходъ, то съ нея не берутъ; но за то она исполняетъ больше хозяйственныхъ работъ, напр., носитъ воду, дрова и т. д. На общую молитву онѣ не сходятся, да имъ и некогда за работой, за спѣвками и пѣніемъ въ церкви. Но по воскреснымъ днямъ, если послѣ обѣда нѣтъ спѣвки (большей частью она бываетъ), то читаютъ сообща псалтырь. Нѣкоторыя изъ нихъ учатся играть на скрипкѣ, и многія повыходили регентами въ другіе церковные пѣвческіе хоры. Чернички, живущія въ общинѣ. ведутъ болѣе мірскую, чѣмъ монашескую жизнь. Онѣ ѣдятъ мясо, хотя это введено недавно, вслѣдствіе послѣднихъ неурожаевъ даже на овощи, какъ онѣ объясняютъ. Одѣваются хотя и въ темные цвѣта, но довольно порядочно: юбки и кофты—обыкновенная одежда; свитокъ и кожуховъ вовсе не носятъ, а замѣняютъ ихъ чернымъ пальто (впрочемъ, и монашки-чернички, живущія въ особыхъ кельяхъ, тоже не носятъ ни свитъ, ни кожуховъ). Головы покрываютъ лѣтомъ бѣлыми платками, а зимой и осенью—черными. Живутъ онѣ чрезвычайно чисто и гораздо удобнѣе даже богатыхъ крестьянъ. Жилище ихъ состоитъ, во-первыхъ, изъ одной чистой, парадной комнаты, затѣмъ—двѣ спальни, кухня и столовая. Комнаты безъ деревяннаго пола, но всегда очень чисто смазанныя. Топка производится соломой отъ своего посѣва, а для приготовленія пищи и печенія хлѣба засушиваютъ навозъ, который рѣжутъ у кого-нибудь изъ своихъ родныхъ или тѣхъ богатыхъ людей, на которыхъ онѣ вышиваютъ и шьютъ. Для перевозки топлива имъ, по ихъ просьбѣ, всегда даютъ подводы родные и даже знакомые. Были примѣры, что отецъ или братъ въ самую горячую рабочую пору бросаетъ свое дѣло и ѣдетъ перевезти черничкѣ пожертвованный ей кѣмъ-нибудь навозъ для топки.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ и при отсутствіи излишней строгости въ образѣ жизни. чернички, живущія въ общинѣ, имѣютъ веселый и довольный видъ, отличаются живымъ и общительнымъ характеромъ; въ этомъ ихъ отличіе отъ черничекъ, живущихъ въ одиночку, которыя обыкновен-

Digitized by Google

но не общительны и угрюмы. Чернички, живущія въ общинѣ, объясняютъ свое нежеланіе выходить замужъ тѣмъ, что для спасенія своей души желаютъ избавиться отъ непріятностей мірской жизни и супружескихъ радостей, которыхъ онѣ не признаютъ. Обыкновенно у нихъ такой отвѣтъ на этотъ вопросъ: «Ищемъ уединенія и спасенія души, труда для Бога и молитвы. Выйди замужъ, и лба перекрестить некогда; а тутъ я свободна и каждый праздникъ въ церкви, а когда захочу, то и на богомолье пойду.» И онѣ часто ходятъ цѣлымъ своимъ монастыремъ на богомолья.

Эти-то богомолья и являются едва ли не главною причиной утвержденія и распространенія обычая поступать въ чернички. Другія причины, какъ, напримѣръ, появленіе раскольниковъ и старообрядцевъ, оказывающихъ въ иныхъ мѣстностяхъ сильное вліяніе въ этомъ направленіи, здѣсь имѣютъ меньше значенія. Правда, есть въ сл. Тарасовкѣ одно семейство пріѣзжее. Оно занимается здѣсь торговлею и принадлежитъ къ австрійскому поповскому толку, но изрѣдка бываетъ въ церкви. Новорожденнымъ изъ этого семейства мѣстный приходскій священникъ даетъ молитву, онъ же и хоронитъ умершихъ; а крестить и говѣть они ѣздятъ въ Харьковъ. Вліянія на мѣстное населеніе эта отдѣльная горсть никакого не имѣетъ, и появленіе черничекъ все-таки объясняется главнымъ образомъ вышеуказанной причиной. Это положительно можно сказать по крайней мѣрѣ о тѣхъ дѣвушкахъ, которыя не съ малыхъ лѣтъ обречены на монашество, а въ сознательномъ возрастѣ даютъ этотъ обѣтъ. Начинается по большей части съ того, что, наслушавшись разсказовъ богомольцевъ и проѣзжихъ монашекъ, дѣвушки отправляются на богомолье въ Святыя Горы (на Донцѣ), и потомъ въ Валуйки; ихъ прельщаетъ торжественность и чинность монастырскаго богослуженія, тишина монастырской жизни, обстановка. Тутъ уже дѣвушка невольно начинаетъ думать о монашеской жизни, о женскомъ монастырѣ, каковъ ближайшій—въ Старобѣльскѣ; идетъ туда, поражена красотой храма, увлечена стройнымъ пѣніемъ монашекъ, прельщена чистотой и тишиной въ кель-

Digitized by Google

яхъ. По возвращеніи домой, она ни о чемъ не думаетъ, какъ только объ этомъ новомъ, открывшемся для нея образѣ жизни, и не одна изъ такихъ богомолокъ дѣлается обитательницей Старобѣльскаго монастыря, гдѣ ее охотно принимаютъ. Однако, не каждая изъ такихъ дѣвушекъ дѣлается дѣйствительно монахиней навсегда. Часто бываетъ, что такія дѣвушки, если имѣютъ хотя малѣйшую возможность прожить своимъ трудомъ или при помощи родныхъ, уходятъ изъ монастыря, проживъ въ немъ немного. Онѣ обыкновенно жалуются: «Тамъ не життя, а каторга; лба николы перехрестыть, не то що до церквы пійты, а ще монашкою зовуть.» Однако, по уходѣ изъ монастыря дѣвушка не оставляетъ своего желанія жить для Бога—черничкою. Если есть средства, то она строитъ себѣ отдѣльную келью, а нѣтъ—идетъ въ общину.

Въ заключеніе, слѣдуетъ сказать, что Тарасовскія общины черничекъ представляютъ собою весьма рѣзкій контрастъ съ другими, болѣе общими и въ то-же время болѣе прискорбными явленіями мѣстной жизни. Жители слободы Тарасовки часто отправляются на заработки, особенно въ послѣдніе мало урожайные годы. Они уходятъ по большей части съ конца марта и начала апрѣля и возвращаются по окончаніи полевыхъ работъ, съ Покрова и не позже 15 ноября. Рѣдкіе изъ нихъ проводятъ круглый годъ внѣ дома; это именно парни, не ведущіе самостоятельнаго хозяйства. Идутъ они на Донъ, въ Черноморье, на Кавказъ и въ большія купеческія экономіи, напримѣръ къ Борисову и др., а также и здѣсь на мѣстѣ многіе нанимаются въ работники. Уходятъ они исключительно на земледѣльческія работы, на покосъ и уборку хлѣба, и кромѣ этого никакихъ ремеслъ и промысловъ они не знаютъ. Рѣдкіе изъ уходившихъ приносятъ по возвращеніи деньги, особенно добытыя честнымъ трудомъ; это только хозяева, пришедшіе въ упадокъ за послѣдніе неурожаи и ушедшіе на заработки на покосъ для поправки хозяйства. Тѣ же, которые партіями нанимаются къ Борисову и другимъ, поголовно возвращаются развращенными; имъ кажется скудной та пища, которую ѣдятъ ихъ родители; ихъ

Digitized by Google

не занимаетъ въ будній день домашняя работа, а еще скучнѣе для нихъ праздничные дни въ деревнѣ, гдѣ днемъ, кромѣ улицы (избранное мѣсто для гулянья), а вечеромъ кромѣ вечерницъ, нѣтъ никакого развлеченія для парней. И въ эту улицу, и въ эти вечерницы они вносятъ новые дурные нравы и новыя модныя пошлыя пѣсни, а при первой возможности спѣшатъ опять уйти на заработки. Если же такого молодца женятъ, то онъ старается отдѣлиться отъ отца, или при первой возможности бросить жену и все-же уйти. Уходятъ на зароботки также и дѣвушки. Возвратившіеся изъ зароботковъ какъ парни, такъ и дѣвки, уже не такъ охотно подчиняются родителямъ, особенно когда вопросъ коснется денегъ, принесенныхъ ими. Всѣ живущіе по найму по близости отдаютъ свои заработанныя деньги родителямъ и даже почти не считаютъ ихъ своими; если родителей нѣтъ, то деньги получаетъ старшій братъ, или тотъ родственникъ, въ домъ котораго работникъ или работница возвращается по окончаніи срока найма, а тѣ уже, употребляя эти деньги на общія нужды, заботятся о томъ, чтобы у него было все необходимое, и обязаны справлять свадьбу, если окажется нужнымъ. Не такъ бываетъ съ тѣми, которые побывали на дальнихъ заработкахъ: на Дону, въ Черноморьѣ, а особенно на пристаняхъ. Они считаютъ всѣ заработанныя деньги своими и стараются употребить ихъ на свои личныя нужды, иногда только удѣляя часть на подати. По примѣру парней такъже поступаютъ и дѣвушки; ихъ не удовлетворяетъ одежа домашняго изготовленія, которую онѣ носили прежде; онѣ неохотно подчиняются волѣ старшихъ. И вотъ, если заработанныхъ денегъ отецъ не дастъ имъ въ полное распоряженіе, или же ихъ вовсе нѣтъ, то парень рѣшается что-нибудь украсть у отца, а то и у чужихъ, надуть кого-нибудь, занять безъ отдачи, а все же денегъ достанетъ; дѣвка также разными нечестными способами добудетъ таки денегъ или готовыхъ нарядовъ. Вслѣдствіе этого являются въ семьѣ ссоры, чего почти не бываетъ въ тѣхъ семействахъ, члены которыхъ не ходятъ на заработки. Изъ дѣвушекъ, ходившихъ на зара

Digitized by Google

ботки, едва десятая возвращается честной; но если здѣсь дома ей удастся выйти замужъ, то прежнее не вспоминается, ей прощается вина, и она бываетъ хорошею хозяйкою и женою.

В. Свѣтъ.

Замѣтка о народной медицинѣ.

Настоящая замѣтка составлена исключительно на основаніи разспросовъ крестьянки села Козлова, Аксиньи, занимающейся врачеваніемъ какъ своихъ односельчанъ, такъ и крестьянъ ближайшихъ деревень. Свѣдѣнія, доставленныя мнѣ названной знахаркою, я передаю, по возможности, въ ея собственныхъ выраженіяхъ.

О томъ, какъ Аксинья сдѣлалась знахаркою, она сообщаетъ слѣдующее:

„У меня бабушка, отцова сестра, лѣчила, такъ отъ нея и я переняла; перенимала я и отъ дѣдушки, который въ солдаты ходилъ, а потомъ лѣчилъ. Теперь, когда я больному сдѣлаю въ первый разъ какое лѣкарство, и онъ почувствуетъ себя легче, такъ я во второй и третій разъ берусь за это лѣкарство“.

Что касается до вознагражденія, то въ ея практикѣ установился такой обычай, что „ежели больному легче будетъ, то чѣмъ поскучаешь (чего недостаетъ), тѣмъ и надѣляютъ“. Большого вознагражденія или какой бы то ни было опредѣленной платы она не требуетъ, не смотря на то, что сама принадлежитъ къ одной изъ бѣднѣйшихъ семей. Вынужденная содержать пьяницу мужа и дѣтей, она втеченіе всей зимы разъѣзжаетъ по околотку, побираясь [1]) и зани-

---

[1]) Считаю не лишнимъ указать на тотъ фактъ, что крестьяне села Козлова, отличаясь отъ окрестныхъ селъ своею распущенностью, возвели „побираніе“ въ своего рода промыселъ, называемый ими „ѣздою по вотякамъ“. Пользуясь гостепріимствомъ и отчасти робостью сосѣднихъ вотяковъ, козловецъ, запасшись

Digitized by Google

маясь лѣченіемъ больныхъ; лѣтомъ же она служитъ сторожихою въ мѣстномъ сельскомъ училищѣ и нанимается во время страды на полевыя работы.

При лѣченіи болѣзни Аксинья обращаетъ прежде всего вниманіе на причины, вызвавшія ее, хотя, правда, объясняетъ ихъ по своему.

„Всякое недомоганіе происходитъ либо прямо отъ болѣзни, либо отъ урока. Вотъ сейчасъ полюбуешься на ребенка, а онъ и сглазится. Узнать же, изуроченъ, или нѣтъ, такъ надо повести по глазамъ, по вѣкамъ, и тамъ все равно что горохъ будетъ,—это будетъ въ глазахъ „переломъ" (урочное состояніе). Потомъ узнать можно урокъ, когда бросишь въ воду уголья, и они шибко завизжатъ и переметышкомъ врозь ко дну идутъ; а коли человѣкъ больной, такъ уголья плаваютъ по верху грудкою".

Чтобы избавиться отъ урока, надо заговаривать воду. „Благословишься и читаешь: „Стану я благословясь, пойду перекрестясь, и выйду я за ворота, и на всѣ четыре стороны поклонюся и помолюся, и попрошу я у Господа Бога добраго здоровья на сегодняшній день, на раба Божьяго (*имя*). Гдѣ бы пташечка не летала, гдѣ бы гнѣзда не вила, тутъ бы скорби и боли полетѣли и утихали. И просимъ у Господа Бога добраго здоровья, и всѣхъ святыхъ Ангеловъ, Михаила Архангела и Илья Пророка, Кузьмы-Демьяна, и прошу я васъ милости, и пособите, помогите. Ангелъ мой и сохранитель мой, и сохрани мою душу, и сокрѣпи мое сердце; врагъ отшатнись отъ меня и на три ста, и на три тысяцы. Есть надо мною ангелъ мой, сохранитель мой, сохрани мою душу и сокрѣпи мое сердце, врагъ отъ меня. Есть надо мною Божій домъ, въ Божьемъ дому Лука и Марко и за меня Богу молятся на раба Божьяго (*имя*), за меня руки мучатся".

„Послѣ этого воду перекрестишь и 3 раза читаешь: „Мати Марія, гдѣ она спала, пришли жиды пріятели, хочутъ истиннаго Христа унести, хочутъ ему руки и ноги распіяти,

штофомъ водки, отправляется въ гости къ вотяку, угощаетъ его, за что при разставаніи получаетъ либо хлѣба, либо что—нибудь другое.

Digitized by Google

тростью голову прошибати, святую кровь пропускати. Кто это будетъ знати, трои въ день перебирати: отъ судьи судящаго, отъ молоньи палящаго, отъ грома гремящаго, отъ змѣи жалючія (*имя*) раба Божія, не держались бы у него ни скорби и ни боли не держались бы у него, какъ бы рѣченька бѣжала, ни песками, ни кореньями, ни каменьями не держались".

„Когда все это прочтешь, наливаешь въ чашку 9 разъ воду изъ ложки, затѣмъ покинешь туда 9 угольковъ. Этою водою вспрыскиваешь больного, а потомъ онъ отправляется париться въ баню. Какъ изъ бани идти, то больной становится около порога, а сама за порогомъ и трешь больному вѣка, говоря: „Не ты пужаешься и полошишься, а скорби и боли пужаются и полошатся". Потомъ брызжешь изо рта черезъ персты наговоренною водою. Когда сдѣлаешь это, надо себѣ отговоръ сказать, а то самъ будешь весь день въ разслабленіи. Отговоръ говорить слѣдующій: „Утренняя Марія, Полуденная Маремьяна, Вечерняя Ульяна". Этими словами какъ замкомъ запрешь себя".

Таково средство отъ урока.

Что касается до болѣзней, то одною изъ самыхъ распространенныхъ является лихорадка, которая, подобно тому какъ и повсемѣстно, олицетворяется въ образѣ 12 сестеръ, носящихъ различныя названія: тресея, потягота, ломота, знобея, рвота, огневица, жадная, глухая—„внутри болитъ, трясти не трясетъ, а томитъ только и весь въ разслабленіи", и проч. Приходятъ эти лихорадки на людей весною и осенью. „Весною непокрытое что поставишь, такъ она-то, лихорадка, и подходитъ. Мы весной въ окошко глядимъ, такъ и тутъ лихорадка входитъ. Вотъ въ сырну недѣлю такъ бы яичко и поѣлъ: это лихорадка въ немъ манитъ".

Строгаго разграниченія средствъ, употребляемыхъ при лѣченіи лихорадокъ, названной знахаркѣ неизвѣстно.

„Чеснокъ въ путь идетъ ей, лихорадкѣ-то. Коли *знобея*, такъ подъ шубу забьешься на печь, потомъ подкуриваешь колтышами (яичной скорлупою), которые высушишь на печи.

Digitized by Google

Какъ этими колтышами обкуришь, такъ лихорадка все лицо обгадитъ, а потомъ Богъ здоровье дастъ. Коли это не возьметъ, можно обкуривать дегтемъ, который нашелъ невпопадъ. Полезно обвязывать вокругъ себя лыко, которымъ былъ завязанъ гробъ покойника; полезна и веревка отъ повѣшенныхъ собакъ и кошекъ.

Какъ *глухую* выживаютъ, такъ надо конекъ избы вымыть и напоить той водою, не сказывая. Полезно также войти въ баню впередъ пятками. Пришла я одинъ разъ въ баню и голову положила въ каменку, а она какъ засыпется,—это меня лихорадка пужать начала".

Жадная лихорадка—это та, которая производитъ сильный позывъ на какую-либо пищу, и ничѣмъ вылѣчить ея нельзя, какъ только съѣсть желаемое. Вотъ какая она сильная эта лихорадка. „Пошелъ у меня дѣдушка на богомолье, далъ зарокъ не пить и не ѣсть до обѣдни. Вдругъ захотѣлось ему соленой рыбы, такъ что даже жилки подъ колѣнкой свело, и только тогда въ себя пришелъ, какъ поѣлъ".

Изъ числа болѣзней, кромѣ лихорадки, знахаркѣ с. Козлова извѣстны еще слѣдующія:

1) *Желтуха* (алая, желтая, синяя). Желтая и синяя излѣчиваются цвѣтками соотвѣтственныхъ цвѣтовъ, названіе которыхъ не удалось узнать; а алая излѣчивается коноплянымъ сѣменемъ, которое истолкутъ и сокомъ поятъ.

2) *Водянка*: 12 сутокъ морятъ живыхъ таракановъ въ сухомъ мѣстѣ. Въ нихъ накинешь сулемы золотникъ, накладешь въ ведро съ горячей водою, коневой травы, набросаешь туда каленыхъ камней и посадишь туда больного.

3) *Простуда*, или проломъ въ ногахъ: набросаешь 9 камней въ кадку съ горячей водою и поставишь туда ноги. Больной пропрѣетъ такъ, что потъ какъ градъ выйдетъ. Тогда положить его на печку, а ноги обвернуть такимъ лѣкарствомъ: гуща изъ-подъ квасу на половину съ лукомъ, стаканъ доревяннаго, постнаго и скоромнаго масла варятся вмѣстѣ и затѣмъ студятся.

4. *Расперстица*—распухнутъ руки такъ, что нельзя палецъ къ пальцу сжать. Помогаетъ трава „межперстица".

Digitized by Google

5) *Сучье вымя* — подъ пазухой дѣлаются шишки. Намажешь сметаной и даешь лизать собакѣ, сучкѣ, до 3-хъ разъ, отъ этого легче будетъ. Хорошо взять изъ мягкаго хлѣба шарикъ, приложить къ шишкѣ и бросить собакѣ, непремѣнно сукѣ.

6) *Тоска*—лѣчится золою, которая выгреблена въ великій четвергъ и просѣяна черезъ сито.

7) *Какъ мозгъ встрясется* и давитъ глаза шибко, такъ надо смѣрить голову двумя мочалками, чтобы узнать, гдѣ мозгъ лежитъ. Потомъ даютъ въ зубы рѣшето, которое постукиваютъ, послѣ чего мѣряютъ голову опять, и опять постукиваютъ рѣшето, пока мозгъ не будетъ лежать ровно.

8) *Ребячій рыкъ*: 1) ночной рыкъ, 2) вечерній рыкъ, 3) полуденный рыкъ, 4) утренній рыкъ: Для излѣченія наговоришь воду и, стоя на ступенькѣ лѣсенки, брызжешь ею черезъ рѣшето, въ которое кладутъ каточекъ, веретешко, деревцо. Брызгать нужно въ то время, которое соотвѣтствуетъ рыку.

9) *Собачья старость*—ежели ребенокъ чуть живой. Тогда его нужно взвѣсить и примѣрно продать. Коли отъ этого собачья старость не возьмется, тогда надо посадить въ печь хлѣбъ и совать въ нее на лопатѣ запеленаннаго младенца. Суетъ обыкновенно мать или кто доведется, но при этомъ нужно, чтобы былъ еще кто либо. Одинъ изъ присутствующихъ спрашиваетъ: „Ты что печешь“? Ему въ отвѣтъ говорятъ: „Я пеку собачью старость“.—„Пеки, чтобы въ вѣкъ не было“, говоритъ предложившій вопросъ. Этотъ діалогъ повторяется до 3-хъ разъ.

Таковы свѣдѣнія о народномъ лѣченіи, сообщенныя мнѣ въ селѣ Козловѣ. Они до нѣкоторой степени рисуютъ народное воззрѣніе на болѣзни и на средства избавленія отъ нихъ. Къ счастью, не далеко то время, когда помощь знахарей и знахарокъ, благодаря дѣятельности докторовъ, станетъ излишнею; вмѣстѣ съ этимъ исчезнетъ и память о прежнихъ способахъ лѣченія. Послѣднее соображеніе и побудило меня привести въ порядокъ все вышеизложенное и, несмотря на краткость и неполноту собранныхъ свѣдѣній, напечатать ихъ.

Петръ Богаевскій.

Digitized by Google

Бесѣдныя складчины и ссыпчины Обонежья.

Бесѣда. Бесѣды очередныя. Наемъ помѣщенія. Плата денежная и продуктовая. Плата колядными деньгами. „Виноградье". Плата жатвою. „Ссыпки", „остолушка" и „обчая каша". Гаданія.

„Бесѣдою", „посидкою", а въ мѣстахъ, сильно тронутыхъ городскою цивилизаціею, и „клубомъ" называется изба, въ которой, начиная съ осени и кончая великимъ постомъ, собирается сельская молодежь проводить долгіе зимніе вечера. Дѣвушки являются съ работами, больше съ пряденіемъ, и разсаживаются по лавочкамъ. Бойкія, привычныя руки, всучивая волокно за волокномъ, начинаютъ тянуть изъ неуклюжаго комка кудели непрерывную нить; раздается неугомонный стукъ веретенъ, говоръ и смѣхъ сельскихъ красавицъ, сидящихъ на своихъ прялицахъ, нерѣдко украшенныхъ вычурною рѣзбою или окрашенныхъ въ яркія краски. Такимъ украшеніемъ прялицъ занимаются или братья дѣвушекъ, или ихъ возлюбленные, нарочно, какъ говорятъ, дѣлающіе пошире площадку, къ которой привязывается куделя, „чтобъ не видно было, какъ цѣлуются".

Собравшіяся дѣвушки обыкновенно успѣютъ наговориться и подѣлиться новостями до того времени, пока явятся парни съ пѣснями, загадками, прибаутками, гармоникой. Парни разсаживаются обыкновенно къ своимъ подругамъ, ведутся и интимныя, и общія бесѣды, поютъ пѣсни, пляшутъ „утушку", „шестерку", „завивая", „черничка" и т. п.; но чѣмъ больше коснулись молодежи городскія вліянія, тѣмъ чаще и чаще танцуются „кадрель" и „ланце", а деревенскую пѣсню вытѣсняетъ пѣсня фабричная и „тальянка".

Digitized by Google

Избу молодежь обыкновенно нанимаетъ у какой-либо вдовы или вообще у людей небогатыхъ, которымъ не безвыгодно принимать у себя молодежь. Наемъ квартиры крайне рѣдко обходится чередованіемъ; такъ, напр., на Чикозерѣ (Лодейнопольскаго уѣзда), на Айнозерѣ, Кемозерѣ и р. Сойдѣ (Вытегорскаго у.) вечера поочередно устраиваютъ у себя всѣ взрослыя дѣвушки деревни. Изъ этой очереди никто не исключается, такъ что если въ одномъ домѣ имѣется 2—3 дѣвушки, то и количество справляемыхъ въ немъ вечеринокъ въ 2—3 раза больше, чѣмъ въ томъ домѣ, гдѣ дѣвушка лишь одна; при этомъ всѣ 2—3 вечера бываютъ одинъ за другимъ сряду, а затѣмъ уже молодежь переходитъ въ другой домъ. Для удобства очередь соблюдается, начиная съ одного края деревни и до другаго и вновь въ томъ же порядкѣ. Освѣщеніе—со стороны хозяйки; угощеніе же бываетъ лишь въ томъ случаѣ, если дѣвушка-хозяйка выходитъ замужъ. Постоянные переходы изъ одной хаты въ другую представляютъ то неудобство, что хата одной дѣвушки сравнительно съ хатою другой можетъ быть крайне малою и не въ состояніи вмѣстить всѣхъ желающихъ; кромѣ того, вечера въ своемъ домѣ неудобны для каждой дѣвушки-хозяйки еще и тѣмъ, что, находясь на глазахъ родителей, она по неволѣ должна держать себя скромнѣе прочихъ дѣвушекъ: для дѣвушки считается неловкимъ при родителѣ и родительницѣ цѣловаться съ парнемъ, сѣсть къ нему на колѣни или его посадить къ себѣ, а между тѣмъ всѣ другія все это позволяютъ себѣ, потому что для нихъ „эвто не въ своемъ домѣ". Нужно сказать, что вообще на вечеринкахъ молодежь держитъ себя крайне свободно. Но это на сельскій взглядъ не представляетъ ничего особеннаго, и надо сознаться, что хотя это и носитъ, на взглядъ городскаго жителя, некрасивый обликъ, но не ведетъ къ тѣмъ непріятнымъ для дѣвушекъ послѣдствіямъ, которыя имѣютъ мѣсто въ городской жизни, не смотря на всю изысканность отношеній одного пола къ другому.

Способы платы за вечеринку весьма разнообразны: и деньгами, и хлѣбомъ, и дровами и проч. Дѣвушки, отправ-

Digitized by Google

ляясь на вечеринку, несутъ обыкновенно полѣно дровъ, коврижку хлѣба для хозяйки и горсть лучины для освѣщенія; въ Усть-Мошѣ Каргопольскаго у. носятъ по уговору или керосину, или „свѣчу пальмыву". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Нименское, Бережная Дуброва Каргопольскаго у. и др.) въ продолженіе всей зимы дрова возятъ парни въ достаточномъ для отопленія нанимаемой квартиры количествѣ, но и здѣсь лучину для освѣщенія заготовляютъ дѣвушки; онѣ же ежесубботно моютъ полы нанимаемой комнаты [1]). Кромѣ того, платятъ и деньгами, иногда за всю зиму сразу, какъ это дѣлается, напр., въ Нигижмѣ Пудожскаго у., гдѣ дѣвушки платятъ за всю зиму 30 к., на Чикозерѣ Лодейнопольскаго у.—25 и 20 к. и т. п.; иногда же взносъ производится въ три срока, какъ, напр., въ Усть-Мошѣ Каргопольскаго у.: первый взносъ дѣлается предъ началомъ вечеринокъ, второй—предъ Рождествомъ, третій—предъ великимъ постомъ. Не мало и такихъ мѣстъ, гдѣ плата производится по-недѣльно, притомъ парни платятъ за всѣ будни, а дѣвушки лишь за дни воскресные такъ называемую „воскресенщину". Въ Ялгубѣ Петрозаводскаго у. плата производится по-вечерно, и величина ея для различныхъ половъ и возрастовъ различна; такъ, напр., парни платятъ по 10 к. за вечеръ, дѣвушки—по 5 к., подростки—по 3 к.; въ большинствѣ случаевъ дѣло устраивается такъ, что дѣвушки вносятъ хозяйкѣ плату за всю зиму, а съ приходящихъ по праздникамъ (въ Нигижмѣ также и по буднямъ) парней берутъ такъ называемое „половое"—5, 10 и даже 20 коп.; парень, не уплатившій хозяйкѣ „половое", не имѣетъ права подсѣсть ни къ одной дѣвушкѣ, ни плясать съ нею; хотя онъ все же можетъ находиться въ комнатѣ, любоваться на танцы, любовныя изліянія молодежи, но на такую незавидную роль посторонняго наблюдателя мало охотниковъ. Парни чужой общины или волости платятъ „половое" въ двойномъ количествѣ. Оригинальны способы расплаты за пользованіе хатою въ Усть-Мошѣ и Лядинской волости Каргополь-

1) То-же самое ставится въ условіе мастеровымъ дѣвушкамъ г. Петрозаводска, но хозяйка за мытье половъ должна угостить ихъ кофе.

Digitized by Google

скаго у. Кромѣ взносовъ, дѣлаемыхъ дровами, лучиною, коврижками, а иногда и мукою или толокномъ (а въ праздничные дни калитками и пирогами), въ Усть-Мошѣ плата дополняется еще калачами и деньгами, полученными за славленіе Христа (парнями) и за пѣніе „виноградья" (дѣвушками).

Въ первый день Рождества до обѣдни ходятъ славить Христа лишь нищіе и получаютъ за это такъ называемыя „коровашки"—хлѣбцы на половину ржаные, на половину ячменные. Послѣ обѣда, когда православные уже пообѣдали, славятъ Христа мальчики и дѣвочки, собирая въ свои „зобенки" (ручныя корзинки) пряники, сухари и крендели. Затѣмъ идутъ славить бабы и мужики, а по вечеру, когда кончится такъ называемая „денная игра" (зимній хороводъ), ходятъ славить парни, и отдѣльно отъ нихъ дѣвушки. Тѣ и другія собираются толпою со всей деревни, распѣваютъ праздничныя стихиры и получаютъ за то калачи и крендели. Кромѣ того, дѣвушки ходятъ еще пѣть „виноградье", но преимущественно къ лицамъ богатымъ, къ „торгованамъ" (купцамъ), а также къ людямъ служащимъ, такъ, напр., къ „наставницѣ" (учительницѣ), къ писарю волостному, къ старшинѣ, къ начальнику военной команды, къ фельдшеру, къ телеграфисту и т. д. Вваливаясь въ избу, толпа поетъ:

1. Ты позволь, сударь хозяинъ, ко двору прійти,—
Виноградье красно-зелено—[1])
Ко двору прійти.
Ко двору прійти, да виноградье спѣть.
У хозяина дворъ да на семи верстахъ,
На семи верстахъ, да на семидесятъ столбахъ,
5. Кругомъ-около двора да желѣзный тынъ.
Что-ль на каждой тычинкѣ по маковкѣ,
Виноградье красно-зелено, *что-ль* по маковкѣ.
Что-ль по маковкѣ, по жемчужинкѣ,
По жемчужинкѣ, да по злату кресту.
Какъ хозяинъ въ дому, да какъ Адамъ въ раю;

[1]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха съ повтореніемъ 2-й половины его и съ прибавленіемъ иногда *что-ль*, какъ въ стихѣ 6-мъ (также 17 и 23).

Digitized by Google

10. Какъ хозяюшка въ дому, да какъ оладейка въ меду;
Малы дѣточки въ дому, да какъ орѣшечки.
Еще далече, далéче во чистомъ полѣ,
Въ чистомъ полѣ, да во удалинкѣ, [2]).
Что-ль стоитъ тамъ яблонь кудреватая;
15. Что-ль подъ яблонькой кроваточка тесовая стоитъ,
На кроваткѣ перинушка пуховая лежитъ,
На перинушкѣ сголовье косельчато (*или* косевчато).
Еще кто тутъ спитъ да опочивъ держитъ?
Еще спитъ, поспитъ (*имя хозяина*) господинъ.
20. Еще (*имя хозяина*) господинъ, да свѣтъ (*отчество хозяина*)
Со своей госпожей (*имя жены*) душой.
Еще съ (*имя жены*) душой да свѣтъ (*отчество ея*).
Что-ль между ними катается златой перстень;
Что златой перстень да дума крѣпкая,
25. Дума крѣпкая да заединая.
Оны [3]) думали—гадали, ясна сокола сряжали, [4])
Ясна сокола сряжали, по поднебесью пущали;
Еще оны гадали, черна выдрушка сряжали,
Черна выдрушка сряжали, во темны лѣса пущали;
30. Да еще оны гадали, черна корабля сряжали,
Черна корабля сряжали, во синё море пущали.
Ясной соколъ идё, бѣлу лебедь несё.
Что-ль (*имя хозяина*) господину, имъ на кушанье;
Черный выдрушекъ идетъ, да много кунушекъ [5]) несетъ,
35. (*Имя хозяйки*) госпожѣ на кунью шубушку.
Ей шуба сошить, да къ обѣднѣ ходить;
Ей къ обѣднѣ ходить, да молебны служить;
Ей молебны служить, за царя Бога молить,
За царя, за дѣтей, за супруга своего;
40. Черный корабель идетъ, да живота много несетъ,
Что-ль (*имя хозяина*) господину на житье-бытье,

---

[2]) Въ отдаленіи, вдали.
[3]) Они.
[4]) Готовили въ путь.
[5]) Куницъ.

Digitized by Google

На житье-бытье да на богачество.
Не пора-ль тебѣ, хозяинъ, виноградчиковъ дарить?
Пора жаловати, да не отказывати.
45. Намъ не рубль, не полтина, не полтины половина;
Намъ не дорога полтинка серебряная,
Дорога ваша козулька [6]) рождественская,—
Виноградье красно зелено—да рождественская.

За такое яркое изображеніе богатства хозяина, его дома, двора, его „крѣпкой", „заединой" со своею хозяйкою думы, удачныя слѣдствія которой аллегорически передаются пѣснею, дѣвушки получаютъ обыкновенно 10 — 15 к., а отъ „хвастуновъ" даже и 20 к., и „полтины половину", отъ которой въ пѣснѣ отказывались, и 30 к., и болѣе.

Какъ наславленные калачи и крендели, такъ и деньги, полученные за „виноградье", относятся цѣликомъ къ той хозяйкѣ или старику хозяину, у которыхъ въ эту зиму бываютъ бесѣды.

Въ Лядинской волости Каргопольскаго-же уѣзда, кромѣ взносовъ дровами, мукой и проч., дѣвушки осенью жнутъ нѣсколько полосъ ржи; если хозяева, у которыхъ дѣвушки „сидѣли" предъидущую зиму, такъ бѣдны, что не имѣютъ ничего посѣяннаго, то дѣвушки наймаются къ кому-либо побогаче жать „изъ зерна", т. е. чтобы по сжатіи ржи хозяинъ поля далъ имъ столько зерна, сколько онъ сѣялъ на выжатомъ ими мѣстѣ. Благодаря такому способу расплаты за жатву, очень распространенному по Каргопольскому уѣзду, старикъ или старуха, пускавшіе къ себѣ въ продолженіе зимы молодежь, получаютъ хлѣбъ иногда въ такомъ количествѣ, что хватитъ на всю зиму.

Такую жатву дѣвушки устраиваютъ обыкновенно въ праздничный день послѣ обѣда. Разодѣтыя въ яркія праздничныя платья, вооруженныя серпами, дѣвушки толпою выступаютъ въ походъ, направляясь къ назначенному полю; за ними же двигаются парни съ гармониками; вся толпа съ

---

[6]) Родъ кренделя.

Digitized by Google

пѣснями, а иногда и пляскою, достигаетъ поля и весело и ретиво принимается за работу. Благодаря тому, что жатье считается здѣсь работою чисто женскою, жнутъ однѣ лишь дѣвушки; парни же снуютъ вокругъ нихъ, балагурятъ; нерѣдко какой либо дѣтина, желая помочь своей подругѣ, а то и просто подурачиться, сгорбится, начнетъ жать, выкажетъ свое полнѣйшее неумѣніе, возбудитъ смѣхъ, а то и толчковъ получитъ. Масса тутъ картинъ живыхъ и веселыхъ: тутъ жнетъ дѣвушка, а близъ нея, или на камнѣ или прямо на землѣ, сидитъ „парочка"(парень)и ведетъ нескончаемую бесѣду; тамъ борьба изъ-за серпа, бѣганье въ догонку, смѣхъ, говоръ, остроты; а работа все подвигается, и на выжатой мѣстности воздвигается снопъ за снопомъ. Въ картинѣ этой столько неподдѣльной веселости, столько молодого задора, свѣжести силъ и удали, столько юмора въ выходкахъ парней, явившихся сюда ради веселья, что человѣкъ посторонній, хотя бы только однажды видѣвшій этотъ праздникъ молодой силы, вполнѣ пойметъ тѣхъ старухъ и стариковъ, которые изъ деревни плетутся вслѣдъ за молодою толпой въ поле; онъ пойметъ чувства, волнующія и радующія отцовъ, матерей, бабокъ и дѣдовъ, любующихся на грядущую молодую силу, пойметъ дряхлыхъ, надломленныхъ длинною трудовою жизнью стариковъ, здѣсь на полѣ вспоминающихъ свои молодые годы.

На вечеринкахъ угощенія бываютъ обыкновенно лишь одинъ, много два раза въ годъ; это періодическія угощенія, пріуроченныя къ извѣстнымъ днямъ года. Экстренныя же угощенія бываютъ лишь въ томъ случаѣ, если парни вернутся съ какой-либо прибыльной работы; тогда парни складываются по 10—15 к., покупаютъ пряниковъ и устраиваютъ „пряженіе пироговъ".

Кромѣ угощенія, повсемѣстно пріуроченнаго къ кануну Новаго года, въ восточной части Олонецкой губерніи, преимущественно въ Каргопольскомъ уѣздѣ имѣетъ мѣсто еще такъ называемая „остолушка". Устраивается „остолушка" на послѣдней передъ праздникомъ Рождества Христова вечеринкѣ, бывающей за три дня до праздника. На эту вече-

Digitized by Google

ринку каждая изъ дѣвушекъ несетъ чашечку клюквы, чашечку моченаго гороху и коврижку хлѣба—для хозяина, и чашечку гороху же и клюквы въ общую посудину. Кромѣ того каждая изъ дѣвушекъ запасается изъ дому свѣжеиспеченными „витушками“ (крендели, имѣющіе видъ цифры 8 или видъ спирали, сплюснутой въ одну плоскость) и бѣлыми пряжеными пирогами. Въ то время, какъ горохъ и ягоды ѣдятся сообща, пирожки пряженые и „витушки“ попадаютъ лишь на зубы любимаго парня, который въ свою очередь угощаетъ подругу конфектами и пряниками.

Почти повсемѣстно вечеринка подъ Новый годъ сопровождается угощеніемъ. Такъ, на Айнозерѣ, напримѣръ, а также на Кенозерѣ и Конкозерѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ въ этотъ вечеръ дѣвушки приносятъ на бесѣду по кружкѣ толокна и кусочку скоромнаго масла. Толокно размѣшивается въ растопленномъ маслѣ и служитъ для угощенія, какъ дѣвушекъ, такъ и приходящихъ на бесѣду парней; при этомъ послѣдніе приносятъ своимъ подругамъ конфектъ. На Чикозерѣ въ складчинѣ подъ Новый годъ участвуютъ взносомъ и парни: они приносятъ здѣсь муку и масло, а дѣвушки яйца и масло; изъ принесеннаго пряжатъ пироги или пекутъ блины. Въ п. Нигижмѣ Пречистенской волости Пудожскаго уѣзда подъ Новый годъ дѣвушки приносятъ крупу и масло на „обчую кашу“ и угощаютъ ею парней, а тѣ кладутъ за кашу кто 5, кто 10, а кто и 15 коп.; собранныя деньги дѣлятся между дѣвушками поровну. Складчину подъ Новый годъ устраиваютъ также мастеровые чугунно-литейнаго завода въ г. Петрозаводскѣ; здѣсь всѣ складываются по 30—50 коп.; при этомъ „парочка“ платитъ за любимую имъ дѣвушку. Собравшіеся пряжатъ пироги и не прочь принять маскированныхъ съ пѣтухами и другими гадательными средствами, говорящими о грядущихъ радостяхъ и горестяхъ. На Мошинскомъ озерѣ никакой складчины не бываетъ: молодежь собирается исключительно для гаданій. Такъ, напримѣръ, дѣвушки идутъ въ хлѣвъ и повязываютъ рога коровы ленточкою, а утромъ приходятъ и осматриваютъ: если ленточка

Digitized by Google

развязались, то значитъ выйти замужъ; если къ тому же еще корова лежитъ, положа голову на порогъ, то даже очень скоро. Накрываютъ на столѣ горшками нѣсколько различныхъ предметовъ: „сдериху“ [1]), кольцо, уголь, хлѣбъ, „пецину“ (кирпичъ со свода печи); кому попадетъ „сдериха“—замужъ, кольцо—остаться въ дѣвушкахъ, хлѣбъ—къ добру, „пецина“—„сердце буде замапрасно шалѣть“ [2]). „Доятъ коровъ“; гаданіе это состоитъ въ томъ, что на сковороду льютъ воды, кладутъ въ нее нѣсколько длинныхъ соломинокъ, а на нихъ тяжелый камень; затѣмъ дѣвушки поочередно подходятъ, берутъ конецъ какой-либо соломинки въ руки и начинаютъ тянуть ее изъ-подъ камня, подражая доенію коровъ. Мокрая соломинка, выскальзывая изъ-подъ давящаго на нее камня, издаетъ писки различныхъ тоновъ, смотря по толщинѣ соломинки, степени ея упругости, скважности, степени давленія на нее камня и пр. Окружающая сковороду публика прислушивается къ этому писку и рѣшаетъ, что одной дѣвушкѣ мужемъ будетъ И-ва-а-а-анъ, другой—Васи-и-и-лій, третьей—Пе-е-е е-тръ и т. д.; начинается масса догадокъ, шутки, смѣхъ, и публика переходитъ къ другимъ гаданіямъ.

Г. М. Кулаковскій.

1) Головной уборъ, носимый замужними женщинами.

2) Тихо горѣть, тлѣть (объ углахъ).

Digitized by Google

Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ

въ первобытномъ обществѣ.

Żeby zrozumieć starożytność, potrzeba koniecznie użyć do tego metody porównawczéj: „comparer c'est comprendre", słusznie powiedział Filaret Chasles.
Nowosielski, Lud ukraiński, t. I, p. 9,

Вопросъ объ оставленіи на произволъ судьбы и убійствѣ неспособныхъ къ труду стариковъ, котораго я думаю коснуться, относится столько же къ области соціальной эмбріологіи, какъ и къ области сравнительной исторіи литературы. Съ одной стороны, есть цѣлый рядъ древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ извѣстій, констатирующихъ существованіе этого обычая у различныхъ народностей земного шара, какъ современныхъ дикарей, такъ и предковъ такъ называемыхъ „культурныхъ" или „историческихъ" народовъ; съ другой—занимающій насъ обычай послужилъ сюжетомъ для цѣлаго ряда народныхъ и искусственныхъ поэтическихъ произведеній разныхъ временъ: у многихъ европейскихъ народовъ поэтическіе и обрядовые отголоски этого обычая не замолкли еще и до сихъ поръ. Совмѣстное изученіе этихъ извѣстій, сказаній и отзвуковъ даетъ возможность разобраться въ громадномъ литературномъ матеріалѣ, опредѣлить взаимныя отношенія его составныхъ частей, извлечь изъ него нѣсколько новыхъ штриховъ для пополненія той картины, которую можно нарисовать на основаніи краткихъ, скудныхъ и часто сбивчивыхъ указаній древнихъ географовъ, лѣтописцевъ, древнихъ и новѣйшихъ историковъ и путеше-

Digitized by Google

ственниковъ. Самое свойство вопроса, распадающагося на двѣ совершенно самостоятельныя половины (имѣющія, впрочемъ, очень много общаго), опредѣляетъ отчасти характеръ и общее направленіе его богатой литературы. Разработку этого вопроса начали столпы классической филологіи XV—XVIII вв. въ своихъ комментаріяхъ къ классическимъ авторамъ: комментируя какое-нибудь мѣсто одного автора, касающееся вопроса о положеніи стариковъ, они обыкновенно приводили параллельныя мѣста изъ другихъ древнихъ же авторовъ, поясняя ихъ часто собственными, съ точки зрѣнія современнаго читателя очень странными соображеніями. Современные имъ историки, которые случайно наталкивались на этотъ вопросъ, пользовались, за рѣдкими исключеніями, тоже только однимъ классическимъ матеріаломъ. Изъ изслѣдователей такого типа можно отмѣтить Hartknoch'a, Schedius'a, Keysler'a, Mascou и др. [1])

Впервые на вполнѣ научную почву нашъ вопросъ былъ поставленъ въ концѣ прошлаго вѣка Larcher'омъ и Potocki'мъ, [2]) которые старались подкрѣпить древнія извѣстія и народныя преданія свидѣтельствами современныхъ имъ путешественниковъ о параллельныхъ явленіяхъ въ жизни дикарей, или, какъ тогда любили выражаться, „народовъ, находящихся въ естественномъ состояніи". Они первыми вступили на путь сравненія и сопоставленія древнихъ и новыхъ

1) Schedius, „De dis Germanis sive veteri Germanorum, Gallorum, Britannorum, Vandalorum religione syngrammata quattuor", Amsterdam, 1648, cap. XXXI, стр. 373—390; Hartknoch, „Petri de Dusburg... Chronicon Prussiae... Dissertationes XIX antiquit. prussic". Ienae, 1679, dissert. XIII, 1, стр. 188—189; Menagius, „In Diogenem Laertium...", ed. Gale, Amstelaedami, CIƆIƆCVIIIC, lib. VI, segm. 79, стр 255—6; Keysler, „Antiquitates selectae septentrionales et celticae", Hannoverae, 1720, § 10, стр. 148—149; Mascou, „Geschichte der Teutschen", т. II, Leipzig, 1750, кн. XI, гл. XXIV, стр. 42—44. Подобнаго типа и Roth-Gerlach, Salustius, Basiliae, 1852, стр. 398—399; Wagner, „Quaeritur, quid sit sexagenarium de ponte", Lüneburg, 1831 и т. д.

2) Larcher, „Histoire d' Herodote", Paris, 1786, т. I, стр. 511—512; Comte Jean Potocki," „Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités Slaves ou Vendes", Hamboarg, 1795, стр. 43—44.

Digitized by Google

шихъ извѣстій, который только и могъ привести къ правильной постановкѣ и вѣрному рѣшенію вопроса... По намѣченному ими пути, въ настоящемъ вѣкѣ, пошли Osenbrüggen и Jacob Grimm, которые еще болѣе расширили поле сравненія, привлекли къ изслѣдованію еще больше разнообразнаго и разносторонняго матеріала, въ томъ числѣ и литературнаго; при этомъ Osenbrüggen стоитъ болѣе на почвѣ классической филологіи, Grimm—германистики. [3]) Они далеко не не воспользовались всѣмъ существовавшимъ въ ихъ время матеріаломъ, часто подбирали извѣстія и факты безъ всякой критики, узко ставили вопросъ, но общее направленіе, самая идея ихъ работъ имѣла громадное и плодотворное значеніе.

Дальнѣйшая исторія разработки нашего вопроса представляетъ довольно печальные примѣры вліянія слишкомъ узкой научной спеціализаціи, на которую раздается въ послѣднее время столько жалобъ,—примѣры опрометчиваго примѣненія своеобразно понимаемаго сравнительнаго метода. Въ разное время этотъ вопросъ затрогивали болѣе или менѣе подробно многіе историки, историки литературы, юристы, антропологи, но большинство ихъ, за очень немногими исключеніями, какъ будто бы нарочно суживали поле сравненія, пользовались только тѣмъ матеріаломъ, который непосредственно относился къ ихъ научной спеціальности, игнорировали матеріалъ смежной и близкой области, вслѣдствіе чего и возникъ цѣлый рядъ крайне произвольныхъ и странныхъ гипотезъ.

Послѣдователи сравнительнаго метода въ исторіи литературы — Mussafia, Rajna, D'Ancona, Köhler — опериро-

---

[3]) Статьи Osenbrüggen'а о Цицеронѣ въ Zimmermann's Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft, III (1836), № 125.—Grimm, „Uoto-ano-ate" въ Haupt's Zeitschrift für deutsches Alterthum, I (1841), стр. 21—26; „Der heilige Hammer", ib., V (1845), стр. 72—74; „Kinder-und Hausmärchen", III, Göttingen, 1856, стр. 127—8, 170—2 (Anmerkungen); „Deutsche Rechtsalterthümer", Göttingen, 1854, стр. 486—490; „Deutsche Sagen", т. II, Berlin, 1818, стр. 380; „Ueber das Verbrennen der Leichen", Berlin, 1850, стр. 26,40; „Kleinere Schriften", т. I, Berl. 1864 стр. 298 (Rede über das Alter), и т. II, Berlin, 1865, стр. 241—242,299; и т. д.

Digitized by Google

вали надъ тѣми поэтическими произведеніями, сюжетомъ для которыхъ послужилъ интересующій насъ обычай,—оперерировали, совершенно оторвавши ихъ отъ исторической почвы, на которой они взросли,—отъ жизненной обстановки, которая ихъ вызвала [1]). Юристы и историки, какъ Мэнъ, Котляревскій, Giesebrecht, Wigger [2]) и т. д. продѣлывали

---

1) Mussafia, „Ueber eine altfranzösische Handschrift der Kaiserl. Universitäts Bibliothek zu Pavia" въ „Sitzungsberichte der Kaiserl. Akad. der Wissenschaften", Phil.—hist. clas., B. LXIV, 1870, стр. 596—616 и отд. оттискомъ—Wien, 1870, стр. 52—72; онъ-же—„Romania", I. (1872), стр. 275.—Rajna, „Una Versione in ottava rima del Libro dei Sette Savi", „Romania", X (1881), стр. 26—29.—Köhler, рецензія на брошюру Муссафіи въ „Göttingische gelehrte Anzeigen", 1871, Stück 4, стр. 121—128.—D'Ancona, „Le fonti del novellino", „Romania", III (1874), стр. 188—189 и „Studj di critica e storia letteraria", Bologna, 1880, стр. 348—350.—Этого-же вопроса мимоходомъ касались: А. Н. Веселовскій, „Слав. сказ. о Солом. и Китовр. и зап. лет. о Мор. и Мерл.", С.-ПБ., 1872, стр. 88 — 91; „Зам. по лит. и народ. слов." I, С.-ПБ., 1883, стр. 7—8; „Изъ исторіи ром. и нов.", I, С.-ПБ. 1886, стр. 289—290; Аѳанасьевъ, „Нар. рус. ск.", вып. IV, М., 1873, стр. 534—5; Н. А. Янчукъ, „Малорусская свадьба", М., 1885, стр. 55; г. Батюшковъ, „Сага о Финнбогѣ Сильномъ", С.-ПБ. 1885, стр. 70; Kollàr, „Slàva Bohunê", Pešt, 1839, стр. 195—196; Hanusch, „Wissensch. des slav. Mythus", Lemberg, 1842, стр. 144—145; G. Paris, статья о „Dolopathos" ed. Oesterley, „Romania", II, 1873, стр. 489—495; V. d. Hagen, „Gesammtabenteuer", Stut. u. Tüb. 1850, т. II. стр. LV — LXVI; Gaster, „Literatura populara romana", Bucuresti, 1883, стр. 29 (знакомъ по ссылкѣ); Schmidt, „Griech. Märchen, Sag. u. Volkslied.", Leipzig, 1877, стр. 26 — 27; Rohde, „Der griech. Roman, und seine Vorläufer", Leipz. 1876 стр. 230, 545; Халанскій, „Великор. был. Кіев. цикла", Ворон., 1885, стр. 92—93 и т. д.

2) Мэнъ, „Древній законъ и обычай", М. 1884, стр. 14 — 19; Котляревскій, „Древности юрид. быта Балт. Слав.", Прага, 1874, 117—123; Giesebrecht, „Wendische Geschichte", Berlin, 1843, I. стр. 40; Wigger, „Mecklenburgische Annalen", Schwer., 1860, стр. 58 (знакомъ по цитатамъ). Кромѣ нихъ: Niebuhr. „Römische Geschichte", т. II, Berlin, 1830, стр. 642; Klaehn, „Island" (Geschichte) въ Encycl. Ersch und Gruber; Karl Haupt, „Sagenbuch der Lausitz", т. II, Leipzig, 1863, стр. 9—10; отчасти Bachofen, „Das Mutterrecht,", Stut., 1861, стр. 29—31, 169 и т. д.; М. М. Ковалевскій, „Первобытное право", вып. I, „Родъ", М., 1886, стр. 114; г. Михайловскій, „Борьба за индивидуальность". Соч., т. V, С.-ПБ., 1888, стр. 262—263; Воеводскій, „Каннибализмъ въ греч. миѳахъ", С.-ПБ. 1874, стр. 71, 91, 119—121, 129, 130, 152, 157, 170, 210—217, 237, 386; Шим-

Digitized by Google

то же самое надъ соотвѣтствующими извѣстіями древнихъ и новыхъ географовъ, лѣтописцевъ, путешественниковъ, игнорировали какъ отзвуки и переживанія этого обычая въ поэзіи и бытѣ современныхъ и вымершихъ „культурныхъ народовъ", такъ и параллельныя явленія въ жизни дикарей, — оперировали надъ скуднымъ и одностороннимъ матеріаломъ, игнорируя условія времени, пространства, исторической обстановки... Ко всему этому часто присоединялось и одностороннее увлеченіе сравнительнымъ методомъ, который примѣнялся безъ достаточной осторожности: въ большинствѣ случаевъ, представители сравнительнаго метода въ области литературы, права и т. д., которые затрогивали интересующій насъ вопросъ, „стараясь схватить прежде всего одинаковое и сходное, слишкомъ пренебрегали различіями и коренными особенностями, слишкомъ быстро приводили къ одному знаменателю самыя разнообразныя историческія величины, слишкомъ легко вырывали изъ всей связи развитія какія-нибудь двѣ—три черты, на которыхъ и строили свои заключенія" [3]).

Нельзя сказать, чтобы антропологи и этнографы сдѣлали много для разработки интересующаго насъ вопроса: они, въ большинствѣ случаевъ, ограничивались только несистематическимъ сводомъ отрывочныхъ и поверхностныхъ извѣстій новѣйшихъ путешественниковъ относительно различныхъ формъ этого обычая въ нецивилизованныхъ странахъ, при чемъ какъ будто бы умышленно избѣгали обобщеній [4]).

левскій, „Семейн. власти у древ. Слав. и Герм.", Казань, 1869, стр. 325—326; Weinhold, „Altnordisches Leben", Berlin, 1856, стр. 470—474; Geyer, „Geschichte Schwedens", I, 102 и слѣд. (фр. перев. De Lundblad: „Histoire de Suéde par Geyer, Paris, 1839); Böckh, „Gesam. kleine Schriften", VII, 346 и слѣд.; г. Кулаковскій, „Къ вопросу о началѣ Рима", Кіев. Унив. Изв., 1882, № 2, гл. III, и т. д.; Willems, „Le droit public romain", Louvain, 1883, стр. 157; Roeper, „Lucubrationum pontificalium primitiae", Danzig, 1845, стр. 16; Lange, „Römische Alterthümer", Berlin, 1876, т. I. стр. 83, 475—478, 508, 511; Welcker, „Kleine Schr". II, 502; Hehn, „Culturpflanzen u. Hausthiere", Berl. 1874, 462; Marquardt, Das Privatleben der Römer", Leipz. 1882, I, 41.

3) П. Г. Виноградовъ, „Происх. феод. отнош. въ Лонгоб. Италіи", стр. 18.

4) Bastian, „Die Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern der Erde",

Digitized by Google

Такое отступленіе отъ пути, намѣченнаго первоначальными изслѣдователями начего обычая, не могло, конечно, принести особенной пользы для правильной постановки и разработки вопроса. Говоря это, мы имѣемъ въ виду его идейную, но не матеріальную сторону: если цѣль поставлена узко, легко охватить весь подлежащій матеріалъ,—не безъ большого, конечно, ущерба для идейной подкладки дѣла; при широко поставленной задачѣ будутъ, конечно, большіе пробѣлы въ матеріалѣ, но за то выводы будутъ прочнѣе и доказательнѣе.

Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей только Wackernagel'я Lippert'a и Liebrecht'a, писателя колоссальной эрудиціи и поразительной разносторонности, нельзя обвинить въ намѣренномъ суженіи поля сравненія. Опираясь отчасти на „раздѣльныя" изученія, они привлекли для выясненія нашего вопроса самый разнообразный и богатый матеріалъ, хотя далеко его не исчерпали; имъ, въ особенности двумъ послѣднимъ, принадлежитъ наибольшая широта взгляда, наиболѣе сильный размахъ творческой научной мысли. Для правильной постановки и вѣрнаго рѣшенія нашего вопроса они сдѣлали больше всѣхъ [1]).

Теперь нѣсколько словъ pro domo sua. Мы вполнѣ увѣрены, что нашъ трудъ далеко не будетъ свободенъ отъ пробѣловъ и промаховъ: слишкомъ ужъ необъятенъ, разбросанъ

Berlin, 1872, стр. 296 и „Der Mensch in der Geschichte", Leipzig, 1860, т. III, стр. 284—286; Taylor, „Aus der Entwicklungsgeschichte der Gesellschaft" въ „Ausland", 1874, № 1, стр. 16—17; Лёббокъ, „Начало цивилизаціи", С.-ПБ. 1876, passim; Waitz-Gerland, „Anthropologie der Naturvölker", т. I—VI, Leipzig, 1860—1872, passim и т. д. Этому же вопросу посвящена слабая, впрочемъ, глава въ не особенно основательной книгѣ г. Кулишера: „Очерки сравнит. этногр. и культ." (С.-ПБ. 1887, стр. 35—45),

[1]) Liebrecht, „Des Gervasius von Tilbury Otia Imperialia", Hannover, 1856, стр. 84—85 и „Zur Volkskunde", Heilbronn, 1879, passim; Wackernagel, „Die Lebensalter. Ein Beitrag zur vergleichenden Sitten — und Rechtsgeschichte", Basel, 1862, стр. 22, 42, 45, 69—70; Lippert, „Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau" (См. обширное изложеніе этого сочиненія у г. П. Н.: „Новая попытка органическаго построенія исторіи человѣческой культуры", „Русская Мысль", 1888, май, іюль).

Digitized by Google

и сложенъ матеріалъ, которымъ приходилось пользоваться,—слишкомъ противорѣчивы и сбивчивы теоріи, съ которыми приходилось считаться,—слишкомъ невыработанъ и скользокъ методъ, которымъ приходилось руководствоваться. Очень можетъ быть, что другіе, болѣе компетентные изслѣдователи дадутъ другое освѣщеніе собраннымъ нами фактамъ; мы будемъ считать свою цѣль вполнѣ достигнутою, если нашъ трудъ побудитъ къ новому пересмотру вопроса, облегчитъ будущимъ изслѣдователямъ тяжелое, кропотливое, но необходимое дѣло подбиранія и систематизаціи фактовъ.

I.

Что принять за тотъ общественный эмбріонъ, съ котораго слѣдуетъ начинать исторію соціальной и политической эволюціи человѣчества и въ особенности индоевропейскаго племени? Какая исходная точка эволюціи семьи и брака?

Въ такомъ приблизительно видѣ можно формулировать тотъ вопросъ, который безконечное количество разъ поднимался многими европейскими учеными, изъ-за котораго много было переломано копій, на который было дано много самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ отвѣтовъ и который, какъ это ни странно, очень многими еще и теперь не считается окончательно порѣшеннымъ [1]). Хаотическое состояніе взглядовъ на этотъ кардинальный вопросъ соціологіи можно объяснить только односторонностью матеріала, которымъ пользовались изслѣдователи, занимавшіеся даннымъ вопросомъ,—также тѣмъ, что очень часто, касаясь его, говорили на разныхъ языкахъ, не условившись предварительно о самомъ значеніи употребляемыхъ терминовъ.

Многолѣтній ожесточенный споръ принесъ и свои хорошіе результаты: благодаря ему, были привлечены къ изслѣдованію новые матеріалы, тщательно пересмотрѣны старые,

[1]) См. М. М. Ковалевскій, „Родъ“ стр. 1—2, 91—92; его же: „Современный обычай и древній законъ“, т. 1, М. 1886, предисловіе и стр. 307; Мэнъ, op. cit., гл. VII и т. д.

Digitized by Google

выдвинуты новыя точки зрѣнія на вопросъ,—такъ что изслѣдователю, который лично не заинтересованъ въ спорѣ, которому не приходится отстаивать свое личное мнѣніе, болѣе или менѣе легко оріентироваться и понять, на чьей сторонѣ больше правды.

Изъ выдвинутыхъ точекъ зрѣнія двѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе: одна изъ нихъ сыграла уже свою роль и, не смотря на всю свою ошибочность, принесла громадную пользу; другая получила ужъ безусловный перевѣсъ надъ всѣми остальными, отвоевывая у нихъ поле сраженія съ каждымъ новымъ днемъ, воспринимая изъ нихъ все вѣрное, отбрасывая все произвольное и фантастическое...

Первая точка зрѣнія была выдвинута въ трудахъ послѣдователей сравнительнаго метода въ исторіи права и учрежденій—Мэна, Гёрна, Фюстель-де-Кулянжа и, въ послѣднее время, французскаго ученаго Летурно, который въ своем недавно вышедшемъ сочиненіи: „Evolution du mariage et de la famille" обобщилъ и довелъ почти до абсурда эту теорію [1]). Эти ученые ставятъ „во главѣ угла" арійскаго развитія индивидуальную семью, патернитетъ и агнатическій родъ, которые, по ихъ мнѣнію, были исходной точкой всѣхъ древне-арійскихъ учрежденій и воззрѣній. Сначала это положеніе примѣнялось послѣдователями патріархальной теоріи къ народамъ и арійскаго, и не-арійскаго племени; противорѣчащія этому извѣстія древнихъ писателей и современныхъ путешественниковъ трактовались какъ „этнографическія сказки"; затѣмъ, когда эти извѣстія были подтверждены основатель-

---

[1]) Мэнъ, „Древнее право, его связь съ древней исторіей общества и его отношеніе къ новѣйшимъ идеямъ"; СПБ., 1873, стр. 96—107; „Деревенскія общины на востокѣ и западѣ", СПБ., 1874, стр. 9—10, 65—67; „Древнѣйшая исторія учрежденій", СПБ., 1876, стр. 48—50, 53—78, 85—89, 92—94, 147—8, 245—272; „Древній законъ и обычай, М., 1884, стр. 14—19, 39—94, 146—225.— Fustel de Coulanges, „La cité antique", Paris, 1872, стр. 38—133; W. E. Hearn, The Aryan Household, its structure and its development. An Introduction to Comparative Jurisprudence", Melburne, 1879 (съ этимъ сочиненіемъ я знакомъ по брошюрѣ покойнаго кіевскаго профессора Аланицкаго—„В. Е. Гёрнъ объ арійской семьѣ, ея строѣ и развитіи", Кіевъ, 1880).

Digitized by Google

ными и серьезными наблюденіями надъ жизнью дикарей, послѣдователи этой теоріи (главнымъ образомъ Мэнъ) продолжали отрицать существованіе подобныхъ явленій у древнихъ арійцевъ и считали отсутствіе коммунальнаго брака и материнства характерной особенностью арійскаго развитія. Счеты съ этой теоріей, не смотря даже на всѣ старанія Летурно „влить новое вино въ старые мѣха", можно считать теперь поконченными: противъ нея былъ выставленъ могучій арсеналъ доказательствъ непосредственныхъ и „отъ противнаго", которыхъ разрушить она не могла. Она выяснила и разработала сложный и важный, но не первичный фактъ первобытнаго развитія — патріархальный бытъ: въ этомъ ея большая заслуга. Послѣдователи другой теоріи воспользовались этой разработкой своихъ противниковъ, отбросивъ изъ нея все лишнее.

Вторая теорія была, главнымъ образомъ, выдвинута учеными, занимавшимися сравнительной этнографіей и культурой. Основаніе ея было положено Бахофеномъ („Das Mutterrecht") и Макъ-Леннаномъ; при вѣрности основного положенія ими было допущено въ подробностяхъ много чего невѣрнаго, произвольнаго, даже очевидныхъ натяжекъ, чѣмъ и поспѣшили воспользоваться противники. Послѣдующія работы Моргана, Поста, Жиро Тёлонъ, М. М. Ковалевскаго, Фонъ-Змыгродскаго и т. д. привели теорію въ болѣе стройный и устойчивый видъ; благодаря имъ, она получила безусловный и очевидный перевѣсъ надъ всѣми остальными теоріями [1]).

Подробности этой теоріи для насъ не имѣютъ непосред-

---

[1]) Post, „Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit" 1875; Girand Teulon, „Les origines du marige et de la famille", Paris, 1884; М. М. Ковалевскій, „Первобытное право" (Родъ и Семья); и „Современный обычай и древній законъ", Т. I, стр. 232—315; Von-Zmygrodzki, „Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes". München, 1886, (существуетъ прекрасная рецензія на эту книгу недавно умершаго молодого ученаго Н. И. Черемшова—„Kiev. Стар." 1887, 9, стр. 159—174; его же статья: „Опытъ исследованія обычая поседлкушанья", ib. 4, стр. 763—771,—затрогиваетъ одинъ изъ очень интересныхъ пунктовъ исторіи семьи и брака) и т. д.

Digitized by Google

ственнаго интереса и значенія; намъ важна только схема, общій фонъ, которые можно считать уже незыблемо установленными въ общемъ, хотя и не обязательными для каждаго народа въ отдѣльности.

Задолго до установленія патріархальнаго быта, то, что мы теперь называемъ народомъ, обществомъ и т. д., представляло изъ себя „стадо - орду"; брачныя отношенія этого „стада - орды" и ихъ эпоха получили разныя названія: „hetärismus" (Бахофенъ), „общинный или коммунальный бракъ", „брачный каммунизмъ" (Жиро Тёлонъ и Лёбокъ), „die Gevaltepoche" (Змыгродзкій), „безпорядочное, не регулируемое никакими обычаями половое смѣшеніе", „не урегулированныя отношенія между полами" (promiscuity) и т. д. Эти названія, при всей неудачности нѣкоторыхъ изъ нихъ, прекрасно обрисовываютъ характеръ междуполовыхъ отношеній того времени, къ которому выраженіе „семейныя отношенія", конечно, совершенно непримѣнимо.

Слѣдующій этапъ развитія—материнскій или матріархальный бытъ (матернитетъ, материнство, Mutterrecht) съ его характерными особенностями—когнаціей, прежней мимолетностью, случайностью и неустойчивостью брачныхъ связей и т. д. Онъ накладываетъ рѣзкій отпечатокъ на всѣ развѣтвленія частной и общественной жизни. Вопросъ о томъ, связывался ли матернитетъ съ гинекократіей, женовластіемъ, и какъ объяснить происхожденіе существующихъ по этому поводу извѣстій и преданій, нужно считать, по моему мнѣнію, пока еще открытымъ. М. М. Ковалевскій думаетъ [1]),

---

[1]) „Родъ", стр. 108 и т. д. Кстати, отмѣтимъ одно слишкомъ поспѣшное и неосторожное обобщеніе М. М. Ковалевскаго (ib. стр. 137): „въ памятникахъ (русской) народной поэзіи и письменности (?) разсѣяны нѣкоторыя черты того порядка отношеній, какой извѣстенъ подъ наименованіемъ материнскаго родства. Начать съ того, что объ отцахъ многихъ (?) изъ нашихъ богатырей, и въ числѣ другихъ Добрыни Никитича, въ былинахъ ничего не говорится (?) и, наоборотъ, о матеряхъ ихъ заходитъ рѣчь на каждомъ шагу (?). Тогда какъ въ позднѣйшихъ по времени (?) произведеніяхъ народной словесности сынъ всегда находитъ совѣтъ и заступничество въ лицѣ своего отца (?), въ сказаніяхъ о Добрынѣ Никитичѣ, напримѣръ, роль отца всецѣло занимаетъ мать (Пипель-

что его нужно рѣшать безусловно въ отрицательномъ смыслѣ, но не представляетъ въ доказательство своего мнѣнія никакихъ соображеній и не даетъ никакого другого толкованія собранному Бахофеномъ матеріалу, который не разъ пополнялся другими, позднѣйшими изслѣдователями [2]). Наше личное мнѣніе состоитъ въ томъ, что сказанія о женовластіи возникли изъ первобытнаго равенства индивидуумовъ, принадлежавшихъ къ разнымъ поламъ, но къ одному и тому же роду,—возникли изъ равенства правъ, обязанностей и труда, которое существовало до тѣхъ поръ, пока положеніе единокровныхъ мужчинамъ женщинъ не перестроилось по типу положенія женщинъ чужеродныхъ—рабынь. Многочисленныя свидѣтельства указываютъ на существованіе у дикарей совершенно независимыхъ половыхъ группъ безъ всякой разницы въ занятіяхъ [3]). Воспоминанія объ этомъ и дали, по нашему мнѣнію, почву для возникновенія разсказовъ объ амазонкахъ, „паленицахъ", женовластіи. Въ эпоху рабства женщинъ воспоминанія объ ихъ прежней свободѣ, самая возможность ея существованія

ея Тиносовна), (Мамельева?); она даетъ Добрынѣ добрые совѣты, она же помогаетъ ему избавиться отъ чаръ околдовавшей его красавицы, снова сдѣлаться изъ тура, въ какого (котораго?) онъ обращенъ былъ въ силу ея заклинаній, въ прежняго героя богатыря (твор. пад.?)". Не говоря уже о томъ, что въ былинахъ о Муромцѣ и Алешѣ Поповичѣ, назвавъ которыя „позднѣйшими по времени", кажется, какъ какихъ основаній,—фигурируетъ отецъ; кромѣ того, матери въ былинахъ о Добрынѣ, В. Буслаевичѣ, Дюкѣ называются „честными вдовами" (въ большинствѣ былинъ кратко упоминается и объ отцѣ: „Жилъ такой-то и преставился"); конечно, большой еще вопросъ, является ли „вдова" позднѣйшимъ осмысленіемъ, замѣной „представительницы материнскаго рода". Если принять во вниманіе идентичность имень этихъ вдовъ (почти всегда—Мамельева), то вѣроятнѣе предположить вліяніе былинъ другъ на друга,—то, что роль матери—вдовы, отголосившись отъ первообраза, сдѣлалась, такъ сказать, любимымъ и общимъ былиннымъ мѣстомъ—явленіе, повторяющееся въ былевомъ эпосѣ довольно часто.

[2]) Bachofen, „Mutterrecht" и „Antiquarische Briefe", Страсбургъ, 1880, passim; г. Михайловскій, соч. т. V, стр. 304—344 и т. д.

[3]) Кулишеръ, op. cit., стр. 85—98 и т. д.

Digitized by Google

въ далекомъ прошломъ могли объясняться только безсиліемъ и подчиненностью мужчинъ въ то время [1]).

Долгимъ и сложнымъ процессомъ (отчасти теперь выясненнымъ) материнтетъ переходитъ въ патернитетъ (Vaterrecht, патріархальный бытъ), съ его характерными чертами: культомъ предковъ, достигающимъ исключительнаго развитія, строго проводимой идеей агнаціи и т. д. Отзвуки предъидущихъ эпохъ слышатся, конечно, еще очень и очень долго; многіе изъ нихъ, даже у „культурныхъ народовъ", не замолкли еще и до сихъ поръ.

Броженіе въ патріархальномъ строѣ, его постепенное разложеніе вызываетъ вмѣсто родовой общины семейную и сельскую. Установленіе осѣдлости измѣняетъ многія учрежденія и отношенія. Появляются яркіе зародыши того, что можно уже назвать „государственнымъ бытомъ". На этомъ пунктѣ соціальной эволюціи мы и остановимся.

Къ какой же изъ этихъ эпохъ можно пріурочить такое явленіе, какъ оставленіе на произволъ судьбы и убійство неспособныхъ къ труду стариковъ? Вопросъ этотъ очень сложенъ; для выясненія его намъ придется привлечь житейскія отношенія другихъ порядковъ.

Въ первобытномъ обществѣ борьба за существованіе имѣетъ особенно острый характеръ. Уровень потребностей очень низокъ, но удовлетвореніе имъ сопряжено съ безконечной массой препятствій и усложненій, которыя трудно и представить себѣ современному культурному человѣку. Борьба съ природой на первыхъ ступеняхъ развитія чрезвычайно тяжела, требуетъ слишкомъ большой затраты силъ, слишкомъ многихъ жертвъ и приноситъ слишкомъ мало результатовъ; добываніе средствъ къ жизни подвержено массѣ случайностей, отъ которыхъ дикарь не можетъ, не умѣетъ себя застраховать; многіе путешественники, кромѣ того, от-

---

1) Этотъ вопросъ нѣсколько затронутъ въ моей замѣткѣ: „Малорусская паленица" („Кіев. Ст.", 1887, сент., стр. 196—197), нуждающейся теперь въ существенныхъ поправкахъ и дополненіяхъ, напечатанной съ массой типографскихъ промаховъ, иногда искажающихъ смыслъ.

Digitized by Google

мѣчаютъ кочевительную ограниченность заботы о завтрашнемъ днѣ у дикарей, отсутствіе всякой запасливости. Очень правдоподобенъ взглядъ, который въ послѣднее время довольно часто встрѣчается въ печати, что только безконечныя провопролитныя войны дикарей, въ которыхъ гибнетъ всегда масса народу, даютъ имъ нѣкоторую возможность перебиваться изо дня въ день,—что иначе, даже при обиліи естественныхъ богатствъ, примитивныя формы эксплуатаціи природы не могли бы дать дикарямъ даже тѣхъ скудныхъ средствъ къ существованію, которыя они могутъ имѣть при искусственномъ разрѣженіи населенія. Понятно, какую роль можетъ играть при такомъ строѣ жизни сила и ловкость каждаго отдѣльнаго человѣка: онѣ опредѣляютъ отношенія людей между собою, накладываютъ печать на всѣ ихъ понятія,—онѣ даютъ право на уваженіе и жизнь; кто ихъ не имѣетъ, того нельзя уважать, тотъ не можетъ и не долженъ жить; тотъ въ сложной и острой борьбѣ за существованіе играетъ для другихъ только роль помѣхи, тяжелаго и безполезнаго бремени,—ни себѣ, ни другимъ не можетъ дать ничего—

Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss („Faust", II. Th.)...

Итакъ, скудное пропитаніе добывается на такой ступени развитія сложнымъ и тяжелымъ трудомъ; кто не можетъ нести на себѣ извѣстной части этого труда, кто не подходитъ подъ извѣстное мѣрило физической силы и ловкости, тотъ ложится тяжелымъ бременемъ на другихъ, тотъ самъ по себѣ не можетъ долго выдерживать непосильной борьбы за существованіе: конечно, въ интересѣ его близкихъ ускорить его смерть, избавить отъ непосильнаго, но обязательнаго труда, отъ всеобщаго презрѣнія. Такіе взгляды и отношенія находятъ себѣ почву въ почти равнодушномъ, во всякомъ случаѣ очень хладнокровномъ отношеніи къ смерти, которое очень характерно для представителей примитивной культуры и страннымъ образомъ почти всегда и вездѣ существуетъ рядомъ съ паническимъ ужасомъ передъ мертвымъ; они-то

Digitized by Google

и вызываютъ такой распространенный въ первобытномъ обществѣ обычай, какъ выбрасываніе и убіеніе дряхлыхъ стариковъ и дѣтей, не имѣющихъ въ себѣ задатковъ будущей силы, ловкости и выносливости.

Кромѣ чисто экономическихъ причинъ и характеризованныхъ выше воззрѣній, существованіе которыхъ у дикарей подтверждается безконечнымъ количествомъ извѣстій, на появленіе подобныхъ фактовъ производитъ свое давленіе отсутствіе родственныхъ связей въ первобытномъ „стадѣ-ордѣ", слабость и бесформенность ихъ въ матріархальномъ бытѣ, а также и такъ называемый „защитительный культъ",—факторъ очень важный, имѣвшій очень большое значеніе для обычая убіенія стариковъ, но не первостепенное, которое ему приписываетъ, повидимому, извѣстный нѣмецкій ученый Липпертъ; его роль прекрасно выяснена этимъ ученымъ, но только чересчуръ преувеличена.

Страхъ передъ духомъ, мертвецомъ, даже передъ собственными психическими процессами, одна изъ наиболѣе рѣзкихъ и характерныхъ чертъ психологіи первобытнаго человѣка, который скоро распространяетъ это чувство и на больного, стараго, вообще всякаго „одержимаго" духомъ, видя въ нихъ проявленіе какой то страшной и непонятной силы. Сначала онъ пассивно защищается отъ этой силы, бѣжитъ, бросаетъ все то, что считаетъ ея проявленіемъ; но такой порядокъ слишкомъ невыгоденъ: живымъ приходится поступаться слишкомъ многимъ въ пользу духовъ, мертвыхъ. Вслѣдствіе этого постепенно является, подъ давленіемъ настоятельнаго экономическаго мотива, рядъ замѣнъ и компромиссовъ; является желаніе сдѣлать болѣе добрымъ и менѣе требовательнымъ того, на котораго эта сила уже наложила свою руку, который скоро съ нею сольется,—желаніе помочь душѣ, разстающейся съ тѣломъ, сократить мученія, которыя дѣлаютъ духа злымъ. Такъ, выбрасываніе переходитъ постепенно въ убіеніе, сожженіе, сбрасываніе со скалъ, пожираніе звѣрями, съѣденіе семьей или племенемъ; въ послѣднемъ случаѣ каннибализмъ идетъ объ руку съ идеями

Digitized by Google

умилостивительнаго культа, такъ какъ дикари, съѣдая трупы близкихъ, увѣрены, что оказываютъ имъ благодѣяніе и почесть, воспринимаютъ въ себя частицы духа, который, такимъ образомъ, „остается у своего племени, переходитъ въ души живыхъ и даетъ имъ увеличеніе силы и могущества“ [1]). Вполнѣ вѣроятно предположеніе, что оставленіе и выбрасываніе стариковъ явилось и практиковалось раньше убійства, съѣденія и т. д.; должно было пройти много времени, пока нѣсколько уменьшился страхъ передъ „одержимымъ“ духомъ и предъ мертвецомъ,—страхъ, который сначала вызывалъ чисто рефлективныя движенія—бѣгство, бросаніе. Я думаю, что въ обычаѣ выбрасыванія стариковъ мотивы экономическіе и мотивы защитительнаго культа дѣйствовали параллельно и равномѣрно; при дальнѣйшемъ развитіи умилостивительный культъ игралъ второстепенную, служебную роль,—экономическіе мотивы доминировали. Сильный экономическій мотивъ, переплетаясь съ произведеніями примитивной работы мысли, придаетъ различныя формы, даетъ различныя толкованія постепенно слагающемуся обычаю—и идетъ по путямъ, которые можно довольно легко возстановить на основаніи наблюденій новѣйшихъ путешественниковъ надъ современными дикарями и на основаніи разнообразныхъ отзвуковъ далекаго прошлаго европейскихъ народовъ. Обратное теченіе—разрушеніе обычая—обусловливается, конечно, не отвлеченной работой мысли, а реальными фактами жизни. Липпертъ, котораго очень увлекаетъ мысль поставить умственный и нравственный прогрессъ человѣчества въ зависимость отъ измѣненій въ питаніи, считаетъ такимъ фактомъ по отношенію къ нашему обычаю знакомство съ огнемъ и его слѣдствія. Съ этимъ трудно согласиться: существуетъ много фактовъ, доказывающихъ сильное распространеніе этого обычая у племенъ, давно уже знакомыхъ съ огнемъ. Если открытіе огня и имѣло какое-нибудь вліяніе на разрушеніе обычая, то самое второстепенное, мало по малу

[1]) П. Н., Рус. Мысль, 1888 май, стр. 102, 107—109; іюль, стр. 67.

Digitized by Google

ослабляя вмѣстѣ съ другими факторами интенсивность экономическаго мотива, подкапывая тѣсно сопряженную съ нимъ религіозную, если такъ можно выразиться, сторону дѣла и вызывая компромиссы и замѣны. Но, впрочемъ, мы слишкомъ забѣжали впередъ: этого вопроса намъ еще придется коснуться.

Все вышеприведенное позволяетъ намъ пріурочить убійство къ двумъ эпохамъ указанной выше схемы: эпохѣ насилія и материнства. Какъ увидимъ ниже, это подтверждается и имѣющимися подъ руками фактами: извѣстія о существованіи этого обычая у нѣкоторыхъ народовъ идутъ объ руку съ извѣстіями о существованіи у нихъ же „promiscuity" и материнства. Какъ же можетъ повліять на нашъ обычай установленіе патернитета, болѣе или менѣе устойчивыхъ семейныхъ отношеній, осѣдлости, развитіе культа предковъ? Какія причины вообще повліяли на уничтоженіе этого обычая?

На первый взглядъ патріархальный бытъ съ его „jus vitae ac necis patris familias", сравнительное измѣненіе къ лучшему экономическихъ условій съ установленіемъ прочной осѣдлости и земледѣлія, культъ предковъ, который, по справедливому замѣчанію Мэна,—слѣдствіе, а не причина патернитета, [1]) — все это кореннымъ образомъ противорѣчитъ существованію подобнаго обычая, устраняетъ возможность его существованія. Но противъ такого заключенія могутъ быть выдвинуты вѣскія возраженія, а какъ увидимъ ниже — и факты. Власть начальника рода, семьи, общины въ первобытномъ обществѣ держалась столько же на личной силѣ, сколько и на происхожденіи: разъ онъ приходитъ въ дряхлость, теряетъ свою силу—его устраняютъ или онъ самъ устраняется. Въ Индіи, гдѣ патріархальный бытъ пустилъ глубокіе и сильные ростки, власть patris familias можетъ быть осуществляема только до извѣстнаго предѣльнаго возраста, послѣ котораго обыкновенно

---

[1]) „Древ. зак. и об." 56, 57, 65.

Digitized by Google

онъ самъ совершенно устраняется отъ дѣлъ; въ противномъ случаѣ его можно даже принудить къ этому [2]). То-же явленіе замѣчается въ древне-греческомъ обществѣ, какъ это мы видимъ изъ обрисованнаго въ „Одиссеѣ" положенія Лаэрта и Пелея, а также въ славянской семейной общинѣ съ „домачиномъ" [3]). Безсильная и дряхлая старость вызываетъ къ себѣ и въ этомъ періодѣ почти такое же презрѣніе, какъ и раньше: отзвуки этого презрѣнія слышатся еще долго у народовъ, стоящихъ на довольно высокой ступени развитія [4]). Тяжело было, конечно, переносить всеобщее презрѣніе тому, кто еще недавно могъ пользоваться почти неограниченной властью: есть много указаній на то, что убивавшіе стариковъ считали это актомъ милосердія по отношенію къ нимъ, что даже сами старики просили смерти, настолько тяжело было ихъ положеніе.

Если мы примемъ во вниманіе прочно установленный Тэйлоромъ и Мэномъ фактъ ослабленія семейнаго культа отъ отца къ предкамъ [5]),—то, что объектами убіенія, по своему возрасту, были дѣды, главнымъ образомъ,—разлагающее въ концѣ концовъ дѣйствіе культа предковъ на прочность семейныхъ отношеній [6]), усиленіе почитанія предковъ

[2]) ib. 14—19, 36, 78, 92, 93 и т. д.

[3]) М. М. Ковалевскій, Родъ, 23, 26; Ефименко, „Изслѣд. нар. жизни", вып. I, М. 1884, стр. 63; П. Н. l. c. іюль, 80; Odys. XI, 187—196, 494—504 и т. д.

[4]) Wackernagel, l. c. Grimm, „Uoto—ano—ato", „Ueber das Alter", Kindermärch. l. c. „Le cento novelle antiche", Milano, 1825, nov. LXVIII, стр. 99—100 и „Biblioteca dei classici. ser. I, vol. V, Firenze, 1867, стр. 70—71; Шейковскій, „Бытъ подолянъ", К. 1860, т. I, вып. I, стр. 70, Номисъ, „Українскі приказки, прислівъя и таке инше", СПБ, 1864, стр. 91, 110, 114, 196; Чубинскій, Труды, т. I, вып. II, 231, 246, 295, 287; Nonius Marcellus, ed. Mercerii, Lipsiae, 1826, стр. 1—3, De proprietate sermonum; Ioannes Stobaeus, Florilegium (graec.), ed. Meineke, т. IV, Lipsiae, 1857, стр. 77—86; Драгомановъ, Мал. нар. пред. и разск. К. 1875, 175—176 стр.; Rajna l. c. стр. 2, 9; Kolberg, Lud, XIV ser., 295 стр.; Baracz, Bajki и т. д.; Tarnopol, 1866, 54, 214; Hagen, Gesammtabenteuer, т. II, Stut. und Tüb. 1850, № XLVIII, слѣд. и т. д.

[5]) „Первоб. культ.", II, 106; „Др. зак. и об.", 40—42.

[6]) „Др. з. и об.", 58, 90.

Digitized by Google

съ ихъ смертью [1]); если обратимъ вниманіе на сильное и въ этомъ періодѣ дѣйствіе экономическаго мотива убійства, который все таки не могли совершенно уничтожить установленіе осѣдлости и примитивныя формы земледѣлія; если мы примемъ во вниманіе все это,—то намъ будетъ понятно, что нѣкоторый конфликтъ между семейно-религіознымъ и экономическимъ факторами могъ разрѣшаться не въ пользу перваго. Убійство старика, потерявшаго свою силу и власть, осужденнаго на всеобщее презрѣніе, нисколько не мѣшало ему попасть въ пантеонъ семейныхъ боговъ, стать предметомъ поклоненія для своихъ потомковъ, которые въ самомъ актѣ убійства не видѣли ничего позорнаго ни для убиваемыхъ, ни для убійцъ, которыхъ ждала, конечно, та-же участь, которые могли прославлять ранніе подвиги своего предка, но которымъ дѣла не было ни до его послѣднихъ дней, ни до его смерти; это былъ скорѣе единственный и необходимый выходъ изъ положенія позорнаго для одной стороны, тяжелаго для обѣихъ сторонъ. Съ современной точки зрѣнія странно, конечно, убивать безполезнаго человѣка и поклониться ему въ одно и то-же время; въ тѣ времена подобное явленіе никого не могло поражать, какъ не поражали и многія другія, даже болѣе грубыя фикціи, которыми такъ богаты первобытныя воззрѣнія.

Такимъ образомъ, не формы семейной жизни, не религіозныя воззрѣнія, а какой-то другой стимулъ долженъ былъ повліять на уничтоженіе этого обычая. Его прекрасно характеризуютъ слѣдующія слова Мэна [2]): „На первыхъ ступеняхъ старые люди являются безполезными, тягостными и несносными, и съ ними поступаютъ соотвѣтственно этому; но въ болѣе поздній періодъ, по мѣрѣ того, какъ развивается сознаніе цѣны мудрости и опытности, стариковъ окружаютъ высшимъ почетомъ: ихъ долгая жизнь признается однимъ изъ средствъ сохранять опытъ. Способность рѣчи, отличающая человѣка отъ животныхъ, и умѣнье писать, которымъ

1) Мэнъ, „Др. зак. и об.“, 46.
2) ib. стр. 18—19.

Digitized by Google

общества, способныя къ цивилизаціи, отличаются отъ осужденныхъ на вѣчное варварство, суть простые способы расширенія, сравненія и передачи опытовъ, благодаря чему человѣчество находится въ состояніи имѣть болѣе знанія, нежели то, какое можетъ быть пріобрѣтено каждымъ въ его единичной жизни. Тѣмъ не менѣе, личная жизнь всегда является первоначальнымъ источникомъ опытности, и рано или поздно люди должны были понять, что чѣмъ дольше живетъ человѣкъ, тѣмъ значительнѣе его вкладъ въ общую сокровищницу знаній. Таково, повидимому, наиболѣе вѣроятное объясненіе той широкой власти, которая, при младенческомъ состояніи цивилизаціи, удѣлялась собраніямъ стариковъ, независимо отъ ихъ физической силы или военнаго мужества. Вѣроятно, она возникла среди обществъ, не знавшихъ письма, которое могло бы научить ихъ необходимому, и въ то-же время сознававшихъ, что важныя свѣдѣнія, нужныя для самаго ихъ существованія, далеко не исчерпываются среднею краткостью жизни. Почти повсюду въ передовыхъ частяхъ древняго міра мы находимъ, что старики, организованные въ собранія, обладаютъ обширною сферой публичной власти".

Слѣдовательно, съ одной стороны, значеніе „сочувственнаго опыта", т. е. переживанія личностью чужой жизни, присвоенія себѣ и переработки добытыхъ ею результатовъ, съ другой— измѣненія въ культѣ и бытѣ, также естественное чувство самосохраненія, нежеланія молодыхъ, убивавшихъ стариковъ, въ свою очередь подвергнуться той же участи (что, въ концѣ концовъ, должно было пересилить другіе мотивы) — все это и произвело коренной переворотъ въ положеніи стариковъ. У отдѣльныхъ народностей и въ установленіи, и въ уничтоженіи этого обычая могла, конечно, сыграть свою роль и характерная для варварскаго состоянія „подражательная способность" (imitative faculty), значеніе которой для примитивнаго быта совершенно основательно подчеркиваютъ Альфредъ Ляйелль („Asiatic Studies") и Мэнъ.[1])

[1]) ib. стр. 220—2.

Digitized by Google

Этотъ переворотъ, кажется, нужно отнести или къ концу эпохи патернитета и разложенія родового быта или, что вѣроятнѣе, къ эпохѣ установленія такъ называемаго „государственнаго быта", въ которомъ, какъ вполнѣ основательно настаиваютъ Фриманъ и Мэнъ, старики и ихъ совѣты имѣли громадное значеніе [1]). Спорадически, какъ исключеніе, подобное явленіе могло, конечно, повторяться и позже въ случаѣ голода, преслѣдованія и т. д. Первое время уваженіе къ совѣтамъ стариковъ могло иногда и не препятствовать ихъ убіенію. Мэнъ (ib. стр. 18) упоминаетъ о разсказѣ про одного новозеландскаго племенного начальника, который, на вопросъ о судьбѣ одного изъ его соплеменниковъ, давно извѣстнаго вопрошателю, отвѣчалъ: „онъ такъ много давалъ намъ хорошихъ совѣтовъ, что мы милостиво предали его смерти". Такая двойственность, конечно, не могла долго существовать.

Очень вѣроятно, хотя на это и нѣтъ прямыхъ указаній, что мужчинъ перестали убивать раньше, чѣмъ женщинъ [2]): когда онѣ теряли способность трудиться и производить дѣтей (двѣ единственныя функціи, которыя признавало за ними первобытное общество), онѣ являлись для него совершенно лишнимъ балластомъ. Для мало культурнаго человѣка женскій опытъ и совѣтъ не могъ имѣть никакого значенія. Кстати, припомнимъ слова Данте, который въ данномъ случаѣ выразилъ убѣжденіе безконечнаго числа поколѣній: „il consiglio della femmina é di piccolo valore", и общеизвѣстныя пословицы о женщинахъ, не вышедшія изъ обращенія еще и до сихъ поръ [3]).

---

1) Мэнъ, ib. стр. 18; Friman, Comparative Politics, 72, 73; П. Н., Рус. М. 1888 г. іюль. 49—50.

2) О преимущественномъ принесеніи женщинъ въ жертву при патріархатѣ см. П. Н., l. c., 69, 70.

3) См. Liebrecht, „Beiträge zum Zusammenhang indischer und europäischer Märchen und Sagen" въ „Orient und Occident", т. I, Göttingen, 1862, стр. 129; Schiefner, Heldensagen der Minus. Tatar., Petersb. 1859, стр. 7, vv. 136—7: „Lang zwar ist dein Haar, o Gattin,—aber kurz nur deine Klugheit"; Hagen, op. cit., т. I, № XVIII, „Die Heidin", стр. 415, vv. 991—

Digitized by Google

Эти общія замѣчанія помогутъ намъ разобраться среди матеріала, который даютъ писатели классическіе, церковные—первыхъ вѣковъ христіанства и средневѣковые, а также новѣйшіе путешественники, искусственная и народная поэзія, —тотъ матеріалъ, который даетъ возможность установить границы интересующаго насъ обычая во времени и пространствѣ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

В. В. Каллашъ.

993: „ich spriche noch wol, vrouwe guot: vrouwen die habent kurzen muot, saget man, und langez hâr; ib. t. II, № XXXI, „Der Reiher", стр. 157, vv. 9—11: „Ich hôrt·ie sagen, daz ist wâr: vrouwen die haben langez hâr, dâ bî einen kurzen sîn"; ib. t. III, № LVIII, „Das Rädlein, стр. 128, vv. 285—7: „die vrouwen haben langez hâr, unt kurz gemuete, daz ist wâr". Alsô spprach her Vrîdank"; А. Н. Веселовскій, „Разиск. въ обл. рус. дух. ст.", III—V, СПБ, 1881, стр. 129; Закревскій, „Старосвѣтскій бандуриста", Москва, 1860, стр. 149; Чубинскій, Труды, т. I, вып. II, стр. 252; Номисъ, op. cit., стр. 173 и т. д.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.*)

I. Журналы.

Баянъ (СПБ.). № 8. *В. Мошковъ*, Шопка (вертепъ) въ Варшавѣ. Содержаніе и сравненіе варш. варіантовъ вертепной драмы.

Biblioteka Warszawska, февр. *Витольдъ Заленскій* Обзоръ населенія Европ. Россіи и Ц. Польскаго по народностямъ, на основаніи „Сборника свѣдѣній по Россіи" за 1884—5 гг.

Wisła, польскій географическо-этнографическій журналъ, издающійся въ Варшавѣ съ 1887 г. Выходитъ 4-мя книжками въ годъ подъ ред. *Ив. Карловича*. Отлагая обзоръ его за первые два года до слѣдующей книжки, остановимся только на 1-й кн. текущаго года и отмѣтимъ статьи, ближе касающіяся этнографіи Россіи (Ц. Польскаго).

Сигиз. Глёгеръ, въ статьѣ „Длугошъ и польскія пѣсни", выбралъ нѣсколько данныхъ о народной поэзіи изъ упомянутаго хроникера и сдѣлалъ попытку пріурочить нѣкоторыя народныя пѣсни къ опредѣленнымъ фактамъ, записаннымъ въ этой хроникѣ (напр. извѣстную пѣсню о томъ, какъ pani pana zabiła онъ относитъ къ событію, записанному Длугошемъ подъ 1446 г.).—Г. *Иксъ* описываетъ увеселенія, игры и народные танцы въ окрестности Межирѣчья (Сѣдлец. г.). Описано 6 дѣтскихъ игръ, 7—взрослыхъ и 5 старомодныхъ танцевъ, безъ всякихъ впрочемъ сравнительныхъ примѣчаній и ссылокъ хотя бы на извѣстный капитальный трудъ Голембёвскаго: Gry i zabawy etc.—*Сигизм. Василевскій* касается отношеній общественныхъ, сосѣдскихъ и товарищескихъ въ д. Ягодне, Луковскаго у., Сѣдл. г. Статья представляетъ одну главу изъ болѣе обширной монографіи названной деревни.—*Стан. Цишевскій*—сообщилъ нѣсколько провинціализмовъ изъ Прасныш. и Серпецкаго у. Плоцкой губ.—*Бирута* описалъ дожинки на Литвѣ, именно въ Шаврахъ Вилен. г., Лидск. у., со включеніемъ нѣкоторыхъ пѣсенъ.—*И. Карловичъ*—Легенда о Мадеѣ (Ама-

*) Въ этотъ обзоръ вошли только изданія текущаго года. Пробѣлы будутъ пополняться въ слѣдующихъ книжкахъ „Этногр. Обозрѣнія."

Digitized by Google

дей), кающемся разбойникѣ; литературная исторія и разборъ варіантовъ (оконч.).—*Влад. Матлаковскій*—двѣ замѣтки: объ обычаѣ аукціонной продажи дѣвушекъ и о „посанякахъ" въ Радомск. губ. (переселенцы съ береговъ Сана?).—Не можемъ не остановиться еще на одной статьѣ, хотя въ ней рѣчь идетъ о галицкой народности, именно статьѣ *Карла Матыаса*: „Мужицкое сердце" (этногр. этюдъ), въ которой авторъ поразилъ насъ неожиданнымъ выводомъ: „Того, что мы называемъ „сердцемъ", т. е. вмѣстилищемъ лучшихъ, благороднѣйшихъ и добрыхъ чувствъ, у мужика вы не найдете". Очень странно подобное заявленіе, по крайней мѣрѣ по отношенію къ „Вислѣ"...

Во второй части книги помѣщена Программа для собиранія народн. юридическихъ обычаевъ—*Брон. Грабовскаго*, составленная между прочимъ на основаніи прогр. проф. Богишича и М. Харузина (изд. при этногр. отдѣлѣ Имп. Об. Л. Ест., Антр. и Этногр. М. 1887 г.; см. „Труды Этногр. Отдѣла", кн. VIII). Далѣе слѣдуютъ мелкія замѣтки, образчикъ собранія польскихъ пословицъ (отдѣлъ „баба"), образцово издаваемыхъ *Самуиломъ Адальберомъ*; наконецъ библіографія, гдѣ между прочимъ помѣщенъ отзывъ объ изслѣдованіи г. *Н. Сумцова*: „Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ" (Харьковъ, 1885)—*Стан. Цишевскаго*, неодобрительный отзывъ о моемъ очеркѣ жизни и дѣятельности извѣстнаго археолога-этнографа А. Киркора—*И. К(арловича)* и пр.

При журналѣ „Висла" издается, кромѣ того, „Библіотека Висла", въ которой помѣщаются болѣе цѣльныя и полныя монографіи отдѣльныхъ мѣстностей б. Царства Польскаго. Такъ, первые 2 тома заняты монографіей *Мих. Федеровскаго*: „Народъ въ окрестности Жарекъ, Сѣверска (Петрок. г.) и Пилицы (Кѣлецк. г.);" *) въ 3-й томъ вошли „Преданія изъ окрестности Прасныша (Плоцк. г.)"—*Ст. Хехловскаго*; въ 4-й—монографія упомянутой выше дер. Ягодне, Луковск. у., Сѣдл. г.—*З. Василевскаго*. *Н. Я.*

Wszechświat (Варш.), № 8 и 9. *Стеф. Стеткевичъ*—о трудахъ Пржевальскаго.

Журн. Мин. Нар. Просв. Янв. *Д. И. Иловайскій*. Литовская Русь при Ягеллонахъ. Въ концѣ статьи авторъ характеризуетъ „черты шляхетскихъ нравовъ по Курбскому и Михалону."—Мартъ. Замѣтка *Э. Р.* о новой книгѣ: „Антропологія" *Э. Ю. Петри* (СПБ. 1889); *Ѳ. И.* о книгахъ: „Скоморохи на Руси" *Ал. С. Фаминцына* (СПБ. 1888) и „Кавказскіе евреи горцы", *И. П. Анисимова* (Моск. 1888). Рецензія *Н. И. Карѣева* на книгу *М. Винавера*: „Изслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права XIII в." Варш. 1888 (оттискъ изъ Варш. Университ. Извѣстій). *Н. Я.*

---

*) Замѣтка о ней въ „Вислѣ" 1889, I, 227 и 1888 IV, 861.

Digitized by Google

Имерія. Январь. Линтурали (Рыцарское служеніе дамѣ въ Сванетіи). «Линтурали»—церемонія, устанавливающая кровныя родственныя отношенія между сваномъ и сванкой и дающая право первому «служить» послѣдней, все равно, будетъ ли она замужняя или дѣвушка. Молодой сванъ, вознамѣрившись войти въ родство съ какой-либо незнакомой дамой, увѣдомляетъ ее объ этомъ, и отъ нея зависитъ принять «линтурали» или отвергнуть. Получивъ согласіе родителей или мужа обожаемой дамы рыцарь-сванъ, въ сопровожденіи друга и запасшись водкой, идетъ въ назначенный день вечеромъ въ ея домъ. Его радостно встрѣчаютъ и угощаютъ съ почетомъ. Когда хозяинъ и всѣ присутствующіе подняли чаши съ водкой и просятъ Бога благословить «линтурали» свана и сванки, рыцарь-горецъ съ кубкомъ въ рукахъ подходитъ къ обожаемой дамѣ и, павъ на одно колѣно, преклоняетъ предъ ней голову въ знакъ неизмѣнной ей вѣрности. Затѣмъ, покорно обратившись къ ней, спрашиваетъ: ему ли прикоснуться зубомъ ея груди, или же она прикоснется его груди, т. е. ему ли быть ея отцомъ, или ей быть его матерью? Въ послѣднемъ случаѣ, обожатель разстегиваетъ ей платье и, насыпавъ на грудь ея соли, прикладывается зубомъ, трижды повторяя: «си ди, ми гевилъ»—ты мать, я сынъ. Обрядъ завершается взаимнымъ обмѣномъ горячихъ поцѣлуевъ, подобно тому, какъ въ средніе вѣка принятіе въ рыцари и ленная присяга въ вѣрности вассала сюзерену скрѣплялись перстнемъ и поцѣлуемъ. На другой день послѣ заключеннаго условія вѣрности сванъ получаетъ отъ своей дамы въ подарокъ барана, корову или какую-либо другую скотину, и самъ, въ свою очередь, отдариваетъ даму лучшими подарками. Послѣ этого устанавливается кровное родство, между рыцаремъ и его дамой; они бываютъ другъ у друга, спятъ даже вмѣстѣ, но никто до сихъ поръ не сомнѣвался въ чистотѣ ихъ нравственныхъ отношеній. «Линтурали» иногда даже заключается для пресѣченія недоброжелательныхъ слуховъ относительно нравственной чистоты женщины, какъ замужней, такъ и дѣвушки. Въ Дадіановской Сванетіи этотъ обычай носитъ другое названіе—„ликрисдъ“ (христіанство), а въ Рачѣ и Лечхумѣ „ликерцъ-лепуръ“ Послѣднее слово, быть можетъ, имѣетъ связь съ миромъ („миромъ“), которое получали сванъ и сванка отъ жрецовъ (пани), которые давали елей для помазанія новыхъ родственниковъ. Миропомазаніе выходитъ изъ обычая, такъ какъ христіанскіе священнослужители не даютъ „пани“ мира. «Линтурали» имѣетъ нѣкоторое сходство съ „цацлоба“ у пшавовъ (см. мою статью «Пшавы», въ Сборн. матер. по этногр., изд. подъ ред. В. Ѳ. Миллера, вып. 3. Мосн. 1888).

Февраль. Пшавскіе герои Копала и Яхсартъ.

Пшавы признаютъ злыхъ духовъ „дэви“, которые представляются статными, покрытыми густыми волосами, скрывающимися днемъ и по-

Digitized by Google

являющимися ночью. Всего болѣе боятся дэви огня и остріи. Лицомъ они похожи на человѣка, но выше колѣнъ покрыты бываютъ шерстью. Прежде они ѣли людей, не давали имъ воды изъ рѣкъ; но съ появленіемъ святыхъ Копалы и Яхсарта они исчезли послѣ кровопролитной борьбы, мѣсто которой извѣстно пшавамъ. Дэви сошли со спины лишь временно: перестанетъ народъ вѣрить въ святыхъ, и они опять начнутъ поѣдать людей.

Копала, монахъ изъ дер. Ихиндчи, провѣдавъ о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ дэвами, возъимѣлъ однажды желаніе освободить отъ нихъ народы. Разъ онъ пришелъ къ нимъ въ гости въ качествѣ заблудившагося охотника и попросилъ позволенія принять участіе въ ихъ игрѣ, которая состояла въ бросаніи тяжелыхъ камней для физическаго упражненія. Онъ превзошелъ ихъ въ силѣ и ловкости, перебилъ ихъ, овладѣлъ жилищемъ и тѣмъ камнемъ на берегу Арагвы, который и теперь считается трономъ Копалы. Дэви изъ мѣстности Уцхо-гори украли было у него камень; но онъ погнался за ними и на разстояніи нѣсколькихъ верстъ удачно брошенной стрѣлой положилъ ихъ на мѣстѣ. Копала входитъ въ домъ убитыхъ враговъ, гдѣ сидитъ мать за прялкой нитей для стрѣлы. Предъ глазами матери Копала убиваетъ сына ея Автандила, возвратившагося съ охоты съ убитымъ оленемъ на одномъ плечѣ и огромнымъ дубомъ на другомъ. Автандилъ въ крови катится внизъ и образуетъ оврагъ, называемый у пшавовъ «ущельемъ Автандила», противъ камня Копалы. Узнавъ объ этихъ подвигахъ Копалы девяти главый дэви Картанели (мѣсто въ ущельи Арагвы) и загородилъ дорогу святому на возвратномъ его пути; но Копала послѣ упорнаго состязанія съ дэви, сразилъ его, отрубилъ 9 головъ и вернулся въ свою келью. Дэви прибѣгли къ послѣднему средству, чтобы поработить пшавовъ: они запрудили Арагву, съ цѣлью обратить ее въ озеро и потопить въ немъ всѣхъ святыхъ, покровительствующихъ Пшавеціи. Копала самъ нанялся къ нимъ въ рабочіе и въ удобную минуту перебилъ всѣхъ ихъ начальниковъ. Въ этой борьбѣ остріе стрѣлы у Копалы притупилось. Кузнецъ Пирцуша отказывается отточить его, и возникаетъ ссора между Копалой и Пирцушей, во время которой дэви захватили въ плѣнъ Пирцушу. Копала, забывъ личные счеты, идетъ на помощь другу. Онъ встрѣчаетъ одного бѣглеца дэви, отъ котораго подъ угрозой смерти вывѣдываетъ, что всего удобнѣе перебить дэвовъ, когда тѣнь деревьевъ выпрямляется и они, пообѣдавъ, пьютъ опіумъ и ложатся спать, теряя всякую силу. Копала воспользовался совѣтомъ и истребилъ враговъ съ помощью Архангела.

Яхсартъ—ангелъ, сошедшій съ неба и поселившійся противъ «Ависгоръ»—обители дэвовъ, которыхъ онъ и истребилъ булавой. Лишь одинъ одноглазый дэви скрылся въ Цишидскомъ озерѣ, но Яхсартъ и тамъ

Digitized by Google

убилъ его, и кровью дэви покрылось все озеро: Яхсартъ долженъ былъ остаться въ глубинѣ воды, чтобы не осквернить себя нечистой кровью. Народъ, желая избавить своего покровителя, обратился за помощью къ надаги (оракулу), который велѣлъ принести въ жертву озеру четырехрогаго и четырехухаго барана. Послѣ долгихъ поисковъ нашлось такое рѣдкое животное въ Хевсуретіи. Зарѣзали его, пустили кровь его въ озеро, и послѣднее на половину освободилось отъ крови дэви. Яхсартъ вышелъ какъ „голубь". Объ этомъ героѣ сохранилась давнная пѣсня. *А. Хах—овъ.*

Kwartalnik historyczny (Львовъ), органъ Историч. Общества, подъ ред. Ксав. Лиске, годъ III (1889), вып. 2. *M. Kawczynski*, „Pierwotne rozsiedlenie plemion europejskich".

Кіевская Старина. 1889, кн. 1—4.

Воспоминанія *М. К. Чалаго* (янв.) Изложены народныя малорусскія преданія о вѣдьмахъ, водяныхъ, змѣяхъ, чертяхъ и Гаркушѣ (знаменитомъ «романическомъ разбойникѣ» конца XVIII в.), слышанныя въ Новгородѣ-Сѣверскомъ (Черн. г.); тутъ же свѣдѣнія объ обычаѣ водить на Рождество «козу» и о «вертепѣ»—критическія замѣчанія о представленіи вертепной драмы и текстъ, представляющій очень оригинальныя и интересныя дополненія къ изданнымъ раньше версіямъ [1]).

Культурныя переживанія, *Н. Сумцова.* (янв., фев., мартъ, апрѣль). Авторъ затрогиваетъ цѣлый рядъ вопросовъ сравнительно-этнографическаго характера: 1) «олень въ произведеніяхъ народной словесности и искусства», при чемъ упущены нѣкоторыя важныя стороны вопроса (поверхностно и слабо выяснены сложность и разновременность наслоеній, совсѣмъ не указаны индоевропейскія вліянія въ русскихъ сказаніяхъ объ оленѣ и т. д.), такъ какъ авторъ воспользовался далеко не всѣмъ существующимъ въ печати матеріаломъ; 2) «принесеніе въ церковь хлѣба и мяса», какъ переживаніе «языческаго кормленія боговъ» (и древне христіанскихъ «братскихъ вечеръ»?), — интересныя дополненія къ замѣткѣ г. Ящуржинскаго „приношенія въ церковь и дары служителямъ церкви"; [2]) 3) «вороньба надъ тучами»; 4) «испытаніе вѣдьмъ водой»—различныя значенія купанія вѣдьмъ: испытаніе, очищеніе, казнь, жертвоприношеніе, хотя не затронуты отношенія этого обычая къ обычаю убіенія старыхъ женщинъ; 5) «уличныя клички»—личныя и фамильныя прозванія, ихъ происхожденіе, значеніе; 6) «упрощеніе змѣй»—кѣніемъ, игрой; вліяніе ясеневаго дерева; 7) «повѣрье о цѣлебномъ значеніи змѣя»; 8) «мелюзины», «фаляроны», «морскіе люди»—южнорусскія сирены, сказанія о которыхъ создались подъ вліяніемъ апо-

1) Кстати здѣсь отмѣтимъ и отрывокъ извѣстной „пасхальной вирши", которою запорожцы привѣтствовали Екатерину II. (Февр., 394).

2) „Кіевск Ст.", 1889, апр. стр. 184.

Digitized by Google

мифа о переходѣ Моисея черезъ Черное море и западно-европейской повѣсти о Мелюзинѣ; здѣсь не выяснено, даже совсѣмъ не указано отношеніе къ классическимъ сиренамъ, не привлечены къ изслѣдованію многіе славянскіе разсказы о морскихъ людяхъ, далеко не охваченъ даже малорусскій печатный матеріалъ; 9) «грабуваніе»—разграбленіе, какъ народный юридическій обычай; 10) «продолжительность разговоровъ до совершенія торговыхъ сдѣлокъ»; 11) «два слова о церковныхъ и иностранныхъ пасѣкахъ»; 12) «церковныя свѣчи домашняго приготовленія»; 13) «цвѣтные пафельные изразцы»; 14) «къ исторіи южно-русской живописи» 15) «садоводство у крестьянъ» лѣвобережной Малороссіи; 16) «вольное винокуреніе»; 17) «корчма, какъ общественное учрежденіе», 18) «харьковскія коцарки»—кустарный ковровый и попонный промыселъ; 19) «слободско-украинское чеботарство»—кожевенно-сапожный кустарный промыселъ; 20) «остатки чумачества въ Малороссіи».

Въ статьѣ: «Русскія колоніи въ Добруджѣ» (историко-этнографическій очеркъ г. *Лупулеску* въ переводѣ и съ дополненіями *В. Б. Антоновича*) помѣщены отрывки малор. нар. пѣсенъ и разсказовъ и разнообразныя данныя о поселеніяхъ въ Добруджѣ, прежней и нынѣшней жизни добруджскихъ колонистовъ, отношеніяхъ къ другимъ народностямъ и т. д. (янв., февр., мартъ).—Въ повѣсти *Г. А. Мачтета*, «Бѣлая панна» (янв., февр.) изложена подольская народная легенда о «бѣлой паннѣ»—предвѣстницѣ несчастій. Въ этой повѣсти, равно какъ и въ переведенныхъ съ польскаго повѣстяхъ г. *Петкевича* — «Сельскія недоразумѣнія», (янв., мартъ) и г-жи *Остои*—«Нечистая сила» (апр.), разсѣяны отдѣльныя, не безъинтересныя для южно русской этнографіи черты.—Въ статьѣ г. *Левицкаго*—«Прошлое переяславскаго духовнаго училища» (февр.) приводится начало перевода на латинскій языкъ малорусской народной пѣсни: «Ой, у поли могила» и сообщаются нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія о вліяніи духовныхъ школъ въ Малороссіи на народъ и народную поэзію. Для полноты отмѣтимъ еще въ мартовской книжкѣ статью г. *Сф. Кр.* «Особенности статистическаго изслѣдованія Курской губерніи»; въ апрѣльской—начало изслѣдованія проф. *Багалѣя* «Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры».

Въ отдѣлѣ «документовъ, извѣстій и замѣтокъ» за январь: галицкая колядка о сотвореніи міра, созданіи церкви и т. д. (компилятивнаго характера), «малороссійскія рождественскія вирши», запис. въ Кролевецкомъ у. Черн. губ., «рождественская вечеря»—легенды объ Іерусалимѣ и объ обязанностяхъ крестныхъ дѣтей, «рождественскія святки на Волыни»—обряды и пѣсни, «рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст.» и некрологи двухъ южно-русскихъ этнографовъ: П. А. Лукашевича

Digitized by Google

и А. И. Гаврилова; «изъ путешествія въ сѣверо-западный край» г. *Петрова*—отдѣльныя этнографическія черты, (февр., мартъ, апр.); замѣтка о «бѣлорусскихъ колядкахъ» г. *Ящуржинскаго* (февр.), «народные разсказы» объ извѣстномъ южно-русскомъ дѣятелѣ Галицкомъ (ib), замѣтка о рукописномъ альбомѣ Андрея Ищенко 1780—82 гг., въ которомъ находятся «псальмы» и народныя малорусскія пѣсни (ib.); народный разсказъ про счастье (апр.), «съ дороги»—отдѣльныя этнографическія черты и отрывки пѣсенъ (ib.); чрезвычайно любопытная замѣтка о малорусскихъ «семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ» (мартъ), бросающая новый свѣтъ на Михайлика, героя извѣстной малорусской легенды о Золотыхъ Воротахъ, и другихъ семилѣтнихъ богатырей русскихъ былинъ и сказокъ (VIII легенда—отдѣльныя разсказовъ объ Янѣ Усмошвенѣ); пѣснь о свѣтѣ—по всей вѣроятности, литературная переработка народной галицкой пѣсни (ib.), и «изъ школьнаго міра» — нѣсколько словъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ (ib.).

Въ отдѣлѣ библіографіи между прочимъ помѣщены отзывы объ «Очеркахъ изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины москов. госуд.» г. *Багалѣя* (янв.); объ изданныхъ E. Muller'омъ описаніяхъ путешествій въ Азію Марко Поло и Рубруквиса (февр.); о «Русской народной музыкѣ» *Сокальскаго* (мартъ); о «Расколѣ на Дону въ концѣ XVII в.» г. *Дружинина* (апр.); о XII томѣ «Извѣстій Краковской Академіи» (ib), въ которомъ по обыкновенію помѣщены и этнографическіе матеріалы и пр. *В. В. К—ъ.*

Litterarisches Centralblatt, № 2. *A. Brückner*, Die Aerzte in Russland bis 1800.—№ 7. *Fabricius*, Theophanes von Mitylene u. Qu. Dellius als Quellen der Geogr. von Strabon.

Пантеонъ Литературы, Январь.

Изъ протоколовъ засѣданій Общества романо-германской филологіи. Въ 25-мъ засѣданіи этого общества между прочимъ было сдѣлано А. Н. Веселовскимъ сообщеніе о русскихъ былинахъ въ пересказахъ нашихъ инородцевъ. Существуютъ „свѣдѣнія о финской былинѣ про ссору Ильи съ Владиміромъ, записанной въ мѣстности, куда русское вліяніе не проникало послѣ Столбовскаго мира". Въ Латышскомъ пересказѣ о подвигахъ Ильи упоминается и объ Ильѣ-сиднѣ; далѣе Илья встрѣчается съ 3-мя великанами, „которыхъ побѣждаетъ, беретъ въ товарищи, а они покидаютъ его предательски въ подземномъ царствѣ, похитивъ добытую имъ красавицу". Въ финской былинѣ Илья-сидень ищетъ, кто на свѣтѣ сильнѣе его, встрѣчается съ тремя богатырями, „въ которыхъ своеобразно, нерѣдко съ древними чертами, отразились образы Идолища, Соловья и Святогора". *Н. Х.*

Digitized by Google

Przegląd powszechny (Крак.), подъ ред. пс. М. Моравскаго. Янв., февр., мартъ. *K. Mátyás*, Nasze sioło, studyum etnograficzne. Были отд. оттиски.—Мартъ. Статья г. *M.*, „Rybacy. Kącik polskiej ziemi nad Bałtykiem".

Revue critique d'histoire et de littérature, № 7. *V. Henry*, разборъ соч. Grunzel'a: „L'harmonie vocalique des langues ouralo-altaïques".

Русская Мысль. Январь. *М. И. Кулишеръ*. Миѳологія и этнографія.

Русскій Вѣстникъ. Январь. *Н. Н. Сугорскій*—о 4-мъ путешествіи *Н. М. Пржевальскаго* (СПБ. 1888).—Февраль. *П. М—въ*, Критич. разборъ книги И. М. Собѣстіанскаго: „Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства" (Харьк. 1888).

Сѣверный Вѣстникъ. Январь. *Берендѣевъ*, Крестьянскія преступленія.

Увеличеніе числа крестьянскихъ преступленій въ Малороссіи и своеобразный характеръ, который эти преступленія принимаютъ, авторъ объясняетъ упадкомъ прежняго деревенскаго строя. „Упадокъ деревенскаго строя означаетъ нравственный упадокъ... Цѣльнаго міросозерцанія уже нѣтъ, и отдѣльному крестьянину приходится руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ именно вліяніемъ: пришла хорошая полоса—благополучно въ селѣ; появились дурныя повадки—находятся и охотники до нихъ. Современная деревня, заключаетъ авторъ, переживаетъ переходное время, въ которомъ нѣтъ ничего устойчиваго, и одинаково гибнутъ и порядки, и личности". Начиная свое изложеніе крестьянскихъ преступленій съ кражъ, авторъ указываетъ, что случаи кражъ бываютъ еще въ маломъ возрастѣ, у подростковъ; онъ указываетъ на ту разницу, которая существуетъ между „шалостями" современныхъ паробковъ и паробковъ временъ гоголевскихъ, и приводитъ нѣсколько интересныхъ случаевъ изъ жизни деревни. „Продѣлки" и кражи паробковъ имѣютъ характеръ удальства и часто принимаютъ дикій характеръ. Причина—отсутствіе нравственнаго вліянія на нихъ деревни.

Что касается кражъ, совершаемыхъ взрослыми крестьянами, то „кражи у своихъ своими, крадущими въ первый разъ, изъ соблазна „подходящаго случая", встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ кражи у чужихъ. Встрѣчаются, конечно, случаи кражи своими у своихъ, но это предполагаетъ высшую степень испорченности, „которая возможна только вслѣдствіе общаго упадка деревенскихъ нравовъ". Благодаря легкому отношенію къ кражѣ въ деревнѣ, „число профессіональныхъ воровъ увеличивается съ каждымъ годомъ". Наиболѣе часто обкрадываютъ мельницы, погреба, амбары съ хлѣбомъ, крадутъ домашнюю птицу, холстъ, процвѣтаетъ конокрадство и скотокрадство. Возвра-

Digitized by Google

щаясь къ наробкамъ, авторъ указываетъ, что кромѣ мелкихъ кражъ (главнымъ образомъ съѣстныхъ припасовъ для своихъ сборищъ) часто встрѣчаются случаи изнасилованія дѣвушекъ и какъ слѣдствіе этого—дѣтоубійство. Встрѣчаются и случаи убійства для полученія денегъ или во время драки. Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, статья г. Берендѣева, который всѣ подобныя преступленія называетъ „ненужными", отдѣляя ихъ отъ преступленій, совершенныхъ изъ нужды, подъ гнетомъ несчастныхъ обстоятельствъ, изъ психоза и т. п. Нельзя не отнестись сочувственно къ трудамъ такого рода, тѣмъ болѣе, что эта сторона крестьянской жизни принадлежитъ къ наименѣе освѣщеннымъ изслѣдователями крестьянскаго быта. *Н. Х.*

И. Лучицкій. Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи.— Библіогр. замѣтка о 4-мъ путешествіи Н. М. Пржевальскаго.

Дружининъ. Юридическое положеніе артелей (янв. и мартъ).

Февраль и мартъ. *П. Пономаревъ*. Замѣтка о сектантскихъ обычаяхъ.

II. Ученыя и справочныя изданія.

Записки Имп. Академіи Наукъ, т. 59, кн. 1. СПБ. 1889. *А. Н. Веселовскій*, Записка объ ученыхъ трудахъ Л. Н. Майкова.

Командировка Э. А. Вольтера въ Литву съ археологическо-этнографическою цѣлью въ 1887 г. (проток. засѣд. Историко-Филологич. Отдѣленія, 17 мая 1888).

Въ приложеніи отчетъ о 29 присужденіи наградъ гр. Уварова, съ рецензіями: 1) *В. В. Радлова* и *А. А. Куника* на книгу П. Голубовскаго: „Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ" (Кіевъ, 1884); 2) *Н. П. Дашкевича* о кн. Н. И. Петрова: „Очерки исторіи украинской литературы XIX в." (Кіевъ, 1884); рецензентъ касается и народной поэзіи. *Н. Я.*

Записки Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. XIV, в. 3. *Гр. Верещагинъ*, „Вотяки Сарапульск. у. Вятской губерніи". Книга служитъ дополненіемъ къ опис. быта вотяковъ Сосновскаго края того же автора въ томъ же изданіи (вып. 2). Труды этого почтеннаго изслѣдователя заслуживаютъ болѣе подробной оцѣнки, которую мы и постараемся дать впослѣдствіи. *Н. Я.*

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VII. 1889. Тифлисъ.

1) Станица Бороздинская, Терской Области, Кизлярскаго Округа. *Е. Бутовой*.

Основаніе станицы относится къ первой половинѣ XVIII в.; но на настоящемъ своемъ мѣстѣ станица существуетъ съ 1810 г., когда, вслѣдствіе затопленія старой станицы вновь образовавшимся рукавомъ Терека, Прорвою, бороздинцы принуждены были искать

Digitized by Google

себѣ болѣе безопаснаго мѣста. Первыми поселенцами станицы были остатки той тысячи семей Донскихъ казаковъ, которыхъ въ 1724 г. Петръ Великій переселилъ съ Дона на р. Аграхань. Они, подъ названіемъ семейнаго войска, поселены тремя городками между Гребенскими станицами и вновь основанной крѣпостью Кизляромъ. Одинъ изъ этихъ городковъ и была станица Бороздинка. Въ ст. числится 437 мужчинъ и 416 женщинъ. Физически населеніе вообще развито слабо, чему много способствуютъ злокачественныя мѣстныя лихорадки, а также антигигіеническій образъ жизни казаковъ. Недалеко отъ развитія физическаго ушло и развитіе нравственное. Бороздинцы народъ необразованный, грубый, мало развитой умственно, но въ то же время заносчивый и гордый. Уваженіе къ личности опредѣляется у нихъ силой, съ которой данная личность можетъ „жать" и давить; если же у кого нѣтъ такой силы, то не ждать ему отъ бороздинцевъ какого-либо уваженія, особенно если онъ не принадлежитъ къ казачьему сословію; къ такимъ лицамъ у казаковъ проявляется даже какая-то враждебность или, правильнѣе, презрѣніе, вытекающее изъ того, что казакъ считаетъ себя выше и благороднѣе всякаго другого сословія. Живя въ сосѣдствѣ съ народами, у которыхъ уваженіе къ чужой собственности развито чрезвычайно слабо, казакъ заразился наклонностью, напр., жать, гдѣ не сѣялъ; случаи присвоенія чужой собственности между казаками нерѣдки. Къ числу непохвальныхъ качествъ бороздинскихъ казаковъ слѣдуетъ еще отнести наклонность ихъ къ свободной любви и къ бездѣльному препровожденію времени за виномъ. Семейная жизнь бороздинцевъ отличается грубостью и господствомъ физической силы. Считая себя господами въ домѣ, мужчины стараются почти всѣ работы свалить на женщинъ. Участвуя вмѣстѣ съ взрослыми на работахъ, дѣти пріучаются пить вино и водку и курить табакъ съ ранняго возраста. Изъ общественныхъ игръ можемъ отмѣтить слѣдующія: съ пятницы на масляницѣ начинаютъ „держать и брать города". Эта игра состоитъ въ слѣдующемъ. Гдѣ-нибудь, но большей частью около общественнаго хлѣбнаго магазина, устраиваютъ скамейку, насколько можно длинную. На нее становятся со всей станицы дѣвушки, съ длинными палками въ рукахъ: онѣ „держатъ городъ". Противъ нихъ ополчаются мужчины „брать городъ", при участіи даже малолѣтнихъ и дряхлыхъ стариковъ. Верхомъ на лошадяхъ мчатся казаки „брать городъ"; но дѣвушки машутъ палками и бьютъ подскакивающихъ къ нимъ всадниковъ безъ всякой жалости. Взявшіе городъ получаютъ право перецѣловать всѣхъ находящихся на скамейкѣ дѣвушекъ. Свадьба, родины, крестины и похороны ничѣмъ особеннымъ не разнятся отъ ранѣе описанныхъ у казаковъ. Авторъ приводитъ далѣе нѣкоторыя суевѣрія и предразсудки, 82 пѣсни, въ томъ числѣ 19

Digitized by Google

историческихъ, наконецъ, четыре сказки: 1) Жена спорщица, 2) Проконя молодца, 3) Несчастный садъ, 4) Незнайко.

2) Сказанія о нартахъ. *А. Кайтмазова.* I) Асхенартъ и его дѣти, II) Битва между Бясланов ыми и Куртатинцами, III) Котелъ нартовъ, IV) Великанъ и Даредзаны, V) Какъ Ростомъ убилъ своего сына Зуранхана, VI) Какъ Амиранъ перебилъ великановъ, VII) Георгій Побѣдоносецъ въ гостяхъ у стариковъ, VIII) Куси Дзудтовъ, IX) Сирдонъ. Эти сказанія объ осетинскихъ богатыряхъ-нартахъ являются дополненіемъ къ сказкамъ, изданнымъ раньше въ «Осетинскихъ Текстахъ» *Шифнера* (Приложеніе къ XIV тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ, № 4), въ «Осетинскихъ Этюдахъ» *Вс. Миллера* (ч 1-я. Моск. 1881 г.) и въ «Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, издаваемомъ при Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ» (Вып. 1, стр. 113—140. Осетинскія сказки, *Вс. Миллера*). Богатый матеріалъ для сравненія представляютъ также сказанія о нартахъ, напечатанныя въ «Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа», вып. I, и въ «Сборн. свѣд. о Кавк. горцахъ», вып. III, V, VII и IX.

3) Описаніе памятниковъ древности Телавскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, *В. Кикнадзе.*

4) Сказки, примѣты, поговорки и загадки, записанныя въ Ставропольской губ., Новогригорьевскомъ уѣздѣ. *Гр. Горбунова.*

5) Тамерланъ по разсказамъ джеванширскихъ армянъ. *М. Погосовъ.* Вотъ содержаніе этой легенды.

Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, съ сел. Баллуджѣ, въ Шушинскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Ханкендовъ, жилъ армянскій священникъ, владѣвшій большимъ состояніемъ. Онъ долгое время просилъ у Всемогущаго даровать ему подъ старость лѣтъ сына У него родился сынъ, но за то, при рожденіи младенца, мать умерла. Радость его смѣнилась горемъ. Отецъ сталъ считать виновникомъ ея смерти своего новорожденнаго сына; къ тому же онъ припомнилъ, что въ рукахъ ребенка, сейчасъ же по его рожденіи, онъ замѣтилъ густую массу крови, что, очевидно, было плохимъ предзнаменованіемъ. По истеченіи восьми дней отъ рожденія, младенца крестили по обряду армяно-григоріанской церкви и назвали Эмиромъ, что значитъ по-арабски «властитель». Эмиръ росъ не по годамъ, а по днямъ. Когда ему минуло три—четыре года, его нельзя было отличить отъ 12 лѣтняго. Изъ себя онъ былъ красивый и отличался настойчивостью и быстротою ногъ. Однажды, когда онъ пасъ ягнятъ, прибѣжалъ заяцъ. Эмиръ принялъ его за ягненка и подошелъ посмотрѣть, но заяцъ убѣжалъ. Эмиръ погнался за нимъ и гонялъ цѣлый день, пока не загналъ его вмѣстѣ съ ягнятами въ овчарню. Пораженный этимъ отецъ далъ передъ Богомъ клятву вырѣзать у мальчика нѣсколько икроножныхъ жилъ, чтобы тѣмъ уменьшить его прыть. Онъ это,

Digitized by Google

дѣйствительно, исполнилъ, и Эмиръ послѣ этого сталъ хромымъ и получилъ прозваніе Ланкъ-Эмиръ, т. е. хромой Эмиръ. Оправившись вскорѣ, онъ покинулъ родной домъ и отправился въ Дагестанъ, гдѣ принялъ магометанскую вѣру. Проживъ нѣсколько времени среди лезгинъ, онъ удалился въ Среднюю Азію, и оттуда стали разноситься повсюду слухи, что онъ вскорѣ появится во главѣ многочисленныхъ лезгинъ и отомститъ отцу и вообще христіанамъ. Не прошло 20 лѣтъ со дня его бѣгства, какъ съ страшной быстротой распространилась молва, что изъ Средней Азіи двинулся страшный завоеватель, по имени Тамерланъ, который безпощадно опустошалъ на своемъ пути города и села, воздвигалъ минареты изъ череповъ христіанъ. Переправившись изъ Малой Азіи въ Арменію, онъ повсюду убивалъ христіанъ, жегъ города и села и грабилъ жителей; отца онъ уже не засталъ въ живыхъ. Ланкъ-Эмиръ, онъ же Тамерланъ, дошелъ до верховьевъ рѣки Тертера, до границы Ванскаго вилайета Турецкой Арменіи, и остановился близъ знаменитаго въ древности города Заря-Загаря [1]). На своемъ пути онъ еще не встрѣчалъ такихъ красивыхъ, населенныхъ одними армянами городовъ, какъ теперь; завоеватель хотѣлъ окончательно насытиться кровью армянъ, въ особенности духовныхъ лицъ. Онъ первоначально потребовалъ къ себѣ всѣхъ духовныхъ пастырей. Обманутое коварными обѣщаніями, духовенство вышло встрѣчать грознаго завоевателя съ торжествомъ; но какъ только оно показалось, онъ пришелъ въ бѣшенство и приказалъ вѣшать ихъ одного за другимъ, чтобы не слышать отъ нихъ ни одного слова. Черезъ два—три дня въ этой мѣстности не осталось ни души; только одни куполы 27 церквей и понынѣ наводятъ на зрителя особую грусть, перенося его въ то далекое прошлое, когда среди этихъ развалинъ кипѣла мирная жизнь нѣсколькихъ тысячъ гражданъ, погибшихъ отъ огня и меча варвара.

6) Тамазлухъ, или обычай взаимнаго вспомоществованія домашнимъ скотомъ. *С. Шавердова.*

Обычай тамазлухъ существуетъ между татарами и армянами Закавказья и заключается въ слѣдующемъ. Всякій крестьянинъ, не имѣющій по какой-либо причинѣ домашняго скота, но желающій обзавестись имъ, приглашаетъ въ обычный день на обѣдъ своихъ сосѣдей съ тѣмъ, чтобы приглашенные подарили ему по своему желанію овцу или корову. Послѣ веселья и плотной ѣды, сопровождающейся у армянъ еще и достаточной попойкой, одинъ изъ болѣе близкихъ къ хозяину лицъ, „тулубаши", проситъ гостей высказаться, кто что жертвуетъ. Каждый изъ гостей спѣшитъ объявить „толубаши" о

---

[1]) Развалины города сохранились и понынѣ на западной границѣ Джеванширскаго уѣзда, Елизаветпольской губ.

Digitized by Google

своемъ «бешкетѣ». Толубаши громко произноситъ имя жертвователя и объявляетъ его бешкетъ съ присовокупленіемъ пышныхъ похвалъ. Этимъ заканчивается пиршество. Гостю на другой день отправляютъ обѣщанное по принадлежности, но иногда приходится и самому хозяину явиться за полученіемъ; при этомъ получатель не проситъ, а требуетъ обѣщанное, какъ свое собственное добро, пріобрѣтенное силою обычая. Къ этому обычаю прибѣгаютъ, между прочимъ, при падежѣ скота.

7) Озеро Ноуръ, или Новуръ, Елизаветпольской губ., Нухинскаго уѣзда, по народнымъ разсказамъ. Сообщ. *Эфендіевъ.*

Озеро, находящееся между селеніями Куткашиномъ и Вандамомъ, носитъ названіе «Ноуръ». Разсказываютъ, что нѣкогда подъ тѣмъ же названіемъ «Ноуръ» было на мѣстѣ озера селеніе. Житель этого селенія, отецъ красивой дѣвушки, послѣ смерти своей жены, пришелъ спросить муллу, кто долженъ вкусить первый плодъ съ дерева. «Тотъ, кто сажалъ!» отвѣтилъ мулла. Заручившись, такимъ образомъ, какъ бы разрѣшеніемъ муллы, селянинъ возвращается домой и вступаетъ въ преступную связь съ родной дочерью. Въ ту же ночь Богъ потопилъ селеніе Ноуръ. По увѣренію мѣстныхъ обитателей, жители утонувшаго села живутъ и до сихъ поръ подъ водою со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, но безъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Охотники, ночующіе около озера, слышатъ голоса подводныхъ жителей, говоръ людей, плачъ дѣтишекъ, мяуканіе кошекъ, лай собакъ, пѣніе пѣтуховъ и т. п. Озеро Ноуръ имѣетъ свойство втягивать ко дну своему все, что ни попадаетъ въ него. Дурная слава настолько утвердилась за этимъ озеромъ, что, проклиная кого-нибудь, окрестные татары говорятъ: «Чтобъ Богъ тебя потопилъ такъ, какъ потопилъ селеніе Ноуръ». По увѣреніямъ стариковъ селенія Вандама, въ былое время изъ-подъ воды озера Ноура показывались временами бревна домовъ бывшаго легендарнаго селенія.

8) Домашнее воспитаніе армянъ Джеванширскаго уѣзда, Елизаветпольской губерніи. Сообщ. *Г. Израеловъ.*

Правильно поставленнаго, такъ сказать, раціональнаго домашняго воспитанія у большинства армянъ нѣтъ. Они ограничиваются физическимъ выращиваніемъ и выкармливаніемъ дѣтей, да и то безъ особеннаго ухода. Упрекая сына въ неблагодарности, по отношенію къ себѣ, отецъ не говоритъ ему: „я тебя воспиталъ“, но говоритъ „я тебя выкормилъ и выпоилъ“. Такъ же мало заботятся армяне и о беременныхъ женщинахъ, заставляя ихъ работать до самой критической минуты. Послѣ родовъ существуетъ, между прочимъ, обычай сильно солить все тѣло ребенка, всыпая соль и въ глаза, чтобы придать крѣпость тѣлу младенца; при пеленаніи особенно туго обвязывается его головка, и затѣмъ ребенокъ помѣщается на нѣс-

Digitized by Google

колько дней близко къ очагу подлѣ матери. Мальчики съ четырехъ лѣтъ оставляются безъ всякаго надзора и проводятъ время въ играхъ; съ 7—9 лѣтняго возраста ребенокъ уже вступаетъ въ практическую жизнь, и трудъ физическій является для него школою.

9) Армянскія сказки: «Черенъ царь», «Невѣста-всадникъ». *А. Газарова.*

10) Легенда и сказка (изъ армянск. народн. словесности): «Еврей и серебрякъ» и «Три юноши». *Г. Израелова.*

11) Преданіе о св. Симонѣ. *Е. Зедгенидзе.*

Въ селѣ Рустави, Ахалкалахскаго уѣзда, Тифлисской губ., жилъ старый охотникъ. Однажды онъ наткнулся на пещеру и увидѣлъ въ ней тусклый свѣтъ. Онъ сталъ пробираться внутрь по тускло-освѣщенной, узкой галлереѣ и, наконецъ, увидѣлъ вполнѣ освѣщенную келью; въ одномъ углу ея находилась икона Божьей Матери, предъ ней теплилась свѣча, тутъ же сидѣлъ сгорбившись старикъ, съ длинной, сѣдой бородой, повидимому отшельникъ. «Кто ты, сынъ мой? какая судьба тебя забросила сюда, въ эту глушь, къ бѣдному отшельнику? Что дѣлается на землѣ? какъ люди живутъ?» спрашивалъ отшельникъ. Охотникъ отвѣтилъ, какъ могъ, на предложенные вопросы. Старикъ, покачавъ головой, попросилъ у него хлѣба. Охотникъ далъ ему кусокъ; старикъ взялъ его въ руки и сжалъ: изъ хлѣба упала капля крови. „О, сколько зла творится на землѣ, сколько порочныхъ дѣяній, сколько преступленій!"—сказалъ старецъ, тяжело вздыхая. Потомъ онъ взялъ кусокъ своего хлѣба, сжалъ его, и оттуда упала капля молока. „Вотъ, сынъ мой,—сказалъ старикъ,—прежде мы питались такимъ хлѣбомъ; не знали, что такое зло, что кража, что обманъ; жили въ истинной братской любви. Знай, сынъ мой, что жизнь земная служитъ подготовленіемъ для высшей, безконечной жизни; не забывай, что кто не посѣялъ въ мірѣ семъ ничего добраго, тотъ не пожнетъ ничего въ царствіи небесномъ". Съ этими словами старецъ скрылся, а охотникъ, придя домой, узналъ, что въ пещерѣ, гдѣ онъ былъ, давно жилъ богоугодный человѣкъ—Симонъ; въ этой же пещерѣ онъ и скончался, но и по смерти многіе видѣли его тамъ молящимся. Теперь въ селѣ Рустави живутъ курды магометанскаго вѣроисповѣданія; прежде же село это было населено христіанами, для которыхъ пещера эта была священной: въ каждомъ затруднительномъ случаѣ они зажигали тамъ свѣчи и просили помощи у невидимо присутствующаго въ ней святого.

12) Судьба. Сванетская сказка. *Г. Гуджеджіани.*

13) Царица Тамара, по разсказамъ татаръ Закатальскаго округа. *І. Галаджевъ.*

14) *А. Калашевъ.* Татарскія сказки. Всѣхъ 5.

15) *Его же.* Анекдоты Шемахинскихъ армянъ (пять).

Digitized by Google

16) *Его же.* **Исторія возникновенія двухъ татарскихъ святынь.**

17) *Н. Калашевъ.* **Армянскія сказки**, запис. въ Шемахинск. у. Бакинск. г. Всего 12. *Вл. Ак.*

Труды Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э., состоящаго при Моск. университетѣ, кн. IX, подъ ред. Н. Харузина (Моск. 1889). Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ рѣчь *В. Ѳ. Миллера* по случаю кончины секретаря Этн. Отдѣла М. Н. Харузина (съ прилож. портрета), и статьи: *П. М. Богаевскаго*; «Замѣтки о юридич. бытѣ крестьянъ Сарапульскаго у. Вят. г.»; *В. Кандинскаго*: «О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Моск. г.»; *А. Паппе*: «О доказательствахъ на волостномъ судѣ»; *А. П. Звонкова*: «Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамб г. Елатомск. у.»; *П. И. Астрова*: «Объ участіи сверхъестественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго у., Тамб. г.»; *Н. Янчука*: „По Минской губерніи"—изъ поѣздки 1886 г.; *А. Кельсіева*: «Петербургскія балаганныя прибаутки»; *С. Я. Дерунова*: «Изъ русской народной космогоніи»; *Н. Харузина*, Изъ матеріаловъ, собранныхъ въ Пудожск. у., Олонецк. губ.—Въ приложеніи „Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ с. Мазунинѣ Сарапульск. у., Вят. губ.", *Вас. Тихонова*; «О народномъ лѣченіи въ Казан. у.», *В. Н. Аршинова*; Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, *П. Богаевскаго*, и напѣвы бѣлорусскихъ пѣсенъ Минск. г. *Н. Янчука* Всѣ перечисленныя статьи, кромѣ некролога, отпечатаны и пущены въ продажу также отдѣльнымъ оттискомъ, подъ заглавіемъ: „Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи", вып. 1. *Н. Я.*

Виленскій календарь 1889 г. Некрологъ Я. Ѳ. Головацкаго, извѣстнаго галицко-русскаго историка и этнографа, бывшаго въ послѣднее время хранителемъ Виленскаго публичнаго музея и завѣдующимъ тамошней публичною библіотекой. *Н. Я.*

Иллюстрированный календарь (премія къ еженед. газетѣ „Родина"), СПБ. 1889. Въ прилож. иллюстрированная статья «Народы Россіи». Представлены типы (поплечья) слѣд. народностей: бурятскій лама, забайкальскій бурятъ,-ка, башкиръ,-ка, калмыкъ,-чка, два киргиза, киргизка, киргизъ «черная кость», камчадалъ, лошадиный тунгузъ, оленій чукчъ, юракъ, якутъ,-ка, курилецъ, мангунъ, монголъ, обдорскіе остякъ и остячка, самоѣдъ,-ка, томская и енисейская татарки, дѣвушка-татарка, татаринъ, черемишенка, цыганъ,-ка, валахъ,-шка, армянинъ, кабардинецъ, даурецъ, грузинъ,-ка, гуріецъ, имеретинецъ, чеченецъ, курдъ, эстонецъ,-нка, литовецъ, два поляка, бѣлоруссъ,-ка, малороссъ,-ка, уральскій казакъ. Текстъ—краткій перечень мѣстъ жительства, внѣшнихъ признаковъ и занятій; строго научнаго значенія не имѣетъ. *Н. Я.*

Digitized by Google

Календарь Вятской губ. на 1889 г. Изд. Вятскаго Губ. Стат. Комитета.—Кромѣ свѣдѣній справочныхъ, въ календарѣ мы находимъ большую статью мѣстнаго изслѣдователя г. *Первухина*: «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда», касающуюся въ настоящемъ эскизѣ (3-мъ) *) народной словесности Вотяковъ названнаго уѣзда (молитвы, пѣсни, пословицы, загадки), и имѣющую также этнографическій интересъ статью А. А. Спицына „Къ исторіи Вятскихъ инородцевъ". *П. А.*

Календарь сѣверо.-зап. края на 1889 г., подъ ред. *М. Запольскаго* (прилож. къ «Минс. Листку»), Моск. 1889. Въ научно-литературномъ отдѣлѣ нѣсколько интересныхъ статей; нѣкоторыя изъ нихъ касаются этнографіи: «Владиміръ Св. и его время»; «Бѣлорусское нарѣчіе»; изложеніе бѣлорусской комедіи Дунина-Марцинкевича „Гапонъ" (изъ народной жизни, съ внесеніемъ текстовъ подлинныхъ бѣлор. пѣсенъ, запис. авторомъ),—*М. Запольскаго*; «Краткій геогр. очеркъ древней Бѣлоруссіи» (въ IX—XII в.)—*его-же*; „Институтъ церковнаго суда въ Смоленскомъ княжествѣ въ XII в." (отрывокъ изъ приготовленнаго къ печати соч. „Древнѣйшая Исторія Бѣлоруссіи")—*его-же*; „Народныя пѣсни (20)" и искусственныя подражанія имъ; „Пасха въ Б—ссіи (Слуцк. у.)"—*Z.*—Цѣль и планъ изданія весьма симпатичны и выполненіе очень удачно. *Н. Я.*

Памятная книжка Виленской г. 1889 г., ч. II. 1) *Э. А. Вольтеръ*. Развалины Трокскаго замка, изъ отчета г. Вольтера: «Объ этногр. поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 г.» (напеч. въ прилож. къ LVI т. Записокъ Имп. ак. Наукъ, № 5, СПБ. 1887, и отдѣльнымъ оттискомъ —2) Краткій указатель мѣстностей Виленск. г., замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи. *Н. Я.*

Памятная книжка Гродненской г., 1889. Ежегодно въ этомъ изданіи перепечатывается безъ измѣненій передъ неоффиціальною частью краткая замѣтка: «Происхожденіе Гродненск. губерніи». Въ справочномъ отдѣлѣ печатаются небезъинтересныя таблицы мѣръ, встрѣчающихся въ старыхъ актахъ и планахъ с.-зап. края, составл. по свѣдѣніямъ, находящимся въ «Словарѣ древняго актоваго языка с.-зап. края и Ц. Польскаго», *Н. Горбачевскаго* (Вильна. 1874), и по свѣдѣніямъ Гродн. Губ. Статист. Комитета. *Н. Я.*

Памятная книжка Ковенской губ. 1889. Сост. *К. Гуковскій*. Помѣщена его же статья: «Краткій историческій очеркъ Ковенской губ.», съ прибавленіемъ главы «города и ихъ достопримѣчательности», и ст. *Э. Вольтера*: «Объ изученіи семейнаго быта Жемайстко-Литовскаго народа», причемъ приложено 146 вопросовъ для изученія свадебныхъ обрядовъ у литовцевъ. *Н. Я.*

---

*) Первые два эскиза печатались въ Вятскихъ Губ. Вѣд. 1888 г. и изданы отдѣльными брошюрами; 3-й также вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ.

Digitized by Google

Памятная книжка Пензенской губерніи на 1889 г. Изданіе Пензенскаго Губ. Стат. Комитета. Въ книжкѣ помѣщены между прочимъ указатель статей мѣстнаго характера, печатавшихся въ Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ съ 1866 по 1888 г., составленный гг. *Сацердотовымъ* и *Смирновымъ*. Въ предисловіи къ одному изъ подобныхъ указателей [1]) справедливо оттѣняется необходимость подобныхъ трудовъ для ознакомленія съ работами мѣстныхъ изслѣдователей, разсѣянными почти исключительно въ мѣстныхъ изданіяхъ, и недостаточность такихъ указателей въ литературѣ. Указатель къ Пензенскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ составленъ хронологически и содержитъ въ себѣ, между прочимъ, названія нѣсколькихъ статей по этнографіи. *П. А.*

Самарецъ, справочная книга и календарь, 1889 г. Въ прибавленіи очеркъ г. *Е. Претеченскаго*: «Волга».

Холмскій народный календарь на 1889 г., изд. Холмскаго (въ Любл. г.) Свято Богородицкаго братства (печ. въ Кіево-Печ. лаврѣ). *Г. Х.* напечаталъ великорус. пословицы (101), неизвѣстно откуда взятыя и расположенныя безъ всякой системы *Н. Я.*

Харьковскій календарь. на 1889 г. Краткій отчетъ о дѣятельности Историко-филологическаго общества въ 1887—8 акад. году.

III. Газеты [2]).

Архангельскія Губ. Вѣд. 5. Описаніе вечеринокъ или вечорокъ, которое можетъ служить дополненіемъ къ помѣщаемой въ настоящей книжкѣ статьѣ г. *Кулик вскаго*. Особенно подробно описана вечеринка въ с. Ворзогорскомъ, Онежскаго уѣзда. Вечеринки въ данной мѣстности начинаются съ Покрова. Десять или болѣе дѣвушекъ сосѣдокъ нанимаютъ избу, платя по 20—25 к. каждая за всю зиму. Отопленіе и освѣщеніе лежитъ на обязанности участвующихъ поочередно. На вечеринкахъ присутствуютъ и «рекрутящіе» парни. Какъ фактъ, не лишенный интереса, нужно отмѣтить, что на вечеринкахъ образъ завѣшивается платкомъ и парни сидятъ въ шапкахъ. Парню, въ первый разъ явившемуся на вечеринку, дѣвушки поютъ пѣсню, въ которой поздравляютъ его съ невѣстой, произнося его имя и имя одной изъ присутствующихъ дѣвушекъ. За эту пѣсню новопришедшій обязанъ заплатить. Изъ игръ довольно распространена «уточка», далѣе нѣчто въ родѣ нашей кадрили и «шинъ». По окончаніи игръ парни переходятъ на другія вечеринки, заходя иногда даже въ сосѣднія села. Молодежь крайне не сочувственно принимаетъ въ свою среду женатыхъ, или по мѣстному—«женачей». *Н. А.*

---

[1]) М. А. Липинскій. Указатель къ неоффиціальному отдѣлу Ярославск. Губерн. Вѣд. (см. ниже Яросл. Г. Вѣд.).

[2]) Цифры передъ наименованіями статей и авторовъ означаютъ №№ изданій.

Digitized by Google

Бессарабскія Г В. 1. Отчетъ о сообщенія *А. В. Елисѣева* въ Этногр. Отдѣлѣ И. Р. Геогр Общ (2 дек. 1888 г.) о пещерныхъ обитателяхъ Палестины, съ упомин. о пещерахъ, находящ. въ Россіи (въ Остзейск. краѣ, Кѣлецк г., на Кавказѣ, при Уралѣ и пр.).— — **5.** Игры бѣлоруссовъ Смоленской и Могилевской губ: въ лучъ, ящеръ, чорта, шило. Лучъ—отысканіе передаваемой тайно вещи съ лучиною; шило—похожее на лучъ; ящеръ—дѣвушки пѣснями выпрашиваютъ отнятые парнемъ платки; чортъ—отдѣлаетъ не могущихъ удержаться отъ смѣха грѣшниковъ отъ праведниковъ, послѣ чего обѣ партіи перетягиваются на палкѣ: слабѣйшая штрафуется; (Харьковск. Г. В изъ Рус. Курьера; ср. Могилевскія г. В. № 4).— — **8.** Отчетъ о дѣятельности Р. Геогр. Общ. за 1888 г.—**28.** Отчетъ о сообщеніи Н. Л. Гондатти объ орочахъ въ Этногр Отдѣлѣ И О. Л. Е., 8 февр 1889 г. (Прав. Вѣстн. изъ Московскихъ Вѣд.).— — **30.** Отчетъ объ археол. изсл. въ Приуральѣ Д. Н. Мамина, Н. Г. Первухина и г. А. Спицына. (Прав. Вѣстн. изъ Моск. Вѣд.). *Н. Я.*

Виленскій Вѣстникъ. 5. Замѣтка о праздничн. развлеченіяхъ, играхъ и народныхъ драматич. представленіяхъ прежняго времени въ Нов. Погостѣ Дисненск. уѣзда *(корресп.)*.—**23.** *Теобальдъ*, историческій монограммъ: «Всемірный потопъ по 3 сказаніямъ (библейскому, греческ. и литовск.)».—**30, 31, 33.** *Ар. Турцевичъ.* „Бѣлорусская деревня. Очеркъ современнаго положенія крестьянъ Стволовицкой вол., Новогрудскаго уѣзда, Минской губ.“ Перепеч. изъ «Тр. И. В.—Экон. Общ.». Авторъ имѣлъ въ виду почти исключительно матеріальный бытъ.— — **34.** Обычай употребленія католиками Вилейск уѣзда облатокъ въ канунъ Рожд. Хр. *(корресп.)*. *Н. Я.*

Волжскій Вѣстникъ. 31. Замѣтка о «Календарѣ Вятской губ.» на 1889 г. (рецензія на ст г. Н. Первухина).—**32.** Некрологъ С. М. Пономарева *).—**54.** О вѣрованіяхъ пермяковъ и зырянъ. Отчетъ о рефератѣ В. В. Кандинскаго въ Этнографич. Отдѣлѣ И. О. Л. Е. А. и Э. (см. ниже «дѣятельность ученыхъ Обществъ»). *П. А.*

Вологодскія Г. В. Съ № 5 продолжается печатаніе пословицъ и поговорокъ, собранныхъ въ Вологодскомъ и Грязовецкомъ уѣздахъ. Начато печатаніе этого обширнаго собранія въ прошломъ году. *Н. А.*

Волынскія Г. В. 4. *Братчиковъ*, Остатки Волынской старины. Краткія свѣдѣнія о курганахъ, городищахъ, о ихъ раскопкахъ, о г. Ковелѣ (продолж., см. № 95, 1888). *Н. Я.*

Вятскія Г. В. 6. Библіогр. замѣтка *А. С.*: а) о 1-мъ вып. «Вятской Старины» *В. П. Юрьева* (Вят. 1888). Продолженіе этого изслѣдованія г. Юрьевъ печатаетъ въ Вят. Г. В. текущаго г. съ

*) Покойный съ февраля 1887 г. былъ членомъ Этнографическаго Отдѣла Имп Общ. Л. Ест., А. и Этн. и присылалъ изъ Оренбурга свои матеріалы см. проток. 59—61 засѣд. въ VIII к „Труд. Этн. Отд.“). *Ред.*

Digitized by Google

№ 22. б) О II и III вып. изслѣдованій *Н. Первухина*: „Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовск. у. Вятск. г.“ (Вят. 1888).— — **12.** Библіогр. замѣтка о „Календарѣ Вятской г.“ (изъ Волжск. Вѣстн.).—**13.** Народное лѣченіе бѣшенства (Каз. Бирж. Лист. № 27, изъ Курск. Лист. *).—**18, 20, 22.** *Н. Первухинъ*: „Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовск. у.“ (Вят. г.). Эскизъ V: слѣды языческой древности въ суевѣрныхъ обрядахъ обыденной жизни вотяковъ отъ колыбели до могилы. Авторъ продолжаетъ свои полные интереса эскизы, которые печатались втеченіе 1885 г. въ той же газетѣ и появились отдѣльными брошюрами. Въ 5 эскизѣ подробно описаны обряды и примѣты при рожденіи ребенка, указаны народныя медицинскія средства, практикуемыя при родахъ. Особенно интересны нѣкоторыя данныя. Такъ, напр., по окончаніи родовъ родильница даетъ обѣтъ принести въ жертву утку на берегу той или другой рѣки. Дѣвочкамъ собственнаго имени не дается, а онѣ называются именемъ своего воршуда (духа-хранителя). Не лишено интереса произносимое ворожцомъ при трудныхъ родахъ заклинаніе, которое автору удалось узнать дословно, не смотря на то, что подобныя заклинанія вотяки сообщаютъ крайне неохотно. *П. Б.*

Екатеринославскія Г. В. Извѣстный знатокъ южной Россіи *Я. П. Новицкій*, по просьбѣ редакціи названной газеты, началъ печатать нѣкоторые этнографическіе матеріалы изъ своихъ собраній. Именно, въ прошлогоднихъ Екат. Г. В. начаты печатаніемъ его „Пѣсни казацкаго вѣка,“ при чемъ были помѣщены думы: о гетманѣ Богданкѣ, т. е. Рожинскомъ (№ 46), объ Овраменкѣ (№ 48), о Перебыйнисѣ (№ 53), называемомъ въ исторической литературѣ Максимомъ Кривоносомъ; въ нынѣшнемъ году печатается продолженіе. и уже напечатаны думы: о Супрунѣ (№ 2), о набѣгѣ орды на Донщину (№ 7), объ Ордѣ и Ляхахъ во времена Хмельницкаго (№ 21). Пѣсни всѣ до единой очень поэтичны и характерны. Фигуры противоположенія, сравненія, повторенія и т. п. встрѣчаются постоянно. Въ высшей степени рельефно рисуются типы народныхъ малорусскихъ героевъ, съ ихъ спокойной, но необъятной силой. Каждая пѣсня можетъ служить тому примѣромъ. Подлинные тексты думъ авторъ сопровождаетъ точными указаніями имени пѣвца. мѣста и времени записи, а также весьма цѣнными историческими объясненіями и сравнительно библіографическими примѣчаніями. Нельзя не пожелать, чтобы почтенный собиратель выпустилъ со временемъ эти матеріалы отдѣльной книжкой. *В. К—ій.*

Не меньшаго достоинства этнографическій матеріалъ заключаютъ

*) Кстати замѣтимъ, что въ Харьковѣ вышла книжка Ѳ. *К. Алексѣева*: „О лѣченіи бѣшенства нѣкоторыми народными средствами украинской флоры“ (1889). См. еще „Нижегор. Бирж. Лист“ *Ред.*

Digitized by Google

въ себѣ замѣтки того же г. *Новицкаго*: «Изъ области народныхъ преданій повѣрій и разсказовъ» печатающіяся въ той же газетѣ нынѣшняго года. Именно, о Кіяхъ—первомъ названіи запорожцевъ (№ 14), о раздѣлѣ запорожскихъ вольностей и поселенцахъ - великороссахъ (№ 16), о татарскихъ набѣгахъ (№ 19), о долголѣтіи у запорожцевъ (№ 23 .—Укажемъ другія статьи и замѣтки въ порядкѣ номеровъ газеты:

—**3**. «Собираніе мѣстныхъ разсказовъ», статейка по поводу замѣт. г. Ив. Каргопольцева: «Могилы Близнюки» въ № 48 той же газ. 1888 г.—о. *Г. А. Соколовъ*, «Страничка изъ жизни Екатериносл. семинаристовъ 40-хъ гг.—**15**. Замѣтка о 2-й кн. Кіевской Старины.—**17**, **19**, *И. Шмаковъ*, О книгѣ Большому Чертежу (древн. карта Россійскаго государства). Выбраны изъ нея свѣдѣнія о ю.-вост. окраинѣ Россіи.—**23**, **25**. *Д. И. Эварницкій*, «Выборъ войсковой старшины у запорожскихъ казаковъ», по печатн. источникамъ и лично собраннымъ матеріаламъ.—**24**. Извѣстіе объ экспедиціи г. Д. Эварницкаго въ Новоросс. край для раскопокъ. *Н. Я.*

Кавказъ. 1. *Е. Т. А.* Новогодніе обычаи у ингилойцевъ (Закатальск. округа, Джаро-Белоканск. отдѣла). Не излагаемъ этой статьи, имѣя въ виду помѣстить въ слѣд. книжкѣ болѣе подробное описаніе празднованія Нов. года у грузинъ.

—**44**. *Е. Т. А.* Праздникъ у армянъ въ память св. Вардана. Праздникъ св. Вардана является національнымъ праздникомъ армянъ, и чествованіе его установлено армяно-григоріанской церковью. Въ пятомъ вѣкѣ армяне подверглись сильнымъ гоненіямъ со стороны персовъ, которые хотѣли силой обратить ихъ въ послѣдователей Зороастрова ученія. Но армяне рѣшились дать сильный отпоръ несправедливымъ притязаніямъ персовъ. Съ общаго рѣшенія главнымъ начальникомъ надъ армянскимъ войскомъ былъ избранъ Варданъ Мамиконьянъ. Послѣ рѣшительнаго сраженія въ 451 году на берегу рѣки Тгмута, гдѣ палъ Варданъ Мамиконьянъ, армяне продолжали 30 лѣтъ войну, которая увѣнчалась для нихъ полнымъ успѣхомъ. Еще нѣкоторыя преданія сохранились о томъ же Варданѣ. Армяне селенія Шноги Боргалинскаго уѣзда вѣрятъ, что на находящуюся тамъ, по преданію, могилу Вардана сошелъ съ неба свѣтъ, разбившій надгробный камень его могилы на двѣ части. Другое преданіе гласитъ, что ежегодно приходятъ къ его могилѣ съ воемъ семь голодныхъ волковъ и съ неба падаетъ для нихъ семь кусковъ мяса. Находящееся тамъ же у могилы Вардана озеро, называемое туземцами «Шногскою водою», или «моремъ мученика Вардана», по преданію, будто бы не имѣетъ дна. Осмѣлившійся бросить въ это озеро камень рискуетъ остаться съ искривленной шеей. Разсказываютъ, что на склонахъ горы, находящейся около гробницы

Digitized by Google

святого, семеро крестьянъ какъ-то вздумали вспахать землю; одинъ изъ крестьянъ при этомъ забылъ почтить святого снятіемъ шапки, и всѣ работники съ ихъ плугами были повержены святымъ въ «шногское море», гдѣ и погибли И теперь народъ, подходя къ этой мѣстности, обязательно обнажаетъ головы.

— **49.** *Е. Т. А.* „Кээноба" у туземцевъ въ Тифлисѣ.

Въ 1-й день Великаго поста, называемый у грузинъ „Кээнобисъ оршабати" (понедѣльникъ, празднуемый въ честь кээна — персидскаго шаха) или „шави оршабати" (черный понедѣльникъ) справляется у грузинъ и армянъ особое торжество, называемое „кээноба". Происхожденіе его слѣдующее. Въ началѣ XVII вѣка (въ 1617 году) Грузія была страшно разорена и опустошена персидскимъ шахомъ Аббасомъ, который взялъ въ плѣнъ множество грузинъ, поселенныхъ имъ затѣмъ въ персидскихъ провинціяхъ: Мазандаранѣ и Хорасанѣ. Потомки ихъ проживаютъ и до настоящаго времени въ персидской провинціи Ферейданъ, въ числѣ болѣе 25000 душъ, и сохраняютъ свой языкъ и народные обычаи, хотя и не устояли противъ ислама, который былъ вводимъ насильственно.

Угнетеніе грузинъ персіянами довело до того, что выведенный изъ терпѣнія народъ возсталъ противъ персіянъ, и въ царствованіе Теимураза 1-го (XVII в.) разбилъ ихъ на голову и выгналъ изъ предѣловъ Грузіи; это произошло въ чистый понедѣльникъ 1634 года. По преданію, грузины, поймавъ въ этотъ день представителя шаха, вымазали ему лицо сажей и, посадивъ его на осла, возили по Тифлису, а потомъ бросили въ Куру. Съ тѣхъ поръ такой способъ расправы съ провинившимися и вошелъ въ обычай у грузинъ и армянъ, откуда выраженія у армянъ: «ишанъ нистисъ" (сѣсть тебѣ на осла) и у грузинъ „вирма ки агикидосъ" (ослу тебя взять себѣ на спину), употребляющіяся въ минуты сильнаго раздраженія. Со времени вышеописаннаго событія—пораженія персіянъ—у грузинъ и армянъ ежегодно устраивается въ чистый понедѣльникъ своеобразный азіятскій карнавалъ, называемый „кээноба". Въ старину, при грузинскихъ царяхъ, толпа народа, нарядившись въ шутовскія платья, большею частью верхомъ на лошадяхъ, предшествуемая всадникомъ, изображавшимъ собой персидскаго шаха, верхомъ на ослѣ, въ вывороченной овечьей шубѣ, съ вымазаннымъ сажей лицомъ,—направлялась прежде всего къ царскому дворцу. Ремесленныя и торговыя заведенія обязательно запирались; городъ принималъ праздничный и ликующій видъ. Шествіе сопровождали ремесленные цехи (амкари) съ своими значками и съ музыкой. Приблизившись къ дворцу съ шумомъ и гвалтомъ, толпа оглашала воздухъ криками: „кээксъ салами",—„подайте за зрѣлище кээна". Цари щедро награждали, и шествіе направлялось къ домамъ знатныхъ лицъ. Вечеромъ на берегу

Digitized by Google

Куры на Пескахъ устраивалось на собранныя деньги гулянье. То-же самое почти происходило еще и въ началѣ этого столѣтія.

Въ настоящее время „амкари“ не принимаютъ участія въ процессіи, и вмѣсто одного шествія устраивается нѣсколько. За то теперь явились другія дѣйствующія лица, какъ, напр., женихъ и невѣста съ шаферомъ, персидскій шахъ верхомъ на верблюдѣ и съ кальяномъ, судья во фракѣ и въ очкахъ, сидящій на повозкѣ и пишущій палочкой въ книгѣ, находятся также и арестанты въ кандалахъ, подъ конвоемъ. При каждой группѣ бываетъ обыкновенно масса паяцовъ въ самыхъ причудливыхъ костюмахъ, а также нѣсколько сборщиковъ, которые по пути заходятъ въ дома и магазины и собираютъ добровольныя пожертвованія. *Вл. Ак.*

Казанскія Г. В. 2, 6, 10—14, 16—20 (см. 102—3, 107—110, 115. 134—1888 г.). *В. К. Магницкій*, Нравы и обычаи въ Чебоксарскомъ у., Казан. губ. Это обстоятельное собраніе народныхъ обрядовъ и повѣрій (примѣты, гаданія, заговоры, лѣченіе болѣзней, снотолкованія), прибаутокъ, прозвищъ, дѣтскихъ игръ; здѣсь также находимъ народныя пѣсни, пословицы и поговорки и такъ называемую народную математику *). Въ ближайшихъ номерахъ, судя по предисловію, должны быть помѣщены народныя бранныя и унизительныя названія и образцы народнаго говора.

Что касается пѣсенъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ г. Магницкаго, то большинство изъ нихъ—лирическія и бытовыя; на многихъ сильно отразилось вліяніе т. н. городской культуры; есть передѣлки романсовъ (ср. нпр. № 54). Интересна одна изъ немногихъ въ сборникѣ эпическая пѣсня относящаяся ко времени борьбы Яицкихъ казаковъ съ калмыками. И стихъ ея, и содержаніе живо переносятъ насъ къ

*) Здѣсь, между прочимъ, описанъ способъ приготовленія самодѣльнаго аршина: берется палка и поочередно, начиная съ конца, перехватывается обѣими руками при слѣдующемъ діалогѣ: „Аршинъ!“—Ася!—„Кто тебя дѣлалъ?“—Мастеръ.—„На што?“—На мѣру. Эти 6 перехватовъ и составятъ приблизительную длину аршина. Кромѣ того, здѣсь помѣщено двѣ задачи на вычисленіе, изъ которыхъ одна слѣдующая: „Шли 7 стариковъ, несли 7 подоговъ (?), на каждомъ подогѣ по 7 сучковъ, на каждомъ сучкѣ по 7 котомокъ, въ каждой котомкѣ по 7 пироговъ, въ каждомъ пирогѣ по 7 воробьевъ, въ каждомъ воробьѣ по 7 ѣдоковъ. Сколько всѣхъ ѣдоковъ?“—7 - 823543. *П. А.*

Подобныя задачи были въ ходу уже въ древней Руси и служили средствомъ испытанія мудрости и сообразительности. Такъ, въ одной рукописи XVII в находимъ задачу, почти совершенно сходную съ вышеприведенною, съ тою только разницею, что вмѣсто стариковъ тамъ упоминаются бабы, съ *посохами* (откуда и объясняется искаженное слово „подоги“), вмѣсто котомокъ—кошели и вмѣсто несообразнаго слова „ѣдоки“—пуки; кромѣ того, вопросъ тамъ предлагается болѣе широкій: „и всего?“ Т. е требуется сложить, начиная съ 7, всѣ послѣдовательныя произведенія (7+49+343+. . . . +823543), получается отвѣтъ 960799 (см. „Памятники Др. Письменности“, изд. Общ. люб др. письм. СПБ. 1878—79. стр. 87 и fac-simile въ прилож.). *Н. Я.*

Digitized by Google

древнему былинному эпосу, съ которымъ пѣсня, по развиваемымъ въ ней мотивамъ, имѣетъ много общаго. Позволяемъ себѣ привести эту интересную пѣсню цѣликомъ (№ 17):

Пробирались калмыки черезъ тихій Донъ,
Перебравшись поганые похвалилися:
Мы теперь, ребята, на святой Руси!
Святорусскую землю мы насквозь пройдемъ,
Питеръ со Москвой выжжемъ, вырубимъ,
А остальныхъ которыхъ во полонъ возьмемъ.
Не дошедши же калмыки до святой Руси,
Сочинили они баталью со Яицкими
Яицкіе казаки всѣ въ побѣгъ пошли,
Одинъ изъ нихъ остался добрый молодецъ.
Перестрѣлялъ же добрый молодецъ всѣ стрѣлочки,
Остался у молодца одинъ тугой лукъ.
А поганые калмыки доганулися:
Нагоняли они на молодца табунъ лошадей.
Кидался добрый молодецъ во таловый кустъ,
Выломилъ талинушку въ двѣнадцать пудъ.
Сталъ же добрый молодецъ поворачивать.
Повернется добрый молодецъ—будетъ улица,
А кругомъ-то обернется—конны площади.
Добирался молодецъ до бѣла шатра.
Сшибъ-то добрый молодецъ вершиночку,
А съ калмыцкаго хана буйну голову.
И погналъ же добрый молодецъ табунъ коней.

Въ окончаніи приведенной пѣсни не трудно видѣть варіаціи извѣстнаго мотива о борьбѣ Ильи Муромца съ татарами.

— 9. «Очерки народнаго юридическаго быта» неизвѣстнаго автора (неоконч.). Статья представляетъ собой очерки семейнаго, наслѣдственнаго права, опеки и попечительства у крестьянъ Казанской губерніи. Въ предисловіи къ «Очеркамъ» авторъ вѣрно указываетъ на то, что масса собраннаго и напечатаннаго у насъ матеріала по обычному праву Россіи далеко еще не захватываетъ его во всей его сущности, а, напротивъ того, страдаетъ многими и значительными пробѣлами. Данныя, приводимыя авторомъ для семейнаго права, касаются союза родственнаго, личныхъ и имущественныхъ отношеній между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, положенія въ семьѣ пріемышей, усыновленныхъ, незаконнорожденныхъ и отставныхъ солдатъ, отношеній въ такъ называемой «большой» и «малой» крестьянской семьѣ. Съ значительной подробностью останавливается авторъ на положеніи женщины въ крестьянской семьѣ. Интересны данныя, сообщаемыя между прочимъ о незаконныхъ сожительствахъ. За на-

Digitized by Google

ложницей, если только она долго жила со своимъ сожителемъ и вмѣстѣ съ нимъ способствовала поддержанію его хозяйства, такъ же какъ и за ея дѣтьми, признается полное право на наслѣдованіе его имущества. Незаконныя сожитія, по словамъ автора, иногда какъ бы узаконяются въ этой мѣстности письменными договорами, которые заключаются въ присутствіи сельскаго старосты и бываютъ скрѣплены, кромѣ подписей, приложеніемъ печати. Наслѣдственное право излагается въ статьѣ вмѣстѣ съ обычаями при раздѣлахъ. Авторъ вѣрно указываетъ на то, что какъ терминны, такъ и самый «порядокъ и правила раздѣловъ, когда они происходятъ при жизни отца, хозяина дома, по его волѣ и послѣ его смерти, по завѣщанной имъ волѣ, или безъ завѣщанія, во всѣхъ этихъ случаяхъ одинаковы». Говоря объ опекѣ, авторъ отмѣчаетъ порядокъ, въ которомъ опекунская обязанность должна, по понятіямъ крестьянъ, переходить отъ одного родственника къ другому *), и указываетъ на отношеніе къ сиротамъ и къ опекунамъ сельской общины и волостного правленія **), а также на то вознагражденіе за труды, которое, по понятіямъ крестьянъ, опекуны могутъ требовать. Какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, должность эта въ Казанской губ. является безвозмездной; опекунство считается однимъ изъ дѣлъ богоугодныхъ. Въ общемъ, данныя, сообщаемыя авторомъ относительно Казанской губ., мало чѣмъ отличаются отъ того, что намъ извѣстно объ юридическомъ семейномъ бытѣ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, которыхъ еще мало сравнительно коснулся процессъ разложенія старинныхъ устоевъ жизни. Великой, какъ и почти вездѣ, находимъ мы здѣсь власть мужа надъ женой, значительной является власть родительская и власть большака въ большой семьѣ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь мы встрѣчаемся съ извѣстными ограниченіями власти этого послѣдняго, и здѣсь находимъ значительно усилившіеся за послѣднее время раздѣлы. Широкое значеніе имѣетъ, по понятіямъ мѣстныхъ крестьянъ, кровное родство. «Членами большой семьи», говоритъ авторъ, «считаются какъ родные по крови и по браку, такъ и усыновленные; совершенно чужіе къ семьѣ не причисляются... Званіе большака обыкновенно переходитъ по старшинству и наслѣдственно (хотя бываютъ и отступленія)... Вступленіе въ бракъ пріемыша съ дѣтьми принявшаго, если они въ кровномъ родствѣ не состоятъ, по мнѣнію народа, не возбраняется»... Извѣстное уваженіе къ трудовому началу существуетъ однако и здѣсь. Пріемышъ, прожившій въ семьѣ долгое время и относившійся къ принявшимъ его, какъ къ роднымъ, получаетъ

*) Порядокъ, отъ котораго, впрочемъ, по его собственнымъ словамъ, въ дѣйствительности сплошь и рядомъ бываютъ отступленія.

**) Двѣ маленькія замѣтки по вопросу объ опекѣ въ крестьянскомъ быту находимъ въ *Саратовскихъ Губ. Вѣд.* (г. Тифлова въ № 6 и г. Шнейдера № 12).

Digitized by Google

при раздѣлѣ часть, равную съ родными дѣтьми принявшаго, даже въ томъ случаѣ, еслибы этотъ послѣдній не оставилъ при своей смерти относительно его никакого распоряженія. Тѣмъ не менѣе, доля пріемыша называется «награжденіемъ», между тѣмъ какъ доли родныхъ дѣтей называются «надѣломъ», «наслѣдьемъ». Для сравненія авторомъ приводятся также и изъ другихъ источниковъ данныя, касающіяся мѣстныхъ инородцевъ, а также и болѣе отдаленныхъ народностей, какъ лопарей, сартовъ. Мы не указываемъ недостатковъ этой, во всякомъ случаѣ цѣнной статьи, въ ожиданіи ея окончанія.

Какъ на полезный справочный трудъ, нельзя не указать на печатающійся уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Каз. Г. Вѣд. «Списокъ населенныхъ мѣстъ Казан. губ.» Въ номерахъ текущаго (7 и 8) и прошлаго года помѣщены данныя о Лаишевскомъ уѣздѣ. Кромѣ свѣдѣній административныхъ, экономическихъ и статистическихъ, въ спискѣ даются также указанія на этнографическій составъ населенія каждаго пункта, приводятся образцы народнаго говора, мѣстныя преданія, описываются иногда мѣстныя святыни и т. п. *П. А.*

Ковенскія Г. В. 14. Замѣтка объ отношеніи киргизовъ Тобол. губ. къ христіанству. (Прав. В.).

Kraj (петербугскій польскій еженедѣльникъ) —**12** (фельетонъ). Повѣрье о переломѣ Вел. поста и о происхожденіи обычая разбивать въ этотъ день тайкомъ горшокъ объ дверь сосѣда. Пересказана легенда о томъ, какъ апостолы Петръ и Іоаннъ во время своего путешествія перешли изъ Венгріи по сю сторону Карпатъ и, попавъ среди Великаго поста въ бѣдную деревушку, не нашли ничего поѣсть. Въ другой деревнѣ имъ попалась хижина, въ которой бѣдная семья умирала съ голоду, не находя состраданія у зажиточныхъ сосѣдей. Петръ далъ бабѣ сварить кукурузу, захваченную имъ изъ Венгріи, но сосѣди не дали горшка. Апостолы отомстили немилосердпымъ сосѣдямъ тѣмъ, что разбили у нихъ всѣ горшки съ варевомъ, обрекая всѣхъ на сухоѣденіе до самаго Свѣтлаго Воскресенія. Отсюда вошло въ обычай бить у сосѣдей горшки, чтобы напомнить другъ другу о голодныхъ братьяхъ.—**13.** Корресп. *Ал. Ельскаго* изъ Минской губ. съ замѣткою о родинномъ обычаѣ у такъ называемой засцянковой шляхты (въ Михаловѣ, Шацкой вол., Игумен. у.), состоящемъ въ томъ, что принимавшую ребенка бабушку сажаютъ съ горшкомъ каши и бутылкой водки съ особеннымъ почетомъ на телѣгу или на сани, и мужчины вмѣсто лошадей возятъ ее по улицѣ съ пѣснями, въ сопровожденіи толпы. Все кончается попойкой, при чемъ сообща съѣдается и каша.

«Край» издается съ прибавленіемъ: „Przegląd literacki“ (Литерат. Обозрѣніе), въ которомъ помѣщены между прочимъ: въ № 8 замѣтка *Вл. Матлаковскаго*: „Etnografia polska“ о варш. этнографич. журналѣ

Digitized by Google

„Wisła“ (т. II, 1888 г). и зам. *Л. Узембло* объ уличномъ виленскомъ поэтѣ Яцкѣ Крышталевичѣ (по статьѣ г. Теобальда въ Виленск. Вѣстн. 1888 г. № 259); въ № 9 зам. *Яна Лося* о журналѣ: «Prace Filologiczne», t. II, (Варш. 1888 г.). *Н. Я.*

Курляндскія Г. В. 10, 11, 20. Обзоръ сочиненій и статей о Курляндіи. Въ высшей степени полезная работа, начатая еще въ прошломъ году (см. № 39, 41, 101). Появленіе ея отдѣльнымъ оттискомъ весьма желательно. Раньше въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ печатался не менѣе интересный „Обзоръ литературныхъ источниковъ и монографій о нынѣ вымершихъ Кревинахъ (см. № 95—99, 1887 г. и № 11, 12, 15 1888 г.).—**13.** Латыш. сказка о сиротѣ и родной матери. Перепеч. изъ Сборн. Трейланда, изд. при Дашковскомъ Этногр. Музеѣ въ 1887 г. Такія же перепечатки были и въ 1888 г. (см. № 5, 6, 8, 10, 11, 12, 64, 66, 87).—**14, 17, 18.** Географическій словарь Курляндіи (см. № 16, 18, 19, 27, 29, 30, 31, 34, 37, 62, 100, 1888 г.).—**18.** Выдержки изъ рѣчи В. Ѳ. Миллера о покойномъ М. Н. Харузинѣ. (Изъ Эстл. Г. В. См. кн. IX Трудовъ Этногр. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Этнографіи). *Н. Я.*

Минскій Листокъ, 1—4, 7—10. *К-чъ.* Историко-юридическій очеркъ городскихъ общинъ въ зап. Россіи.—**2.** Рождественскія эмблемы. Обычай украшать деревьями дома и церкви („смѣсь“).—**14.** „Полѣсье“. Выдержки изъ статьи г. Случевскаго въ Моск. Вѣд. (*см. ниже*).—**15—16.** Несвижъ и **32.** Минскъ (*оттуда же*).—**22** *Н. К-цкій*, библіогр. зам. по поводу „Сборника свѣд. для изуч. быта крестьянск. населенія Россіи“, изд. Этногр. Отдѣломъ И. О. Л. Е., А. и Э. подъ ред. Н. Харузина (Москва. 1889). *Н. Я.*

Могилевскія Г. В. 1. Западная Сибирь по наблюденіямъ американца Джорджа Кеннана, путеш. въ 1884 г. (на основ. его статьи: „Первое знакомство съ Сибирью“, см. „Новь“ 1888 г.). № 18, ср. № 16).

— **2.** Два заговора изъ Чериковск. уѣзда: а) *отъ змѣя.* „Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Пресвятый день и святый (*упомянуть день, въ который произнос. загов.*), въ чистомъ полѣ на таковищѣ (*мѣсто, гдѣ водятся змѣи*), тамъ высокій курганъ, подъ тымъ высокымъ курганомъ седить царъ Халиманъ и царица Ягипа, туда ѣдить св. Михаилъ Арх. съ острымъ мечемъ, съ небесною силою. Помогай Богъ, ц. Халиманъ и ц-ца Ягипа. Доброе здоровье, святый Мих. Арх., унимай своихъ лютыхъ змѣевъ, лятучихъ, ползучихъ, падпечныхъ, падстрѣшныхъ, калиновыхъ, рябиновыхъ, осиновыхъ, суничныхъ, брусничныхъ, межавыхъ, гноявыхъ, водяныхъ, болотныхъ, калодныхъ; унимай лютые яды, рыжеи, ярые жалы раба Божія (*имя*) съ чорнаго волоса, съ бѣлой кости, изъ червонной крови, у дни подъ сонцемъ, у ноци подъ мѣсяцымъ, передъ ранними росами, передъ вечерними зарами; не будешъ унимать, буду золо-

Digitized by Google

тымъ крестомъ побивать, острымъ мечемъ голову зрубить, покалю мяса расторкомъ, по сырой землѣ кровь разливать (*д. Губенщина*, Комаровичской вол.).

б) *Отъ ужа*. Во имя Отца и т. д. Пресвѣтлый день и святый (*упомин. день*), ой самасуй, боровой гладомиръ, моховой, скоро приходи, унимай свои лютыи яды съ коровы съ рыжее шерсти изъ бѣлыи кости, изъ червонной крови раба Божія N, уговариваю, умовляю у дни подъ сонцемъ, у ночи подъ мѣсяцемъ, передъ ранними росами, передъ вечерними зарами. (*Оттуда же*). Неточности должны быть отнесены къ подлиннику.

— 4. *М. Ф.* Характеристика нравовъ приднѣпровскихъ лѣсопромышленниковъ. Составлено по статьѣ г. Марченко: „Несостоятельность существующихъ правилъ для упорядоченія сплава плотовъ на Днѣпрѣ", напеч. въ «Рус. Судоходствѣ» и перепеч. въ выдержкахъ въ „Рус. Лѣсопромышленникѣ".—Тотъ-же г. М. Ф. помѣстилъ въ № 92 Могил. Вѣд. 1888 г. „Очеркъ нравовъ плотовщиковъ-бѣлоруссовъ".—

— „Деревенскія игры бѣлоруссовъ", сост. по статьѣ „Рус. Курьера" (см. выше Бессарабск. Г. В., 5).

— 18. Замѣтка объ архивахъ Полоцкой Дух. Консисторіи и Витеб. Губ. Правленія.—

— «Суевѣрья бѣлоруссовъ», 11 заговоровъ и заклинаній:

1) *Отъ огня*. На морѣ при кіянѣ стаиць дубъ на три и девять кокотовъ (?), подъ тымъ дубомъ срублена на 6 угловъ хата (*или* овинъ). Св. царь Зосимъ стаиць на углѣ святою своею правою ногою, уголь отискаець, огонь унимаець, вѣцеръ занимаець, ни полъ (пламени), ни искровъ не распускаець, ни по крышахъ, ни по всѣхъ моихъ связяхъ. Самъ І. Христосъ около этого огня ходиць и обчирчиваець и огонь унимаець, ни полъ, ни искръ не распускаець. Св. Илья прор. надѣлящій по синему морю ходиць и св. своею правою рукою воду разгарныває́ць, воду черпываець, на огонь уливаець и огонь погашаець. Аминь (проговорить 3-жды, смотря на пожаръ).

2) *При раскладкѣ въ 1-й разъ огня подъ овиномъ* проговорить 3-жды вышеприв. заговоръ на каждомъ углу, и при разведеніи огня положить внизъ 3 прутика святой вербы. (*Мстиславскаго уѣзда*).

3) *Отъ волковъ*. На морѣ на кіянѣ стаиць дубъ, подъ тымъ дубомъ стаиць корваць разубражена, разукрашена, на той корваци ляжиць присильный магучій богатырь, сивый вовкъ, дяржиць двинатцыць ключовъ золотыхъ и сабираиць всихъ сваихъ лютыхъ звярей: ярыхъ, полуярыхъ, ярцовъ и полуярцовъ, и замыкаиць губы и зубы и ретиво сердце. Яжъ цябе, сильный-присильный, магучій богатырь, сивый вовкъ, умаливаю и упрашиваю, чтобы по моему стаду вовки хадзили и рота ни разивали, глазъ на вскидывали и моего стада (*или* табуна) ни кусали: ни малыхъ, ни старыхъ, ни взрослыхъ, ни

Digitized by Google

великорослый. Якъ цябе упрашивалъ и упрашивалъ, сильный—преосильный, могучій богатырь, святый духъ; окели я цябе ни упрашу и ни упрашю, то упрашу св. Ягорія съѣздить къ табѣ. Св. Ягорій съ вострымъ мечемъ и съ вострымъ ножомъ, ёнъ твою корвадь разарвиць и цябе въ сине море вкинить. (Проговорить 3-жды у воротъ, выгоняя скотъ). *Мстисл. уѣзда.*

4) *Чтобы не опоить лошадь*, нужно сказать 3-жды: „Св. Иванъ, св. Іорданъ, якъ твоя вода святая, чтобы она ни была вредна, а пошла на пользу моему (такой-то) щерсти". *Ивенск. во мнг. уѣз.*

5) *Чтобы лошади были тучны*, нужно взять въ чистый четвергъ до разсвѣта съ 3-хъ муравейниковъ по 3 горсти мусору и, обсыпая имъ лошадь 3 раза, говорить: „Соль да вода, да Іорданская хода (крестный ходъ)!" *Чериковскаго уѣзда.*

6) *Отъ укушенія бѣшен. животнаго.* Взять кусокъ ржаного хлѣба, посолить на открытомъ воздухѣ и дать съѣсть, проговоривъ предварительно 27 разъ: „Аронъ, Эуронъ, Лиронъ, Лиларонъ, Кафраронъ, Кафронъ, Браше, Бриавада, Эдельфинъ, Дельфинъ, Деусъ, Меусъ" (deus meus). *Мстисл. уѣзда.*

7) *Отъ укушен. змѣи.* Ходилъ Богъ съ Матерью Пречистою по зеленыхъ лугахъ, збирали, рвали разныя травы, прикладали къ змѣиной ранѣ. Божая трость обломилась, змѣиное жало отъ шерсти (такой-то или раба Б. такого-то) отвалилось (3-жды). *Стиенск. уѣзда.*

8) *Отъ обвара и обжога.* „Жога, жога, гдѣ ты была?"—За горами кости глодала. — „Такъ иди же туда, гдѣ ты была" (3 раза, послѣ каждаго раза дунуть на больное мѣсто). *Мстисл. уѣзда.*

9) *Отъ волковъ.* При встрѣчѣ съ ними сказать громко: „А йдзѣ (гдѣ) вы тогда были, якъ жиды Христа мучили?" Волки, устыдившись, разойдутся. *Климовичск. уѣзда.*

10) *Отъ вывиха и перелома.* Говорить 3-жды крестясь: „Господи Боже, благослови, Пречистая Мать! Преч. Мать по межамъ ходила, І. Христа на рукахъ носила и травы збирала, при (назв. животнаго или имя человѣка) стояла и суставы составляла". Послѣ этого перекрестить 3 раза больное мѣсто мизинцемъ правой руки и отвернувшись сплюнуть 3 раза. *Мстисл. уѣзда.*

11) *Отъ зубной боли.* Ишовъ Христосъ черезъ ряку Іорданъ, сказавъ ряцѣ Іорданъ: „стань"! А ты зубъ болѣть перестань!—Повторить 3-жды, касаясь мизинцемъ больного зуба, затѣмъ прочитать „Отче нашъ". *Могилевск. уѣзда.* *Н. Я.*

Московскія Вѣдомости. 9, 17, 18, 33, 35, 37, 42, 47, 48 и 93. *К. Случевскій.* Очеркъ путешествія Ихъ Императорскихъ Высочествъ В. Кн. Владиміра Александровича и В. Кн. Маріи Павловны.

Описывая путешествіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ, г. слу-

Digitized by Google

чевскій въ то-же время сообщаетъ разнообразныя данныя о прошломъ посѣщенныхъ Ихъ Императорскими Высочествами мѣстностей и свѣдѣнія о современномъ ихъ состояніи. Съ значительной подробностью г. Случевскій останавливается, между прочимъ, на религіозныхъ движеніяхъ въ Западномъ Краѣ. Въ номерахъ текущаго года мы находимъ описаніе Ивангорода, Брестъ-Литовска и Несвижа. «Очеркъ» началъ печататься въ прошломъ году, № 208—210, 230,—1,—8, 268, 324, 340,—6, 352,—9. *П. А.*

— **112**. Корреспондентъ изъ Курска сообщаетъ о мѣстномъ праздникѣ «куликовъ», который бываетъ при весеннемъ разливѣ рр. Сейма, Тускаря и Кривца и состоитъ въ катаніи на лодкахъ съ пѣснями и въ бросаніи въ воду печеныхъ изъ тѣста птичекъ-куликовъ. По поводу этого можемъ, не входя въ дальнѣйшія разсужденія, припомнить польскій (перенятый также бѣлоруссами и малоруссами) масляничный обычай „ѣздить кулика, куликомъ, куликать", т. е. кататься съ особеннымъ веселіемъ на саняхъ, рѣже на колесахъ. (См. *Golębiowski*, Gryi zabawy, 122, Варш. 1831; *Безсоновъ*, Бѣлорус. пѣсни, 113). *Н. Я.*

Нижегор. Биржевой Листокъ.

— **3**. Рождественскія хожденія со звѣздой, съ солнцемъ и картиною Рождества Христова; щедрованіе наканунѣ Новаго года и обсыпаніе овсомъ въ самый Новый годъ (на основ. корреспонденціи въ «Харьк. Г. В.» изъ Кобелякскаго уѣзда Полт. губ.).—**8**. Новогодніе обычаи у ингилейцевъ (изъ «Кавказа», см. выше).

— **18**. Народный способъ лѣченія бѣшенства при помощи знахаря. Онъ раскаливаетъ до бѣла серпъ, произноситъ наговоръ и дѣлаетъ серпомъ крестъ на лбу больного, всѣхъ домочадцевъ, животныхъ и, наконецъ, у себя; послѣ этого серпъ опускаютъ въ воду, которую больные пьютъ нѣсколько дней (изъ «Курск. Лист.») См. выше Вят. Г. В. *П. А.*

Нижегородскія Г. В., **2**, **5** и др. Духовные стихи или канты, запис. г. *Александровымъ* въ Васильскомъ у. Нижегор. г., именно: стихъ о св. вмч. Варварѣ, о Варлаамѣ и Іоасафѣ, также отдѣльный кантъ (около 100 стих.)—привѣтствіе пустыни Іоасафомъ, хотя и не названнымъ здѣсь по имени, и нѣсколько другихъ стиховъ. *П. А.*

Новое Время. № **4695**. Замѣтка о вымираніи луговыхъ черемисовъ Царевококшайскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ Казанской губерніи.—**4632**, **4640** и **4652**. «Миссіонерство среди калмыковъ». Въ статьѣ указывается на возрастающее обрусѣніе приволжскихъ и прикаспійскихъ Калмыковъ, на болѣе и болѣе обнаруживающійся среди нихъ переходъ отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому и на условія, мѣшающія этому переходу. Такими условіями являются, по мнѣнію автора, главнымъ образомъ относительно малое количе-

Digitized by Google

ство русскаго населенія въ этой мѣстности и недоброжелательство, съ которымъ некрещеные калмыки относятся къ крестившимся. Всего болѣе недоброжелательства встрѣчаютъ эти послѣдніе со стороны мѣстныхъ зайсанговъ и гемонговъ, которымъ крещеные калмыки не перестаютъ платить подати. *П. А.*

Норъ-Даръ, армян. газ. **№ 20, 21**. Описаніе деревенской свадьбы. Новыхъ данныхъ почти не даетъ. *Вл. Ак.*

Новое Обозрѣніе, № 1743. Замѣтка г. *Г. Ш.*: «Изъ народныхъ вѣрованій»: о свящ. птицахъ тарби, живущихъ у подножія Арарата, также разсказъ о турѣ и горной индѣйкѣ. *Вл. Ак*

— **№ 1752**. *А. Т. В—евъ*, Горскіе евреи. Горскіе евреи живутъ аулами въ Терской и Дагестанской областяхъ. Частые случаи бракосочетанія ихъ съ сосѣдними чеченками и лезгинками не способствовали утратѣ ихъ національнаго типа. Женщины у нихъ пользуются почетомъ и уваженіемъ, въ особенности беременныя. Каждый еврей сильно желаетъ имѣть сына и возноситъ объ этомъ горячія мольбы къ небу, желая продлить свой родъ до пришествія Мессіи. Приглашать русскихъ акушерокъ или врачей къ рожаницѣ считается оскверненіемъ. Если родится сынъ, мужъ ликуетъ, созываетъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ въ свою саклю и устраиваетъ торжественный пиръ, при чемъ щедро одѣляетъ бѣдняковъ подарками, чтобы тѣ молили Іегову о здоровьи его сына. При рожденіи дочери рожаница не получаетъ отъ мужа подарковъ и не устраивается пира. Нѣкоторые горскіе евреи ведутъ свое происхожденіе отъ первосвященника Аарона, и они пользуются общимъ уваженіемъ и почетомъ. Смерть кого-либо изъ этого знатнаго рода сопровождается всеобщимъ трауромъ. На могилѣ такого умершаго ставится особенный памятникъ, лицевая сторона котораго разрисована тремя красками: желтой, зеленой и черной; изреченія изъ талмуда болѣе пространны на немъ. Представленіе о загробномъ мірѣ у горскихъ евреевъ, живущихъ въ дебряхъ горъ, въ сосѣдствѣ съ чеченцами и другими инородцами Кавказа, весьма сходно съ магометанскимъ. Они представляютъ себѣ загробный міръ роскошнымъ садомъ, наполненнымъ гуріями. Сладость бытія въ загробномъ мірѣ, куда попадутъ первыми знатнѣйшіе и богатые евреи, неописуема; горскіе евреи будутъ въ немъ царствовать и владычествовать надъ гуріями. Каждый изъ евреевъ можетъ попасть въ рай, только бы онъ не дѣлалъ зла своему племенному брату и чтилъ и уважалъ обычаи своего племени. Христіане, по воззрѣніямъ всѣхъ горцевъ, пойдутъ въ адъ, гдѣ подвергнутся самымъ страшнымъ мученіямъ. *Вл. Ак.*

Олонецкія Губ. Вѣд. № 1—6, 1889 года и послѣдніе №№ 1888 года. Большая Шалга (сельскій приходъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ). Подробное описаніе внѣшней обстановки быта мѣст-

Digitized by Google

наго населенія, одежды, жилищъ и т. п. и описаніе свадебныхъ обрядовъ. Авторъ *N*. *П. А.*

Радонежія Г. В. 11—12. *Л. С.* Краткій историч. очеркъ Радонежской губ. и ея городовъ.

Русскій Курьеръ. 65. *П. С—овъ.* «Оятскія Лапти» (мѣстность). Очеркъ свадебныхъ обрядовъ у оятскихъ крестьянъ (р. Оять близъ гор. Лодейнаго Поля, Олонецк.г.); въ статьѣ приведены свадебныя пѣсни и причитанія. *П. А.*

Саратовскія Г. В. 1, 2, 3 и др. Пословицы и примѣты.—

— **13**. Очеркъ быта крестьянъ с. Самодурова Хвалынск. у. Сарат. губ. (перепеч. изъ «Рус. Кур.»).—**20**. Народный способъ умноженія одноначныхъ чиселъ, начиная съ 5×5.—**21, 23**. Замѣтки объ инородцахъ (мордвѣ и татарахъ) Саратовской губ., не заключающія въ себѣ, впрочемъ, интересныхъ этнографическихъ данныхъ. Статья представляетъ собою лишь отрывочное перечисленіе историческихъ фактовъ и общія данныя о религіозныхъ вѣрованіяхъ, обстановкѣ быта, одеждѣ и т. д.—**27**. Повѣрье крестьянъ Вольскаго уѣзда о томъ, что въ такъ наз. Змѣевыхъ горахъ (возвышенности по берегу Волги отъ с. Рыбнаго до с. Воскресенскаго) жилъ когда-то страшный змѣй, убитый впослѣдствіи однимъ изъ богатырей. На мѣстѣ убіенія образовались три камня отъ трупа змѣя, разрубленнаго на три части. *П. А.*

Тамбовскія Г. В. 2. Крещенскіе обычаи и повѣрья. Статья составлена, повидимому, на основаніи печатныхъ источниковъ.

— **16**. Въ описаніи г. Моршанска сообщается нѣсколько данныхъ о гадалкахъ.—**24**. Народныя пѣсни въ Липецкомъ и Усманскомъ у. — **43**. Изложеніе статьи *А. П. Звонкова*: «Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Елатомскаго у. Тамб. г.», напеч. въ «Трудахъ Этногр. Отдѣла» (см. выше).

Кстати замѣтимъ, что въ прошломъ году вышелъ отдѣльной книжкой указатель къ неоффиціальной части Тамб. Г. В., составленный *В. В. Соколовскимъ*, п. з.: «Памятная книжка редакціи неоффиціальнаго отдѣла Тамб. Г. В., по поводу ихъ 50-лѣтія». *П. А.*

Харьковскія Г. В. 76. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Замѣтка о крашеныхъ пасхальныхъ яйцахъ. Въ послѣднее время вопросъ о крашанкахъ, говоритъ авторъ, обратилъ на себя вниманіе польской и нѣмецкой этнографической литературы. Въ польскихъ этнографическихъ музеяхъ, напр. въ музеѣ Краковской академіи наукъ, находятся коллекціи пасхальныхъ яицъ разнообразнаго рисунка и разныхъ названій. На этнографической выставкѣ въ Коломіи была коллекція изъ 800 яицъ, собранныхъ въ галицко-русскихъ селахъ. Коллекціи галицкихъ крашанокъ были на Вѣнской и Парижской всемірныхъ выставкахъ. Недавно берлинское антропологическое об-

Digitized by Google

щество получило коллекцію малорусскихъ писанокъ изъ Подольской губерніи, и въ органѣ общества „Zeitschrift für Ethnologie“ была напечатана замѣтка объ этой коллекціи. Того же вопроса касается и одна изъ статей въ польскомъ журналѣ Wisła (1888 г.), также О. Кольбергъ въ своемъ сочиненіи „Pokucie“ (1882 г.) и пр. *). Въ русской литературѣ вопросъ о пасхальныхъ яйцахъ является совсѣмъ не разработаннымъ. Въ Россіи, въ частности Малороссіи, по словамъ г. Сумцова, никто не изучалъ народныхъ крашанокъ, не собиралъ ихъ, и объ нихъ нѣтъ нигдѣ извѣстій (кромѣ маленькой замѣтки въ трудахъ Кіевскаго археологическаго съѣзда). **) Вопросъ этотъ, тѣмъ не менѣе, является во многихъ отношеніяхъ интереснымъ. „Писанки, говоритъ авторъ, заслуживаютъ вниманія, болѣе того—изученія, во-первыхъ—по формамъ рисунка, опредѣляющимъ художественный вкусъ и эстетическое чувство народа, во-вторыхъ—по содержанію рисунка, указывающему на древнее русское искусство и отчасти даже на древнее христіанское искусство (на нѣкоторыхъ галицко-русскихъ крашанкахъ попадается изображеніе рыбы—древ-

*) *Оскаръ Кольбергъ* помѣстилъ 48 рисунковъ пасх. яицъ изъ Галиціи съ замѣткою о нихъ въ варшавскомъ еженедѣльникѣ „Tygodnik Powszechny“, 1882 г. № 31. Въ варшавскомъ журн. „Kłosy“ 1887, № 1136 есть рисунки съ объяснительнымъ текстомъ. Въ русскихъ иллюстрированныхъ журналахъ также помѣщались рисунки яицъ, заимствованные изъ иностранныхъ, съ небольшими объяснительными статейками; напр. въ Вольеовой „Нови“ 1887 г., № 11 (въ отдѣлѣ „Мозаика“, стр. 390), замѣтка съ 48 рисунками; во „Всемірной Иллюстраціи“ 1887 г. № 951 двѣ замѣтки съ 39 повторяющимися, впрочемъ, рисунками; въ одномъ изъ №№, кажется 1887 г., издававшейся г. Комаровымъ (СПБ) „Звѣзды“ также были рисунки съ замѣткою общаго содержанія. Едва ли не лучшее изслѣдованіе по этому вопросу вышло въ прошломъ году въ Ольмютцѣ: „M ä h r i s c h e O r n a m e n t e, herausg. von dem Vereine des patriot. Museums in Olmütz“, съ приложеніемъ 48 раскрашенныхъ рисунковъ яицъ на 8 таблицахъ, и кромѣ того №№ 7—12 представлены на особой таблицѣ въ нераскрашенномъ видѣ. Текстъ состоитъ изъ 4 статей. 1) *Власта Гавелка* во введеніи говоритъ вообще о важности этого изученія и о т е х н и ч е с к о й сторонѣ писанія и раскрашиванія яицъ; 2) *Фр. Странецкая* разбираетъ с и м в о л и к у пасхальныхъ яицъ въ связи съ народными вѣрованіями; 3) д-ръ *Ванкель* въ чрезвычайно интересной, основательной и довольно обширной статьѣ изслѣдуетъ моравскій орнаментъ въ а р х е о л о г и ч е с к о м ъ о т н о ш е н і и въ связи съ миѳологіей и въ сопоставленіи съ орнаментомъ курганныхъ предметовъ и т. д.; наконецъ, 4) *Власта Гавелка* заключаетъ выпускъ э с т е т и ч е с к и м ъ анализомъ нѣкоторыхъ орнаментовъ пасхальныхъ яицъ. *Н. Я.*

**) Что касается коллекцій крашеныхъ яицъ, то онѣ имѣются и въ Россіи у разныхъ лицъ, только о нихъ мало кто знаетъ, напр. на Украйнѣ—у г. Ц. Неймана (Винница), у г. А. М. Лазаревскаго, въ Москвѣ—у Ѳ. Е. Корша, у меня десятка два, въ Дашковск. Этногр. Музеѣ нѣсколько штукъ и т. д.; остается только пожелать чтобы все это было сосредоточено гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ, и получится богатая коллекція. Въ Варшавѣ дѣятельно занимается собираніемъ яицъ. г. Сигизм. Вольскій, (при библіот Красинскихъ), помѣстившій объ этомъ предметѣ замѣтку въ изданіи „Tygodnik Illustrowany“ 1889 г. № 328 (1/13 апр.). *Н. Я.*

Digitized by Google

нѣйшаго символа Христа, встрѣчающагося еще въ катакомбахъ); и, наконецъ, въ-третьихъ—по связаннымъ съ ними религіозно-нравственнымъ повѣрьямъ и сказаніямъ". Для собиранія свѣдѣній о крашанкахъ г. Сумцовъ прилагаетъ слѣдующую, составленную имъ, краткую программу.

1) Когда начинаютъ красить яйца? 2) Кто занимается этимъ дѣломъ: маляры по найму, домохозяинъ, домохозяйка или старѣйшая женщина въ домѣ? 3) Какъ производится раскраска, какими красками и откуда онѣ получаются. 4) Повѣрья, сказанія, обряды и поговорки, связанныя съ писанками. 5) Какіе выводятся рисунки? 6) Какъ называются пасхальныя яйца (кресты, цвѣты, звѣзды и т. п.)—по рисункамъ или по другимъ признакамъ? 7) Какъ долго хранятся крашанки или ихъ скорлупа? 8) На что употребляются крашанки въ общежитіи и домашнемъ хозяйствѣ? *).

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что авторъ говоритъ въ началѣ замѣтки объ общемъ состояніи этнографическаго изученія Россіи сравнительно съ Западной Европой. «Въ Западной Европѣ», говоритъ онъ, «даже въ такихъ глухихъ ея мѣстахъ, какъ Галиція, почти повсемѣстно находятся этнографическіе музеи, въ которыхъ съ большей или меньшей тщательностью собраны разные предметы народнаго быта: модели, рисунки домашнихъ построекъ и утвари, музыкальные инструменты, мѣстный крестьянскій костюмъ, дѣтскія игрушки и пр. Въ этихъ музеяхъ сберегаются, между прочимъ, такіе предметы, которые вышли или выходятъ изъ народнаго житейскаго обихода, не смотря на значительное прежнее распространеніе и историческую ихъ давность, не смотря даже на художественное ихъ изящество, выходятъ потому, что не удовлетворяютъ уже практическимъ запросамъ текущаго дня. Въ этнографическихъ музеяхъ люди науки и художники находятъ пищу для удовлетворенія своей любознательности. Музеи эти служатъ важнымъ подспорьемъ для широкаго и разносторонняго изученія мѣстной народной жизни... У насъ въ Россіи—этнографическіе музеи чрезвычайно рѣдкое явленіе, и составленіе ихъ сопряжено съ большими затрудненіями. Весьма немногіе интересуются у насъ мѣстной народной жизнью; особенно мало людей съ сравнительно-этнографическими познаніями. Приходится поэтому ограничиваться самыми скромными запросами и по крупицамъ собирать этнографическій матеріалъ, почти исключительно при содѣйствіи малочисленной сельской интеллигенціи, точнѣе, тѣхъ немногихъ ея представителей, которые, заброшенные въ сельскую глушь, не ушли всецѣло въ заботы о пропитаніи, но сохранили

*) Подобная программа почти одновременно появилась въ только что упомянутой мною замѣткѣ г. Вольскаго. *Н. Я.*

Digitized by Google

еще въ душѣ интересъ къ успѣхамъ просвѣщенія.» Вниманію этихъ сельскихъ жителей авторъ и посвящаетъ свою статью, имѣющую, по его собственнымъ словамъ, цѣлью опредѣленіе «лишь одной крупицы народной жизни». Вполнѣ присоединяясь къ высказанному авторомъ, мы не можемъ не пожелать большаго участія нашей интеллигенціи, по преимуществу мѣстной, въ этомъ дѣлѣ, имѣющемъ такое громадное научное и практическое значеніе. *П. А.*

Харьковскія Г. В. 92. Очеркъ старинныхъ пасхальныхъ обрядовъ. Въ томъ же номерѣ находимъ нѣсколько свѣдѣній о празднованіи Пасхи у австрійскихъ славянъ.

Черниговскія Г. В. 6. А. Тищинскій, «Изъ мѣстной этнографіи». Обрядъ колядованія въ Городницкомъ у. Приведена колядка, вар. къ находящейся у Метлинскаго (стр. 338), при чемъ авторъ предполагаетъ, что обѣ относятся ко времени существованія Сѣверянскаго Княжества. *П. Б.*

— **21—24.** Къ исторіи края. Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г.

— **23.** Повѣрья о ласточкахъ («смѣсь»).

Ярославскія Г. В. 1 *Баловъ.* Легенды и преданія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пошехонскаго у.—**5.** *Аѣевъ* и *Баловъ.* Народная медицина въ Пошехонск. у.—**5—11** (см. 91 и 99, 1888). *А. Я. Артыновъ*, „Село Угодичи Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи". (Историко-Этнографическій очеркъ). Въ этой статьѣ находимъ нѣсколько указаній на то, какъ измѣнилась за послѣднее время жизнь здѣшняго селенія, какъ рѣдко, лишь въ видѣ разбросанныхъ тамъ и сямъ робкихъ переживаній, сохраняются здѣсь теперь обломки забываемой, но все еще продолжающей иногда заявлять о себѣ сѣдой старины. Весьма характерными являются въ этомъ отношеніи тѣ свѣдѣнія, которыя авторъ (самъ мѣстный крестьянинъ) сообщаетъ о свадебныхъ обрядахъ, народныхъ праздникахъ и объ одеждѣ здѣшнихъ крестьянъ. Въ свадебныхъ празднествахъ съ особенной рельефностью сказывается вторженіе новыхъ началъ. Правда, отдѣльные моменты свадебныхъ пиршествъ и до сихъ поръ сохранились здѣсь въ томъ же количествѣ, что и въ старину, и до сихъ поръ удержали за собой прежнія названія. Такъ же, какъ и прежде, начало свадебнаго пированія продолжаетъ называться здѣсь „сидѣньемъ", а за „сидѣньемъ" идутъ далѣе въ послѣдовательномъ порядкѣ смотрины, вѣнчанье, „порывошный столъ" (закуска по возвращеніи изъ церкви), „крученье" (по объясненію г. Бычкова—замѣна новобрачной дѣвичьей прически женскою), „княжій столъ" (обѣдъ въ день вѣнчанія), „вскрытье" (пирушка послѣ хожденія въ баню на второй день послѣ свадьбы), „красный столъ" (ужинъ въ тотъ-же день) и другія т. п. „почестья". Но вотъ какъ измѣнилась та обстановка, въ которой еще не очень давно эти

Digitized by Google

празднества совершались. „Не такъ давно“, говоритъ г. Артыновъ, „женихъ на смотринахъ сидѣлъ въ армякѣ, подпоясанный кушакомъ, въ шапкѣ и рукавицахъ; невѣсту къ нему выводили одѣтую въ перевязку и кумашникъ, обутую въ бѣлые шерстяные угличскіе чулки и коты; впереди свѣтили ей лучиной. На обязанности ея было обнести гостей брагой и квасомъ“. Теперь на смотринахъ женихъ при входѣ въ переднюю невѣстина дома снимаетъ съ себя шубу или чуйку на лисьемъ или енотовомъ мѣху или суконный на мерлушкѣ тулупъ и въ сюртукѣ щеголемъ входитъ въ другой покой. Невѣста обноситъ теперь жениха и его свиту сначала чаемъ, а потомъ „дессертомъ“. Эти измѣненія были бы еще не такъ прискорбны, если бы они свидѣтельствовали о дѣйствительномъ улучшеніи внѣшняго быта, а не объ одномъ только желаніи подражать модѣ въ ущербъ своему состоянію.

Такъ-же сильно повліяла городская культура и на измѣненіе внутренняго склада народной жизни, какъ объ этомъ, напр., можно заключить изъ того, какъ относятся здѣсь къ старинным народнымъ праздникамъ. Нѣкоторые изъ нихъ достигли уже въ этой мѣстности той степени вымиранія, когда обряды, полные нѣкогда глубокаго смысла и значенія, начинаютъ переходить въ игру, и изъ обычая, практикуемаго взрослыми, становятся достояніемъ дѣтей. Съ другой стороны, обиліе въ каждомъ изъ этихъ праздниковъ архаическихъ обрядовыхъ подробностей заставляетъ видѣть, что старина еще не такъ давно уступила здѣсь свое мѣсто новизнѣ, и что отживающіе свой вѣкъ обряды до сихъ поръ съ достаточной силой продолжаютъ жить среди народа. Такъ, напр., обрядъ завиванія троицкихъ вѣнковъ (въ недѣлю Мироносицъ) сдѣлался здѣсь достояніемъ однѣхъ дѣвочекъ, при чемъ отчасти и измѣнилъ свою форму: существуетъ завиваніе нитокъ, а не вѣнковъ, и происходитъ оно не въ лѣсу, а въ домѣ какой-нибудь изъ дѣвушекъ. Подробности этого обряда и относящаяся сюда пѣсня о „куколкѣ“ совершенно сходны съ тѣми, какіе сообщены еще въ 1883 г. А. А. Титовымъ въ одномъ изъ засѣданій Этнографич. Отдѣла Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр. (См. приложеніе къ 42 засѣданію въ „Трудахъ Этногр. Отдѣла“, кн. VII, стр. 44—45). Очеркъ г. Артынова вышелъ и отдѣльн. оттискомъ.

— **9, 10, 18, 30** (см. 46—49, 52, 56, 66—1888 г.). *А. Архангельскій*, Пѣсни и причеты Дмитровскаго прихода, Пошехон. у., Яросл. г. Въ текущемъ году напечатаны пѣсни, сопровождающія танцы. Напрасно стали бы мы искать въ этой мѣстности, судя по описанію г. Архангельскаго, старинныхъ русскихъ національныхъ танцевъ. Наиболѣе и даже, повидимому, исключительно распространенными здѣсь являются лишь «вальцъ», «линсье» и т. п. танцы, при чемъ цивилизованность здѣшнихъ крестьянъ доходитъ до того, что

Digitized by Google

имъ извѣстны даже такія тонкости, какъ «гранъ ро» и «шенъ шинуа». Не лишены интереса подробныя описанія нѣкоторыхъ изъ этихъ танцевъ. «Вальцъ», оказывается, гораздо болѣе напоминаетъ нашу кадриль и состоитъ изъ двухъ фигуръ: первая представляетъ собой первую половину первой фигуры кадрили, а вторая—вторую фигуру. Каждый танецъ имѣетъ свою особую пѣсню. Мотивъ и слова иногда довольно ясно намѣчаютъ общій характеръ того или другаго танца. «Линсье» сопровождается пѣсней «Рѣчка славна, течетъ плавно»; «вальцъ»—«Не во полѣ было домѣ, стояло тутъ древо» или «Какъ на тоненькій ледокъ выпалъ бѣлый снѣжокъ»; во время «гранъ ро» поется «На горѣ калина»; во время «промената», если не продолжаютъ пѣть указанную пѣсню, то поютъ «Никогда я такая не бывала, миня грусть - тоска обуяла». Характерно, что пѣсня, сопровождающая «шенъ шинуа», имѣетъ своимъ припѣвомъ «лёлю, лёлю, лёлю». Такъ странно смѣшиваются иногда остатки сѣдой старины съ пошлыми заимствованіями новаго времени...

— **27** и **28**. Духовные стихи, записанные г. *Баловымъ* въ Пошехонскомъ у.: стихъ о явленіи св. Пятницы-Параскевы неизвѣстному лицу и о порученіи ему проповѣдывать почитаніе праздниковъ; вопросы и отвѣты о значеніи различныхъ чиселъ; стихъ о прощаніи души съ тѣломъ, стихъ о двухъ братьяхъ—Лазаряхъ и др. Нѣсколько стиховъ, записанныхъ г. Баловымъ въ томъ же уѣздѣ, было помѣщено также въ № 2. 1888 г. той же газеты.—**31**. *С. Я. Деруновъ*. Село Козьмодемьянское, Щетинской волости Пошех. у. (нач.).

Указатель къ неоффиціальной части Яросл. Г. Вѣдомостей съ 1831 по 1881 г. напечатанъ М. А. Липинскимъ, секретаремъ Губ. Статист. Ком., въ 9 т. Трудовъ Комитета. (1885 г.). *П. А.*

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Дѣятельность ученыхъ обществъ.

Императорское Московское Археологическое Общество учредило при себѣ спеціальную коммиссію для изученія древностей Востока, подъ названіемъ *Восточной Коммиссіи*, предсѣдателемъ коей состоитъ проф. *Ѳ. Е. Коршъ*. Въ послѣднемъ засѣданіи этой коммиссіи (20 апр.) *М. В. Рябининъ* сдѣлалъ докладъ: «объ арабскомъ изводѣ Калилы и Димны», въ которомъ представилъ литературную исторію этого сборника и прослѣдилъ распространеніе его у разныхъ народовъ, не только восточныхъ, но и западныхъ и славянскихъ. Изслѣдованіе г. Рябинина будетъ приложено какъ введеніе къ русскому переводу арабскаго сборника, приготовляемому къ печати проф. *М. О. Аттая*. Указываемъ на это потому, что Калила и Димна послужила источникомъ для безконечнаго числа народныхъ сказокъ, между прочимъ и русскихъ, а полнаго русскаго перевода этого сборника съ какого бы то ни было восточнаго подлинника—до сихъ поръ, кажется, не было. Въ предъидущемъ засѣданіи той же коммиссіи г. Рябининъ разбиралъ одну египетскую сказку съ указаніемъ русскихъ параллелей (о разбойникахъ, о дѣвкѣ чернавкѣ).

Въ январѣ 1890 г. Имп. Моск. Арх. Общество устраиваетъ *VIII археологическій съѣздъ въ Москвѣ*, который обѣщаетъ быть тѣмъ торжественнѣе, что съ нимъ совпадаетъ 25-лѣтіе Общества. Каждый изъ предъидущихъ съѣздовъ выдвигалъ не мало вопросовъ, изъ которыхъ многіе остались открытыми и могутъ послужить темами для сообщеній на предстоящемъ съѣздѣ. Общество сгруппировало эти вопросы и издало отдѣльной (безплатной) брошюрой, подъ загл.: „Вопросы и запросы, не получившіе окончательной разработки на первыхъ семи археологическихъ съѣздахъ“ (Моск. 1888). Изъ 329 вопросовъ, помѣщенныхъ въ ней, очень много такихъ, которые прямо или косвенно касаются этнографіи Россіи, доисторической и современной. Мы изложимъ нѣкоторые изъ нихъ въ краткой формулировкѣ, съ обозначеніемъ номера вопроса въ подлинникѣ, гдѣ изложеніе ихъ болѣе обширное.

Digitized by Google

Погребальные обычаи чувашъ, черемисъ, вотяковъ и мордвы въ курганный періодъ и слѣды ихъ въ настоящемъ (29). Характеръ украшеній въ курганахъ названныхъ народностей и связь ихъ съ современными (30). Въ какихъ мѣстностяхъ сѣвернаго края встрѣчаются идеографическія письмена краскою на утесахъ (40 ср. 102)? Способы и средства времясчисленія и знаки собственности у инородцевъ (42). Значеніе и распространеніе обычая ставить въ рѣкахъ камни съ надписями, какъ напр. въ Зап. Двинѣ (18). Камни съ записями въ юго-западномъ краѣ (229). Какіе произведенія народной словесности можно считать сомнительными и почему (69)? Вліяніе польскаго языка на русскій (75). Историч. значеніе восточно-русскихъ говоровъ (76). Какіе инородческіе языки употреблялись уже миссіонерами? Что и кѣмъ сдѣлано на каждомъ (77)? Въ какихъ случаяхъ примѣнялось пермское письмо св. Стефана, и почему нѣтъ книгъ на немъ (79, 80)? Способъ составленія словарей по языкамъ инородцевъ, не имѣющихъ письменности (83). Анализъ славянскихъ и сродныхъ названій родства (84). Древне-русскій народный способъ опредѣленія родства и свойства (133). Отношеніе рукописныхъ формъ языка къ живымъ той же мѣстности (85). Значеніе „Исторіи Казанскаго царства“ Глазатаго для изученія быта татаръ XVI в. (93). Слѣды древняго быта въ народныхъ обычаяхъ и произведеніяхъ словесности (96). Рукописные (не позже конца XVIII в.) сборники народныхъ былинъ, пѣсенъ и пословицъ (100). Вліяніе грековъ, римлянъ и романцевъ на бытъ и вѣрованія др. славянъ (105, 106). Подлинность кумира Святовита въ Краковскомъ музеѣ (110). Обычай вѣшать одежды въ храмахъ (114). Объясненія Лелевеля въ области слав. миѳологіи (117). Причина развитости и стройности литовской миѳологіи (118). Существовало ли въ др. Руси тѣлесное наказаніе и когда оно введено (120)? Одежда каликъ перехожихъ и ея значеніе по нар. пѣснямъ (124). Мѣстные святые и праздники, чествуемые съ особымъ торжествомъ (128). Особенности православныхъ праздниковъ у инородцевъ-финновъ (129). Священные ручьи, ключи, камни и т. п. (223). Значеніе старинныхъ Кормчихъ для изученія современнаго юридич. языка и быта славянъ (135). Данныя словесности инородцевъ для ихъ бытовой исторіи (136). Отличія въ бытѣ кочевниковъ, смотря по народности (140). Взаимодѣйствіе иконописи и словесности (153). Отношеніе лубочныхъ картинъ къ народной поэзіи (156). Характерныя черты варварскихъ народностей по изобразительнымъ памятникамъ ю. Россіи (170). Теперешнія и древнѣйшія жилища горскихъ народовъ (215). Исторія ору-

Digitized by Google

жія въ др. Россіи по памятникамъ (216). Вліяніе татарскаго костюма на русскій (218). Русскія юридическія древности и разработка ихъ въ сравненіи съ современнымъ бытомъ (227). Признаки стародавней общеславянской одежды (238). Всѣ ли славяне имѣли одну языческую религію, или же дѣлились на группы? какое мѣсто занимаетъ въ послѣднемъ случаѣ русская миѳологія (234)? Почему народная словесность не знаетъ Перуна, Дажбога и т. п., а въ древней письменной литературѣ, наоборотъ, мало извѣстны лѣшіе, домовые, русалки и т. д.? Эти два вида божествъ и духовъ и, наконецъ, разрядъ сказочныхъ лицъ и существъ (Кощей, Жаръ-птица и т. п.) не указываютъ ли на вліяніе разныхъ народностей или на отдѣльныя эпохи развитія (235)? Объясненія показаній Страбона о мѣстностяхъ Босфора Киммерійскаго, вошедшихъ въ составъ рус. Тмутараканскаго княжества (236). Выводы изъ названій населенныхъ мѣстностей (237). Что такое Драчь-Градъ, погрузившійся въ море въ XIII в. при Серапіонѣ (238)? Что значитъ Росовлахія въ греческихъ документахъ (239)? Составленіе толковаго географическаго словаря южной Руси (240). Мѣстныя названія въ юго-зап. краѣ, указывающія на исторію колонизаціи (241). Распространеніе колонизаціи малорусскаго народа (244). Изслѣдованіе источниковъ топографіи Полоцкой (Кривской) земли (245). Какія возможны обобщенія на основаніи современной номенклатуры рѣкъ, селъ и т. д. въ разныхъ полосахъ Россіи (247)? Свѣдѣнія о селеніяхъ Казанской и смежныхъ губ. съ словомъ «тарханъ» (249) Границы Болгарскаго и Казанскаго царствъ (250). Можно ли считать Каратаевъ и Терюханъ подраздѣленіями Мордвы, подобно Мокшѣ и Эрзѣ (251)? Было ли племя Бѣлики, указываемое Кеппеномъ (252)? Кто въ наше время потомки Буртасовъ (253)? Къ какимъ современнымъ названіямъ можно пріурочить племенныя и мѣстныя названія болгарскаго историка XVI в. Шерефъ Эддина (254)? Первоначальный составъ Книги Большого Чертежа (255). Племенныя черты древнихъ народовъ нынѣшней Казанской и сосѣднихъ губ. (256). Слѣды до-мусульманской эпохи въ Болгарскомъ царствѣ (257). Этнографическіе и лингвистич. остатки новгородской колонизаціи между Вяткой и Камой (258). Мѣстныя преданія о первыхъ русскихъ заселеніяхъ на русскомъ востокѣ (259). Современныя фамильныя прозвища поляковъ и юго-зап. славянъ въ связи съ древнеславянскими (261). Арская земля и ея отношенія къ Казанск. царству (263). Преданія о лѣтописныхъ городахъ Болгарскаго царства: Жукотинѣ, Кременчугѣ, Бряхимовѣ, Ошелѣ и др. (264). Происхожденіе Бул-

Digitized by Google

гаръ (301). Религія грузинъ до введенія христіанства (268, ср. 27). Религіозные обряды осетинъ въ связи съ языч. вѣрованіями другихъ индоевропейцевъ (269). Армянская миѳологія (270). Мусульманскій обрядъ погребенія и вліяніе его на обряды кавказскихъ народовъ (272). Кавказъ по Книгѣ Большого Чертежа (273). Данныя о переселеніи армянъ въ ю.-зап. Русь (276). Судьба Гузовъ въ средней Азіи и ихъ племенное отношеніе къ Туркменамъ (278). Происхожденіе Тавровъ, давшихъ названіе Таврическому полуостр. (279). Извѣстія о русскомъ племени въ при-Дунайскихъ земляхъ (281). Остатки шаманизма у Киргизъ-казаковъ и вліяніе ислама на ихъ обычаи во времена шаманизма (286). Справедливо ли мнѣніе Лелевеля о положеніи Геродотовой Скиѳіи (292)? Кочевые и осѣдлые Скиѳы и мѣста ихъ осѣдлости (293). Достовѣрность извѣстій о существованіи въ XIII—XVI вв. въ Крыму Готѳовъ, говорившихъ по-нѣмецки (295). Вопросъ о пребываніи генуэзцевъ на Кавказѣ (297) Граница Мери на сѣверѣ (304) Происхожденіе Хазаръ (267); вопросъ объ ихъ исчезновеніи (297). Племенной составъ хазарскаго царства (278). Представленіе о чертяхъ на основаніи малорусскихъ сказокъ и древне греческой литературы (308).

Кромѣ того, Моск. Арх. Общество въ память 25-лѣтія своего существованія учредило 3 преміи (одна 1000 р. и двѣ по 800) за лучшія сочиненія на заданныя темы, изъ которыхъ двѣ также имѣютъ отношеніе къ этнографіи. Это именно: а) Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной (ср. выше вопросъ 153), и б) Сводъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній древнихъ (классическихъ) писателей о русской землѣ, съ изложеніемъ комментарій на эти извѣстія въ русской и иностранной литературѣ. Срокъ подачи сочиненій 1 октября 1889 г. *Н. Я.*

Императорское Русское Географическое Общество въ годичномъ засѣданіи своемъ (11 янв.) присудило нѣсколько наградъ за труды по этнографіи. Большую золотую медаль получилъ профессоръ *Позднѣевъ* за «Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи»; малыя золотыя медали—*Ѳ. М. Истоминъ* за этнографическіе труды и за экспедицію въ сѣверныя губерніи Россіи, и *В. Н. Добровольскій* за этнографическое изслѣдованіе Смоленской губерніи. Серебряныя медали присуждены: г. *Верещагину*, изслѣдовавшему бытъ вотяковъ Сарапульскаго уѣзда Вятской губер-

Digitized by Google

ніи, г-жѣ *Евг. Ерошинской*—за собраніе пѣсенъ буковинско-русскаго народа, г. *Петрову*—за этнографическія работы въ Олонецкой губерніи, г. *Дягилеву*—за собраніе пѣсенъ Пермской губерніи, г. *Драганову*—за этнографическое обслѣдованіе Македоніи, г. *Ильинскому*—за такія же работы въ южной Россіи, г. *Ѳедорову*—за путешествіе и труды по русскому сѣверу, г. *Островскому* (русскій консулъ въ Норвегіи)—за наблюденіе надъ бытомъ лопарей и собираніе лопарскихъ предметовъ, и гг. *Буднецкому* и *П. Романову*—за содѣйствіе, оказанное ими Е. Р. Романову во время его этнографическихъ работъ въ Бѣлоруссіи. (Нов. Вр. № 2 янв).

Этнографическое отдѣленіе И. Р. Геогр. Общества, состоящее подъ предсѣдательствомъ проф. В. И. Ламанскаго, имѣло въ текущемъ году нѣсколько засѣданій. 3-го февр., между прочимъ, академикомъ *В. П. Васильевымъ* было сдѣлано сообщеніе о необходимости снаряженія экспедиціи въ Манчжурію. Какъ на лицо, наиболѣе соотвѣтствующее этой цѣли, В. П. Васильевъ указалъ на бывшаго русскаго консула въ Уреѣ г. Паделина. Отдѣленіе рѣшило принять мѣры къ скорѣйшему осуществленію экспедиціи. Въ засѣданіи 3-го марта было сообщено о предпринимаемой Ѳ. М. Истоминымъ весной текущаго года для изслѣдованія русскихъ и инородцевъ этнографической экспедиціи въ Печорскій край. Проф. *А. М. Позднѣевъ* сдѣлалъ докладъ о бытѣ и обрядахъ Монголовъ. *И. П. Минаевъ* сообщилъ о новосочиненной лингвистической азбукѣ. *Э. А. Вольтеръ* познакомилъ присутствовавшихъ со своими изслѣдованіями въ Слонимскомъ уѣз. Гродненской губ. А. М. Позднѣевъ обѣщалъ сдѣлать докладъ объ изслѣдованныхъ имъ калмыкахъ Астраханской губерніи.—Въ засѣданіи 31-го марта проф. *В. И. Ламанскій* сообщилъ о трудахъ по этнографіи Смоленской губерніи члена-сотрудника Общества *В. Н. Добровольскаго*. Къ печатанію первой части этихъ трудовъ Геогр. Обществомъ въ настоящее время уже приступлено. *Ѳ. М. Истоминъ* сдѣлалъ докладъ о поступленіи въ Общество нѣкоторыхъ матеріаловъ по этнографіи. Собраніе закончилось докладами, сдѣланными В. Э. Регелемъ—о Восточной Ѳракіи и Э. Вольтеромъ—объ изслѣдованіяхъ въ Литовскомъ краѣ. (Новое Время № 4648 и слѣд.). *П. А.*

Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящее при Московскомъ университетѣ, на 6-й недѣлѣ Великаго поста имѣло соединенное засѣданіе своихъ отдѣловъ, въ которомъ

Digitized by Google

однимъ изъ референтовъ выступилъ вице-президентъ Общества, проф. *Д. Н. Анучинъ* съ докладомъ: «О задачахъ русской этнографіи», напечатаннымъ въ настоящей книжкѣ.

Этнографическій Отдѣлъ названнаго Общества въ текущемъ академическомъ году имѣлъ нѣсколько публичныхъ засѣданій (подъ предсѣдательствомъ президента Общества проф. Вс. Ѳ. Миллера и товарища предсѣдателя Отдѣла В. М. Михайловскаго). Засѣданія были посвящены, главнымъ образомъ, выслушанію рефератовъ, явившихся большею частью результатомъ лѣтнихъ экскурсій членовъ Отдѣла въ различныя мѣстности Россіи. Приводимъ перечень этнографическихъ сообщеній съ прошлой осени (Общество начинаетъ свой годъ съ 15 октября): *А. А. Ивановскій*—«О бракѣ у сибирскихъ киргизовъ» и «Киргизскій поэтъ-пѣвецъ Ногой-бай»; *М. И. Ткешеловъ*—«Историко-этнографическій очеркъ свановъ»; *П. И. Астровъ*—«Представленія о грозѣ въ Елатомскомъ и Темниковск. уѣз. Тамбовской г.»; *П. М. Богаевскій*—«О культѣ предковъ у вотяковъ»; *А. С. Хахановъ*—«О тушинахъ» и «Празднованіе Новаго года у грузинъ»; *Н. Н. Харузинъ*—«Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго у. Олонецкой г. и «О нойдахъ у древнихъ и современныхъ лопарей»; *В. Н. Акимовъ*—«Свадебные обычаи ахалцыхскихъ армянъ»; *Н. А. Янчукъ*—«О бытѣ малороссовъ въ Сѣдлецкой г.»; *Г. И. Куликовскій*—«Общественные пиры въ Каргопольскомъ у. Олонецкой г.»; *В. М. Михайловскій*—«Этнографическія представленія древнихъ египтянъ»: *В. В. Кандинскій*—«Вѣрованія пермяковъ и зырянъ»; *А. А. Казминъ*—«О частныхъ и общественныхъ гульбищахъ на Дону»; *А. П. Звонковъ*—«Очеркъ вѣрованій крестьянъ Елатомскаго у. Тамб. г.»; *В. В. Каллашъ*—«Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ». Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ сообщеній напечатаны въ настоящей книжкѣ «Этнографическаго Обозрѣнія».

Предстоящимъ лѣтомъ члены Этнографич. Отдѣла отправляются въ экскурсіи съ этнографическою цѣлью въ разныя мѣста Россіи: П. И. Астровъ и А. П. Звонковъ—въ Тамбовскую г., В. Н. Акимовъ—въ Кубанскую и Терскую области, И. Ш. Анисимовъ—въ Закаспійскій край, В. И. Ашмаринъ—въ Казанскую, Вятскую и Симбирскую г., П. М. Богаевскій—въ Черниговскую г., А. А. Ивановскій—въ Семирѣченскую обл., А. А. Казминъ—въ область Войска Донскаго, В. В. Кандинскій—въ Вологодскую г., Н. Н. Харузинъ—въ Крымъ и Черниговскую г., Г. А. Халатовъ—въ Закавказье, и Н. А. Янчукъ—въ Сѣдлецкую г. *Н. Я.*

Digitized by Google

Казанское Общество археологіи, исторіи и этнографіи. 12-го января на очередномъ засѣданіи *И. Н. Смирновъ* прочелъ сообщеніе подъ загл.: «Воззрѣнія черемисъ на загробную жизнь. Поклоненіе умершимъ. Происхожденіе кереметей». По словамъ „Волжскаго Вѣстника" докладъ былъ читанъ на основаніи изслѣдованій, которыя г. Смирновъ производилъ въ губерніяхъ: Казанской, Вятской, Костромской и Уфимской. Приводимъ со словъ названной газеты содержаніе этого реферата. Г. Смирновъ «высказалъ то положеніе, что черемисы въ своемъ представленіи о загробной жизни не дѣлаютъ большого различія между этою послѣднею и земною жизнью. Они надѣляютъ мертвыхъ всѣми способностями живыхъ людей. Умершій человѣкъ, по представленіямъ черемисъ, можетъ ѣсть и пить, смотрѣть, выходить по желанію на земли, не утрачиваетъ способности къ различнымъ душевнымъ волненіямъ и пр. Указанія на все это докладчикъ находитъ въ погребальныхъ обрядахъ и причитаніяхъ черемисъ. Кромѣ того, своимъ умершимъ черемисы приписываютъ силу творить добро живущимъ. Отождествляя умершихъ съ богами, черемисы молятся имъ, просятъ объ отвращеніи того или другого бѣдствія или о ниспосланіи тѣхъ или другихъ благъ. Что касается происхожденія «кереметей», то относительно ихъ существуетъ много различныхъ легендъ, изъ которыхъ видно, что черемисы приписываютъ злымъ людямъ способность вредить другимъ и послѣ своей смерти. Въ большинствѣ случаевъ, по словамъ докладчика, обращаются, по представленіямъ черемисъ, послѣ смерти въ кереметей, т. е. злыхъ духовъ, разбойники, завѣдомые злодѣи и проч.» (*Волж. В. № 12*).

Въ засѣданіи того-же Общества 9-го февраля, признано безусловно желательнымъ активное участіе Общества въ археологическомъ и этнографическомъ отдѣлѣ Казанской научно-промышленной выставки, имѣющей быть въ 1890 г. Въ томъ же засѣданіи, между прочимъ, *И. Н. Смирновъ* сдѣлалъ сообщеніе: „Религіозныя вѣрованія и культъ черемисъ", въ которомъ далъ краткій историческій очеркъ развитія религіозныхъ вѣрованій у черемисъ. Въ прошломъ черемисы, подобно всѣмъ первобытнымъ народамъ, одухотворяли различныя явленія и силы природы, предметы внѣшняго міра и проч. При дальнѣйшемъ интеллектуальномъ развитіи этой народности замѣчается переходъ къ антропоморфизму. Въ общемъ эволюція религіозныхъ вѣрованій черемисъ находилась, по мнѣнію референта, подъ вліяніемъ сначала тюрковъ, потомъ русскихъ. Послѣднее вліяніе продолжается и до сихъ поръ. (*Волж. Вѣстн.* № 39).

Digitized by Google

Въ засѣданіи 16-го марта былъ заслушанъ новый рефератъ *И. Н. Смирнова*: «Народное творчество черемисъ. Зародыши искусства и письма. Обзоръ литературы о черемисахъ». Докладчикъ ознакомилъ слушателей съ малоизвѣстною областью черемисскихъ народныхъ преданій и эпическихъ сказаній въ связи съ религіозными вѣрованіями. Народное творчество черемисъ не отличается богатствомъ содержанія и большой оригинальностью. Большинство миѳовъ, созданныхъ народной фантазіей черемисъ, носитъ отпечатки чуже-народнаго вліянія. Область пѣсеннаго и музыкальнаго ихъ творчества очень мало разработана и даетъ мало данныхъ для какихъ-нибудь обобщеній. Но вообще можно сказать, что эти отрасли народнаго искусства у черемисъ слабо развиты и мало имѣютъ шансовъ на самостоятельное развитіе въ будущемъ. Въ заключеніе докладчикъ упомянулъ объ орнаментномъ искусствѣ и фигурномъ письмѣ у черемисъ; то и другое также находятся лишь въ зачаточномъ состояніи. Сообщеніе о литературѣ о черемисахъ г. Смирновъ отложилъ до слѣдующаго засѣданія *). (*Волжск. Вѣст.*, № 69). *П. А.*

Казанское Общество Врачей въ экстренномъ засѣданіи 10 марта заслушало рефератъ д-ра *М. Ф. Кандаратскаго*: «Признаки вымиранія луговыхъ черемисъ Казанской губ.». Признаки эти референтъ указалъ въ ничтожномъ естественномъ приростѣ населенія и въ огромномъ процентѣ больныхъ зобомъ, глухонѣмыхъ отъ рожденія, идіотовъ и кретиновъ. (*Волжск. Вѣст.* № 63). *П. А.*

Публичныя лекціи.

Публичныя чтенія *по этнографіи* устраивались въ нынѣшнемъ году не только въ университетскихъ, но и въ другихъ провинціальныхъ городахъ. Такъ, въ Екатеринославлѣ 5-го февраля происходило народное чтеніе «О народахъ Россіи».—Въ Вильнѣ существуетъ „Комиссія по устройству народныхъ чтеній", которая въ свою программу нынѣшняго года внесла между прочимъ Кавказъ. 29 января былъ читанъ «Общій очеркъ Кавказскаго края, а 4 и 12 февр. происходило чтеніе «О народахъ, населяющихъ Кавказъ и Закавказье». Къ сожалѣнію, обо всѣхъ этихъ чтеніяхъ мѣстныя газеты не даютъ никакихъ отчетовъ. *Н. Я.*

*) Рефераты г. И. Н. Смирнова представляли собою отдѣльныя части его изслѣдованія, которое недавно появилось въ Казани отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Черемисы". *Ред.*

Digitized by Google

31-го марта въ Казани была назначена въ пользу Общества археологіи, исторіи и этнографіи публичная лекція профессора *И. Н. Смирнова*: „Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній въ поэзіи и религіозныхъ обрядахъ приволжскихъ инородцевъ“ *). Приводимъ о словѣ „Волжскаго Вѣстника“ подробную программу этой лекціи: «Теорія культурныхъ переживаній и ея приложеніе къ объясненію этнографическихъ фактовъ. Воспоминаніе о людоѣдствѣ у вотяковъ, мордвы и черемисъ. Слѣды людоѣдства, соединеннаго съ жертвоприношеніями богамъ въ черемисской сказкѣ. Покойники-людоѣды и духи-людоѣды въ мордовской и черемисской поэзіи. Человѣческія жертвы рѣчнымъ божествамъ въ современныхъ обрядахъ вотяковъ и въ поэзіи мордвы. Воспоминанія о приношеніяхъ въ жертву дѣтей въ мордовской поэзіи. Слѣды человѣческихъ жертвъ небу въ современныхъ обрядахъ вотяковъ». *П. А.*

Этнографическій музей въ Варшавѣ.

Первая мысль объ устройствѣ музея возникла въ кружкѣ, завѣдывающемъ мѣстнымъ Зоологическимъ Садомъ, при которомъ оказалось подходящее помѣщеніе для музея въ 11 свободныхъ комнатахъ. Къ апрѣлю прошлаго года коллекціи музея были открыты для осмотра публики. Хранителемъ состоитъ Станиславъ Цишевскій. Коллекціи составляются главнымъ образомъ изъ добровольныхъ пожертвованій мѣстныхъ и заграничныхъ любителей и ученыхъ. Музей принимаетъ коллекціи не только въ собственность, но и на время, какъ бы для выставки. Мѣстнымъ предметамъ, конечно, дается предпочтеніе, но не исключаются коллекціи и по иностранной этнографіи. Покамѣстъ болѣе прочное начало положено собранію мѣстныхъ народныхъ костюмовъ и фотографическихъ типовъ. По первому вопросу въ 3-й книгѣ «Вислы» за прошлый годъ была помѣщена руководящая статья гг. R. L. и H. J. „О способахъ сохраненія (собиранія?) народныхъ костюмовъ“, съ добавленіями J. K (arlowicza). Въ статьѣ говорится о пяти способахъ: 1) подлинные наряды въ натуральномъ видѣ; 2) фотографіи; 3) рисунки простые и раскрашенные; 4) манекены; 5) модели, т. е. костюмы въ миніатюрномъ видѣ. Почти во всѣхъ указанныхъ здѣсь видахъ въ музеѣ уже имѣются образцы. Что же касается снимковъ народныхъ типовъ, то однимъ изъ болѣе крупныхъ пожертвованій является недольскій альбомъ г.

*) Кажется, эта лекція отпечатана отдѣльной брошюрой. *Ред.*

Digitized by Google

М. Грейма (Каменецъ-Подольскъ), состоящій изъ 120 фотографій. Въ немъ 6 отдѣловъ: 1) подольскіе крестьяне и нищіе; 2) мѣщане; 3) подольск. интеллигенція; 4) смѣсь; 5) евреи; 6) бессарабскіе типы (Wisła 1888, 243, 663, 893). *Н. Я.*

Народныя пѣсни. Проф. Collège de France *А. Ходзько* издалъ въ Парижѣ малороссійскія думы и латышскія пѣсни во французскомъ переводѣ: „Les chants historiques de l'Ukraïne et les chansons Latyches de la Dvina occidentale. Périodes païenne, tartare, polonaise et cosaque".

Чешскій композиторъ *Lud. Kuba* издалъ 4 выпуска пѣсенъ славянскихъ народностей въ фортепіанной обработкѣ: I вып.—428 чешскихъ пѣс.; II в.—175 польскихъ; III в.—85 мужицкихъ; IV в.—130 великор., 130 малор. и 15 бѣлорусскихъ.

По русскому народному пѣснотворчеству послѣдней новинкой является очень хорошій «Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ», *Н. М. Лопатина* и *В. Н. Прокунина*. Часть I—тексты пѣсенъ, ч. 2—музыка. (Москва, 1889). Болѣе подробный отчетъ дадимъ въ слѣдующей книжкѣ. *Н. Я.*

Инородческіе Словари. Инспекторъ народныхъ училищъ въ Глазовскомъ уѣз. Вятск. г., *Н. Г. Перевухинъ*, окончилъ большой лексикографическій трудъ—Словарь разговорнаго Глазовскаго нарѣчія Вотяковъ, который имѣетъ быть изданъ Имп. Академіей наукъ. (Волж. Вѣстн. № 39).

Чувашско-русскій Словарь составленъ свящ. с. Турунова, Буинск. у., Симбирск. г., о *Дм. Іоан. Добронравовымъ*, но за неимѣніемъ средствъ остается ненапечатаннымъ. (Симб. Губ. Вѣд., № 6). *П. А.*

Digitized by Google

Поправки и добавленія.

Стран. 136, строка 6 и 8 снизу: вм. пани чит.: ваш.

Стран. 141, стр. 8 св.: вм. иностранныхъ чит.: монастырскихъ.

Стран. 142. Къ замѣткѣ о „Пантеонѣ Литературы" слѣдуетъ прибавить, что Латышская сказка о богатырѣ Илиѣ напеч. въ собраніи Ѳ. Трейланда, въ „Сборн. матер. по этнографіи, изд. при Дерпт. Этногр. Музеѣ", вып. II (Моск. 1887), стр. 144.

Стран. 167. Въ библіографіи пропущено указаніе на „Украинскій народный орнаментъ" О. П. Косачъ (Кіевъ, 1876, 2 изд. 1879), гдѣ помѣщено 23 рис. пасхальныхъ яицъ, съ замѣткою въ предисловіи.

Стран. 180, стр. 6 св. вм. о, чит. ео.

Digitized by Google

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Кн. II.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

„Русская" типо-литографія, Тверская, д. Гинцбургъ.

1889.

Digitized by Google

Печатать разрѣшается. Москва, 7 октября 1889 г. Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
Ординарный Профессоръ *Всеволодъ Миллеръ*.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ. *В. Ѳ. Миллера*. 1

Дополненіе: замѣтка о персидскихъ эпическихъ произведеніяхъ въ грузинскомъ переводѣ. *А. Хаханова* 36

II. Тушины. *А. С. Хаханова*. 40

III. Очеркъ вѣрованій крестьянъ Елатомскаго уѣз. Тамбовской г. *А. П. Звонкова*. 63

IV. Палій и Мазепа въ народной поэзіи. *В. В. Каллаша*. 80

V. Оскаръ Кольбергъ (по поводу 50-лѣтія его дѣятельности). *Н. А. Янчука*. 124

VI. Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ. Гл. II. *В. В. Каллаша*. 135

VII. Библіографія. . . . . 170—232

I. Книги и ученыя изданія (170 и 227).—II. Журналы (188).—III. Газеты (195).

VIII. Извѣстія и замѣтки. . . . . 233—239

Этнографич. Отдѣлъ Имп. Общ. Люб. Естествозн., Антропол. и Этнографіи.—Имп. Моск. Археологич. Общество.—Имп. Рус. Географич. Общество.—Петровское Общ. изслѣдователей Астраханскаго края.—Уральское Общ. Любит. Естествознанія.—Харьковское Историко-филологич. Общество.—Латышское Общество.—Научно-промышленная выставка въ Казани.—Восьмой съѣздъ русскихъ естествоиспытателей.—Музеи: въ Елисаветградѣ, въ Уральскѣ, въ Смоленскѣ.—Публичныя лекціи въ Вязьмѣ.—Международный этнографическій конгрессъ въ Парижѣ и пр.

Приложеніе: портретъ Оскара Кольберга.

Digitized by Google

Digitized by Google

Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ.

Самое раннее указаніе на распространеніе иранскихъ эпическихъ сказаній въ Закавказьѣ, именно въ Арменіи, находимъ мы у армянскаго историка Моисея Хоренскаго (половина V в. по Р. Х.). Предлагая, по просьбѣ своего патрона, правителя Арменіи Саака Багратуни, объясненіе парсійскимъ легендамъ о Бюраспѣ Аждахакѣ (въ Зендавестѣ Aźidahaka baevaraspô), армянскій историкъ, какъ благочестивый монахъ, предпосылаетъ своему объясненію слѣдующія характерныя слова: „Ненавистные для меня разсказы и дѣйствія, *молва о которыхъ оскорбляла мой слухъ* (слѣдовательно эти разсказы были распространены среди армянъ), теперь собственной рукой начертываю, придаю смыслъ ихъ безсмысленности, излагая здѣсь событія древнѣйшія, недоступныя даже для самихъ Парсовъ, только чтобы сдѣлать тебѣ угодное и, если можно, полезное“ [1]).

Давая затѣмъ эвгемеристическое толкованіе, согласно вкусамъ своего времени, парсійскому миѳу объ Аждахакѣ, Хоренскій въ другомъ мѣстѣ своей исторіи (I, гл. VIII), говоря о великанѣ Торк'ѣ, назначенномъ царемъ Вахаршакомъ правителемъ запада, представляетъ другое любопытное свидѣтельство о томъ, что главная личность персидскаго эпоса—Рустамъ—былъ извѣстенъ армянамъ: „Если желаешь,—говоритъ онъ обращаясь къ Сааку,—я разскажу тебѣ о немъ (т. е. Торк'ѣ) невѣроятныя и нелѣпыя сказки, какія Парсы

1) Исторія Арменіи—пер. Н. О. Эмина. М. 1858, стр. 73.

Digitized by Google

разсказываютъ о Ростомѣ Сагчикѣ, имѣвшемъ силу ста двадцати слоновъ"... [1])

Имѣя въ виду въ настоящей статьѣ прослѣдить въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ отголоски иранскаго эпоса, считаемъ необходимымъ припомнить сначала нѣкоторые историческіе факты.

Достаточно бросить бѣглый взглядъ на отношенія закавказскихъ народностей въ древніе и средніе вѣка къ ихъ персидскимъ сосѣдямъ, чтобъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ широко и глубоко должно было проникать въ Закавказье вліяніе иранской культуры. Еще въ періодѣ Ахеменидовъ нѣкоторыя народности Закавказья входили въ составъ обширной Персидской монархіи. Изъ списка податей, приводимаго Геродотомъ и основаннаго на оффиціальныхъ документахъ, мы узнаемъ, что при Артаксерксѣ I цѣлый рядъ закавказскихъ племенъ вносили дань въ богатую казну Ахеменидовъ. Таковы Каспіи, давшіе свое имя Каспійскому морю, и Павсики, Пантиматы и Дарейты, составлявшіе 11-ю область персидскаго государства, Армяне, входившіе съ сосѣдними съ ними племенами (до Чернаго моря) въ составъ 13-й области, Матіены, Саспейры, Алародіи (18-я область), Мосхи, Тибарены, Макроны, Моссинэки и Мары (19-я область [2]). По словамъ того же историка, „жители Колхиды и ихъ сосѣди до Кавказскаго хребта согласились (sic) подносить подарокъ персидскому царю (владѣнія персовъ простираются только до этихъ поръ, вся же сѣверная часть Кавказа находится внѣ ихъ власти)." [3]) По приказу персидскаго монарха, закавказскія племена выставляли отряды въ персидское войско и принимали участіе въ отдѣльныхъ походахъ,

[1]) Тамъ же, стр. 84. По поводу этого мѣста ученый переводчикъ Хоренскаго Н. О. Эминъ замѣчаетъ вполнѣ справедливо: „Вѣроятно, въ V в. персійскіе рапсоды воспѣвали такіе подвиги Рустема, которые въ XI в., во время Фердуси, были уже забыты; ибо нашъ авторъ увѣряетъ, что персійскому герою приписывали силу ста двадцати слоновъ (стр. 286).

[2]) Herodot. III. 92—94.

[3]) Ibid. III 97.

Digitized by Google

сохраняя каждое свое національное вооруженье, но подчиняясь командѣ персидскихъ военачальниковъ [1]). Конечно, нельзя думать, чтобъ соприкосновеніе закавказцевъ съ персами во время походовъ могло глубоко распространять иранскую культуру въ горахъ Закавказья. Но несомнѣнно, *нѣкоторыя* черты этой культуры какъ въ области матеріальнаго, такъ и въ области духовнаго быта, могли уже въ эти отдаленныя времена проникнуть на Кавказъ и сохраниться тамъ тѣмъ прочнѣе, что съ паденіемъ древняго персидскаго царства вліяніе Ирана на нѣкоторыя области Закавказья не прекращается, но продолжается при владычествѣ Парѳянъ и особенно усиливается въ періодъ средневѣковой персидской монархіи Сасанидовъ (отъ 226 до 651 г. по Р. Х.). Исторія Арменіи и Грузіи представляетъ длинный рядъ фактовъ, указывающихъ на политическое вліяніе иранцевъ на эти области. Уже во II в. до Р. Х. парѳянскіе Аршакиды склонны смотрѣть на Арменію, какъ на вассальную страну, и Митридатъ I (6-й аршакидъ) возводитъ на ея престолъ своего брата Вах'аршака. Вся исторія этой несчастной страны сводится въ періодѣ парѳянскаго царства (отъ 250 г. до Р. Х.—226 по Р. Х.) къ происходившей въ ней ожесточенной борьбѣ между парѳянами и римлянами, причемъ въ различныхъ перипетіяхъ этой продолжительной войны на престолъ Арменіи восходили то парѳянскіе, то римскіе ставленники. Вмѣшиваясь свободно во внутреннія дѣла Арменіи, какъ ближайшей и сосѣдней страны, парѳянскіе цари простираютъ свое вліяніе и на болѣе отдаленныя области—Иберію, Албанію и привлекаютъ ихъ къ участію въ своихъ войнахъ съ римлянами и къ усиленію своего вліянія на Арменію. Еще рѣшительнѣе и свободнѣе распоряжаются въ Закавказьѣ могущественные цари династіи Сасанидовъ. Уже первый сасанидъ Ардеширъ I (226—240) подчинилъ себѣ Арменію, изгнавъ изъ нея слабые римскіе отряды, и съ тѣхъ

[1]) См. описаніе вооруженія закавказскихъ отрядовъ въ арміи Ксеркса у Геродота VII, 67, 78.

Digitized by Google

поръ армянскіе цари только время отъ времени выходятъ изъ подъ вліянія Сасанидовъ, если послѣднимъ измѣняетъ счастіе въ войнѣ съ Римомъ и затѣмъ Византіей. Наконецъ въ 5-мъ вѣкѣ (428 г.) Арменія утрачиваетъ и свою національную царскую династію и, какъ прочія области персидской монархіи, управляется персидскими *марзбанами*. Въ той части ея (Персарменіи), которая была во власти персовъ [1]) Сасаниды, эти ревностные пропагандисты національной религіи персовъ—ученія Заратуштры, стараются силой оружія и интригами распространить государственную религію и вытѣснить христіанство. Особенно упорнымъ пропагандистомъ магизма является Іездегердъ II (438—457), котораго царствованіе можетъ быть названо послѣднимъ кровавымъ періодомъ борьбы ученія Заратуштры съ ученіемъ Христа въ Закавказьи (Арменіи, Иберіи, Албаніи). На успѣшность своей попытки Іездегердъ могъ разсчитывать (хотя послѣдствія показали, что онъ заблуждался), особенно въ виду того, что задолго до христіанства среди народностей Закавказья былъ распространенъ культъ иранскихъ божествъ. Тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о дохристіанской религіи Арменіи и Грузіи, представляютъ намъ въ пантеонѣ этихъ странъ на ряду съ національными богами боговъ древне-иранскихъ.

Такъ, дохристіанскимъ армянамъ были извѣстны иранскія божества: Арамаздъ (въ Авестѣ Ahura Mazdâ[0]), богиня Анахита, Михръ (авест. Mithra) и друг. [2]), имѣвшія много храмовъ въ предѣлахъ Арменіи. Въ Грузіи процвѣталъ въ Мцхетѣ культъ Армаза, въ святилищѣ, сооруженномъ по преданію основателемъ первой грузинской династіи Фарнавазомъ (носящимъ кстати вполнѣ иранское имя) [3]). Этотъ

---

[1]) Другая половина Арменіи была подъ властью Византіи.

[2]) См. Н. Эмина—Очеркъ религіи языческихъ Армянъ. М. 1864.

[3]) Вахушта сообщаетъ, что статуя Армаза была громаднаго размѣра облаченная въ золото; глаза идола были сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ камней и блестящая корона изъ такихъ же камней украшала его голову. У подножія статуи совершалось религіозное празднество, сопровождавшееся обильными жертво-

Digitized by Google

иранскій культъ, смѣшавшійся въ Грузіи съ мѣстнымъ идолослуженіемъ, былъ особенно поддерживаемъ правительствомъ съ тѣхъ поръ, какъ по прекращеніи (со смертью царя Асфагура въ 265 г. по Р. Х.) династіи Аршакидовъ въ мужской линіи, наслѣдницей престола осталась единственная дочь этого царя и высшее сословіе страны обратилось къ Шапору, персидскому царю, съ просьбой возвесть на престолъ Грузіи его сына Миріана, женивъ его на дочери Асфагура. Эта религіозная и династическая связь Грузіи съ Персіей продолжалась до эпохи водворенія въ Грузіи христіанства (въ 1-й четверти IV в.); но и послѣ религіознаго разрыва Сасаниды, пользуясь слабостью этого государства, не оставляютъ надежды искоренить новую религію, и послѣдней нерѣдко угрожала серіозная опасность, особенно въ царствованіе фанатика Іездегерда II, когда подъ вліяніемъ религіозныхъ преслѣдованій и пропаганды маговъ низшія сословія грузинскаго народа стали сильно уклоняться отъ христіанства [1]). При сасанидѣ Кобадѣ (490—531) персы свободно хозяйничаютъ въ Грузіи и занимаютъ своими гарнизонами даже крѣпость въ Даріальскомъ ущельѣ, отрѣзая такимъ образомъ эту страну отъ сѣверо-кавказскихъ народовъ, которые нерѣдко являлись вспомогательными отрядами въ грузинскихъ и византійскихъ войскахъ. Преемникъ Кобада Хозро Аноширванъ (631 - 578) обращаетъ еще большее вниманіе на Закавказье—Албанію, Иберію—и на горные проходы. Онъ возстановляетъ крѣпость Дербендъ и учреждаетъ въ разныхъ областяхъ, прилегающихъ къ этому важному военному пункту, персидскія вассальства подъ управленіемъ наслѣдственныхъ шаховъ, которые для собственныхъ интересовъ должны были зорко охранять съ этой стороны персидскую границу. Опасность, угрожавшая христіанству въ Закавказьѣ, устранилась лишь чрезъ пятидесятилѣтіе по смерти Кобада, когда послѣ ряда пораженій, нанесенныхъ

приношеніями—быковъ, барановъ, козъ и даже дѣтей и завершавшееся пиромъ. См. Вахушта и Баратовъ—Исторія Грузіи I, стр. 38, 45.

1) Баратовъ—Исторія Грузіи II, стр. 27.

Digitized by Google

императоромъ Иракліемъ персидскому царю Хозро Парвезу, Персія лишается своего политическаго вліянія на Кавказѣ. Императоръ разрушаетъ храмы поклоненія огню въ Ганзакѣ (нынѣ Елисаветполь) и другихъ мѣстахъ Закавказья, изгоняетъ изъ Грузіи въ 629 г. всѣхъ огнепоклонниковъ, отказавшихся принять христіанскую вѣру, и съ этого времени вѣковая борьба магизма съ христіанствомъ можетъ считаться оконченной, а черезъ нѣсколько лѣтъ, съ покореніемъ Персіи арабами (въ 642 г.), огнепоклонство лишается уже всякой внѣшней поддержки и падаетъ окончательно.

Однако вѣковое религіозное вліяніе Персіи на Кавказъ не могло не оставить даже послѣ своего прекращенія слѣдовъ въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Такіе слѣды особенно въ восточной части Закавказья, подвергшейся при Аноширванѣ персидской колонизаціи, дѣйствительно были указываемы въ свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей и въ нѣкоторыхъ народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ, сохранившихся до нашихъ дней. Но оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, нуждающійся въ спеціальной разработкѣ, отмѣтимъ, что не менѣе сильно, чѣмъ въ вѣрованіяхъ, отразилось персидское вліяніе на южнокавказскихъ языкахъ. Множество персидскихъ словъ проникло въ грузинскій языкъ, а армянскій словарь преисполненъ ими до такой степени, что даже нѣкоторые лингвисты, принимающіе въ разсчетъ лексическую сторону языка болѣе, чѣмъ фонетическую и морфологическую, склонны видѣть въ армянскомъ языкѣ языкъ иранской группы.

Переходя послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній къ вопросу о вліяніи Персіи на Закавказье въ области произведеній словесности, мы вступаемъ на почву еще совсѣмъ не разработанную и которую мы сами, конечно, не имѣемъ притязанія разработать. Мы желаемъ только указать на интересъ, который должны представить въ будущемъ систематическія изслѣдованія, предпринятыя въ этой области спеціалистами арменистами и иберистами для исторіи литературныхъ вліяній, подтвердить эту мысль нѣкоторыми

Digitized by Google

примѣрами распространенія завѣдомо иранскихъ (персидскихъ) сказаній на почвѣ Кавказа и приблизительно опредѣлить періодъ времени, въ теченіе котораго могло происходить это вліяніе Ирана на Закавказье.

Изъ иранскихъ эпическихъ героевъ, усвоенныхъ сказаніями кавказскихъ народностей, мы избираемъ двухъ наиболѣе популярныхъ, Рустема и Бежана. Имя перваго богатыря до сихъ поръ одно изъ употребительныхъ на Кавказѣ личныхъ именъ, а древній сказочный носитель его является общеизвѣстнымъ идеаломъ храбрости и силы. Такъ, при изображеніи совершенствъ какого нибудь сказочнаго царевича, разсказчикъ говоритъ, что онъ былъ прекрасенъ какъ Искандеръ Зюлькарнейнъ (Александръ Македонскій въ восточныхъ версіяхъ Александріи), уменъ, какъ Логманъ (извѣстный индійскій мудрецъ), *храбръ, какъ Рустемъ Залъ* [1]). Между похожденіями Рустема наибольшимъ распространеніемъ въ народныхъ кавказскихъ сказаніяхъ пользуется его встрѣча и битва съ роднымъ сыномъ, плѣнявшая народную фантазію своей глубоко трагической развязкой.

Разсмотримъ 3 версіи этого сказанія: *сванетскую, ингушскую* и *осетинскую*.

По *сванетской* версіи, сообщенной въ газ. Иверія (1887 № 214) [2]), Ростомъ былъ туранецъ (sic), жилъ въ царствѣ Кекевоза (перс. Кей-Каусъ) въ „Караи“ (?) и проводилъ жизнь въ борьбѣ съ *дэвами* и кабанами. Онъ имѣлъ двухъ братьевъ—Гиви и Гургена и одного племянника Бежана, сына Гиви. Кекевозъ дорожилъ Ростомомъ, такъ какъ безъ него *дэви* погубили бы его царство. Когда дэви наводняли царство и похищали у жителей даже дѣтей изъ колыбели, тогда Ростомъ, по просьбѣ Кекевоза, истреблялъ ихъ и очищалъ царство. Когда Ростомъ состарился, Кекевозъ собралъ народъ и предложилъ позаботиться о томъ, чтобы

---

[1]) См. народн. сказки закавказскихъ Татаръ—Захарова въ Сборн. Мат. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VI, Отд. II, стр. 124.

[2]) Русскій переводъ этихъ легендъ былъ обязательно сдѣланъ для насъ А. С. Хахановымъ.

Digitized by Google

Ростомъ оставилъ послѣ себя сыновей, которые продолжали бы дѣло отца и спасали отечество отъ дэвовъ. Ростомъ, какъ герой, не хотѣлъ имѣть связи съ женщиной. На собраніи была одна женщина, которая вызвалась завлечь богатыря. Царь обѣщалъ ей большую награду, если она исполнитъ свое слово. Женщина пригласила Ростома на ужинъ, а послѣ ужина уговариваетъ его остаться у нея ночевать. Долго отказывался Ростомъ, но наконецъ согласился. Хозяйка приготовила три постели и на одну изъ нихъ указала Ростому. Когда богатырь заснулъ, она прилегла къ нему. Проснувшись, Ростомъ сильно разсердился на то, какъ осмѣлилась женщина лечь рядомъ съ богатыремъ, которому повелѣно отъ Бога не знать женщинъ, такъ какъ онъ посвятилъ себя исключительно геройскимъ подвигамъ, и перешелъ на другую постель. Но женщина и тутъ не оставила его въ покоѣ; она перешла къ нему, и когда онъ перешелъ на третью постель, снова послѣдовала за нимъ. Когда наконецъ она высказала подозрѣніе, что онъ лишенъ мужской силы, Ростомъ, устыдившись, долженъ былъ исполнить ея желаніе. На другой день, покидая ее, онъ объявилъ, что, въ случаѣ рожденія сына, она должна назвать его Зурабомъ. Когда мальчикъ подростетъ и захочетъ пуститься на геройскіе подвиги, пусть она надѣнетъ ему на шею *шарни* (гривну) и привяжетъ его шлемъ къ сѣдлу: по этой примѣтѣ Ростомъ узнаетъ сына, если ему придется съ нимъ встрѣтиться. Дѣйствительно, у женщины родился сынъ, прекрасный, какъ звѣзда. Ночью онъ росъ на $^1/_4$ аршина, днемъ на 4 пальца. Когда онъ подросъ и выходилъ въ поле, то билъ всѣхъ сверстниковъ, не щадя и сыновей Кекевоза. Царевичи однажды упрекали его тѣмъ, что отецъ его пропалъ безъ вѣсти. Тогда Зурабъ отправился отыскивать отца, и мать передъ его отъѣздомъ надѣла на него *шарни*. На дорогѣ въ Караю Зурабъ встрѣтился съ діаволомъ, принявшимъ видъ женщины. Эта женщина стала издѣваться надъ юношей, смѣясь надъ его женскимъ украшеніемъ и шлемомъ, привязаннымъ къ сѣдлу. Зурабъ, не

Digitized by Google

обративъ на это вниманія, ѣдетъ дальше. Діаволъ въ другомъ видѣ снова встрѣчается ему и повторяетъ свои насмѣшки. Наконецъ послѣ 3-й встрѣчи съ діаволомъ, богатырь, выйдя изъ себя, прячетъ шарни въ карманъ и шлемъ подъ сѣдло. Прибывъ въ Караю, гдѣ охотился Ростомъ, Зурабъ до вечера убилъ столько звѣрей, что сдѣлалъ себѣ изъ ихъ костей палатку, гдѣ и расположился на ночлегъ. Замѣтивъ въ полѣ палатку, Ростомъ подъѣхалъ къ ней и, не видя на пріѣзжемъ богатырѣ своихъ примѣтъ, вызываетъ его на поединокъ. Въ первой схваткѣ Ростомъ всадилъ Зураба въ землю до колѣнъ, а Зурабъ Ростома до спины. По обычаю богатырей поединокъ долженъ былъ возобновиться на второй и на третій день. Оставшись побѣжденнымъ вторично, Ростомъ замыслилъ хитростью убить пріѣзжаго богатыря. Онъ заказалъ кузнецу два копья и спряталъ ихъ въ своихъ ногавицахъ. Когда въ третьей сваткѣ Зурабъ повалилъ его, Ростомъ, лежа на землѣ, всадилъ оба копья ему въ животъ. Умирая Зурабъ проклинаетъ своего убійцу и грозитъ ему мщеніемъ Ростома, своего славнаго отца: „взойдешь ли ты, говоритъ онъ, на скалу, Ростомъ обратится туромъ и догонитъ тебя; пустишься ли въ море, онъ поплыветъ за тобою форелью; войдешь ли въ землю, онъ обратится въ крысу и не оставитъ мою смерть безъ отмщенья“. Пораженный горемъ, Ростомъ разспрашиваетъ сына, и тотъ объясняетъ, почему онъ скрылъ свои примѣты. Ростомъ старается излѣчить раны сына, но напрасно: Зурабъ уже похолодѣлъ. Тогда въ отчаяніи отецъ обращается съ молитвой къ властителю міра и даетъ обѣтъ 12 лѣтъ просидѣть въ ямѣ, не видя солнца, если воскреснетъ Зурабъ. Выкопавъ затѣмъ яму въ 12 саженъ глубины, онъ сходитъ въ нее съ трупомъ сына и сидитъ въ ней безъ пищи и питья. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подзываетъ къ ямѣ дьякона царя Кекевоза и посылаетъ его просить у царя для Зураба воды, воскрешающей мертвыхъ. Коварный царь даетъ дьякону чашу воды, но приказываетъ ему, подходя съ нею къ Ростому, нарочно оступиться и пролить

Digitized by Google

воду; иначе, говоритъ онъ, „Ростомъ съ такимъ сыномъ-богатыремъ отниметъ у насъ царство". Дьяконъ исполнилъ приказаніе царя, но Ростомъ, разгадавъ ихъ хитрость, посылаетъ изъ ямы угрозы дьякону и царю.

Десять лѣтъ уже сидитъ Ростомъ въ ямѣ. Борода у него отросла до ногъ. Онъ продѣлъ волосы бороды между пальцами Зураба, сдѣлалъ такимъ образомъ „чіанури" (скрипку) и наигрываетъ на ней печальные мотивы, воспѣвая несчастное убійство сына. Между тѣмъ дэви и кабаны наводнили царство Кекевоза. Братья Ростома—Гиви и Гургенъ—не способны были защитить страну; племянникъ, Бежанъ, былъ совсѣмъ молодъ. Кекевозъ проситъ Гиви послать сына его Бежана противъ враговъ. Гиви исполняетъ просьбу царя и посылаетъ Бежана, давъ ему въ руководители его дядю Гургена... (Далѣе въ сванетскомъ сказаніи слѣдуетъ описаніе похожденій Бежана, которыя мы разсмотримъ позже). Послѣ того, какъ Бежанъ былъ заключенъ царемъ Афросуапомъ въ яму, Кекевозъ возлагаетъ всю надежду на одного Ростома и посылаетъ къ нему дьякона съ мольбой о помощи. Дьяконъ, наступивъ на камень, закрывавшій яму Ростома, кричитъ ему грознымъ голосомъ: „встань, старикашка, безъ тебя дэви и кабаны разорили насъ!". Ростомъ, выведенный изъ себя этой дерзостью, бросаетъ трупъ Зураба, въ которомъ уже начинали показываться признаки жизни, выходитъ изъ ямы и приказываетъ дьякону достать бритву и осла, навьюченнаго пулями. Дьяконъ исполняетъ приказаніе. Тогда Ростомъ сбрилъ ему бороду и положилъ его подъ осла и сказалъ: „если несправедливо поступилъ со мною дьяконъ, то я разсѣку однимъ ударомъ осла, навьюченнаго пулями, и дьякона, чрезъ котораго я второй разъ убилъ сына". Дѣйствительно, однимъ ударомъ онъ разсѣкъ осла и дьякона и всадилъ мечъ въ землю на 12 саженъ. Затѣмъ онъ идетъ къ царю. Кекевозъ съ двумя сыновьями выходитъ ему на встрѣчу, но Ростомъ, помня его коварство, раздавилъ царевичамъ головы, чтобы и Кекевозъ почувствовалъ, какъ тяжело потерять сына.

Digitized by Google

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній по поводу приведеннаго сванетскаго сказанія.

Сравнивая его съ извѣстнымъ эпизодомъ о Рустемѣ и Зорабѣ, поэтически обработаннымъ поэтомъ Фердуси, мы находимъ въ сванетскомъ пересказѣ какъ бы остовъ этого иранскаго преданія, но остовъ не той редакціи, которую находимъ у тусскаго поэта, а какой-то, повидимому, болѣе простой и вѣроятно болѣе ранней. Впрочемъ, слѣды болѣе грубыхъ изводовъ проглядываютъ и у Фердуси, который, какъ поэтъ и эстетикъ, старался внести въ свой пересказъ болѣе изящества и благородства.

Сванетская женщина, грубо преслѣдующая Ростома, польстившись на царскую награду, такъ же мало напоминаетъ изящную Техминэ Фердуси, какъ наша баба Горынична въ ея связи съ Ильей Муромцемъ. Однако Фердуси не настолько уклонился отъ древняго преданія, чтобъ совсѣмъ замаскировать ту черту, что иниціатива той любовной связи, отъ которой произошелъ Зорабъ, принадлежала не Рустему, а Техминэ. Послѣдняя ночью проникаетъ въ спальню Рустема, признается ему въ страстной любви и желаніи имѣть отъ него сына. Не трудно видѣть, какія были ближайшія послѣдствія этого ночного визита. Но Фердуси, желая соблюсти законныя формы, говоритъ, что Рустемъ, выслушавъ любовное признанье, согласился стать мужемъ царевны, послалъ *мобеда* (жреца) испросить согласіе ея отца на бракъ, и царь, обрадованный этимъ, устраиваетъ свадьбу, согласно съ обычаями страны [1]).

Далѣе въ сванетской версіи отсутствуетъ цѣлый рядъ деталей извѣстныхъ изъ Фердуси. Она ничего не знаетъ о выборѣ Зорабомъ коня предъ отправленіемъ въ Иранъ, о присылкѣ властителемъ Турана Афрасіабомъ войска Зорабу и обоихъ полководцевъ Бармана и Гумана, которымъ поручено всячески препятствовать Зорабу узнать своего отца Рустема, о взятіи Зорабомъ *бѣлаго* замка, о его битвѣ съ

---

1) Mohl—Le livre des Rois, t. II, p. 62.

Digitized by Google

амазонкой Гурдаферидой, о вызовѣ царемъ Кей-Каусомъ Рустема при извѣстіи о побѣдахъ Зураба надъ иранцами и о похожденіяхъ Рустема, предшествующихъ его встрѣчѣ съ сыномъ [1]). Послѣ второго неудачнаго для него боя, Рустемъ у Фердуси не прибѣгаетъ къ такому коварству, какъ сванетскій Ростомъ. Онъ только проситъ божество возвратить ему въ полномъ объемѣ его прежнюю силу, отъ части которой онъ нѣкогда самъ отказался, такъ какъ погрязалъ отъ тяжести въ землю. Получивъ свою силу обратно, Рустемъ повалилъ Зураба и распоролъ ему „груди бѣлыя". Въ окончаніи разсказы персидскій и сванетскій также значительно расходятся. Оба сохранили ту подробность, что Рустемъ обращается къ царю Кей-Каусу за „живой" водой; но, по версіи Фердуси, царь просто отказываетъ посланному Рустемомъ Гудерзу въ воскрешающемъ средствѣ; сванетская же версія вводитъ какого то коварнаго *діакона*, проливающаго „живую" воду по приказу Кекевоза. Далѣе Фердуси описываетъ подробно обрядъ оплакиванья Рустемомъ убитаго сына, прекращеніе войны съ Тураномъ, путешествіе Рустема съ войскомъ, сопровождавшимъ похоронныя носилки, въ Забулистанъ, плачъ старика Заля надъ трупомъ внука, построеніе Рустемомъ склепа, но ничего не говоритъ о долголѣтнемъ пребываніи въ немъ Рустема и объ убіеніи послѣднимъ двухъ сыновей Кей-Кауса. Всѣ эти черты несходства между разсмотрѣнными версіями древне-иранскаго сказанія указываютъ на то, что въ основѣ сванетскаго пересказа долженъ лежать не тотъ изводъ, который поэтически обработалъ Фердуси.

Переходимъ къ *пшавскому* сказанію о Ростомѣ, сообщенному въ газ. „Иверія" (1889 № 82).

Однажды богатырь Ростомъ увидѣлъ высокую скалу, съ вершины которой капала кровь. Онъ приставилъ къ скалѣ чинаръ, взобрался на вершину и нашелъ тамъ исполинскаго чернаго араба. Великанъ сидѣлъ, всадивъ въ землю меж-

[1]) Ibid. стр. 66—117.

Digitized by Google

ду колѣнами кинжалъ, и когда начиналъ дремать, ударялся лбомъ объ остріе кинжала и тотчасъ просыпался. Ростомъ спросилъ его: „братецъ, зачѣмъ ты такъ дѣлаешь?“ Арабъ открылъ глаза и говоритъ: „счастье твое, что ты назвалъ меня братомъ, а то ты пострадалъ бы“. Затѣмъ онъ объяснилъ Ростому, что онъ подстерегаетъ краснаго араба, который поднимется съ чудной красавицей съ востока изъ Краснаго моря и пройдетъ мимо скалы. Черный арабъ будетъ биться съ краснымъ изъ-за красавицы и потому подстерегаетъ его, боясь заснуть. Ростомъ предложилъ черному арабу уснуть, обѣщаясь караулить и во-время разбудить его. „Ты меня не разбудишь,— сказалъ ему черный арабъ, — если не ударишь меня кинжаломъ въ босую ногу“. Такъ и сдѣлалъ Ростомъ, когда вскорѣ затѣмъ красный арабъ разлилъ свѣтъ на востокѣ. Ростомъ пожелалъ помочь черному арабу въ борьбѣ съ краснымъ. Черный приказалъ ему вырыть яму и сидѣть въ ней во время борьбы, укрывшись такимъ образомъ отъ ужаснаго вѣтра, который поднимется отъ ногъ борцевъ. Если красный арабъ начнетъ осиливать, пусть Ростомъ выйдетъ изъ ямы и крикнетъ; тогда красный потеряетъ бодрость. Ростомъ исполнилъ все это, и черный арабъ отбилъ у краснаго красавицу, а Ростомъ оставался у побѣдителя въ качествѣ слуги. Это безславное положеніе стало ему наконецъ невыносимо, и онъ задумалъ убить великана. Подкравшись къ нему во время сна, онъ пытается отрубить ему голову его же кинжаломъ, но не можетъ даже поднять оружіе великана. Тогда онъ своимъ кинжаломъ отрубилъ арабу обѣ ноги. Великанъ приподнялся и бросилъ свои отрубленныя ноги такъ сильно, что деревья съ корнями взлетѣли вверхъ. Затѣмъ Ростомъ напалъ на искалѣченнаго араба, убилъ его и хотѣлъ взять съ собою красавицу. Но она убѣжала отъ него и крикнула: „не можетъ быть моимъ мужемъ тотъ, кто измѣной и коварствомъ убилъ араба, а не лицомъ къ лицу, какъ подобаетъ герою“. Ростомъ не могъ пустить стрѣлу въ убѣгающую красавицу, такъ какъ герой не можетъ поднять руку на женщину; но

Digitized by Google

онъ взобрался на гору, крикнулъ такимъ громкимъ голосомъ, что красавица упала, и онъ овладѣлъ ею. Покидая красавицу, Ростомъ даетъ ей особый знакъ и велитъ ей пришить его къ одеждѣ будущаго сына, когда онъ выростетъ и задумаетъ искать отца. Самъ Ростомъ возненавидѣлъ съ этихъ поръ всѣхъ женщинъ и черный цвѣтъ.

Зурабъ—такъ назвала красавица сына - былъ такъ силенъ, что еще 6-и мѣсяцевъ отъ роду, сжимая альчики въ рукѣ, обращалъ ихъ въ порошекъ. Однажды одинъ обиженный имъ мальчикъ сказалъ ему: „если ты ужъ такъ силенъ, то отыщи своего пропавшаго отца". По настоянію Зураба, мать разсказала ему объ отцѣ, и онъ отправился его разыскивать. Чтобъ испытать сына, какъ онъ встрѣтитъ врага, мать одѣлась въ мужское платье, вооружилась и въ видѣ всадника подскакала на пути къ Зурабу, требуя, чтобъ онъ отдалъ ей оружіе. Зурабъ ударилъ копьемъ въ лошадь всадника, шапка съ него упала, и разсыпались женскіе волоса, по которымъ Зурабъ узналъ свою мать. Послѣдняя, довольная мужествомъ сына, благословила его въ дальнѣйшій путь и вернулась домой.

Зурабъ прибылъ въ какой-то городъ. Здѣсь одинъ старикъ по „знаку" призналъ въ немъ сына Ростома и, опасаясь, что отецъ съ сыномъ будутъ причинять городу еще больше несчастій, сталъ издѣваться надъ *знакомъ* Зураба, говоря, что съ нимъ онъ похожъ на женщину. Зурабъ спряталъ знакъ за пазуху. Старикъ разсказалъ въ городѣ о пріѣздѣ Зураба, и, по его совѣту, горожане отправляются просить Ростома сразиться съ пріѣзжимъ богатыремъ. Ростомъ идетъ къ дому, гдѣ остановился Зурабъ, и смотритъ на богатыря чрезъ окно въ крышѣ. Зурабъ подзываетъ его къ двери, но Ростомъ не входитъ и отвѣчаетъ, что завтра они будутъ биться. Въ первой схваткѣ осилилъ Зурабъ. Ростомъ прекратилъ бой. Ночью онъ отточилъ ножъ и утромъ вызвалъ Зураба на вторичный поединокъ. Но Зурабъ снова повалилъ стараго богатыря. Тогда, лежа на землѣ, Ростомъ вонзаетъ неожиданно ножъ въ Зураба. Юноша, смертельно раненый,

Digitized by Google

угрожаетъ противнику местью своего отца. Пораженный его словами, Ростомъ требуетъ „знака“ и Зурабъ, умирая, указываетъ себѣ за пазуху. Въ надеждѣ воскресить сына, Ростомъ посылаетъ къ кузнецу Кевху Маканадзе за „живой“ водой. Маканадзе былъ врагъ Ростома и не желалъ воскрешенія его сына, но все-же послалъ воды съ дьякономъ, которому велѣлъ, приблизившись къ Ростому, споткнуться и пролить воду. Въ отомщеніе за это Ростомъ прибѣжалъ къ Кевзу Маканадзе и убилъ двухъ его сыновей, а самъ бросился въ море, но не могъ утонуть и все плавалъ на поверхности. Городъ обѣщалъ крупную награду тому, кто выманитъ Ростома на берегъ. Одинъ старикъ берется за это предпріятіе съ условіемъ, чтобъ его кормили на общественный счетъ, пока онъ живъ, и похоронили, когда умретъ. Онъ идетъ на море и начинаетъ полоскать въ водѣ черную шерсть. Ростомъ не вытерпѣлъ и подошелъ къ старику: „безумецъ, развѣ можетъ воронъ побѣлѣть, хоть бы безъ конца мыть его пескомъ!“ Старикъ отвѣтилъ: „а кто когда-либо воскресилъ слезами умершаго?“ Ростомъ вышелъ на берегъ и остался на землѣ, проклиная свою несчастную судьбу.

Все начало приведенной сказки едва ли принадлежитъ къ иранскимъ сказаніямъ о Рустемѣ и противорѣчитъ характеру героя. Лицо, служащее у чернаго араба, затѣмъ убивающее его коварнымъ образомъ и отвергаемое красавицей, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ эпическимъ Ростомомъ. Въ пшавскомъ сказаніи скомкано и спутано содержаніе двухъ разныхъ сказокъ, и потому первая часть, до рожденія Зураба, можетъ быть нами оставлена въ сторонѣ. Замѣтимъ только, что нѣкоторыя черты — черный богатырь (арабъ), красный богатырь и красавица морского происхожденія—встрѣчаются въ грузинскомъ разсказѣ о похожденіяхъ героя Бадри Яманисдзе, входящемъ какъ эпизодъ (porte 2 me) въ составъ романа о похожденіяхъ богатырей Дареджановъ (Daredjaniani), во главѣ которыхъ стоитъ популярный въ грузинскихъ сказаніяхъ герой Амиранъ [1]).

[1]) У автора „Барсовой Шкуры“ Шота Руставели читается четырехстишіе

Digitized by Google

Остальная часть пшавскаго сказанія довольно близка къ сванетскому. Отмѣтимъ только черты несходныя. Такъ, въ пшавскомъ, встрѣчѣ Зураба съ Рустемомъ предшествуетъ нападеніе на Зураба переодѣтой въ мужскую одежду женщины. Сказаніе видитъ въ ней мать Зураба, желавшую испытать его мужество. Но очевидно этотъ мотивъ представляетъ отголосокъ поединка иранскаго Зураба съ амазонкой Гурдаферидъ, о полѣ которой онъ узнаетъ, также какъ въ сванетской сказкѣ, по волосамъ, разсыпавшимся изъ-подъ сорваннаго съ нея шлема [2]).

Въ другой подробности — въ высматриваніи Рустемомъ пріѣзжаго богатыря чрезъ отверстіе въ крышѣ — можно видѣть отголосокъ ночного тайнаго посѣщенія иранскимъ Рустемомъ замка, въ которомъ жилъ Зурабъ, причемъ Рустемъ убиваетъ ударомъ кулака Зендэ Резма, замѣтившаго его случайно [3]).

Яма, въ которой, по сванетской версіи, нѣсколько лѣтъ сидитъ Ростомъ у трупа сына, замѣнена въ *пшавской* моремъ, попавшимъ сюда изъ другого сказанія [4]), повидимому принадлежавшаго къ циклу похожденій Дареджановъ, отдѣльныя черты которыхъ и въ другихъ кавказскихъ сказкахъ переплетаются съ похожденіями Ростома. Такъ, въ осетинскихъ сказкахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, Ростомъ принадлежитъ, какъ и Беза (Бежанъ), къ богатырскому роду Даредзановъ.

Уѣзжая изъ дому,—сообщаетъ *осетинская* сказка, записан-

(№ 1637 по изд. 1841 г.), гдѣ говорится, что „Моисей Хонскій въ Имеретіи прославилъ Амирана Дареджаниедзе. См. Brosset—Melanges Asiatiques, t. VIII pp. 423 и 428 Содержаніе рукописнаго романа Daredjaniani см. въ Bulletin Scientifique de l' Acad. Impér. t. III, 1838, стр. 7 и слѣд.

[2]) Mohl—II, p. 75.

[3]) Mohl—II. 101.

[4]) Такъ въ осетинской сказкѣ о Даредзанахъ Амиранъ, сынъ Ростома, живетъ сначала въ морѣ и затѣмъ посредствомъ хитрости, къ которой прибѣгаютъ его братья Бадри и Руси, выходитъ на берегъ. См. Осет. Этюды I, стр. 145; ср. также I стр. 17.

Digitized by Google

ная г. Кайтмазовымъ [1]),—Ростомъ оставилъ жену свою беременною и велѣлъ ей прислать къ нему сына, какъ только тотъ выростетъ. Такъ какъ Зурапъ-ханъ, какъ вообще всѣ Даредзаны, выросъ быстро, то мать захотѣла испытать его, какъ наказывалъ ей мужъ. Зурапъ-ханъ, схвативъ буйвола за заднія ноги, перебросилъ его чрезъ семь этажей. Тогда мать снарядила его въ путь; между прочимъ, она велѣла ему привязать за сѣдломъ пукъ прутиковъ и не отвязывать ихъ ни въ какомъ случаѣ, хотя черти всячески будутъ нарочно надъ нимъ смѣяться. Зурапъ-ханъ отправился въ путь. На дорогѣ встрѣчаются ему нѣсколько человѣкъ, которые стали расхваливать его, говоря, что никогда еще не было въ ихъ сторонѣ такого ѣздока, только его безобразитъ этотъ пукъ, привязанный за сѣдломъ; они совѣтовали ему отвязать и бросить его. Зурапъ-ханъ не послушался. Забѣжавъ впередъ, черти опять ему встрѣтились и повторили то-же самое. И на этотъ разъ Зурапъ-ханъ былъ благоразуменъ; но когда это повторилось въ третій разъ, Зурапъ-ханъ, не подозрѣвая обмана, не выдержалъ—бросилъ пукъ и поѣхалъ дальше. Онъ подъѣзжалъ уже къ городу Абрасетъ, когда завидѣлъ его Ростомъ, который, смотря на него, не мало удивлялся: „всадникъ будто изъ Даредзанъ, а за сѣдломъ его нѣтъ отличительныхъ прутьевъ.“ Онъ крикнулъ на него. Зурапъ-ханъ будто и не слыхалъ. Ростомъ крикнулъ во второй разъ,—то-же самое, въ третій разъ—все одно: Зурапъ-ханъ даже вниманія не хочетъ обратить на него; такъ-же спокойно слѣзъ онъ съ лошади и пустилъ ее въ садъ. Ростомъ, не встрѣчавшій еще такого пренебреженія къ себѣ, бросился на незнакомца, и они стали бороться. Въ то время, какъ Зурапъ-ханъ повалилъ Ростома, послѣдній вынулъ изъ-за ногавицы ножъ и всадилъ его Зурапъ хану въ животъ.—„Горе твоему очагу“,—сказалъ Зурапъ-ханъ, умирая: „у меня есть отецъ, Ростомъ, который поймаетъ тебя за ногу, если

---

1) См. Сборн. Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VII, 1889, отд. II, стр. 18.

Digitized by Google

ты вздумаешь отъ него спасаться на небо, и за чубъ, — если въ землю: нигдѣ тебѣ отъ него не укрыться!"

Ростомъ, узнавъ сына, сталъ рыдать и рвать на себѣ волосы. Но ничего нельзя было уже сдѣлать. Тогда онъ вошелъ съ трупомъ сына въ подземелье (бынелетъ) и тамъ круглый годъ пробылъ съ нимъ, отростивъ до колѣнъ бороду. Ни на минуту не выпускалъ онъ его изъ объятій, обливая его горькими слезами. Наконецъ, боги сжалились надъ нимъ: въ день, когда настала годовщина несчастнаго событія, Зурапъ-ханъ сталъ шевелиться...

Далѣе, какъ и въ сванетской сказкѣ о Ростомѣ, разсказывается похожденіе Безана, которое мы разсмотримъ ниже.

Осетинская сказка ближе къ сванетской, чѣмъ къ пшавской. Такъ же, какъ въ первой, насмѣшки чертей, принявшихъ человѣческій видъ и три раза встрѣчавшихся Зурабу на пути, заставляютъ сына спрятать знаки, по которымъ его могъ бы узнать отецъ. И такъ же, какъ въ сванетской сказкѣ, въ осетинской Ростомъ съ трупомъ Зураба спускается въ яму. Послѣдняя черта, не извѣстная изъ сказанія о Рустемѣ у Фердуси, представляетъ, повидимому, подробность, вошедшую въ иранское сказаніе уже на Кавказѣ, хотя мы и не можемъ уяснить ея источника. Основная мысль въ ней та, что по прошествіи извѣстнаго времени мертвецъ могъ бы быть воскрешенъ: онъ начинаетъ уже проявлять признаки жизни, но внезапный перерывъ сидѣнія около оживлявшагося трупа, снова приводитъ его въ прежнее состояніе.

Нѣсколько сходный мотивъ встрѣчается въ осетинскомъ сказаніи о Нартѣ Урызмегѣ. Чудесный мальчикъ-богатырь сопровождаетъ этого богатыря на войну и помогаетъ ему въ осадѣ замка Чилахсартонова. Чилахсартонъ ранитъ мальчика стрѣлою. „Въ то время,—продолжаетъ сказка,—было такъ: если кого перенесутъ за три долины, то уже тому смерти не было. Урызмегъ положилъ мальчика на спину и перенесъ его за двѣ долины. Сырдонъ былъ злодѣемъ для Нартовъ. Онъ сказалъ Урызмегу: „Ага, Урызмегъ! твою дружину разбили, а ты колдуньина сына на спину положилъ и несешь." Урызмегъ бро-

Digitized by Google

силъ мальчика, когда услыхалъ эти рѣчи. Поэтому мальчикъ умеръ" [1]). Если мы замѣтимъ, что въ другихъ осетинскихъ сказаніяхъ чудесный мальчикъ богатырь оказывается безыменнымъ сыномъ Урызмега [2]), помогающимъ отцу въ его подвигахъ и, по одному сказанію, нечаянно убитымъ своимъ же отцемъ [3]), то сходство вышеприведеннаго мотива съ сидѣніемъ Ростома въ ямѣ и прерваннымъ воскрешеніемъ Зураба станетъ еще ярче.

Переходя къ разсмотрѣнію сказаній о Бежанѣ, которыя на Кавказѣ тѣсно переплелись съ сказаніями о боѣ Рустема съ сыномъ, считаемъ не лишнимъ напомнить въ главныхъ чертахъ ту персидскую редакцію, которую поэтически обработалъ Фердуси.

Разсказъ о похожденіяхъ Бижена открываетъ тусскій поэтъ описаніемъ роскошнаго пира царя Кей-Хосру съ его богатырями (пехлеванами), среди которыхъ засѣдаютъ Гивъ, Гургинъ и Биженъ, сынъ Гива. Въ залу пиршества вводятъ посольство отъ Ираманцевъ, живущихъ на границѣ между Ираномъ и Тураномъ. Посланники просятъ защитить ихъ область отъ исполинскихъ кабановъ, которые ее опустошаютъ. Царь, обѣщая богатую награду, вызываетъ охотниковъ изъ среды своихъ пехлевановъ. Всѣ молчатъ, и только Биженъ выражаетъ готовность ѣхать биться съ кабанами. Въ спутники и совѣтники слишкомъ юному богатырю даетъ царь Гургина. Запасшись для охоты гепардами и соколами, оба отправляются въ путь и достигаютъ лѣса, въ которомъ бродятъ страшные кабаны. Биженъ разсчитываетъ, что и Гургинъ приметъ участіе въ бою, но тотъ благоразумно уклоняется. Биженъ бьется одинъ, убиваетъ множество кабановъ и привозитъ ихъ головы къ окраинѣ лѣса, гдѣ его ждалъ Гургинъ. Тотъ поздравляетъ его, но въ душѣ завидуетъ и задумываетъ его погубить. Онъ разсказываетъ ему,

[1]) См. Осет. Этюды I, стр. 45.

[2]) См. Осет. Тексты Шифнера, стр. 71—86 и Сборн. свѣд. о Кавказскихъ Горцахъ, Вып. V, отд. II.

[3]) Осет. Тексты Шифнера, стр. 72.

Digitized by Google

что недалеко отъ нихъ, на границѣ Турана, есть прелестная поляна, гдѣ веселится съ своимъ штатомъ дивная какъ пери дочь туранскаго царя Афросіаба Менижэ. Биженъ хочетъ полюбоваться на красавицъ, ѣдетъ къ указанному мѣсту и, скрытый за кипарисомъ, любуется играми тюркскихъ женщинъ. Менижэ замѣтила пехлевана, плѣнилась имъ и послала къ нему свою кормилицу узнать, кто онъ. Онъ называетъ свое имя и тайно приходитъ въ шатеръ Менижэ, которая бросается ему на шею. Угостивъ его обильнымъ ужиномъ и напоивъ его, царевна увозитъ его спящаго въ свой дворецъ, и проснувшись Биженъ очутился ея любовникомъ. Нѣкоторое время царевнѣ удается скрыть его присутствіе, но наконецъ все было донесено Афросіабу, который приходитъ въ ярость отъ такого оскорбленія. Посланный схватить Бижена Герсивезъ, обѣщавъ ему сохраненіе жизни, выманиваетъ у него оружіе. Бижена связываютъ и приводятъ къ Афросіабу. Тотъ велитъ его повѣсить, но, склонившись на убѣжденія Пирана, рѣшаетъ посадить его скованнаго по рукамъ и ногамъ въ глубокую яму на пожизненное заключеніе. Свою дочь онъ прогоняетъ и она должна жить около ямы, гдѣ сидитъ ея любовникъ, и питаться подаяніемъ. Менижэ ежедневно собираетъ милостыню и кормитъ Бижена, бросая ему хлѣбъ въ яму. Между тѣмъ коварный Гургинъ возвращается въ Иранъ и говоритъ, что Биженъ погнался за онагромъ съ арканомъ, исчезъ и не возвратился. Отецъ Бижена Гивъ, подозрѣвая со стороны Гургина коварство, жалуется царю. Тотъ велитъ наложить на Гургина оковы и обѣщается узнать о мѣстопребываніи Бижена, посмотрѣвъ въ чудесную чашу семи *кешверовъ* (частей земли). Дѣйствительно, чаша открываетъ ему, что Биженъ сидитъ въ ямѣ у царя Афросіаба и что царская дочь его кормитъ. Затѣмъ царь посылаетъ Гива за Рустемомъ, который одинъ въ состояніи освободить Бижена, *своего внука* [1]). Рустемъ, по обыкновенію, не торопится: нѣсколь-

---

1) Гивъ былъ женатъ на дочери Рустема и отъ нея имѣлъ сына Бижена.

Digitized by Google

ко дней пируетъ съ гостемъ и затѣмъ отправляется ко двору. Звѣсь онъ прежде всего испрашиваетъ у царя пощады Гургину, затѣмъ снаряжаетъ свою экспедицію. Онъ велитъ навьючить всякими драгоцѣнными товарами сотни верблюдовъ и съ огромной свитой, подъ видомъ купца, отправляется въ Туранъ. Въ городѣ Афросіаба онъ нанимаетъ домъ и начинаетъ торговать. Менижэ, узнавъ о прибытіи купцовъ изъ Ирана, отправляется къ Рустему, разсказываетъ ему объ участи Бижена и проситъ помощи. Рустемъ, чтобы не выдать себя, говоритъ, что не знаетъ Бижена, но даетъ ей изъ состраданія къ узнику дичь, въ которую вкладываетъ свой перстень. По этому перстню Биженъ узнаетъ о прибытіи Рустема и посылаетъ къ нему Менижэ. Тогда Рустемъ открываетъ цѣль своего пріѣзда и велитъ Менижэ ночью зажечь костеръ передъ входомъ въ яму Бижена, обѣщаясь прійти его выручить. Менижэ исполняетъ приказаніе. Ночью Рустемъ съ своей дружиной подходитъ къ ямѣ, отваливаетъ покрывавшій ее камень, который всѣ его спутники напрасно усиливались отвалить, и прежде, чѣмъ вытащить Бижена, беретъ съ него клятву, что онъ не будетъ мстить Гургину. Получивъ отъ Бижена обѣщаніе, Рустемъ бросаетъ ему арканъ и вытаскиваетъ его наружу. Затѣмъ освобожденный вмѣстѣ съ Менижэ скачетъ въ Иранъ, а Рустемъ совершаетъ еще ночное нападеніе на дворецъ Афросіаба и, разбивъ его дружину, преслѣдуетъ ее на разстояніи нѣсколькихъ фарсанговъ. Наконецъ всѣ благополучно возвращаются въ Иранъ [1]).

Вотъ краткое содержаніе романа Бижена и Менижэ, изложеннаго Фердуси въ пространной поэмѣ, обильно украшенной цвѣтами восточнаго краснорѣчія. Въ нѣкоторыхъ кавказскихъ народныхъ версіяхъ это романическое иранское преданіе сохранило почти только остовъ, а личность Менижэ, этой любящей женщины, прокармливающей милостыней своего возлюбленнаго, сохранилась даже не во всѣхъ изводахъ.

---

[1]) См. Mohl—o. c. III, стр. 231—327.

Digitized by Google

Похожденіе Бежана, какъ мы сказали, приводится въ тѣсную связь съ окончаніемъ сказанія объ убіеніи Ростомомъ его сына. Въ то время, когда Ростомъ сидитъ въ ямѣ, говорится въ *сванетскомъ* разсказѣ, царь Кекевозъ (а не Кей-Хосру, какъ у Фердуси) посылаетъ Бежана вмѣстѣ съ Гургеномъ прогнать кабановъ, опустошавшихъ его царство. Бежанъ убилъ столько кабановъ, что ихъ клыками наполнилъ 100 аробъ; Гургенъ же, испугавшись, влѣзъ на дерево и оттуда смотрѣлъ на побоище, по окончаніи котораго помогъ Бежану выдергивать клыки. Затѣмъ онъ предлагаетъ Бежану идти къ иранскому (sic) царю Афросуапу и просить у него дочь красавицу Маруджану. Онъ дѣлаетъ это изъ хитрости: туранцы и иранцы — кровные враги; Бежана убьютъ иранцы, а Гургенъ присвоитъ себѣ убитыхъ кабановъ. Когда Бежанъ отправился овладѣть красавицей, Гургенъ привезъ клыки къ царю Кекевозу и разсказалъ, что самъ перебилъ кабановъ, а Бежанъ, испугавшись ихъ, обратился въ бѣгство, но былъ настигнутъ кабаномъ и убитъ. За такой подвигъ Гургенъ получилъ почетное званіе у царя. Между тѣмъ Бежанъ прибылъ къ башнѣ, въ которой Афросуапъ держитъ свою дочь. Послѣдняя увидѣла Бежана, влюбилась въ него и поручила своей служанкѣ ввести его тайкомъ въ башню, гдѣ онъ и остается при ней нѣкоторое время. Узнавъ объ этомъ, Афросуапъ окружаетъ башню войскомъ. Бежанъ перебилъ половину его, а другую обратилъ въ бѣгство. Визири совѣтуютъ царю прекратить осаду, позволить Бежану жениться на Маруджанѣ, а затѣмъ овладѣть имъ хитростью. Царь послушался совѣтниковъ. Сыграли свадьбу. Когда Бежанъ спалъ ночью, на него наложили оковы, но онъ разорвалъ ихъ какъ нитку. Удивились царь и визири и рѣшили отъ него же самого узнать, чѣмъ его можно связать. Уговорили служанку вывѣдать объ этомъ у Бежана, и послѣдній проговорился, что его можно связать только тетивою его собственнаго лука. Такъ ночью и связали его. Царь радуется и глумится надъ Бежаномъ. Бежанъ говоритъ, что еслибъ ему дали *лахти* (булава изъ

Digitized by Google

металла), онъ перебилъ бы всѣхъ иранцевъ. Афросуапъ хочетъ его убить, но его визирь Шевлохъ, туранецъ по происхожденію, знавшій Ростома, отговариваетъ царя и совѣтуетъ ему бросить Бежана въ яму и чтобы Маруджана сама доставляла ему пищу, добывая ее какъ знаетъ. Афросуапъ велѣлъ вырыть въ городѣ своемъ *Нарти* (который будто бы существуетъ и донынѣ) яму. Туда посадили Бежана, закрывъ яму громаднымъ камнемъ. Родъ Ростома имѣлъ „минутные часы" (sic), посмотрѣвъ на которые, можно было видѣть весь міръ. По выходѣ изъ ямы, въ которой онъ оплакивалъ Зураба, Ростомъ, взглянувъ на часы, увидѣлъ Бежана въ ямѣ. Тогда онъ взялъ съ собой 12 молодыхъ богатырей, посадилъ ихъ въ мѣшки, которыми нагрузилъ ословъ, и съ такимъ караваномъ отправился въ городъ Афросуапа. Жена Бежана узнаетъ о его прибытіи и сообщаетъ мужу, что пріѣхалъ человѣкъ очень похожій лицомъ на него. Бежанъ посылаетъ ее къ пріѣзжему съ разспросами. Ростомъ въ свою очередь посылаетъ узнику кольцо съ мизинца, письмо и курицу. Изъ письма Бежанъ узнаетъ, что дядя Ростомъ придетъ ночью освободить его съ 12 богатырями. Маруджана разводитъ огонь около ямы. Никто изъ товарищей Ростома не можетъ отвалить камня, но онъ бросаетъ его такъ сильно въ башню, что ея вершина обрушивается, а камень летитъ дальше, ударяется въ скалу и затѣмъ падаетъ въ средину города Нарти, разрушивъ его до основанія. Освобожденный Бежанъ и 12 богатырей ѣдутъ домой. Афросуапъ съ войскомъ догоняетъ ихъ, но Ростомъ, отправивъ впередъ Бежана съ дружиной, одинъ остается, чтобы встрѣтить непріятеля. Вырвавъ съ корнемъ громадный кедръ и очистивъ его отъ вѣтвей, Ростомъ бросилъ имъ въ Афросуапа и пригвоздилъ его съ конемъ къ землѣ. Затѣмъ онъ догоняетъ товарищей. Бежанъ хотѣлъ убить Гургена, но Ростомъ исходатайствовалъ у племянника прощеніе дядѣ [1]).

При всей близости сванетскаго разсказа къ персидскому

---

1) См. Иверія, 1887, № 214. Легенда „Ростомъ-герой".

Digitized by Google

у Фердуси, цѣлый рядъ деталей указываетъ на то, что въ основѣ сванетскаго лежитъ не тотъ изводъ, который былъ обработанъ персидскимъ поэтомъ. Прежде всего мы отмѣчаемъ странное явленіе, что Иранъ и Туранъ помѣнялись ролями. Ростомъ, этотъ главный паладинъ Ирана, въ кавказскихъ разсказахъ сталъ туранцемъ, а жесточайшій врагъ Ирана Афросіабъ сталъ царемъ Ирана. Такая перестановка объясняется, конечно, историческими отношеніями Закавказья къ Ирану т. е. Персіи. Персіяне, эти враги христіанства, нерѣдко опустошавшіе Закавказье своими походами, были настолько ненавистны грузинамъ, что даже заимствуя національные сказанія о борьбѣ Ирана съ Тураномъ, закавказскія племена не могли допустить, чтобъ герои Ростомъ, Бежанъ и другіе были иранцами, и не измѣняя содержанія иранскихъ сказаній, чисто внѣшнимъ образомъ переименовали иранцевъ въ туранцевъ. Любопытный примѣръ тому, какъ легко и просто и съ какими поверхностными измѣненіями усвоиваются національныя сказанія одного племени другимъ!

Далѣе, связавъ между собою хронологически два сказанія – бой Рустема съ сыномъ и освобожденіе Бежана изъ плѣна—сванетская сказка называетъ царемъ Турана (sic), пославшимъ Бежана биться съ кабанами, того же Кекевоза, хотя по персидскимъ преданіямъ похожденія Бижена пріурочиваются къ царствованію Кей-Хосру.

Отмѣтимъ далѣе такія детали сванетскаго разказа, которыхъ не находимъ у Фердуси. Дочь Афросуапа Маруджана, соотвѣтствующая персидской Менижэ, живетъ въ башнѣ и туда призываетъ Бежана. Въ персидскомъ разсказѣ первое свиданіе Менижэ съ Биженомъ происходитъ въ палаткѣ на полянѣ и затѣмъ охмелѣвшаго Бижена переносятъ въ замокъ царевны. Сванетскій Бежанъ одинъ прогоняетъ цѣлое войско, осаждавшее замокъ, разрываетъ желѣзныя оковы, какъ нитку, и попадаетъ подъ власть Афросуапа только тогда, когда проговорился, что можетъ быть связанъ тетивою собственнаго лука. Чудесный кубокъ семи кешверовъ,

Digitized by Google

въ который смотритъ царь Кей-Хосру у Фердуси, замѣненъ какими-то „минутными часами", на которые смотритъ самъ Ростомъ. Караванъ съ драгоцѣнными товарами, сопровождающій персидскаго Рустема въ его экспедиціи въ Туранъ, замѣненъ двѣнадцатью богатырями, сидящими въ мѣшкахъ, навьюченныхъ на ословъ; сванетскій Ростомъ пріѣзжаетъ въ *иранскій* городъ Нарти, слѣдъ котораго яко-бы существуетъ и доселѣ. Узнику Бежану онъ сообщаетъ о цѣли своего пріѣзда не только перстнемъ, но сверхъ того (въ силу эпической амплификаціи) *курицей* и *письмомъ*. Громадный камень, покрывавшій яму Бежана и брошенный вверхъ Ростомомъ, уничтожаетъ въ своемъ паденіи весь городъ Нарти, а брошенный тѣмъ же богатыремъ въ Афосуапа кедръ пригвоздилъ „иранскаго" царя вмѣстѣ съ конемъ къ землѣ. Ничего подобнаго нѣтъ въ персидской редакціи, по которой Афосіабъ, хотя и разбитый, спасся бѣгствомъ и еще много зла впослѣдствіи причинялъ Ирану. Всѣ эти различія въ подробностяхъ показываютъ, что въ иранское сказаніе на почвѣ Кавказа проникли отдѣльныя черты изъ другихъ сказокъ.

Осетинская передача сказанія о Безанѣ отличается крайней бѣдностью деталей.

„Въ то время, какъ Ростомъ находился въ *Абрасетъ-городѣ* (въ ямѣ съ трупомъ сына), *братъ* его Беза охранялъ отъ враговъ какой-то другой народъ. Онъ завелъ тамъ любовницу, и жители за это вознамѣрились извести его какимъ нибудь путемъ, но средство нужно было найти повѣрнѣе; это средство указалъ имъ Гурдженъ, холопъ Беза. Онъ научилъ враговъ Беза связать послѣдняго во время сна тетивой его собственнаго лука. Этой тетивы онъ не разорветъ и его легко будетъ убить. Шесть человѣкъ взялись за одинъ конецъ, шесть за другой и стали пилить тетиву. Когда она была перепилена, лукъ выпрямился и ударилъ державшихъ его съ такою силой, что трехъ убилъ съ одной стороны, трехъ съ другой. Теперь враги ожидали только дня, когда Беза заснетъ.

Digitized by Google

А *Даредзаны*, заснувъ, спали безъ просыпу цѣлую недѣлю. Беза заснулъ. Враги вырыли большую яму, связали его тетивой лука и вкатили въ эту яму, наваливъ на него громадный камень. Жена Ростома, посмотрѣвъ въ это время въ зеркало, имѣвшее силу отражать все, по желанію смотрѣвшаго въ него, узнала объ этомъ и послала сказать мужу, находившемуся въ подземельѣ, чтобы онъ поторопился, оставивъ сына, такъ какъ сынъ у нихъ еще можетъ родиться, а брата не дастъ ему уже никто. Ростомъ, услыхавъ такую вѣсть, бросилъ сына, начинавшаго уже шевелиться, и поспѣшилъ на помощь къ брату. Онъ отвалилъ камень и развязалъ Беза. Когда обнаружилось, что предателемъ его былъ холопъ Гурдженъ, Беза хотѣлъ его задушить, но Ростомъ не позволилъ ему пачкаться собачьей кровью. Тогда братъ просилъ только позволить ему бросить въ Гурджена за наказаніе яблокомъ. Ростомъ позволилъ ему это. Беза, вырѣзавъ яблоко въ серединѣ, налилъ его свинцомъ и ударилъ имъ Гурджена въ грудь. Яблоко-свинецъ пролетѣло насквозь, и Гурдженъ упалъ мертвый" [1]).

Вотъ въ какомъ жалкомъ видѣ сохранилось древнее иранское сказаніе у Осетинъ, переваливъ за кавказскій хребетъ! Отъ всего поэтическаго эпизода о любви Менижэ къ Бижену, донесся лишь глухой отголосокъ въ томъ, что Безанъ гдѣ-то, у какого то народа завелъ любовницу и жители, неизвѣстно почему, за это вознамѣрились его извести. Позабыто имя „любовницы", ея отца Афросіаба, и родственныя отношенія между Рустемомъ, Безаномъ и Гурджиномъ перепутаны. Изъ внука Беза (Биженъ) перечисленъ въ младшаго брата Ростома, а Гурдженъ сталъ холопомъ Беза. Незначительная деталь, которую мы находимъ въ сванетскомъ пересказѣ и которая отсутствуетъ въ персидскомъ, именно связываніе героя тетивой его собственнаго лука,—почему-то пришлась по вкусу осетинамъ и получила даже хотя не совсѣмъ осмысленное пополненіе. Перепиленная тетива, преж-

[1]) См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VII, 1889 г. Отд. II, стр. 19 и слѣд.

Digitized by Google

де чѣмъ ею былъ связанъ Беза, убила 6 человѣкъ, хотя необъяснено, какъ не замѣтилъ Беза въ теченіе нѣкотораго времени отсутствія тетивы на своемъ лукѣ. Чудесный кубокъ Кей-Хосру и „минутные часы" Ростома замѣнены чудеснымъ зеркаломъ, въ которомъ видитъ Безана жена Ростома, мать Зурапъ-хана. При этомъ осетинскій разсказчикъ вводитъ ту черту (извѣстную изъ другихъ народныхъ сказаній), что *братъ* стоитъ выше *сына*, и заставляетъ Ростома покинуть уже воскресавшаго Зурапъ хана, чтобы поспѣшить на помощь брату. Тотъ же разсказчикъ не могъ помириться съ безнаказанностью Гурджена, и послѣдній долженъ быть убитъ за свое коварство.

Въ приведенномъ осетинскомъ разсказѣ экспедиція Безана съ Гурдженомъ противъ кабановъ оставила только самый глухой слѣдъ. Разсказчикъ только упоминаетъ, что Беза охранялъ отъ враговъ какой-то народъ. Но болѣе яркій отголосокъ, доказывающій, что эта деталь еще не совсѣмъ исчезла на почвѣ Осетіи, находимъ мы въ другомъ осетинскомъ разсказѣ, записанномъ нами въ Алагирѣ и скомкавшемъ весьма страннымъ образомъ оба разсматриваемыя нами иранскія сказанья: объ убіеніи Ростомомъ сына и о похожденіи Безана.

Приводимъ этотъ разсказъ, какъ любопытный образчикъ контаминаціи въ народныхъ сказаніяхъ.

„Ростомъ и Безанъ были изъ рода Сануасовыхъ. Безанъ былъ младшимъ. Однажды имъ послали сказать изъ сада: „Ростомъ! Ангетовскія желѣзно-рылыя свиньи вашъ виноградникъ съѣли". Безанъ туда отправился. Жена его была беременна и сказала: „Ты идешь, а мнѣ что дѣлать? Какъ ты узнаешь, мальчикъ-ли будетъ у меня или дѣвочка?" Онъ сказалъ: „Если будетъ мальчикъ, то по какимъ мѣстамъ пойду, тамъ пойдетъ побѣгъ *стрѣловаго дерева*; это будетъ знакомъ моего пути". Онъ пошелъ и сторожилъ садъ. Затѣмъ у него родился мальчикъ. Ночью онъ на ладонь росъ, днемъ на локоть и скоро сталъ играть стрѣлой.

Однажды дочь колдуньи шла по воду, и мальчикъ стрѣлою

Digitized by Google

пробилъ ей ведро. Дѣвушка ему сказала: „если уже ты такой хорошій мальчикъ, зачѣмъ же твоего отца вошь съѣла?“ [1]). Мальчикъ съ плачемъ вошелъ въ свой домъ. Мать сказала ему: „что съ тобою? что плачешь?“—Отъ кого я родился, сказалъ онъ, былъ у меня отецъ?“—„Былъ“, сказала она. —Такъ гдѣ-же онъ? Мать сказала: „Теперь ты малъ, туда не пойдешь!“—Отчего не пойду? Покажи мнѣ дорогу къ моему отцу. Мать пошла и направила его по отцовской дорогѣ, по побѣгу стрѣловаго дерева. Мальчикъ ушелъ и шелъ впередъ. Безана въ шатрѣ не было, мальчикъ тамъ сѣлъ; Безанъ ушелъ за добычею. Возвращаясь назадъ, онъ увидѣлъ мальчика издали, началъ къ нему подкрадываться, подкрался къ нему, выстрѣлилъ въ него и убилъ. Мальчикъ сказалъ ему (умирая): „Хорошаго мужа сына ты убилъ!“—Какого рода племени этотъ мужъ?—спросилъ его Безанъ. „Я Безановъ сынъ“,—сказалъ мальчикъ. Безанъ себя ружьемъ по головѣ колотилъ; потомъ пошелъ, сдѣлалъ себѣ жилье подъ землею, сталъ тамъ сидѣть и просидѣлъ годъ Еще три дня оставалось до года, когда ему такъ крикнулъ Сырдонъ: „У! у! ради одного ребенка чего ты подъ землею сидишь?“ Если бы еще эти три дня прошли, то мальчикъ былъ бы воскрешенъ,—поясняетъ сказка. Этого болѣе не выдержалъ Безанъ и оттуда вылѣзъ. Не догнавъ Сырдона, онъ вынулъ свой кинжалъ, вонзилъ себѣ въ грудь и умеръ [2]).

Приведенная сказка можетъ служить примѣромъ того крайняго искаженія, которому иногда подвергаются эпическія сказанія, занесенныя далеко отъ первоначальной своей родины. Всякіе слѣды иноземнаго происхожденія Ростома и Безана стерты. Они являются уже осетинами изъ какого-то рода Сануасовыхъ (Сануастä) и разсказанное событіе произошло уже не въ глубокой древности, такъ какъ Безанъ застрѣлилъ сына изъ *ружья*, хотя глухо упоминается о какомъ-то стрѣловомъ деревѣ (фатqäд.). Начало сказки за-

---

[1]) Т. е. твой отецъ бездомный нищій.

[2]) Осетинскіе Этюды. Ч. I, стр. 79, № XV. Ростомъ и Безанъ.

Digitized by Google

имствовано изъ сказанія о Безанѣ, такъ какъ *аменттовскія* желѣзно рылья свиньи соотвѣтствуютъ гигантскимъ ирманскимъ кабанамъ (Фердуси), но въ дальнѣйшемъ разсказчикъ совсѣмъ позабылъ о Ростомѣ, и его роль сыноубійцы переходитъ къ Безану. Настоящаго единоборства отца съ сыномъ уже нѣтъ. Отецъ, безъ всякой мотивировки, подкрадывается къ малолѣтнему сыну и убиваетъ его. За то сохраненъ мотивъ оплакиванья отцемъ сына въ ямѣ, мотивъ, какъ мы видѣли, неизвѣстный въ редакціи Фердуси, но встрѣчающійся въ другихъ кавказскихъ пересказахъ поединка отца съ сыномъ. Это *сидѣніе* отца съ трупомъ сына въ ямѣ нашло себѣ въ разсматриваемомъ разсказѣ приличную мотивировку: мальчикъ могъ бы быть воскрешенъ, еслибъ сидѣніе не было внезапно прервано (срав. пересказы сванетскій и пшавскій). Нарушителемъ сидѣнья удачно введенъ Сырдонъ, который всегда дѣлаетъ все на зло нартамъ въ осетинскихъ сказаніяхъ. Онъ пристыжаетъ отца его любовью къ сыну—и, по осетинскимъ понятіямъ о приличіи, слова Сырдона дѣйствительно оскорбительны, потому что постороннему говорить отцу о его женѣ или дѣтяхъ, а тѣмъ болѣе о его любви къ нимъ, считается, по осетинскимъ понятіямъ, неприличнымъ и оскорбительнымъ. Понятно, что Безанъ „не выдержалъ“ и вылѣзъ изъ ямы. Наконецъ сказка кончается смертію отца (Безана-Ростома), чего нѣтъ ни въ одномъ изъ прочихъ кавказскихъ пересказовъ и чего не было въ „иранскомъ“ основномъ преданіи.

Мы видѣли, что по сю сторону кавказскаго хребта, въ обоихъ осетинскихъ сказаніяхъ, уже стерты слѣды персидской національности героевъ. Ростомъ и Безанъ принадлежатъ либо къ роду Даредзановыхъ, либо Сануасовыхъ и уже не являются представителями Ирана въ борьбѣ съ Тураномъ (или наоборотъ, какъ въ закавказскихъ сказаніяхъ). Но нѣкоторые слѣды Турана, быть можетъ, еще укрываются гдѣ нибудь въ Осетіи. По крайней мѣрѣ, по словамъ г. Кокіева, ему случилось въ Бесланѣ слышать разсказъ, въ которомъ, между прочимъ, упоминалось, что Ростомъ

Digitized by Google

убилъ властителя Туранцевъ (áмардта Турантѵ ãлдарѵ [1]). Съ своей стороны высказываемъ догадку, что въ названіи города *Абрасетъ*, быть можетъ, мы имѣемъ послѣднее искаженіе имени Афрасіабъ, сванет. Афросуапъ.

Разсмотрѣнные нами кавказскіе пересказы *двухъ* эпизодовъ изъ похожденій Рустема въ достаточной степени показываютъ, насколько сохраняются еще доселѣ иранскія эпическія сказанія на почвѣ Кавказа. Несмотря на тысячелѣтнюю давность, на рядъ искаженій и смѣшеній, даже въ жалкой осетинской сказкѣ о Ростомѣ и Безанѣ еще сквозитъ иранскій прототипъ. Мы прослѣдили на Кавказѣ измѣненія двухъ цѣлыхъ эпизодовъ изъ персидскаго эпоса, но *отдѣльныя* черты, занесенныя въ кавказскія сказки разныхъ народностей изъ того же источника, встрѣчаются весьма часто. Однако такіе отдѣльные сходные съ персидскими мотивы въ сказкахъ представляютъ уже второстепенный интересъ, въ виду того, что, при существованіи сходныхъ мотивовъ въ сказкахъ самыхъ различныхъ народностей, мы не всегда можемъ быть увѣрены, что та или другая черта заимствована именно изъ персидскихъ сказаній. Мы ограничимся поэтому лишь нѣсколькими примѣрами такихъ сказочныхъ мотивовъ, которые *могли бы* быть сведены къ персидскому эпосу, хотя безъ полной убѣдительности.

Такъ осетинскіе нарты, по однимъ сказаніямъ—Созрыко, по другимъ—Батразъ, родятся не естественнымъ путемъ, а выходятъ на свѣтъ Божій чрезъ искусственный разрѣзъ, подобно Рустему, котораго матери (Рудабэ) было сдѣлано кесарское сѣченіе [2]). Богатырь-сынъ, не знающій своего отца, допытывается о немъ у матери подъ угрозой ее убить. Такъ осетинскій Батразъ (Батырадзъ) идетъ къ матери и угрожаетъ выжечь ея грудь раскаленнымъ желѣзомъ, если она не скажетъ ему правды объ отцѣ [3]). Съ угрозой же обращается

[1]) См. Осет. Этюды I. Введеніе, стр. 12.

[2]) Mohl—o. c. I 277.

[3]) Сборн. св. о кавк. горцахъ, вып. V.

Digitized by Google

къ матери Зурабъ, чтобъ узнать, кто былъ его отецъ и гдѣ онъ находится [1]), и Дарабъ въ сказаніяхъ объ Александрѣ (Искандеръ-Намэ) [2]). Нѣкоторыя черты изъ иранскихъ сказаній о Ростомѣ, напримѣръ, сраженіе его съ *бѣлымъ дивомъ*, сохранились въ удинской сказкѣ о Рустомѣ, [3]) но главное ея содержаніе не имѣетъ ничего общаго съ похожденіями иранскаго богатыря. Считая подобныя отдѣльныя аналогіи весьма мало доказательными, мы въ заключеніе коснемся другого вопроса: въ какое время могли быть занесены на Кавказъ отголоски эпическихъ сказаній Ирана и откуда можно ждать разъясненія тѣхъ послѣдовательныхъ измѣненій, которымъ они подверглись на почвѣ Кавказа?

Выше мы привели важное свидѣтельство Моисея Хоренскаго о томъ, что въ его время (V в.), когда Закавказье находилось подъ могущественнымъ вліяніемъ Сасанидовъ, эпическія сказанія Ирана и въ томъ числѣ „Ростеміада" были извѣстны туземному населенію. Завоеваніе персами Дербенда въ VI в., занятіе горныхъ проходовъ и иранская колонизація восточной части Кавказа должны были еще болѣе содѣйствовать распространенію иранскихъ вѣрованій, миѳовъ, обычаевъ и эпическихъ сказаній. Въ областяхъ Закавказья, подчиненныхъ вліянію персовъ, героическія сказанія Ирана находятъ для себя не менѣе благодарную почву, чѣмъ въ другихъ областяхъ обширной персидской монархіи, въ которой въ VI вѣкѣ являются первыя попытки къ собиранію историческихъ преданій, къ составленію такъ называемой „Книги царей". По извѣстному свидѣтельству Фердуси царь Хосро Аноширванъ (531—578) отдалъ приказаніе собирать во всѣхъ областяхъ государства народныя преданія о древнихъ царяхъ и герояхъ и всѣ эти записи хранить въ дворцовой библіотекѣ. Эта работа была снова предпринята при послѣднемъ сасанидѣ Іездегердѣ III

---

1) Mohl—o. c. II 64.

2) См. Spiegel—Eranische Alterthumskunde. II, p. 584.

3) См. Сбор. мат. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа. Вып. VI, 1888. Приложеніе, стр. 20—28.

Digitized by Google

(632—651), приказавшемъ *дижану* [1]) Данишверу, одному изъ наиболѣе родовитыхъ и свѣдущихъ людей при дворѣ въ Мадаинѣ, привести въ порядокъ записи, собранныя Аноширваномъ, и пополнить съ помощью *мобедовъ* (духовныхъ) встрѣчающіеся въ нихъ пробѣлы [2]). Сводъ, составленный Данишверомъ, былъ въ VIII в. уже переведенъ на арабскій языкъ гебромъ Рузбэ, извѣстнымъ болѣе подъ именемъ Абдалла Ибнъ-аль-Мокаффа, и этотъ переводъ (не дошедшій до насъ) носилъ названіе „Исторіи царей". Арабское завоеваніе Персіи не только не подавило, но напротивъ послужило къ возрожденію національнаго эпоса. Едва халифатъ начинаетъ обнаруживать признаки слабости, какъ въ Иранѣ поднимается сначала глухая, затѣмъ открытая реакція въ національномъ духѣ. Національные правители отдѣльныхъ областей Персіи стараются освободиться отъ политическаго вліянія Багдада: при ихъ дворахъ господствуетъ персидскій языкъ и оказывается покровительство національной литературѣ и преданіямъ старины съ политическою цѣлью— поднятія народнаго духа для борьбы съ халифатомъ. Уже основатель первой національной династіи (софаридовъ) на престолѣ Персіи Якубъ, сынъ Леиса, заботится о переводѣ съ пеглевійскаго на современный ему персидскій языкъ историческаго свода Данишвера и о пополненіи собранныхъ послѣднимъ матеріаловъ. Этотъ историческій трудъ, оконченный въ концѣ IX столѣтія и носившій обычное названіе „Книги царей", распространился въ многочисленныхъ спискахъ въ Хорасанѣ и Иракѣ. Не меньшимъ рвеніемъ къ собиранію матеріаловъ по исторіи и народному эпосу отличались дальнѣйшія персидскія династіи—Саманидовъ и Газневидовъ, а вѣкъ Махмуда (997—1030), 2-го царя династіи Газневидовъ, можетъ считаться золотымъ вѣкомъ эпической поэзіи Ирана. При его дворѣ собирается цѣлая

[1]) Подъ дигканами (dihkan) разумѣются члены высшаго земельнаго дворянства, производившіе себя отъ древнихъ національныхъ родовъ и дорожившіе поэтому народными преданіями.

[2]) См Mohl—I. Предисловіе, стр. V.

Digitized by Google

плеяда даровитыхъ поэтовъ, и царь, страстный любитель національной литературы, поручаетъ тусскому пѣвцу, знаменитому Абулькасиму Мансуру, съ прозвищемъ *Фердуси*, великое дѣло созданія народной исторической поэмы, въ которой были бы поэтически обработаны преданія старины, начиная отъ древнѣйшихъ временъ.

Знаменитый поэтъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ отнесся къ своей работѣ. Онъ долго изучалъ все, что по части собиранія народныхъ историческихъ преданій было сдѣлано его предшественниками, самъ продолжалъ разыскивать родовыя преданія среди представителей древнихъ фамилій, и въ своемъ твореніи указываетъ для отдѣльныхъ сказаній, вошедшихъ въ его обработку „Шахъ-намэ", ихъ непосредственный источникъ, т. е. лица, отъ которыхъ онъ ихъ слышалъ. Извѣстно, что великая историческая поэма Фердуси получила для всего Ирана громадное значеніе: она до сихъ поръ въ глазахъ персіянъ является и неоспоримымъ историческимъ источникомъ, и высокимъ образцомъ эпической поэзіи. Художественная обработка массы мѣстныхъ родовыхъ преданій, высокій патріотизмъ автора, благоговѣніе предъ доблестью древнихъ героевъ—все это содѣйствовало подъятію національнаго самосознанія и съ новою силою пробудило въ персидскомъ обществѣ любовь къ народнымъ сказаніямъ. Успѣхъ Фердуси вызвалъ въ теченіе XI и части XII в. появленіе цѣлаго ряда подобныхъ же историко-эпическихъ поэмъ, которыя, на основаніи народныхъ преданій, поэтически разрабатывали біографіи отдѣльныхъ богатырей древности, иногда упоминаемыхъ „Книгой царей", иногда не захваченныхъ ею. Изслѣдователи персидской литературы упоминаютъ много такихъ рукописныхъ весьма обширныхъ поэмъ, сохраняющихся въ европейскихъ и восточныхъ библіотекахъ, напримѣръ: Гершаспъ-намэ (книга о богатырѣ Гершаспѣ), Самъ-намэ (о богатырѣ Самѣ внукѣ Гершаспа), Джихангиръ-намэ (о Джихангирѣ, сынѣ Рустема), Фарамурзъ-намэ (о богатырѣ Фарамурзѣ), Бану-Гушаспъ-намэ (о дочери Рустема Бану-Гушаспѣ), Барзу-намэ (о Бар-

Digitized by Google

зу, сынѣ Зораба), Бахманъ-намэ (Бахманъ—сынъ Исфендіара) и друг. [1]). Авторы большинства подобныхъ иногда весьма обширныхъ поэмъ пользуются народными историко-эпическими сказаніями, вплетая въ нихъ мотивы изъ фантастическихъ сказокъ, столь любимыхъ на востокѣ.

Это подавляющее богатство и разнообразіе эпическихъ сказаній Ирана дѣлаетъ понятнымъ то явленіе, что отголоски иранскаго эпоса звучатъ еще доселѣ далеко за предѣлами Персіи. Подвиги главныхъ иранскихъ богатырей уже рано становятся достояніемъ народныхъ сказаній въ Закавказьѣ, и персидскій эпосъ на ряду съ другими сторонами персидской культуры оказываетъ значительное вліяніе на расцвѣтающую при Багратидахъ грузинскую литературу. Такъ національный поэтъ Грузіи Шота Роставели заявляетъ, что онъ взялъ сюжетъ для своей поэмы (Барсова шкура) изъ персидскаго (см. строфа 16) и переложилъ его въ грузинскіе стихи „не сокращая и не умаляя рѣчи" (стр. 21). И хотя до сихъ поръ знатоки персидской литературы не нашли прототипа знаменитой грузинской поэмы, но вліяніе персидской поэзіи на Роставели представляется несомнѣннымъ. Хотя въ „Барской шкурѣ" въ женскихъ личностяхъ (Тинатинѣ, Нестанъ-Дареджанѣ) находятъ идеализированныя черты Тамары, къ которой, по преданію, Руставели пылалъ глубокою страстью, хотя въ этой поэмѣ природа, люди, обычаи—чисто грузинскіе, но главное содержаніе ея—любовныя похожденія героевъ, романтическія приключенія, битвы, скитанія по разнымъ странамъ—Аравіи, Индіи, царству Морей, землѣ Каджовъ, письма съ назидательными размышленіями въ стилѣ Фердуси, которыя пишутъ другъ другу дѣйствующія лица, сравненія и эпитеты въ персидскомъ духѣ, упоминанія *дивовъ*, воззванія героя Автандила къ планетамъ (Сатурну, Юпитеру, Марсу, Венерѣ, Меркурію), сравненіе героевъ съ Рустемомъ и т. п.—все это ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ былъ хорошо знакомъ съ про-

[3]) См. Mohl—I. Preface стр. LXII—LXXXI.

Digitized by Google

изведеніями персидской поэзіи. Изъ того, что *до сихъ поръ* не найденъ персидскій прототипъ любовнаго сюжета „Барсовой шкуры", еще нельзя заключать, что такого прототипа не было, и убѣжденіе г. Чубинова (выраженное имъ въ предисловіи къ его изданію), что Руставели *не* заимствовалъ сюжета у восточныхъ писателей, кажется намъ преждевременнымъ [1]). Вообще историко-сравнительный методъ до сихъ поръ не былъ прилагаемъ къ произведеніямъ грузинской поэзіи, и это составляетъ для исторіи перехода восточныхъ сказаній на Кавказъ существенный пробѣлъ, восполнить который должны изслѣдователи грузинской литературы. Они оказали бы немалую услугу для исторіи литературнаго общенія востока съ западомъ, познакомивъ насъ подробно съ содержаніемъ тѣхъ многочисленныхъ рукописныхъ „исторій" и „поэмъ", которыхъ списки появлялись время отъ времени въ статьяхъ покойнаго академика Броссэ.

Отъ *иберистовъ* должно ожидать обстоятельнаго изслѣдованія и того вопроса, который мы могли только затронуть въ нашей статьѣ,—вопроса о переходѣ иранскихъ эпическихъ сказаній на Кавказъ. Мы знаемъ, напримѣръ, изъ указаній Броссэ, что въ грузинской литературѣ существуютъ обработки „Рустеміады" и эпизода о любви Бежана къ Менижэ; [2]) и для насъ весьма важно было бы знать, въ какомъ отношеніи эти обработки находятся къ изложенію этихъ сюжетовъ у Фердуси, къ какому времени они относятся, и насколько грузинскія версіи иранскихъ сказаній были попу-

---

1) Руставели самъ говоритъ въ строфахъ 15 и 16: „Я, Руставели, своимъ искусствомъ созидаю это твореніе. Вотъ я хочу перевести по грузински разсказъ *персидскій*, словно крупную жемчужину, переходящую изъ рукъ въ руки. Я ее нашелъ и переложилъ стихами, совершилъ дѣло достохвальное. Пусть дѣло рукъ моихъ смягчитъ горделивыхъ красавицъ." См. статьи г. Гулака— о „Барсовой кожѣ" Руставели—въ Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа IV стр. 129—187.

2) Такъ акад. Броссэ (Melanges Asiat. VIII p. 438) упоминаетъ исторію Ростома (Rostomiani), обработанную Хосро Турманидзе. См. о ней Compte rendu de l'Acad. pour 1837 p. 98, и исторію Бежана и Маниджаны (Bejaniani), напечат. въ Тифлисѣ въ 1875 г.

Digitized by Google

лярны въ обществѣ. Только послѣ такихъ предварительныхъ разысканій можно будетъ отвѣтить на другіе вопросы, для рѣшенія которыхъ у насъ въ настоящее время нѣтъ матеріаловъ, именно: отражаются ли въ народныхъ кавказскихъ сказаніяхъ объ иранскихъ богатыряхъ грузинскія *литературныя* обработки или отголоски *устныхъ*, занесенныхъ на Кавказъ, иранскихъ сказаній или, наконецъ, то и другое соединенно?

Всев. Миллеръ.

Замѣтка о персидскихъ эпическихъ произведеніяхъ въ грузинскомъ переводѣ.

Настоящая замѣтка составлена по просьбѣ Вс. Ѳ. Миллера въ прибавленіе къ статьѣ почтеннаго профессора: „Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ". Имѣя въ виду постепенно знакомить русскихъ читателей съ сюжетами ниже поименованныхъ персидскихъ эпическихъ произведеній, переведенныхъ на грузинскій языкъ, я ограничусь теперь однимъ сухимъ, далеко не полнымъ перечнемъ ихъ, указывая, гдѣ возможно, время жизни и имя переводчика.

1) *Баба-Амиріани*, разсказъ по содержанію сказочнаго характера, переведенъ, судя по одному древнему каталогу, въ XIII вѣкѣ, при царицѣ Русудани, знатокомъ персидскаго языка *Соломономъ Тархнишвили*.

2) *Дапнисіани*, переводъ неизвѣстнаго автора, содержаніе сказочное. Рукописей Дапнисіани мало сохранилось.

3) *Камиліани*, романъ названный по имени персидскаго царя „Камилъ-Алькамиліани". По припискѣ къ одному манускриту можно заключить, что онъ переведенъ въ царствованіе царицы Русудани.

4) *Бараміани*, повѣсть три раза переведенная на грузинскій языкъ—въ XIII, XVII и XVIII вв. „Общество распространенія грамотности среди грузинъ" въ Тифлисѣ пріобрѣло переводы „Бараміани" въ стихахъ и прозѣ. Въ прозаической формѣ повѣсть напечатана въ 1879 въ Тифлисѣ.

Digitized by Google

5) *Сиринозіани* существуетъ въ прозаическомъ и въ стихотворномъ переводѣ. Первый переводъ точнѣе второго.

6) *Саридоніани*, героическій сюжетъ этого произведенія извѣстенъ поэту *Абдулъ Мессіа Шавтели*, жившему при царицѣ Тамарѣ (1184—1212). Переводъ сдѣланъ подъ сильнымъ вліяніемъ извѣстной поэмы „Барсова Шкура", принадлежащей перу геніальнаго поэта Руставели. „Саридоніани" изданъ въ Тифлисѣ въ 1879.

7) *Утрутіани*, сказочный разсказъ, былъ очень распространенъ въ Грузіи. Шавтели, вышеупомянутый поэтъ XIII вѣка, написавшій „Прославленіе царицы Тамары", хорошо знаетъ названное персидское сочиненіе.

8) *Маргалитіани*, съ сказочнымъ содержаніемъ; переводъ какого-то *Орбелишвили*, быть можетъ, не позже XI вѣка: актъ XI столѣтія упоминаетъ „Маргалитіани".

9) *Тангиріани*, разсказъ названный такъ переводчикомъ въ честь автора *Тангири*. По одной припискѣ къ рукописи „Тангиріани", онъ переведенъ въ XIV вѣкѣ.

10) *Небротіани*, книга религіознаго содержанія; извѣстны двѣ рукописи, писанныя церковнымъ алфавитомъ—*хуцури*.

11) *Варшикіани*, поэма. Форма и содержаніе ясно свидѣтельствуютъ, что она написана послѣ героическаго разсказа *Караманіани* [1]). На основаніи древняго каталога[2]), составленнаго Іоанномъ Тбилели по желанію грузинскихъ царевичей, слѣдуетъ думать, что названная поэма переведена *Тусшивили* въ XIII в. при царѣ Давидѣ Наринѣ. Поэма издана въ Тифлисѣ, 1885 г.

12) *Букетъ цвѣтовъ*, сборникъ стихотвореній персидскаго поэта *Маюметъ Рай-Хана*; переведенъ на грузинскій языкъ *Георгіемъ* царевичемъ (XIV вѣкъ).

13) *Гуласпіани* имѣетъ своимъ содержаніемъ подвиги героя Гуласпа. Во всей Грузіи извѣстенъ пока одинъ манускриптъ.

---

[1]) *Караманіани* напечатанъ на грузинскомъ языкѣ, кажется, въ 16-и частяхъ. Книга очень распространена въ народѣ.

[2]) Каталогъ этотъ рукописный и принадлежитъ тифлисскому „Обществу распространенія грамотности среди Грузинъ".

Digitized by Google

14) *Усупъ-Касиміани*, героическій разсказъ о персидскихъ богатыряхъ Усупѣ и Касимѣ. Переведенъ въ XV вѣкѣ при царѣ Александрѣ (1414—1442).

15) *Ростоміани*—переводъ поэмы Фердуси „Шахъ-Намэ". Переводчикъ *Хосро Турманидзе* (1580—1640), *) извѣстный книжникъ, воспитывался сначала въ Карталиніи, былъ короткое время въ Имеретіи, жилъ въ Гелатскомъ монастырѣ, оттуда переѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ изучилъ персидскій языкъ. Впослѣдствіи онъ отправляется изъ Кахетіи въ Персію съ политической миссіей по порученію царя Александра II. Въ Персіи онъ усовершенствовался въ языкѣ и приступилъ къ переводу поэмы Фердуси, надъ которой работалъ въ теченіе 8 лѣтъ. „Ростоміани" дѣлится на 252 главы и состоитъ изъ 3684 стиховъ. Турманидзе, по свидѣтельству древнихъ грузинскихъ писателей, настолько возгордился своимъ переводомъ, что въ одномъ четверостишіи, написанномъ имъ къ царю Баграту, онъ сравниваетъ свой трудъ съ „Барсовой Шкурой" Шота Руставели, ставя выше свои заслуги въ грузинской литературѣ. „Держу пари,—говоритъ онъ,—если Руставели сдѣлалъ столько, сколько я". Скорѣйшее появленіе „Ростоміани" въ печати весьма желательно, тѣмъ болѣе, что это одинъ изъ самыхъ полныхъ и вѣрныхъ переводовъ „Шахъ-Намэ". Изъ „Ростоміани" передѣлана поэма „Бежаніани".

16) *Сааміани*, поэма, названная такъ въ честь героя Саама (у Фердуси). Переведена на грузинскій языкъ *Вачнадзе Бардзимомъ* въ XVII в.

17) *Барамгуруани*, разсказъ о семи персидскихъ царяхъ переведенъ *Нодара Джорджадзе* (XVII в.).

18) *Вардбулбуліани*, поэма о соловьѣ и розѣ. Переведена царемъ *Теймуразомъ* (1595—1634), извѣстнымъ грузинскимъ писателемъ. По его словамъ, поэма написана на персидскомъ языкѣ муллой *Гаджимомъ*.

Теймуразу же принадлежитъ переводъ разсказа *Шали-Пара*.

---

*) Писатель царь Аргилъ (XVII в.) свидѣтельствуетъ объ этомъ въ одномъ четверостишіи.

Digitized by Google

19) *Прекрасный Іосифъ*, также какъ и предъидущій разсказъ, переведенъ царемъ *Теймуразомъ*. Авторъ его, по Шерру, *Мевлане Джамисъ*.

20) *Леймъ Миджнури*, разсказъ; переводъ XVII в. Авторъ разсказа, по Шерру, Абу—Магометъ—Бель—Усупъ—Шейхъ-*Низамедмихъ*.

21) *Чаръ-Давритіани*, разсказъ о царѣ Бахтіарѣ, извѣстный просто подъ именемъ *Давритіани*. Время перевода относятъ къ царствованію царя Вахтанга VI. Изд. въ Тифлисѣ, 1876 г.

22) *Миріанъ*, разсказъ о царѣ Магирики. Нѣкоторые думаютъ, что разсказъ этотъ переведенъ по приказанію царя Вахтанга VI. Авторъ *Хосровъ-Шахъ* и сынъ его *Миръ*. Изд. въ Тифлисѣ, 1886 г.

23) *Килила и Дамана* (Калила и Димна) переведена Вахтангомъ VI въ гор. Кирманѣ. Переводъ, сдѣланный въ царствованіе Тамары (XII в.), а также переводъ *Давида*, отца Теймураза (XVII в.), утрачены. „Калила и Димна" напечатана въ Тифлисѣ, въ 1886 г. *).

24) *Висраміани*. Приписывали писателю эпохи Тамары *Диларгетъ Саришъ Тмогвеми*. Но теперь мнѣніе, по которому „Висраміани" считали оригинальнымъ произведеніемъ, должно быть оставлено, такъ какъ извѣстенъ англійскій переводъ Wis o Romain. A Romane of ancient Persia. Calc. 1865. (См. Katalog № 466, Orientalia, Koelers Antiquarium). Грузинская газ. „Иверія" недавно сообщала, что открытъ коталогъ, гдѣ названъ по имени переводчикъ „Висраміани".

А. Хахановъ.

---

*) См. подробнѣе объ этомъ въ моемъ рефератѣ читанномъ въ Восточной Коммиссіи при Имп. Моск. Археологич. Обществѣ. „Древности Восточныя" стр. 31.

Digitized by Google

Тушины.

(*Этнографическій очеркъ*).

Характеръ страны; мѣстоположеніе. Племенной составъ. Бытъ. Религія. Положеніе женщины. Обычное право. Поэзія.

Лѣтомъ 1888 года мнѣ удалось побывать и на сѣверномъ, и на южномъ Кавказѣ, и въ Пшаветіи, и въ Тушетіи, труднодоступной странѣ грузинскихъ горцевъ. Я не буду утомлять читателей описаніемъ дикаго Дагестана и Кизлярскаго округа, гдѣ я проѣздомъ посѣтилъ двѣ деревни грузинъ, сохранившихъ въ полной чистотѣ, среди русскаго и чеченскаго населенія, національные нравы, обычаи, языкъ и поэзію. Я обращу вниманіе на Тушетію, какъ на одинъ изъ чудныхъ уголковъ прекраснаго Кавказа. Я никогда не забуду Панкисскаго ущелья—этой маленькой, живописной долины, окаймленной темными дремучими лѣсами и перерѣзанной бурною рѣкою Алазанью, въ которую съ дикимъ ревемъ несутся прохладныя горныя рѣчки и низвергаются пѣнящіеся водопады, а вдали — величественно возвышаются Кавказскія горы, вѣчно покрытыя снѣжной чалмой. Эти вѣковѣчные дубы и столѣтнія орѣховыя деревья многое могли бы сказать изъ минувшей старины и изъ вольной жизни горцевъ, исполненной постоянныхъ тревогъ и непрерывныхъ волненій. Въ тѣни ихъ чувствуется какая-то неизъяснимая нѣга и свобода, а свѣжій оживляющій вѣтерокъ, подъ отдаленный плескъ водопада, заставляетъ человѣка забыть всѣ житейскія невзгоды и помыслы и погрузиться въ созерцаніе открывающейся предъ нимъ могучей, дивной картины. По мнѣ, это поистинѣ—краса природы.

Digitized by Google

Къ западу отъ скалистой Пшаветіи лежитъ Тушетія,—говоритъ въ своемъ „Географическомъ описаніи“ грузинскій ученый царевичъ Вахушти. На восточной границѣ Тушетіи живутъ дидойцы, на сѣверной чеченцы, а на южной кахетинцы. Тушины, сами себя называвшіе „кавказцами“, не были извѣстны древнимъ классическимъ писателямъ, по крайней мѣрѣ, до V вѣка по Р. Х. Но въ VII в. они упоминаются въ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, рядомъ съ „хебурами“, т. е. хевсурами. Нѣкоторые хотятъ видѣть въ „тускахъ“ намекъ на тушинъ (Берже). Въ грузинской лѣтописи „Картлисъ-Цховреби“ тушины, или туши, какъ называютъ ихъ грузины, были извѣстны какъ мужественные воины, а въ концѣ XVIII в. они составляли вѣрную охранную гвардію царя Ираклія II.

Тушины нынѣ составляютъ четыре общины: *цовцы*, *чаглинцы*, *порикительцы* и *гомецрельцы*. Послѣднія три общины говорятъ грузинскимъ языкомъ и населены народомъ безспорно картвельскаго племени; населеніе же первой общины представляетъ смѣсь грузинъ и огрузинѣвшихъ кистинцевъ. Изъ смѣшенія языковъ этихъ двухъ народовъ лексически образовался тушинскій языкъ, который включилъ въ себя такъ много грузинскихъ словъ, что онъ сталъ непонятнымъ для современнаго кистинца и чеченца. Тушины цовцы безъ исключенія всѣ знаютъ грузинскій языкъ, усвоили грузинскіе нравы, обычаи и, что всего любопытнѣе, не создавъ на своемъ языкѣ народной поэзіи, распѣваютъ пшаво хевсурскія или собственно тушинскія пѣсни на грузинскомъ языкѣ.

Часть жителей Тушетіи, вѣроятно, переселилась еще во время самостоятельнаго существованія Грузіи изъ Карталиніи и Имеретіи, что подтверждается одинаковымъ распространеніемъ нѣкоторыхъ фамилій въ Грузіи и Тушетіи: таковы Логазидзе, Кадагидзе и др. Выселеніе въ горы мирныхъ обитателей долины объясняется желаніемъ избѣжать суровыхъ наказаній и непосильныхъ государственныхъ повинностей, а также страхомъ предъ постоянно угрожающимъ вторженіемъ окружающихъ свирѣпыхъ мусульманъ и неукроти-

Digitized by Google

мыхъ кавказскихъ горцевъ. У насъ есть точное свидѣтельство о томъ, что слѣдствіемъ разоренія Грузіи въ XVIII в. Ага-Магомметъ-Ханомъ, шахомъ персидскимъ, была эмиграція жителей равнины въ Кавказскія горы.

Тушины-цовцы ведутъ полукочевой образъ жизни. Земледѣліемъ они не занимаются; единственное ихъ занятіе—скотоводство. Зимой они живутъ въ Алвани, сѣверной части Кахетіи, а лѣтомъ направляются съ женами и дѣтьми въ горы Тбатана, Сакорне и въ верховья рѣки Алазани. Здѣсь они живутъ во временныхъ палаткахъ собственнаго издѣлья, а въ Алвани въ это время нельзя встрѣтить ни единой души, и каменныя строенія, украшающія деревню, представляютъ какъ бы печальные остатки послѣ непріятельскаго вторженія. Въ Алвани имѣется сельская школа—единственный разсадникъ образованія въ цѣлой Тушетіи.

Жители трехъ остальныхъ грузинскихъ общинъ вполнѣ привыкли къ осѣдлой жизни; они занимаются земледѣліемъ, отчасти скотоводствомъ, не совершая далекихъ перекочевокъ, въ противоположность цовцамъ, хотя случается, что и нѣкоторые изъ горныхъ тушинъ, вслѣдствіе недостатка пастбища, спускаются зимой въ Алвани, которая составляетъ общее владѣніе всѣхъ четырехъ тушинскихъ общинъ: каждый тушинъ имѣетъ право въ Алвани построить домъ и пасти скотину, гдѣ ему угодно.

Земля, на которой живутъ тушины и пасутъ стада,—государственная. Поземельное владѣніе до послѣдняго времени не было точно разграничено: нѣкоторые обрабатывали 15 десятинъ, а другіе лишь полъ-десятины. Въ послѣднее время, по распоряженію Тіонетскаго уѣзднаго начальника кн. Джандіери, неравномѣрное владѣніе землей уничтожено: каждый тушинъ получилъ около 4 десятинъ, хотя онъ можетъ вспахать и участокъ односельчанина по добровольному съ нимъ соглашенію и чувству товарищества, но не по праву полнаго владѣнія, какъ это было прежде. По распространенному изстари обычаю, онъ не можетъ продать своего надѣла другому или вспахать поле въ районѣ другой деревни.

Digitized by Google

Пастбища у тушинъ находятся въ общинномъ владѣніи. Лѣсъ „Отхитвали“ (четыре глаза) на р. Алазани, купленный на общія средства всѣхъ тушинъ, также составляетъ общую собственность. Государственную подать до сихъ поръ платили въ размѣрѣ 3 р. 50 к. съ дыма, теперь же она возвышена. По иниціативѣ тушино-кахетинскаго пристава г. Гугушвили, эта подать распредѣлена по имущественному состоянію каждаго и платится каждымъ дымомъ въ размѣрѣ 4—25 руб. При подобной раскладкѣ подати руководились тѣмъ соображеніемъ, что имѣющіе большее количество скотины и болѣе другихъ пользующіеся лѣсомъ должны платить и подати больше, чѣмъ маломочные ихъ сосѣди.

Тушины любятъ чисто жить; землянки имъ неизвѣстны; комната для гостей почти у всѣхъ имѣется. Домъ убранъ коврами, которые вяжутъ тушинки и красятъ сокомъ разноцвѣтныхъ травъ. Мужчины дѣлаютъ сундуки, корыта и продаютъ ихъ въ Кахетіи; въ работники они не идутъ, а крѣпостное право никогда не было имъ извѣстно. По характеру они отличаются добродушіемъ и гостепріимствомъ.

При обзорѣ нравовъ и обычаевъ тушинъ мы не дѣлаемъ различія между цовцами и грузинскими общинами тушинъ. Цовцы, съ тѣхъ поръ какъ спустились съ горъ, заселили четыре построенныя ими деревни: *Алвани*, *Гурнадчала* (круглая роща), *Пхакалкура* и *Цоцура*, усвоили грузинскій языкъ, нравы, поэзію и религіозныя представленія. Но вообще нужно сказать, что у тушинъ меньше сохранились остатки старины: христіанство и новые административные порядки въ Тушетіи успѣшнѣе, сравнительно съ Пшаветіей и Хевсуретіей, уничтожаютъ слѣды прежняго національнаго быта.

Тѣмъ не менѣе на ряду съ православнымъ духовенствомъ представители прежней языческой религіи—*деканози*, *хевисъбери*, *хуци*, *мнате*, и теперь еще играютъ не маловажную роль на народныхъ праздникахъ, хотя прежній ихъ обширный кругъ дѣйствій крайне суженъ и ограниченъ. *Деканози* въ старину, по всей вѣроятности, былъ языческій жрецъ,

Digitized by Google

исполнитель религіозныхъ обрядовъ; *хевисъ-бери* (въ переводѣ значитъ: старецъ ущелья) былъ главнымъ административнымъ представителемъ, предводителемъ на войнѣ и судьей въ мирное время. Но такое раздѣленіе властей съ теченіемъ времени утратилось; новые порядки сгладили различіе между хевисъ бери и деканози, и теперь народъ, отожествивъ ихъ, приписываетъ имъ одну и ту же религіозную компетенцію съ древнѣйшихъ временъ. Это можно объяснить тѣмъ, что тушины легче и раньше отказались отъ своихъ юридическихъ порядковъ, чѣмъ отъ религіозныхъ представленій, которыя глубже укореняются въ сознаніи народа.

Хевисъ-бери и деканози можетъ быть лицо, безукоризненно проведшее дни своей жизни, не замѣченное своими собратьями въ дѣлахъ предосудительныхъ, безнравственныхъ и вредныхъ народнымъ интересамъ. Эта религіозная компетенція наслѣдственно не передается; хевисъ-бери — лицо выборное. Кандидатъ на эту почетную обязанность указывается *кадаги* (оракуломъ), который говоритъ по волѣ божества и одаренъ способностью прорицанія; но случается, что помимо провозглашенія кадаги въ отправленіе высокой должности хевисъ-бери вступаетъ самовольно лицо, считающееся по своей добродѣтельной жизни достойнымъ занимать постъ народнаго представителя и несомнѣнно подающее надежды своей усердной службой святому оказаться на высотѣ своего назначенія. Число хевисъ-бери при одномъ святомъ не превышаетъ 3—4. Права и обязанности ихъ точно не разграничены. Можно сказать, что одинъ изъ нихъ признается старшимъ, а остальные считаюся его подчиненными. Первому принадлежитъ исключительное право рѣзать жертвенныхъ животныхъ, прижигать имъ шерсть восковой свѣчой и дѣлать кровью жертвы изображеніе креста на лбу жертвователя. Второй хевисъ-бери. по приказанію перваго, собираетъ лепешки, хлѣбъ для пива, а третій варитъ пиво. Въ отсутствіе старшаго хевисъ-бери его помощники по очереди исполняютъ его обязанности, при чемъ ихъ священно-

Digitized by Google

дѣйствіе не считается въ глазахъ народа менѣе угоднымъ и пріятнымъ „всемогущему“ святому.

Если хевисъ-бери (деканози) назовемъ первосвященникомъ, то стоящаго одной ступенью ниже исполнителя религіозныхъ обрядовъ—*хуци*—слѣдуетъ уподобить простому жрецу при капищѣ. Капища строятся въ мѣстахъ, заросшихъ лѣсомъ, большею частью на горѣ. Комната, называемая *хата* (образъ), составляетъ главное отдѣленіе храма, въ которомъ часто нѣтъ ни одного образа; его замѣняетъ единственная святыня народа—*дроша*, знамя съ колокольчикомъ, напоминающее хоругвь. Только при видѣ дроша народъ снимаетъ шапки и дѣлаетъ движеніе рукой вдоль груди, какъ бы творя крестъ. Хуци съ разрѣшенія и благословенія главы священнослужителей исполняетъ всѣ тѣ обязанности, которыя возложены на хевисъ-бери. Онъ совершаетъ таинства вѣнчанія, причащенія, обряды погребенія и освященія дома послѣ разрѣшенія жены отъ бремени, отъ чего, по представленію тушинъ, домъ наполняется скверностью и требуетъ очищенія молитвой и водосвятіемъ. На послѣдней ступени іерархической лѣстницы стоитъ *мнате*, соотвѣтствующій нашему церковному старостѣ. Мнате является исполнителемъ распоряженій хевисъ-бери; онъ рѣжетъ жертвенныхъ животныхъ послѣ того, какъ деканози благословилъ ихъ и поднялся на небольшое, съ этой цѣлью устроенное возвышеніе для произнесенія умилостивляющей молитвы. Мнате наблюдаетъ за пожертвованными садами, баранами и за всѣмъ движимымъ достояніемъ святого, которому онъ служитъ, а въ день его праздника онъ является главнымъ распорядителемъ на обѣдѣ богомольцевъ и щедро угощаетъ ихъ виномъ изъ собственнаго сада святого. Онъ же принимаетъ приносимыя богомольцами жертвованія, которыя опредѣляются усмотрѣніемъ кадаги: барана, вино, курицу, нитяные пояса, колокольчики и др.

Чтобы дать читателю представленіе о празднествахъ тушинъ, опишемъ праздникъ креста св. Георгія Лаша (17—18 іюля), извѣстный подъ именемъ *Лашароба* или *Лашрисъ-*

Digitized by Google

Джвроба. На этомъ праздникѣ можно видѣть представителей разныхъ народностей Кавказа: тушинъ, пшавовъ, хевсуръ, кистинцевъ, карталинцевъ, кахетинцевъ и др. Богомольцы, являясь босикомъ и въ бѣлыхъ одѣяніяхъ по данному обѣту, снимаютъ ихъ со вступленіемъ въ ограду св. креста и бросаютъ въ яму, вырытую спеціально съ этой цѣлью. Предъ оградой находится другая яма, въ которую спускаютъ кровь жертвенныхъ животныхъ. Тутъ же, на небольшомъ возвышеніи лежитъ крестъ, стоитъ сосудъ съ освященной водой для окропленія приходящихъ молящихся. Хевисъ-бери работаютъ усердно и съ сознаніемъ своего достоинства: рѣжутъ барановъ, ихъ кровью окропляютъ робкихъ предъ святыней горцевъ и по очереди отдыхаютъ въ особомъ отдѣленіи, куда они одни пользуются правомъ входа. Здѣсь же стоитъ колокольня съ мѣднымъ куполомъ, увѣнчаннымъ св. крестомъ. Съ боковъ креста спускаются на цѣпяхъ маленькіе колокольчики, пожертвованные религіозными горцами. У колокольни на небольшомъ возвышеніи стоитъ прислоненное къ стѣнѣ знамя Георгія Лаша, царя грузинскаго, сына Тамары, построившаго здѣсь нѣкогда церковь во имя св. Георгія. Народъ имя строителя храма связалъ съ святымъ и обоготворилъ не совсѣмъ безукоризненнаго своего повелителя. Такъ думаетъ историкъ Вахушти; но болѣе справедливымъ представляется толкованіе, по которому слово „Лаша“ объясняется отъ слова „лашроба“ (походъ) и обозначается этимъ богъ войны, какъ римскій Марсъ; слѣдовательно, эпитетъ „Лаша“ сближается отчасти съ нашимъ „побѣдоносецъ“. На противоположной горкѣ возвышается часовня во имя Тамары, которую тушины считаютъ вѣчной дѣвой, какъ бы желая этимъ оправдать ея право на степень святой. Эти священныя горки называются вмѣстѣ „моде-модзме“ (братъ и сестра), хотя изъ исторіи извѣстно, что Георгій Лаша былъ сыномъ Тамары, а не братомъ ея. Тамарѣ приносятъ въ жертву козлятъ, на которыхъ народъ смотритъ, какъ на порожденіе дьявола, но считаетъ ихъ необходимыми для прокормленія гончихъ

Digitized by Google

царицы. А для лошади св. Георгія хевисъ-бери покупаетъ на собранныя въ складчину деньги ячмень, обсыпаетъ имъ полъ въ храмѣ и площадь вокругъ него, чтобы лошадь святого не проголодалась и на каждомъ шагу могла подкрѣплять ослабѣвшія силы.

Въ оградѣ храма Лашарисъ-Джвари указываютъ мѣсто, гдѣ росъ священный дубъ, срубленный какимъ-то кн. Эристовымъ. За этотъ святотатственный поступокъ онъ до сихъ поръ проклинается народомъ. Разсказываютъ и чудо, которымъ сопровождалось уничтоженіе этого дорогого для всѣхъ горцевъ дерева, соединеннаго съ небомъ золотой цѣпью. Когда крѣпостные князя не могли свалить дуба, то велѣно было имъ найти немедленно человѣка, который указалъ бы орудіе для вырытія его съ корнемъ. Нашелся измѣнникъ народной святыни: одинъ пшавецъ обмазалъ кровью кошки священный дубъ, который немедленно былъ оставленъ ангелами, его хранителями; цѣпь, его обвивавшая, стянулась къ небу, самъ дубъ палъ на землю съ шумомъ, и было паденіе его велико. Съ тѣхъ поръ и началось несчастіе для Грузіи, говоритъ тушинъ и съ чувствомъ горести и злобы распѣваетъ жалобную пѣсню, сложенную въ честь Лашарисъ-Джвари, который горько оплакиваетъ въ ней вѣроломство измѣнника пшавца.

Причина привязанности тушинъ къ Лашарисъ-Джвари объясняется въ народной пѣснѣ. Между тушинами и пшавами была продолжительная вражда. Тушины подъ предводительствомъ своего вождя, героя Талисдзе, спустились разъ въ Пшаветію для ея разграбленія, но все войско ихъ было перебито пшавами, и спасся одинъ лишь глава ихъ храбрый Тилисдзе. Когда мать спрашиваетъ его о результатѣ похода, вождь со скорбью въ сердцѣ говоритъ, что онъ потерялъ товарищей, погибшихъ будто бы отъ жажды въ тѣсномъ ущельѣ, гдѣ произошла схватка между тушинами и пшавами. Но онъ хорошо понималъ, что причина его пораженія заключалась въ гнѣвѣ Лашарисъ Джвари, который проклялъ тушинъ за вторженіе въ его священную обитель,

Digitized by Google

Пшаветію, и даровалъ покровительствуемому народу полную побѣду надъ враждебными сосѣдями. Сознаніе этого преступленія предъ „всесильнымъ“ святымъ побуждаетъ тушина примириться съ нимъ, принести въ жертву не барана, а „бѣлаго рогатаго быка“ для полнаго искупленія своего преступленія; онъ отказывается, какъ говоритъ Вахуштъ, подобно пшавамъ и хевсурамъ отъ всѣхъ драгоцѣнныхъ вещей, найденныхъ въ его районѣ, и жертвуетъ ихъ въ храмъ св. Георгія для спасенія души.

Если праздникъ Лашрисъ-Джвроба сохранилъ еще древній характеръ, то другіе религіозные обряды тушинъ въ значительной степени утратили прежнюю свою окраску. Только свадьба и похороны, совершаемыя теперь по обрядамъ православной церкви, къ которой номинально причисляются тушины,—отчасти указываютъ на остатки старины.

Тушины, подобно другимъ горцамъ, имѣли обыкновеніе еще въ недавнія времена похищать невѣстъ. Администрація постепенно вытѣсняетъ этотъ способъ скрѣпленія супружескихъ узъ, но уничтожить его до сихъ поръ не была въ состояніи. Слѣды этой традиціи проявляются даже въ бракахъ, освящаемыхъ христіанскимъ духовенствомъ. Такъ, когда женихъ идетъ къ невѣстѣ, чтобы взять ее въ церковь, молодую укрываютъ въ отдаленной комнатѣ, и для свиданія съ ней необходимо подкупить родственницу невѣсты, чтобы она открыла и вывела плѣнницу изъ потаеннаго мѣста. Второй слѣдъ древняго обычая похищать невѣсту видимъ въ слѣдующемъ: при возвращеніи изъ церкви въ домъ жениха, молодыхъ не вводятъ въ комнату до тѣхъ поръ, пока сопровождающая невѣсту свита не потушитъ оружейными выстрѣлами зажженныхъ во дворѣ факеловъ *). Когда цѣль достигнута, гости приглашаются къ ужину; невѣсту одаряютъ деньгами, а жениху подносятъ шерстяные носки. На второй день съ лица невѣсты снимаютъ покрывало, заслоняющее ее

*) Мирная свита невѣсты—отдаленный намекъ на преслѣдователей хищнаго похитителя молодой тушинки, а обычай стрѣлять въ факелъ указываетъ на прежнюю кровавую перестрѣлку между похитителя и невѣсты и ея родными.

Digitized by Google

отъ любопытныхъ взоровъ тушинъ, а на третій день она возвращается въ домъ отца, гдѣ иногда остается по цѣлымъ недѣлямъ, мѣсяцамъ и годамъ, и лишь по истеченіи извѣстнаго срока мужъ беретъ ее къ себѣ въ домъ.

Похоронные обряды тушинъ представляютъ большой интересъ по остаткамъ старины. При погребеніи мужа жена не показывается, а приходящихъ для засвидѣтельствованія своего сочувствія принимаютъ дочери, сестры, родственницы умершаго. Если покойникъ мужчина и слѣдовательно въ глазахъ тушина былъ страшнымъ воиномъ, который всего болѣе дорожилъ воинскими подвигами и мужество всегда ставилъ выше всякой хитрости, то приходящій, войдя въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ, обращается къ нему съ восклицаніемъ, ударяя себя кулакомъ: „о, несчастный человѣкъ, ты преждевременно выбылъ изъ числа удалыхъ воиновъ!“ Присутствующіе подхватываютъ эту заплачку, и начинается плачъ и вой, раздирающіе душу. Для выраженія своей скорби женщины рвутъ на себѣ распущенные волосы, царапаютъ лицо; мужчины же обнаруживаютъ свое соболѣзнованіе болѣе умѣреннымъ способомъ: они не стригутъ волосъ и не брѣютъ бороды въ теченіе года, откуда и произошло ихъ названіе—„годичные монахи“. На смертномъ одрѣ тушина причащаетъ хевисъ-бери тайнами собственнаго приготовленія—изъ хлѣба и пива, считая ихъ обладающими цѣлебной силой. Но если уже молитва высокочтимаго жреца не спасетъ вѣрующаго горца и судьбѣ благоугодно будетъ взять его душу въ вѣчную жизнь, то бездыханный трупъ его кладутъ на доски, покрываютъ буркой, а на грудь его ставятъ подкову. Все, что было дорого покойнику въ жизни, все собираютъ теперь вокругъ него: рядомъ съ нимъ принято класть кинжалъ, а подальше ставить лошадь съ чернымъ покрываломъ; она провожаетъ трупъ до кладбища, на 7-й, 40-й день снова ведутъ ее на могилу хозяина, а въ концѣ года она отдается одному изъ родственниковъ, по указанію подкупленнаго заранѣе кадаги (оракула), который, по вѣрованію тушинъ, точно передаетъ непреклонное жела-

Digitized by Google

ніе божества; но тушины еще хорошо помнятъ, что прежде лошадь покойника всегда отдавалась дядѣ его по матери. Въ этомъ обычаѣ можно видѣть переживаніе такъ называемаго матріархата.

Для успокоенія души и для облегченія тягостей, выпавшихъ ей на томъ свѣтѣ, назначается въ концѣ года *пош*, т. е. стрѣльба въ цѣль и скачки. Въ скачкахъ участвуютъ 12—15 лошадей и всѣ получаютъ награды: первая прибывшая на мѣсто получаетъ барана, а затѣмъ градація наградъ идетъ постепенно ниже, и послѣдняя лошадь беретъ лишь 50 коп.

Душа умершаго послѣ погребенія тѣла продолжаетъ жить среди своихъ родственниковъ. Она нуждается въ пищѣ и питьѣ, и потому за обѣдомъ и ужиномъ откладывается извѣстная порція для утоленія ея голода. Ухаживать за душой покойника крайне необходимо въ виду ея способности приносить пользу или вредъ сородичамъ, смотря по степени ихъ уваженія къ ней.

Кромѣ души умершаго родственника, каждымъ шагомъ, каждымъ дыханіемъ тушина управляютъ злые и добрые геніи. Онъ боится зѣвнуть, чтобы дьяволъ не проникъ чрезъ открытый ротъ въ его душу. Его завлекаютъ злыя существа въ непроходимыя дебри на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, а добрые геніи помогаютъ ему лишь тайно, невидимо.

Интереснымъ представляется языческое понятіе тушинъ о загробной жизни, хотя оно значительно ослаблено вліяніемъ христіанской религіи. Загробный міръ въ народныхъ пѣсняхъ тушинъ именуется *сулети*, т. е. мѣстомъ, гдѣ покоятся души умершихъ. При входѣ въ это подземное царство сидятъ „строгіе судьи", которые принимаютъ умершихъ и остригаютъ у нихъ острыми ножницами два—три волоска. Сулети заключаетъ въ себѣ и адъ и рай, между которыми протекаетъ бурная смоляная рѣка, а чрезъ нее перекинутъ мостъ изъ одного волоска. Праведники благополучно переправляются и достигаютъ рая; когда же грѣшники вступаютъ на этотъ злополучный мостъ, онъ тотчасъ проваливает-

Digitized by Google

ся: они падаютъ въ огонь, и пламя моментально охватываетъ ихъ съ ногъ до головы. Рай наслѣдуютъ всѣ безупречно проведшіе дни земной жизни, а въ адъ попадаютъ всѣ опозорившіе свое имя какимъ-нибудь недостойнымъ дѣяніемъ, при чемъ наказаніе этихъ грѣшниковъ опредѣляется степенью гнусности ихъ поступка: солгавшіе вѣшаются въ аду за кончикъ языка; вступившіе въ противонравственныя связи съ кумой подвергаются оригинальной хирургической операціи: у нихъ вырѣзывается на шашлыкъ мясо съ лядвей, а кончикъ языка просверливается остріемъ ножа; кто разстроитъ могилу, которую охраняетъ особый богъ, подобно римскому Гермесу, карается тѣмъ, что обрекается вѣчно носить на своихъ плечахъ тяжелые камни. Для грѣшниковъ другихъ категорій тушины не назначаютъ спеціальныхъ наказаній: всѣхъ ихъ опускаютъ головой въ котлы, которые наполнены горячей смолой, а вокругъ бушуетъ адское пламя бѣшеной геенны.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о положеніи женщины въ Тушетіи. Степень уваженія къ женщинѣ зависитъ отъ личныхъ ея нравственныхъ качествъ. Послѣ оружія тушинъ всего болѣе дорожитъ неприкосновенной честью женщины. Защита ея цѣломудрія не разъ служила причиной поднимать знамя войны противъ враждебныхъ сосѣдей. Деревня закладывала все свое достояніе, чтобы искупить похищенную лезгинами тушинку изъ унизительнаго для нея плѣна. Сама женщина умѣетъ постоять за себя и удачнымъ выстрѣломъ ловко укладываетъ дерзкаго ухаживателя. Вѣрность жены мужу считается ея священной обязанностью, а измѣна съ ея стороны представляется тушину величайшимъ позоромъ, оскорбляющимъ его честь и задѣвающимъ его за самые чувствительные нервы. Послѣдовательность въ примѣненіи чувства вѣрности и преданности жены мужу создала и развила въ древности обычай закалывать и хоронить жену съ умершимъ мужемъ. Слѣды этого обычая видимъ и теперь въ отсутствіи у вдовы косы, которая у нея отрѣзывается по смерти мужа. У замужней женщины локоны распущены, а волоса

Digitized by Google

завиты, а у дѣвицы заплетены и волоса и локоны. По этимъ внѣшнимъ признакамъ можно отличить вдову отъ замужней женщины и отъ дѣвицы. Всѣ онѣ носятъ большой платокъ или шаль на головѣ подъ названіемъ *мандили*. Мандили имѣетъ важное значеніе въ глазахъ горцевъ: онъ представляетъ неприкосновенную святыню для вражескихъ рукъ и защиту противъ нечестивыхъ поползновеній. Мандили не разъ прекращалъ споры и кровавыя столкновенія между враждебными фамиліями. Разъ женщина сняла мандили и положила его у ногъ разъяреннаго горца, послѣдній долженъ вложить вынутый кинжалъ въ ножны и отступить немедлено назадъ: переступить чрезъ мандили считается равносильнымъ оскорбленію женской чести.

Женщина у тушинъ отличается застѣнчивымъ, стыдливымъ характеромъ; она прячется отъ глазъ неожиданнаго гостя, говоритъ только съ родственниками и близко знакомыми, и вообще чѣмъ она меньше развязна, тѣмъ выше цѣнятся ея личныя качества. Она бойкая, трудолюбивая хозяйка, вѣрная и незамѣнимая помощница́ мужу въ полевыхъ работахъ, любящая и нѣжная мать своихъ дѣтей. Тушинка поставила себя въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ женщины другихъ окружающихъ горцевъ и ближайшихъ сосѣдей хевсуровъ. У тушинъ не встрѣчаемъ сильно распространеннаго у хевсуровъ обычая, въ силу котораго женщина, отправляясь въ путь съ мужчиной, слѣдуетъ за нимъ пѣшкомъ, держась за хвостъ лошади своего неблаговоспитаннаго кавалера, ѣдущаго верхомъ. Тушинъ никогда не унижаетъ жену до положенія прислуги, но онъ не забываетъ и своего личнаго достоинства: онъ не согласится отправить жену верхомъ, а самому пуститься въ догонку; онъ предпочтетъ идти съ женой пѣшкомъ, а лошадь съ легкимъ багажемъ вести подъ уздцы. Дѣлаетъ онъ это изъ деликатности, хотя считаетъ себя полнымъ господиномъ жены. Обычай предоставлялъ ему еще недавно право отрѣзать ей носъ, если она нарушила святость супружеской жизни, а также прогнать ее въ случаѣ ея бездѣтности, заплативъ ей *самцунебро*, т. е. нѣсколько барановъ.

Digitized by Google

Вообще она считается не полнымъ человѣкомъ: извѣстно изъ обычнаго права тушинъ, что убійство женщины оплачивается штрафомъ въ 30 коровъ, что̀ составляетъ какъ разъ половину пени, какой подвергались виновные въ убійствѣ мужчины.

Вотъ еще нѣсколько фактовъ изъ практикуемыхъ у нихъ способовъ наказанія за уголовныя преступленія: за ударъ кинжаломъ платится 5 коровъ; *) если же остріемъ кинжала нанесена рана, тогда кровь стоитъ 15 коровъ. Рана на лицѣ измѣряется зернами ячменя: изъ того количества зеренъ, какое уложится на ранѣ, отбрасывается два зерна, а за каждое изъ оставшихся уплачивается корова. За украденную вещь воръ платитъ всемеро тѣмъ-же: если онъ укралъ одного барана, то долженъ отдать потерпѣвшему семь барановъ. Для сравненія приведу нѣсколько постановленій обычнаго уголовнаго права у пшавовъ. Изъ моихъ разспросовъ выяснилось, что кровь мужчины у пшавовъ стоила прежде 80 коровъ (по законамъ царя Вахтанга за кровь крестьянина полагалось 120 руб. или 60 коровъ); за отсѣченіе руки полагалось 24 коровы (по законамъ Важтанга 20 коровъ), за пораненіе ноги 16 коровъ, за поврежденіе глаза 16 коровъ (по законамъ Важтанга 20 коровъ), за отсѣченіе мизинца 1 корова, за безъимянный палецъ 2 коровы, за средній палецъ 3 коровы, за указательный палецъ 4 коровы, за большой палецъ 5 коровъ, за вышибъ зуба 1 корова; угонъ стада считался у нихъ преступленіемъ равнымъ убійству человѣка. У кистинцевъ я записалъ слѣдующія данныя по этому же вопросу: за отсѣченіе руки полагается $^1/_2$ крови, т. е. половина 120 коровъ; глазъ стоитъ тоже полъ-крови; за пальцы наказаніе совершенно подобное тому, какое извѣстно

*) За неимѣніемъ коровъ виновный можетъ уплатить другими животными или вещами, для чего установлена сравнительная оцѣнка между скотомъ и вещами. Такъ, напр., жеребецъ стоитъ 7 коровъ, кашаръ 8 коровъ или 40 р., корова 4 барана, быкъ 7 барановъ, ковелъ 80 коп., баранъ отъ 1 р. 30 к. до 2 р., масла литра (9 фун.) 1 р.; кода пшеницы (2 п. и 9 ф.) стоитъ 5 коровъ; ружье стоитъ 20 коровъ или 100 руб.

Digitized by Google

у пшавовъ; за зубъ 3 коровы; за похищеніе женщины силой можно убить похитителя безъ наказанія; за воровство уплачивается 15 разъ больше украденной вещи. Кровная месть—законъ чести.

У тушинъ, какъ и у всѣхъ горцевъ, уголовный преступникъ судился прежде представителями всѣхъ общинъ. Высшимъ наказаніемъ считается отлученіе отъ народныхъ праздниковъ, изгнаніе изъ общины. Не менѣе тяжкимъ представляется побіеніе камнями, только не въ буквальномъ смыслѣ. Во время своего путешествія не далеко отъ селенія Дуиси я обратилъ вниманіе на большую кучу камней, собранныхъ очень старательно въ горку. Мнѣ объяснили ея происхожденіе. Одинъ кистинецъ вошелъ въ противозаконную связь съ сестрой своей жены. За это преступленіе деревня рѣшила наказать его самымъ неумолимымъ образомъ, какой только ей былъ извѣстенъ: присудили уплатить въ пользу отца жены 160 руб., развести виновнаго съ женой, а его самого побить камнями. Побивается не онъ лично, а его имя на перекресткахъ дорогъ, гдѣ каждый съ бранью оставляетъ камень, какъ бы бросая въ него самого. При уплатѣ пени помогаютъ родственники, которые являются и соприсяжниками, когда дѣло рѣшается присягой. У тушинъ присяга и клятва бываетъ двухъ родовъ: присягающій произноситъ ее, или обойдя три раза вокругъ жертвенника со знаменемъ, или же ставятъ его на колѣни близъ могилъ своихъ предковъ, кладутъ предъ нимъ ослиное сѣдло и сосудъ, изъ котораго ѣли собаки, и, указывая на присягающаго, присутствующіе обращаются къ душамъ покойниковъ: „Усопшіе наши!—говорятъ они: приводимъ мы этого человѣка на судъ; отдайте его, кому хотите, въ жертву и услуженіе и дѣлайте съ нимъ, что хотите, если онъ не скажетъ истину". Присягающій произноситъ клятву. Кромѣ присяги, судъ практикуетъ ордаліи, какъ средство для возстановленія истины и очищенія заподозрѣннаго въ извѣстномъ преступленіи. Изъ такихъ средствъ извѣстны между прочимъ кипятокъ и раска-

Digitized by Google

ленное желѣзо. Старикъ Учкуо Ахадели *) разсказалъ мнѣ одинъ случай примѣненія кипятка. На одной мельницѣ на женщинъ пало подозрѣніе въ кражѣ одного мѣшка муки. Для того чтобы открыть воровку, рѣшили вскипятить воду и опустить туда подкову; вынувшая ее съ обжогомъ должна была быть признана виновной въ кражѣ. Только одна изъ фамиліи Джабіани оказалась невредимой послѣ испытанія; она была оправдана, а остальныя признаны участницами въ воровствѣ. Ахадели разсказалъ мнѣ это съ полной вѣрой и безъ всякаго сомнѣнія въ дѣйствительности принятой мѣры. Виновницы кражи на этотъ разъ были наказаны. Но если кадаги (оракулъ) отъ имени креста св. Георгія объявляетъ, чтобы преступники были отпущены безъ возмездія, тогда въ благодарность святому приносится котелъ пива, жертвуется баранъ или корова, и тѣмъ происходитъ очищеніе преступника въ глазахъ земляковъ.

Остается упомянуть о поэзіи тушинъ. Поэзія тушинъ вообще мало извѣстна. Мнѣ удалось собрать нѣсколько десятковъ пѣсенъ, которыя даютъ возможность составить нѣкоторое понятіе объ ихъ поэтическомъ творчествѣ.

Но прежде, чѣмъ говорить о пѣсняхъ, я приведу для образца одну *легенду объ I. Христѣ и Іоаннѣ Крестителѣ.*

Жилъ бѣднякъ съ женой. Онъ былъ такъ бѣденъ, что даже изорванная чоха представлялась ему пріятной мечтой. Подбирая лоскутки, онъ изъ нихъ готовилъ себѣ одѣянье. Прошло семь лѣтъ, у бѣдняка родился сынъ. Ни бѣдный, ни тѣмъ болѣе богачъ, не желалъ быть крестнымъ отцомъ его сына. Іоаннъ Креститель, обращаясь къ I. Христу, говоритъ:

„Мальчикъ, котораго мы дали бѣдняку, остается безъ миропомазанія: крестимъ-те его“.—„Любезные кумъ и кума (обращаются они къ родителемъ мальчика), если вамъ угодно, мы крестимъ вашего сына“.

---

*) *Учкуо*—собственно значитъ „безъ ума“; въ Пшаветіи я встрѣтилъ трехъ лицъ съ такимъ прозвищемъ.

Digitized by Google

— Какъ вы можете у насъ крестить, когда у насъ нѣтъ ни вола, ни коровы?

— „Мы можемъ дать вамъ много добра, если только вы окажетесь достойными нашего благодѣянія“.

Кума за неимѣніемъ платья прячется за корзину, кумъ же корчится отъ продолжительнаго голоданія.

— „Если вы заслужите нашего вниманія, мы васъ обогатимъ: наполнимъ окрестныя поля и ущелья овцами и коровами“.—Сказали и ушли.

Проходятъ семь лѣтъ, а крестникъ ни разу не видѣлъ еще своего крестнаго отца. Разъ Іоаннъ Креститель говоритъ І. Христу: „отправляйся къ своей кумѣ, посмотри, какъ она тебя приметъ“. І. Христосъ пошелъ.

— „Къ намъ пожаловалъ дорогой кумъ“,—докладываетъ служанка своей хозяйкѣ.

— Пусть убирается отсюда! Что онъ такъ повадился къ намъ? Ничего хорошаго я отъ него не видала, хотя бы разъ онъ мнѣ принесъ на платье.

— Нѣтъ, уважаемая хозяйка, не говорите этого о немъ. Лучше зарѣжемъ откормленную курицу, разстелемъ дорогіе ковры и примемъ его радушно.

— Молчи, служанка, не позволяй себѣ много! Лучше отнеси ему кусокъ кукурузнаго хлѣба и немного кислаго молока. Если онъ голоденъ, то и это съѣстъ, а если не хочетъ, то пусть убирается, куда ему угодно.

— „Тебѣ бы лучше повидаться съ кумомъ“,—говоритъ І. Креститель Христу.—„Отъ женщины толку не добьешься“.

Вотъ Христосъ идетъ навѣстить своего кума.

— Дорогой кумъ, дайте намъ шерсти: немного недостало для носковъ.

Взялъ кумъ и бросилъ горсть шерсти.

— Кумъ, зарѣжь намъ жирную овцу; за одну получишь тысячу.

— Если хорошую вамъ зарѣзать, то хромую для кого прикажете оставить?

Кумъ и кума возсѣли на золотой „тахтѣ“ (турецкій или,

Digitized by Google

лучше сказать, восточный диванъ).—„Разступись земля и скрой ихъ въ своей глубинѣ, этихъ неблагодарныхъ людей! Да обратится, кумъ, твоя борода въ траву, пусть вѣчно коситъ тебя косарь и пусть трава не истощается! А твоя кровь, кума, обратится въ корень марены, пусть грекъ тебя копаетъ безпрестанно и пускай ты будешь неистощима! А крестнаго сына возьмемъ съ собою, ибо миро священно"...

Поэзія тушинъ распадается на два періода: древнѣйшую—героическую и новую—лирическую. Между этими періодами слѣдуетъ поставить пѣсни историческаго содержанія. Въ героическихъ пѣсняхъ тушины сохранили воспоминаніе объ Амиранѣ, который предпринимаетъ грозный походъ противъ персовъ, вслѣдствіе отказа испаганскаго владѣтеля выдать за тушинскаго героя дочь свою за мужъ. Амиранъ пригласилъ двухъ своихъ братьевъ Бадри и Усупи въ Джавахетію; они разбили тамъ втроемъ трехтысячное испаганское войско, похитили дочь шаха и умчали ее на быстромъ конѣ.

Далѣе извѣстны еще героическія пѣсни сложенныя въ честь Торгва. Тилисдже, Ватадже, Гига, Зезва и другихъ героевъ, которые отличились въ борьбѣ съ лезгинали, кистинцами, чеченцами. Гига воспѣвается какъ охранитель и защитникъ кровной мести. За убійство въ войнѣ своего брата Георгія, Гига уничтожаетъ цѣлый отрядъ лезгинъ и этимъ чувствительнымъ урокомъ ограждаетъ Тушетію отъ повторенія подобныхъ случаевъ вторженія со стороны кистинцевъ и лезгинъ.

Герой Зезва фигурируетъ между прочимъ въ нижеслѣдующемъ *сказаніи о взятіи Бахтріонской крѣпости*, которое привожу въ изложеніи. Объ этой крѣпости такъ отзывается географъ XVIII в. Вахушти: „Къ востоку отъ рѣки Алазани лежитъ крѣпость Бахтріони. Нѣкогда она представляла собою сильную твердыню, но теперь брошена". Печальныя развалины этой крѣпости дѣйствительно слабо напоминаютъ о ея минувшей славѣ. А вотъ что разсказываетъ о ней народное преданіе.

Два тушина изъ пирикительцевъ, охотясь за дикими ко-

Digitized by Google

зами, взошли на небольшую гору, откуда открылась имъ неизвѣстная до того времени роскошная Кахетія съ ея Алазанскою долиною. Видъ восхитительной картины очаровалъ охотниковъ такъ сильно, что они рѣшили немедленно спуститься внизъ, въ Панкисское ущелье. Здѣсь они встрѣчаютъ татарскую стражу на рѣчкѣ Бацарисъ-Цкали. Татары нападаютъ на нихъ, захватываютъ въ плѣнъ и, мало того, надругаются надъ ними самымъ позорнымъ образомъ. Народъ, взволнованный этимъ гнуснымъ поступкомъ своихъ враговъ, разсылаетъ гонцовъ къ пшавамъ и хевсурамъ, призывая ихъ къ мести за позоръ, который весь народъ терпитъ въ лицѣ своихъ собратовъ. Горцы откликнулись, собрались въ Тушенію пшавы, хевсуры, тушины близъ рѣчки, гдѣ обыкновенно рѣшались дѣла, касающіяся всѣхъ общинъ. Ополченіе раздѣлилось на два отряда: одинъ направился въ Панкисское ущелье, гдѣ и скрылся, другой — къ Бахтріонской крѣпости. Послѣднему отряду пришлось переправляться чрезъ рѣку по мосту, усыпанному золой съ тою цѣлью, чтобы по оставшимся на ней слѣдамъ знать направленіе враговъ. Тушины прибѣгли къ хитрости Виттекинда, подковали лошадей обратно и такимъ образомъ ввели въ заблужденіе татаръ относительно принятаго маршрута. Войско „султана" погналось за ними, но какъ разъ въ другую сторону. Между тѣмъ отрядъ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ приблизился къ Бахтріонской крѣпости, занятой татарами. Ворота крѣпости были заперты и взять ее не было надежды. Но герой Зезва заранѣе предвидѣлъ это; онъ заготовилъ колья, которые вбилъ въ стѣну, и, взобравшись по нимъ, спустился во внутрь крѣпости [1]). Отворивъ ворота, онъ впустилъ поджидавшихъ соумышленниковъ, а татары, видя ихъ, выбѣжали въ поле. Погнался побѣдоносный отрядъ за татарами, на встрѣчу которымъ шелъ другой отрядъ горцевъ изъ Панкисскаго ущелья. Застигнутые въ серединѣ татары всѣ были перебиты, почему Алванское поле и получило названіе

---

[1]) Отсюда онъ получилъ прозваніе *Гаприндаули* (отъ *ирена*—летать).

Digitized by Google

„ганцхветила“ (*ишхета*—истреблять). Хевсуры и пшавы взяли добычу, а тушины получили Алвани. Этимъ объясняетъ народъ происхожденіе Алвани, какъ общей собственности всѣхъ тушинъ. Самое названіе Алвани ставится въ связь съ грузинскимъ словомъ „али“—пламя, такъ какъ дымились потоки крови татаръ, павшихъ на полѣ брани. По другому народному объясненію имя Алвани происходитъ отъ *ал*—господинъ или госпожа по кистински и *ви*—здѣсь; *алвани* значитъ—„здѣсь есть“, т. е. здѣсь мѣстопребываніе царицы, именно Тамары, о чемъ свидѣтельствуютъ развалины крѣпости.

Сохранился разсказъ о подвигѣ героя Зезва и въ пѣснѣ, которой я не считаю уже нужнымъ приводить. Сообщу взамѣнъ этого отрывокъ изъ весьма распространенной на Кавказѣ поэмы „Ростомъ“, содержаніе которой я передавалъ въ очеркѣ о пшавахъ и указалъ слѣды ея существованія у мохевцевъ. [1]) Уцѣлѣвшій эпизодъ у тушинъ передаетъ тотъ моментъ борьбы Ростома съ сыномъ своимъ Зурабомъ, когда послѣдній, пораженный отцомъ, испускаетъ духъ.

— Ты, старецъ, убѣленный сѣдинами,
Зачѣмъ вонзилъ ты въ меня свой мечъ до рукоятки!
Куда ты уйдешь отъ мести отца моего Ростома?
— Если ты сынъ Ростома, у тебя будетъ знакъ на тѣлѣ.
О, горе! Сынъ мой, Зурабъ, ты убитъ рукой отца!
Не моя вина, виновата твоя мать.
Кто повѣритъ женщинѣ, да лишится могилы!

Въ историческихъ пѣсняхъ воспѣвается царица Тамара и царь Иракій II. Въ уста Тамары влагается грустное размышленіе о томъ, что она, при всей своей земной славѣ, не смотря на то, что побѣдоносно пронеслась отъ Испагани до Константинополя, наложила дань на Турцію и Персію и была грозною повелительницею полъ-міра,—все таки унесла

[1]) См. „Сборн. матеріаловъ по этнографіи“, изд. подъ ред. В. Ѳ. Миллера (Москва 1888), вып. III, стр. 94.

Digitized by Google

съ собою въ вѣчную жизнь лишь семь аршинъ грубаго холста. При этомъ вспоминается изреченіе мудраго Соломона, который, изобразивъ тщетную борьбу человѣка на землѣ, восклицаетъ съ чувствомъ безграничнаго отвращенія отъ свѣта: „все суета!“ Въ другой пѣснѣ воспѣвается царь Ираклій II, который навелъ такой ужасъ на лезгинъ и кистинцевъ, что они вынуждены были скрыться въ горы и надолго отказаться отъ разграбленія тушинскихъ стадъ.

Съ неменьшимъ успѣхомъ онъ управлялся и съ турками:

Ираклій, Карталинскій повелитель,
Божьей волею взялся за мечъ.
Загремѣлъ въ барабаны, заигралъ въ свирѣли
И собралъ сильный отрядъ.
Соорудивъ желѣзныя телѣги,
Онъ наполнилъ ихъ оружіемъ;
На рѣкахъ мосты построилъ.
Разрушивъ турецкій городъ до основанія,
Ираклій взялъ много добычи.

Въ трудныя минуты, подъ натискомъ врага, всегда вспоминали тушины этого героя-царя, сожалѣя, что онъ не придетъ заступиться за нихъ, и придавая себѣ храбрости однимъ воспоминаніемъ о немъ:

Возстань, проснись, герой героевъ!
Вѣдь ужь слышится крикъ враговъ:
Пусть не застанутъ они насъ безпомощными:
Начнемъ-те ихъ разить, какъ прежде разили!..
Но мы видимъ, что ты медлишь,
И намъ не вернуться домой!..
Поле и площадь усыпаны жемчугомъ,
И онъ собирается тѣмъ, кто совершилъ подвигъ;
Но горе измѣннику отечества на томъ свѣтѣ:
Будетъ онъ брошенъ въ огонь неугасаемый!

Послѣ смерти Ираклія не только Тушетія, но и вся Грузія сдѣлалась ареной кровавыхъ сценъ. „Пали желѣзныя врата, погибъ тушинъ, умеръ царь Ираклій—неуязвимая твердыня

Digitized by Google

безопасности Грузіи!“ Царица убивается надъ безжизненнымъ трупомъ супруга; она призываетъ тушинъ, вѣрныхъ воиновъ Ираклія, противъ враговъ, уже разсуждающихъ надъ свѣжей могилой царя, кому овладѣть престоломъ. Видно, что пѣсня эта сложена женщиной, потому что она оканчивается такимъ восклицаніемъ: „О, если бы я была мужчиной, то одѣлась бы въ кольчугу и первая вонзила бы кинжалъ въ сердце ненавистнаго врага!“

Такимъ энтузіазмомъ проникается слабая натура женщины въ предчувствіи позора, ожидающаго Грузію. Не даромъ женщина служитъ предметомъ поэтическаго воодушевленія тушинъ и воспѣвается какъ хранительница завѣта предковъ, съ презрительнымъ укоромъ обращающаяся къ самимъ же тушинамъ, потерявшимъ прежній отважный геройскій духъ, Если теперешній мужчина уже не тотъ безстрашный воинъ, о которомъ прежде мечтала тушинка, за то она та-же скромная и вѣрная супруга со всѣми качествами, которыми тушинъ чрезвычайно дорожитъ. Онъ воспѣваетъ ея черные глаза, черныя кудри, и, по своей любви къ фигуральнымъ выраженіямъ, сравниваетъ ея носъ съ тонкой свирѣлью, нѣжныя губки—съ кожицей лука, зубы—съ правильно расположеннымъ бисеромъ, а слезы на розовыхъ ланитахъ уподобляетъ паденію звѣздъ съ небесной высоты.

Или вотъ еще подобнаго же рода образныя восхваленія:

Скажи мнѣ, дѣвушка, чья ты?
Твои глаза напоминаютъ ежевику;
Лобъ походитъ на луну,
Появившуюся среди темной ночи;
Лицо же твое подобно утреннему солнцу,
А ростъ тростнику, растущему при морѣ.

Любовью этой красавицы тушинъ очень дорожитъ и всякая случайная помѣха или интриги злого разлучника повергаютъ его въ уныніе или въ озлобленіе.

Полюбилъ я дѣвицу-красавицу,
Но меня постигло несчастье:

Digitized by Google

Просилъ ея руки, и мнѣ отказали,
Злой разлучникъ сталъ между нами.
Уймись, недругъ, перестань враждовать,
Укроти свой змѣиный языкъ!
Вѣдь ты виновникъ нашего разлада.
Тяжкій же грѣхъ ты взялъ на себя!

Желалъ бы я быть ястребомъ
И подняться на высокій утесъ.
Кабы догнать мнѣ твоего похитителя
И увидѣть, на чьей рукѣ ты лежишь!..
Я повѣдаю тебѣ свои мысли,
Если ты отзовешься на стонъ моего сердца:
Я уже покидаю этотъ край,
Иду въ тріалеты (горы) за овцами.
Хоть тогда поплачь обо мнѣ,
Когда насыплютъ надо мною могилу.

Съ своей стороны за измѣну разъ избранной подругѣ тушинъ самъ надъ собою произноситъ неумолимое проклятіе „Твоего измѣнника,—говоритъ онъ красавицѣ въ пѣснѣ,—пусть караетъ всевышній Богъ, пусть буря-ураганъ застигнетъ на безлюдномъ „салбухскомъ" полѣ и раздробится на куски поднятый на врага сверкающій кинжалъ!" Тушинъ не знаетъ болѣе страшнаго проклятія. Требуя отъ женщины постоянства, онъ и самъ себя обязываетъ остаться неизмѣннымъ другомъ своей возлюбленной.

Этотъ лирическій мотивъ остается господствующимъ въ современной тушинской поэзіи. Могучій родникъ поэтическаго творчества тушинъ, дающаго свѣжія, яркія картины жизни и природы, разливается въ современной поэзіи лишь тремя струями: унылой струею недовольства, упоительнымъ потокомъ любви и освѣжающимъ ручьемъ добродушнаго гостепріимства.

А. Хахановъ.

Digitized by Google

Очеркъ вѣрованій крестьянъ Елатомскаго уѣзда,

ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Зарѣчная часть Елатомскаго уѣзда—самый захолустный уголокъ Тамбовской губерніи. Вдали отъ водныхъ и сухопутныхъ дорогъ, раскинувшись по низовью межъ Окой и Мокшей, онъ живетъ какимъ-то обособленнымъ, замкнутымъ міромъ. Городская культура его не коснулась, даже торговые пункты базары и ярмарки,—эти обычные проводники цивилизаціи, не оказали здѣсь сильнаго вліянія. Вѣрные традиціямъ, крестьяне твердо держатся завѣтовъ старины, ревниво оберегаютъ вѣковые устои отъ волнъ „новшества".

Смѣются надъ ними заѣзжіе торговцы, ругаютъ „пеньками", да горя мало зарѣчникамъ: „Мы не купцы,—говорятъ они,—и не баре, а православные христіане: живемъ по маленьку, по черному, какъ отцы наши жили и намъ приказали"...

Зарѣчники всѣ коренные великороссы—земледѣльцы по происхожденію, почти всѣ православные. Рѣдко-рѣдко попадется гдѣ село татарское или деревушка раскольничья, и тѣ стоятъ какъ-то особо, ни малѣйшихъ признаковъ общенія: „не ладно знаться люду православному съ поганымъ татариномъ, не слѣдъ водить хлѣба-соли и съ еретикомъ старовѣромъ"...

Православными зовутъ себя зарѣчники, въ церковь ходятъ и молебны усердно служатъ, а много еще удержали языческаго и въ обрядахъ, и въ вѣрованіяхъ, и въ самыхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Это ихъ самое дорогое, самое завѣтное наслѣдіе, которое они хранятъ въ оболочкѣ христіанства. Зарѣчникъ гордится своимъ „православіемъ", носитъ крестъ съ распятіемъ, а порой не скажемъ вамъ, кто рас-

Digitized by Google

пятъ на этомъ крестѣ, и привѣшиваетъ къ нему десятки „ладонокъ“ съ наговорами и заклятіями; онъ исполняетъ христіанскіе обряды, но дорожитъ ими только какъ высшей необходимостью, которой не сознаетъ и не понимаетъ, но которую боится нарушить изъ страха предъ судомъ Божьимъ.

Заболѣла у мужика жена или дѣти—онъ перепробуетъ сначала тьму суевѣрныхъ средствъ, понабѣгается къ разнымъ колдунамъ и знахаркамъ, а потомъ ужъ поплетется къ „попу“ причастить больныхъ во здравіе. Случилась крупная бѣда на селѣ—повальная болѣзнь или падежъ скота,—цѣлое общество встаетъ, какъ одинъ человѣкъ, и въ виду причта совершаетъ длинную процедуру опахиваній, заклинаній и другихъ языческихъ обрядовъ.

Духовно-созерцательная жизнь крестьянъ осталась почти прежняя—языческая; съ нею вмѣстѣ удержалась и старая религія, обновленная больше формами, чѣмъ содержаніемъ. Если и проникли новыя идеи христіанства, то онѣ неправильно поняты, и церковныя преданія только перемѣшались съ языческими формами, сообщивъ имъ большую силу переживанія.

Начнемъ съ представленія крестьянъ о сотвореніи міра, о судьбѣ, о добромъ и зломъ духѣ.

Было два царства: царство тьмы и царство свѣта. Первое было на землѣ; сидѣлъ въ немъ сильный и богатый царь Сатанаилъ. Второе было на небѣ, гдѣ былъ воздвигнутъ тронъ Бога. Богъ былъ добрый, искренне и отъ души любилъ Сатанаила. Сатанаилъ былъ золъ, коваренъ, завидовалъ Богу и ненавидѣлъ его.

Разъ заспорили они между собою, кто изъ нихъ *сильнѣе*, кто поборетъ другого.

Сѣлъ Богъ на свѣтлый тронъ свой и велѣлъ сдвинуть себя съ мѣста. Какъ ни старался Сатанаилъ—ничего не подѣлалъ: съ какого боку ни подойдетъ, мѣшаетъ ему тронъ схватить Бога: глаза ослѣпляетъ, руки жжетъ.

— „Гдѣ-жъ тебѣ побороть меня!“—сказалъ Богъ, схватилъ его и бросилъ на сырую землю.

По колѣна ушелъ Сатанаилъ, но еще сильнѣе сталъ отъ

Digitized by Google

этого. Пуще прежняго озлобился на Бога и сталъ придумывать, чѣмъ бы побѣдить и превзойти его.

— „Давай теперь поспоримъ, кто кого *хитрѣй*“,—сказалъ онъ, прилетѣвъ опять къ Богу. Господь опять согласился.

— Двое насъ съ тобой во всемъ бѣломъ свѣтѣ,—обратился онъ къ Сатанаилу: сотвори третьяго!..

Сатанаилъ спустился на землю, досталъ кусокъ глины и давай лѣпить фигуру по образу Бога. Слѣпилъ—и не разгадать! только не двигается...

— Что-жъ ты сдѣлалъ?—сказалъ Богъ, дунулъ—и фигура разсыпалась.

Какъ Сатанаилъ ни ухитрялся, никакъ не могъ изобрѣсти душу и оживить ею человѣка. А Богъ только коснулся фигуры, и она стала живымъ человѣкомъ.

— „Ну-ка еще!“—продолжалъ Сатанаилъ.

Богъ взялъ оставшійся кусочекъ глины, дунулъ на него—и рядомъ стало другое существо, во всемъ подобное первому, только еще бѣлѣй, еще краше. Взялъ ихъ Богъ за руки, и пошли они съ нимъ въ сады райскіе и запѣли хвалу Богу. А Сатанаилъ скрежеталъ зубами отъ злобы и придумывалъ новыя хитрости.

Лишь только стемнѣло и опочилъ Господь въ своемъ небесномъ ложѣ, пробрался Сатанаилъ къ садамъ райскимъ и рѣшилъ похитить оттуда новосозданныхъ людей. Только не пускаетъ его ограда райская: какъ тронъ небесный, жжетъ тѣло, глаза ослѣпляетъ. Видитъ Сатанаилъ, что не перелѣзть ему чрезъ ограду райскую, и сталъ манить къ себѣ первыхъ людей. Не выдержали они, перелѣзли черезъ ограду и очутились во власти Сатанаила. Посадилъ онъ ихъ на могучія крылья и унесъ въ свое царство на землю.

Утромъ проснулся Господь и узналъ продѣлку Сатанаила. Взялъ чудесный жезлъ свой, махнулъ имъ—и его окружили многіе милліоны небеснаго воинства—больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ. Далъ имъ Богъ мечи огненные и повелъ на землю. Видитъ Сатанаилъ, дѣло плохо; свиснулъ — и сотворилъ демоновъ больше, чѣмъ песку въ морѣ. Зашумѣла сила

Digitized by Google

черная и понеслась на Господа. 77 дней сражались въ воздухѣ, земля стонала, небо колебалось. Наконецъ Богъ побѣдилъ Сатанаила: упалъ онъ и провалился въ тартары со всей своей силой демонскою.

Пошелъ Богъ искать своихъ людей и нашелъ ихъ средь бурнаго океана на высокомъ островѣ, между мрачными развалинами дворца Сатанаилова. Плакали первые люди, просили прощенія у Бога и умоляли о возвратѣ на небо. Простилъ ихъ Господь, но къ себѣ не взялъ, а покинулъ на землѣ. Предварительно онъ научилъ ихъ труду, внушилъ понятіе добра и зла и затѣмъ, собравъ всю силу небесную, поднялся на небо.

Съ той поры и пошла борьба добра со зломъ.

Въ знаменіе побѣды надъ Сатанаиломъ Богъ повѣсилъ надъ землею свой огненный мечъ, который бы разсѣвалъ съ земли силу бѣсовскую. Свѣтитъ этотъ мечъ-солнце, и молчитъ рать Сатанаилова, сидитъ во тьмѣ кромѣшной; настанетъ ночь надъ землею—и сила бѣсовская опять повылѣзетъ и начнетъ соблазнять человѣка. Такъ и пошло отъ него злое грѣховное сѣмя. Богъ благословляетъ его—шлетъ чистыя души на землю, а чортъ оскверняетъ ихъ въ грѣховномъ тѣлѣ, подчиняетъ земнымъ страстямъ духъ небесный.

Долго терпѣлъ Господь, наконецъ потопомъ рѣшилъ уничтожить нечестивое племя. Разверзлись облака небесныя, полилъ дождь на землю и затопилъ всѣхъ, кромѣ праведниковъ.

Пошло новое племя; Богъ сотворилъ для него добрыхъ, услужливыхъ животныхъ, насадилъ цѣлебныхъ травъ и растеній. Только и тутъ Сатанаилъ сталъ учинять пакости Богу. Разсѣваетъ Богъ днемъ доброе сѣмя, а Сатанаилъ разбросаетъ ночью плевелы: среди растеній—всевозможные яды, среди животныхъ—хищныхъ, плотоядныхъ звѣрей. Землю послѣ потопа Богъ обратилъ было въ плодородную равнину,—Сатанаилъ изрылъ ее пропастями и оврагами, понадѣлалъ горъ, разбросалъ камни по землѣ. Скоро дошла очередь и до человѣка.

Digitized by Google

Явился Сатанаилъ прямо къ Богу и сталъ просить у него человѣка на испытаніе, заспорилъ, что опять совратитъ его праведниковъ. Богъ согласился, приставилъ каждому человѣку по ангелу-хранителю, заповѣдалъ ему любовь къ себѣ и на всегда отлетѣлъ отъ земли. Сатанаилъ приставилъ къ человѣку своего демона-соблазнителя, а самъ ушелъ въ свое царство—тартары.

И снова возгорѣлась борьба двухъ силъ надъ человѣкомъ, только ни Богъ, ни Сатанаилъ на землю сами не сходятъ. Послѣдній разъ сойдутъ они во время свѣтопреставленія, раздѣлятъ межъ собой праведниковъ и грѣшниковъ: кого будетъ больше, того и верхъ будетъ.

А человѣкъ все больше и больше поддается дьяволу. Ангелы отлетаютъ на небо, а какъ отлетятъ всѣ—тутъ и конецъ міру. Выйдетъ Сатанаилъ изъ кромѣшнаго царства и возсядетъ на землѣ, на прежнемъ своемъ сѣдалищѣ. Только не долго, всего три дня попуститъ Богъ господствовать ему на землѣ. Сниметъ опять огненный мечъ свой и поразитъ всю силу бѣсовскую...

Таковы разсказы о началѣ міра, записанные мною въ болѣе или менѣе захолустныхъ уголкахъ Елатомскаго уѣзда.

Есть и другія варіаціи, позднѣйшаго происхожденія, съ преобладаніемъ христіанскаго элемента. Такія встрѣчаются больше по селамъ, гдѣ народъ чаще сталкивается съ причтомъ, больше имѣетъ возможности ознакомиться съ подлинными преданіями церкви. Въ этихъ разсказахъ старые миѳы приноравливаются къ позднѣйшимъ христіанскимъ воззрѣніямъ, соединяются съ ними грубо, неосмысленно, и происходитъ рѣзкое смѣшеніе чуждыхъ другъ другу формъ, чуждыхъ понятій. Не вдаваясь въ подробности самыхъ разсказовъ, отмѣчу только нѣкоторыя данныя, какъ примѣръ робкаго опыта постепенно согласить новыя христіанскія представленія съ живучими остатками язычества. Сначала въ борьбу двухъ силъ вводится личность Христа, затѣмъ Святъ-Духъ. Это таинственное „умоленное“ существо вмѣстѣ съ Христомъ требуетъ отъ земнаго царя своей законной дани; но тотъ обманываетъ его:

Digitized by Google

удѣляетъ ему живыхъ людей, а за собой удерживаетъ власть надъ душами мертвыхъ. И Христа и Святъ-Духа, какъ идеалъ добра, народъ и отличаетъ пока только одной этой идеей добра; чортъ по прежнему силенъ, остался прежнимъ половинщикомъ Бога. Затѣмъ постепенно въ варіанты вводится борьба трехъ силъ: Христа, Святъ-Духа и Бога противъ одного дьявола. Въ результатѣ дьяволъ побѣжденъ и прикованъ къ цѣпи чрезъ посредство Христа и неизвѣстнаго таинственнаго человѣка.

Едва ли доказываютъ всѣ эти варіанты, чтобы содержаніе религіозныхъ представленій народа существенно измѣнилось, и чтобы произошелъ крупный поворотъ отъ язычества къ христіанству. Категорическій отвѣтъ въ данномъ случаѣ, по моему невозможенъ. Здѣсь обозначилось только одно переходное состояніе. Новая религія обаятельна опредѣленнымъ выраженіемъ идеи высшаго добра. смѣлымъ проклятіемъ злой силѣ,—обаятельна, но далеко не такъ понятна, и страшно сдѣлать прямо къ ней рѣзкій шагъ отъ язычества. Крестьянинъ не найдетъ пока опредѣленныхъ границъ между старымъ и новымъ представленіемъ, мѣшаетъ ихъ содержаніе, мѣшаетъ формы. Идея высшаго добра была и раньше; и прежде онъ стремился къ ней, ненавидя и проклиная въ душѣ идеалъ отрицательный. Самая суть—распредѣленіе ихъ власти на землѣ, взаимныя отношенія другъ къ другу и подчиненіе Богу всего видимаго—только въ робкомъ зародышѣ... еще на устахъ народа, но не выговорены. Сатана остался прежнимъ царемъ тьмы, правда, не такимъ сильнымъ соперникомъ Бога, но царемъ все же самостоятельнымъ и въ мірѣ зла по прежнему обособленнымъ.

— „Бога люби, а чорта не дразни“, т. е. уважай въ немъ силу, всегда враждебную и гибельную для человѣка. Былъ же пустынникъ, старецъ твердой воли и крѣпкой любви къ Богу, но совращенъ Сатаной оттого, что трижды плевалъ на него каждый разъ послѣ молитвы. Жилъ онъ нѣсколько лѣтъ въ тиши и уединеніи лѣсовъ. За подвижническую жизнь Богъ уготовалъ ему лоно рая, ниспосылалъ

Digitized by Google

ангеловъ къ нему въ пещеру—и вдругъ дьяволъ жестоко насмѣялся надъ подвижникомъ: явился въ образѣ дѣвы, соблазнилъ и вмѣсто уготованнаго рая бросилъ на муки ада...

Итакъ, люби и бойся Бога, но трепещи и чорта, коли страшны тебѣ муки ада!.. Таково пока религіозное убѣжденіе крестьянъ, такимъ выглядываетъ оно и въ ихъ представленіяхъ. Имя чорта унижается церковью, онъ громогласно проклинается ею, но то церковь!.. Зарѣчникъ слушаетъ все это въ ея стѣнахъ, но вышелъ—и самъ всѣми силами постарается забыть слышанное. Страшно повторить въ душѣ униженіе чорта: подслушаетъ „недобрый" и жестоко отплатитъ дерзкому. Коли святыхъ отнимаетъ у Бога, гдѣжъ тутъ устоять противъ него грѣшнымъ! Попу хорошо учить: „не бойся"; онъ крестомъ божьимъ покрытъ, а мы что! Сказалъ лишнее слово и угодилъ въ преисподнюю.

Отсюда невольно развился, окрѣпъ и робко удерживается до сихъ поръ культъ злой силы на ряду съ почитаніемъ единаго христіанскаго Бога. Прямого культа, т. е. почитанія и боготворенія злой силы, собственно говоря, нѣтъ. Идеалъ отношеній къ „нечистому" носитъ скорѣе всего безразличный характеръ: не раздражать его, поминая его имя, не плевать въ его сторону (лѣвую)—и только.

Но межъ идеальными силами добра и зла есть еще, такъ сказать, силы промежуточныя: близкія къ Богу—ангелы съ небесными обитателями, и близкія къ чорту—разсѣянная по землѣ нечистая сила, его земные пособники. Ангелы—заботятся о человѣкѣ, но надо быть осторожнымъ, уважать, сколько можно, нечисть — земныхъ агентовъ преисподней, которые только и ищутъ случая перетянуть на свою сторону человѣка. Таковъ имъ завѣтъ отъ царя преисподней; таковы и ихъ собственные интересы, во имя которыхъ они трудятся. Видитъ злая сила пламенный мечъ на небѣ и помнитъ, что въ концѣ міра онъ сразитъ ихъ, если ихъ вождь Антихристъ окажется слабѣе грѣшниками, чѣмъ Богъ праведниками.

Digitized by Google

Нечисть разсѣяна повсюду. Земля грѣшна и грѣшнаго на ней больше, чѣмъ святого, божескаго. Всюду злое сѣмя дьявола: и въ царствѣ растительномъ и въ царствѣ животномъ; стихіи есть и злыя и добрыя,—все въ природѣ пополамъ межъ царями-половинщиками. И все это почитай, не погрѣшая противъ Бога, не раздражая и чорта. Такой дуализмъ въ задачѣ и сталъ прямымъ виновникомъ дуализма въ представленіяхъ христіанина. Его религія велитъ ему смѣло проклинать чорта во имя любви къ Богу, но онъ рѣшится скорѣе отступить шагъ назадъ къ старымъ представленіямъ, чѣмъ повторить за церковью слово презрѣнія тому, кого онъ привыкъ страшиться, какъ силы почти равносильной съ Богомъ. Отсюда становится понятнымъ, что между тѣмъ, какъ культъ доброй силы ослабъ отъ сліянія съ положительными идеалами христіанства, культъ злой силы удержался, не смотря на разрушительныя для него идеи новой религіи.

Разсмотримъ признаки и проявленія того и другого культа. Чистыхъ стихій двѣ: огонь и вода. Культъ ихъ, пожалуй, живъ, даже распространенъ, но поблѣднѣлъ и видоизмѣнился до неузнаваемости.

Огонь—стихія всесильная, всеочищающая. Отъ нея и злой духъ бѣжитъ и все нечистое очищается. Пастухи въ табунѣ разводятъ ночью костеръ и вполнѣ покойны среди самаго нечистаго мѣста: не посмѣетъ подойти къ огню злая сила, не посмѣетъ тронуть человѣка. Нечистое животное свинья: и людей ѣстъ, и оборотнемъ бываетъ; но опалить ее на огнѣ — и она станетъ самымъ чистымъ. Заболѣетъ кто-нибудь — первое средство—„вспрыснуть съ уголька“, растереть на заслонѣ, покатать въ золѣ и т. п. Родилось дитя „неправое“ — мать спѣшитъ въ лѣсъ, разыскиваетъ тамъ обожженное молніей дупло и сажаетъ туда дитя въ полной надеждѣ на его спасеніе.

Культъ языческаго бога-громовника повсюду почти перешедшій въ христіанское почитаніе Ильи великаго, до сихъ поръ еще носитъ здѣсь нѣкоторые слѣды язычества. Въ с.

Digitized by Google

Мамышевѣ, Пенькахъ и другихъ глухихъ селахъ считаютъ рискованнымъ хорониться отъ грозы близъ церкви, а спѣшатъ въ избу, поближе къ очагу. Стрѣльба изъ ружья считается у нѣкоторыхъ чѣмъ-то ужаснымъ, могущимъ вызвать отвѣтный громъ на небѣ. Кузнецъ, ближе всего стоящій къ стихіи огня, фигурируетъ въ сказаніяхъ, какъ ненавистный и неуязвимый для злой силы человѣкъ. По однимъ разсказамъ, онъ отказался ковать чорту оружіе для борьбы съ Богомъ. Силу тотъ создалъ несмѣтную, а ковать не можетъ,—вотъ и обратился къ кузнецу; тотъ отказался, и Богъ далъ зарокъ чертямъ не губить души кузнеца. По другимъ варіантамъ, кузнецъ надѣлалъ громовыхъ стрѣлъ Ильѣ, и угодникъ наградилъ его той же силой. Есть примѣта, что молнія и ласточка никогда не зажигаютъ кузницы. Сова, какъ „чертова птица", не смѣетъ садиться даже на дома кузнецовъ.

Культъ огня переносится иногда на золу, камни и уголь. Кремень и кресало всюду, во всѣхъ похожденіяхъ охраняютъ отъ злого духа. Спичками прогонишь ночью только звѣря лѣсного, но не всегда спасешься отъ недобраго: гораздо дѣйствительнѣе и надежнѣе здѣсь огонь отъ кремня съ кресаломъ. Строитъ хозяинъ новую хату—два-три кирпича вставляетъ въ новую печь изъ старой; отдѣляется членъ семейства—хозяйка спѣшитъ вынести горшечекъ-другой золы изъ старой печи, и чѣмъ больше выгребетъ, тѣмъ больше вынесетъ счастья для новой семьи.

Какъ карательная стихія, огонь самая страшная, самая дѣйствительная и вѣрная сила. Кто плюетъ въ печь — вѣрная сухотка впослѣдствіи. Загорѣлъ хлѣбъ у крестьянина — великій, стало быть, и непростительный грѣхъ на душѣ у хозяина. Задохнулась баба, парившаяся въ печкѣ, — была, значитъ, колдунья или вѣдьма: пришелъ конецъ ея волѣ-долѣ на землѣ. Загорѣлись случайно волосы у священника—нечистъ былъ батька: не ходи впередъ служить такимъ у алтаря.

Какъ стихія цѣлебная, огонь является больше въ соединеніи съ *водой*. Дождевая и ключевая вода тоже цѣлебна.

Digitized by Google

Сверхъ того вода обладаетъ вѣщей силой предсказанія. Съ нею неразрывно связаны святочныя и весенія гаданія и другія повседневныя примѣты. Подойдетъ пѣтухъ къ чашкѣ съ водой, закудахчетъ, глядя въ нее,—выйти дѣвушкѣ замужъ; отойдетъ спокойно—вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть. Потонулъ въ водѣ вѣнокъ, воскъ съ волосами новорожденнаго — не жить человѣку на бѣломъ свѣтѣ. Увидалъ свое изображеніе въ водѣ—тоже добру небывать.

Безусловно чистою вода не считается; въ этомъ ея отличіе отъ огня. „Огня чортъ боится, а въ водѣ селится", говоритъ пословица. Дождевая вода съ ключевой чисты безусловно, а рѣчная, луговая и особенно озерная могутъ быть оскверняемы присутствіемъ нечистаго. Въ „лужанкахъ" съ полой водой народная фантазія поселила полувоздушныхъ, полуводяныхъ духовъ въ видѣ красивыхъ мальчиковъ съ розовымъ лицомъ и золотистыми волосами. На зарѣ, когда еще не пробиваются лучи солнца, они купаются и громко плещутся, съ восходомъ солнца постепенно таютъ и уносятся въ высь небесную.

Рѣки тоже нечисты отъ присутствія въ нихъ водяныхъ и русалокъ. Культъ *водяныхъ* довольно распространенъ, особенно въ сосѣднемъ селѣ нашемъ Саврѣ-Мамышевѣ, гдѣ всѣ почти занимаются рыбнымъ промысломъ. Нерѣдко случалось ѣздить съ ними и бесѣдовать объ этомъ предметѣ. Въ водяныхъ вѣрятъ такъ-же, какъ въ свое собственное существованіе. Передаютъ при этомъ цѣлую массу „бывальщинъ", „оказій" и „страховъ", если выразить свое недовѣріе.

Живутъ водяные въ рѣкахъ, озерахъ, болотахъ, всегда на значительной глубинѣ подъ колодникомъ. По водѣ плаваютъ въ видѣ сома, а отдыхать вылѣзаютъ въ полночь старикомъ съ длинной, зеленовато-сѣдой бородой и сосновой плесой. Днемъ вылѣзаютъ рѣдко—Ильи боятся: увидитъ — и поразитъ на смерть. Съ самаго чертова побоища гоняется угодникъ за нечистью и усердно избиваетъ, какъ увидитъ днемъ на поверхности земли. Щадитъ только тѣхъ, кто успѣетъ обратиться въ ужа съ короной или въ божью пчелу.

Digitized by Google

Водяной рѣдко вредитъ людямъ. На ряду со всякой нечистью, удержавшись на землѣ, онъ далъ зарокъ Богу не видѣть свѣта божія, страшиться божьяго имени и не касаться человѣка съ православнымъ крестомъ на шеѣ.

Рѣдко вредитъ водяной, но любитъ почетъ отъ людей и мститъ за злыя шутки съ нимъ. Прибыльная и удобная по нашей рѣкѣ (Мокшѣ) ловля съ подсвѣтомъ совершенно не практикуется рыбаками изъ суевѣрнаго страха, чтобы не раздразнить водяного. „Вонъ былъ,—разсказывали мнѣ,—Ѳомка у насъ. На что бы, кажись, удалѣе! И съ водянымъ ладилъ: нырнетъ, бывало, въ самую глубь за полуштофъ. А поѣхалъ разъ съ подсвѣтомъ - лодку одну только и прибило съ шапкой". Глубоко неводъ пускать тоже не хорошо: опять обезпокоишь, раздразнишь водяного; попадетъ нарочно въ матню, прорветъ и уведетъ за собой всю рыбу.

Водяной—существо благодушное, но такъ расшалится порой, что испугаетъ на смерть. Ѣдешь въ лодкѣ—все ничего: и тихо, и волны нѣтъ. Вдругъ поднимается корма на цѣлый аршинъ отъ воды; раздается хохотъ, плескъ волны—и снова все тихо. Лодка опала, опять ничего нѣтъ. Крестится изумленный рыбакъ, а водяной вынырнетъ гдѣ-нибудь вдали, махнетъ разъ-другой плесой и скроется въ пучинѣ съ тѣмъ же глухимъ хохотомъ. Шутки водяного бываютъ больше съ началомъ весны: радъ бываетъ онъ своему новоселью и особенно часто шутитъ въ это время. Ѣдутъ рыбаки по рѣкѣ, вздремнутъ по теченію — водяной влѣзетъ незамѣтно въ лодку, оборотится мертвецомъ и лежитъ среди нихъ. Замѣтятъ его, сотворятъ крестное знаменіе — онъ прямо въ воду, только его и видѣли.

Передъ началомъ лова всегда бросаютъ водяному двѣ-три рыбы, крошки хлѣба, посуду съ остатками вина и т. п. Зарябитъ по водѣ—сердитъ водяной, брови хмуритъ, не жди лову хорошаго. Дозоромъ обходитъ онъ свое водное царство, набредетъ на неводъ и выпуститъ изъ него всю рыбу. Водяной одинъ на всю рѣку. Рыбу перегоняетъ то туда, то

Digitized by Google

сюда, по собственному усмотрѣнію. Зимой уходитъ изъ воды въ подземное жилище.

Два слова объ этихъ жилищахъ. Находятся они глубоко подъ землей. Ходъ въ нихъ открытъ всегда и для всякой нечисти. Водяной уходитъ туда чрезъ отверстіе въ руслѣ; таинственныя отверстія эти бываютъ во всякомъ озерѣ. Ведутъ они прямо въ подземное царство, куда вмѣстѣ съ водянымъ собираются зимой и русалки. Въ царство это попадаютъ иногда и люди: утопленники, затащенные въ полдень русалками. Возврата нѣтъ, если не отслужишь 40 обѣденъ Зосимѣ и Савватію; тогда только можетъ всплыть покойникъ и можетъ быть похороненъ по христіанскому обряду.

Самъ властитель подземнаго царства рисуется крайне тусклыми неопредѣленными красками. Извѣстно только, что есть у него 111 дочерей всѣ красавцы, но злыя, нечистыя; мучатъ и всячески тиранятъ попавшаго къ нимъ человѣка; только одна младшая добрая да привѣтливая.

Ходъ въ подземное царство открытъ съ суши черезъ пропасти, трущобы и разсѣлины; открытъ чрезъ всѣ „неудобныя" мѣста на землѣ. Неудобныхъ мѣстъ этихъ становится все больше и больше—съ провалами, кладами и оскверненными болотами. Большинство изъ нихъ окружено массою легендарныхъ сказаній о страшныхъ волшебникахъ и разбойникахъ.

На лѣвомъ берегу Мокши, недалеко отъ Пятницкаго Яра находится одно изъ такихъ неудобныхъ мѣстъ—глубокій провалъ, полный мутной воды, съ чащей кустарника по берегамъ. Заѣзжалъ сюда съ своей вольницей славный атаманъ Стенька, жилъ здѣсь долгое время и закопалъ несмѣтныя сокровища; зарыты они были безъ всякаго зарока, и какъ только прокляли Стеньку по смерти—тутъ провалился и кладъ въ преисподнюю. Мѣсто стало нечистымъ: ни рыба тамъ не живетъ, ни птица не садится, а по ночамъ только бѣсенята купаются. Мѣсто это не разъ приходилось мнѣ видѣть. Рыба тамъ, дѣйствительно, не живетъ, потому что вода содержитъ

Digitized by Google

какія-то примѣси, а птицѣ и садиться негдѣ: всего болота 2 сажени въ діаметрѣ, и то на половину закрыто кустарникомъ. Другое нечистое мѣсто извѣстно близъ Просяныхъ Полянъ —тоже въ видѣ провала, въ кустарникахъ, среди пахатнаго поля. Третье мѣсто между с. Темиревымъ и Саврой Мамышевой—островъ среди озера Иршади. Дна, по разсказамъ, любопытные недоставали, а вмѣсто рыбы хмѣльной рыбакъ вытянулъ разъ маленькаго, какъ головешку, бѣса. Интереснѣе другихъ провалъ близъ с. Потапьева, на высокомъ берегу рѣки Пета. Съ отверстіемъ вверху онъ представляетъ обширную, темную пустоту съ отдаленнымъ, едва слышнымъ журчаньемъ водяныхъ жилъ. Сверху былъ, говорятъ, прежде тяжелый желѣзный затворъ съ безконечными внизъ ступеньками; былъ и другой ходъ съ подошвы горы, но со временемъ прососалась вода. Кладъ, схороненный здѣсь, провалился, вода ворвалась съ нижняго входа, размыла стѣнки и сама ушла внизъ, оставивъ за собой безформенную зіяющую пропасть. Все это мѣста нечистыя, недобрыя, изъ коихъ будетъ вылетать передъ концомъ свѣта рать Сатанаилова.

Но не одни поганыя, нечистыя мѣста въ окружности: есть и озеро святое, и болото священное. Святое озеро расположено на лѣвомъ берегу рѣки Мокши, близъ рыбной пристани Шуруйватаги. Святымъ названо потому, что здѣсь ушелъ въ землю какой-то чудный храмъ. Праведники видятъ на Святую его отображеніе, другіе болѣе тонкіе наблюдатели могутъ разглядѣть молящихся, слышатъ неземное, сладкое пѣніе. Священное болото, скорѣе родникъ, находится въ полуверстѣ отъ Темирева. Ключъ освященъ явленной иконой чудотворца Николая, а около находится священное дерево—орѣшникъ, куда стекаются всѣ болящіе, недужные, одержимыя злымъ духомъ женщины; вѣшаютъ тряпки, пояса, платье, бусы, кладутъ мелкую монету, произносятъ непонятныя слова и быстро убѣгаютъ въ полной увѣренности, что болѣзнь осталась на деревѣ.

Культъ третьей природной стихіи—воздуха, въ видѣ *вѣтры*, сравнительно блѣденъ. Вѣтры—существа демоническія, полу-

Digitized by Google

злыя, полудобрыя. Ихъ нѣсколько сестеръ: Буря, Мятель и Вьюга; наибольшимъ между ними злой и неугомонный братъ ихъ Вихрь. Всѣ они сохранили значительную связь съ чортомъ и больше всего вредятъ людямъ. На нихъ катаются злые духи во время свадьбы; они носятъ вѣдьмъ въ Кіевъ, заметаютъ отъ Ильи слѣды нечистыхъ. Живутъ среди скалъ на о. Буянѣ; выпускаются поочередно.

Значительно рельефнѣе другихъ культъ предковъ и умершихъ, олицетворяемыхъ въ русалкахъ и огненныхъ змѣяхъ и особенно домового.

Домовой относится къ разряду самыхъ любимыхъ демоническихъ существъ. По однимъ повѣріямъ, домовые - это предки рода, проклятые Богомъ на извѣстный срокъ, не принятые землей. На нѣсколько лѣтъ обреченъ домовой въ батраки потомкамъ рода и каждый разъ со смертію главы семейства принимаетъ образъ покойнаго. Живетъ домовой на чердакѣ; кого полюбитъ, тому можетъ подарить шапку - невидимку, сапоги скороходы, рубль неразмѣнный. Въ хозяйствѣ слѣдитъ главнымъ образомъ за лошадьми: любимой масти кормитъ воровскимъ овсомъ, нелюбимыхъ мучитъ: по ночамъ ѣздитъ, кормъ выгребаетъ, въ колоду „заваливаетъ". Ведетъ отчаянную войну съ полевыми русалками, если онѣ подходятъ близко къ дому, портятъ овощи, обтачиваютъ зерна на загонѣ.

Домовой существо нечистое, невидимое, только осязаемое. Зарокъ ему отъ Бога—не видѣть ни людей, ни свѣта божьяго. Видѣть его поэтому никто не можетъ, а кто увидитъ—умретъ или онѣмѣетъ. Описываютъ его въ видѣ медвѣдя, только съ человѣческой ступней и головой. Какъ родовое демоническое существо, домовой держится далеко не во всѣхъ дворахъ. У насъ, въ Темиревѣ, ихъ насчитываютъ до 10—15—не болѣе.

Домового любятъ: кладутъ печеный хлѣбъ и блины подъ застрѣхи. Только немногіе осмѣливаются раздражать его за непорядки по хозяйству: возьмутъ, напримѣръ, и зажгутъ фонарь у яслей, раскроютъ лапасъ для свѣта, голову мед-

Digitized by Google

вѣжью повѣсятъ. Порой, какъ зачахнетъ скотина, кормятъ сѣномъ съ запахомъ ладана: домовой тогда въ конецъ разсердится и бѣжитъ со двора, разоривъ, что можно, въ хозяйствѣ.

Много разсказываютъ про связи домового съ молодыми солдатками и вдовами. Дѣти умираютъ прежде, чѣмъ успѣютъ окрестить ихъ, и живутъ въ подпольѣ, за печкой и печуркой. Часто происходятъ тутъ у домового столкновенія съ змѣемъ: только что онъ разсыплется надъ домомъ, полѣзетъ черезъ трубу въ хату—домовой бросается на него и происходитъ ожесточенная драка. И не совладать бы никогда змѣю, если-бъ тотъ не зналъ страшнаго зарока домовому: начнетъ палить огнемъ изо рта, тотъ мигомъ и исчезнетъ.

Держится домовой на чердакѣ только за послѣднее время: не нравятся ему теперь хозяева безхозяйные. Прежде онъ жилъ въ избѣ, лежалъ рядомъ съ хозяиномъ. Для этого пристраивалась всегда (и теперь существуетъ) казенка вдоль печи—мѣсто нечистое: ни хлѣба, ни креста класть нельзя.

Есть основаніе думать, что домовой былъ прежде только чистымъ, добрымъ духомъ любимаго предка; въ разрядъ нечисти попалъ онъ только съ христіанствомъ, съ которымъ создалось, вѣроятно, и сказаніе о предкахъ-грѣшникахъ, проклятыхъ Богомъ.

Говоря о культѣ умершихъ, не могу не упомянуть о такъ называемыхъ „колокольныхъ мертвецахъ“ и „злыхъ еретицахъ“. Тѣ и другіе грѣховные, нечистые люди, коихъ мать сыра земля не принимаетъ. Колокольный мертвецъ обыкновенно изъ колдуновъ, живетъ на колокольняхъ. Найдется смѣльчакъ, пойдетъ „на споръ“ въ полночь, а онъ сидитъ въ углу въ бѣломъ колпакѣ. Сорветъ съ него колпакъ—и намается всю жизнь: до тѣхъ поръ будетъ ходить подъ окно, пока тотъ въ полночь же не надѣнетъ на него колпака; а станетъ надѣвать — тутъ и придушитъ его злой колдунъ.

Что такое „еретицы“—опредѣленно сказать трудно. По разсказамъ большинства, это женщины, заживо продавшія

Digitized by Google

свою душу чорту, и вотъ скитаются теперь по землѣ, совращая людей съ истинной вѣры. Днемъ ходятъ въ видѣ безобразныхъ, рваныхъ старухъ, къ вечеру собираются въ поганыхъ оврагахъ, а ночью уходятъ въ провалившіяся могилы и спятъ тамъ въ гробахъ нечестивыхъ. Могильные провалы на нашихъ погостахъ встрѣчаются часто, и каждый изъ нихъ считается за вѣрное пребываніе еретицы. Упадешь туда по поясъ—изсохнешь; а увидишь въ ней случайно еретицу—не жить на бѣломъ свѣтѣ.

Умерла—передавали мнѣ въ Темиревѣ—у мужика дочь; позвалъ онъ свата, угостилъ его и попросилъ вырыть могилу. Во хмѣлю сватъ побрелъ прямо съ лопатой на кладбище. Нашелъ могильный провалъ, опустился въ него и давай рыть могилу. Лопата стукнула о гробъ, и черезъ гнилой сучокъ онъ увидѣлъ вдругъ глазъ еретицы. Поспѣшно выпрыгнулъ мужикъ и безъ оглядки побѣжалъ домой. Прибѣжалъ, лѣзетъ на печь, а тамъ лежитъ еретица и смотритъ на него тѣмъ-же злымъ глазомъ; тотъ опрометью на дворъ, къ яслямъ, но проклятая еретица и тутъ предупредила его: лежитъ въ ясляхъ и заливается демонскимъ хохотомъ. Съ той поры и сталъ сватъ сохнуть-сохнуть. Что ни дѣлали—и молебны Зосимѣ съ Савватіемъ служили, и водой святой кропили—ничто не помогло, умеръ сватъ.

Бродятъ еретицы только весной да поздней осенью. Когда не попадаютъ въ могилу, влѣзаютъ черезъ трубу въ баню, громко плещутся тамъ, скачутъ и пляшутъ подъ свистъ нечисти. Отъ одной изъ такихъ еретицъ родится впослѣдствіи антихристъ.

Таковы въ общемъ вѣрованія елатомскаго зарѣчника. Кругомъ него все живетъ чудесной сверхъестественною жизнью, все живетъ и одухотворяется въ самыхъ причудливыхъ поэтическихъ образахъ.

Какъ на главный опредѣляющій центръ укажу въ заключеніе на представленіе о Буяновомъ царствѣ. Островъ Буянъ—центръ сказочнаго эпоса и языческихъ представленій. Къ нему пріурочивается все болѣе или менѣе крупное изъ области чу-

Digitized by Google

десныхъ явленій и сказаній о демоническихъ существахъ. Тамъ царь-дѣвица, тамъ царь морской, хрустальныя и золотыя чертоги великановъ, тамъ дивныя растенія, рѣдкія птицы и животныя—все это тамъ, въ странѣ чудесъ, и живетъ въ одной стройной гармоніи подъ общимъ названіемъ „нечисти". Все тамъ хорошо и красиво съ виду, но въ то-же время нечисто и поддѣльно; это только яркій блескъ мишурнаго царства зла. Красивыя птицы—либо вѣдьмы, либо заклятыя дѣвы; звѣри—тоже всѣ оборотни, и сама царь-дѣвица, плавающая тамъ невинной бѣлой лебедкой,—ничто иное, какъ злая-презлая колдунья. Все это нечисть и нечисть, которая первая понесется съ Сатанаиломъ на Господа при концѣ міра, а за ней ужъ и вся та мелочь, что разбросана по землѣ православной [1]).

А. Звонковъ.

---

[1]) Любопытное сказаніе о происхожденіи міра и о вѣчной борьбѣ двухъ началъ сообщаемое г. А. Звонковымъ, принадлежитъ къ очень распространенному въ Европѣ и Азіи циклу космогоническихъ легендъ дуалистическаго типа. См. Этногр. Сборн., 1858, IV, 210—211; Сумцовъ. Апокрифы, Кіев. Стар. 1887, VI—VII, стр. 235—246; Reville, Les religions des peuples non civilisés, I, 282; Правосл. Собес., 1861, I. 257—8; Порфирьевъ, Апокриф. сказ. по рукоп. Солов. библ., 87; Чубинскій, „Труды", I, 39—40, 141—144; II, 359; III, 307; Драгомановъ, Мал. пред. 15, 89—91, 429—434; Kolberg, Pokucie, I, 348; III, 81—86; Головацкій, Пѣсни Угор. Русн, II, 5; Основа, 1862, VI, 59—60; Потебня, Объясн. малор. и серб. нар. пѣс., II, 738—740; Шейнъ, Бѣл. нар. пѣсни, СПБ., 1874 428—9: Буслаевъ, Очерки, I, 437 и слѣд.; Аѳанасьевъ, Поэт. воззр., II, 459 слѣд. и Легенды 51, 52, 152; Караджичъ, Српске народне припов.' 114; Српске народ. пјесме, II, 81—85; Общтъ трудъ, 1868, II, 73—78; Тихонравовъ, Лѣтописи, II, 100; Рус. Бес., 1857, IV; Терещенко, Бытъ рус. нар., V, 44—45; Рачкій, Bogomili, a Patareni, Rad jugoslovenske akad.; X, 252—4; Кіев. Ст. 1887, май, 196—7; Эрбенъ, 100 слав. нар. сказ и повѣрій, Прага, 1865, 143, 144, 237; Nowosielski, Lud. II, 2—7, 108—4; Изв. И. Общ. Люб. Е., А. и Э., т. III, вып. I, 9, 87, ср. 105; т. XLVIII, вып. 2, стр. 51, 67 и слѣд.; т. LXI, 118—121; Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, Warszawa, 1853, 169—170; Даниленскій, Сторія о Господѣ и землѣ, Ист. Вѣст., 1888, XII; 1889, 1 и т. д.

Digitized by Google

Палій и Мазепа

ВЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

Среди тревоги и волненья
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ.
. . . . . .
Но близъ Московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Вникаетъ на волненье боя.
Умъ на коня не вскочитъ онъ,
Ослѣпъ, въ изгнаньи сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но чтожъ его скверняли очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?...

Пушкинъ, „Полтава".

Легенды о Паліѣ и Мазепѣ записывались и издавались не разъ [1]), но всетаки напечатанное до сихъ поръ далеко не исчерпываетъ всего богатства преданій, ходящихъ въ народѣ, объ этихъ историческихъ лицахъ.

---

[1]) Кулишъ, Зап. о Юж. Руси, I, 115—128; Grabowski. O gminnych ukraińskich podaniach—„Rubon", Вильно, 1845, VI, 169—174; Кирѣевскій, Пѣсни, VIII, 206—207; Чубинскій, Нѣсколько народ. мотив. пред., Кіевъ, 1873,8—9 (Зап. Юг. Зап. Отд. Геогр. Общ., I, 298); Драгомановъ, Мал. нар. пред. и разск., 201—208; Полит. пісні укр. нар., т. I, вып. 2, 37—46; Комарь Хмыничъ, Коростышевъ, Кіевлянинъ, 1868, № 111; Свидницкій, Легенда о Семенѣ Паліѣ, ib. 1870, № 57; Ровинскій, Семенъ

Народная фантазія, затронутая грандіозными событіями первой четверти XVIII в., для поэтическаго изображенія этихъ событій взяла многое изъ готоваго запаса раньше созданныхъ сказаній, отлила новое содержаніе въ традиціонныя, установившіяся формы; новыхъ красокъ она почти не создала. Къ основному, исторически вѣрному скелету приростали все новыя и новыя подробности, легендарныя біографіи заинтересовавшихъ народный умъ героевъ все болѣе и болѣе разростались и обращались въ пеструю мозаику, въ которой переплелось старое и новое, фантастическое и реальное... Этотъ интересный процессъ [2]) сложенія позднѣйшихъ народныхъ сказаній создалъ цѣлый рядъ варіантовъ, часто противорѣчащихъ другъ другу. Далеко не всѣ изъ нихъ записаны, такъ что этнографамъ-собирателямъ предстоитъ еще много работы въ этомъ направленіи, и при самыхъ поверхностныхъ поискахъ ихъ ждетъ богатый уловъ... Въ настоящей статьѣ я помѣщаю 4 легенды изъ своего небольшого рукописнаго сборника малорусскихъ народныхъ разсказовъ, записанныхъ мною или для меня, а для полноты очерка, чтобы избавить интересующихся лицъ отъ непріятнаго труда разыскиванія подобныхъ разсказовъ по старымъ, иногда очень рѣдкимъ изданіямъ, я позволяю себѣ перепечатать также нѣкоторые тексты изъ другихъ изданій. При этомъ предварительно, пользуясь удобнымъ случаемъ, выска-

---

Палій, Основа, 1861, XI—XII, 29—32; Кіев. Стар., 1882, III, 611—2; IX, 579—581; 1888, V, 47—49; Антоновичъ, Послѣд. врем. казач. на правой стор. Днѣпра, Кіевъ, 1868, 61—73 (Архивъ Юг. Зап. Россіи, т. II, ч. III, предислов. 61—73); Черниг. Епарх. Изв., 1868, № 7, ч. неоф. ,256—7; Новицкій, Екатериносл. Губ. Вѣд., 1888, № 10; Ж—ій, Черниг. губ. в. 1888, № 11; Мордовцевъ, Новости, 1889, № 66; А. Н. Веселовскій, Мелкія зам. къ был., XII, Журн. М. Н. Пр. 1889, 5; Кулѣшъ, Укр. нар. пред., М., 1847, отд. I; Кіевлянинъ, 1888. № 34; отчасти Ковчинецъ, Лег. о Петрѣ Великомъ, Черн. Губ. Вѣд., 1888, № 5 (переп. въ Кіевл. и Кіев. Ст. 1889). Великорусская легенда о Мазепѣ и Петрѣ— Якушкинъ, Сочиненія, СПБ., 1884, письма изъ орлов. губ., 312.

[2]) О подобномъ процессѣ въ новѣйшихъ пѣсняхъ см. въ моей замѣткѣ: „варіантъ пѣсни о Томиленкахъ" Кіев. Стар., 1887, VI—VII, 585—6.

Digitized by Google

жу нѣсколько соображеній и укажу нѣкоторыя сближенія по поводу малорусской литературы о Паліѣ, Мазепѣ и Кочубеѣ, этихъ трехъ тѣсно связанныхъ между собою герояхъ старой отшедшей „въ тьму вѣковъ" Малороссіи...

Для малорусскаго общества конецъ XVII-го и XVIII-ый в. были эпохою сильной ломки. Рушились старые устои жизни, новые еще не были найдены. Это была смутная и тяжелая эпоха почти повальнаго грабежа, насилій, быстро развивающейся розни между образованными и „неписьменными", между привиллегированными и „хлопами",—эпоха общественной безурядицы, которую трудно и представить себѣ теперь. Литература и школа, которыя въ XVI и первой половинѣ XVII вв. находили для себя живительный стимулъ въ борьбѣ съ католичествомъ и уніей, быстро вырождались; все болѣе и болѣе развивалось схоластическое и мертвенное стихоплетство, которое перешло потомъ въ болѣзнь, охватившую всѣ классы общества, мало-мальски грамотные. Когда то, по другому случаю, эту болѣзненную страсть я характеризировалъ такими словами: „южно-русская литература XVIII в. необычайно богата всякого рода піитическими произведеніями, въ громадномъ большинствѣ неизданными и обреченными на безслѣдную гибель. Еслибы собрать все то, что по этой части хранится въ общественныхъ и особливо частныхъ библіотехахъ и архивахъ, то составились бы, кажется, не только десятки, но и сотни томовъ. Виршеписаніе—болѣзнь нашихъ предковъ XVIII в. На него убивалась масса времени въ школахъ, оно примѣнялось ко всякому пустѣйшему случаю въ жизни, и не было, можетъ быть, грамотнаго и мало-мальски досужаго человѣка, который не предавался бы этому занятію. Поэзіи во всѣхъ такихъ произведеніяхъ не найдете никакой: пустота содержанія, искусственность построенія, тяжелая форма, убійственный силлабъ,—таковы отличительныя ихъ черты. Съ непріятнымъ чувствомъ берешься за подобную рукопись и съ досадой бросаешь ее

Digitized by Google

послѣ нѣсколькихъ минутъ чтенія" [1]). Только въ народной поэзіи, въ обличительныхъ стихотвореніяхъ, праздничныхъ виршахъ и интерлюдіяхъ била свѣжая и здоровая струя, часто подпольная и незамѣтная: бодро и сильно забила она въ новѣйшей литературѣ, съ Котляревскаго.

Для такой литературы измѣна Мазепы и сопряженныя съ нею обстоятельства были сущимъ кладомъ—и широкимъ потокомъ полились безконечныя и тоскливыя варіаціи на тему:

Изми мя, Боже, вопіетъ Россія,
Отъ ядовита и лукава змія,
Его же ждаша адскія заклепы,
Бывшаго вождя, Ивашки Мазепы.

Тѣ же піиты, которые еще недавно писали „Ивашкѣ Мазепѣ" подобострастные гимны и панегирики, обрушились на него всею убійственною силой своихъ стихосложеній.

Что въ этомъ случаѣ поэтическое вдохновеніе вызывалъ не одинъ только піитическій зудъ, но и другіе интересы, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Вскорѣ послѣ измѣны Мазепы одинъ поэтъ, не написавшій просто своей фамиліи, а предложившій:

Имя мое, прозванне кто хощетъ узнати,
Въ дикціяхъ початковыхъ изволь поискати,

послалъ на Высочайшее имя стихотвореніе, пріобщенное потомъ къ дѣлу, подъ названіемъ: „псалма новозданна, трубою названна", съ слѣдующей припиской: „измѣнниковъ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества, аще будетъ въ томъ державная воля Ваша, могу всѣхъ ихъ овѣршописати по имени, на вѣчную ихъ отъ всего народа злую память и пагубу" [2]). Въ то время шли дѣятельные розыски о сообщникахъ Мазепы.

---

1) Кіев. Ст. 1887, VI—VII, 495. Панегирикъ Кочубеямъ (I-ой половины XVIII в.)

2) Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн. рос., 1859, I. Источн. мал. ист. Бантыша—Каменскаго, ч. II, 1709 г., стр. 238—241.

Digitized by Google

Другой столь же предпріимчивый піитъ, поднося своему начальнику, полковнику Вас. Вас. Кочубею, сыну казненнаго Мазепой, свой панегирикъ, говоритъ, что „славя и величая“ Василія Леонтьевича и „свѣтлую и знаменитую фамилію“ Кочубеевъ, прославляетъ „собственнѣе честное и доброе имя его Высокородія“, Василія Васильевича, и прибавляетъ: „мнѣ, въ полку вашего высокородія жизнь свою влекущу, не надлежало спокриватися, безвѣстну и *безданну* быти, но, яко худому рабу, годствовало господина своего себе повреши стопамъ и достодолжное отдать поклоненіе“ [1]).

Такіе поэты сначала возносили до небесъ Мазепу, крупную, но безнравственную и надѣлавшую много зла Малороссіи фигуру, потомъ поносили его на разные лады отъ имени Россіи, отъ имени олицетворенныхъ истины, правды, мира, отъ своего собственнаго наконецъ—и поносили за измѣну, когда его слѣдовало еще болѣе поносить за тотъ тлетворный духъ, который внесъ онъ въ малорусское общество, дошедшее къ концу XVIII в. почти до полнаго разложенія... Они восхваляли ничтожную и безцвѣтную личность врага Мазепы, Кочубея—и совсѣмъ выпустили изъ виду такую крупную и благородную фигуру, какъ Палій [2]).

---

[1]) Панег. Кочуб. l. c., 496, 509

[2]) Изъ виршей, такъ или иначе говорящихъ или касающихся Мазепы и его измѣны, до сихъ поръ извѣстны слѣдующія: 1) извѣстная пѣсня, приписанная Кочубеемъ Мазепѣ, въ которой „знатное противъ державы и Великаго Государя оказуется противленіе“: „Всѣ покою щиро прагнуть“ и т. д. Она помѣщена: у Бантыша—Каменскаго, op. cit. 109—110; Костомарова, Мазепа, 1882, 290—2; Соловьева, Исторія Россіи, т. XV, 317—319; Закревскаго, Старосвѣтскій бандуриста, 49—51; Бантыша—Каменскаго, Истор. Мал., изд. I, т. 3, 196—8; 2) не менѣе извѣстная эпитафія Кочубею и Искрѣ: „Кто еси мимо идый“ и т. д. Помѣщ.: у Маркевича, Ист. Мал., IV, 1842, 208—9; Максимовича, Соч., т. II, 1877, 218, 241; Костомарова, l. c., 306; Аскоченскаго, Кіевъ съ его древн. учил. акад., 1856, 496; Закревскаго, Опис. Кіева, 1868, т. II, 693; Пушкина, Соч., прим. къ „Полтавѣ“; 3) стихотвореніе на иконѣ въ селѣ Жукахъ —„Въ пеплѣ забвенія все насъ погребаетъ“ и т. д. Рус. Архивъ, 1875, V, 27—28; Кіев. Стар., 1884, сент., 175—7 и 1883, мартъ, 688—90; 4) „псалма новозданна„ 5) стих.

Digitized by Google

Въ этомъ сказалась рознь и громадная разница во взглядахъ между привиллегированными классами и простонародіемъ.

Въ народныхъ легендахъ и пѣсняхъ почти совсѣмъ не упоминается имя Кочубея. Народъ, какъ будто понявшій въ Мазепѣ опаснаго и принципіальнаго противника своимъ интересамъ, проклинаетъ его въ пѣсняхъ за измѣнническое заключеніе и фальшивое обвиненіе Палія, въ легендѣ же придаетъ ему сказочныя черты демоническаго, злобнаго, сверхъестественнаго существа.

Палій—любимый народный герой: для идеализированія его народъ не жалѣетъ красокъ. Онъ представляется убѣжденнымъ и самоотверженнымъ борцомъ за народное дѣло. По словамъ одной изъ пѣсенъ этого цикла, когда Петръ Великій предложилъ Палію „велыку плату" за помощь противъ Мазепы, онъ отвѣчалъ:

Ой не хочу я, велыкъ свитъ Государъ,
Велыкои платы браты,
Тилькы не подозволяйте изъ Украины
До вику некрутивъ браты—
Ани некрутивъ, ани подушного,
А ніякои платы. [1])

Въ одной изъ сказокъ, изданныхъ Кулишомъ, [2]) Петръ, послѣ побѣды надъ Мазепой, говоритъ Палію: „ну, теперъ,

Ст. Яворскаго in vituperium Mazepae: „Изми ня, Боже," и т. д.—К. Ст. 1885, сент., 173—175; 1883, іюль, 596—8; Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст., 1847, 54—55; 6) панегирикъ Ѳ. Прокоповича по поводу полт. поб.—Пекарскій, Наука и лит. при Петрѣ В., т. II, 196—200; Кирѣевскій, Пѣсни, VIII, 252—3; 7) стих. „Орле палящи", „Орле россійскій", „Изми ня, Боже" и „Мазепѣ, измѣннику Задніпрянскому и Вираинскому"—Кирѣевскій l. c. 243—251 (послѣд. у Головацкаго, Пѣсни Уг. Руси ч. 1, 35—36); 8) изд. мною „Панегирикъ" l. c., 495—509 См. еще Петровъ, Оч. изъ ист. укр. лит. XVIII в., 8, 18; „Основа" 1861, V, 45—48; Кіев. Епарх. Вѣд. 1865, 18; Труды Кіевск. Дух. Акад., 1872, 6; „Вопль Мазепы", К. Ст. 1884, XII и слѣд.; Петровъ, Разговоръ Велик. и Малор., Кіев. Ст., 1882, II, 313 слѣд. (дополн. VII, 137 слѣд.) и т. д.

[1]) Полит. пісні, ч. I, вып. I, стр. XII; вып. II, 12, 14.

[2]) Зап. о Юж. Руси, I, 128.

Digitized by Google

Палію Семене, чого ты одъ мене хочешъ? чы велыкого панства, чы злата, чы що?" А винъ каже: „що жъ, царю? я буду просыть тебе объ одну ричъ: подаруй мини!"—„Що таке? кажы!"—„Не плюндруй", каже, „Гетьманщыны"—„Ну", каже, „добре: для тебе дарую".

Въ другой сказкѣ [1]) Петръ, вызвавъ Палія изъ Сибири, говоритъ ему: „колы ты звоюешъ Мазепу, просы у мене, що завгодно, хочъ повцарства!" Палій отвѣтилъ: „ничого мени, ваше царское велычество, не треба, а отъ звелить тилькы, щобъ дитей бильше лавамы не выбывалы" (подобныя звѣрства были при разграбленіи Меньшиковымъ Батурина).

Причину ненависти Мазепы къ Палію народъ себѣ объясняетъ такъ: „Мазепа за те хотивъ стратыты Палія, що народъ звавъ ёго козацькимъ батькомъ, а народъ звавъ Палія козацькимъ батькомъ и дуже любывъ за те, що винъ оборонявъ народъ одъ панивъ и одъ усихъ, хто хотивъ ёго зобидыты". [2])

Вслѣдствіе этого понятно, что къ Палію была примѣнена [3]) начальная строфа извѣстной задушевной малорусской пѣсни о Морозенкѣ:

Ой ты, Семене, Семене Палію,
Ты преславный козаче,
За тобою, Семене Палію,
Та вся Украина плаче...

Какъ я уже сказалъ выше, искусственная поэзія не воспѣвала Палія. Только въ одномъ убійственномъ по формѣ, но недурномъ по мысли и содержанію произведеніи—„Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей" (II-ой полов XVIII в.[4]) я встрѣтилъ нѣсколько сочувственныхъ строкъ о Паліѣ

[1]) Х. Ц. Задунайскія народныя преданія. I. Про Палія и Мазепу. Кіев. Ст. 1882, сент., 580.

[2]) Антоновичъ, Ревкинъ, l. c.; Полит. пісні, II, 44.

[3]) Полит. пісні, ib., 34; Кіев. Ст. 1882, мартъ, 615.

[4]) Петровъ, Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею, Кіев. Ст. 1882, II, стр. 352—354.

Digitized by Google

и въ томъ числѣ легенду народнаго, по всей вѣроятности, происхожденія, хотя до сихъ поръ ничего подобнаго не удалось записать. Я считаю нелишнимъ привести ее здѣсь, такъ какъ она—характерный и *единственный* образчикъ искусственнаго поэтизированья Палія:

Здѣсь и о Палѣю вспомянуть не премину,
Кой гналъ непріятелску партію не одну.
. . . . . .
Очаковъ дважды доставалъ с удачей,
Бралъ иногда от жилцовъ тѣхъ искупъ с наддачей.
. . . . . .
Причемъ однажды такую смѣлость возимѣлъ,
Что на янычарахъ какъ бы на лошадяхъ сѣлъ
И такимъ образомъ въ саму крѣпость ввалился,
Гдѣ сѣдя на самихъ ихъ плечахъ с ними бился
И янычаръ многое число вырубилъ, збилъ,
И самого салтана чуть было не плѣнилъ.
Зачимъ турки, войну ту проклиная страшну,
Засыпали оную городскую башню,
Которой янычарми Палѣй в Очаковъ вдрался
И сидя тогда на ихъ плечахъ с ними жъ сражался,
И понынѣ под самою крѣпостю башня та
Палѣева зовется, гдѣ туркамъ страсть была.

Пѣсни о Паліѣ и Мазепѣ, [1]) въ большинствѣ случаевъ, отличаются строго историческимъ характеромъ, такъ какъ онѣ слагались почти исключительно въ казацкой средѣ, близкой къ событіямъ. Большая часть ихъ воспѣваетъ арестъ

[1]) Полит. пісні, т. I, стр. XII—XIII т. II, 1—36; Rulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy, Zbiòr wiadomości, III, 139—140; Основа, 1862, VIII, 26—27; Лисенко, Збірн. укр. пісень, II, стр. 5; Русская Мысль, 1880, VI, 46—47; Кіев. Ст., 1882, мартъ, 612—615 Есть нѣсколько фальсифицированныхъ пѣсенъ о Паліѣ и Мазепѣ—у Срезневскаго, Максимовича, Цертелева, Карпенка („Васильковскій соловей Кіевской Украйны", стр. 20—21, 52—53); о нихъ см. въ Полит. пісн. 55—69

Digitized by Google

Палія,—какъ Мазепа зазвалъ его къ себѣ въ гости, напоилъ пьянымъ и тогда заковалъ его въ кандалы; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ говорится о томъ, какъ Мазепа клеветалъ на Палія, какъ Палія сослали въ Сибирь, возвратили оттуда и какъ онъ участвовалъ въ Полтавской битвѣ:

Ой исъ-пидъ рички та исъ-пидъ Лыману та витеръ повивайе
Тамъ Мазепа Палія Семена на охоту вызывайе:
— „Ой прыбудь, прыбудь, Палію Семене, на охоту до мене, —
Ой не буде, Палію Семене, тоби крывды одъ мене".
Ой скоро, скоро Семенъ Палійенко на подвирья зъйизжайе,
Ой такъ заразъ проклятый [2]) Мазепа медомъ-выномъ наповайе.
Ой скоро, скоро Семенъ Палійенко меду-вына напывся,
Ой такъ заразъ вороному коню та на грыву склонывся.[3])
Ой якъ крыкнувъ проклятый Мазепа та на свойи уланы:
„Возьмить, возьмить Палія Семена та забыйте въ кайданы!"
Ой забылы Палія Семена, та вкынулы въ темныцю,
Самъ пойихавъ проклятый Мазепа ажъ до цара на столыцю.
—„Ой чоломъ,чоломъ, найяснійшій цару,превелыкая сыло,

[2]) Въ другихъ пѣсняхъ. проклятый песъ Мазепа, проклята Мазепа (довольно часто попадается такое измѣненіе рода прилагательнаго подъ давленіемъ окончанія существительнаго: напр. Свята Мыкола и т. п.), превражый Мазепа, вельможный Мазепа, песъ Мазепа и т. д. Въ пословицахъ народъ, иронизируя довольно ѣдко надъ Мазепой („служывъ Мосяви, Ивану, а вона жъ ёго гане" и „Мазепа въ Полтави подавывсь галушкою"), признаетъ его однако единственнымъ гетманомъ par excellence послѣ Хмельницкаго: „одъ Богдана до Ивана не було гетьмана". См. Номисъ, Укр. прик., присл. и таке инше, СПБ., 1864, стр. 14, 15.

[3]) Нѣчто подобное разсказывается о другомъ малорусскомъ народномъ героѣ Харькѣ, но съ болѣе трагическимъ концомъ. „Бувъ панъ Паволоцькій и зазвавъ до себе у гости Харька и напоивъ ёго выномъ. Винъ якъ напывся, на паньске ляжко похылывся, его и забыто" Чубинскій, op. cit, стр. 8. Разсказъ о Харькѣ могъ повліять отчасти на данный эпизодъ пѣсенъ о Паліѣ, хотя верно этого эпизода и подтверждается историческими свидѣтельствами. Срв. Кулишъ, Зап. о Юж. Р. I, 95 (Харько), 278 (Гайдамака нежывый).

Digitized by Google

Хоче Палій на (тебе?) шведа пидняты, а Москву въ пень зрубаты".
Ой обизвався Семенъ Палійенко та сыдячы въ темныци:
— „Брешешъ, брешешъ, проклятый Мазепо, та у цара на столыци!"
— „Дозволяюсь, найяснійшій цару,—ёму зъ плечей голову зняты?"
— „Не велю жъ я ёму зъ плечей голову зняты, велю въ Сибиръ изослаты".
Ой ты хмелю, ой ты зелененькій та на тычкы не вьесся,
А вже Семенъ, Семенъ Палійенко та зъ Мазепою бьется.
Ой якъ крыкнувъ проклятый Мазепа: „та у купу, у купу,
Бо наробыть Семенъ Палійенко превелыкого трупу!"
— „Ой не въ купу, проклятый Мазепо, та не въ купу!
Ой терпивъ же я на Сибири превелыкую муку!" [1]).

Или:

Ой уже жъ хмиль, тонкая хмелына
Коло дерева вьеться:
Уже жъ шведзькій король съ Паліемъ Семеномъ
Пидъ Полтавою бьеться.
Ой уже жъ хмиль, тонкая хмелына
Зъ тычыны похылывся:
Уже жъ шведзькій король Палію Семену
У ниженькы поклонывся [2]).

Подобныя пѣсни съ яркими и свѣжими историческими красками, вполнѣ отвѣчающія той картинѣ, которую мы можемъ нарисовать на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, создавались несомнѣнно во время самыхъ событій или сейчасъ же послѣ нихъ: если внимательно всмотрѣться въ ихъ составъ, то нѣкоторыя изъ нихъ можно пріурочить къ опредѣленнымъ годамъ. Затѣмъ, когда новыя событія и время уменьшили яркость и силу впечатлѣній, въ пѣсни начала вкрадываться порча: новыя, иногда противорѣчащія другъ

[1]) Полит. пісні, II, 4—5.
[2]) ib., 13.

Digitized by Google

другу подробности, замѣна Петра—„царицей“ (Екатериной II?), Мазепы—какими-то безыменными „казаченькамы“, Мазепа могъ явиться съ страннымъ эпитетомъ „проклята“, имя Палія ворвалось въ „опришницкія“ пѣсни о Янкѣ [1]). Но всетаки пѣсни устойчивѣе прозаическихъ разсказовъ: въ нихъ являлись небольшіе анахронизмы и неточности при вѣрномъ всетаки общемъ историческомъ фонѣ.

Конечно, въ разгаръ самыхъ событій ходили по Малороссіи устные прозаическіе разсказы, которые все болѣе и болѣе преувеличивались по мѣрѣ того, какъ отдалялись отъ центра событій. Время вносило въ нихъ все болѣе и болѣе измѣненій и наслоеній. Съ другой стороны, сами пѣсни иногда разлагались въ прозу со вставными нѣсколькими стихами, указывающими на происхожденіе этихъ смѣшанныхъ сказаній, подвергались всѣмъ случайностямъ и искаженіямъ устнаго пересказа и могли входить въ разныя отношенія съ указанными выше разсказами. Такъ создался цѣлый рядъ легендъ, одна фантастичнѣе другой. По тѣмъ стихотворнымъ отрывкамъ, которые попадаются въ прозаическихъ разсказахъ, можно думать, что прежде существовали пѣсни этого цикла не объ одномъ только арестѣ Палія и участіи его въ Полтавской битвѣ и что были пѣсни (вѣроятно позднѣйшаго происхожденія), созданныя подъ вліяніемъ легендъ, съ фантастическимъ отчасти характеромъ.

Мы имѣемъ два смѣшанныхъ разсказа, которые прекрасно обрисовываютъ процессъ разложенія пѣсни и вторженія въ нее фантастическихъ элементовъ. Въ виду ихъ большого интереса считаю не лишнимъ привести ихъ цѣликомъ. „Бувъ колысь у цара Петра дуже храбрый вояка Палій, и бувъ у цёго цара повиренный спершу Мазепа. Мазепа ставъ завыдувать Семену, що царъ ставъ щиро любыть ёго. А Мазепа бувъ чоловикъ зъ неправдою для цара, тилько державъ те до поры въ соби. Винъ бачывъ, що Семенъ Палій дуже щаслыво бьетця зъ ворогамы царськымы, и якъ хотила за-

[1]) ib., 69—75.

Digitized by Google

чинатьця війна зъ Шведомъ, то нависный Мазепа задумавъ вбыть Семена:

— „Прыбудь, прыбудь, Семене Палію, на охоту до мене,
То не буде, Семене Палію, тоби крывды одъ мене".
Скоро Семенъ, скоро Палій на поригъ ступайе,
Проклятый Мазепа Семена Палія, зъ карабына забывайе;
А забывшы Семена Палія, та кынувъ й у темныцю,
Самъ пойихавъ проклятый Мазепа ажъ до цара на столыцю.
Не слышыть восточный царъ Мазепы на столыци,
Тилькы слышыть Семена Палія, сыдячого въ темныци.

А Мазепа думавъ, що Семенъ Палій уже не жыве, та й ставъ кепковать надъ нымъ:

— „Чомъ, зеленый хмелю, по тычыни не вьесся? [1])
Чомъ, Семене Палію, изъ шведомъ не бьесся?"

Еге! Кажы здоровъ!

— „Хмиль зелененькій уже выкыдайе [1]),
Уже Семенъ, уже Палій въ чужій сторони гуляйе!" [2]).

Другой разсказъ таковъ: „Мазепа, якъ хотивъ ще воювать, да й пытаеться Палія Семена:

„Ой ты, Палію, Палію Семене,
Що я думаю, гадаю?
Хочу я цара звоюваты,
А самъ царемъ статы".

А Палій Семенъ на Мазепу каже:

— „Охъ Мазепо, проклятый Мазепо,
Що ты думаешъ, гадаешъ?
Будешъ прыкованый
Въ Цара Государа
Кризъ зализного стовпа.
Кочубей да Искра
Пыше лысты знышка

[1]) Взято изъ пѣсенъ о Хмельницкомъ или Нечаѣ.

[2]) Комарь Хмыничъ, 1. с.; Полит. піс. 31. (Запис. въ Коростышевѣ, Кіев. губ.).

Digitized by Google

До Цара Государа,
Що тошно хоче Мазепа
Цара звоюваты
Да й самъ царемъ статы [1]).
Тоди Мазепа закынувъ
Палія Семена въ темныцю,
А самъ скочывъ до Цара въ столыцю.
— „Отъ же тоби, Цару Государу,
Палій Семенъ зрада:
Хоче тебе звоюваты,
А самъ царемъ статы".
Ой озветься Палій Семенъ
Да сыдячи у темныци:
„Брешышъ, брешышъ, проклятый Мазепо,
Передъ царемъ въ столыци!"

Палія царъ вызволывъ съ темныци, да й вызвавъ до себе й просыть ёго: „Чы не можно мойе військо ослобоныты, бо не знаю, що се бье?" Палій Семенъ просывъ, щобъ ёму далы выгоду на суткы, бо перетрусывся за дорогу. Выйшовъ Палій туды, де бьються, да й встромывъ ротыще (копье свойе) у землю,—и військо Мазепыно стало само себе быты. Прыйшовъ хлопъ до Мазепы дай каже ёму:

„Туманъ по земли котыться,
Палій Семенъ на свитъ народывся".

Почувшы сейе, Мазепа проклятый злякався да й побигъ до дому, да такъ бигъ, що въ Батурыни въ церкву зъ конемъ забигъ" [2]).

---

[1]) Этотъ разсказъ найденъ въ бумагахъ малорусскаго поэта Виктора Забѣлы съ его собственноручными поправками. Не вяжущаяся съ остальными строфами и странная по языку строфа о Кочубеѣ и Искрѣ, можетъ быть, принадлежитъ перу самого Забѣлы, который относится къ тому поколѣнію малорусскихъ этнографовъ, которое не останавливалось передъ фальсификаціей и, между прочимъ, дало цѣлый рядъ *несомненно* фальсифицированныхъ пѣсенъ о Мазепѣ съ именами Кочубея и Искры.

[2]) Полит. пісн., ib. 4—5. (Зап. въ с. Петровкѣ Полт. г.). О Батуринѣ см. Кулиша, Зап., I, 124.

Digitized by Google

Такъ искажлись и разлагались пѣсни...

Въ разсказѣ, записанномъ Чубинскимъ [1]), есть три стиха, показывающіе, что была раньше пѣсня съ распространеннымъ эпическимъ пріемомъ выбора коня, которымъ немного ниже намъ еще придется заняться:

А винъ (Палій) не спочывайе,
Тилькы ходыть по табору,
Коня выберайе.

Въ „третьей легендѣ о Мазепѣ и Паліѣ", напечатанной г. Кулишомъ [2]) есть тоже указаніе подобнаго рода: „Бувъ то такий Мазепа, такий то гетьманъ, що й царъ ёго батюшкою звавъ. А Кочубей да Искра довидалысь, що винъ хоче зъ Шведомъ быть на восточного Цара, та й пишлы до Цара до восточного: „ей", кажуть, „Цару восточный! хоче Мазепа на тебе быть". А царъ не понявъ виры: „чы можна", каже, „щобъ винъ на мене бывъ?" Отъ же и въ писни спивають:

„А Царъ", каже, „виры не понявъ
Та назадъ ихъ одиславъ".

Жаль только, что это—слова *несомнѣнно* фальсифицированной пѣсни изъ сборника Максимовича, на который обязательно и предупредительно ссылается самъ г. Кулишъ: это набрасываетъ большую тѣнь на достовѣрность самаго эпизода „третьей легенды о Мазепѣ и Паліѣ"...

Для того, чтобы познакомиться съ составомъ легендъ о Паліѣ и Мазепѣ, сгруппируемъ и анализируемъ ихъ отдѣльныя черты.

Палію приписывается сверхъестественное рожденіе: мать его забеременѣла отъ пепла сожженной богатырской головы [3]). Чудесное, сверхъестественное рожденіе—мотивъ очень рас-

[1]) Чубинскій, l. c., стр. 9.

[2]) Кулишъ, Зап. о Юж. Руси, I. 123.

[3]) См. ниже версіи Горшкова, Ревякина, Антоновича—Лопачевскаго и Мордовцева (прилож. I, II, III, IV).

Digitized by Google

пространенный [1]); есть цѣлый рядъ легендъ, сходныхъ съ легендами о Паліѣ не только по общей мысли (чудесная беременность), но и въ мелкихъ подробностяхъ (черепъ, его сожженіе и т. д.) [2]). Сжигаютъ голову за то, что она начинаетъ говорить: мотивъ очень любопытный [3]), основанный на своеобразной народной локализаціи души и жизненной силы въ головѣ [4]).

---

[1]) Потебня, Къ ист. звук. рус. яз., III, Варшава, 1881, 75—83; Чубинскій, Труды. II, 40, 229, 231, 236, 252 слѣд., 256; Nowosielski, Lud, I, 254; Безсоновъ, Кал. перех., I, 120, 135; Караджичъ, Српске приповијетке, 63, 68; В. Ѳ. Миллеръ, Отчетъ о зан. загран., Москва, 1874, 31, 32, 34—36; Осет. этюды I, 17, 29, 31; Сборн. мат. по этногр., изд. упри Дашк. Муз. II, 151, 172, 193, 205; Müllenhof, Die alte Dichtun on den Nibelungen, Zeitschr. f. deutsches Alterthum, XXIII, 119; Sichlerg, Histoire de la littérature russe, Paris, 1886, стр. 5; Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов., I, 483; Сол. и Китоврасъ, 14, 16, 28, 36, 37; Разыск. въ обл. р. дух. ст. II, 121, 117, 118; VI—X, 418—423; Юж.-р. былины, т. II. 28—9, 289—299; Худяковъ, Мат. для изуч. нар. слов., СПБ., 1861, 20 и Сказки, II, 43; Moszyn'ska, Bajki i zagadki ludu ukraińskiego, Kraków, 1885, стр. 33; Романовъ, Бѣл. сборн. т. I, вып. III, мне. ск., №№ 8, 13, 15; Аѳанасьевъ (1873), I, стр. 294—316; IV, 97—98, 129; Эрбенъ, 100 слав. нар. сказ. и пов., Прага, 1868, 129 стр.; О. Миллеръ, Илья Муромцевъ, 117, 139, 190, 199; Драгомановъ, Пред., 432; Кирпичниковъ, Очерки изъ ист. средневѣк. лит., Москва, 1869, 62; Поэмы ломб. цик., М. 1873, 172—3.

[2]) А. Н. Веселовскій, Мелк. зам. къ был., Жур. М. Н. Пр., 1889, V, 41—46 (XII, къ серб. лег. о Конст. Вел.); „le dit de l'empereur Coustant", Romania, 1887; Юж. был., т. II, 295—6; Караджичъ, Српски рјечник, 1852, 808, Цариград.; Сборн. мат. для опис. мѣст. и плем. Кавк., вып. VII, отд. 2, 77 и слѣд.; Tuti—Nameh, eine Sammlung orientalischer Erzählungen, übers. v. Rosen, 1858, II, 85—92; Пол. пісні, II, 40; Аѳанасьевъ, Сказки, I, 1873, стр. 383—388; Этногр. Сборн., I, 247—250.

[3]) Веселовскій. Разыск. въ обл. рус. дух. ст., III—V, стр. 3; Сол. и Кит. 174; Рыбниковъ, III, № 40; Гильфердингъ, № 44, № 141; Кирша Даниловъ, № 18; Ягичъ, Archiv für slav. Phil., I, 102; Дестунисъ, Разыск. о греч. богат. был. средневѣк. пер., СПБ., 1883, 41; Аѳанасьевъ, Легенды, 126; Тихонравовъ, Лѣтописи, II, 114—115; Худяковъ, Пѣсни, 73—5, 79; Passow, Popul. carmina Graeciae recentioris, Lips. 1860, CXXXI; См. ниже прилож. II, III, IV.

[4]) Вс. Миллеръ, Осет. Этюды, I, 135—138; Дестунисъ, op. cit. 36, 41, 42; Galeni de placitis Hippocratis et Platonis libri novem, ed. Mueller, т. I 140—141 (Lipsiae, 1874) и т. д.

Digitized by Google

Развившись очень рано, какъ всѣ богатыри, онъ отправляется въ Запорожскую Сѣчь. До сихъ поръ онъ не имѣлъ фамиліи, какъ „безбатченко" (на самомъ дѣлѣ его фамилія была—Гурко; родомъ онъ былъ изъ Борзны, Черн. губ., и получилъ впослѣдствіи прозваніе—Палій). Легенды различно говорятъ о томъ, за что онъ былъ прозванъ Паліемъ: по однимъ [1]) за то, что „*выпалывъ*", т. е. выстрѣлилъ въ Мазепу; по другимъ [2]) потому, что „*спалывъ*" (сжегъ) курень кошевого; наконецъ, по третьимъ [3]) потому, что „выпалывъ" въ чорта или полоза [4]), издѣвавшихся надъ Ильей, который никакъ не могъ убить ихъ молніей [5]). Всѣ эти легенды принадлежатъ къ очень распространенному въ Малороссіи типу légendes des origines, основанныхъ на звуковомъ сходствѣ, по большей части искусственнаго происхожденія. [6]).

Въ Сѣчи Палій получаетъ окончательную окраску богатыря-„характерника", т. е. колдуна, какими, по мнѣнію народа, были большинство запорожцевъ [7]). Ангелъ даетъ ему

---

1) Прил. I.—2) Прил. II, III, VII.—3) Прил. II, III, IV, VII.

4) Полозы—огромные степные ужи. См. Nowosielski, Lud, I, 354.

5) Срв. Чубинскій, Труды, II, 180; I, 19; Grabowski, op. cit., 189—190; отчасти Рудченко, Сказки, I, 71—73; Драгомановъ, Преданія, 42; Садовниковъ, Сказки и пред. Сам. края, № 83; Халатіанцъ, Общій очеркъ арм. сказокъ, въ Сборн. мат. по этн., изд. при Дерп. Музеѣ, I, 153; Màtyàs, Swiat i przyroda w wyobraźni chłopa, Kraków, 1888, стр. 12—16.

6) См. напр Голубевъ, Кіев. митр. Петръ Могила и его сподвижники, Кіевъ, 1883, стр. 2, 3; Палаузовъ, Рум. господ. Молдавія и Валахія въ ист.—полит. отнош., СПБ. 1859, стр. 79 и т. д. На подобныя легенды о Паліѣ и вообще на фантастичность преданій о немъ могло повліять совпаденіе его прозванія съ именемъ Пантелеймона—Палія—Палыкопы (праздн. 27 іюля), котораго народъ представляетъ себѣ въ видѣ воина съ огненными стрѣлами, назначенными для пораженія злой силы; часто молніей онъ убиваетъ чертей. См. „Кіевлянинъ", 1887, № 160; Чубинскій, Труды, III, 224—225; „Южный край", 1888, № 2580; Кіев. Ст. 1888, сент., стр. 34; Kopernicki, Przyczynek do etnografii ludu Ruskiego na Wołyniu, Kraków, 1887, стр. 58; Nowosielski, Lud, I, 132; Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego Warszawa, 1853, 161.

7) Драгомановъ, Пред., 200—201; Кулишъ, Зап., I, 77, 95.

Digitized by Google

чудесный мечъ [1]), таинственный старикъ (Апостолъ) даетъ такое же ружье, принимаетъ живое участіе въ его судьбѣ [2]) и даже даетъ ему имя [3]); у него сабля въ 5 пудовъ, пьетъ онъ изъ кружки въ полъ-ведра [4]); любимая пушка его, по имени „Стеха", [5]); кладетъ шведовъ цѣлыми рядами онъ сражается „ангельскымъ чыномъ" [6]) и его „лыцеріи" пугается самъ Петръ [7]); одинъ только конь и можетъ выдержать его на себѣ [8]). Онъ ставитъ копье—и отуманенные волшебной силой враги перебиваютъ другъ друга [9]). „Палій такій лыцарь бувъ, що не волшебствомъ, а ангельскымъ чыномъ воёвавъ,—такій, що йиздыть по чужому війску—нихто ёго й не бачыть; а якъ гляне кому въ вичи, то зъ роду не выдержыть" [10]); онъ „знатныкъ бувъ, тилкы по божому" [11]). Во время полтавской битвы Палій „сивъ на коня да объйихавъ кругомъ Мазепыне військо, да якъ поставывъ оттакъ

---

1) Прил. VI. Срв. Кирпичниковъ, Поэмы, 173.—2) Прил. I, VII.—3) Прил. I.—4) Прил. V.

5) Версія въ Полит. піс.—Забѣлы. Именное оружіе въ русскомъ эпосѣ—большая рѣдкость: это одна изъ обычныхъ особенностей романскаго и германскаго эпосовъ (у Роланда мечъ—Durendal, у Дитриха—Eckesahs, у Ожье—Courtain, Оливье—Hauteclarie, Карла Великаго—Ioyeuse, Доона Майнцкаго—Merveilleuse, Балигана—Presieuse, Тидрека—Naglring, Вольфдитриха—Rose, Александра Великаго—Requite, Сигфрида—Balmung, Грейдмара—Hrotti; у Георгія Св. сабля—Balmut, у Сигурда мечъ Gramm, у Тора молотъ—Міэльнеръ и т. д.).

6) Кулишъ, I, 126.—7) Версія Чубинскаго, см. прил. X.

8) См. ниже прил. X, VII; ср. Кулишъ, I, 125, 126; К. Ст. 1882, сент., 580—1; Драгомановъ, Пред., 203. Этотъ конь—типъ эпическаго запущеннаго коня, чередующагося съ „паршивымъ" жеребеночкомъ. См. Веселовскій, Ю. р. б., т. II, 3, 16, 21—26, 40—41, 43—45, 53, 62—3, 65, 129 и въ Arch. f. slav. Phil. III, 560; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 83, 182—3, 260; Драгомановъ, Преданія, 203—4; Дестунисъ, 22; Мордовцевъ, Малор. литер. сборн., Саратовъ, 1859, 370—6; Кіев. Ст., 1888, май., 49; Кирпичниковъ, Очерки изъ ист. сред. лит., 115—6; Чубинскій, Труды, II, 252; Кирѣевскій, I, прил., стр. II, XXXII; Grabowski, op. cit., 161—2; Тихонравовъ, Лѣтописи. II, 103—104; Сбор. мат. по этн., II, 145; Афанасьевъ, Легенды, 98—99, Schiefner, Heldensagen der Minus. Tataren, 83—84.

9) Версія Новицкаго (ниже, прил. VII) и Полит. піс. (см. выше стр. 92).

10) Кулишъ, I, 126.—11) Драгомановъ, Пред., 206.

Digitized by Google

ратыще (копье), то йимъ здалось, що то лисъ стойить; отъ воны (шведы и Мазепинцы) и почалы йихаты черезъ той лисъ, схыляючысь; а Паліевы козакы давай рубать йимъ головы" [1]); или: „бере зъ собою одынадцять козакивъ, а самъ дванадцятый, та й гайда въ степъ; скоро зобачывъ Мазепенкову ватагу, заразъ узявъ та й объйихавъ кругомъ. Якъ объйихавъ, то Мазепенковы мовъ подурилы и сталы одынъ одного колоть та рубать" [2]). Невидимый ни для кого, подслушиваетъ онъ разговоры во вражескомъ лагерѣ [3]) и даже для этой цѣли обращается въ собаку [4]); онъ „знавъ усе, що буде напередъ за сто литъ", и предсказалъ Петру, что его крестный сынъ Мазепа измѣнитъ ему, но тотъ не повѣрилъ [5]). Колдовству онъ учитъ Мазепу и своего „джуру", но только не говоритъ имъ „одного слова", не говоритъ „усійейи правды", благодаря чему и спасается отъ большой опасности [6]). Пушки заряжаетъ онъ „навхрестъ: та туды, а та туды, та туды, а та туды"; зарядивъ такъ, онъ говоритъ: „теперъ стреляйте, то не багато зостанетця". И дѣйствительно: „якъ ударылы жъ, то такъ, якъ былына на пожарыщи зостанетця, то такъ съ того війська зосталось" [7]). Такіе необыкновенно фантастическіе размѣры приняла въ глазахъ народа личность Палія...

---

1) Кулишъ, I, 116.

2) Ib., 119—120; срв. Драгомановъ, Пред. 136—7, 249—251; Сборникъ мат. по этн. II, 34, 35; Кузьмичевскій, Шолудивый Буняка въ укр. нар. сказ., Кіев. Ст., 1887, авг., 690—1; Драгомановъ, Преданія, 201: „Палій и татарскій рыцарь" (мотивъ единоборства; Палій „напустивъ туману" на татарскаго рыцаря, такъ что тому показалось, будто бы у Палія не 50 человѣкъ казаковъ, какъ на самомъ дѣлѣ было, а что войску Палія „кинця свитови нема"—и онъ даетъ себя связать; „такій то планетный чоловикъ бувъ Палій!"); А. Н. Веселовскій, Изъ ист. ром. и нов., I, 108, 121, 124, 125, 127; Ю.-р. был. I, 8; Нов. ист. обр. эп., въ Жур. М. Н. Пр. 1885, апр., 276, 282.

3) Кулишъ, I, 126. Срв. Тихонравовъ, Лѣтописи II, 74.

4) К. Ст. 1882, мартъ, стр. 612.

5) Кулишъ, I, 117 (Палій здѣсь называется Степаномъ Плахой; у Драгоманова, Преданія, 205,—Мазепа называется королькомъ, а Палій его генераломъ); К. Ст., 1882, мартъ, 611.

6) Кіев. Ст., 1882, мартъ, 612; Кулишъ, I, 126—127.—7) Кулишъ, I, 127.

Digitized by Google

Но, не смотря на все „характернычество", Палію не удалось избѣжать рукъ своего врага Мазепы. Мы ужъ видѣли, какъ пѣсни воспѣваютъ арестъ Палія; изъ легендъ только одна (см. ниже, прил. VII) описываетъ заточеніе Палія близко къ пѣснямъ: остальныя далеко уходятъ отъ болѣе реальныхъ пѣсенъ въ фантастическую, туманную даль.

Заточеніе и ссылку Палія народъ приписывалъ или собственно иниціативѣ Мазепы, или Петру, главнымъ образомъ по навѣтамъ Мазепы. По словамъ одной легенды [1]), Мазепа былъ крестнымъ сыномъ Петра; на крестинахъ Палій сказалъ Петру: „гляды, цару, бо сей Мазепа тебе зъ царства ссадыть!" Петръ разсердился и крикнулъ: „що ты кажешъ!.. озьмить ёго та завезить за Піскове море!"—А те Піскове море", прибавляетъ преданіе, „Богъ ёго святый знайе, де воно вже, а перейихаты, кажуть, можно тилькы меделянамы (собаками)" [2]). По словамъ другой легенды, сходной съ предыдущей во многихъ подробностяхъ [3]), Петръ „звеливъ забыть Плаху (Палія) въ кайданы и посадыть у темныцю—не давать ёму ни пыты, ни йисты, тилько рижокъ зъ тобакою положыты биля ёго: „отъ же", каже, „тоби, Степане (Семене), рижокъ тобакы. Колы твоя правда, то ты въ темныци будешъ жыть трыдцять литъ одною тобакою; а колы брехня, то згынешъ". Нѣчто подобное дѣлаетъ съ Паліемъ и Мазепа, который „боявся Палія, щобъ винъ ёго не звоевавъ, та взявъ ёго да й замуровавъ у стовбъ у такій, що тилько маленьке виконце, а то увесь замурованый; и якъ хто подасть у те виконьце шматокъ хлиба, то тилько винъ и жывъ" [4]). Народъ разсказываетъ даже, что и ключъ отъ

[1]) Кіев. Ст., 1882, мартъ, 611.

[2]) Отраженіе слуховъ о сѣверномъ способѣ ѣзды. О песчаномъ морѣ или рѣкѣ см. Баталинъ, Сказаніе объ Инд. Царст., Воронежъ, 1870, 73, 121, 128—9; Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов I, 219, 283, 286, 287, 292; Graetz, Geschichte der Juden, V, 288 — 294; Гаркави, Сказ. еврейскихъ писателей о Хазарахъ, 11.

[3]) Кулишъ, I, 117—8.

[4]) Кулишъ, I, 115; Драгомановъ, Пред., стр. 205 (Мазепа и прыказавъ замуровать въ стинку Палія); см. ниже приложенія VII и X. Срв. Аеа-

Digitized by Google

столба или темницы былъ заброшенъ въ море и потомъ чудеснымъ образомъ его достали оттуда [1]). Въ версіи Чубинскаго, напечатанной у насъ въ приложеніи, замѣтна разница въ отношеніяхъ къ Палію Мазепы и Петра: Мазепа приказываетъ солдатамъ убить Палія и принести его сердце въ знакъ убійства [2]), но Петръ отдаетъ тайный приказъ не дѣлать этого и только „замуровать" Палія.

По легендамъ, когда Мазепа измѣнилъ и шведы тѣснили Петра, онъ не зналъ, что дѣлать; нѣсколько разъ просилъ онъ перемирія [3]), по одному преданію даже совсѣмъ ушелъ, переодѣвшись, „свитъ за очи" [4]). Тогда ему напомнили о Паліѣ, который одинъ только [5]) и могъ справиться съ Ма-

---

насьевъ, Легенды, 192; Сборникъ нат. по этн. II, 165; Кулишъ, I, 3—5; Grabowski, op. cit, 162; Рыбниковъ, I, № 6; Будде, Мѣсто и значеніе духовн. стих. въ ист. рус. народн слов., Воронежъ, 1883, стр. 7; Халанскій, Великор. был., 95—97; Романовъ, Сказки, №№ 7, 8, 61, 85 (мне.); Веселовскій, Разыск. II, 135—136, 143 и VI—X, 42, 44, 379—381; Ю.—р. был. I, 5, 12, 26, 31.

[1]) См. ниже, приложеніе V. Срв. Костомаровъ, Ист. моногр. и изслѣд., т. I, СПБ, 1872, легенда о кровосмѣсителѣ и „Памятники", II, 415—422; Веселовскій, Ю.—р. был. II, 33, 151 и Андрей Критскій въ легендѣ о кровосмѣсителѣ и сказаніе объ апостолѣ Андреѣ, Ж. М. Н. Пр , 1885, іюнь; Чубинскій, Труды, I, 182—183; Драгомановъ, Преданія, 131; Карловичъ; „Podanie o Madeju", Висла, 1888—1889 г.г.; Luzel, Légendes chrétiennes de la Basse Bretagne, I, 83; Vie la pape Gregoire le Grand, ed. Luzarche, 1857.

[2]) Срв. А. Н. Веселовскій, Разыск., III—V, 126—130; Сол. и Китовр. 15, 53, 54; Драгомановъ, Пред., 100; Чубинскій, Труды, II, 263, 304; Сумцовъ, Апокрифы, К. Ст., 1887, іюнь—іюль, 266; Пыпинъ, Памятники, III, 64; Nowosielski, Lud, I, 245; Grimm, Märchen, № 53; Тихонравовъ, Лѣтописи, IV, 112; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 133; Benfey, Pantschatantra, I, 175; Афанасьевъ, Сказки, № 121; IV, 269 (прим.); Gubernatis, Florilegio delle novelline popolare, 30; Кирпичниковъ, Очерки средневѣк. лит., 60, 66, срв. 200.

[3]) Кіев. Ст., 1882, сент., 579; см. ниже прил. VII; Кулишъ, I, 116; Драгомановъ, Пред., 202, 203; срв. Кирѣевскій, I, 58 и т. д.

[4]) К. Ст. 1882, сент., 579—580. Срв. мою замѣтку: „Южно-рус. списокъ Александріи конца XVIII ст.", Кіев Стар., 1887, окт., стр. 379; Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов. I, 142, 356.

[5]) Когда Петръ разспрашивалъ всѣхъ, не можетъ ли кто ему помочь, „вызвався хлопець 16-ты литъ и каже: я бъ помигъ, та ще лита не выйшлы,

Digitized by Google

зепой и Шведами [1]). По его приказанію немедленно доставляютъ Палія и даютъ ему нѣкоторое время отдохнуть. Палій сейчасъ же принимается за работу.

Съ нѣкоторыми разсказами объ участіи Палія въ Полтавской битвѣ мы ужъ познакомились выше, но всѣхъ любопытныхъ чертъ этихъ разсказовъ я еще не исчерпалъ. Чтобы дать знать Мазепѣ о своемъ присутствіи, „Палій зарядывъ срибною кулею [2]) ружжо, якъ стрельне, а Мазепа зъ Карломъ саме обидалы, а та куля прямо йимъ въ полумисокъ и впала та и закыпила кровъю“ [3]); или „Мазепа проклятый сыдыть у камяному мури на трейтему етажи и чай пъйе: оце поснидаты и на баталію йты. Палій подывывсь, и якъ пустывъ стрилу, та стрила Мазепи въ шклянку попала“ [4]). Благодаря успѣшному содѣйствію Палія, война

есть замурованый въ темныци Семенъ Палій, той побидыть Шведа“ (см. ниже, прилож. VII).

[1]) У Кулиша за Паліемъ посылаютъ „пошту таку огненну, що й птыци не злетыть“ (I, 125). Интересно, что, по преданіямъ уральскихъ казаковъ, ихъ любимый герой Рыжечка сыгралъ такую же роль во время Полтавской битвы, какую малорусскій народъ приписываетъ Палію (см. Желѣзновъ, Пред. и пѣсни уральскихъ казаковъ, Рус. Вѣст., 1859, IV, 411—433).

[2]) Nowosielski, Lud, II. 163—4; Сборн. мат. по этн., II, 34.

[3]) Драгомановъ, Преданія, 205.

[4]) ib., 204; К. Ст., 1882, сент., 581; мартъ, 612; см. прилож. X. Срв. А. Н. Веселовскій, Разыск., I, 4; Юж. р. был., I, 3—12, 14, 48, 49, 52; Изъ ист. ром. и пов., I, 463—4; Мелвія зам. къ был., Жур. М. Н. Пр., 1888, май, 74—76; Халанскій, Велик. был., 106—110, 120, 125; Grabowski, op. cit., 161; Майковъ, О был. Влад. цикла, 32; Сумцовъ, Апокрифы, К. Ст., 1887, іюнь—іюль, 261—2; Буслаевъ, Очерки, I, 422—3; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 59; 673, 694, 963, 964, Кулишъ, Зап. о Юж. Руси, I, 3—5; Драгомановъ, Пред., 249—251; Антоновичъ и Драгомановъ, Ист. пѣсни, I, 50—51, 145—159; Трусѣвичъ, Нар. лег. про Кіевъ и его окрестности, Кіевлянинъ, 1866, № 4; Trusiewicz, Kwiaty i owoce, Кіевъ, 1870, 236—9; Кулѣшъ, Укр. нар. пред., ч. I, отд. I; Галсанъ Гамбоевъ, Шидди-куръ, 26 (Этногр. сборн., VI); Безсоновъ, Калѣки перех., I, №№ 122, 125; Pauli, Pieśni ludu rus. w Galic. I, 130—133; Лукашевичъ, Думы, 11—12; Худяковъ, Сборн. велик. нар. ист. пѣсенъ, М. 1860, 94; Лисенко, Збір., II, стр. 7; Rulikowski, op. cit., 184; Максимовичъ, Пѣсни (1834), 106—107; Головацкій

Digitized by Google

кончается. Петръ за измѣну Мазепы разсердился на Малороссію и даетъ приказъ, „щобъ рубалы въ пень увесь народъ“ [1]), но заступничество Палія спасаетъ родину, за которую, какъ онъ самъ говорилъ, ему такъ много пришлось пострадать [2]). Послѣ окончанія войны Палій „Богъ зна, де дився: винъ, кажуть, и теперъ десь жывый и якъ Господь ему веливъ, миняйетьця, якъ мисяць: старійе и молодійе“ [3]).

Не поскупившись на яркія, свѣтлыя краски для Палія, народъ не скупится и на темныя для Мазепы. Мазепа—„таломусъ (громадина), що поставывъ пушку на долони, та якъ стреливъ изъ Быкова, то досягъ ажъ у Остеръ и розбывъ у Остри церкву. И доси стойить та церква розбыта“ [4]).

Пѣсня Угор. Р., I, 1—2 (Чтенія въ Имп. Моск. Общ. И. и Древ., 1863, III, III, 1—2); Рыбниковъ, II, 10, 37, 65, 111 № 11; III, № 37; Кирѣевскій, I, 70—76; II, 88 -96; III, 39—51; Гильфердингъ, № 41, № 258, стр. 118, 206, 358, 638, 1117, 1179.

[1]) Кулишъ, Зап. о Юж. Руси I, 120—121, 128; срв. въ Кіев. Ст. 1858, іюль, 543—5, замѣтку г. Катрухина о грайворонцахъ, которыхъ Петръ хотѣлъ уничтожить за измѣну (преданіе).—[2]) Прилож. VII.

[3]) Ib.; срв. К. Ст., 1882, сент. 581: „Мазепа... подывывсь у гору, тай каже Шведу:„... Палій уже на вали“, та й показавъ ёму у гору на Палія. „Та то може мисяць?“ Каже шведъ.—„Та ній тамъ мисяць середъ дня!“; Свидницкій, Великдень у Подолянъ, Основа, 1861, окт. 52: „Народъ вѣритъ, что стража, приставленная во гробу Господню, и теперь стоитъ на своемъ мѣстѣ Она состоитъ изъ двухъ евреевъ и оба они живы,“ и якъ мисяць старый, то воны стари-старезни, ажъ трусятця, а якъ мисяць молодый, то й воны молоди, наче йимъ по двадцятому годочку“. На вопросъ: „колы вы прыйшлы?“ они отвѣчаютъ: „вчера“.—„А колы пидете?“—„Завтра“. „Такъ уже йимъ Богъ давъ, щобъ жылы до самого страшного суду“. На основаніи многихъ аналогій можно думать, что здѣсь случайно опущенъ мотивъ надежды на возвращеніе Палія. См. А. Н. Веселовскій, Юж. р. был., I, 8—10; II, 264—5; Легенда о возвращающемся императорѣ, Ж. М. Н. Пр., 1875, май (между прочимъ и малорусскій Михайлинъ); Разыск., V, 120; VI—X, 305—306; Кузьмичевскій, Шолудивый Вунака, К. Ст., 1887, авг., 703—713; В. Ѳ. Миллеръ, Осет. этюды, I, 69, 71; Миладиновци. Българска народни пѣсни, Загребъ, 1861, стр. 528; Кулишъ, I, 277.

[4]) Кулишъ, I, 118 (срв. 277; Grabowski, op. cit., 168 — 169); стр. 124: „Мазепа... ажъ на розділъ на церкву постигувавъ у Батурыни пушки да бывъ“.

Digitized by Google

Когда Мазепа во время Полтавской битвы побѣжалъ, Палій погнался за нимъ, догналъ—„заразъ ёго и проколовъ спысомъ (копьемъ). Тилько то бисова тварь! Изожравъ одынъ спысъ, изожравъ другій, изожравъ трейтій, и такъ уси одынадцять спысивъ пойивъ; та вже якъ ударывъ ёго Плаха (Палій) свойимъ дванадцятымъ, тогди вже ёму й капутъ". Палій сжегъ Мазепу и пепелъ „по степу розвіявъ" [1]). Мазепа отличается звѣрствомъ и чудовищной прожорливостью: цѣлая гора покрыта костями загубленныхъ имъ людей [2]); онъ съѣдаетъ 6 „галушекъ" по 7 пудовъ въ каждой и только седьмой не могъ съѣсть, за что его Петръ и велѣлъ проклинать [3]). По словамъ другой легенды [4]), онъ былъ проклятъ за то, что позволилъ себѣ кощунство надъ Евангеліемъ. Въ войскѣ Мазепы находится „баба хымородныця", которая совѣтуетъ Мазепѣ и Карлу при бѣгствѣ перековать лошадей назадъ [5]). Это, по всей вѣроятности, глухой отзвукъ сказки о рижской кол-

---

[1]) Кулишъ, I, 120. Срв. Веселовскій, Разыск; II, 23, 24; Кирпичниковъ, св. Георгій и Егорій Храбрый, СПБ., 1879, 14, 15, 16; Кулишъ, II, 30.

[2]) Приложеніе I; срв. В. Ѳ. Миллеръ, Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ, Москва, 1877, 19; Пыпинъ, Оч. лит. нст. старин. пов. и сказокъ рус., 83, 84 слѣд.; Левестамъ, Истор. очеркъ древне-скандинавской поэзіи скальдовъ, Варшава, 1872, стр. 52.

[3]) Приложеніе, XIII: „за что проклинаютъ Мазепу?" (тамъ и о вѣроятномъ происхожденіи этой легенды). Срв. Сборн. мат. по этн., II, 66, 281; Веселовскій, Юж. р. был., I, 19; т. II, 14, 15, 137. 348, 353; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 180; Драгомановъ, Преданія, 224—5; Кирпичниковъ, Очерки сред. лит., 27; Дестунисъ, op. cit., 79, 81; Moszyn'ska, op. cit., 10—12; Халанскій, op. cit., 42; Остряковъ, Народ. лит. Кабард. и ея образцы, Вѣст. Евр., 1879, авг., 708; Кирѣевскій, I, стр. XV, XXI—XXII, XXIV; Рыбниковъ, I, стр. 87; Кирша Даниловъ, стр. 183 и слѣд

[4]) Кіев. Ст., 1882, мартъ, 612: „отъ якъ отвъ шведскій король пидмовлить Мазепу, щобъ той йшовъ Петра Первого воювать, Мазепа й каже: „якъ же я пидимусь на ёго, то вінъ мени хрещеный батько? (то бачъ, вна — що грихъ). — „А ты", каже, шведскій король, „пиди у церкву, та на царськыхъ вратахъ потопчы Евангелію,—будешъ ты тоди проклятый: тоди тоби не грихъ. Мазепа послухавъ та й потоптавъ Евангелію; за те жъ теперъ ёго и звуть проклятымъ."—[5]) Прилож. VII.

Digitized by Google

дуньѣ, извѣстной латышамъ, великороссамъ и малороссамъ: вторая часть этой сказки вполнѣ отвѣчаетъ черниговской легендѣ о домѣ Мазепы, въ которомъ является по ночамъ женщина, просящая креста, и въ которомъ зарытъ кладъ [3]). Такъ же фантастична и великорусская легенда о той эпохѣ: Мазепа идетъ на Петра съ Литвой; за Петра, страшнаго воителя, знавшаго „планиду", стоитъ „дѣдушка Суворовъ" и сила небесная [4])...

Подведемъ итоги своимъ нѣсколько затянувшимся и разбросаннымъ замѣткамъ. Событія первой четверти XVIII в. придали особенное оживленіе южно-русской литературѣ и

[3]) Прилож. XI, XII; срв. Сборн. мат. по этн. II, 33—35 (латышскія сказки); Ковчинецъ, l. c.; Якушкинъ, Соч. СПБ., 1884, стр. 252 (письма изъ Псков. губ.); Драгомановъ, Преданія, 83; Moszyn'ska, op. cit., 5—8. Легенда, записанная г. Ковчинцемъ, такова (Черниг. губ. вѣд., 1889, № 5): „Бувъ царъ Петро; булы такы волшебныци Лютра и Утерянка. Петро выпросывъ земли на шкуру у Утерянкы, порѣзавъ шкуру на дробненьки ременцѣ, посшывавъ йихъ, одъ Двыны до Двыны обовьевъ землю и постройивъ крепость. Воёвавъ вонъ изъ Утерянкою и изъ Лютрою. Лютру убивъ одывъ казакъ, а зъ Утерянкою царъ Петро воёвавъ ще много лѣтъ. Дачка йийи полюбыла Петра, ходыла на саду зъ йимъ и вонъ спрашуйе йийи: "чы возьму я твою матку, чы нѣ".—„Хоть сіемъ годъ стой, дакъ не возьмешъ. Йесть у тебе солдатъ Иванъ, дакъ ёго смерть у моей маткы, а матчына у ёго",—„Ну, якъ же ёго узнаты", пытайе Петро.—„Ты зрабы пыръ, на пыру якъ упъюцця, поляжуть спать; вонъ засне пудъ деревомъ, дерево усхне, бо въ ёго сыла изъ рота иде, якъ дымъ". Тогда Петро зробывъ пыръ, узнавъ ёго. Посли пыру Петро найшовъ ёго на ученія и давай спрашувать: „Что жъ ты можешъ узнать йийи?" — Прыставъ до ёго. Вонъ тадѣ й каже: „позвольте пугвыцю зорваты". Той каже: „хоть уси зрывай". Москаль зорвавъ пугвыцю, выстрелывъ пугвыцею и убивъ Утерянку. Якъ ёго въ карету укинули, сычасъ и умеръ. Царъ сѣвъ на лошади, перескочывъ черезъ Двыну, тольки задни капыты конь умочывъ; городомъ якъ побѣгъ, дакъ пудкова одорвалась, ударылась въ стену и теперъ высыть. Царъ Петро ходывъ у зароботкы, въ чужой земли зробывъ корабель, одъ ёго и стали у насъ корабли". (О мотивѣ разрѣзыванія кожи см. въ библ. отд. II-й кн. Этн. Обозр.; смерть Ивана—срв. Романовъ, op. cit., 217 — 218; Кіев. Ст., 1889, мартъ стр. 738).

[4]) Якушкинъ, op. cit., стр. 312 (письма изъ Орлов. губ.).

Digitized by Google

народной, и искусственной. Болѣе всего матеріала народнымъ легендамъ и пѣснямъ и схоластическимъ виршамъ дала измѣна Мазепы и сопряженныя съ ней обстоятельства, но не одинаковымъ образомъ обработали онѣ данный исторіей матеріалъ: въ обработкѣ сказалась значительная разница во взглядахъ между „письменными" и „неписьменными". Правда, и тѣ, и другіе относятся враждебно къ Мазепѣ, но причины ненависти, отношеніе къ самому факту измѣны очень различны. Схоластическія „виршы", проклиная Мазепу, котораго они передъ тѣмъ возносили до небесъ по всѣмъ правиламъ панегирическаго искусства [1]),— напираютъ, главнымъ образомъ, на несправедливую казнь Кочубея и Искры, которыхъ онѣ и прославляютъ при сей удобной окказіи; народныя пѣсни—на ссылку Палія, котораго народъ считалъ своимъ приверженцемъ и который былъ среди малорусскаго народа настолько популяренъ, насколько непопуляренъ Мазепа. Ни въ одной изъ *вполнѣ достовѣрныхъ* пѣсенъ не встрѣчается имя Кочубея и Искры; имя Палія встрѣчается только въ одной изъ этихъ виршей, очень поздней. Такимъ образомъ самый выборъ воспѣваемыхъ героевъ показываетъ, насколько точка зрѣнія „виршемазовъ" отличалась отъ точки зрѣнія народа.

Основное содержаніе пѣсенъ—арестъ Палія, легендъ—жизнь Палія и Полтавская битва. Большинство пѣсенъ отличается реальнымъ, историческимъ характеромъ; фантастическіе элементы вносятся въ нихъ тогда, когда онѣ разлагаются; въ цѣлыхъ пѣсняхъ попадаются только мелкія погрѣшности противъ истины. Сохранившіеся въ нѣкоторыхъ смѣшанныхъ разсказахъ стихотворные отрывки намекаютъ на то, что были пѣсни, аналогичныя съ фантастическими легендами, подъ вліяніемъ которыхъ, можетъ быть, онѣ и были составлены въ болѣе позднее время, когда ужъ сложились легенды. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ попадаются косвен-

[1]) М. Тихонравовъ, Трагедоком. Ѳеоф. Прокоповича: „Владиміръ", Ж. М. Н. Пр., 1879, май, стр. 85—89, 95—96; Труды Кіев. Дух. Акад., 1867, I, 92 и т. д.

Digitized by Google

ныя указанія, которыя позволяютъ пріурочить ихъ къ различному времени: до и послѣ Полтавской битвы. Такимъ образомъ можно констатировать съ нѣкоторой достовѣрностью разновременное сложеніе пѣсенъ о Паліѣ и Мазепѣ [1]).

Въ легендахъ, для характеристики своихъ героевъ, народъ полною горстью черпалъ матеріалъ изъ странствующихъ мотивовъ и общихъ эпическихъ мѣстъ. Вся народная работа надъ различными, часто противорѣчивыми версіями состояла въ пріурочиваніи, не всегда удачномъ. Какъ плющъ обвиваетъ и скрашиваетъ руины, такъ пріукрасила народная фантазія отзвуки своего далекаго прошлаго, сгладила ихъ рѣзкія, реальныя черты—и отодвинула ихъ въ туманную и фантастическую даль, гдѣ нѣтъ простыхъ, обыкновенныхъ людей съ ихъ пороками и добродѣтелями, гдѣ рѣютъ тѣни героевъ, богатырей, „характерныковъ" или злобныхъ, сверхъестественныхъ чудовищъ...

Вл. Каллашъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Происхожденіе Палія и его отношенія къ Мазепѣ.

Жывъ колысь на Вкраини старый хлиборобъ зъ дочкою. Оце разъ винъ пойихавъ у степъ орать землю. Колы винъ оравъ, то знайшовъ на степу велыкій чоловичый чéрыпъ—такій, якъ добрый кавунъ. Той хлиборобъ хотивъ ёго пидняты, але черыпъ розсыпався и зробывся мовъ попилъ. Тоди винъ зибравъ оттой попилъ въ макитру, и колы йихавъ до дому, то узявъ ёго зъ собою, поставывъ въ хати пидъ лавою. Хлиборобова дочка, побачывшы цю макитру, думала, що то батько прывизъ силь, узяла шматокъ хлиба, вмокнула въ макитру тай зъйила. Писля цёго вона заваготнила и прывела сына, котрого й назвала Семеномъ. Семенъ рисъ дуже швыдко. Якъ тилько винъ вырисъ, такъ що вже умивъ козакуваты, заразъ доставъ соби гарного коня, руш-

[1]) Пол. пісні, II, 36 и т. д.

Digitized by Google

ныцю, шаблюку и инши козацьки прыцындалы. Тоди на Вкраини гетьманомъ бувъ Мазепа, лютый ворогъ козакивъ и простого люду, пріятель Ляхивъ. Семенъ пообищався соби спасты ридну Вкраину одъ цёго змиинныка и хрыстопродавця. Попрощавшысь зъ матерью и зъ дидомъ, винъ сивъ на коня и пойихавъ у степъ. Йихавъ винъ цилый тыждень и никого не бачывъ. Колы це бачыть: йиде верхы на краю степа якійсь чоловикъ. Семенъ пидъйихавъ блызче и узнавъ, що то Мазепа. Семенъ за нымъ, а Мазепа одъ ёго; Семенъ дужче прыпустыть коня, а Мазепа ще швыдче утика. У степу стояла высока, высока гора. Мазепа до неи та на гору, а Семенъ соби; а дали взявъ рушныцю, выстреливъ—Мазепа й пропавъ, якъ той нечыстый. Семенъ зъ конемъ выскокуе на гору и бачыть тамъ багацько чоловичихъ кистокъ, нибы то тутъ колысь козакы былы Татаривъ та Ляхивъ. Семенъ ставъ роздывлятьця кругъ себе, бачыть: проты ёго иде сывый старый дидъ зъ довгою билою бородою. Семенъ пытае ёго: „що це за кисткы? чого воны тутъ лежать?“ Дидъ и каже Семену: „а це все кисткы тыхъ людей, що Мазепа згубывъ; це все Мазепыны ворогы. За те, що ты выпалывъ у Мазепу, нехай теперъ уси называють тебе Семеномъ Паліемъ; дывысь, завсигда будь ворогомъ Мазепы!“ Писля цёго дидъ, хто ёго зна, де дився; а Палій пойихавъ до Запорожцивъ.

Златополь, Кіев. губ. Запис. г. Як. Горшковымъ.

II. Происхожденіе Палія.

Въ Мотовыливци колысь жывъ соби зъ жинкою, зъ диточками чоловичокъ. Разъ выйихавъ винъ ораты. Оре винъ да просыть Бога, щобъ хороше вродыло. Жинка обидать ёму прынесла; чоловикъ и пообидавъ, да все працюйе. Отъ, надъ-вечиръ, чуйе винъ, що плугъ ёго за щось задержався. Дывытця—якась здоровенна трупъя голова. „Господы, Боже мій! се, выдно, яка-небудь лыцарська голова“, подумавъ чоловикъ. „Не добре, якъ вона буде валятысь по полю; треба йийи закопать на цвынтари и одслужыть па-

Digitized by Google

нахыду за душу умершого". Подумавъ, погадавъ, а тымъ часомъ сонечко зайшло. Чоловикъ обережно положывъ голову въ хустку и пишовъ до дому, а дома положывъ голову на лавку и сивъ вечеряты. Силы коло ёго и диты, и жинка; попойилы воны галушокъ, чы чого Богъ пославъ, може й нічого, опричъ хлиба святого, не лучылось; повечерялы, встають, а жинка подывылась на голову, да й сказала: „оця голова, мабуть, на свойему вику багацько хлиба перейила".—„Буде вона ще йисты", одказала голова.—„Эге, такъ ты такивська!" говорить чоловикъ: „не треба жъ тебе несты на цвынтаръ да служыты панахыду. Знаю я, що зъ тобою робыть". Узявъ йийи, вынисъ за свій вышневый садокъ, у чысте поле, розиклавъ багаття, и давай палыть. А голова горила-горила, покы стала порохнею, такъ якъ отъ сахаръ. Подывывсь чоловикъ и, Богъ знае зъ чого, взявъ ту билу порохню въ хустыну (наче насміявся надъ нею), прынисъ до дому и мовчкы положывъ на полыцю. Незабаромъ, може черезъ день, пишовъ винъ зъ жинкою до церквы, а въ господи осталысь тилько дочка да малый хлопець. Дочка вже и борщъ заставыла въ пичъ, уже и локшыну зварыла: сказано, день воскресный; оставалось тилько посолыть страву,—такъ нема жъ соли.—„Оттамъ, Галю, на полыци лежыть у хустыни щось биле, мабуть силь", говорыть братъ. Сестра стала на лавку, взяла хустыну, подывалась и говорыть братови: „не знаю, чы се силь".—„Лызны, то й взнаешъ", каже братъ. Вона покоштувала разъ—нічого, вдруге, втрейте, и говорыть: „оце яке нудне!" и положыла знову на полыци. Отъ мынае недиль десять, а може и бильше,—упала дочка въ ногы батьку и матери и говорыть: „я въ тяжу; оттакъ було и такъ". Почухавъ батько гижку, поморщывся: треба йты до пана да росказать усе, якъ було. Тоди за такій соромъ дуже каралы. Росказавъ усе, якъ було. Панъ одибравъ одъ ёго хустку, а черезъ пивъ-року дочка прывела уже сына. Охрестылы ёго и назвалы Семеномъ Безбатченкомъ. Хлопець рисъ, уже и за воламы ходывъ; якъ ось йихалы въ Мотовыливку Запорозци,

Digitized by Google

що прыйижджалы говить въ Осокыркы, и змапылы хлопця въ Велыкый Лугъ. А въ Сичи кошовый, замитывшы хлопця, взявъ ёго до себе въ молодыкы. Служыть Семенъ, служыть, а гонору ёму все таки нема. „Постойте, буде й мини гоноръ!“ подумавъ соби Семенъ. Узявъ, спалывъ отаманськiй куринь и втикъ до дому.—„Эге! такъ ты такiй!“ говорыть кошовый: „захотилось тоби гонору! Буде зъ хлопця лыцарь, буде!... А ну, панове-молодци“ говорыть винъ тымъ, що вывезлы Семена,—„рушайте за Семеномъ туды, звидкиля ёго взялы, и прывозьте назадъ“. А Семенъ тымъ часомъ сыдыть дома на печи.—„Мамо!“ говорыть: „снылось мини, що прыйидуть до мене изъ Сичы козакы, прывезуть мини гоноръ и визьмуть изъ собою“. Маты зиркъ у кватырку—ажъ уже Запорозци и коней на двори пидъ повиткою прывъязують. „Добрый тоби“, говорыть, „сынку, сонъ снывся!“ Семенъ тилько засмiявся. Отъ, якъ прыйихалы воны въ Сичь, то кошовый и сказавъ ёму: „ты, Семене, есы козакъ добрый: теперь майешъ ты гоноръ, будешъ прозыватысь Палiемъ“. Разъ выйихавъ кошовый на охоту зъ Семеномъ; йиздылы воны довго и зайихалы въ таке мисто, що тилько одни скели та пуща. Ставъ пры сонци и чыстому неби грымати гримъ,—а се Архангелъ Гаврыилъ хотивъ убыты полоза. Гримъ ударыть, а полозъ вылизе зъ скели та й засмiетця.—„Эге! оттака ловысь!“ сказавъ Палiй, ухопывъ зъ плеча янчарку, прыложывся, выпалывъ—и на тимъ мисти, де показувався полозъ, потекла смола.—„Иды жъ ты теперъ, куды знайешъ“, сказавъ ёму кошовый: „иды у свою краину и рижъ усяку нехристь, бо ты есы чоловикъ, угодный Богу!“—„Ни, батьку!“ каже Палiй: „не одпускай мене одного, а пусты зо мною Искру, Кочубея и Шмалька (?)“.—„Добре“, сказавъ кошовый и одпустывъ йихъ трохъ изъ Сичы. А навпосли вже Семенъ Палiй зробывся паномъ полковныкомъ Хвастовськымъ, добре ризавъ орду и ляхивъ, да Мазепа ёго стратывъ изъ заздристи, що Палiя велычалы козацькымъ батькомъ.

Ревякинъ, Основа, 1861, XI—XII, 29—31 (Зап. въ с. Красной, Кiев. губ.).

Digitized by Google

III. Происхожденіе Палія.

Отправился поселянинъ пахать поле, плугъ его задѣлъ въ почвѣ какой-то предметъ; присмотрѣвшись, поселянинъ увидѣлъ въ бороздѣ огромную мертвую голову: „Это, должно быть, голова какого-нибудь славнаго рыцаря", подумалъ крестьянинъ и унесъ ее домой, съ намѣреніемъ отслужить по неизвѣстному богатырю панихиду и предать голову погребенію. Возвратившись домой, онъ положилъ голову на скамью и усѣлся ужинать съ семьей. Послѣ ужина жена, посмотрѣвъ на голову, сказала: „должно быть на своемъ вѣку голова эта переѣла много хлѣба".—„Будетъ она еще ѣсть",—отвѣтила сама голова. Испуганный крестьянинъ сжегъ голову, но дочь его отвѣдала по ошибкѣ вмѣсто соли оставшуюся отъ нея известь и сдѣлалась беременною. Узнавъ о случившемся, панъ отнялъ и уничтожилъ перегорѣлыя кости, но онъ не могъ предотвратить рожденія богатыря, чудесно зачатаго, вслѣдствіе случайнаго столкновенія чернаго народа съ умершимъ, но не лишеннымъ надежды на продолженіе своей жизни козацкимъ преданіемъ(?). Богатырь этотъ и былъ „добрый козакъ" — Семенъ Палій. Далѣе, въ разсказѣ о первоначальной жизни Палія, народныя сказанія представляютъ его человѣкомъ, предназначеннымъ свыше для борьбы со всевозможными проявленіями нечистой силы; вотъ нѣсколько варіантовъ народнаго разсказа, въ которомъ преданіе старается объяснить, какимъ образомъ его герой получилъ свое названіе. Отправившись въ Запорожье, Семенъ не могъ добиться надлежащей чести у козаковъ, потому что, не будучи въ состояніи указать на свой родъ, онъ не имѣлъ фамиліи. Эта аристократическая разборчивость запорожцевъ раздражила его; онъ „зпалывъ атаманьскый куринь" и получилъ фамилію Палія. По словамъ другого преданія, Семенъ встрѣтилъ на берегу рѣки, на скалѣ, сидящаго и кривляющагося чорта; онъ выстрѣлилъ—и „нечыстый" разлился пламенемъ и горящею смолою. Съ того времени и стали звать Семена „Паліемъ", „бо вінъ

Digitized by Google

чорта зпалывъ". Бывшій при этомъ кошевой сказалъ ему: „иди въ Украину и истребляй „всяку нехристь": я вижу, что ты человѣкъ угодный Богу". „И дѣйствительно, прибавляетъ преданіе, Палій сдѣлался грозенъ Ляхамъ и Ордѣ, и одинъ онъ могъ смирить измѣнника Мазепу". (стр. 52—53).

Антоновичъ, Послѣднія врем. казачества на прав. стор. Днѣпра (предисл. къ II т. 3-й ч. Арх Юго-Зап. Рос.), Кіевъ, 1868.
Зап. Лопачевскимъ въ окрест. Бѣлой Церкви, въ с. Гребинкахъ.

IV. Происхожденіе Палія.

Одинъ „чоловикъ" пахалъ въ полѣ. Вдругъ подъ плугомъ что-то хрустнуло. Смотритъ „чоловикъ"—мертвая голова (черепъ), да такая огромная, какъ „казанъ" (котелъ). Человѣкъ и думаетъ: „видно, это была голова великаго богатыря—лыцаря: возьму ее, попрошу батюшку окропить ее святою водой, прочитать надъ нею молитву, и тогда похороню по-христіански". Вотъ онъ привезъ голову домой, положилъ на лавку, а самъ сѣлъ ужинать. Жена его, глядя на мертвую голову, и говоритъ: „а много, видно, эта голова на своемъ вѣку хлѣба поѣла". А голова вдругъ и говоритъ: „и еще много поѣмъ". „Жинка", конечно, „злякалась", и бросила голову въ горящую печь. Осталась отъ богатырской головы одна зола. „Жинка" выгребла изъ печки золу и всыпала въ горшокъ: „продамъ москалямъ на поташъ", думаетъ. А дочь ея (взрослая), не зная ничего этого (до поздней ночи съ парубками на улицѣ гуляла и пѣсни „весняки" пѣла), увидавъ утромъ золу и думая, что это соль, посолила себѣ „шматокъ" хлѣба и съѣла. Отъ этого она и забеременѣла, и родила сына, котораго и назвала Семеномъ. Изъ этого Семена и вышелъ богатырь и даже „характерныкъ". Отправляясь на Запорожье, Семенъ-богатырь встрѣтилъ черта и „спалывъ" его: отъ того запорожцы и прозвали его „Паліемъ"—самаго черта спалилъ. А настоящая фамилія его была—Гурко, и отъ этого Гурко—Палія, говорятъ, происходитъ, по прямой линіи, балканскій герой и нынѣшній варшавскій генералъ губернаторъ, генералъ-адъютантъ Гурко.

Мордовцевъ, „Нѣчто для гг. ученыхъ", Новости, 1889, № 66 (перепеч. въ „Елисаветградскомъ Вѣстникѣ" 1889, № 58).

Digitized by Google

V. Палій—богатырь и „характерникъ".

Въ народныхъ преданіяхъ Палій является одареннымъ сверхъестественною физическою силою и знаніемъ таинственныхъ, непреодолимыхъ средствъ ведечія войны; онъ стрѣляетъ изъ пушекъ, заряжая ихъ „навхрестъ", проѣзжаетъ незримый по непріятельскому стану и т. п. Сила его столь велика, что кромѣ его собственнаго, испробованнаго коня, ни одна лошадь не только не можетъ вынести на себѣ богатыря, но валится на землю отъ одного прикосновенія его руки. „Палій [бувъ лыцарь-богатыръ", говоритъ народное преданіе, „и вмивъ винъ видъ всячыны замовляты": потому никто не могъ его ни побѣдить, ни взять въ плѣнъ, пуля его не брала; сабля его была вѣсомъ въ 5 пудовъ, кружка, которою онъ пилъ, въ полведра величиною. Если козакъ провинится, то Палій въ наказаніе заставитъ его нести свою саблю: „стонетъ подъ тяжестью бѣднякъ, а козаки надъ нимъ смѣются". Впрочемъ, народнее преданіе прибавляетъ, что сверхъестественная сила и знаніе Палія были даны ему свыше: „винъ не волшебствомъ, а ангельскымъ чыномъ войевавъ". Благочестіе его было примѣрное: Палій строилъ церкви и богато украшалъ ихъ, говоритъ преданіе; при томъ онъ имѣлъ обыкновеніе, выстроивши церковь, закапывать подъ нее большія деньги, чтобы было за что починить, когда она обветшаетъ (стр. 61—62). Мазепа за то погубилъ Палія, что его называли козацькимъ батькомъ и что всѣ его сильно любили. Палій былъ искрѣнно преданъ народу: онъ защищалъ его отъ пановъ и отъ всѣхъ, кто желалъ его обидѣть" (стр. 73). Отдаленность и безвыходность заточенія (Палія въ Енисейскъ) до того поразила народъ, что въ легендахъ онъ ее изображаетъ или подъ видомъ огромной башни, въ которую Мазепа приказалъ живьемъ „замуровать" любимаго народнаго предводителя, или въ образѣ глубокой темницы, ключи отъ которой были брошены въ море и потомъ только чудомъ можно было освободить изъ нея плѣнника (стр. 175).

Антоновичъ, op. cit.
Легенда, запис. Ильинскимъ въ с. В. Снятынѣ.

Digitized by Google

VI. Легенда про Семена Палія (взятіе Вершади).

„Ото бувъ слободецькый годъ, якъ бувъ панъ Хмильныцкій“—такъ началъ свой разсказъ глубокій старикъ. „Потомъ была руина; край опустѣлъ... Страшно и разсказывать!.. Въ Каменцѣ засѣли турасы (турки), снизу набѣгала татарва. Не было житья и тѣмъ немногимъ, кто остался въ краѣ. Но край хорошій, и люди Богъ его знаетъ откуда брались. Отецъ разсказывалъ, что ѣдешь или идешь сегодня—пустыня, одичавшія кошки ворчатъ по деревьямъ, одичавшія собаки хватаютъ за ноги, пропоетъ одичавшій пѣтухъ или закудахчетъ такая же курица; отъ людей бѣлыя кости валяются да кусты крапивы-жгучки растутъ „на пожежи“,—а черезъ недѣлю, черезъ двѣ, смотришь: село какъ изъ земли выросло. А вмѣстѣ съ тѣмъ является ляхъ „пануваты“, за ляхомъ жидъ орендарь, а тамъ и ксендзы, и уніяты; панщына, горе, муки! Тогда-то явился Семенъ Палій—онъ еще не былъ Паліемъ, а только Семеномъ. Семенъ былъ панскій казакъ, и на его глазахъ мучили, истязали нашего брата. Не стерпѣла добрая душа такой наруги... Семенъ ушелъ — не скажу куда: на низъ ли, за пороги, или куда, только ушелъ онъ съ твердымъ намѣреніемъ отомстить мучителямъ и выгнать ихъ изъ края. Идетъ и все думаетъ одну думу: какъ бы Господь Богъ помогъ ему исполнить великій замыселъ. Такъ идучи, утомился онъ и сѣлъ подъ дубомъ—видишь „подъ дубомъ“, значитъ не въ степь ушелъ, а можетъ быть, впрочемъ, еще не добрался до степи... Такъ сѣлъ Семенъ отдохнуть, да такъ и уснулъ. И снится ему ангелъ, будто спрашиваетъ: „чего ты, Семене, хочешь отъ Господа Бога?“—„Чтобы онъ далъ мнѣ мечъ“, отвѣтилъ Семенъ: я очистилъ бы этотъ край отъ всякой погани“. „Будетъ тебѣ по желанію твоему; Богъ дастъ тебѣ мечъ и огонь, а люди прозвутъ тебя Паліемъ“, — сказалъ ангелъ и отошелъ. Вздрогнулъ Семенъ, почувствовавши въ рукѣ что-то холодное. „Чы не гадюка?“ и схватился на ноги. А мечъ такъ и отскочилъ, „полыскуетця“. Перекрестился казакъ, поблаго-

Digitized by Google

дарилъ Бога за даръ и началъ воевать—очищать край отъ всякой „погани". Не стало слышно „лядського, жыдивського духу", только у насъ на Подольѣ — въ намъ только слухъ доходилъ; у насъ ляхи пановали, жиды обирали, ксендзы, уніяты пекли, рѣзали по старому, если еще не хуже. Но Господь умилосердился и надъ нами. Пятковка, Бершадь (Ольгопольск. у.) и многія другія села и мѣстечка принадлежали одному пану. Кто его знаетъ, гдѣ онъ самъ жилъ, а въ Бершади держалъ губернатора, который и заправлялъ всѣмъ, — помогалъ мучить народъ. А въ Пятковкѣ былъ жидъ орендарь, страшный обирало. Одинъ бѣднякъ изъ нашихъ и задолжай ему „пивъ таляра". Сумма незначительная, но бѣднякъ и того не могъ отдать; проценты же растутъ по днямъ и уже добираются до пяти злотыхъ. Жиду и на руку тяжкія обстоятельства должника; привязался: „виддай гроши" и конецъ.—„Бачъ, що нема! Ну, возьмы зъ мене шкуру".—„И шкура на тоби панська", кричитъ жидъ: „продай чортамъ свою душу, та мени гроши виддай! Невиро погана!" Что сдѣлаешь? Надо вести корову съ теленкомъ продавать—отнять у дѣтей ложку молока, только бы развязаться съ „поганью". Вотъ и ведетъ онъ корову съ теленкомъ въ Бершадь на ярмарку; а орендарь уже тутъ: „а що? гроши йе?" — „Дежъ воны взялысь, пане орендарю! Ось продамъ, то будутъ". — „Мени треба заразъ". — „А въ мене заразъ нема. Кажу, продамъ, то будутъ". — „Що то продамъ?" закричалъ жидъ: „ты будешъ продавать, а я що? Я маю чекаты на тебе?" — И, не говоря болѣе ни слова, вцѣпился за „налыгачъ". Какъ обыкновенно, собралась огромная масса жидовъ, крикъ, гамъ; тормосятъ, бьютъ хозяина. А наши разступились и смотрятъ, что вышло бы изъ этого, если бы явился Палій? Думаютъ про себя, а говорить не смѣютъ. Семенъ къ этому времени уже прославился, получилъ прозвище Палія, „що добре палывъ замкы", и навелъ такой страхъ, что паны подъ угрозой смертной казни запретили говорить о немъ. Даже если, бывало, новорожденнаго назовутъ Семеномъ, то ляхи съ жидами, съ ксендзами

Digitized by Google

да съ уніятами непремѣнно изведутъ цѣлую семью: „бунтовныкы! до Палія тягнуть". И попамъ за это доставалось. Не скоро люди догадались, но догадались таки, и долго, долго между дѣтьми не встрѣчалось ни одного Семена. — Вотъ жидъ заграбилъ корову за „пивъ—таляра".—„Хочь на силь дайте, пану орендарю!" проситъ ограбленный и избитый мужикъ, но грабитель не обратилъ вниманія, увелъ корову и ничего не далъ. Сѣлъ несчастный и плачетъ.—„Чого ты плачешъ, чоловиче?" спрашиваетъ его статный казакъ, сидя на лошади. Тотъ и разсказалъ все, какъ было. „Дурни жъ вы, дурни!" обратился казакъ къ народу: „капустяни головы! На що жъ у васъ лушни? на що штыльвагы? На що рукы вамъ Богъ давъ? А ушыма вы чы чулы що-небудь про Семена Палія?" — „Ай, ай!" подумали люди, столпившіеся возлѣ казака: „донесетъ кто-нибудь губернатору, и несчастный пострадаетъ.—„Колы не чулы, то подывится! Ось винъ передъ вамы!" продолжалъ казакъ и поднялъ шапку надъ головою. Въ то же время раздался свистъ по всей ярмаркѣ, и закраснѣли казацкіе жупаны „якъ макъ, якъ калына". Все это были „палійивци—козаки",—сверху „свита", а подъ низомъ „жупанъ и шаблюка". Тутъ-то пошла потѣха! Ни косточки не осталось „лядськой" да жидовской. Послѣ этого вся бершадщина поддалась Палію и всѣ стали казаками. И долго-долго не видать было ни ксендза, ни уніята.

А. Свидницкій, „Кіевлянинъ". 1870, № 57, (Зап. въ Бершади).

VII. Подвиги Палія.

Семенъ Палій бувъ лыцарь велыкій. Про ёго, було, дечого росказують запорожци нашымъ батькамъ, а батькы вже намъ. Десь-то, кажуть, жылы козакы и мижъ нымы бувъ молодый козакъ Семенъ. Разъ кошовый зибравъ військо и махнувъ воювать Орду и Ляхивъ, а Семенъ зостався глядить добра. Тоди ще хатъ не було дуже товсто, бильше жылы куринямы. Отъ дохозяинувався той Семенъ, покы спалывъ кошового куринь. „Що ёго робыть?" дума винъ: „прыйидуть—буде мини". Взявъ рушныцю и подався.

Digitized by Google

Довго винъ ишовъ байракамы и зайшовъ въ таки пущы, шо тико небо и выдно. Сивъ винъ и спочыва. Ось насунула хмара, ставъ крапать дощъ, потимъ гримъ, блыскавка. Дывытця винъ на скелю, колы выскакуйе лукавый. Якъ загремыть гримъ, винъ пидъ скелю; якъ затыхне, винъ вылизе и гнивыть Господа. Семенъ и дума: „що жъ теперъ робыть? або ёму смертъ, або мини". Тико шо выскочывъ винъ на скелю, Семенъ прыцилывсь и убывъ. „Ой, быйще", каже, „разъ, бый", просе лукавый.—„Буде зъ тебе и разу". Винъ знавъ, що якъ выпале вдруге, то побижыть. Зарядывъ Семенъ рушныцю и посунувся очеретамы въ пущу. Иде винъ, та й иде, а очеретъ густый та высокій и свита не выдно. Чуе винъ, трищыть очеретъ и щось суне прямо до ёго. „Що Богъ дасть", каже, та туды. Колы ось показався дидъ старый, старый та билый. „Здоровъ", каже, „сыну!"—„Здоровъ, дидусю!"—„Куды тебе Богъ несе!"—„Такъ и такъ", каже, „диду, доли шукаю: або звирюка зъйистъ, або дійду до Велыкого Лугу въ Запорожжя". И ставъ ёму Семенъ росказувать: „спалывъ", каже, „куринь и боюся гнива козацького: або кінмы забъють, або на шыбыныцю". Дидъ и каже: „теперъ за тобою погоня—сорокъ чоловикъ; тико ты не бійся: пиды до кошового, винъ простыть". Дали показуйе дидъ свою рушныцю и каже: „тутъ таке цилке, тико наведешъ, такъ и йе; давай", каже, „поминяемось". Вгори летала очеретянка. Дидъ прыцилывся, бахнувъ, вона и упала.—„Добра", каже Семенъ, „рушныця, а моя ще лучша. Я", каже, „не такого звиря убывъ". Отъ дидъ упъять и каже: „ну, колы минять не хочешъ, то дарую я тоби цю рушныцю за те, що убывъ сатану, тико шануй ёго. Будешъ ты". каже, „велыкій лыцарь и побиждатымешъ непрыятеля; будешъ ты", каже, „минятьця, якъ мисяць: мисяць зостаріетця, зостаріесся и ты, зійде молодыкъ—будешъ молодымъ и ты. Вертайся жъ, сыну, до кошового". Сказавъ це дидъ и Богъ зна, де дився, бо не простый чоловикъ винъ бувъ, а святый Апостолъ. Помолывся Семенъ и пишовъ до кошового. Прыйшовъ, та прямо

Digitized by Google

въ куринь. А кошовый тико що умывся, втыраетьця и молытву творе. Семенъ навколишкы.—„А що", каже, „еретычый сыну, прыйшовъ?"—„Не клады", каже, „тату, велыкого гнива: то я спалывъ куринь".—„Щастя жъ твойе", каже, „що не піймала погоня,—заколола бъ". Дали кошовый и каже: „за те, що спалывъ куринь—будь же ты, еретычый сыну, Палійемъ". Ставъ винъ козакувать, ставъ такый сыльный, шо нихто ёго не подужа. Було якъ воюють козакы, то де Палій, тамъ и удача. Выбралы ёго козацькимъ батькомъ, то бъ то кошовымъ. Отъ прыйихавъ Швецкій король до проклятого Мазепы и давай воны пыть. Пылы, пылы, а потимъ и поклыкалы до себе Палія. Король и каже: „погуляймо, братци, та визьмемось рубаты въ пень москаля".—„Не диждешъ!" каже Семенъ Палій. Якъ схопытьця король, якъ схопытьця проклятый Мазепа, та до Семена Палія: „берить, въяжить, слугы, сякого—такого!" Взялы Семена Палія, скувалы въ зализо рукы, ногы и замуровалы въ темныцю. Не багато жъ винъ тамъ сыдивъ, не йивше и не пывше—двадцять годъ. Черезъ двадцять годъ пишовъ Шведъ войною на царя Петра, пишовъ зъ нымъ и проклятый Мазепа Сталы пидъ Полтавою. У цара сыла війська, а у Шведа и проклятого Мазепы ще бильша. Ставъ шведъ побывать Москаля, а Петро и каже: „дай мини, Шведе, хоть трохы отдыху". Той давъ, Петро пишовъ у свій станъ и пыта: „чы нема, братци, мижъ вамы богатыра або характерныка?" Вызвався хлопець 16-ти литъ и каже: „я бъ помигъ, та ще лита не выйшлы; а йесть", каже, „замурованый въ темныци Семенъ Палій, той побидыть Шведа". Пославъ царъ за Палійемъ. Одмуровалы ёго, глянулы, ажъ у ёго борода и коса по колина, вусы по поясъ. Сорочка, штаны на ёму опалы —страшно и глянуть. Надилы одежу, пидвелы коня. Що стане Семенъ Палій сидать,—кинь такъ и вгрузне по колина. Скилько не пидводылы,—ни одынъ кинь не здержавъ. Тоди прывелы царського коня. Винъ сивъ и пойихавъ. Прыйижжае до цара. Царъ посадывъ ёго за дубовый стилъ, угощайе и правды пытайе: „що", каже, „Семене

Digitized by Google

Палію, чы звоюйемо Шведа?“ „Звоюйемо“, каже, „тико дай тры дни хлиба святого пойисты та спочыть“. У шведа була баба хымородныця. Отъ глянула вона на Петрове військо и каже: „ой щось за напасть велыка буде на насъ! Велы“, каже, „королю, кувать коней назадъ гакамы, та нумо утикать“. Покы Шведъ покувавъ коней—ось уже и Семенъ Палій спочывъ. Надивъ винъ дорогу одежу, сивъ на коня и сунувъ зъ військомъ на Шведа. Чы довго винъ тамъ бывся, чы ни,—выбигъ на могылу и пыта царя: „бачышъ шведа?“— „Бачу“, каже: „подався черезъ гору“. Выбигъ тоди Палій на кряжъ и пыта упъять: „а теперъ бачышъ?“—„Бачу“, каже: „одынъ другого черкайе шаблямы“.—„А короля бачышъ?“—„Побигъ“, каже, „король степомъ, а за нымъ проклятый Мазепа, ажъ курява знялась“. Якъ звоювавъ Палій Шведа, Петро и каже: „ну, Семене Палію, теперъ я дамъ тоби грошей, стико схочешъ, дамъ я тоби и панськи областы“ —„Ни“, каже Палій: „не треба мини ни грошей, ни панськихъ областивъ: дай мини мылу Украину, за котору я двадцять литъ страждавъ,—бильше у тебе не прошу ничого“. Давъ Петро Палійеви Украину и ставъ винъ выжывать ворогивъ. Якъ вывивъ всихъ, тоди и самъ Богъ знаде дився. Винъ, кажуть, и теперъ десь живый и, якъ Господь ёму веливъ, миняитьця, якъ мисяць: старійе и молодійе.

Я. Новицкій, Екатеринославскія Губ. Вѣд., 1888, № 10.

VIII. Мазепа и Палій.

— „Якъ ваявавъ Мазепа зъ Паліямъ, дакъ я ще дієвчынкаю була, и тади черезъ нашъ горадъ велыка сыла маскалюовъ ишла. А мы, дитвара, пазлазылы на тынъ, та й дывымось. А ваны йдуть тай идуть! Ще тади сестра мая меньча, Глашка, упала зъ тыну на шклянку да чыста ногы сабіе паріезала“...—„А самого Мазепу ты, бабо, бачыла?“— „Та й Мазепа жъ, кажу, зъ йимы бувъ: на біеламу такому коню йехавъ, тульки запоуныла (забыла), якій вуонъ бувъ“.

— „А може ты й Палія бачыла?“—„Може й бачыла—за-

Digitized by Google

була вже: давно це діела було! Мазепа, значыть, воювавъ, воювавъ, а дали царъ йиго й розбывъ. Вуонъ и втюокъ та уже, значыть. бачыть, що пропало йиго діела,—узявъ да самъ сабіе смерть и заподіеявъ.—Колысь маскалюовъ не було, а все козакы: отъ—вайна, заразъ казакы и збираютца. А такъ—дакъ вуойська не було [1]).

Городня, Черн. губ. отъ 70-лѣтней старухи (Зап. въ 80-ыхъ годахъ г. Евг. Дорошевскимъ).

IX. Палій и Мазепа подъ Полтавой.

Якъ пидступавъ шведъ пидъ Полтаву, то Царъ и ставъ думать та совитуваться зъ началныками: якъ бы ёго побидыть? А одынъ ото и каже: „знайете, Ваше Велычество, я Вамъ найду одного чоловика, що непреминно побидыть ёго. Мазепа й духу ёго боиться; Вы ёго по Мазепынымъ навитамъ та прозьбамъ на Сибиръ заслалы!“ — „А хто жъ се?“ — „Палій Семенъ!“—„Якъ же бъ же ёго сюды прыставыть до бытвы?“—„А хочете, я ёго прывезу до бытвы“.— „Добре! Велыку за се награду получышъ“. — Та й давъ ёму бумагу, а той помчався по Палія... Палій пидставъ якъ разъ на бытву. Явывся до царя такый старый та обросшый, борода по поясъ, а измученый у каторзи—Боже!.. Царъ зъ нымъ поздоровкавсь та й ставъ просыты прощеньня. Каже: „Просты мене, Палію! Я тебе обидывъ, не знавшы твойейи вирности“.—„Богъ тебе, Цару, простыть, а я прощаю“—каже Палій. Та поговорывшы зъ царемъ и пишовъ до козакивъ. А козакы ёго якъ побачылы,—Боже, якъ зрадилы, а винъ йихъ давай цилувать... Дали и каже: „А де, хлопци, моя чугунна *Стеха* (се ёго любыма пушка була), та, що я зъ нею підъ турка у Азовъ ходывъ (фактъ, не подтверждаемый исторіей), та вбывъ зъ нейи башу?“ А хлопци заразъ и кынулысь йийи шукать та такы й знайшлы. Боже! якъ кынувся винъ йийи цилувать, то такъ слёзы й полылысь зъ очей. Поплакавшы надъ пушкою, взявъ про-

[1]) Появленіе подобнаго рода разсказовъ, кажется, можно объяснить смѣшеніемъ въ ослабѣвшей памяти видѣннаго со слышаннымъ.

Digitized by Google

зорну трубу та й дывыться на монастырську дзвиницю. Роздывывшись и каже: „ишъ, вражи сыны! обидають!“— „Хто, батьку, обида?“ пытають козакы.—„Мазепа зъ Карломъ и пушку сюды выставылы. Ось дайте, лышень, хлопци, я свою Стеху заряжу“. Та якъ зарядывъ, якъ выпалывъ, то такъ отютянта, що кушаньня подававъ, на двойе й перервало. Мазепа, якъ побачывъ се, якъ схватыться, якъ сплесне рукамы: „отъ теперъ“, каже Карлови, „ваше величество, пропалы мы!“—„Що? Якъ?“—„Палій прыйихавъ: я ёго пушку почувъ“.—„Не боюся твого Палія“, каже Карлъ (винъ такы хвабрый бувъ).—„Онъ-же жъ, якъ хочте, а пропалы“—каже зновъ Мазепа Карлови. На другий день Палій якъ узявъ изъ свойейи Стехы палыты, то що наведе на якій шведській рядъ, то воны якъ полова и сыплються.

Полит. пісні укр. нар., ч. I, вып. II, 37—48. (Зап. въ Полтавѣ).

X. Палій и Мазепа.

Семенъ Палій бувъ лыцарь и зъ Мазепою бывся. Такій то бувъ вирный у цара Мазепа, упросывъ у Цара, щобъ стратыть Семена Палія за те, що лыцарь, а лыцаривъ нетреба. Выславъ Мазепа Семена Палія зъ старымы салдатамы, а Царъ веливъ салдатамъ ёго не тратыть, а замуруваты у стовпъ. Воны ёго замурувалы у стовпъ. Мазепа веливъ, щобъ ёму серце Палійево прынеслы. Воны жъ собаку стратылы и сказалы: „оце серце Семена Палія!“ Черезъ скилька годъ началась війна проты Цара, отъ Мазепа передався до чужоземця, щобъ звоёвать сёго Цара. У Цара було війська мало. Зробылы разъ війну, зробылы другу, а на трейтій уже нема чимъ воюваты. Отъ винъ одпросывся на згоду и тоди каже старымъ салдатамъ: „обыскать, чы нема де лыцаря?“ Воны кажуть: „йесть такій лыцарь, тилькы не знайемъ, чы жывый?“ Отъ воны довидалысь до стовпа, а Семенъ Палій жывый; отъ воны й кажуть: „йесть такій— Семенъ Палій“. Тоди царъ сказавъ: „идить, возьмить ёго, тилькы не везить ёго ни возомъ, ни верхы, а зробить межъ пару коней колыску, щобъ не струсывся“. Прывезлы Се-

Digitized by Google

мена Палія. Царъ ёго у баню и обанывъ, и веливъ ёму спочыты.

А винъ не спочывайе,
Тилькы ходыть по табору,
Коня выберайе.

Отъ скилькы тамъ не було у Цара коней, винъ выбравъ того, що воду возыть. Царъ розсердывся, що выбравъ такого коня поганого. А винъ каже: „оцей тилькы кинь мене вывозыть". Скоро посидалы на коней, Палій пустывъ стрилку, та стрилка попала у лусту мьяса, де Мазепа зъ чужеземнымъ королемъ на радощахъ бенкетувавъ, балювавъ. Якъ побачылы воны стрилку, то й кажуть: „годи воювать, бо вже йе Семенъ Палій!" Та й до утёку тоди. А Семенъ Палій зъ царемъ идуть. Отъ Царъ и каже: „покажы мени, Семенъ Палій, свою лыцерію!" Семенъ Палій каже: йидьте, Ваше Императорське Велычество, по—за могылою", а самъ пойихавъ зъ другои стороны. Якъ показався, що царъ каже: „ой батюшка, Семенъ Палій, помылуй!"—„Не бійтесь, Ваше Императорське Велычество!" Пойихалы тоди до війська, одибралы знамена—и годи воёвать! Царство зновъ царствомъ тоди.

Чубинскій, Нѣсколько народ. ист. пред.,—Кіевъ, 1873, стр. 8—9.

XI. Легенда о домѣ Мазепы въ Черниговѣ.

У Мазепыномъ доми, кажуть, велыкій кладъ и тамъ заклята барышня йикась (або: царивна, дочка Мазепы): матка, кажуть, заклята, що не слухалась. Разъ дакъ стоявъ, значытъ, салдатъ на часахъ. А вана й выходыть и просыть у ёго хреста. Вуонъ не давъ. Колы жъ на другу ночъ зновъ вана выходыть, а вуонъ зновъ таки не давъ: чы пожаліевъ, чы, може, побаявся тамъ... А за трейтимъ разомъ пашовъ до командыра да й росказавъ: такъ и такъ, каже.

— „Дурный же ты! було бъ, колы свого хреста жалко, хочъ зъ скіепачакъ (щепокъ) зробытъ да дать юой: тадибъ увесь кладъ бы доставсь". И скульки вуонъ не стаявъ вже на часахъ, то вже буольшъ не бачывъ.

Черниговъ. Запис. г. Евг. Дорошевскимъ.

Digitized by Google

XII. Легенды о дочери Кочубея, домѣ Мазепы и т. д.

Въ числѣ легендъ дома Мазепы (въ Черниговѣ) существуетъ одна, чисто народная, изображающая страданія бѣдной Маріи (Кочубей, какъ нужно догадываться). Бросивши отцовскій домъ, она ушла къ гетману, за что была проклята родною матерью, а душа ея по смерти осуждена на вѣчное скитаніе. Другое преданіе — что душа (проклятая) Маріи осуждена стеречь клады, спрятанные Мазепою въ подвалахъ своей канцеляріи, — клады (скарбы), взятые имъ у полковника Кочубея (нужно догадываться). И вотъ душа Маріи, осужденная стеречь эти клады, каждый годъ въ ночь подъ „Пречысте" блуждаетъ по землѣ въ образѣ женщины и проситъ встрѣчнаго, чтобъ осѣнили ее святымъ крестнымъ знаменьемъ; и тогда только снимется съ нея проклятіе матери. Вотъ содержаніе легенды:

(Разсказъ позднѣйшій).

У Пречысте саме въ пивночъ,
Якъ ще пивень не спивайе,
Вкругъ будынку (гетманського)
Якась постать похожайе...
Вся въ золоти, довги косы,
Мовъ гадюкы зъ плечъ спадають,
Биле чоло—все убрано
Клейнодамы, що й такъ сяють.
Ти клейноды такъ и зорять,
Вылыскують въ ночи темний...
(Люди кажуть, що то скарбы,
Ти, що Гетманъ позаховавъ)...
Ходыть постать, кого стрине,
Просыть вняты йийи мукамъ
И хрестомъ святымъ преславнымъ
Охрестыты... (знять покуту).

(Преданіе).

Кажуть: здавна, якъ той гетьманъ,
Що згубывъ Украйны славу,
Якъ зъ своимы козакамы

Digitized by Google

Утикавъ винъ у Молдаву,—
Зъ тий поры и постать (видьмо)
Въ лёхахъ темныхъ все блукайе,
А на пивночъ у Пречысте
Вкругъ будынку похожайе...

(Другой варіантъ).

(Кажуть люде, що той гетьманъ,
Утикаючы въ Молдаву,
Кынувъ бидную Марію (?)
На недобрую славу)...
Стерегты вона ти скарбы
За покуту тяжку мусыть...
Тилькы разъ въ кожне Пречысте
Знять хрестомъ покуту просыть...
Бо якъ хто хрестомъ преславнымъ
Благословыть кляту душу,
То ти скарбы и клейноды
Геть розсыпатысь мушуть...

Существуетъ еще разсказъ, слышанный мною отъ крестьянина с. Козерогъ. Указывается мѣсто между сс. Слабинымъ и Козерогами — на поляхъ открыты плугомъ остатки каменнаго зданія, чуть виднаго изъ земли, безъ выходовъ и отверстій, сложеннаго изъ дикаго камня, связаннаго цементомъ. Здѣсь тоже видѣли по ночамъ (по разсказамъ стариковъ) женскую „постать" всю въ золотѣ, „такъ и сяйе, горыть" по мѣстному выраженію. Но тутъ остается непонятнымъ: сходство двухъ разсказовъ очевидное, и заключительныя строки однѣ и тѣ же:

А якъ трейтій (пивень) заспивайе:
Зъ тяжкимъ стогномъ „хреста!"
Въ лёхахъ темныхъ пропадайе... [1])

Іосифъ Ж—ій, „Къ исторіи края," Черниг. Губ. Вѣд., 1888, № 11, часть неоф.

---

[1]) Жаль, что г. Ж-ій облекъ эти преданія въ болѣе, чѣмъ странную форму. Слагаемъ на его отвѣтственность всѣ несообразности текста.

Digitized by Google

XIII. За что проклинаютъ Мазепу?

То царъ Петро да загадавъ, значыть, Мазепи зъйести сіемъ галушокъ, па сіемъ пудуовъ кажная. Отъ вуонъ йевъ, йевъ—шесть зъйевъ, сёмаю й подавыуся. Дакъ царъ и сказавъ ёго проклынать. А Мазепа здаровый таки бувъ чалавіекъ, черезъ то жъ яму царъ и загадавъ галушкы тые йести [1]). Добрянка, Черниг. губ., Город. у. (Зап. г. Евг. Дорошевскимъ).

XIV. Черногорская пѣсня о Петрѣ Велик. и Мазепѣ.

Кадъ (*когда*) Руссія съ Туркомъ заратила (*начала войну*),
Петаръ Первый, Императоръ Русскій,
Оправио посланника свога
Михаила Милорадовича
Одъ старине изъ Херцеговине,
Да понесе Црной горы книге (*письмо*)
Петровичу Даниилу Владицы
И главаромъ (*начальникамъ*) одъ Горице ц'рне;
У книзи ихъ мило поздравише
И овака ньима (*такъ имъ*) говораше:
„Ево има доба неколико (*настало время*),
Да воюемъ и да боя біемъ
Съ еретикомъ кралѣмъ одъ Швеціе
За обрану (*въ защиту*) краля Полячкога,
Кога бранихъ (*котораго я защищилъ*) одъ краля Швецкога,
Ал' (*но*) онъ мене учини невѣру (*вѣроломство*)
И приступи душманину своме (*къ врагу своему*),
Душманину и своме, и моме;
Но я іоште (*еще*) имамъ изайника (*измѣнника*)—
Проклетога Мазепу Ивана,
Воеводу одъ Руссіе Мале,
Као (*какъ*) Србы Бранковича Вука!
Ни то меня досадило ніе,
Ни ратнике мое утрудило —
Съ Богомъ Шведе есмо рашчерали (*разсѣяли*),
Подъ Полтавомъ страшно побѣдили,
А Мазепа жива уфатили,
А Полячког' повратили краля“ и т. д.

(Чубръ Чайковичъ, Пѣванія черногорска и херцеговачка, Ч. I. Будимъ. 1833, стр. 46—47 и Лейпцигъ, 1837, стр. 4).

---

[1]) Подобная легенда могла возникнуть изъ непонятаго фигуральнаго смысла малорусской пословицы: „Мазепа пидъ Полтавою галушкою подавывся.“

Digitized by Google

Оскаръ Кольбергъ.

(по поводу 50-лѣтія его дѣятельности).

Нынѣшней весною, 31-го мая, этнографическая наука за границей справляла въ честь одного изъ своихъ старѣйшихъ дѣятелей замѣчательный праздникъ, какой рѣдко приходится на долю тѣхъ, кто посвящаетъ себя исключительно этой наукѣ. Вслѣдствіе вялости и нерегулярности нашихъ сношеній съ заграничными учеными обществами и учрежденіями, особенно славянскими, очень не мудрено проглядѣть не одно такое событіе въ мірѣ науки и потомъ пожалѣть заднимъ числомъ. Такъ, къ сожалѣнію, случилось и на этотъ разъ, хотя празднество было такого рода, что нашимъ этнографамъ слѣдовало принять въ немъ живое участіе.

Празднество происходило въ Краковѣ, а виновникомъ его былъ преклонный старецъ 75 ти лѣтъ, выдающійся этнографъ Оскаръ Кольбергъ. Справлялся 50 лѣтній юбилей его въ высшей степени плодотворной дѣятельности въ области изученія польско-русскаго племени.

Многіе изъ русскихъ читателей, вѣроятно, впервые встрѣтятъ здѣсь имя Кольберга, и это насъ нисколько не удивитъ, разъ мы знаемъ, что онъ писалъ не на нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ, а на одномъ изъ славянскихъ языковъ—польскомъ. Въ силу какого-то рока, который до сихъ поръ тяготѣетъ надъ польско-русскими отношеніями вообще, этотъ языкъ остается для русскихъ неизвѣстнымъ, лишь за рѣдкими исключеніями, и все то громадное количество ученыхъ академическихъ и частныхъ изданій, трудовъ, изслѣдованій и статей, которое печатается на немъ, въ особенности въ послѣднее время, не только за границей, но и въ предѣлахъ Россіи,—отдѣлено отъ русскаго ученаго міра какою-то китайскою стѣною. Вотъ почему мало извѣстны у насъ и цѣнные труды Кольберга.

Оцѣнить эти труды можетъ лишь тотъ, кто съ ними бли-

Digitized by Google

O. Kolbenz

Digitized by Google

Digitized by Google

же познакомится, кто вчитается въ нихъ. И не мало же придется ему употребить времени на ознакомленіе съ ними: ихъ всего 28 томовъ, каждый страницъ въ 300 и болѣе—солидный памятникъ 50-лѣтняго труда!

Примѣръ Кольберга настолько поучителенъ, что не лишне будетъ ближе коснуться его жизни и дѣятельности, тѣмъ болѣе, что его изслѣдованія охватываютъ собою не однѣ только заграничныя области, но также и наши привислянскія губерніи, которыя намъ такъ мало еще знакомы съ бытовой, этнографической стороны. Кромѣ того, тутъ же впередъ замѣтимъ, что Кольбергъ изучалъ и изучаетъ не однихъ только поляковъ, но и русскихъ, галицкихъ, подольскихъ и волынскихъ малороссовъ, которымъ посвящаетъ цѣлые отдѣльные томы. Думаемъ, что хоть при этихъ условіяхъ онъ имѣетъ право на наше вниманіе и на полное уваженіе къ его многолѣтнему труду.

Біографы Кольберга, не смотря на его нѣмецкую фамилію, стараются произвести его родословную отъ славянскаго корня, отъ онѣмеченныхъ лехитовъ Kołobrzeg'овъ изъ древней Оботритской земли, лежавшей въ нынѣшнемъ княжествѣ Мекленбургскомъ. Какъ бы то ни было, отецъ его Юлій Кольбергъ былъ чистѣйшій нѣмецъ, а мать—француженка, эмигрировавшая во время великой французской революціи, такъ что въ самомъ Оскарѣ Кольбергѣ трудно доискаться славянской крови. Одна развѣ только его горячая любовь съ какою онъ принялся за изученіе славянской народности, можетъ служить доказательствомъ того, что даже въ потомкѣ нѣсколькихъ онѣмеченныхъ поколѣній осталось скрытое чувство племенного родства со славянами.

Такому направленію его дѣятельности способствовали впрочемъ и внѣшнія условія. Семья поселилась въ центрѣ нынѣшней Польши—Варшавѣ, еще при господствѣ тамъ прусаковъ, и осталась тамъ, не смотря на политическія перемѣны, когда было образовано княжество Варшавское. Отецъ служилъ сначала инженеромъ-топографомъ, потомъ казеннымъ землемѣромъ въ м. Присухѣ Опочненскаго уѣзда, Радомск. г.

Digitized by Google

(гдѣ и родился Оскаръ Кольбергъ), а также инспекторомъ фабрикъ; въ 1819 г. былъ приглашенъ въ Варшавскій университетъ на каѳедру геодезіи, межевыхъ наукъ и топографіи. Основавшись такимъ образомъ на долгое время въ Польшѣ, семья Кольберговъ [1]) стала жить польской жизнью, и польскій языкъ еще задолго до рожденія Оскара Кольберга былъ у нихъ разговорнымъ языкомъ въ семьѣ.

О. Кольбергъ родился въ 1814 г. ($^{10}/_{22}$ февр.); 10-ти лѣтъ поступилъ въ Варшавскій лицей, въ которомъ обучался, пока не наступилъ мятежъ 1830 г. По выходѣ изъ лицея ему случилось найти себѣ частное занятіе въ банкирской конторѣ; онъ долженъ былъ проститься съ систематическимъ университетскимъ воспитаніемъ и, можетъ быть, затерялся бы въ самой обыкновенной дѣловой средѣ, если-бъ не спасла его та искра чистаго искусства, которая въ немъ тлѣла и которую во время замѣтили окружающіе, въ томъ числѣ знаменитый Шопенъ и извѣстный писатель К. Бродзинскій. Кольбергъ былъ страстный любитель музыки и обладалъ значительными музыкальными способностями, которымъ отецъ и не далъ, къ счастью, заглохнуть. Онъ далъ сыну хорошихъ учителей, и при своихъ конторскихъ занятіяхъ молодой Кольбергъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенствовался въ музыкѣ, пока не дошелъ до того, что сталъ серьезно мечтать о композиторствѣ.

Съ этой пріятной мечтой онъ отправился въ 1834 г. въ Берлинъ для усовершенствованія въ контрапунктѣ и гармонизаціи. Вернувшись оттуда въ 1836 г., онъ какъ разъ очутился въ неожиданно прорвавшемся новомъ потокѣ въ литературѣ и наукѣ, который открылъ ему новый міръ въ той области, которую онъ изучалъ,—міръ народной безъискусственной поэзіи и музыки: какая благодарная почва для композитора, какое обиліе матеріала для созданія чего-ни-

[1]) Изъ 4-хъ сыновей Ю Кольберга, кромѣ Оскара, извѣстенъ еще старшій Вильгельмъ, который пошелъ по той же спеціальности, что и отецъ, и третій сынъ Антонъ, пользовавшійся въ свое время извѣстностью, какъ живописецъ картинъ духовнаго содержанія и подражатель Тиціана.

Digitized by Google

будь новаго, оригинальнаго, самостоятельнаго! Появился цѣлый рядъ этнографическихъ сборниковъ въ Варшавѣ, во Львовѣ и другихъ мѣстахъ; выдвинулись имена Вацлава зъ Олеска, К. Войцицкаго, Жеготы Паули, Липинскаго, Конопки, и къ этимъ-то извѣстнымъ въ славянской этнографіи именамъ присоединилось и имя Кольберга, вскорѣ затмившее ихъ собою.

Какъ музыкантъ въ душѣ и на практикѣ (жилъ уроками музыки въ теченіе 9 лѣтъ по возвращеніи изъ Берлина), онъ первое время интересовался народною жизнью преимущественно съ точки зрѣнія своей спеціальности. Познакомившись со сборниками народнаго творчества вышепоименованныхъ собирателей, онъ увидѣлъ, что при всемъ громадномъ интересѣ, какой они способны были возбудить своею новизною, они все-таки не въ состояніи удовлетворить его запросамъ, такъ какъ тексты пѣсенъ безъ ихъ напѣвовъ остаются для музыканта мертвою буквою и вообще теряютъ половину своего значенія. Въ виду этого Кольбергъ задался мыслью представить народную пѣсню во всей ея полнотѣ, такъ сказать вживѣ, сопровождая каждый текстъ напѣвомъ, и съ 1839 г., а отчасти и еще раньше началъ онъ самъ непосредственно собирать, сначала въ окрестности Варшавы, а потомъ и въ другихъ мѣстностяхъ, образцы народной музыки, не только пѣсенъ, но и танцевъ, игръ и т. п. Часть собраннаго матеріала была имъ опубликована въ 1842 году въ видѣ сборника народныхъ пѣсенъ (Pieśni ludu Polskiego) для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепіано, въ количествѣ 101 номеровъ. [1]) Цѣль этого изданія была та, чтобы ввести понемногу народную пѣсню въ общество, въ салонъ, на подмостки концертной залы; но это еще не былъ въ строгомъ смыслѣ научный трудъ, какой составлялъ конечную цѣль помысловъ Кольберга. Занятія частными уроками,

[1]) Мы не знакомы съ этимъ сборникомъ. Библіографъ К. Эстрейхеръ, кромѣ познанскаго изданія 1842 г., посвященнаго залѣсскому (Вацл. зъ Олеска), К. Войцицкому, Паули и Конопкѣ, указываетъ еще варшавское изданіе (литогр. Дзвонковскаго) въ двухъ выпускахъ, безъ года.

Digitized by Google

а потомъ канцелярская и бухгалтерская служба при желѣзнодорожныхъ и другихъ конторахъ не представляли, правда, особенно выгодныхъ условій къ исполненію предположенной цѣли, въ особенности при такой широтѣ и трудной исполнимости плана, какой онъ себѣ намѣтилъ. Онъ имѣлъ въ виду сначала копить пѣсенный матеріалъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ болѣе или менѣе исчерпанъ и только тогда приняться за его группировку, положивъ въ основаніе ея содержаніе или лучше сказать главныя темы пѣсенъ. Такимъ образомъ каждая пѣсня должна была быть представлена въ огромномъ количествѣ варіантовъ, собранныхъ со всевозможныхъ концовъ Польши русской и заграничной. Очевидно, что такой сборникъ никогда не увидѣлъ бы свѣта, или же сопровождался бы безконечнымъ рядомъ прибавленій, потому что каждый новый годъ, каждая новая волость и даже деревня создаютъ все новые по тексту и по напѣву варіанты однихъ и тѣхъ же пѣсенъ. Если и возможно было бы достигнуть въ этомъ дѣлѣ извѣстной полноты, то только при участіи многихъ и многихъ рукъ. Другое важное препятствіе въ исполненіи этого плана должно было встрѣтиться въ томъ, что отдѣльные поэтическіе мотивы и цѣлые эпизоды встрѣчаются очень часто въ народныхъ пѣсняхъ различныхъ по содержанію; масса наконецъ есть пѣсенъ составныхъ, такъ что группировка ихъ по основному содержанію весьма затруднительна. Всѣ эти неудобства Кольбергу поневолѣ пришлось сознать на практикѣ, когда онъ приступилъ къ изданію 1-го выпуска своего научнаго сборника, хотя для него онъ еще выбралъ болѣе благодарный въ этомъ отношеніи отдѣлъ думъ и легендъ, которыя имѣютъ сравнительно меньше варіацій на одну и ту-же тему. Этотъ выпускъ вышелъ въ 1857 г. въ Варшавѣ большимъ томомъ въ осьмушку около 450 стр., подъ заглавіемъ: „Pieśni ludu Polskiego. Serya I“; онъ заключаетъ въ себѣ 41 пѣсню съ варіантами, число коихъ для иныхъ пѣсенъ доходитъ до 50, а также около 500 номеровъ народной музыки безъ словъ, т. е. танцевъ. Приложенный въ концѣ книги алфавитный

Digitized by Google

указатель мѣстностей, въ которыхъ собранъ этотъ огромный матеріалъ, заключаетъ въ себѣ болѣе 450 названій. Это былъ первый осязательный плодъ 18-лѣтней работы, появившійся въ свѣтъ только на 43 году жизни неутомимаго изслѣдователя.

Очевидно, что такъ дѣло продолжаться не могло. Нужно было прибѣгнуть къ другой системѣ, которая указывалась самымъ ходомъ дѣла, самой практикой собиранія пѣсенъ. Народная пѣсня есть неотъемлемая часть духовной жизни народа, составное звено этой жизни, и какъ съ одной стороны нельзя основательно изучить пѣсню, не познакомившись съ создавшимъ ее народомъ и его жизнью, такъ съ другой стороны нельзя вырывать эту пѣсню изъ той среды въ которой она родилась и съ которой срослась, будетъ ли то обычай, обрядъ, игра или какая-нибудь другая сторона народной жизни. Такъ и Кольбергъ, задавшись сначала цѣлью изучать исключительно народную музыку въ ея живыхъ образцахъ, необходимо долженъ былъ всесторонне знакомиться съ бытомъ народа, и такимъ образомъ изъ спеціалиста музыканта онъ незамѣтно сдѣлался этнографомъ въ полномъ смыслѣ слова. Впрочемъ уже и въ первомъ выпускѣ его пѣсенъ можно замѣтить склонность къ расширенію своихъ изслѣдованій и интересъ къ другимъ вопросамъ помимо музыки: къ книжкѣ приложено 10 раскрашенныхъ таблицъ съ рисунками народныхъ типовъ въ оригинальныхъ костюмахъ. Разнообразный этнографическій матеріалъ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ новымъ знакомствомъ во время его многочисленнныхъ поѣздокъ все накоплялся, и тогда-то для его группировки потребовалось установить другія основанія, значительно расширивъ рамки изданія. Принята была система монографическая: матеріалы стали распредѣляться по мѣстностямъ, такъ что одинъ цѣлый выпускъ или же нѣсколько ихъ посвящалось одной извѣстной области. При томъ самая программа изданія охватывала уже всѣ стороны народнаго быта. Сообразно съ этимъ и заглавіе для дальнѣйшихъ выпусковъ было установлено такое: „*Lud, jego*

Digitized by Google

zwyczaje, *sposób życia*, *mowa*, *podania*, *przysłowia*, *obrzędy*, *gusła*, *zabawy*, *piesni*, *muzyka i tance*". Но кромѣ тѣхъ рубрикъ, которыя здѣсь указаны, въ монографіяхъ отдѣльныхъ областей дается мѣсто предварительнымъ физическимъ, топографическимъ и отчасти историческимъ очеркамъ страны, а въ концѣ приводятся соотвѣтственныя выписки изъ разныхъ старыхъ изданій и научныя примѣчанія; наконецъ, помимо всего этого почти каждая книжка иллюстрируется рисунками народныхъ типовъ, строеній, орудій и другихъ принадлежностей быта.

По такой-то программѣ описаны Кольбергомъ слѣдующія области, названія которыхъ не всегда соотвѣтствуютъ современному административному дѣленію: 1) Сандомирская область—1 томъ (Варш. 1865), 2) Куявская—2 тома (Варш. 1867), 3) Краковская—4 т. (Краковъ, 1871—75), 4) Познанская—7 т. (К. 1875—82), 5) Люблинская—2 т. (К. 1883—84), 6) Кѣлецкая—2 т. (К. 1885—86), 7) Радомская—2 т. (К. 1887—88), 8) Мазовія—4 т. (К. 1885—88), 9) Покутье галицкое—3 т. (К. 1882,—83,—85) [1]). Не говоря уже о богатствѣ другого матеріала, заключающагося въ этомъ обширномъ рядѣ монографій, однихъ мелодій музыкальныхъ насчитываютъ въ нихъ болѣе 8 тысячъ. И это еще не все: лица, имѣвшія случай ближе познакомиться съ матеріалами Кольберга, свидѣтельствуютъ, что въ его завѣтныхъ 40 папкахъ остается еще такой запасъ, что если только судьба продлитъ жизнь этому почтенному старцу, то число томовъ можетъ дойти до пятидесяти.

При такой подавляющей массѣ матеріала прежде всего задаешь себѣ вопросъ: на какія-же средствва и какимъ способомъ все это было собрано и издается? Отвѣтъ получается изумительный: все это результатъ главнымъ образомъ личнаго самопожертвованія Кольберга какъ въ дѣлѣ собиранія, такъ и въ дѣлѣ изданія.

---

[1]) Послѣднія двѣ серіи не носятъ приведеннаго выше подробнаго заглавія, и названы просто: Mazowsze, Pokucie.

Digitized by Google

На сбереженные гроши, урывая отъ служебныхъ обязанностей время, предпринималъ онъ систематическія поѣздки въ разныя мѣстности, заселенныя польскимъ и малорусскимъ племенемъ. Такъ, оставаясь жить до 1871 г. въ Варшавѣ, онъ посѣтилъ въ своихъ экскурсіяхъ въ 1837 г.—Литву, въ 1839 г.—окрестности Варшавы (особ. Виляново); въ 1842, —43,—57 и 61—окрестности Кракова, Бескиды, Подгаль, Силезію; въ 1844,—45,—47—страну курпей (по р. Нареву); въ 1848,—49 и 59—Люблинскую губ., въ 1853—Петроковскую. въ 1854—Сандомірскую область, въ 1855,—56—Радомскую, Кѣлецкую, Плоцкую губ., въ 1858—Августовскую (Сувалкскую), въ 1860—Куявскую землю. Кромѣ того онъ путешествовалъ въ Хорватіи, Венгріи, былъ въ Тріестѣ.

Съ 1861 г., оставивъ казенную службу, онъ могъ свободнѣе предаться своимъ любимымъ занятіямъ. Тутъ между прочимъ онъ попробовалъ опять вернуться къ исполненію и своей первоначальной завѣтной мысли—заняться искусственной композиціей серьезныхъ музыкальныхъ вещей въ народномъ духѣ, воплотить по примѣру Монюшки народные мотивы въ такихъ образахъ, которые бы навсегда запечатлѣвались въ душѣ и которыхъ бы не гнушалось даже фешенебельное общество, иногда съ презрѣніемъ относящееся къ непосредственному грубому народному творчеству. Идеаломъ въ этомъ смыслѣ должна была быть народная опера. Въ видѣ отрывочныхъ предварительныхъ этюдовъ къ такого рода произведенію Кольбергъ еще раньше компонировалъ мелкія вещицы: танцы, аріи и т. п, а потомъ написалъ даже оперу „Король пастуховъ", представленную семь разъ въ Варшавѣ (1857). Послѣ 1861 г., не стѣсняемый обязательной службой, онъ опять вернулся, какъ мы сказали, къ мысли о народной національной оперѣ и написалъ на народные мотивы оперетку „Янекъ изъ-подъ Ойцова", (либретто Грегоровича) а также началъ оперу „Wiesław" (на текстъ Прушаковой). Помимо этого онъ находилъ время для чисто литературныхъ занятій: помѣщалъ общедоступныя этнографическія статьи въ періодическихъ изданіяхъ, писалъ

Digitized by Google

спеціальныя статейки для энциклопедій, рецензіи на новыя книги по этнографіи и т. д.

Но эта дѣятельность не настолько все-таки поглощала Кольберга, чтобы заставить его забыть этнографію въ болѣе широкомъ смыслѣ. Участіе въ періодическихъ изданіяхъ вызывалось скорѣе необходимостью, являлось средствомъ заработка; музыкальныя занятія составляли для него отдыхъ и развлеченіе среди кропотливой работы надъ собственными этнографическими матеріалами. Онъ разбирался въ нихъ постепенно, приводилъ въ порядокъ, готовилъ къ печати и безпрестанно пополнялъ свои собранія въ цѣломъ рядѣ предпринимаемыхъ имъ новыхъ экскурсій, именно: въ восточную Галицію и Венгрію въ 1861 г., на Волынь въ 1862, въ Калишскую и Плоцкую губ. и опять въ Галицію, Краковъ, Карпаты въ 1863—65, въ Познань въ 1866—68, въ Холмскую Русь и еще разъ въ Сувалкскую губ. въ 1869 и 70 гг.

Слѣдуетъ отмѣтить 1871 годъ въ біографіи Кольберга, во-первыхъ потому, что съ этого года на него обратили болѣе серьезное вниманіе краковскія ученыя общества, во-вторыхъ потому, что тогда-же онъ простился съ Варшавой и переѣхалъ за-границу, гдѣ жилъ сначала по близости Кракова въ Модльницѣ (у пріятеля Конопки, занимавшагося этнографіей краковянъ), а потомъ съ 1884 поселился навсегда въ самомъ Краковѣ, откуда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершилъ еще третью серію экскурсій уже при поддержкѣ краковской Академіи. Такъ въ 1875 г. онъ отправлялся въ Познань и въ Пруссію, чтобы спасти тамъ то, что еще не успѣло онѣмечиться и исчезнуть; въ 1876,—77 и—80 гг. еще побывалъ на Покутьѣ и Галицкомъ Подолѣ; наконецъ въ 1883—5 гг. три раза посѣщалъ на собственныя средства Саноцкій округъ.

Въ каждой посѣщаемой имъ мѣстности, пользуясь гостепріимствомъ и содѣйствіемъ мѣстныхъ обывателей, онъ исчерпывалъ самъ лично попадавшійся ему матеріалъ, насколько было возможно, заводилъ новыя знакомства и вербовалъ себѣ сотрудниковъ и корреспондентовъ, которые потомъ

Digitized by Google

доставляли ему богатый запасъ свѣдѣній и готоваго матеріала.

Такимъ образомъ первая часть обширной и трудной задачи исполнялась: матеріалъ былъ собранъ въ достаточномъ количествѣ и постоянно пополнялся. Оставалось разрѣшить болѣе трудный вопросъ — опубликованія этого громаднаго матеріала. И въ этомъ случаѣ Кольбергъ, не возлагая надеждъ на чужую поддержку, началъ дѣло на собственный рискъ. Ведя чрезвычайно умѣренную и скромную жизнь, онъ сумѣлъ дѣлать сбереженія отъ своихъ ограниченныхъ доходовъ, такъ что съ 1836 г. собрался запасъ около $1^1/_2$ тыс. рублей, которые онъ употребилъ на изданіе 1-го выпуска пѣсенъ въ 1857 г.; а затѣмъ получаемую отъ продажи своихъ изданій сумму съ новыми доплатами онъ употреблялъ на изданіе дальнѣйшихъ выпусковъ. Наконецъ, его труды обратили на себя вниманіе краковскаго ученаго общества (Towarzystwo naukowe), и оно предложило ему первую субсидію въ количествѣ 300 злотыхъ рейнскихъ на изданіе монографіи Краковской земли. Субсидія эта, была конечно, слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ тѣми затратами. какія еще предстояли по изданію, и хотя она потомъ была увеличена, когда къ ученому обществу присоединилась краковская академія, тѣмъ не менѣе всего этого было далеко недостаточно для того, чтобы печатать свои матеріалы безъ собственныхъ приплатъ. Такимъ образомъ въ результатѣ оказывается, что до нынѣшняго года въ теченіе 17 лѣтъ Кольбергомъ получено субсидій около 8 тыс. злотыхъ, а съ своей стороны имъ приплачено при этомъ болѣе 4 тыс. зл. Нѣкоторые выпуски были обезпечены частными субсидіями. Такъ, монографія Мазовіи нашла себѣ издателя; на изданіе I-го тома „Покутья“ было предоставлено Кольбергу 500 зл. р., оставшихся отъ этнографической выставки въ Коломыѣ 1880 г. Этого, конечно, не хватило, и Кольбергъ опять доплатилъ, а 2-й и 3-й т. „Покутья“ издалъ цѣликомъ на свои средства.

Вотъ при какихъ условіяхъ началось и до сихъ поръ продолжается капитальное изданіе матеріаловъ, составляющихъ

Digitized by Google

неоцѣненный вкладъ въ этнографическую науку. Все это дѣлается главнымъ образомъ усиліемъ, трудомъ и энергіею одного человѣка, и сдѣлано имъ столько, сколько не дѣлаютъ иныя общества, располагающія достаточнымъ количествомъ научныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ.

Да, имя Кольберга съ полнымъ правомъ и съ заслуженной славой станетъ на ряду съ именами извѣстнѣйшихъ этнографовъ всѣхъ народовъ, а среди изслѣдователей славянскихъ народностей онъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Простительно ли послѣ этого всякому образованному человѣку не знать имени этого достойнаго и самоотверженнаго дѣятеля, служителя науки? Непростительно потому, что такихъ людей немного, и ихъ жизнь и дѣятельность должны быть извѣстны каждому и служить намъ примѣромъ. Яркимъ доказательствомъ его славы пусть послужитъ хоть то, что люди, не знающіе польскаго языка, какъ португальскій этнографъ проф. Педрозо, принимаются за изученіе этого языка только для того, чтобы имѣть возможность пользоваться его неисчерпаемыми матеріалами. Если нѣмцы даже въ своихъ энциклопедіяхъ (Брокгаузъ) игнорируютъ имя Кольберга, то на это, можетъ быть, у нихъ есть свои причины; но тѣмъ ближе и дороже это имя должно быть намъ, и тѣмъ охотнѣе и дружнѣе шлемъ мы въ видѣ отдаленнаго и запоздалаго юбилейнаго отголоска нашъ искренній и сердечный привѣтъ мастистому юбиляру. [1])

Н. Янчукъ.

---

[1]) О Кольбергѣ извѣстна намъ статья Людовика Кубы, въ чешскомъ журналѣ „Osvêta“ (Прага, 1888. 8); затѣмъ новѣйшія статьи въ варшавскихъ польскихъ изданіяхъ за нынѣшній годъ по поводу его юбилея: 1) статья Адама Плуга въ „Клосахъ“ (№ 1249) съ упоминаніемъ статьи о немъ же К. Вл. Войцицкаго въ томъ-же изд. за 1867 г.; 2) ст. В. Коротынскаго въ журналѣ „Tygodnik Illustrowany“ (№ 832); 3) ст. Яна Карловича въ журн. „Висла“, кн. 2; наконецъ, въ краковскомъ журналѣ „Nowa Reforma“ особенно теплый очеркъ д-ра I. Коперницкаго, изъ котораго мы почерпнули нѣкоторыя подробности. Къ юбилею Кольберга см. также краткія извѣстія въ Петерб. газетѣ „Kraj“, № 21 (корресп.) изъ Львова, № 22 и 24 фельетоны). Началомъ дѣятельности Кольберга признанъ 1839 г., давшій первые осязательные результаты (поѣздка въ Вилянoво).

Digitized by Google

Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ

ВЪ ПЕРВОБЫТНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

II.

Классическіе авторы оставили намъ въ своихъ произведеніяхъ много характерныхъ, но отрывочныхъ и часто противорѣчивыхъ извѣстій по исторіи примитивной культуры, которыя до сихъ поръ еще не собраны и не провѣрены критически. Не всѣ они одинаковой цѣнности: одни принадлежатъ писателямъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія своей точностью, трезвенностью; другія вызываютъ въ читателѣ скептическое отношеніе, благодаря предвзятой теоріи, къ которой видимо подгонялись ими факты, благодаря наивнымъ попыткамъ раціонализаціи, недостатку наблюдательности и богатству фантазіи, легковѣрію и т. д. Подбирая такія извѣстія по какому-нибудь отдѣльному вопросу, приходится всегда быть на-сторожѣ, принимать во вниманіе личность автора, его взгляды, свойства и т. д., — приходится считаться съ самыми непримиримыми противорѣчіями. Характернымъ примѣромъ такихъ противорѣчій являются извѣстія объ убійствѣ стариковъ у римлянъ.

Изъ этихъ извѣстій наиболѣе полнымъ и важнымъ для насъ является отдѣлъ „Sexagenarios de ponte“ въ извѣстномъ сочиненіи *М. Веррія Флакка*, писателя временъ Августа: „De verborum significatione“, которое было сокращено приблизительно во второй половинѣ III в. по Р. Хр. *С. Помпеемъ Фестомъ*, а въ VIII в.—*Павломъ Діакономъ* [1]). Это сочиненіе

[1]) S. P. Festi et M. V. Flacci de verborum significatione lib. XX. ed. Dacerii, Lutetiae Parisiorum, 1681, lib. XVII стр. 522—3; Liebrecht, Gerv.

Digitized by Google

имѣетъ видъ словаря, составленнаго безъ всякихъ претензій, но съ большимъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью; для изслѣдователя римскихъ древностей оно даетъ драгоцѣнные матеріалы. Въ указанномъ отдѣлѣ сведены и сопоставлены противорѣчивыя преданія, которыя ходили въ римскомъ обществѣ и литературѣ объ убійствѣ стариковъ и празднествѣ Аргей (Argei). Извѣстіе это настолько важно, что я считаю нужнымъ привести его цѣликомъ, въ возможно болѣе близкомъ переводѣ.

„Нѣкогда шестидесятилѣтнихъ стариковъ (sexagenarios) сбрасывали съ моста (de ponte). По словамъ Манилія [1]), причина этого состояла въ томъ, что аборигины, которые первые населяли Римъ, имѣли обычай ежегодно приносить въ жертву отцу Зевсу шестидесятилѣтняго старика (собственно: человѣка, который достигалъ шестидесятилѣтняго возраста). Это они перестали дѣлать съ приходомъ Геркулеса, но послѣ этого, изъ уваженія къ древнему обычаю, рѣшили по прежнему бросать въ Тибръ тростниковыя изображенія людей“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ, подъ словомъ „Argei“ [3]), это извѣстіе дополняется: „аргеями называли тростниковыя изображенія, которыя ежегодно бросались весталками въ Тибръ“.

Въ этомъ извѣстіи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія черты: аборигины, *доисторическіе жители* Италіи, имѣли обычай ежегодно приносить въ жертву Зевсу старика 60-ти лѣтъ; съ приходомъ Геркулеса обычай этотъ прекратился; взамѣнъ стали бросать въ Тибръ тростниковыя изображенія людей. Самый текстъ вызываетъ нѣсколько вопросовъ; онъ

von Tilbury, стр. 85—6 (Paulus Diaconus). Изданіе Дацерія—изъ очень плохихъ; капитальнаго изданія Миллера я не могъ, къ сожалѣнію, достать въ Москвѣ.

[1]) Ученый юристъ, современникъ Сципіона Младшаго.

[2]) Sexagenarios de ponte olim deiiciebant, cujus causam Manilius hanc refert, quod Romam qui incoluerint primi Aborigenes hominem, sexaginta annorum qui esset, immolare Diti Patri quotannis soliti fuerint, quod facere eos destitisse adventu Herculis, sed religione postea veteris moris scirpeas hominum effigies de ponte in Tiberim vetere modo mittere instituisse.

[3]) Festus—Flaccus, lib. I, стр. 36.

Digitized by Google

не даетъ отвѣта на то, какъ и въ какое время совершались жертвоприношенія и празднество „Argei", какое количество аргеевъ бросали и т. д. Сопоставленіе „*immolare* Diti Patri" и „religione... verteris moris scirpeas hominum effigies de ponte in Tiberim *vetere modo* mittere" заставляетъ предполагать, что жертвоприношеніе Зевсу и состояло въ бросаніи стариковъ въ Тибръ, иначе такая замѣна была бы по меньшей степени странною и не соотвѣтствовала бы самому принципу „замѣнъ", которыми такъ полна жизнь первобытнаго общества. Затѣмъ, если единственное число въ словахъ о жертвоприношеніи не считать ошибкой издателя (*hominem... esset* вм. *homines... essent*) или же метонимическимъ выраженіемъ самого автора, то пришлось бы предположить, что ежегодно приносили въ жертву по одному дряхлому старику [1]), котораго, вѣроятнѣе всего, выбирали по жребію; но это опять таки противорѣчитъ замѣнѣ (hominem—*scirpeas hominum effigies*), которая всегда отличается педантичностью въ подробностяхъ. Къ остальнымъ вопросамъ по поводу этого свидѣтельства намъ еще придется возвратиться ниже.

„По словамъ другихъ,—продолжаетъ Флаккъ,—когда Геркулесъ находился въ Италіи, нѣкоторые спутники (его) поселились на берегу Тибра и назвались Аргеями отъ Аргивской области. У греческаго народа явилось желаніе возобновить память объ этомъ, которая передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію; былъ отправленъ какой-то аргейскій посолъ, который долго засидѣлся въ Римѣ, тамъ и умеръ. Жрецы постановили, чтобы тростниковыя изображенія тѣхъ, которые объявили что-нибудь (полезное) для государства, были отправляемы рѣкой и моремъ на родину" [2]).

---

[1]) Трудно, конечно, предположить въ это время точный счетъ лѣтъ: терминъ „sexagenarius", вѣроятно, взятъ Мануліемъ и Флаккомъ изъ болѣе поздняго порядка вещей.

[2]) Alii dicunt, morante in Italia Hercule, quod quidam jus (ejus?) comitum habitaverint secundum ripam Tiberis, atque Argaeos se ab Argivis vocaverint arvis, quorum proditam memoriam redintegrari, eo gente missum ab Graeca legatum quendam Argaeum diu cum iis Romae moratum esse, his ut obierit,

Digitized by Google

Текстъ этого мѣста видимо испорченъ и спутанъ; преданіе изложено въ немъ не ясно и туманно, отличается искусственностью: въ болѣе подробномъ и понятномъ видѣ оно было изложено *Овидіемъ*. По всей вѣроятности, это одна изъ многочисленныхъ légendes des origines, которыя часто придумывались досужими римскими книжниками для объясненія топографическихъ названій, происхожденія и названія различныхъ обрядовъ, обычаевъ и т. д.; для объясненія, напр., такого весьма понятнаго по своему этимологическому происхожденію слова, какъ „aborigenes" (ab origine), эти книжники придумали много запутанныхъ и сложныхъ легендъ, въ которыхъ пускали въ дѣло всю свою громадную эрудицію, поднимали на ноги всю греческую и римскую миѳологію. По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ исходной точкой книжническаго „миѳотворенія" съ неизбѣжнымъ Геркулесомъ [1]) было само римское топографическое и бытовое названіе „argei", которое заманчиво напрашивалось на сопоставленіе съ Argivi-Graeci,[2]) слѣдовательно—съ Геркулесомъ, Эвандромъ и т. д.

institutum a sacerdotibus, ut effigies scirpea ex omnibus, cum quae publicae erant rei nuntiavisset, per flumen ac mare in patriam remitteretur.

[1]) Трудно рѣшить, какой Геркулесъ имѣется здѣсь въ виду—римскій или греческій. Римскія легенды разбираемаго типа приписываютъ ему цѣлый рядъ просвѣтительныхъ подвиговъ въ Италіи, но большинство сообщаемыхъ при этомъ біографическихъ подробностей о немъ приводятъ насъ къ Геркулесу греческому. Вѣроятнѣе всего, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ искусственными передѣлками римскихъ народныхъ преданій, книжническими попытками дополнить ихъ изъ греческихъ источниковъ и, очень можетъ быть, изъ собственныхъ домысловъ: слишкомъ уже эти легенды сложны, противорѣчивы, натянуты...

[2]) Это производство такъ же сомнительно, какъ и приведенное выше сближеніе „argei" съ „argeo". По моему мнѣнію, это слово находится въ непосредственной связи съ греческимъ „argma" (Odys., XIV, 446), лат. primitiae, „начатки, первинки (жертвы), сжигавшіяся въ честь боговъ", по толкованію составителя „Гомеровскаго словаря" г. Краузе, и вообще съ аріо-европейскимъ корнемъ a r g, свѣтлый—эпитетъ, довольно обычный по отношенію къ предкамъ (послѣднимъ указаніемъ я обязанъ В. Ѳ. Миллеру). Можетъ быть, оно стоитъ въ связи и съ argilla, argilos—бѣлая, свѣтлая глина, изъ которой Римляне могли дѣлать сначала эти изображенія, какъ изъ матеріала, наиболѣе удобнаго для лѣпки и распространеннаго; эти „арген" могли сдѣлаться впослѣдствіи нари-

Digitized by Google

„Существуютъ и такіе,—читаемъ далѣе у Флакка,—которые говорятъ, что послѣ того, какъ Римъ былъ освобожденъ отъ Галловъ, вслѣдствіе недостатка въ пищѣ начали выбрасывать шестидесятилѣтнихъ стариковъ въ Тибръ. Одинъ изъ нихъ былъ спрятанъ любящимъ сыномъ и часто помогалъ родинѣ своими совѣтами, которые выдавалъ за свои его сынъ. Когда это узнали, юношу простили и перестали отнимать жизнь у стариковъ. То укромное мѣсто, гдѣ скрывался старикъ, показалось достойнымъ благоговѣнія и было названо Аркеями" (отъ arceo, удерживаю) [1]).

Эта легенда, къ которой можно найти много параллелей въ европейской искусственной и народной поэзіи [2]), косвенно подтверждается, какъ увидимъ ниже, однимъ глухимъ извѣстіемъ Тита Ливія; конецъ ея — характерный образчикъ натянутыхъ и схоластически-сухихъ légendes des origines несомнѣнно искусственнаго происхожденія. Она важна для насъ тѣмъ, что указываетъ на *возобновленіе* у Римлянъ въ *историческое* время обычая убійства стариковъ подъ давленіемъ голода. О жертвоприношеніяхъ и „аргеяхъ" здѣсь нѣтъ и рѣчи; характеръ преданія совсѣмъ иной, чѣмъ въ предыдущихъ преданіяхъ: это заставляетъ насъ думать, что мы имѣемъ дѣло *не съ разными версіями одного и того же преданія, но съ разными преданіями, относящимися къ разнымъ временамъ, но исходящими отъ одинаковаго обычая*. Составъ легенды не сложенъ и, кажется, ясно указываетъ на ея происхожденіе: существовалъ обычай, прекратился, возобновился временно. Память о немъ переходила

цательнымъ именемъ, когда ихъ стали дѣлать изъ другихъ матеріаловъ и когда было забыто ихъ первоначальное происхожденіе. За эту гипотезу я, впрочемъ, особенно не стою.

[1]) Sunt, qui dicant, post urbem a Gallis liberatam ob inopiam cibatus coeptos sexaginta annorum homines jaci in Tiberim; ex quo numero unus filii pietate occultatus saepe profuerit consilio sub persona filii. Id ut sit cognitum, ei juveni esse ignotum et sexagenariis vita concessa. Latebras autem ejus, quibus arcuerit senem, id est cohibuerit et celaverit, sanctitate dignas esse visas, ideoque Arcaea appellata.

[2]) Анализу этихъ легендъ будетъ посвящена особая глава.

Digitized by Google

отъ поколѣнія къ поколѣнію и подкрѣплялась празднествомъ „аргеевъ“ и, какъ увидимъ ниже, Сатурналій и другихъ празднествъ; дѣйствительность указывала на важное значеніе стариковъ и ихъ совѣтовъ—изъ этихъ двухъ элементовъ народный умъ и составилъ отвѣтъ на естественно интересовавшій его вопросъ: почему прекратился этотъ обычай? Такое перенесеніе настоящихъ порядковъ въ далекое прошлое свойственно вообще примитивной средѣ, да и образованные, „культурные“ классы не такъ ужъ давно, а пожалуй и еще не совсѣмъ освободились отъ этого... Намъ кажется очень вѣроятнымъ, что легенда, объясняющая прекращеніе обычая убіенія стариковъ тѣмъ, что наконецъ понята была польза ихъ совѣтовъ, создалась въ эпоху наибольшаго вліянія стариковъ—при патріархатѣ. Какъ и всегда, эта легенда имѣетъ въ себѣ зерно истины, но приписываетъ одному опредѣленному факту то, что произвели многія причины и въ теченіе долгаго времени; близкую аналогію къ этому представляютъ тѣ народныя сказанія, которыя приписываютъ вѣковую работу расчистки и культивированія земли, проведенія дорогъ и т. д. единоличнымъ усиліямъ своихъ любимыхъ ботатырей—Тезея, Геркулеса, Ильи Муромца, Георгія—Егорія. Опытъ и совѣты стариковъ были однимъ изъ факторовъ разложенія обычая, — факторомъ, который при постепенности и продолжительности своего дѣйствія не могъ оставить яснаго слѣда въ народной памяти; народная логика могла *случайно* натолкнуться на него въ своихъ поискахъ за генезисомъ обычая—и не вполнѣ оцѣнила и выяснила его...

Приведенныя выше легенды, разно объясняющія происхожденіе римскаго топографическаго и бытоваго названія, не удовлетворили Флакка: оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ „аргеяхъ“, онъ переходитъ къ объясненію техническихъ терминовъ: „sexagenarios de ponte“ и „senes depontani“. „Вѣроятнѣе всего, говоритъ онъ,—что, когда впервые начали подавать голоса въ комиціяхъ черезъ „pons“ [1]) молодые

[1]) Мостикъ—входъ въ мѣсто, отдѣленное на Марсовомъ полѣ для комицій

Digitized by Google

закричали, чтобы шестидесятилѣтніе старики были сброшены съ „понта", такъ какъ они уже не отправляли никакой общественной должности,—чтобы они (молодые), а не старики избирали для себя начальника. Этого мнѣнія придерживается даже Синній Капитонъ (извѣстный грамматикъ вѣка Августа). Афраній (извѣстный римскій комикъ I в. до Р. Хр.) въ (своей комедіи) „Repudiatus" высказываетъ неосновательное мнѣніе, будто бы подъ этимъ „pons" разумѣется Тибрскій мостъ *).

Съ перваго взгляда это объясненіе производитъ впечатлѣніе полной достовѣрности и вполнѣ удовлетворительно разъясняетъ выраженія: „sexagenarios des ponte" и „senes depontani" (непереводимое выраженіе; приблизительно—старики, которыхъ ужъ можно сбросить съ моста). Но стоитъ

и называвшееся ovile или saepta. См. Willems, Le droit public romain, стр. 157: „Pour faciliter le vote simultané des centuries de chaque classe, il y avait au champ de Mars un emplacement séparé (ovile, saepta), ayant un nombre d'entrées (pontes) égal au moins à celui des centuries qui votaient en même temps. C'est à l'entrée que le vote était émis... Rien n'autorise à faire de ces pontes des pontes véritables, qui auraient été jetés sur la Petronia amnis. L'expression sexagenarii de ponte, depontani, d'où l'on a voulu conclure, que les citoyens âgés de plus de 60 ans étaient exclus des comices, n'a aucun rapport avec ces pontes(?)". Oeuvres complètes d'Ovide, т. 8.; Paris 1835, стр. 359—363; Ростовцевъ, Рѣчь Цицерона въ защиту Секста Росція Америйскаго, Кіевъ, 1879, стр. 72—73; Lange, Römische Alterthümer, I, 475—476: „Ein zufälliger Umstand hat Veranlassung zu der Meinung gegeben, dass die sexagenarii weder in den centuriae seniorum gewesen seien, noch Stimm recht gehabt hätten. Nämlich die jährlich am 15 Mai vom Pons sublicius in den Tiber gestürzten Binsenmänner, die Argei, d. h. die Weissen oder die Greise (стр. 83) in denen man später sexagenarii zu erkennen glaubte, hiessen auch depontani. Dies benutzte der römische Volkswitz seit der Zeit, als die Centurien über Brücken oder Stege, per pontes (II, 457), schreitend abstimmten, zu der Anwendung jenes Ausdrucks auf die sexagenarii und zu dem scherzhaften (?) Ausrufe: sexagenarios de ponte" и т. д.

*) Sed exploratissimum illud est causae, quo tempore primum per pontem coeperunt comitiis suffragium ferre, juniores conclamaverunt, ut de ponte dejicerentur sexagenarii, qui jam nullo publico munere fungerentur, ut ipsi potius sibi, quam illi, deligerent imperatorem. Cujus sententiae est etiam Sinnius Capito. Vanam autem opinionem de ponte Tiberino confirmavit Afranius in Repudiato.

Digitized by Google

внимательнѣн вглядѣться въ него, анализировать и сопоставить его съ другими свидѣтельствами и преданіями, чтобы придти къ убѣжденію, что Флаккъ и „даже Синній Капитонъ“ невѣрно поставили и рѣшили вопросъ. Набрасывая своимъ „sed exploratissimum“ etc. тѣнь недостовѣрности на изложенныя выше преданія и стараясь объяснить эти термины, Флаккъ оставляетъ въ сторонѣ тѣсно связанный съ ними вопросъ объ „аргеяхъ“, игнорируетъ другія свидѣтельства и преданія, не замѣчаетъ, что въ самомъ его объясненіи заключается указаніе на то, что 60 лѣтъ было предѣльнымъ возрастомъ, — годомъ, такъ сказать, политической смерти,—что странно было бы этимъ терминамъ быть типичными для стариковъ, *какъ стариковъ* (какими эти выраженія несомнѣнно были), если бы они могли употребляться и употреблялись только тогда, когда дряхлые старики пробовали принять активное участіе въ комиціяхъ вопреки обычаю: послѣднее, если даже стать на точку зрѣнія Флакка, могло быть исключеніемъ, а не правиломъ,—исключеніе же не можетъ привести къ типичному названію.

Разнообразныя и разновременныя свидѣтельства, „переживанія“ въ римскомъ быту указываютъ на то, что древніе Римляне убивали дряхлыхъ стариковъ, топили ихъ съ мостовъ: въ этомъ, конечно, и нужно искать объясненія происхожденія этихъ терминовъ. Когда-то они имѣли реальную силу, затѣмъ, послѣ прекращенія обычая, жили въ народной средѣ, какъ отзвукъ далекаго прошлаго, какъ терминъ, для всякаго понятный и привычный, но относящійся къ другому порядку вещей, пока сама жизнь не вдохнула въ нихъ новое содержаніе благодаря сходству названій моста (pons) и входа (тоже pons) въ ovile; очень можетъ быть, что римская молодежь иногда и примѣняла ихъ къ старикамъ въ новомъ значеніи, указанномъ Флаккомъ—конечно, фигуральномъ, ибо предполагать, чтобы въ то сравнительно позднее время, о которомъ говоритъ Фестъ, дѣйствительно сбрасывали стариковъ съ „понтовъ“, а не оттѣсняли, отталкивали ихъ только.

Digitized by Google

Любопытнымъ и важнымъ дополненіемъ и поясненіемъ къ словамъ Флакка являются нѣсколько стиховъ Овидіевыхъ „Фастъ“ [1]):

„Тогда (14 мая—мѣсяца, по словамъ Овидія, посвященнаго предкамъ, *majoribus*, откуда будто бы и его названіе) [2]) тогда дѣва (весталка) обыкновенно бросаетъ съ дубоваго моста изображенія древнихъ мужей (priscorum... simulacra virorum). Тотъ, кто думаетъ, будто бы стариковъ, переваливших за 60-лѣтній возрастъ (corpora post decies senos qui credidit annos missa neci), взводитъ на (нашихъ) предковъ тяжкое обвиненіе (damnat avos crimine sceleris). Вотъ какъ гласитъ старинное преданіе. Еще тогда, когда (наша) земля называлась Сатурновой, таковы были слова прорицателя Зевса (въ Додонѣ): „бросайте старику, носящему косу (Сатурну), два тѣла, обреченныхъ изъ народа, чтобы они были приняты этрусскими [3]) водами (falcifero libata seni duo corpora gentis mittite, quae Tuscis excipiantur aquis)!“ Печальное жертвоприношеніе совершалось ежегодно по левкадскому образцу [4]), пока не пришелъ въ эту страну Тиринтіецъ (Геркулесъ) который (первымъ) бросилъ въ воду квиритовъ, сдѣланныхъ изъ соломы (т. е. Argei: выше — *scirpea simulacra*, здѣсь: *straminei* Quirites); по примѣру Геркулеса стали бросать мнимыя тѣла. Нѣкоторые думаютъ, будто бы юноши, чтобы самимъ только подавать голоса (на комиціяхъ?), сбрасывали слабыхъ стариковъ съ мостовъ.

---

[1]) P. Ovidii Nasonis Fastorum libri VI, ed. Peteri, Leipzig, V, v. v 621—660, срв. 680, 791—2.

[2]) V, v. 427—8: Mensis erat Maius, maiorum nomine dictus, qui partem prisci nunc quoque moris habet. Ib. v. v 75—76: Et Numitor dixisse potest: „Da, Romule, mensem hunc (Maium) senibus“, nec avum sustinuisse nepos.

[3]) Очень можетъ быть, что въ этихъ словахъ заключается указаніе на этрусское вліяніе на жертвоприношенія у римлянъ, которое, впрочемъ, не подтверждается другими источниками. См., впрочемъ, ниже—о Пикторѣ.

[4]) ib. стр. 235: „von dem Vorgebirge Leucate der Insel (oder Halbinsel) Leucas vor Akarnanien wurden alljährlich an dem Fest des dort verehrten Apollo Verbrecher ins Meer gestürzt“; Воеводскій, op. cit., 204.

Digitized by Google

(pontibus infirmos praecipitasse senes) [1]). Тибръ, повѣдай правду! Твои берега древнѣе города; ты можешь хорошо знать происхожденіе обряда. Тибръ поднялъ голову, увѣнчанную камышомъ, изъ середины русла; послышались глухіе звуки: „видѣлъ я, какъ на этихъ мѣстахъ не было (городскихъ) стѣнъ, все было покрыто дѣвственной зеленью; на обоихъ (моихъ) берегахъ паслись вразсыпную быки, и я, Тибръ, котораго теперь знаютъ и боятся всѣ племена, тогда былъ презираемъ даже скотомъ. Часто ты слышалъ имя аркадянина Эвандра: этотъ пришлецъ тревожилъ мои воды своими веслами; приходилъ и Алкидъ (Геркулесъ) съ толпой спутниковъ—если помнишь, меня тогда называли Альбулой,—этого юношу Паллантійскій герой (Эвандръ) принялъ гостепріимно, и наконецъ-то Какусъ понесъ заслуженное наказаніе. Алкидъ ушелъ побѣдителемъ и увелъ съ собой эрихтееву добычу (Fast. I, 543)—быковъ, но спутники, которые явились главнымъ образомъ изъ оставленнаго Аргоса, отказались итти дальше: на этихъ горахъ съ надеждой устраиваютъ они свой очагъ. Часто волновала ихъ сладкая любовь къ родинѣ; нѣкоторые изъ нихъ, умирая, давали (близкимъ) такое краткое поученіе: „бросьте меня въ Тибръ, чтобы я, влекомый его водами, хоть въ видѣ ничтожнаго праха доплылъ бы до Инахова (Аргивскаго) берега“ [2]). (Впо-

[1]) Трудно рѣшить, что здѣсь обозначаетъ pontes: мосты или входы въ ovile. Вѣроятнѣе первое, ибо это толкованіе приводится для объясненія бросанія съ мостовъ „аргеевъ“.

[2]) Пусканіе въ воду—одинъ изъ очень распространенныхъ способовъ погребенія, такъ что въ данныхъ словахъ Овидія, можетъ быть, сохранились искаженные отзвуки этого способа погребенія у Римлянъ (navis—навье, навь). Любопытно, что въ малорусскихъ преданіяхъ о рахманахъ, сближаемыхъ народомъ съ мертвецами (рахманській великдень—навській), есть черта, отчасти сходная съ этимъ способомъ погребенія, вѣрнѣе—связанная съ нимъ: бросаніе различныхъ относящихся къ Пасхѣ предметовъ въ рѣку, чтобы они доплыли къ рахманамъ. См. Сумцовъ, Очерки ист. юж. рус. апокр. сказ. и пѣсенъ, Кіев. Ст. 1887, 11, стр. 431—3; Чубинскій, Труды, I, 220, Kopernicki, Przyczynek do etnografii ludu Ruskiego na Wołyniu, Kraków, 1887, 45; Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, Warszawa, 1853, 159—160, Kolberg, Pokucie, I, 199, 351—3; III, 105—6, 204—5, Nowosielski, Dziennik Warszawski,

Digitized by Google

слѣдствіи) наслѣдникамъ не понравился такой способъ погребенія: умершій пришлецъ погребался въ Авзонской (Италійской) землѣ, а вмѣсто трупа (соб. pro domino) въ Тибръ бросали (его) тростниковое подобіе (scirpea imago), чтобы оно отдаленными водами было принесено къ греческимъ жилищамъ". Такъ устами Тибра излагаетъ Овидій свое мнѣніе по интересующему насъ вопросу и опровергаетъ противоположныя преданія и толкованія, которыя казались ему оскорбительными для чести предковъ. Противоположеніе „fama vetus" о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ мнѣнію самого Овидія, вложенному въ уста Тибра, заставляетъ предполагать, что эта „fama" была древнимъ народнымъ сказаніемъ; разсказъ же, приписанный Тибру, по всей вѣроятности, новѣйшаго происхожденія и былъ сфабрикованъ Овидіемъ, который былъ такъ хорошо знакомъ съ греческой и римской миѳологіей и въ своихъ „Метаморфозахъ" довольно свободно обращался съ имѣвшимся у него подъ руками, разнообразнымъ миѳологическимъ матеріаломъ. Искусственность этого разсказа сразу бьетъ въ глаза: если стать на точку зрѣнія Овидія, то пришлось бы предположить, что „аргеи" бросали вмѣсто трупа всякій разъ, какъ кто-нибудь умиралъ; между тѣмъ „аргеи" бросали *разъ въ году* и *въ опредѣленномъ количествѣ*; кромѣ того, во время Сатурналій, какъ увидимъ ниже, приносились въ жертву статуэтки—тоже замѣна человѣческихъ жертвоприношеній, и существовали такія выраженія, какъ „sexagenarios de ponte", „senes depontani": само собою разумѣется, что толкованіе Овидія разрушается этими фактами. Элементы, изъ которыхъ составленъ этотъ разсказъ (приходъ Геркулеса, Какусъ, Эвандръ и т. д.), были извѣстны въ Римѣ задолго до Овидія: они, напр., встрѣчаются у анналиста II в. до Р. Хр. Кв. Фабія Пик-

1854, №№ 33—35; Kirkor, Pokucie, Rozpr. Akad. Umiej. Krak., 1876; Веселовскій, Изъ ист. ром. и нов., I, 265—329 и Разыск. въ обл. рус. дух. ст. XI—X, 21, 32; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 259; Mátyás, Świat i przyroda w wyobraźni chłopa, we Lwowie, 1888, стр. 7: (срв. Кирпичниковъ, Поэмы лонбардскаго цикла, стр. 115).

Digitized by Google

тора, у котораго нѣтъ и намека на человѣческія жертвоприношенія и убійство стариковъ [1]). Одно изъ приведенныхъ выше сказаній Флакка представляетъ, кажется, неудачное и немного спутанное отраженіе разсказа Овидія [2])—съ добавленіемъ, впрочемъ новой черты (аргивскаго посольства къ спутникамъ Геркулеса, оставшимся въ „Сатурніи) и съ еще болѣе искусственнымъ и натянутымъ концомъ.

Повидимому, знаменитый современникъ Юлія Цезаря, М. Теренцій Варронъ Реатинскій, и составитель плохого энциклопедическаго словаря: „Compendiosa doctrina per litteras", Ноній Марцеллъ [3]) (грамматикъ III в. по Р. Хр., цитировавшій Варрона) держались такого же мнѣнія относительно „sexagenarios de ponte" и „depontani", какого придерживались Флаккъ и Капитонъ.

---

1) Historia antiqua. 1599. ed. Bonutii. Q. Fabii Pictoris de aureo saeculo et de origine urbis Romae eiusque descriptione, lib. I, стр. 35: „Subsidens septem collibus campus Argeus dictus est ab Argo Euandri hospite et comitibus Argivi Herculis, qui ad Euandrum venerunt et in Saturnia subsederunt. Hinc extrema Argileta dicuntur. Superior Argiletus dicitur in principio vici Thusci (не отсюда ли и Tuscae aquae Овидія?) sub Coeliolo, inter Circum Maximum et Aventinum, ubi letum Argi simul et sepulcrum est. Imus vero Argiletus est, ubi Ianus quadrifrons, qui et Vertumnus in fine vici Thusci ad radices Capitolii in foro boario, ubi Saturniae vestigia" и т. д.

2) Любопытно въ fama vetus, которую Овидій излагаетъ въ началѣ приведеннаго выше отрывка, то, что въ ней идетъ дѣло вообще о жертвоприношеніяхъ,—говорится объ обреченіи (жребіемъ?) только двухъ тѣлъ,—безъ указанія, какихъ.

3) M. Terenti Varronis operum quae exstant, ed. Ausonii Popmae Frisii, Lugdunum, 1601, de vita pop. rom., lib. II, стр. 210—211; de lingua lat. IV, стр. 12, 13; lib. VI, стр. 74; Flaccus—Festus, l. c.; Collection de auteurs latins Nisard (Macrobius, Varro, Pomponius Mela), Paris, 1845, стр. 531—2; Nonius Marcellus, de proprietate sermonis, ed. Mercerii, Lipsiae, 1826, de doctorum indagine, стр. 523 (Sex. de ponte), стр. 86 (carnales, seddules); Oeuvres complétes d'Ovide, т. 8, Paris, 1835, стр. 363 (Bibl. lat. fran. Panckouke). Любопытно начало текста Марцелла: „Sexagenarios per pontem mittendos male dia popularitas intellexit, quum Varro... honestam caussam religiosamque patefecerit: quum и т. д.

Digitized by Google

„Когда (люди) достигаютъ пятой ступени (возраста) и имѣютъ 60 лѣтъ (говоритъ Варронъ), тогда они дѣлаются свободными отъ общественныхъ обязанностей [1]); вслѣдствіе этого вошло въ поговорку, какъ нѣкоторые думаютъ, что „нужно (какъ это говорится) сбрасывать съ „понта" 60-лѣтнихъ стариковъ" (sexagenarios de ponte dejici opportere), такъ какъ они не могутъ подавать голоса, что (обыкновенно) производится черезъ „понтъ" (quod per pontem ferebatur)". Такимъ образомъ, у Варрона выраженіе „sexagenarios de ponte" (о „depontani" онъ не упоминаетъ) обращается въ поговорку, чуть ли не въ шутку, не имѣющую никакого отношенія къ убійству, съ чѣмъ согласиться нельзя. Въ другихъ мѣстахъ онъ такъ толкуетъ слово „аргеи": „аргеи—отъ аргейцевъ; они дѣлаются изъ тростника въ количествѣ 24-хъ (у Nisard и Frisius—30) и имѣютъ форму людей (simulacra hominum); жрецы (у Овидія — весталки) торжественно бросаютъ ихъ каждый годъ въ Тибръ со свайнаго моста (pons sublicius)". „Полагаютъ, что аргеи названы (такъ) отъ начальниковъ, которые пришли въ Римъ съ Геркулесомъ Аргивяниномъ и поселились на Сатурновой землѣ". Послѣдняя фраза очень характерна для насъ: она показываетъ, что версія съ Геркулесомъ—sui generis „научная" гипотеза.

Подъ словомъ „carnales, seddules" (?) Ноній Марцеллъ цитируетъ любопытный отрывокъ „sexagesii" Варрона, который мнѣ не удалось найти въ его сочиненіяхъ: „какъ только онъ былъ обреченъ (vix ecfatus erat—жребіемъ?) его тащили, по обычаю предковъ „ultro carnales" (?) и свергали съ моста въ Тибръ". Эта фраза, несомнѣнно относящаяся къ 60-лѣтнимъ старикамъ, доказываетъ, что Варронъ зналъ и писалъ объ обычаѣ сбрасыванья стариковъ въ Тибръ, хотя онъ,

[1]) Сенека философъ понимаетъ предѣльный возрастъ до 50—60 лѣтъ: „audies plerosque dicentes: „a quadragesimo in otium secedam: sexagesimus annus ab officiis me dimittet"... Quae tamen stulta mortalitatis oblivio, in quinquagesimum et sexagesimum annum diferre sana consilia: et inde velle vitam inchoare, quo pauci perduxerunt?" (Bibliothéque latine-française, publiée par Panckouke, oeuvres complétes de Senéque le philosophe, t. III, Paris, 1832, De bre vitatevitae, 4, стр. 206—208).

Digitized by Google

вмѣстѣ съ Флаккомъ и Капитономъ, и объяснялъ „sexagenarios de ponte“ словомъ „понтъ“.

Для насъ въ высшей степени знаменательно замѣчаніе, которое мимоходомъ обронилъ такой знатокъ родной древности, какъ Цицеронъ, въ своей рѣчи въ защиту Росція Амерійскаго, обвинявшагося въ отцеубійствѣ[1]): „сверхъ того я слышу, что подобнаго рода подозрѣніе (въ убійствѣ) падаетъ на Капитона (свидѣтеля противъ Росція) не въ первый разъ; онъ (какъ гладіаторъ, убійца) имѣетъ уже много безславныхъ пальмъ, но это —первая значительная, полученная имъ въ Римѣ (гдѣ гладіатору труднѣе добиться пальмы); нѣтъ ни одного способа убійства, который онъ не примѣнилъ бы къ нѣсколькимъ— для однихъ мечъ, для другихъ ядъ. *Я даже могъ бы сказать, кого онъ, вопреки обычаю предковъ, хотя тотъ и имѣлъ менѣе 60-ти лѣтъ, сбросилъ съ моста въ Тибръ* (habeo etiam dicere, quem contra morem majorum, minorem annis *LX*, de ponte in Tiberim deiecerit)“. Такой оборотъ и смыслъ фразы, обстоятельства, при которыхъ она была сказана, придаютъ ей особенно важное значеніе и бросаютъ яркій свѣтъ на „sexagenarios de ponte“ и „senes depontani“...

Какъ мы ужь указали выше, Титъ Ливій довольно глухо говоритъ о намѣренномъ оставленіи стариковъ въ открытой для Галловъ части Рима; любопытно, что онъ бѣгло намѣчаетъ при этомъ отношеніе къ факту оставленія самихъ стариковъ и простонародія [1]): „легко бросить оставленную какъ бы на гибель толпу старцевъ въ городѣ (за предѣлами крѣпости), только бы спаслись при этой нависшей грозѣ Капитолійская крѣпость, мѣстопребываніе боговъ, сенатъ, глава государственныхъ совѣщаній, молодые воины. Для того, чтобы большинство простонародья болѣе равнодушно относилось (къ оставленію на смерть стариковъ), они, консуля-

[1]) M. T. Ciceronis pro Sexto Roscio Amerino oratio, ed. Büchneri, Lipsiae, 1835, cap. 35, § 100; Osenbrüggen, l, c., Ростовцевъ, l. c.

[1]) Oeuvres de Tite-Live (histoire romaine) avec la traduction en français publiés sous la direction de Nisard, Paris, 1844, т. I, lib. V, c. XXXIX, стр. 255.

Digitized by Google

ры и получившіе тріумфы старцы, открыто говорили другъ съ другомъ, что они (охотно) умрутъ и не будутъ еще болѣе отягощать для вооруженныхъ затруднительное положеніе дѣлъ и скудость пищи своими тѣлами, которыя не могутъ носить оружія и помогать родинѣ". Если сопоставить это извѣстіе съ одной изъ приведенныхъ выше версій Флакка, то придется придти къ весьма вѣроятному выводу, что при осадѣ Рима Галлами дряхлыхъ стариковъ оставили на смерть въ открытой для враговъ части города, послѣ же удаленія Галловъ бросали ихъ въ Тибръ вслѣдствіе недостатка въ пищѣ и общественной безурядицы. Если опираться на авторитетное въ большинствѣ случаевъ мнѣніе Тита Ливія, то слѣдуетъ предполагать, что въ это время старики имѣли ужъ значительное вліяніе и пользовались большимъ уваженіемъ, такъ что подобная мѣра могла практиковаться очень недолго,—пока государство не оправилось отъ галльскаго разгрома. Своеобразный патріотизмъ, который мы ужъ видѣли у Овидія и котораго, въ общемъ, не былъ лишенъ и Ливій, или же недостатокъ свѣдѣній—могли помѣшать нашему историку написать опредѣленно и обстоятельно обо всемъ этомъ: подобныхъ пробѣловъ и промаховъ современная историческая критика открыла у него не мало...

Діонисій Галикарнасскій [1]) дѣлаетъ существенныя дополненія къ приведеннымъ выше извѣстіямъ: „говорятъ, что древніе (Италійцы) имѣли обыкновеніе приносить человѣческія жертвы (... tas thysias epitelein... androfonus) Крону (Сатурну), какъ это дѣлалось въ Карѳагенѣ, пока существовалъ этотъ городъ,—какъ это дѣлается и теперь у Кельтовъ и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ народовъ. Геркулесъ

---

[1]) Dionysii Halic. opera omnia. Lipsiae, Antiq. Rom., т. I, I, 38, стр. 55—57 и Dionysiu tu Halikarnasseôs tês rhômaikês archailogias ta sôdzomena, Oxoniae, 1704, ed. Hudsoni, lib, I, 38, стр. 30 (за неимѣніемъ греческаго алфавита, я, въ случаѣ надобности, буду замѣнять его латинскимъ, передавая „эту"—*ê*, „омегу"—*ô* „юпсилонъ"—*y*, „омикронъ+юпсилонъ"—*u*, „хи"—*ch*, „пси"—*ps*, „дзэту"—*z*, „кси"—*x*, „тэту"—*th*, густое придыханіе—*h*, подписная іота вносится въ строчку).

Digitized by Google

же захотѣлъ уничтожить этотъ обычай, воздвигъ жертвенникъ на Сатурновомъ холмѣ и ввелъ священныя жертвоприношенія на чистомъ огнѣ (kai katarxasthai thymatôn hagnôn epi katharôi pyri hadzomenôn: намекъ, который объяснится слѣдующими преданіями). Для того, чтобы обитателей этой страны не безпокоило то, что они пренебрегли жертвоприношеніемъ, идущимъ отъ предковъ (patriôn... thysion), онъ научилъ ихъ, для умилостивленія гнѣва этого бога, вмѣсто людей, которыхъ раньше бросали въ Тибръ со связанными руками и ногами [1]), бросать въ эту рѣку изображенія, похожія на людей и въ ихъ одѣяніи [2])... Это и теперь (до меня) дѣлаютъ (дѣлали) Римляне немногимъ позже весенняго равноденствія, въ такъ называемыя майскія иды, въ полнолуніе. Въ этотъ день *понтифики*, верховные жрецы, вмѣстѣ съ ними *дѣвы* (Весталки), *преторы и прочіе граждане, которымъ можно присутствовать при священнодѣйствіи* (очень важное указаніе, примиряющее показанія Овидія и Варрона), совершивши по обычаю жертвоприношеніе, бросаютъ со *священнаго* (у другихъ—свайнаго) моста въ Тибръ 30 изображеній, имѣющихъ форму людей и называемыхъ „аргеями" [3]). Такимъ образомъ Діонисій говоритъ вообще о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ и, подобно другимъ, не затрогиваетъ вопроса, почему аргеи бросали въ маѣ и почему ихъ было

---

[1]) Это дѣлали иногда народы индо-европейскаго племени при погребеніи покойниковъ. См., напр., Шейковскій, Бытъ Подолянъ, т. I, вып. 2, Кіевъ, 1860, стр. 27.

[2]) Anti tôn anthrôpôn, hus sympodizontes kai tôn cheirôn akrateis poiuntes, erhrhiptun eis to Tiberios rheitron, eidôla poiuntas andreikela, kekosmêmena ton auton... tropon, embalein eis ton potamon. Въ слѣдующихъ словахъ Діонисія содержится интересный намекъ: „относительно жертвъ и другихъ священныхъ обрядовъ, которые римскій народъ совершаетъ по греческому и мѣстному обычаю, я буду говорить въ другомъ мѣстѣ". Въ нашемъ обычаѣ, видимо, авторъ не замѣтилъ греческаго вліянія или сходства съ греческими обычаями, иначе онъ отмѣтилъ бы это, что онъ и дѣлаетъ въ другихъ случаяхъ.

[3]) Eidôla morfais anthrôpôn eikasmena triakonta ton arithmon apo tês hieras gefyras ballusin eis to rheuma tu Tiberiu, Argeius auta kaluntes.

Digitized by Google

30 (это число можно считать прочно установленнымъ: 24 встрѣчается только въ нѣкоторыхъ худшихъ изданіяхъ Варрона). Извѣстіе его—одно изъ самыхъ обстоятельныхъ и солидныхъ, не считая, конечно, неизбѣжнаго Геркулеса и другихъ болѣе мелкихъ подробностей.

Плутархъ посвятилъ интересующему насъ вопросу одинъ изъ параграфовъ своихъ „римскихъ вопросовъ" [1]).

„Почему изображенія людей, которыя въ маѣ, въ полнолуніе сбрасываются съ деревяннаго моста въ рѣку (apo tês xylinês gefyras... eis ton potamon), называются аргеями? Не потому ли, что варвары, которые въ древности населяли эти мѣста, убивали Грековъ, которые къ нимъ попадали,—Геркулесъ же, доблесть котораго вызывала ихъ уваженіе, научилъ ихъ, чтобы они перестали убивать и замѣнили этотъ обычай бросаніемъ изображеній? Вѣдь простодушная древность называла Грековъ Аргейцами или Аргивянами; (мы знаемъ, что близкое) сосѣдство породило ненависть между Аркадянами и Аргивянами, что спутники Эвандра бѣжали изъ Греціи, поселились въ Италіи и сохранили (прежнюю) ненависть (къ Грекамъ)". Изъ самаго контекста слѣдуетъ, что эта оригинальная по нѣкоторымъ подробностямъ, но наивная версія—плодъ измышленій самого Плутарха. Онъ, такъ сказать, вводитъ насъ въ лабораторію, гдѣ создавались подобныя легенды, и ясно показываетъ, какъ онѣ создавались: изъ легендарныхъ сказаній Грековъ и Римлянъ онъ беретъ Геркулеса-просвѣтителя, Грековъ-Аргейцевъ, переселеніе Эвандра и другихъ въ Италію; предполагаетъ или беретъ изъ какихъ-нибудь другихъ источниковъ [1]), что враждебныя отношенія между Греками и ихъ италійскими соплеменниками продолжались и послѣ переселенія,—что

[1]) Plutarchi Chaeronensis scripta moralia, t. I, Parisiis, 1841, quaestiones Romanae, § 33, стр. 333.

[1]) Можетъ быть, изъ народныхъ преданій, которыми вообще, кажется, руководились классическіе писатели, толкуя о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Римлянъ,—и откуда, несомнѣнно, взялъ Фестъ свою трогательную легенду о старикѣ и его сынѣ.

Digitized by Google

послѣдніе убивали своихъ враговъ, когда они приставали къ берегамъ Италіи; наталкивается на звуковое сходство argei—Argivi,—и вотъ версія готова. Другія легенды, всецѣло построенныя на просвѣтительной миссіи Геркулеса, съ которыми мы познакомились раньше, въ большинствѣ случаевъ такого же характера, съ отличіями только въ подробностяхъ, съ немного меньшей наивностью и натянутостью, чѣмъ у Плутарха, у котораго правдоподобно одно—убійство италійскими прибрежными жителями пришлецовъ, не подтверждаемое, къ сожалѣнію, другими источниками; замѣна же по совѣту Геркулеса убійства враговъ бросаніемъ въ рѣку ихъ изображеній—болѣе чѣмъ наивна и странна...

Лактанцій [1]), христіанскій писатель IV в. по Р. Хр., въ своихъ „Божественныхъ установленіяхъ", приводитъ интересующее насъ преданіе со ссылками на классическихъ писателей и въ легендарно-языческомъ освѣщеніи: „Очевидно, что въ древности существовалъ обычай умерщвленія людей: культъ Сатурна въ Лаціумѣ состоялъ въ томъ, что (ему) приносили въ жертву человѣка *не у алтаря, а сбрасывали его съ Мильвійскаго моста въ Тибръ* [2]). Варронъ свидѣтельствуетъ, что это получило свое начало отъ какого-то отвѣта оракула, послѣдній стихъ котораго таковъ [3]): „kai kefalas Hadêi kai tôi patri pempete fôta" (приносите въ жертву Аиду головы, а отцу—fôta: свѣтильникъ или человѣка). Такъ какъ этотъ отвѣтъ казался двусмысленнымъ, то бросали обыкновенно и свѣтильникъ, и человѣка. На самомъ дѣлѣ, говорятъ, этотъ родъ жертвоприношеній былъ уничтоженъ Геркулесомъ, когда онъ возвращался изъ

---

[1]) Lactantii opera, Wirceburgi. 1783, t. I Divinae Institutiones, lib. I, 21, de falsa religione; Roth-Gerlach, Sallustius, Basiliae, 1852, стр. 399 (Lactantius, epitome, 23, 2).

[2]) Apparet tamen, antiquum esse hunc immolandorum hominum ritum: siquidem Saturnus in Latio eodem genere sacrificii cultus est, non quidem ut homo ad aram immolaretur, sed uti in Tiberim de ponte Milvio mitteretur.

[3]) Quod ex responso quodam factitatum Varro auctor est, cujus responsi versus ultimus est talis. и т. д.

Digitized by Google

Испаніи: обрядъ остался, но только вмѣсто подлинныхъ людей бросали ихъ изображенія изъ тростника, какъ это показываетъ Овидій въ „Фастахъ“ (ritu tamen permanente, ut pro veris hominibus imagines jacerentur ex scirpo...)“.

Въ другомъ мѣстѣ (epitome)это извѣстіе такъ дополняется: „по приказанію Аполлона *шестидесятилѣтніе старики* бросались съ моста въ Тибръ въ жертву Сатурну [1])

Эта фраза дополняетъ предыдущее и показываетъ, что объектомъ жертвоприношеній были старики. Что люди, вопреки мнѣнію Лактанція, приносились въ жертву Сатурну италійцами и у алтарей, доказывается послѣднимъ имѣющимся у насъ подъ руками и наиболѣе обстоятельнымъ извѣстіемъ Макробія, писателя V в. по Р. Хр., который въ своихъ „Сатурналіяхъ“ нѣсколько разъ возвращается къ интересующему насъ вопросу [2]):

„Теперь нужно сказать нѣсколько словъ объ изображеніяхъ (sigillaria), чтобы ты не считалъ достойными смѣха мои слова относительно ихъ священнаго характера. Эпикадъ говоритъ, что Геркулесъ, убивши Геріона, побѣдоносно гналъ черезъ Италію стадо (быковъ); былъ въ это время мостъ, который теперь называется свайнымъ; Геркулесъ бросилъ въ рѣку изображенія людей (simulacra hominum) по числу союзниковъ (спутниковъ), которыхъ потерялъ вслѣдствіе переселенія,—бросилъ будто бы для того, чтобы (эти изображенія), влекомыя теченіемъ въ море, достигли родины вмѣсто погребенныхъ тѣлъ: отсюда будто бы идетъ обыкновеніе считать эти изображенія священными“.

---

[1]) Saturno sexagenarii homines ex persona Apollinis de ponte in Tiberim dejiciebantur.

[2]) Macrobii opera, Biponti, 1788, т. I, Saturn. I, 11, стр. 253—4; Collection etc., Macrobius, Saturn. I, 7, стр. 165—6. Характерно слѣдующее сравненіе Макробія (Saturn. I, 5): „et heus te, hisne tam doctis viris quorum M. Cicero et Varro imitatores se gloriantur, adimere vis in verborum comitiis jus suffragandi? et tanquam sexagenarios majores de ponte dejices“ и т. д. Здѣсь, видимо, pons—входъ въ ovile, иначе было бы странно сопоставленіе съ „comitia verborum“.

Digitized by Google

Эта легенда примыкаетъ къ тому типу версій: „Геркулесъ и его спутники", съ которымъ мы уже встрѣтились у Овидія и Флакка, хотя она и отличается отъ нихъ нѣкоторыми подробностями. Непонятное упоминаніе болѣе чѣмъ сомнительнаго въ тѣ доисторическія времена моста, необъяснимая замѣна Геркулесомъ погребенныхъ тѣлъ ихъ изображеніями, сдѣлавшимися почему-то священными—все это придаетъ этой версіи натянутый и искусственный характеръ. Любопытно, что здѣсь мы впервые наталкиваемся на объясненіе числа аргеевъ—числомъ погибшихъ спутниковъ Геркулеса. Все это показываетъ, что смыслъ древняго обряда давно ужъ былъ потерянъ для римскаго общества и безсильная мысль книжниковъ терялась и путалась въ противорѣчивыхъ и тщетныхъ попыткахъ *искусственно* возстановить его...

Далѣе Макробій, заявивши предварительно, что ему „кажется болѣе вѣроятнымъ" другое объясненіе этого обычая, подробно излагаетъ въ двухъ мѣстахъ исторію, отчасти ужъ извѣстную намъ по своимъ подробностямъ. По словамъ Варрона, говоритъ Макробій, Пеласги, вытѣсненные изъ родины, разсѣялись въ разныя стороны и попали между прочимъ въ Италію. Раньше они обратились къ Додонскому оракулу, который направилъ ихъ въ Сатурнову землю и далъ имъ ужъ извѣстное намъ отчасти изъ Овидія и Лактанція неопредѣленное и двусмысленное приказаніе приносить въ жертву Аиду головы и отцу (Сатурну) — fôs (свѣтильникъ, факелъ или человѣкъ). Слово „fôs" они поняли, какъ „человѣкъ", и начали приносить въ жертву людей. Геркулесъ прекратилъ это, объяснивъ, что отъ нихъ требовалось посвящать Сатурну факелы, а живыхъ людей приказалъ замѣнить ихъ изображеніями. Съ тѣхъ поръ и стали римляне за себя и за своихъ близкихъ посвящать Сатурну во время Сатурналій восковыя статуэтки [1]).

---

[1]) I, 7: „Pelasgi, sicut Varro memorat, cum sedibus suis pulsi diversas terras petissent, confluxerunt plerique Dodonam et incerti, quibus haererent locis, ejusmodi accepere responsum": steichete maiomenoi Sikelôn Saturnian aian, hê d' Aborigeneôn kotilên hu nasos ocheitai, hais anamichthentes

Digitized by Google

Макробій здѣсь объясняетъ происхожденіе обычая приносить въ жертву изображенія во время Сатурналій такъ, какъ другіе писатели объясняютъ происхожденіе аргеевъ; онъ называетъ эти изображенія не „simulacra“ и „imagines“, какъ другіе писатели, а „sigilla“, „sigillaria“, „oscilla“—статуэтки, и говоритъ, что онѣ дѣлались изъ воску (cerea). Эти изображенія посылали или приносили въ храмъ Сатурна и тамъ ихъ сжигали [2]). Приносили ихъ за себя, за своихъ (pro se atque suis) и, судя по одному намеку Макробія, за своихъ патроновъ: по его словамъ, когда многіе патроны, изъ жад-

decatên ekpempsate Foibôi kai kefalas Hadêi kai tôi patri pempete fôta“... (первая половина предсказанія отчасти сбывается). Hoc, igitur miraculo deprehenso, has sibi sedes praedictas esse didicernnt vastatisque Siciliensibus incolis, occupavere regionem decima praedae secundum responsum Apollini consecrata, erectisque Diti sacello et Saturno ara: cujus festum Saturnalia nominarunt. Cumque diu humanis capitibus Ditem, et virorum victimis Saturnum placare se crederent propter oraculum, in quo erat: kai kefalas Hadêi kai tôi patri pempete fôta. Herculem ferunt, postea cum Geryonis pecore per Italiam revertentem, suasisse illorum posteris, ut faustis sacrificiis infausta mutarent, inferentes Diti non hominum capita, sed oscilla ad humanam effigiem arte simulata et aras Saturnias non mactando viros, sed accensis luminibus excolentes, quia non solum virum, sed et lumina „fôta“ significat. Inde mos per Saturnalias missitandis cereis coepit“.—I, 11: „Pelasgos, postquam felicior interpretatio capita non viventium, sed fictilia et „fôtos“ aestimationem non solum hominem, sed etiam lumen significare docuisset, coepisse Saturno cereos potius accendere et in sacellum Ditis arae Saturni cohaerens oscilla quaedam pro suis capitibus ferre. Ex illo traditum, ut cerei Saturnalibus missitarentur, et sigilla arte fictili fingerentur ac venalia pararentur; quae homines pro se atque suis piaculum pro Dite Saturno facerent. Ideo Saturnalibus talium commerciorum coepta celebritas septem occurat dies; quos tantum feriatos facit esse, non festos omnes, nam medio, id est tertiodecimo Kalendas festum probavimus et aliis hoc assertationibus ab his probatum est, qui rationem anni, mensium dierumque et ordinationem a C. Caesare digestam plenius retulerunt“.

[2]) Liebrecht, l. c. цитируетъ изъ Макробія: effigies maniae suspensae, изъ чего можно заключить, что сигилляріи и подвѣшивались. Привѣшиваніе и повѣшеніе жертвъ—явленія очень распространенныя. Онъ же приводитъ любопытное названіе стариковъ у древнихъ грековъ tombogerontes.

Digitized by Google

ности, потребовали отъ кліентовъ слишкомъ большихъ подарковъ по случаю Сатурналій, трибунъ Публицій предложилъ народу наказать ихъ тѣмъ, чтобы запретить бѣднякамъ приносить эти изображенія за богачей—наказаніе, странное съ нашей точки зрѣнія, но въ тѣ времена, вѣроятно, дѣйствительное [1]). Ходило у римлянъ относительно сигиллярій и такое мнѣніе, что эти изображенія приносились въ жертву потому, что „благодаря Геркулесу, Римляне возведены были отъ неблагоустроенной и мрачной жизни какъ будто бы къ свѣту и знанію прекрасныхъ искусствъ (?!) [2]).

Вотъ всѣ извѣстія объ убіеніи стариковъ у Римлянъ, которыя намъ удалось собрать; попробуемъ въ нихъ разобраться. Несомнѣнно, что исходной точкой всѣхъ этихъ хитросплетеній и противорѣчивыхъ légendes des origines были обычаи и термины, которые, въ силу консерватизма, присущаго первобытнымъ народамъ вообще, а древнимъ Римлянамъ въ особенности, практиковались и употреблялись очень долго, хотя смыслъ и происхожденіе ихъ были мало понятны римскому обществу въ II—I в. до Р. Хр. Эти обычаи—бросаніе „аргеевъ" съ моста въ маѣ, принесеніе въ храмы Сатурну, сжиганіе и т. д. [3]) сигиллярій и осциллъ

---

[1]) Sat. I, 7: „Illud quoque in litteris invenio, quod, cum multi occasione Saturnaliorum per avaritiam a clientibus ambitiose munera exigerent, idque onus tenuiores gravaret, Publicius tribunus plebi tulit, nonnisi ditioribus cerei missitarentur".

[2]) ib. „alii cereos non ob aliud mitti putant, quam quod hoc principe (Hercule) ab incomi et tenebrosa vita quasi ad lucem et bonarum artium scientiam editi sumus".

[3]) Конечно, сжиганіе, бросаніе въ воду и т. д. изображеній явилось подражаніемъ принесенія такимъ же способомъ въ жертву людей. Интересна идентичность способовъ казни, жертвоприношеній и погребенія. (См. Котляревскій, О погреб. обыч.; Liebrecht, Zur Volkskunde, passim; Селецкій, Колдовство въ Юго-Зап. Руси въ XVIII в., Кіев. Ст. 1886, іюнь, 193—236; Karłowicz, Czary i czarownice w Polsce, Wisła, 1887, 14—20, 56—62. 93—99, 136—143, 172—178, 213—222; Сумцовъ, Культурныя переживанія (испытаніе вѣдьмъ водою), Кіев. Ст. 1889, янв., 83—89; Zibrt, Staroczeské vyroczni obyczeje, povêry, slavnosti a zábavy prostonárodni. V Praze, 1889, prvni máj, стр. 98—102 и. т. д.

Digitized by Google

во время Сатурналій [1]); термины—„sexagenarios de ponte dejicere“ и „senes depontani“. Любознательная мысль древнихъ писателей старалась возстановить утерянный смыслъ этихъ обычаевъ и терминовъ, строила разнообразныя гипотезы объ ихъ происхожденіи и значеніи, опираясь часто на сомнительныя филологическія сближенія, на греко-латинскіе, искусственно переработанные, а иногда и созданные ad hoc миѳы, рѣже на чисто народныя преданія. Явилась такимъ образомъ масса самыхъ противорѣчивыхъ версій, въ которыхъ шли объ руку Геркулесъ съ быками—и человѣческія жертвоприношенія, Эвандръ—и замѣна этихъ жертвоприношеній бросаніемъ изображеній, „Dichtung und Wahrheit“—все перепуталось и сплелось въ одну хаотическую массу...

Изъ этого хаоса выдѣляется нѣсколько чертъ, вполнѣ заслуживающихъ вниманія. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы приведенные выше писатели выдумали помѣщенныя у нихъ свѣдѣнія о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у первобытныхъ италійскихъ „аборигиновъ“, которыя, можно сказать a priori, должны были существовать у нихъ, какъ и у всякаго другого первобытнаго народа. Эти жертвоприношенія были, главнымъ образомъ, связаны съ водой,—фактъ, къ которому можно подыскать безконечную массу разновременныхъ и разнообразныхъ параллелей. По воззрѣніямъ человѣка, находящагося на „варварской“ ступени развитія вода, основаніе новаго поселенія или заложеніе новой постройки, мертвецы, неурожай и т. д. —все требуетъ человѣческихъ жертвъ [2]).

---

1) Виргилій (Georg. II, 388—9) говоритъ, что oscilla приносились и Вакху во время Либералій или Вакханалій. Изъ этого можно заключить, что и Вакху приносили въ жертву людей, что отчасти и подтверждается преданіями о жертвахъ вакханокъ (Орфеѣ и т. д.).

2) Тэйлоръ, Первобытная культура, т. I, СПБ, 1872, 98—104; т. II, СПБ, 1873, 415—446; Kollár, Slawa Bohunê, 192—5; Liebrecht, Zur Volkskunde, 6—10, 284—296, 380—381; Nowosielski, Lud, I, 153—157, 163—5; А. Н. Веселовскій, Солом. и Китовр., 305 и Мелк. зам. къ был., Жур. М. Н. Просв., 1889, V, 44—5; Кирпичниковъ, Очерки изъ ист. средневѣк. лит., Москва, 1869, 102; Krauss, Das Bauopfer bei den Südslaven, Wien, 1887 (оттискъ изъ Mittheilungen der Anthrop. Gesellschaft

Digitized by Google

Многочисленные факты, констатирующіе существованіе этихъ воззрѣній и связанныхъ съ ними обычаевъ у современныхъ и вымершихъ народовъ земного шара, даютъ полную возможность возстановить генезисъ и эволюцію этихъ воззрѣній и обычаевъ.

Въ болѣе раннюю эпоху эти жертвоприношенія имѣютъ настоятельный, но случайный и безпорядочный характеръ: трудно подмѣтить въ нихъ какую-нибудь общую идею, порядокъ выбора жертвъ и т. д.; иногда въ этомъ періодѣ, какъ и въ слѣдующемъ, жертвы избираются по жребію, отзвуки чего слышатся въ былинахъ о Садкѣ, параллельныхъ имъ малорусскихъ сказкахъ [1]), извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ о варяжскихъ отрокахъ—христіанахъ при Владимірѣ и, отчасти, въ малорусской думѣ объ Алексѣѣ Поповичѣ. Такой порядокъ одинаково падалъ всею своею тяжестью и на сильныхъ, и на слабыхъ,—на опору первобытнаго общества и на его балластъ. „Замѣна", которая играетъ такую важную роль въ примитивной эволюціи, придала этимъ жертвоприношеніямъ болѣе опредѣленныя формы и была вызвана, конечно, интересами сильныхъ: начали приносить въ жертву *только* плѣнныхъ, рабовъ, женщинъ, дѣтей и *стариковъ* [2]). Легко уловить тотъ психическій процессъ, слѣдствіемъ котораго явилась эта „замѣна": темная и страшная сила, которая проникала весь міръ извѣстныхъ

---

in Wien, B. XVII, der neuen Folge VII, 1887); Сборникъ мат. по этн., изд. при Дашк. М., II, 200; Сумцовъ, Курьтурн. переживанія, Кіев., Ст. 1889, V—VI, 489—492; Н. А. Янчукъ, По Минской губ., Москва, 1889, гл. II, 43 (Извѣстія И. Общ. л. Ест., Антр. и Этногр. Труды Этногр. Отд., кн. IX) и т. д.

[1]) Чубинскій, Труды, II, стр. 17 и т. д.

[2]) Воины Святослава, послѣ битвы съ Греками, вышли въ поле, „собрали всѣ трупы убитыхъ и на разложенныхъ кострахъ сожгли, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ. Совершивъ эту кровавую жертву, они погрузили въ струи Истра младенцевъ и пѣтуховъ, и такимъ образомъ задушили". См. Багалѣй, Исторія Льва Діакона, какъ источникъ для Русской Исторіи, стр. 19. Срв. Herod., III, 150. 159; Euseb. Hieron. Opera, Paris, 1845, II, 335; Girard de Rialle, De l'anthropophagie, étude d'ethnologie comparée, Paris. 1875, стр. 15 и т. д.

Digitized by Google

„варвару“ явленій, требовала жертвы—*человѣка вообще*; каковъ этотъ человѣкъ—безразлично для нея, но не безразлично для первобытнаго общества, для котораго, конечно, выгоднѣе было, чтобы приносился въ жертву безправный баластъ; кругъ неприносимыхъ въ жертву все болѣе и болѣе расширяется: позднѣе всего въ него входятъ женщины и дѣти. Такимъ образомъ, „замѣна“ является попыткой примиренія интересовъ общества и божества, но она на этомъ не останавливается: страхъ передъ природой уменьшается, увеличиваются потребности общества, и вмѣстѣ съ ними увеличивается раздѣленіе труда; всѣ члены общества имѣютъ *свой* трудъ, и лишаться ихъ по многимъ причинамъ невыгодно и неудобно для общества. Въ силу консервативности примитивныхъ воззрѣній сущность, идея остается, но въ нее постепенно прокрадываются фикціи, измѣненія, которыя постепенно придаютъ ей совершенно другой характеръ: жертвоприношенія по прежнему считаются необходимыми, но живые люди замѣняются частями ихъ тѣла—отрубленными пальцами, частью крови, волосами, наконецъ ихъ изображеніями, даже животными [1]).

Мнѣ кажется, что въ приведенныхъ выше классическихъ извѣстіяхъ сохранились отзвуки всѣхъ этихъ трехъ стадій: одни изъ нихъ говорятъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у „аборигиновъ“ вообще, причемъ изъ самаго контекста можно заключить, что опредѣленной *группы* приносимыхъ въ жертву не было, и что выбирали людей для этого, по всей вѣроятности, по жребію; другія говорятъ, что приносились въ жертву плѣнные эллины или дряхлые старики; и, наконецъ, всѣ эти извѣстія свидѣтельствуютъ, что человѣческія жертвоприношенія были замѣнены принесеніемъ въ жертву сдѣланныхъ изъ сосны, металла [2]), соломы,

1) Nowosielski, l. c.; Liebrecht, op. cit., 289—296; Тэйлоръ, I, 415—416, 437—436; Янчукъ, op. cit., I, 28; II, 31 и т. д.

2) Virgilius Maro, Georg. II, v.v. 388—389 (ed. Weise, Lipsiae. 1853, стр. 58): „et te, Bacche, vocant per carmina laeta, tibique oscilla ex alta suspendunt mollia pinu“; Воеводскій, Каннибализмъ въ греч. миѳахъ, стр. 237.

Digitized by Google

тростнику и воску изображеній, также посредствомъ „ver sacrum", т. е. замѣной принесенія въ жертву выселеніемъ въ другія мѣста для колонизаціи [1]).

По поводу этихъ изображеній невольно напрашивается гипотеза, на которой я остановлюсь мимоходомъ и которая, конечно, требуетъ еще большой провѣрки.

По всей Европѣ, до послѣдняго времени, былъ извѣстенъ обычай потопленія, сожженія и т. д. человѣкообразныхъ чучелъ—мужскихъ, но чаще женскихъ, которыя назвались Костромой, Мораной, „бабой", „дидомъ" [2]) и т. д. Самый обычай назвался „babu rzezati", „segare la vecchia", „serrar la velha", „рѣзать бабу", „смалыты дида" и т. д. Эти куклы дѣлались изъ различнаго матеріала (соломы, дерева, конопель и т. д.) и затѣмъ ихъ сжигали, бросали въ воду, разрывали на части, бросали въ нихъ камни и палки и т. д.; уничтожались онѣ въ разные времена года. Иногда, вмѣсто куклы, фигурировала самая старая баба села [3]). Для объяс-

[1]) Кулаковскій, Къ вопросу о началѣ Рима, стр. 76—95

[2]) Nowosielski, Lud, I, 123—125; Bastian, Die Rechtsverhältnisse, 296; Аѳанасьевъ. Поэт. воззр. слав. на природу, т. III, 692—696, 706, 723, 725; Iahn, „Die deutschen Opfergebräuche bei Ackerbau und Viehzucht" въ „Germanische Abhandlungen" Weinhold'a, Breslau, 1884, стр. 91—94, 133; Pajek, Czrtice iz duszevnega žitka sztajerskih Slovencev, v Ljubljani, 1884, стр. 2; Hanusch, Slaw. Myth., 413; Sumlork-Krolmus, Staroczeské powêsti, spêwy, slawnosti, hry, obyczeye a nàpêwy, т. II, w Praze, 1847, стр. 12—20; Изв. Имп. О. Л. Е., А, и Э., т. XIII, вып. I, стр. 100—104; Gołębiowski, Lud Polski, jego zwyczaje, zabobony, Warsz. 1830, 168—9; Сумцовъ, Культ. пережж., Киев. Ст. 1889, авг. стр. 424—425, сент. 632—3, 636—7; Киев. Стар. 1889, февр. 544 (изъ „Елисаветградскаго Вѣстника", 1889, № 11); Wisła, 1888, т. II, 439—440 (ścięcie śmierci); Kollár, op. cit., 171; Zibrt, op. cit., 19, 52—62, 102, 277; Kolberg, Lud, XV, 175 и Pokucie, III, 105; Siarkowski, Mat. do etn. ludu polskiego z okolic Pinczowa, Zbiòr, IX, 1885, Dz. etn. 56—8; Erben, Prostonàrodni czěské pisnê a rzikadla, v Praze, 1864, 57—8; Sbornik slovenskych nàrodnich piesni, povesti, prislovi, porekadiel, hàdok, hier, obyczajov a povier, sväzok I, vo Viedni, 1870, 186 и т. д.

[3]) Nowosielski, l. c., стр. 124: „w Barcelonie chłopacy biegają po ulicy, śpiewając piosnkę, że szukają najstarszéj baby w mieście, aby ją posiekać"; по другимъ извѣстіямъ, эту бабу подводили къ водѣ и дѣлали видъ, что ее бросаютъ въ рѣку, бьютъ и т. д.

Digitized by Google

ненія этого обычая миѳологи устанавливаютъ равенство: старость—зима—смерть, и считаютъ его проводами зимы-смерти. Разбирать степень достовѣрности и древности этого равенства я не буду, такъ какъ заходить въ дебри миѳологіи при теперешнемъ состояніи науки довольно опасно; замѣчу только, что миѳологическая экзегеза этого обычая оставляетъ безъ вниманія, да и не можетъ объяснить съ своей точки зрѣнія нѣсколько очень важныхъ подробностей: чередованіе мужскихъ и женскихъ чучелъ и истребленіе ихъ въ разныя времена года у одного и того же народа, рядъ выраженій пѣсенъ, связанныхъ съ этимъ обрядомъ и т. д.

По моему мнѣнію, эти обряды—искаженныя переживанія обычая убійства стариковъ и старухъ, чучела, куклы—тоже, что и римскіе аргеи, сигилляріи, осциллы. Мнѣ кажется, что чередованіе мужскихъ и женскихъ чучелъ указываетъ на разницу въ степени древности обычаевъ, ибо, какъ увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, мужчинъ перестали убивать раньше, чѣмъ женщинъ, и въ однихъ случаяхъ могла сохраниться болѣе древняя „замѣна", „выкупъ" жертвоприношенія мужчинъ ихъ изображеніями, въ другихъ болѣе поздняя—женщинъ. Выше мы ужъ видѣли, что классическія извѣстія даютъ намъ два разныхъ указанія относительно количества аргеевъ—24 и 30, причемъ 24 встрѣчается только въ одномъ изъ плохихъ изданій Варрона, лучшія же и новѣйшія изданія этого писателя и другихъ авторовъ говорятъ о 30 аргеяхъ. Трудно, конечно, сказать, какъ объяснить это число: по всей вѣроятности, сначала каждый бросалъ ихъ „за себя и своихъ", какъ и сигилляріи; затѣмъ, вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ причинъ (можетъ быть, подъ вліяніемъ общераспространеннаго символическаго числа 30 или числа родовъ, основавшихъ путемъ синойкизма городъ) это число сдѣлалось устойчивымъ и опредѣленнымъ, чего не было съ сигилляріями. Такъ, вѣроятно, было сначала съ чучелами Костромы, Мораны и т. д. Человѣческія жертвоприношенія обыкновенно пріурочиваются къ большимъ годичнымъ праздникамъ—повороту съ зимы на лѣто, встрѣчѣ весны и умило-

Digitized by Google

стивленію грозной для первобытнаго человѣка стихіи—воды; особенно многочисленны они должны были быть весной, когда встрѣча весны сталкивалась съ умилостивленіемъ воды и когда вопросъ о пропитаніи и о „лишнихъ ртахъ" принималъ наиболѣе острый характеръ, особливо въ одѣленныхъ природой странахъ, такъ что и экономическій стимулъ могъ побуждать увеличивать число жертвъ. Къ этому же времени должна была быть пріуроченой и „замѣна" этихъ жертвоприношеній истребленіемъ человѣкообразныхъ чучелъ; когда смыслъ этого обряда былъ забытъ, совпаденіе его весной съ проводами зимы могло натолкнуть на новое и невѣрное по существу толкованіе, что эти куклы изображали зиму—смерть; такое толкованіе могло сократить число куколъ до одной и произвести подобное же давленіе на параллельные обряды другихъ временъ года. Конечно, такой процессъ совершался постепенно, въ теченіи многихъ вѣковъ; самыя древнія свидѣтельства, которыя мы имѣемъ, даютъ намъ двѣ первыя стадіи этого процесса, существовавшія у римлянъ рядомъ и, видимо, безъ вліянія другъ на друга: жертвоприношеніе *неопредѣленнаго* числа сигиллярій и осциллъ (болѣе ранняя форма) и жертвоприношеніе *опредѣленнаго* количества аргеевъ (болѣе поздняя форма); позднѣйшія извѣстія о другихъ европейскихъ народахъ и современныя „survivals in culture" (культурныя переживанія), какъ выражается Тейлоръ, даютъ намъ послѣднюю и искаженную форму этого обычая—обрядъ уничтоженія Мораны, Костромы и т. д.

Фигурирующая иногда въ этихъ обрядахъ старуха, названіе самаго обряда, сходство способовъ уничтоженія этихъ куколъ со способами человѣческихъ жертвоприношеній, почти полное совпаденіе въ подробностяхъ этихъ обрядовъ съ римскими обычаями потопленія и сожженія аргеевъ и сигиллярій, совпаденіе времени Сатурналій, празднества Аргеевъ и Бакханалій или Либералій со временемъ совершенія этихъ обрядовъ и т. д., слова пѣсенъ, которыя поются при совершеніи обряда [1])—все это придаетъ нѣкоторое вѣроятіе нашей

[1]) Nowosielski, l. c., стр. 124 (это мѣсто приведено нѣсколько

Digitized by Google

гипотезѣ. Кстати, припомнимъ очень мѣткое старинное изреченіе: „nihil est in religione, quod non fuerit in vita“ и многознаменательныя слова А. Н. Веселовскаго: „попытка миѳологической экзегезы должна начинаться тогда, когда уже кончены всѣ счеты съ исторіей“ (предисл. къ Соломону и Китоврасу)...

Такимъ образомъ несомнѣнно, что у римлянъ существовалъ обычай убіенія стариковъ; въ эволюціи этого обычая, какъ и можно было предполагать a priori, наибольшую роль сыграли религія и жертвоприношенія разнымъ божествамъ. Мрачный характеръ Лемуралій и другихъ римскихъ празднествъ въ честь мертвыхъ,—обычаевъ и воззрѣній, связанныхъ съ культомъ предковъ позволяетъ предположить, что въ эволюціи нашего обычая сыграли свою роль и идеи защитительнаго и умилостивительнаго культа. Объ экономической причинѣ, которая могла дѣйствовать при возникновеніи обычая и навѣрно дѣйствовала при его временномъ возобновленіи въ эпоху нашествія Галловъ, намъ ужъ приходилось отчасти говорить. Разнообразныя переживанія этого обычая очень долго не исчезаютъ изъ римской жизни: ихъ сметаетъ великій переворотъ въ жизни Италіи и всей Европы—Христіанство...

Въ виду всего вышесказаннаго, странно наталкиваться на ту постановку, какую даетъ интересующему насъ вопросу такой замѣчательный ученый, какъ Моммсенъ [1]). Говоря о „купеческой аккуратности“, съ какой исполнялись обряды богослуженія у римлянъ, и о „спекуляціяхъ съ богомъ“, т. е. обычаѣ давать и принимать вмѣсто предмета

выше, въ предыдущемъ примѣчаніи); стр. 123: „U czechów Niemieckich... tak śpiéwają:

Nun treiben wir den Tod aus,
Den alten Weibern in das Haus,
Den Reichen in den Kasten,
Heute ist Mittfasten“.

[1]) „Римская исторія“, т. I, Москва, 1887, стр. 172.

Digitized by Google

его изображеніе, онъ прибавляетъ: „владыкѣ небесъ преподносили луковичныя и маковыя головки для того, чтобы на нихъ, а не на человѣческія головы онъ направилъ свои молніи; въ искупленіе жертвы, которой ежегодно требовалъ для себя отецъ Тибръ, въ волны рѣки ежегодно бросали 30 сплетенныхъ изъ прутьевъ куколъ (было бы совершенно безразсудно (?) видѣть въ этомъ случаѣ остатки старинныхъ человѣческихъ жертвоприношеній). Здѣсь понятія о божескомъ милосердіи и объ умиротвореніи смѣшиваются съ благочестивымъ лукавствомъ, которое пытается ввести грознаго властелина въ заблужденіе и отдѣлаться отъ него путемъ мнимаго удовлетворенія". Такая постановка вопроса остроумна, но, по моему мнѣнію, совершенно невѣрна: Моммсенъ приписываетъ особенностямъ римскаго характера то, что составляетъ неотъемлемую принадлежность примитивнаго развитія вообще. Называя со свойственнымъ ему язвительнымъ остроуміемъ „замѣны" „спекуляціими съ богомъ" и слѣдствіемъ „купеческой аккуратности" римлянъ, онъ упускаетъ изъ виду аналогіи изъ быта народовъ, стоявшихъ и стоящихъ на одной ступени развитія съ тогдашними римлянами,—а этими аналогіями, въ данномъ случаѣ, пользоваться *необходимо;* подводя подъ одну категорію такія, далеко не совпадающія въ своихъ подробностяхъ явленія, какъ отведеніе молніи съ человѣческой головы на головки луку и мака—и аргеи, онъ оставляетъ въ сторонѣ тѣсно связанный съ аргеями вопросъ о „sexagenarios de ponte", „depontani", сигилляріяхъ, осциллахъ и т. д. и совершенно произвольно считаетъ аргеи жертвоприношеніемъ *только* одному Тибру, вѣрнѣе — „спекуляціей" съ однимъ *только* Тибромъ, забывая или не желая говорить о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у римлянъ вообще. Затѣмъ, разъ римляне считали нужнымъ приносить въ жертву свои изображенія Тибру, Сатурну, Зевсу, Вакху и т. д.,—значитъ они замѣнили этими изображеніями живыхъ людей—иначе „замѣна" была бы актомъ, совершенно безсмысленнымъ: Тибръ, молнія могли сами выбирать себѣ жертвы, и, съ точки зрѣнія Моммсена, ихъ

Digitized by Google

еще можно было „лукаво“ предупредить и обойти ихъ „мнимымъ удовлетвореніемъ“, но это совершенно непримѣнимо къ другимъ олицетвореніямъ и божествамъ, требовавшимъ, по первобытнымъ воззрѣніямъ, человѣческой крови, искупительныхъ жертвъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, утверждая такъ положительно, что римляне пошли въ данномъ случаѣ по пути, совершенно отличномъ отъ всѣхъ другихъ народовъ, слѣдовало обстоятельно доказать это подробнымъ разборомъ древнихъ извѣстій о существованіи этого обычая у римлянъ,— доказать, что аналогіи изъ жизни другихъ народовъ въ данномъ случаѣ неумѣстны и непримѣнимы...

Гораздо скуднѣе имѣющіяся у насъ подъ руками извѣстія о существованіи этого обычая у Грековъ. До насъ дошло только нѣсколько такихъ извѣстій объ островѣ Кеосѣ и, кажется, Массиліи, которыя слабо пополняются косвенными указаніями Гомера и новогреческими легендами, на которыхъ вообще трудно что-нибудь обосновывать въ виду крайней сложности этнографическаго состава новогреческаго народа. Къ такимъ косвеннымъ указаніямъ можно отнести и несомнѣнно существовавшія у древнихъ Грековъ человѣческія жертвоприношенія, дѣтоубійство, явленіе, параллельное римскому „ver sacrum“—обычаи, тѣсно связанные у другихъ народовъ съ убійствомъ стариковъ. По свидѣтельству Страбона [1]) „у Кеосцевъ, кажется (?), былъ постановленъ законъ, о которомъ вспоминаетъ Менандръ [2]) (въ слѣдующихъ словахъ): „прекрасенъ, о Фанія, законъ Кеосцевъ, по которому тотъ, кто не можетъ жить хорошо и честно, не живетъ постыдно“. Законъ этотъ, какъ кажется (?), предписывалъ отравлять *цикутою* стариковъ свыше 60 лѣтъ, *чтобы было достаточно пищи для остающихся въ живыхъ.* Разсказываютъ, что Кеосцы, будучи осаждены нѣкогда

[1]) Strabonis Geographica, ed Müller et Dübner, Parisiis, 1853, Lib. X, cap. V, 6.

[2]) Аѳинскій комикъ (342—290 до Р. Хр.).

Digitized by Google

Аѳинянами, издали постановленіе, по которому самые старые граждане должны были быть умерщвляемы, причемъ былъ опредѣленъ и (предѣльный) возрастъ ихъ [1]); Аѳиняне послѣ этого сняли осаду". Не смотря на всю свою осторожность, которая выразилась въ повторяющемся кстати и некстати „кажется", Страбонъ видимо слилъ въ этомъ отрывкѣ два разныхъ разсказа: о существованіи интересующаго насъ обычая у Кеосцевъ въ болѣе древнее время и о возобновленіи его при блокадѣ Кеоса Аѳинянами. Любопытно, что въ разсказѣ Страбона рѣзко подчеркивается экономическая подкладка обычая.

Чрезвычайно важнымъ дополненіемъ къ этому извѣстію являются слова гораздо болѣе древняго писателя, чѣмъ Страбонъ,—Гераклида Понтійскаго (IV в. до Р. Хр.) [2]) въ его сочиненіи „О государствахъ": „такъ какъ этотъ островъ (Кеосъ) здоровъ и люди, *особливо женщины*, доживаютъ тамъ до глубокой старости, то жители его не ждутъ (естественнаго) конца жизни стариковъ, но, *прежде чѣмъ у нихъ ослабѣютъ силы, сдѣлается дряхлымъ тѣло*, ихъ умерщвляютъ цикутой или *макомъ*". Эліанъ [3]), писатель III в. по Р. Хр., разсказывая объ этомъ Кеосскомъ обычаѣ, неизвѣстно, на основаніи какихъ источниковъ, прибавляетъ, что старики являлись на смерть увѣнчанными, какъ будто бы на пиръ

---

[1]) Любопытно отношеніе къ старости и взглядъ на предѣльный возрастъ греческаго поэта VII в. до Р. Хр., Мимнерма. Nageotte, Hist. de la littér. grecque depuis ses origines jusq'au VI-e siècle de notre ère, Paris, 1887, стр. 119 (срв. 118): „voilà le sujet ordinaire des chants de Mimnerme: des regrets sur la fuite des plaisirs, des plaintes résignées sur la vieillesse inévitable, cette vieillesse qui lui fait peur avec ses défaillances, ses rides, son masque hideux"; стр. 122: „Mimnerme souhaitait de mourir à soixante ans. Solon lui conseilla gaiement de reculer la limite jusqu'á quatre-vingts".

[2]) Heraclidae Pontici de politiis libellus, ed. Cragii, Lugduni Batavorum, CIOIOCLXX, стр. 517—519; Müller, Fragmenta historicorum graecorum, Parisiis, т. II, 1848, IX, 5, стр. 215.

[3]) Müller, ib; Aeliani sophistae varia historia, ed. Vulteji et Perizonii, Lugduni, 1701, III, 37, стр. 265—6.

Digitized by Google

или празднество, и умирали, сознавая свою безполезность для государства. Стефанъ Византійскій [4]), писатель VII в. по Р. Хр , подъ словомъ Iulis (городъ на о. Кеосѣ) почти дословно повторяетъ первую часть извѣстія Страбона. Валерій Максимъ (I в. по Р. Хр.) [5]), разсказывая о жителяхъ Массиліи, фокейской колоніи, нынѣшняго Марселя, даетъ очень любопытное извѣстіе и о Кеосѣ. По его словамъ у Массилійцевъ осужденные на смерть „совѣтомъ 600" или сенатомъ, отравлялись цикутою; онъ не думаетъ, чтобы этотъ обычай былъ галльскаго происхожденія, но считаетъ его занесеннымъ изъ Греціи: мнѣніе вполнѣ основательное, ибо такой способъ наказанія практиковался въ Аѳинахъ (припомнимъ исторію Сократа). По этому поводу Валерій вспоминаетъ очень интересный для насъ случай изъ своей жизни. Направляясь со своимъ покровителемъ Секстомъ Помпеемъ въ Азію, прибылъ онъ въ Кеосскій городъ Юлиду. Какъ разъ въ это время „одна очень почтенная женщина, достигшая глубокой старости (болѣе 90 лѣтъ), послѣ того какъ былъ данъ отчетъ гражданамъ о томъ, почему она *должна* была умереть (reddita ratione civibus, cur excedere vita deberet), рѣшила принять ядъ". Полагая, что присутствіе Помпея сдѣлаетъ болѣе славной ея смерть, она пригласила его; но явившійся Помпей, не смотря на все свое краснорѣчіе, никакъ не могъ отговорить ее. Она поблагодарила Помпея за то, что онъ не побрезгалъ явиться и разговаривать съ нею, посовѣтовала своимъ родственникамъ жить въ согласіи, раздѣлила наслѣдство и, лежа на постели, выпила кубокъ съ ядомъ. Она умирала въ полной памяти и съ молитвами на устахъ, прощалась съ близкими, говорила о дѣйствіи яда, а Валерій и Помпей со свитой оцѣпенѣли отъ никогда невиданнаго зрѣлища, отъ такого мужества...

---

[4]) Stephani Byzantii Ethnicôn, ed. Westermann, Lipsiae, 1839, стр. 148.

[5]) Panckoucke, bibliothèque latine—française Valére Maxime, т. I., Paris, 1834, lib. II, cap. 6, 7 и 8, стр. 192—194.

Digitized by Google

Такимъ образомъ относительно Кеоса фактъ убійства стариковъ можно считать прочно установленнымъ; основываясь на внутренней связи обѣихъ частей разсказа Валерія, можно думать, что этотъ обычай практиковался и въ Массиліи, принимая, какъ и на Кеосѣ, видъ вынужденнаго или добровольнаго самоубійства—отравленія цикутой. Изъ разсказа Валерія видно, что этотъ обычай не вышелъ изъ употребленія на Кеосѣ даже въ I-мъ вѣкѣ нашей эры, хотя и очень смягчился,—что для осуществленія его нужно было рѣшеніе гражданъ: въ Массиліи, можетъ быть, этимъ завѣдывалъ сенатъ. Трудно думать, чтобы Кеосъ и, можетъ быть, Массилія были исключеніемъ [1]). Гомеръ яркими чертами рисуетъ ту унизительную роль, то всеобщее пренебреженіе, среди котораго жили одряхлѣвшіе, лишившіеся вслѣдствіе старости владычества цари Лаэртъ и Пелей: врядъ-ли это пренебреженіе не вело раньше къ убійству. Изъ самыхъ Гомеровскихъ пѣсенъ видно, что въ то время въ греческой семьѣ ужъ началась революція противъ пренебреженія къ старикамъ, которая впослѣдствіи произвела давленіе и на все общество: Ахиллесъ и Одиссей негодуютъ по поводу такого отношенія къ ихъ отцамъ, престарѣлый, но не дряхлый Несторъ пользуется ужъ уваженіемъ... Изъ этого можно заключить, что убійство стариковъ, если оно практиковалось повсемѣстно въ Греціи, прекратилось у болѣе культурныхъ племенъ въ очень раннюю эпоху, чѣмъ и объясняется, можетъ быть, скудость извѣстій о немъ; только у нѣкоторыхъ, менѣе культурныхъ племенъ существовало оно до болѣе поздняго времени. Интересно, что на Парнассѣ одна скала до сихъ поръ еще называется „ho geronobrachos" т. е. „скалой стариковъ", такъ какъ съ этой скалы, по мѣстнымъ сказаніямъ, древніе низвергали неспособныхъ къ труду стари-

---

1) Xenophontis Memorabilia, ed. Dindorfii, Lipsiae, 1878, lib. I, c. II, § 55, стр. 16: Сократъ „taut'un elegen, u ton men patera zôuta katorutteiu didaskôn, heauton de katatemnein, all'" и т. д. Можетъ быть, въ этихъ словахъ заключается глухой намекъ, относящійся къ нашему обычаю.

Digitized by Google

ковъ: это названіе почти идентично съ скандинавской „aet-ternis stapi“ (фамильная или кланная скала), къ которой привязаны такія же точно преданія [2]). Подобныя легенды связаны и со скалой Dzastas, на островѣ Гидрѣ (возлѣ Арголиды) [3]). Въ этихъ новогреческихъ легендахъ, можетъ быть, сохранились древне-греческія *народныя* преданія, которыя почему-то не проникли въ классическую литературу—по всей вѣроятности по тѣмъ же причинамъ, по которымъ Овидій отрицалъ убійство стариковъ у Римлянъ; утверждать этого, конечно, нельзя, такъ какъ эти легенды могли принадлежать и другимъ наслоеніямъ новогреческаго народа.

В. В. Каллашъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Дополненія и поправки къ I главѣ *). Стр. 124 (отд. отт. 10), строка 16 сверху: вм. которому—которымъ. Стр. 126 (12), примѣч. 1, прибавить: «Кромѣ указанной выше причины дѣйствовали, конечно, въ процессѣ созданія сказаній о гинекократіи и другіе факторы: 1) перенесеніе порядковъ патріархальнаго строя въ эпоху материнства, т. е. невѣрное толкованіе его отзвуковъ съ новой точки зрѣнія, своеобразное пониманіе въ эпоху патріархата терминологіи и порядковъ предшествующей ступени развитія; 2) неумѣренная идеализація женщинами, въ эпоху ихъ рабства, своего прежняго положенія—и, конечно, 3) память о дѣйствительныхъ фактахъ приниженности мужа въ семьѣ, сплоченной подъ эгидой матери и ея брата (см. *Реклю*, Матер. главенство въ примит. семьѣ, Рус. Бог., 1883, I, 129—157; *Зиберъ*, Очерки первоб. экон. культ., 277—284; *Лёббокъ*, Нач. цивил., 57 и т. д.). Что вопросъ о гинекократіи нельзя вообще считать поконченнымъ, можно видѣть изъ прекрасной статьи г. *Русанова*: «Жизнь и соч. Бахофена» (Рус. Мысль, 1889, VI, 185—211).—Стр. 131 (17), прим. 5, вм. II, 106 чит. II, 183—4.—Стр. 134 (20), прим. 3, прибавить: «Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду всѣ періоды, слѣдовавшіе за первоначальной эпохой равенства мужчинъ и женщинъ».

В. К.

---

[2]) Grimm, Rechtsalterth., Weinhold, „Ausland“, l. c.

[3]) Schmidt, l. c.; Bröndstedt, Voyages dans la Grèce, I livr., Paris, 1826, 63 и слѣд.; Böckh, Rohde, l. c.; Breto. Ethnikon hêmerologion, 1867, 97; Ross, Griechische Königsreisen, I, 55 и слѣд.; Reisen in Peloponnes, 93, прим. 53.

*) См. „Этногр. Обозр.“ кн. 1.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Книги и ученыя изданія.

Д. Н. Анучинъ. «О географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія Россіи». (Изъ Записокъ Имп. Р. Геогр. Общ. по отдѣл. статистики, т. VII, в. 1.). С.-ПБ. 1889, стр. 184,8°, съ 10-ю раскрашенными картами.—Изслѣдованіе Д. Н. Анучина, представляющее собою цѣнный вкладъ въ нашу антропологическо-этнографическую литературу, дѣлится на двѣ части: въ первой говорится о географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія въ Западной Европѣ, во второй — о такомъ же распредѣленіи въ Россійской Имперіи по даннымъ объ общей воинской повинности за первое десятилѣтіе. Въ первой общей части говорится о прежнихъ взглядахъ на варіаціи человѣческаго роста и о работахъ ученыхъ Запада и Соединенныхъ Штатовъ надъ изслѣдованіемъ человѣческаго роста, его географическаго распредѣленія, о вліяніи на ростъ климата, мѣстности, рода занятій, продолжительныхъ войнъ, расы, почвенныхъ условій и т. д. Во второй части авторъ, давъ историческій очеркъ вопроса объ изслѣдованіи роста въ Россіи, переходитъ къ анализу данныхъ о новобранцахъ 1874—1883 гг., группируетъ ихъ, слѣдитъ за географическимъ распредѣленіемъ средняго роста, низкорослости, высокорослости, вычисляетъ процентъ ихъ по губерніямъ и уѣздамъ и иллюстрируетъ все это картами крашенными въ нѣсколько тоновъ. Такимъ образомъ наглядно опредѣляется два центра высокорослости: одинъ на югѣ близъ Чернаго моря, другой въ Прибалтійскомъ пространствѣ, и два центра малорослости: одинъ на востокѣ, другой на крайнемъ западѣ; малорослость проходитъ поперечной полосой отъ Минской, Гродненской губ. до Пензенской, Симбирской, Казанской. Кромѣ того малорослость является оазисами между высокорослыми и средними районами, а высокорослость нерѣдко между малорослыми.—Географиче-

Digitized by Google

ское распредѣленіе роста авторъ старается объяснять разнаго рода факторами, вліяющими на ростъ человѣка, какъ напримѣръ, условіями географическими, почвенными, климатическими, экономическими, антропологическими и этнографическими. Оказывается, что высокорослость и почвенныя условія не имѣютъ соотношенія: если, напримѣръ, и является въ черноземной полосѣ высокорослость, то въ ней-же встрѣчаются районы средніе и даже малорослые, высокій же ростъ встрѣчается и въ районахъ песчаныхъ. Меньшее количество неудобныхъ земель Тульской губерніи совпадаетъ какъ разъ съ малорослостью. Между величиной надѣла и ростомъ нѣтъ связи, а если взять во вниманіе избытокъ хлѣба, то его даютъ скорѣе малорослые, чѣмъ высокорослые районы. Такіе факторы, какъ лѣсистость мѣстности, скотоводство, сельская архитектура а также и половой составъ населенія губерніи, все это имѣетъ мало соотношенія съ ростомъ или даже не имѣетъ никакого. Распредѣленіе количества брачующихся указываетъ на зависимость отъ вѣроисповѣдныхъ условій, но соотношенія съ ростомъ не имѣетъ. Родъ занятій, плохое питаніе, плохіе гигіеническія условія должны вліять на ростъ, но пока данныхъ по этому отдѣлу мало. Могучимъ факторомъ, вліяющимъ на ростъ, является раса, колонизація, сліяніе расъ посредствомъ смѣшанныхъ браковъ; такимъ образомъ, смотря по тому, напримѣръ, съ кѣмъ смѣшивались славяне новгородскіе или малороссы, отличавшіеся большимъ ростомъ,—съ низкорослымъ инородческимъ элементомъ или высокорослымъ,—получался районъ низкорослый или высокорослый: въ первомъ случаѣ примѣсь низкорослой инородческой крови (вогулы, остяки, чуваши и др.) понижала ростъ смѣшивающейся съ нею народности, во второмъ случаѣ высокорослый инородческій элементъ поддерживалъ уже существующую высокорослость. Въ заключеніе авторъ высказываетъ свой взглядъ на существующія условія пріема новобранцевъ въ Россіи, а также пожеланіе чтобы данныя о воинской повинности собирались болѣе точно и опредѣленно, чтобы людьми компетентными была выработана подробная инструкція для воинскихъ присутствій. Въ приложеніи заключаются таблицы средняго роста по губерніямъ и уѣздамъ Россійской Имперіи, а также 10 картъ на которыхъ въ нѣсколькихъ тонахъ обозначены процентныя данныя о ростѣ, болѣзняхъ, невозмужалости, о женатыхъ новобранцахъ.—До сихъ поръ данныя по измѣреніямъ, произведеннымъ отдѣльными лицами и учрежденіями, разрабатывались у насъ въ Россіи или по отдѣльнымъ районамъ (Снегиревъ, Симдовичъ, Укке) или по отдѣльнымъ производствамъ (Погожевъ, Рума); выдающіяся работы проф. Эрисмана посвящены исключительно изслѣдованію фабричнаго населенія; изслѣдованіе же проф. Анучина, отличающееся большою эрудиціею и глубиною анализа, займетъ несомнѣнно

Digitized by Google

первое мѣсто среди трудовъ этого рода, какъ по обширности района имъ охваченнаго, такъ и по массѣ разнообразнаго и громаднаго матеріала сгруппированнаго и освѣщеннаго почтеннымъ авторомъ [1]).

Г. И. К.

Алексѣй Харузинъ, Киргизы Букеевской Орды. Антрополого-Этнологическій очеркъ. Ввыпускъ первый. (Извѣстія Имп. Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. LXIII, Труды Антропологическаго Отдѣла, т. 10). Москва, 1889, 4°, стр. $1+\frac{550+\text{LIX}+16}{2}+2$ нен. Ц. 3 р. 50. к.

Антропологія и этнографія—науки тѣсно связанныя между собою: одна пополняетъ другую, одна почти не мыслима безъ другой. Антропологъ, если только онъ, не ограничиваясь мертвыми костями, принимается за изслѣдованіе надъ живою народностью, не можетъ не быть, хотя бы отчасти, и этнографомъ; этнографъ часто ждетъ помощи и подтвержденія своихъ выводовъ и теорій отъ антрополога. Поэтому особенно бываетъ важно и полезно въ интересахъ обѣихъ наукъ, когда обѣ эти отрасли знанія соединяются въ одномъ лицѣ. Такое отрадное явленіе мы видимъ въ новомъ изслѣдователѣ киргизовъ А. Н. Харузинѣ, который, будучи спеціалистомъ-зоологомъ, сумѣлъ примѣнить въ своемъ объемистомъ трудѣ требованія современной антропологической и этнографической науки и далъ прекрасный образецъ того, что можно сдѣлать энергіею, трудомъ и любовью къ дѣлу, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Имя г. Алексѣя Харузина впервые появилось передъ публикой три года тому назадъ, правда, въ болѣе тѣсномъ ученомъ кружкѣ, когда въ засѣданіи Зоологическаго Отдѣла Имп. Общ. Люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи (5 окт. 1886 г.) были читаны его письма съ береговъ Чернаго и Эгейскаго морей, куда онъ былъ командированъ названнымъ Обществомъ съ зоологическою цѣлью. (См. «Извѣстія» Общества, т. L, в. 2 и т. LI, в. 1). Въ слѣдующіе затѣмъ два года онъ отправлялся въ командировки въ Киргизскую Букеевскую степь и съ особеннымъ рвеніемъ принялся за изученіе этой страны и народности. Въ 1888 г. появилась хорошо изданная имъ и легко читающаяся книжка «Степные очерки»—изъ записной книжки. Это была, такъ сказать, лишь небольшая прелюдія на киргизскія темы къ громадной симфоніи, надъ которою авторъ работалъ болѣе двухъ лѣтъ, и которой первая часть, вышедшая въ свѣтъ нынѣшней весною, составляетъ предметъ

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ собираніи матеріала, которымъ пользовался проф. Д. Н. Анучинъ, по вопросу о ростѣ новобранцевъ, дѣятельное участіе принимало Моск. Имп Общество люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. *Ред.*

Digitized by Google

нашей замѣтки. Этотъ первый объемистый выпускъ въ 40 печатныхъ листовъ содержитъ въ себѣ части этнографическую и антропологическую (для продолженія имѣется въ виду матеріалъ антропологическій же, а затѣмъ зоологическій), и хотя антропологія въ этой книгѣ нѣсколько преобладаетъ, хотя изслѣдованіе включено въ серію «Трудовъ Антропологическаго Отдѣла» и даже представлено къ антропологической преміи имени проф. А. П. Расцвѣтова, тѣмъ не менѣе и по части этнографіи книга является такою цѣнною новинкою, что заслуживаетъ и съ нашей стороны полнаго вниманія.

Этнографія киргизовъ ведетъ свое начало еще съ прошлаго вѣка, съ извѣстнаго русскаго путешественника Лепехина, посѣтившаго Внутреннюю (по сю сторону Урала), или иначе Букеевскую орду, въ 1768 и 1769 гг. Съ тѣхъ поръ цѣлый рядъ путешественниковъ, ученыхъ и туристовъ оставили множество изслѣдованій, записокъ и т. д. Болѣе 500 названій просмотрѣнныхъ авторомъ книгъ, брошюръ, статей касающихся киргизовъ — наглядно доказываютъ, что эта народность была особенно счастлива въ этомъ отношеніи. Но это богатство матеріала, помогая съ одной стороны новому изслѣдователю основательнѣе ознакомиться съ вопросомъ, въ то же время ставитъ его въ немалое затрудненіе, предлагая ему особыя требованія. Уже не малый трудъ разыскать всѣ эти данныя, разбросанныя по всевозможнымъ изданіямъ, и разобраться въ нихъ, и хотя бы даже изслѣдователь ограничился компиляторствомъ, то и въ этомъ случаѣ работа была бы не малая, если только онъ пожелалъ бы дать нѣчто полное, цѣльное. Для изслѣдователя же, который старается придерживаться строго научной почвы и ставитъ себѣ цѣлью критическую разработку имѣющихся свѣдѣній, эта работа удваивается; за то и заслуга его несравненно больше. А. Харузинъ, исполняя эту послѣднюю задачу, кромѣ того даетъ массу свѣжаго чрезвычайно интереснаго матеріала, добытаго имъ во время двукратнаго путешествія по киргизской степи, и, благодаря особенно удачному методу, который прилагается авторомъ въ трактованіи затронутыхъ имъ вопросовъ, все его изслѣдованіе является въ высшей степени цѣннымъ. Методъ его преимущественно сравнительно-историческій. Личныя наблюденія, выводы не ставятся имъ отдѣльно, особнякомъ, а освѣщаются, объясняются и подтверждаются исторіей киргизовъ, данными предшествующихъ изслѣдователей и сравненіемъ букеевскихъ киргизовъ съ киргизами зауральскими.

Во введеніи, послѣ очерка экспедицій въ Букеевскую степь и разсмотрѣнія литературы о киргизахъ, авторъ подробнѣе останавливается на исторіи самой Букеевской орды; эта исторія свидѣтельствуетъ съ одной стороны о живучести киргизской народности, съ другой стороны объ искусной и благоразумной политикѣ нашего пра-

Digitized by Google

вительства по отношенію къ Букеевской ордѣ, если не считать одного крупнаго промаха, именно покровительства магометанству, о которомъ одинъ изъ изслѣдователей азіатскихъ киргизовъ Ланседель замѣчаетъ, что киргизы по стольку сдѣлались магометанами, по скольку старались объ этомъ русскіе. Самою свѣтлою личностью въ исторіи Внутренней, или Букеевской орды является ханъ Джангиръ, преобразователь орды, послѣ смерти котораго (1847) вскорѣ было уничтожено въ ордѣ ханское достоинство, и управленіе постепенно перешло къ русскимъ. Основная мысль этнографической части изслѣдованія г. А. Харузина—это распаденіе стариннаго быта киргизовъ-букеевцевъ. Эта мысль проводится во всѣхъ главахъ первой части выпуска, въ которыхъ подробно трактуется съ этой точки зрѣнія о родовомъ и сословномъ устройствѣ киргизовъ, о религіи, объ образѣ жизни, о семейномъ устройствѣ, о судоустройствѣ и судопроизводствѣ и другихъ сторонахъ быта, каковы: празднества, игры, охота, пѣніе и пѣсня, могилы, тамги и пр. Не останавливаясь подробно, за недостаткомъ мѣста, на этихъ главахъ, полныхъ живого интереса, укажемъ только выводы, къ какимъ пришелъ авторъ: 1) Киргизы вообще и букеевцы въ особенности, падаютъ въ своемъ національномъ быту, какъ это явствуетъ изъ разсмотрѣнія вышеуказанныхъ вопросовъ, затронутыхъ авторомъ. Этотъ упадокъ въ Букеевской ордѣ вызванъ: а) условіями, въ которыя поставлена эта орда историческими событіями, отрѣзавшими ее отъ всего обширнаго киргизскаго народа; б) реформами хана Джангира, стремившагося цивилизовать орду; в) сильнымъ, не прекращающимся вліяніемъ татаръ на религіозную и бытовую жизнь; г) вліяніемъ русскихъ, выражающимся почти исключительно въ дѣйствіяхъ правительства. 2) Киргизы внутренней или Букеевской орды во время своей 90-лѣтней жизни по сю сторону Урала сдѣлали значительный прогрессъ въ развитіи гражданственности, которая выразилась въ полуосѣдлой жизни и въ замиреніи степи. 3) Въ настоящее время орда находится подъ вліяніемъ двухъ теченій—русскаго и въ особенности татарскаго, и идетъ къ сліянію частью съ элементомъ русскимъ, а главнымъ образомъ съ элементомъ татарскимъ.

Второй отдѣлъ книги, озаглавленный: «къ антропологіи киргизовъ», содержитъ въ себѣ часть общую и спеціально-антропологическую. Тѣ данныя, которыя авторъ помѣстилъ здѣсь въ общей части, собственно говоря, могли-бы быть въ значительной степени отнесены къ этнографіи. Здѣсь, именно, рѣчь идетъ о состояніи образованія въ киргизской степи, объ экономическомъ положеніи населенія, о характерѣ киргизовъ, о ихъ физическихъ свойствахъ, болѣзняхъ, питаніи, и всѣ эти вопросы, какъ всегда, разбираются со всею обстоятельностью. Еще большею обстоятельностью и строгостью плана отличается спе-

Digitized by Google

ціально-антропологическая часть, въ которой и этнографъ найдетъ для себя поучительныя данныя, хотя бы напримѣръ въ главѣ о типѣ киргизовъ, гдѣ исторически прослѣжено образованіе типа, его признаки, видоизмѣненіе подъ вліяніемъ условій жизни, смѣшеній и пр. По этому вопросу авторъ приходитъ къ любопытнымъ выводамъ, что киргизы представляютъ собою продуктъ смѣси монгольской и европейской расъ; что хотя съ теченіемъ времени образовался средній специально-киргизскій типъ, но все таки рядомъ съ этимъ часто появляются сильныя отклоненія то въ сторону монгольской расы, то въ сторону европейской; что у молодыхъ субъектовъ черты монголизма выражены гораздо рѣзче, чѣмъ у взрослыхъ, а старики нерѣдко совсѣмъ теряютъ монгольскія черты. Не касаясь дальнѣйшей, болѣе спеціальной части, содержащей описанія и измѣренія болѣе 150 субъектовъ, произведенныя самимъ авторомъ и обработанныя въ сравненіи съ незначительными данными, добытыми другими изслѣдователями, прибавимъ еще, что въ концѣ книги приложенъ хронологическій перечень литературы о киргизахъ, съ указаніемъ краткаго содержанія статей и книгъ, и наконецъ особое прибавленіе о 36 курганахъ, раскопанныхъ авторомъ въ степи. На этомъ мы бы и закончили обзоръ труда г. А. Харузина, если бы не боялись остаться въ долгу передъ авторомъ, не упомянувъ еще объ одномъ въ высшей степени цѣнномъ украшеніи книги—прекрасныхъ фотографіяхъ, представленныхъ въ фототипіяхъ на 16 таблицахъ въ количествѣ 65 №№. Все это снимки самого автора, сдѣланные имъ на мѣстѣ при помощи собственнаго аппарата. Здѣсь представлены въ двухъ видахъ (въ фасъ и въ профиль) 58 мужскихъ киргизскихъ типовъ, служащихъ богатою иллюстраціей къ антропологической части изслѣдованія, остальные 7 снимковъ — группы и виды.

Все сказанное даетъ намъ полное право заключить, что изслѣдованіе г. А. Харузина является капитальнымъ пріобрѣтеніемъ для антропологическо-этнографической науки, и если кое гдѣ книга страдаетъ недостаточною систематичностью плана, то этотъ недостатокъ съ огромнымъ избыткомъ покрывается всѣми другими достоинствами, какихъ только можно требовать отъ научнаго труда. *Н.—ъ.*

Rodolphe Dareste. Etudes d'histoire du droit, Paris 1889. Авторъ, задавшись цѣлью представить очерки древняго права различныхъ народовъ [1]), отводитъ отдѣльную главу и для Кавказскихъ и Закавказскихъ народностей. Содержаніе этой главы для русскихъ

---

[1]) Въ этомъ выпускѣ помѣщены свѣдѣнія о правѣ Египтянъ Іудеевъ, Мусульманъ, др. Индіи, Персовъ, Армянъ, Грузинъ, Осетинъ, Чеховъ, Поляковъ, Русскихъ. Юж. Славянъ, памятники права Венгріи, Швеціи, Даніи, Норвегіи, Исландіи, Ирландіи и Законъ Салическій.

Digitized by Google

читателей, имѣющихъ у себя въ распоряженіи гораздо большую литературу, чѣмъ г. Дарестъ, не представляетъ особой важности; интересны однако тѣ взгляды, которые авторъ высказываетъ на значеніе изученія Кавказа. Изслѣдованіе быта Кавказскихъ и Закавказскихъ народностей важно уже въ томъ отношеніи, что „Арменія и Кавказъ составляютъ, такъ сказать, переходную ступень между Индіей и Персіей съ одной стороны, и Европой съ другой". Относительно Арменіи авторъ, указавъ на свидѣтельства древнихъ писателей о нѣкоторыхъ обычаяхъ армянъ, переходитъ къ разсмотрѣнію законодательныхъ памятниковъ Арменіи, составленныхъ, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ каноническаго и греко-римскаго гражданскаго права. Такъ какъ авторъ имѣлъ передъ собой лишь законодательные памятники, то не удивительно, что онъ приходитъ къ заключенію, что древніе обычаи армянъ исчезли подъ вліяніемъ навѣяннаго извнѣ законодательства,—заключенію, конечно, ошибочному, такъ какъ обычное право, носящее на себѣ много отпечатковъ сѣдой старины, до сихъ поръ еще регулируетъ многія взаимныя отношенія армянъ.

Переходя затѣмъ къ Грузіи, г. Дарестъ останавливается главнымъ образомъ на „Сборникѣ Законовъ грузинскаго царя Вахтанга VI". „Эти законы, замѣчаетъ онъ, очень недавни (обнарод. 1723 г.), но характеръ постановленій ихъ дышитъ самой отдаленной древностью, и именно этотъ контрастъ и дѣлаетъ Сборникъ Вахтанга однимъ изъ наиболѣе интересныхъ памятниковъ для исторіи права". Свой разборъ этого памятника авторъ заключаетъ слѣдующими словами: „Этотъ Сборникъ XVIII в. заставляетъ насъ лучше понять, чѣмъ были Греки во времена Гомера и до Дракона, Римляне во времена доисторическія, Галлы до Цезаря, Германцы въ періодъ завоеванія ими древняго міра, Русскіе при Ярославѣ, Скандинавы въ XIII в." „Но писанное право, продолжаетъ г. Дарестъ, рисуетъ лишь небольшую частицу институтовъ политическихъ и соціальныхъ. Самые интересные изъ нихъ, наиболѣе тѣсно связанные съ жизнью народной, обыкновенно обходятся имъ молчаніемъ... Но если находится народъ, который, не записавъ своихъ древнихъ обычаевъ, сохраняетъ ихъ до сихъ поръ, если эти обычаи несомнѣнно относятся къ самой отдаленной древности,—то остается лишь распрашивать этихъ живыхъ свидѣтелей и на основаніи ихъ словъ представить картину древняго права". Находя такой народъ въ Осетинахъ, авторъ приступаетъ къ изложенію труда М. М. Ковалевскаго: „Современный обычай и древній законъ". Указавъ на сходство юридическихъ обычаевъ Осетинъ съ таковыми же у другихъ народовъ, онъ говоритъ, что „всѣ эти памятники поясняютъ другъ друга, и точка сравненія, которую мы находимъ у кавказскихъ народностей, тѣмъ болѣе драгоцѣнна, что она являетъ передъ нами институты еще дѣйству-

Digitized by Google

ющіе". Передавъ содержаніе книги г. Ковалевскаго, авторъ заключаетъ свою главу слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Изъ этого краткаго обзора видно существенное значеніе обычнаго права Кавказа для исторіи права. Съ начала этого столѣтія различныя народности Европы открыли и опубликовали самые древніе памятники своего писаннаго права. Эта огромная работа въ настоящее время почти что кончена, но остается дополнить ее такой-же работой по праву неписанному. Трудъ М. Ковалевскаго одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи, и слѣдуетъ благодарить автора не только за добытые имъ результаты, но и за проложенную имъ дорогу и за поданный имъ примѣръ". *Н. Х.*

В. Ф. Мухинъ. Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ. СПБ. 1888 (331 стр. in 8°).

Указавъ на важное значеніе, которое, имѣетъ рѣшеніе вопроса объ отношеніи обычнаго права къ законодательству, авторъ обращаетъ вниманіе на то, что этотъ вопросъ до сихъ поръ еще не рѣшенъ или, лучше сказать, рѣшенъ въ двухъ противоположныхъ смыслахъ: одни утверждаютъ что «изученіе народной жизни и обычнаго права должно лечь въ основу законодательства или по крайней мѣрѣ служить ему восполненіемъ», другіе же утверждаютъ совершенно противоположное. «Намъ кажется, говоритъ авторъ, что для правильной постановки и рѣшенія вопроса о значеніи для кодификаціи существующихъ въ средѣ крестьянъ юрид. обычаевъ необходимо тщательно обслѣдовать положенія обычнаго права, относящіяся къ той или другой группѣ гражданскихъ правоотношеній, и сравнить ихъ съ постановленіями дѣйствующаго закона... При такомъ параллельномъ изслѣдованіи роль народнаго обычн. права въ дѣлѣ законодательства выяснится сама собой». Разнообразіе юридич. обычаевъ не должно смущать, такъ какъ оно «не есть еще признакъ смутности и непостоянства правовыхъ воззрѣній; часто оно вызывается самою жизнью и указываетъ или на существованіе особыхъ бытовыхъ условій... или на переходное состояніе въ самомъ строѣ бытовыхъ отношеній». Указавъ такимъ образомъ на способы и цѣль изслѣдованія, авторъ переходитъ къ основаніямъ обычнаго права наслѣдованія. Онъ опровергаетъ теорію трудового начала въ крестьянской семьѣ и приходитъ къ заключенію, что «основаніемъ права наслѣдованія служитъ кровное родство, но на ряду съ послѣднимъ въ народномъ быту придается весьма важное значеніе также фактической принадлежности къ семьѣ, вслѣдствіе чего, напр., лицо постороннее, но принятое въ семью и живущее въ ней, наслѣдуетъ подобно кровнымъ родственникамъ, и, наоборотъ, кровные родственники, отдѣлившіеся отъ семьи и порвавшіе съ нею всякую фактическую связь, обыкновенно вовсе устраняются отъ наслѣдованія. Что же на-

Digitized by Google

сается личнаго труда, то при настоящихъ условіяхъ экономической жизни народа онъ является необходимымъ звеномъ, связывающимъ оба означенныя условія права наслѣдованія въ одно живое, конкретное цѣлое. Другія два основанія наслѣдованія—бракъ и договоръ, и, останавливаясь на нихъ подробно, авторъ удачно доказываетъ, что договорное начало наслѣдованія имѣетъ не маловажное значеніе въ народномъ быту. Для уясненія началъ обычнаго права наслѣдованія, авторъ довольно подробно останавливается на организаціи крестьянской семьи. Считая дѣленіе семей на большую и малую невѣрнымъ, авторъ предлагаетъ другое дѣленіе на естественную и искусственную семьи. Первая—союзъ лицъ, происходящихъ отъ одной пары, сосредоточивающей въ себѣ семейный авторитетъ, семейную власть. Она дѣлится на простую, состоящую изъ родителей и не вступившихъ въ бракъ дѣтей, и сложную, когда между дѣтьми есть женатые и замужнія съ ихъ потомствомъ. Искусственная семья дѣлится: 1) на сводную—соединеніе двухъ или нѣсколькихъ самостоятельныхъ семействъ въ одно хозяйственное цѣлое, члены котораго хотя и подчиняются одному авторитету, но власть представляющаго оный лица основывается не на естественномъ фактѣ происхожденія отъ него прочихъ членовъ семьи, а на договорѣ или обыкновеніи, при чемъ большакъ—старшій въ семьѣ; таковы семьи изъ нѣсколькихъ женатыхъ братьевъ, дядей и племянниковъ; 2) на артельную, въ которой кровное родство почти совсѣмъ стушевывается, и на первый планъ выступаютъ интересы чисто экономическаго свойства, а къ управленію домомъ и хозяйствомъ прилагается выборное начало. Основаніе происхожденія этого послѣдняго вида семьи авторъ видитъ главнымъ образомъ въ запрещеніи раздѣловъ у государственныхъ крестьянъ (до полож. 19 февр.) и въ крѣпостномъ правѣ. Она отжила свое время и «едва-ли можетъ возникнуть снова безъ особыхъ внѣшнихъ къ тому побужденій». Нельзя не согласиться, что если это дѣленіе и не является безупречнымъ, всетаки оно передаетъ лучше оттѣнки крестьянской семьи, чѣмъ дѣленіе семей на большія и малыя. Установивъ фактъ существованія въ крестьянской семьѣ семенной собственности, авторъ переходитъ къ самому порядку обычнаго наслѣдованія, останавливаясь сперва на наслѣдованіи нисходящихъ. Въ виду того, что «между наслѣдованіемъ нисходящихъ послѣ отца и послѣ матери существуетъ глубокое различіе», авторъ разсматриваетъ отдѣльно эти два вида наслѣдованія. Существенныя черты ихъ таковы: «наслѣдниками послѣ матери являются прежде всего дѣти, какъ сыновья, такъ и дочери, и притомъ безразлично, будутъ-ли они родными дѣтьми главы семейства и мужа ихъ матери или приведенными въ семью, т. е. насынками и падчерицами». «Въ противуположность наслѣдованію послѣ ма-

Digitized by Google

тери, основывающемуся на принципѣ кровнаго родства, наслѣдованіе нисходящихъ послѣ отца построено главнымъ образомъ на началѣ принадлежности къ семьѣ, выражающемся въ совмѣстномъ жительствѣ членовъ семьи и въ подчиненіи ихъ власти отца, какъ главы семейства». Почти повсемѣстно дочери при сыновьяхъ не наслѣдуютъ. Когда въ семьѣ нѣтъ сыновей, право наслѣдованія переходитъ къ дочерямъ въ равныхъ частяхъ, хотя бы онѣ были лишь единокровныя, но не единоутробныя. Малолѣтнія не отдѣляются отъ совершеннолѣтнихъ. Замужнія часто устраняются. Сыновья являются наслѣдниками въ равныхъ доляхъ. Установивъ эти принципы, авторъ подробно разсматриваетъ случаи изъятій изъ правилъ наслѣдованія нисходящихъ. Далѣе авторъ переходитъ къ наслѣдованію «особыхъ членовъ семьи»; въ эту группу онъ включаетъ пасынковъ, пріемышей, зятьевъ и незаконнорожденныхъ. Основаніемъ права наслѣдованія этой группы являются принадлежность къ семьѣ и договоръ о наслѣдованіи вступающаго въ семью лица съ представителемъ семейной власти. Принадлежа семьѣ, если нѣтъ договора, эти лица однако часто отстраняются отъ наслѣдства при существованіи родныхъ дѣтей, и наслѣдуютъ обыкновенно лишь тогда, когда они принимаются въ семью на правахъ родственниковъ, посредствомъ усыновленія, приписки къ семейству, долговременнаго пребыванія въ семьѣ (съ малолѣтства, отъ 10 до 15 лѣтъ) при участіи въ семейныхъ работахъ; въ противномъ случаѣ имъ обыкновенно выдаютъ извѣстное вознагражденіе изъ общей массы семейнаго имущества. Что касается наслѣдованія восходящихъ родственниковъ, то хотя и встрѣчаются случаи наслѣдованія дѣда или бабки, однако эти случаи крайне рѣдки. Обыкновенно же послѣ безпотомно умершаго сына наслѣдуетъ отецъ, если отца нѣтъ въ живыхъ—мать, и въ томъ случаѣ, когда ея право наслѣдованія ограничивается братьями умершаго, ей всетаки дается часть имущества на пропитаніе. Если умершій сынъ былъ отдѣленъ, наслѣдницей является обыкновенно вдова его; по общему правилу приданое бездѣтно умершей замужней женщины, «изъ чего бы оно ни состояло, а также прочее ея имущество, съ нѣкоторыми установленными обычаемъ ограниченіями, возвращается по наслѣдству прежде всего къ отцу умершей». Относительно наслѣдованія боковыхъ родственниковъ, авторъ замѣчаетъ, что «въ общихъ чертахъ порядокъ наслѣдованія боковыхъ родственниковъ построенъ на подобіе наслѣдованія нисходящихъ и напоминаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ систему наслѣдованія, существующую въ дѣйствующемъ законѣ». Отсылая читателя за подробностями въ этомъ отдѣлѣ, какъ и во всѣхъ предшествующихъ, къ самому сочиненію, укажу еще выводы автора по вопросу о наслѣдованіи супруговъ. Вдова при дѣтяхъ либо получаетъ отъ дѣтей содержаніе, либо ей дается право

Digitized by Google

пожизненнаго владѣнія и пользованія имуществомъ мужа, либо право на полученіе нѣкоторой части изъ оставшагося послѣ мужа наслѣдства; размѣръ этой части варіируется по мѣстностямъ. Вдова-сноха при дѣтяхъ (въ особенности мужского пола) получаетъ «при отдѣлѣ отъ свекра, свекрови или деверьевъ всю часть имущества, которая слѣдовала бы умершему ея мужу, еслибъ онъ находился въ живыхъ». Что касается вдовы бездѣтной, то тутъ дѣйствуютъ разныя правила, видоизмѣняющіяся разными условіями. Относительно наслѣдованія мужа послѣ жены авторъ приходитъ къ заключенію, что мужъ послѣ жены, какъ при дѣтяхъ, такъ и безъ дѣтей, отъ наслѣдованія устраняется.

Источниками, которыми авторъ пользовался при своемъ изложеніи служили рѣшенія волостныхъ судовъ и многія сочиненія по обычному праву, списокъ которыхъ авторъ приводитъ въ концѣ своего сочиненія. Выводы же авторъ почти исключительно строитъ на рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ. *Н. Х.*

Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія). Записаны въ Дятловицкой волости Гомельскаго уѣзда Могилевской губерніи *Зинаидой Радченко.* (Записки Импер. Русск. Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи, т XIII. вып. 2; изданъ подъ редакціей Ѳ. М. Истомина). СПБ. 1888 (III+XLIII+265+III+8 нен).

Имя г-жи Радченко уже извѣстно въ этнографической литературѣ. Въ 1881 г. ею изданъ «Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ (гомельскаго уѣзда), записанныхъ для голоса съ аккомпаниментомъ фортепьяно», заключающій въ себѣ 9 веснянокъ, 2 хороводныя пѣсни, 1 жнивную, 18 лѣтнихъ, 1 свадебную, 2 колядныхъ и 1 колыбельную. Объ этомъ сборникѣ мы имѣли случай говорить раньше [1]). Настоящій трудъ г-жи Радченко содержитъ въ себѣ, кромѣ предисловія редактора, введеніе, составленное собирательницею, затѣмъ 677 народныхъ пѣсенъ (въ томъ числѣ и 34 напечатанныя въ сборникѣ 1881 года), 84 пословицы и алфавитное оглавленіе пѣсенъ по ихъ началу. Импер. Русск. Геогр. Общество достаточно оцѣнило этотъ трудъ, помѣстивъ его на страницахъ своихъ Записокъ и наградивъ автора золотою медалью. По мнѣнію редактора, выраженному въ предисловіи, настоящій трудъ даетъ довольно полную этнографическую картину одной изъ волостей гомельскаго уѣзда, въ особенности при вѣрности и точности данныхъ, сообщаемыхъ собирательницей, которая, живя въ деревнѣ, имѣла возможность вполнѣ изучить нравы, обычаи, повѣрья и пѣсни мѣстныхъ жителей. Если мы тѣмъ не менѣе рѣшаемся сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній и поправокъ къ этому изданію, то отнюдь не изъ жела-

---

1) Бѣлор. Сборн. Е. Романова, Кіевъ, 1886, т. 1, вып. 1 и 2, стр. VI.

Digitized by Google

нія умалить его значеніе, но единственно въ надеждѣ, что авторъ воспользуется ими при дальнѣйшихъ работахъ и придастъ послѣднимъ возможно большую научную цѣнность.

Въ обширномъ введеніи собирательница сообщаетъ интересныя, хотя и отрывочныя свѣдѣнія о бѣлоруссахъ дятловицкой волости, ихъ характерѣ, наружности, говорѣ, бытѣ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, характеризуетъ пѣніе и пѣсни, при чемъ вкратцѣ описываетъ и связанные съ послѣдними обряды. Позволяемъ себѣ остановиться подробнѣе на этихъ свѣдѣніяхъ, какъ въ виду ихъ интереса, такъ и изъ желанія исправить нѣкоторыя неточности. Такъ, намъ кажется невѣрнымъ названіе гомельскихъ великоруссовъ «старовѣрами (единовѣрцами)». Старообрядца трудно назвать старовѣромъ и еще труднѣе единовѣрцемъ. Послѣднихъ въ гомельскомъ у. только 46 чел., старообрядцевъ же 12500, по офиціальнымъ даннымъ. Невѣрно также утвержденіе, будто въ уѣздѣ существуетъ два—три старообрядческихъ монастыря: Лаврентьевскій, Пахомьевъ, Чонка. Первые два закрыты еще въ 50-хъ годахъ, и закрытіе ихъ воспѣто мѣстными народными пѣвцами въ извѣстной пѣснѣ, которая и въ настоящее время служитъ у старообрядцевъ «постовою псальмою»:

«Боже, проидоша древни времена,
Люди пророкоша еще прежде насъ»... [1])

Что же касается монастыря чонскаго, то онъ—единовѣрческій.

Объ одеждѣ г-жа Радченко говоритъ нѣсколько неясно и противорѣчиво. На стр. II она заявляетъ, что одежда дятловцевъ «не сплошная бѣлая, какъ въ сѣверныхъ у. губерніи»; но въ сѣверныхъ уѣздахъ, съ которыми авторъ знакомъ, вѣроятно, мало, цвѣтъ и покрой одежды весьма измѣнчивъ, не только по уѣздамъ, но часто и по приходамъ. Замѣтимъ, однако, что въ оршанскомъ, на границѣ съ смоленскою губ., въ одеждѣ преобладаетъ синій цвѣтъ, въ сѣнненскомъ, на границѣ съ минскою—черный. Дѣвушки всѣхъ уѣздовъ предпочитаютъ красный цвѣтъ. Прямой воротъ въ рубахѣ не составляетъ перехода къ покрою малорусскому, какъ полагаетъ авторъ, а есть типичная бѣлорусская форма; за исключеніемъ пунктовъ, пограничныхъ съ великор. губерніями и имѣющихъ смѣшанное населеніе, у бѣлоруссовъ вездѣ рубахи съ прямыми воротами. Постояннаго ношенія шейныхъ платковъ мы, признаемся, нигдѣ не видали; но знаемъ, что считается неприличнымъ являться безъ платка на шеѣ въ церковь или „къ панамъ“.

Совершенно справедливо замѣчаніе автора, что гомельскій говоръ, какъ и говоры юговосточные, близокъ къ языку нашихъ лѣтопи-

---

[1]) Бѣлор. Сборн. Е. Романова, ibid. стр. 369; также рукописный варіантъ предназнач. для 5-го вып.

Digitized by Google

сей, или, другими словами, сохранилъ много лексическихъ и грамматическихъ особенностей древнерусскаго языка. Близость эта настолько бросается въ глаза, что ее замѣчалъ каждый бѣлоруссъ, изучавшій лѣтопись. Намъ извѣстенъ случай, что изученіе Нестора однимъ изъ нихъ повлекло за собою составленіе бѣлорусской грамматики и словаря и затѣмъ собираніе произведеній народнаго творчества. Къ сожалѣнію, до сего времени въ печати все еще нѣтъ обзора звуковъ и формъ бѣлорусскаго языка, если не считать г. Карскаго, составлявшаго свой очеркъ на основаніи знакомства съ говоромъ едва ли не одного новогрудскаго уѣзда минской губерніи. Отъ г-жи Радченко, въ виду ея постояннаго проживанія въ Дятловичахъ, мы вправѣ были бы ожидать полнаго указанія особенностей мѣстнаго говора, изученіе которыхъ трудно дается изслѣдователямъ наѣзжимъ, по самому порядку ихъ изслѣдованій. Къ сожалѣнію, ожиданія эти не оправдываются: замѣчанія автора объ языкѣ частью неточны и неполны, частью сбивчивы, и во всякомъ случаѣ изложены совершенно безъ системы. На говоръ гомельскаго уѣзда, по увѣренію автора, повліяли нарѣчія великорусское и малорусское. Съ этимъ едва ли можно согласиться, хотя бы потому уже, что подобный говоръ простирается на громадномъ районѣ въ губерніяхъ: могилевской, минской, черниговской, орловской и курской, и слѣдовательно составляетъ особую вѣтвь языка южно-русскаго. На этомъ основаніи мы считаемъ неточнымъ заявленіе автора, что «въ настоящемъ бѣлорусскомъ языкѣ слышится *дз* и *ець*, или другими словами, что дзеканье и присутствіе флексіи 3-го л. составляетъ необходимую принадлежность „настоящаго" бѣлорусскаго языка [1]). Замѣна личнаго оборота х о д и л и безличнымъ х о ж е н о—обыкновенный оборотъ русскаго народнаго языка. Мы не понимаемъ, что хотѣлъ выразить авторъ словами: „*ж* почти всегда выговаривается какъ *дж*, т. е. какъ итальянское g [2]). Мѣстоименіе э т о т ъ (у автора: «слово г э т о») произносится мягко

[1]) Бѣлор. Сборн. Е. Романова, вып. 3, стр. XIV.

[2]) Какъ на курьезъ, считаемъ нужнымъ указать на то, что г-жа Радченко сближаетъ бѣлорусскій языкъ съ языками чуть ли не всего міра. Такъ напримѣръ, по ея увѣренію, слова: андаракъ, (юбка), чадо, доля, день, гость, хата, церковь, щепка, бровь, бить, дрыпать, шкрабать, ступать, подтыкнуть, заплескать, и даже—стой, то самое, мабы, мабуть и т. д. бѣлоруссы взяли... отъ англичанъ. Отъ итальянцевъ перенятъ — произношеніе буквы *ж*, вставка *ь* предъ *с* и слова: чоботы, скрыня, цытьте, новый, пана (хлѣбъ) и др. По-французски бѣлоруссы говорятъ: ночь, нащинецъ (нашинскій); по-турецки образуютъ превосх. степень: рахманный; по-татарски поютъ и пляшутъ „Конопельки"; какъ дикари Африки, просятъ ѣсть и т. п. Къ счастью, съ польскаго взяты только два слова: слыта и хветь; съ литовскаго одно: ховтуры (похороны). Какъ несправедливы, значитъ, были великоруссы и малоруссы, презиравшіе бѣлоруса—первые, какъ *полака*, *ляха*, вторые, какъ *литвина*! Надо надѣяться, что теперь ихъ взглядъ радикально измѣнится.

Digitized by Google

и безъ придыхательнаго ъ въ гомельскомъ, рогачевскомъ, вост. части быховскаго, чериковскомъ, климовицкомъ, мстиславскомъ и части горецкаго уѣздовъ. Составляетъ ли это особенность спеціально гомельскаго говора?—Вмѣсто съ эстымъ чаще говорятъ: зь естымъ; твердо же произносятъ: утъ этый (вотъ этотъ). *Я* неударяемое произносится за *ѣ(е?)* только у мѣщанъ и подгородныхъ жителей и, само собою разумѣется, у дворни, подражающей господамъ; крестьяне же произносятъ его отчетливо—грубо: якій, глядѣть, яешня. Наоборотъ, *е* неударяемое, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, произносится за *я* (послѣ шипящихъ и *р* за *а*): сястрица, па́рань и т. п.—явленіе, котораго г-жа Радченко не замѣтила, судя по неправильностямъ, допущеннымъ ею въ текстѣ пѣсенъ. Точно также неточно заявленіе автора, будто *о* неударяемое переходитъ въ *а*. Переходъ этотъ уже слѣдствіе вліянія города, школы; тамъ же, гдѣ такого вліянія нѣтъ, *о* произносится довольно отчетливо, хотя иногда переходитъ въ *у*. Въ семи верстахъ отъ мѣста жительства Радченко, въ ст. Дятловичахъ, нами записаны прошлымъ лѣтомъ въ сказкахъ формы: гуво́ра, мувлявъ, куро́бочка, пушо́въ, на здуровъя, и даже — къ Тру́йцы. Въ сосѣднихъ же волостяхъ такое произношеніе обыкновенно. Весьма странно слѣдующее утвержденіе: «буква *и* ставится всегда предъ глаголами и именами существительными, начинающимися на букву *с* (какъ въ итальянскомъ языкѣ), напр. исказали, исховали». Дѣло, повидимому, идетъ о такъ называемомъ *и* придыхательномъ; но употребленіе его зависитъ отъ причинъ чисто случайныхъ (стеченіе согласныхъ, начало рѣчи и т. п.), и возводить его въ общее правило не было основаній. Причемъ тутъ буква *с*, причемъ глаголы и имена существительныя? Развѣ г-жа Радченко не слышала въ Дятловичахъ словъ: ссушить, сбиратца, складатца, сидѣть, сыночакъ, сторона и т. д., которыя напечатаны ею безъ *и* придых. на первыхъ двухъ страницахъ сборника. Съ другой стороны слова: игдѣ (стр. 84) изъ, исъ, икъ (377 и др.), имгла, игрушка (груша), игрушина (89, 100), ирвать, ишовъ, ишла (110, 116) и др. имѣютъ *и* придых. вовсе помимо выставленныхъ авторомъ условій. Относительно замѣны въ гомельскомъ говорѣ *ѣ* черезъ *и* въ предложн. падежѣ можемъ сказать, что и въ великор. говорахъ *ѣ* неударяемое произносится въ этомъ падежѣ какъ звукъ средній между *ѣ* и *и*. Гомельскій говоръ въ этомъ отношеніи не имѣетъ особыхъ отличій, и примѣръ автора—въ по́ли—ровно ничего не доказываетъ. Но другое дѣло, если говорить только о дятловицкомъ говорѣ. Тамъ, какъ мы имѣли возможность наблюсти, *ѣ*, даже ударяемое, довольно явственно переходитъ въ нѣкоторыхъ словахъ въ *и* (*ы*), напр. рызать, горылка; изрѣдка: хлибъ, исть и др.; также изрѣдка въ предл. пад: на кони, по земли, на огни. Напрасно авторъ отрицаетъ также

Digitized by Google

смѣшиваніе ы съ и, зная такія формы, какъ, одынъ, ня слихавъ, запыска, побывъ (побилъ), катытца и др. О согласной ы мы должны замѣтить, что есть слова, какъ: ганки, (крыльцо, 53), гузички (пуговички 245) и др., въ которыхъ она произносится твердо, какъ *g*, вопреки утвержденію автора. Мѣстоим. что и союзъ чтобы въ дятловицкой волости произносятся троякo: въ сѣверной части до ст. Дятловичъ: што, штобъ; въ южной (д. Карповка, Абакумы)—що, щобъ; въ восточной, за Сожемъ,—шо, шобъ (и также—що, щобъ). Къ сожалѣнію, заявивъ объ этомъ на стр. VII, собирательница совершенно забыла о своемъ заявленіи, и въ текстѣ пѣсенъ, вездѣ пишетъ невозможныя—что, чтобъ; такъ же неправильно пишетъ она мѣст. кто вм. хто, тебѣ, тобѣ вм. табѣ, себѣ, собѣ, вм. сабѣ и т. д. [1]). Вообще, нельзя не пожалѣть, что г-жа Радченко, которой «жизнь въ деревнѣ дала возможность вполнѣ изучить языкъ мѣстныхъ жителей», остановила свое вниманіе на мелкихъ и единичныхъ особенностяхъ говора, въ родѣ: кады (когда), вонъ (онъ), видъ (мордочка) и т. п., и не замѣтила, что въ гомельскомъ говорѣ, а въ дятловицкой волости особенно, никогда не слышно мягкаго *р*; что *и* сочетается съ мягкими гласными весьма рѣдко и только у единичныхъ особей, заимствовавшихъ такое сочетаніе «на низу»; что приставочное *с* предъ мягкими гласными и передъ твердыми и плавными согл. произносится какъ *з*; что *д* въ концѣ слога переходитъ въ *в*; что губныя не могутъ сочетаться съ *ь* и часто съ мягкими гласными: ё, ѣ, я, ю, и т. п. Вслѣдствіе этого въ сборникѣ находимъ массу формъ невозможныхъ для данной мѣстности, напр.: горькій, берёза, гряда; здаетця, жабци, мамци, ботци (бочкѣ); свертѣли, зъ посаду, съ мужиками, сборъ, зъ конемъ, съ двора и т. д.; солнейко, шелковый, жолтая, и даже—ходилъ, гулялъ; побье, копьемъ, сельсотъ, здоровье; мёдъ, опять, обѣдъ, и т. п. На стр. X—XIV введенія авторъ приводитъ довольно много мѣстныхъ выраженій, которыя помогли бы читателю исправить весьма многочисленныя неправильности въ текстѣ пѣсенъ, если бы были переданы вполнѣ точно. Но и здѣсь, къ сожалѣнію, находимъ нѣсколько неточностей, какъ въ способѣ написанія словъ, такъ и въ ихъ толкованіи.

Послѣ указанія особенностей говора, авторъ приводитъ нѣсколько суевѣрій и затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ бѣлорусскаго пѣнія и пѣсенъ, причемъ описываетъ и нѣкоторые обряды. Здѣсь также попадаются неточности и противорѣчія. О пѣсняхъ, напр., сказано (XVIII), что «всѣ онѣ поются въ минорномъ тонѣ», что «въ мажорномъ поются только плясовыя и немногія великорусскія» и заимствованныя; на стр. же XXIX о жнивныхъ пѣсняхъ сказано, что

[1]) Если только во всемъ этомъ вина собирательницы. *Ред.*

Digitized by Google

«всѣ онѣ поются въ мажорномъ тонѣ». Хоровое пѣніе московокъ—великороссіянокъ (въ сборникѣ изъ 37 хороводн. пѣс.—18 великор.), живущихъ въ гом. у., представляется, по замѣчанію автора, сплошнымъ визгомъ; но между тѣмъ, судя по мотивамъ хороводныхъ пѣсенъ, частью помѣщенныхъ въ сборникѣ 1881 г., оно далеко не таково (ср. напр. №№ 29, 32). Обрядовыя пѣсни поются не исключительно дѣвушками. Намъ хорошо извѣстно, что многія изъ весеннихъ (напр. № 6, 12, 13, 18, 21 и др.), лѣтнія, жнивныя, колядныя и весенныя поются молодицами и даже пожилыми бабами; многихъ №№ весеннихъ пѣсенъ дѣвушки совсѣмъ не могутъ пѣть.

Что касается описанныхъ авторомъ обрядовъ, то въ общемъ они переданы довольно вѣрно. Мы позволимъ себѣ только усумниться въ точности опредѣленія дня провода русалки. Насколько мы могли наблюсти этотъ обрядъ въ гомельскомъ у., онъ совершается не въ день Купалы, а спустя недѣлю послѣ Духова дня, т. е. въ первый день петровокъ, въ понедѣльникъ такъ называемой «Гранóй недѣли», какъ это видно и изъ № 2 русальн. пѣс. сборника Радченко (стр. 54). Хороводныя пѣсни поются не во время одной пасхальной недѣли, а ровно столько времени, сколько стоятъ «кóзлы» (качели), т. е. до Троицына дня. Слово «Сула» напрасно авторъ производитъ отъ выраженія «съ улицы» Въ записанной нами пѣснѣ поется:

Сула, Сула рэка
Чаразъ мора тякла.
Отъ тамъ дѣвка воду нясла.
— «Ой дѣвка—дявица,
Да напой мойгò коня,
Ти ня будешъ ты моя!»
— Ня буду поити,
Буля мяне мати бити
Крапивкою да джигушкою,
Колкою да игрушкою, и т. д.

Эта пѣсня поется, когда дѣвушки, уходя домой послѣ игръ, составляютъ такъ назыв. «плетень». Пробѣгая съ пѣсней улицу, каждая дѣвушка выходитъ изъ плетня у воротъ своего дома. Въ Гомелѣ, Бѣлицѣ, Вѣтнѣ въ этомъ случаѣ поется: «По Нѣмецкой улицѣ, улицѣ»...

Въ описаніи свадебнаго обряда опущено много интересныхъ моментовъ. Не упомянуто, напр., что при возвращеніи молодыхъ изъ церкви братья невѣсты, замерши ворота, влѣзаютъ на заборы и бросаютъ оттуда палками въ свадебный поѣздъ и даже стрѣляютъ, холостыми зарядами, конечно; что встрѣчаетъ молодыхъ мать у порога сѣней, въ вывороченной шерстью вверхъ шубѣ; что предъ тѣмъ, какъ вести молодыхъ въ клѣть, ловятъ курицу или пѣтуха и зажариваютъ ихъ чуть ли не заживо, часто посреди хаты, если въ ней полъ глиняный. Опущены также весьма интересные обряды, совершаемые въ томъ случаѣ, если невѣста окажется «згубившей вѣночекъ». Едва ли вѣрно, что родители женятъ дѣтей и выдаютъ

Digitized by Google

за-мужъ противъ воли послѣднихъ. Пѣсня о неудашечкѣ принадлежитъ къ числу старинныхъ и по отношенію къ настоящему времени ровно ничего не доказываетъ. При своихъ этнографическихъ изысканіяхъ мы обращали вниманіе на этотъ вопросъ и пришли къ убѣжденію, что въ настоящее время бракъ по неволѣ—рѣдкость, и отношенія мужа къ женѣ и родителей къ дѣтямъ все болѣе и болѣе дѣлаются гуманными. Отказы же въ сватовствѣ бываютъ рѣдко потому, что женихъ посылаетъ обыкновенно сватовъ только тогда, когда предварительно заручится согласіемъ невѣсты, переговоривъ съ нею тайно гдѣ-нибудь на вечеринкѣ. Вообще, по нашимъ наблюденіямъ, браки по любви дѣлаются обыкновенными, и родители, если имъ не нравится выборъ, ограничиваются легкимъ протестомъ, въ родѣ: «ляди, моя дочка: намъ зь имъ ня жить; а ты завяжешъ вѣкъ, тогды не розвяжешъ!» Или: «ляди, сынокъ, съ усихъ боковъ: жонка не лапоть—зъ поги ня скинешъ!»

Празднованіе колядъ описано кратко. Въ нѣсколькихъ строчкахъ упомянуто о козѣ, кралькахъ и звѣздѣ, составляющей нововведеніе, внесенное въ дѣтскую жизнь бѣлорусса народнымъ учителемъ, и совсѣмъ забыты медвѣдь, кобыла, журавль, цыганки—чисто народныя колядныя маскированья. Утвержденіе автора, будто «щедруютъ» наканунѣ праздника Р. Хр., едва-ли вѣрно; въ этотъ день бѣлоруссы постятъ «до звѣзды», до вечера, и имъ, понятно, не до пѣсенъ. Щедруютъ тогда же, когда справляютъ «щедрую (богатую, товстую) кутью», т. е. наканунѣ Новаго года, когда дѣвушки, распѣвая подъ окнами щедровки, собираютъ блины, сало, колбасы, и потомъ устраиваютъ вечеринку. Если сельскія власти запрещаютъ щедровать, то это дѣлается по внушенію лицъ, ошибочно понимающихъ свои обязанности и не обладающихъ такимъ развитіемъ, чтобы понимать проявленія народнаго міровоззрѣнія и относиться къ нимъ съ должнымъ уваженіемъ,—о чемъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ.

Пѣсни въ разбираемомъ сборникѣ расположены по временамъ года,—расположеніе, наиболѣе правильное, если произведенія народной словесности собраны на ограниченномъ районѣ, какъ въ данномъ случаѣ. Другое дѣло, если матеріалы собраны на большихъ пространствахъ. Въ такомъ случаѣ собирателю всетаки приходится испытывать не мало затрудненій при расположеніи пѣсенъ, такъ какъ часто одна и та же пѣсня въ различныхъ мѣстностяхъ, даже въ предѣлахъ одной губерніи, поется въ различные сроки: волочебныя переходятъ въ обще весеннія, веснянки въ жнивныя, пилипповскія въ колядныя и т. п. Такимъ образомъ, вопросъ о преимуществахъ того или другого расположенія пѣсенъ все еще ждетъ разрѣшенія со стороны людей науки. Но въ данномъ случаѣ, повторяемъ, принятое авторомъ расположеніе наиболѣе правильное. Напрасно только редакторъ за-

Digitized by Google

являетъ, что оно примѣнено г-жей Радченко впервые: г. Шейнъ располагалъ въ такомъ порядкѣ пѣсни уже въ первомъ своемъ сборникѣ (1874 г., но, судя по посвященію, сборникъ былъ готовъ къ печати еще въ 1869 г.); послѣдній его трудъ («Матеріялы») вышелъ также раньше книги г. Радченко (1887 г.).

Помѣщенныя у г-жи Радченко пѣсни относятся къ веснянкамъ (102 №№), хороводнымъ (37), русальнымъ (2), купальскимъ (1), жнивнымъ (41), свадебнымъ (177), колядным (1), щедровкамъ (32), простымъ (237), рекрутскимъ (2), подтанечнымъ (32), дѣтскимъ (1) и колыбельнымъ 12),—всего 677 №№ съ варіантами [1]).

При бѣгломъ просмотрѣ пѣсенъ мы нашли 37 варіантовъ, уже напечатанныхъ раньше, въ веснянкахъ: 19 вар. въ хороводныхъ, 2 въ русальныхъ, 1 въ купальскихъ, 15 въ жнивныхъ, 17 въ свадебныхъ, 17 въ колядныхъ и щедровкахъ и 95 въ простыхъ (кромѣ 9 несомнѣнно малорусскихъ и 14 великорусскихъ), 11 въ подтанечныхъ, 1 въ дѣтскихъ и 4 въ колыбельныхъ,—всего варіантовъ и заимствованныхъ 242 №№. Если исключать пѣсни свадебныя, мѣняющіяся чуть ли не въ каждомъ приходѣ, то въ сборникѣ останется около 275 №№ пѣсенъ, болѣе или менѣе новыхъ. При томъ многіе изъ варіантовъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, не только не полнѣе текстовъ, напечатанныхъ раньше, но часто гораздо короче и сбивчивѣе и составляютъ ненужный балластъ въ книгѣ. Появленіе ихъ на страницахъ сборника объясняемъ тѣмъ обстоятельствомъ, что рукопись окончена авторомъ еще въ 1884 году, т. е. до выхода въ свѣтъ сборниковъ Шейна и Романова, и, если не ошибаемся, тогда же была представлена въ И. Р. Геогр. Общество. Нельзя не пожалѣть, что редакторъ, приступая къ печатанію рукописи въ 1888 г., не предложилъ автору сличить свой сборникъ съ вышедшими послѣ отсылки рукописи и кстати исправить языкъ пѣсенъ, который въ настоящемъ своемъ видѣ крайне искаженъ и можетъ ввести въ заблужденіе науку. Само собою разумѣется, что редакторъ не могъ взять на себя исправленіе ошибокъ и противорѣчій г-жи Радченко, разсыпанныхъ по всѣмъ страницамъ сборника, но они все же должны были обратить на себя вниманіе редактора и заставить его принять мѣры къ ихъ устраненію,—чего въ данномъ случаѣ не видно.

Перечисленіе всѣхъ искаженій, которымъ подверглись пѣсни въ сборникѣ Радченко, потребовало бы слишкомъ много времени и труда, какъ читатель легко можетъ убѣдиться, открывъ любую страницу. Г-жа Радченко, повидимому, желала слѣдовать грамматической транскрипціи, но, не имѣя навыка и выдержки, впала въ противорѣчія, тѣмъ болѣе, что вообще отнеслась къ записыванію довольно

[1]) Редакторомъ при счетѣ пропущена подтанечная пѣсня № 263 (стр. 241).

Digitized by Google

небрежно. Иначе мы не можемъ объяснить ея ошибокъ, доходящихъ до того, что одно и то же слово, на одной и той же страницѣ, имѣетъ различныя начертанія—въ пѣсняхъ, записанныхъ въ районѣ одной волости, гдѣ не можетъ быть нѣсколькихъ говоровъ. Нельзя же допустить, чтобы г-жа Радченко сознательно отнеслась въ 1884 году къ бѣлорусскимъ пѣснямъ такъ, какъ отнеслась къ нимъ въ 1853 году Е. П.

Изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ 84 пословицъ редакторъ указалъ 30, составляющихъ варіанты къ малор. и бѣлор. пословицамъ, напечатаннымъ раньше. Кромѣ нихъ, мы нашли еще 29 пословицъ, помѣщенныхъ у Носовича [1]). Такимъ образомъ пословицъ, вѣроятно не бывшихъ еще въ печати, въ сборникѣ 25. Строго говоря, изъ послѣднихъ также трудно признать бѣлорусскими пословицы въ родѣ: Брехнею свѣтъ пройдешь и т. д., За одного ученаго и т. д. Побольше ѣшь, поменьше говори, Силою не быть милою, Хлѣбъ да каша, да милость ваша, Что съ воза упало и т. д. и другія.

Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе все вышеизложенное, нельзя назвать настоящій трудъ г-жи Радченко богатымъ по содержанію, но тѣмъ не менѣе, появленіе его, при бѣдности нашей этнографической литературы, касающейся Бѣлоруссіи, далеко не излишне, и толстые сборники Носовича, Шейна и др. съ удовольствіемъ дадутъ среди себя мѣсто и этому небольшому сборнику.

Въ заслугу собирательницѣ, по всей справедливости, должно быть поставлено то, что она, не давъ усыпить себя мертвящей деревенской скукѣ, сумѣла найти въ деревнѣ такое осмысленное и живое дѣло, какъ собираніе произведеній народнаго творчества и записываніе пѣсенныхъ мотивовъ. Искренне желаемъ, чтобы она не прекращала работъ на избранномъ поприщѣ и, воспользовавшись настоящимъ нашимъ правдивымъ словомъ, избѣжала отчасти указанныхъ нами недостатковъ въ своихъ будущихъ трудахъ.

Сборникъ съ внѣшней стороны изданъ хорошо и даже довольно роскошно, чѣмъ, какъ извѣстно, не могутъ похвалиться наши частные сборники. Русская наука не можетъ не поблагодарить И. Р. Геогр. Общество за ту поддержку, которую оно съ полною готовностію оказывало и оказываетъ въ дѣлѣ собиранія и изданія исчезающихъ памятниковъ устной народной словесности.

Е. Романовъ.

II. Журналы.

Вѣстникъ Европы. Мартъ. *Слонимскій.* О теоріяхъ прогресса. I. Характеристическія черты современной соціологіи (объ этно-

[1]) №№ 11, 13, 14, 16, 23, 25, 28, 31, 35, 37, 38, 42, 43, 46, 48, 52, 56, 59, 60, 63, 70, 72, 73, 74, 77, 78, 80, 81, 83.

Digitized by Google

графическомъ методѣ въ соціологіи). *А. М.* Географическая теорія развитія историческихъ народовъ.—Апрѣль. *Пыпинъ.* Обзоръ русскихъ изученій славянства (продолж. въ книжкахъ за іюнь—сентябрь).—Рецензіи на «Русскія Древности» гр. Толстого и Кондакова, на «Антропологію» Петри, «Volk und Nation» Neumann'a и «Etudes sur l'histoire du droit»—H. Sumner Maine.—Іюнь. Рец. на изсл. «Расколъ на Дону» Дружинина и «Расколъ въ Саратовскомъ краѣ» Соколова.—Іюль. *Весинъ*, Пржевальскій и его путешествія (продолж. въ август. кн.) Некрологъ О. Ѳ. Миллера.—Августъ. *Реутскій*, Изувѣры («божьи люди»).—Рец. на «Систематич. описаніе коллекцій Дашковскаго Музея» В. Ѳ. Миллера и на «Сборникъ пѣсенъ» Лопатина и Прокунина.

Живописное Обозрѣніе. 18 *Шайноха.* Воззрѣнія поляновъ старыхъ временъ на женщину.—21, 25. *Шуфъ.* Пѣсни крымскихъ татаръ.—23, 29, 31. Людоѣдство и человѣческія жертвоприношенія.—24. Некрологъ О. Ѳ. Миллера.

Журналъ Мин. Нар. Просв. Январь. *А. Н. Веселовскій*, Видѣніе Василія Новаго о походѣ русскихъ на Византію въ 941 г. *Жуковскій*, Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочеваго населенія Персіи (съ сравнительными примѣчаніями).—Февраль. *А. Михайловъ*, Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи (продолж. въ март. кн.).—Апрѣль. *А. Н. Веселовскій*, Амфилохъ—Evalach (Эпизодъ Grand St.—Graal въ славян. апокрифѣ).—Рец. на «Русс. древности въ памятн. искусства», гр. Толстого и Кондакова.—Май. *А. Н. Веселовскій*, Мелкія замѣтки къ былинамъ: VIII. Владиміръ-богатырь (изъ китайской реляціи о посольствѣ Николая Спаѳари въ Китай при Алексѣѣ Михайловичѣ). IX. Кіевскія пещеры (Извѣстіе Сарницкаго, нач. XVI в., о погребенныхъ въ пещерахъ богатыряхъ и о томъ, что эти пещеры тянутся до Новгорода. Автору осталась неизвѣстной легенда, напечатанная Новосельскимъ въ его Lud'ѣ, въ которой разсказывается о томъ, что кіевскія пещеры тянутся подъ землей до Іерусалима). X. Былина объ Иванѣ Годиновичѣ и разсказъ изъ житія Іосифа Волоцкаго. XI. Жидовинъ—богатырь. XII. Къ сербской легендѣ о Константинѣ Великомъ (привлекая къ изслѣдованію версію г. Мордовцева легенды о Паліѣ, авторъ не упоминаетъ версій—«Основы», г. Антоновича и т. д.; см. выше статью «Палій и Мазепа»).—Іюнь. *Соколовъ*, Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, назыв. змѣевиками. *Некрасовъ*, Къ вопросу о Домостроѣ. *Васильевскій*, Житіе св. Стефана Сурожскаго и о Гилло, умерщвляющей новорожденныхъ дѣтей.—Іюль. *А. Н. Веселовскій*, Славяно-германскіе отрывки (1. Rosmufjöll и остзейскіе Готы. II. Валькирія—Welis, Helusion pedion, Вила—Viola). *Соболевскій*, Къ исторіи русскихъ былинъ.—Рец. на «Сборникъ матер. для описанія мѣстностей и

Digitized by Google

племенъ Кавказа», на «Соч. А. А. Котляревскаго». Некрологъ О. Ѳ. Миллера.

Иверія. Мартъ. Кээноба и суевѣрія грузинъ въ Джавахетіи, *Коптанашвили.* Въ виду того, что Кээноба въ первой книгѣ нашего журнала (156) была уже описана, мы остановимся только на нѣкоторыхъ суевѣріяхъ джаваховъ. Когда сверкаетъ молнія, гремитъ громъ и дождь превращается въ градъ, джавахи говорятъ: «слѣпой Еліа (Илья), направляйся по горамъ». По ихъ представленію градъ, молнія и громъ—дѣло Еліа, котораго просятъ, чтобы онъ пощадилъ ихъ нивы и сады и отступилъ къ горамъ. Во время молніи и грома кладутъ на сковородку немного соли и ставятъ у дверей въ полной увѣренности, что градъ растаетъ и обратится въ воду. Во болѣзняхъ прибѣгаютъ не къ врачамъ, а къ мкитахави (оракулу). Въ Джавахетіи пользуются уваженіемъ мкитахави—муллы, а также женщины, которыя предсказываютъ, гадая на бобахъ, болѣзни, несчастіе, свадьбу, пріѣздъ гостей и пр. Наканунѣ праздника Св. Сергія, молодыя дѣвушки, а также неженатые джавахи съѣдаютъ соляной крендель послѣ недѣльнаго строгаго поста и засыпаютъ. Кто дастъ во снѣ пить, тотъ будетъ суженымъ или невѣстой.—Апрѣль. Идеалъ героя въ поэзіи пшавовъ *Важапшавели* (псевдонимъ). Герой долженъ имѣть «сердце желѣзное», глаза сверкающія, какъ у ястреба, лапы деревянныя. Красота его мужская—онъ гигантъ, брюнетъ, женственность ему не присуща. Онъ не золотомъ славится, а внутренними своими качествами. Эти качества—честность, прямота, откровенность, отсутствіе лукавства, хитрости, личной вражды, готовность положить свою голову въ защиту родины, чести и женщины. Онъ проводитъ время въ борьбѣ съ врагами родины, онъ гордо и надменно относится даже къ общинѣ, когда она занята лишь веселіемъ съ женщинами, забывая интересы родины. Но считается болѣе привлекательной покорность героя волѣ общины. «Гордости я предпочиталъ, говоритъ Ростомъ, смиреніе и покорность». Герой долженъ избѣгать женскихъ совѣтовъ и навѣтовъ, онъ долженъ стоять выше земныхъ наслажденій и заботъ. Поэтому въ пѣсняхъ пшавовъ онъ обращается въ святого: онъ и герой и Божій человѣкъ. О поэмѣ «Ростомъ» см. первую статью въ настоящей книжкѣ.—Май. Имущественное право грузинки въ крестьянской семьѣ. *Ек. Габашвили*: 1) Неотъемлемую собственность грузинки составляетъ капиталъ, отданный ей въ приданое при выходѣ за мужъ и получаемый отъ жениха обязательный денежный подарокъ, половина котораго, впрочемъ, идетъ на приготовленіе вещей, необходимыхъ для женскаго туалета и домашняго обихода. 2) Въ полное владѣніе женщины поступаютъ: «нишани» или «белга», «пирисанахави» и «шабаши». «Нишани»—первый подарокъ

Digitized by Google

денежный или вещный (натуральный), подносимый женихомъ или его довѣреннымъ лицомъ при помолвкѣ. «Пирсанахави»—даръ, дающій право узрѣть ликъ невѣсты, по формѣ переживанія напоминающій время, когда лицо невѣсты закрывалось, и она снимала покрывало подъ условіемъ подарка, приносимаго, какъ теперь, не только родственниками и свитой жениха, но и вообще всѣми участниками свадьбы. «Шабаши»—подарокъ денежный, получаемый невѣстой, послѣ того какъ она протанцовала лезгинку. 3) Личную собственность крестьяни составляетъ корова, подаренная ей матерью послѣ перваго разрѣшенія отъ бремени. 4) Женщинѣ же принадлежитъ «крунчхиспури» и «керисна́болари». «Керисна́болари»—часть ячменнаго урожая, а «крунчхиспури»—не вымолоченные пшеничные колосья, оставшіеся послѣ вѣянія хлѣба. Женщины собираютъ эти остатки, молотятъ для себя, и полученныя зерна продаютъ или сѣютъ пополамъ съ сосѣдомъ.

Имущество крестьянки переходитъ къ ея дѣтямъ. Если приданое небольшое, то оно поступаетъ все въ собственность дочери; въ противномъ случаѣ дѣлится между сыновьями и дочерями, и поступаетъ въ ихъ полное владѣніе, не идетъ даже на погашеніе долга, падающаго на всю семью. Женщина предпочитаетъ отдавать свой капиталъ на проценты въ чужія руки, но если семья беретъ въ долгъ у нея, то обязана возвратить безпрекословно. Если женщина умерла бездѣтной, то право на приданое, принесенное ею, принадлежитъ прежде всего ея роднымъ по отцу и матери, а за отказомъ ихъ—мужу, вступающему въ безраздѣльное владѣніе капиталомъ жены.

Иллюстрированный Міръ, 1. Святки и Новый годъ на Кавказѣ.—5, 6 и 7. Путешествіе въ Восточную Сибирь. (переводъ статьи *Ж. Мартена* изъ журн. «Illustration»).

Историческій Вѣстникъ. Май. Рец. на «Исторію музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней»—Іюнь. *Сорокинъ*, Природа и человѣкъ въ Средней Азіи. *Труворовъ*, Волхвы и ворожеи на Руси въ концѣ XVII в.—Рец. на изсл. «Расколъ на Дону» Дружинина.

Кіевская Старина. Май и іюнь. *Багалѣй*, Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры (продолж. въ слѣд. книгѣ). *Н. Сумцовъ*, Культурныя переживанія: плахта, дерга, галаньци (штаны), калатало (колотушка), засовка, преданіе объ обрядахъ при основаніи поселка, обряды при закладкѣ хаты, къ исторіи хаты, домашніе талисманы (огонь, печь, соръ, ужъ, ласточка, аистъ, конская подкова, растенія и т. д.). *Ящуржинскій*. Весенніе хороводы, игры и пѣсни. *Тиховскій*, Двѣ мнимо народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. *Каминскій*, Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о «семилѣтнихъ богатыряхъ». *Васильевъ*, «Къ повѣрьямъ о цѣлебномъ

Digitized by Google

значенія змѣи и къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ».—Іванъ *Барвинокъ*, Русалка (этногр. разсказъ). *Сумцовъ*, Культурныя переживанія (продолженіе): надписи на сводахъ, чевень, сластены, маковники и другія простонародныя «ласощи», обрядовое яйцо, сыръ въ поверьяхъ и обрядахъ, священное значеніе обѣденнаго времени, ивана, соломаха и мамалыха, журъ (журило, чурило), глекъ и иглекъ, купаленъ. *Лобко*, Попытка къ уравненію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в. *Н. Б.* Медико-топографическая и этнографическая работа д-ра де-ла-Физа.—Рец. на «Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи» Лучицкаго, «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣст. и племенъ Кавказа» и «Заселеніе харьк. края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета» Багалѣя.—Августъ. *Васильевъ*, Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ (этногр. очеркъ). *Лилеевъ*, Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. *Сумцовъ*, Культ. переж. (продолженіе): черты, рѣзы, мѣты, бирки, карбити, раваши, колыска, каганецъ, живой или Божій огонь, коляда, колодка—колодій, Купало. *Л. П.* Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лоцмановъ. *Ятуровский*, Народный праздникъ св. муч. Маккавеевъ.—Варіантъ пѣсни о Кармелюкѣ. Пѣсня сахарно-заводская. Рец. на «Соч. А. Котляревскаго».

Кіевскія Университетскія Извѣстія. *Кн. 3. Г. Павлуцкій.* Древнегреческія росписныя вазы. Давая описаніе вазъ по ихъ характернымъ періодамъ, кончая періодомъ чернофигурныхъ вазъ, авторъ сравниваетъ помѣщенныя на нихъ рисунки, бытовые и религіозные, съ разсказами древнихъ авторовъ о греческихъ нравахъ соотвѣтствующаго времени (Иліада). Благодаря такому пріему, выясняется не только историческая послѣдовательность этой отрасли искусства, но получается также яркое представленіе о значеніи вазъ для изученія общаго хода культуры и отдѣльныхъ эпохъ. Не даромъ сказалъ Земперъ: «покажите только горшки, выдѣланные какимъ ни есть народомъ, и тогда можно уже сказать вообще, каковъ былъ этотъ народъ и на какой степени цивилизаціи онъ стоялъ» (Semper Der Stil in den technischen und tektonischen Künsten. II Band. p. 3). Въ предисловіи авторъ даетъ отзывы о предшествующихъ изслѣдованіяхъ по исторіи керамики: 1) «Les céramiques de la Grèce propre», par Albert Dumont et Jules Chaplain. Paris. Didot. 1881—1888; fasc. 1—5, и 2) «Histoire de la céramique grecque», par Oliver Rayet et Maxime Collignon, Paris. 1888. Отмѣчаемъ эту работу г. Павлуцкаго потому, что греческая культура оказала вліяніе на нашу южно-русскую.—*Кн. 6. А. Ясинскій.* Донесеніе о Московіи Марка Фоскарини. Эта краткая замѣтка, предназначенная собственно для историка, имѣетъ значеніе и для этнографа, такъ какъ Фоскарини ставитъ одной изъ своихъ задачъ изображеніе нравовъ Московіи половины XVI в. Правда, по словамъ автора, Фоскарини не заслуши-

Digitized by Google

ваетъ того громкаго имени, которымъ его надѣляютъ Бестужевъ—Рюминъ (Русская Исторія, I, 182) и др., такъ какъ весь трудъ этого итальянскаго посла представляетъ собою «довольно безцеремонную передѣлку сочиненій Павла Іовія» (De legatione Basilii); кромѣ того, имъ допущены и невѣрности.

Нива (СПБ). 5. Поклоненіе священному дубу близъ Моздока.—6. *Линдеманъ*. Объ измѣненіяхъ природы въ періодѣ человѣка.—10. Поклонники дьявола въ Карской области (отзвукъ офитовъ, каинитовъ и т. д. первыхъ вѣковъ христіанства?)—13 *К. Горбуновъ*. Александровскій утесъ на Уралѣ, съ надписями 1837 и 66 гг.; разсказъ о путешествіи Александра II по Уралу.—29. Біографія покойнаго академика Кеппена, занимавшагося и этнографіей.

Пантеонъ Литературы. Апрѣль Рец. на «Русскія Древности». гр. Толстого и Кондакова.—Май. Рец. на «Исторію рус. театра» Морозова и на «Соч. А. А. Котляревскаго».

Русская Мысль. Январь. *Муромцевъ*, «Соціологическіе очерки». (I. Происхожденіе сотрудничества. Первобытное общество. II. Перениманіе и воспитаніе. III. Развитіе сотрудничества). *Пругавинъ*, Вольныя крестьянскія школы (ихъ прошлое и настоящее)—.Рец. на «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда» Первухина.—Февраль. Рец. на «Изслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права» Винавера и на кн. «Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи» Первольфа.—Мартъ. Рец. на «Калевалу» Борисова.—Май. *Колюпановъ*. Очеркъ исторіи русскаго театра до 1812 г. (прод. въ іюл. кн.).—Іюнь. *Русановъ*, Жизнь и сочиненія Бахофена (гинекократія, Mutterrecht и т. д.).—Рец. на 1-ю книжку «Этнографическаго Обозрѣнія».—Іюль. Рец. на «Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета» Багалѣя, «Село Угодичи» Артынова, «Зап. Имп. Археологическаго Общ.», «А. К. Киркоръ» Н. Янчука, «Сборникъ лирич. пѣсенъ» Лопатина и Прокунина, «По Минской губ.» Н. Янчука, «Изслѣд. о нарѣчіяхъ черемис. яз.» Веске, «Lud» Federowskiego и журн. «Wisła».

Русская Старина. Январь. *Селивановъ*, Ѳ. И. Буслаевъ.—Май. *Труворовъ*, О кончинѣ царевича Симеона и о саняхъ, употреблявшихся при погребеніи царствовавшихъ на Руси особъ (его же въ Рус. Ст. за 1887, 12: «О саняхъ, употреблявшихся при погребеніи русскихъ великихъ князей, царей и царицъ»; ср. Д. Н. Анучина: «Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда», статья въ „Древностяхъ" Моск. Арх. Общ. 1889 г. (печатается).

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. 44. *Мотовиловъ*. Симбирская молвь. Къ матеріаламъ для изученія областныхъ нарѣчій.—Т. 45. *Ровинскій*. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ (географія,

Digitized by Google

исторія, археологія, современное положеніе, этнографія).—Т. 47. Сочиненія А. А. Котляревскаго. Т. I: Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ изображеніямъ. Нѣсколько данныхъ изъ лубочныхъ картинъ. Два вопроса русской исторической науки—о пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, о народной поэзіи въ древне-русской литературѣ. Русская народная литература. Сказанія о русскихъ богатыряхъ. Новые труды по русской старинѣ и народности. Старина и народность за 1861 г..

Сѣверный Вѣстникъ. Апрѣль. *Андреевъ*, Въ защиту крест. семьи. *О. В—скій*, Земледѣліе въ Цар. Польскомъ.—Рец. на «Очерки изъ жизни дикой Башкиріи» Ремезова, «Die primitive Familie in ihrer Entstehung und Entwickelung» Starke.—Май. Рец. на «Расколъ на Дону» Дружинина.—Іюнь. *А. Баловъ*: «Русскій хороводъ» Хороводныя игры въ Ярославской губ. Не смотря на то, что въ настоящее время среди крестьянъ указанной губерніи начинаютъ распространяться и кадриль, и лансье, и полька, и вальсъ,—древнія хороводныя игры еще не вытѣснены окончательно и продолжаютъ играться народомъ. Для этихъ игръ избираются обыкновенно либо лужайки около воды, либо рощи, либо, наконецъ, кладбища, причемъ мѣста для гульбищъ, разъ опредѣленныя, не мѣняются подчасъ черезъ цѣлыя поколѣнія. Общій отличительный признакъ хороводныхъ игръ составляетъ то, что онѣ вмѣщаютъ въ себѣ не одну пляску но и всѣ другіе виды лирико-драматической области: пѣсню, музыку и сценическую игру. Авторъ излагаетъ 20 видовъ хороводныхъ игръ, между прочимъ старинную «А мы просо сѣяли», не останавливаясь, къ сожалѣнію, подробно на тѣхъ, которыя вышли въ настоящее время изъ употребленія, хотя ихъ помнятъ «не только старые но и пожилые люди». Какъ ни сдѣлано много по изслѣдованію русскихъ хороводныхъ игръ различными авторами, болѣе подробное изученіе ихъ тѣмъ не менѣе крайне желательно, и записи ихъ, подобныя составленной г. Баловымъ, съ присоединеніемъ и тѣхъ игръ, которыя если и вышли изъ употребленія, но не утратились еще совершенно изъ народной памяти, являются крайне желательными и для другихъ мѣстностей Россіи, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, не далеко то время, когда, выходя постепенно изъ употребленія, хороводныя игры всюду замѣнятся заносными танцами.—Іюль. *Номикосовъ*. Общинное владѣніе въ Донскомъ краѣ.—Августъ *А. Леонтьевъ*. Русская колонизація въ степяхъ Средней Азіи.—Сентябрь. *Н. Д.* Письма о Грузіи (прод.): О вліяніи Персіи на Грузинскую литературу.

Филологическія Записки (Воронежъ). Вып. I. *Четыркинъ*, Къ вопросу объ отреченныхъ книгахъ древней Руси. *Веревскій*, Вукъ Караджичъ и его сборникъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ.

Юридическій Вѣстникъ. Февраль. Рец. на «Etudes d'histoire

Digitized by Google

du droit» Dareste. *Астыревъ*, Особенности экономич. положенія Сибири.—Апрѣль. *Спасовичъ*, О гминахъ и гминныхъ судахъ въ Цар. Польскомъ.—Рец. на «Etudes sur l'histeite du droit» H. Sumner Maine.—Май. *Реви*, Законъ, жизнь и обычное право.—Іюнь—Іюль. *Н. Добротворскій*. Крестьянскіе юридическіе обычаи въ восточной части Владимірской губ. (уѣзды: Вязниковскій, Гороховецкій, Шуйскій и Ковровскій). Статья г. Добротворскаго является какъ-бы продолженіемъ его статьи, появившейся въ Юрид. Вѣстникѣ въ 1888 г. (№ 6 и 7). Изложивъ въ послѣдней свѣдѣнія о бракѣ, авторъ во второй статьѣ касается семьи, семейныхъ раздѣловъ и права наслѣдованія, причемъ свѣдѣнія свои дополняетъ и подтверждаетъ имѣющимися у него въ распоряженіи рѣшеніями волостныхъ судовъ. Въ своемъ изложеніи авторъ, что является особенно цѣннымъ, старается указать на различія въ юридич. обычаяхъ настоящаго времени сравнительно съ прежнимъ; между прочимъ онъ отмѣчаетъ также особыя черты, какими отличаются офени отъ остальнаго крестьянскаго населенія—пахарей. *М. М. Ковалевскій*. Сельская община въ Закавказьѣ. Статья написана по поводу книги С. А. Еліазарова: «Изслѣдованія по исторіи учрежденій въ Закавказьѣ, ч. I. Сельская Община».

III. Газеты.

Акмолинскія Областныя Вѣд. (Прибавленіе, киргизск. газ.).—**5.** *С. Г—нъ*. Джиренше-Шешень и Алдаръ-Косе (киргизск. сказка).—**7.** *Какбай Джанатаевъ*. Общій видъ аула киргиза Чингизской волости Семипалат. уѣз., Ибрагима Кунашбаева, въ моментъ прикочевки на урочище Кобъ-беитъ, при р. Баканасъ (въ стихахъ).—**8.** *Ташмухаметъ Сейфуллинъ*. Басня «Волкъ и лисица».—**9.** *С. Г—нъ* Киргизская легенда о лошади, верблюдѣ, коровѣ, собакѣ, пѣтухѣ и мыши.—**19.** *А. Н.* Муллы въ К—скомъ уѣздѣ.—**23.** *Габдрахимъ Алашбаевъ*. Нужды киргизскаго населенія.

Архангельскія Губ. Вѣд.—**3.** *Н. Ер.* «Что читаютъ въ Архангельской губерніи?» Цыфровыя данныя о томъ, какія періодическія изданія выписываются жителями Архангельской губерніи. Нельзя не отнестись съ признательностью къ г. Н. Ер. за его цыфровое изображеніе умственнаго запроса жителей Архангельской губерніи, какъ въ сферѣ политической, такъ въ сферѣ наукъ, искусствъ и проч. Но намъ кажется, что было бы еще интереснѣе, если бы г. Н. Ер. отмѣтилъ, что изъ этого матеріала падаетъ на городское населеніе и что на сельское, сколько экземпляровъ выписывается крестьянами исключительно и т. д.—**5.** Ст. г. *Прежняго* «На вечеринкѣ»; см. отзывъ въ I кн. Этнограф. Обозр. 152.—**9.** Васильевъ «Исторія Сумскаго посада». Названіе посада авторъ производитъ отъ назва-

Digitized by Google

нія финскаго племени Suomalaiset, которое по мнѣнію автора здѣсь жило, пока не явились сюда новгородцы; лишь 1476 г., когда «Ливонскаго города нѣмцы православныхъ христіанъ Греческаго закона начали изгонять и мучить и тогда отъ ихъ нѣмецкаго озлобленія многіе переселились въ Новгородскую область, на Заонежье и Соловецкое подворье»; передается о разграбленіи Сумскаго посада «Литовскими людьми» и говорится о теперешнемъ видѣ посада. — **19** «Отчетъ о состояніи Архангельскаго губ. Статит. Комитета». Изъ отчета видно, что комитетъ состоитъ изъ 4-хъ почетныхъ, 16 непремѣнныхъ и 32 дѣйствительныхъ, за смертью же и выбытіемъ изъ 49 членовъ; библіотека состоитъ изъ 4443 названій въ 8820 томахъ (по этнографіи 135); въ музеѣ 1957 предметовъ; число посѣтителей музея сравнительно съ прошлымъ годомъ (446 человѣкъ) увеличилось на 68 человѣкъ. — **44** — **50**. «Сельская поземельная община въ Архангельской губерніи». Дается описаніе отдѣльныхъ общинъ разныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи, такъ, напр., общинъ Зачатьевской, Лошенской, Нюхотской, Сумостровской—по отношенію къ пользованію пахотной землею, сѣнокосами и проч. угодьями.—**50**. *Суровцовъ*, «Кой-что изъ медицины нашего сѣвера». Перечень растеній съ приписываемыми имъ крестьянскою массою цѣлебными свойствами.

Астраханскія Г. В.—2. Свѣдѣнія о состояніи дѣятельности «Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края» за время съ 7 сент. 1886 г. по 31 дек. 1887. (См. ниже: «дѣятельность уч. обществъ»).— Объ устройствѣ въ 1890 г. въ Казани научно-промышленной выставки произведеній Волжско-Камскаго края и восточной Россіи (см. ниже).

Бессарабскія Г. В.—61. Некрол. О. Ѳ. Миллера.—**79**. Замѣтка объ обычаѣ рѣшать судебныя дѣла поединкомъ у кельтовъ, кельтиберовъ, франковъ, германцевъ и другихъ средневѣковыхъ народовъ (Пр. В.) — **80**. Древнія типографіи на Волыни (изъ Прав. В.).

Варшавскій Дневникъ.—154. Реценз. на «Труды Варшавскаго Стат. Комитета».—**162**. Некрол. хорватскаго писателя и общественнаго дѣятеля Ив. Кукульевича-Сакцинскаго, состоявшаго между прочимъ членомъ И. Моск. Археолог. Общества, членомъ корресп. И. Академіи Наукъ и награжденнаго Имп. Александромъ II орденомъ Владиміра въ 1862 г.—**160**. Корреспондентъ изъ Грубешовскаго уѣз. Люблин. губ. сообщаетъ, что у мѣстнаго народа существуетъ преданіе о временномъ пребываніи св. Антонія Печерскаго въ с. Курмановѣ по пути съ Аѳона въ Кіевъ. 10 іюля—храмовой праздникъ въ Курмановской церкви, которая, по преданію, построена надъ пещерой св. Антонія. — **164**. Въ корреспонденціи за подписью *П. У.* изъ м.

Digitized by Google

Корца Новгородъ—Волынскаго у. сообщаются историко археологическія свѣдѣнія объ этомъ мѣстечкѣ и его достопримѣчательности.

Виленскій Вѣстникъ.—46, 48. О еврейскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ въ Трокскомъ уѣз. Вил. г.—**62.** *Ив. Сиротко* въ корр. изъ м. Крево (Ошмян. у.) сообщаетъ о развалинахъ мѣстнаго замка. Мѣстечко возникло раньше Вильны и Трокъ и служило, по предположенію, резиденціею др. литовскаго жреца Криве-Кривейто.—**64.** Графъ Бобринскій, отъ имени Московскаго (??) Археологич. Общества предложилъ проф. Кіев. Дух. Академіи В. З. Завитневичу совершить нынѣшнимъ лѣтомъ археологическую поѣздку въ Бѣлоруссію. Проф. Завитневичъ, по словамъ замѣтки, отправляясь по Припети на Мозырь, Туровъ, Пинскъ, а оттуда къ верховьямъ Березины и Нѣмана, намѣренъ обратить особенное вниманіе на особенности древняго дреговичскаго типа и на границы, отдѣлявшія это племя отъ сосѣдей литовцевъ и др. племенъ. Проф. Завитневичъ приглашенъ къ участію въ изданіи сборника статей по археологіи западнаго края, предпринимаемомъ археологическимъ обществомъ (какимъ?).—**68.** «Аушлявисъ (Жалтисъ), литовскій богъ врачеванія. Историч. изслѣд. *Теобальда* (отрывокъ изъ «Полной Литовской Миѳологіи)». Приводятся историч. свидѣтельства о почитаніи литовцами этого божества въ видѣ ужа и содержаніе легенды, разсказанной польск. писателемъ Крашевскимъ (въ «Витолераудѣ») о женитьбѣ Жалтиса на одной изъ 3-хъ сестеръ Эгле, одеждою которой онъ завладѣлъ во время ея купанья, и о шурьяхъ его, которые изрубили его косами, вызвавъ обманомъ изъ воды, послѣ чего Эгле обратилась въ ель (эгле-ель), ея старшій сынъ—въ дубъ, младшій—въ ясень, а дочь (выдавшая тайныя слова, какими мать ея вызывала супруга—ужа)—въ вѣчно-дрожащую осину.—**69.** По словамъ «Судеб. Газ.» въ петерб. санитарную коммиссію внесено предложеніе о собираніи свѣдѣній черезъ сельскихъ учителей и фельдшеровъ о знахаряхъ и знахаркахъ и объ употребляемыхъ ими врачебныхъ средствахъ.—**70.** *Ив. Сиротко* сообщаетъ изъ м. Крево о культурныхъ перемѣнахъ, внесенныхъ въ жизнь крестьянина-бѣлорусса реформою, сравниваетъ старое поколѣніе съ новымъ и приводитъ два полународныхъ бѣлорус. стихотворенія: одно—насмѣшка надъ «панскимъ игрищемъ» (баломъ), другое—назиданіе молодому поколѣнію. **75.** *Ніола* (жена Поклуса, литов. Плутона) и *Упина* (лит. богиня рѣкъ)—Теобальда.—Поклусъ, принявъ видъ цвѣтка, соблазнилъ Ніолу, дочь богини плодовъ земныхъ Крумины, и увлекъ въ преисподнюю. Легенда эта записана литовскимъ историкомъ Нарбутомъ и воспроизведена Крашевскимъ въ поэмѣ «Витолерауда». О богинѣ Упинѣ Нарбутъ писалъ въ 1835 г., что около м. Сапѣжишки, близъ Ковна (на лѣв. бер. Нѣмана) былъ ручей богини Упины, куда на-

Digitized by Google

родъ собирался для исцѣленія по праздникамъ, особ. въ день Ив. Купалы. По преданію здѣсь существовалъ жертвенникъ Упины и особыя жрицы; потомъ онѣ выродились въ чародѣекъ, которыя ежегодно въ «праздникъ росы» (Петровъ день) собирались сюда ночью на шабашъ и къ нимъ являлась на летающемъ ковлѣ мнеич. старуха Упина для освященія ручья. Все это уничтожено въ 1783 г., и на мѣстѣ жертвенника выстроена часовня.—**81, 83**. *М. З.* «Новости бѣлорусской науки». Послѣ общихъ замѣчаній о возрастающемъ въ наукѣ и обществѣ интересѣ къ бѣлорусской странѣ и народности, авторъ останавливается на статьѣ Н. Янчуна въ 1 вып. изданнаго подъ ред. Н. Харузина «Сборника свѣд. для изуч. быта крестьянскаго насел. Россіи» (Моск. 1889) и, давая въ общемъ сочувственный отзывъ, дѣлаетъ автору нѣкоторыя возраженія. Считаемъ нужнымъ отмѣтить здѣсь одну симпатичную мысль автора замѣтки, именно, что желательно было бы имѣть возможность вызывать и направлять къ дѣятельности мѣстныя силы, мѣстныхъ дѣятелей, у которыхъ матеріалъ подъ руками. «Этнографъ, пріѣзжающій на короткое время въ страну, замѣчаетъ г. М. З., всегда будетъ поставленъ въ худшія условія, чѣмъ мѣстный наблюдатель; на мѣстномъ интеллигентѣ и должно, какъ намъ кажется, основываться въ подобнаго рода трудахъ, нужно вызывать его къ содѣйствію. Въ этомъ отношеніи столичныя общества уже по одной своей отдаленности могутъ сдѣлать немногое. Въ этомъ случаѣ гораздо было бы полезнѣе направить усилія на образованіе научныхъ обществъ въ самомъ краѣ, хотя бы въ видѣ отдѣленій столичныхъ, какъ это дѣлаютъ сельско хозяйств. общества... Важное обстоятельство, подрывающее мѣстную дѣятельность, не дающее ей широкаго и свободнаго развитія,—это отсутствіе въ краѣ высшаго образовательнаго и вообще умственнаго центра»... Да, возобновленіе Виленскаго университета является настоятельнѣйшею потребностью для западнаго края. Тогда только и явится возможность устройства мѣстнаго ученаго общества.—**87**. Замѣтка о сборникѣ бѣлорус. пѣсенъ З. Радченко (см. рец. въ этой кн.).—**102—3**. Рец. на кн. П. Д. Брянцева: «Исторія Литовск. государства съ древнѣйш. временъ».—**111**. Нѣкто *Гаврило Полоцкій* помѣстилъ въ перев. съ англійскаго двѣ египетскія сказки, взятыя изъ повѣсти Ben-Hur америк. пис. Wallace'a, хотя замѣчаетъ, что онѣ написаны только подъ вліяніемъ и въ духѣ др.-египетскихъ сказокъ, недавно изданныхъ во франц. переводѣ директоромъ егип. музея въ Булакѣ Ж. Масперо (въ настоящее время оставившаго эту должность). Въ изданіи Maisonneuve сборника Масперо: «Les contes populaires de l'Egypte (t. IV, 1882) подобныхъ сюжетовъ нѣтъ, и было-ли пополненное изданіе—не знаемъ, но тѣмъ не менѣе Уоллесъ, повидимому, заимствовалъ откуда-

Digitized by Google

то сюжеты этихъ сказокъ. Одна изъ нихъ повѣствуетъ о враждѣ Озириса съ Изидой и о сотвореніи міра и человѣка—какъ результатѣ этой вражды, другая (въ № 112)—объ ассуанской красавицѣ Нэ-на-Гоффра, кажется, чисто романическаго характера. Переводчикъ дѣлаетъ научныя примѣчанія по исторіи и миѳологіи Египта, который ему знакомъ изъ путешествія 1879 г.—**113**. Виленское Св. Духовское братство издало для народа сборникъ «Въ память 50-лѣтія со времени возвращенія уніатовъ въ православіе», куда между прочимъ вошли статьи: «Начало христіанства въ Литвѣ» и «Русскіе крестьяне подъ владычествомъ Литвы и Польши».

Витебскія Г. В.—**15**. Перепечатана замѣтка «Прав. Вѣстн.» (на основ. «Олонец. Г. В.», см. ниже) объ Олонецкомъ естественно-промышл. и историко-этнографическомъ музеѣ при Губ. статистич. комитетѣ.—**18**. Объ экспедиціи М. В. Пѣвцова въ Тибетъ отъ И. Р. Геогр. Общества.—**19**. О засѣданіи Геогр. Общ. (см. ниже «дѣятельность ученыхъ обществъ»).—**28**. Въ замѣткѣ о праздникѣ Пасхи («разн. извѣст.») припоминаются нѣкоторые древнерус. обычаи, впрочемъ общеизвѣстные.—**49**. Перепечатанъ изъ «Новостей» опубликованный Эварницкимъ документъ 1764 г. о 27-милліонномъ кладѣ, въ 80 вер. отъ Херсона близъ д. Одаренковой, написанный отъ имени 40 запорожскихъ казаковъ.—**54**. Обычай сожиганія жены по смерти мужа, нѣкогда существовавшій у нашихъ предковъ существуетъ до настоящаго времени въ Китаѣ, гдѣ вдову предварительно удавливаетъ ближайшій ея родственникъ, напр. братъ, послѣ того какъ ее съ церемоніею пронесутъ по всѣмъ улицамъ на носилкахъ. (Нов. Дня, Минскія Г. В. 50).—**60**. Перепеч. изъ «Вилен. Вѣстн.» статья г. *А. Сементовскаго* объ открытыхъ имъ въ Полоцкомъ уѣз.; на берегу р. Ушача древнихъ курганахъ (Рудмянскіе иначе Колтуновскіе или Салатскіе курганы).

Владимірскія Г. В. 5 и 6. «Отхожіе промыслы въ Муромскомъ уѣздѣ», *Н. Добрынкина*. Авторъ даетъ краткія свѣдѣнія о заработкахъ служащихъ на судахъ и артелей волгарей (кричниковъ), моноводовъ и лямочниковъ.

Владим. Епарх. Вѣд. **9—10**. *А. Кочаровъ*. Школьный бытъ питомцевъ Переяславскаго духовнаго училища въ 40-хъ гг.

Волжскій Вѣстникъ. **106**. Народный самосудъ въ Китаѣ (смѣсь).—**111**. Свѣдѣнія объ этнографическо-археол. коллекціи изъ быта запорожцевъ у не названнаго помѣщика Екатеринослав. г.—**114**. Изъ Н.-Новгорода извѣстіе о 30-лѣтнемъ юбилеѣ А. С. Гацисскаго (въ іюлѣ).—**120**. О находкѣ въ Кіевѣ 9 предметовъ XII в., купленной Антоновичемъ («Кіев. Сл.»).—**122**. Корресп. изъ с. Косякова Свіяжск. у. о мѣстной святынѣ мусульманъ—могилѣ неизвѣстнаго татарскаго святого съ вытекающимъ около нея ключомъ.—

Digitized by Google

Замѣтка изъ Туркестанскихъ Вѣдом. о коллекціи туркестанскихъ произведеній (этногр., ест.-истор., арх.), собранной Гофманомъ и Варламовымъ. Предполагается выставка ихъ въ городахъ Россіи и Зап. Европы.—Извѣстіе изъ англійск. газетъ о находкѣ чиновникомъ Кемблемъ реликвіи Будды (4 камня, 2 палочки и суставъ пальца—въ металл. ящикѣ) въ 90-футовой могилѣ къ ю.-в. отъ Юнагада, въ Катжарѣ.—**125**. *А. И—въ* пишетъ въ фельетонѣ о переселенцахъ, «сибирской уголовщинѣ»—самосудѣ и пр.

Вологодскія Г. В.—3, 4, 10. Отчетъ мѣстнаго Статистическаго Комитета, въ коемъ, между прочимъ, указываются городища, а также помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія о «Панахъ» и «Чуди», преданія о ея нападеніяхъ и исчезновеніи, о могилахъ Чуди и находкахъ въ нихъ.—**23**. «Нѣчто о городкѣ». Статья содержитъ описаніе древняго городка близъ Спасо-Преображенскаго села, построеннаго по показаніямъ писца Никиты Вышеславцева для защиты отъ набѣговъ Чуди. Такихъ городковъ по р. Вохмѣ довольно много. — **27** и **28**. Протоколъ засѣданія Комитета по развитію кустарныхъ промысловъ и докладъ о кустарной выставкѣ въ г. Вологдѣ.

Волынскія Г. В.—2, **29**, **30**. Редакторъ неоффиціальной части газеты г. *Братчиковъ* продолжаетъ ст. «Остатки Волынской старины» (см. № 4). Разсматриваются причины бѣгства др. русскихъ людей за границу и условія, помогшія Курбскому водвориться на Волыни, состояніе просвѣщенія (особенно типографскаго дѣла) и группируются разбросанныя по разнымъ изданіямъ свѣдѣнія о вещественныхъ слѣдахъ прошлой жизни на Волыни, въ особенности о г. Острогѣ (30).

Волынскія Еп. В.—1—14. Историко-стат. описаніе церквей и приходовъ Волын. епархіи (№№ 597—677).—**3**. *С. Ш.* Новый годъ въ старину («Нов. Вр.»).—**13**. О происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ пасхальн. обычаевъ: артосъ, христосованье, освящ. хлѣба (Подол. Еп. Вѣд. 1887 г. № 14).

Волынь.—27. «На посидѣлкахъ» (народныя повѣрія о 12 пятницахъ).—**32**. Исторія волынской нѣмецкой колонизаціи.—**83**. Очеркъ состоянія кустарной промышленности на Волыни.

Воронежскія Г. В.—41. *Вейнбергъ*. Распространеніе христіанства на Украйнѣ.

Всемірный Путешественникъ (прибавл. къ газ. «Родина» см. ниже).—**1—4**. *Л. Кавказовъ*. Воспоминанія изъ перваго Ахалтекинскаго похода.—**5**, **6**. *Андр. Аргентовъ*. Пятнадцать лѣтъ въ Нижнеколымскомъ краѣ (изъ воспоминаній миссіонера).

Восточное Обозрѣніе. *Д. П—нъ*. Выставка предметовъ буддійскаго культа въ Иркутскѣ.—**5**. Карагазы.—**7**. О средствахъ сдѣлать кочевниковъ осѣдлыми.—**8**. Разоблаченныя тайны тибетской меди-

Digitized by Google

цины и средства борьбы съ ламами.—15—16. *Н. Ядринцевъ*. Забайкалье и въ гостяхъ у ламайскаго епископа.—18. *Н. Ядринцевъ*. Поѣздка въ Забайкалье.

Вятскія Г. В. 23. *Юрьевъ* «Матеріалы для исторіи Вятскаго края первой четверти XVIII в.»—27. Владѣнная выпись вотякамъ Круглой и Омсинской деревень на сѣнные покосы по рѣкѣ Чепцѣ.—28, — 32, 53, 56, 58. *Н. Первухинъ*. «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда» (продолж). Настоящія статьи посвящены обрядамъ, слѣдующимъ непосредственно за рожденіемъ ребенка, связанныхъ съ приготовленіями къ крещенію (глазовскіе вотяки оффиціально христіане) и т. д. Интереснымъ является указаніе автора, что въ кумовья нельзя приглашать никого изъ членовъ семьи, живущей общимъ хозяйствомъ и что лучше приглашать родственниковъ жены, чѣмъ мужа. Если ребенокъ начинаетъ хилѣть, то надъ нимъ совершается обрядъ «нимъ вонтонъ» (перемѣна имени) двумя способами: одинъ изъ нихъ заключается въ передачѣ ребенка первому изъ проходящихъ мимо данной избы съ тѣмъ, чтобы тотъ внесъ его въ избу, гдѣ происходитъ либо перемѣна имени, либо ограничиваются произнесеніемъ установленной формулы; второй способъ совершенія этого обряда состоитъ въ томъ, что ребенокъ, совершенно голый, лишь завернутый въ тряпку, относится въ заранѣе приготовленную около крыльца кучу сора, выметеннаго изъ избы, и приглашенный въ «кумовья» поднимаетъ ребенка, вноситъ въ избу и поздравляетъ отца и мать съ новорожденнымъ Этотъ обрядъ, по мнѣнію автора, является отголоскомъ глубокой старины, когда хилыхъ дѣтей убивали и замѣняли пріемышами. Весьма интересны также указанія г. Первухина на обязанность принесенія жертвъ дѣду и бабкѣ новорожденнаго, если они умерли ранѣе его рожденія, свѣдѣнія о талисманахъ отъ болѣзней и т. д.—42. Краткія извѣстія о командировкахъ нынѣшняго лѣта отъ Этногр. Отдѣла И. О. Л. Естествозн., Антр. и Этнографіи, объ изданіи «Этногр. Обозрѣнія» и о засѣданіи въ Этногр. Отдѣлѣ этого же Общества 8 мая. (Изъ «Рус. Вѣд.» № 129, 130).—62. *А. Спицынъ*. «Чудскія древности въ Зюздинскомъ краѣ» (оконч.). Село Зюздино-Аѳанасьевское, расположено на р. Камѣ. Описывая урочища и отдѣльные археологическіе предметы, авторъ сообщаетъ также мѣстныя народныя преданія и т. п.

Донскія Ен. В.—4. Свящ. 8. въ замѣткѣ «Безъ вины виноватые», въ объясненіе причинъ неточности метрическихъ записей, говоритъ: «Были случаи, что крестные записывали младенца по дѣду, желая тѣмъ возстановить родовую фамилію, а не зятевскую». Кромѣ того, крестьяне коверкаютъ имена до неузнаваемости: Анкирей Трапонычъ (?), Правоторъ (Провъ?), Нотарей (25 окт.), Вертуха—Фер-

Digitized by Google

вуфа и пр.—5. Замѣтка «Изъ соврем. жизни мѣстнаго раскола».—7. *Ѳ. Сланскій* въ статьѣ «Распространеніе книгъ въ Васильевск. поселкѣ Таганрог. округа» жалуется на вредное вліяніе ихъ продавцевъ-армянъ, странниковъ, «гребянчуковъ»—играющихъ на гребенкѣ, богопродавцевъ и т. п.—9. *І. Городецкій.* О хожденіи причтовъ съ иконами на св. недѣлѣ. Приводятся нѣкотор. черты соврем. жизни казачьихъ хуторовъ.—12. *Ив. Сумнинъ*, Краткое описаніе станицъ Обл. Войска Донскаго. По заявленію автора, оно имѣетъ цѣлью служить матеріаломъ для будущаго историка поселеній Области и источникомъ, на основаніи котораго можно будетъ впослѣдствіи составить карту поселеній Донскихъ казаковъ 16, 17 и 18 столѣтій. При краткомъ историческомъ очеркѣ станицъ упомянутая статья указываетъ происхожденіе урочищъ, замѣчательныхъ въ историческомъ и археологическомъ отношеніи, передаетъ мѣстныя преданія и наконецъ даетъ списки характерныхъ фамилій, которыя бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на составъ населенія.

Донская Пчела.—25 и 26. Пасха у евреевъ.—32. *И. Литвиновъ.* Съ береговъ Донца. Историч. воспоминанія; населеніе станицы Каменской.—34. Персидская сказка (искусств.?).—35. Некрологъ проф. СПБ. университета К. П. Патканова († 2 апр.).

Екатеринбургская Недѣля.—3, 4. Статья «Лѣсоворы» сообщаетъ нѣсколько интересныхъ бытовыхъ данныхъ о кражѣ лѣса въ пріуральскомъ краѣ.—5, 12, 19. «О непорядкахъ въ крестьянскомъ землепользованіи».—7, 8. Перешитки древности, какъ опасныя суевѣрія настоящаго времени (по поводу Бѣлгородскаго дѣла объ убійствѣ дѣвочки съ цѣлью добыть человѣческое сало).—2, 9, 10, 12, 13, 16, 18, 20, 23. Къ изученію Пермской губерніи (библіографич. замѣтки).—17. Къ вопросу объ организаціи артели въ Каменскомъ заводѣ.—20—23. Крестьянское землепользованіе въ Соликамскомъ уѣздѣ.—21, 22. Изъ набросковъ золотопромышленника (по поводу старательскихъ работъ).—24. Общественная запашка въ с. Юсовѣ.

Екатеринославскія Г. В.- 17. *Я. Новицкій* «Пѣсни казацкаго вѣка» (Морозенко).—26, 27. Нар. сказаніе о могилахъ и камен. бабахъ (изъ Елисаветгр. Вѣстн., см. ниже).—28. *Новицкій.* Изъ области нар. преданій, повѣрій и разсказовъ: исчезновеніе о-ва Дубоваго на Днѣпрѣ, оскудѣніе рыбъ, звѣрей и птицъ послѣ паденія Сѣчи, змій, плачъ невидимаго чудовища).—32, 41. *Чайкинъ.* Отчеты о курганныхъ раскопкахъ Д. И. Эварницкаго въ д. Богодаръ, Александр. у.—40. Отчетъ самого Эварницкаго о тѣхъ же раскопкахъ.—37, 40, 43. «Матеріалы для исторіи колонизаціи Новороссійскаго края» (документы).—41. «День св. Троицы». Вкратцѣ объяснены троицкіе обычаи, преимущественно завиваніе вѣнковъ, употребленіе березовъ и др. растеній.—45. *Д. И. Эварницкій*, «Замѣчательная страница

Digitized by Google

изъ исторіи Запорожскихъ казаковъ» (изд.). Описывается Старая Січа иначе Чертомлицкая (у устья р. Чертомлыка, гдѣ дер. Капуганка Екатерин. у.), внутреннее устройство куреней и нападеніе крымской орды.—49. *Его-же.* «Изъ поѣздки по бывшимъ запорожскимъ владѣніямъ». Приведены двѣ легенды, рассказанныя возницей—хохломъ: о происхожденіи кладовъ и о средствѣ найти кладъ при помощи вырваннаго у покойника «кутняго зуба», который даетъ также силу отпирать замки и «обертать» къ себѣ дивчатъ.—53. *Д. И. Эварницкій* сообщаетъ документъ «Дарственная грамота (1776 г.) премьеръ-маіору А. М. Синельникову на владѣніе д. Новоки, тожъ Алексѣевки или Любимовки»,—изъ бумагъ А. Н. Синельникова, съ дополненіями изъ межевыхъ книгъ 1779 и 1827 гг.—54, 57. Возраженіе г. *А. Егорова* по поводу статьи *Д. И. Эварницкаго.* (въ № 21 той же газ., перепеч. изъ 3 кн. «Историч. Вѣстн.») о синеевомъ сосудѣ въ музеѣ А. Н. Поля (изъ Од. Нов., № 1333.—55. Дарственная грамота царей Ивана и Петра Алексѣевичей полк. Даниилу Апостолу 1676 г. Сообщ. *Д. И. Эварницкій.*—60, 63. *Д. Эварницкій* сообщаетъ двѣ малор. сказки: «Дурному ни въ людяхъ ни дома» (ей предпосланы общія замѣчанія объ историч. развитіи этнографич. изысканій въ Россіи),—какъ жена, играя невидимому роль послушнаго орудія мужней воли, всегда беретъ перевѣсъ и ставитъ на своемъ. «Присказка для нюхарей»—своего рода малор. «Горе-злосчастіе», по замѣчанію изслѣдователя, переданное хотя въ простой, не особенно поэтичной формѣ, но съ неподражаемымъ малороссійскимъ юморомъ. Для интересующихся этимъ отдѣломъ народной словесности можемъ указать статью П. В. Шейна: «Приговоры или причеты о табакѣ», напеч. въ VII кн. «Трудовъ этнографич. отдѣла Имп. Общ. люб. Ест., Антр. и Этнографіи» («Извѣстія» Общества, т. 48, в. 1, стр. 180).—65. Кустарный промыселъ въ Екатер. г.

Елисаветградскій Вѣстникъ. 4. Смѣсь: рождественскія эмблемы; святочныя пѣсни заграницей.—11. *Танъ.* О сельскихъ обычаяхъ подъ праздники (святки): Святый вечеръ (сочельникъ); обычай «спалыть дида» — закиганіе подъ Новый годъ огней по садамъ для окуриванія и нережиганіе «попелыщъ» (сорныхъ ямъ) втеченіе всей ночи.—Выписка изъ ст. Максимова (Новости) о томъ, что Петровскій Новый годъ не привился въ народѣ.—16. Въ фельетонѣ заложено дѣло объ убійствѣ тремя мальчиками дѣвочки изъ желанія добыть человѣческаго сала, которое будто бы помогаетъ совершать безнаказанно всякія преступленія (разбираюсь въ Бѣлгородѣ).—22. Библіогр. замѣтка о 1 вып. «Матеріаловъ для археологіи Кавказа», изданныхъ И. Моск. Археологическимъ Обществомъ. (Рус. Вѣд.).—23. Смѣсь: о пулачныхъ бояхъ въ Глуховѣ на Новый годъ, Рождество и Крещеніе. Въ фельетонѣ замѣтка о статьѣ Берендѣева въ «Сѣв. Вѣстн.» (см.

Digitized by Google

кн. I, «Этногр. Обозр.»).—**25**. Замѣтка объ археол. коллекціи при елисаветградск. земскомъ реальн. училищѣ подъ завѣдываніемъ учителя В. Н. Ястребцова (предметы костюма, вооруженія и т. д.). — **28**. «Елисаветградъ въ 1774» по показаніямъ путешеств. академика I. А Гильденштедта.—**29**. Замѣтка о шахматной игрѣ, при чемъ доказывается, что она къ намъ принесена не съ запада, а съ востока, вѣроятно, во времена татарщины. — **35**, **38**, **41**, **42**, **44**, **49**, **51**, **53**, **60**, **64**, **65**, **69**. Елисаветградская провинція, по свидѣтельству Гильденштедта (Reisen durch Russland, изд. П. С. Палласомъ, СПБ. 1787).—**36**. Въ Волынской губ. сохранился свадебный обычай испытанія огнемъ для засвидѣтельствованія невинности дѣвушки. Въ прежнее время невѣста, если она сознавала себя «не честною», не рѣшалась перешагнуть черезъ разложенный костеръ; теперь обычай служитъ развлеченіемъ (смѣсь). — **39**. О Кіев. Старинѣ 1889 г. — **40**. Замѣтка объ экспедиціи капитана Б. Л. Громбчевскаго изъ Ферганы къ верховьямъ Инда въ 1888 г. отъ И. Р. Геогр. Общ. (см. ниже «дѣят. уч. обществъ». — **45**. «Женская доля по Кобзарю». 28-я годовщ. смерти Шевченка.—**55**. *Бр*. «Народное сказаніе о могилахъ и каменн. бабахъ». Около с. Веселые Терны на лѣв. бер. р. Саксагани (Верхнеднѣпр. у. Екатеринос. г.) есть могилы; одна раскопана еще во времена «панщины», найденъ золотой гробъ. Двѣ парныя могилы назыв. *Баба* и *Пидбабокъ*. Нѣкогда въ здѣшней степи жили волосатые люди; солнца еще не было, одна тьма. По ихъ просьбѣ Богъ далъ солнце, луну и звѣзды; но они, собравшись на вершину Бабы, стали плевать на солнце, за что были обращены въ камни. Потомъ пришли сюда запорожцы, наконецъ паны; при раскапываніи Бабы находили окаменѣлыхъ людей—кам. бабы.—**56**. *Я. П. Новицкій*. Изъ области народн. преданія: татарскіе набѣги; раздѣлъ запорожскихъ вольностей, поселенцы-великороссы при Екатеринѣ В.—**58**. Выдержки изъ «Гражданина» о современной пѣснѣ («періодич. печать»). Легенда о Сем. Палѣ противникѣ Мазепы, взятая изъ замѣтки Мордовцева въ «Новостяхъ» (смѣсь); см. выше стат. «Палій и Мазепа».—**59**. Z. Кое-что изъ сравнит. антропологіи. На основаніи статей Коперницкаго, Мейера, Эмие, Дибольта и др. авторъ излагаетъ результаты сравненія трехъ народностей: великоруссовъ, малорусс. и поляковъ — относительно внѣшнихъ физическихъ признаковъ, характера, инерваціи и т. д. — **60**. Перерожденцы (секта).—**61**. Тунгузское племя Орочи (содержаніе реферата Гондатти въ засѣданіи Этногр. Отдѣла И. О. л. Ест., Антр. и Этногр. 8 февр.).—**66**, **68**, **74**. Воспоминанія М. Кропивницкаго изъ бытовой южно-рус. жизни.—**69**. Мартъ мѣсяцъ по народнымъ представленіямъ (изъ Кіевлянина).—**72**. Объ образованіи при И. Рус. Геогр. Обществѣ комиссіи для обсужденія вопроса объ изслѣдованіи литов-

Digitized by Google

скихъ губерній.—**75.** *С. Р.* Рец. на 1-й вып. «Матер. по археологіи Кавказа», изд. И. Моск. Арх. Общ. *Н. Сумцовъ.* Вниманію сельскихъ жителей (о крапиванкахъ). — **76.** О празднованіи Вербной недѣли (Кіевлян.). — **77.** Случай отравленія знахарней. — **78.** «1-е апрѣля». Слѣды обычая обманывать у древнихъ индійцевъ (празднество въ честь коварнаго и свирѣпаго Шивы) и у римлянъ (праздн. въ честь бога Сиѣха). Дополн. къ этому въ № 79 (смѣсь). — **79.** Пасха въ Малороссіи и у южн. славянъ (Кіевлян.). — **81.** Свѣтлый праздникъ Пасхи въ старину («Х. В.»).—*Новицкій.* Изъ области нар. преданій: исчезновеніе о-ва Дубоваго на Днѣпрѣ; оскудѣніе рыбъ, звѣрей и птицъ послѣ паденія Сѣчи; змій; плачъ невидимаго чудовища («Ек. Г. В.»).—**92.** Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго пѣвца.

Зоря. 3, 4. Набожни казни болгарски (дуалистическія космогоническія легенды и параллели къ нимъ).—**4, 5.** Библіографія: рец. на Коперницкаго: «O góralach ruskich w Galicyi».

Кавказъ.—62—64, 67, 71, 78. Событія въ Персіи послѣ смерти Надиръ-шаха, прод. статьи ген.-маіора *Кишиншева.* Нѣсколько главъ посвящено варварскому вторженію перс. шаха Ага-Магометъ-хана въ Тифлисъ.—**132.** *Е. Т. А.* Праздникъ Вознесенія Г. у Армянъ. У тифлисскихъ армянъ праздникъ называется «телетоба» отъ имени села Телеты, въ которомъ есть церковь св. Георгія. По дорогѣ въ это село находится скала, представляющая двѣ фигуры. Каждый проходящій считаетъ долгомъ кринкнуть: «Беременная скала, что у тебя: сынъ или дочь?» Если эхо сильнѣе повторитъ «сынъ», то къ счастью, а «дочь»—къ несчастью. Фигуры, по преданію, представляютъ окаменѣлыхъ невѣрныхъ женъ. Праздникъ Вознесенія (Амбарцумъ) сопровождается джигитовкой, представленіемъ «джамбази» (акробатъ) и «такимасхара» (шутъ) при звукахъ туземной музыки. Устраиваются гаданія о судьбѣ (вечика хагъ), праздникъ цвѣтовъ (джалъ гулумъ), описанія которыхъ авторъ сообщаетъ. Кромѣ того существуютъ нѣкот. домашніе обычаи. Хозяинъ утромъ отправляется въ садъ, кладетъ камень между вѣтвями большого дерева, чтобы его плоды окрѣпли, на корни подсыпаетъ золу, чтобы въ нихъ не завелись черви. Свѣже выдоенное молоко раздаютъ сосѣдямъ, чтобы у коровы былъ обильный удой. На канунѣ Вознесенія всѣ растенія говорятъ, какое цѣлебное свойство имѣетъ каждое изъ нихъ. Отыскиваютъ четырехлистную травку и разрѣзываютъ золотымъ кольцомъ, вѣря, что всякая просьба при этомъ исполнится; черпаютъ молча изъ рѣки воду, которая помогаетъ отъ головной боли и т. п.

Казанскія Г. В.—41. *В. К. Маницкій,* Тяжебные документы чувашъ Козьмодемьянскаго уѣз. 17 и 18 столѣтій—двѣ жалованныя грамоты на Кинярскій островъ на Волгѣ. **141.** Въ годовомъ собра-

Digitized by Google

нім лондонскаго Географическаго Общества, происходившемъ 15-го мая членъ Имп. Русскаго Географическаго Общества Г. И. Радде, директоръ тифлисскаго музея былъ увѣнчанъ одной изъ высшихъ наградъ, которыми располагаетъ общество, а именно большой медалью королевы Викторіи (the Patrons Medal). Въ представленіи совѣту общества, по словамъ «Нов. Вр.», сказано, что «медаль эта присуждается русскому ученому за его долголѣтнее служеніе географической наукѣ въ качествѣ путешественника, наблюдателя и писателя, въ особенности же за его пятилѣтнее путешествіе по Восточной Сибири (1855—1860 гг.), за его обстоятельное изслѣдованіе Кавказскаго горнаго хребта, Мингреліи, Абхазіи, страны Каротовъ, Дагестана и Армянскаго плоскогорія, а также Каспійскаго побережья (1875—1880) и во вниманіе къ его услугамъ въ качествѣ начальника закаспійской экспедиціи въ 1886 г.; равнымъ образомъ за капитальные труды Г. И. Радде, въ которыхъ изложены результаты его изслѣдованій, а именно: 1) путешествія по восточной Сибири, 2) путешествіе въ мингрельскихъ альпахъ и въ трехъ ихъ верхнихъ продольныхъ долинахъ, 3) четыре публичныхъ чтенія о Кавказѣ, 4) изъ дагестанскихъ альпъ, 5) путешествія вдоль русско-персидской границы, 6) предварительный отчетъ объ экспедиціи въ Закаспійскій край и Хорасанъ; въ особенности же за талантливое изложеніе, въ которомъ Г. И. Радде сумѣлъ связать разработку матерьяловъ по части этнографіи, орнитологіи и ботаники съ обзорами общегеографическаго свойства, касающимися изслѣдованныхъ имъ странъ; наконецъ, за энергію и умѣнье, которыя онъ выказалъ при устройствѣ въ Тифлисѣ естественно-историческаго музея". Какъ извѣстно медаль Королевы Викторіи была также присуждена Н. М. Пржевальскому въ 1879 г.

Калужскія Г. В.—34. «Кирпичныя избы въ воронежскомъ и землянскомъ уѣздахъ». Въ указанныхъ мѣстностяхъ Воронежской и Тамбовской губ. за послѣдніе годы начинаетъ распространяться постройка избъ изъ кирпича, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ. Описывается подробно способъ постройки (изъ Ворон. Телегр.).—**53.** Замѣтка о клѣточномъ промыслѣ въ Медынскомъ у., Калужской губ.

Карсъ.—1. Описаніе храма, построеннаго въ византійскомъ стилѣ въ 937—942 гг.; вмѣстѣ съ тѣмъ передается исторія вторженія Абхазскаго царя Бера въ 943 г. въ Армению.

Кіевлянинъ. 69. Обычай освобождать въ Кіевѣ 25 марта птицъ на волю.—**74** Вербная недѣля.—**79.** Пасха въ Малороссіи и у южныхъ славянъ.—**83.** Ѳомина недѣля.—**89.** Юрьевъ день.—**93—96.** Легенда о Петрѣ Великомъ. **137.** Иванъ Купало.

Кіевское Слово. 558. Корресп. изъ Кобелик. у. Полт. губ. о народныхъ обычаяхъ на Рождество и Новый годъ.—**583, 599, 606.**

Digitized by Google

Иноземная колонизація въ юго-западномъ краѣ.—**646**. Праздникъ Пасхи въ Брацл. у. Подол. губ. и капля любви (волын. легенда).

Кишиневскія Кн. В.—**5**; *Алекс. Стадницкій* «Мѣры о развитіи просвѣщенія въ Бессарабіи по присоединеніи ея къ Россіи» (1812). Нѣкоторыя черты для характеристики мѣстныхъ нравовъ конца 18 и нач. 19 в., вредное вліяніе грековъ и французовъ. Въ связи съ этимъ его же ст. въ № 6: «Попытка открытія 1-го женскаго училища въ Бессарабіи".—**8**, **9**. Состояніе раскола и сектантства въ Бессарабіи за 1888 г. **8**. Обычаи др. христіанъ съ праздникъ Пасхи («Воскр. день»).

Ковенскія Г. В.—**39**. Замѣтка о символич. значеніи дерева вербы въ народныхъ вѣрованіяхъ особенно у малоруссовъ. Она имѣетъ вліяніе на чадородіе женъ (Нарбутъ); святою вербою ударяютъ другъ друга для здоровья, приговаривая: «будь великъ, якъ верба, а здоровъ, якъ вода»; или: «не я бью, верба бьетъ (бье?), за тыждень великъ—день»; верба ограждаетъ зданія отъ грозы и пожара. Въ нашихъ (?) обрядахъ верба играетъ роль «Перуновой ловы». Въ вербу превращается «облачная жена»—туча (изъ Арк. Г. В.).

Костромскія Г. В.—**35**. „Бесѣдки" и „свозы" въ Солигаличскомъ уѣздѣ. Авторъ даетъ интересное описаніе деревенскихъ увеселеній, отмѣчая, впрочемъ, вліяніе на нихъ фабричной культуры. Различіе между «бесѣдками» и «свозами» главнымъ образомъ заключается въ томъ, что на послѣдніе съѣзжаются дѣвушки различныхъ деревень, участвуя въ увеселеніяхъ иногда по недѣлѣ. Особеннымъ многолюдствомъ отличаются «свозы», называющіеся «игрищами». Они происходятъ съ первыхъ дней Рождества и до Крещенья. «Бесѣдки» носятъ характеръ вечериновъ у зажиточныхъ городскихъ мѣщанъ. Участвующіе парни носятъ названіе «жениховъ», при чемъ въ одинъ вечеръ они успѣваютъ побывать на нѣсколькихъ бесѣдкахъ. Замужнія и дѣвушки старше 23 л. не участвуютъ на бесѣдкахъ.

Kraj (СПБ.).—**21**. *Ал. Ельскій* сообщаетъ мимоходомъ въ корреспонденціи изъ Минской губ., что въ Игуменскомъ уѣз. употребляется при колдовствѣ осиновое дерево: парень, которому не позволили жениться на любимой дѣвушкѣ, перегородилъ съ какою-то таинственною цѣлью дорогу къ ней осиновыми колышками, за что былъ избитъ. Въ литературномъ прибавленіи тотъ же авторъ сообщилъ «Нѣсколько словъ о Минской епархіи по поводу 50-лѣтняго юбилея возсоединенія уніатовъ».—**22** (фельет.). О 50-лѣтнемъ юбилеѣ этнографа Оскара Кольберга въ Краковѣ; къ этому прибавимъ упоминаніе объ этомъ юбилеѣ въ корресп. изъ Львова въ № 21 «Края» съ выпиской изъ одного почетнаго адреса, гдѣ указаны въ общихъ чертахъ заслуги юбиляра, которому въ настоящей книжкѣ нашего изданія посвящена особая статья.

Digitized by Google

Кубанскія Вѣд. 11. Въ Лохвено-Кубанскомъ аулѣ Батальашинскаго отдѣла, было совершено торжественное жертвоприношеніе по случаю катастрофы 17 окт. 1888 г. Собравшіеся, ставъ лицомъ къ югу, подняли въ уровень съ грудью руки; затѣмъ, когда водворилась тишина, эфенди, стоя впереди, сталъ читать соотвѣтственныя молитвы изъ Корана. Въ это время былъ принесенъ жирный баранъ, котораго эфенди обливалъ во время чтенія, положивъ на землю и связавъ ему три ноги полотенцемъ, а потомъ сталъ пѣть стихи изъ Корана. Послѣ этого баранъ былъ зарѣзанъ и тутъ же приготовленъ изъ него шашлыкъ, котораго каждый присутствующій долженъ былъ съѣсть кусокъ.

Курляндскія Г. В.—48. Въ замѣткѣ „Народная Медицина" говорится, что на Кавказѣ и въ Поволжьѣ употребляется противъ болотныхъ лихорадокъ настой подсолнечныхъ цвѣтовъ и стружекъ ствола («Медицина», № 21).

Курскій Листокъ.—43. Огонь и вода въ народ. повѣріяхъ, *Богдановича*.—**45.** Радуница и день Св. Георія, *Богдановича*.

Курскія Еп. В.—1. *Д. Куклярскій*. Краткая исторія празднованія Новаго года.—**2, 3, 8, 9.** *А. Танковъ*, Изъ исторіи раскола въ Курской епархіи.—**3—5, 11, 14, 15, 17, 19.** Матеріалы для исторіи Курск. епархіи.—**7.** *І. Харлановъ*. Нѣсколько словъ о религіозномъ состояніи православныхъ цыганъ.

Кутаисскія Г. В. 21, 22. *К. Мачаваріани*. Религіозное состояніе Абхазіи. Перечисленіе древнихъ и нынѣ существующихъ абхазскихъ храмовъ и монастырей, частью, по словамъ автора, не вошедшихъ въ описаніе гр. П. С. Уваровой, съ обозначеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые были резиденціями епископовъ.

Минскія Еп. В.—4. Замѣтка о паденіи семьи въ деревнѣ, преимущественно жалоба на семейные раздѣлы (изъ Паст. Соб.).—**6.** Полѣсье и **10.** Несвижъ (Моск. В. № 42)—обѣ статьи изъ «Очерка» Б. Случевскаго (см. 1 кн. Этногр. Обозр. 163).

Минскій Листокъ.—35. Отзывъ *В. К. С—ъ*, о 2-мъ изданіи книги *Н. В. Ремезова*. „Очерки изъ жизни дикой Башкиріи", имѣющей впрочемъ публицистическій характеръ.—**37.** Въ фельетонѣ напечатана въ 1-й разъ бѣлорусская поэма „Тарасъ". Въ примѣчаніи сказано, что она „принадлежитъ перу неизвѣстнаго бѣлорусскаго поэта-юмориста", между тѣмъ, какъ извѣстно, что авторъ ея—Викентій Дунинъ-Марцинкевичъ (1807—1885), писавшій на бѣлорусскомъ языкѣ стихи и театральныя вещи на народныя темы. Въ «Календарѣ сѣв. зап. края» на 1890 г., изд. подъ ред. г. *М. Запольскаго*, ожидается біографія этого полу-народнаго поэта, составленная старожиломъ и знатокомъ Бѣлоруссіи г. Александромъ Карловичемъ *Ельскимъ*, въ архивѣ котораго хранятся подлинники нѣкоторыхъ не-

Digitized by Google

напечатанныхъ еще произведеній Марцинкевича, въ томъ числѣ и поэмы «Тарасъ на Парнасѣ», какъ гласитъ ея полное заглавіе *). Эта поэма уже въ рукописи получила нѣкоторое распространеніе, и намъ между прочимъ также былъ доставленъ въ запрошлому году ея списокъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ. Благодаря любезности г. Ельскаго, приславшаго намъ копію подлинника, мы можемъ сказать, что въ «Мин. Л.» поэма напечатана въ искаженномъ видѣ, при чемъ недостаетъ 7 стиховъ, до нормальнаго числа 308.—41. О сожженіи старухи (изъ „Кавказа", см. „Минск. Г. В.").—43. Некрологъ Ор. Ѳед. Миллера († 1 іюня). Выражена между прочимъ мысль, что «самое нѣмецкое происхожденіе покойнаго давало поводы говорить, что онъ способенъ къ патріотическому самовосхваленію». Раздѣляетъ-ли самъ авторъ эту мысль—неясно. Въ общемъ указаны также заслуги покойнаго по изслѣдованію рус. народнаго эпоса.—53. Въ Игуменск. уѣздѣ, въ дер. Русаковичахъ, нынѣшнимъ лѣтомъ для прекращенія засухи, по совѣту старшины, было устроено «вспахиваніе рѣки». Нѣсколько женщинъ впряглись въ соху и подъ управленіемъ самой сильной въ деревнѣ бабы, бороздили дно рѣки. По словамъ старшины, къ тому же средству прибѣгаетъ знакомый ему помѣщикъ.

Минскія Г. В.—32. Извлеченіе изъ корресп. „Кавказа" о сожженіи мнимой колдуньи въ с. Тамуши, Кодорскаго участка Сухумск. округа. По указанію ворожеи, крестьяне стали пытать старуху раскаленнымъ желѣзомъ, чтобы удостовѣриться, она-ли виновна въ болѣзни своихъ двухъ сыновей и смерти одного изъ нихъ. Старуха отъ неожиданнаго ужаса онѣмѣла, а народъ, добиваясь, чтобы она сознавалась, сталъ поджаривать ее надъ костромъ, привязавъ къ палкѣ, отчего она и умерла.—40. Преданіе о происхожденіи чая отъ бровей одного индійца, который, проповѣдывая въ Китаѣ буддизмъ (около 519 года Даема), велъ очень строгую жизнь и рѣшилъ никогда не предаваться сну, но не могъ выполнить этого обѣта, и въ досадѣ остригъ себѣ брови, превратившіяся вскорѣ въ лепестки чайнаго растенія, которое онъ сталъ употреблять для подкрѣпленія силъ. Тутъ же рецептъ китайскаго врача, составленный изъ снадобій, отчасти извѣстныхъ и нашему народу, а именно: ящерицъ, змѣй, кузнечиковъ, птичьихъ костей, плавниковъ рыбы (акулы), оленьяго рога, имбирю, корня женченга, побѣговъ батана (?), бѣлыхъ (?) орѣховъ, черныхъ фениковъ, листьевъ лотоса, илимовой коры и гвоздей отъ старыхъ гробовъ.—42. „Застольные обычаи" (изъ Харьк. Г. В.), краткія замѣтки о томъ, какъ обѣдали въ древности, о появленіи

*) Того же Марцинкевича полу-народная стихотворная повѣсть „Гапонъ" напечатана въ извлеченіи въ календарѣ г. Запольскаго на 1889 г. (Москва) вмѣстѣ съ историко-литературнымъ этюдомъ издателя о бѣлорусской литературѣ.

Digitized by Google

вилки, о происхожденіи слова „кувертъ“, о застольныхъ правилахъ для малыхъ и взрослыхъ. Составлено по сочиненію франц. историка Альфр. Франкена (т. VI), занимающагося изслѣдованіемъ домашней жизни французовъ съ XII по XVII в. Нѣкоторые обычаи и предразсудки, наблюдавшіеся еще въ средніе вѣка во Франціи и другихъ странахъ удержались до сихъ поръ, а также извѣстны и у насъ: напр. о числѣ 13, объ опрокидываніи солонки и пр. Правила сидѣнія за столомъ, взятыя изъ французскихъ „руководствъ хорошаго тона“, распространялись, какъ извѣстно, въ русскомъ переводѣ, особенно съ Петра I. — **46**. Въ объясненіе народнаго вѣрованія въ мстительность аиста, поджигающаго своего обидчика, приводится сообщеніе газ. „Волынь“, что въ апрѣлѣ аистъ поджегъ въ мѣстечкѣ Олыкѣ усадьбу мѣщанина, принеся въ гнѣздо, находившееся на его клунѣ (сараѣ) головню (изъ мести?)—**47**. „Минскъ въ 1812 г.“, по статьѣ Игнатьева въ той же газетѣ 1877 г.

Могилевскія Г. В.—65. Сообщеніе о присужденіи Им. Академіей Наукъ серебряныхъ медалей крестьянкѣ Л. С. Егоровой, за доставленіе сборника XVII в., содержащаго между прочимъ отрывокъ былины о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ, и крестьянину Савченкову за доставленіе статей: «Исторія крестьянской одежды, обуви, бѣлья и головныхъ уборовъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ» и «Народныя вѣрованія о дождѣ, громѣ и другихъ атмосферныхъ явленіяхъ. Народный календарь».

Могилевскія Еп. В.—3, 4. Содержаніе неоффиц. части изданія за 1888 г.—**11, 12**. Объ употребленіи красныхъ яицъ въ праздникъ Св. Хр. Воскресенія (духовное значеніе обычая).—**5—13**. Сильвестръ II (кн. Святоп. Четвертинскій) еп. Могилевскій и состояніе при немъ Могил. епархіи.

Московскія Вѣдомости.—158, стр. 4. Дѣло о разрытіи крестьянами с. Елшанки Саратовскаго у., Саратовской губ. могилы вслѣдствіе суевѣрнаго понятія, что смерть человѣка опившагося водкою влечетъ за собою засуху и что для устраненія ея необходимо разрыть могилу и трупъ «опоицы», сплавить по рѣкѣ или сбросить въ какое либо болото или трясину (корресп.).—**159**. *Я.* Мараловодство на русскомъ Алтаѣ (оленій промыселъ; продажа роговъ въ Китай, какъ лѣкарственнаго средства). — **210**. *Хозарскій.* «Вѣнская жизнь» (отзывъ о статьѣ *Француза*: «Das Volkslied der Ruthenen»).—**228**. Празднества въ храмахъ Флора и Лавра. «...18-го августа, въ день памяти свв. мучениковъ Флора и Лавра, по заведенному изстари обычаю, къ обоимъ въ Москвѣ храмамъ, посвященнымъ ихъ имени, на Мясницкой и на Зацѣпѣ, еще до начала литургіи стали приводить лошадей для окропленія ихъ Св. водой. Окропленіе лошадей совершилось послѣ литургіи и молебствія. Особенно много приводится лошадей къ храму на Зацѣпѣ (сегодня было

Digitized by Google

до 700), причемъ дорогіе рысаки приводятся съ цвѣтами и листами въ гривахъ, а извозчичьи лошади съ дешевыми ситцевыми лоскутками. Для окропленія св. водой лошади въ порядкѣ проводились, одна за другой, мимо церковной паперти».

Московскія Церковныя Вѣд.—18. *Н. Катановъ.* „Шаманскій бубенъ и его значеніе». Подробно описанъ одинъ бубенъ, принадлежащій шаману Степной думы Кчеку Чанкову, занимавшемуся 45 лѣтъ шаманствомъ (изъ Енисейск. Еп. В.).—**20** «Изъ религіозной жизни самоѣдовъ—шаманы, шаманство, и загробная жизнь» (изъ Томск. Еп. Вѣд. 1888, № 44). Для того, чтобы быть тадибеемъ-шаманомъ требуются особыя физическія качества, такъ какъ для бесѣды съ духами шаманъ долженъ истязать себя. Необходимою принадлежностью шамана является барабанъ, украшенный мѣдными кольцами и бляхами. Костюмъ шамана состоитъ изъ замшевой рубашки съ красной суконной каймой и яркими наплечниками. При вопрошаніи духовъ шаманъ спускаетъ на лицо лоскутъ сукна, такъ какъ въ міръ духовъ онъ проникаетъ не тѣлесными очами. Къ шаману самоѣды прибѣгаютъ въ тяжелыя минуты: при пропажѣ оленя, при его болѣзни, въ случаѣ личнаго недуга и т. п. Вѣры въ загробное существованіе у самоѣдовъ нѣтъ; только шаманъ послѣ своей смерти переселяется въ міръ духовъ, не разрывая впрочемъ связи съ этимъ міромъ. Давно жилъ на землѣ шаманъ по имени Уріеръ. Надоѣло жить Уріеру среди самоѣдовъ. Сталъ онъ замѣчать, какъ съ каждымъ годомъ стада оленей стали уменьшаться и какъ сами самоѣды стали хуже. И задумалъ Уріеръ переселиться на небо. Для этой цѣли онъ приказалъ своимъ двумъ женамъ изготовить совершенно новыя одежды и для оленей справить новую упряжь, при томъ такъ, чтобъ ни одной старой нитки не было употреблено въ дѣло. Когда все было сдѣлано, Уріеръ и его двѣ жены стали подниматься на небо. Достигнувъ половины пути, Уріеръ сталъ замѣчать, что олени его слабѣютъ и они начинаютъ спускаться къ землѣ. Тогда Уріеръ спрашиваетъ у своихъ женъ, не употребили ли онѣ при работѣ чего-нибудь стараго. Одна изъ женъ созналась, что въ упряжи ея оленя есть старая нитка, и стала просить мужа, чтобъ онъ отпустилъ ее на землю, гдѣ у нея осталось два ребенка. Уріеръ отпустилъ ее, а самъ съ другой женой благополучно поднялся на небо.

Нижегородскія Г. В.—13. *Н. Бочаровъ.* День Благовѣщенья (историко-этнографич. справка).—**17, 19.** Пѣсни, записанныя въ Хохловской вол. Семеновск. у. (всего 5, изъ нихъ 3 болѣе старинныя).—**27, 29.** *И. А. Милотворскій* помѣстилъ два раскольничьи стиха, запис. въ д. Анниковкѣ Богоявл. вол., Семеновск. у.: «Стихъ зѣло душѣ полезенъ» и «Стихъ о юности.» Замѣтимъ при этомъ, что въ распоряженіи нашего Этнографич. Отдѣла имѣется собраніе

Digitized by Google

раскольничьихъ стиховъ, къ которымъ желательны были бы дополненія.—**27**. Пѣсни, запис. въ д. Харенкѣ Балахнинск. у. (4 пѣс.—любовнаго содержанія).—**31**. Деревянныя мазанки на кустарной выставкѣ въ Н.-Новгородѣ. Сундучное производство въ г. Макарьевѣ. О промыслахъ въ Балахнинск. у.—**32**. *П. Коптевъ*. Пѣсни, запис. въ Танайковской вол. Княгининск. у.

Новгородскія Г. В.—**5**. «Мысли бывшаго крестьянина собственника Демянскаго уѣзда объ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ быту и хозяйствѣ».

Новое Время.—**4773**. Народная медицина.—**4810**. *Сильчевскій*. «Подводная сѣчь, современная (?) украинская легенда» (переложеніе не названнаго разсказа Нечуя-Левицкаго: «Запорожці»).

Новое Обозрѣніе (Тифлисъ).—**1819**. Путевыя замѣтки туриста *Варламова*. Приводятся нѣкоторыя интересныя преданія (напр. о Тамерланѣ).—**1870**. Въ засѣданіи мѣстнаго юридическаго общества обсуждался вопросъ о программѣ для собиранія свѣдѣній о закавказскомъ разбоѣ.—**1875**. *А. Хах—овъ*. Библіогр. замѣтка о 1-й кн. «Этнографич. Обозрѣнія».—**1895**. Изъ грузинскихъ сказокъ: «Сновидецъ», запис. *Ѳ. Мтварелишвили* въ Сигнахскомъ уѣз. по порученію Общества распространенія просвѣщенія въ грузинск. краѣ.—**1903** и **1907**. *Васильевъ*. Горскіе евреи. Авторъ касается ихъ занятій, характера, вопроса о происхожденіи и антропологическаго типа. —**1912**. Имеретія въ 1650 г. Печатается статейный списокъ посольства Толочанова къ имеретинскому царю Александру; былъ напечатанъ Новиковымъ въ «Россійской Вивліоѳикѣ», ч. V.

Новороссійскій Телеграфъ.—**4388**. Крымскія легенды о пасхѣ (корр. изъ Симферополя).—**4425**. Экономич. письма о Новороссіи (о дробной передачѣ частно-владѣльческихъ земель и о десятинщикахъ въ новороссійскихъ губерніяхъ).

Новости. **66**. Нѣчто для гг. ученыхъ, *Мордовцевъ* (легенда о Паліѣ, воспроизведенная нами выше).—**108**. *Эварницкій*. Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго слѣпца.

Одесскій Вѣстникъ. **5**. *Эварницкій*. Какъ встрѣчали запорожскіе казаки новый годъ.—**93**. Вопросы мѣстной этнографіи.—**102**. Рец. на «Малорус. бытовыя пѣсни» Чугуевца (Харьковъ 1889).—**149**. Описаніе ярмарки въ г. Балтѣ Подол. г.

Одесскій Листокъ. **94**. Рец. на «Рус. Древности» гр. Толстаго и Кондакова.—**95**. Праздникъ Пасхи въ деревнѣ.

Олонецкія Г. В.—**10**. Отчетъ о дѣятельности Олонецкаго губернскаго статистическаго комитета: описаніе находящагося при комитетѣ естественно-промышленнаго и историко-этнографическаго музея. Музей основанъ въ 1873 г. на частныя и земскія средства и поддерживается ежегодной субсидіей отъ земства въ 300 р. Оба

Digitized by Google

главные отдѣла музея довольно богаты коллекціями.—**34**. *Г. И. Куликовскій*. «Олонецкія помочи»—при постройкѣ хатъ, въ полевыхъ работахъ, а также на «супрядкахъ». **46**, **48**. *М. Георгіевскій*. «Святки въ деревняхъ Олонецкой губерніи и различныя гаданія» (описаніе святочныхъ увеселеній, сельскаго маскарада и разнаго рода гаданій о судьбѣ).—**49**. Промысла городскаго и сельскаго населенія Олонецкой губерніи въ 1888 г., свѣдѣнія какъ о мѣстныхъ, такъ и отхожихъ промыслахъ и кустарничествѣ.—**60**. *Савичевъ*. «Рыболовство въ Большешальскомъ приходѣ». Описаніе снарядовъ, способовъ и времени рыбной ловли въ Большой Шалгѣ Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи.

Оренбургскія Г. В. 11. Объ избраніи Султана Ишима Ханомъ Киргизъ—кайсацкой меньшей орды въ 1794 году. Послѣ краткаго очерка управленія Киргизами со времени вступленія ихъ въ подданство Россіи и до настоящаго момента, авторъ, переводя на русскій языкъ прошенія нѣкоторыхъ киргизскихъ родовъ, даетъ картину избранія въ прежнее время султановъ на ханскій престолъ. Статья эта сообщаетъ интересный фактъ относительно «баранты».—**23**. Туркмены въ 1858 году. *А. В. Орловъ* переводитъ письмо туркменскаго хана Амурадъ Рысмухамедова, характеризующее общественное состояніе туркменъ въ 1858 г.

Орловскія Г. В.—61. Способы привѣтствовать другъ друга при встрѣчѣ у разныхъ народовъ («разн. изв.»).

Пензенскія Г. В.—61, **63** и др. Приходская лѣтопись с. Поливанова-Сергіевскаго Керенск. у. (опытъ исторіи села).—**173**. Перепеч. изъ «Новостей» извѣстіе о пожертвованіи И. С. Полякова музею при Имп. Академіи Наукъ этнографической коллекціи, составленной имъ во время путешествія по Вост. Азіи, Японіи и Китаю. —**13**. Приложенъ указатель къ неоффиц. части; составленъ систематически и обнимаетъ до 40 названій статей, касающихся преимущественно русскаго населенія.

Пермскія Г. В.—65. Сообщеніе о дѣйствіяхъ мѣстной администраціи для облегченія кустарямъ сбыта своихъ произведеній въ Петербургъ.

Подольскія Кн. В. (Прибавленія).—**2** и **3**. *Е. Сѣцинскій*. Древнѣйшія правосл. церкви въ Подоліи (церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ Летичевск. у.).—**3**. *Ал. Ок-въ*. Мірской (не богослужебн.) костюмъ древняго и современнаго священника.—**6**, **7**, **9**, **11**, **12**, **15** —**17**. *Соз. Лобатинскій*. Движеніе уніатовъ къ православію въ Брацлавщинѣ при епп. Герваціи и Іовѣ (1757—1776).—**7**. Объясненіе названій мѣсяцевъ.—*Евф. С.* «Набожныя» пѣсни въ честь Тывровской (Винницк. у. Под. г.) Б. Матери. Краткая исторія иконы (1740) и духовныя пѣсни о ней: а) изъ статьи въ томъ же изданіи

Digitized by Google

1873 № 23, б) изъ кн. Лонгинова: «Червенскіе города» (Варш. 1885), в) двѣ запис. авторомъ: одна отъ лирника Федька Хоптоваго изъ Остапковецъ Проскуровск. у., другая (явившаяся подъ вліяніемъ пѣсенъ почаевскаго «Богогласника»)—въ с. Мытникѣ Литинск. у.—**19**. Историч. свѣдѣнія о Каменцѣ Подольскомъ и его церквахъ въ связи съ гражданскою и церковной жизнью Подоліи. Авторъ между прочимъ касается вопросовъ «объ основномъ элементѣ Подольскаго и въ частности каменецкаго населенія—славянъ», о «бытѣ подольскихъ славянъ и ихъ первоначальной религіи» и т. д. (нач.)—**20**. Къ исторіи уніи въ Подоліи.

Полтавскія Еп. В.—**5**. *І. Костенко.* Прошлое и настоящее Старомлинской слободки (Старые Млины или Велико-Будищскій жен. монастырь).—**4—6, 8**. Матеріалы для исторіи Переяславско-Полтавской семинаріи. Изъ архивныхъ дѣлъ Полт. Консисторіи и Семинаріи за 1812—1862 гг. (прод., см. 1888 г. № 22).—**7**. О происхожденіи и значеніи нѣк. пасх. обычаевъ (изъ Подолск. Еп. В. 1887 № 14; см. Волын. Еп. В. 1889, 13).

Псковскія. Г. В.—**12** и **13**. Библіографическій указатель книгъ и статей относящихся къ Псковской губерніи, начатый печатаніемъ еще въ 1888 г. въ №№ 20, 22, 24 и 41; въ № 12 помѣщенъ указатель этнографическій, въ № 13 по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ.

Радомскія Г. В.—**14**. *М. С.* въ статьѣ о «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» жалуется на мертвенность этихъ изданій, между тѣмъ какъ неоффиціальная ихъ часть, даже въ рамкахъ допускаемыхъ закономъ (ст. 867, т. II. Общ. Учр. Губ.) могла бы быть интересною и должна бы замѣнить собою мѣстную газету. Законъ допускаетъ помѣщеніе въ неоффиціальной части статей географическихъ, топографическихъ, историческихъ, археологическихъ, этнографическихъ и пр. и вообще статей, не заключающихъ въ себѣ вымысла. Кому-жъ, казалось бы, доступнѣе давать разнообразные матеріалы по внѣшнему и духовному быту мѣстнаго населенія, какъ не Губернскимъ Вѣдомостямъ? И между тѣмъ очень рѣдко онѣ даютъ что-нибудь дѣльное, самостоятельное. Скудость силъ, энергіи, иниціативы въ нихъ поразительна, и иныя доходятъ до того, что даже свѣдѣнія о состояніи погоды въ своей губерніи перепечатываютъ изъ «Правит. Вѣстника».—**15**. Въ статьѣ: «Нынѣшнія деревни» высказываются общія жалобы на порчу нравовъ въ деревнѣ, на развитіе воровства и т. п. (перепеч.?).—**22, 23, 25—27**. Продолжается (см. 11, 12) «Краткій историческій очеркъ Радомской губ. и ея городовъ, составленный по матеріаламъ для статистическаго описанія Радом. губ.» Сандоміръ (22, 23, 25), т. Козеняце (26), г. Опатовъ (27), Опочно (29), Пржедборжъ Конск. у. (30), Шидловецъ Кон. у. (31).—

Digitized by Google

—**26**, **27**, **29**. Рецензъ. на I-й т. «Трудовъ Варшавскаго Статистич. Комитета».—**30**. Въ корресп. изъ пос. Скржинно Опочненск. у. сообщаются историко-бытовыя свѣдѣнія и обращается вниманіе на необходимость научныхъ раскопокъ въ посадѣ.

Рижскій Вѣстникъ.—**1**. Имена у евреевъ.—**25**. О дѣятельности «Латышскаго общества» (см. ниже).—**66**. Сентанты «читальщики» въ Ревельск. у. ожидали весною этого года конца міра.—**92**. Словаки въ Венгріи.

Родина. **1—4**, **8—9**. *С. В. Максимовъ*. Изъ чудесъ и диковинокъ на Русской землѣ.—**26**. *Д. Дмитріевъ*. Иванъ Купала.—При газетѣ издается прибавленіе «Всемірный Путешественникъ» (см. выше)

Русская Рада (изд. въ г. Коломыѣ).—**4**. Замѣтка о народныхъ средствахъ, употр. противъ бѣшенства и водобоязни въ Россіи (луговая крапива, листъ xanthium spinosum, корень euphorbia nizzuensis). —**5**. Корреспонденція изъ Грохова Волынск. г. съ краткими свѣдѣніями о бытѣ мѣстныхъ крестьянъ, мѣщанъ и евреевъ.

Русскія Вѣдомости. **2**. Наука въ 1888 г. (есть рѣчь и объ этнографіи). **9**. Забытые люди забытаго края.—**10**, **81**, **99**, **130**. Отчеты о засѣданіяхъ Этнографич. Отдѣла И. О. Л. Естествозн., Антр. и Этн.—**45**. *Н. С.* Изъ области науки (антронологія и фотографія).—**53**. Рец. на «Сборникъ свѣд. для изуч. быта крест. населенія Россіи», вып. I, изд. подъ ред. Н. Харузина. (Москв 1889). —**110**. *Гмѣбъ Успенскій*. «Новыя народныя пѣсни.» Изъ деревенскихъ замѣтокъ. Авторъ останавливается на новѣйшихъ произведеніяхъ народнаго творчества, преимущественно на т. н. «частушкахъ», мелкихъ стихотворныхъ отрывкахъ, которыми народъ до сихъ поръ продолжаетъ отзываться на новыя явленія деревенской частной и общественной жизни. Онѣ показываютъ что «творческая мысль народа живетъ непрестанно», только она «сбита съ толку». Собравъ эти частушки съ такою же тщательностью, какъ собираются статистическія свѣдѣнія о всякихъ даже мелкихъ подробностяхъ крестьянскаго хозяйства на дворѣ, можно было бы имѣть поучительный матерьялъ о широтѣ духовной народной жизни. Собранныя тысячами, сотнями тысячъ, но разработанныя соотвѣтственно тѣмъ сторонамъ народной жизни, которыхъ онѣ касаются, частушки дали бы поистинѣ прелестнѣйшую картину нравственной жизни народа. Въ подтвержденіе сказаннаго авторъ приводитъ нѣсколько (до 33-хъ) частушекъ, относящихся къ различнымъ сторонамъ народнаго быта. Вполнѣ присоединяясь къ сказанному авторомъ относительно возможности и плодотворности собиранія и изученія этихъ частушекъ, мы не можемъ не находить мнѣнія его о поэтическихъ достоинствахъ этихъ произве-

Digitized by Google

деній и объ ихъ значеніи для характеристики народной жизни преувеличеннымъ. Произведеніе современнаго народнаго творчества, частушки далеко не обладаютъ тѣми свойствами, которыя давали бы имъ возможность свидѣтельствовать о «широтѣ» современной народной духовной жизни. Бѣдность мысли малая характерность, часто банальность образовъ вмѣстѣ съ общею всѣмъ имъ необыкновенною краткостью—вотъ черты частушекъ, гораздо болѣе подтверждающія общераспространенный взглядъ, который видитъ въ нихъ не проявленіе, а упадокъ истиннаго творчества. Приводимыя авторомъ частушки какъ нельзя болѣе подтверждаютъ это. Едва-ли кто усмотритъ особенныя поэтическія достоинства въ безобразныхъ куплетахъ въ родѣ слѣдующаго, какой намъ приходилось слышать:

Дайте ножикъ, дайте вилку,
Я зарѣжу сваво милку.

Или: Неужели ты завянешь, травушка шелковая?
Неужели замужъ выйдешь, дура безтолковая?

Не болѣе высокое мнѣніе можно имѣть и о частушкѣ какъ матерьялѣ для характеристики народной жизни. Частушка игнорируетъ рядъ явленій, и до сихъ поръ еще занимающихъ значительное мѣсто въ современной народной жизни. Частушка не отражаетъ въ себѣ всей той массы явленій современной народной жизни, которыя въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ до сихъ поръ удержали свою связь со стариной, отразили на себѣ слѣды старинныхъ понятій, стариннаго склада жизни. Но и явленій чисто современной жизни частушка также касается лишь поверхностно и какъ бы мимоходомъ; въ коротенькомъ стихотвореніи—частушкѣ народъ лишь называетъ, если можно такъ выразиться, то или другое отношеніе, ту или другую тему, иллюстрируя ее однимъ, много двумя сравненіями, метафорами или параллелизмами; но она далеко не исчерпываетъ всего явленія, котораго касается, съ тою полнотой, какой это явленіе часто заслуживало бы. Какъ произведеніе нашего времени, частушки въ ряду другихъ явленій народной жизни безспорно заслуживаютъ внимательнаго собиранія и изученія для болѣе полнаго уразумѣнія этой жизни. Поэтическое произведеніе, какія бы ни были его достоинства и недостатки, не можетъ въ большей или меньшей мѣрѣ не отражать на себѣ условія мѣста и времени, и матерьялъ, представляемый частушками, является съ этой точки зрѣнія цѣннымъ для всякаго изслѣдователя современнаго народнаго быта. Самая бѣдность творчества въ частушкахъ есть явленіе, характерное для нашего времени. Но трудно быть высокаго мнѣнія о самостоятельныхъ достоинствахъ этого рода произведеній которыя наглядно свидѣтельствуютъ объ упадкѣ творчества.—157. Рец. на кн. В. Ѳ. Миллера: „Систематич. описаніе коллекцій Даш-

Digitized by Google

ковскаго этногр. Музея", в. I.—**216**. О подворномъ землевладѣніи въ Вятской губ. **239**. *А*. Форма крестьянскаго землевладѣнія въ Могилевской губ. (корресп.). **135**. Рецензія на кн. А. Харузина: „Киргизы Букеевской орды", вып. I. (Труды Антроп. Отдѣла Имп. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этногр. т. X) Моск. 1889 г. Отзывъ о 1-й кн. „Этногр. Обозрѣнія".

Рязанскія Г. В. — 2. Рождество Христово у разныхъ народовъ.—**6**. Описаніе Бухарскихъ тюремъ, сдѣланное бухарскимъ корреспондентомъ Туркест. Вѣдомостей. Отвратительное содержаніе этихъ тюремъ и крайне жестокое обращеніе съ преступниками характеризуетъ тамошніе грубые нравы (изъ Сам. Вѣд.).—**19**. Очерки дикихъ народовъ: Островитяне Тонга. Описаніе острова Тонга (архипелагъ его составляетъ часть Индо-Малайскаго архипелага) и его жителей, ихъ нравовъ, обычаевъ, наружности, занятій и игръ. (Вокр. Свѣта, 9).—**20**. Обычай привѣтствія при чиханьи; его происхожденіе и значеніе, какое приписывали чиханью въ разное время у различныхъ народовъ (Новь).—**60**, **61**. Село Ильицыно, Зарайск. у. Обычаи и особенности тѣ же, что въ опис. с. Ильинскаго (Ряз. Еп. В. 10), лишь съ нѣкоторыми добавленіями.

Рязанскія Еп. В. 5—10. Матеріалы для историко стат. описанія епархіи. Кромѣ историч. данныхъ приводятся изрѣдка повѣрья, обычаи и т. п. Такъ, въ № 6, въ описаніи с. Рожнова, Зарайск. у. находимъ слѣд. свѣдѣнія: существуетъ вѣра въ дворного (домового), который то холитъ, то мучитъ скотину на дворѣ; вѣра въ огненнаго змѣя, который прилетаетъ съ заходомъ солнца къ избранной женщинѣ въ образѣ ея мужа и пропадаетъ съ восходомъ солнца; вѣра въ лѣшаго, который любитъ потѣшаться надъ пьяными. До освобожденія крестьянъ было много кликушъ, которыя во время херувимской подымали вой и крикъ; отчитывателемъ ихъ славился діаконъ Ѳома Иларіоновъ. На дѣвичникѣ интересно убираніе елки цвѣтами. Женихъ, пріѣхавъ, окупаетъ елку, сваха накрываетъ ее платкомъ, невѣсту съ подругами отводятъ въ чуланъ или клѣть. Въ день свадьбы женихъ выкупаетъ еще и самую невѣсту; продавщиками являются братъ ея и крестная мать, которая послѣ выкупа сажаетъ жениха на свое мѣсто. Передъ отъѣздомъ къ вѣнцу на дворѣ послѣ благословенія образомъ «къ суду Божію» поддружье слегка стегаетъ невѣсту плетнной, приговаривая: «бросай дѣвичьи привычки, привыкай къ бабьимъ»! Молодые ѣдутъ въ разныхъ повозкахъ. Отъѣхавъ немного, женихъ съ дружкомъ возвращаются. Молодыя женщины, придерживая дверь, выпрашиваютъ денегъ, прежде чѣмъ впустить. Женихъ приглашаетъ къ себѣ на пиръ тестя съ тещей и уѣзжаетъ къ вѣнцу. Иногда во время вѣнчанія ударяютъ три раза въ колоколъ, чтобы «завѣнчать» болѣзнь на молодыхъ. Моло-

Digitized by Google

дыхъ отъ вѣнца встрѣчаетъ кто-нибудь въ вывороченой шубѣ, чтобы ихъ не испортили; въ такомъ же видѣ встрѣчаетъ всѣхъ пріѣзжихъ сваха съ хмѣльною гущей и брызгаетъ на всѣхъ, окунувъ въ гущу шапку. За столомъ дружка съ полотенцемъ черезъ плечо обноситъ короваемъ. На крестинахъ младенца послѣ крещенья кумовья кладутъ на разостланную шубу приговаривая: „какъ видѣли тебя подъ крестомъ, чтобъ видѣть и подъ вѣнцомъ". Въ заключеніе крестиннаго обѣда повитуха подаетъ въ шапкѣ горшокъ съ кашей, и когда потчуютъ отца новорожденнаго, то насыпаютъ ему въ кашу соли, чтобы чувствовалъ, какъ солоно приходится матери при родахъ. Ворона вѣщая птица: на чью крышу сядетъ—быть тамъ покойнику. Тутъ-же замѣтка о городкахъ и кладахъ.—Въ № 10, сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстныхъ обычаяхъ с. Ильинскаго и нѣкоторыхъ окрестныхъ селъ и деревень: 1) По крещеніи младенца крестная мать разстилаетъ въ переднемъ углу овчинную шубу и кладетъ на нее младенца съ пожеланіемъ ему счастья, богатства и т. д, Въ концѣ обычнаго угощенія подаются двѣ каши отъ родильницы и повив. бабки, въ пользу которыхъ собираются затѣмъ деньги. Отцу новорожденнаго бабка подноситъ ложку каши пополамъ съ солью. 2) Когда женихъ съ поѣздомъ пріѣзжаетъ за невѣстой, свахи обѣихъ сторонъ сходятся въ сѣняхъ, угощаютъ другъ друга брагой и затѣмъ опрокидываютъ стаканъ на стаканъ. Женихъ съ поѣздомъ ждетъ за воротами, а его дружко входитъ въ избу съ плетью за поясомъ и торгуетъ невѣсту у ея крестнаго отца, который сидитъ съ нею рядомъ за столомъ. на разостланной шубѣ. По окончаніи торга входитъ женихъ съ поѣзжанами. Жениха сажаютъ рядомъ съ невѣстой, предъ ними кладутъ по ломтю пирога и по новой ложкѣ, которые по обычномъ угощеніи относятся въ домъ жениха. На пути въ вѣнцу и отъ вѣнца свадебному поѣзду преграждаютъ путь на околицахъ и перекресткахъ и за освобожденіе требуютъ выкупъ. 3) При помазаніи елеемъ замѣчаютъ, входитъ-ли елей въ тѣло больного или стекаетъ; въ первомъ случаѣ больной выздоровѣетъ, во второмъ — умретъ. 4) При смерти больного ставятъ на окно воду для омовенія души, а въ головахъ покойника кладутъ первый блинъ, когда пекутъ блины для поминовенія. 5) Въ полночь подъ Крещенье ходятъ на рѣку, черпаютъ воду, пьютъ, умываются и несутъ домой какъ освященную свыше. 6) На Вознесенье пекутъ изъ тѣста лѣстницы. 7) На заговѣнье, подъ Петровки (русальское загов.) молодыя бабы и дѣвки идутъ въ поле «провожать русалку». 8) Подъ Ивана Купалу женщины собираютъ росу, какъ цѣлебную. Впрочемъ по словамъ мѣстнаго священника соблюденіе этихъ обычаевъ съ каждымъ годомъ сокращается.—13. Описаніе с. Козлова (Зарайск. у.) и характеристика его жителей.—14. Описаніе села Астраньева и окрестностей.

Digitized by Google

Самарская Газета.—135. Какъ прежде пили и ѣли (Нов. Вр.)—**57.** Ильинъ день (компиляттивн. статья).

С.-Петербургскія Вѣдомости.—257. Король Менеликъ, властелинъ Шоа, слѣдующимъ образомъ воспроизводитъ одну легенду (о происхожденіи негра), примыкающую къ циклу космогоническихъ. Во время сотворенія міра и перваго человѣка Адама злой духъ выпросилъ у Бога позволеніе тоже сотворить человѣка изъ комка земли. Господь согласился на это; человѣкъ довольно хорошо удался дьяволу, но такъ какъ все, до чего онъ дотрогивался, дѣлалось чернымъ, то и человѣкъ вышелъ у него такого же цвѣта. Сатанѣ это не понравилось; онъ вздумалъ вымыть свое произведеніе, и бросилъ негра въ Іордань; но воды священной рѣки тотчасъ разступились и только ладони и подошвы намокли немного, отчего и сдѣлались свѣтлѣе. Разгнѣванный неудачею, сатана ударилъ своего человѣка по носу и приплюснулъ его. Бѣдный человѣкъ сталъ просить о пощадѣ, и такъ какъ дьяволъ понялъ свою несправедливость, то въ видѣ ласки провелъ рукою по головѣ своего созданія; рука дьявола была, конечно, раскаленная, и потому волосы негра тотчасъ сдѣлались курчавы. Вотъ отчего произошла такая разница между сынами Іафета и Сима и между отродьемъ Хама. Однако черезъ три или четыре поколѣнія Богъ полюбилъ одного маленькаго негра и пересоздалъ его сердце, сдѣлавъ этого ребенка честнымъ, вѣрнымъ, склоннымъ ко всякимъ добрымъ дѣяніямъ. Этотъ-то ребенокъ и основалъ позже королевство Шоа, и король Менеликъ—его потомокъ.

Свѣтъ.—128. Сообщеніе о разрытіи могилы опоицы для прекращенія засухи (см. Моск. Вѣд.).

Сибирскій Вѣстникъ.—9 и **10.** Миссіонеръ *Сергій Ивановскій.* «Изъ путевыхъ записокъ миссіонера» (о киргизахъ).—**18.** *Ѳ. К—въ.* «Экскурсія въ вершины Бѣлаго и Чернаго Іюссовъ» этнографическіе наброски о качинцахъ, кизыльцахъ, сагайцахъ и койбальцахъ.—**42** *Н. П.* «Инородцы Минусинскаго округа».—**52** *И Алдаровъ.* «Къ вопросу объ иммиграціи китайцевъ въ Приамурскій край».—**64.** *Н. П.* Законы Сперанскаго объ инородцахъ и ихъ примѣненіе теперь. Авторъ говоритъ только о трехъ родахъ качинцевъ: Тубинскомъ, Тинскомъ и Шалошиномъ.

Смоленскій Вѣстникъ.—2. *Калугинъ.* «Два слова о с. Княжинѣ, Бѣльск. у.» (Андреевское тожъ, осн. въ 1769 г.; исторія, мѣстополож., промыслы).—**24, 48, 53, 82.** Перечень пожертвованій въ Смоленскій историко-археологич. музей (см. ниже «извѣстія и замѣтки»).—**25, 26.** *Г. А. Цвѣтаевъ.* Некрологъ Ив. Ник. Харламова († 8 мар. 1887), занимавшагося изслѣдованіемъ народной жизни, преимущественно раскола—его исторіи и современныхъ ученій и толковъ, равно какъ семейной и общественной жизни раскольниковъ. — **26.**

Digitized by Google

А. Стунѣевъ. «Святочныя игрища въ Ельнинск. у.» Игрища устраиваются въ Рождеств. вечера и подъ Новый годъ или поочередно въ каждомъ домѣ, или по общему соглашенію, гдѣ просторнѣе. Музыкантъ (скрипка или гармонія) назыв. *скоморохомъ* или *посмыкалою;* ему платятъ всѣ участницы поровну деньгами около 2 р. и припасами. Сначала танцуютъ однѣ женщины, потомъ неожиданно являются парни, и начинаются игры и представленія, особенно—«женитьба» и «показываніе чуда». При «женитьбѣ» двое парней при помощи «ошметка» (жгута) заставляютъ своихъ товарищей выбирать себѣ «жонку», затѣмъ каждой парѣ подносятъ «угощеніе» въ видѣ ударовъ жгута, наконецъ является продавщикъ съ сундукомъ и будто продаетъ молодымъ красный товаръ, вмѣсто котораго опять сыплются удары ошметка. «Чудо» большею частью представляетъ громадную лошадь, туловище которой составляютъ двое мужчинъ прикрытыхъ дерюгами, а голова искусственная. Продавцомъ ея является цыганъ, но она околѣваетъ и цыганъ изгоняется. Сцена эта имѣетъ связь съ «вертепной драмой». Игрища оканчиваются общимъ «скаканіемъ» и «играніемъ» пѣсенъ, заимствованныхъ изъ свадебныхъ и другихъ празднествъ; иногда «гуляютъ» въ карты «по носкамъ» и т. п.; водки не бываетъ.—Въ Смолен. у. въ числѣ способовъ народнаго лѣченія практикуется «окуриваніе золотухи» у ребятъ. Среди избы жжется сулема на жаровнѣ, надъ которою держатъ завернутаго ребенка съ $^1/_4$ часа. Противъ грыжи пьютъ царскую водку, которую предварительно «томятъ» положеннымъ въ нее оловомъ, пока она не сдѣлается бѣловатою (перепеч. въ Тамб. Г. В. 39).—**27**. Въ «мѣст. хрон.» по свѣдѣніямъ изъ Писковской вол. Сычевск. у. сообщается о «бракахъ уходомъ» среди мѣстныхъ старообрядцевъ. Молодыя старообрядки, видя безправное положеніе жены старообрядца, который въ каждое время можетъ ее прогнать, предпочитаютъ вѣнчаться въ церкви съ православными, и въ случаѣ сопротивленія старшихъ дѣлаютъ это «уходомъ».—**28**. Изъ Сычевск. у. корресп. о масляничныхъ катаньяхъ и ряженіи въ д. Замошьѣ, Гривской вол. — **34**. Мѣстные смоленскіе археологи съ завѣдующимъ археол. музеемъ С. П. Писаревымъ во главѣ предполагали отправиться этимъ лѣтомъ для раскопокъ кургановъ въ с. Гнѣздово. Результаты пока неизвѣстны.—**40**. «Деревенскіе признаки весны»; сообщены нѣкоторыя примѣты.—**43**. Въ Сапожской вол. Бѣльск. у. знахарь употребляетъ слѣд. составъ противъ сифилиса: киноварь, ртуть, окись ея, азотную кислоту, и еще какое-то вещество; все смѣшивается и дается 3 пріема по стол. ложкѣ.—**44**. Перепеч. изъ «Кіев. Старины» (апр.) замѣтка Петрова о г. Смоленскѣ.—Въ «мѣстн. хрон.» сообщено о «Бурцевой горѣ» въ г. Рославлѣ, возникшей по предположенію въ X в. По преданію подъ этой насыпью скрыта церковь первыхъ христіанъ въ данной мѣст-

Digitized by Google

ности, принужденныхъ скрываться отъ язычниковъ. На горѣ былъ также замокъ удѣльнаго князя.—**44**, **45**, **47**. Статья «Въ бабьемъ царствѣ» даетъ свѣдѣнія по артелямъ.—**49**. Извѣстіе о пособіи отъ И. Р. Геогр. Общ. его чл.—сотр. В. Н. Добровольскому на собираніе памятн. народн. творчества въ Смоленск. г. — **50**. *С. Б.* «Первое мая»,—празднованіе этого дня, большею частью по печати. источникамъ.—**51**. Въ Вязьмѣ въ теченіе всей Святой совершаются крестн. ходы изъ собора ко всѣмъ приход. церквамъ (опис. въ Пам. Кн. Смол. г. 1858). При этомъ существуетъ обычай, что прихожане каждаго прихода поочередно угощаютъ у себя своихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ. Преданіе относитъ установленіе ходовъ къ Алексѣю Михайловичу, который жилъ въ Вязьмѣ, когда повсемѣстно, исключая этого города, свирѣпствовалъ моръ —**52**. *Ф. Пивоваровъ.* «Народное лѣченіе бѣшенства».—**55**. «Краснинское житье»—сборъ вол. писарями по мѣрѣ всякаго хлѣба съ каждаго двора во время Коляды —**60**. *И.Б.* въ корресп. изъ Сычевки замѣчаетъ мимоходомъ, что нѣкоторые случаи болѣзни на скотѣ мѣстныя знахарки объясняютъ тѣмъ, что «полевой въ ухо пролетѣлъ».—**62**. *Н. Селезневъ* пересказалъ «сказку печника Лисея изъ д. Ивонина»—про охотника, который, освободивъ змѣю изъ огня, получилъ даръ понимать языкъ природы. На сколько она искусственна—не беремся судить.—**64**. О кликушахъ въ Сычевск. у.—**71**. Свѣдѣнія о «толокахъ» при унаваживаніи—изъ Сычевки.—**72**. *И. С.* Свѣдѣнія о курганахъ, раскопкахъ и находкахъ въ Юхновск. у. (дополн. въ № 82).—**75**. О мѣстномъ цѣлебномъ ключѣ (желѣзист.)—въ с. Дубровѣ, Юхновск. у.—**77**, **78**, **80**, **81**, **87**, **89**. *Н. П. Виноградовъ.* «Историческій очеркъ г. Вязьмы» (см. №№ 37 и 45). — **84**, Изъ Рославля въ «мѣстн. хр.» сообщено о цѣлебной крыницѣ (ключѣ), называемой Василевскій ровъ и считающейся чудодѣйственною. — **89**. Перепеч. изъ «Недѣли» корр. изъ Смол. г. съ нѣкоторыми данными о землевладѣніи, о поселеніяхъ на „лядахъ" и т. п.

Смоленскія Еп. В.—**7**, **8**. *Н. Соколовъ.* «Нѣсколько чертъ изъ періода управленія Смол. епархіей пр. Гедеономъ» (1728—1761)—на основ. архивныхъ дѣлъ Смол дух. консисторіи. Кандалы, плеть, нещадное сѣченіе передъ консисторіей мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сыскъ съ поличнымъ и т. п.—были обычными средствами наказанія, къ какимъ прибѣгалъ преосвященный. Въ консисторіи хранится т. н. *лисица*—дубовый обрубокъ съ цѣпью и ошейникомъ для наказанія провинившихся священно—и церковно-служителей. При немъ были особыя должностныя лица не духовнаго званія; альдерманы, боярскіе сыны, пристава съ солдатами. Боярскіе сыны исполняли полицейскія обязанности, совершая «доѣзды» по его порученію для разслѣдованія дѣлъ и ареста виновныхъ; альдерманы—живописные мастера.

Digitized by Google

Судебная газета.—23. *Фридманъ.* Крестьянскіе суды.

Сѣверный Кавказъ (Ставрополь). **53—55.** *Ив Акинфьевъ.* Изъ поѣздки на Кавказъ (путевыя впечатлѣнія отъ Кисловодска до Тифлиса).—**59.** Сообщеніе *Туматова* овосхожденіи на обѣ вершины Казбека (изъ Терск. Вѣд.).

Тамбовскія Г. В.—50—55. *Н. Нечаевъ.* Свадебные обычаи въ с. Хворостянкѣ Пушинской вол. Усманскаго уѣзда, Описываются обряды при сватовствѣ, запоѣ, сказываньи (уговоръ о величинѣ кладки), вечерины и самый день свадьбы; приводятся величальныя и другія свадебныя пѣсни и причитанія невѣсты. Авторъ прислалъ намъ письменное дополненіе къ этому очерку; онъ сообщаетъ между прочимъ, что мѣстные крестьяне—бывшіе крѣпостные, получившіе полный надѣлъ 3 дес. на душу; всѣ православные—сектантовъ нѣтъ. Отхожихъ промысловъ нѣтъ; главное и почти исключительное занятіе—земледѣліе: на работы ходятъ только къ окружнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ—купцамъ. Живутъ вообще зажиточно. Ярмарокъ кругомъ по близости много.—**57.** Отчетъ о послѣднемъ засѣданіи коммиссіи (при И. Рус. Геогр. Общ. въ Петерб.) для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ (повидимому изъ «Нов. Вр.» № 4709). Въ настоящее время эта комиссія издала программу для собиранія народныхъ юридич. свѣдѣній; подробнѣе о ней см. ниже, стр., 230.

Тамбовскія Еп. В.—4 Извѣстіе о томъ, что Могилевскій епископъ Сергій основываетъ историко-статистическій комитетъ. Предполагается разослать по епархіи особую программу съ вопросами не только по церковной археологіи, но и относительно современнаго положенія церквей приходовъ, количества деревень съ объясненіемъ ихъ названій, особенностей и обычаевъ.—**11.** Молоканство въ с. Чуевской Алабушкѣ. Преслѣдованіе штундистовъ самимъ населеніемъ.—**12, 13.** Тайны ученія хлыстовъ.

Тверскія Еп. В. Въ № 2, 3, 4, 6. описаны нѣкот. церкви и монастыри—прежде и теперь.—**10.** «По поводу празднованія весеннихъ и лѣтнихъ пятницъ», извлеч. изъ поученія свящ. Покровскаго. Проповѣдникъ думаетъ, что этотъ обычай перенятъ отъ татаръ.

Томскія Епарх. Вѣд.—6. Записки миссіонера Кебезенскаго отдѣленія Алтайской духовной миссіи священника *Сергія Ивановскаго* за 1888 г.—**8, 9** и **11.** Записки киргизскаго миссіонера, священника *Филарета Синьковскаго* за 1888 г.—**13.** *С. Борисовъ.* Бесѣда съ указнымъ муллой.

Уральскія Войсковыя Вѣд.—4. Замѣтка объ устройствѣ войсковаго музея, въ которомъ имѣютъ быть сосредоточены всѣ предметы, имѣющіе отношеніе къ прежней жизни уральскаго войска.—**7.** «Къ вопросу объ открытіи въ г. Уральскѣ войсковаго музея».

Digitized by Google

«Только тогда, говоритъ авторъ, музей могъ бы дать наглядное понятіе о прошедшей жизни Уральцевъ, если въ немъ, на ряду съ вещественными памятниками старины Ур. Каз. войска, будетъ дано мѣсто памятникамъ старины инородцевъ, кочевавшихъ и кочующихъ въ предѣлахъ Уральской области, со включеніемъ въ него предметовъ, относящихся до религіозно обрядовой жизни тѣхъ и другихъ». —**15, 17**. *П. И. Обротновъ*, «Очеркъ нашего садоводства». Сообщаются данныя о садоводствѣ уральскихъ казаковъ.—**18**. «Киргизская легенда». Разсказывается, почему именемъ мыши называется первый годъ каждаго двѣнадцатилѣтія. Послѣ того, какъ различныя животныя, выставляя каждое свои заслуги, не могли прійти къ соглашенію относительно того, чьимъ именемъ назвать первый годъ двѣнадцатилѣтія, «мучеля» (мышь) предложила назвать этотъ годъ именемъ того изъ нихъ, кто первый увидитъ восходъ солнца при наступленіи названнаго года. Взобравшись на спину верблюда, она имѣла возможность увидѣть первою восходъ солнца, а потому ея именемъ и названъ начальный годъ «мучеля».—**20, 21**. *Н. А. Бородинъ*. О нуждахъ уральскаго рыбнаго промысла и мѣрахъ къ улучшенію его постановки.

Харьковскія Г. В.—119. *В. А.* Рецензія на изданный Отдѣломъ Этнографіи И. О. Л. Е. подъ ред. Н. Харузина. «Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи». Указывается на необходимость участія въ этомъ изученіи мѣстныхъ жителей, оттѣняется особенная важность изученія обычнаго права и называются существующія въ литературѣ программы для изученія народнаго быта.—**137**. Въ корреспонденціи изъ г. Остра сообщается о тщетномъ исканіи 20-милліоннаго клада. 20 рабочихъ рыли около мѣсяца и вырыли нѣсколько чел. скелетовъ и желѣзные замки (безъ точнаго указанія мѣстности).—**149**. Въ замѣткѣ о кладоискательствѣ на югѣ Россіи (обзоръ період. печ.) припоминаются прежніе случаи неудачныхъ разысканій по словеснымъ и письменнымъ указаніямъ (близъ г. Остра, недалеко отъ Новгорода-Сѣверска) и приводится изъ «Новостей» сообщенный археологомъ Д. И. Эварницкимъ документъ въ родѣ завѣщанія отъ 1764 г., съ указаніемъ клада въ 27 милліоновъ, зарытыхъ какими-то «40 братьями запорожцами», которые лишены вѣчно страны россійской. Мѣстность указана такъ: «Отъ г. Херсона въ 80 верст., на дачи Дюфимской деревни Одаренкова, въ 2-хъ верст. отъ одной (*оной?*) деревни, есть трактиръ, а отъ трактира въ 1 верстѣ есть кошара, а отъ кошары есть дикой камень 5 саж. длины, на немъ надпись, на томъ мѣстѣ погребены 40 казаковъ запорожскихъ»... Дальнѣйшее направленіе подробно указывается въ саженяхъ, въ аршинахъ и шагахъ по примѣтамъ, отъ которыхъ, вѣроятно, не осталось и слѣда.

Digitized by Google

Червоная Русь. — 30. Иноземная колонизація въ юг.-зап. Руси.—**78.** Великодни крашанки.—**85.** Русскіи колоніи въ угорской Руси.

Черниговскія Г. В.—5. Къ исторіи края, *Ковчинца.* Преданіе объ Екатеринѣ II, графѣ Кушелевѣ и раздачѣ земель. Легенда о Петрѣ Великомъ, его борьбѣ съ Лютрой и Утеранкой и солдатѣ Иванѣ. Любопытна одна изъ подробностей легенды: „Петро выпросывъ земли на шкуру у Утерянки, порѣзавъ шкуру на дробненьки ременцѣ, посшивавъ ихъ, отъ Двини до Двини обовьевъ землю и построивъ крепость". Срв. преданіе о Карѳагенѣ и т. д. (Худяковъ, Мат. для изуч. нар. слов., СПБ., 1863, стр. 42. Николичъ, Народне српске приповијетке, прва свезка, Београдъ, 1842, № 9. Якушкинъ, Соч., 1884, письма изъ Псковск. губ., стр. 243. Köhler, Sagen von Landerwerbung durch zerschnittene Häute, Orient und Occident, III, 185—187; Justinus, XVIII, 5; Grimm, Rechtsalterthümer, 90 слѣд. 939; Dunlop-Liebrecht, Gesch. der Prosadichtungen, 514; James Told, Annals and antiquities of Rajasthan, London, 1832, II, 235; Pott, Die quinare und vigesimale Zählmethode, 2; Meyer въ Kuhn's Zeitschrift, VII, 285 слѣд.; Bulletin des sciences historiques de l'Académie de st. Petersbourg XVI, 460; Kottenkamp, die ersten Amerikaner im Westen, 382; Pott въ Supplementband des Philologus, 258; Кулишеръ, Очерки сравн. этн. и культ., СПБ., 1887, стр. 122—3. Sjögrens gesam. Schriften I, 301: Pabst, Bunte Bilder, Reval 1856; I Heft, 26—7, 32—45.—Преданіе было перепеч. въ Кіевлянинѣ и Кіевск. Стар. 1889.

Черниговскія Г. В.—26. Корреспондентъ изъ с. Рожновки Борзенск. у. сообщаетъ о шарлатанѣ знахарѣ «литвинѣ» и при этомъ замѣчаетъ: «Литвинами украинцы называютъ бѣлоруссовъ. Литвины считаются въ Украинѣ знающими, какъ говорятъ, куриное слово. Литвинъ можетъ напустить на человѣка такую чуму, что тотъ будетъ поступать противно своимъ интересамъ; можетъ заворожить злодія, такъ что тотъ не двинется съ мѣста своего преступленія; изъ Литвы бѣгаютъ вовкулаки» и т. п.—**42—44.** Изъ архива гр. Милорадовича — два поземельныхъ документа 1714—8 гг.—**57.** Къ исторіи края, *А. Чубатаго.* Легенда о происхожденіи названія м. Салтыкова—Дѣвица, Черниг. у., отъ утонувшей возлѣ мѣстечка дочери помѣщика Салтыкова; подобное преданіе разсказывается объ озерѣ Твань, возлѣ села Ковчина.

Южный Край—2747. Рождество Христово въ поэтическихъ представленіяхъ малорусскаго народа (1888 г.)—**2810, 2815, 2822.** Козачья колонизація въ XIX в.—**2844.** Послѣ разговѣнья, этногр. замѣтка Чугуевца.

Ярославскія Г. В.—29, 30. и слѣд. *П. Васильевъ.* Кустар-

Digitized by Google

ная промышленность въ Ярославской губ.—**30** и **51**. *А. Архангельскій*. Пѣсни и причеты Дмитровскаго прихода, Пошехонскаго у., Ярославск. губ. (продолженіе: 10—18).—**34**, **37** и **38**. *В. Ивановскій*. Святочные обычаи—«ряженье» и «гаданье» въ Вощажниковской волости, Ростовскаго у. Обычай рядиться на святкахъ, по словамъ автора, очень распространенъ среди мѣстныхъ жителей не только между молодежью обоего пола, которая для этого собирается въ «компанію», но и между замужними женщинами и пожилыми мужиками. Парни одѣваются обыкновенно стариками, старухами, колдуномъ, солдатомъ или урядникомъ. Дѣвушки дѣлятся на двѣ группы: одна одѣвается парнями; другая не ряженая сопровождаетъ первую для того, чтобы танцовать съ ними. Бабы рядятся только въ одиночку и лишь самыя разудалыя, чаще всего—«цыганками». Мужики рядятся вожаками медвѣдя, котораго изображаетъ одинъ изъ участниковъ. Покупныя маски употребляются, хотя рѣдко. Авторъ, къ сожалѣнію, указываетъ лишь вскользь, что въ старину рядились и «нурочкой» и «разбойниками» и т. п. Между тѣмъ было бы крайне интересно познакомиться со старинными способами ряженья и сравнить ихъ съ современными. Кромѣ общеизвѣстныхъ способовъ гаданія на оловѣ, при помощи жженной бумаги, пѣтуха, зеркала и т. п., встрѣчается интересный способъ гаданія на лучинкахъ. Каждая изъ гадающихъ беретъ огарокъ первой зажженой утромъ при затопкѣ печи лучины; затѣмъ всѣ вмѣстѣ отправляются съ лучинами къ пруду или проруби, куда и опускаютъ лучины; послѣ этого собираются въ избу, гдѣ «сидятъ» и стараются зажечь лучины: чья лучина загорится первой, той дѣвушкѣ предстоитъ и наиболѣе скорое замужество.—**35**. Послѣдствія деревенскаго самолѣченія. Статья содержитъ нѣкоторыя указанія на народные способы лѣченія.—**37**. *А. Невзоровъ*. Рецензія на «Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи» (Т. IX Трудовъ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э).—**39**. *К. Редосскій*. Народные великопостные «стихи», записанные въ Рыбинскомъ уѣздѣ (6 стиховъ).—**42**. «Изъ области предразсудковъ и суевѣрій, преимущественно существующихъ въ Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ». Авторъ приводитъ встрѣчаемый имъ у мѣстныхъ жителей списокъ «Сказанія о 12 пятницахъ» и даетъ краткія свѣдѣнія о вѣрѣ населенія въ колдуновъ, объ обрядѣ опахиванья полей, о способахъ толкованія сновъ и нѣкоторыхъ примѣтахъ.—**43**. О кустарной промышленности въ Николо-Тропской волости, Рыбинскаго у. *Н. Оп—на*.—**44**. Особенности народнаго говора населенія Рыбинскаго у. *Н. Оп—на*.—**49** и **50**. Болобановская волость, Рыбинскаго у. въ экономическомъ и бытовомъ отношеніи.—**51**. Замѣтка по поводу статьи А. В. Балова: «Русскій хороводъ. Хороводныя игры въ Яро-

Digitized by Google

славской губ.» (см. Сѣв. Вѣст. іюнь).—**53** и **54**. *А. В. Баловъ*. Крестьянскіе похоронные обычаи въ Пошехонскомъ у. Авторъ указываетъ на примѣты, на основаніи которыхъ лица, окружающія больного, узнаютъ объ исходѣ болѣзни и приближеніи смерти. Подробнѣе объ этомъ А. В. Баловъ говорилъ въ своей статьѣ «Народныя суевѣрія и предразсудки Пошехонскаго у.» (Яросл. Г. В. 1888 № 43 и 52). Послѣ кончины больного употребителенъ извѣстный и въ другихъ мѣстностяхъ обычай вывѣшивать въ окно полотенце и сохранять въ рукомойникѣ воду для того, чтобы душа могла обмыться. Интересенъ также обычай класть умершему въ руку мелкую мѣдную монету, чтобы онъ могъ заплатить на томъ свѣтѣ за перевозъ черезъ огненную рѣку, отдѣляющую рай, или же для того, чтобы онъ могъ купить себѣ у другихъ покойниковъ мѣсто на кладбищѣ. Съ умершею женщиною кладутъ иногда пряжу. Приводятся употребительныя въ уѣздѣ похоронныя причитанія. Послѣ выноса покойника хозяйка дома садится на нѣсколько минутъ на мѣсто, на которомъ лежалъ покойникъ; затѣмъ выметаетъ полъ, моетъ столъ и лавки, а тряпки, которыми она пользовалась для этого, равно какъ и солому, на которой лежалъ покойникъ, горшокъ, изъ котораго брали воду для омыванія тѣла умершаго, и гребень, которымъ его причесывали, выбрасываетъ за околицей на первомъ перекресткѣ. Далѣе описывается погребальный обѣдъ и поминки, которыя совершаются обыкновенно въ 3, 6, 9, 20, 40 дни послѣ смерти, а также и въ годовщину смерти.—**61**. *А. В. Баловъ*. Дѣтскія народныя игры, пѣсни и присказки въ южной части Пошехонскаго уѣзда. Авторъ приводитъ двѣ колыбельныя пѣсни и 7 дѣтскихъ пѣсенокъ и присказокъ, употребительныхъ въ указанной мѣстности, а также нѣсколько дѣтскихъ игръ; наиболѣе часто играютъ въ «черненькіе», «прятки», «ворона», «жгутъ», «горѣлки», «жмурки» и т. п.

Ярославскія Еп. В.—**2**. Рафли у раскольниковъ.—**3**. *А. Соколовъ*. С. Погорѣлое на Ухтомѣ Пошехонск. у.—**5**. *Его же*. Къ лѣтописи с. Кіова Любимск. у.—**7**, **11**—**13**. *Его же*. Село Пилатики Романовск. у. (преданіе о приплывшей иконѣ Б. М.)—**16**. Индійскій праздникъ богини Сангеи.—Китайское ученіе.—**17**. *Н. Лавровъ*. Село Семеновское Пошех. у. по писцовымъ книгамъ 1627 г. По мѣстному преданію, деревни обращались въ пустоши вслѣдствіе разоренія ихъ «панами» (поляками) или выселенія въ низовыя губерніи во время голода.

Digitized by Google

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ БИБЛІОГРАФІИ *).

Н. И. Гродековъ.—Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской Области. Томъ первый: юридическій бытъ. Ташкентъ. 1889. in 8°, стр. 298+205. Цѣна 3 руб.

Литература о киргизахъ обогатилась новымъ обширнымъ сочиненіемъ Н. И. Гродекова—юридическій бытъ киргизовъ и каракиргизовъ Сыръ-Дарьинской области. Это сочиненіе заключаетъ слѣдующій длинный радъ главъ: преданіе о происхожденіи киргизовъ и каракиргизовъ, тамга, бѣлая кость, старшинство, мѣстничество, родовое начало, степени родства, власть родителей, совершеннолѣтіе, родъ матери, усыновленіе, опека, побратимство, выдѣленіе сыновей, наслѣдство, свадебные обычаи и обряды (съ большими подробностями), пользованіе землей и водой, кочеваніе, общее имущество, гостепріимство, наемъ, находка, подарки, долги, торговля, преступленія, воровство, баранта, давность, устройство народнаго суда, біи (судьи), порядокъ разбора дѣлъ, свидѣтели, поручители, улика, присяга, штрафы, тѣлесныя наказанія, посрамленіе, изгнаніе, пари, метаніе жребія, духовенство и школы, игры, похороны; затѣмъ помѣщено 258 пословицъ и поговорокъ, списокъ урановъ (боевыхъ криковъ), списокъ и рисунки тамговъ (родовыхъ знаковъ), нѣкоторыя свадебныя пѣсни, до четырехъ сотъ рѣшеній біевъ и др. — все на 503 довольно большихъ страницахъ. Уже просто перечень всѣхъ этихъ вопросовъ, которые задѣты въ сочиненіи Н. И. Гродекова, дѣлаетъ каждому очевиднымъ, что намъ переданъ цѣлый кладъ. Если же принять во вниманіе ту детальность, которую мы встрѣчаемъ въ тѣхъ или другихъ вопросахъ, и почти полное отсутствіе въ существующей до сихъ поръ литературѣ о киргизахъ свѣдѣній объ юридическомъ бытѣ этихъ инородцевъ, то цѣнность сочиненія Н. И. Гродекова возрастаетъ еще больше. Вообще говоря, литература по киргизскому племени весьма обширна, на что бы мы ни взглянули, уже не говоря о топографіи мѣстности, на религію ли, на исторію, на одежду, свадебные обряды, кочевой образъ жизни, хозяйство, торговлю, судоустройство и судопроизводство и т. д.,—по всѣмъ этимъ вопросамъ встрѣчаемъ мы многочисленныя замѣтки, статьи, брошюры, даже цѣлыя сочиненія.

*) Отдѣлъ рецензій былъ уже оконченъ печатаніемъ, когда были доставлены эти двѣ замѣтки. Одна изъ нихъ тѣсно примыкаетъ къ напечатанной выше замѣткѣ о новой книгѣ о киргизахъ, другая касается одного изъ весьма существенныхъ и настоятельныхъ вопросовъ—программы этнографическихъ изслѣдованій. Въ виду этого мы не откладываемъ этихъ статеекъ до декабрьской книжки, чтобы онѣ не были слишкомъ запоздалыми. *Ред.*

Digitized by Google

Мнѣ лично извѣстно слишкомъ 500 сочиненій, брошюръ, газетныхъ и журнальныхъ статей, касающихся и быта, и жизни киргизовъ, и исторіи ордъ, и топографіи страны. Но, не смотря на это количество статей, киргизская народность считается неизслѣдованной. Это имѣетъ свою долю правды. Громадное большинство сочиненій, относящихся къ киргизамъ, начиная съ конца прошлаго столѣтія и до настоящаго времени, страдаютъ отрывочностью данныхъ, отсутствіемъ системы. Но этого сказать нельзя про всѣ сочиненія—изъ большого ряда краткихъ статей и замѣтокъ выдаются весьма полныя сочиненія и статьи слѣдующихъ авторовъ: Аткинсона, Радлова, Георги, Залескаго, Левшина, Даля, Маковецкаго, Палласа, Бларамберга, Евреинова, Зеланда, Ханыкова, Эверсмана, Иванина, Гёбеля, Красовскаго, Мейера, Островскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Эти авторы своими сочиненіями могутъ дать основу для изученія киргизовъ. Въ теченіе долгаго времени измѣнялась въ своемъ быту киргизская народность, соотвѣтственно ея столкновенію преимущественно съ русской культурой, въ силу чего многія статьи устарѣли: онѣ интересны теперь только какъ матеріалъ для сравненія. Напримѣръ, сочиненіе А. Левшина, нѣкогда классическое по своей полнотѣ, утратило до извѣстной степени свое значеніе въ виду того, что съ 20-хъ годовъ киргизская народность въ своемъ быту сильно измѣнилась, даже больше—мѣстами окончательно переродилась. Прослѣдить это постоянное измѣненіе въ киргизскомъ быту за разные годы и въ разныхъ мѣстностяхъ было бы весьма интереснымъ. Многія статьи заключаютъ въ себѣ краткое описаніе топографіи мѣстности, дѣленіе киргизскаго племени на орды и роды, описаніе одежды, элементарныя указанія на свадебные обряды, на кочевую жизнь (эти свѣдѣнія, повторяющія одно и то-же, имѣются сотнями), но лишь не многіе изъ авторовъ вникаютъ въ суть быта этой интересной народности. Нѣкоторыя статьи страдаютъ и тѣмъ недостаткомъ, что въ нихъ нѣтъ точнаго указанія на мѣстность, гдѣ тѣ или другіе обычаи въ ходу, далѣе къ какому времени относится тотъ или другой обычай или обрядъ.

Въ текущемъ (1889) году появилось въ свѣтъ новое сочиненіе, посвященное спеціально юридическимъ обычаямъ киргизовъ; по полнотѣ и по количеству данныхъ ему нѣтъ равнаго въ современной литературѣ о киргизахъ ни одного сочиненія. Авторъ его Н. И. Гродековъ, какъ видно изъ его предисловія, въ началѣ 80 хъ годовъ вступилъ въ управленіе Сыръ-Дарьинской Области и, подмѣтя пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ по обычному праву киргизовъ, рѣшилъ собрать возможно полныя свѣдѣнія по этому вопросу и съ этою цѣлью побудилъ В. П. Наливкина составить программу для «сбора постановленій киргизскаго обычнаго права» и пригласилъ А. Н. Вышнегорскаго собрать по этой программѣ возможно больше свѣдѣній. При-

Digitized by Google

чина, побудившая Н. И. Гродекова собирать свѣдѣнія по обычному праву киргизовъ и каракиргизовъ, заключается въ важности и значеніи обычнаго права «для правильнаго устройства управленія и суда въ средѣ кочеваго населенія нашихъ среднеазіатскихъ областей». Цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ, очевидно, составленіе „свода современныхъ юридическихъ обычаевъ киргизовъ и каракиргизовъ Сыръ-Дарьинской Области". Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора, что изученіе обычнаго права не только важно, но и необходимо для устройства правильнаго управленія данной народностью. Именно незнаніе обычнаго права нашихъ инородцевъ заставляло насъ неоднократно дѣлать крупные промахи и ошибки, которыя впослѣдствіи тяжело ложились на насъ же самихъ, и съ этой-то точки зрѣнія слѣдуетъ отдать должную честь Н. И. Гродекову за его трудъ. Если и существуютъ нѣкоторые пробѣлы, то о нихъ, въ виду общей полноты свѣдѣній, упоминать не имѣетъ смысла.

Но существуетъ и другая сторона, о которой упоминаетъ самъ авторъ—это сторона научная. Съ точки зрѣнія науки это сочиненіе можетъ интересовать въ одинаковой степени юриста и этнографа. Объ юридическомъ значеніи сочиненія Н. И. Гродекова мы говорить не станемъ, но остановимся на значеніи этнографическомъ.

Обычное право стоитъ въ тѣсной связи съ этнографіею, и мы поступили бы несправедливо, если бы эту отрасль знанія исключили изъ этнографической науки, напротивъ мы должны положить возможно болѣе усилій для изслѣдованія обычнаго права съ точки зрѣнія этнографической; правда, мы столкнемся съ нѣкоторыми вопросами чисто юридическаго характера, но несправедливо будетъ выдѣлить на этомъ основаніи обычное право, какъ отрасль знанія, принадлежащую исключительно юридическимъ наукамъ. Вотъ почему и для этнографа трудъ Н. И. Гродекова представляетъ большую цѣнность.

Мы выше говорили о цѣляхъ, которыя преслѣдовалъ авторъ при своей работѣ; повторяемъ, если имѣть исключительно въ виду составленіе «свода современныхъ юридическихъ обычаевъ», то сочиненіе вполнѣ удовлетворяетъ предначертанной программѣ, но мы въ правѣ требовать отъ сочиненія большаго. Перечисленіе обычаевъ и обрядовъ насъ удовлетворить никакъ не можетъ: нужна мысль, руководящая нить, освѣщеніе,—именно то, чѣмъ очевидно не задавался авторъ. Возьмемъ, какъ примѣръ, главу II—«родовое начало». Она начинается слѣдующими словами: «Огромное значеніе родового начала вытекаетъ изъ права сильнаго: личность находитъ защиту только у своего рода, за поступки ея отвѣчаетъ родъ. При неуплатѣ хуна убивается не непремѣнно убійца, а любой человѣкъ изъ его рода. Невѣста принадлежитъ не лицу, а роду» и т. д.,—свѣдѣнія, конечно, весьма цѣнныя, но въ изложеніи нѣтъ связи; это простое пере-

Digitized by Google

численіе того, что есть, это кодексъ, пользоваться которымъ вообще трудно именно потому, что нѣтъ ни связи, ни выводовъ. Далѣе авторъ предполагаетъ, что многое читателю уже извѣстно, и не останавливается на самыхъ, съ перваго взгляда, простыхъ вещахъ, которыя между прочимъ должны освѣтить все: онъ, напримѣръ, не говоритъ ничего объ родовомъ началѣ вообще у киргизовъ, объ родовомъ устройствѣ какъ идеѣ. Тоже самое встрѣтимъ мы въ любой главѣ, тоже самое и въ приложеніяхъ: такъ авторъ приводитъ списокъ урановъ и рисунки тамговъ, не распространяясь ни о томъ, ни о другомъ. Какъ намъ кажется, на каждомъ лицѣ, обладающемъ такимъ цѣннымъ и большимъ матеріаломъ, какъ Н. И. Гродековъ, лежитъ непремѣнная обязанность разработать его, поставить въ систему и тѣмъ облегчить трудъ лицъ, которыя интересуются даннымъ вопросомъ, освѣтить свой матеріалъ, что сравнительно не трудно при хорошемъ знакомствѣ съ данной народностью, а не оставлять свой матеріалъ просто матеріаломъ для будущихъ изслѣдователей, которые въ свою очередь, быть можетъ, не имѣя возможности изслѣдовать киргизовъ лично, не имѣя возможности познакомиться съ условіями жизни киргизовъ на мѣстѣ, дадутъ не всегда вѣрное объясненіе тѣмъ фактамъ, которые представлены столь обильно въ книгѣ Н И. Гродекова. Сочиненіе его всегда будетъ занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ литературѣ о киргизахъ, занимаетъ теперь первое мѣсто въ обычномъ правѣ киргизовъ, но останется всегда лишь матеріаломъ для изслѣдованія юридическаго быта киргизовъ. Къ книгѣ приложено 11 гравюръ и этнографическая карта Сыръ-Дарьинской области.

А. Х.

Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. (Изданіе Комиссіи собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, состоящей при Отд. Этнографіи Им. Русск. Геогр. Общества. СПБ. 1889 ,. стр. IX+85 in 8°. ц. 40 к.).

Изученіе народнаго быта, развивающееся съ каждымъ годомъ, вызвало появленіе инструкцій и программъ для облегченія изучающимъ бытъ народный ихъ нелегкой задачи. Начиная съ 1847 года, времени, когда впервые Императорскимъ Русс. Географическимъ Обществомъ была издана первая программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, мы видимъ цѣлый рядъ программъ, заключающійся вышедшей на дняхъ программой, заглавіе которой выписано выше. Эта послѣдняя, касаясь вопросовъ, относящихся къ юридической жизни народа, ставитъ и другіе, которые находятся въ ближайшемъ соотношеніи съ вопросами права, чѣмъ изслѣдователю дается большій просторъ при изслѣдованіяхъ, возможность не ограничивать ихъ узкой рамкой

Digitized by Google

вопросовъ чисто юридическихъ. По своему содержанію она является наиболѣе полной, такъ какъ, кромѣ права гражданскаго и уголовнаго, въ нее включены еще отдѣлы о судопроизводствѣ и общинномъ владѣніи, чего не было сдѣлано въ наиболѣе полной до сего времени «Программѣ для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ» изданной Отдѣломъ Этнографіи при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ 1887 году *). Являясь такимъ образомъ по количеству затрагиваемыхъ отдѣловъ наиболѣе полной, программа, къ сожалѣнію, не является таковой же и въ отношеніи разработки вопросовъ по перечисленнымъ отдѣламъ. Такъ, напримѣръ, такому интересному явленію народной жизни, какъ артели, программа посвящаетъ лишь 5 вопросовъ (217—221); принимая во вниманіе, что нѣкоторые вопросы разбиты на нѣсколько пунктовъ, окажется, что артелямъ посвящено всего 13 вопросовъ. Вслѣдствіе этого такія рубрики, какъ о личномъ составѣ артели, ея имуществѣ, правахъ и обязанностяхъ членовъ артели, составляющія въ «Программѣ для собир. свѣдѣній объ юрид. обыч.» 1887 года— 124 вопроса, заключаются въ новой программѣ въ одномъ вопросѣ: «Каково устройство артели?» Естественно, что такой общій и широкій вопросъ затрудняетъ съ одной стороны собирателя, съ другой не даетъ ему возможности подмѣтить тѣхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, которыми такъ богаты разные виды русскихъ артелей. Не касаясь другихъ подобныхъ сокращеній, могущихъ вредно отразиться на отвѣтахъ собирателя, укажемъ еще на одинъ, и въ данномъ случаѣ пожалуй болѣе существенный недостатокъ: «Хотя вниманіе собирателя, читаемъ мы въ предисловіи къ программѣ, согласно содержанію и цѣли программы должно быть сосредоточено главнымъ образомъ, на изученіи быта русскаго населенія, но при благопріятныхъ условіяхъ было бы желательно, чтобы отмѣчались и племенныя особенности быта живущихъ въ предѣлахъ Россіи инородцевъ». Слѣдовательно программа разсчитана до извѣстной степени и на инородцевъ. Между тѣмъ всякій, кто для ознакомленія съ бытомъ инородцевъ сталъ бы пользоваться этой программой, менѣе всего могъ бы оттѣнить особенности инородческаго быта. Многія черты быта инородцевъ, налагающія на ихъ обычное право своеобразный отпечатокъ, почти совсѣмъ не освѣщены въ программѣ. Такъ относительно родового устройства, имѣющаго такое большое вліяніе на все право народа, мы встрѣчаемъ въ программѣ лишь одинъ вопросъ (вопр. 1-й главы I-й). О сословномъ устройствѣ у инородцевъ нѣтъ никакого упоминанія. Между тѣмъ въ программѣ, изданной Отдѣломъ

*) Программа эта имѣется еще въ запасѣ при Этнографическомъ Отдѣлѣ, равно какъ и общая „Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній“.
Ред.

Digitized by Google

Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, этимъ пунктамъ посвящено 67 вопросовъ. Относительно кровной мести и выкупа за убійство мы встрѣчаемъ въ нововышедшей программѣ нѣсколько разбросанныхъ вопросовъ, далеко не обнимающихъ того, что сдѣлано по этимъ отдѣламъ программой, изданной Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и т. д. Въ виду важности собиранія данныхъ объ юридическихъ обычаяхъ народа является желательнымъ, чтобы всякая, выходящая вновь программа пополняла и совершенствовала предшествовавшую ей; этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать про новоизданную въ Петербургѣ программу. Введя въ свое содержаніе новые отдѣлы сравнительно съ программой изданной въ Москвѣ 1887 г., она исполнила часть задачи. Но, сокращая до minimum'а вопросы, она сдѣлала шагъ назадъ и вмѣсто того, чтобы облегчить, скорѣе затруднитъ изслѣдователя. Что касается новаго отдѣла, введеннаго программой, то и онъ выполненъ далеко не тщательно. Относительно судоустройства и судопроизводства программа упустила изъ виду важность судовъ неоффиціальныхъ: имъ посвящено лишь 5 вопросовъ. Между тѣмъ третейскіе суды, суды родственниковъ и т. д. господствуютъ не только въ быту нашихъ инородцевъ, но и среди русскаго крестьянскаго населенія, а въ иныхъ мѣстахъ замѣняютъ почти всецѣло суды оффиціальные. Фактъ существованія ихъ въ крестьянской средѣ, а также и то, что они хранятъ въ себѣ много переживаній далекаго быта, дѣлаетъ ихъ важными для науки обычнаго права, заслуживающими большаго вниманія, чѣмъ имъ удѣлено въ программѣ. Въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что если и нельзя не отнестись сочувственно къ факту изданія программы, то нельзя и не пожалѣть, что она выполнена такъ, что позволяетъ желать много лучшаго, въ особенности если знать, что она издана такимъ ученымъ Обществомъ, какъ Императорское Русское Географическое Общество.

Н. Х.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Дѣятельность ученыхъ обществъ, музеи, выставки, съѣзды, публичныя чтенія и пр.

— Этнографическій Отдѣлъ Имп. Общ. Любит. Естествозн., Антроп. и Этнографіи при Московскомъ университетѣ имѣлъ въ текущемъ году еще два засѣданія (см. 1 кн. „Этн. Обозр". 177), а именно: 1) 8 мая выслушаны были доклады *Н. Л. Абазадзе*: «Грузинская семейная община» и *Н. А. Янчука*: «Рождественскій вертепъ на Подлясьѣ» (дополненная обработка тѣхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, которыя нѣсколько раньше, въ виду обилія польскихъ текстовъ, были имъ напечатаны въ варш. журналѣ Wisła 1888, кн. 4); предназначавшійся къ чтенію третій докладъ *В. Н. Сѣтъ*: «Этнографическія данныя изъ Тарасовской слободы Харьк. г.» былъ отложенъ, но онъ вошелъ въ 1-ю кн „Этногр. Обозрѣнія". 2) 28 сент. читаны были рефераты: *Н. А. Янчука*: „50-лѣтній юбилей этнографа О. Кольберга" (напеч. въ этой книжкѣ), *А. А. Ивановскаго* „Историко-этнографическій очеркъ торгоутовъ", и имѣлъ быть читанъ, но отложенъ до слѣд. засѣданія рефератъ *В. В. Каллаша* „Историческія лица и событія прошлаго вѣка въ народныхъ преданіяхъ", часть коего составляетъ статья „Палій и Мазепа" въ этой книжкѣ. Отчетъ о первомъ изъ этихъ засѣданій см. въ „Рус. Вѣд.", № 130 и въ „Моск. В." № 129, о послѣднемъ въ „Рус. В." № 272 и въ „Моск. Вѣд." № 271; въ дополненіе къ этому отчету можемъ указать на корр. въ „Моск. Вѣд." № 262, заключающую свѣдѣнія о ходѣ экспедиціи г. Ивановскаго въ Китай къ торгоутамъ.

— Имп. Московское Археологическое Общество дѣятельно готовится къ восьмому археологическому съѣзду, который имѣетъ быть въ Москвѣ въ Историческомъ Музеѣ съ 8 по 24 янв. 1890 г. При съѣздѣ будетъ устроена богатая выставка въ залахъ Историч Музея и отчасти Моск. Архива Иностранныхъ дѣлъ. Коллекціи на выставку уже присылаются отовсюду, какъ отъ учрежденій, такъ и отъ частныхъ лицъ. Въ члены съѣзда можетъ записаться всякій, кто изъявитъ желаніе принять участіе въ его занятіяхъ и внесетъ

Digitized by Google

4 руб., послѣ чего ему выдается или высылается по почтѣ членскій билетъ, дающій между прочимъ право льготнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ. Записываться заблаговременно можно въ Моск. Археологич. Обществѣ (Москва, Берсеневка), или же въ Петербургскомъ. Съѣздъ будетъ раздѣляться на девять секцій: 1) Древности первобытныя. 2) Древности историко-географическія и этнографическія. 3) Памятники искусствъ и художествъ. 4) Русскій бытъ—домашній, юридическій и общественный. 5) Памятники церковные. 6) Памятники славяно-русскаго языка и письма. 7) Древности классическія, славяно-византійскія и западно-европейскія. 8) Древности восточныя и языческія. 9) Памятники археографическіе. По всѣмъ этимъ отдѣленіямъ уже заявлено разными лицами 73 сообщенія, *) въ томъ числѣ по историко-географическо-этнографическому отдѣленію 15 рефератовъ. Заглавія ихъ перечислены въ недавно изданной Обществомъ и разосланной брошюрѣ: «Восьмой Археологическій съѣздъ въ память 25-ти лѣтъ со времени основанія Имп. Моск. Археологическаго Общества»; тутъ же правила съѣзда, составъ предварительнаго комитета и 50 запросовъ, на которые желательно получить разъясненія на съѣздѣ. (Эту брошюру не слѣдуетъ смѣшивать съ изданною раньше, о которой было говорено въ 1 кн. «Этногр. Обозрѣнія» 172).

Имп. Рус. Географич. Общество снарядило въ этомъ году нѣсколько экспедицій, которыя имѣютъ въ виду и этнографическія цѣли. Полковникъ генеральнаго штаба *М. В. Пѣвцовъ* въ сопутствіи офицеровъ В. И. Роборовскаго и К. П. Козлова, геолога К. И. Богдановича и др. продолжаетъ изслѣдованія покойнаго Н. М. Пржевальскаго въ Азіи (Тибетъ). Экспедиція продолжится до конца 1890 г. („Новости"). Отрывочныя свѣдѣнія о ходѣ экспедиціи попадаются въ частныхъ телеграммахъ, напр. отъ 29 сент.—При обществѣ открыта подписка на учрежденіе преміи и медали имени Пржевальскаго.—Капитанъ *Б. Г. Грембчевскій*, старшій чиновникъ особ. порученій при начальникѣ Ферганской области, предпринялъ вмѣстѣ съ другими экспедицію въ Среднюю Азію отъ имени Геогр. Общ. на средства Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича. Экспедиція продлится 8—12 мѣсяцевъ („Kraj", № 14). Въ прошломъ году г. Грембчевскій тоже былъ въ экспедиціи отъ имени Геогр. Общества при поддержкѣ ген.-адъют. Розенбаха. Прошлогодняя

*) Новыя заявленія могутъ быть присылаемы на имя предсѣдателя Общества гр. П. С. Уваровой, (Моск.; Берсеневка, д. Археол. Общ.).

Digitized by Google

экспедиція длилась въ теченіе мѣсяцевъ іюля—ноября. Между прочимъ собраны этнографическія коллекціи, около 120 фотографич. снимковъ видовъ и типовъ, составлены словари канжутскаго и ваханскаго нарѣчій. („Елисаветгр. Вѣстн." 40, смѣсь: отчетъ о сообщеніи г. Громбчевскаго въ засѣданіи И. Р. Геогр. Общества 1 февр.).—Секретарь этнографическаго отдѣленія И. Р. Геогр. Общ. *Ѳ. М. Истоминъ* предпринялъ весною поѣздку въ Печорскій край вмѣстѣ съ сѣверной экспедиціею, снаряженной министерствомъ госуд. имуществъ съ геологическою цѣлью. Г. Истоминъ предполагаетъ заняться мѣстной стариной и имѣетъ въ виду распространить этнографическія наблюденія не только на русскихъ, но и на инородцевъ, какъ напр зырянъ, самоѣдовъ („Вит. Г. В." № 19, „Сынъ Отеч.").—При Обществѣ образована комиссія для обсужденія вопроса объ изслѣдованіи литовскихъ губерній («Вилен. Вѣстн.» 70, «Елисаветгр. В.» 72).

— Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края, возникшее въ 1874 г. по случаю празднованія въ Астрахани 30 мая 1872 г. двухсотлѣтней годовщины дня рожденія Петра I (въ память пребыванія Петра въ Астрахани въ 1722 г.) и закончившее было свою дѣятельность послѣ годичнаго существованія, вызвано опять къ жизни съ 1886 г. и въ настоящее время постепенно развиваетъ свою дѣятельность, какъ видно изъ «Отчета» за время съ 7 сент. 1886 г. по 31 дек. 1887 г. (изд. въ Астрах. 1889, 8° стр. 52), заключающаго въ себѣ и исторію Общества. Дѣятельность Общества въ новомъ періодѣ его существованія первое время была направлена: 1) на изданіе сборника, который бы заключалъ цѣнные и рѣдкіе матеріалы объ Астрахани и Астраханскомъ краѣ, 2) на разработку мѣстныхъ архивовъ при посредствѣ особой коммиссіи, 3) на устройство въ Астрахани публичнаго музея. Сборникъ приготовленъ къ печати; музей пополняется коллекціями и состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій: историко-этнографическаго, естеств.-историч. и торгово-промышл. Съ 1887 г. при Обществѣ образованы двѣ секціи: историко-этнографическая и естественно историческая. Секція историко-этнографическая была занята: 1) составленіемъ и распространеніемъ программы для собиранія археологическихъ, нумизматическихъ, историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній по Астраханскому краю (обработана чл. Н. Ф. Леонтьевымъ), 2) составленіемъ указателя матеріаловъ по Астрах. краю, 3) выработкою плана «Словаря достопамятныхъ лицъ Астрах.

Digitized by Google

края», составленіе коего уже начато, 4) учрежденіемъ архивной коммиссіи, 5) научными экскурсіями и сообщеніемъ рефератовъ.

— Уральское Общество Любителей Естествознанія (въ Екатеринбургѣ) занято въ послѣднее время приведеніемъ въ порядокъ коллекцій своего музея и ихъ систематическимъ описаніемъ. Недавно изданъ и поступилъ въ продажу II отдѣлъ «Каталога» составленнаго хранителемъ музея *Д. И. Лобановымъ* (Екатеринб. 1889. стр. 20 in 8°, ц. 40 к.), Онъ заключаетъ въ себѣ этнографію и археологію. Этнографическая часть раздѣлена по народностямъ, при чемъ описываемые предметы распредѣлены по рубрикамъ: жилище, одежда и обувь, пища, художественные предметы и орудіе, религіозные предметы, перевозочные предм., музыкальные инструменты, дѣтское воспитаніе, медицина и т. д., иногда съ объясненіемъ ихъ употребленія, съ указаніемъ мѣстности и жертвователей. Изъ народностей представлены въ вещевыхъ коллекціяхъ пермяки (161 номеръ), вогулы (92 номера), вотяки (62 №), черемисы (87 №), башкиры (71 №), дунгане (82 №), самоѣды (22 №), китайцы (13 №), тунгусы (1 №), киргизы (19 №), буряты (13 №), якуты (31 №). По каждой народности даются предварительныя свѣдѣнія о ея мѣстожительствѣ, образѣ жизни, религіи, занятіяхъ и т. д. Археологическій отдѣлъ каталога содержитъ рубрики: предметы доисторическіе, старинныя вещи, фотографіи и пр.

— Харьковское Историко-филологическое Общество въ одномъ изъ своихъ засѣданій слушало докладъ проф. *Н. Ѳ. Сумцова* о народныхъ воззрѣніяхъ на демоническое происхожденіе болѣзней вообще и въ особенности колтуна, сумасшествія и эпилепсіи. Краткій отчетъ см. въ «Харьк. Г. В.» № 90. Въ томъ же засѣданіи рѣшено было перепечатать программу (какую?) для собиранія историческихъ, археологич. и этнографическихъ матеріаловъ съ дополненіями, предложенными проф. Д. И. Багалѣемъ. Новую редакцію программы взялъ на себя чл. общества. М. П. Савиновъ.

— «Латышское Общество» въ Ригѣ образовало при себѣ особую комиссію для собиранія народныхъ древностей. Въ февралѣ Общество праздновало свою 21-ю годовщину. Предсѣдателемъ вновь избранъ г. Гросвальдъ («Риж. Вѣстн.»).

— Научно-промышленная выставка въ Казани, устраивающаяся по иниціативѣ мѣстнаго университетскаго

Digitized by Google

Общества Естествоиспытателей при поддержкѣ города и земства, имѣетъ быть съ 1 мая будущаго года по 15 сентября. Въ числѣ отдѣловъ ея первымъ поставленъ научный, вмѣщающій въ себѣ между прочимъ отдѣленія: историко-этнографическое, антропологическое и археологическое. Проектируется также устройство особаго отдѣла—«книжнаго», въ которомъ имѣютъ быть сосредоточены всѣ статистико-экономическія, этнографическія и другія изслѣдованія Волжско-Камскаго края, Сибири и Средней Азіи. Положеніе о выставкѣ уже утверждено оффиціальнымъ путемъ и начинаютъ поступать въ комитетъ выставки заявленія объ участіи.

— Восьмой съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей имѣетъ быть въ Петербургѣ (въ зданіи университета) съ 28 декабря по 7 янв. 1890 г. Членомъ съѣзда (со взносомъ 3-хъ руб.) можетъ быть всякій, кто занимается естествознаніемъ; но правами голоса на съѣздѣ пользуются только ученые, напечатавшіе самостоятельное сочиненіе или изслѣдованіе по естественнымъ наукамъ, а также преподаватели этихъ наукъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Область естествознанія съѣздъ понимаетъ очень широко, и въ свою программу онъ включилъ между прочимъ отдѣлъ географіи, этнографіи и антропологіи. Засѣданія секцій имѣютъ быть 29, 30, 31 дек и 3, 4, 5 янв. Заявленія объ участіи въ съѣздѣ принимаются до 15 дек. въ университетѣ. Подробности въ газетахъ (напр. въ «Варш. Дневн.» № 157).

— Въ Елисаветградѣ устроенъ музей при земскомъ реальномъ училищѣ и находится подъ завѣдываніемъ учителя *В. Н. Ястребцова*. Кромѣ чисто археологическихъ вещей, музей содержитъ и вещи этнографическія: предметы быта, костюма и т. п.

— Въ г. Уральскѣ устраивается войсковой музей, въ которомъ будутъ сосредоточены коллекціи, касающіяся быта уральскаго войска, особенно прежней его жизни (см. выше «Уральск. Войск. Вѣд.»).

— Смоленскій археологическій музей, находящійся въ зданіи городской думы подъ завѣдываніемъ *С. П. Писарева*, постоянно пополняется этнографическими и историко-археологическими предметами. Перечни жертвуемыхъ предметовъ печатаются въ „Смол. Вѣстн." (№ 24, 35, 48, 53, 82), откуда можно познакомиться съ коллекціями музея. Члены музея предпринимаютъ также научныя поѣздки (см. библіогр. „Смол. В.").—

Digitized by Google

Съ 8-го сент. открыта въ Смоленскѣ сельско-хозяйственная и научно-промышленная выставка (Моск. Вѣд. № 252).

— По сообщенію „Смоленскаго Вѣстника" (№ 37), въ г. Вязьмѣ 5 и 12 марта преподаватель гимназіи *Н. П. Виноградовъ* прочелъ двѣ публичныя лекціи по исторіи города Вязьмы въ пользу „Общества вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ Вяз. гимназіи." Помимо объясненія той роли, какую игралъ этотъ городъ во внѣшней политич. исторіи Россіи и Литвы, лекторъ касался и другихъ историко-этнографич. вопросовъ, напр. вопроса о древнѣйшемъ населеніи мѣстнаго края, о нравахъ мѣстнаго общества XVII и XVIII вв. и т. д. Древнѣйшимъ населеніемъ края были финны, отъ которыхъ, по объясненію лектора, и городъ получилъ свое названіе (вясь-племя). Къ сожалѣнію, репортеръ „Смоленскаго Вѣстника" отнесся нѣсколько иронически къ хорошему начинанію (отвѣтъ г. Виноградова, см. въ № 45 той-же газ.). Лекціи печатаются въ „Смоленскомъ Вѣстн." (см. библіогр.).

— Въ Парижѣ во время всемірной выставки, именно съ 18 (30) сентября втеченіе одной недѣли происходилъ международный этнографическій конгрессъ въ Трокадеро подъ предсѣдательствомъ *Жюля Опперта*. Изъ русскихъ въ числѣ делегатовъ были названы кн. Гагаринъ (Одесса), Юферовъ (СПБ) и Кукурановъ (Казань), Этнографическій Отдѣлъ Моск. Общества Люб. Естествознанія привѣтствовалъ конгрессъ сочувственной телеграммой. Конгрессъ подраздѣлялся на секціи: 1) общей этнологіи, 2) этніи, народнаго права и соціологіи, 3) этнографич. психологіи, 4) сравнительныхъ религій (въ числѣ референтовъ въ этой секціи былъ намѣченъ д-ръ *Михаловскій*: „Религія древн. славянъ"), 5) лингвистики, 6) археологіи и изящныхъ искусствъ.

— По газетнымъ извѣстіямъ Краковская Академія Наукъ издала этнографическія записки о Полѣсьѣ волынскомъ, составл. кс. *Брыкчинскимъ*. Онѣ заключаютъ свѣдѣнія объ обычаяхъ и обрядахъ, семейныхъ и общественныхъ празднествахъ, занятіяхъ, съ прибавленіемъ большого количества пѣсенъ („Мин. Лист." 34, изъ „Нов.").

— Семейство покойнаго галицко-русскаго историка и этнографа *Я. Ѳ. Головацкаго*, умершаго 1 мая 1888 г., пожертвовало оставшіяся послѣ него русскія книги и журналы въ Народный Домъ во Львовѣ; галицко русскія изданія — въ Импер. Публичную

Digitized by Google

Библіотеку, съ тѣмъ чтобы при ней было основано особое галицко-русское отдѣленіе; нѣмецкія изданія и книги на другихъ славянскихъ языкахъ отданы въ Виленскую публичную библіотеку, которою онъ завѣдывалъ въ послѣднее время, а рукописи обѣщаны галицко-русской Матицѣ. („Вил. Вѣстн." 76). Свѣдѣнія о происхожденіи и семьѣ покойнаго приводитъ „Вил. Вѣстн." (№ 101) изъ „Червоной Руси.". — Замѣтимъ кстати, что мѣсто завѣдующаго Виленскою публичною библіотекою и музеемъ послѣ Головацкаго занялъ г. *Крачковскій*, извѣстный изслѣдователь западнаго края, въ особенности Гродненской губ. Будемъ надѣяться, что г. Крачковскій оживитъ мѣстныхъ ученыхъ, замершихъ въ бездѣйствіи, сумѣетъ сплотить вокругъ себя новыя силы и направитъ ихъ на изслѣдованіе мѣстнаго края, что является крайне настоятельною потребностью. Отъ него именно можетъ итти иниціатива образованія такого мѣстнаго ученаго общества, о какомъ уже были высказаны пожеланія и въ печати (см. выше библіогр. „Вил. Вѣстн.").

— Между бумагами, оставшимися послѣ покойнаго знаменитаго натуралиста доктора *Альфреда Брэма*, найдены записки о семейной и общественной жизни киргизовъ. Сынъ покойнаго приступаетъ теперь къ опубликованію этихъ записокъ („Акмолин. Обл. Вѣд.").

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

Стрн.	*стрк.*	*вм.*	*чит.*
5	13 сн.	578	678
65	3 св.	дивай	давай
79	1—2 сн.	стоіря	сторія
84	13 сн.	знатное	значное
92	20 св.	ротыще	ратыще
—	22 —	Прыйшовъ хлопъ	Прыйшовъ,—хлопъ
94	13—14 св.	упри... Dichtun... on... ...Sichlerg	при... Dichtung... von... ...Sichler
—	16 св.	483	482
—	15 сн.	1887	1877
101	9 св.	та—	такій
123	4 сн.	Чайковичъ	Чойковичъ
138	10 сн.	выше	ниже
141	12 св.	des	de
142	4 сн.	ибо	ибо нельзя

Digitized by Google

Труды Этнографическаго Отдѣла (9 книгъ) содержатся въ слѣдующихъ томахъ «Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи» *).

т.

VII. (кн. 1). Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Изд. В. А. Дашкова, 1868 г. Ц. 3 р.

XII. (кн. 2). Народныя пѣсни Латышей, Ѳ. Я. Трейланда. Изд. В. А. Дашкова. 1873 г. Ц. 4 р.

XIII. (кн. 3), вып. 1—2, 1874 г., по 1 р. 15 к.

Содержаніе. Вып. 1: Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла 1867—74 г. *Статьи*: 1) Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Ст. Верковича.—2) О появленіи ламаизма въ Забайкальѣ и вліяніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцелли.—3) программа этнографическаго народнаго календаря, А. Л. Дювернуа.—4) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, докладывалъ Н. А. Поповъ.—5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (двѣ статьи). Колеусека—6) Одежда каменнобродскихъ русскихъ и мордвиновъ, А. Приниѣрова.—7) Домашній бытъ Маріупольскихъ грековъ, А. Анторинова.—8) О пермякахъ, П. Вологдина—9) Свадебные обычаи у болгаръ, Жиниеова.—10) Раскопки шоломенскихъ кургановъ, Анастасьева.—11) Проектъ этнограф. изслѣдованія о-ва Эзеля, бар. Зассъ-Кассели.—12) Этнографическія замѣтки, Н. Г. Керцелли.—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., К. Попова.—14) О мезенскихъ самоѣдахъ, Н. Г. Керцелли.—15) Сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сурамскаго у., Дударева.—16) Обзоръ этнограф. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1873 г., Е. В. Барсова.—17) Объ историческомъ значеніи праздника въ честь Бурхана-Майдери, совершаемаго бурятами. Н. Г. Керцелли.—18) Сѣверныя сказанія о лембоянъ и удѣльницахъ Е. В. Барсова.—19) Замѣтка изъ этнографіи сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—20) Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ у., Е. П. Добрынкиной, съ замѣткой Е. В. Барсова.—21) Изъ исторіи народнаго двоевѣрія Н. А. Покровскаго.—22) Юрьевъ день, Е. В. Барсова.—23) О кладоискателяхъ въ Зубцовск. у., Квашнина-Самарина.

Вып. 2. Зыряне и Зырянскій край, К. А. Попова.

XXVIII, (кн. 4). Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла (1874—77 г.), съ приложеніями. Ц. 2 р.

Статьи: 1 О) французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валеріо, Н. А. Попова.—2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, П. В. Шейна, съ замѣчаніями В. Ѳ. Миллера. — 3) Вѣрованія и обряды бѣлоруссовъ, В. и А. Зенковичей.—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Нефедовъ.—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрынкиной.—7) Обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей на Орели, Е. В.

---

*) Получать можно въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей), а также въ книжныхъ магазинахъ комиссіонера Общества А. Суворина. Первыя 3 книги, изд. Дашкова, остались въ небольшомъ количествѣ только у издателя (Москва, Пречистенка и Румянцевскій Музей).

Digitized by Google

Барсова.—8) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ „Нижегородск. Сборникѣ" Й. Ф. Кудрявцева.—9) Охотничье право собственности у Зырянъ, К. А. Попова.—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., А. Ѳ. Можаровскаго.—11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., П. М. Апостольскаго.—12) Башкирское преданіе о лунѣ, Л. В. Лосіевскаго.—13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера, П. М. Апостольскаго.—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Ѳ. Миллера.

XXX, (кн. 5, въ 2-хъ част.). Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ., П. Е. Ефименка. Ц. 4 р:

Часть 1: Описаніе внутренняго и внѣшняго быта. 2 р. 50 к.

Часть 2: Народный языкъ и словесность. Ц. 1 р. 50 к.

XL, (кн. 6). Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, Ѳ. Я. Трейланда (Бривземніаксъ). Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и колдовство. Ц. 3 р. 50 к.

XLVIII, (кн. 7 и 8). Протоколы засѣданій и приложенія. Ц. 4 р.

Вып. 1. *Статьи*: 1) Потеряла ли законную силу бытующая старина въ сознаніи русскаго народа? Н. А. Покровскаго.—2) Малорусская свадьба въ Константиновск. у., Сѣдлецкой губ., Н. А. Янчука.—3) Приговоры и причеты о табакѣ, П. В. Шенна.—4) О галицкомъ языкѣ. Д-ра Зеланда. (2 р).

Вып. 2. *Статьи*: 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ). В. Ѳ. Миллера.—2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). Его-же.—3) А. Л. Дювернуа (некрологъ). Его-же.—4) Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ. Е. А. Покровскаго.—5) О юридическомъ бытѣ татовъ. М. М. Ковалевскаго.—6) Слѣды языческихъ вѣрованій у манзовъ. Н. Л. Гондатти.—7) Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.—зап. Сибири. Его-же.—8) Программа для собиранія этнографич. свѣдѣній, сост. Н. А. Янчукомъ.—Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. М. Н. Харузинымъ. (2 р.)

LXI, (кн. 9). Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи (съ приложеніемъ портрета М. Н. Харузина). 2 р.

Статьи: 1) Памяти М. Н. Харузина. В. Ѳ. Миллера.—2) Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи. П. М. Богаевскаго.—3) О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ. В. Кандинскаго.—4) О доказательствахъ на волостномъ судѣ. А. Шапе.—5) Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда. А. П. Звонкова.—6) Объ участіи сверхъ-естественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ. П. И. Астрова.—7) По Минской губерніи (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году). Н. Янчука.—8) Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсіевымъ. А. Кельсіева.—9) Изъ русской народной космогоніи, передано С. Я. Дерунованымъ.—10) Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Николая Харузина.—11) Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. Вас. Тихонова.—12) О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ. В. Н. Аршинова.—13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. (прилож. къ статьѣ П. М. Богаевскаго).—14) Напѣвы бѣлорусскихъ пѣсенъ (прилож. къ статьѣ Н. Янчука).

Digitized by Google

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Кн. III.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

МОСКВА.
„Русская" типо-литографія, Тверская, д. Гинцбургъ.
1889.

Digitized by Google

Печатать разрѣшается. Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
Ординарный Профессоръ *Всеволодъ Миллеръ*. 20 декабря, 1889 г.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Частныя и общественныя гульбища на Дону. *А. А. Казмина.* 1

II. Семейная община у грузинъ. *Н. Л. Абазадзе.* . 13

III. Празднованіе Новаго года у грузинъ. *А. С. Хаханова.* 29

IV. Сила родительскаго проклятія по народнымъ разсказамъ Харьк. губ., *П. И.*, съ замѣткою *Н. Я.* 41

V. Опытъ бѣлорусскаго народнаго снотолкователя. *Е. Романова.* 54

VI. Двѣ статьи о киргизскихъ и сартскихъ народныхъ пѣсняхъ. Ст. I, *М. В. Готовицкаго.* . . . 73

Ст. II, *Р. А. Пфеннига.* . . . . . , 83

VII. Киргизскій народный поэтъ-пѣвецъ Ногойбай. *А. А. Ивановскаго.* 92

VIII. Изъ матеріаловъ по этнографіи сысольскихъ и вычегодскихъ зырянъ. Національныя божества. *В. В. Кандинскаго.* 102

IX. Этнографическія замѣтки:
1. Сонъ-трава. 2 Розмай-зилье. 3. Жемчужная трава. 4. Васильки. 5. Обжинки. 6. Спасова борода. 7. Символика краснаго цвѣта. 8. Татуировка у католиковъ Босніи и Герцеговины. *Н. Ѳ. Сумцова.* 111

X. Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ, гл. III. *В. В. Каллаша.* 133

XI. Библіографія:
1. Книги и ученыя изданія. . . . . 156—173
М. Веске, Изслѣдованіе о нарѣчіяхъ черемисскаго языка. — *Г. Арандаренко*, Досуги въ Туркестанѣ.—*Гр. Вервщагинъ*, Вотяки Сарапульскаго уѣз. Вят. г.—*И. Н. Смирновъ*, Черемисы (Извѣстія Общ. Археол., Истор. и Этногр. при И. Казанск. университетѣ, т. VII).—*Д. Н. Остров-*

Digitized by Google

скій, Лопари и ихъ преданія (Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ. т. XXV, в. IV).—Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества, т. IX, вып. 2.—*Кулишеръ*, Очерки сравнительной этнографіи и культуры —*Г. С. Лыткинъ*, Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ —*Шеппингъ*, 1. Дохристіанское воззрѣніе человѣка на смерть и загробную жизнь. 2. Наши письменные источники о языческихъ богахъ рус. миѳологіи. — *Д. Хизанашвили*, Сборникъ пшавскихъ пѣсенъ.—Сборникъ грузинскихъ народныхъ пѣсенъ.—*П. Чубуевецъ*, 1) Малорусскія бытовыя пѣсни. 2) О русской народной культурѣ.

2. Журналы. . . . . 173—177

3. Газеты. . . . . 178—201

XII. Смѣсь:

Къ вопросу о народной медицинѣ *Н. Я.* . . . 202

Мелкія этнологическія замѣтки: 1. Къ вопросу о прозваніи И. Муромца.—2. Къ малорусс. легендамъ объ И. Муромцѣ.—3. Къ былинамъ о Соловьѣ-разбойникѣ.—4. Малорусс. пѣсни о Дунаѣ богатырѣ.—5. Тугаринъ.—6 Къ пѣснямъ и былинамъ о Журилѣ-Чурилѣ-Цюрилѣ —7. Журъ.—8. Къ бѣлорусскому народному снотолкователю.—9. Превращеніе въ растенія и деревья.—10. Сонъ-трава, *В. Каллаша*. 203

XIII. Извѣстія и замѣтки. 212

XIV. Приложенія: 1. русскій переводъ киргизскихъ и сартскихъ пѣсенъ, 2. напѣвы ихъ.

Объявленія.

Digitized by Google

Частныя и общественныя гульбища на Дону *).

Казаки Донской Области, вслѣдствіе долгаго невмѣшательства государственной власти въ ихъ внутреннюю жизнь и вслѣдствіе многихъ другихъ историческихъ условій, выработали, какъ извѣстно, своеобразный строй народной жизни, изученіе котораго можетъ представить много живого интереса.

Въ одномъ изъ округовъ этой области, именно Хоперскомъ, лѣтомъ 1888 года мнѣ пришлось заняться изслѣдованіемъ народнаго быта. Мое вниманіе главнымъ образомъ было сосредоточено на изученіи обычнаго права; но при этомъ, понятно, мнѣ приходилось знакомиться и съ другими сторонами бытовой жизни казаковъ и такимъ образомъ подмѣтить нѣкоторыя характерныя особенности. На первый разъ я позволю себѣ предложить вниманію читателей нѣсколько замѣчаній по поводу частныхъ и общественныхъ гуляній, увеселеній, или гульбищъ. Не останавливаясь на ихъ слишкомъ подробномъ описаніи, я отмѣчу только нѣкоторыя болѣе общія и оригинальныя особенности.

Всѣ гулянья на Дону, какъ частныя, такъ и общественныя, носятъ на себѣ сильный отпечатокъ военнаго казачьяго строя. Въ особенности сильно сказалось вліяніе военной жизни въ свадебныхъ гуляніяхъ. Здѣсь, начиная съ сватанья и кончая послѣднимъ днемъ пира, все совершается въ воен-

*) См. протоколъ 73-го засѣданія (28 февр. 1889) Этнографическ. Отдѣла Имп. Общ. люб. Естествозн., Антр. и Этнографіи.

Digitized by Google

номъ духѣ. Сватанье ведется въ видѣ военныхъ переговоровъ между двумя сторонами—невѣстиною и жениховою. „Мы видимъ,—говорятъ родные невѣсты свахѣ, пришедшей съ роднею жениха,—что вы не съ добромъ пришли къ намъ; у насъ на этотъ разъ войско не въ сборѣ, то милости просимъ обождать, не начинать войны". Потомъ пойдутъ безконечные толки о лезервѣ, антилеріи *). Невѣста въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ при свадебныхъ обрядахъ представляетъ изъ себя крѣпость, а женихъ войско, которое должно взять приступомъ крѣпость. Поѣздъ жениха-князя съ его поѣзжанами представляетъ чисто военную дружину; она построена въ двѣ шеренги по всѣмъ правиламъ военнаго искусства и подъ предводительствомъ дружка сопровождаетъ князя къ вѣнчанію. Женихъ въ нѣкоторыхъ станицахъ во время свадебныхъ гуляній, когда компанія переходитъ изъ дома въ домъ, одѣтый въ военный мундиръ съ вислыми эполетами, всегда предшествуетъ компаніи, изображая изъ себя военнаго командира.

Всякое торжественное общественное гулянье всегда сопровождается тѣми или иными воинскими упражненіями. Такъ, гулянье на масляницѣ состоитъ въ томъ, что собираются верховые казаки, которые подъ командою избраннаго начальника продѣлываютъ нѣсколько военныхъ упражненій. Послѣ этого собираются въ кругъ, покупаютъ водку, и начинается такъ называемое „хожденіе со знаменемъ", которое состоитъ въ томъ, что компанія съ пѣснями ходитъ по улицамъ, заходя къ людямъ болѣе зажиточнымъ; при этомъ предъ компаніей несутъ знамя, которое оставляется у крыльца или воротъ, когда компанія заходитъ въ домъ, и при немъ неотлучно находится часовой. Сверхъ всего этого пѣсни поются преимущественно военныя, а разговоры ведутся о былыхъ походахъ.

Кромѣ указанной общей черты, вытекающей изъ ка-

---

*) См. М. Харузина, „Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону", Москва 1885, I, стр. 122.

Digitized by Google

зачьяго военнаго строя, можно подмѣтить среди мѣстнаго населенія и много другихъ особенностей, отражающихъ часто на себѣ слѣды глубокой старины, какъ это увидимъ изъ нижеизложеннаго.

Остановимся подробнѣе сначала на особенностяхъ однихъ частныхъ гуляній. Такъ мы называемъ гулянья, которыя обусловливаются какимъ либо событіемъ, имѣющимъ отношеніе къ одной или нѣсколькимъ родственнымъ семьямъ. Къ нимъ относятся: гулянья свадебныя, гулянья по поводу ухода казака на службу или его возвращенія со службы, гулянья на крестинахъ и пр.

Прежде всего эти гулянья отличаются строго родственнымъ характеромъ: въ нихъ принимаютъ участіе только родственники между собою, постороннія же лица почти не участвуютъ. Обыкновенно послѣ того, какъ является какой-нибудь поводъ къ гулянью,—придетъ ли казакъ со службы въ семью, выходитъ ли кто за-мужъ или женится, родится ли ребенокъ,—тотчасъ глава семейства, дѣдъ или отецъ, посылаетъ „легкаго гонца", обыкновенно младшаго въ семьѣ, созывать всю родню на пиръ. Не пригласить кого либо изъ родственниковъ на веселье считается самою большею обидою для неприглашеннаго: это значитъ—изъ родственника сдѣлать себѣ врага; тогда какъ не пригласить на гулянье пріятеля, друга или сосѣда не считается обиднымъ и предосудительнымъ, и обыкновенно за самыми рѣдкими исключеніями постороннія лица не приглашаются и не принимаютъ участія въ этихъ гуляніяхъ. Нерѣдко казакъ съ своего двора смотритъ на веселую компанію своего сосѣда-друга, посылая при этомъ шутливыя замѣчанія, нисколько не думая обижаться за неприглашеніе.

— „Что жъ ты не гуляешь?" спросилъ я однажды казака, сосѣдъ котораго справлялъ приходъ сына со службы

— „Я ему не родня", былъ категорическій отвѣтъ.

Но такой строго родственный характеръ имѣютъ гулянья въ станицахъ; когда же они совершаются въ хуторахъ, то здѣсь они утрачиваютъ этотъ характеръ, такъ какъ

Digitized by Google

здѣсь можно, а иногда даже должно приглашать и не-родственниковъ. Въ хуторахъ не пригласить на гулянье друга или сосѣда—значитъ оскорбить ихъ и нажить себѣ враговъ. Это отступленіе въ хуторахъ отъ общаго правила—приглашать на гулянье только родственниковъ объясняется тѣмъ, что хутора почти до послѣдняго времени представляли изъ себя поселенія родственныхъ между собою лицъ. Такимъ образомъ впродолженіе цѣлаго ряда поколѣній хуторскіе жители привыкли приглашать на гулянья всѣхъ сосѣдей хуторянъ, какъ родственниковъ. Эта привычка продолжаетъ дѣйствовать и теперь, когда уже среди хуторского населенія немало чуждаго, неродственнаго элемента.

Познакомимся однако съ самымъ ходомъ гуляній, посмотримъ, какъ они начинаются, въ какомъ порядкѣ совершаются и чѣмъ кончаются.

Созванные родственники, послѣ обычнаго привѣтствія, по приглашенію хозяина, садятся за накрытый столъ. Сначала садятся безъ мольбы, т. е. не молясь Богу. При этомъ строго соблюдается слѣдующій порядокъ: въ передній уголъ садится, виновникъ торжества, напр., пришедшій со службы родственникъ; вправо отъ него разсаживаются мужчины, соблюдая при этомъ старшинство,—старшій садится ближе къ переднему углу; влѣво такимъ же образомъ разсаживаются женщины. Хозяинъ, хозяйка и вообще ближайшіе члены семейства за столъ покамѣстъ не садятся. Когда гости разсядутся и на столъ подадутъ горячія кушанья, хозяинъ, наливъ полныя рюмки водки, приглашаетъ гостей помолиться Богу. Послѣ этого приглашенія занимаетъ мѣсто онъ самъ, хозяйка и всѣ другіе члены семьи. На минуту водворяется тишина, потомъ встаютъ всѣ вдругъ и начинаютъ молиться. Соблюдаемыя при этомъ два правила обращаютъ на себя вниманіе. Первое состоитъ въ томъ, что когда садятся предъ молитвой, то строго наблюдаютъ, чтобы никто не сидѣлъ около печки; второе—чтобы дверь во время молитвы непремѣнно была затворена, при чемъ притворившій придерживаетъ ее рукою. Первое правило,

Digitized by Google

по объясненію казаковъ, соблюдается затѣмъ, чтобы гости не были печальны. Что же касается того, почему непремѣнно должна быть затворена дверь, никто изъ казаковъ не могъ мнѣ дать другого объясненія, кромѣ того, что „такъ заведено изъ предковъ". Это же правило соблюдается и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, напр., при проводахъ кого нибудь въ дальнюю дорогу.

Послѣ молитвы старшій изъ гостей, сидящій въ переднемъ углу или ближе всѣхъ къ нему, произноситъ: „Богъ благословитъ хорошія дѣла творить". И пиръ начинается. Сначала выпиваетъ самъ хозяинъ, потомъ подноситъ женѣ своей и остальнымъ членамъ семьи, а затѣмъ уже подноситъ гостямъ, начиная съ передняго угла. По обычаю, всякій взявшій рюмку, прежде чѣмъ выпить, долженъ поклониться хозяину и хозяйкѣ, называя ихъ по отчеству, а затѣмъ всей компаніи на три стороны, если она большая, если же не большая, то каждому въ отдѣльности, также называя по отчеству. Когда пьетъ хозяинъ, онъ прежде всего кланяется женѣ своей, называя ее по отчеству, а потомъ остальнымъ, не исключая и своей семьи. Если тотъ, кому кланяются, не замѣчаетъ этого, то требуется кланяться во второй, третій разъ и вообще до тѣхъ поръ, пока онъ не замѣтитъ и не отвѣтитъ на поклонъ поклономъ. При этихъ поклонахъ или ничего не произносится, или же высказываются пожеланія здоровья. Послѣ первой рюмки приступаютъ къ обѣду.

Здѣсь кстати замѣтимъ о содержаніи казацкаго обѣда во время гуляній. Онъ отличается большимъ обиліемъ. Его меню по количеству блюдъ съ успѣхомъ можетъ конкурировать съ меню столичныхъ торжественныхъ обѣдовъ. Число кушаній не менѣе десяти и нерѣдко бываетъ болѣе 15; это обиліе объясняется тѣмъ, что въ каждомъ хозяйствѣ есть въ избыткѣ все необходимое для обѣда. При этомъ выпивается огромное количество водки, о чемъ можно судить по тому, что на свадьбу, напр., казакъ средней руки запасаетъ не менѣе 15 ведеръ водки и трехъ ведеръ вина, а въ урожай-

Digitized by Google

ные годы, говорятъ, эта цифра доходитъ до 20 и даже болѣе.

Послѣ первой рюмки хозяинъ снова начинаетъ обносить гостей водкой. Такъ какъ рюмокъ на столѣ обыкновенно бываетъ немного—двѣ-три, то пока хозяинъ отъ старшаго дойдетъ до младшаго, уже достаточно времени проходитъ, чтобы снова начать потчевать гостей. Такимъ образомъ сначала гулянье въ томъ только и состоитъ, что гости ѣдятъ и бесѣдуютъ, а хозяинъ обноситъ ихъ водкой. Потомъ бесѣда по мѣрѣ выпитой водки становится оживленнѣе и шумнѣе; далѣе кто нибудь затягиваетъ казацкую пѣсню, ее подхватываютъ другіе, говоръ усиливается, и въ комнатѣ водворяется шумъ. Наконецъ, затягиваютъ плясовую, выступаютъ плясуны, которые, ставъ другъ противъ друга, попеременно начинаютъ плясать, вводя каждый разъ новое колѣно (фигуру). Этимъ колѣнамъ и счету нѣтъ: пляшутъ на ногахъ, пляшутъ на животѣ, пляшутъ на спинѣ и даже на головѣ, а именно: когда продѣлаютъ обыкновенныя фигуры, одинъ изъ плясуновъ становится на голову и выдѣлываетъ ногами подъ пѣніе разныя фигуры. Пиръ становится еще оживленнѣе: говоръ усиливается, пѣсни поются громче и менѣе стройно, число плясуновъ увеличивается, а хозяинъ все подноситъ гостямъ, начиная съ старшаго и кончая младшимъ и снова начиная съ старшаго. Наконецъ всѣ гости вмѣстѣ съ хозяиномъ хмѣлѣютъ, и изъ тихой родственной компаніи образуется шумная оргія, въ которой всѣ поютъ, иногда по нѣскольку пѣсенъ сразу, всѣ пляшутъ, „кто на что гораздъ“, а хозяинъ не перестаетъ обносить гостей, строго соблюдая старшинство.

Такъ гулянье продолжается иногда съ утра до поздней ночи. Наконецъ, утомленные гости поднимаются всѣ сразу и начинаютъ съ шумомъ и пѣснями расходиться. При самомъ уходѣ иногда поютъ:

Спасибо хозяину, Наварилъ пива много:
Спасибо богатому! На кабацкую мѣру,
На казацкую вѣру.

Digitized by Google

Хозяинъ съ хозяйкой провожаютъ гостей за ворота и здѣсь приглашаютъ ихъ къ себѣ на слѣдующій день опохмѣлиться.

На другой день тѣ-же гости собираются у того-же хозяина и опохмѣляются. Здѣсь, „кто роднѣе всѣхъ" хозяину или виновнику торжества, приглашаетъ къ себѣ компанію, и начинается „хожденіе по себѣ", или, какъ говорятъ, „пошли по себѣ".

Каждый участвующій въ гуляньи, по обычаю, долженъ пригласить къ себѣ всю компанію. Обычай этотъ настолько строго соблюдается, что если кто не можетъ принять у себя гуляющую компанію, то заранѣе совсѣмъ отказывается отъ гулянья, и никакія просьбы здѣсь не имѣютъ силы. Поэтому совершенно справедливо говорятъ казаки: „Горе справлять свадьбы въ неурожайные годы: самъ тратишься изъ послѣдняго, а тутъ никого не дозовешься; никто изъ родни нейдетъ, чужихъ звать нельзя, а безъ народу что-за свадьба?"

Во время „хожденій по себѣ" въ каждомъ домѣ бываетъ то-же, что было въ первомъ: тотъ-же многосложный обѣдъ, то-же очередное угощенье, тѣ-же пѣсни, плясъ и т. д., съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь гуляютъ не цѣлый день, а нѣсколько часовъ. Обыкновенно, отобѣдавъ, идутъ къ другому, гдѣ повторяется то-же самое. Иногда заранѣе условливаются, чтобы въ каждомъ домѣ выпивать двѣ-три рюмки; при этомъ обѣдъ разумѣется самъ собой. Въ день обходятъ самое большое пять домовъ.

Въ нѣкоторыхъ станицахъ при „хожденіяхъ по себѣ" одинъ изъ участвующихъ носитъ пучекъ куги (болотное, безлистное, губчатое растеніе), и когда кто-нибудь провинится, его сѣкутъ этой кугой по всѣмъ правиламъ искусства. Такъ какъ сѣченіе кугою не сопровождается никакою болью, то это продѣлывается больше для шутки. Иногда даже положатъ кому-нибудь въ карманъ ложку или ножъ и, уличивъ въ воровствѣ, начинаютъ сѣчь кугою. По разсказамъ казаковъ, въ старину за провинности сѣкли какъ слѣ-

Digitized by Google

дуетъ, такъ что этотъ обычай въ настоящее время является переживаніемъ стараго.

Кромѣ того, при этихъ хожденіяхъ существуетъ другой болѣе интересный обычай. Когда компанія подходитъ къ дому, куда она приглашена, хозяинъ этого дома запираетъ ворота и уходитъ въ домъ. Гости, подойдя къ запертымъ воротамъ, продолжаютъ пѣть, плясать и вызываютъ хозяина. Онъ нѣкоторое время не показывается, потомъ выходитъ съ палкой, отворяетъ калитку и предлагаетъ гостямъ проходить мимо. Послѣ этого отворяются большія ворота, выходитъ хозяйка съ подносомъ въ рукахъ и за воротами начинаетъ потчевать гостей, а потомъ всѣхъ ихъ приглашаетъ въ домъ.

Этотъ обычай запираться предъ гостями при „хожденіяхъ по себѣ" не всегда продѣлывается, но онъ неизбѣжно соблюдается во время свадьбы, при такъ называемыхъ „курникахъ", гдѣ онъ имѣетъ смыслъ и свое особое объясненіе.

Такъ какъ объ обрядѣ „курники" нигдѣ, кажется, не упоминалось въ печати, то я скажу о немъ нѣсколько словъ.

Послѣ вѣнчанія молодые отправляются въ домъ родителей новобрачнаго; родственники же новобрачной идутъ въ домъ ея родителей и, захвативъ здѣсь узелки съ разными кушаньями, преимущественно съ жареными курами (откуда и самое названіе обряда), отправляются въ домъ родителей новобрачнаго. Когда они съ пѣснями подходятъ къ дому, въ которомъ находятся новобрачные, то ворота, до этого времени отпертыя, затворяются и здѣсь происходитъ приблизительно такой разговоръ:

— „Что вы за люди и что вамъ надобно?"—спрашиваетъ хозяинъ.

— „Мы люди странніе, потеряли куницу, по слѣдамъ шли, да къ вамъ и пришли. Нѣтъ ли у васъ куницы или красной дѣвицы?"

— „Никакой у насъ нѣтъ ни куницы, ни красной дѣвицы; прошу проходить мимо", и пр.

Послѣ этого отворяются ворота, выходитъ хозяйка,

Digitized by Google

угощаетъ гостей и приглашаетъ въ домъ. Изъ этого обряда, вѣроятно, и взятъ обычай запирать предъ гостями ворота при „хожденіяхъ по себѣ".

Итакъ, военный и строго родственный характеръ гуляній, „хожденіе по себѣ", сопровождаемое запираніемъ воротъ предъ гостями, и суевѣрія относительно сидѣнія около печки и необходимости во время мольбы затворять дверь — вотъ что составляетъ особенности частныхъ гуляній.

Перейдемъ теперь къ общественнымъ гуляньямъ, т. е. такимъ, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ желающіе за исключеніемъ „русскихъ", т. е. иногородныхъ, къ которымъ казаки вообще относятся недружелюбно. Къ гуляньямъ этого рода относятся: гулянья на престольный праздникъ, хожденіе со знаменемъ на масляницѣ, ссыпки, игрища и другія. Скажемъ нѣсколько словъ о ссыпкахъ, которыя являются типомъ большинства общественныхъ гульбищъ.

Подъ „ссыпками" разумѣются гулянья на Троицынъ день. Встарину, по разсказамъ казаковъ, эти ссыпки обыкновенно происходили на лугу, куда на Троицынъ день выходили всѣ отъ мала до велика. Здѣсь разбивались на три круга: малолѣтнихъ, взрослыхъ и стариковъ, и происходилъ общественный пиръ, въ которомъ всѣ участвовали припасами или деньгами. Малолѣтнихъ угощали обѣдомъ и сладкимъ виномъ, заставляя ихъ плясать для потѣхи; взрослые пили, ѣли и плясали; старые пили, ѣли и вели бесѣду.

Во всѣхъ этихъ кругахъ женщины принимали одинаковое участіе и только вечеромъ, забравъ малолѣтнихъ, уходили въ станицу, мужчины же оставались въ лугу, пировали до поздней ночи и здѣсь же оставались ночевать. На другой день жены ихъ утромъ приходили сюда, принося съ собою блюда съ разными кушаньями. Онѣ отыскивали по кустамъ и оврагамъ своихъ мужей, будили ихъ, приводили въ кругъ, и пиръ снова начинался. При этомъ, само собою понятно, происходили какія нибудь военныя упражненія, которыя обыкновенно сопровождаютъ всякое торжество у казаковъ.

Въ настоящее время ссыпки эти происходятъ въ самыхъ

Digitized by Google

станицахъ и состоятъ въ томъ, что всѣ участвующіе складываются по нѣсколько копеекъ (отъ 15 до 40), покупаютъ водки и съ пѣснями и пляской ходятъ по улицамъ, подходя къ домамъ господъ и зажиточныхъ казаковъ, которые обыкновенно дарятъ ихъ деньгами, за что ихъ качаютъ. Къ вечеру компанія приходитъ въ заранѣе нанятый домъ и здѣсь пируетъ до поздняго вечера. Въ ссыпкахъ этихъ принимаютъ участіе преимущественно взрослые казаки, а также небольшое количество стариковъ; женщины принимаютъ участіе не всегда; малолѣтнихъ вовсе нѣтъ, а если и бываютъ, то только въ качествѣ зрителей. Впрочемъ, малолѣтніе (отъ 10 до 16 лѣтъ) казачата въ подражаніе взрослымъ устраиваютъ иногда свою собственную ссыпку. Они сходятся въ какомъ-нибудь мѣстѣ, приносятъ сюда закуску, преимущественно яйца, покупаютъ на общія деньги водки, пьютъ, потомъ поютъ пѣсни и пляшутъ, но по улицамъ не ходятъ, какъ это дѣлаютъ настоящіе ссыпщики.

Эти ссыпки представляютъ интересъ по своей внутренней организаціи. Казаки, начавъ свое историческое существованіе въ военномъ строѣ и не покидая его вплоть до настоящаго времени, до того свыклись съ порядкомъ и дисциплиной, что, какъ только собирается нѣсколько человѣкъ, для гулянья ли или для какого либо иного предпріятія, они тотчасъ по тому или иному образцу вводятъ строгій порядокъ, распредѣляя различныя обязанности между разными лицами и выбирая изъ среды своей предводителя, атамана. Такъ и въ ссыпкахъ. Въ нихъ всецѣло отражается общественный строй казацкихъ общинъ. Здѣсь есть атаманъ, его помощникъ, судьи, писарь, казначей и другія должностныя лица. Всѣ они избираются такъ-же, какъ и настоящія должностныя лица: кто-нибудь предлагаетъ кандидата, его принимаютъ возгласомъ: „въ добрый часъ!“ или отвергаютъ крикомъ: „не надо!“ Прежде всего выбираютъ писаря и казначея, когда начинаютъ только собираться; потомъ, когда соберется уже достаточно народу, выбираютъ атамана, каковымъ избирается изъ году въ годъ одно и то-же лицо, из-

Digitized by Google

вѣстное своею опытностью; за отсутствіемъ же его обыкновенно выбираютъ того, кто въ предшествующіе годы ходилъ помощникомъ атамана ссыпки. Затѣмъ, при участіи атамана выбираютъ его помощника, судей, по большей части трехъ, и другихъ должностныхъ лицъ.

Въ чемъ же однако заключаются права и обязанности этихъ лицъ? Атаманъ, по словамъ самихъ казаковъ, облекается такою же властью, какъ и настоящій. Онъ—глава ссыпки, слѣдитъ за порядкомъ, командуетъ ссыпкой, направляя ее то въ ту, то въ иную сторону, посылаетъ гонцовъ, по его приказанію начинаютъ подносить угощенія, онъ открываетъ и прекращаетъ ссыпку, наконецъ онъ въ случаѣ отсутствія судей творитъ судъ и расправу Какъ судья, онъ пользуется обширными правами: онъ можетъ исключить виновнаго изъ ссыпки, наложить на него штрафъ и даже посадить подъ арестъ. Атаману должны подчиняться всѣ безпрекословно, хотя бы въ ссыпкѣ былъ его отецъ и даже настоящій атаманъ. Власть его ограничивается только общимъ собраніемъ. О всякомъ важномъ вопросѣ, прежде чѣмъ рѣшить его, атаманъ долженъ посовѣтоваться съ собраніемъ, преимущественно съ стариками. Такъ, о прекращеніи ссыпки онъ сначала совѣтуется съ стариками, потомъ уже объявляетъ объ окончаніи ссыпки и началѣ слѣдующей. Такимъ образомъ, по воззрѣнію казаковъ, атаманъ ссыпки представляется властью серьезной и съ обширными полномочіями. Правда, въ дѣйствительности эта власть въ настоящее время со всею силою не проявляется изъ опасенія отвѣтственности; такъ, напр., атаманъ не сажаетъ теперь подъ арестъ, ограничиваясь штрафомъ въ видѣ бутылки водки. Но можно думать, что въ старое былое время, когда въ ссыпкахъ принимали участіе всѣ безъ исключенія, ссыпочный атаманъ на время смѣнялъ настоящаго.

Что касается функцій остальныхъ должностей на ссыпкѣ, то онѣ понятны сами собой. Помощникъ атамана помогаетъ послѣднему и замѣщаетъ его во время отсутствія; кромѣ того,

Digitized by Google

онъ часто завѣдуетъ угощеніемъ, т. е. подноситъ водку, при чемъ по обычаю самъ выпиваетъ первый, потомъ подноситъ атаману и затѣмъ уже остальнымъ, начиная со старшаго и кончая младшимъ. Судьи творятъ судъ. Большею частью они разбираютъ дѣла о ссорахъ, дракахъ, обидахъ и пр. Когда, напр., произойдетъ въ ссыпкѣ драка, атаманъ тотчасъ прекращаетъ ее и виновныхъ передаетъ судьямъ, а за неимѣніемъ ихъ самъ судитъ. Судьи, получивъ дѣло, отходятъ въ сторону, допрашиваютъ виновныхъ, опредѣляютъ, кто изъ нихъ первый началъ и изъ-за чего; потомъ допрашиваютъ свидѣтелей; послѣ этого произносятъ приговоръ, который по большей части заключается въ наложеніи штрафа — покупки водки. Приговору судей обыкновенно подчиняются добровольно, и вопросъ о томъ, какъ поступаютъ, когда приговоренный не подчиняется рѣшенію судей, кажется казакамъ страннымъ; они обыкновенно на это отвѣчаютъ: „какъ же онъ не подчинится? этого нельзя". Далѣе, писарь записываетъ взносы, казначей хранитъ деньги, собранныя для гульбища и пр.

На третій день Троицы вечеромъ производится провѣрка суммъ, и если остаются деньги, то ихъ дѣлятъ поровну между участвующими, или же рѣшаютъ прогулять ихъ на четвертый день. При этомъ, если окажется недочетъ въ деньгахъ и если казначей не внесетъ недостающей суммы тотчасъ, то съ него обыкновенно снимаютъ мундиръ и не возвращаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ не пополнитъ кассу.

Таковы ссыпки и такова ихъ организація.

Благодаря такой организаціи, ссыпки отличаются своимъ порядкомъ и приличіемъ; здѣсь рѣдко услышишь брань, ссоры и ругань, не смотря на то, что до нея казаки большіе охотники.

А. Казминъ.

Digitized by Google

Семейная община у грузинъ.

(Диди—оджахи *).

Семейная община встрѣчается у грузинъ съ самаго древняго времени. Ранніе грузинскіе источники повѣствуютъ о томъ, что грузины жили „мамасахлисами", т. е. патріархальными, родовыми общинами. Большими семьями жило прежде какъ высшее дворянское, такъ и нисшее крестьянское сословіе. Число такихъ семей со временемъ стало все уменьшаться и дошло до того, что теперь большихъ семей въ высшемъ сословіи не встрѣчается, а въ крестьянскомъ онѣ доживаютъ послѣдніе дни.

Измѣненіе экономическаго хозяйства, отмѣна крѣпостного права, реформа суда и мѣстнаго управленія въ Грузіи, возникновеніе въ странѣ удобствъ передвиженія и масса другихъ причинъ способствовали быстрому распаденію семейныхъ общинъ у грузинъ за послѣднее время и замѣтной ихъ индивидуализаціи. Вдали отъ шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, вдали отъ торговыхъ мѣстъ, въ заброшенныхъ уголкахъ Кавказа—вотъ гдѣ еще и теперь можно встрѣтить деревни съ семейными общинами. Но и здѣсь такой видъ сожительства удержался лишь въ видѣ переживанія.

Насколько намъ извѣстно, никто спеціально не занимался изслѣдованіемъ этого вида сожительства грузинъ; по крайней мѣрѣ ни въ русской, ни въ грузинской литературѣ мы

*) Свѣдѣнія собраны авторомъ лѣтомъ 1888 года въ Горійскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи (въ Карталиніи). См. протоколъ 75-го засѣданія (8 мая, 1889) Этнографическаго Отдѣла Имп. Общ. л. Ест., Антр. и Этногр.

Digitized by Google

не могли отыскать ни одной статьи, посвященной этому интереснѣйшему во многихъ отношеніяхъ вопросу.

Профессоръ М. М. Ковалевскій указываетъ на существованіе такого вида семьи у кавказскихъ осетинъ въ своемъ сочиненіи „Современный обычай и древній законъ" (М. 1886 года). У того же автора въ маленькомъ очеркѣ подъ заглавіемъ „Пшавы" разбирается семья пшавовъ, грузинскаго племени, у которыхъ также удержалась жизнь большими семьями (см. „Юридическій Вѣстникъ" за 1888 г., февраль). Вотъ и все, что намъ по крайней мѣрѣ извѣстно. Въ виду этого, можетъ быть, не безъинтересны будутъ сообщаемыя ниже свѣдѣнія, собранныя нами.

Большая грузинская семья представляетъ нѣсколько брачныхъ четъ, связанныхъ между собою агнатнымъ родствомъ и живущихъ въ одной общей избѣ—*дарбази*. Число агнатовъ въ семьѣ достигаетъ часто до 30, 50, а прежде оно доходило до 100 и болѣе душъ. Въ семьѣ кромѣ агнатовъ могъ жить и усыновленный: когда членъ семьи по какимъ либо причинамъ оставался бездѣтнымъ, то онъ могъ усыновить кого нибудь со стороны, и тогда послѣдній принимался въ домъ усыновителя съ такими же правами и преимуществами, какъ если бы онъ былъ естественнымъ сыномъ усыновителя [1]). Въ современной же общинѣ грузинъ, кромѣ кровныхъ родственниковъ, иногда живетъ такъ называемый *зедсидзе* (зять—пріемышъ), который принимается въ большую семью или тогда, когда въ домѣ не остается больше женщинъ, или если и остаются женщины, то однѣ только старухи, неспособныя къ труду. На принятое такимъ образомъ лицо смотрятъ въ домѣ, какъ на кровнаго своего сочлена.

Указывали намъ на бывшія семейныя общины, гдѣ число взрослыхъ членовъ мужского пола, способныхъ работать, доходило до 30 и болѣе; напримѣръ, такова была семья Чедлишвили въ селѣ Никози, Горійскаго уѣзда.

---

[1]) См. Законы царя Вахтанга (Тифлисъ, 1885 г.); тамъ же законы Агбуги, стат. 60, примѣчаніе.—Объ усыновленіи см. упомянутую статью М. М. Ковалевскаго въ Юрид. Вѣстникѣ.

Digitized by Google

Большая грузинская семья — *диди-адамани* — живетъ, какъ мы сказали выше, въ одной избѣ, называемой *дарбази*,— тоже, что у кавказскихъ осетинъ *хадзаръ* [2]). Это огромной величины изба каменная или деревянная [3]). Словомъ *дарбази* грузины выражаютъ какъ понятіе всего дома, всей избы, такъ и огромной комнаты, которая занимаетъ больше половины всего жилища и въ которой всѣ члены семьи проводятъ день и ночь. Вся большая семья живетъ въ этой комнатѣ, хотя бы община имѣла и другія помѣщенія; тутъ она спитъ, варитъ пищу, обѣдаетъ и проч. Въ этомъ случаѣ грузинскій „дарбази" отличается отъ осетинскаго „хадзаръ", къ которому пристраивается рядъ помѣщеній „уатъ" (спальни) для отдѣльныхъ семей, входящихъ въ составъ двора [4]); въ „дарбази" у грузинъ такихъ пристроекъ не встрѣчается. Съ размноженіемъ семьи увеличиваются лишь размѣры „дарбази", а не перемѣщается часть ея въ другую избу или комнату. На вопросъ, чѣмъ вызвано такое сплоченіе въ одной хотя бы и такой огромной комнатѣ, каковъ грузинскій „дарбази", старѣйшины отвѣчали, что этимъ устраняется возможность утайки общаго добра, что жизнь на виду всѣхъ предупреждаетъ раздоры между отдѣльными членами семьи, сплетни и лѣнь. Не удивительно послѣ этого, до какихъ громадныхъ размѣровъ достигали прежде „дарбази", вмѣщавшіе въ себѣ 100 и болѣе душъ обоего пола и дѣтей. Одна старуха увѣряла, что она знала крестьянскую большую семью, въ „дарбази" которой одновременно стояло 25 люлекъ [5]).

Сплоченная такимъ образомъ въ одной избѣ семья управляется старѣйшинами какъ въ мужской, такъ и въ женской

---

[2]) См. М. Ковалевскаго „Современный обычай и древній законъ." I, 74—75.

[3]) Прежде „*дарбази*" строили и въ землѣ, такъ что надъ поверхностью ея возвышались лишь трубы ихъ—*эрдо*, черезъ которыя выпускался дымъ отъ средняго очага и проникалъ свѣтъ въ „*дарбази*". Были деревни, застроенныя исключительно такими „*дарбазами*"; въ нихъ лишь эти трубы (эрдо) давали знать, что здѣсь находятся жилища людей.

[4]) М. Ковалевскій. Соврем. обычай и древн. зак., т. I, стр. 75.

[5]) Въ сел. Набахтеви, Горійскаго уѣзда, семья крестьянъ Себискверадзе.

Digitized by Google

половинѣ, и она слѣдовательно дѣлится на двѣ большія группы: на мужскую и женскую. Для каждой половины семьи выбирается по старѣйшинѣ, при чемъ выборный въ мужской половинѣ—*упроси-каци*, подобно сербскому *domicin*'у и пшавскому *мамакаци*, является представителемъ во внѣшнихъ дѣлахъ общины; выбранная же въ женской половинѣ—*упроси-кали*, какъ въ сербской общинѣ *domacica* и въ пшавской *діасахлиси*, отвѣтственна за внутренній порядокъ дома [6]).

Какъ при выборѣ *упроси-каци*, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: „глава, старѣйшина дома", то-же, что осетинскій *хицау* [7]), пшавскій *мама-кацu*, сербскій *domicin*, южно-славянскій *главаръ* и *нáбольшій*, а въ русской семьѣ *большакъ*,—такъ и въ избраніи *упроси-кали*—старѣйшины, главы-женщины дома, аналогичной съ осетинской *авсинъ* (мать), пшавской *діасахлиси*, славянской *домачихъ* или *старѣйшихъ*, русской *большухъ*,—принимаютъ участіе всѣ совершеннолѣтніе члены семьи, при чемъ каждый членъ дыма, безъ различія пола и положенія въ семьѣ, пользуется равнымъ правомъ голоса.

Старѣйшинами дома (упроси-кацu и упроси-кали) выбираются изъ числа всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ общины самые трудолюбивые, дѣловитые, толковые, пользующіеся уваженіемъ и добрымъ именемъ и обходительные [8]). Главную роль при выборахъ играютъ личныя качества выбираемыхъ; напротивъ. возрастъ или положеніе лица въ семьѣ не имѣютъ вліянія на результатъ выбора подобно тому, что мы видимъ въ осетинской или сербской общинѣ, во главѣ которыхъ обыкновенно имѣются старшіе по возрасту. Такимъ образомъ въ грузинской семейной общинѣ главою

---

[6]) О сербской общинѣ см. „Обычное право южныхъ славянъ" по изслѣдованіямъ д-ра Богишича, соч. Ѳеодора Демелича, перев. съ франц. В. Герцевича М. 1886 г. О пшавахъ—въ „Юрид. В.", 1888, II.—Эти двѣ работы имѣются въ виду и ниже, гдѣ рѣчь заходитъ о южныхъ славянахъ или о пшавахъ.

[7]) См. Ковалевскаго, „Совр. обыч. и древн. законъ".

[8]) Такими же почти качествами руководствуются пшавы при выборѣ своихъ старѣйшинъ. См. „Юрид. В." 1888, кн. II.

Digitized by Google

можетъ быть выбранъ и парень помимо отца семейства, [9]) а въ „упроси-кали“ дома можетъ быть выбрана дѣвушка помимо старухи-матери. Все зависитъ отъ личныхъ качествъ лица. Правда, въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что старѣйшинами дома въ большой семьѣ грузинъ являются старшіе по возрасту, но такое явленіе нужно разсматривать какъ случайное совпаденіе: болѣе пожилой обыкновенно бываетъ болѣе опытнымъ и пользуется больше другихъ членовъ семьи авторитетомъ въ такой средѣ, каковъ грузинскій народъ. Не маловажную роль играетъ при выборахъ и грамотность, которая иногда занимаетъ даже первое мѣсто между перечисленными качествами (напримѣръ, глава въ большой семьѣ Эдилашвили, въ сел. Брети, глава въ б. семьѣ Гогичашвили, въ сел. Карели).

Выборъ главы дыма предполагается пожизненнымъ, но это обстоятельство однако же не мѣшаетъ смѣстить его съ должности въ случаѣ явнаго злоупотребленія имъ своею властью или неспособности,—смѣстить его, когда, по выраженію народа, „видны въ домѣ только расходы, а доходы отсутствуютъ“.

Такое правило имѣетъ мѣсто и по отношенію къ главѣ-женщинѣ.

Говоря о *діасахлиси* въ семьѣ пшавовъ, профессоръ Ковалевскій замѣчаетъ, что „главенство предоставляется *ежегодно* одной изъ невѣстокъ“. Если предоставленіе главенства разумѣется въ смыслѣ избранія, то относительно *ежегоднаго* избранія „діасахлиси“ (въ прямомъ смыслѣ—хозяйка дома) въ значеніи старѣйшины семьи осмѣливаемся сомнѣваться. Тутъ, какъ намъ кажется, произошла слѣдующая ошибка: „діасахлиси“ назначаетъ одну изъ невѣстокъ хозяйкою (или ее выбираетъ вся семья) на одинъ годъ и выдаетъ ей провизію и все необходимое для потребленія, какъ это бываетъ

---

[9]) Срав. сочин. Глѣба Успенскаго. „Крестьянинъ и крестьянскій трудъ“: ...„Не всегда старшій въ семьѣ бываетъ и большакомъ: иногда съ согласія міра, большакомъ ставится младшій, но талантливѣйшій, способнѣйшій“... („Не суйся!“ Т. II послѣд. изд.).

Digitized by Google

и въ грузинской семьѣ, гдѣ „упроси-кали“ назначаетъ по очереди одну изъ женщинъ хозяйкою (діасахлиси) или же она выбирается всею семьею (оба способа практикуются у грузинъ)—на день, на недѣлю или на болѣе продолжительное время; на обязанности этой „діасахлиси“ лежитъ отправленіе мелкихъ дѣлъ по хозяйству, какъ-то: чистка „дарбази“, стряпанье кушанья, встрѣча гостей и пр. Въ пшавской семьѣ „діасахлиси“, быть можетъ, выбирается для той же цѣли на одинъ годъ; выбранная женщина можетъ носить названіе „діасахлиси“, т. е. хозяйки дома, ибо она таковою и является, но „діасахлиси“ какъ хозяйка дома отъ „діасахлиси“ въ значеніи старѣйшины дыма рѣзко различается, что́ особенно ясно изъ различія грузинскихъ названій: „упроси-кали“—старѣйшина дыма, и „діасахлиси“—хозяйка. Словомъ, нельзя допустить, чтобы выборная женщина-старѣйшина у пшавовъ отправляла свою должность всего одинъ годъ. Этому противорѣчитъ какъ организація одноплеменной семьи грузинъ, такъ и строй осетинскихъ, а равно и южно-славянскихъ общинъ, во главѣ которыхъ стоятъ выборные пожизненно.

Когда „упроси-каци“ выбранъ въ домѣ, всѣ члены семьи обязаны питать къ нему уваженіе, подчиняться ему и безпрекословно исполнять его распоряженія. О такомъ выборѣ узнаютъ и въ деревнѣ, и домъ начинаетъ носить названіе по имени выбраннаго главы; такъ, напримѣръ, если старѣйшиною дыма выбранъ Петръ, то домъ получаетъ названіе „Петріантъ оджахи“, т. е. семья Петра. Такъ однако называютъ домъ ближайшіе сосѣди, односельцы; окольные же жители все еще удерживаютъ за нимъ названіе по имени перваго основателя семьи, часто съ прибавленіемъ и фамиліи.

Въ Карталиніи, да и въ другихъ частяхъ Грузіи, часто можно встрѣтить деревни, въ которыхъ живутъ только однофамильцы. Эти деревни, какъ показываетъ и названіе ихъ *кари* (дворъ) или *убани*, образовались изъ распавшихся большихъ грузинскихъ семей. Такъ, не далеко отъ селенія

Digitized by Google

Брети, въ Горійскомъ уѣздѣ, находится деревня Эдилашвилі-анть-кари, гдѣ живетъ одна только фамилія Эдилашвили [10]).

Возникновеніе семейныхъ общинъ у грузинъ, какъ и происхожденіе всѣхъ вообще однохарактерныхъ съ даннымъ видомъ сожительства агнатовъ, можно объяснить какъ съ одной стороны религіознымъ представленіемъ грузинъ о необходимости поддержанія религіознаго культа (почитанія предковъ), такъ съ другой тѣми экономическими условіями, среди которыхъ приходится жить грузину. Занимая удобныя мѣста для земледѣлія и винодѣлія, жители Грузіи издавна занимаются этими видами промышленности. Глубокій и жирный черноземъ страны съ его своеобразною оранкою требуетъ однако-же много рабочихъ рукъ и скота. Чтобы обработать землю, земледѣлецъ составляетъ *чутани* (плугъ съ многоголовою упряжью) изъ 8 паръ буйволовъ и быковъ и по крайней мѣрѣ 4 рабочихъ, [11]) и только съ такими силами онъ можетъ вспахать землю. А сколько труда и усилій при дальнѣйшемъ ея воздѣлываніи! Не мало рабочихъ рукъ и времени требуетъ и воздѣлываніе виноградника.

Благодаря такого рода занятіямъ, семейная община грузинъ нашла твердую почву для прочнаго и незыблемаго существованія. Выгоду такой организаціи семьи понимало и грузинское правительство, которое старалось препятствовать дробленію ея. Статья 98-я законовъ царя Вахтанга прямо говоритъ, что „царь или господинъ всѣми мѣрами долженъ всячески стараться посредствомъ увѣщанія старшихъ, угрозъ младшимъ или наказанія посѣвающихъ между ними раздоръ умиротворить ихъ и отклонить отъ раздѣла“ [12]). Крестьяне и теперь сознаютъ выгоду такой семьи: по ихъ

---

[10]) О патримоническихъ названіяхъ селеній на Кавказѣ см. у М. Ковалевскаго „Современный обычай и древн. законъ“; въ Черногоріи, Герцеговинѣ и Боснѣ— у Богишича.

[11]) См. объ этомъ въ фельетонахъ грузинской газеты „Дроэба“ и въ „Матеріалахъ для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края“.

[12]) См. „Законы царя Вахтанга“ Тифлисъ 1885 г., ст. 98.

Digitized by Google

мнѣнію, чѣмъ больше членовъ въ домѣ, тѣмъ онъ считается счастливѣе, такъ какъ въ немъ можно найти обезпеченную и безмятежную жизнь. Отсюда естественно, что грузины, по тѣмъ же причинамъ, какъ и пшавы, смотрятъ на раздѣлы недружелюбно: по ихъ понятіямъ, семья отъ нихъ необходимо должна придти въ упадокъ.

Такъ какъ все имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, считается достояніемъ всей большой семьи, то никто изъ ея членовъ не имѣетъ личной собственности. „По прежнему обычаю,—читаемъ въ законахъ царя Вахтанга,—пока братья не раздѣлены, и печаль и радость, и выгода и невыгода, и потеря и пріобрѣтеніе, и жалованное и отнятое—все есть общее между ними“ [13]). Исключеніемъ является приданое невѣсты, которое обыкновенно составляютъ деньги, скотъ, большею частью корова, одна или нѣсколько, постель и коверъ. Приданое составляетъ отдѣльную собственность женщины; деньги составляютъ ея личный капиталъ подъ названіемъ *сатавно*. Приданымъ женщина распоряжается самостоятельно: ни семья, ни мужъ не имѣютъ никакого участія въ немъ. Деньги могутъ быть пущены ею въ оборотъ, и процентами съ нихъ можетъ быть увеличиваемо „сатавно“; животное же она можетъ продать и вырученными отъ продажи деньгами опять-таки увеличить „сатавно“. Въ послѣднемъ случаѣ приплодъ она должна дѣлить съ семьею: одну половину получаетъ женщина-собственница, а другая поступаетъ въ собственность семьи, на счетъ которой кормилось животное. Женщина можетъ еще увеличить свое „сатавно“ такъ называемыми учительскими деньгами —*саостато*. „Саостато“ означаетъ слѣдующее: если женщина грамотная и беретъ ученицу изъ какой либо семьи для обученія ея грамотѣ, то вознагражденіе за учительство—„саостато“—она получаетъ впослѣдствіи отъ жениха своей ученицы деньгами, по меньшей мѣрѣ три рубля. Мужская же половина вовсе не имѣетъ никакой отдѣльной собственности.

---

13) Ibid., статья 109.

Digitized by Google

Общимъ добромъ дыма управляютъ оба старѣйшины, на обязанности которыхъ лежитъ какъ матеріальная забота, такъ и нравственное попеченіе о всей семьѣ. Они являются въ домѣ хранителями добра, справедливости и порядка. Старѣйшины, какъ добрые родители, имѣютъ заботу о всѣхъ членахъ семьи; они слѣдятъ за тѣмъ, чтобы въ домѣ никто не терпѣлъ угнетенія, обиды или униженія; они же входятъ въ положеніе и нужды младшихъ и являются на помощь нуждающемуся сочлену. Выбранные главы не должны оказывать преимущества одному члену передъ другими, а должны быть одинаково справедливыми со всѣми, ласковыми и обходительными. Таковы требованія, предъявляемыя семейною общиною грузинъ къ своимъ старѣйшинамъ; таковъ идеалъ послѣднихъ.

Во имя справедливости въ домѣ соблюдается очередь какъ въ удовлетвореніи матеріальныхъ, такъ и духовныхъ потребностей сочленовъ, и такой принципъ въ семьѣ грузинъ проводится съ замѣчательною послѣдовательностью. Такъ, напр., одежда покупается для членовъ семьи по очереди: кто сшилъ себѣ платье, тотъ можетъ надѣяться на новую пару лишь послѣ того, какъ всѣ остальныя въ домѣ лица пріобрѣтутъ по платью. То-же самое бываетъ и относительно пищи: если кому въ домѣ случилось полакомиться вкуснымъ блюдомъ, въ видѣ, наприм., курицы, тотъ не раньше можетъ ожидать для себя повторенія этого удовольствія, какъ когда всѣ остальные члены семьи испытаютъ то-же самое. Та-же очередь сохраняется и при удовлетвореніи религіозныхъ потребностей, напримѣръ, относительно хожденія на храмовые праздники.

Старѣйшины семьи, какъ ея представители, даютъ тонъ и направленіе жизни въ домѣ. Счастье и несчастье дыма главнымъ образомъ зависитъ отъ нихъ, отъ ихъ умѣнья вести хозяйство.

„Упроси-каци“ распредѣляетъ всѣ работы дыма между сочленами по ихъ способностямъ: однимъ онъ поручаетъ скотъ, другимъ полевыя работы, третьихъ онъ отдаетъ въ услуже-

Digitized by Google

ніе другимъ и жалованіе за нихъ поступаетъ въ общую семейную казну и т. д. Словомъ, какъ и въ пшавской семьѣ, работы, производимыя отдѣльными членами общины, распредѣляются, какъ увидимъ и ниже, ея старѣйшинами.

„Упроси-каци" имѣетъ попеченіе и о мальчикахъ въ домѣ, которыхъ часто помѣщаетъ въ ученики, къ ремесленникамъ для обученія ихъ ремесламъ. Встрѣчаются общины, гдѣ можно найти и кузнеца, и плотника, и столяра.

Вступать въ юридическія отношенія отъ имени всего дыма составляетъ компетенцію „упроси-каци". Онъ одинъ заключаетъ контракты отъ имени всей семьи, вступаетъ въ сдѣлки, беретъ подряды, и пр. Боясь разногласія въ семьѣ, младшіе члены дома не иначе вступаютъ въ обязательства, какъ по порученію старѣйшины. Но если кто изъ совершеннолѣтнихъ членовъ семьи, безъ различія пола, вступилъ съ кѣмъ-либо въ юридическія отношенія, напримѣръ, занялъ деньги, обязательство имѣетъ силу и не считается недѣйствительнымъ, какъ у южно-славянъ; „упроси-каци" обязанъ удовлетворить кредитора по такому обязательству. Однако, подобный поступокъ со стороны младшихъ членовъ строго осуждается обычаемъ, и рѣдко кто изъ нихъ осмѣлится его нарушить. Прежде обязательства младшихъ, не одобренныя старѣйшиною, по всей вѣроятности считались не имѣющими силы. „Старшій въ домѣ,—читаемъ въ „Крестьянскихъ грамотахъ", —распоряжается всѣмъ, и безъ него никто даже обрученной невѣстѣ не можетъ отъ себя что-либо купить" [14]).

Съ другой стороны и „упроси-каци", въ видахъ сохраненія солидарности и согласія въ домѣ, совѣтуется съ остальными членами о всѣхъ дѣлахъ семьи. Старѣйшина совѣтуется съ семьею, потому что, говорятъ крестьяне, „человѣкъ даже у стѣны спрашиваетъ совѣта". Такое совѣщаніе главы съ семьею становится даже необходимымъ въ дѣлахъ болѣе или менѣе важныхъ, напримѣръ, въ случаѣ пріобрѣтенія или отчужденія недвижимаго имущества. Однако должно замѣтить,

---

14) См. „Крестьянскія грамоты", Д. Пурцеладзе. Тифлисъ.

Digitized by Google

что мнѣніе младшихъ членовъ семьи рѣшающаго значенія не имѣетъ. Въ случаѣ разногласія воля главы дыма настоять на своемъ рѣшеніи или уступить мнѣнію большинства. Благоразуміе требуетъ однако, чтобы рѣшеніе большинства общины было принято старѣйшиною во избѣжаніе возможности возникновенія раздоровъ и неурядицъ въ семьѣ, а можетъ быть и распаденія ея, котораго, замѣтимъ, сильно боится каждый грузинъ.

„Не слѣдуетъ думать,—говоритъ проф. Ковалевскій относительно пшавской общины,—чтобы управленіе семьи ея обоими старѣйшинами носило характеръ неограниченнаго деспотизма: и „мамакаци" и „діасахлиси" сами ищутъ совѣта и согласія отдѣльныхъ членовъ, въ особенности старшихъ по лѣтамъ. Вечеромъ, когда вся семья собирается за ужиномъ, оба старѣйшины совѣтуются о всѣхъ дѣлахъ со всѣмъ дымомъ... Въ подаваніи совѣтовъ одинаково участвуютъ какъ мужчины, такъ и женщины".

„Замужество дѣвушекъ,—продолжаетъ далѣе профессоръ, —и женитьба юношей, хотя и зависятъ главнымъ образомъ отъ ихъ родителей и прежде всего отъ отца, составляютъ въ то же время предметъ бдительнаго контроля со стороны тѣхъ дымовъ, къ которымъ принадлежатъ брачущіеся". Если къ этому добавить, что рѣшеніе „упроси-каци" и „упроси-кали", часто разстраиваетъ предполагавшіеся браки, то все изложенное г. Ковалевскимъ о пшавской семьѣ цѣликомъ имѣетъ мѣсто и въ семейной общинѣ грузинъ.

Что же касается до другихъ обязанностей, которыя семейный старѣйшина несетъ отъ имени всего дыма, то онѣ заключаются въ слѣдующемъ. „Упроси-каци" является представителемъ отъ всей общины на судѣ, въ дѣлахъ гражданскихъ, передъ начальствомъ, и въ сношеніяхъ между отдѣльными дымами, а также предъ церковью и обществомъ.

Семейный старѣйшина судебной власти надъ младшими членами въ настоящее время не имѣетъ. Хотя „упроси-каци" и дѣлаетъ провинившемуся члену семьи внушеніе и замѣчаніе, но дѣлаетъ это какъ старшій и болѣе разумный,

Digitized by Google

а отнюдь не какъ судья. При недоразумѣніяхъ или ссорахъ между отдѣльными членами дыма, „упроси-каци“ вступаетъ между ними въ качествѣ третьяго лица и путемъ убѣжденія и вразумленія старается ихъ примирить. Старѣйшина самъ не прибѣгаетъ ни къ какому наказанію; въ случаѣ же необходимости въ таковомъ, онъ обращается къ ихъ родителямъ или, наконецъ, къ старшинѣ, прося послѣдняго поступить съ нимъ по закону. Въ большинствѣ случаевъ младшіе члены уступаютъ увѣщаніямъ своего выбраннаго главы и остаются довольными его рѣшеніемъ. Относительно судебной компетенціи „упроси-каци“ должно замѣтить, что она утрачена имъ съ веденіемъ русскаго суда. Прежде „упроси-каци“, какъ „мамакаци“ у пшавовъ, имѣлъ судебную власть надъ остальными членами, и рѣшенія его должны были быть безпрекословно приводимы въ исполненіе.

Послѣ „упроси-каци“ наибольшимъ вліяніемъ въ семьѣ пользуется *упроси-кали*, старѣйшиха, на обязанности которой лежитъ внутренній порядокъ дома; ей ввѣряется забота о женщинахъ, между которыми она распредѣляетъ всѣ дѣла по хозяйству, какъ это дѣлаетъ „упроси-каци“ въ мужской половинѣ дома, а также она слѣдитъ за поведеніемъ ихъ.

У „упроси-кали“ хранится также общая семейная казна.

Завѣдываніе кладовою, выдача припасовъ къ завтраку, къ обѣду и ужину, а также присмотръ за кухнею, посудою и одеждою лежитъ на ея обязанности. Но этимъ еще не ограничивается вѣдомство старѣйшихи. Подъ ея наблюденіемъ находится домашняя птица и мелкія животныя. Она же завѣдуетъ всѣми тѣми вещами и имуществомъ, которыя находятся обыкновенно въ рукахъ женщины. Одна только старѣйшиха распоряжается въ этой области хозяйства; безъ ея спроса и позволенія никто ничего въ домѣ неможетъ ни брать для себя, ни ссудить сосѣдямъ, а также и занимать что либо отъ послѣднихъ.

Доходныя статьи женщинъ, могущія быть израсходованными по самостоятельному усмотрѣнію главы - женщины, слѣдующія: выручка отъ продажи мелкихъ животныхъ (напр.

Digitized by Google

поросятъ), домашней птицы меду, яицъ; заработки женщинъ, какъ-то: за стирку бѣлья, за шитье и вязанье, за печенье хлѣба другимъ, за поденный трудъ и проч., также поступаютъ въ общую семейную казну, но „упроси-кали" можетъ тратить ихъ самостоятельно для удовлетворенія нуждъ женщинъ. Впрочемъ въ настоящее время эти заработки служатъ для образованія и пополненія личнаго капитала (сатавно) женщины.

Обращеніе „упроси-кали" съ младшими членами семьи довольно гуманное; въ случаѣ неповиновенія или проступка послѣднихъ, два—три раза она прощаетъ, ограничившись замѣчаніемъ; при повтореніи же таковыхъ она жалуется отцу или матери, если провинившаяся еще дѣвушка, и мужу—если она замужняя.

„Упроси-кали" можетъ занять должность „упроси-каци", когда въ домѣ остаются одни малолѣтніе сироты.

Преимущественное положеніе обоихъ старѣйшинъ заключается въ томъ почетѣ, какимъ они пользуются какъ у себя дома, такъ и внѣ его. Младшіе члены не иначе называютъ ихъ, какъ „батоно", анологично сербскому „господар". Семейнымъ старшинамъ принадлежитъ почетное мѣсто какъ среди своихъ, такъ и при гостяхъ и внѣ дома. Когда происходитъ дѣлежъ общины, „упроси-каци" за старшинство (*саупросо*) получаетъ на извѣстную долю больше другихъ членовъ семьи [15]), и наконецъ, свидѣтельство старѣйшины имѣетъ бо́льшую доказательную силу, чѣмъ показанія младшихъ членовъ. Правило о вознагражденіи старѣйшинамъ, вошло даже въ сводъ законовъ, а именно, въ примѣчаніи къ ст. 1322-й Гражд. Зак. читаемъ: „Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, *тому изъ членовъ семейства, которому было вѣрено управленіе общимъ имѣніемъ, при раздѣлѣ опредѣляется вознагражденіе* соразмѣрно съ понесенными имъ трудами и доставленною пользою"... Однако такое положе-

---

15) См. М. Ковалевскій, Соврем. обыч. и древн. зак. т. I.

Digitized by Google

ніе старѣйшинъ въ семьѣ не освобождаетъ ихъ отъ полевыхъ и другихъ работъ дома, если только старѣйшины располагаютъ временемъ; этимъ грузины отличаются отъ осетинъ, у которыхъ старѣйшины свободны отъ такихъ занятій. Напротивъ, семейные старѣйшины у грузинъ участвуютъ во всѣхъ работахъ семьи, наравнѣ съ остальными членами ея, и своимъ усердіемъ и трудолюбіемъ подаютъ примѣръ младшимъ.

Что же касается до смѣщенія съ должности семейныхъ старѣйшинъ, то оно допускается въ слѣдующихъ 3-хъ случаяхъ: во 1-хъ, когда старѣйшины приходятъ въ дряхлую старость и поэтому не могутъ отправлять своихъ обязанностей; во 2-хъ, когда они не способны для этой должности: „видны однѣ расходы въ домѣ, а доходы отсутствуютъ"; и, наконецъ, въ 3-хъ, когда замѣчено явное злоупотребленіе съ ихъ стороны своею властью и положеніемъ.

Когда постановлено рѣшеніе о смѣнѣ старѣйшинъ, отъ нихъ отбирается отчетъ за все время управленія ихъ домомъ. Контролировать главу дыма довольно легко, такъ какъ все дѣлается открыто, почему семьѣ извѣстны какъ всѣ расходы дома, такъ и доходы его. Единственное наказаніе за злоупотребленіе главою дома есть устраненіе его отъ должности; другихъ наказаній не существуетъ.

Для иллюстраціи отношеній младшихъ членовъ семьи къ своимъ выборнымъ, приведемъ характерный примѣръ. Нѣкто Тедо Улумбелашвили, занимая должность „упроси-каци", растратилъ 600 рублей. Когда наступилъ день раздѣла и общаго расчета и младшіе члены обратились къ нему съ требованіемъ денегъ, Тедо преспокойно, ударяя рукою по животу, отвѣтилъ имъ: „вотъ кто съѣлъ ваши деньги". Эти деньги не были даже зачтены въ долю растратившаго. Примѣръ исключительный по суммѣ растраты. Здѣсь мы должны замѣтить, что и въ современной общинѣ грузинъ, гдѣ только она еще существуетъ, злоупотребленіе властью и довѣріемъ со стороны главы дома очень рѣдки. Въ ней еще крѣпко держатся основы чести, справедливости и исполненія

Digitized by Google

даннаго слова, составлявшія всегда характерныя черты грузинскаго крестьянина.

Должность старѣйшинъ дыма есть выборная, поэтому ни о наслѣдственной передачѣ ея, ни о назначеніи по завѣщанію или о другихъ способахъ, напр. по благословенію, захвату или присвоенію, не можетъ быть рѣчи.

Вотъ въ краткихъ чертахъ сущность устройства большой семьи грузинъ. Теперь бросимъ общій взглядъ на нее.

Современная семейная община грузинъ представляетъ маленькое общество, членами котораго состоятъ агнаты, соедененные идеею *общаго труда и происхожденія*. Община существуетъ до тѣхъ поръ, пока господствуетъ среди ея членовъ согласіе, солидарность и довѣріе. Тутъ нѣтъ ни принужденія, ни насилованія воли. Если сочленъ отказывается отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ въ пользу другихъ, то это онъ дѣлаетъ, сознавая общую и свою же пользу. Разъ нарушена солидарность, явилось въ семьѣ нерадѣніе или нарушенъ обычай, „диди-оджахи" не можетъ существовать въ прежнемъ своемъ видѣ, а немедлено члены ея должны приступить къ семейному раздѣлу.

Подтвержденіемъ той мысли, что въ современной общинѣ грузинъ ярко и рельефно выступаетъ трудовое начало, можетъ отчасти служить, во-первыхъ, то, что при дѣлежѣ каждому члену предоставляется имущество пропорціонально интенсивности его участья въ общей семейной наживѣ, во-вторыхъ, то обстоятельство, что нерадѣніе и равнодушіе одного члена къ общему дѣлу является поводомъ распаденія большой семьи.

Такимъ образомъ семейную общину грузинъ мы застаемъ теперь въ томъ періодѣ ея существованія, когда съ чисто-патріархальными, родовыми началами столкнулось экономическое, трудовое начало. Послѣднее, какъ болѣе отвѣчающее духу времени, естественно, вступило въ свои права. Личность каждаго изъ членовъ семьи, подавленная прежде съ одной стороны коллективнымъ лицомъ всей семьи и съ другой властью старѣйшинъ, теперь начинаетъ „сознавать себя,

Digitized by Google

какъ нѣчто самостоятельное". Сознаніе же личностью своего „я" составляетъ, какъ извѣстно, такую силу, подъ давленіемъ которой необходимо умираютъ національно-родовыя понятія и отношенія. Столкновеніемъ этихъ двухъ враждебныхъ другъ другу началъ и можно объяснить переплетеніе въ большой семьѣ грузинъ чисто-патріархальныхъ основъ съ экономическими началами, напоминающими собою свободную ассоціацію труда.

Въ заключеніе мы должны сказать, что большая грузинская семья пользуется бо́льшимъ достаткомъ, чѣмъ уже обособившіяся малыя семьи. Первая часто имѣетъ свои собственныя поземельныя владѣнія, при томъ въ достаточномъ количествѣ, нѣсколько паръ буйволовъ и быковъ, коровъ и лошадей, стадо барановъ и свиней; тогда какъ малая семья обыкновенно живетъ на помѣщичьихъ, казенныхъ или церковныхъ земляхъ, которыя обрабатываются соединенными силами нѣсколькихъ простыхъ семей. „Гутани" (плугъ) не можетъ сложить одна простая семья на свои средства, поэтому для составленія его приходится прибѣгать къ артели, въ которой участвуютъ нѣсколько простыхъ семей: кто личнымъ трудомъ, выставляя работника, кто предоставленіемъ скота и орудій, необходимыхъ для „гутани" и т. п., за что гутани обязанъ пахать земли каждой семьи пропорціонально вложенному ею труду или цѣнности выставленнаго ею для „гутани" орудія. Часто одинъ „гутани" складывается средствами и усиліями цѣлой деревни. Большой семьѣ рѣдко когда приходится прибѣгать къ такому артельному началу, такъ какъ она обыкновенно имѣетъ свой собственный плугъ и иногда даже не одинъ, а два.

Рѣшительное благосостояніе большихъ грузинскихъ семей сравнительно съ малыми, замѣчаемое въ Карталиніи, заставляетъ заключить, что такая организація хозяйства, гдѣ только она еще возможна, и теперь благодѣтельна для крестьянъ, не говоря уже о прошедшемъ, когда семьи съ такимъ строемъ, по увѣренію стариковъ, положительно благоденствовали.

Н. Л. Абазадзе.

Digitized by Google

Празднованіе Новаго года у Грузинъ.

Новогодніе обычаи у грузинъ представляютъ интересъ по остаткамъ старины и по смѣшенію христіанскихъ понятій съ древнѣйшими языческими. Мы намѣрены изложить эти обычаи, согласно обѣщанію, выраженному раньше въ нашемъ изданіи *).

Но прежде, чѣмъ приступить къ описанію празднованія Новаго года у современныхъ грузинъ, считаемъ не лишнимъ бросить бѣглый взглядъ на прошлое и сказать нѣсколько словъ о тѣхъ обычаяхъ, какіе соблюдались 1-го января съ древнѣйшихъ временъ въ грузинскихъ царствующихъ домахъ. Свѣдѣнія объ этомъ торжествѣ находимъ у историка Вахушты.

Празднованіе Новаго года, по словамъ Вахушты, начиналось задолго до восхода утренней зари. Послѣ того, какъ трижды пропѣли пѣтухи, весь высшій военный и гражданскій синклитъ являлся во дворецъ къ царю въ строгомъ іерархическомъ порядкѣ съ поздравленіями и приличными царскому званію подарками. Амилахоръ, т. е. конетабль, обязанъ былъ привести изъ своего табуна лучшаго по красотѣ коня съ золотой сбруей; Базіертъ-Ухуцесъ, старшій распорядитель царской охоты, подносилъ позолоченную голову дикаго кабана, приводилъ въ клѣткѣ быстраго сокола; за нимъ подходили штабъ офицеры и, поклонившись до земли своему повелителю, по требованію восточнаго этикета, въ

*) Кн. I, стр. 155.—См. протоколъ 73 засѣданія Этногр. Отдѣла.

Digitized by Google

глубокомъ молчаніи отступали назадъ. Послѣдними приносили поздравленія эриставы, т. е. начальники областей, поднося царю натянутыя стрѣлы, имѣющія символическое значеніе. „Пусть эта стрѣла,—заканчивалъ каждый эриставъ свое привѣтствіе,—пронзитъ безпощадно сердце твоего измѣнника, всемогущій царь!“ Поздравленія открывалъ Чкондидели—архіепископъ мартвильскій (мингрельскій), благословлялъ царя крестомъ и образомъ, а царицу угощалъ разными сладостями.

Пріемъ гостей конченъ. Царь съ своими приближенными ѣдетъ на охоту. Еще наканунѣ были сдѣланы для этого приготовленія. Приведенныя въ подарокъ худыя лошади отводились въ поле, въ отгороженное мѣсто, гдѣ и закалывались, и трупы ихъ оставлялись на ночь при растворенныхъ воротахъ. Почуявъ добычу, волки, шакалы, лисицы наполняли обширный дворъ. Подкараулившій распорядитель охоты, подкравшись, запиралъ ворота, когда считалъ число звѣрей достаточнымъ для истребленія. На другой день царь, прибывъ съ придворными, приказывалъ выпустить звѣрей и, погнавшись за ними, удачными выстрѣлами укладывали ихъ въ огромномъ количествѣ на открытомъ полѣ. Съ чувствомъ полнаго удовольствія царь возвращался домой и прямо садился за столъ. Начинался торжественный и веселый обѣдъ, прерываемый пѣніемъ и танцами. Щедрое вознагражденіе получали не только лучшіе пѣвцы и музыканты, но и выпившіе наибольшее количество вина. Въ заключеніе обѣда начинался конскій бѣгъ, устраивали бой лучшихъ борцовъ и состязаніе акробатовъ. Лучшій изъ состязавшихся, наиболѣе ловкій и привлекшій милостивое вниманіе царя, получалъ въ подарокъ халатъ.

Переходя къ описанію празднованія Новаго года у современныхъ грузинъ, мы должны замѣтить, что будемъ имѣть въ виду четыре народа грузинскаго племени, а именно: *ингилойцевъ* въ Закатальскомъ округѣ, *карталинцевъ* въ Горійскомъ уѣздѣ, *гурійцевъ* въ Кутаисской губ. и *джаваховъ* въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ.

Digitized by Google

Подъ именемъ ингилойцевъ извѣстны грузины, завоеванные цахурцами въ Кахскомъ округѣ бывшаго Елисуйскаго султанства. Это насильственное отторженіе нижней части Алазанской долины послѣдовало въ XV вѣкѣ вслѣдъ за раздѣломъ Грузіи между сыновьями царя Георгія VIII. Завоеванные горцами грузины были поставлены въ крѣпостныя отношенія къ своимъ побѣдителямъ. Нѣкоторые изъ грузинъ, не пожелавшіе подчиниться мусульманскому игу, выселились во внутреннія безопасныя области Грузіи, а прежнія поселенія ихъ были заняты пришлыми колонистами татарскаго происхожденія, извѣстными понынѣ подъ именемъ „муганлы". Не смотря на свое четырехъ-вѣковое отдѣленіе отъ остальной Грузіи, ингилойцы сохранили въ общемъ тѣ же нравы и обычаи, какіе господствуютъ въ Карталиніи, Гуріи и Джавахетіи. Описаніе празднованія Новаго года въ этихъ четырехъ различныхъ пунктахъ бывшаго грузинскаго царства можетъ подтвердить высказанную мысль.

Торжество Новаго года у *ингилойцевъ*, какъ и у всѣхъ грузинъ, начинается при закатѣ солнца ружейными выстрѣлами, за которыми слѣдуетъ всеобщій крикъ, шумъ, и суетня. Къ полуночи все утихаетъ и воцаряется мертвая тишина, изрѣдка нарушаемая пѣніемъ пѣтуховъ и лаемъ собакъ. Всѣ въ домѣ давно уже сладко спятъ, лишь старшіе заправители бодрствуютъ. Хозяйка торопливо прядетъ шерсть, а хозяинъ развлекаетъ ее пріятной бесѣдой. Кончивъ работу, оба они встаютъ, въ глубокомъ молчаніи подкрадываются къ спящимъ дѣтямъ, вынимаютъ изъ-подъ одѣяла ихъ руки, обвиваютъ вокругъ кисти руки пряжу, завязываютъ ея концы и въ такомъ же молчаніи обвязываютъ ниткой всю посуду и главный столбъ „деда-бодзи" (мать столбъ), поддерживающій избу. Этой кольцеобразно обвивающей руки и предметы ниткой ингилойцы символически выражаютъ желаніе, чтобы всѣ члены ихъ семейства и ихъ состояніе осталось цѣлымъ и невредимымъ. Съ руки нитка эта не снимается въ теченіе трехъ дней.

Когда пѣтухи трижды пропѣли и взошла утренняя заря,

Digitized by Google

старѣйшины будятъ всѣхъ членовъ семьи. Тѣ, поднявшись, наряжаются, надѣваютъ новое платье и обувь. Всѣ съ весельемъ располагаются вокругъ очага, разведеннаго посерединѣ дома и пылавшаго всю ночь. Вдругъ слышится стукъ у дверей; всѣ, прервавъ разговоръ, вмѣстѣ три раза спрашиваютъ: „кто тамъ и что несетъ?“ На это слѣдуетъ трижды отвѣтъ: „счастье и благополучіе приношу моей семьѣ“. Удовлетворенные такимъ отвѣтомъ просятъ его войти, присоединяя пожеланіе, чтобы стезя его была стезей ангела въ ихъ домѣ. Входитъ глава семьи, который незамѣтно исчезъ изъ избы въ то время, когда въ ней началась суматоха при вставаніи со сна членовъ семьи. Тогда же, выходя, онъ взялъ съ собой кувшинъ и перекидные мѣшки съ кормомъ для птицъ. На берегу рѣчки онъ умылся, помолился Богу, кувшинъ наполнилъ водой, мѣшокъ съ кормомъ смочилъ въ водѣ, отломалъ нѣсколько вѣтокъ орѣховаго дерева, положилъ ихъ въ другой мѣшокъ и вернулся домой. Вступивъ въ избу, онъ ставитъ кувшинъ въ шкапъ для посуды или на полку (*корте*), орѣховыя вѣтви въ „сакане“ или „бегели“, гдѣ хранится мука и зерно, кормомъ обсыпаетъ всѣ углы дома. При этой процедурѣ онъ непрерывно читаетъ молитву, призывающую благословеніе Бога на его семью: „Господи, Курмухская церковь, дай намъ хлѣба и благоденствія!“.

Послѣ обсыпанія избы для обильнаго урожая, всѣ садятся вокругъ очага, старшій достаетъ наканунѣ приготовленную и спрятанную за балкой потолка связку орѣховыхъ вѣтвей и даетъ каждому члену по одной вѣтви, потомъ первый самъ кладетъ свою вѣтвь въ огонь. Кожа молодой вѣтки быстро лопается отъ жара, и издаетъ трескъ, которому придается особое значеніе. Каждый трескъ вѣтви сопровождается благоговѣйными словами главы семейства: „Господи, размножь насъ и пошли обиліе въ нашъ домъ, будь милостивъ къ намъ!“ Всѣ вѣтви одна за другой дѣлаются жертвой огня за исключеніемъ двухъ, которыя снова прячутся. Послѣ этого, уже на разсвѣтѣ начинаютъ готовить „табла“—жертву. Кладутъ на подносъ (*хончи*) хлѣбъ (*назуки*), лепешки, тарелку меду,

Digitized by Google

масло, кувшинъ вина, красныя и бѣлыя нитки и всѣ вмѣстѣ идутъ поздравлять съ новымъ годомъ садъ. Здѣсь они останавливаются предъ виноградной лозой, дающей обильные плоды, обрѣзываютъ ее, землю около нея поливаютъ виномъ и рѣжутъ у корня ея пѣтуха съ красными перьями, которыя потомъ привязываются къ лозѣ. При этомъ священнодѣйствіи произносится обычная молитва: „Господи, Курмухскій св. Георгій, не оставь нашихъ кувшиновъ безъ вина!". Въ заключеніе перваго акта хожденія съ поздравленіемъ глава семьи предлагаетъ всѣмъ по кусочку хлѣба съ медомъ и масломъ, даетъ отпить немного вина, и, совершивъ это своеобразное таинство, всѣ направляются въ избу. Такъ справляется начало праздника.

Открывается второй актъ. Наканунѣ еще испеченъ для каждаго члена отдѣльно хлѣбъ, формы котораго аллегорически выражаютъ назначеніе и обязанность каждаго члена семьи: для старѣйшины пекутъ топоръ, для сыновей—серпы, для женщинъ—самопрялки, крендель для коровы и одинъ крендель для птицъ небесныхъ. Возвратившись изъ сада домой, каждый уже самъ разламываетъ свой хлѣбъ и съѣдаетъ небольшой кусочекъ. Крендель, назначенный для птицъ, оставляется на крышѣ, а хлѣбъ испеченный для коровы несутъ въ хлѣвъ. Здѣсь сначала крендель надѣваютъ коровѣ на рога, потомъ даютъ ей съѣсть, приговаривая: „живи долго и невредимо, да сохранитъ тебя Курмухскій св. Георгій!"

Въ день Новаго года у ингилойцевъ обѣдъ бываетъ ранній. Въ этотъ день готовятъ блюда, освященныя традиціей: супъ изъ курицы и пловъ. Къ обѣду ждутъ поздравителя „меквле" (собственно значитъ—пролагающій борозду, стезю счастья), который долженъ быть въ глазахъ народа болѣе осчастливленъ судьбой и осыпанъ ея щедрой благодатью. Это обыкновенно бываетъ кто-нибудь изъ родственниковъ. До его прихода никого не принимаютъ. „Меквле", поздравивъ съ новымъ годомъ, достаетъ изъ-подъ потолка спрятанныя вѣтви, кладетъ ихъ въ огонь и при трескѣ ихъ вы-

Digitized by Google

ражаетъ пожеланіе, чтобы Богъ даровалъ привѣтствуемымъ имъ членамъ здравіе и обильный урожай. Въ этотъ день никому ничего не даютъ взаймы, чтобы Курмухскій св. Георгій не разгнѣвался на нихъ и не лишилъ всякаго обилія въ пользу лица, которому будетъ ссужена вещь.

Затѣмъ начинается обѣдъ очень веселый и оживленный. Ѣдятъ, пьютъ и поютъ пѣсни преимущественно татарскія подъ звуки „чунгура", 4—5 струнной балалайки.

Курмухскій св. Георгій, не разъ упоминаемый въ молитвахъ, пользуется и пользовался съ древнихъ временъ уваженіемъ у ингилойцевъ. Онъ имѣетъ свое пребываніе на маленькой горѣ, къ сѣверу отъ селенія Кахи. Здѣсь сохранился до настоящаго времени фундаментъ нѣкогда красивой Курмухской церкви, названной такъ, вѣроятно, потому, что между селеніемъ Кахи и горой течетъ рѣка Курмухи. Народъ оставался неизмѣнно привязанъ къ Курмухскому св. Георгію даже въ эпоху господства ислама: ингилойцы ходили тайкомъ помолиться въ Курмухской церкви предъ своимъ патрономъ, принося жертвы лишь ночью изъ опасности поплатиться за свое отступленіе отъ навязаннаго ученія Магомета. Съ 1855 года ингилойцы вновь обращены въ христіанство, хотя еще 13,000 изъ нихъ остаются вѣрными послѣдователями религіи своихъ мусульманскихъ предковъ. Но этотъ расколъ въ вѣрѣ не мѣшаетъ ингилойцамъ, христіанамъ и нехристямъ безъ различія, являться въ первыхъ числахъ ноября въ Курмухскую церковь принести жертвы св. Геооргію: хлѣбъ, шелкъ и фрукты, а также животныхъ, при чемъ нужно отмѣтить ту особенность что ингилойцы считаютъ возможнымъ приносить въ жертву, такъ сказать душу животнаго, мясо же его сами употребляютъ, солятъ и оставляютъ на зиму.

Въ географическомъ порядкѣ мнѣ слѣдуетъ теперь описать празднованіе Новаго года у *карталинцевъ*. Карталинцы начинаютъ готовиться къ этому торжественному дню наканунѣ. Тахту (турецкій диванъ) покрываютъ лучшимъ ковромъ все чистятъ и приводятъ въ порядокъ. Пекутъ крендели счастья

Digitized by Google

(„бедисъ квери") для животныхъ, а для цѣлаго дома хлѣбъ „басила" съ крестомъ по серединѣ, названный такъ въ честь св. Василія; для пахаря печется плугъ, для быка—ярмо, для коровы—вымя. Все это кладется на подносъ вокругъ свиной головы, составляющей неотъемлемую и необходимую принадлежность празднованія Новаго года. Подносъ со всѣми яствами и зажженными свѣчами называется „абраміани" т. е. жертва въ честь Авраама *). Обязанность старшаго въ домѣ составляетъ вынести подносъ на дворъ, обойти трижды домъ, войти съ нимъ въ хлѣвъ и поздравить коровъ и быковъ. Яйцомъ прикасается онъ къ животнымъ, приговаривая: „будьте такъ круглы и полны, какъ это яйцо!"

Входя обратно въ домъ, онъ подходитъ прежде всего къ очагу, беретъ горящую головню ударяетъ ею по очагу, и когда посыплются искры, онъ шепчетъ: „столько коровъ, быковъ, свиней, столько лѣтъ жизни, столько денегъ" и т. д. Потомъ угощаетъ всѣхъ медомъ съ пожеланіемъ каждому: „такъ сладко пусть состаришься, какъ сладокъ этотъ медъ!" „Абраміани" въ теченіе трехъ дней подается старшему за обѣдомъ и ужиномъ, а по прошествіи трехъ дней вырѣзываютъ крестъ изъ хлѣба „басила" и бросаютъ его въ амбаръ. „Да будетъ неистощимъ и обиленъ хлѣбъ въ этомъ амбарѣ!" произноситъ при этомъ благоговѣйно священнодѣйствующій.

Въ день Новаго года карталинецъ избѣгаетъ ссоры и непріятностей. Онъ искренно вѣритъ, что происшедшее въ этотъ день знаменуетъ всю предстоящую жизнь человѣка въ теченіе года: кто будетъ плакать въ этотъ день, проплачетъ цѣлый годъ; кто будетъ шить, пришьетъ счастье. Обрѣзать ногти воспрещается, чтобы дьяволъ не завладѣлъ ими. Принимать кого-либо до „меквле", испытаннаго поздравителя, не принято. „Меквле" приноситъ старшей въ домѣ сахарное красное яблоко, а его угощаютъ „газинаки"—сладостью, спеціально приготовленной для Новаго года изъ орѣха и

*) Окончаніе „ани" индентично съ оконч. „ада" Петріада, Генріада, у грузинъ—Дареджаніани. Висраміани.

Digitized by Google

меду. Въ этотъ день нужно пѣть и веселиться, чтобы годъ прошелъ безпечально и счастливо.

Въ Гуріи Новый годъ извѣстенъ подъ именемъ „Каландоба", скорѣе отъ греческаго слова kalándai, чѣмъ отъ латинскаго *calendae*. Извѣстно, что въ мингрельскій языкъ вошло нѣсколько греческихъ словъ (напр. ordros — утро вм. грузинскаго „дила"), а гурійцы смежные съ мингрельцами заимствовали это слово по видимому у нихъ. Къ Новому году гурійцы откармливаютъ свинью, куръ, индѣекъ. Свинья обязательно должна быть въ каждомъ домѣ, и потому около этого времени свиньи очень дорожаютъ, хотя вообще онѣ очень дешевы. Наканунѣ пекутъ лепешки по числу членовъ дома какъ и у другихъ грузинъ. Особенность празднованія Новаго года у гурійцевъ представляетъ обычай украшать вѣтвь орѣховаго дерева разными плодами и другими украшеніями. Просверливъ дырочки въ вѣткѣ, продѣваютъ чрезъ нихъ палки; на концахъ палокъ привѣшиваютъ лимоны, апельсины, гранаты, въ большомъ изобиліи произрастающіе въ Гуріи; съ другого конца привѣшиваютъ шелкъ, кошелекъ съ серебряными монетами, гроздь винограда и хлѣбъ „деда пури" (мать — хлѣбъ). Рано утромъ по знаку, данному старшимъ, выбѣгаютъ на дворъ взять „цхомла"—вѣтвь орѣховаго дерева: кто первый успѣетъ захватить ее, тотъ проживетъ дольше всѣхъ. Затѣмъ выносятъ заранѣе приготовленную „табла" (жертву), обязательную принадлежность которой составляетъ свиная голова и кувшинъ вина. Старшій въ домѣ съ младшимъ членомъ выносятъ ее съ зажженными свѣчами изъ амбара, гдѣ она была оставлена на ночь, и несутъ въ винный подвалъ. Здѣсь старѣйшина, обращаясь къ какому-то богу вина Агуна, въ родѣ Бахуса, приглашаетъ его пройти селенія Бахви и Аскани, извѣстныя лучшими винами въ Гуріи, и прибыть въ его подвалъ; изъ подвала онъ идетъ къ амбару и въ хлѣвъ. Возвращаясь въ избу, они находятъ двери запертыми, и на ихъ стукъ изнутри спрашиваютъ: „что несешь?" Отвѣтъ гласитъ, что идутъ съ хлѣбомъ, виномъ, шелкомъ, счастьемъ и т. д. Двери растворяются, несущіе „табла" привѣтствуютъ

Digitized by Google

всѣхъ. Съ радостью подводятъ маленькаго провожатаго ко всѣмъ членамъ семьи и даже предметамъ, чтобы онъ передалъ имъ здоровье, прочность, счастье и благополучіе. Затѣмъ всѣ выходятъ на дворъ и, обойдя трижды, возвращаются въ избу; здѣсь подходятъ къ очагу, ударяютъ по немъ „цхемла" (орѣховой вѣткой) и при сыплющихся искрахъ быстро произносятъ пожеланіе, чтобы столь же обильно было все въ домѣ, сколько дастъ искръ горящая головня. Въ этотъ день стрѣляютъ изъ ружья, „отгоняя новый годъ", и не принимаютъ никого изъ тѣхъ, чье посѣщеніе было замѣчено раньше какъ неблагопріятное и предвѣщающее несчастіе.

Переходимъ къ описанію Новаго года у *джаваховъ*, населяющихъ Ахалкалакскій уѣздъ, часть бывшаго грузинскаго княжества Самцхе-Саатабаго. Оторвавшись отъ Грузіи въ XV в., нынѣшніе Ахалцихскій и Ахалкалакскій уѣзды составили особое самостоятельное владѣніе, первымъ атабекомъ котораго былъ Кварквaре. Въ первой четверти XVII в. Самцхе-Саатабаго было завоевано турками, при чемъ атабекъ Бека, убившій своего старшаго брата Манучара, былъ признанъ турецкимъ султаномъ правителемъ завоеванной области подъ именемъ Сапара-паши. Лишь черезъ столѣтіе, въ 1828 г., Ахалцихъ былъ взятъ штурмомъ Паскевичемъ Эриванскимъ, и въ 1829 г., по Адріанопольскому трактату, Михетія и Джавахетія были присоединены къ Россіи. Сапаръ-паша приложилъ всѣ усилія, чтобы уничтожить православіе, изгнать грузинскіе обычаи и насадить исламъ и турецкіе нравы. Попытки его остались не безъ успѣха, но вырвать съ корнемъ національныя черты миховъ и джаваховъ оказалось неудобоисполнимымъ. А присоединившись къ Грузіи, джавахи вновь возродились, и воскресли въ нихъ вѣками скрытые прадѣдовскіе обычаи и нравы. Иллюстраціей этого мнѣнія и могутъ служить между прочимъ установившіеся порядки при празднованіи Новаго года у джаваховъ.

Джавахи начинаютъ приготовленія къ Новому году наканунѣ. Старшій въ домѣ считаетъ своею обязанностью собрать вещи, которыя были отданы на время сосѣдямъ:

Digitized by Google

самопрялку, глиняные кувшины, тарелки, кастрюли и т. п. Собрать эту рухлядь необходимо потому, что по мнѣнію джаваха обиліе и счастіе дома можетъ покоиться на одномъ какомъ-либо предметѣ, нужномъ для домашняго обихода; оставить такую вещь внѣ дома въ ночь на Новый годъ —значитъ потерять все состояніе и добровольно отказаться отъ всякаго благополучія. Наканунѣ же бѣдные и богатые безразлично пекутъ хлѣбъ „цминда Басила" (св. Василія), „харисъ-кеди" (шея быка), „банисъ пуреби" (хлѣбъ крыши), „бедисъ када" (хлѣбъ счастья), „катамъ-цицила" (цыпленокъ курица). Все это укладывается на новогодній подносъ въ извѣстномъ порядкѣ: прежде во главѣ всего кладется „хлѣбъ счастья", выше его два хлѣба „шеи быка," между ними „цминди Басила", похожій на человѣка: глаза сдѣланы изъ угля или сушенаго винограда, руки же на-крестъ сложены на груди; надъ головой Василія лежитъ одинъ „банисъ-пури" (хлѣбъ крыши), другой „катамъ-цицила" (цыпленокъ-курица), имѣщій круглую форму съ клювомъ, заворачивается въ платокъ и кладется на грудь Василія; въ уголъ подноса ставится тарелка съ медомъ или съ „бакматомъ" изъ сока туны. Такимъ образомъ центромъ является „Басила" а вокругъ него размѣщаются разнообразныя по своему символическому значенію печенія. На подносѣ замѣчается здѣсь отсутствіе свиньи. Это объясняется вліяніемъ мусульманской религіи, которая воспрещаетъ есть свинину.

Когда солнце уже зашло, оба старѣйшины отъ мужской и отъ женской половины приступаютъ къ изгнанію бѣсовъ и нечистыхъ силъ, водворившихся въ домѣ. Они ходятъ по всѣмъ угламъ и приговариваютъ: „ангелъ-покровитель, находящійся здѣсь въ углу нашего дома, молю тебя, спаси мой домъ отъ искушеній дьявола!" Нужно произнести это заклинаніе трижды, обходя всѣ углы дома. Народъ предполагаетъ, что ангелъ-хранитель имѣетъ своимъ тайнымъ обиталищемъ, какой-либо уголокъ, и потому молитва обращается къ этому скрытому домашнему генію.

Старѣйшина беретъ большую желѣзную палку, выхо-

Digitized by Google

дитъ на дворъ и, повернувъ направо, повторяетъ заклинаніе: „Господи, избавь насъ отъ проказы дьявола!“ Онъ обходитъ избу, хлѣвъ и проводитъ желѣзомъ кругъ, чрезъ который, по мнѣнію джаваха, не можетъ переступить нечистая сила въ домъ и къ домашнимъ животнымъ. Затѣмъ онъ всходитъ на кровлю и чрезъ отверстіе въ крышѣ спускаетъ внизъ кошелекъ на длинной ниткѣ. Семья кладетъ въ кошелекъ нѣсколько рублей, онъ поднимаетъ его и входитъ въ избу съ лѣвой стороны. Значеніе этой процедуры джавахи толкуютъ въ томъ смыслѣ, что въ теченіе года деньги въ домѣ будутъ неистощимы и обиліе во всемъ обезпечивается. Послѣ того, какъ пѣтухи пропѣли дважды, старѣйшина беретъ подносъ съ зажженными свѣчами въ правую руку и, выходя изъ избы, произноситъ молитву: „Господи, будь заступникомъ нашимъ и да будетъ стезя моя стезей архангела Михаила и св. Георгія. Пошли моей семьѣ счастливо встрѣтить Новый годъ!“ Окончивъ молитву, онъ сбрасываетъ черезъ отверстіе въ избу хлѣбы съ подноса, кромѣ „хлѣба счастья“ и „Басила“. Раньше другихъ спускается внизъ „хлѣбъ крыши“, далѣе „шея быка“ и наконецъ завернутый въ платокъ „цыпленокъ“. Возвратившись домой, онъ произноситъ тѣ же слова, будитъ всѣхъ и угощаетъ ихъ медомъ съ соотвѣтсвенными поздравленіями. Далѣе онъ идетъ въ хлѣвъ, курятникъ и поздравляетъ скотъ и птицъ.

Обращаютъ особенное вниманіе, какъ и гдѣ упали сброшенныя печенья. Если „хлѣбъ крыши“ упалъ низомъ кверху, то говорятъ, что урожая не будетъ; если хлѣбъ покатился къ очагу, то урожай будетъ обильный; если одинъ хлѣбъ покатился къ очагу, а другой къ дверямъ, то урожай будетъ посредственный. То-же значеніе имѣетъ хлѣбъ „шея быка“: если онъ покатился къ двери, будетъ падать скотъ; если же упалъ около очага, то скотъ размножится. Если завернутая въ платокъ „курица“ значительно повредилась при паденіи, значитъ насѣдка испортитъ яйца и цыплятъ не выведетъ, а если сохранилась въ невредимости, то цыплятъ будетъ много. „Хлѣбъ счастья“ и „Басила“ хранятся

Digitized by Google

до Крещенія, и вся эта недѣля считается святой. Въ день Крещенія разрѣзываютъ „хлѣбъ счастья“ и „Басила“ на куски, и кому достанется монета, вложенная въ „бедисъ-пури“, тотъ будетъ счастливъ и богатъ. „Басила“ разламывается и раздается всѣмъ, какъ просфора.

Въ день Новаго года джавахи ходятъ съ кувшиномъ за водой, при чемъ нужно итти за ней и вернуться такъ, чтобы ни съ кѣмъ не заговорить Счастье наиболѣе будетъ благопріятствовать тому, кто раньше всѣхъ принесетъ; а если кто-нибудь съ вечера до утра Новаго года простоитъ на берегу рѣки, теченіе ея остановится, и рѣка повѣдаетъ все, что должно случиться въ предстоящій годъ. До „меквле“, излюбленнаго поздравителя, посѣщеніе котораго было замѣчено какъ благопріятное, никого не принимаютъ, какъ и у другихъ грузинъ. Призвать „меквле“ идетъ младшій въ домѣ, который, взойдя на кровлю „меквле“, шопотомъ даетъ знать ему, что пора итти, что ждутъ его поздравленія. „Меквле“ идетъ съ подарками, а его угощаютъ сладостями. Въ день Новаго года не подметаютъ комнаты, чтобы не вымести счастья и обилія. Въ этотъ день всѣ входящіе со двора въ домъ должны занести что нибудь, хоть щепку, но съ пустыми руками являться нельзя, чтобы не разгнѣвать ангела-хранителя.

Дѣлая обобщеніе, всего описаннаго нами, можно сказать, что картвелы въ разныхъ и исторически разобщенныхъ частяхъ Грузіи празднуютъ Новый годъ почти одинаково, съ небольшими измѣненіями, которыя объясняются мѣстными условіями и судьбой, испытанной различными провинціями бывшаго грузинскаго царства. Къ измѣненіямъ между прочимъ придется отнести отсутствіе центра празднества—свиньи у джаваховъ и ингилойцевъ, принявшихъ нѣкогда мусульманскую вѣру. При празднованіи наглядно выступаетъ значеніе „меквле“, перваго счастливаго посѣтителя, и новогодія „жертвы“ онѣ имѣютъ одинаковое распространеніе у всѣхъ грузинъ. Нужно затѣмъ отмѣтить обычай печь хлѣбъ, символически выражающій то или другое понятіе, и наконецъ важное значеніе очага, съ которымъ связаны благопріятныя предзнаменованія и его традиціонное почитаніе.

А. Хах—овъ.

Digitized by Google

Сила родительскаго проклятія

по народнымъ разсказамъ Купянскаго уѣз. Харьк. губ.

Крестьяне Купянскаго уѣзда, какъ и вообще малороссы, отличаются чувствами глубокой привязанности и уваженія къ своимъ родителямъ. Поэтому случаи крупныхъ ссоръ и дракъ между родителями и взрослыми ихъ дѣтьми, особливо такихъ, которыя повлекли за собою проклятіе дѣтей родителями, сильно поражаютъ впечатлительную душу малоросса. Каждый подобный случай страшно возмущаетъ и долго волнуетъ мѣстное общество, давая при этомъ поводъ не только къ повторенію старинныхъ сказаній о тяжкихъ для дѣтей послѣдствіяхъ родительскаго проклятія, но и къ составленію новыхъ въ томъ же духѣ разсказовъ и пѣсенъ [1]).

„Усе купышъ,—батька та матери не купышъ". „Батькова та матерына молытва зо дна моря рятуе (спасаетъ), а проклёны въ калюжи (лужѣ) топлять". Эти пословицы вполнѣ характеризуютъ взглядъ мѣстнаго малоросса на родителей.

Въ имущественномъ отношеніи вліяніе отца имѣетъ среди крестьянъ рѣшительный перевѣсъ надъ идеей материнства, но зато въ нравственномъ отношеніи сила узъ, связывающихъ дѣтей съ матерью, всѣми безусловно признается первенствующею,—признается, однимъ словомъ, что мать къ дѣтямъ ближе, чѣмъ отецъ, что она имъ *роднѣе*. „Батькивъ багато, а маты одна". „Жинка для совиту, теща для прывиту, матинка ридна лучче всёго свиту".

Родительское проклятіе дѣлаетъ дѣтей несчастными; при

---

[1]) См. А. Боровиковскаго, Женская доля по малор. пѣснямъ. Москва 1868, стр. 6.

Digitized by Google

томъ, такое проклятіе, а особенно материнское, часто немедленно исполняется. Сила его ужасна: по одному слову проклинаемые дѣлаются больными, превращаются въ деревья, въ волковъ, уносятся вихремъ, или же умираютъ, и не только тѣло ихъ, но и душа поступаетъ во власть діавола.

Но вмѣстѣ съ страшными послѣдствіями для проклинаемыхъ, проклятія ложатся тяжелымъ грѣхомъ и на душу родителей, прибѣгнувшихъ въ гнѣвѣ или въ раздраженіи къ этому страшному преступленію противъ своихъ дѣтей.

Такъ какъ, по взгляду крестьянъ, мать ближе дѣтямъ, роднѣе, чѣмъ отецъ, то и молитва и проклятіе матери имѣютъ бо̀льшую силу, чѣмъ отцовскія. „Куля мыне (пуля минетъ), а матерыне слово не мыне". Извѣстное малорусское поэтическое сказаніе о происхожденіи тополя можетъ служить иллюстраціей этой пословицы. Тополь—это стройная дѣвушка, обратившаяся въ дерево вслѣдствіе проклятія матери, какъ разсказываетъ народное преданіе.

Мать послала въ поле свою дочь полоть ленъ и приказала ей работать поусерднѣе. Но дѣвушка замечталась надъ работой и, сложа руки, стояла безъ дѣла.

— „Ото поле (вотъ такъ по̀летъ)!" сказала строгая мать, увидавъ свою дочь со сложенными руками.

— Я то полю, то стою,—отвѣчала дочь, сильно испугавшись неожиданнаго прихода матери.

— „Бодай же ты, доню, полола въ чуди та въ дыви!"—произнесла разгнѣванная мать. И вдругъ при этихъ словахъ, на глазахъ матери, „къ чуду и дыву", ея дочь—дѣвушка стала выростать въ стройный, красивый тополь, а мать, видя это, стала плакать и убиваться по ней, приговаривая въ отчаяніи: „дочко-жъ моя, тополе моя!"...

Приведемъ нѣсколько другихъ разсказовъ о силѣ родительскаго проклятія, изъ числа наиболѣе распространенныхъ въ Купянскомъ уѣздѣ.

---

1. У одного чоловика бувъ нынослушный сынъ. Куды ёго ны пошле батько, чы ораты, чы косыты, або въ лисъ,

Digitized by Google

а винъ николы одъ разу не послухае*); все не хоче, та все споре зъ нымъ. Той чоловикъ водывся, водывся зъ тымъ сыномъ—взявъ и проклявъ ёго. Ну, шожъ зъ нымъ зробылось? Винъ заразъ захворавъ; хворавъ годивъ шисть и вмеръ, а чырызъ тыждынь и батько вмеръ. Значить, и батька Богъ наказавъ за те, шо проклявъ сына свого. А якъ-бы винъ учывъ ёго зъ малыхъ литъ до роботы, то винъ бы й слухавъ ёго, хоть бы вырисъ; а то, бачъ, и ныслухавъ ёго, покы й вмеръ. (Хуторъ Маліовъ Сообщилъ учитель М. Нетреба).

---

2. У нашего сосѣда,—говорилъ старикъ крестьянинъ,—были сыновья до того непочтительные къ своимъ родителямъ, что нерѣдко наносили имъ тяжкія оскорбленія. Разъ старшій сынъ собирается ѣхать въ сосѣднюю слободу съ провіантомъ для солдатъ (это было еще во время военныхъ поселеній), а отецъ, замѣтивъ какой-то безпорядокъ, сталъ ворчать на сына. Тотъ слушалъ, слушалъ—не унимается старикъ, да какъ гаркнетъ на отца: „та чы тоби зацыпыть!“ Отецъ сильно оскорбился этимъ словомъ сына и въ гнѣвѣ сказалъ: „Щобъ же, сыну, твое мня (имя) прыйшло, (исчезло?) колы такъ!“ Бываютъ такіе случаи,—добавилъ разсказчикъ,—что проклятіе родителей ни за что не пройдетъ безслѣдно. Вотъ отправился этотъ сынъ въ дорогу, справился съ своимъ дѣломъ и возвращается домой, да вздумалось ему по дорогѣ заѣхать къ родственникамъ. Заѣхалъ, выпилъ тамъ изрядно, выходитъ, садится на лошадь и во хмѣлю, конечно, дернулъ ее туда, сюда. Лошадь разгорячилась, стала бить и сбросила его съ себя. Онъ упалъ и убился на смерть. Второго сына старикъ также проклялъ, такъ тотъ замерзъ. Мнѣ,—сказалъ разсказчикъ,—съ другимъ сосѣдомъ пришлось копать для него могилу. Когда яма была готова, товарищъ мой началъ вылѣзать, ставъ одною ногою мнѣ на плечо, а другою на край ямы,—стѣнка такъ и рухнула до поло-

---

Буква *е* послѣ гласной и въ началѣ слова произносится мягко, какъ *je*; *ё*—какъ *jo*.

Digitized by Google

вины и засыпало меня землею по колѣни. Товарищъ кое-какъ освободилъ меня, и мы принялись расчищать яму; но когда стали снова вылѣзать изъ нея, то повторилось то-же самое: край могилы опять обвалился. Мы дали знать объ этомъ отцу покойника. „Что-жъ дѣлать?“ говоритъ онъ: „значитъ, земля не принимаетъ моего сына“. Похоронили мы его, кое какъ прикрывъ гробъ землею. Похоронивъ сына, старикъ сталъ сильно горевать, сознавая, что на покойникѣ тяготѣетъ его проклятіе, и отправился въ одинъ изъ монастырей покаяться. Тамъ онъ во всемъ сознался духовнику, и тотъ велѣлъ ему откопать гробъ сына и снять съ сына проклятіе. Раскопавъ могилу, старикъ сталъ молиться Молитва его была услышана: когда онъ, благословляя, перекрестилъ гробъ, земля затряслась, и гробъ вошелъ въ нее.

(Сл. Преображенная. Сообщила учительница Х. Сильченкова).

---

3. Диты прокляти родытылямы не будуть бачыть счастья и довго не жыты муть (будутъ), а колы жонати—не буде ладу въ симьи и дитей не буде. А билшъ бува такъ, що своій смертью не вмыраютъ: съ тоскы або втопытця, або зависытця, а то хтось убье.

Такъ разъ сынъ вдарывъ свого батька, а батько и проклявъ ёго и выгнавъ зъ хаты. Винъ и пишовъ, а зъ нымъ було грошей 25 рубливъ. Напала ёго тоска, грызе та й грызе. Зайшовъ винъ въ кабакъ, выпывъ зъ якымсь чоловикомъ и пишлы удвохъ. А дило було вже къ вечеру. Выйшлы за слободу, а той отвивъ ёго зъ дорогы, та й вбывъ, та й въ яръ укынувъ. Тамъ ёго и найшлы, тамъ ёго и закопалы. А гроши не взято, цили, усе циле, тилко хреста не було на шыи, и той чоловикъ пропавъ, шо зъ нымъ пывъ въ кабаци. Нихто ны знае, видкиль (откуда) винъ прыходывъ и куды дивсь,—мабуть (должно быть) нечыстый прыходывъ за своій роботою. (Сл. Тарасовка. Сообщила учительница В. Свѣтъ).

---

4. Мать прокляла свого сына. Отъ винъ захворавъ и вмеръ, а зымля и не прыймае: шо закопають въ землю, а

Digitized by Google

вона ёго и выкыне, шо закопають опьять, а вона опьять выкыне. Тоди мать почала молытысь Богу, шобъ ёго Господь прынявъ и свята зымля. Господь простывъ ій грихы, а сына прыняла свята зымля: закопалы ёго, и вона вже билшъ не выкыдала ёго гришного тила.

(Сл. Ново-Николаевка. Сообщила учительница А. Склобинская).

---

5. Жыла удова зъ однымъ сыномъ, который бувъ цырковный мастырь. Винъ бувъ послушный, трудолюбывый, а вона була пьяныця: день и ничъ у шынку сыдыть, та все зъ сына требуе грошый на пропій. Разъ прыйшла та маты изъ шынку и требуе зъ сына грошый на водку. Сынъ давъ ій грошый и сказавъ:

— „На, мамо, гроши та билшъ ны просы! Сама соби заробы, тоди и гуляй, стикы (сколько) тоби вгодно". Вона взяла ти грошы, подывылась на ихъ, баче, шо трошкы (мало) давъ, и каже сынови:

— „Дуракъ ты, шо матыри трошкы давъ грошый та ще й зъ выговоромъ, — будь ты жъ проклятый отъ ныни и до вику!" Сказала ци слова та й пишла въ шынокъ пропыты послидню копійку. Сынъ же пишовъ соби на роботу. Знисъ винъ на церкву золото, шобъ позолотыты главу и хрестъ, та й упавъ видтиля (оттуда) на землю и убывся. Взялы ёго и похоронылы. Чырызъ два дни гробъ зъ нымъ выйшовъ изъ ямы на верхъ. Люды взялы и въ другый разъ закопалы ёго. Чырызъ два дни случылось то-жъ: гробъ опьять выйшовъ изъ зымли. Значыть, проклятыхъ и зымля ны прыйма. Пипъ взявъ прыклыкавъ ёго матиръ и роспытавъ іи, чы вона ёго проклынала, чы ни. Тоди, якъ вона все росказала ёму, пипъ звыливъ тіи матыри, шобъ вона помолылась Богу и простыла сына свого. Вона все такъ зробыла, якъ выливъ ій пипъ, зымля тоди и прыняла тило іи сына и гробъ билшъ ны выходывъ.

(Хуторъ Маліевъ).

---

6. Поссорились и подрались мать съ сыномъ. Сынъ въ азартѣ схватилъ мать за косу, да такъ, что коса и осталась

Digitized by Google

у него въ рукѣ. Мать и прокляла его, сказавъ: „щобъ ты на мисти остався!“ Тотъ мгновенно умеръ, а она взяла да и связала ему руки своею косою. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, на кладбищѣ строили церковь. Копая канавы для фундамента ея, разрыли нѣсколько могилъ и въ одной изъ нихъ оказался трупъ, нисколько не подвергшійся тлѣнію, и съ руками, связанными женскою косою. Это обстоятельство удивило рабочихъ, и они доложили о томъ священнику. Тотъ, зная, что на этомъ кладбищѣ давнымъ давно не погребалъ, сталъ наводить справки, чья это могила. Мать проклятаго была еще жива; она и разсказала священнику, за что на ея сынѣ лежитъ проклятіе и почему, значитъ, и земля не принимаетъ его. Священникъ посовѣтовалъ старухѣ простить сына и помолиться надъ его могилою. Когда мать, окончивъ молитву, перекрестила трупъ сына и сняла съ него свою косу, онъ мгновенно превратился въ землю.

(Сл. Преображенная).

---

7. На Велыкдень мать вдова прыйшла зъ дитьмы зъ церквы до дому и сталы розговлятьця, а маты й поперхнулась паскою та й вытрпщыла очы. Старшый сынъ то побачывъ, засміявсь та й каже: „поспишай, маты, а то невспіишъ“. А маты на то отвитыла: „проклятый ты, сыну, отъ ныни и до вику! и щобъ ты сміявся и не перестававъ!“ Съ той поры сынъ забиснувавсь, стало ёго корчыть, сгынать у дугу. Закыне ёму ногы назадъ, або голову завороте и ногы за голову; а сміятьця такъ и не перестае: безперечъ сміетця. Такымъ и померъ. Маты затоскувала; други диты тежъ у неи померлы и вона сама осталась. А тутъ ослипла и рука отсохла, и никому іи було до смерти догодувать, такъ у людей и вмерла. (Сл. Тарасовка).

---

8. На праздникъ Благовѣщенія одна старуха зашла изъ церкви къ своему жившему на отдѣлѣ сыну, очень скупому человѣку. Тамъ собирались уже обѣдать. Завидѣвъ въ окно свою мать, сынъ въ досадѣ приказалъ женѣ убрать все со

Digitized by Google

стола: онъ, видите, боялся, что мать съѣстъ у него лишній кусокъ хлѣба. А старуха какъ на зло засидѣлась очень долго, такъ что вся семья довольно проголодалась. Самъ хозяинъ терпѣлъ, терпѣлъ да и говоритъ своей женѣ: „чого оця (эта) жаба сыдыть у насъ, напыжылась?“ Не успѣлъ онъ это сказать, какъ откуда ни взялась огромная жаба, прыгнула и вцѣпилась ему въ щеку. Всѣ бросились снимать жабу, но никакъ не могли ее оторвать. Тогда старуха мать повела его по монастырямъ, много служила молебней; наконецъ, молитва ихъ была услышана: лягушка оставила преступнаго сына старухи, но, спрыгнувъ съ него, вцѣпилась въ стоявшую тутъ же постороннюю женщину, которая, какъ послѣ обнаружилось, сама, а не по приказанію священника, вздумала поститься по понедѣльникамъ (понедилкувать).

(Сл. Преображенная).

---

9. Одынъ чоловикъ жынывъ свого сына и во время свайбы проклявъ ёго. Це (это) дило произойшло такъ. Той чоловикъ въ день свайбы посылавъ сына свого на горыще (чердакъ) за бутылкамы, шобъ розлыты въ ныхъ водку, а винъ ны хоче. Батько тоди и каже сынови: „чогожъ, стерво прокляте, ны хочышъ на горыще лизты? Чы ты боися домового?“ — „Вовкивъ боюся, а ны домового“, сказавъ у шутку сынъ батькови. А батько тоди якъ крыкне зъ досады на сына: „шобъ же ты, с—с—, сказывся (взбѣсился), або вовкомъ ставъ, якъ оце ты зъ мене шкылюешъ (насмѣхаешься)!“ Ну, шо-жъ зъ тымъ сыномъ здіялось?—Винъ чырызъ часъ и ставъ вовкомъ, тоди саме, якъ сыдивъ за столомъ, — выскочывъ изъ-за стола та й побигъ вовкомъ по дорози прямо въ лисъ, а свайба такъ и розійшлась. Якъ побигъ той сынъ зъ дому вовкомъ, тико (только) ёго й бачылы: винъ жывъ все у лиси. Пройшло времья ны мало, а объ ёму и висточкы ниякой ныбуло; тико разъ и бачыла ёго вся симья, якъ винъ саме на Велыкдень прыходывъ до дому и сыдивъ на прысьби (заваленкѣ) зъ самои ночи, ажъ покы й сталы розгивлятьця. Якъ сталы розгивлятьця, батько зробывъ хресне знаменіе и

Digitized by Google

сказавъ: „царство небесне усимъ нашымъ родычамъ, а жывымъ ныхай лыгенько згадаетця, и дай Богъ имъ въ свити пожыты!“ Ци вси слова чувъ сынъ того батька и пидождавъ, покы батько все проказавъ, а тоди горко заплакавъ на прысьби и жалибно завывъ, якъ ото вовкы выють. Зъ хаты повыбигалы вси подывытьця на того вовка, и догадалась тоди вся симья, шо то ны вовкъ, а ихъ ридна симьянына. Началы плакаты и сталы клыкаты ёго въ хату, а винъ ны пишовъ, а побигъ прямо у лисъ. Тамъ винъ подружывся зъ двома вовкамы и вмисти зъ нымы ходывъ у дыревни красты овець для йиды. Разъ пишлы воны у дыревню на промысылъ та й зайшлы до ричкы пыты воды. Постановылысь рядомъ и сталы пыты воду зъ ричкы,—то имъ уздриваетця чоловича голова въ води отъ того вовка, шо бувъ чоловикомъ; отъ воны и начынають ёго кусаты за лыткы (икры), а винъ пидожде, покы ти вовкы напьютця, тоди и самъ напьетця. Якъ прыйшлы воны у дыревню, то й забралысь у кошару (хлѣвъ) до багатого купця и выдушылы тамъ трыста штукъ овець. Якъ стало свитаты, то два вовкы повыскакувалы изъ кошары, а той вовкъ, шо бувъ чоловикомъ, ны выскоче видтиля, потому шо тынъ дуже высокый. Воны, бачъ, туды якъ улазылы, то продралы крышу хлива и улизлы; а видтиль якъ прыйшлось чырызъ тынъ лизты,—ти, якъ вовкы, повыскакувалы, а цей то ни: сылы такы у ёго ны хватыло выскочыты. Прыйшлы вивчари подывытьця на овець, дывлятця,—шо за удывленіе въ кошари, шо багато овець лыжыть подушыныхъ? Та й уздрилы мижъ нымы вовка и заразъ сталы ёго колякамы быты. Въ це саме времья прыйшовъ до ихъ старшый чабанъ и ны звыливъ быты того вовка, потому шо винъ узнавъ, бачъ, шо то ны вовкъ, а чоловикъ; взявъ и пустывъ ёго на волю. а винъ тоди и побигъ у лисъ. Въ тому лиси бабы рвалы опенькы, та й злякалысь ёго, та й побиглы у дыревню и объявылы охотныкамъ про ёго. Охотныкы прыйшлы въ лисъ и натрапылы ёго тамъ, взялы и убылы. Якъ сталы зныматы шкуру зъ того вовка, то пидъ кожою найшлы красный поясъ, якымъ винъ бувъ ше на свайби пидперезаный. (подпоясанный) До-

Digitized by Google

гадалысь охотныкы, шо то ны вовкъ, а чоловикъ, взялы и закопалы ёго на воротахъ(?), и съ тыхъ поръ сталы по ёму трызну правыты и панахыды служыты. *) (Хуторъ Маліевъ).

---

10. Косили въ полѣ рожь. Было тихо, душно. Въ полдень внезапно поднялась сильная буря, бушуетъ и все рветъ. Оставили свою работу косари, попрятались подъ телѣги, сидятъ. Но какъ внезапно зашумѣла, такъ же внезапно и стихла буря, а передъ косарями неизвѣстно откуда появился какой-то паничъ въ шляпѣ, съ палочкой въ рукахъ, и спрашиваетъ ихъ?

— „Что вы за люди?"

— Хиба ны бачышъ? Жнеци. А ты хто.

— „Я изъ проклятыхъ дѣтей", отвѣчалъ тотъ: „меня за самый пустякъ прокляла мать, когда я былъ еще маленькимъ. Случилось это такъ. Однажды мать моя мыла на рѣкѣ бѣлье, а я возлѣ нея бѣгалъ да болтался въ водѣ. Мать много разъ меня останавливала, но я не унимался. Наконецъ, вышедши изъ терпѣнія, она крикнула: „а шобъ ты понисся ще бурею!" Съ тѣхъ поръ я и пошелъ гулять по свѣту то вихремъ, то бурею". При этихъ словахъ закружился вихрь и понесся черезъ поле. **)

---

11. Шла женщина съ кладбища домой, смотритъ — на встрѣчу ей несется по дорогѣ вихрь. Она перекрестилась; вихрь тотчасъ разсѣяло, а передъ ней появился поразительной худобы человѣкъ. Приблизился и проситъ у нея воды. „Со мной нѣтъ воды", говоритъ ему женщина: „развѣ пойдемъ ко мнѣ домой". Тотъ молча послѣдовалъ за нею. Пришли. Женщина угостила незнакомца. Подкрѣпившись пищей и напившись воды, онъ обратился къ хозяевамъ и сказалъ: „Почитайте, добрые люди, своихъ родителей, особливо

*) Подобный разсказъ напечатанъ по-малорусски въ одной книжечкѣ для народа (въ Кіевѣ), но обращеніе въ волка объясняется тамъ колдовствомъ вслѣдствіе соперничества изъ-за невѣсты. *Ред.*

**) Мѣсто записи не указано авторомъ *Ред.*

Digitized by Google

бойтесь оскорбить мать, потому что проклятія ея никогда не пройдутъ даромъ. Смотрите на меня и кайтесь. Я былъ грубъ съ своей матерью; она въ гнѣвѣ проклала меня, сказавъ: „чтобъ ты поднялся вихремъ!“ Съ тѣхъ поръ я и ношусь вихремъ. Теперь же, когда она, сожалѣя обо мнѣ, стала молиться за меня, подавать заупокойныя просфоры и служить панихиды, меня чаще отпускаетъ на свободу“. Засвисталъ вѣтеръ—и человѣка того не стало. (Сл. Преображенская).

П. И.

Изъ вышеприведенныхъ разсказовъ, собранныхъ г. П. И., большой интересъ представляетъ собою разсказъ о дѣвушкѣ—тополѣ и затѣмъ три послѣдніе: 9, 10 и 11. Всѣ они принадлежатъ къ обширному циклу народныхъ легендъ о превращеніяхъ. Легенды эти сохранились отъ древнѣйшихъ временъ, когда существовалъ взглядъ на явленія природы и на отдѣльные предметы, какъ на нѣчто одухотворенное. Конечно, не всѣ подобныя легенды отличаются одинаковою древностью, и интересно было бы установить извѣстные основные типы превращеній, созданные народной фантазіей, и прослѣдить видоизмѣненіе ихъ, чтобы такимъ образомъ можно было представить всѣ извѣстные разсказы изъ этого цикла въ опредѣленной группировкѣ и уяснить ихъ сущность и поэтическое значеніе. Статья г. П. И. представляетъ именно небольшой опытъ подобной группировки при чемъ въ основаніе ея положена причина превращеній, а не ихъ виды. Причиною здѣсь является, именно, родительское проклятіе, хотя варіанты нѣкоторыхъ изъ этихъ разсказовъ передавались и передаются въ народѣ и съ другой основной идеей. Возьмемъ для примѣра превращенія въ растенія и въ особенности въ деревья. Еще древнимъ римлянамъ былъ извѣстенъ этотъ родъ превращеній, и если вѣрить поэту Овидію, собравшему и обработавшему въ своихъ „Метаморфозахъ“ огромное количество народныхъ легендъ о превращеніяхъ, то далеко не всегда причиною превращеній въ деревья, цвѣты и т. п. народная фантазія выставляла проклятіе.

Digitized by Google

Такъ, Филемонъ и Бавкида (кн. 8), напротивъ, обращаются въ вѣчно зеленѣющія деревья (дубъ и липу) въ награду за ихъ кротость и почтеніе къ богамъ, которыхъ они радушно приняли подобно тому, какъ Авраамъ принималъ трехъ странниковъ у дуба Маврійскаго [1]). Дафна (кн. 1), избѣгавшая любви Аполлона, по ея собственному желанію превращена въ лавръ. Иногда и у Овидія превращеніе въ растеніе является прямымъ наказаніемъ боговъ. Такъ, Аттисъ (кн. 10) превращенъ Цибелою въ сосну за измѣну; Нарцисъ (кн. 3) сталъ цвѣткомъ за свою гордыню и влюбленность въ самого себя.

Особенно же часто превращеніе происходитъ отъ чрезмѣрнаго возбужденія какого-нибудь чувства или отъ нравственнаго потрясенія. Геліады обращаются въ деревья отъ сильнаго горя вслѣдствіе гибели ихъ брата Фаэтона (кн. 2). По разсказу Плинія (Historia naturalis), онѣ превратились именно въ тополи, а слезы ихъ сочатся въ видѣ смолы, которая, отвердѣвая на солнцѣ, даетъ янтарь (повидимому рѣчь идетъ о Балтійскомъ побережьи, изобиловавшемъ янтаремъ). Любимый мальчикъ Аполлона, пастушокъ, становится кипарисомъ (кн. 10) вслѣдствіе неутѣшнаго горя по утратѣ дорогого оленя.

Къ этому-то послѣднему типу превращеній въ растенія принадлежитъ также приведенный г. П. И. и отмѣченный уже раньше изслѣдователями [2]) разсказъ о дѣвушкѣ—тополѣ въ томъ варіантѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ былъ, напримѣръ, Костомарову [3]). Причиною превращенія въ этомъ варіантѣ выставляется чрезмѣрная тоска по миломъ,—мотивъ

---

[1]) Припомнимъ разсказъ на эту тему, отмѣченный въ 1-й кн. Этногр. Обозр. (стр. 160) и множество подобныхъ легендъ у Аѳанасьева и Драгоманова о хожденіи Бога и святыхъ по землѣ.

[2]) См. П. Чубинскаго, Труды этногр.-статистич. экспедиціи въ зап.-рус. край, т. I, вып. 1, стр. 224. Тутъ же разсказъ о мальчикѣ, брошенномъ матерью въ воду съ проклятіемъ и превратившемся въ рака.

[3]) См. его „Объ историч. значеніи рус. народной поэзіи". Харьк. 1843, стр. 52 (съ ошибочно напечатаннымъ именемъ автора—Кастомаровъ).

Digitized by Google

несомнѣнно гораздо болѣе поэтичный. И не мудрено, что онъ вдохновилъ знаменитаго украинскаго пѣвца Шевченка („Тополя"):

По диброви витеръ вые,
Гуляе по полю,
Край дорогы гне тополю
До самого долу.
Станъ высокый, лыстъ шырокый...

Эта тополя и есть дѣвушка, превратившаяся въ дерево съ тоски и огорченія, правда, при помощи колдовства.

Очень вѣроятно, что превращеніе въ тополь позднѣе уже было пріурочено къ проклятію за лѣность къ работѣ, и повидимому одною изъ важнѣйшихъ, хотя и чисто внѣшнихъ причинъ такого пріуроченія служило простое созвучіе названія дерева (*тополя*, по-малор. жен. рода) съ глаголомъ „полоть" въ тѣхъ формахъ или, вѣрнѣе, въ цѣлыхъ фразахъ, въ какихъ этотъ глаголъ встрѣчается въ малор. разсказѣ (о *то поле*; *то полю*, то стою).

Въ народныхъ пѣсняхъ подобный эпизодъ передается еще съ одной интересною подробностью, а именно: возвращающійся послѣ долгой отлучки молодой мужъ начинаетъ рубить дерево на своемъ полѣ, но изъ дерева сочится кровь, слышится голосъ и стонъ, и онъ узнаетъ, что это его любимая жена, превращенная въ дерево злою свекровью, его матерью. Извѣстны малорусскія и польскія пѣсни съ такимъ содержаніемъ [1]). Онѣ принадлежатъ къ стародавнимъ и теперь рѣдко поются.

Что касается другихъ разсказовъ, сообщенныхъ г. П. И., и не имѣющихъ отношенія къ превращеніямъ, то можно еще остановиться на №№ 2, 4, 5 и 6, въ которыхъ рѣчь идетъ о томъ, что проклятаго сына (и исключительно сына) даже по смерти земля не принимаетъ, пока съ него не снято проклятіе. Намъ извѣстны польскія легенды на эту тему, хотя съ иными

[1]) См. П. Чубинскаго. Труды V, 704, № 308. Z. Gloger, Starodawne dumy i pieśni (Warsz. 1877, стр. 11).

Digitized by Google

подробностями; а имено: дитя, осмѣлившееся поднять руку на родную мать, по смерти выставляло изъ могилы руку, такъ какъ земля ее не принимала до тѣхъ поръ, пока мать, по совѣту священника, не высѣлка розгою виновную руку. Розга, воткнутая въ землю, выросла въ большое дерево, причемъ вся легенда приурочена была въ Польшѣ къ одной плакучей березѣ подъ Грыжиной, близъ Косцяны (Kosten—въ нынѣшней Познани). Иногда наказаніе за ударъ, нанесенный отцу или матери, и даже за намѣреніе ударить варіируется такъ, что грѣшную душу дитяти не пускаютъ въ рай. Такой мотивъ особенно часто попадается въ народныхъ пѣсняхъ и нѣкоторыхъ сказаніяхъ не только славянскихъ, но и нѣмецкихъ. [2])

Н. Я.

---

[2]) См. польскій журн. „Висла" за 1888, т. II, кн 4-я, стр. 817 (изд. въ Варшавѣ).

Digitized by Google

Опытъ бѣлорусскаго народнаго снотолкователя.

(Посвящается памяти М. П. Колосова).

Въ февралѣ 1879 г. покойный М. П. Колосовъ писалъ намъ, между прочимъ, слѣдующее: „У насъ до сихъ поръ нѣтъ народнаго снотолкователя; а желательно бы имѣть его... Не записывали-ли вы народныхъ толкованій сновъ?"...

Исполняя это желаніе незабвеннаго наставника, сдѣлавшееся вскорѣ завѣтомъ, мы во время своей собирательской дѣятельности, при каждомъ удобномъ случаѣ, записывали изъ устъ народа толкованія сновъ. Накопившійся матеріалъ (около 540 толкованій) предлагаемъ вниманію читателей, въ увѣренности, что нашъ слабый опытъ вызоветъ подражателей, совмѣстными усиліями которыхъ составится наконецъ русскій народный снотолкователь.

Предлагаемый матеріалъ собранъ въ рогачевскомъ, гомельскомъ, горецкомъ, оршанскомъ и сѣнненскомъ уѣздахъ Могилевской губерніи, и въ городокскомъ и лепельскомъ—Витебской. Кромѣ нашихъ личныхъ записей, сюда вошло нѣсколько толкованій, записанныхъ по нашимъ указаніямъ гг. П. Романовымъ, П. Буднецкимъ и г-жами Головинской и Русаковой. При этомъ толкованія, записанныя отъ мѣщанъ и духовенства, обозначены звѣздочкою.

Говорить о томъ, что народъ съ младенческою вѣрою, относится къ снамъ, почти излишне. По мнѣнію бѣлорусса, всякій сонъ непремѣнно долженъ исполниться, хотя бы исполненія его и пришлось ожидать три года. Изъ множества лицъ, съ которыми намъ приходилось бесѣдовать объ этомъ

Digitized by Google

предметѣ, только одна знахарка-ворожея (въ м. Микулинѣ, Оршанск. у.) высказала мысль, что пророческими сны бываютъ „не у́сякую ночъ: иншую ночъ справдзитца, а иншую пустый сонъ“.

Значеніе сновъ тѣмъ важнѣе, что количество толкованій и самыхъ сновъ, насколько намъ удалось подмѣтить, довольно ограничено. Длинный списокъ сновъ, приготовленный нами заблаговременно, остался съ весьма крупными пробѣлами: для множества сновъ намъ не умѣли дать толкованій. Несправедливо было бы объяснять это обстоятельство бѣдностью фантазіи бѣлорусса: издаваемыя нами сказки уже достаточно опровергаютъ такое предположеніе. Количественная бѣдность сновидѣній, намъ кажется, вѣрнѣе можетъ быть объяснена тягостью повседневнаго труда, выполняемаго бѣлорусскимъ крестьяниномъ и часто доводящаго его до полнаго физическаго изнеможенія. У женщинъ, несущихъ сравнительно болѣе легкіе труды, количество сновъ больше, и самые сны разнообразнѣе.

Не вдаваясь въ подробное разъясненіе причинъ того или иного толкованія сновъ, замѣтимъ однакоже, что кромѣ толкованій метафорическихъ и толкованій по противоположности, въ бѣлорусскихъ снотолкованіяхъ большую роль играетъ созвучіе (мука̀—му́ка, вовки—го́вки, лошадь—ложь, воши—гроши, снѣгъ—смѣхъ и т. п.) и сходство внѣшнихъ признаковъ, напр. формы, цвѣта и пр. (яблоко, яйцо—вередъ; ягоды, горохъ, бобы—слезы; блинъ—письмо (листъ); пчелы—дождь, снѣгъ и т. п.)

Толкованія сновъ стоятъ въ тѣсной связи съ народными примѣтами и повѣрьями, и это вполнѣ понятно: многіе предметы и явленія, объясняемыя такъ или иначе, какъ наблюдаемыя на яву, естественно, получаютъ такое же объясненіе и въ снахъ.

Приводимые ниже матеріалы, для удобнѣйшаго пользованія, мы располагаемъ въ примѣрной группировкѣ по отдѣламъ, а каждый отдѣлъ—въ алфавитномъ порядкѣ предметовъ.

Digitized by Google

1. Явленія и предметы природы.

Берегъ крутой увидишь—непріятность и опасность, а отлогій—веселье *.

Болото убачишъ—плакать будешъ.

Бурю видѣть—напасть нѣйкая табѣ будя.

Воду чистую, щирецъ-пёсокъ — дакъ хорошо, къ добру. И наоборотъ: бѣда будзець, нядо̀бро. Воду мутную—дакъ ловчѣй, ето добро. И наоб.: нехорошо, смутокъ будя, досада. Пить воду—быць у' людзёхъ. Переходить воду—рѣчи говорують про тябе. Также: ще коли мелкій бродъ, дакъ не соу̀симъ дренно, а большій—дужо̀ дренно. См. ключъ, озеро, рѣка, и еще: плавать, купаться (*дѣйствія*).

Вьюгу видѣть—сварка будя, бранитца будешъ.

Глину видѣть—тяжкая работа будя *.

Гору видѣть—трудъ вяликій, горе. Падать съ горы—вяликое горе. Также: потеря *. А коли не у̀падѐшъ, то ничо̀го, до̀бро. На гору итти—большое горе, а взойти—честь *. Ходить по горахъ—большую нужду побачишъ.

Грозу, громъ—сварка будя. Также: на̀пасть нѣйкая будя (см. туча). Если въ домъ ударитъ—большое несчастье въ томъ домѣ *. Безвредная гроза—веселье *.

Грязь видѣть—ето у̀же непріятность якая. Также: горе. Валяться въ грязи—поносъ (поношеніе). Ходить по грязи—очернять люди *.

Дождь видѣть—къ слезамъ. Также: напасть будя. Также: убачисься, съ кимъ давно не бачився *.

Дымъ бачить—новину почуешъ *.

Жернова видѣть—окончаніе тяжелой работы. См. камни.

Зарево видѣть—къ погодѣ. См. огонь.

Зарю бачить—къ погоди (и примѣта). Также: хорошія извѣстія *.

Землю вспаханную видѣть—къ богатству, а заросшую—къ бѣдности *.

Золото—къ богатству *. Также: хорошія дѣла будуть, заработки.

Digitized by Google

Камни видѣть—тяжелая работа будетъ. См. жернова.

Кирпичъ—къ неудачѣ.

Ключъ, Крыницу, Колодезь — коли повный—къ богатству, а сухій—къ бѣдности. См. вода.

Ледъ видѣть и перейти—ето благополушно, а обломитца—дренно. Также: здоровье *; неудача *.

Луну ясную—дакъ придя, хто въ отлучцы, здоровый. Также: ничóго, дóбро. А тьмяную бачить, дакъ придя, хто въ отлучцы, да нездоровый. Заходъ луны видѣть—смерть табѣ будя.

Морозъ видѣть—лѣтомъ къ грому; зимой—къ тяплу, дождь будя.

Мѣдь и мѣдныя деньги—плакать будешъ. Также: ня дужа хорошо. Также—горе *.

Небо красное видѣть—война будя. (И примѣта).

Огонь видѣть—сварка будя. Также къ хорошей погодѣ. Малый огонь—неудовольствіе. * См. уголья, зарево, пожаръ.

Озеро свѣтлое—няловко. И наоб.: ничóго трохи, ладно. Озеро мутное—весялѣй И наоб.: гразькое зярò (озеро)—ня вотъ-то, нядòбро. См. вода.

Песокъ—см. вода.

Пожаръ—зимой къ морозу, лѣтомъ къ жарѣ *. Также: убытокъ *. Также: ссора будетъ. Также: будя у тябе злòдѣй (воръ) у̀ дворѣ. См. огонь, уголья.

Радугу видѣть — корóмиселъ, знаймёнъ Божій. Также: кауть (говорятъ), нягода будя.

Рѣку, коли вяликую—слёзы вяликія табѣ будуць. Также: радость *. Также: быть въ гостяхъ *. Также: сплетни *. Также: важный разговоръ *. А коли малую рѣку убачишъ—малыя й слёзы. См. вода.

Серебро и серебряныя деньги—плакать. Также: обманъ *; удовольствіе *.

Снѣгъ видѣть—смѣхъ будетъ *.

Солнце видѣть—хорошо; восходъ солнца—дужо хорошо: освѣщаець цябе Господзь.

Digitized by Google

Соль видѣть и ѣсть — огорченіе *. Также: далекая дорога *.

Тучу грозовую—напасть табѣ будя. См. гроза.

Уголья горячіе—сварка будя. См. огонь, пожаръ.

Яму видѣть и упасть въ нее — бѣда случится *. (Ср. ниже: могила).

2. Предметы духовные.

Ангела бачить уво снѣ—нехорошѐ, што янгала бачишъ; ето дяволъ скидаетца янгаломъ, щобъ лихо якое здѣлать чаловѣку.

Бѣса видѣть—ето, кажуть, хорошé; ето, кажуть, янгалъ.

Богу молиться—нехорошо, кажуть. Также: благополучіе *. Предъ иконами молиться—якая небудь смерть будя. Также: тó слава Богу, тó хорошо. Также: благополучіе *. Прикладываться къ иконамъ—радость *. Молиться съ земными поклонами—будзець пропажа у дворѣ. Молиться на колѣняхъ—исполненіе желанія *.

Икона—см. Богу молиться.

Крестъ нести—тяжелый трудъ *. Шейный крестъ видѣть—огорченіе *. Къ кресту прикладываться—огорченіе *.

Хоругви видѣть—къ пожару, огонь будя большій; а черныя—къ смерти.

Церковь видѣть—къ смерти; а церковное богослуженіе—жди гостей *.

3. Человѣкъ.

Арапа бачить—будешъ бачитца, съ кимъ давно не бачився *.

Архіерея видѣть—бѣда будя *.

Бабку-пупорѣзницу бачить—хворѣть будешъ, бабку позовешъ.

Бабъ видѣть—ето сплѣтки. Бабу растрепанную видѣть—непріятность *. См. молодзица.

Бесѣду, пирушку видѣть—будя досада; а коли и добрая бывая.

Digitized by Google

Блѣднымъ быть—къ здоровью *. Также: печаль *.

Больнымъ кого видѣть—ето къ здоровъю *. Больнымъ себя видѣть—и будешъ хворѣть. Также: осуждаютъ тебя люди *.

Босымъ видѣть себя—обкрадуть.

Войну видѣть—и будя война, ти драча. Также: сильная мятель.

Войско видѣть—кашель будзець. Также: пожаръ будзець

Волосы—см. голову.

Голаго ти голую бачить—стыдъ якійсь будя. А сябе голаго бачить—ни къ худому, ни къ доброму. Также: стыдъ *.

Голову повязывать лентами—болѣзнь *; платкомъ—клопоты *. Голову голую видѣть—стыдъ *. Расчесывать голову—дѣвцы хорошѐ: замужъ хорошé выйдя; а жанатой ня вóтъ-то: мужикъ будя бить. Также: горе. Также: дорога. Также: порадошная жисть. Заплетать косу—сплетни *; перемѣна жизни *.

Гостей видѣть у себя—мертвецъ будя ў дворѣ. Также злодѣи обкрадуть.

Гробъ—см. могила

Дитя малое видѣть—ето, кажуть, хвороба къ табѣ подскакуя. Также: клопоты *. Кормить дитя—убытокъ *. Дитя колыхать—няньчить хворобу будешъ (болѣзнь вообще представляется въ видѣ дитяти). См. дѣвочка, мальчикъ.

Доктора видѣть—къ болѣзни *.

Дѣвочку небольшенькую — суета будя ў доми. А дѣвокъ бачиць—дзиво нѣйкое будзець. Также: разговоры про цябе. Также: прибыль *. См. дитя.

Жениться—см. свадьба.

Женщина—см. баба, молодзица.

Жида видѣть—дòбро; къ чаму-нибудь да Богъ приводя доброму. Также: янгалъ бывъ коло цябе (Ср. бѣсъ). Также: обманъ *; плутовать придетца *.

Животъ большой видѣть—къ прибыли *.

Зубъ—коли вывалитца самъ, то смерть. Также: рабёнокъ кили é, помре. А коли часто ето бачишъ ўво снѣ, дакъ

Digitized by Google

дѣти твоѐ нядовговѣшны. Коли выпадя бязкровный зубъ, дакъ зродникъ умрé, да зъ мужняго боку; а коли кровный—да ти дитя умре, ти ближающій зродникъ. Также: родня выпадя: ти у' солдаты возьмуть, ти умрé. Также: болѣть самому.

Коса—см. голова.

Кровь человѣчью видѣть—родственникъ пріѣдетъ *.

Ласкается кто во снѣ—просиць цябе будуць, лáщитца.

Мальчика видѣть—непріятность *. См. дитя.

Мать—см. родители.

Мертвеца видѣть—хворѣть будешъ. Также: граматызъ (ревматизмъ) будя. Также: къ непогодѣ *; къ перемѣнѣ погоды *. Покойниковъ давно умершихъ видѣть—Богъ вѣдая къ чаму: можа у церкви були. Также: къ смерти *. Мертвое тѣло—зимой отлѐга (оттепель) будя. См. могила, утопленникъ.

Могилу вырытую видѣть—безпремѣнно хтось умрé. Также: смерть, или другое большое несчастье *. (Ср. выше—яма). Гробъ видѣть—къ смерти. За три года до смерти можно видѣть. Также: веселье. Ладаномъ кадить—мертвецъ будя. Восковую свѣчу видѣть—мертвецъ будзець. А другую какую свѣчу видѣть—кладъ найти (ср. повѣрье). Зажигать свѣчу—счастье; гасить - несчастье *. Похороны видѣть—ховтуры (похороны) й будуть.

Молодзицу хорошую бачишъ—Божая Матеръ къ табѣ приходила.

Монаха видѣть—обманъ *. См. священникъ.

Ногти на рукахъ большіе видѣть—горе будзець.

Носъ большой у себя видѣть—стыдъ будя *.

Отецъ—см. родители.

Пастуха видѣть—нягода будя.

Покойникъ, похороны—см. мертвецъ, могила.

Пьянаго видѣть кого-нибудь—услышишь о его болѣзни или смерти *. Пьянымъ быть—болѣзнь *. Также: неразумный поступокъ *.

Раненымъ себя видѣть—огорченіе. * См. больной.

Digitized by Google

Родителей умершихъ видѣть—смерть табѣ будя, по тябе приходили.

Руки чистыя видѣть—слободность *; нечистыя—къ тяжелой работѣ *.

Священника видѣть—кажуць дыяволъ приходзивъ. Также: вѣцеръ будзець. Также: къ благополучію *. См. монахъ.

Свадьбу видѣть—у томъ доми ховтуры будуть. Также: николи ничого хорошаго не предвѣщая *. Самому вѣнчаться—ничого не бывая. Также: душа красуетца. Также: доля твоя красуетца. Также: больнымъ быть *. Женатому или замужней вѣнчаться—безнадежная болѣзнь и смерть *.

Ссору видѣть—мабуть (должно быть) хорошее будя што.

Утопленника видѣть—къ убытку. См. мертвецъ.

Царя видѣть—нечаянность *. Также: радость *.

Цыгана видѣть—лихорадкой заболѣешъ *. Также: обманюць *.

4. Дѣйствія.

Бить кого—нядобро: прибъетца человѣкъ, ругатца будя и уреду дѣлать. Также: помирисься зъ злосьниками. Также: гости прибъютца *.

Браниться во снѣ—радъ будешь.

Вздрогнуть во снѣ—нѣкто помрець изъ зродниковъ.

Ворожить во снѣ—батца, ня поможатца гору твойму.

Вывозить навозъ со двора—мертвеца оттуда повезуть. А видѣть навозъ—сильно хворый будя у доми.

Вѣять хлѣбъ—корысть. См. ниже: хлѣбъ *(пища)*.

Дѣлать гряды въ огородѣ—къ смерти, кауть (говорить): хто закидая—помре. Грады, бачъ—могилки.

Жать уво снѣ не такъ-то хорошо: скольки сноповъ нажнешъ, стольки годовъ проживешъ. Жатву видѣть не хорошé: возьмуть родню у солдаты и не убачишъ яго (упадетъ, какъ подрѣзанный колосъ). См. ниже: жито (*растенія*).

Заблудиться въ лѣсу—препятствіе *. См. ниже: лѣсъ *(растенія)*,

Играть что веселое—пріятный разговоръ имѣть, а пе-

Digitized by Google

чальное — скучный разговоръ *. См. ниже: слышать музыку.

Итти дорогою широкой—споръ (успѣхъ) у' дѣли; узкою — трудное дѣло *. Также: труды *.

Кататься во снѣ—неожиданная дорога *.

Красить что во снѣ—хвалить будешь кого-нибудь *.

Кружиться во снѣ—малому, дакъ на ростъ. См. падать.

Купаться во снѣ—къ радости *. Также: въ гостяхъ быть *.

Курить табакъ—непріятность; также и нюхать.

Летать во снѣ—успѣхъ въ дѣлѣ *.

Молоть во снѣ—будешъ болтать пустое, языкомъ молоть. Ср. ниже: вѣтракъ *(жилище)*.

Мотать нитки—тайность узнаешъ *; а разматывать—плётокъ много почуешъ. См. сновать, ткать; ср. ниже: нитки (*одежда*).

Мыться—см. ниже: баня (*жилище*).

Надѣвать—см. *одежда*.

Накрывать что во снѣ—конецъ дѣла *.

Находить что во снѣ—къ прибыли. Найти кладъ—не хорошо.

Нюхать—см. курить.

Одѣваться—см. *одежда*.

Падать во снѣ—малому, дакъ на ростъ. (Ср. кружиться) Также: униженіе *.

Пахать, борозну весть—ето къ смерти.

Писать письмо—непріятный разговоръ *.

Пить—см. *пища*.

Плавать во снѣ—нягодно. Также: окончаніе трудовъ, если на берегъ выплывешь *. Плавать въ лодкѣ—нехорошо, опасуйся *. Также: далекая дорога *. Плавать по мутной водѣ—получишъ въ дорогѣ непріятныя вѣсти *.

Плакать во снѣ—радоватца будешъ.

Потерять что—плакать будешъ. Также: неудача *.

Продавать что—прибыль *.

Прясть во снѣ—къ дорози.

Пѣть во снѣ—кауть, плакать будешъ. (См. ниже: слы-

Digitized by Google

шать пѣніе). Также: печаль *. Также: устань хутчѣй (скорѣй) да умыйся, и опять запѣй тую пѣсню, а то пожаръ будя. Пѣть молитвы—радость *. Ср. выше: Богу молиться.

Сидѣть во снѣ—честь, а стоять—оскорбленіе *.

Скакать (танцовать) во снѣ—дѣвцы ти хлопцу радость, а мущини разореньня *.

Слышать музыку—у кого чувъ, дакъ и почуешъ тамъ ховторы (похороны). Также: чортъ приходивъ къ табѣ. Также: новости почуешъ*. Лай слышать—непріятный разговоръ. Пѣніе слышать—плакать будешь (ср. пѣть). Мужское пѣніе—удовольствіе, женское — неудовольствіе *. Звонъ слышать—напраслину хто-небудь гоня; говорки. Также: новости слышать *. Звонъ большого колокола—большія сплетни; малыхъ—мелкія *. Выстрѣлъ слышать — письмо будетъ *. Слышать стонъ—огорченіе *.

Смѣяться во снѣ—поплачешъ.

Сновать кросна—къ дорози, у дорогу поѣдешъ. Также: плётки снуюць, готуюць. Также: плохія дѣла *. См. мотать, ткать.

Спотыкаться во снѣ—препятствіе.

Стоять—см. сидѣть.

Суетиться во снѣ—спокойствіе.

Терять—см. потерять.

Ткать кросна—одолѣешъ вороговъ. Видѣть кросна—злосьникъ, знатца, зюкаець, бяду готуець. Также: плётки. См. мотать, сновать.

Умываться—см. мыться.

Ходить по хатѣ и не выйти—большое горе; а коли выйдзешъ—оцягнесься на жисць.

Цѣловаться—получишь оскорбленіе *. Также: свиданіе *.

Чесать—см. выше: голову.

Читать во снѣ—хорошая новость *.

Шить во снѣ—клопоты *. Также: сплетни *.

Ѣсть—см. *пища*.

Ѣхать въ телѣгѣ или простыхъ саняхъ—бѣдность, а въ каретѣ—честь *. Ѣхать верхомъ—значитца, скорыстуешъ

Digitized by Google

зъ дурака. Также: вѣцеръ будзець. Ѣхать по желѣзной дорогѣ—болѣзнь *; опасность *.

5. Пища.

Баранину ѣсть—здохня ти пропадé што-небудь ´съ скотины.

Блины ѣсть—горко табѣ будя, досада. А видѣть блины—знатца, письмо получишъ отъ сына солдата. Также: шельма якая-небудь звóня объ табѣ (сплетни).

Булки, пироги (бѣлый хлѣбъ) ѣсть—непріятность, досада.

Варить кушанье—сварка будя.

Вино пить—честовать будуть *.

Вишни ѣсть—къ слезамъ.

Водку (горѣлку) пить—горко будзець, горе.

Говядину ѣсть—скотина подохня, вóпадь (падежъ) будя. Также: непріятность *, печаль *. Свое мясо ѣсть—не къ добру: утопись (утонешь).

Голоднымъ быть—хорошо, нужды ня будя *.

Горькое ѣсть во снѣ—нѣкто гнѣваетца на цябе. Горькое пить—къ нуждѣ *. (См. водка, рѣдька, хрѣнъ).

Груши ѣсть—дакъ скулля (чиреи) обсядя. Также: къ слезамъ *.

Икру ѣсть—слезы *.

Масло видѣть коровье—исполненіе желанія *.

Медъ ѣсть; дакъ погано, горко табѣ будя. Также: што-небудь будя. Также: сварка будя. Также: нехорошо, медно будя, печаль.

Молоко бачить—сварка будя (ср. сыръ, чай). Также: нехорошо. Также: забота *.

Муку ржаную—мýка будя, досада.

Мясо—см. говядина.

Обѣдъ давать—сваты будуть *.

Рѣдьку ѣсть—горе.

Сало видѣть или ѣсть—бить будуть.

Солодкое ѣсть—будзешъ отъ нѣкого дзяку мѣць.

Digitized by Google

Сыръ—сварка будя (ср. молоко) Также: къ смерти, у томъ доми будя (покойникъ).

Хлѣбъ печеный видѣть или ѣсть—печаль якая-небудь на серцы печетца. Также: нужда будя *. Хлѣбъ печь—печаль будя. Хлѣбъ мѣсить къ печали *. См. выше: вѣять (*дѣйствія*).

Хрѣнъ есть—горе.

Чай пить во снѣ—неожиданный подарокъ *. Съ молокомъ чай—ссора будетъ *.

Яйца видѣть—ня вòтъ-то: скула (чирей) сядя. Разбить яйцо—смерть табѣ будя. (Ср. смерть Кощея по сказкамъ).

6. Одежда и ея принадлежности.

Башмаки коли обуéшъ, дòбро; а разуéсься—дренно. Новые башмаки—радость, старые—непріятность *. Также: нужда. Головки отъ старыхъ сапогъ видѣть—значить, здѣлаешъ што-небудь такое, што посли себе дуракомъ назовéшъ *.

Бисеръ видѣть—ето слёзы. Также: большія хлопоты, а малая польза *.

Бусы, корали, занизки—слезы, и чимъ буйнѣй (крупнѣе), тымъ горше. Также: руку порѣжешъ.

Бѣлье чистое носить—дакъ хорошо, веселъ будешъ. Также: чистымъ будешъ. А грязное—стыдъ *. Стирать бѣлье—сплетни *.

Жемчугъ—слезы *. Также: хорошее знакомство *.

Кольцо видѣть—женитьба или замужество.

Кросна—см. выше: сновать, ткать.

Кораллы—см. бусы.

Ленты видѣть—замужъ пойдзець, коли дзѣвка. Также: дорога *.

Нитки спутанныя видѣть—препятствіе въ дѣлахъ *. См. выше: мотать.

Одежду видѣть черную—посцель будзець, захворѣешъ. Также: подарокъ *. Бѣлую—дакъ ето хорошо; новую—ня-дуга; особливо, коли хто въ отлучцы ёсь, дакъ хворѣець. Также: благополучіе *. У старой одзежи видзѣць (кого-ни-

Digitized by Google

будь), дакъ, знатца, вясёлъ ёнъ, здоровъ. Также: къ нуждѣ *. Богатую одежу хорошѐ бачить. Много одёжи видѣть—клопотовъ много будя.

Платокъ видѣть—письмо будетъ *. Также: подарокъ *.

Подушки видѣть—нездоровье *. Также: письмо *. Ср. постель.

Полотно, холстъ видѣть—дорога будя *. Полотенца—къ дорогѣ *. Холстъ разстилать — дорога якая-небудь выпадя табѣ. Также: письмо придя.

Постель—нездоровье *; дорога *. Ср. подушки.

Поясъ завязывать—тяжелый трудъ *; а развязывать—облегченіе труда *.

Рукавицы надѣвать—препятствіе.

Сапоги—см. башмаки.

Ситецъ мѣрять или видѣть—деньги получать *.

Холстъ—см. полотно.

Чепецъ надѣвать—клопоты *.

Чулки вязать—гроши получать *.

Шапку надѣвать — клопоты *. Шапку хорошую носить во снѣ—честь, а диравую—стыдъ *.

Шубу видзѣць—шумъ будзець.

7. Жилище, утварь, орудія.

Баню видѣть—древно: говорки, страмъ якійся. Мыться въ банѣ—языками цябе людзи мыюць: говорки. Также: хвастать будешъ *. Мыться горячей водой—непріятность *.

Борону бачить—говорки злыя, колоть будуть.

Веретено бачиць—сплетки бываюць, нѣхто круциць коло цябе.

Вѣтракъ (мельницу) видѣть: древно, располагають старыя бабы. Также: языками мелюць про цябе. Ср. выше, *дѣйствія*: молоть.

Горницу чистую бачить—хорошо.

Го́родъ бачить—къ болѣзни. Также: у Кіевъ пойдешъ Богу молитца.

Горшки видѣть—пустое занятіе *. См. кувшинъ.

Digitized by Google

Двери горящія видѣть женатому—жена помретъ *. Отворять двери и не отворить—неисполненіе желанія *.

Домъ новый убачишъ, дакъ во́—можа захворѣешъ, а то це й умре́шъ. Также: къ смерти. Домъ строить — будзець мертвецъ, построишъ домовину, труну (гробъ).

Замо̀къ видѣть—значитца, коли помовчишъ, дакъ не будешъ каятца *.

Зеркало видѣть—товаришъ обманя *. Также: свобода будетъ *.

Золу въ печи видѣть—сердитца будешъ *.

Иголки видѣть—опасность *.

Изгородь видѣть—сплётки почуешъ.

Кабакъ видѣть—пекло увидѣвъ, Богу молись.

Квашню видѣть—къ печали. См. выше: хлѣбъ (*пища*).

Клещи кузнечныя видѣть—помочь въ работи *.

Крышу новую на своемъ домѣ видѣть — къ радости, а старую—къ бѣдности *.

Кувшинъ—новости пустыя *. См. горшки.

Ключъ найти—тайну откроешь *. Также: вора отыщешь *.

Лодка—см. выше: плавать (*дѣйствія*).

Мѣру (четверикъ) видѣть—аккуратно жить станешь *.

Окно отворенное видѣть—подарокъ будя *; прибыль *.

Острогъ видѣть—тоска и печаль будя *.

Печь видѣть—печаль будя якая-небудь, пячетца на серцы (Ср. выше *пища*: хлѣбъ). Развалившуюся печь видѣть—смерть отца или мужа *.

Свѣча—см. выше: могила (*человѣкъ*).

Столъ накрытый видѣть—къ доброму ето.

Сундукъ пустой—ето гробъ.

Телѣгу видѣть—къ смерти ро̀днаго.

Цѣпы видѣть: говорки, молоцюць про цябе языками.

8. Животныя.

Барана бачить — помрешъ. Также: отъ глупости польза будя *. Овцу видѣть — зимой отлига (оттепель). Также: смерть. Также: блёвкать будуть,—гомонка гдѣ-нибудь будя

Digitized by Google

объ тую, хто видя. Хорошихъ овецъ, шлёнскихъ видѣть,— помрець отъ жабы кто.

Волка видѣть—гомонъ, говорки будуть; говка будя. Также: сваты будуть, коли молодому снить. А если волкъ что утащитъ, то свадьба будетъ. Также: злосьникъ; коли чорный, дакъ съ чорными волосьсями, а рыжій, дакъ зъ рыжими—злосьникъ.

Ежа видѣть—опасность *.

Зайца бачить—погано. Также: обманъ (ср. повѣрье).

Козу видѣть—клевету почуешъ. Также: непріятность *.

Корову бачить чорную—хвороба, чернота табѣ будзець. Также: опасность *. Корову доить—слёзы, плакать будешь Доеную видѣть—непріятность *; недоеную—свиданіе съ пріятелями *. Теленка видѣть—къ хвороби.

Кошку видѣть—подзяресься съ кимъ.

Кроликовъ видѣть—гости будутъ.

Крота убачишъ—жди злодія (вора) *.

Лисицу видѣть — дакъ пожаръ будзець. (Ср. выраженіе: лиску поймать—опалить платье). Также: обманъ отъ пріятеля *.

Лошадь видѣть—постель тяжкая, хвороба. Также: смерть. Также: ложь, солжѐшъ што-нѐбудзь. Также: ложь услышишь *. Также: непріятель такій, нежданный. Гладкій лошадзь—ничо̀го, до̀бро; а худэй—хвороба. Чорный лошадзь—злосьникъ, лиходзѣцель; а такъ якій—придзетца у̀ дорогу ѣхаць. Ловить лошадь во снѣ—потеря.

Медвѣдя видѣть — постель тяжкая, хвороба, поляжишъ. Черный медвѣдь—къ хвороби; а слѝ ударицъ, а водали бачиць—дзиво нѣйкое будзець. Также: смерть сродника *.

Свинью бачить—вѣдьма тябе зрадя. Также: ето люди супостаты на тябе. Лиходзѣцель нѣйкій у цябе. Злосьница. Бѣлая свинья — смерть. Свинья съ поросятами—знатца, у̀ дворъ дармоѣдъ придзець.

Скотъ во время ѣды видѣть—къ безкормицѣ. Выгонять скотъ въ поле—смерть будя.

Собаку видѣть—хорошій сонъ; а хто кажа: нехорошій.

Digitized by Google

Также: брѐхни. Коли кусая—дакъ ворогъ тябе укуся. А коли лащитца—другъ будя *. Собаку злую или бѣшеную—наврѐтца злосьникъ нѣйкій. Также: болѣзнь друга *. Собачій лай —см. выше *дѣйствія*: слышать.

Теленокъ—см. корова.

Хвостъ чій бачиць ўво сиѣ—хвастоваць будзешъ *

Аиста (бусла, буцяна) видѣть—большая потеря.

Воробья видѣть, поймать—забеременѣешъ; а коли ўже няволна (за́-мужемъ), дакъ родины скоро. (Ср. жаворонка, птичку).

Ворону, коли бачишъ, што нясець што ды ўпусьциць — дыкъ гроши на́йдзешъ.

Голубя видѣть — янгалъ коло цябе бывъ. Также: женихъ будя *. Много голубей—къ счастью *.

Гнѣздо птичье найти—перейдешь на лучшее мѣсто *.

Гусей, коли бѣлыхъ—къ снѣгу; коли кричать—помре хто-небудь, поплачешъ.

Дятла долбящаго видѣть—неожиданныя извѣстія *. Также: печаль.

Жаворонка видѣть—забеременѣешь (ср. воробья, птичку). Также: къ веселью *.

Коршуна видѣть—ворогъ будя и злодій (воръ)*; а коли кого задзярѐць—то къ смерци.

Кукушку видѣть—печаль.

Куръ видѣть—клопоты будуть. Также: пріятели будуть *.

Ласточку видѣть—новости почуешъ *.

Орла видѣть—получишь письмо о смерти кого *.

Птицъ дикихъ видѣть—подарокъ будя *. А поймать ихъ —къ радости *.

Птичку поймать — забеременѣешъ, (ср. воробья, жаворонка); а холостая замужъ пойдя.

Пѣтуха видѣть—женихъ найдется *. А если онъ красный, то пожаръ будетъ *.

Сову видѣть—свиданіе *.

Digitized by Google

Утку видѣть—письмо будя *. А поймать или купить ее—женитца.

Карася, лина, окуня видѣть—забеременѣешъ на хлопца (см. рыбу).

Пьявку поймаешъ—забеременѣешъ: пьявка вопъѐтца, дакъ не минѐтца, забеременѣешъ. Ср. рыбу.

Рака видѣть сырого—ништó, а вáренаго—якѐй небудь стыдъ примешъ, попячѐшъ раки. Также: враги *; сплетни *.

Рыбу—коли живая, дакъ дѣти жить будуть (также: здоровье), а коли мертвая—помруть (также: болѣзнь). Коли уловишъ рыбину—забеременѣешъ (см. карася, пьявку, жабу). Свѣжую рыбу видѣть—што-либо почуешъ, новину якую. Выбирать рыбу—нездоровъ будешь. Ловить рыбу—непогода *; болѣзнь *; подарокъ *. Удить рыбу—скука будя*.

Щуку видѣть—болѣзнь.

Гада видѣть—ýрагъ, непріятный человѣкъ. Также: злая женщина, вѣдьма *.

Змѣю видѣть—конь ударя. А коли гонитца—ворогъ ёсь, напасць нацягнуць хочець. Также: тайный врагъ*. Ужа видѣть—сватовъ жди.

Жабу видѣть—забеременѣешъ. Также: непріятность *; зависть *.

Лягушку видѣть—пьяныхъ убачишъ.

Ящерку видѣть—малый ýрагъ.

Блохъ ловить—къ смерти; а вшей—къ деньгамъ, гроши будуть.

Муравьевъ видѣть—дакъ гето старацелныхъ людзей увидзишъ.

Пчелъ видѣть—къ снѣгу или дождю. Также: напасть. Также: непріятность. Также: молодой баби, коли жало ýпустя,—забяременѣя. Коли рой выйдя, дакъ помре хто—сироту примешъ. Также: сéмья разорится *.

Digitized by Google

9. Растенія.

Арбузы (тыквы) видѣть — нехорошо, хвороба. Ще коли здоровыя, дакъ ништо, а коли гнилыя, то довго будешъ лежать. Вообще, гнилое што бачить—раны носить, гнить будуть. Также: тошнота, тоска.

Горохъ, бобъ убачишь, дакъ ето поплачешъ: слезы посыплютца, якъ бобъ, ти якъ горохъ. См. жито, просо.

Грибы брать—нехорошо; хоть якая хвороба, да ўсё поплачешъ; и што луччія грибы бярéшъ, добрыя (боровики), дакъ хужай горе: Также: прибыль. И наоб.: потеря. Также: скула сядя *.

Дерево срубленное или сломанное видѣть—помре старшій у доми; также и бревно, колоду. Дерево сухое—къ досади, сохнуть будешъ; также и бревно: сухота будя, тошновать будешъ. Дерево согнувшееся—печаль будзець *. Дерево зеленое—весёлость; голое—скука. Дерево цвѣтущее—непріятность. Вообще лиственное дерево -- придзетца жиць мижъ сварливыхъ людей. Вообще хвойное дерево — печаль послѣ непродолжительной радости. Лѣсъ сосновый — къ пожару. Лѣсъ бачишъ—коли темный, дакъ ето печаль, гора вяликое. Также: болѣзнь *. Дрова видѣть—сухота будя. Деготь — къ досадѣ. См. еще садъ, сирень.

Жито на нивѣ зеленое увидишъ—знатца, оженишъ сына ти дочкў выдаси. Также: нехорошо. Созрѣвшее жито — хорошо жить будешъ. Также: къ урожаю. Также: ти скула сядя, ти хвороба злучитца. Жито въ зернѣ —добрò, къ житьтю къ доброму; но зерновой хлѣбъ и къ слезамъ. Озимь зеленую видѣть—хорошо, веселость табѣ будя. Также: ето къ житьтю къ добрачому. Также: прибыль *. См. горохъ, просо, и еще выше: жать (*дѣйствія*).

Капусту бачить—хвороба будя, и што боляй, дакъ худжай. Кочаньня—дренно, хвороба будзець.

Картофель (бульбу) видѣть — скульля будя. Также: уроджай будя на бульбу. Также: къ слезамъ *.

Коноплю, ленъ брать—слёзы будуть.

Digitized by Google

Ладонъ—см. выше: могила *(человѣкъ)*.

Лукъ зеленый—стыдъ *. Также: слёзы *.

Лугъ зеленый убачишъ, дакъ перша погоруешъ, а посли хорошо будя. Также: радость *; а скошенный—печаль *.

Лѣсъ—см. дерево, и выше: заблудиться *(дѣйствія)*.

Огурцы видѣть—хвороба будя табѣ.

Орѣхи—къ слезамъ.

Просо — къ слезамъ; кромѣ того: скрòбость (коръ) ти воспа на дѣтяхъ будя, ти што. Также: досада, ти дѣти умруть. См. горохъ, жито.

Садъ цвѣтущій—дакъ дѣвцы жанихъ будя, а хлопцу нявѣста *. Садъ хорошо што видàешъ: весело будя. И наоборотъ: досада вяликая будя.

Сирень, цвѣты—небольшая забава.

Сѣно — шумъ якій-небудь будя у доми. Также: смерть кому небудь будя у хати. Также: сухота табѣ будзець. Также: къ шуму, къ сваркѣ. См. траву.

Табакъ—см. выше: курить (*дѣйствія*).

Траву скошенную, въ покосахъ видѣть—къ смерти. Также: большой убытокъ *. См. сѣно.

Хлѣбъ зерновой—см. жито, просо.

Чай—см. *пища*.

Цвѣты рвать — хвалить будуть *. Цвѣты на головѣ носить—набъють *.

Щавель рвать—согласіе въ семьѣ.

Яблоки видѣть—нехай Богъ бороня, болячки будуть. Также: слезы. Также: большая непріятность. Яблоки чистыя — здоровье, а червивыя—болѣзнь.

Ягоды красныя убачишъ—нехорошо: короста будя. Также: воспа у дятей будя. Ягоды чорныя—нядовко, жалòба (трауръ) будя. Также: слезы *. Рябину убачишъ, то уже поплачешъ. Калину ня вотъ-то бачить: слёзы, горко будя. Агрустъ (крыжовникъ)—къ слезамъ. Бруснику бачить—слезы нѣйнія будуть. Также: скульля, короста. Также: горячка.

Е. Романовъ.

Digitized by Google

ДВѢ СТАТЬИ
О КИРГИЗСКИХЪ И САРТСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ *).

(Съ приложеніемъ напѣвовъ).

I.

Киргизская поэзія находится на той ступени развитія, когда всякое литературное творчество въ полномъ смыслѣ слова составляетъ достояніе не однихъ избранныхъ лицъ, но цѣлаго народа. Лишенныя всякой искусственности и тѣхъ литературныхъ эффектовъ, которые впослѣдствіи непремѣнно проникаютъ во всякую поэзію, киргизскія пѣсни поражаютъ иногда дѣйствительно поэтическою прелестью, соединенною съ художественной простотой и правдивостью.

Въ музыкальномъ отношеніи киргизская пѣсня отличается какою-то особенною широтою мотива, но для того, чтобы

*) Печатаемыя здѣсь двѣ статьи извлечены изъ архива Имп. Общества Люб. Естествознанія. Первая статья предназначалась для Записокъ Туркестанскаго Отдѣла Общества, изданіе коихъ не состоялось; она принадлежитъ г. Готовицкому, писавшему недавно о юридическомъ бытѣ киргизовъ (см. Юридическій Вѣстн. 1885, № 5), и хотя она написана довольно давно, однако не утратила живого интереса. Вторая статья, съ приложеніемъ нотъ, была прислана г. Пеннигомъ на Моск. Антропологическую выставку (1879 г.) на нѣмецкомъ яз. и переведена по-русски покойнымъ М. Н. Харузинымъ; въ рукописи она была извѣстна А. Н. Харузину (см. его изслѣд. „Киргизы Букеевской Орды“ вып. I, стр. 136,—въ „Извѣстіяхъ Имп. Общ. Люб. Естествозн. Антроп. и Этногр.“, т. 63). Обѣ статьи въ печати не были, и такъ какъ онѣ трактуютъ объ одномъ и томъ-же предметѣ, но при томъ такъ, что одна пополняетъ другую, то и печатаются вмѣстѣ. Ко второй статьѣ прилагаются мотивы, записанные г. Пеннигомъ, и русскій переводъ имъ-же записанныхъ текстовъ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ киргизскихъ пѣсенъ, записанныхъ въ 1888 и 1889 гг. чл. Этногр. Отдѣла А. А. Ивановскимъ въ Семирѣченской области.

Ред.

Digitized by Google

уловить его, нужно внимательно прослушать пѣсню нѣсколько разъ. Если первое впечатлѣніе, которое она производитъ на человѣка, не привыкшаго къ киргизской мелодіи, не можетъ быть названо особенно хорошимъ, то его далеко нельзя назвать также и непріятнымъ; а чѣмъ болѣе въ нее вслушиваешься, тѣмъ болѣе начинаетъ нравиться самая ея своеобразность.

Киргизы большіе охотники до пѣнія; всѣ они чрезвычайно любятъ изливать въ пѣніи свои мысли и впечатлѣнія на какой либо извѣстный или ими самими импровизуемый мотивъ. Пѣвца по занятію, или *ойлянчи* [1]), поющаго свои пѣсни съ аккомпаниментомъ думбры, или трехструннаго инструмента въ родѣ гитары, киргизы слушаютъ съ видимымъ наслажденіемъ. Ни одинъ праздникъ, ни одно сборище народное не обходится безъ ойлянчи. Расположившись вокругъ него, слушатели устремляютъ на него все свое вниманіе и отъ времени до времени, увлекшись или содержаніемъ пѣсни, или удачнымъ переходомъ въ мотивѣ, выражаютъ свое наслажденіе одобрительными восклицаніями.

Но кромѣ пѣсенъ спеціальныхъ пѣвцовъ, каждое семейное событіе, какъ то: свадьбы, рожденіе сына [2]), похороны поминки, непремѣнно сопровождается пѣснями самихъ участниковъ церемоній, сложенными для этихъ случаевъ и поющимися мужчинами и женщинами, то хоромъ, то въ одиночку. Вообще почти всякая радость, всякое горе изливается у киргизъ въ пѣніи, которое въ большинствѣ случаевъ всегда прочувствовано и подчасъ производитъ глубокое впечатлѣніе на слушателя.

Мнѣ случилось разъ вмѣстѣ съ знакомымъ моимъ заѣхать въ одинъ большой аулъ. Киргизы весьма заинтересовались столь неожиданнымъ появленіемъ двухъ тюрей (чиновниковъ).

---

1) Семирѣченскіе и семипалатинскіе киргизы, по свидѣтельству г. Ивановскаго, говорятъ *улиёнчи* (отъ *улиён*—пѣсня). Такъ называютъ простого пѣвца, поющаго не собственныя пѣсни, въ отличіе отъ *акина*—пѣвца-слагателя.

Ред.

2) Рожденіе дочери не празднуется.

Digitized by Google

Одинъ изъ нихъ, бій и человѣкъ повидимому довольно достаточный, пригласилъ насъ зайти къ нему въ кибитку и зарѣзалъ барана. Та часть кошмы кибитки, которая оказалась обращенной къ сторонѣ вѣтра, была тотчасъ же поднята подъ „иргу“ [1]), и въ этомъ просторномъ убѣжищѣ, прохлаждаясь кумысомъ, подаваемымъ намъ двумя женами хозяина, мы нашли для себя защиту отъ сильно чувствуемаго въ степи дневного жара. Болѣе почетныя лица аула вошли и разсѣлись ближе къ выходу внутри кибитки, а остальные помѣстились вокругъ нея, то внимательно наблюдая за нами чрезъ рѣшетки кибитки, гдѣ была приподнята кошма, то разглядывая нашихъ лошадей и наши сѣдла.

Въ это время вниманіе наше было остановлено пѣснею, которая отзывалась неподдѣльною тоскою. Сильный и чистый женскій голосъ, mezzo-soprano, раздавался въ степи, какъ будто неподалеку отъ насъ. Я не могъ уловить мотива, но онъ былъ чрезвычайно оригиналенъ и разнообразенъ, и навѣрное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходилъ въ импровизацію. Вниманіе всей публики обратилось къ пѣснѣ; по лицамъ можно было заключить, что пѣсня нравится, что она понятна слушателямъ и нашла себѣ въ нихъ сочувствіе.

„Было время,—пѣлъ этотъ голосъ,—когда мой защитникъ, источникъ моего счастія былъ живъ, когда онъ красовался на бархатномъ (ворономъ) иноходцѣ, и когда я не была одинока. Ни одинъ путешественникъ, султанъ или казакъ, богатый или бѣдный, не проѣзжалъ мимо нашего аула, не посѣтивъ нашей кибитки. Распоряжаясь прислужниками, я старалась угодить тому, кто былъ лучшимъ изъ наѣздниковъ [2]), и ухаживала за гостемъ. Всѣ относились къ намъ съ уваженіемъ, и тотъ, кто называется теперь волостнымъ, не разъ держалъ подъ уздцы иноходца моего мужа и господина. Время измѣняется; ишакъ (оселъ) сталъ перегонять быстраго бѣгуна. Кто захочетъ посѣтить теперь меня одинокую!..“

Оказалось, что пѣвшая эту пѣсню была вдова самаго по-

---

[1]) Веревка, стягивающая кошмы (войлокъ), которыми закрыта кибитка.

[2]) Подразумѣвается умершій мужъ.

Digitized by Google

четнаго человѣка въ аулѣ. По смерти мужа она перестала почти выходить изъ кибитки, которую она всегда старалась ставить вмѣстѣ съ другой, ей принадлежащей, въ отдаленіи отъ другихъ, и вообще предавалась одиночеству. По словамъ нашего хозяина, когда она не была замужемъ, она считалась лучшей пѣвицей всего аула и не разъ, вступая въ состязанія съ извѣстными ойлянчи, одерживала надъ ними верхъ своимъ искусствомъ и остроуміемъ. Теперь грусть по мужѣ служила единственнымъ содержаніемъ ея пѣсенъ, и какъ только до нея доходило извѣстіе, что въ аулѣ у кого нибудь гости, такъ та же печальная пѣсня оглашала аулъ и его окрестности. Между своими одноаульницами она пользовалась большимъ уваженіемъ.

Цѣня способность къ пѣнію и импровизаціи, киргизы, въ особенности молодежь, обращаютъ большое вниманіе на всѣхъ лицъ, обладающихъ этимъ талантомъ. Никакая дѣвица не можетъ имѣть столько поклонниковъ и вздыхателей, какъ та, которая заявила о себѣ своимъ остроуміемъ и своими пѣснями; точно также и хорошій ойлянчи, конечно, если онъ не старъ и не безобразенъ, пользуется такимъ расположеніемъ киргизскихъ дѣвушекъ, какого никогда не добьется ходжа [1]), будь онъ богатъ, поглоти онъ всю мудрость мусульманскихъ книгъ въ бухарскихъ медресе (школахъ) и носи онъ на головѣ чалму какихъ угодно размѣровъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о разницѣ, существующей въ отношеніяхъ къ своимъ пѣвцамъ у киргизъ и у другого, сосѣдняго съ ними народа — сартовъ. Пѣвцы послѣднихъ, или *гафизы*, хотя и пользуются бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ „маскерабазы", т. е. комедіанты, но на нихъ, не смотря на названіе, которое они носятъ [2]), смотрятъ всетаки какъ

[1]) Ходжами называются въ киргизской степи потомки первыхъ распространителей между киргизами магометанства и кромѣ того тѣ сарты, которые, разъѣзжая въ одиночку по степи, учатъ правиламъ мусульманской вѣры. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ подразумѣвать ходжу послѣдняго рода.

[2]) Гафизъ—собственное имя одного изъ знаменитыхъ персидскихъ поэтовъ XIV в.; въ значеніи же нарицательнаго имени hâfiz означаетъ ученаго, изучившаго наизусть коранъ.

Digitized by Google

на ремесленниковъ искусства, которые могутъ явиться въ домъ или на пиръ не иначе, какъ по приглашенію. Между тѣмъ киргизы на своихъ пѣвцовъ смотрятъ съ такимъ же уваженіемъ, какъ смотрѣли арабы на своихъ пѣвцовъ-наѣздниковъ, и относятся къ нимъ почти такъ-же, какъ въ средніе вѣка относились къ миннезенгерамъ и менестрелямъ.

Подобно пѣвцамъ-наѣздникамъ арабскимъ, извѣстные киргизскіе пѣвцы предпринимаютъ иногда путешествія и, переѣзжая съ думброй въ рукахъ изъ аула въ аулъ, передаютъ въ своихъ пѣсняхъ преданія киргизской старины и любовныя похожденія, или уже ранѣе сложенныя въ пѣсни, или свои собственныя, въ которыхъ у ловкаго ойлянчи не бываетъ недостатка. Нѣкоторые изъ ойлянчи достигаютъ такой славы, что съ прибытіемъ ихъ въ аулъ, на сборище народное, одно изъ лучшихъ мѣстъ уступается имъ, и всѣ присутствующіе ухаживаютъ за ними, какъ за почетными гостями. У сартовъ нерѣдко извѣстный своимъ искусствомъ пѣвецъ, позванный на „тамашу", вторитъ танцующему мальчику и аккомпанируетъ его страстной пѣснѣ на своемъ дуттарѣ вмѣстѣ съ другими музыкантами, играющими на бубнахъ и барабанахъ, и такимъ образомъ уже играетъ второстепенную роль въ зрѣлищѣ, гдѣ всё вниманіе зрителей обращено на пѣніе и тѣлодвиженія мальчика. Если же извѣстный ойлянчи поетъ на какомъ либо собраніи, то достаточно бѣглаго взгляда на слушателей, чтобы увидѣть, какъ все ихъ вниманіе сосредоточено именно на пѣвцѣ, на содержаніи его пѣсни и ея мотивѣ. Остроумное слово или удачный оборотъ мотива вызываютъ одобренія, а всякая помѣха пѣвцу встрѣчаетъ громкое неудовольствіе.

Хотя настоящія замѣтки не имѣютъ своимъ предметомъ пѣсни, поющіяся гафизами, но для того, чтобы болѣе рельефно выставить особенности киргизской пѣсни, нельзя не прибѣгнуть къ сравненію ея съ сартовской.

Содержаніемъ сартовскихъ пѣсенъ, кромѣ подвиговъ ихъ героевъ „палвановъ", служитъ въ большинствѣ случаевъ воспѣваніе любви, описаніе женской красоты и любовныхъ

Digitized by Google

приключеній. Послѣдній видъ пѣсенъ сарты наиболѣе любятъ; какъ жители знойнаго востока, они внесли въ нихъ много страсти и неподдѣльнаго чувства. Ни въ содержаніи, ни въ мотивѣ этихъ пѣсенъ не сохранено того однообразно-оригинальнаго колорита, которымъ обыкновенно отличаются пѣсни народа цѣльнаго, не смѣшаннаго, и какъ бы въ соотвѣтствіи съ смѣшаннымъ происхожденіемъ сартовъ, въ пѣсняхъ ихъ можетъ быть подмѣчено нѣсколько оттѣнковъ. Однѣ изъ нихъ нѣжны и имѣютъ предметомъ своимъ описаніе чистой любви къ такому существу, душа котораго непорочна, какъ звѣзда; въ другихъ, наоборотъ, грубая страсть и чувственность проявляется въ каждомъ словѣ. Большинство первыхъ заимствованы изъ персидскихъ поэтовъ Саади (1184—1201) и Низами (1141—1202), или если и составляютъ произведенія поэтовъ джагатайскихъ, *) то принадлежатъ тѣмъ изъ нихъ, которые, какъ Миръ-Али-Ширъ-Навваи, подражали поэтамъ персидскимъ. Кромѣ того, особенно распространены пѣсни, заимствованныя у упомянутаго выше одного изъ семи свѣтильниковъ персидской поэзіи, пѣвца любви по преимуществу — Гафиза, котораго воспѣлъ Гейне; имя его такъ популярно, что оно сдѣлалось нарицательнымъ для всѣхъ пѣвцовъ (гапизъ или гафизъ). Сообразно съ характеромъ содержанія пѣсенъ, и мотивы, на которые они поются, то нѣжны, мягки и не лишены нѣкоторой пріятности, то грубы, рѣзки и крикливы. Въ пѣсняхъ киргизъ такого различія не имѣется, и всѣ онѣ носятъ на себѣ одинъ исключительно имъ свойственный характеръ.

Манера исполненія сартовскихъ и киргизскихъ пѣсенъ также различна: первыя поются чрезвычайно громко и часто фальцетомъ; вторыя гораздо тише, болѣе largo и въ большинствѣ случаевъ естественнымъ голосомъ. Сартовскія пѣсни часто поются двумя или болѣе гафизами сразу въ одинъ тонъ; киргизскіе ойлянчи, въ особенности болѣе извѣстные,

1) Этотъ терминъ прилагается къ восточно-турецкимъ діалектамъ Хивы, Бухары и Кокана, а также къ туркменскимъ діалектамъ Туркестана (Кашгаръ, Яркендъ и т. д.). *Ред.*

Digitized by Google

предпочитаютъ пѣть одни, такъ какъ, при исполненіи solo, они имѣютъ болѣе возможности переходить въ импровизацію.

Особенное отличіе въ исполненіи киргизской пѣсни заключается также и въ томъ, что при пѣніи длинныхъ пѣсенъ ойлянчи часто прерываютъ ихъ разсказомъ дальнѣйшаго содержанія пѣсни, сопровождаемымъ отъ времени до времени легкими аккордами, и потомъ снова смѣняютъ его пѣніемъ, иногда на прежній мотивъ, иногда на новый.

Обращаясь снова къ содержанію киргизскихъ пѣсенъ, необходимо упомянуть, что принятое въ литературѣ раздѣленіе поэзіи на эпическую, лирическую и драматическую можетъ быть вполнѣ удобно примѣнено и къ нимъ, хотя, конечно, послѣдній родъ можетъ существовать въ киргизской поэзіи только въ зародышѣ.

Къ пѣснямъ съ характеромъ эпическимъ должны быть отнесены всѣ пѣсни объ Аблай-ханѣ, Абуль-хаирѣ, Кенисары, Наурузъ-баѣ и проч. [1]) Въ нихъ воспѣваются военные подвиги этихъ лицъ, и наиболѣе удачными являются тѣ мѣста, въ которыхъ описывается борьба киргизъ съ кара-киргизами, т. е. собственно казаковъ, съ кыргызами. Какъ-бы переходную ступень между отдѣлами пѣсенъ эпическихъ и лирическихъ составляетъ изложенная въ формѣ челобитной отъ имени Джанъ-киси Шалнеиръ Тлентина Коканскому хану Битемиру пѣсня лироэпическаго характера, въ которой весьма краснорѣчиво описываются притѣсненія, какія претерпѣвали киргизы при коканскомъ владычествѣ.

Пѣсни лирическія составляютъ самый значительный отдѣлъ. Кромѣ древней поэмы „Кузу-Курпечъ и Баянъ-Солу", описывающей трогательную любовь и страданія двухъ влюбленныхъ, и нѣсколькихъ другихъ поэмъ, отдѣлъ этотъ состоитъ изъ множества болѣе короткихъ пѣсенъ, предметомъ

---

[1]) Аблай-ханъ—историческая личность прошлаго вѣка. Развалины его крѣпости и монастыря находятся за г. Устькаменогорскомъ (Семипалат. обл.), въ 6 верст. отъ Себинскаго пикета.—Ханъ Кенисары—предводитель разбойничьей шайки (см. ниже въ библіор. отдѣлѣ „Акмолинскія Вѣд"). *Ред.*

Digitized by Google

которыхъ служитъ описаніе природы, мѣстъ гдѣ встрѣчались влюбленные, ихъ разлуки, страданія и т. п. Сравненіе, какъ во всей восточной поэзіи, играетъ здѣсь не малую роль, но сравненіе это далеко не выражается тѣми отчаянными метафорами, которыми такъ обильно наполнена поэзія персидская. Напротивъ, простота и отсутствіе искусственности служитъ отличительнымъ признакомъ этого рода пѣсенъ, какъ и всѣхъ киргизскихъ.

Если отыскивать сходство между киргизской лирической поэзіей и поэзій другого народа, то это сходство возможно найти развѣ только въ поэзіи арабской домагометанскаго періода и до вступленія на поэтическое поприще Мутанабби (915—965), въ пѣсняхъ котораго уже не встрѣчается той простоты, какою отличаются моаллакаты [1]) и современныя съ ними древнія арабскія народныя пѣсни. Одинаковыя условія кочевой жизни одинаково отразились на народномъ творчествѣ, и проявленіе этого творчества у тѣхъ и другихъ кочевниковъ выразилось въ почти сходныхъ звукахъ, которые какъ бы являются отголосками другъ друга. Если древняя лирическая поэзія арабовъ нѣсколько страстнѣе киргизской и въ нѣкоторыхъ чертахъ энергичѣе послѣдней, то основной мотивъ ея все-таки тотъ-же: тѣ-же встрѣчи двухъ влюбленныхъ, когда два рода во время кочеванія сходятся вмѣстѣ; тѣ-же мысли при разставаніи и тѣ-же мечтанья о новой встрѣчѣ. Холмы и песчаные бугры, овраги и балки, у которыхъ происходили свиданья, отзываются одинаковыми воспоминаніями; степной вѣтеръ наводитъ однѣ думы; пальма у арабовъ, тополь у киргизъ служатъ для однихъ и тѣхъ-же сравненій. Если бы Амрулкаисъ и Лебидъ, знаменитые арабскіе писатели до-магометанскаго періода, сочинили свои моаллакаты на киргизскомъ языкѣ, то они навѣрное были бы приняты киргизами не менѣе сочувственно, чѣмъ арабами.

Драматическая поэзія у киргизъ стоитъ на самой первона-

[1]) Буквальное значеніе слова моаллакатъ—вывѣшенная. Такъ называются семь образцовыхъ арабскихъ поэмъ, которыя были написаны золотыми буквами на шелковой матеріи и вывѣшены въ храмѣ Каабы.

Digitized by Google

чальной степени своего развитія; это та-же пѣсня, только въ формѣ разговора двухъ лицъ. Часто пѣвецъ предпосылаетъ этому разговору небольшое предисловіе, гдѣ дѣлаетъ, короткое объясненіе о разговаривающихъ лицахъ и потомъ уже переходитъ къ самому пѣнію. У сибирскихъ киргизъ изъ этого рода пѣсенъ наиболѣе извѣстна „Болыкъ и Илентай", у туркестанскихъ—„Будабай и Карлыгачъ". Содержаніе ихъ имѣетъ предметомъ состязаніе разговаривающихъ, большею частью мужчины и женщины, въ остроуміи. Кто нибудь изъ нихъ задаетъ другому загадки и разные мудреные вопросы, и тотъ долженъ отвѣчать на нихъ, при чемъ иногда отвѣчающій выставляется чрезвычайно ловкимъ и удачно выпутывается изъ всѣхъ затрудненій, какъ Илентай въ первой изъ названныхъ пѣсенъ, а иногда попадается въ просакъ и окончательно запутывается. Послѣднее наиболѣе часто приходится на долю ходжи, учившагося, какъ излагается въ пѣсняхъ, въ Бухарѣ и вступившаго въ разговоръ съ дѣвушкой, которая ему нравится. Неподдѣльный комизмъ во всей силѣ высказывается и въ злобѣ ходжи, который уже въ концѣ спора не знаетъ, что отвѣчать, и начинаетъ наконецъ браниться, и въ мѣткихъ насмѣшкахъ дѣвушки надъ его важностью, ханжествомъ, бѣлой чалмой и проч.

Слушая пѣсни, имѣющія содержаніемъ одинъ изъ подобныхъ комическихъ разговоровъ, невольно вспоминаешь макамы Харири [1]), хотя изложенныя не въ такой же формѣ, но дышащія такимъ же искреннимъ простодушіемъ и безыскусственностью. Весьма близко къ послѣднему роду пѣсенъ подходятъ дѣйствительныя состязанія пѣвцовъ (каимъ), слушать которыя киргизы такіе большіе охотники. Для того, чтобы участвовать на такихъ состязаніяхъ, нужно дѣйствительно обладать импровизаторскими способностями, такъ какъ мало того, что приходится придумывать отвѣтъ въ одну минуту, но его еще нужно изложить въ стихотворной формѣ и подъ аккомпаниментъ музыки.

---

[1]) Знаменитый арабскій писатель, Harîrî (1054 — 1121), авторъ многихъ *макамъ*, или небольшихъ разсказовъ юмористическаго характера.

Digitized by Google

Въ прежнія времена на всѣхъ сборищахъ, гдѣ присутствовали представители различныхъ киргизскихъ родовъ, непремѣнно устраивалось такое состязаніе. Каждый изъ пѣвцовъ восхвалялъ родъ, къ которому онъ принадлежалъ, и сыпалъ насмѣшки сначала лично на своего противника, а потомъ уже и на всѣхъ его однородцевъ. Нечего и говорить, что на долю побѣдителя приходились восторженныя оваціи; слава его росла, пѣсни его заучивались наизусть, и имя его дѣлалось извѣстнымъ на громадномъ пространствѣ степи. Если на сборищѣ участвовали члены одного какого-нибудь рода, то состязаніе ограничивалось задаваніемъ однихъ загадокъ или насмѣшками пѣвцовъ другъ надъ другомъ.

Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ, какъ съ однимъ изъ лучшихъ ойлянчи въ Кураминскомъ уѣздѣ, по имени Карабала, вышелъ на состязаніе его бывшій учитель. Съ думбрами въ рукахъ они сѣли оба посреди слушающей публики. Начало было предоставлено бывшему учителю, пѣвцу довольно пожилому; онъ взялъ нѣсколько аккордовъ и въ первыхъ словахъ пѣсни сталъ предупреждать своего соперника, чтобы онъ берегся, подыскивая риѳму и увлекшись состязаніемъ, нанести ему, своему бывшему учителю, оскорбленіе въ пѣснѣ. Противникъ его отвѣчалъ, что конечно онъ не забудетъ своихъ обязанностей къ бывшему учителю, но черезъ нѣсколько времени, послѣ того какъ тотъ не могъ отгадать какой то загадки, онъ ловко обвинилъ пожилого ойлянчи въ неумѣніи задавать ихъ; тотъ отвѣчалъ чѣмъ то въ родѣ того, что лучше, если бы его соперникъ призналъ себя побѣжденнымъ и т. д. Нужно было удивляться ихъ находчивости и быстротѣ сочиненія экспромтовъ. Долго они состязались съ равными силами, но въ концѣ концовъ Карабала оказался остроумнѣе своего бывшаго учителя: онъ такъ засыпалъ его насмѣшками, что пожилой ойлянчи вышелъ изъ терпѣнія, сталъ отвѣчать не въ рифму и невпопадъ и наконецъ совершенно сбился, вызвавъ этимъ на себя массу шутокъ и со стороны развеселившейся публики.

Нѣсколько времени спустя, Карабала состязался въ моемъ

Digitized by Google

присутствіи съ другимъ извѣстнымъ въ Кураминскомъ уѣздѣ пѣвцомъ, по имени Сербала, который оказался силенъ въ остроуміи не менѣе перваго; но Карабала и на этотъ разъ остался побѣдителемъ, благодаря своему голосу и умѣнью пѣть. Слушателямъ пѣніе его такъ понравилось, что, прекративъ состязаніе, они заставили Карабалу пѣть solo одну изъ тѣхъ эпическихъ пѣсенъ, о которыхъ уже было говорено выше.

Самыми знаменитыми пѣвцами считаются нынѣ уже умершіе Урунбай и Наурузбай; на сочиненные ими мотивы и до настоящаго времени поются не только пѣсни, сложенныя ими самими, но и многія другія. Изъ современныхъ, какъ наболѣе знаменитаго, можно указать на одного изъ почетныхъ киргизъ Перовскаго уѣзда Баймурада; имя его извѣстно далеко за предѣлами уѣзда.*) Въ 1878 году мотивы Баймурада проникли и въ Кураминскій уѣздъ, послѣ того какъ онъ побывалъ въ Ташкентѣ въ числѣ членовъ депутаціи отъ Перовскихъ киргизъ, привезшей деньги, которыя были пожертвованы въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ.

М. В. Готовицкій.

II.

Нравы и обычаи народовъ всегда стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ ихъ умственной и нравственной жизнью и потому между прочимъ могутъ служить доказательствомъ ихъ умственныхъ способностей. Въ такой именно тѣсной связи съ жизнью находится у киргизовъ пѣніе, имѣющее для нихъ такое важное значеніе, какое оно едва ли имѣетъ у другихъ извѣстныхъ намъ народовъ находящихся еще на низкой степени развитія. Доказательствомъ этого могутъ служить нижеслѣдующія замѣтки, которыя подтверждаются и другими новѣйшими изслѣдованіями о киргизахъ.

*) Не менѣе извѣстенъ въ настоящее время пѣвецъ Нагойбай, характеристика котораго представлена ниже, въ особой статьѣ, *Ред.*

Digitized by Google

Почти всѣ важнѣйшіе моменты въ жизни киргиза такъ или иначе связаны съ пѣніемъ.

1. Обученіе чтенію происходитъ путемъ пѣнія отдѣльныхъ буквъ и слоговъ.

2. Всѣ празднества при сватовствѣ, обрученіи и свадьбѣ должны быть необходимо сопровождаемы пѣніемъ: въ нихъ для всякаго дѣйствія существуютъ особыя пѣсни, или же, еще чаще, онѣ тутъ же импровизируются [1]).

3. При пѣніи погребальныхъ пѣсенъ соблюдаются извѣстныя правила. Онѣ поются оставшимися въ живыхъ родственниками втеченіе круглаго года по смерти члена семьи, при чемъ обязанность пѣть ихъ распредѣляется между родственниками покойника слѣдующимъ образомъ: въ случаѣ смерти мужа эта обязанность лежитъ на женѣ, а на матери—въ случаѣ смерти сына или дочери; по смерти жены причитать полагается ея взрослой дочери, за отсутствіемъ же таковой эта обязанность исполняется ближайшей родственницей. Мужчины поютъ похоронныя пѣсни только въ честь лицъ знаменитыхъ или вліятельныхъ въ народѣ и притомъ лишь во время самыхъ похоронъ [2]).

4. При лѣченіи болѣзней пѣніе также играетъ важную роль. Мѣсто врача здѣсь заступаютъ *бакси*, которые представляютъ собою остатокъ древняго шаманства. Но вмѣсто барабана шамановъ у нихъ двухструнный инструментъ, напоминающій скрипку, обвѣшанный колокольчиками и звякающими кусками желѣза разной величины и формы. Этотъ инструментъ называется *кобусъ*. Сюда относится еще колба, на верхнемъ концѣ которой навѣшены также колокольчики или желѣзныя кольца, прикрѣпленныя къ четырехугольной дощечкѣ. На этомъ инструментѣ бакси аккомпанируетъ себѣ. Поетъ же онъ до тѣхъ поръ, пока не падаетъ въ конвульсіяхъ, которыя иногда бываютъ столь сильны, что его еле сдерживаютъ нѣсколько человѣкъ. Говорятъ, что есть бакси, которые во время такихъ припадковъ теряютъ совершен-

[1]) См. въ прилженіи № 15 и отчасти 12.

[2]) См. въ прилож. № 16, 17, 18.

Digitized by Google

но чувствительность, такъ что втыкаютъ себѣ въ тѣло вилки на цѣлый дюймъ, лижутъ раскаленное желѣзо, и наступаютъ на него. Придя къ больному, бакси прежде всего щупаетъ его пульсъ, потомъ поетъ съ акомпаниментомъ кобуса. Послѣ этого онъ беретъ овечій навозъ (kamulak) и отгадываетъ по немъ причину болѣзни. Тогда онъ объявляетъ хозяину, какого барана слѣдуетъ принести въ жертву, для исцѣленія больного. Когда барана зарѣжутъ, бакси беретъ теплыя еще легкія и, ударивъ ими три раза больного, бросаетъ ихъ собакамъ. Затѣмъ онъ снова затягиваетъ пѣсню и, наконецъ, дѣлитъ мясо между всѣми присутствующими, исключая самого больного. Вслѣдъ за тѣмъ бакси объявляетъ, что больной выздоровѣетъ, если только не умретъ впродолженіе столькихъ-то дней. Въ эти дни бакси пребываетъ около больного и ежедневно по нѣсколько разъ поетъ пѣсни, при чемъ онъ часто лижетъ раскаленное желѣзо, что по общему вѣрованію очень облегчаетъ больного, такъ какъ бакси всякій разъ беретъ часть болѣзни на себя.

5. Ни одно торжество у киргизовъ не обходится безъ пѣнія. На многолюдныхъ празднествахъ состязаніе въ пѣніи является излюбленнымъ. Для этого уже заранѣе выбираются двое, извѣстные за хорошихъ пѣвцовъ. Но иногда выступаетъ кто нибудь изъ толпы и вызываетъ кого нибудь выступить противъ него въ качествѣ пѣвца Если никто не отвѣтитъ на его вызовъ, то онъ въ импровизированныхъ стихахъ начинаетъ потѣшаться надъ всѣмъ собраніемъ. Но если онъ найдетъ себѣ противника, то состязаніе продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ пѣвцовъ не остановится, не умѣя отвѣтить противнику. Побѣжденный обыкновенно даритъ что нибудь побѣдителю. Выдающіяся состязанія остаются въ памяти слушателей и дѣлаются достояніемъ народнаго преданія [1]).

6. Приближаясь къ какому нибудь аулу, киргизъ затяги-

---

[1]) На мотивѣ состязанія построены пѣсни 13 и 14 въ приложеніи.

Digitized by Google

ваетъ пѣсню, и если онъ ѣдетъ одинъ, то онъ старается обратить на себя большее вниманіе жителей аула тѣмъ, что во время пѣнія рукою машетъ передъ ртомъ, чтобы казалось, что приближается нѣсколько человѣкъ.

Мнѣ кажется, что все сказанное достаточно подтверждаетъ высказанное мною въ началѣ статьи замѣчаніе, что въ жизни киргизовъ пѣніе имѣетъ такое важное значеніе какое оно едва ли имѣетъ у какого либо иного народа, находящагося еще на низкой степени культуры. И это обстоятельство, думаю я,—если только мы станемъ знакомиться съ произведеніями ихъ народнаго творчества,—можетъ привести насъ къ заключеніямъ, которыя будутъ имѣть важныя послѣдствія не только для нихъ, но и для насъ.

Еще не доѣзжая Ташкента, мнѣ удалось на одной почтовой станціи заставить одного киргиза пѣть мнѣ пѣсни впродолженіе цѣлаго вечера. Онъ пѣлъ подъ аккомпаниментъ инструмента, напоминающаго балалайку. Пѣніе его было большею частью импровизаціей, однако въ музыкальномъ отношеніи оно сильно заинтересовало меня. Тѣмъ болѣе удивительно было мнѣ слышать въ Ташкентѣ отъ людей, изъявляющихъ претензіи на пониманіе музыки, будто-бы киргизскія пѣсни не заслуживаютъ вниманія въ музыкальномъ отношеніи. Но г. Косовицкій, начальникъ отдѣленія канцеляріи ташкентскаго губернатора, хорошо знакомый съ киргизскимъ языкомъ, и г. Ибрагимовъ, уже много лѣтъ состоявшій переводчикомъ при генералѣ Кауфманѣ и жившій до этого долгое время среди киргизовъ, нѣкоторыми сообщенными мнѣ свѣдѣніями настолько возбудили мое любопытство, что я рѣшился достигнуть какихъ нибудь результатовъ въ этомъ вопросѣ.

Я заранѣе увѣренъ, что многіе будутъ сомнѣваться въ точности записанныхъ мною пѣсенъ и будутъ подозрѣвать, что я поддѣлывался подъ современный ладъ. Для такихъ читателей я опишу способъ и пріемы, какими я пользовался, чтобы въ точности записать оригиналъ.

Прежде всего я обращалъ вниманіе на текстъ пѣсенъ

Digitized by Google

и записывалъ его точно въ отношеніи смысла и языка; при записываніи №№ 4, 5, 6, 7 и 8 мнѣ любезно оказывалъ помощь, какъ хорошо знакомый съ языкомъ, г. Н. П. Остроумовъ. Затѣмъ пѣсня пѣлась, а я перекладывалъ ее на ноты. При пѣніи присутствовали всегда нѣсколько киргизовъ, которымъ пѣсня также была знакома. Когда я убѣждался, что я вѣрно схватилъ мотивъ пѣсни, я ее самъ пѣлъ киргизамъ, пока они не объявляли, что я передаю мотивъ совершенно правильно. Добавлю при этомъ, что киргизъ всегда внимательно слушаетъ. Схвативъ такимъ образомъ мотивъ пѣсни, я при всякомъ удобномъ случаѣ пѣлъ ее какому нибудь другому киргизу, чтобы убѣдиться вполнѣ, что мотивъ вѣренъ.

Записываніе пѣсенъ представляло болѣе трудностей, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ, потому что киргизъ въ видахъ благозвучія мѣняетъ часто гласныя во время пѣнія. Гортанныя гласныя какъ напримѣръ *ы* онъ опускаетъ почти совершенно, между тѣмъ какъ согласныя *н*, *м*, *з*, *с*, преимущественно когда на нихъ оканчивается слогъ, онъ заставляетъ звучать съ особенной силой. Если же за одной изъ этихъ согласныхъ въ серединѣ слова слѣдуетъ еще другая согласная то хотя первая звучитъ такъ же сильно, но рядомъ и одновременно съ ней является еще короткая гласная; напримѣръ, въ пѣснѣ № 5 встрѣчается слово *азретынъ* (asrätinn),—такъ выговариваетъ киргизъ въ разговорѣ, но въ его пѣніи ясно слышится *азеретынъ* (aserätinn): онъ растягиваетъ звукъ *з*, причемъ рядомъ съ *з* слышится короткое *е* подобное французскому *e* muet, на которое падаетъ удареніе только въ пѣніи. Если спросить киргиза,—какъ я и дѣлалъ это всякій разъ,—почему онъ такъ именно произноситъ слова при пѣніи, то онъ отвѣтитъ: такъ по пѣснѣ надо. Ту же причину онъ выставляетъ и для слѣдующаго явленія. Онъ часто стягиваетъ въ одинъ слогъ два слога, иногда даже два слова. Въ концѣ № 7 мнѣ никогда не пѣли *бирьайтсянъ*, а всегда *брайтсянъ*, хотя на слогѣ *бирь* и стоитъ удареніе. Но дѣло въ томъ, что *ай* благозвучнѣе и дальше раздается по безпредѣльной степи, чѣмъ короткое *и*, а киргизъ любитъ, что-

Digitized by Google

бы его пѣсня была слышна далеко, поэтому-то онъ и предпочитаетъ въ этомъ случаѣ *ай*. По той же причинѣ онъ всегда прибавляетъ къ концу своей пѣсни и даже въ серединѣ и концѣ стиха—если это только возможно—двугласныя *ау* или *яу*. Что́ нужно ставить—*ау* или *яу*, это зависитъ отъ тѣхъ звуковъ, которые составляютъ послѣдній слогъ, отъ текста же пѣсни эти двугласныя не стоятъ ни въ какой зависимости.

У киргизовъ существуетъ только одноголосное пѣніе. Обыкновенно поетъ только одинъ человѣкъ, иногда, въ видѣ исключенія, нѣсколько, но никогда болѣе четырехъ или пяти. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что киргизы сильно интересуются самымъ содержаніемъ пѣсни, слѣдить за которымъ было бы трудно при хоровомъ исполненіи.

Всѣ мелодіи киргизскихъ пѣсенъ имѣютъ гармоническую основу, и это основаніе имѣетъ всегда опредѣленно выраженный гармоническій характеръ (тональность, Tonalität). Хотя на дѣлѣ киргизамъ неизвѣстны никакія теоретическія правила гармоніи, но очевидно имъ отъ природы присуще тонкое пониманіе ея. Я игралъ киргизамъ на фортепьяно ихъ мелодіи, положенныя на четыре голоса, но не пѣлъ ихъ при этомъ. Пока, гармонизируя мелодію, я строго придерживался ея характера и тональности, они все признавали за свое и говорили съ удовольствіемъ: „звучитъ такъ густо". Когда же я болѣе свободно гармонизировалъ мелодію, все-таки придерживаясь ритма, киргизы не узнавали своей мелодіи. Киргизамъ присуще совершенно опредѣленное пониманіе гармоніи, когда дѣло идетъ объ ихъ пѣсняхъ. Яснымъ доказательствомъ этого можетъ служить каденція (послѣдніе два такта) въ №№ 5 и 7. Когда я игралъ оба номера такъ, какъ они записаны мною, то киргизы признавали, что мелодія вѣрна; но какъ только я гармонизировалъ въ послѣднемъ тактѣ № 5 такъ: трезвучіе b—dur, трезвучіе c—moll въ терціи и конечный аккордъ g—moll въ квинтѣ, то они говорили, что это не такъ. То же самое было и съ № 7, когда я гармонизировалъ окончаніе мелодіи такимъ образомъ,

Digitized by Google

что въ трезвучіи c—dur доминантъ оканчивался на f—dur. Въ обоихъ случаяхъ такая каденція была бы вѣрна по теоріи.

Самая форма киргизскихъ пѣсенъ доказываетъ, что у киргизовъ прекрасное чувство мѣры въ построеніи пѣсни. Что киргизъ обладаетъ въ этомъ отношеніи тонкимъ чутьемъ и пониманіемъ, доказываетъ пѣсня № 6. Въ формѣ этой пѣсни мы замѣчаемъ неправильность очень непріятную для музыкальнаго слуха. Исполненіе этой пѣсни киргизомъ даетъ ясное доказательство, что и онъ это чувствуетъ также. Въ третьемъ тактѣ онъ дѣлаетъ небольшое ritardando и выдерживаетъ послѣднюю ноту этого такта такъ, что въ этомъ мѣстѣ происходитъ небольшая пауза. Я думаю, что для этого ritardando съ его остановками (здѣсь даже не появляются любимыя двугласныя *ау* или *яу*) нѣтъ другой причины, кромѣ желанія уничтожить неправильность въ построеніи мелодіи, что дѣйствительно и достигается этимъ. Гдѣ же научились киргизы такимъ пріемамъ? Можетъ быть, это обстоятельство, а также то, что̀ раньше было сказано о гармоніи, чему нибудь да научитъ тѣхъ музыкальныхъ нигилистовъ, которые думаютъ, что всѣ музыкальныя теоріи—вздоръ, и не хотятъ понять, что̀ всѣ теоріи не что иное, какъ выраженіе вѣкового и непрекращающагося откровенія, глубоко запечатлѣннаго Богомъ въ душахъ народовъ, что поэтому ни одинъ человѣкъ, одаренный даже богатѣйшими способностями, не можетъ создать ничего долговѣчнаго, если тщательное теоретическое изученіе не ляжетъ въ основу его творенія. Чѣмъ дальше мы отдаляемся отъ этого откровенія, тѣмъ скорѣе приближаемся къ упадку.

Киргизы, раздѣляясь на малую, среднюю и большую орды, отличаются другъ отъ друга и способомъ пѣнія. Я не имѣлъ случая слышать пѣвцовъ большой орды [1]), но вотъ что говорили мнѣ о народныхъ пѣсняхъ этой орды киргизы двухъ остальныхъ ордъ: „Въ большой ордѣ поютъ совсѣмъ

[1]) Типомъ современнаго пѣвца большой орды можетъ служить Ногойбай, которому посвящена слѣдующая статья, какъ дополненіе къ этимъ двумъ статьямъ. *Ред.*

Digitized by Google

не такъ, какъ у насъ: любой пастухъ изъ нашихъ поетъ лучше, чѣмъ первый пѣвецъ изъ ихнихъ". Помимо желанія превозносить свое передъ чужимъ, мнѣ кажется, эти слова могутъ найти себѣ и другое объясненіе. Большая орда издавна кочуетъ въ сосѣдствѣ съ китайцами и находится въ постоянномъ съ ними общеніи; слѣдовательно, эти киргизы находились подъ вліяніемъ китайской культуры. Китайскія же мелодіи мы можемъ опредѣлить только посредствомъ монохорда, потому что у китайцевъ, какъ доказываютъ, кромѣ оттѣнка между тономъ и полутономъ, существуетъ даже интервалъ въ четверть тона, а съ другой стороны интервалъ, содержащій въ себѣ даже больше полутора тона О гармоніи здѣсь и рѣчи быть не можетъ, почему у нихъ пѣніе исключительно одноголосное. Большая орда въ великой драмѣ прошлаго была оплотомъ, о который безсильно разбивались волны греческой, арабской, персидской и русской культуръ. Въ борьбѣ съ близкой къ киргизамъ цивилизаціей китайцевъ культуры этихъ народовъ не могли оставить глубокихъ слѣдовъ. Поэтому пѣніе въ большой ордѣ должно стоять въ ближайшемъ отношеніи съ пѣніемъ китайцевъ, и вслѣдствіе этого оно и является непонятнымъ и непріятнымъ для киргизовъ малой и средней орды, на которыхъ отразилось вліяніе совершенно иной культуры.

Мнѣ было очень интересно прослѣдить на дѣлѣ, какое вліяніе имѣетъ на народное пѣніе близкое общеніе народовъ между собою. Я докажу это примѣромъ. №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7 и 8 приложенныхъ ниже напѣвовъ, записаны отъ тѣхъ киргизовъ малой и средней орды, которые живутъ только въ степи и не находятся въ постоянномъ общеніи съ другими народами. Другіе киргизы, какъ напр. живущіе въ одномъ изъ самыхъ плодороднѣйшихъ округовъ — Кураминскомъ, не прерываютъ сношеній съ живущими въ этой мѣстности сартами, смѣшиваются съ ними, и даже занимаются хлѣбопашествомъ, сохраняя при этомъ отчасти кочевой образъ жизни. Интересно сравнить ихъ пѣсни съ пѣснями вышеупомянутыхъ степныхъ киргизовъ.

Digitized by Google

Обратимъ вниманіе на мотивъ № 3: мы найдемъ въ немъ большое сходство съ пѣснею № 2, записанною отъ киргизовъ, живущихъ постоянно въ степи. Оказывается, что № 3 есть видоизмѣненіе № 2; онъ даже поется въ Кураминскомъ округѣ съ текстомъ № 5, но сверхъ того и съ тѣмъ, который подписанъ подъ № 3 Я усматриваю въ № 3 ослабленіе № 2 Безпредѣльная степь, чистое безоблачное небо, подъ которымъ вамъ дышится такъ легко и свободно, просторъ и ширь, передъ которыми вы пожалуй чувствуете себя какъ бы приниженнымъ,—вотъ что, по моему мнѣнію, выражается характерно въ № 2, а въ № 3 исчезло почти безслѣдно. Предоставляю вкусу каждаго судить, которая изъ этихъ двухъ мелодій лучше.

Сартскія пѣсни стоятъ гораздо ниже киргизскихъ, какъ по красотѣ и поэтической глубинѣ мелодіи, такъ и по нравственной чистотѣ самаго текста. Чтобы въ немногихъ словахъ охарактеризовать сартскія пѣсни, я скажу, что онѣ мнѣ всегда напоминаютъ Оффенбаха.

№№ 9 и 10—настоящія сартскія пѣсни. № 10 интересенъ между прочимъ тѣмъ, что первая половина этой пѣсни встрѣчается нота въ ноту въ одномъ изъ главныхъ мотивовъ оперы Глинки „Русланъ и Людмила". Глинка вѣроятно слышалъ этотъ мотивъ на Кавказѣ, также какъ и свою лезгинку, потому что мелодія № 10 встрѣчается на Кавказѣ въ одной народной пѣснѣ. Безъ сомнѣнія, достойно примѣчанія, что одинъ и тотъ же мотивъ ввтрѣчается у двухъ народовъ, совершенно другъ отъ друга отдаленныхъ.

Русскій переводъ пѣсенъ 1, 2, 3, 9 и 10 сдѣланъ г. М. В. Косовицкимъ; г. М. П. Остроумовъ взялъ на себя трудъ перевести пѣсни 4, 5, 6, 7 и 8 *).

Р. А. Пфеннигъ.

---

*) Прилагаемый ниже переводъ пѣсенъ 1—8 (киргизскихъ) исправленъ г. А. А. Ивановскимъ и свѣренъ съ подлинными ихъ текстами, которые мы помѣщаемъ подъ нотами. *Ред.*

Digitized by Google

Киргизскій народный поэтъ-пѣвецъ Ногойбай.

Возможно-ли быть среди киргизовъ и не слыхать имени ихъ славнаго поэта-пѣвца Ногойбая? Какъ широко раскинулась сама киргизская степь, такъ-же широко разнесена и слава этого знаменитаго „акына“ (пѣвца). Стóитъ только переѣхать черезъ Иртышъ, и уже тамъ нѣтъ почти уголка, гдѣ-бы не было извѣстно это имя. Ѣдете-ли по широкимъ долинамъ Зайсанской или Чиликтинской, перерѣзываете-ли горы Тюэ-тасъ или Сара-тау, углубляетесь-ли въ самыя глухія, почти непроходимыя ущелья Алтайскихъ, Саурскихъ или Тарбагатайскихъ горъ, или даже вздумаете проѣхать въ предѣлы Небесной имперіи,—всюду можете услышать объ этомъ поэтѣ-пѣвцѣ. Чѣмъ же такъ плѣняетъ слушателей пѣсня Ногойбая? Слушавшій его хотя разъ, не захочетъ слушать другихъ пѣвцовъ. Между тѣмъ, какъ другіе слагаютъ и поютъ свои пѣсни про воинственныхъ батырей, про славныхъ хановъ и султановъ, про пиры, какіе задавали они на всю широкую степь, на всю киргизскую орду, изъ устъ Ногойбая ничего подобнаго не услышите. Горе народное слышится въ его пѣсняхъ, жалобы, стонъ безъ конца. Поэтому-то каждая пѣсня Ногойбая западаетъ въ самую глубину души слушателей, проникаетъ въ самые сокровенные тайники ея, задѣваетъ самыя живыя ея струнки. Новы такія пѣсни для „дикихъ сыновъ степи“ и никогда прежде не слыханы ими; съ жадностью слушаютъ они ихъ и готовы слушать безъ конца. Вотъ почему появленіе Ногойбая въ какомъ-нибудь аулѣ всегда сопровождается многочисленнымъ сборищемъ жаждущихъ послушать его. Такъ было и въ тотъ разъ, когда я впервые встрѣтилъ этого знаменитаго Ногойбая въ аулѣ киргиза Садыкана.

Это было въ концѣ іюня 1888 г. Послѣ десятичасового утомительнаго пути верхомъ по узкимъ тропинкамъ Саур

Digitized by Google

скихъ горъ, мы подъѣхали вечеромъ къ аулу Садыкана. Аулъ былъ раскинутъ въ небольшой котловинѣ, замкнутой съ трехъ сторонъ горами. Что прежде всего поразило насъ, когда мы подъѣхали къ этому аулу, такъ это почти цѣлый табунъ осѣдланныхъ лошадей, стоявшихъ около него. „Ужъ не умеръ-ли кто, нѣтъ-ли „баты" (поминокъ)?" подумали мы, удивляясь такому стеченію народа. Лай собакъ при нашемъ пріѣздѣ не вызвалъ, противъ обыкновенія, хозяевъ встрѣтить прибывшихъ гостей. Мы съ трудомъ проѣхали сквозь тѣсно сплоченный табунъ, съ трудомъ нашли мѣсто, куда могли привязать своихъ лошадей, и только когда появились въ дверяхъ юрты, хозяинъ ея Садыканъ, мой давнишній „тамыръ" (пріятель), замѣтилъ насъ и, привѣтствуя съ обычнымъ ему радушіемъ, очистилъ для насъ мѣсто въ глубинѣ юрты, противъ дверей. Посыпался цѣлый рядъ привѣтствій какъ со стороны хозяина, такъ и со стороны собравшихся гостей: „аманъ ба"—здоровъ-ли? „малъ джанъ аманъ-ба"—душа и скотъ здоровы ли? „хатынъ аманъ-ба"—жена здорова-ли? и т. п.; на всѣ эти вопросы я безконечное число разъ долженъ былъ отвѣтить: „аманъ, аманъ"—здоровъ. Послѣ обычнаго угощенія кумысомъ, Садыканъ какъ-то таинственно и въ то-же время торжественно сообщилъ мнѣ, что сегодня для него „великій праздникъ", такъ какъ среди своихъ гостей онъ видитъ и меня—„москова", и знаменитаго ихъ „акына" Ногойбая. Послѣдняя неожиданная вѣсть была для меня весьма пріятна: я самъ не менѣе Садыкана былъ радъ видѣть этого пѣвца, имя котораго давно было извѣстно мнѣ.

Я сталъ среди сидѣвшихъ въ юртѣ искать глазами Ногойбая, но между присутствующими не было ни одного, на которомъ бы можно было остановиться и сказать: „вотъ онъ!" Я видалъ многихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ киргизскихъ пѣвцовъ и поэтовъ, взысканныхъ милостями хановъ и султановъ, и, судя по этимъ, всегда богато одѣтымъ, съ многочисленными серебряными украшеніями, съ надменнымъ взглядомъ, съ гордо поднятой головой, я думалъ такимъ-же встрѣтить и Ногойбая. Но онъ былъ далеко не та-

Digitized by Google

ковъ. Когда мнѣ, наконецъ, указали его, я сначала рѣшительно не повѣрилъ, чтобы это былъ тотъ самый Ногойбай, слава котораго, можно сказать, затмила всѣхъ бывшихъ до него пѣвцовъ и поэтовъ киргизскаго народа.

Въ углу, около двери, въ томъ мѣстѣ, которое называется киргизами „босога“ и считается далеко не почетнымъ, сидѣлъ, подложивъ подъ себя ноги, какой-то слѣпой киргизъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ пятьдесятъ, но онъ былъ гораздо моложе; ему было, какъ я потомъ узналъ, всего только тридцать три года. Одѣтъ онъ былъ какъ послѣдній „эгинча“, самый бѣдный пастухъ, съ трудомъ прикрывающій свое грѣшное тѣло кой-какими жалкими отрепьями. На колѣнахъ его лежала его постоянная спутница—двухструнная „донбра“ (родъ балалайки).

Въ юртѣ стоялъ шумный говоръ. Всякій дѣлился своими новостями. Молчалъ только Ногойбай. Онъ не любилъ говорить, онъ любилъ больше „думать“ и потомъ изливать свои думы передъ слушателями въ звучныхъ, задушевныхъ стихахъ. Но вотъ раздался тихій, дребезжащій звукъ донбры, раздался и замеръ. Говоръ сразу смолкъ, шумъ стихъ, наступила полнѣйшая тишина; всѣ жадно впились глазами въ Ногойбая. Опять зазвучали струны донбры, все громче и громче, чаще и чаще; потомъ онѣ начали стихать, все тише и тише — и опять мертвая тишина. Никто не шелохнется, боясь нарушить ее. Ногойбаю подали чашку кумысу. Онъ съ жадностью выпилъ ее „Эй, джигиты“,—раздался затѣмъ сильный, звучный, съ легкой дрожью голосъ Ногойбая,— „эй, джигиты удалые, всѣ, старые и малые, и „ак-сакалы“, и „утагасы“, и „кара-сакалы“, всѣ слушайте пѣсню мою, слушайте бѣднаго акына, слушайте, что споетъ онъ вамъ“... И Ногойбай запѣлъ...

Вечеръ этотъ выпалъ для слушателей особенно счастливый: пѣсня за пѣсней лились изъ устъ Ногойбая, все болѣе и болѣе воодушевлявшагося, все болѣе и болѣе овладѣвавшаго сердцами слушателей. Сначала онъ запѣлъ о себѣ:

„Былъ-ли то день, была-ли то ночь, когда родила меня мать,—

Digitized by Google

не знаю я. Если день, то, знаю, не играло тогда на чистомъ небѣ ясное солнце, не грѣли его золотые лучи близкихъ къ нему горъ, не освѣщали далекую отъ него степь; ни одинъ изъ нихъ не проникъ въ убогую юрту моей бѣдной матери, когда она рождала меня несчастнаго. Если была тогда ночь, то, знаю, не катилась по небу серебристая луна, не горѣли на немъ веселыя звѣзды; ни одна изъ нихъ не улыбнулась мнѣ новорожденному. Во мракѣ я родился, мракъ окружаетъ меня и во всю мою жизнь. Я не видалъ и не знаю ни матери, молокомъ своимъ вскормившую меня, ни ласкавшаго и цѣловавшаго меня отца, не знаю ни жены своей, ни дѣтей, не вижу и не знаю и никого изъ васъ. Какъ червякъ ползаетъ по землѣ, такъ-же, думалъ, и я буду влачить свою жалкую жизнь и такъ-же, какъ онъ, думалъ, и сгнію. Но великъ Аллахъ и его пророкъ Магометъ! Дѣла ихъ—тайна для насъ. Не давъ мнѣ зрѣнія, они наградили меня другимъ: они дали мнѣ слухъ, такой чуткій и тонкій, какой, не знаю, есть-ли у кого-нибудь изъ простыхъ людей, но какой, думаю, имѣютъ только Аллахъ да Магометъ"...

И затѣмъ въ высшей степени художественно, тонко, съ замѣчательной для „сына степи" силой психическаго анализа, рисовалъ онъ передъ слушателями картины, какъ онъ, напримѣръ, не видя восхода солнца, тѣмъ не менѣе какъ-бы слышитъ его, чувствуетъ его всѣмъ своимъ существомъ; или, какъ напр., ранней весной, когда солнце только что успѣетъ снять съ земли ея зимній покровъ, и она еще не одѣнется ни бархатистыми травами, ни разноцвѣтными коврами цвѣтовъ, онъ уже въ это время слышитъ подъ землей какое-то движеніе, слышитъ, какъ шевелятся тамъ различные зародыши, слышитъ, какъ они затѣмъ выходятъ изъ земли, какъ тянется ихъ тонкій стебель, какъ потомъ на немъ образуется чашечка, какъ она распускается и какъ, наконецъ, на мѣстѣ ея получается чудный цвѣтокъ. „И могъ-ли я съ такимъ слухомъ, дарованнымъ мнѣ Богомъ,—восклицалъ затѣмъ Ногойбай,—могъ-ли я не слышать тѣхъ воплей и стоновъ, которые раздавались и раздаются вокругъ

Digitized by Google

меня? могъ-ли я не слышать ту скорбь и то горе, которое буйнымъ вѣтромъ носится и по гладкой степи, и по узкимъ ущельямъ, и по верхушкамъ высокихъ горъ, высматривая оттуда тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которые еще не узнали его? Нѣтъ, я ихъ слышалъ, я все слышалъ. Все долетало до моего слуха, и ничто не пролетало мимо него. Со всей родной степи, со всѣхъ нашихъ горъ, ото всѣхъ моихъ сородичей собралось вокругъ меня это горе и, наполнивъ собою мое бѣдное сердце, гложетъ, жжетъ и мучитъ его и рветъ на мелкія части. Горячею кровью обливается оно, несчастное, ища себѣ спасенія, но не находитъ его". Приблизившись такимъ образомъ къ своимъ излюбленнымъ темамъ, Ногойбай запѣлъ про то самое горе, которое „гложетъ, мучитъ и рветъ на мелкія части его сердце".

Онъ запѣлъ о такъ называемомъ „джетачествѣ", которое, появившись не такъ давно, съ каждымъ годомъ разростается и принимаетъ все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры. Оно нашло, повидимому, въ киргизской степи, при ея настоящемъ, далеко незавидномъ экономическомъ положеніи, вполнѣ удобную почву для своей пагубной дѣятельности и развертывается теперь во всю свою ширь и мощь. Не одна сотня жертвъ пала подъ его безпощадными ударами, не одна сотня ихъ выхвачена и выкинута имъ за предѣлы степи, выкинута съ тѣмъ, чтобы онѣ никогда больше не увидали ея. И, что въ особенности странно, положеніе этихъ жертвъ, этихъ такъ называемыхъ „джетаковъ", никого, по-видимому, не интересуетъ, никому не бросается въ глаза, никого не поражаетъ своими особенностями. А между тѣмъ эти полуосѣдлые бѣдняки заслуживаютъ того, чтобы обратить на нихъ вниманіе. Немудрено тогда, что Ногойбай, этотъ пѣвецъ народной скорби, прежде всего остановилъ вниманіе своихъ слушателей именно на джетакахъ. Позволю себѣ и я остановить на нихъ ваше вниманіе, пользуясь прекраснымъ описаніемъ положенія ихъ у П. Е. Маковецкаго [1].

[1]) См. протоколъ общаго собранія Семипалатинскаго Областнаго Статистическаго Комитета, засѣданіе 7 ноября 1887 года.

Digitized by Google

Что же такое джетакъ?

Потерявъ почему-либо скотъ — единственное средство для обезпеченнаго существованія въ степи, киргизъ прибивается къ какому-либо сосѣднему осѣдлому пункту. Здѣсь, при совершенно иныхъ, новыхъ, непривычныхъ условіяхъ жизни, киргизъ теряетъ подъ собой почву; онъ становится безпомощенъ, какъ рыба, вытащенная на берегъ и лишенная родной стихіи. Блѣдный, исхудалый, въ лохмотьяхъ, онъ представляетъ изъ себя иногда жалкое подобіе человѣка, на котораго нельзя смотрѣть безъ состраданія. Это-то и есть джетакъ. Непривыкшій къ работѣ, онъ однако по необходимости долженъ искать ее, чтобы пропитать себя и свое заморенное семейство. Еще куда ни шло лѣтомъ: тогда джетака, по крайней мѣрѣ, грѣетъ солнце, онъ дышитъ чистымъ степнымъ воздухомъ, его неприхотливыя жизненныя потребности удовлетворяются, хоть съ грѣхомъ пополамъ, какой-нибудь дырявой и почернѣлой юртой да небольшимъ количествомъ „айрака" (кислаго молока). Не то зимою. Жестокіе морозы и снѣжные бураны заставляютъ джетака искать болѣе надежнаго прикрытія, и вотъ онъ идетъ въ поселокъ къ казаку присматривать и ухаживать за скотомъ домовитаго хозяина. На скотномъ пригонѣ, стоящемъ иногда отдѣльно отъ жилого двора казака, къ услугамъ джетака небольшая избушка изъ плетня, щели которой замазаны глиною, забиты землей, а подчасъ и навозной почвой, взятой съ того-же скотнаго пригона. Можно себѣ представить, какою жалкою защитой являются эти стѣны въ морозные дни и какая антигигіеническая атмосфера получается въ такой хатѣ въ оттепель. Остальная обстановка вполнѣ гармонируетъ съ этимъ. Маленькое окно, иногда затянутое пузыремъ и едва пропускающее свѣтъ, на стѣнахъ—хомуты и другая сбруя для рабочихъ людей казака, тутъ-же убогая и грязная рухлядь киргиза—вотъ обстановка, въ которой проводитъ зиму джетакъ со своей семьей. Прибавьте къ этому, что еще въ той-же избушкѣ помѣщается нарождающійся скотъ, и станетъ ясно, въ какихъ гибельныхъ, ужасныхъ условіяхъ

Digitized by Google

приходится перебиваться киргизу, извергнутому степью. Не встрѣчаемся-ли мы здѣсь лицомъ къ лицу съ одной изъ наиболѣе яркихъ и наглядныхъ иллюстрацій явленія, извѣстнаго подъ названіемъ „вымиранія инородца?" Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ самъ неизбѣжно вымираетъ и что этотъ процессъ хронической гибели идетъ съ страшной быстротой. Но этого еще мало. Задыхаясь въ свой мазанкѣ, джетакъ, хотя и безсознательно, но жестоко, расплачивается за свою гибель съ другими: заразныя болѣзни, развивающіяся среди антигигіенической обстановки, распространяются и среди сословія, стоящаго въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ.—среди казаковъ.

Посмотримъ теперь, какія обязанности несетъ джетакъ за свое право существованія на казачьихъ задворкахъ. Онъ исполняетъ всѣ черныя работы по дому казака-хозяина, получая за свой трудъ отъ 5 до 10 рублей въ зиму, изъ которыхъ ему-же еще приходится уплачивать по раскладкѣ поселочнаго общества налогъ, доходящій въ нѣкоторыхъ поселкахъ до 2 съ лишнимъ рублей. Какъ это ни странно, но это фактъ: джетакъ платитъ обществу именно за право проживанія въ поселкѣ, такъ какъ въ сущности онъ никакими общественными угодьями не пользуется. Правда, ему предоставляется выборъ: уплачивать налогъ, или же уйти изъ поселка. Но есть ли для джетака свободный выборъ, когда онъ задолжался у хозяина, который требуетъ отъ него работы? Что ждетъ впереди всякаго, кто попадаетъ въ подобныя безвыходныя условія? Мнѣ кажется, отвѣтъ слишкомъ ясенъ. А между тѣмъ ходячій взглядъ привыкъ считать явленіе джетачества даже желательнымъ, какъ переходную ступень на рубежѣ двухъ бытовъ, кочевого и осѣдлаго, какъ первый шагъ къ ассимиляціи двухъ народностей...

Вотъ про это-то джетачество, про этихъ-то на вѣки отрѣзанныхъ отъ своего народа джетаковъ и запѣлъ прежде всего Ногойбай. Казалось, въ этой пѣснѣ, дававшей столь много благодарнаго для него матеріала, полной щемящаго, жгучаго, безвыходнаго горя, онъ хотѣлъ излить всю свою душу

Digitized by Google

и облегчить свое наболѣвшее сердце. И надо отдать ему справедливость: какъ поэтъ-пѣвецъ и притомъ „дикій сынъ степи", онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Тутъ онъ былъ весь на лицо; мощный талантъ его, развернувшійся здѣсь во всей своей силѣ, поразилъ меня. Мнѣ, дѣйствительно, никогда прежде не приходилось слышать изъ устъ киргиза что-либо подобное. Впечатлѣніе оставалось сильное, глубокое, неизгладимое... Его звучные, прекрасно размѣренные, богатые риѳмой стихи, лившіеся совершенно свободно, естественно и легко, не смотря на то, что это была импровизація; его чистый, пріятный, полный задушевности голосъ, способный выражать самые тонкіе и нѣжные оттѣнки чувства; его по истинѣ артистическая игра на этой жалкой домбрѣ, подъ искусными пальцами своего „акына" рыдавшей и плакавшей вмѣстѣ съ нимъ на своихъ двухъ струнахъ,—все это совершенно завладѣвало слушателями. И впечатлѣніе получалось для слушателей тѣмъ тягостнѣе, тѣмъ сильнѣе, что у каждаго изъ нихъ невольно рождался вопросъ: кто знаетъ, можетъ быть, недалеко то будущее, когда многіе изъ нихъ, теперь относительно счастливые, также должны будутъ покинуть свою родную степь, также вести жалкую жизнь въ той душной, холодной, грязной мазанкѣ, описаніе которой въ пѣснѣ Ногойбая только что леденило ихъ сердца, и также испытывать въ ней всѣ прелести этой новой, *осѣдлой* жизни.

Я по необходимости, говоря о Ногойбаѣ, долженъ былъ болѣе или менѣе подробно остановиться на джетачествѣ. Оно для пѣвца—самое больное мѣсто въ жизни его народа; въ его поэзіи оно, такъ сказать, главный центръ, фокусъ, въ который собираются и группируются имъ всѣ остальныя явленія киргизской жизни, уже какъ причины, породившія и укрѣпившія его. Явленія эти, будучи разнообразны и перемѣнчивы, также даютъ богатый матеріалъ для его пѣснотворчества. Но я не буду на нихъ останавливаться, во-первыхъ, потому, что это отвлекло бы меня въ другую весьма обширную область, требующую подробной разработки, а во-вторыхъ и потому, что многія изъ этихъ явленій, въ

Digitized by Google

результатѣ которыхъ является джетачество, разсмотрѣны и въ литературѣ *). Скажу только, что въ поэзіи Ногойбая мы замѣчаемъ и другое теченіе. На ряду съ пѣснями, полными любви къ своему народу, искренней преданности къ нему, готовности, если потребуется, душу свою положить за него, пѣснями, гдѣ всѣ оскорбленные и униженные найдутъ сочувственный откликъ себѣ, гдѣ раздѣлится и облегчится горе ихъ,—Ногойбай, какъ бы памятуя истину, что

„То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть",—

на ряду съ ними поетъ и другія пѣсни, исполненныя злобой, ненавистью и проклятіями ко всѣмъ тѣмъ, кто такъ или иначе, тѣмъ или другимъ приноситъ ущербъ благосостоянію народа его. Будучи самъ искренній, честный, съ мягкой. на все отзывчивой душой, не терпящей лжи и неправды, а тѣмъ болѣе какой-либо обиды, дѣлящійся послѣднимъ съ бѣднякомъ, особенно съ тѣмъ, которому грозитъ джетачество, и поучающій и другихъ быть такими же, онъ грозно и безпощадно бичуетъ тѣхъ, которые иногда въ одинъ свой проѣздъ по степи оставятъ на ней столь глубокіе слѣды, что ихъ не сгладятъ потомъ цѣлые годы...

Вотъ два рода поэзіи Ногойбая: съ одной стороны—поэзія горя и скорби, съ другой—злобы и ненависти; иной не знаетъ онъ. Сама жизнь, бьющая неизсякаемымъ ключемъ, съ ея безпрестанными видоизмѣненіями, съ ея вѣчно борющимися теченіями, даетъ ему столько живо-трепещущаго матеріала для его поэзіи, что, разъ отдавшись ему, сосредоточивъ на немъ все свое вниманіе, онъ даже не хочетъ и не можетъ оторваться отъ него. И въ его произведеніяхъ эта жизнь, какъ нельзя лучше, находитъ свое истинное, неприкрашенное, неувеличенное и неуменьшенное отраженіе. Достаточно слышать Ногойбая, чтобы эта жизнь встала передъ вами во всей своей наготѣ, такою, какою она есть.

*) Кромѣ отдѣльно разбросанныхъ статей въ „Вост. Обозр." и „Спб. Газетѣ", см. довольно обстоятельную статью по данному вопросу *П. А.*: „Киргизская степь въ хозяйственномъ отношеніи" (Эконом. жур. 1888 г. Авг.).

Digitized by Google

Пѣсни о быломъ, составляющія столь важный элементъ въ поэзіи киргизскихъ пѣвцовъ, почти чужды Ногойбаю. Прелестямъ и красотамъ природы, воспѣваніемъ которыхъ такъ любятъ услаждать слухъ своихъ слушателей эти „акыны", Ногойбай очень мало удѣляетъ мѣста въ своей поэзіи, хотя пониманіе ихъ, какъ мы видѣли, не чуждо ему. Рѣдко-рѣдко бываютъ исключенія, когда онъ любитъ оглянуться назадъ. вспомнить прежнюю жизнь, вольную, свободную, раздольную, когда была всего полная чаша, любитъ иногда унестись въ ясное голубое небо съ его безчисленными миріадами звѣздъ; но все это лишь для того, чтобы, спустившись оттуда, по его выраженію, на „пòтомъ облитую, съ кровью смѣшанную, отъ неправды людской почернѣвшую землю". еще рѣзче, рельефнѣе нарисовать тѣ неприглядныя картинки, которыя не тамъ гдѣ-то въ необъятной выси, а здѣсь, передъ глазами всѣхъ и каждаго, и не видѣть которыхъ не можетъ даже и онъ, слѣпецъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ въ одной пѣснѣ: „Степь меня родила, степь меня вскормила и вспоила, степью я дышу, степью и жить я долженъ; но только,—прибавляетъ онъ далѣе,—я сынъ не прежней степи, не той, какую знали наши отцы и дѣды, а иной, новой, какою знаемъ ее мы сами, и не болѣть, и не скорбѣть о которой не можемъ мы. Могутъ ли дѣти, видя умирающую мать свою, не плакать и не рыдать? Можемъ ли и мы, видя умирающею нашу мать-степь, радоваться ея смерти? Оживетъ она, оживемъ и мы. И какъ солнце, когда пронесутся подъ нимъ скрывавшія его тучи, еще ярче и веселѣе блеститъ, такъ и мы, когда пронесутся тѣ черныя, грозныя тучи, которыя висятъ надъ нами, забывъ все былое, стряхнувъ съ себя горе, заживемъ новою жизнью, вздохнемъ, наконецъ, свободно полною грудью... Не таковъ тогда буду и я: на другой ладъ настрою я тогда свою двухструнную донбру, не такъ заиграю на ней, не тѣ запоемъ мы съ ней пѣсни!"...

А. Ивановскій.

Digitized by Google

Изъ матеріаловъ по этнографіи сысольскихъ и вычегодскихъ зырянъ.

Національныя божества

(по современнымъ вѣрованіямъ).

Предметомъ настоящаго очерка я избралъ національныя божества сысольскихъ и вычегодскихъ зырянъ. Выдѣляя эту часть изъ общаго изслѣдованія вѣрованій, я имѣлъ въ виду, насколько возможно, возстановить слѣды языческаго періода, поскольку они проявляются въ хаосѣ *современныхъ* религіозныхъ представленій, образовавшихся подъ сильнымъ вліяніемъ христіанства. Такимъ образомъ, я оставлю въ сторонѣ и, такъ сказать, озырянившіяся представленія, т. е. представленія русскія, которымъ зырянская фантазія придала лишь нѣкоторые своеобразные оттѣнки. Исключеніе придется сдѣлать лишь для культа домового, такъ какъ онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ вѣрованіемъ въ орта.

Всякій, кому доводилось познакомиться съ литературой о зырянахъ, естественно, долженъ былъ поразиться многими неточностями и зачастую непримиримыми противорѣчіями. Источникомъ этихъ недостатковъ является то, что нѣкоторые изслѣдователи, не опредѣляя точно описываемой мѣстности, говорятъ о зырянахъ вообще. Между тѣмъ такія обобщенія немыслимы въ виду ясно выраженнаго различія между всѣми частями зырянскаго народа. Существующія названія: „сысольскіе“, „вычегодскіе“, „печорскіе“, „удорскіе“ зыряне опредѣляютъ не только мѣстность, но и различіе быта, вѣрованій, обычаевъ. Поэтому я особенно рѣзко подчерки-

Digitized by Google

ваю, что, говоря въ данномъ очеркѣ о зырянахъ, я буду имѣть въ виду исключительно *сысольскихъ* и *вычегодскихъ* зырянъ, живущихъ по всей Сысолѣ и Вычегдѣ, т. е. занимающихъ всю юго-западную часть Усть-Сысольскаго уѣзда Вологодской губерніи.—Перехожу теперь къ самому очерку.

Уже неоднократно говорилось въ литературѣ о зырянахъ объ утратѣ почти всякихъ воспоминаній изъ ихъ прошлой жизни. Дѣйствительно, зыряне найдутъ, можетъ быть, очень немногихъ соперниковъ въ искусствѣ не сохранять никакихъ связей съ прошлымъ. Это тѣмъ болѣе странно, что, по крайней мѣрѣ теперь, они высказываютъ зачастую живой интересъ къ разсказамъ о давно минувшихъ временахъ. Жадно слушая такіе разсказы, они, по возможности, отыскиваютъ удовлетвореніе своему интересу даже въ книгахъ. Такое удивительное противорѣчіе можно объяснить развѣ только тѣмъ быстрымъ поворотомъ въ религіи, который произошелъ у нихъ со временъ св. Стефана, и той отчаянной энергіей въ уничтоженіи языческихъ вѣрованій, описаніе которой мы находимъ въ Епифановой біографіи св. Стефана. Всякая связь съ прошлымъ была порвана сильной рукой проповѣдника, предки—язычники получили оскорбительное названіе „поганыхъ", самое слово язычникъ стало презрительнымъ Зыряне теперь не признаютъ никакого родства съ чудью. Среди нихъ ходятъ извѣстные въ литературѣ разсказы о крещеніи св. Стефаномъ чуди, о ея бѣгствѣ, зарываніи себя и имущества въ ямы, носящія и теперь названія „чудскихъ" И старики указываютъ эти ямы, но говорятъ, что ихъ разрывать нельзя, такъ какъ онѣ нечистыя, въ доказательство чего приводятъ пустынную, неплодородную мѣстность близъ станціи Чукаыбъ по Вятскому земскому тракту, гдѣ были нѣкогда могилы чуди. Зыряне помнятъ только, что они не послѣдовали примѣру чуди и крестились и съ тѣхъ поръ живутъ „по христіанскому обряду". Я встрѣтилъ всего одного грамотнаго старика, утверждавшаго, что зыряне и чудь одно и то же. Живутъ они здѣсь, по его словамъ, исконни, всегда назывались *коми* (т. е. зыряне), но русскіе, не понимавшіе

Digitized by Google

ихъ языка, назвали ихъ чудью отъ „чудной"—непонятный. Нѣсколько разъ, впрочемъ, приходилось мнѣ слышать, что чудь была вовсе не дикій народъ, а уже осѣдлый, земледѣльческій. Доказывая его высокую культуру и богатства, эти зыряне ссылались на тотъ совершенно ни на чемъ не основанный фактъ, что чудинцы обработывали свои поля серебряными орудіями. Но такіе разсказы все-же крайне рѣдки.

Такая полная по общему правилу отчужденность отъ языческихъ временъ и служитъ главной причиной того, что зыряне забыли свою прошлую религію.

Подробно описанная Герберштейномъ *Золотая Баба*, на существованіи которой настаиваютъ какъ древніе, такъ и новѣйшіе писатели, и противъ которой косвенно возстаетъ лишь г. Лыткинъ въ своей послѣдней книгѣ о Зырянскомъ краѣ [1]), совершенно неизвѣстна зырянамъ. Память о ней утрачена навсегда. *Войпель*, вызвавшій рядъ предположеній и часто ни на чемъ не основанныхъ толкованій [2]), также забытъ. Услышавъ имена этихъ божествъ, зырянинъ задумчиво качаетъ головою и говоритъ: „не знаю, никогда не слыхалъ"... Имя *Іомалы*, по мнѣнію г. Арсеньева „чисто зырянское" [3]), вызываетъ у зырянъ тоже недоумѣніе: о немъ никогда не слыхали. Даже пословица „іома баба кодь льокъ" (зла, какъ іома), приводимая этимъ писателемъ въ подтвержденіе зырянскаго происхожденія слова Іомала, переводится зырянами съ трудомъ, при чемъ слово *іома* нѣкоторые переводить отказываются, говоря, что оно ничего не значитъ, нѣкоторые же передаютъ его словомъ *злой* [4]), такъ что по-

---

[1]) „Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ". СПБ. 1889 г.

[2]) Михайловъ „Устьвымъ" Вологод. Г. В. 1850 № 2; Арсеньевъ „Зыряне и ихъ охотничьи промыслы", стр. 5. Ср. это послѣднее сочиненіе со статьей неизвѣстнаго автора „Зыряне" (историч. очеркъ въ Памятной книжкѣ Вологод. губ. на 1867 и 68 гг.).

[3]) „Зыряне и ихъ охотничьи промыслы" стр. 12.

[4]) Ср. Савваитова „Зырянско-русскій словарь".

Digitized by Google

словица принимаетъ такой смыслъ: золъ или зла, какъ злая баба.

Мнѣ удалось найти всего нѣсколько весьма слабо обозначающихся слѣдовъ древней языческой религіи зырянъ.

Первый изъ этихъ слѣдовъ сквозитъ въ пословицѣ, распространенной среди женщинъ: „*чурки буди эн вомзясь*", что по русски значитъ: не испортись. И одинъ старикъ объяснилъ, что слово *чурка* (имѣющее теперь измѣненный смыслъ и означающее незаконнорожденнаго ребенка), происходитъ отъ имени *Чурила*, древняго главнаго бога чуди. Увѣряя, что онъ слышалъ это въ дѣтствѣ отъ стариковъ, онъ сообщилъ еще, что чудь поклонялась коровамъ, кошкамъ и другимъ домашнимъ животнымъ. Кромѣ этого старика, больше никто и никогда не говорилъ ничего подобнаго.

Обоготвореніе свѣтилъ совершенно неизвѣстно зырянамъ. Есть, впрочемъ, одинъ обычай, въ которомъ можно видѣть намекъ на культъ солнца. Воображая себѣ теперь солнце и луну ходящими по небу, а звѣзды приколоченными къ нему, зыряне сохранили почти безсознательную вѣру въ способность солнца видѣть и вліять на явленія природы. До Ильина дня ледъ носятъ непремѣнно закрытымъ, „чтобы солнце не *видѣло*", говорятъ зыряне, „иначе *оно пошлетъ градъ*". Въ отвѣтъ на сомнѣніе въ способности солнца видѣть, многіе говорятъ, что такъ слышали отъ отцовъ и дѣдовъ, стало быть, солнце видитъ. Когда я предлагалъ понести ледъ не закрытымъ, нѣкоторые говорили: „можетъ быть, ничего не будетъ... а вдругъ солнце *разсердится*!" Вѣра въ то, что солнце видитъ, можетъ сердиться, посылать градъ, т. е. мстить, въ нѣкоторыхъ болѣе глухихъ мѣстностяхъ живетъ еще упорно.

Почитаніе огня выражается въ общеизвѣстныхъ и весьма распространенныхъ формахъ: въ огонь нельзя плевать; нечистую посуду бросаютъ въ огонь для очищенія; огонь нельзя затаптывать ногами, а надо заливать водой. Послѣднее, впрочемъ, повѣрье потерпѣло крайне странную метаморфозу: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говорятъ, что огонь надо непремѣнно затаптывать ногами. Такая противополож-

Digitized by Google

ность въ обычаѣ свидѣтельствуетъ о полной утратѣ вѣрованія, его вызвавшаго.

Явленія природы зачастую понимаются и теперь, какъ одушевленныя существа. Ставшіе теперь шутливыми [1]), разговоры съ вѣтромъ все-же иногда и до сихъ поръ носятъ характеръ серьезной вѣры въ способность вѣтра слышать, понимать и исполнять просьбы. Такъ, старухи просятъ совершенно серьезно вѣтеръ, чтобы онъ подулъ. Если послѣ усиленныхъ просьбъ вѣтеръ все-же не дуетъ, старуха говоритъ: „разсердился"...

Всѣ эти отрывочныя данныя и почти сгладившіеся слѣды даютъ право лишь констатировать фактъ обоготворенія, отнимая всякую возможность возстановить подробности культа.

Почти ту-же судьбу претерпѣлъ и культъ предковъ, пріуроченный нѣкоторыми писателями къ *орту* [2]). Но едва-ли осносательно такое пріуроченіе. Вѣрованіе въ орта несомнѣнно чисто зырянское и кромѣ того мѣстное. Встрѣчаясь на Сысолѣ и Вычегдѣ, оно не было замѣчено изслѣдователями другихъ мѣстностей [3]). Его нѣтъ ни у русскихъ, ни у близкихъ къ зырянамъ пермяковъ и вотяковъ. Г. Куратовъ [4]) переводитъ слово *ортъ* русскимъ *духъ*. Тоже дѣлаетъ и г. Лыткинъ въ своемъ только что вышедшемъ словарѣ [5]). Можетъ быть, теперь духъ, душа по-зырянски дѣйствительно *ортъ*, но отсюда никакъ нельзя дѣлать заключенія, что *существо* (субстанція) орта есть духъ. Зыряне имѣютъ даже теперь весьма смутныя представленія о духѣ, и это смутное представленіе есть несомнѣнно плодъ обрусѣнія и христіанства. Всѣ ихъ лѣшіе, водяные и т. д. всегда имѣютъ тѣлесную форму. Всѣ эти существа можно видѣть и нанести имъ физическую боль. Представленія даже и о человѣческой душѣ чрезвычайно

---

[1]) Ср. Лыткина, „Зырянскій край" и пр., стр. 163.

[2]) Кл. Поповъ „Зыряне и Зырянскій край", стр. 20 (Труды Отдѣла Этнографіи Имп. Общ. Л. Е. А. и Э. кн. III, вып. 2).

[3]) Ibidem, стр. 59.

[4]) Вологод. Г. В. 1865, № 37.

[5]) „Зырянскій край" и пр., стр. 84.

Digitized by Google

смутны, а зачастую ихъ и вовсе не встрѣтишь. Въ этомъ отношеніи многіе совершенно дикіе народы опередили зырянъ. Извѣстно, что, напримѣръ, Билы (черныя племена Индіи) дѣлятъ сваренный для покойника рисъ на двѣ части, при чемъ одну часть оставляютъ у его могилы, а другую кладутъ „на порогѣ его послѣдняго жилища, какъ пищу для *духа* [1]). Зыряне же, вѣря въ способность покойниковъ (въ особенности колдуновъ) ходить, представляютъ себѣ ихъ во время этихъ странствованій именно въ томъ видѣ, какой они имѣли при жизни. Они связываютъ своихъ умершихъ колдуновъ, чтобы тѣ не безпокоили близкихъ своими посѣщеніями, при чемъ они нисколько не останавливаются надъ мыслью, что душа не можетъ быть связана. По разсказамъ, прежде былъ обычай дѣлать отверстіе въ могилѣ надъ ртомъ умершаго и вливать туда питье, но разсказовъ, свидѣтельствующихъ о заботахъ о душѣ, не встрѣчается совершенно. Что касается собственно орта, то самое выраженіе: „онъ худъ, какъ ортъ", „чистый ортъ", какъ нельзя лучше указываютъ на то, что ортъ есть нѣчто матеріальное. Данный каждому человѣку при рожденіи (въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ говорятъ, что ортъ бываетъ лишь у близкихъ уже къ смерти людей), ортъ передъ смертью этого человѣка является его роднымъ всегда ночью, принимая образъ именно этого близкаго къ смерти человѣка. Мѣстами же вѣрятъ, что ортъ является не роднымъ его, а ему самому, при чемъ *щиплетъ ею до синяковъ*,—новое доказательство его матеріальности. Такія появленія бывали за три года до смерти. По смерти же человѣка, добавляютъ въ этихъ мѣстностяхъ, уходитъ съ нимъ и ортъ его, но куда—неизвѣстно. По болѣе распространенному вѣрованію, ортъ является въ образѣ покойника и послѣ смерти человѣка еще 40 дней, а затѣмъ пропадаетъ. Эти-то появленія и послѣ смерти могли бы дать право видѣть въ ортѣ поклоненіе предкамъ, но зыряне отличаютъ посѣщенія орта отъ посѣщеній самого покойника. Это отличіе рельефно

---

[1]) Спенсеръ, „Основанія соціологіи", т. I, стр. 172.

Digitized by Google

выступаетъ въ обычаѣ вывѣшивать на всѣ 40 дней полотенце, чтобы ортъ и покойникъ утирались имъ по утрамъ: ортъ замѣчаетъ это полотенце, а покойникъ нѣтъ. Наконецъ, противъ смѣшенія орта съ покойникомъ громко и рѣзко говорятъ пророческія явленія орта человѣку, о которыхъ я сказалъ выше.

На вопросы, откуда явился ортъ, что онъ такое, куда дѣвается послѣ смерти человѣка, зыряне отвѣчаютъ, что этого знать нельзя. Во всякомъ случаѣ едва ли можно сомнѣваться, что ортъ не духъ и ужъ ни въ какомъ случаѣ не духъ предковъ.

Между тѣмъ зыряне почитали своихъ умершихъ предковъ. До сихъ поръ сохранилось названіе ихъ: ихъ звали „*ельниками*“ [1]). Отсюда возникло и самое предположеніе, что Стефанъ срубилъ не березу, а ель, бывшую мѣстомъ нахожденія многихъ божествъ. Извѣстно также, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почитался не только самый очагъ, но даже часть дома, прилежащая къ нему считалась неприкосновенною [2]).

Наведенные на мысль о чрезвычайно часто встрѣчающемся у разныхъ народовъ пріурочиваніи культа предковъ къ очагу, мы должны искать его и у зырянъ прежде всего въ существахъ, близко связанныхъ съ очагомъ и домомъ. Такимъ существомъ является *домовой*.

Я не буду говорить здѣсь о тѣхъ его свойствахъ, которыя такъ извѣстны каждому и которыя перенесены и къ зырянамъ. Приведу лишь тѣ двѣ особенности его, которыя созданы самими зырянами.

Во-первыхъ, встрѣчаясь въ старыхъ домахъ чаще, нежели въ новыхъ, домовой никогда не переселяется въ эти послѣдніе до постройки печи. Эта-то связь съ очагомъ, о которой я только что говорилъ выше, и даетъ право видѣть скорѣе всего именно въ немъ культъ предковъ.

---

[1]) Амвросій „Исторія Росс. Іер.“ VI, 566.

[2]) Кл. Поповъ, „Зыряне“ и пр., стр. 9.

Digitized by Google

Во-вторыхъ, всякое переселеніе изъ стараго дома въ новый никогда не обходится даромъ: оно требуетъ жертвы. Зыряне радуются, если домовой въ этомъ случаѣ „навалится", какъ они выражаются, на скотъ, такъ какъ зачастую при переселеніяхъ мрутъ и люди. Это вѣрованіе поддерживается тѣмъ, что дѣйствительно въ силу какихъ-то причинъ переселенія рѣдко обходятся безъ смерти. Это наводитъ такой страхъ, что многіе новые дома даже въ Усть-Сысольскѣ такъ и остаются необитаемыми. Во всякомъ случаѣ это вѣрованіе есть одинъ изъ немногихъ остатковъ жертвы. Въ данномъ случаѣ она всего легче объяснима, какъ жертва предкамъ за переселеніе, за безпокойство, причиненное имъ.

Добавлю еще третью характерную подробность въ вѣрованіи въ домового: домовыхъ нѣтъ совсѣмъ даже въ жилыхъ помѣщеніяхъ, разъ въ нихъ нѣтъ печи. Такими жилыми помѣщеніями являются „колы", или лѣсные домики, построенные для перваго набредшаго на нихъ охотника. Охотники живутъ въ колахъ по нѣсколько дней, но домового въ нихъ нѣтъ. Здѣсь, кромѣ связи съ очагомъ, открывается еще связь съ семьей, *постоянно* живущей въ извѣстномъ помѣщеніи и, стало быть, теряющей въ немъ своихъ членовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что домовой считается существомъ добрымъ, покровителемъ семьи.

Теперь остается еще упомянуть о двухъ существахъ, представляющихся крайне сомнительными въ смыслѣ ихъ національности. Это—*лешакъ-мортъ* и *пöлöзнича*. Хотя нѣкоторые зыряне и увѣряютъ, что лешакъ мортъ былъ прежде (когда—неизвѣстно) злымъ богомъ, но кромѣ неопредѣленнаго „такъ слышали" ничего въ доказательство сказаннаго привести не могутъ. Теперь имя лешака-морта пріурочивается къ человѣку очень храброму, неустрашимому, но еще недавно *лешакъ-мортъ* было браннымъ словомъ. Можетъ быть христіанское вліяніе и превратило имя бывшаго бога въ оскорбительное прозвище, какъ это бываетъ при перемѣнѣ религій, но все это только предположенія. *Мортъ* значитъ *человѣкъ*; *лешакъ* очевидно производное отъ *лѣсъ*, *лѣшій*.

Digitized by Google

Нѣсколько болѣе обосновано зырянское происхожденіе *пölöзничи*. Это была богиня, жившая во ржи и охранявшая ее. Прежде вѣра въ нее была такъ могущественна, что ни одинъ зырянинъ ни за что не коснулся бы ржи до Ильина дня, опасаясь какого-то страшнаго наказанія. Теперь вѣра эта утрачена. Пölöзничи боятся только дѣти, о чемъ старики не мало сожалѣютъ, такъ какъ прежде, по ихъ словамъ, когда пölöзнича оберегала рожь, хлѣба были несравненно лучше. Нѣкоторые старики сообщали мнѣ, что она не исчезла и не умерла, а ушла куда-то, разсердившись на маловѣріе зырянъ. Самое имя ея видимо русскаго происхожденія: оно соотвѣтствуетъ *полудница*. Г. Савваитовъ такъ и переводитъ слово „пölöзнича" словами: „полудница, которая по мнѣнію зырянъ живетъ во ржи", откуда и „пölöзнича синъ"—василёкъ [1]), т. е. глазъ полудницы.

Этимъ почти забытымъ существомъ оканчивается нестройный рядъ полуисчезнувшихъ воспоминаній изъ области древнихъ зырянскихъ божествъ.

В. Кандинскій.

---

[1]) Зыр.—русскій словарь, стр. 171.

Digitized by Google

Этнографическія замѣтки.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ни одна отрасль знаній не представляетъ такого обилія мелкихъ и разрозненныхъ фактовъ и наблюденій, какъ этнографія. Широкая область этой науки и въ высшей степени сложный матеріалъ, подлежащій ея вѣдѣнію, даетъ основаніе какъ для разнообразныхъ построеній общаго характера, такъ и для массы спеціальныхъ работъ. Люди науки собираютъ и группируютъ этнографическіе факты, согласно съ главными проявленіями народнаго міросозерцанія, морали и быта. Въ результатѣ получаются болѣе или менѣе обширныя изслѣдованія о семейно-родственныхъ отношеніяхъ, демонологіи, народной медицинѣ и пр. Между тѣмъ съ каждымъ днемъ наплываетъ новый матеріалъ, и между прочимъ такой, который не можетъ войти въ цѣльную систематическую работу, какъ законное и необходимое явленіе въ общемъ строѣ народной жизни, матеріалъ мелкій, отрывочный и своеобразный. Но и этотъ матеріалъ, вынесенный новѣйшимъ фольклоромъ изъ глубины народнаго быта, заслуживаетъ вниманія и объясненія, сначала хотя бы частнаго, мелко монографическаго, пока явится возможность поставить его въ связь съ другими однородными или сходными этнографическими данными.

Предлагаемыя вниманію читателя этнографическія замѣтки большею частью относятся, именно, къ мелкому или новому этнографическому матеріалу и составляютъ какъ бы продолженіе тѣхъ статей о культурныхъ переживаніяхъ, кото-

Digitized by Google

рыя были напечатаны мною въ „Кіевской Старинѣ“ за 1888 и 1889 гг. Однѣ изъ этихъ замѣтокъ по самой, такъ сказать, природѣ своей, по характеру трактуемаго предмета, не поддаются подробному спеціальному изслѣдованію; для широкой разработки другихъ нѣтъ подъ руками научныхъ пособій. Авторъ первый порадуется, если предстоящія замѣтки вызовутъ появленіе новаго этнографическаго матеріала или болѣе подробныя спеціальныя изслѣдованія по затронутымъ вопросамъ.

1. Сонъ-трава (Anemone pratensis) въ народныхъ пѣсняхъ и повѣрьяхъ.

Въ настоящее время наука насчитываетъ много различныхъ пріемовъ искусственнаго усыпленія, начиная отъ употребленія внутрь сока усыпительныхъ растеній и кончая таинственной силой гипнотическаго внушенія. Отъ наблюдательности народа не могло скрыться усыпляющее свойство нѣкоторыхъ травъ и манипуляцій массажа. Одно изъ раннихъ весеннихъ растеній украинской флоры Anemone pratensis получило названіе „сонъ-трава“. Существованіе такого названія повлекло за собой соотвѣтственныя народно-поэтическія сказанія, пѣсни и повѣрья. Въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ объ украинской флорѣ *Роговича*, *Горницкаго* и особенно *Шмальгаузена* подробно обозначены ботаническія разновидности этого растенія безъ указанія на то, обусловливается ли его названіе дѣйствительнымъ свойствомъ усыплять человѣка, или мы здѣсь имѣемъ дѣло лишь съ голымъ названіемъ, возникшимъ подъ вліяніемъ народныхъ повѣрій объ усыпляющей силѣ растенія.

Въ народныхъ повѣрьяхъ травѣ-сну приписывается пророческое значеніе; если положить ее на ночь подъ изголовье, то она покажетъ человѣку судьбу его въ сонныхъ видѣніяхъ (*Маркевичъ*, Обыч. и повѣр., 29). Сонъ-трава вошла въ колыбельныя и историческія пѣсни. Такъ, въ превосходной колыбельной пѣснѣ поется:

Digitized by Google

Ой, спы, дитя, безъ сповыття,
Покы маты зъ поля прыйде,
Та прынесе тры квитонькы:
Одна буде *дримлывая*,
Друга буде *сонлывая*,
Третья буде щаслывая (*Чуб.* IV, 26).

Въ старинной думѣ о походѣ Сверчовскаго въ Волощину (1574 г.) сонъ-трава является символомъ горя и смерти, вѣроятно, подъ вліяніемъ обычнаго народно-психическаго сближенія сна и смерти. Послѣ смерти „пана Свирговскаго"—

Плакала стара баба Грыцыха,
Мовъ перепелыха, мовъ перепелыха;
Молодая сетра *сонъ-траву* ирвала,
Старую пытала, старую пытала:
„Чи той *сонъ-трава* козацькая сыла,
Чи той *сонъ-трава* козацька могыла?"
— Ой той *сонъ-трава*, голубонько,
Зростывся у поли,
Та піймала ту траву недоля
Та дала моій дони.
Ой, доня жъ моя, доня,
Годи сумоваты,
Що нашого молодого Йвана
У могыли шукаты и пр. (*Ант. и Драг.*, I, 160).

Этотъ пѣсенный мотивъ заключаетъ въ себѣ, повидимому, глубоко-древнее повѣрье о томъ, что сонъ-трава находится въ распоряженіи злой силы, недоли, бѣса. Въ древней лѣтописи и въ Печерскомъ Патерикѣ повѣрье это пріурочено къ житію св. Матѳея: „Бѣ же старецъ Матѳей... прозорливъ. Единою бо ему стоящю въ церкви на мѣстѣ своемъ, възведъ очи свои, позрѣ по братьи, иже стоятъ поюще по обѣма странама, видѣ обходяща бѣса, въ образѣ ляха, въ лудѣ, и носяща въ приполѣ цвѣтки, иже глаголется лѣпокъ, и обиходя подлѣ братью, взимая изъ лона лѣпокъ, вержаше

Digitized by Google

на кого-либо: аще прильняше кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братья, мало постоявъ и расслабленъ умомъ, вину створь каку-либо, изидяше изъ церкви, шедъ въ келью и усняше, и не возвратяшется въ церковь до отпѣтья"... (*Лѣтоп.* Лаврент. сп., изд. 1872, 185). Въ Патерикѣ Печерскомъ бѣсъ является въ видѣ воина, „носяща въ воскриліи ризномъ цвѣты липкія, иже взимая нѣкое зло на цвѣтокъ, верзаше его на кого-либо" (*Патер.*, ри). Въ варіантѣ повѣрья, находящемся въ Патерикѣ, обнаруживается уже толкованіе повѣрья: зло заключается не въ цвѣткѣ, а положено на цвѣтокъ. Ѳ. И. Буслаевъ въ статьѣ о живописныхъ изображеніяхъ страшнаго суда (Ист. оч. II, 136) и г. В. Яковлевъ въ сочиненіи о древне-кіевскихъ религіозныхъ сказаніяхъ (102—103) указали на сходныя житейныя сказанія и живописныя изображенія, причемъ мѣсто цвѣтка занимаютъ стрѣлы (въ Скитскомъ Патерикѣ) или кошельки (у Іоанна Моска). Г. Яковлевъ замѣчаетъ, что „въ бросаніи дьяволомъ въ людей снотворнаго зелья или цвѣтка можно предполагать общеарійское народное повѣріе, до сихъ поръ сохранившееся въ Малороссіи", и ссылается при этомъ на указанную выше колыбельную пѣсню: „Ой, спы, дитя" (*Яковл.*, 103). Позднѣе, г. Мандельштамъ въ „Опытѣ объясн. обыч." (296) сближалъ лѣтописное сказаніе о св. Матѳеѣ съ народными повѣрьями о сонъ-травѣ. Мы полагаемъ нужнымъ въ ряду общихъ сравненій подчеркнуть сходство недоли въ думѣ о панѣ Свирговскомъ съ бѣсомъ легендъ о св. Матѳеѣ, что ранѣе упускалось изъ виду. Сомнительно, чтобы въ украинской думѣ отразился указанный легендарный мотивъ, и скорѣе можно присоединиться къ тому мнѣнію, что здѣсь мы имѣемъ одну изъ многочисленныхъ въ старину подробностей сложнаго миѳическаго образа Горя-Злочастія, Недоли, Злыдней. Повидимому, трава сонъ входилъ въ кругъ сказаній и повѣрій о Недолѣ; изъ области миѳическихъ сказаній онъ проникъ въ житіе о св. Матѳеѣ и позднѣе въ думу о походѣ Сверчовскаго. Въ новѣйшее время, съ переходомъ миѳическаго образа Горя-Злочастія въ простое олицетвореніе и съ послѣ-

Digitized by Google

довавшимъ затѣмъ забвеніемъ самого олицетворенія, забыто также повѣрье о связи сонъ-травы съ бѣдой и смертью.

Въ старину (XVIII ст.) существовало вѣрованіе, что съ цвѣткомъ можно передавать недугъ отъ одного лица къ другому, и потому считалось опаснымъ брать или давать цвѣты незнакомымъ лицамъ. Въ 1750 г. дворянинъ Поляковскій и крестьянинъ Сусленко жестоко избили дворянку Лущевскую, заподозрѣвъ ее въ чародѣйствѣ вслѣдствіе того, что она передала своему ребенку цвѣтокъ, который взяла изъ рукъ ребенка Сусленка (*Антон.*, Колд. 451). Эта подробность имѣетъ, очевидно, отношеніе къ приведенному выше мѣсту изъ думы о Сверчовскомъ, гдѣ Недоля даетъ цвѣтокъ, именно сонъ-зилье, и причиняетъ такимъ образомъ горе и несчастье.

Весной топчутъ сонъ-траву, приговаривая: „щобъ на той годъ дождаты сону топтаты“ (*Nowos.*, Lud II, 146; *Ефим.*, Закл. 34; *Номисъ*, Приказки). Чаще топчутъ рястъ (corydalis)—обыкновенное растеніе, въ изобиліи появляющееся ранней весной въ рощахъ.

Можетъ быть, обычай топтать сонъ-траву или рястъ и повѣрья о цвѣткѣ Недоли стоятъ въ связи съ древними религіозно-мифическими представленіями о землѣ, какъ всеобщей матери, супругѣ неба, о растеніяхъ, какъ волосахъ земли (подробно у *Аѳанасьева*, Поэт. воззр. слав. II, 135—150).

Въ числѣ украинскихъ народныхъ разсказовъ о сонъ-травѣ выдѣляется слѣдующій, высоко-поэтическій и оригинальный по содержанію. У всѣхъ цвѣтовъ есть мать; не имѣетъ матери только сонъ-трава; у него злая мачеха; ежегодно она выгоняетъ его изъ земли ранѣе, чѣмъ покажутся какіе либо другіе цвѣточки. „Сонъ, сонъ, ступай вонъ,—говоритъ она,—бо вже вси цвиткы зацвилы, тилько тебе нема“, и послушный сонъ вылазитъ изъ земли, оглядывается по сторонамъ и не видитъ ни одного товарища. Свѣситъ тогда онъ свою умную головку на бокъ, какъ сиротка, и дремлетъ до тѣхъ поръ, пока не появятся его товарищи: козельцы (Anemone ranunculoides), медунки (Pulmonaria), фіалки и др. (*Rulikowski*, Zbiór wiadom do Antrop., Краковъ, III, 98).

Digitized by Google

Къ этому разсказу о мачехѣ сонъ-травы можно присоединить слѣдующій сказочный мотивъ. Одна женщина полюбила змѣя и хотѣла выдать ему своего брата; но братъ убилъ змѣя, а сестру засадилъ въ глубокій погребъ. „Прошло вже съ того часу не сто и не тысяча литъ, а сестра Иванова усе соби пидъ землею десь плаче дай плаче. Вона вже не одынъ цеберъ (ушатъ) наплакала, такъ що слёзы ій ажъ на сей свитъ сходятъ. Аже-жъ оце чого, якъ тилько сонечко зажевріе, то по всякому дереву и по всякій былыни роса и выступае? Оце жъ не що; якъ тіи слезы Галины; да тилько воны таки гришни, що и дерево ихъ не прыймае: усе до долу скапують дай скапують. Галя, може, струхла тамъ у земли по сей часъ, а слидъ іи на земли таки зостается" (*Рудченко*, Юж.—р. ск. I, 138; варіанты безъ слезъ Гали у *Чуб.*).

Сходныя поэтическія сказанія встрѣчаются у литовцевъ. Поклусъ (литов. Плутонъ), принявъ видъ цвѣтка, соблазнилъ Ніолу, дочь богини плодовъ земныхъ Крумины, и увлекъ въ преисподнюю. Сказаніе это записано литовскимъ историкомъ Нарбутомъ и нуждается въ провѣркѣ. Крашевскій воспроизвелъ это сказаніе въ поэмѣ „Витолерауда" (*Вилен. Вѣстн.* 1889, 75; *Этногр. Обозр.* 1889, II, 197).

Образцовымъ сказаніемъ по разбираемому поэтическому мотиву служитъ гомеровскій гимнъ къ Деметрѣ. Варіанты этого гимна встрѣчаются у многихъ древнихъ авторовъ. Содержаніе гимна извѣстно: Плутонъ, съ согласія Зевса, похитилъ Персефону, дочь Деметры. Иліосъ открылъ Деметрѣ похитителя ея дочери. Тогда раздраженная богиня оставила Олимпъ, спустилась на землю и, принявъ видъ старухи, поселилась въ Елевсинскомъ храмѣ. Боги постановили, что Персефона треть года будетъ проводить въ Эребѣ, а двѣ трети на Олимпѣ съ своей матерью. Учредивъ въ Елевсинѣ мистеріи, Деметра возвратилась на Олимпъ. Миѳъ о похищеніи Персефоны очень часто служилъ древнимъ художникамъ сюжетомъ для произведеній искусства. Увлекаемую Плутономъ дочь Деметры можно видѣть на надгробныхъ памятникахъ, на вазахъ и на различныхъ украшеніяхъ. Среди

Digitized by Google

греческаго народа до недавняго времени встрѣчались разсказы, напоминающіе своими мотивами гомеровскій гимнъ къ Деметрѣ. Ленорманъ сообщаетъ подобнаго рода сказку, которую онъ слышалъ отъ старика священника въ Елевсинѣ (*Новосадскій*, Елевс. мистеріи, 31, 32, 38). Въ древнее и въ новое время высказаны были различныя толкованія миѳа о Деметрѣ и Персефонѣ. Одно толкованіе—лунарное (Варронъ Реатинскій, Виргилій, неоплатоники Порфирій и Ямвлихъ, Ленорманъ). Въ силу этого толкованія миѳъ о Деметрѣ и Персефонѣ изображаетъ луну и разныя ея фазы. По другому толкованію, миѳъ этотъ представляетъ собой нисхожденіе душъ въ подземный міръ и затѣмъ восхожденіе ихъ въ міръ свѣта, Геліоса (неоплатоникъ Саллюстъ). Третье мнѣніе (Новосадскаго) состоитъ въ томъ, что миѳъ выражаетъ борьбу добра со зломъ въ мірѣ, смѣну горя и страданій въ жизни человѣка, спокойной, но непрочной радостью. Прочнѣе всего укрѣпилось въ наукѣ теллурическое толкованіе, по которому миѳъ о похищеніи Персефоны является аллегорическимъ представленіемъ того, какъ брошенное въ землю зерно опять возвращается къ жизни въ видѣ растенія. Съ такой точки зрѣнія объясняли этотъ миѳъ Корнутъ, Цицеронъ, С. Кроа и мн. др. (*Новосад.* 33—35). Персефона (или Кора) — это яркая, великолѣпная растительность весны, которая вянетъ и исчезаетъ осенью, такъ какъ листья цвѣтовъ и растеній возвращаются въ землю, откуда вышли. Гадесъ, богъ невидимаго міра и подземнаго мрака, похищаетъ молодую дѣвушку у матери, и затѣмъ она возвращается на время—это возвращеніе растительности весною (*Леру*, Словарь гомер. миѳол. 38).

Поэтическій мотивъ о похищеніи Персефоны послужилъ темой для произведенія Шиллера: „Жалоба Цереры". Здѣсь поэтъ говоритъ о цвѣтахъ:

Ими та́инственно слита
Область тьмы съ страною дня.

Малорусское сказаніе о сонъ-травѣ по основному содержанію, напоминаетъ греческія народныя преданія о похи-

Digitized by Google

щеніи Персефоны и далѣе „Жалобу Цереры“ Шиллера. Повидимому украинская мачеха сонъ-травы—варіантъ древнегреческой Деметры. Исключая возможность заимствованія поэтическаго мотива о мачехѣ сонъ-травы, я готовъ признать, что этотъ мотивъ возникъ у малоруссовъ самостоятельно, подъ вліяніемъ религіознаго и поэтическаго воззрѣнія на землю, какъ всеобщую мать, попечительную и заботливую, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ на недоброжелательную мачеху.

Повѣрье объ усыпляющей сонъ-травѣ встрѣчается въ Германіи. Оно вошло, между прочимъ, въ Эдду: подъ голову Брунгильды кладутъ сонъ-траву, отчего она вскорѣ засыпаетъ. Въ числѣ германскихъ растеній есть Schlafkunz. Въ Тиролѣ подъ подушку кладутъ Schlafapfel, чтобы сонъ былъ спокойный (*Мандельшт.* Опытъ объясн. обычаевъ, 297 *).

2. Розмай—зилье.

Н. И. Костомаровъ въ диссертаціи объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи (1843) высказалъ предположеніе, „что розмай-зилье—баснословное растеніе. Проф. А. А. Потебня въ IV т. „Къ ист. звуковъ“ (стр. 50) замѣчаетъ, что „розмай—зилье, можетъ быть, гдѣ либо пріурочено къ туземному растенію, но по происхожденію есть зап.—слав. (хорв. и др.) rozmária, т. е. розмаринъ“. Въ малорусской пѣснѣ говорится: „ще до гаю не дійшла, розмай—зильечко знайшла“ (*Чуб.* V, 414), причемъ, очевидно, розмай—зилье относится къ какому-то туземному растенію. Южно-славянское растеніе розмаринъ проникло въ Германію и западнославянскія страны; оттуда оно далѣе перешло и къ галицкимъ русскимъ подъ названіемъ розмарія, а въ Малороссію уже подъ названіемъ розмая, вѣроятно, съ мѣстными пріуроченіями, причемъ народная фантазія воспользовалась этимъ именемъ и ввела его въ пѣсни и повѣрія.

*) Осетины снотворное значеніе приписываютъ лѣвому крылу летучей мыши, которое потому и называется у нихъ сонным. Его кладутъ подъ голову ребенка, если сонъ безпокойный. *Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, II, 291).

Digitized by Google

Творческая сила народнаго воображенія выразилась въ данномъ случаѣ на усвоеніи и развитіи поэтическихъ мотивовъ о розмаринѣ, при отсутствіи самаго растенія. Розмаринъ (морская роса)—названіе небольшаго кустарника, растущаго въ изобиліи на островахъ Адріатическаго моря, въ Далмаціи, мѣстами въ Италіи, Сициліи, Корсикѣ и Франціи. Розмаринъ не выноситъ холоднаго климата, и въ Россіи разводится только въ оранжереяхъ. Изъ розмарина извлекается душистое масло, которое идетъ въ подмѣсь къ венгерскимъ винамъ и въ особаго рода одеколонъ—„aqua della regina" (*Die Natur*, 1879 № 51; *Анненковъ*, Ботан. словарь, 150). Розмаринъ входилъ уже въ древне-римскій свадебный ритуалъ, какъ украшеніе для невѣсты. Въ настоящее время въ Германіи невѣста украшаетъ голову розмариномъ (*Rossbach*, Die röm. Ehe, 232). У чеховъ и поляковъ розмаринъ служитъ символомъ дѣвства (*Kolberg*, Lud VI, 55). Въ Чехіи розмаринъ идетъ на вѣнокъ невѣсты и на украшеніе гривы и хвоста свадебныхъ лошадей *Sumlork*, Staroć. Obyć. I, 365). Въ Малороссіи и въ Галиціи роль розмарина на свадьбахъ играетъ барвинокъ (подробн. въ моемъ соч. о свад. обр., 184). Костомаровъ высказалъ мнѣніе о приворотномъ значеніи розмай—зилья, что̀ находитъ подтвержденіе въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ, въ одной пѣснѣ дѣвушка, найдя розмай—зилье, полоскала его на рѣкѣ,

Прыставляла въ горильци,
Полоскала на меду,
Прымовляла до ладу,
Прысунула до жару
Козакови до жалю:
Кыпы, кыпы, коринець,
Покы прыйде молодець;
Ще коринець не вкыпивъ,
Вже молодець прилетивъ. (*Чубин.* V, 414; *Nowos.* II, 146).

Украинская народная поэзія заключаетъ въ себѣ указаніе, что розмаринъ и лилія выросли на могилахъ двухъ лю-

Digitized by Google

бовниковъ. (Мотивъ: дерево, трава или цвѣтокъ выростаетъ на могилѣ любовниковъ—весьма распространенъ въ поэзіи разныхъ народовъ, причемъ растеніе, происшедшее такимъ образомъ, большею частію получаетъ приворотное любовное значеніе). Въ одной малорусской пѣснѣ говорится о двухъ сосѣдкахъ: у одной былъ сынъ Яничко, у другой дочь Ганочка. Молодые люди полюбили другъ друга, и мать Янички покровительствовала имъ; но зато мать Ганочки стала поперекъ ихъ любви. Яничка умеръ съ горя, а Ганичка утопилась. Яничка былъ похороненъ съ одной стороны церкви, а Ганичка съ другой; на могилѣ Янички выросъ розмаринъ, а на могилѣ Ганички—прекрасная бѣлая лилія, которая поднялась выше церкви (*Костомаровъ*, въ „Бесѣдѣ" 1872, VI, 29). Въ варіантѣ этой пѣсни, также галицкомъ, говорится:

Едно поховали повыше костела,
Друге поховали пониже костела;
На еднимъ выросла ружа и шалвія,
На другимъ выросла дробна розмарія;
А тоты квитки въ едно ся зростали,
Жебы люде знали, же ся любовали (*Голов.* III, 254).

Этотъ поэтическій мотивъ встрѣчается у многихъ народовъ. Психари и Гедозъ указали на ирландскую легенду о двухъ умершихъ любовникахъ, надъ которыми выросли и переплелись деревья. Новогреческое сказаніе такого же рода, причемъ повредила мать любовника; надъ его могилой выросъ кипарисъ, а надъ его возлюбленной розовый кустъ. Сюда же относится средневѣковое сказаніе о Тристанѣ и Изольдѣ, серболужицкое, сербское, 3 пѣсни венгерскія, пѣсня болгарская, 3 албанскія пѣсни, пѣсни шведскія, португальскія, италіанскія, пѣсня румынская, китайскій разсказъ и др.,—всего около 25 сходныхъ варіантовъ, указанныхъ названными авторами (*Melusine*, 1888 №№ 3, 4, 6). Въ малорусской поэзіи извѣстно нѣсколько пѣсенъ и сказаній даннаго мотива (въ сборникахъ Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга, въ VIII т. Zbiór wiadom., у Костомарова въ „Бесѣдѣ" 1872 г. и др.)

Digitized by Google

Въ поэзіи западныхъ и южныхъ славянъ розмаринъ часто упоминается. Въ сербскихъ пѣсняхъ съ розмариномъ сравнивается дѣвушка-невѣста (*Вукъ Караджичъ*, I, 33).

3. Жемчужная трава.

Жемчужная трава — фантастическое растеніе. Изрѣдка оно встрѣчается въ галицкихъ колядкахъ. Такъ, въ одной колядкѣ чорная гора не родила ни жита, ни пшеницы, а родила она жемчужную траву, золотую рясу. Гордый молодецъ пустилъ коня въ жемчужную траву, а самъ заснулъ. Буйные вѣтры зашумѣли въ жемчужной травѣ и разбудили молодца. Онъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ на охоту за крупнымъ звѣремъ, за чернымъ туромъ (*Костомар.*, въ „Бесѣдѣ" 1872, VI, 48—49). Въ этой колядкѣ, повидимому, слито нѣсколько разнородныхъ мотивовъ, именно: апокрифическій—о чорной горѣ и жемчужной травѣ, миѳологическій—о золотой рясѣ и историко-бытовой—объ охотѣ на тура.

На христіанскомъ востокѣ въ древности было весьма распространено преданіе о плачѣ Богородицы и о слезахъ, пролитыхъ Ею по Спасителѣ, которыя обращались потомъ въ вещественные предметы. Уже у Даніила Паломника читаемъ: „Мѣсто, идѣ же плакала Святая Богородица, то мѣсто есть на пригоріи томъ. На то мѣсто притече скоро Святая Богородица, текуще [въ слѣдъ Христа и глаголаше въ болѣзни сердца своего слезящи: камо идеши чадо мое?" и пр. (*Мочульскій*, О Голуб. Книгѣ 168). Въ связи съ этимъ христіанскимъ преданіемъ о плачѣ Богородицы находится легенда о томъ, что слезы Ея обращались потомъ въ вещественные предметы. Туземцы и даже пришлые поклонники собираютъ въ долинѣ Іордана въ какой-то травѣ родъ мелкихъ бѣловатыхъ камешковъ или ракушекъ, дѣлаютъ изъ нихъ четки и потомъ продаютъ ихъ повсемѣстно на востокѣ, называя ихъ четками изъ слезъ Богородицы (ib, 168). Жемчужная трава галицко-русской колядки, выросшая на черной горѣ, соотвѣтствуетъ плакунъ-травѣ великорусскаго стиха о Голубиной книгѣ.

Digitized by Google

Золотая ряса встрѣчается во многихъ пѣсняхъ малорусскихъ, великорусскихъ, сербскихъ, польскихъ и др. Большое количество пѣсенъ съ золотой рясой приведено въ соч. *А. А.* Потебни: „Объясн. малор. и сродн. пѣсень", II, 455—471. Вмѣсто рясы часто встрѣчается роса. О значеніяхъ того и другого слова см. въ томъ же соч. проф. Потебни 465—466. О миѳическомъ значеніи пѣсенной росы см. еще у Афанасьева въ „Поэт. воззр. слав." I 604, II 277, 281, III 490--495.

Подробность объ охотѣ на тура—историческая, о чемъ см. мое соч.: „Туръ въ народной словесности".

4. Васильки.

Трава и цвѣты васильковъ (Ocymum basilicum) пользуются у малороссовъ и другихъ славянъ, преимущественно южныхъ, большимъ уваженіемъ. Въ Малороссіи разводятъ это растеніе въ огородахъ и садахъ независимо отъ того, что оно растетъ здѣсь и въ дикомъ состояніи. Цвѣты васильковъ затыкаютъ за иконы; въ день Воздвиженія Креста украшаютъ въ церкви крестъ васильками; изъ васильковъ часто дѣлаютъ церковное кропило. Въ Харьковской губерніи кладутъ въ воду васильки, когда купаютъ дѣтей, страдающихъ желтяницами. Кромѣ того, отваромъ этого растенія въ Малороссіи поятъ при внутреннемъ жарѣ и при лѣченіи отъ запоя (*Горницкій*, Замѣтки объ укр. флорѣ, 113).

У болгаръ, сербовъ и хорватовъ васильки также идутъ на кропила при освященіи воды; букетъ изъ васильковъ кладутъ въ дѣтскую колыбель и на гробъ умершаго: такъ что это пахучее растеніе является неизмѣннымъ спутникомъ южнаго славянина въ теченіи всей его жизни (*Die Natur*. 1879, № 51).

Въ народной словесности малорусской (и сербской) василекъ является символомъ святости, чистоты, привѣтливости и учтивости (*Костомар.*, Объ ист. зназ. р. н. поэз. 1843, 30). Не смотря на греческое названіе этого растенія, въ Малороссіи существуетъ нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ названіе цвѣтка сближено съ именемъ Василія; напр., въ

Digitized by Google

одной пѣснѣ дѣвушка говоритъ: „посѣю я васильки, буду поливать; приходи, Василь, буду тебя принимать“ и проч. (*Костомар.*, въ „Бесѣдѣ“ 1872, VI, 25). Въ одной свадебной пѣснѣ „пидъ василькомъ слюбъ берутъ“ (*Rossk. i Franko*, въ „Zbiór“, X, 11).

Религіозное значеніе васильковъ основывается на древней греческой легендѣ о нахожденіи честнаго креста, въ которой разсказывается, что на мѣстѣ, гдѣ евреи умышленно закопали крестъ Спасителя, выросла трава пахучая и врачующая; врачи зовутъ ее okimon, а народъ basilikon — украинскіе васильки (*Мочульскій*, О Голуб. книгѣ, 169).

О врачебномъ значеніи васильковъ говорятъ, между прочимъ, старинные лѣчебники и травники (см. *Флоринскаго*, въ Казан. Унив. Извѣст. 1879, V).

Отечествомъ Ocymum basilicum считаютъ южную Азію (*Шмальгаузенъ*, Флора юго-зап. Рос. 457).

5. Обжинки.

Сравнивая старинныя описанія малорусскихъ и галицко-русскихъ обжинокъ у Максимовича, Войцицкаго (Zarysy domowe, 1842 г.), Голембіовскаго (Gry и zabawy), Сементовскаго и Срезневскаго (въ „Маякѣ“ 1843 г.), Терещенка (въ 5 т. „Быта руск. нар.“ 1848 г.) съ новыми описаніями Чубинскаго (въ Трудахъ Э.—С. Эксп.), Де-Воллана (въ Угор. пѣсн.), Кольберга (въ 1 т. Pokucia), Коперницкаго (въ XII т. Zbiór wiadom.), мы не находимъ между ними значительнаго различія. Основное содержаніе этого праздника труда состоитъ въ томъ, что, по окончаніи жатвы, сплетаютъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ вѣнокъ, и одна изъ жницъ, самая старшая или чаще самая красивая, несетъ этотъ вѣнокъ на головѣ къ хозяину поля, въ сопровожденіи подругъ, распѣвающихъ пѣсни на тему, что жатва счастливо окончена, что хозяинъ долженъ угостить потрудившихся жницъ. Хозяинъ угощаетъ жницъ водкой, а вѣнокъ сохраняетъ до ближайшаго посѣва, когда изъ вѣнка выколачиваютъ зерна и употребляютъ ихъ въ началѣ посѣва. Въ

Digitized by Google

старинныхъ обжинковыхъ пѣсняхъ и обрядахъ обнаруживаются черты крѣпостного состоянія: похвала своему пану, легкая насмѣшка надъ жнецами сосѣдняго пана, порицаніе эконома и т. п. Обжиночныя пѣсни вообще весьма сходны. Онѣ отличаются необыкновенной мягкостью, нѣжностью, задушевностью. Отъ нихъ вѣетъ теплотой лѣтняго вечера и ароматомъ только что скошенной хлѣбной нивы. Мягкое нѣжное чувство женщины также даетъ себя чувствовать почти въ каждомъ словѣ обжинковыхъ пѣсенъ.

Обжинки только въ 2—3 частностяхъ (остатки крѣпостничества, Спасова борода и др.) заключаютъ остатки старины; основное же ихъ содержаніе—обрядная и пѣсенная похвала хлѣбу, полю и его хозяину—такое бытовое явленіе, которое встрѣчалось въ древности у земледѣльческихъ народовъ, повторяется нынѣ и, вѣроятно, имѣетъ впереди далекое будущее, такъ какъ неразрывно связано съ земледѣльческимъ бытомъ и необходимо обусловливается имъ. Сходными повсемѣстно условіями земледѣльческаго быта объясняется чрезвычайное сходство между обжиночными пѣснями и обрядами разныхъ народовъ разныхъ временъ. Въ малорусскихъ, чешскихъ, словацкихъ, сербскихъ дожиночныхъ пѣсняхъ сплошь и рядомъ обнаруживается совпаденіе мотивовъ, мѣстами тожественность выраженій; напримѣръ, въ малор. пѣсняхъ: „Закотылось та сонечко за зеленый биръ, мы поидемо вечеряты у богатый двиръ“ (*Чуб.* III, 247), или „Закотылось та сонечко за виноградный садъ, цилуется, мылуется, та хто кому рядъ“ (ib. 240), „вже сонце надъ вербами, пустить насъ изъ серпами“ (*Голов.* IV, 189) и мн. др т. под.; въ сербской жатвенной пѣснѣ: „постаj, сунце, рано не заоди, да навеземъ брату кошулице“ и пр. (*Ястреб.* 173); въ словацкихъ: „влакомъ, слуняшко, влакомъ, пойдемо домо мракомъ“, или: „зъ горъ, слунечко, зъ горъ, за тенъ зеленый яворъ, за тенъ наизелѣйшій, где е муй наимилѣйшій“ (*Терещ.*, V, 112; изъ сборника Коллара). Въ числѣ обычныхъ началъ жатвенныхъ пѣсенъ является начало вопросительное: „ой чіе жъ то поле заспивало (или

Digitized by Google

задремало) стоя?" (малор.); „чіе же то ярее житко подъ горами?" (словац.); у сербовъ безъ вопроса: „узвикнала бијела пшеница: ја ме жнејте, ја ме покосте; вште мене ноги заболѣше". Мотивы жатвенныхъ пѣсенъ и обрядовъ малочисленны: прославленіе поля, прославленіе хлѣба, прославленіе хозяина поля, обращеніе къ солнцу или мѣсяцу, пожеланіе угощенія со стороны хозяина, прославленіе и поднесеніе вѣнка хозяину, пожеланіе здоровья и урожая на будущій годъ. Мотивы эти повторяются у разныхъ народовъ индо-европейскаго корня; въ особенности много сходныхъ чертъ представляетъ обрядовое употребленіе вѣнка изъ хлѣбныхъ колосьевъ или послѣдняго житнаго снопа. Въ Малороссіи одна изъ дѣвушекъ жницъ, по общему выбору, надѣваетъ по окончаніи жатвы на голову вѣнокъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ и въ сопровожденіи жнецовъ и жницъ идетъ къ дому хозяина (*Чуб.* III, 226). Въ Волынской губ. выбираютъ иногда малолѣтнюю дѣвочку, лѣтъ десяти, какъ существо чистое, невинное, что̀ имѣетъ значеніе по соображенію относительно урожая будущаго года (*Kopern.*, Zbiór XI, 184). Форма вѣнка бываетъ различная; наиболѣе обычная приведена въ рисункѣ въ 1 т. „Покутья" Кольберга. Въ пѣсняхъ вѣнокъ „пелехатый" (т е. кудрявый, косматый, а потому далѣе „панъ богатый на коровы, вивци, червинци"), „золотый"; его первоначально катаютъ по полю, на что указываютъ слова пѣсенъ: „коломъ, виноньку, коломъ"; „котывся виночокъ по полю". Въ одной превосходной пѣснѣ вѣнокъ просится къ хозяину поля въ стодолу въ слѣдующихъ словахъ, сохраняющихъ въ себѣ всю прелесть лѣтняго поля: „Пускай, хозяинъ, въ стодолу; вже я набувся на полю, буйного витру начувся, ра̀ннеи росы напывся". Когда жнецы несутъ вѣнокъ съ поля, „зашумила дуброва, залящила дорога" (*Чуб.* III, 232).

У лужичанъ, по окончаніи жатвы, одна жница несетъ вѣнокъ изъ колосьевъ, а другія держатъ въ рукахъ полевые цвѣты (*Мандельшт.*, Оп. об. обыч. 233). Въ Великороссіи жницы, по окончаніи жатвы, торжественно несутъ въ домъ

Digitized by Google

хозяина вѣнокъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ или дожиночный снопъ. Въ Гродненской губ. дожиночный вѣнокъ кладутъ на кіотъ, а дожиночный снопъ ставятъ на покути (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. III, 767 — 769). Въ Литвѣ дожиночный вѣнокъ несетъ дѣвушка въ сопровожденіи жницъ въ домъ хозяина поля, гдѣ ее принимаютъ съ почетомъ и угощаютъ. Вѣнокъ хранится въ избѣ до слѣдующей жатвы, какъ Божье благословеніе (*Терещ.* V, 120; *Wisła* 1888. I). Весьма сходные обряды встрѣчаются въ Германіи и Шотландіи: дожиночный снопъ срѣзывается и связывается самой молодой жницей; его торжественно несутъ въ домъ хозяина, гдѣ снопъ кладутъ на почетное мѣсто и берегутъ его до Рождества Христова, когда вымолачиваютъ его и полученныя зерна даютъ въ кормѣ лошадямъ и рогатому скоту (Revue des trad. popul. 1888, 485). Въ Англіи въ концѣ прошлаго вѣка было въ обычаѣ приготовлять дожиночный снопъ, соотвѣтствующій малорусскому „имяниннику", вологодской кумушкѣ (*Терещ.* V, 131) въ видѣ соломенной куклы, „королевы жатвы" или „kern-baby"; съ радостными криками приносили ее домой, вѣшали надъ столомъ и хранили до слѣдующаго года (*Спенсеръ*, Опис. соц. 180).

Г. Мандельштамъ въ „Опытѣ объяс. обычаевъ" (стр. 247) высказалъ мнѣніе, что вѣнокъ—форма представленія растительнаго демона; но мнѣніе это не получило права гражданства въ наукѣ, по причинѣ крайняго расширенія демонологіи растительнаго міра, со внесеніемъ въ нее повѣрій и обрядовъ миѳическаго и бытового характера. Несомнѣнно, что жатвенный вѣнокъ по происхожденію и основному значенію соотвѣтствуетъ другимъ обряднымъ вѣнкамъ, въ особенности свадебному вѣнку. Въ сочиненіи о свадебныхъ обрядахъ (стр. 79—89) я подробно говорилъ объ обрядовомъ употребленіи вѣнка на свадьбахъ и о различныхъ его символическихъ значеніяхъ. Основное религіозно-миѳическое значеніе вѣнка обусловлено тѣмъ, что онъ служилъ символомъ солнца, подателя урожая. Древніе германцы посвящали вѣнки богинѣ зари Остарѣ (*Mülhause*, Die Urrelig. 145). Въ

Digitized by Google

латышской пѣснѣ дочь солнца (т. е. солнце) вбродъ перехо, дитъ море (небо); виднѣется лишь ея вѣночекъ. (*Спрогисъ*-Памят. лат. нар. творч. 312). Въ литовской пѣснѣ солнце три года собирало завядшіе листы съ вѣнка своей дочери (*Nesselmann*, Lit. Volkslied. 2). Жатвенный вѣнокъ катаютъ по полю, свадебный по столу—очевидная символика солнца.

6. Спасова борода.

Въ Волынской губ. по окончаніи жатвы на крестьянскихъ поляхъ оставляютъ несжатымъ горсть жита, которое связываютъ въ пучокъ, именуемый „Спасовой бородой", нагинаютъ его колосьями къ землѣ и украшаютъ цвѣтами или лентами. Кругомъ бороды вырываютъ траву, очищаютъ землю отъ сора и закапываютъ немного зеренъ, взятыхъ изъ нѣсколькихъ колосьевъ той же бороды". Затѣмъ слѣдуютъ пожеланія урожая на слѣдующій годъ, и молодежь качается по стернамъ (*Kopern*, въ Zbiór. XI, 184). Иногда заставляютъ парубковъ пролѣзать между стеблями бороды. Жнецы бросаютъ черезъ голову серпы: чей серпъ воткнется въ землю, то этотъ жнецъ и на другой годъ будетъ жать у того же хозяина. Въ пѣсняхъ, посвященныхъ бородѣ, борода „сребломъ-златомъ обвита, краснымъ шолкомъ обшита" а въ одной пѣснѣ находится указаніе на жертвоприношеніе „бородѣ": „отсе тоби, борода, хлибъ, силь и вода" (*Чуб.* III, 229). Тожественный обрядъ въ Полѣсьѣ, съ наименованіемъ соломеннаго пучка „перепелкой", описанъ въ „Маякѣ" 1843, XI, 55. Я встрѣчалъ неоднократно „бороду" послѣ жатвы въ Ахтырск. у. Харьк. губ.

Тожественный обычай „завиванія бороды" встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ Великороссіи, Бѣлоруссіи, Австріи, Германіи, Англіи, причемъ борода носитъ названія бороды Волоса, бороды Ильи и пр. (*Мандельшт.*, 241—245; *Аванас.*, I, 141, 697; *Бусл.*, Нар. поэз. 75; *Шейнъ*, Бѣлор. пѣс. 60; *Спенсеръ*, Описат. соц. 179 и др.).

Въ основѣ повѣрій и обрядовъ съ „бородой" лежитъ поклоненіе растительному или полевому духу, какъ покрови-

Digitized by Google

телю жатвы и подателю плодородія, о чемъ подробно въ соч. г. Мандельштама (Оп. об. обыч. 235—245). По нѣмецкимъ повѣрьямъ, кто скашиваетъ послѣдній колосъ, тотъ улавливаетъ демона. Въ Швабіи срѣзавшему послѣдній колосъ говорятъ: „Du hast die Roggensau" (или Roggenwolf—зоморфическое представленіе растительнаго духа), и затѣмъ связываютъ колосья въ видѣ свиньи и съ шумнымъ крикомъ приносятъ ихъ въ гумно, гдѣ оставляютъ до слѣдующаго года (*Манд.*, 242). Подобнаго рода воззрѣніе встрѣчается у дикихъ и варварскихъ народовъ. На островѣ Борнео приписываютъ рису духъ Samangatpadi и совершаютъ особые обряды, чтобы удержать этого духа у себя, чтобы жатва была хороша. Карены обращаются къ духу риса съ такими заклятіями: „О, прійди, душа риса! Вернись на поле, прійди съ запада, прійди съ востока!" и пр. (ib. 194). Какъ при жатвѣ ржаного поля, говоритъ Бастіанъ, оставляютъ (въ Германіи) отдѣльный снопъ недожатымъ для того, чтобы дать убѣжище житной теткѣ, прогнанной изъ своей обширной территоріи, до тѣхъ поръ ею занимаемой, такъ точно при культивированіи лѣсныхъ пространствъ въ Остъ-Индіи обыкновенно оставляютъ пару пней для демоновъ, лишившихся доселѣшнихъ своихъ обиталищъ, сосредоточивая, такъ сказать, этимъ міръ духовъ на болѣе тѣсномъ пространствѣ" (*Шейнъ*, Бѣлор. пѣс. 511).

7. Символика краснаго цвѣта.

Въ дѣйствіи цвѣтовъ на физическую и психическую природу человѣка заключается еще много загадочнаго и таинственнаго. Гейгеръ высказалъ предположеніе, что человѣкъ прежде всего замѣтилъ красный и другіе близкіе къ нему цвѣта, происходящіе отъ оптическихъ волнъ бо́льшей длины, чѣмъ волны синяго и фіолетоваго цвѣтовъ. Магнусъ допускаетъ, что красныя цвѣтовыя волны производятъ на нервы человѣка болѣе сильное механическое дѣйствіе, чѣмъ синія и фіолетовыя волны, и что поэтому нервы, воспринимавшіе возбужденіе отъ этихъ послѣднихъ, могли получить позд-

Digitized by Google

нѣйшее развитіе (*Петрушевскій*, въ Вѣстн. Изящн. Иск. 1889. IV. 317, 322). Хотя способность распознавать цвѣта составляетъ общее всѣмъ народамъ свойство, и гипотеза дарвиниста Магнуса о постепенномъ развитіи перцепціи цвѣтовъ признана нынѣ несостоятельной (подробности въ соч. *В. И. Шерцля* „О названіяхъ цвѣтовъ"), при всемъ томъ не подлежитъ сомнѣнію, что красный цвѣтъ всегда пользовался у народовъ предпочтеніемъ сравнительно съ другими цвѣтами и въ народныхъ лексиконахъ всегда имѣетъ особое вполнѣ опредѣленное наименованіе.

Въ народномъ бытѣ, повѣрьяхъ и пѣсняхъ русскаго народа красный цвѣтъ имѣетъ теперь большое значеніе и еще бо́льшее имѣлъ въ старину, такъ что въ настоящее время во многихъ случаяхъ является лишь культурнымъ переживаніемъ стародавняго быта и міровоззрѣнія.

Обращаясь къ описаніямъ малорусскаго народнаго костюма у Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга и др. этнографовъ, мы находимъ большое пристрастіе народа къ яркимъ цвѣтамъ, преимущественно красному, въ чемъ малороссіяне сходятся съ великоросами и многими другими народами. Мужчины любятъ носить красный поясъ, красное шитье на воротникѣ и груди сорочки. Женщины обнаруживаютъ большую наклонность носить красныя ленты, красные очипки, сорочки съ красною заполочью, въ старину красноватыя клѣтчатыя плахты и красныя сапожки или черевики. У Г. Ѳ. Квитки, повѣсти котораго составляютъ въ высшей степени правдивый этнографическій матеріалъ, дѣвушки ходятъ въ „червоныхъ юбкахъ, що такъ якъ макъ цвите" и „у червоныхъ черевичкахъ". Въ послѣднее время наклонность малоруссовъ къ красному цвѣту стала ослабѣвать. Пристрастіе къ красному цвѣту обнаруживаютъ многіе другіе народы: киргизы, цыгане, сибирскія туземныя племена, обитатели Полинезіи (*Шерцль*, въ „Фил. Зап." 1884, III, 61).

Пристрастіе къ красному проявляется во многихъ словахъ, означающихъ этотъ цвѣтъ, преимущественно въ приложеніи ихъ ко всему хорошему, красивому. Въ старинномъ

Digitized by Google

русскомъ языкѣ и въ живыхъ областныхъ нарѣчіяхъ красный означаетъ собственно красивый. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ „красный“ Романъ Святославовичъ, „красная“ Глѣбовна, „красныя“ дѣвицы. Въ народныхъ пѣсняхъ обычный эпитетъ дѣвицы „красная“. Въ малорусской народной поэзіи эпитетъ „красный“ прилагается къ небеснымъ свѣтиламъ, парубку и дѣвушкѣ, короваю. То же отождествленіе красоты съ краснымъ цвѣтомъ обнаруживается у многихъ другихъ народовъ. Такъ, у чеховъ слово ryzi обозначало первоначально только красный, но затѣмъ приняло значенія: настоящій, чистый, неподдѣльный; въ турецкомъ яз. kizil—красный, а у киргизовъ то же слово означаетъ: красивый, прекрасный. У финскихъ народовъ красный—красивый. По-китайски „красное сердце“ означаетъ искренность, откровенность (*Шерцль*, 64).

Символическое и обрядное значенія краснаго цвѣта у русскихъ, какъ у многихъ другихъ народовъ, разнообразны, причемъ въ основѣ большинства символическихъ значеній краснаго цвѣта лежитъ его значеніе, какъ эмблемы огня. Разберемъ здѣсь нѣсколько малорусскихъ символическихъ значеній краснаго цвѣта.

Красный коровай въ свадебныхъ пѣсняхъ (*Чуб.* IV. 245, 216 и др.) служитъ символомъ солнца или мѣсяца (подроб. въ моемъ соч. „Хлѣбъ въ обр. и пѣс.“). Какъ эмблема пламени и жара, красный цвѣтъ входилъ въ повѣрья и обряды индійцевъ, египтянъ, римлянъ (напр., красный „flammeum“ невѣсты).

Красныя ленты служатъ символомъ дѣвственности. У малороссовъ замужнія женщины не носятъ красныхъ лентъ. У лужицкихъ сербовъ невѣста послѣ сговора перестаетъ носить красныя ленты (*Haupt u. Smol.*, Volkslied. II, 229). Въ сербскихъ пѣсняхъ невѣста—красная лента (*Букъ Караджъ.*, I 54, 57; *Pić*—Nar. srb. ob. 65). То же и въ великорусскихъ пѣсняхъ (*Москвитянинъ*, 1841, VI, 481).

Красный платокъ (иногда красныя ленты) служитъ символомъ крови. Съ такимъ значеніемъ красный платокъ раз-

Digitized by Google

вѣвается на высокомъ шестѣ надъ хатой послѣ первой брачной ночи молодыхъ. Древніе иберійцы, карѳагенцы и спартанцы носили во время войны красную одежду; у римлянъ, туземцевъ сѣверной и южной Америки символомъ войны — кровопролитія служитъ красная одежда. Цвѣтъ фалловъ у древнихъ народовъ былъ красный (*Шерилъ*, 65).

Красныя перевязки служатъ симпатическимъ средствомъ отъ сглазу и болѣзней. Дѣлаютъ такія перевязки изъ нитокъ гаруса, полосокъ ситца, ленточекъ, и надѣваютъ ихъ на шею и на руки. Подобнаго рода обычаи встрѣчаются и въ другихъ странахъ. Такъ, въ Шотландіи женщины, въ предотвращеніе чаръ обматываютъ свои пальцы краснымъ шолкомъ и весною, передъ выгономъ скота въ поле, обвязываютъ у коровъ хвосты красными нитками. Въ Германіи обвязываютъ скоту рога и шею красными лентами, чтобы предохранить его отъ всякихъ болѣзней и невзгодъ. Въ Индіи невѣстѣ привязывали на шею, въ качествѣ свадебнаго снурка, нитку изъ красной шерсти. Въ Китаѣ привязываютъ дѣтямъ къ кисти руки что-нибудь красное и пріучаютъ ихъ смотрѣть на красный цвѣтъ, какъ на лучшее предохранительное средство противъ злыхъ духовъ (*Шерилъ*, 63).

Красными лентами перевязываютъ также животныхъ, растенія, даже огородныя овощи (*Максимовичъ*, Собр. соч. т. II, 499).

Замѣтимъ мимоходомъ, что во многихъ малорусскихъ названіяхъ растеній обнаруживается воззрѣніе на яркіе цвѣта, какъ горящіе, красные, солнечнаго или огненнаго свойства, напримѣръ: горицвитъ, горица, соняшникъ. Объ отцвѣтшей гречкѣ говорятъ, что она „погасла“.

Общее благотворное символическое значеніе краснаго цвѣта переносится на тѣ растенія, которыя имѣютъ ярко-красный цвѣтъ или плодъ, въ особенности на рябину и калину. Рябина служитъ средствомъ противъ колдовства, а калина служитъ обычнымъ символомъ красоты и цѣломудрія.

Digitized by Google

8. Татуированіе у католиковъ Босніи и Герцеговины.

Въ древнихъ славянскихъ памятникахъ письменности и въ народной словесности нѣтъ никакихъ указаній, чтобы славяне въ старину татуировались. Тѣмъ болѣе любопытнымъ и загадочнымъ является странный обычай боснійскихъ сербовъ-католиковъ татуировать грудь, руки, ноги. На этотъ обычай недавно указалъ докторъ Леопольдъ Гликъ въ 3 кн. „Гласник земяльског музеа“ [1]) 1889 стр. 81—88, съ приложеніемъ 11 фотографическихъ снимковъ. Обычай татуироваться встрѣчается почти исключительно у католиковъ, чаще у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Мѣстное его названіе „крижъ набоцати“ (т. е. набросить крестъ). Сначала приготовляютъ краску изъ кармина или индиго, иногда примѣшивается порошокъ каменнаго угля или порохъ. Операція производится такимъ образомъ: на груди, рукѣ или ногѣ натягиваютъ кожу, накалываютъ ее булавкой по опредѣленному узору и затѣмъ втираютъ въ наколотое мѣсто краску и обвязываютъ его на нѣкоторое время платкомъ. Операцію производятъ большею частью опытныя въ этомъ дѣлѣ старухи (вѣще жене). Рисунки разнообразны; чаще всего накалываютъ крестъ, отчего и самый обычай называется „крижъ набоцати“; иногда выкалываютъ имя, фамилію, годъ, изображеніе меча или изображенія цвѣтовъ. Любопытнымъ въ археологическомъ отношеніи рисункомъ является четырехконечный крестикъ въ кружкѣ, отъ котораго идутъ лучи. Концы крестика утолщены или имѣютъ три развѣтвленія. Эта форма креста даетъ нѣкоторое основаніе признать вѣрнымъ мнѣніе г. Глика, что обычай „набоцати крижъ“ возникъ подъ вліяніемъ богумильства, и позднѣе удержанъ сербами католиками, какъ культурное переживаніе. Можетъ быть, мы здѣсь имѣемъ какое-либо восточное вліяніе. Лѣтъ тридцать назадъ въ Малороссіи сновало много восточныхъ

[1]) Новый сербскій журналъ, выходитъ съ 1889 г. въ Босніи, въ Сараевѣ, по 4 кн. въ годъ; содержаніе археологическое и этнографическое. *Прим. Н. С.*

Digitized by Google

людей, повидимому, грековъ, съ татуированнымъ на рукѣ изображеніемъ креста. Люди эти выдавали себя за богомольцевъ, побывавшихъ въ Іерусалимѣ, гдѣ будто бы турки отмѣчаютъ такимъ образомъ всѣхъ поклонниковъ Христа.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ

ВЪ ПЕРВОБЫТНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

III.

Клавдій.

А мой старикъ, мой печаль
И сокрушенье, процвѣтаетъ!
Въ одинъ обѣдъ съѣдаетъ три,
И съ астрологомъ до зари
Все гороскопы составляетъ!..
Боится смерти! Я жъ ему
Твержу, что смерть его боится...
У варваровъ не засидится,
Небось, старикъ: они отцовъ
Торжественно, въ виду боговъ,
При всемъ народѣ убиваютъ!
И это старики считаютъ
Себѣ за честь!

Лелій

Здѣсь старики
Законы пишутъ, тамъ же видно
Не старики!..

Майковъ, „Два міра".

Переходя отъ древнихъ извѣстій о римлянахъ и грекахъ къ такимъ же извѣстіямъ о тогдашнихъ „варварахъ", мы становимся на болѣе твердую почву: намъ ужъ приходится имѣть дѣло не съ почти неразлагаемыми соединеніями вымысла съ дѣйствительностью, миѳовъ и наивной раціонализаціи съ реальными переживаніями обычая, а съ болѣе опредѣленнымъ, хотя и слишкомъ краткимъ и однообразнымъ изложеніемъ видѣнныхъ или слышанныхъ фактовъ.

Digitized by Google

Сохранилось нѣсколько такихъ извѣстій о существованіи интересующаго насъ обычая у сардинцевъ—народа, относительно индо-европейскаго происхожденія котораго существуютъ вполнѣ основательныя сомнѣнія.

По словамъ уже извѣстнаго намъ Эліана [1]) у сардинцевъ сыновья убивали престарѣлыхъ родителей дубинами и потомъ погребали, считая позорнымъ жить тогда, когда совсѣмъ одряхлѣло тѣло; притомъ, судя по его словамъ, у сардинцевъ, какъ и у кеосцевъ, существовалъ общественный контроль надъ убійствомъ [2]).

Извѣстный схоліастъ Свида (X. в. по Р. Хр.), говоря о „сардоническомъ смѣхѣ" [3]), приводитъ двѣ версіи легенды о происхожденіи этого названія. По словамъ Демона, жители Сардиніи приносили въ жертву Кроносу самыхъ красивыхъ и самыхъ старыхъ (свыше 70 лѣтъ) изъ военноплѣнныхъ, которые, чтобы показать свое мужество, смѣялись при жертвоприношеніи [4]), откуда будто бы и произошло выраженіе: „сардоническій смѣхъ". Тимей же (греческій историкъ

---

[1]) Ed. Vulteji et Perizonii, IV, I, стр. 300—301. См. гл. II въ „Этногр. Обозр." кн. II, 166; отдѣльн. оттис. 32.

[2]) A'elianus, ed. Hercheri, vol. II, стр. 60 (IV, 1): Nomos esti Sardôios, tus êdê gegêrakotas tôn paterôn hoi paides rhopalois typtontes anêirun kai ethapton, aischron hêgumenoi ton lian hypergêrôn onta dzên eti, ôs polla hamartanontos tu sômatos tu dia to gêras peponêkotos, tôn de autôn esti nomos toiutos. argias êsan dikai, kai ton eikê dzônta edei krinesthai kai didonai tas euthyras apodeiknynta hopothen dzê.—Объясненіе транскрипціи см. во II гл. (Этногр. Обозр. II, 149, отд. оттиски 15); здѣсь прибавимъ, что диѳтонги, состоящіе изъ *a* и *e* съ ипсилономъ, изображены: *au*, *eu*.

[3]) Müller, Fragm. hist. graec., Parisiis, 1841, t. I, стр. 199, № 29: „Sardanios gelôs, ho prospoiêtos. Kaleisthai de auton fasin apo tu sesêrenai tois odusi. Kai Sardônios gelos—paroimia, epi tôn ep'olethrôi sfôn autôn gelôntôn, hên Dêmôn men diadothênai (fêsi), hoti hoi Sardona katoikuntes aichmalôtôn tus kallistus te kai presbyterus hyper 70 ete tôi Kronôi ethyon, gelôntas heneka tu to euandron emfênai tutestin andreion. Timaios de fêsin tus hikanon bebiôkotas chronon en Sardôi synôthumenus schidzais hypo tôn hyiôn eis hon emellon thaptesthai bothron, gelan. hoi de apo tu sesêrenai met'anoias.

[4]) Такое отношеніе къ смерти составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ „варварскихъ" народовъ. См. О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 134; Herod., V, 4 и т. д.

Digitized by Google

IV в. до Р. Хр.) говоритъ, что въ Сардиніи смѣялись обыкновенно дряхлые старики, которыхъ сыновья сталкивали вмѣстѣ въ яму, предназначенную для погребенія. Смѣялись они вслѣдствіе безумія, отъ пріема какого-то одуряющаго растенія—сесерены [1]). О свойствахъ этого растенія упоминаетъ и Солинъ (IV в. по Р. Хр.) въ своемъ „Полигисторѣ". По его словамъ въ Сардиніи существовала ядовитая трава, которая парализовала мускулы, такъ что у отравившагося ею открывался ротъ и онъ казался похожимъ на смѣющагося [2]). По всей вѣроятности, и этому писателю была извѣстна та изъ указанныхъ версій легенды о „сардоническомъ смѣхѣ", которую мы встрѣтили у Свиды и которая у всѣхъ писателей связывается съ именемъ Тимея. Текстъ Свиды почти дословно сходенъ съ текстомъ „Лексикона" константиноп. митр. Фотія [3]), откуда, вѣроятно, Свида и позаимствовалъ.

Эвстафій, комментировавшій въ XII в. Гомера, объясняя то-же выраженіе, цитируетъ, между прочимъ, Тимея (судя по „historiei fasin"—изъ вторыхъ рукъ) и прибавляетъ къ выдержкамъ Фотія и Свиды слѣдующія слова: „Состарѣвшіеся родители... смѣялись, чтобы счастливѣе умирать, откуда смѣхъ надъ собственными несчастьями и называется сардоническимъ". Далѣе онъ приводитъ другую версію, по которой смѣялись не старики, а убивавшіе ихъ сыновья, которые совершали убійство, какъ священный долгъ, и старались показать, что они ни въ чемъ не погрѣшаютъ, если убива-

---

1) Photii Lexicon, ed. Hermanni, Lipsiae, 1808 стр. 375; sesêren, kechêne, diênoigen; sesêrensi kai sarkadzein, to tus odontas fainein epi diamôkêsei; Eustathius, Com. ad. Odys. V, 302 и т. д.

2) Julius Solinus, Polyhistor (Aldus), ed. 1518 (Fr. Asulani), cap. IX, p. 61: „huic incommodo accedit, et herba Sardonia, quae inde fluvius fontanis provenit largius iusto. Ea si edulio fuerit, vescentibus nervos contrahit rictu ora diducit, ut qui mortem oppetunt, velut ridentium facie intereant.

3) Photii lexicon, ed. Porsoni, т. II, Lipsiae, 1823, стр. 432: Sardonios gelôs. paroimia epi tôn ep'olethrôi tôi sfôn autôn gelôntôn, hên Dêmôn..." и пр. дословно то-же, что мы только что выписали изъ Свиды (Müller).

Digitized by Google

ютъ подъ старость многострадальныхъ (kakôs peisoménus) родителей [1]).

Исаакъ и Іоаннъ Цецы, написавшіе въ XII в. схоліи къ Ликофрону, цитируютъ Тимея нѣсколько иначе [2]). По ихъ словамъ, сардинцы приносили въ жертву Кроносу родителей, имѣвшихъ болѣе 70 лѣтъ отъ роду; со смѣхомъ били они ихъ дубинами и сбрасывали въ зіяющія пропасти. Другіе говорятъ, что „сами старики смѣялись противъ воли, видя, какъ собственные сыновья предаютъ ихъ безчеловѣчной смерти". Въ началѣ Цецы вспоминаютъ и объ извѣстной уже намъ ядовитой травѣ.

Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ для насъ важно зерно ихъ, именно то, что сардинцы убивали 70-лѣтнихъ стариковъ, принося ихъ въ жертву Кроносу, убивая дубинами, отравляя сесереной, сталкивая въ пропасти [3]); а кто и почему смѣялся

---

[1]) Eustathii commentarii ad Homeri Iliadem, Lipsiae, 1829, т. III, ad O, 101, стр. 255; eiusdem ad Odysseam, т II, Lipsiae 1826, V, 302, стр. 238: „Timaios de fasin historiei tus en Sardoni gegêrakotas tôn goneôn agesthai pros bothron kai kataballesthai kai hutô tu dzên apolyesthai kai hôs makariôs thnêskontas gelân, k'anteuthen ton epi lypais gelôta Sardonion legesthai. heteroi de tus hyius gelan fasin epi tê tôn paterôn ekei catarhrhipsei afosiumenus ton fonon, kai emfainontas mêden hamartein, ei tus kakôs peisomenus pateras hypo gêrôs proapagusin. ethelusi de hci palaioi ameinon einai Sardonion gelôta legesthai ton epi katamôkêsei prospoiêton para to sesêrenai, êgun hypanoigein ta cheilê, hôs dêladê proeirêtai.

[2]) Jsaakiu kai Jôannu tu Tzetzu scholia eis Lykofrona. ed Müller, Lipsiae, 1811, t. II, стр. 787; Müller Fragm., l. c. № 28: Hê de Sardô, nêsos peri tas Hêrakleias stêlas. Tautês apoikoi kai hoi Karchêdonioi. En hêi nêsôi Sardoi botanê ginetai homoia selinôi, hês hoi genomenoi spasmôi katechomenoi akusiôs gelôsi kai hutô teleutôsi. Timaios de fêsin, hôs ekei tus hyper hebdomêkonta etê gegonotas goneis autôn thyusi tôi Kronôi, gelôntes kai typtontes autus tois xylois kai pros achaneis krêmnus katôthuntes. Hothen ho Sardonios gelôs elechthê. Alloi de fasin, hoti ekeinoi hoi thnêskontes gerontes meidiôsin akusiôs, pros tên para tôn paidôn aforôntes apanthrôpon teleutên. Hothen hê paroimia elechthê: Sardônios gelôs". Müller ссылается еще на Schol. Lucian. Asin. t. VI, p. 159, Bip., Schol. brev. ad Homerum (Odys. V, 302; Jl. O, 101) и Zenob. Cent. V, 85, которыми я не могъ воспользоваться.

[3]) Любопытно сплетъ встрѣчающееся намъ совпаденіе способовъ жертвоприношеній, казни и убійства стариковъ.

Digitized by Google

„сардоническимъ смѣхомъ“ (вопросъ, очень занимавшій древнихъ авторовъ), — для насъ это не интересно. Жаль, что самое важное для насъ извѣстіе Тимея дошло до насъ въ разныхъ редакціяхъ и что у насъ нѣтъ возможности возстановить его первоначальный видъ.

Всѣ эти извѣстія возбуждаютъ нѣсколько вопросовъ, рѣшить которые очень не легко. Трудно сомнѣваться въ достовѣрности сообщаемыхъ указанными выше писателями фактовъ: фантазія древнихъ авторовъ могла свободно разыгрываться только тогда, когда рѣчь шла о далекихъ, малодоступныхъ и извѣстныхъ только по имени странахъ. Въ то сравнительно позднее время, къ которому восходятъ перечисленныя выше извѣстія, сношенія съ народами и государствами, находившимися въ области Средиземнаго моря, настолько были оживлены; свѣдѣнія объ этихъ государствахъ и народахъ настолько должны были быть распространены, общеизвѣстны, что чувство авторскаго приличія и естественное желаніе серьезнаго писателя не прослыть за празднаго „баснописца“ налагали извѣстныя оковы даже на самую пылкую фантазію. Различныя толкованія выраженія: „сардоническій смѣхъ“ могли быть гипотезами, болѣе или менѣе близкими къ истинѣ, которыя каждому читателю вольно было принимать или отвергать; нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы нѣкоторыя изъ этихъ гипотезъ опирались на завѣдомо ложный фактъ—убійство стариковъ у сардинцевъ, если бы онъ былъ таковымъ.

Если это вѣрно [1]), то какъ тогда объяснить разницу въ показаніяхъ относительно этого обычая у всѣхъ этихъ писателей? Различныя цитаты изъ Тимея могутъ найти себѣ объясненіе въ возможной разницѣ между рукописями, которыми пользовались цитировавшіе, цитированіемъ изъ первыхъ и вторыхъ рукъ и т. д.; но это, конечно, нисколько не упрощаетъ дѣла; всетаки существуетъ разница между показа-

[1]) Однимъ изъ соображеній, косвенно подтверждающихъ эти извѣстія о Сардиніи, можетъ служить довольно близкій къ нимъ параллель—„Keiôn nomimon“, о которомъ я говорилъ въ концѣ предыдущей главы.

Digitized by Google

ніями Тимея, сведенными даже въ одно, и показаніями Демона, Эліана и тѣхъ, которые скрываются подъ неопредѣленнымъ „hoi alloi“ (другіе) Свиды, Фотія и т. д. Единственный способъ примирить эти противорѣчія—предположить, что дѣло здѣсь идетъ о различныхъ фазисахъ нашего обычая, о различныхъ формахъ его, которыя могли существовать и рядомъ. Очень можетъ быть, что сбрасываніе въ пропасти и убіеніе дубинами было болѣе ранней стадіей, отравленіе же (конечно, съ цѣлью ослабить ужасъ послѣднихъ минутъ)—болѣе поздней; быть можетъ, убійство стариковъ, какъ и у римлянъ, стояло въ непосредственной связи съ жертвоприношеніями и могло принять форму убійства—жертвоприношенія старыхъ военноплѣнныхъ. Только на послѣднюю стадію—замѣну убійства чѣмъ-нибудь въ родѣ римскихъ „аргеевъ“ мы не имѣемъ никакихъ указаній.

Относительно убійства стариковъ у трибалловъ (ѳракійскаго племени, жившаго въ нынѣшней Сербіи, этнографически-сложнаго, какъ и всѣ ѳракійцы по показанію Страбона) глухо говоритъ Аристотель [1]); у нихъ „считалось честнымъ убивать своего (стараго) отца“. Это извѣстіе съ разными прикрасами повторилъ, со ссылкой на Аристотеля, подъ 1193 годомъ своей „большой хроники“ Matthieu Paris [2]), почему-то пріурочившій мѣстожительство трибалловъ къ Worms'у или Haguenau. По его словамъ, въ этихъ мѣстахъ обыкновенно сыновья сбрасывали стариковъ и

---

[1]) Aristotelis opera, Parisiis, 1639, ed. Duvallii, t. I, Topicorum lib. I, 11, 4, стр. 290.

[2]) Liebrecht, Gerv., стр. 84; Huillard-Bréholles, Grande chronique de Matthieu Paris, 1840, t. II, стр. 203: „la province (des Triballiens) où cette forteresse est située renferme trois vallées très profondes et très sombres: c'est là que les vieillards ou les malades étaient ordinairement précipités par leurs fils qui croyaient accomplir un devoir religieux. Les vieillards étaient amenés sur des chars ornés pompeusement, selon la dignité de chacun; puis ils assistaient à un dernier repas, faisaient leurs adieu, et étaient lancés au fond de ces précipices. Aussi Aristote, au livre V, a dit: c'est une vertu d'egorger son père chez les Triballiens“, et un poëte après lui: „il y a des lieux, il existe des hommes, chez qui c'est la coutume d'egorger les vieillards“.

Digitized by Google

больныхъ, думая, что этимъ они исполняютъ свой священный долгъ; на смерть несчастныхъ везли на колесницахъ, украшенныхъ сообразно съ достоинствомъ каждаго. Нельзя, конечно, рѣшить, откуда взялъ хроникёръ послѣднюю подробность и насколько она соотвѣтствовала истинѣ. Гервазій Тильбурійскій (XII в.) [2]), говоря о томъ, что въ восточной Азіи умерщвляютъ и пожираютъ стариковъ, тоже цитируетъ Аристотеля и при этомъ вспоминаетъ стихи своего современника Радульфа Нигра, глоссировавшаго „топики" Аристотеля и „элеихи": „есть мѣста, есть народы, у которыхъ умерщвляются родители" и т. д.

По словамъ Страбона [1]), жители небольшого острова Гіерны, возлѣ Британіи, ѣдятъ человѣческое мясо, поѣдаютъ даже умершихъ родителей и въ широкихъ размѣрахъ практикуютъ „promiscuity". Съ обычной осторожностью и откровенностью онъ сознается, что относительно всего этого онъ не имѣлъ „достовѣрныхъ свидѣтелей, хотя людоѣдство свойственно также сѣвеамъ, равно какъ, во время осады въ слу-

---

[2]) Scriptores rerum brunsvicensium, ed. Leibnitii, Hannoverae, 1707, Gerv. Tilburiensis Otia Imperialia, lib. I, cap. III, стр. 911, de Asia Orientali: „sunt alii, qui iam senio confectos parentes mactant et eorum carnes ad epulas praeparant: impio iudicato, qui facere ista negaverit. De istis meminit Aristoteles, cum dixit: „bonum est mactare patrem in Triballis". Unde litteratus ille nostri temporis vir, M. Radulphus Niger..., cum Topica Aristotelis et Elenchos versibus glossaret, ait: „sunt loca, sunt gentes, quibus est mactare parentes, cum mors, aut pietas, aut longa supervenit aetas".

[1]) Strabonis geographica, ed. Meineke, vol. I, Lipsiae, 1866, lib. IV, cap. V, 4, стр. 275: „peri hês (Hiernês) uden echomen legein safes plên hoti agriôteroi tôn Bretannôn hyparchusin hoi katoikuntes autên, anthrôpofagoi te ontes kai polyfágoi, tus te pateras teleutêsantas katesthien en kalôi tithemenoi kai fanerôs misgesthai tais te allais gynaixi kai mêtrasi kai adelfais. Kai tauta d' hutô legomen hôs uk echontes axiopistus martyras: kaitoi to ge tês anthrôpofagias kai Skythikon einai legetai, kai en anagkais poliorkêtikais kai Keltoi kai Ibêres kai alloi pleius poiêsai tauto legontai". У Ѳ. Г. Мищенка. (Географія Страбона, Москва, 1879 г., стр. 202—3) мѣсто, отмѣченное курсивомъ, переведено не точно: „ѣдятъ человѣческое мясо и проморяжы; похвальнымъ дѣломъ считается побольше жрать и открыто сообщаться со всѣми женщинами безъ разбора, въ томъ числѣ съ матерями и сестрами".

Digitized by Google

чаѣ крайней нужды, кельтамъ, иберамъ и многимъ другимъ". Послѣднее извѣстіе подтверждаетъ и Цезарь относительно Галловъ; онъ влагаетъ въ уста одного изъ жителей осажденнаго имъ Галльскаго города рѣчь [1]), въ которой тотъ совѣтуетъ послѣдовать примѣру предковъ, которые во время войны съ Кимврами и Тевтонами, вслѣдствіе недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, убили всѣхъ неспособныхъ къ войнѣ и дряхлыхъ и питались ихъ тѣлами; „если-бы даже и не было раньше этого обычая", такъ закончилъ свою рѣчь этотъ Галлъ, „то все-таки я считаю самымъ лучшимъ установить его для защиты своей свободы и завѣщать потомкамъ". Тертулліанъ, христіанскій писатель II — III вв. по Р. Хр., въ своемъ сочиненіи: „adversus Marcionem" [2]) довольно глухо упоминаетъ объ обычаѣ народовъ, жившихъ возлѣ Чернаго моря, пожирать тѣла родителей, изрубленныя вмѣстѣ съ мясомъ животныхъ: по всей вѣроятности, каннибализмъ болѣе поздняго типа, составляющій переходъ отъ чистой антропофагіи къ употребленію мяса исключительно животныхъ. Вскользь упоминаетъ онъ и о существованіи амазонокъ у этихъ народовъ. Тотъ же писатель, въ „apolo-

---

[1]) Caesaris opera, ed. Dinteri, Lipsiae. 1880, de bel. gal., VII, 77, стр. 162—3: „quid ergo mei consilii est? facere, quod nostri maiores nequaquam pari bello Cimbrorum Teutonumque fecerunt; qui in oppida compulsi ac simili inopia subacti eorum corporibus, qui aetate ad bellum inutiles videbantur, vitam toleraverunt neque se hostibus tradiderunt. Cuius rei si exemplum non haberemus, tamen libertatis causa institui et posteris prodi pulcherrimum iudicarem".

[2]) Tertulliani opera omnia, Wirceburgi, 1780, т. I, adv. Marc., lib. I, 1, стр. 295—6: „pontus igitur, qui Euxinus natura negatur, nomine illuditur... gentes ferocissimae inhabitant... Parentum cadavera cum pecudibus caesa convivio convorant. qui non ita decesserint, ut esculiles fuerint, maledicta more est. Nec feminae sexu mitigantur secundam pudorem, ubera excludant, pensum securibus facient, malunt militare quam nubere... Omnia torpent, omnia rigent: nihil illic nisi feritas calet, illa scilicet, quae fabulas scenis dedit, de sacrificiis Taurorum et amoribus Colchorum, et cruciibus Caucasorum (очень любопытное указаніе на то, что драматическія произведенія распространяли въ римскомъ обществѣ свѣдѣнія о бытѣ „варваровъ").

Digitized by Google

geticus adversus gentes" [2]), вспоминая о томъ, что въ Африкѣ приносились въ жертву Сатурну дѣти. говоритъ, что у другихъ народовъ существовали гораздо большія преступленія: у Галловъ практиковалось отцеубійство, у нѣкоторыхъ скиѳскихъ народностей умершій поѣдался родственниками. По словамъ Силія Италика [1]), римскаго поэта I в. по Р. Хр., у Кантабровъ, жившихъ въ сѣверной Испаніи, старики сбрасывались со скалъ въ море

Прокопій, очень хорошо освѣдомленный относительно германцевъ и ихъ быта, говоритъ [2]), что Герулы приносили человѣческія жертвы, умерщвляли больныхъ и стариковъ,

---

[2]) Ib., apol. adv. gentes cap. 9 стр. 75—6: „infantes penes Africam Saturno immolabantur palam usque ad proconsulatum Tiberii... sed et nunc in occulto perseverat hoc sacrum facinus... et tamen multum homicidio parricidium differt. Major aetas apud Gallos Mercurio (?) prosecatur. Remitto tauricas fabulas theatris suis (срв. предыдущее примѣчаніе)... sed quoniam de infanticidio nihil interest, sacro an arbitrio perpetretur licet parricidium homicidio interest convertar ad populum... utique crudelius in aqua spiritum extorquetis, aut frigori et fami et canibus exponitis. ferro enim mori aetas quoque major optavit... Aiunt et apud quosdam gentiles Scytharum defunctum quemque a suis comedi".

[1]) Silius Italicus, lib. III (см. Mascou, l. c.): „mirus amor populo, cum pigra incanuit aetas, imbelles iam dudum annos praevertere saxo.

[2]) Procopii Caesariensis historiarum sui temporis libri VIII, ed. Maltreti, Parisiis, 1662, de bello Gothico, lib. II, cap XIV, стр. 419 и Procopius ex recensione Dindorfii. vol. II, Bonnae, 1833, стр. 199—200: "...Eruloi... hyper Istron... ôkun polyn tina nomizontes theôn homilon, hus dê kai anthrôpôn thysiais hilaskesthai hosion autois edokei einai... ute... gêraskusin, ute nosusin autois bioteuein exên, all' epeidan tis autôn ê gêrai ê nosôi halôiê epanagkes hoi egineto tus xyggeneis aiteisthai hoti tachista ex anthrôpôn auton afanizein. hoi de xyla polla es mega ti hypsos xynnêsantes, kathisantes te ton anthrôpôn en têi tôn xylôn hyperbolêi, tôn tina Erulôn, allotrion mentoi, syn xifidiôi par' auton epempon. xyggenêi gar autôi ton fonea einai u themis. epeidan de autois ho tu xyggenus foneus epanêiei xympanta ekaion autika ta xyla, ek tôn eschatôn arxamenoi. pausamenês te autois têsflogos xyllexantes ta osta to parautika têi gêi ekrypton. Erulu de andros teleutêsantos epanagkes têi gynaiki aretês metapoiumenêi kai kleos hautêi ethelusêi leipesthai brochon anapsamenêi para ton tu andros tafon uk eis macron thnêskein. u poiusêi te tauta periistêkei to loipon adoxôi te einai kai tois tu andros xyggenesi proskekrakenai. toiutois men echrônto Eruloi to palaion nomois.

Digitized by Google

которые сами просили смерти у своихъ близкихъ; обреченныхъ на смерть помѣщали на кострѣ и какой-нибудь Геруль, не родственникъ, убивалъ ихъ ножемъ, послѣ чего костеръ зажигали; женъ знатныхъ Геруловъ душили при помощи веревки на курганѣ мужей. Это извѣстіе чрезвычайно важно, такъ какъ оно даетъ косвенное указаніе на то, что у этого германскаго племени убійство стариковъ существовало во время патріархата, къ которому только и можно пріурочить, по нашему мнѣнію, такой фактъ, какъ убійство вдовъ; оно тѣмъ болѣе цѣнно, что другіе авторы, говоря объ убійствѣ стариковъ, очень рѣдко представляютъ такія приблизительныя хронологическія даты.

По показанію Геродота [1]) Индійцы-Падэи, которыхъ причисляютъ. то къ арійцамъ, то къ семитамъ, убивали больныхъ и старыхъ своихъ соплеменниковъ: женщины—женщинъ, мужчины—мужчинъ; убивая, они говорили будто бы, что мясо пропадаетъ для нихъ, если болѣзнь истощитъ больного; до старости у нихъ доживали немногіе. Индійцы Калантіи также поѣдали своихъ родителей [2]). Брачныя отношенія и тѣхъ и другихъ, по свидѣтельству Геродота, отличались примитивнымъ характеромъ [3]), присущимъ, скорѣе всего,

---

[1]) Herodoti hist. IX, ed. Dietsch. vol. I, Lips. 1881, III, 99, стр. 264—5: „alloi de tôn Indôn pros êô oikeontes tutôn nomades eisi, kreôn edestai ômôn, kaleontai de Padaioi. nomaioisi de toioiside legontai chrasthai: hos an kamêi tôn astôn, ên te anêr ên te gynê, ton men andra hoi malista hoi homileontes kteinusi, famenoi auton têkomenon têi nusôi ta krea sfisi diaftheiresthai: ho de aparnos esti mê men nuseein; hoi de u sygginôskomenoi apokteinantes kateuôcheontai. ên de gynê kamêi, hôsautôs hai epichreomenai malista gynaikes tauta toisi andrasi poieusi. ton gar dê es gêras apikomenon thysantes kateuôcheontai. es de tutu logon u polloi tines autôn apikneontai: pro gar tutu ton es nuson piptonta panta kteinusi“.—Воеводскій, Казанб. 157.—Tibullus, lib. IV, carm. I, vers. 144: „impia nec saevis celebrans convivia mensis ultima vicinus Phoebo tenet arva Padaeus“.

[2]) ib. III, 97: „...hoi Kalantiai Indoi, oikêmata de kekteatai katagaia“; III, 38: „...Indôn tus kaleomenus Kalatias, hoi tus goneas katesthiusi“.

[3]) III, 101: „mixis de tutôn tôn Indôn tôn katelexa pantôn emfanês esti kataper tôn probatôn“.

Digitized by Google

„стаду-ордѣ". Историкъ Курцій [1]), жившій приблизительно въ I в. по Р. Х., въ своихъ „Дѣяніяхъ Александра Великаго" представляетъ дѣло въ нѣсколько иномъ видѣ: одряхлѣвшіе или заболѣвшіе индійцы приказывали сами себя убивать, такъ какъ считали позоромъ для себя ожидать смерти. Помпоній Мела [2]), жившій приблизительно въ то же время, говоритъ, что индійцы убивали своихъ больныхъ и старыхъ родственниковъ и потомъ пожирали внутренности убитыхъ, считая это своимъ священнымъ долгомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, когда наступали болѣзни и старость, удалялись и умирали въ уединеніи; другіе, „болѣе мудрые и благоразумные, не ожидали смерти, но съ радостію и торжествомъ всходили на костры". Интересно, что Проперцій и Эліанъ говорятъ о сожженіи вдовъ у индійцевъ [3])—обычай, который, по нашему мнѣнію, могъ существовать только при патріархатѣ; жаль только, что эти писатели не указываютъ, у какихъ индійскихъ племенъ существовалъ этотъ обычай; если бы эти указанія были менѣе неопредѣленны, то сопоставленіе ихъ съ приведенными выше показаніями Геродота, Курція и Мелы могло бы дать приблизительныя хронологическія данныя эво-

---

[1]) Kollár, op. cit., стр. 195: „vivos se cremari iubent, quibus aut segnis aetas aut incommoda valetudo est. Exspectatam mortem pro dedecore vitae habent. Nec ullus corporibus, quae senectus solvit, honos redditur".

[2]) Ed. Fradin, Paris, 1804, т. III, lib. III, cap. VII, стр. 122—5: „quidam proximos parentesque, priusquam annis aut aegritudine in maciem eant, velut hostias caedunt: caesorumque visceribus epulari fas et maxime pium est. Ubi senectus aut morbus incessit, procul a caeteris abeunt, mortemque in solitudine nihil anxii exspectant. Prudentiores et quibus ars studiumque sapientiae contingit, non exspectant eam, sed ingerendo semet ignibus laeti et cum gloria arcessunt".

[3]) Aelianus, ed Hercheri, vol. II, стр. 87, var. hist., VII, 18: „para Indois de hai gynaikes to auto pyr apothanusi tois andrasin hypomenusi. filotimuntai de peri tutu hai gynaikes tu andros kai tê klêrôi lachusa sygkaetai"; Propertius, lib. III, eleg. 7, Mascou, l. c.: „felix Eois lex funeris una maritis, quos aurora suis rubra colorat equis. Namque ubi mortifero iacta est fax ultima lecto, uxorum fusis stat pia turba comis et certamen habent lethi, quae viva sequatur coniugium, pudor est, non licuisse mori".

Digitized by Google

люціи семейнаго быта индусовъ и показать, что убійство стариковъ у индусовъ существовало и при патріархатѣ.

По Геродоту [1]) Исседоны, скиѳское племя, жившее внутри Великой Монголіи, въ нынѣшней Джунгаріи, рубили трупы умершихъ родителей вмѣстѣ съ мясомъ животныхъ и потомъ пожирали эту ужасную смѣсь. Голову покойника отдѣляли, очищали, покрывали золотомъ [2]) и потомъ употребляли ее въ качествѣ священнаго сосуда. У нихъ существовало празднество въ честь предковъ [3]) (черта патріархата); женщины у нихъ пользовались одинаковымъ положеніемъ съ мужчинами. Послѣднее указаніе позволяетъ заключить, что во время Геродота Исседоны переживали начальную эпоху патріархата. Солинъ [4]) не прибавляетъ ничего новаго къ извѣстію Геродота, кромѣ того, что Исседоны (Essedones) пѣли при „funera parentum"—въ данномъ случаѣ не погребеніи, но умерщвленіи и съѣденіи своихъ родственниковъ.

---

1) IV, 26: „nomoisi de Issêdones toioiside legontai chrasthai. epean andri apothanêi patêr, hoi prosêkontes pantes prosagusi probata, kai epeiten tauta thysantes kai katatamontes ta krea katatamnusi kai ton tu dekomenu tethnêota gonea (врядъ-ли только отца), anamixantes de panta ta krea daita protitheatai. tên de kefalên autu psilôsantes kai ekkathêrantes katachrysusi, kai epeiten hate agalmati chreontai, thusias megalas epeteus epiteleontes. pais de patri tuto poieei, kataper hoi Hellênes ta genesia. allôs de dikaioi kai hutoi legontai einai, isocratees de homoiôs hai gynaikes tois andrasi".

2) Очень распространенный варварскій обычай, не чуждый, по свидѣтельству первоначальной лѣтописи, половцамъ.

3) Abicht, Herodotos, B. II, Heft II, ad IV, 26: genesia—totenfeier; „genethlia tassetai epi tôn zôntôn kai en hêi hekastos hêmerâi egenêthê (т. е. dies natalis, день рожденія), genesia de epi tôn tethnêkotôn, en hêi hekastos hêmerai tetelytêke" (поминки, сороковины); „genesia hê di'enianthu epifoitôsa tu tethnêkotos mnêmê" (со ссылками на Ammian. de differ. voc., p. 35 и Phrynich., Lob. p. 104).

4) Solinus, Polyhistor, l. c., Cap. XIX, стр. 77: „Inter anthropophagos in asiatica parte numerantur Essedones, qui et ipsi nefandis funestantur inter se cibis. Essedonum mos est parentum funera cantibus prosequi et proximorum corrogatis coetibus cadavera ipsa dentibus laniare, pecudumque carnibus mista dapes facere. Capitum etiam ossa, auro incincta in poculorum tragere ministerium".

Digitized by Google

По словамъ Геродота [1]) у Массагетовъ, прикаспійскаго народа, „естественнаго конца жизни совсѣмъ не полагалось". Со стариками они поступали такъ, какъ и Исседоны; умершихъ отъ болѣзни они не съѣдали, но хоронили, печалясь, что покойнику не пришлось быть убитымъ; убіеніе и съѣденіе они считали самымъ счастливымъ концомъ жизни. Брачныя отношенія ихъ отличалось характеромъ, очень близкимъ къ типу браковъ патріархальнаго періода [2]); вообще они стояли на очень низкой ступени развитія; земледѣлія не знали, питались рыбой, мясомъ и молокомъ.

Страбонъ [3]), характеризуя бытъ Согдіанъ и Бактрянъ со словъ Онесикрита, говоритъ, что они по образу жизни мало чѣмъ отличались отъ номадовъ; у Бактрянъ дряхлые старики и тяжело больные выбрасывались живыми на съѣденіе собакамъ, которыхъ нарочно для этого держали и которыя назывались погребателями [4]); большая часть столицы Бактрянъ была переполнена человѣческими костями. Разсказываютъ

---

[1]) I, 216: „Massagetai... nomois de chreontai toioiside: gynaika men gameei hekastos, tautêisi de epikoina chreontai... tês gar epithymêsei gynaikos Massagetês anêr, ton faretreôna apokremasas pro tês hamaxês misgetai adeôs uros de hêlikiês sfi prokeetai allos men udeis. epean de gêrôn genêtai karta, hoi prosêkontes hoi pantes synelthontes thyusi min, kai alla probata hama autôi, hepsêsantes de ta krea kateuôcheontai. tauta men ta olbiôtata sfi nenomistai. ton de nusôi teleutêsanta u katasiteontai, alla gêi kryptusi, symforên poieumenoi, hoti uk hiketo es to tythênai. speirusi de uden, all'apo ktêneôn zôusi kai ichtyôn. hoi de afthonoi sfi ek tu Araxeô potamu paraginontai. golactopotai de eisi".

[2]) См. Реклю, Материнское главенство въ примитивной семьѣ, Рус. Бог., 1883, I, стр. 148.

[3]) Strabonis geographica, ed. Mülleri et Dübneri, XI, c. XI, 3, стр. 443; Платонъ („Тимей")говоритъ объ убійствѣ стариковъ въ одной сардской трибѣ (см. Letourneau, La sociologie d'après l'ethnographie, Bibliotèque des sciences contemporaines, Paris, 1880, стр. 142).

[4]) По словамъ Стобея и Секста Эмпирика, Гирканы выбрасывали мертвецовъ собакамъ, Индійцы—коршунамъ (Секстъ); Гирканы—собакамъ, Бактряне—птицамъ (Плутархъ); Гирканы и Каспіи—собакамъ (Θеодоритъ) и т. д. См. Menagius, l. c., стр. 256; срв. Aelianus, ed. Hercheri, vol. II, var. hist, IV, 1, стр. 61: „Kolchoi de tus nekrus en byrsais thaptusi, kai katarrapsantes ek tôn dendrôn exartôsi".

Digitized by Google

также и относительно Каспіевъ, что они запираютъ и морятъ голодомъ родителей, пережившихъ 70-лѣтній возрастъ. „Послѣдній обычай не столь жестокъ, онъ имѣетъ *скиѳскій характеръ*, хотя и похожъ на обычай кеосцевъ; болѣе скиѳскаго характера въ обычаѣ Бактрянъ". Въ другомъ мѣстѣ [1]) Страбонъ дополняетъ это извѣстіе: Каспіи морятъ голодомъ дряхлыхъ стариковъ и затѣмъ выбрасываютъ ихъ въ пустынныя мѣста, причемъ издали наблюдаютъ за трупомъ: если птицы стащатъ трупъ съ носилокъ, то покойникъ считается блаженнымъ, если собаки или дикіе звѣри—менѣе блаженнымъ, если никто не стащитъ покойника—его считаютъ несчастнымъ. Такимъ образомъ Каспіи соединили двѣ формы обычая, обыкновенно существующія отдѣльно: умерщвленіе голодомъ и выбрасываніе на пожраніе звѣрямъ и птицамъ. Быть можетъ, эта смѣшанная разновидность нашего обычая явилась слѣдствіемъ соединенія болѣе смягченной формы убійства стариковъ съ переживаніемъ болѣе древней формы погребенія—вѣрнѣе, обращенія съ трупами: выбрасываніе труповъ на пожраніе звѣрямъ—обычай, извѣстный очень многимъ варварскимъ народамъ.

Сообщая въ этой же главѣ о странномъ обыкновеніи племенъ, „живущихъ возлѣ Кавказа и прочихъ горъ", печалиться при появленіи на свѣтъ ребенка и радоваться при похоронахъ покойника, Страбонъ говоритъ, что Дербикки [2]), прикаспійское племя, умерщвляли мужчинъ, прожившихъ болѣе 70-ти лѣтъ, и ближайшіе родственники пожирали трупы; старухъ вѣшали, а потомъ хоронили, равно какъ хоронили и мужчинъ, умершихъ до 70-лѣтняго возраста. Въ данномъ случаѣ каннибализмъ принялъ очень оригинальныя формы: женщинъ и умершихъ естественною смертію не ѣли.

Въ другомъ мѣстѣ [3]) Страбонъ сообщаетъ, со словъ Ме-

---

1) XI, cap. XI, 8, стр. 445—6

2) Срв. Aelianus ed. Hercheri, vol. II, hist. var.. IV, 1, стр. 60; „Derbikkai tus hyper hebdomêkonta etê bebiôkotas apokteinusi, tus men andras katathyontes, apauchontes dè tus gynaikas".

3) Strab. geogr., XV, I, 56, стр. 605.

Digitized by Google

гасеена, что брачныя отношенія кавказскихъ племенъ далеко не отличались стыдливостью [1]) и что эти племена питались мясомъ родственниковъ (старыхъ?).

Христіанскій писатель Θеодоритъ [2]) пишетъ въ своемъ сочиненіи „Terapeutica", что Массагеты убивали стариковъ, а Тибарены (скиеское племя въ Понтѣ) сбрасывали ихъ (въ пропасти?). Этимъ народамъ, какъ и нѣкоторымъ другимъ, особенно посчастливилось въ церковной литературѣ: убійство стариковъ у этихъ народовъ сдѣлалось общимъ мѣстомъ [3]) въ сочиненіяхъ древне-христіанскихъ главнымъ образомъ писателей. Конечно, эти извѣстія не особенно надежны въ научномъ отношеніи. Такъ Порфирій, писатель III в. по Р. Хр., говоритъ, что Массагеты и Дербикки приносятъ въ жертву и пожираютъ состарѣвшихся родственниковъ, Тибарены жи-

---

1) „En tôi fanerôi misgesthai gynaixi", какъ Каланціи, по словамъ Геродота.

2) См. Migne, Pafrologiae cursus completus· Opera omnia Theodoreti, 1859, Terapeutica memorabilium, index, t. IV, стр. 1515; Воеводскій, op. cit., стр 214. Къ сожалѣнію я могъ воспользоваться только краткимъ указаніемъ индекса· „senes a Massagetis mactati, a Tibarenis praecipitati".

3) Въ большинствѣ случаевъ эти извѣстія служили полемическимъ пріемомъ противъ язычества и язычниковъ и являются болѣе или менѣе глухимъ отголоскомъ извѣстій, сообщенныхъ болѣе древними языческими историками, географами и путешественниками. Намъ кажется, что въ нихъ заслуживаютъ вниманія только тѣ черты, которыя совпадаютъ съ извѣстіями изъ другихъ источниковъ, отъ которыхъ можно было бы ожидать большаго безпристрастія (сочиненія Геродота, Страбона и т. д.).

4) Aeliani. Porphyrii, Philonis opera, ed. Hercheri, Parisiis, 1858. Porphyrius, de abstinentia, lib. IV, 21, стр. 85: „Historuntai gun Massagetai kai Derbikes athliôtatus hêgeisthai tôn oikeiôn tus automatus teleutêsantas. Dio kai fthasantes katathyusi kai hestiôntai tôn filtatôn tus gegêrakotas. Tibarênoi de zôntas katakrêmnizusi tus eggytatô gerontas. Hyrkanioi de kai Kaspioi hoi men oiônois kai kysin paraballusi zôntas, hoi de tethneôtas, skythai de sygkatoryttusin zôntas kai episfattusi tais pyrais, hus êgapôn hoi tethneôtes malista. Kai Baktrioi mentoi kysi paraballusi zôntas tus gegêrakotas". Cp. Tertullianus Apologetici, cap. 9 (de Derbicis): „Aiunt et apud quosdam gentiles Scytharum defunctum quemque a suis comedi"; Verius, contra Marc. lib. I: „parentum cadavera cum pecudibus caesa convivio convorant; qui non ita decesseriut, ut escaitiles (escatiles?) fuerint, maledicta mors est" (Eusebii Hieronymi opera omnia, II—III, Parisiis, 1845, стр. 296).

Digitized by Google

выми сталкиваютъ ихъ въ пропасть, Гирканы (прикаспійскій народъ, жившій въ нынѣшнемъ Джорджанѣ) и Каспіи, первое живыми, второе мертвыми выбрасывали ихъ собакамъ и хищнымъ птицамъ, Скиѳы зарывали въ землю живьемъ и убивали тѣхъ, которыхъ умершіе любили болѣе всего (женъ и рабовъ? черта патріархата?), Бактряне выбрасывали стариковъ живыми на съѣденіе собакамъ Однородныя извѣстія Эвсевія Гіеронима, Эвсевія Памфила [1]) и т. д. прибавляютъ къ этому мало новаго.

Отдѣльныя части и черты этихъ извѣстій подтверждаются отчасти Геродотомъ, Цицерономъ, Лукіаномъ, Эліаномъ [2]) и т. д.

---

[1]) Eusebii Hieronymi, l. c., adversus Jovinianum, lib. II, 7: „Massagetae et Derbices miserrimôs putant, qui aegrotatione moriantur et parentes, cognatos jugulatos devorant, rectius esse ducentes, ut a se potius, quam a vermibus comedantur. Tibareni quos dilexerint, senes suspendent in patibulis, Hircani volucribus et canibus semivivos proiiciunt, Caspii iisdem bestiis mortuos, Scythae eos, qui a defunctis amati sunt, vivos infodiunt cum ossibus mortuorum, Bactri canibus ad hoc ipsum nutritis, obiiciunt senes". Изукрашенное риторическими красотами извѣстіе Евсевія Памфила (Eusebii Pamphili praeparationis evangelicae libri quindecim, ed. Vigeri, Coloniae, 1688, lib. I, IV, стр. 11), повторяя и распространяя уже извѣстные намъ факты, интересно только по слѣдующей фразѣ: „Massagetae... ut historiarum fide proditum est"; срв. Menagius, l. c.; Stobaei florilegium, ed. Meineke, t. IV, Lipsiae, 1857, стр. 126—127; Ciceronis operum vol. II, Amstelaedami, 1724, ed. Verburgii, стр. 671 (ссылка на Theodoreti Therapeut. IX, p. 129): „uk eti d'ute Hyrkanoi ute Kaspioi tus kynas tois tethneôtôn ektrefusi sômasin"; (со ссылкой на Stobaeus, Serm. CXXII, p. 614): „elegen ho Diogenês, hoti an men kynes sparadôsin, Hyrcania estai hê tafê" и т. д.

[2]) Cicero, ed. Verburgii, l. c: „magorum mos est non humare corpora suorum, nisi a feris sint ante laniata. In Hyrcania plebs publicos alit canes и т. д. (Tusc. disp. I, 45); Herodotus, III, 38; Menagius, l. c. (Aelianus, de animalium natura, X, 22): „Bakkaioi (genos de tuto hesperion) tôn apothnêskontôn nosôi tus nekrus hybrizontes hôs anandrôs kai malakôs tethneôtôn thaptusi pyri; tus de en polemôi ton bion katastrepsantas hôs kalus kai agathus kai aretês meteilêchotas gypsi prosballusin, hieron to zôon einai pepisteukotes"; Menagius, l. c. (Silius Italicus lib. III и XIII): „venere et Celtae socisti nomen Iberis. His pugna cecidisse decus corpusque cremari tale nefas. Coelo credunt superisque referri impastus carpat si membra iacentia vultur... Tellure, ut perhibent, is mos antiquus Ibera: exanima obscoenus consumit corpora vultur"; Menagius (Sextus Empiricus): Hyrkanoi de kysin autus

Digitized by Google

Во всѣхъ почти этихъ извѣстіяхъ каннибализмъ идетъ объ руку съ жертвоприношеніями и прямо указывается сходство способовъ погребенія, жертвоприношенія [1]), казни и убійства стариковъ.

Приведенными выше фактами не исчерпывается матеріалъ для исторіи нашего обычая, заключающійся въ сочиненіяхъ древнихъ писателей. По словамъ Помпонія Мелы [2]), Солина [3]) и Плинія, [4]) Гипербореи, пресытившись жизнью и состарѣвшись, спрыгивали съ какой-то скалы въ море, считая эту кончину блаженной. По словамъ Гелланика (V до Р. Хр.), дошедшихъ до насъ въ изложеніи Климента Александрійскаго [5]), Гипербореи выводили стариковъ за ворота и тамъ убивали. Такого же свойства и разсказъ Агатархида (II в. до Р Хр.), сохранившійся въ „библіотекѣ" Фотія [6]), о Троглодитахъ, ко-

(nekrus) ektithentai boran, Indôn de enioi gypsi (эѳіопы—рыбамъ); Lucian: Samosatensis opera, ed. Dindorfii, Paris, 1842, de luctu, cap. 21, стр. 569.

1) О повѣшеніи и подвѣшиваніи жертвъ см. Liebrecht, Zur Volkskunde. стр. 6—10.

2) Pomponius Mela, lib. III, cap. V, ed. Fradin, стр. 68: „Hyperborei... ubi eos vivendi satietas magis quam taedium cepit, hilares redimiti sertis, semet ipsi in pelagus ex certa rupe pracipites dant. Id eis funus eximium est".

3) Solinus Op. cit., cap. XX, стр. 79: „Hyperborei... mortem arcessunt et voluntario interitu castigant obeundi tarditatem. quos satietas tenet vitae, epulati delibatique de rupe nota praecipitem casum in maria destinant Hos sepulturae genus optimum arbitrantur.

4) Histoire naturelle de Pline ,ed. Littrè, t. I, Paris, 1848, IV, 26, стр. 200 „Hyperborei... mors nonnisi satietate vitae, epulatis delibatoque senio luxu, ex quadam rupe in mare salientibus. Hoc genus sepulturae beatissimum.

5) In Clementem Alexandrinum Nicolai Le Nourry dissertationes. Patrologiae cursus completus, t. IX, 1857, стр. 1317: „Hyperborei... sexagenarios extra portas ducentes tollunt de medio"; t. VIII, I, стр. 779—780: „Hellanikos... historiei... tus hexêkontaeteis hutoi (Гиперборея) exô pylôn agontes afanizusin".

6) Patrologiae cursus completus, CIV, 1860, Bibliotheca Photii, Agatharchides, 454 b. (cap. XXX, de Troglodytis), стр. 53—54: „epan de tines tu pasin ofeilomenu gêrus barynontos, mêketi dynôntai tais poimnais epakoluthein, perithentes boos uran peri ton auchena ton auton kai ton opisô tu trachêlu desmon eu mala perisfigxantes apolyusi tu biu. Ei de tis autôn tên teleutên hyperballoi, parastas ho thelôn afnô. hôs ep' eunoiai ton oknon afairumenos, nuthetôn hama tôi logôi têS anastrofês, dia têS autês hodu parelysen. U tus gê-

Digitized by Google

торые, по его словамъ, жили гдѣ-то возлѣ Краснаго Моря и удавливали бычачьими хвостами стариковъ и больныхъ. Жители фантастическаго острова, описаннаго извѣстнымъ древнимъ романистомъ Ямвуломъ, состарѣвшись или заболѣвши, кончали, подобно Гиперборeямъ, жизнь самоубійствомъ. [1])

Послѣдніе факты для насъ интересны потому, что косвеннымъ образомъ указываютъ на распространенность нашего обычая у народовъ древняго міра и отношенія къ нему: Гипербореи и Троглодиты—очень широкіе, неопредѣленные и отчасти фантастическіе термины древности; островитяне Ямвула и ихъ бытъ были до извѣстной степени для этого романиста идеаломъ человѣчества и человѣческой жизни; очень можетъ быть, что въ этихъ разсказахъ есть своя доля истины, что они—продуктъ слуховъ о дѣйствительно практиковавшемся обычаѣ у сѣверныхъ и южныхъ варварскихъ народовъ *вообще*; то, что нашъ обычай нашелъ себѣ мѣсто въ утопіи Ямвула, показываетъ, что древніе относились къ нему далеко не отрицательно и что самая его распространенность приводила къ убѣжденію въ его законности и пригодности для идеальнаго строя общества.

Такимъ образомъ всѣ приведенныя выше извѣстія констатируютъ существованіе обычая убійства стариковъ въ разныя времена, въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ народовъ извѣстнаго древности міра; сущность его вездѣ остается одной и той же, но въ подробностяхъ—въ предѣльномъ возрастѣ убиваемыхъ, въ томъ, кто и какъ убивалъ, въ пере-

---

raskontas de monon hutô tu zên hypexagusin, alla kai hus hê nosos epimonos ê melôn tinos pêrôsis achrêstus eis to tais agelais paraskeuasthai synenesthai".

[1]) Коршъ, Всеобщая ист. лит., т. I., ч. II, СПБ., 1881, стр. 1283; Lassen, Ind. Alterth., III. 259: Rohde, Der griech. Roman und seine Vorläufer, Leipzig. 1876, стр. 229—231; die Bewohner... lebten, meist ohne Krankheit, 150 Iahre lang; verstümmelte oder kranke mussten sich selbst tödten; nach Erreichung eines gewissen Alters gaben sich alle selbst den Tod, indem sie sich auf eine Pflanze (botanê dityês) lagerten, deren betäubender Duft sie durch einen sanften Schlaf in den Tod hinüber geleitete.. Die Leichen werden bei Ebbe im Meeressande verscharrt. dann kommt die Fluth zurück und überschüttet sie vollends".

Digitized by Google

вѣсѣ тѣхъ или другихъ причинъ, ведущихъ къ убіенію и т. д.—можно подмѣтить легко большую разницу и во всякомъ случаѣ значительныя варіаціи.

Заканчивая настоящую главу, мы считаемъ нужнымъ пояснить, что разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ извѣстія древнихъ писателей не исчерпываютъ еще всего матеріала по интересующему насъ вопросу. Много данныхъ можно найти у средневѣковыхъ и новѣйшихъ писателей, не мало также встрѣчается отголосковъ этого обычая въ бытѣ и поэзіи разныхъ народовъ. Все это со временемъ составитъ предметъ особаго дополнительнаго изслѣдованія, послѣ чего можно будетъ сдѣлать и нѣкоторые общіе выводы, отъ которыхъ мы пока воздерживаемся.

В. В. Каллашъ.

Дополненія и поправки.

Къ первой главѣ («Этн. Обозр.», I; отд. оттискъ, Москва, 1889, I). **Стр. 118**. (отд. отт. 4), прим. 1: Баталинъ, Сказ. объ инд. царст., Воронежъ, 1876. стр. 37, 38, 39, 126; Nowosielski, Lud, Wilno, 1857, т. II, 20—22; Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, Warsz. 1853, 177—8 (со ссылками на оставшеся мнѣ неизвѣстными «Ukraina dawna i terazniejsza» Грабовскаго и «Litwa» Крашевскаго.—**Ib.** прим. 2: Бестужевъ-Рюминъ, Рус. ист., I, 273; Брянцевъ, Ист. литов. госуд. съ древн. врем., Вильно, 1889, стр. 29—30. — **Стр. 119** (5), прим. 4: Girard de Rialle, de l'anthropophagie, étude d'ethnologie comparée, Paris, 1875, стр. 7, 8, 12; Letourneau, La sociologie d'après l'ethnographie (Bibliothèque des sciences contemporaines), Paris, 1880, 141—3; Müller, Allgemeine Ethnographie, 310; «Людоѣдство и челов. жертвопр.», «Живоп. Обозр.», 1889, №№ 23, 29, 31.—**Стр. 125** (11), прим 1: Халанскій, op. cit., 42; Ефименко, Мат., II, 10; Рыбниковъ, Пѣсни, I, 335; О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 496, 497, 589, 603 и т. д.—**Ib** прим. 3: Русановъ, Жизнь и сочиненія Бахофена, Рус. Мысль, 1889, іюнь, научный обзоръ, 185—211; Herodotus, I, 173; IV, 110 — 117; IX, 27; Реклю, Матер. главенство въ прим. семьѣ, Рус. Богат., 1883, I, 129—157; Каразинъ, сказка о жен. ханствѣ, Древ. и Нов. Рос., 1875, XI, 290—294; Зиберъ, очерки экон. культ., 294 — 6. — **Ib. прим.** 3: Herod., IV, 26; Халанскій, op. cit., 30—33; В. Ѳ. Мил-

Digitized by Google

леръ, Осет. этюды, III, 87—92; А. Н. Веселовскій, Нов. изслѣд. о рус. был. эпосѣ, Вѣст. Евр., 1888, VII, 160—161; Чернышовъ, къ вопросу о парубоцствѣ, какъ особой обществ. группѣ, Кіев. Стар., 1887, XI, 491—505; Зиберъ, Еще о братствахъ, Слово, 1881, I и Очерки первоб. эконом. культ., 277—296, 311 слѣд.; Брянцевъ, op. cit., 40, 41; Кирпичниковъ, Греч. романы, 31, 72, Пыпинъ, Очеркъ, 30, 88, 226, 312. 328—332; Желѣзновъ, Пред. уральскихъ ков., Рус. Вѣст. 1859, апр. 575—9. — **Стр. 127** (13), стр. 3 снизу: Кулишеръ, op. cit., 12—13; Тэйлоръ, Первобытное общество, Знаніе, 1873, окт., 131.—Ib. стр. 11 сверху: Herod. V, 4; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 134 и т. д.—**Стр. 128** (14), стр. 11 снизу: Тэйлоръ, Первобыт. культура, II, 179 и далѣе. **Стр. 129** (15), прим. 1: Girardde Rialle, l. c.; Vogt, Anthropophagie et sacrifices humaines (Compte rendu du Congriès international d'anthropophagie et d'archéologie préhistorique de Bologne.) 1871, 295—328; Letourneau, Sociologie, 190—204; Schaffhausen, Archiv für Anthropologie, IV, 245—285.—**Стр. 130** (16), прим. 1: «то, что нѣкоторые считаютъ культомъ предковъ при материнитетѣ,—не болѣе, какъ простой анимизмъ, который смѣшивать съ культомъ пред: ковъ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ». **Стр. 131** (17), прим. 3- Grabowski, Zadruga, «Висла», 1889, стр. 33—4; «Труды Этн. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э., кн. IX, стр. 4 (статья Богаевскаго). — **Ib.** прим. 4: Moszyńska, Bajki i zagadki ludu ukraińskiego, Kraków, 1885, 44, Nowosielski, Lud, II. 238, 255—7; Siarkowski, Mat., Zbiór, IX, 1885, Dz. Etn., стр. 70, № 4; Lipiński, Zbiór, VIII, 1884, Dz. Etn., стр. 91—92, №№ 125—134; Sbornik slovenskych narodnich piesni и т. д., vo Viedni, 1870, I, стр. 122; Чубинскій, Труды, II, 558; Liebrecht, Zur Volkskunde, 120—121; Dunlop-Liebrecht, 493 (354 b), 283.—**Стр. 133** (19), прим. 1 срв. Herod., I, 135.—**Ib.** стр. 7 снизу: срв. Gloger, Skarbczyk, Warsz., 1880, стр. 58, № 302.—**Стр. 134** (20) стр. 12: «переводъ изъ «Политики» Аристотеля».—**Ib.** прим. 3: А. Е. Веселовскій, Вилла Альберти, 81, 303; Антоновичъ и Драгомановъ, Ист. пѣсни, I, 322; «Собраніе 4291 древн. рос. посл.», Москва, 1787, стр. 18; Sbornik, l. c., стр. 121; Остроумовъ, Пословицы, Труды сыръ-дарьин. област. стат. ком., Ташкентъ, 1888, стр. 1, № 2 и 6; Чолаковъ, Болгарскый народенъ сборникъ, Болградъ, 1872, стр. 157, № 823; В. Ѳ. Миллеръ, Осет. этюды, III, 189, № 8, 191, № 4; Nowosielski, Lud, II, 258; Kolberg, Pokucie, III, 194, № 552; Wojcicki, Starożytne przypowieści, Wars. 1836, стр. 18, № 99, стр. 188, прим. 4; Драгомановъ, Преданія, 100, 101, 105; Сумцовъ, Апокрифы, Кіев. Стар. 1887, VI—VII, 266; Пыпинъ, Памятники, III, 63, 66; Gloger, op. cit., стр. 64, № 217; Дашкевичъ, къ

Digitized by Google

вопросу о происх. рус. был., Кіев Унив. Изв., 1883, май, 239; Печерскій, Въ лѣсахъ (1875), I, 147; Буслаевъ, Мои досуги, II, 46, 52; Поповъ, Вліяніе церк. ученія и т. д., Казань, 1883, 221, 229; Богородскій, Соломонъ внѣ-библейскій, Казань, 1884, 13—14; Пыпинъ, Очеркъ. 120, 121, 272, 275; А. Н. Веселовскій, Солом. и Китоврасъ, 87, 99.

Ко II-й главѣ («Эт. Обозр.», II и отд. отт., Москва, 1889 II). Стр. 138 (4), прим. 1: «argmata-apagmata-aparchai-primitiae, начатки жертвоприношенія, отрѣзанныя части жертвеннаго животнаго, которыя сожигались въ честь боговъ (словарь Бензелера). Римское топографическое названіе Argei могло, конечно, находиться въ связи съ Argeioi—Argivi, какъ и съ argei—effigies (Аргей было и собственнымъ именемъ: Aelianus, ed. Hercheri, vol. II, стр. 258, fragm. 199—ho Argeu hyios). Любопытное сближеніе дѣлаетъ Liebrecht (Zur Volkskunde, 288): «dass in dem alten Rom der nämliche Gebrauch (das Vergraben der Menschen) bestanden hat, scheint mir aus der für gewisse gottesdienstliche Gebäude gebräuchlichen Bezeichnung Argei i. e. Argivi (?) hervorzugehen, bei deren Erbauung in ältester Zeit jene Art Menschenopfer in Anwendung gekommen sein mochte; denn auch die dem Tiberinus dargebrachten Menschenopfer (die, als einem Flussgotte geweiht, später ganz passend aus einer Wasserpflanze gefertigt waren), heissen bekanntlich Argei; vgl. Preuner, Hestia Vestia, p. 308 f. Auch Festus sagt ganz deutlich: «Argea (Argei) loca Romae appellantur quod in his sepulti essent quidam Argivorum illustres viri». Hier ist nur das «illustres» späterer Zuwachs (? Фестъ имѣлъ въ виду спутниковъ Геркулеса); denn die noch zur Zeit des Verrius Flaccus vorhandene Erinnerung an das Begraben griechischer Männer bei Gelegenheit der Errichtung jener Heiligthümer suchte sich das durch Abschaffung des Gebrauchs unerklärlich Gewordene auf eine andere Weise zu deuten und machte die Argei zu Grabdenkmälern vornehmer Griechen. Letztere aber, Männer sowol wie Frauen, wurden, wie es scheint, in dem alten Rom vorzugsweise zu Menschenopfern gebraucht und zwar nach Vorschrift der sibyllinischen Bücher; so z. B. bei Gelegenheit der Sühnung des Jncestszweier Vestalinen (s. Preuner a. a. O. 293)». Это также возможно, какъ и происхожденіе Argea loca отъ argei effigies (Argei-мѣста, гдѣ приготовлялись или хранились argei).—Стр. 140 (6), прим, 1. О культурномъ значеніи мостовъ въ древности см Liebrecht, Zur Volkskunde, 435—5.—Стр. 144 (10): Печерскій, Въ лѣсахъ (1875), II, 201, 203; Максимовичъ, Соч. II, 480, 500, 502; Шеппингъ, Дохр. воззр. и т. д., Москва, 1889, 21—22; Изв О. Л. Е., А. Э., т. XXVIII. 26; Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов., I, 371—2; Разыск., вып. V, СПБ, 1889, стр. 269; Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. I, 578; Пыпинъ, Очеркъ, 49, 90; Чубинскій, Труды, I, 220; срв. Menagius l. c. стр. 255.—Стр. 151 (17), прим. 2: из-

Digitized by Google

вѣстіе Плутарха о принесеніи въ жертву плѣнныхъ грековъ подтверждается Плиніемъ и Тцетцомъ, см. Liebrecht, op. cit., 288—9. **Стр. 153** (19); прим. 2: срв. Aelianus, ed. Hercheri, Vol. II, стр. 62, 130.—**Стр. 157 (23)** прим. 2: Буслаевъ. Мои досуги, II, 26—27, 55, 56); Очерки, I, 304—6, Изв. И. О Л. Е. А. и Э. т. XXVIII, стр. 22. Liebrecht, op. cit., 79, 194, 216, 284 — 296,506 — 7; Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie etc. par. M. Glanius, Amsterdam, 1718, II, 33, слѣд.; Кіев. Стар. 1884, авг. 718; Миллеръ, Сборн. мат., II, 18; Кирпичниковъ, Греч. ром., 7, 23, 56, 116, прил. 27, 33, 35, 39, 49, 51, 62, 105; Trusiewicz, Kwiaty a i owoce; 12, 108, 110; Брянцевъ, op. cit., 29, 30; Grimm, Deutsche Märchen, 1095 слѣд.; Kuhn, Westf. Sag. I, 115; Liebrecht, Gervasius, 170; Waitz, Anthrop. der Naturvos. II, 197; IV, 360; Aelianus, ed. Hercheri, vol. II, стр. 32 — 3 (var. hist. II, 33); 130 (XII, 27); 205—6 fragm. 47; Смирновъ, Слѣды челов. жертвоприн. въ поэзіи и религ. обряд. привол. финновъ, Казань, 1889.—**Стр. 160** (26), прим. 2: Пам. древней письм., 1878—9, стр. 37 (ст. Морозова); Höfler, Concilia Pragensia, II, № 5; Mannhardt, Zeitschr. für deutsch. Myth., IV, 387; Jireček, Echtheit der Königl. Handschr., 37 слѣд.; Wojcicki, Hist. lit. pols., I, 456; Печерскій, op. cit. II, 201—2; IV, 9—12, 126—134; Максимовичъ, Соч. II, 521—3; Терещенко, Бытъ. V, 101; А. Н. Веселовскій, Отчетъ о 22 присужд. нагр. гр. Уварова, 187—188; Mannhardt, Baumcultus, I, 170, 352, 429—430, 464, 513; Чубинскій, Труды, III, 193—5; Изв. И. О. Л. Е. А. и Э., т. XXVIII, стр. 22, 87; Kolberg, Pokucie, I, 158—159; Петрушевичъ, Дневникъ 60; Żegota Pauli, Pieśni (гал.), II, 22; Halka, Zwyczai obriady iz nad Zbrucza, Lwów, 1861, 128; срв. Liebrecht, Zur Volks. 91—92, 506; Gerv. 182 слѣд., 262 слѣд.; Чугуевецъ, О рус, нар. культ., Харьковъ, 1889. стр. 51; срв. Вейнбергъ, Рус. нар. пѣсни объ И. В. Грозномъ, Варш. 1872, 42.—**Стр. 165** (31). стр. 12 снизу: срв. Liebrecht, Zur Volks., 287, 404. 405; Aelianus, l. c., стр. 93.—**Стр. 166** (32), прим. 2: «usês de hygienês têsnêsu kai eugêron tôn anthrôpôn, malista de tôn gynaikôn, u perimenusi garaioi teleutên, alla prin asthenêsai ê pyrothênai ti, hoi men mêkôni, hoi de kôneiô heautus exagusin».—**Ib.** прим. 3: Aelianus, l. c., III, 37, стр. 56: «nomos esti Keiôn, hoi pany par'autois gegêrakotes, hôsper epi xenia parakaluntes heautus ê epi tina heortastikên thysian, synelthontes kai stefanôsamenoi pinusi kôneion, hotan heautois syneidôsin hoti pros ta erga ta têi patridi lysitelunta achrêstoi eisin, hypolêrusês êde ti autois kai tês gnômês dia ton chronon».—**Ib.** стр. 17—21: вм. «жители его не ждутъ... стариковъ... ихъ умерщвляютъ цикутой или макомъ» слѣд: «что старики не ждутъ (естественно) конца своей жизни...

Digitized by Google

умерщвляютъ себя»... — **Стр. 167** (33), прим. 4: Julis, polis en tôt Kôi têi nêsôi, apo Julidos krênês... par' hois nomos etethê, hôs Menand^s ros: «Kalon to keiôn nomimon esti Fania, ho mê dynamenos zên kalôu zê kakôs». Prosetatte gar tus hyper hexêkonta eté kôniazesthai, iu diarkein tois allois ten trofên...

Къ третьей главѣ. — О Гиперборeяхъ см. Вѣст. Евр. 1815, № 2, стр. 103; Aelianus ed. Hercheri. vol. II. стр. 48 и т. д.

В. К.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Книги и ученыя изданія.

М. Веске. Изслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка. I. Казань, 1889, стр. I+50

М. Веске, извѣстный въ лингвистической литературѣ изслѣдованіями въ области финскихъ языковъ, въ настоящее время состоитъ лекторомъ этихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ. Присоединившись въ прошломъ году къ ученой экспедиціи, снаряженной историко-филологическимъ факультетомъ Казанскаго университета для этнографическаго изслѣдованія Черемисъ, онъ имѣлъ случай лично наблюдать многочисленные говоры черемисскаго языка и дѣлаетъ въ названномъ сочиненіи попытку къ систематической ихъ классификаціи. Однимъ изъ результатовъ экскурсій г. Веске является то, что общепринятое различеніе двухъ нарѣчій черемисскаго языка—горнаго и луговаго оказывается невѣрнымъ: т. наз. горное нарѣчіе распространяется далеко на западъ черемисскаго края на луговой сторонѣ Волги. Волга не служитъ, какъ вообще думаютъ, границей между черемисскими нарѣчіями, и вмѣсто прежняго дѣленія авторъ устанавливаетъ другое. Онъ различаетъ два крупныя нарѣчія: *западное*, распространенное главнымъ образомъ въ Яранскомъ и Козьмодемьянскомъ уѣздахъ, и *восточное*—въ уѣздахъ, Чебоксарскомъ, Царевококшайскомъ, Уржумскомъ и друг. восточныхъ управъ черемисской территоріи. Западное нарѣчіе распадается на два говора: южный или Козьмодемьянскій и сѣверный или Яранскій. Что касается восточнаго нарѣчія, то черемисы, говорящіе на немъ, имѣютъ почти въ каждомъ уѣздѣ свой особый говоръ, въ нѣкоторыхъ даже два, три, четыре говора. Точное число говоровъ этого нарѣчія г. Веске еще не удалось опредѣлить, но онъ разсчитываетъ уяснить этотъ вопросъ въ дальнѣйшихъ экскурсіяхъ. Устанавливая правильную отчетливую транскрипцію звуковъ черемисскаго языка, г. Веске открылъ въ его вокализмѣ одинъ гласный, доселѣ неизвѣстный, и болѣе точно опредѣлилъ другіе, уже отмѣченные прежними изслѣдо-

Digitized by Google

вателями. Переходя затѣмъ къ уясненію звуковыхъ отличій между обоими главными нарѣчіями черемисскаго языка, авторъ представляетъ рядъ своихъ наблюденій, которыя подтверждаютъ выставляемое имъ новое дѣленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе живого языка дало ему возможность указать на рядъ неточностей, допущенныхъ въ выраженіи черемисскихъ звуковъ всѣми печатными трудами по черемисскому языку. Такими неточностями страдаетъ и черемисское Евангеліе на горномъ нарѣчіи (изд въ 1821 г.), непонятномъ для черемисовъ, и грамматика акад. Видемана (1847 г.), и изданная въ 1837 г. въ Казани черемисская грамматика. Можно надѣяться, что въ дальнѣйшихъ экскурсіяхъ почтенному автору удастся разъяснить многіе темные вопросы черемисской діалектологіи. *Вс. М—ръ.*

Г. Арандаренко. Досуги въ Туркестанѣ. 1874—1889 г. СПБ. 1889 г., V, стр. 666 in 8°.

Авторъ этого сочиненія провелъ слишкомъ двадцать лѣтъ въ Туркестанѣ. Находясь на службѣ при администраціи, онъ много сталкивался въ теченіе этихъ лѣтъ съ инородцами нашей дальней восточной окраины, близко знакомился съ мѣстными условіями быта. Но его опытность и близкое знакомство съ краемъ, лежащимъ далеко отъ коренной Руси, не проходили даромъ и для насъ: г. Арандаренко неоднократно дѣлился съ нами своими впечатлѣніями, выпуская въ свѣтъ то ту, то другую статью. Въ настоящее время онъ издалъ сборникъ своихъ статей и назвалъ ихъ «Досугами въ Туркестанѣ». Нельзя не пожелать, чтобы всякій, особенно тотъ, кто живетъ въ мѣстахъ мало знакомыхъ или совсѣмъ неизслѣдованныхъ, проводилъ свои досуги столь плодотворно, какъ авторъ этого сочиненія. Прочитывая статьи, преисполненныя живого интереса, преисполненныя правды и чуждыя пристрастія, мы невольно воздаемъ должную честь автору ихъ. Статьи преимущественно посвящены сельскохозяйственному, экономическому и административному положенію страны: но не это побуждаетъ насъ говорить о «Досугахъ въ Туркестанѣ» здѣсь, гдѣ мѣсто удѣляется только этнографіи хотя и въ ея широкомъ смыслѣ. Причины совершенно иныя заставляютъ насъ дѣлать это: авторъ, затрагивая жизнь инородцевъ, совершенно невольно вдается въ область этнографіи, и сказать здѣсь объ этнографической сторонѣ «Досуговъ» тѣмъ болѣе у мѣста и кстати, что г. Арандаренко, по его заявленію (стр. 427), предполагаетъ издать описаніе современнаго состоянія Бухарскаго ханства, гдѣ не послѣднее мѣсто должна занимать и этнографія этого ханства.

Не задаваясь цѣлями этнографическими, авторъ даетъ только краткія и отрывочныя, но тѣмъ не мене далеко не лишенныя цѣны

Digitized by Google

свѣдѣнія о бытѣ инородцевъ. Въ своей первой главѣ: «Между туземцами степного уѣзда» авторъ сопоставляетъ бытъ степного простоватаго киргиза и его характера съ характеромъ и бытомъ смышленаго, скажемъ больше, лукаваго сарта и останавливается преимущественно на послѣднемъ: здѣсь есть интересныя указанія на судъ, присягу, гостепріимство и характеръ двухъ упомянутыхъ народностей; впрочемъ суду посвящена особая глава (VII—народный судъ у туземцевъ). Хотя здѣсь говорится очень мало объ обычномъ правѣ туземцевъ, которое могло бы насъ особенно интересовать, а преимущественно о шаріатѣ, но все-таки эта глава не лишена своего этнографическаго интереса. Очень любопытна могла бы быть глава X—«о метеорологическихъ познаніяхъ туземцевъ», такъ какъ тутъ авторъ затрагиваетъ вопросы о мірозданіи, о солнцѣ, облакахъ и т. д., по народнымъ представленіямъ; но повидимому всѣ эти народныя воззрѣнія слишкомъ мало интересовали нашего автора, и онъ кратко останавливается на нихъ, не придавая имъ, какъ кажется, никакого научнаго значенія. Очень интересна глава XVII (Дарвазъ и Каратегинъ), такъ какъ они даютъ любопытныя свѣдѣнія (хоть и краткія) объ этнографіи мало извѣстной мѣстности. Кромѣ того, можно встрѣтить нѣкоторыя этнографическія свѣдѣнія разбросанныя въ другихъ главахъ напр. XIII (о кредитѣ у туземцевъ). Конечно, несправедливо было бы упрекать автора въ томъ, что онъ удѣлилъ слишкомъ мало мѣста этнографіи и интересовался ею слишкомъ мало; но мы можемъ сдѣлать ему упрекъ въ томъ, что онъ часто, указывая на ту или другую особенность народнаго быта, не называетъ точнѣе народность, которую онъ имѣетъ въ виду, а говоритъ просто «у туземцевъ»; во всякомъ случаѣ желательно, чтобы авторъ въ предполагаемомъ сочиненіи о Бухарскомъ ханствѣ избѣгалъ этого, такъ какъ въ противномъ случаѣ свѣдѣнія теряютъ свою научную цѣнность. *А. Х.*

Гр. Верещагинъ. Вотяки Сарапульскаго уѣзда Вятск. губ. (Записки Императорскаго Геогр. Общ. по отд. Этногр. т. XIV. в. 3) стр. I—VII 1—197.

Г. Верещагинъ, авторъ вышедшаго 2 года тому назадъ обширнаго изслѣдованія быта Вотяковъ Сосновскаго края, выступаетъ съ продолженіемъ своего цѣннаго труда, гдѣ онъ съ прежнею тщательностію и полнотою сообщаетъ свѣдѣнія, добытыя имъ втеченіе своего долгаго пребыванія среди вотяковъ. Авторъ названнаго изслѣдованія хорошо знакомъ съ языкомъ и бытомъ описываемаго имъ народа, такъ какъ, состоя учителемъ одной изъ мѣстныхъ сельскихъ школъ, онъ находится въ постоянномъ соприкосновеніи съ вотяками, и такимъ образомъ имѣетъ много случаевъ къ близкому ознакомле-

Digitized by Google

нію съ самыми разнообразными сторонами ихъ жизни, нравовъ и обычаевъ. Это разнообразіе и разнохарактерность свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Верещагинымъ, выдѣляетъ его работы изъ ряда большинства остальныхъ трудовъ по этнографіи вотяковъ, давая имъ въ то же время несомнѣнное право на занятіе одного изъ первыхъ мѣстъ среди матеріаловъ, собранныхъ изслѣдователями названнаго племени. Но если свѣдѣнія автора, добытыя имъ непосредственнымъ наблюденіемъ, и отличаются большимъ интересомъ, важностью и новизною, то нельзя того же сказать относительно его, правда, немногочисленныхъ, историческихъ свѣдѣній, а также относительно нѣкоторыхъ совершенно излишнихъ разсужденій, въ родѣ доказательства того, что видѣніе лѣшаго «есть обманъ зрѣнія, обусловливающійся особенной силой, подобной въ нѣкоторомъ отношеніи месмеризму» (стр. 96). Г. Верещагинъ даетъ намъ въ обстоятельномъ описаніи яркую картину жизни вотяковъ. Онъ начинаетъ свой трудъ, приводя преданіе объ образованіи вотяцкаго населенія въ той мѣстности, гдѣ ему преимущественно пришлось дѣлать свои наблюденія (Завьяловская волость). Преданіе это представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что мы видимъ тутъ черты, общія всѣмъ разсказамъ о вотяцкихъ богатыряхъ (постоянная погибель ихъ вслѣдствіе подъема свай у мостовъ встрѣчающихся имъ на пути, вѣрность богатырямъ коней опредѣленной масти, за исключеніемъ пѣгой, недогадливость ихъ женъ и наконецъ тожество предсмертныхъ проклятій). Затѣмъ авторъ подробно останавливается на характеристикѣ вотяка и, рисуя его внутренній и внѣшній бытъ, подробно останавливается на изученіи условій, регулирующихъ жизнь описываемаго имъ народа. Обращаясь къ разсмотрѣнію взаимныхъ отношеній и вліяній русскихъ и вотяковъ, г. Верещагинъ отмѣчаетъ характерный фактъ значенія женщины. «Есть случаи женитьбы, говоритъ онъ, на русскихъ и наоборотъ—русскихъ на вотячкахъ. Женящіеся на русскихъ обыкновенно не исполняютъ обряда жертвоприношеній, предписываемыхъ культомъ предковъ вотякамъ. Здѣсь быстро стирается и типъ вотскій, и въ русскихъ уже подмѣчаются черты другой расы, составившейся, какъ будто изъ двухъ племенъ: великорусскаго и финскаго».

Значительная часть книги «Вотяки Сарапульскаго уѣзда. Вят. губ.» посвящена описанію религіозныхъ вѣрованій, различныхъ обрядовъ, а также собранію нѣкоторыхъ видовъ народнаго духовнаго творчества. Тутъ мы встрѣчаемся и съ преданіями вотяковъ, слышанными ими отъ «стариковъ», о томъ, какъ появился въ божій міръ тотъ или иной изъ окружающихъ ихъ предметовъ, какая чародѣйственная сила заключается въ нихъ, гдѣ было начало вотяцкой вѣры... Много интересныхъ наблюденій и разспросовъ автора рисуютъ

Digitized by Google

намъ различіе одного вотяцкаго племени отъ другого и говорятъ о духовныхъ внутреннихъ силахъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ изъ этихъ племенъ. Таинственный міръ чародѣевъ, шамановъ (туно), направляющихъ каждый шагъ въ жизни вотяка, чародѣевъ, которые спасаютъ его отъ преслѣдованія и злобы недовольныхъ духовъ и которые хранятъ стародавнюю религію вотяковъ, найдетъ себѣ нѣкоторое объясненіе въ изслѣдованіяхъ г. Верещагина. При описаніи религіозныхъ воззрѣній авторъ пользуется разспросами и путника, преслѣдуемаго дикимъ хохотомъ лѣшаго, и мельника, водящаго дружбу съ водянымъ; онъ наблюдаетъ также за разсказами вотяка о духахъ, окружающихъ его въ родной избѣ, съ порога которой видно, какъ изъ семейнаго святилища, мѣста почитанія предковъ, выходятъ «воршуды», хранители семейнаго счастья: выходятъ они въ видѣ юноши, зрѣлаго мужа и женщины, въ бѣлыхъ одеждахъ, при чемъ «лютая болѣзнь» постигаетъ того, кто нарушитъ благочиніе ихъ шествія. Прекрасное знаніе вотяцкаго языка даетъ автору возможность сохранить массу цѣнныхъ выраженій и данныхъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ этнографіи вотяковъ.

Но, не смотря на обиліе и полноту сообщенныхъ г. Верещагинымъ свѣдѣній, еще много работы предстоитъ изслѣдователямъ быта вотяковъ, прежде чѣмъ окончательно будутъ выяснены вопросы быта и религіи этого племени. Подробное и тщательное изученіе положенія и значенія вотяцкихъ туно, изслѣдованія о высшихъ божествахъ вотяцкаго олимпа, объ отношеніи почитанія кереметя къ культу предковъ, выясненіе чисто національныхъ чертъ вотяцкой демонологіи, сложившейся въ значительной степени подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ, наконецъ обширная область юридическаго быта вотяковъ,- вотъ вопросы, требующіе накопленія большихъ матеріаловъ.

Надо надѣяться, что г. Верещагинъ не остановится въ своихъ столь плодотворныхъ работахъ и, продолжая свои наблюденія надъ племенемъ, столь близко знакомымъ ему, пойдетъ на встрѣчу разработкѣ вышеуказанныхъ вопросовъ.

П. Б.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, т. VII, изд. подъ ред. секр. общества И. В. Траутенберга.

Настоящій томъ содержитъ въ себѣ нѣсколько небольшихъ статей по мѣстной археологіи и одно болѣе обширное изслѣдованіе по этнографіи черемисъ. Не касаясь археологическихъ статей, мы остановимся только на историко этнографическомъ очеркѣ *И. Н. Смирнова*: «Черемисы», которому посвящена большая часть книги.

Digitized by Google

Изслѣдованіе г. Смирнова основано какъ на непосредственныхъ наблюденіяхъ автора, такъ равно и на изученіи печатныхъ матеріаловъ. Авторъ въ началѣ своего труда разсматриваетъ исторію черемисской народности, вліяніе на нее сосѣдей; затѣмъ, изучивъ природу страны, занимаемой названнымъ племенемъ, его физическія свойства, внутренній и внѣшній бытъ, авторъ разсматриваетъ постепенное созданіе современной семьи черемисъ, а также ихъ общественную организацію и, наконецъ, даетъ прекрасную картину ихъ духовной и религіозной жизни. Послѣдняя глава (VII) труда г. Смирнова посвящена обзору литературы о черемисахъ, въ которомъ авторъ даетъ краткія рецензіи извѣстныхъ ему печатныхъ трудовъ относительно описываемой имъ народности. Несомнѣнно, что трудъ И. Н. Смирнова, являясь цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую литературу, въ значительной степени подвигаетъ впередъ изученіе быта черемисъ, такъ какъ подведеніемъ итоговъ всему сдѣланному до сихъ поръ по этому вопросу весьма облегчаются дальнѣйшія работы. Мы не сомнѣваемся, что послѣдующія изслѣдованія вполнѣ подтвердятъ мысль автора о связи почитанія кереметя съ почитаніемъ умершихъ, основываемую имъ на человѣческомъ происхожденіи кереметей въ преданіяхъ, на разсмотрѣніи представленій черемисами названнаго божества, а также на разсмотрѣніи видовъ жертвъ, приносимыхъ кереметю. Нѣкоторыя изъ собранныхъ нами данныхъ среди вотяковъ, имѣющія быть напечатанными въ слѣдующей книжкѣ «Этнограф. Обозрѣнія», не только подтверждаютъ мысль г. Смирнова, но и даютъ возможность сопоставить происхожденіе почитанія кереметя съ почитаніемъ не просто всякаго умершаго, но предковъ.

П. Б.

Лопари и ихъ преданія. Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общества, т. XXV. вып. IV. Сообщеніе *Д. Н. Островскаго*:

Авторъ въ своемъ сообщеніи, указавъ въ общихъ чертахъ на бытъ русскихъ лопарей, останавливается главнымъ образомъ на ихъ преданіяхъ. Этихъ преданій ходитъ много среди лопарей, причемъ бо́льшая часть ихъ посвящена разсказамъ о нашествіяхъ чуди, подъ которой вѣроятно слѣдуетъ видѣть сосѣдей лопарей, не разъ тревожившихъ ихъ своими разорительными набѣгами. Воспоминанія объ этой борьбѣ, сложившіяся въ форму небольшихъ разсказовъ, составляютъ собой цѣлый циклъ преданій, въ которыхъ историческая основа затемняется, подчасъ, до неузнаваемости сказочными прикрасами. Подобныхъ преданій о чуди у автора приведено восемь. Далѣе авторъ приводитъ и свѣдѣнія о Сталло — сказочныхъ богатыряхъ, съ которыми лопарямъ нерѣдко приходится вступать въ единоборство. Сталло вмѣстѣ съ тѣмъ и колдунъ. Если вѣрить гипотезѣ г. Фриса,

Digitized by Google

спеціально изучавшаго преданія лопарей, подъ Стало слѣдуетъ видѣть искаженнаго Stahlmann'a, «стальнаго человѣка», т. е. человѣка, закованнаго въ латы: подъ нимъ лопари разумѣли своихъ Скандинавскихъ сосѣдей. Интересны также преданія, передающія намъ представленія лопарей о личности и жизни пр. Трифона, просвѣтителя лопарей, и нѣсколько разсказовъ, рисующихъ намъ суевѣрія современныхъ русскихъ лопарей (напр. объ оборотняхъ). Говоря о сказкахъ, авторъ оттѣняетъ, что многое въ нихъ является заимствованіемъ отъ сосѣдей и въ подтвержденіе своего положенія приводитъ разсказъ, напоминающій собой нашу былину о Настасьѣ Микулишнѣ. Этотъ разсказъ является особенно интереснымъ тѣмъ, что женщина-богатырь считается основательницей лопарскаго рода «Силиныхъ», по норвежски «Staerk», живущаго въ Сѣв. и Юж. Варангерѣ. *Н. Х.*

Извѣстія Кавказскаго отдѣла И. Р. Географическаго Общества. т. IX, № 2. 1887 г.

1887 годъ изданія вводитъ въ заблужденіе читателя, между тѣмъ какъ въ этомъ томѣ помѣщены сообщенія, сдѣланныя въ текущемъ году. Такъ, 3 февраля 1889 г., д. ч. г. *Жуковъ* читалъ докладъ: «Разыскиваніе англійскихъ альпинистовъ Донкина и Фокса, погибшихъ при восхожденіи на Коштанъ-тау». Кромѣ отдѣльныхъ рефератовъ, напечатанныхъ въ этой книгѣ, заслуживаетъ особаго вниманія приложеніе «Кавказскіе алфавиты» г. Загурскаго и приложеніе—«Статистическія таблицы вилайетовъ турецкой имперіи, ближайшихъ къ Закавказью».

Г. Загурскій въ своей статьѣ разсматриваетъ алфавиты месроновскій, грузинскій, арабскій, шегреновскую русскую азбуку, примѣненную къ осетинскому языку, кавказско-горскіе алфавиты, составленные бар. Усларомъ, извѣстнымъ кавказскимъ лингвистомъ, латино-горскія азбуки акад. Шифнера, азбуку осетинскаго языка проф. В. Ѳ. Миллера и азбуку мингрельскаго языка проф. А. А. Цагарели.

Статья представляетъ большой интересъ въ виду возникшаго вопроса, какой алфавитъ долженъ послужить основаніемъ для составленія азбукъ кавказскихъ горскихъ языковъ. *А. Хах—овъ.*

Кулишеръ. Очерки сравнительной этнографіи и культуры. СПБ. 1887. XV+287.

Нельзя сказать, чтобы г. Кулишеръ отличался особенной скромностью: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, помнится, въ статьѣ о Кавелинѣ, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы" онъ заявилъ, что знаменитый англійскій ученый Тэйлоръ „усвоилъ" нѣкоторые его, г. Кулишера, взгляды; это „усвоеніе" онъ усмотрѣлъ въ простой ссылкѣ. Въ предисловіи къ настоящей книгѣ, предупреждая судъ критики и

Digitized by Google

читающей публики, авторъ распространяется о томъ, что въ этой книгѣ собраны статьи, „проникнутыя единствомъ плана и мысли", что эти статьи „заранѣе предназначались въ видѣ кирпичей для цѣлаго зданія". „Многое изъ того, говоритъ авторъ, что было уже сдѣлано мною въ области этнографіи и сравнительной исторіи культуры, дѣлалось предметомъ изслѣдованій другихъ лицъ, и они вновь доказывали то, что доказательствъ уже не требовало и на что можно было бы прямо сослаться". Это и заставило его „приступить возможно скорѣе къ собранію и изданію своихъ статей" и т. д. Такая высокая оцѣнка, дѣлаемая г. Кулишеромъ своимъ произведеніямъ, заставляетъ критику внимательнѣе отнестись къ его труду и подвести болѣе объективные итоги.

Сравнительная исторія культуры—наука еще очень молодая: надлежащій матерьялъ далеко еще не охваченъ, слишкомъ мало провѣренъ критически; очень мало выработано общихъ положеній, которыя можно было бы считать незыблемо установленными. Нужно очень критически относиться къ фактамъ, очень осторожно пользоваться до сихъ поръ еще мало выработаннымъ сравнительнымъ методомъ, чтобы не запутаться въ массѣ слабо обоснованныхъ и противорѣчивыхъ гипотезъ, которыхъ такъ много развилось въ послѣдніе года, и чтобы придти къ мало-мальски устойчивымъ и основательнымъ выводамъ. Эта наука переживаетъ теперь то, что давно уже пережило сравнительное языкознаніе и отъ чего мало по-малу освобождается сравнительная исторія литературы: я говорю объ увлеченіи сравненіемъ ради сравненія, которое не приводитъ ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ, не сдерживается никакими опредѣленными нормами и законами и, схватывая на лету только внѣшніе и второстепенные признаки сходства, вращается въ кругу многочисленныхъ, но односторончихъ и часто невѣрно понятыхъ и оцѣненныхъ фактовъ. Само собою разумѣется, что такое сравненіе не можетъ имѣть дѣйствительнаго научнаго значенія, и только загромождаетъ и безъ того далеко не расчищенную почву.

Въ 12 главахъ своей книги г. Кулишеръ затрогиваетъ цѣлый рядъ самыхъ разнородныхъ и очень интересныхъ вопросовъ сравнительной этнологіи: онъ толкуетъ о „сравнительномъ методѣ и общности законовъ развитія", „первобытной нравственности", „трудовомъ принципѣ и борьбѣ съ природой"; довольно долго останавливается на вопросахъ объ „оставленіи на произволъ судьбы и убійствѣ стариковъ", „дѣтоубійствѣ", „истязаніи и воспитаніи дѣтей" и „обращеніи съ женщинами"; распространяется о „символикѣ въ жизни, исторіи и правѣ", „торговлѣ и торговомъ классѣ", „ростовщикахъ и ростовщичествѣ".

Для того, чтобы познакомить читателей съ работой г. Кулишера,

Digitized by Google

мы остановимся для примѣра на IV главѣ: «Оставленіе на произволъ судьбы и убійство стариковъ». Авторъ выставляетъ подъ-рядъ безъ всякой системы и критики факты изъ разныхъ книжекъ, бывшихъ у него подъ руками и, довольствуясь однимъ только перечнемъ и указаніями на то, что въ разныя времена и у разныхъ народовъ стариковъ выбрасывали или убивали, совершенно не задается вопросами о томъ, къ какой стадіи семейной эволюціи можно пріурочить этотъ обычай, въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу оставленіе на произволъ судьбы и убійство стариковъ, каковъ генезисъ этого обычая, причины его возникновенія и упадка, каковы его переживанія въ современномъ быту и т. д. При этомъ надо сказать, что авторъ пользуется почти исключительно источниками второй и третьей руки и относится къ нимъ съ очень наивнымъ и легкомысленнымъ довѣріемъ, зачастую повторяя за ними грубыя ошибки. На стр. 39, напр., онъ выписываетъ изъ Гримма латинскою цитату, въ которой окончаніе совершенно противорѣчитъ началу. Принявъ на вѣру выноску Гримма, изъ Феста, авторъ повторилъ его грубую ошибку и не замѣтилъ безсмыслицы. Но мало того: г. Кулишеръ не только умѣетъ повторять чужія ошибки, но и усугубляетъ ихъ. Гриммъ, говоря объ убійствѣ стариковъ, на ряду съ другими матеріалами, цитируетъ и средневѣковую нѣмецкую передѣлку извѣстной странствующей легенды объ Аполлоніи Тирскомъ (D. R. 489), называя ее das Gedicht «Apollonius von Tyrland». Г. Кулишеръ, на основаніи этого пишетъ: «въ стихотвореніи Аполлонія изъ Тирланда (Apollonius von Tyrland) мы читаемъ слѣдующее» (стр. 39). Нельзя не подивиться этому курьезному историко-литературному и географическому открытію г. Кулишера. Героя очень распространенной легенды онъ превращаетъ въ новооткрытаго поэта, а всякому извѣстный изъ библіи, исторіи, географіи Тиръ представляется ему невѣдомой, страной—Tyrland или Tyrlant. Г. Кулишеру слѣдовало бы быть осторожнѣе, хотя бы потому, что Тэйлоръ или какой нибудь другой ученый можетъ «усвоить» такія его открытія и составить ему заграницей не особенно желательную и завидную ученую репутацію.

Покончивъ съ группировкой матеріала, г. Кулишеръ дѣлаетъ выговоръ теперь покойному, но въ 1887 г. еще жившему Мэну: «если-бы Генри Мэнъ имѣлъ въ виду сгруппированыя здѣсь данныя, онъ едва ли пришелъ бы къ тѣмъ заключеніямъ, къ которымъ онъ проходитъ (приходитъ?) въ своемъ «Древнемъ правѣ» и т. д. (стр. 43). Но, говоря это, авторъ упустилъ изъ виду слѣдующее обстоятельство: «Древнее право» принадлежитъ къ раннимъ произведеніямъ Мэна, написаннымъ тогда, когда то, что извѣстно теперь даже г. Кулишеру, было неизвѣстно самымъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ

Digitized by Google

ученымъ; отъ многихъ выводовъ, сдѣланныхъ въ «Древнемъ правѣ», Мэнъ отказывался въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, дѣлалъ къ нимъ очень существенныя поправки, что можно видѣть хотя бы изъ болѣе поздняго сочиненія Мэна: «Древній законъ и обычай» (Москва, 1884, стр. 14—19), гдѣ говорится и объ убійствѣ стариковъ.

Такое пользованіе источниками и методомъ только и могло привести г. Кулишера къ слѣдующимъ скороспѣлымъ и непродуманнымъ выводамъ: «между самостоятельнымъ развитіемъ и усвоеніемъ чужаго, по существу дѣла, нѣтъ разницы» (стр. XIII; если это такъ, г. Кулишеръ былъ очень несправедливъ и непослѣдователенъ, обличая на стр. X г. Покровскаго въ плагіатѣ, и, наоборотъ, очень послѣдователенъ, толкуя во II-й главѣ о «первобытной нравственности», въ выраженіяхъ, очень напоминающихъ неуказанную имъ статью Тэйлора: «Aus der Entwicklungsgeschichte der Gesellschaft» въ «Ausland», 1874 г.); «общая схема движенія (прогресса?) одна и та же для всѣхъ народовъ» (стр. XV); «сложныя явленія современной жизни могутъ быть сведены къ болѣе простымъ явленіямъ прошлаго» (стр. 1); «существуетъ общій законъ развитія для всѣхъ народовъ безъ различія, къ какой бы расѣ эти народы не принадлежали» (стр. 3); «что бытовыя учрежденія и соціальная жизнь народовъ измѣняются въ теченіе исторической жизни ихъ, и притомъ сходнымъ образомъ у разныхъ народовъ, это не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію» (стр. 6) и т. д. Тѣ «основныя положенія», которыя «внимательный читатель» долженъ найти въ книгѣ г. Кулишера (стр. XI) и которыя авторъ предупредительно формулируетъ, представляютъ собою или общія мѣста, или плодъ легкомысленнаго обращенія съ областію сравнительной этнографіи. Вездѣ, во всѣхъ главахъ, г. Кулишеръ механически наваливаетъ факты, набранные почти исключительно изъ вторыхъ рукъ, не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки разобраться въ нихъ, отнестись къ нимъ критически, подобрать ихъ съ возможной полнотою, проходитъ молчаніемъ очень интересныя и существенныя стороны вопроса, распространяется въ пустякахъ и мелочахъ и дѣлаетъ, на ряду съ этимъ, самые широкіе общіе выводы, ничѣмъ не оправдываемые и основанные главнымъ образомъ на недоразумѣніяхъ и невѣжествѣ. Въ стилистическомъ отношеніи такія выраженія, какъ: «міровоззрѣніе объ искони предопредѣленной, изъ вѣка установленной національной исключительности» (стр 2), «это объясненіе не хуже много другихъ, объясняющихъ» и т. д. (стр. 4), «что уродилось благодаря культурѣ» (стр. 7), «очень много добрыхъ злаковъ, до того добрыхъ, что» и т. д.— также не принадлежатъ къ достоинствамъ книги. Шатко «зданіе», выстроенное г. Кулишеромъ, непрочны и его «кирпичи», «проникнутые единствомъ плана и мысли»; грустные итоги должны мы подвесть тому, что «сдѣлано» г. Кулишеромъ

Digitized by Google

«въ области этнографіи и сравнительной исторіи культуры», «что доказательствъ уже не требовало и на что можно было бы прямо сослаться»... *В. К—ъ.*

Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ. Пособіе при изученіи зырянами русскаго языка. Составилъ *Г. С. Лыткинъ*, преподаватель С.-Петербургской шестой гимназіи. СПБ. 1889 г. VIII+232+60+31 in 4°.

Эта объемистая книга, предназначенная для зырянъ, учащихся русскому языку, снабжена предисловіемъ и распадается на двѣ части: историческую (по исторіи Зырянскаго края) и филологическую (грамматика и словари). Въ предисловіи авторъ предается воспоминаніямъ своихъ дѣтскихъ размышленій по поводу незнанія зырянами русскаго языка и послѣдствій, отсюда проистекающихъ. Затѣмъ приводится перечень переводовъ автора съ русскаго на зырянскій и описывается судьба ихъ до напечатанія. И, наконецъ, завершается предисловіе нѣкоторыми педагогическими указаніями. Въ этомъ-то отдѣлѣ, между прочимъ, рекомендуется чтеніе «произведеній народнаго творчества зырянъ» (IV); самыя же произведенія находятся во 2-й части книги.

Въ виду очень распространеннаго въ литературѣ мнѣнія, что зыряне не имѣютъ произведеній собственнаго творчества, что почти всѣ ходящія въ народѣ сказки, пѣсни и т. д. русскаго или иного, но не зырянскаго происхожденія, приведенные г. Лыткинымъ образчики зырянскаго творчества являются несомнѣнно интересными данными въ пользу существованія національной зырянской поэзіи. Жаль только, что авторъ изъ 12 сказокъ привелъ всего 5 еще не бывшихъ въ печати (остальныя перепечатаны изъ сочиненій гг. Савваитова, Рогова и др.). Жаль также и то, что въ отдѣлѣ поговорокъ попадаются несомнѣнно русскія, вошедшія позднѣе въ зырянскій языкъ (какъ „мягко стелетъ, жестко спится", „если тихо идешь, дальше уйдешь" и др.), что́ естественно подрываетъ довѣріе ко всему отдѣлу и заставляетъ желать большей тщательности въ провѣркѣ. Наконецъ, мы находимъ еще „плачъ при выходѣ дѣвицы замужъ", но также частью перепечатанный у г. Савваитова. Несомнѣнно также, что этотъ плачъ болѣе поздняго происхожденія и съ значительнымъ отпечаткомъ русскаго вліянія.

Во 2-й же части помѣщены, кромѣ зырянской грамматики, и словари: 1) зырянско-русскій съ приложеніемъ мордовскихъ словъ (до 370) и 2) вотско-русскій. Въ прибавленіи къ этой части данъ русско-вотско-зырянскій словарь. Всѣ эти словари, представляя интересъ, какъ составленные зырянином по происхожденію, отчасти

Digitized by Google

списаны у г. Савваитова (въ чемъ сознается и авторъ) и кромѣ того страдаютъ нѣкоторой неточностью и неполнотой, происходящими отъ желанія искусственно вырвать зырянскій языкъ изъ подъ русскаго вліянія. Такъ, слово „верста“ переведено словомъ „чомкост“; чомкост-же означаетъ непостоянное разстояніе около 5 верстъ, а иногда значительно больше или меньше. Версту же зыряне обозначаютъ словомъ „верст“. Слово „женихъ“ переведено „верöс пу“, „вajöм ні“, между тѣмъ зыряне употребляютъ взятое изъ русскаго „жöнік“, а „верöс“ (мужъ), соединенное съ „пу“ (дерево), не встрѣчается въ другихъ словаряхъ, да и въ народѣ, насколько извѣстно, не въ ходу.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ 1-й части, обращаетъ на себя вниманіе „Пятисотлѣтіе Зырянскаго края“ главнымъ образомъ разсужденіемъ о значеніи и происхожденіи слова „Зыряне“. Этотъ спорный вопросъ, вызвавшій догадки акад. Шёгрена, г. Савваитова, г. Кл. Попова и др., получаетъ нѣкоторое освѣщеніе приведенными г. Лыткинымъ цитатами изъ Исторіи Гос. Рос. Карамзина и Исторіи Россіи Соловьева и сближеніемъ слова зыряне съ „сырьяне“, „серьяне“, „серень“ и „осеренить“, съ зырянскими „сылны“ и „сыкалны“ (таять, растаять); „отсюда, говоритъ г. Лыткинъ, Сыктылъ ва (талая рѣка), зырянское названіе р. Сысолы. И такъ, заключаетъ авторъ, серьяне есть сысольцы, сысоляне или просто сысола. Епископъ Стефанъ, хорошо знавшій зырянскій и русскій языки, слово сыктылтас буквально перевелъ русскимъ словомъ серьяне, сырьяне, сириане. Когда епископская каѳедра изъ Іемдына или Устьвыма была перенесена въ Вологду, при Іоаннѣ IV, въ 1570-хъ годахъ, слово серьяне, т. е. сысоляне, измѣненное въ зыряне (по созвучію съ словомъ зырны, тереть, тѣснить), замѣняетъ прежнее слово пермяне“ (стр. 19 и 20). Этому совершенно новому предположенію нельзя отказать въ оригинальности и остроуміи. Приводятъ въ смущеніе лишь два обстоятельства: во 1-хъ переходъ серьяне въ зыряне „по созвучію“ съ зырны. Зырны зырянами употребляется рѣдко и въ другомъ значеніи. Самъ г. Лыткинъ приводитъ его въ своемъ словарѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ еще зыркыны-зыкыны вздорить, кидаться и зыркнітны—шумѣть. У г. Савваитова есть близкое къ нимъ зырнjосjны—вздорить, вздорничать (см. его зыр.-рус. словарь, стр. 66). Кромѣ этихъ словъ у зырянъ есть еще близкое по значенію къ нимъ слово зыртысны—спихнуть, столкнуть. Во всякомъ случаѣ, если искать созвучія, то съ однимъ изъ этихъ словъ, а не съ зырны, имѣющемъ совершенно другое значеніе. Во 2-хъ, если предположить, что серьяне введено Стефаномъ, то невольно возникаетъ вопросъ: отчего не удержалъ онъ извѣстнаго ему зырянскаго названія коми? Предположеніе является совершенно

Digitized by Google

произвольнымъ и похожимъ на то „внутреннее убѣжденіе", къ которому въ сомнительныхъ вопросахъ прибѣгаетъ г. Лыткинъ. Крайне зыбкая почва, представляемая этимъ „внутреннимъ убѣжденіемъ", принимается иногда г. Лыткинымъ за твердое основаніе. Скромно высказавъ свое „убѣжденіе" гдѣ-нибудь въ примѣчаніи, этотъ авторъ черезъ 2—3 страницы такъ убѣждается, что говоритъ о немъ ужъ какъ о фактѣ, не подлежащемъ сомнѣнію. Для примѣра сличаю прим. 3 на стр. 5 и текстъ стр. 7. Въ примѣчаніи говорится: „я внутренно убѣжденъ въ томъ, что Стефанъ по мужской или женской линіи зырянинъ, какъ братья Кириллъ и Меѳодій — славяне. Въ характерѣ Стефана много зырянскаго: добросердечіе, правдивость, трудолюбіе, твердость, пытливость и трезвость ума (сложно это черты, принадлежащія лишь зырянамъ!); его переводы на зырянскій языкъ обнаруживаютъ, что онъ и думалъ по зырянски, а не по русски, какъ дѣлаютъ новые переводчики—зыряне" (ужъ самая бѣдность зырянскаго языка противорѣчитъ этому, да вообще такого рода доказательства принято называть логическимъ терминомъ contradictio in adjecto). На стр. 7 говорится: „образованный зырянинъ Стефанъ не отказался и отъ предложенія необразованнаго зырянина Пана" и т. д. Внутреннее убѣжденіе получило силу факта.

Приложенная къ книгѣ этнографическая карта составлена, какъ говоритъ и самъ авторъ, по картамъ гг. Стрѣльбицкаго и Риттиха.

В. К—ій.

Шеппингъ. 1) Дохристіанское воззрѣніе человѣка на смерть и загробную жизнь. Москва. 1889, 28 стр. 2) Наши письменные источники о языческихъ богахъ русской миѳологіи. Воронежъ, 1889, 31 стр.

Нужно обладать большой смѣлостью, чтобы браться за рѣшеніе такихъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ, какъ вопросы о примитивныхъ воззрѣніяхъ на смерть и загробную жизнь, о русскихъ языческихъ богахъ, и рѣшать ихъ на нѣсколькихъ страницахъ, какъ это дѣлаетъ г. Шеппингъ. Въ первой своей брошюркѣ г. Шеппингъ высказываетъ нѣкоторыя общія мысли, какъ напр., «въ теченіи послѣднихъ лѣтъ наука шагнула впередъ и кругозоръ ея расширился— не столько пріобрѣтеніемъ и открытіемъ новыхъ матеріаловъ, сколько болѣе строгою оцѣнкой существующихъ»; «многое, что казалось доказаннымъ и рѣшеннымъ лѣтъ 20 тому назадъ тогдашними авторитетами науки, представляется нынѣ основаннымъ на пескѣ предвзятыхъ теорій и чуждыхъ славянамъ представленій»; «единственный путь въ нашихъ глазахъ для достиженія такой цѣли («опредѣленія дохристіанскихъ понятій о безсмертіи души» и т. д.) представляютъ намъ повѣрья и обычаи народа въ ихъ прямомъ, беззатѣйливомъ

Digitized by Google

(sic) смыслѣ, не отыскивая (sic) въ нихъ миѳическихъ иносказаній (порокъ, отъ котораго далеко не свободенъ г. Шеппингъ), нужныхъ для подтвержденія превзятой мысли изслѣдователя» и т. д.

Переходя затѣмъ къ болѣе спеціальнымъ вопросамъ, авторъ такъ же неясно излагаетъ свои мысли, погрѣшая на каждомъ шагу противъ здраваго смысла и противъ грамматики. «Духъ... иногда покоится съ тѣломъ въ могилѣ, иногда же, хотя и временно, поселяется въ людскія жилища, въ горное ущеліе или дупло стараго дерева» (стр. 10). «Почти положительно сказать можно, что по крайней мѣрѣ большая часть миѳическихъ коллективовъ, оживляющихъ по суевѣрнымъ представленіямъ человѣчества нашу земную природу, не иное что, какъ именно духи когда то жившихъ людей» (ib.). «Что онѣ (русалки) не исключительно водяныя существа, но съ теплыми весенними днями выходятъ изъ нѣдръ земли, указываетъ любовь ихъ къ рощамъ, гдѣ, подобно лѣшимъ, онѣ качаются на вѣткахъ и лазятъ по деревьямъ, что, какъ увидимъ дальше также признакъ ихъ загробнаго характера» (стр. 12)

Не мудрено найти у автора, такія несообразности, какъ „эвгемерическое обоготвореніе" умершихъ предковъ (стр. 10), при полномъ непониманіи культа предковъ (стр. 11), и цѣлый рядъ выводовъ и фразъ въ родѣ слѣдующихъ: «по филологическимъ изслѣдованіямъ древнѣйшаго языка Арійцевъ Пикте встрѣчаетъ два особыя понятія души: физіологическое, т. е. дыханіе жизни (le souffle de la vie) и духовное, двигающее мышленія и нравственныя ощущенія человѣка, Spiritus, Geist — нашъ «русскій духъ» (стр 9); «духъ въ своихъ проявленіяхъ представляетъ постоянно личность умершаго, тогда какъ душа, чтобы остаться здѣсь на землѣ, нуждается догмата переселенія душъ изъ одного живаго существа въ другое» (стр. 10); «наблюденіе за осеннимъ полетомъ птицъ въ южныя страны и возвращеніе ихъ весной натолкнуло человѣка на мысль, что не только души умершихъ улетаютъ въ страну свѣта и блаженства, но что и оттуда являются къ намъ всѣ птицы и сѣмена; здѣсь, по самому сближенію птицъ съ сѣменами, едва ли не слѣдуетъ въ первыхъ видѣть души новорождающихся; «сему подивуемы», читаемъ въ Духовной Мономаха, какъ птицы небесныя изъ Ирія идутъ, да наполнятся лѣса и поля (тр. 18); «по греческимъ миѳамъ, у Гомера и Гезіода встрѣчаются одновременно два описанія жилища тѣней» (стр. 19) и т. д. Трудно представить себѣ болѣе яркій примѣръ самой невозможной путаницы въ понятіяхъ, безграмотности и научной несостоятельности.

Такого же свойства и вторая брошюра. «Пора бы отказаться пока и отъ общеславянскихъ языческихъ воззрѣній, причиняющихъ у насъ нерѣдко много путаницы» (стр. 1), говоритъ авторъ, не замѣчая,

Digitized by Google

что онъ именно въ свой огородъ и мѣтитъ. Далѣе начинаются сопоставленія: «въ нашей книгѣ, «Русская Народность», мы высказали свой взглядъ на Хорса, какъ на солнце въ его зловредномъ зимнемъ полугодіи, что и подтверждается его сближеніемъ съ чешскимъ Сатурномъ Krt. В. С. (Ѳ.?) Миллеръ видитъ въ орѳографической разницѣ Лаврентіевскаго Хорса и Дажьбога съ Хръсомъ и Даждьбогомъ «Слова о полку Игоревѣ» вліяніе на него (Хръса, Даждьбога или «Слова»?) юго-славянскихъ литературныхъ источниковъ. Замѣчательно, что Хорсъ названъ жидовиномъ въ Бесѣдѣ трехъ святителей Погодинскаго списка: „два ангела кромѣшніе суть—олимпійскій старецъ Перунъ и Хорсъ жидовинъ». Въ нашихъ былинахъ богатырь-жидовинъ считается Безсоновымъ за Хозарина или волжскаго болгара (слѣдуетъ выдержка изъ былины). Такъ какъ оба эти племени въ VIII вѣкѣ приняли еврейство раньше, чѣмъ перешли въ магометанство, къ юго-славянскому происхожденію этого мнѣнія (мнѣнія г. Безсонова или В. Ѳ. Миллера?) склоняется и Ягичъ, въ виду приведенной имъ сербской сказки о Дабогѣ» (стр. 7 — 8) и т. д., все въ томъ же родѣ. *В. К—ъ.*

Сборникъ пшавскихъ пѣсенъ, собран. *Давидомъ Хизанашвили.* Тифлисъ, 1887.

«Сборникъ пшавскихъ пѣсенъ» представляетъ прекрасный матеріалъ для характеристики грузинскаго народа. По этимъ пѣснямъ можно составить понятіе о воззрѣніяхъ пшавовъ на нравственность, право, религію, загробную жизнь, на обязанности по отношенію къ супругу, дѣтямъ, собрату, общинѣ и родинѣ,—однимъ словомъ все народное міросозерцаніе. Въ стихахъ пшавовъ изливается еще нетронутая житейской ржавчиной чистота благороднаго сердца: „да караетъ Богъ нечестнаго измѣнника родины и собрата! да сотретъ съ лица земли осквернителя чести жены и очага!»—вотъ что слышится въ заунывныхъ пѣсняхъ пшава! Онъ несетъ непосильную тяжесть судьбы, изнемогаетъ подъ бременемъ борьбы и бѣдности; онъ поетъ не потому, что жизнь для него рай, усѣянный розами,—нѣтъ, «я хочу,—говоритъ онъ,—разсѣять подъ этотъ печальный звукъ «пандури» свою сердечную скорбь». Онъ воплощаетъ и одухотворяетъ неодушевленные предметы; онъ говоритъ съ пѣнистыми волнами горной рѣчки; онъ проситъ ихъ остановиться на минуту и повѣдать, кто отеръ горячія слезы ея холодной водой, что прислала сказать любимая сестра брату, отправившемуся на поле брани для защиты свободы родины. Онъ обращается къ перелетающему ворону и умоляетъ отнести къ матери его черные волосы, чтобы она повѣсила ихъ у дверей «дарбази» (избы), и «пусть каждый проходящій предъ ними помянетъ его добрымъ словомъ». Онъ не боится смерти, онъ

Digitized by Google

гордъ и высокомѣренъ, какъ дикая коза предъ пулей охотника. «Мужъ долженъ обладать,—говоритъ онъ, желѣзнымъ сердцемъ, орлинымъ зрѣніемъ и быстротой сокола». Его упорное и «желѣзное» сердце только при видѣ красавицы-пшавки можетъ быть тронуто и смягчено; онъ таетъ при ней какъ «восковая свѣча». Онъ скрываетъ свою страсть въ глубинѣ сердца, какъ «краденую лошадь». Въ другомъ мѣстѣ *) о поэзіи пшавовъ я говорилъ подробно, потому я ограничусь теперь еще указаніемъ на слѣды поэмъ „Амираніани" и „Ростоміани". Содержаніе послѣдней поэмы я уже передавалъ, а о второй придется сказать сравнительно съ тѣмъ варіантомъ, который теперь печатается въ „Иверіи" (см. ниже). *А. Ха—ховъ.*

Сборникъ грузинскихъ народныхъ пѣсенъ. Тифлисъ. 1886 г. стр. 67, 16°.

Въ дополненіе къ тому, что сказано о грузинской поэзіи въ статьѣ о тушинахъ (Этногр. Обозр. II, стр. 55), указываемъ на эту книжечку, составляющую цѣнное пріобрѣтеніе для грузинской народной литературы. Пѣсни проникнуты дѣйствительно народнымъ духомъ, и потому передать ихъ точно по русски, не нарушивъ оригинальной прелести, невозможно. Вотъ, напримѣръ, содержаніе одного прекраснаго четверостишія: „жизнь человѣка, какъ бурное море, имѣетъ свои приливы и отливы; не разъ онъ встрѣтитъ мрачные дни: тогда-то онъ долженъ постоять мужественно въ борьбѣ съ житейскими невзгодами". Въ одной пѣснѣ фигурально проводится мысль о равноправности женщинъ съ мужчинами: „Порожденіе льва считается львомъ все равно, какого бы пола оно ни было". Значительная часть пѣсенъ посвящена воспѣванію гордой красавицы мохевки. Идеалъ ея подсказанъ условіями окружающей поэтической природы. Красавица должна быть высокаго, стройнаго роста, какъ чинаръ, съ румяными, какъ алое вино, ланитами, съ черными въ девять локоновъ волосами, съ черными сверкающими, какъ молнія, глазами; походка должна быть спокойная и мѣрная. Сверхъ физической красоты народъ предъявляетъ и нравственныя требованія къ горской женщинѣ: она должна быть строго-воздержанной отъ соблазновъ, вѣрной женой, должна уклоняться отъ сплетень и излишней развязности; застѣнчивость и скромность, внимательность и любезность довершаютъ идеалъ красавицы. Читая эту книжку величиной не больше карманнаго календаря, приходится удивляться игривости и легкости стиха, богатству риѳмы, остроумнымъ, находчивымъ антитезамъ и сравненіямъ. Здѣсь сказывается врожденная способность грузинскаго

*) О пшавахъ. Сбор. матер. по этнографіи подъ ред В. Ѳ. Миллера, вып. III.

Digitized by Google

народа, воспитаннаго подъ обаяніемъ величественной чарующей природы Грузіи, создавъ неподражаемые, полные, художественные образцы, цѣльныя поэтическія картины. *А. Хах—въ.*

Павелъ Чугуевецъ. 1) Малорусскія бытовыя пѣсни. Очерки изъ жизни провинціальнаго захолустья. 2) О русской народной культурѣ. Этнографическіе разсказы и замѣтки. Харьковъ. 1889.

Г. Чугуевецъ далъ своимъ брошюркамъ эти заманчивыя и туманныя заглавія кажется только для того, чтобы заинтриговать читателя и затѣмъ поражать его на каждой страницѣ сюрпризами, не имѣющими ничего общаго ни съ „русской народной культурой" и этнографіей вообще, ни съ „малорусскими бытовыми пѣснями" въ частности. Раскройте вы, напр. „Мал. быт. пѣсни". Прежде всего вамъ бросается въ глаза эпиграфъ изъ „Исторіи Заговора Катилины" „Салюстія" (Саллюстія?); затѣмъ авторъ говоритъ о фонарныхъ столбахъ въ его „богоспасаемомъ городкѣ, на всѣхъ парахъ бѣгущемъ по лѣстницѣ „культуры", „цивилизаціи" и „прогресса"; далѣе о концертахъ г. Карагеоргіевича, о Тяпкинѣ-Ляпкинѣ, о „дамахъ, пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ", о барышняхъ, „тявкающихъ на разбитыхъ клавикордахъ", о ротозѣяхъ, которые, „ковыряясь въ носу, вопреки правиламъ грамматики, утверждали, что..." и т. д., и т. д., и договаривается наконецъ до „народа въ его, съ позволенія сказать, простонародномъ смыслѣ слова".

Но г. Чугуевецъ—ученый человѣкъ; каждая страница его брошюрокъ доказываетъ всю необъятность его научныхъ интересовъ и свѣдѣній; г. Чугуевецъ выписываетъ изъ Тютчева и Зендъ-Авесты, Шевченка и Саллюстія, Гиббона и Пушкина, Шиллера и Тацита, Шекспира и г. Лесевича и т. д. и безпрестанно „выражается въ терминахъ" всевозможныхъ ученыхъ, поэтовъ, мыслителей.

Начавъ говорить подробнѣе о народныхъ пѣсняхъ, или („выражаясь, съ позволенія сказать, въ терминахъ г. Чугуевца") о „вполнѣ живой перукотворной поэзіи „святыхъ скотовъ", сирѣчь нашего народа", авторъ пишетъ: „въ глубокую старину, когда слагался нашъ (малорусскій) типичный патріархальный складъ народной жизни, въ самое ея первобытное время (sic), власть надъ чувствомъ и умомъ народа вдохновленныхъ самобытныхъ пѣсенъ, вырывавшихся изъ сердца свѣточей народной жизни, была существенна,—какъ указываютъ намъ нѣкоторыя историческія данныя. Такъ напримѣръ, мы знаемъ, по свидѣтельству Тацита, что въ первобытной Германіи народные барды оказывали вліяніе даже на форму правленія германскихъ племенъ (слѣдуютъ выписки изъ Гиббона). При этомъ не лишено будетъ интереса напомнить то удивленіе, которое высказы-

Digitized by Google

ваетъ Гиббонъ, стоя на точкѣ зрѣнія поклонника блестящаго періода цивилизаціи Римской Имперіи, предъ тѣмъ фактомъ, что у варваровъ придавали черезчуръ серьезное значеніе „любви къ поэзіи“ и т. д. (ib. 6—7). Какое отношеніе имѣютъ къ „самому первобытному времени“ малорусской народной жизни германскіе барды и пр.? Далѣе, какъ могъ дерзнуть г. Чугуевецъ, „выражаясь въ терминахъ Гиббона“, двусмысленно и скверно говорить о народномъ образованіи (97—8), отстаивать „ту форму суевѣрія, которая освящена временемъ и опытомъ“ (стр. 89)? Какъ можно было характеризовать бытовыя условія положенія женщины въ крестьянской семьѣ словами завѣдомо искусственныхъ и бродячихъ пѣсенъ (Мал. быт. пѣсни, стр. 22, 28—29, 33, 39, 45—7)? и т. д. Толкуя вкривь и вкось о порокахъ и недостаткахъ современной интеллигенціи, г. Чугуевецъ не замѣчаетъ того, что сами его не въ мѣру пошлыя, грязныя и развязно-невѣжественныя брошюрки, приправленныя нелѣпой и мишурной ученостью, самая возможность ихъ появленія въ свѣтъ—показатель очень грустный для нашего времени, и если мы сочли нужнымъ говорить здѣсь о брошюрахъ г. Чугуевца, то только потому, что этотъ авторъ вздумалъ сводить очень скверные личные и общественные счеты подъ прикрытіемъ этнографическихъ заглавій, чему, конечно, нужно было дать своевременный, мотивированный и возможно болѣе рѣзкій отпоръ. *В. В. К—ъ.*

II. Журналы.

Араксъ (2 раза въ годъ, изд. въ СПБ.).—№ 1. Въ этомъ номерѣ помѣщенъ рядъ любопытныхъ этнографическихъ очерковъ, посвященныхъ описанію быта и нравовъ армянъ, населяющихъ различные города Малой Азіи (въ особенности же Киликію). Тутъ же приведены образцы областныхъ нарѣчій и говоровъ нѣкоторыхъ мѣстностей и народныя пѣсни.

Armenia (изд. на венгерск. яз. въ Венгріи, въ г. Самоушварѣ, иначе Арисноподисѣ).—Февраль, мартъ. *Чиминарянъ.* Свадебные обычаи у армянъ.—Мартъ, апрѣль, іюнь. *Г.* Армяне въ Голландіи.—Апрѣль, май, іюнь. *Молнаріанъ.* Право лембергскихъ (львовскихъ) армянъ.—Апрѣль. *Копчаянъ.* Армянская свадьба въ Трансильваніи. *Пасмаджіанъ.* О цыганахъ.—Августъ. *Редакція.* Описаніе армянскихъ монастырей. Народныя суевѣрія у армянъ.—Октябрь. *Молнаріанъ.* Армяне въ Испагани. *Редакція.* Армянскіе музыканты въ Тегеранѣ.—Ноябрь. *Редакція.* Армянскія пословицы. *Х. С.* Армянская женщина.

Вѣстникъ Европы.—Сентябрь. *Реутскій.* Изувѣры («божьи люди»), окон.—*Пыпинъ.* Русское славяновѣдѣніе въ XIX ст. III. окон.

Digitized by Google

Рецензія на кн. „О географ. распредѣленіи роста", Д. Анучина. Рецензъ. на „Султаны Кенисара и Садыкъ" Ахмета Кенисарина.—Ноябрь. Рецензъ. на „Русскія древности въ памятникахъ искусства", изд. гр. Толстого и Кондакова, вып. 2. Древности скиѳо-сарматскія. —Декабрь. Рецен. на „Этнограф. Обозрѣніе", кн. 1 и 2. Рецен. на „Das arme Russland" Hermann Roskoschny (Ein Beitrag zur Kentniss der wirtschaftlichen Lage des Russischen Reiches), очерки положенія рабочаго городского и сельскаго класса, кустар. промышленности, женскаго и дѣтскаго труда и т. д.

Ежемѣсячное Обозрѣніе.—1, 3, 4. *Г.* Армянское право (переводъ ст. prof. Kohler'a: Das Recht der Armenier).—**2** *Г.* Армянская колонія въ Тріестѣ.—**10, 11** *Тюрянъ.* Бассейнъ рѣки Чороха.

Иверія. Іюль. Продолженіе статьи: „Вотъ исторія!" написанной въ отвѣтъ на „Письма о Грузіи", помѣщенныя въ „Сѣверномъ Вѣстн." въ 2 и 3 кн. 1889 г. Авторъ статьи „Вотъ исторія"! видно, хорошій знатокъ грузинскаго быта, отличается большой эрудиціей и критическимъ тактомъ. Пунктуально слѣдуя за содержаніемъ „писемъ о Грузіи", почтенный авторъ не оставилъ безъ вѣскаго возраженія, подкрѣпленнаго историческими фактами, ни одной фразы путающагося въ противорѣчіяхъ своего противника. Насъ могутъ интересовать, помимо критическаго разбора „писемъ о Грузіи", солидныя соображенія рецензента о первоначальной религіи грузинъ и современныхъ ее переживаніяхъ. Основываясь на разборѣ ванскихъ надписей, онъ склоненъ думать, что грузины почитали Тріаду-Армази, Гаци и Гайма, какъ это засвидѣтельствовано и относительно, напр., вавилонянъ (ихъ тріада—Ану, Эа и Бэлъ). Въ виду того, что авторъ, какъ слышно, самъ предполагаетъ перевести свои статьи на русскій языкъ, мы не излагаемъ ихъ, тѣмъ болѣе, что положительно нѣтъ возможности вырывать отдѣльные факты изъ этой ученой статьи, строго-логически написанной и основанной на цѣломъ рядѣ данныхъ изъ грузинской жизни въ связи съ исторіей.—Августъ. Археологическое и историческое описаніе Квирильскаго ущелья (Шаранск. уѣз., Кутаис. губ.), *К. Ѳ. Хускавадзе.* Авторъ описываетъ храмъ въ архитектурномъ отношеніи, приводитъ сохранившіяся надписи и толкуетъ ихъ въ связи съ историческими данными. Религіозныя вѣрованія пшавовъ и ихъ праздники, *Давида Хизанашвили.* Авторъ подробно останавливается на разборѣ культа Тамаръ-Мене, Копала, Адгилисъ—Деда и Лаша, приводитъ свѣдѣнія о способѣ предсказыванія и жреческихъ обязанностяхъ. Въ краткомъ обозрѣніи трудно передать всѣ интересныя данныя, какія собралъ Давидъ Хизанашвили. Скажу, что, по его мнѣнію, Копала—покровитель стада, Тамаръ-Мене—богиня, дарующая исцѣленіе больнымъ, Адгилисъ-Деда—это Церера, а Лаша богъ войны — Марсъ. Жрецы и предсказатели должны воздер-

Digitized by Google

живаться отъ прикосновенія къ женщинѣ во время родовъ, не ѣсть свинины, куриныхъ яицъ. Всѣ пшавскіе боги представляютъ собой обоготворенныхъ извѣстныхъ народной традиціи смертныхъ; такова: Копала, Яхсартъ, Пиркуши и др. Отмѣчены слѣды родовой организаціи, выражающейся въ дробленіи пшавовъ на 12 общинъ, изъ которыхъ каждая населена членами одного рода. На общихъ пшавскихъ праздникахъ родовая единица сохраняетъ за собою особый участокъ (саджаре), на которомъ лишь она располагается. Всѣ эти свѣдѣнія подкрѣплены народными пѣснями. Вообще—статья г. Хизанашвили имѣетъ значительную научную цѣнность. Сентябрь. Народное сказаніе о первомъ строителѣ мельницы Сайнгило (страна ингилойцевъ). Этнографическія письма *М. Джанашвили*. Г. Джанашвили, природный ингилоецъ, хорошо знакомъ съ нравами, обычаями и языкомъ своего народа. Ему принадлежатъ этнографическія статьи въ газ. „Дроэба". Въ „Иверіи" онъ описываетъ подробно обряды, связанные съ рожденіемъ ребенка, съ бракомъ и похоронами. Послѣ рожденія ребенка въ отдѣльной хатѣ, спеціально отведенной женѣ, какъ нечистой, на время разрѣшенія отъ бремени, родильницу караулятъ въ теченіе 40 дней женщины отъ навожденій злыхъ духовъ („али"). Во время трудныхъ родовъ мужъ стрѣляетъ изъ ружья. Если ребенка сглазили и онъ долго не засыпаетъ, продолжая плакать, то берутъ соли, обносятъ вокругъ головы и потомъ сыплютъ въ огонь. Бракъ совершается чрезъ посредство женщины—„мадчанкали", которая за свой трудъ получаетъ денежное или натуральное вознагражденіе. Браку предшествуетъ обрученіе и поднесеніе залога (нишани) со стороны жениха въ видѣ подарковъ вещами и деньгами. Чрезъ три мѣсяца послѣ брака тесть зоветъ къ себѣ зятя съ женой на торжественный пиръ. Когда родится первый ребенокъ, мать должна поднести подарокъ дочери. Въ гробъ умершему кладутъ въ лѣвую руку 10 коп., въ правую свѣчку. Вынося покойника изъ воротъ, ингилоецъ, имѣющій родителей въ живыхъ, становится спиной къ покойнику, бросаетъ въ его сторону камень и приговариваетъ: «не имѣй больше участія здѣсь». На другой день женщины опять собираются плакать надъ его платьемъ. Поминки (таблоба) устраиваются на третій, на седьмой день, Успенскимъ постомъ. Авторъ приводитъ въ заключеніе своей весьма любопытной статьи нѣсколько характерныхъ суевѣрій ингилойцевъ. Октябрь. Грузинская легенда о происхожденіи шелковичнаго червя, *Акакія Церетели*. Происхожденіе шелковичнаго червя грузинское сказаніе связываетъ съ преказой многострадальнаго ветхозавѣтнаго Іова. «Іовъ имѣлъ семь сыновей и трехъ дочерей солнцу подобныхъ. Въ одинъ день всѣ дѣти у него умерли. Но онъ все же не возропталъ на Бога. «Согрѣшилъ я, вѣрно, передъ Богомъ»,—говорилъ онъ со слезами на глазахъ женѣ: «Богъ далъ, Богъ и взялъ, да будетъ

Digitized by Google

благословенно Его имя!» Авторъ замѣтки привелъ это мѣсто въ стихахъ, а продолженіе только излагаетъ, такъ какъ онъ не помнитъ точно давно слышанной имъ легенды. Въ легендѣ описываются мученія Іова, какъ онъ сгнилъ и слѣлался жертвой насѣкомыхъ и червей. Богъ, считая его испытаніе достаточнымъ, отправилъ ангела къ нему съ тарелкой воды, которую онъ долженъ былъ вылить на страдальца. Ангелъ исполнилъ волю Бога: Іовъ исцѣлился, раны его зажили. Вода же, исцѣлившая его, была впитана облакомъ, чтобы во время засухи ея капли присоединялись къ дождю для оплодотворенія земли; гдѣ упадетъ капля этой «живой» воды, тамъ образуется цѣлебный источникъ. Великодушный Іовъ молилъ Бога не истреблять его мучителей—насѣкомыхъ, но даровать имъ благотворную для человѣка способность. Услышалъ Богъ его моленіе, и послѣ того по міру распространились полезныя твари: пчелы, пьявки и др. Тѣ черви, которые ползали по всему тѣлу Іова, превратились въ шелковичныхъ. Съ тѣхъ поръ они выпускаютъ изъ желудка нити, которыми желаютъ опоясать человѣка. Въ этомъ же № продолженіе статьи о религіи пшавовъ; новыхъ данныхъ нѣтъ.

Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien. т. XIX. *Г. Вейсбахъ* даетъ свѣдѣнія о физическомъ типѣ цыганъ, основанныя на измѣреніяхъ 52 субъектовъ. Хотя измѣренные г. Вейсбахомъ цыгане родомъ изъ Венгріи (39 субъектовъ) и Трансильваніи, тѣмъ не менѣе описаніе ихъ физическаго типа имѣетъ значеніе и для Россіи, какъ дополненіе къ немногимъ свѣдѣніямъ о внѣшности цыганъ, основаннымъ не на простомъ впечатлѣніи наблюдателя, а на точныхъ измѣреніяхъ бо́льшаго или меньшаго количества субъектовъ.

Мурчъ (Молотъ, изд. въ Тифлисѣ).—Апрѣль, май, іюль, сентябрь. *Л. Сарисянъ.* Поѣздка въ Турецкую Армению. Это—пространное и весьма талантливое описаніе путешествія, предпринятаго авторомъ въ концѣ 1888 г. въ Эрзерумъ, Гаомюшхане, Трапезондъ.—Іюнь, іюль, августъ. *С. Атратіанъ* «Шальной Карапетъ»—изъ нравовъ армянъ-католиковъ.

Revue d'Anthropologie. № 2. Lapons du Jardin d'acclimatisation—сообщаются свѣдѣнія о физическомъ типѣ лопарей (на основаніи измѣренія 20 субъектовъ).—**№ 3.** Les Lapons actuels.—Краткія свѣдѣнія изъ сообщеній о лопаряхъ *Г. Стормса* (въ Шведскомъ Общ. Антропологіи) и г. *Островскаго* (въ И. Р. Географ. Общ.). Свѣдѣнія касаются численности лопарей, ихъ разселенія, занятій и т. п.—**№ 5.** Weisbach. Les Tsiganes, изъ Mittheilungen d. anthropolog. Gesell. in Wien. t. XIX.

Reveu d'Ethnographie. VIII. **№ 2.** *Ch. Rabot: Les Ostiaques, les Samoyédes et les Ziriens d'après les travaux de M. Sommier.*

Digitized by Google

Статья заключаетъ въ себѣ изложеніе двухъ трудовъ Соммьѐ [Un estate in Siberia (1885 г.) и Sirieni, Ostiacchi e Samoiedi dell Ob (1887 г.)], касающихся остяковъ, самоѣдовъ и зырянъ. Послѣ краткаго очерка исторіи остяковъ приводятся свѣдѣнія о жилищахъ, одеждѣ, вѣрованіяхъ, свадьбѣ, похоронахъ остяковъ, а также о ихъ занятіяхъ (рыболовствѣ, охотѣ) и объ орудіяхъ, употребляемыхъ ими при рыбной ловлѣ и охотѣ. О самоѣдахъ и зырянахъ даются лишь краткія свѣдѣнія объ ихъ исторіи и бытѣ. Статья иллюстрирована девятнадцатью рисунками предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ быту данныхъ народностей.

Русская Мысль.—Сентябрь: Рецен. на «Жизнь европейскихъ народовъ» Водовозовой. Рецен. на «Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи» в. I. Подъ редак. Н. Н. Харузина, изъ Изв. И. О. Л. Е., А. и Э.—Рецен. на «Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich» Adalberga. Odbitka próbna. Warsz.—Октябрь. Рецен. на «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазов. у.» (Вятской губ.) Первухина. Вып. II и III. Рецен. на «Pokucie. Obraz etnograficzny» O. Kolberg'a. T. III.—Ноябрь. Рецен. на «Русскія древности въ памятникахъ искусства», изд. гр. Толстаго и Кондакова. Вып. I и II.

Сѣверный Вѣстникъ.—Октябрь. *Н. Д.* Письма изъ Грузіи. Продолж. *М. Г—ъ*: Міусскіе хохлы на границѣ Китая. — Рец. на «Pokucie, obraz etnograficzny» O. Kolberga (Краковъ), т. 3.—Ноябрь. *Андреевъ*: Областныя замѣтки—III. Народное мышленіе *Пазъ*: Очерки сибирской жизни. Женское царство. Рецен. на Изв. Им. Об. Люб. Естеств. Ант. и Этногр. Труды антр. отд. т. X. Киргизы Букеевской Орды, А. Харузина.—Декабрь. *Ѳ. Ѳ.* Куряне. Дорожныя замѣтки. Авторъ описываетъ свою поѣздку по нѣкотор. деревнямъ Курской губ., во время которой онъ успѣлъ познакомиться съ формой владѣнія землей.

Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, сентябрь. *П. Свѣтловъ*. Манна небесная (по Wigoroux).

Юридическій Вѣстникъ: Октябрь *И. Рева*: Курьезъ волостнаго суда. Замѣтка И. Рева посвящена изложенію рѣшенія л—скаго волостного суда, по которому опредѣляется фактическій разводъ супруговъ. Мужа, по опредѣленію и на счетъ общества, за воровство отправляютъ въ Сибирь. Жена указываетъ на дурное обращеніе съ ней мужа, его пьянство, нерадѣніе къ хозяйству и т. д. и проситъ судъ въ виду этого дозволить ей не слѣдовать за мужемъ въ Сибирь, и присудить ей часть изъ имущества мужа на содержаніе трехъ ея малолѣтнихъ дѣтей. Судъ приговариваетъ: истицу «оставить на своемъ мѣстѣжительствѣ, а для содержанія ея съ дѣтьми опредѣлено ей имущество мужа».

Digitized by Google

III: Газеты.

Акмолинскія Обл. В.—35. Какъ выросъ табакъ (народн. сказаніе въ Моршан. уѣздѣ). Табакъ, по этому сказанію, найденъ былъ впервые на бугрѣ, наваленномъ на могилѣ одной блудницы. Отецъ, узнавъ объ ея безнравственной жизни, закопалъ ее живою въ землю; изъ чрева ея и выросъ табакъ.—Отзывъ о кн. «Султаны Кенисары и Садыкъ».—Замѣтка о докладахъ А. А. Ивановскаго въ ученыхъ обществахъ Москвы.—**40.** Путешествіе по Китаю А. А. Ивановскаго.—**43.** *М. Розенгартъ.* Взглядъ народа на медицину (по его пословицамъ и поговоркамъ). — См. ниже прибавленіе къ Акм. Обл. В.: «Киргизская газета».

Архангельскія Г. В.—67. Некрологъ Г. О. Минейко, — **71** ст. *Н. Пругавина* «Памяти Г. О. Минейко»—некрологъ мѣстнаго труженика Г. О. Минейко, 25 лѣтъ состоявшаго товарищемъ Предсѣдателя Архангельскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Главные труды его: «Сельская поземельная община въ Архангельской губерніи», и «Статистическое описаніе сельскаго населенія и его промышленности въ Архангельской губерніи».—**78, 79, 80** и **81** «Съ Кандалакскаго залива» содержитъ описаніе деревень этого земства, быта его обывателей, ихъ хозяйства, промысловъ, наружнаго вида жителей, ихъ одежды и характера.

Арцаганкъ (Эхо, изд. еженед. въ Тифлисѣ),—**5, 6** *П. Прошіанъ* Нравы турецкихъ гаремовъ. **35, 36, 39, 40** *Н. Караміанъ.* Путевые очерки (Батумъ, Трапезондъ, Константинополь)—**37, 38, 39** *П. Бепуріанъ* «Недѣля въ одномъ монастырѣ»—описаніе древ. армян. храма XI в., Хцконкъ, называемаго теперь Бешъ—Килисе, т. е. пять церквей.—**41** *Свящ. Аханіанъ.* Положеніе индійскихъ армянъ.—Отчетъ о рефератѣ д-ра *Пантюхова* въ засѣд. Кавк. Медиц. Общ.: «О ростѣ у нѣкот. народовъ въ закавказскомъ краѣ».

Бессарабскія Г. В.—99. Кучумово городище близъ Тобольска (изъ М. В.).—**106.** Самосудъ надъ растратившимъ мірскія деньги «кассерщикомъ» въ Михайловской волости, Александрійскаго уѣзда. (изъ Мин.)—**110.** Сообщеніе о магометанской сектѣ «аллаховъ», признающей Али богомъ и не соблюдающей никакихъ магометанскихъ религіозныхъ обрядовъ (Джебраильскій у.) (изъ Мин.)—**113.** Замѣтка о брошюрѣ Л. Б. Вейнберга «Распространеніе христіанства на Украйнѣ» (изъ Пр. В.)—**115** Древность строительнаго искусства у Китайцевъ (изъ Пр. В.)—**122.** Расправа съ конокрадомъ въ Грайворонскомъ у. Сначала конокрада по обыкновенію били, но такъ какъ онъ не сознавался, то крестьяне порѣшили отрубить ему обѣ руки и отпустить. Принесли топоръ, но въ это время нѣкоторые передумали и посовѣтовали другое средство, взяли подосокъ (же-

Digitized by Google

лѣзная полоса, прикрѣпляющаяся къ низу оси, чтобы послѣдняя менѣе стиралась), раскалили его докрасна на огнѣ и начали жечь вору подошвы ногъ. Пытка продолжалась, пока несчастный едва живой, не назвалъ своего сообщника (изъ Мин.).

Виленскій Вѣстникъ.—121. «Археол. изслѣдованія о могильныхъ древностяхъ Сѣв.-зап. края». Краткія свѣдѣнія объ исторіи образованія Имп. Археол. Комиссіи (въ 1859), работы Н. П. Авенаріуса въ Гродн. и Ломжин. губ. 1888 г., Э. А. Вольтера въ Вилен. и Ковенской, проф. Завитневича—въ Минской губ.—«Этнографія сѣв.-зап. Россіи». Перечень новыхъ этногр. матеріаловъ, поступившихъ въ послѣднее время въ распоряженіе И. Р. Геогр. Общества за 1888 г. (см. ниже «Извѣстія»).—**123.** «Изученіе семейнаго быта жемайто-литовскаго народа». Отзывъ о статьѣ г. Вольтера, напеч. подъ этимъ заглавіемъ въ Пам. кн. Ковенск. губ. Статья содержитъ данныя по этому вопросу, извлеченныя изъ рукописныхъ матеріаловъ Геогр. Общества, и программу для собиранія дополнительныхъ свѣдѣній. *Э. Вольтеръ.* «Виленскій музей древностей». Указывая на важность этого музея, авторъ говоритъ о необходимости его изученія и научнаго описанія.—**126.** Обзоръ дѣятельности губ. статистич. комитетовъ с.-зап. края «въ пользу» мѣстной археологіи.—**133.** Замѣтка о статьѣ Э. Вольтера: «Предварит. отчетъ объ этногр. поѣздкахъ по Литвѣ и Жмуди въ 1884—86 гг. напеч. въ XXIV т. «Извѣстій» И. Р. Географ. Общ.—**157, 163** *М. З.* «Новости бѣлорусской науки». По поводу изслѣд. акад. А. Н. Веселовскаго: «Изъ исторіи романа и повѣсти», вып. II, 1888, въ которомъ указаны бѣлорусскія редакціи нѣкоторыхъ старинныхъ повѣстей (Тристанъ, Бова, Аттила). —**159** *А Сементовскій.* Группа древнихъ (Руднянскихъ) кургановъ на берегу р. Ушача въ Полоцк. уѣз., открытая авторомъ. Въ концѣ статьи г. Сементовскій сообщаетъ о приготовляемомъ имъ къ VIII археологическому съѣзду (въ Москвѣ 8—24 янв.) своемъ изслѣдованіи «Бѣлорусскія древности».—**160.** *М. З.* «Новости бѣлор. науки». Разборъ Сборника бѣлор. пѣсень г-жи Радченко, о которомъ отзывъ помѣщенъ нами во II кн. «Этн. Обозр.».—«Прусскіе Литовцы». Онѣмеченіе ихъ (по статьѣ, помѣщ. въ прусской «Газетѣ Прусскихъ Учителей») и усилія обществъ «Бирута» и «Товарищества литовской интеллигенціи» (издающаго газ. Varpas, Звонъ) поддержать неприкосновенность литовской національности и расширить ее объединеніемъ силъ прусскихъ и русскихъ литовцевъ.—**165** Замѣтка о «Программѣ для собиранія народн. юридич. обычаевъ», изд. Геогр. Обществомъ. Приведено предисловіе, при чемъ редакція добавляетъ отъ себя: 1) что по изслѣдованію с.-зап. края слѣдуетъ руководствоваться пріемами, примѣненными секретаремъ Ковенск. стат. комитета К. С. Гуковскимъ и спеціальными программами г. Вольтера «какъ по семейному

Digitized by Google

быту, такъ и по юридическимъ понятіямъ жемайто-литовск. народа (см. Пам. Книжки Ковенс. губ. послѣднихъ годовъ); 2) что «при изученіи правовыхъ воззрѣній, обыкновеній и вообще обычнаго права с.-з. Россіи необходимо обращать особое вниманіе а) на вліяніе на крестьянъ шляхетской среды, б) на соотношеніе крестьянскаго судопроизводства къ еврейскому населенію, т. к. евреи-кабатчики и евреи-стойкодержатели безъ сомнѣнія на волостные суды имѣютъ громадное вліяніе".—**168**. „Раскопки Э. А. Вольтера" (въ Лидск. и Трокск. у. Вил. г.). Въ заключеніи описанія раскопокъ и найденныхъ вещей сообщено, что г. Вольтеръ занятъ приготовленіемъ къ изданію Инфлянтскаго сборника и литовско-русскаго словаря, а также обработкою матеріаловъ по статистикѣ и археологіи Литвы.—**171**. Въ статьѣ „Вильна и Минскъ" дается краткая сравнительная характеристика мѣстнаго общества, сословныхъ и національныхъ отношеній.—**177**. Замѣтка о печатающейся при министерствѣ внутр. дѣлъ книгѣ „Бѣлоруссія и Литва", подъ ред. П. Н. Батюшкова, издавшаго уже „Волынь" и „Холмскую Русь".—**183**. „Капля любви", волынск. легенда. —**194**. Перепеч. изъ „Одес. Листка" бесѣда херсонск. архіеп. Никанора: „Въ защиту Библіи", по поводу статьи въ одной изъ одес. газетъ (года два назадъ), обвинявшей законъ Моисея въ крайней жестокости къ не-евреямъ и исключительности въ пользу ихъ. Здѣсь говорится между прочимъ о воспитаніи дѣтей у евреевъ и о ихъ современныхъ учителяхъ—меламедахъ, о чемъ см. статью въ № 187 Вил. В.—„Для чего Богъ посылаетъ громъ?" (перепеч. изъ „Одес. Л."). Разсказъ старика о томъ, какъ на его глазахъ убило громомъ чорта, пріютившагося близъ него въ видѣ звѣрька. По мнѣнію разсказчика Богъ призываетъ къ себѣ тѣхъ чертей, которые слишкомъ много надѣлали зла, посылаетъ ихъ на землю и велитъ въ нихъ стрѣлять громомъ, а для того, чтобы виднѣе было, гдѣ они прячутся, освѣщаетъ молніею. Душа человѣка, случайно убитаго при этомъ громомъ, идетъ прямо въ рай; однако лучше перекреститься, чтобы отогнать отъ себя нечистаго и спастись отъ удара грома, потому что, по мнѣнію старика, хоть въ раю и хорошо, однако никому не охота идти туда раньше времени.—**197**. „Изъ міра народныхъ преданій и обычаевъ". Извлеч. изъ статей Генр. Гедоза, издателя „Melusine", о самоубійцахъ. — **206**. „Поѣздка турійскаго цадика". Рѣчь идетъ вообще о значеніи цадиковъ въ еврейскомъ быту и дается характеристика одного изъ нихъ, проживавшаго въ м. Туринѣ Волынск. г.—„На смертной казни въ Китаѣ", перепечатка статьи г. А. Ивановскаго изъ „Рус. Вѣд."—**207**. „Семейные участки", по статьѣ К. П. Побѣдоносцева въ Рус. Вѣстн. (сент.).—**222**. *М. З.* Библіогр. статья объ „Актахъ, относящ къ исторіи южн. и зап. Россіи, собран. и изд. Археографич. Коммиссіей", т. XIV, доп. къ т. III,

Digitized by Google

СПБ. 1889 г.—**223**. *Ѳ. Покровскій*. Археологич. находки (при раскопкѣ кургановъ), пожертвованныя А. С. Пріѣзжевою въ Вилен. музей древностей изъ Динаб. уѣз., им. Людвиково (Ступонинск. кладбище) и изъ имѣнія Румоны.—**230**. „Историческій архивъ виленской р.-католич. консисторіи". Громадный матеріалъ этого архива поступилъ въ вѣдѣніе вилен. археогр. коммиссіи и уже систематизированъ.—**232, 234**. *М. З.* Библіогр.: „Помѣстное право въ эпоху Литовско-рус. государства", М. Владимірскаго - Буданова, Кіевъ 1889.

Виленскія Г. В.—**78**. Результаты раскопокъ, произведенныхъ лѣтомъ 1889 г. Э. А. Вольтеромъ въ Лидскомъ и Трокскомъ уѣз. Вилен. губ. (Правит. Вѣстн.).

Владивостокъ,—**1—10**. *В. К—ъ* Поѣздка въ Хунчунь (о китайцахъ).—**23—25**. *М. Я.* Къ вопросу о палахъ и корейцахъ въ Посьетскомъ участкѣ.—**29**. Въ корресп. изъ поста св. Ольги сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ охотѣ крестьянъ на оленей, изюбровъ, тигровъ, медвѣдей и кабановъ.—**32** *Ироновъ*. Библ. замѣтка о кн. «Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири», дѣйств. члена и корресп. учен. обществъ А. И. Розова.—**37**. *М. Ироновъ*. Слово объ экономическомъ состояніи ссыльно поселенцевъ.

Владимірскія Г. В.—**36**. Описаніе храма св. Спаса въ Шуѣ *Н. Миловскаго* (оконч.)—**38—44**. *Н. Добрынкинъ*, Отхожіе промыслы въ Муромскомъ у. (окон.).

Восточное Обозрѣніе,—**28**. Судьбы киргизскаго народа.—**29**. Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ «Этнограф. Обозрѣнія». Замѣтка о докладахъ А. А. Ивановскаго въ Общ. Люб. Ест., Антроп. и Этн., Моск. Археол. Общ. и Общ. Аккл. Жив. и Раст. Здѣсь-же сообщено, что *И. Е. Шавровымъ* составленъ «Библіографическій указатель къ этнографіи сибирскихъ инородцевъ», который будетъ напечатанъ въ «Зап. Сиб. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.»—**33**. Изученіе быта бурятъ.—**35**. *Н. Я.* Путевыя картины Монголіи.—**36**. Въ ст. «Покровители животныхъ» сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія объ общественныхъ и частныхъ жертвоприношеніяхъ бурятъ. — *Н. Я.* Сибиряки на границѣ Монголіи (изъ путевыхъ писемъ).—**40**. *П. Г.* Джорджъ Кеннанъ на Гусиномъ озерѣ (изъ «The Century Illustrated Monthly Magazine, March 1889»): посѣщеніе Кеннаномъ хамба-ламы, кумирня, богослуженіе, «танецъ бурхановъ» и пр.—Библіограф. замѣтка о I томѣ «Записокъ Общества изученія Амурскаго края».—**41**. *П. Г—въ*. Библіограф. замѣтка о трудѣ *П. Буцинскаго* «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ», Харьковъ, 1889 г.—**42**. Одна изъ задачъ Вост.-Сибир. Отд. Географ. Общ.—изслѣдованіе Амурскаго прибережья. *М. З.* Деревенскія письма (нѣчто о народныхъ суевѣріяхъ).—**42—43**. Кустарные промыслы Томской губерніи.—**43**. *Н. Я.*

Digitized by Google

Искусство въ Сибири. *А. Буйвидъ*. Манза.—**44**. *Даурскій*. Ангарщина, замѣтка о байкальскихъ рыбопромышленникахъ. Отчетъ о засѣданіи Вост. Сиб. Отд. Рус. Геогр. Общ., 19 окт.. на которомъ были сдѣланы доклады: 1) г. Волошиновымъ—о результатахъ произведенной имъ развѣдки сѣвер. направленія сибир. желѣз.-дорожной линіи, 2) отчетъ правителя дѣлъ Г. Н. Потанина о лѣтней дѣятельности отдѣла и 3) Предварительный отчетъ Н. М. Ядринцева объ экспедиціи въ Монголію.—**45**. Забытое племя,—выдержки изъ статьи С. Швецова „Очерки Сургутскаго края", помѣщенной въ X кн. Записокъ Зап.-Сиб. Отд. Географ. Общ.

Вятскія Г. В. — 71, 73, 75, 76, 77, 79. *Н. Первухинъ*. Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго у. Эскизъ V. Слѣды языческой древности въ суевѣрныхъ обрядахъ обыденной жизни вотяковъ отъ колыбели до могилы (прод.)—Авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопросовъ, касающихся вступленія въ бракъ и свадебныхъ обрядовъ. Указывая качества, желательныя вотяку въ невѣстѣ, вводимой въ семью, г. Первухинъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что «въ настоящее время взгляды на дѣвственность дѣлаются съ каждымъ годомъ строже, да и самыя понятія о красотѣ у вотяковъ замѣтно развиваются», чего не было въ прежнее время. Вопросъ о внѣшности жениха, несмотря на то, что у вотяковъ существуетъ опредѣленный типъ мужской красоты, не принимается во вниманіе. Обыкновенно предпочитаютъ отдавать невѣстъ въ семьи, управляемыя стариками, такъ какъ раздѣлъ этихъ семей считается менѣе возможнымъ. Разсказывая о приготовленіи приданаго, авторъ даетъ нѣсколько свѣдѣній объ имущественныхъ отношеніяхъ членовъ вотяцкой семьи. Обзоръ предметовъ, входящихъ въ составъ приданаго, сообщаетъ данныя о вкусахъ и искусствѣ Глазовскихъ вотяковъ.—**75**. Приготовленіе арьяна у вотяковъ Глазовскаго у. Арьянъ—напитокъ, приготовляемый изъ коровьяго молока (изъ „Прав. Вѣст." № 100). —**77**. Нѣсколько старинныхъ и иныхъ грамотъ.—**78**. Отчетъ о рефератѣ д. чл. Казан. Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи И. Н. Смирнова: Очеркъ исторіи Вотяковъ.—**85—88**. Мѣстности Глазовскаго у., замѣчательныя въ археологич. отношеніи.—**80**. Библіограф. замѣтки о соч. проф. Смирнова „Черемисы", г. Веске „Нарѣчія Черемисскаго языка", г. Богаевскаго „Замѣтки о юридич. бытѣ Сарапульскихъ крестьянъ".

Екатеринбургская Недѣля.—25. Сообщеніе о поѣздкѣ г. *Петри* въ киргизскія степи, гдѣ ему было поручено произвести научныя изслѣдованія и ознакомиться съ условіями жизни киргизовъ.—Близъ с. Воскресенскаго (выше Саратова по Волгѣ), найденъ мѣстными жителями (старообрядцами) кладъ, заключающійся въ громадномъ сундукѣ съ какою-то надписью славянскими буквами; въ сундукѣ было множе-

Digitized by Google

ство золотыхъ и серебряныхъ монетъ и разныхъ цѣнныхъ украшеній, вѣсомъ всего около 800 пуд.—**26**. Образованіе комитета помощи кустарному дѣлу въ Верхотурскомъ уѣздѣ.—Въ корреспонденціи изъ Нязеостровскаго завода Красноуфимскаго у. описывается въ общихъ чертахъ бытъ башкиръ и взаимныя ихъ отношенія съ крестьянами.—„Сборникъ Пермскаго земства" № 4, 1889. Въ сборникѣ между прочимъ, помѣщены отчетъ г. Колосова о продажѣ на Ирбитской ярмаркѣ 1889 г. кустарныхъ издѣлій, статья г. Астафьева „Народно-образовательное дѣло въ Камышловскомъ у. за послѣднее пятилѣтіе".—„Двадцать пять лѣтъ назадъ" (воспоминанія изъ жизни въ одномъ изъ пріуральскихъ заводовъ) *А. К—ва* (начало). „Воспоминанія", по замѣчанію редакціи, служатъ продолженіемъ сочиненія „Недавнее прошлое", печатавшагося въ Отечественныхъ Запискахъ въ 76 и 77 гг.—**28**. Открытіе въ Петербургѣ склада издѣлій уральскихъ кустарей. -Изъ практики волостного суда Нижнетурьинской волости Верхотурскаго уѣзда.—**29**. Исторія народнаго образованія въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ (I) *М. Б—ова*.—**30**. Изъ недавняго прошлаго Башкиріи (по поводу книги Н. В. Ремезова „Очерки изъ жизни дикой Башкиріи". Авторъ г. *Д. Н.*, пользуясь вторымъ изданіемъ книги г. Ремезова, знакомитъ читателей съ исторіей расхищенія башкирскихъ земель.—*М. Б—овъ*. Исторія народнаго образованія въ Екатеринбургскомъ у.—Помѣщены „Записки уральскаго Общества Любителей Естествознанія" (стр. 57—60). Особенно интересны отдѣлы: первый, гдѣ помѣщена таблица съ краткимъ описаніемъ башкирскихъ череповъ, найденныхъ при раскопкахъ могилъ Екатеринбургскаго уѣзда (24 черепа), и третій, гдѣ помѣщены слова, пословицы, поговорки, примѣты, записанныя въ Пермскомъ у. дѣств. чл. Ѳ. Н. Панаевымъ.—**31**. *Мих. Б—въ*. Положеніе переселенцевъ въ Сибири. Авторъ группируетъ газетныя сообщенія за это лѣто о безпомощномъ положеніи переселенцевъ въ Томскѣ. Къ изученію Пермской губерніи. Журналы Чердынскаго у. земскаго собранія XIX очередной сессіи; доклады управы и коммиссіи и т. п. за 1888 г. Пермь 1889. Журналы XIX очереднаго Ирбитскаго у. земскаго собранія съ отчетомъ и докладами управы и другими приложеніями за 1888 г. Ирбитъ 1889 г. *Д. Сибирякъ*. Старая Пермь (В. Евр. 1889 г. № 7). (Авторъ замѣтки на первыхъ двухъ трудахъ не останавливается).—**32**. Записки Уральскаго Общества Любителей Естествознанія (стр. 61—64). Матеріалы, собранные г. *Панаевымъ* въ Пермской губ. Примѣта: пока черныя пятнышки съ ушей зайца не сойдутъ, бабамъ надъ мужиками не суживать (о старшинствѣ въ семействахъ). Интересны также пѣсни, распадающіяся на чисто народныя и занесенныя изъ городовъ и фабричныхъ центровъ.—**35**. Библіографическая замѣтка. Записки Уральскаго Общ. Любителей Естествознанія т.

Digitized by Google

X вып. 3-й, т. XI вып. 1-й и 2-й. Между прочимъ помѣщены въ этихъ выпускахъ матеріалы о Сибирско-Уральской выставкѣ 1887 г. и слѣд. статьи: *М. В. Малахова*. „О доисторическихъ эпохахъ на Уралѣ (съ 2-мя черт.). и „Замѣтка о Кашинскомъ чудскомъ городищѣ". —*Ю. Ѳ. Гебауеръ*. Сообщеніе о вышедшей во Флоренціи книгѣ извѣстнаго по Уралу путешественника Ст. Сонье: „Note di viaggio"; въ ней авторъ излагаетъ свои антропологическія и этнографическія наблюденія надъ инородцами, видѣнными имъ при путешествіи на Сибирско-Уральскую выставку 1887 г. въ Екатеринбургъ и по Волгѣ. Книга снабжена рисунками и фототипіями типовъ черемисъ, мордвы, калмыковъ и предметовъ ихъ обстановки и одежды. — **36**. Сообщеніе о засѣданіи Уральскаго Общества Любителей Естествознанія 2 сент. Дѣйств. чл. общества г. *Шешинымъ* составленъ словарь вогульскаго языка, который по постановленію собранія, будетъ изданъ на счетъ Общества.—„За лѣтніе мѣсяцы поступило въ музей множество коллекцій, дающихъ въ общей сложности около 1400 предметовъ. Между прочимъ около 600 предметовъ, добытыхъ путемъ спеціальныхъ раскопокъ разныхъ лицъ въ Екатеринбургскомъ, Камышловскомъ и Ирбитскомъ уѣздахъ (кости, кремневыя орудія, глиняные черепки, металлическія вещи); коллекція предметовъ китайскаго быта 64 экз.". Библіографическая замѣтка о сельскомъ календарѣ на 1890 г., Я. Абрамова.—**37**. Сообщеніе о принесеніи въ даръ И. Г. Гадаловымъ археологической коллекціи, собранной въ Енисейскѣ г. Бойменгомъ, Томскому Университету.—**39**. Библіографическая замѣтка о „Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества". Кн. X, Омскъ, 1889 г. Изъ перечисляемыхъ статей отмѣтимъ слѣд.: *фонъ-Герна* „Поѣздка на рѣку Чу", *Закржевскаго* „Краткій очеркъ Барлыкской горной страны", *Швецова* о Сургутскомъ краѣ (топографія г. Сургута Тобольской губ., занятія, экономическое положеніе послѣдняго, культурное развитіе и нравы сургутянъ). Авторъ замѣтки г. *Л. Ж.* весьма сочувственно отзывается объ этомъ изданіи, какъ относительно полноты помѣщенныхъ свѣдѣній, такъ и внѣшности и тщательности его,—**41**. Въ засѣданіи Уральскаго Общ. Любит. Естествознанія 7-го окт. дѣйств. чл. *И. Г. Отроумовъ* сдѣлалъ сообщеніе о курганахъ восточной части Ирбитскаго у , осмотрѣнныхъ имъ лѣтомъ текущаго года, при чемъ одинъ курганъ докладчикомъ раскопанъ.—г. *О.* сообщаетъ о VII выпускѣ „Трудовъ финско-угорскаго общества въ Гельсингфорсѣ. Въ выпускѣ помѣщена работа *Dr. Arvid Cenevs*'а о восточно-черемисскомъ нарѣчіи,—результатомъ поѣздки автора въ 1887 г. на Сибирско-Уральскую выставку и въ Красноуфимскій уѣздъ, гдѣ въ черемисскомъ поселеніи Нижнемъ Потамѣ онъ прожилъ съ товарищемъ по путешествію, студентомъ A. F. Ringvall, три мѣсяца.

Digitized by Google

Въ запискахъ Уральскаго Общ. Любит. Естествознанія, приложенныхъ къ № 41—45 газеты, помѣщено начало статьи *А. А. Дмитріева* „Народное творчество въ Билимбаевскомъ заводѣ Екатеринбургскаго у. Пермской губерніи“ (стр. 1—4). Сдѣлавъ краткій обзоръ трудовъ мѣстныхъ уральскихъ собирателей народнаго слова, авторъ, подробно останавливается на вновь издаваемыхъ пѣсняхъ и стихахъ, записанныхъ въ Билимбаевскомъ заводѣ крестьяниномъ грамотѣемъ *Петромъ Андр. Шилковымъ*. Шилковъ въ 1880 г. сдѣлалъ первое сообщеніе въ редакцію Пермскихъ Губ. Вѣдомостей 1) о суевѣріяхъ и заговорахъ (№ 85 1880 г.), 2) «Въ области суевѣрій и предразсудковъ» (ibid. № 92, 94, 96), 3) «О суевѣріи населенія Екатеринбургскаго уѣзда» (П. Г. В. 1883 № 23). Въ 1888 г. Шилковъ доставилъ въ Уральское общество рукописный сборникъ, который и поручено обществомъ г. Дмитріеву приготовить къ печати. Этнографическая часть сборника распадается на три отдѣла: а) преданія и легенды, б) духовные стихи и в) хороводныя пѣсни. Наибольшій интересъ, по словамъ г. Дмитріева представляютъ духовные стихи и хороводныя пѣсни Билимбаевскаго завода. Всѣ эти стихи и пѣсни либо совсѣмъ неизвѣстны въ печати, либо представляютъ любопытные варіанты напечатанныхъ раньше». Здѣсь помѣщены слѣд. духовные стихи Билимбаевскаго завода: 1) Прославленіе святаго имени (этотъ стихъ былъ помѣщенъ въ сборникѣ г. *Безсонова* «Калѣки перехожіе» (т. 1. стр. 1—2) и въ «Матеріалахъ для Этнографіи Закамья» *Вологдина* (въ Перм. Губ. Вѣд. 63 г. № 36—40; 42—44, 50—52; 1864 г. №№ 1—3, 46, 48, 50—52) подъ заглавіемъ «Вознесеніе», («Ив. Богословъ»). Время, говоритъ г. Дмитріевъ, оказало въ данномъ случаѣ неблагопріятное вліяніе, и билимбаевцы позабыли нѣкоторыя подробности, особенно конецъ этого духовнаго стиха; но зато тутъ есть дополненія, отсутствующія въ прежней редакціи. 2) а, «Хожденіе Святой Дѣвы», б, «Слава Царю Небесному». Авторъ подробно останавливается на сравненіи записанныхъ Шилковымъ варіантовъ этихъ духовныхъ стиховъ съ прежними редакціями ихъ, помѣщенными у *Безсонова*.—Кавказская легенда (изъ Нов. Обозр.).

Екатеринославскія Г. В.—44. *Г. Я.* Къ вопросу о земледѣльческой метеорологіи (о народныхъ примѣтахъ).—**45.** *П. Сивковъ*. Горная пещера близъ Кунгура. Краткое резюме реферата о вогулахъ, читаннаго въ засѣд. Урал. Общ. Люб. Ест. И. Г. Остро. умовымъ. — **66, 69 и 70** Нѣсколько чертъ быта Днѣпровскихъ лоцмановъ (изъ «К. Ст.») и сообщеніе о лекціяхъ г. *Эварницкаго*: «Развитіе археологіи въ Россіи и результаты раскопокъ кургановъ въ Новороссіи и преимущ. въ Екатерин. губ.»—**70.** Варіантъ пѣсни о Кармелюкѣ, записанный въ Новомосков. у. г. *Манжурой*

Digitized by Google

Этотъ варіантъ въ немногихъ, но достаточно мѣткихъ, чертахъ рисуетъ Кармелюка или иначе Карманюку, какъ героя—ловеласа.—**74** и **80**. *В. Т. Скрыльниковъ* Очеркъ подгородней мѣстности.—**76** *Д. И. Эварницкій* «О каменныхъ бабахъ» (изъ «Од. Л.»)—**77** Указаніе, что эта статья есть отрывокъ вышеупомянутыхъ лекцій г. Эварницкаго.—**81**. Корресп. изъ с. Конскіе-Раздоры, Александр. у., объ отношеніи жены къ мужу въ крестьянской средѣ.—**87**. *Левко* «Погоня за землей» (изъ «Ел. В.»)—**89**· Корреспонд. изъ Новомосков. у. о смертной казни за кражу пчелъ (преданіе).

Забайкальскія Обл. В.—34. Въ прибавленіи къ неоф. части помѣщена ст. «Двухсотлѣтіе Нерчинскаго трактата».

Кавказъ—213. 214, 219 221. «Сиронозіани» на грузин. языкѣ *Иверишвили*. Содержаніе этой поэмы заключается въ разсказѣ о царѣ Ардапѣ или Арчаспѣ. Авторъ доказываетъ, что поэма переведена съ персидскаго и относится къ циклу сказаній Шахъ-Намэ.

Казанскія Г. В.—78, 86, 98, 120, 128. Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губ. съ краткимъ ихъ описаніемъ (начало этихъ статей въ 88 г., 99, 105, 126, 129 и 132).—**121**. О кольцахъ монетахъ найденныхъ де-Морганомъ въ Арменіи, бывшихъ мѣрами вѣса въ Ассиріи (изъ «Прав. В.», 210).—**126**. Антропологич. измѣренія 2 тысячъ дѣтей великорусскаго племени. Отчетъ объ этихъ измѣреніяхъ былъ прочитанъ г. Бензенгромъ въ засѣданіи И. О. Л. Е., А. и Э.—**127**. Приготовленіе арьяна у вотяковъ Глазовскаго уѣзда (Вят. г.) (изъ «П. В.», 119).

Калужскія Г. В.—68—71. *С. Рачинскій*. Изъ записокъ сельскаго учителя, (перепеч. изъ Русск. Вѣст. 1889 г.).

Карсъ.—37. „Ашура" у мусульманъ-шіитовъ. Праздникъ этотъ установленъ въ память умерщвленія почитаемыхъ у мусульманъ-шіитовъ святыхъ. Нѣсколько сотъ лицъ рабочихъ и торговцевъ одѣлись въ этотъ день (25 августа) въ траурныя платья и, ударяя себя въ грудь подъ тактъ громко читаемыхъ муллами стиховъ «синезенъ», направились въ мечеть. Процессія, изображавшая богатый княжескій поѣздъ-караванъ, рядомъ съ плѣнными осиротѣвшими женщинами и дѣтьми, состояла изъ лошадей, одѣтыхъ въ богатые уборы съ пристегнутыми къ сѣдламъ двумя саблями. На коняхъ сидѣли дѣти съ непокрытой головой, которую они посыпали пепломъ и саманомъ въ знакъ горя и отчаянія. Процессія замыкалась шеренгою одѣтыхъ въ бѣлыя, длинныя рубашки-саваны, лицъ, которыя саблями наносили себѣ въ голову раны, чтобы пролить свою кровь за мученически убіенныхъ сподвижниковъ вѣры. Передается исторія этого дня.

Киргизская газета (приб. къ Акмол. Обл. Вѣд.). Съ 95-го №

Digitized by Google

печатается переводъ съ нѣм. ст. Герм. Вамбери «Тюрки» (въ этнологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ).—**36**. Библіограф. замѣтка объ «Объяснительномъ словарѣ татарскихъ, грузинскихъ и армянскихъ словъ, вошедшихъ въ матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края», *С. П. Земинскаго*.—**38**. *Юсуфъ Копеевъ*. Обученіе грамотѣ въ степи (корр. изъ Баянъ-аула).—Библіогр. замѣтка объ «Исторіи первыхъ временъ Ислама», составленной муллой Магометъ Кафи Эль-Стерлитамаки.—Въ литератур прилож. къ газетѣ (листъ 4 и 5) помѣщены народ. преданія о біи Избасты (рода Кипчакъ), о Сатемыръ-ханѣ, т. е. Тамерланѣ, о Лукманъ-Акимѣ, древнемъ знаменитомъ мудрецѣ и лѣкарѣ, и о Шикъ-Бирмесъ Шгайбаѣ и Алдаръ-Косе.—**39**. Корр. изъ Зайсана о путешествіи по Китаю А. А. Ивановскаго (перепеч. изъ № 239 «Новостей»).—Объ обычаѣ праздновать въ іюлѣ мѣсяцѣ «зеинь».—**39—41**. *Садвакасъ Чорманов*. О скачкахъ въ степи (байга)—**40**. Тамазлухъ (искаженное татар. слово «дана-азлыкъ»—«телятъ мало»)—обычай взаимнаго вспомоществованія домашнимъ скотомъ.—**41**. *Гарибъ Гахмаровъ*. Корр. изъ Акмолинска объ обычаѣ дароваго угощенія странниковъ-гостей. Въ литератур. приложеніи (листъ 6, 7 и 8)—сказаніе о человѣкѣ и его вѣкѣ, воронъ и соколъ (киргиз. басня), Бакса-знахарь (изъ жизни оренбургскихъ киргизовъ)—**41—42**. *А. Н.* О земледѣліи въ Торкаунской, Котанъ-Булакской и Западно-Балхашской волостяхъ Карнаралинскаго уѣзда.—**43**. Наказанное честолюбіе (китайская сказка).—Значеніе русскаго языка (изъ татар. газ. «Переводчикъ», № 34).—О торговлѣ въ Туркестанѣ индусовъ.—Промышленныя растенія Туркестанскаго края (рами или китайская крапива и кендырь или турка). Въ литер. прил. (листъ 9) «народныя примѣты, записанныя въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи».—**44**. Скотоводство въ степи. Положеніе переселенческаго дѣла въ степныхъ областяхъ. Народныя примѣты.—**45**. *А. Н.* Дѣятельный управитель.—**45—46**. *Юсуфъ Копеевъ*. О скотоводствѣ и джетакахъ (въ стихотвор. формѣ).

Костромскія Г. В. — 36. Членомъ мѣстной ученой архивной коммиссіи *И. В. Миловидовымъ* окончено, по порученію Моск. арх. общ., составленіе археологической карты Костромской губ. съ нанесеніемъ городищъ, кургановъ, валовъ, мѣстъ находокъ древнихъ монетъ и т. п. — „Рукописное житіе преп. Варнавы Ветлужскаго", статья *И. К. Херсонскаго*, члена костромской ученой арх. коммиссіи.—**42**. Проводы отхожихъ промышленниковъ, такъ наз. „питерщиковъ" изъ Солигаличскаго у.

Кубанскія Обл. В. 23, 37, 39, 40 и 44. *Богословскій*. Интересъ изученія древней русской литературы. Публичная лекція, посвященная памяти проф. О. Ѳ. Миллера.—**45**. Англійскіе и польскіе

Digitized by Google

агенты у запад.-кавказ. горцевъ въ 1834 — 40 гг. (матеріалы для исторіи зап.-кавк. горцевъ, собр. *Е. Д. Фелицынымъ*.

Курляндскія Г. В.—20, Содержаніе рѣчи проф. В. Ѳ. Миллера о покойномъ М. Н. Харузинѣ.—**24**. Сообщеніе объ изданіи въ Ревелѣ книжки, посвященной памяти М. Н. Харузина.—**48**. Народная медицина. Лѣченіе болотныхъ лихорадокъ подсолнечникомъ. Способъ употребленія его по рецепту жителей Кавказа и Поволжья (изъ ст. д-ра Кузнечикова въ „Медицинѣ", 21).—**56**. *Г. В. Форстенъ*. „По балтійскимъ дѣламъ" объ „актахъ и письмахъ къ исторіи балтійскаго вопроса". Сборникъ этотъ составленъ изъ ряда документовъ, найденныхъ составителемъ въ архивахъ нѣкотор. зап.-европ. городовъ.

Кутаисскія Г. В.—34. Мартвильскій монастырь г. Цхакая. Этотъ монастырь, построенный при грузин. царѣ, Георгіѣ II (921—955), по утвержденію Дюбуа, возникъ на мѣстѣ языч. капища. Преданіе прибавляетъ, что на мѣстѣ храма стоялъ большой дубъ—святыня мингрельцевъ; подъ нимъ они приносили въ жертву богамъ какъ животныхъ, такъ и людей. Андрей Первозванный срубилъ этотъ дубъ. Церковь же строилъ Давидъ Агматенебели.—**37**. Цаленджихскій участокъ (въ Мингреліи) *К. Мачавариани*. Въ Сенакскомъ у. на вершину Табиконскихъ горъ собираются всѣ мингрельскія вѣдьмы.—**38**. Описаніе цаленджихскаго монастыря (продолж.).—**39**. Княгиня, покрывая голову преступника (преслѣдуемаго изъ мести или вора), дѣлаетъ его ненаказуемымъ.

Мшакъ (3 раза въ нед., Тифлисъ).—**13, 14**. *С.* Пололоженіе армянъ католиковъ въ Артвинѣ (очеркъ мѣстныхъ нравовъ).—**42—45, 57—58**. *Ходжамиріанъ* «Ходжа-Тевосъ» и «Кешишъ-Баба»—очеркъ изъ жизни и нравовъ Персидскихъ армянъ.—**47—49**. *А. Саруханіанъ*. Армяне въ Австро-Венгріи и ихъ журналъ «Armenia». **61, 65**. *С. Карганіанъ*. Письма изъ провинціи, бытовые очерки.—**86, 87**. *Его-же* «Кехіа» (дерев. старшина), очеркъ изъ быта турецкихъ армянъ.—**101, 103**. *И. Ф.* «Янычары», очеркъ изъ быта турецкихъ армянъ.—**109—111, 113—115, 122, 125, 127, 130, 131, 134, 135**. *Апро*. «Письма изъ турецкой Арменіи» (пока изъ Эрзерума и Вана). Авторъ рисуетъ картину жизни Армянъ и въ этнограф. отношеніи: бытъ, нравы, обычаи, семейную жизнь, суевѣрія, литературу.—**121, 123, 124**. *А. Аракелянъ*. «Изъ Джульфы въ Тавризъ»—путевые очерки армян. и персидск. жизни.—**133**. *Саруханіанъ*. Тюркскія племена на Кавказѣ и ихъ отчужденность отъ европейской культуры.

Нижегородскія Г. В.—32, 38. Пѣсни, записанныя въ Танайковской волости Княгининск. у. *Коптевымъ*.—**37, 38, 40**. *Савельевъ*. Браки по благословенію родителей и волостные суды въ Семеновскомъ у. Нижегор. г.

Digitized by Google

Новгородскія Г. В.—37. Ст. «Новгородскій музей и закладка новаго зданія» заключаетъ въ себѣ интересныя историческія данныя, иллюстрирующія положеніе такого рода учрежденій въ провинціи. Ст. „Въ Рагушенскомъ приходѣ» содержитъ данныя, касающіяся Рагушенскаго погоста, бывшаго нѣкогда монастыремъ.

Новое Время. — 4920. *Н. Ѳ. Сумцовъ*. «Этнографическое Обозрѣніе»—рец. на 1-ю и 2-ю кн. «Этн. Обозр.».

Новое Обозрѣніе.—1934, 1937, 1948. 1951. *Васильевъ*. Роды. Похороны. Прод. «Горскіе евреи» (рецензію на эту статью см. во 2-й кн. «Этногр. Обозр.»).—**1936, 1942, 1950, 1955, 1956, 1958**. Имеретія въ 1650 г. (оконч.) (см объ этомъ 2-ю кн. «Этногр. Обозр.»).—**1967**. *Меликъ Каракозовъ*. «Мохарремъ»—мусульманскій праздникъ. Это мусульманская религіозная мистерія, разыгрываемая ежегодно мусульм.-шіитами между 1—10 числомъ мѣсяца „мохарремъ". —**1968**. «Легенда о гандегили» (отшельникѣ), воспѣтая уже на грузин. яз. Кн. И. Чавчавадзе и извѣстная въ русскомъ переводѣ г. Тхоржевскаго.—**1977** и **1984** *Г. Церетели* о грузин. храмовыхъ праздникахъ. Авторъ отличаетъ рядъ праздниковъ въ большинствѣ языческаго происхожденія, но пріуроченные къ христ. святымъ. На праздникахъ устраиваются пляски, пѣніе, джигитовка, игра въ мячъ, стрѣльба въ цѣль (khabachi). Здѣсь-же рѣшались судебныя дѣла, умиротворялись распри между родами.—**2014**. Библіографія, о 2 кн. „Этнографич. Обозрѣнія", *А. Хах—ова*.

Одесскій Вѣстникъ.—154. Замѣтка г. *П.* о книгѣ Мочульскаго „О мнимомъ дуализмѣ въ миѳологіи Славянъ".—„Щедринъ въ деревнѣ" (изъ Нед.) Лубочныя изданія сочиненій Щедрина.—**156**. Двадцати-семимилліонный кладъ. Резюме свѣдѣній, сообщенныхъ г. *Эварницкимъ* въ Новостяхъ о кладахъ.—**157**. Сообщеніе о кладѣ, найденномъ въ Защельской деревнѣ Мценскаго уѣзда и переданномъ для просмотра въ археологическую коммиссію. Кладъ состоитъ изъ монетъ времени царей: Ивана IV, Ѳедора, Бориса, Димитрія и Василія.—„Переселенцы въ Одессѣ". *Н. Л.*—**159**. „Малороссійскія пѣсни", замѣтка г. *М. П.* по поводу статьи Кубы, помѣщенной въ чешскомъ журналѣ „Časopis Musea Kralevstvi českaho". Г. Куба, давно уже занимающійся изслѣдованіемъ народныхъ произведеній, даетъ въ общихъ чертахъ описаніе музыкальнаго построенія малороссійской пѣсни и предлагаетъ ноты пѣсенъ, записанныхъ съ голоса въ Полтавской, Черниговской и Кіевской губ.—**161**. Свѣдѣнія о штундистахъ Таращанскаго уѣзда Кіевской губерніи. Замѣтка г. *Ст.* о книгѣ англичанина Уиндта (From Pekin to Calais by Land), совершившаго путешествіе по Гоби и Сибири.—**163**. Рецензія *Д—ко* на очерки г. Певнаго „Малюнки справжнего житья". Петерб. 89 г. (Переводъ одного изъ очерковъ „Сидоръ Макаровичъ Притыка" помѣщенъ въ

Digitized by Google

фельетонѣ № 163). Авторъ рецензіи относительно второго очерка „На вулыци“ замѣчаетъ, что „онъ вовсе не поддается переводу, благодаря тому, что написанъ чисто народнымъ языкомъ, пересыпаннымъ присловьями, поговорками и непереводными оборотами рѣчи“. Очеркъ этотъ, рисующій общество сельскихъ бабъ, имѣющихъ свои собранія „на вулыци“ представляетъ интересную этнографическую картинку.—**165**. Сообщеніе о принесеніи въ даръ музею антропологіи и этнографіи академіи наукъ докторомъ Стюрлеромъ нѣсколькихъ статуй, найденныхъ на островѣ Явѣ, изображающихъ индусскія божества.—**170**. Передѣлы крестьянскихъ земель.—**173**. Свѣдѣнія объ артели „стивадоровъ“ (трюмовыхъ грузовщиковъ).—**181**. Рецензія *М. П.* на книгу Науменка: „Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи“.—**183**. Описаніе обычая „рачьей свадьбы“ въ Алешкахъ. „Свадьба рачья“—порожденіе южно-русскаго юмора. Въ праздникъ Петра и Павла, послѣ дѣлежа денегъ, вырученныхъ отъ продажи раковъ, ловлею которыхъ занимаются преимущественно женщины, ежегодно устраивается рачья свадьба, на которую приглашается обыкновенная, простая музыка съ бубенщикомъ въ главѣ. Гулянье продолжается три дня и три ночи напролетъ и сопровождается общею попойкой, пѣніемъ и пляской. Въ продолженіе этихъ трехъ дней по столу ползаютъ крупные, отборные ракъ и рачица, одѣтые:—ракъ въ рубашку и брюки, а рачица съ цвѣтами на головѣ—въ юбку, при чемъ гуляющіе перевязываются разноцвѣтными лентами, которыми перевязываютъ и виновниковъ торжества—раковъ. —**195**. Сообщеніе объ открытомъ около Езда (въ Персіи) подъ землей древнемъ городѣ съ оригинальными постройками.—**196**. О чумачествѣ въ южныхъ губерніяхъ.—**201**. Бездождіе, стоявшее во многихъ мѣстностяхъ Россіи этимъ лѣтомъ, вызвало въ народѣ много забытыхъ суевѣрій. Такъ, напр., въ с. Свинокривцѣ (уѣздъ не названъ) бездождіе приписали смерти старика, слывшаго въ народѣ за „упыра“ (колдуна) съ хвостомъ. Старикъ умеръ весной: съ тѣхъ поръ и бездождіе началось. Для прекращенія послѣдняго, по народному повѣрью, необходимо вырыть изъ земли трупъ „упыра“, облить его водой и зарыть обратно. Засуха послѣ этой процедуры прекратится. Съ трупомъ умершаго старика такъ и поступили.

Олонецкія Г. В.—76, 77. *В. И.* „Благосостояніе Ряговцевъ“ содержитъ свѣдѣнія объ экономическомъ бытѣ и промыслахъ жителей Ряговской волости, Каргопольскаго уѣзда.—**79**. «Къ Олонецкой библіографіи» библіограф. замѣтка о статьяхъ, касающихся Олонецкаго края, помѣщенныхъ въ Трудахъ Обществъ и періодическихъ изданіяхъ.—**87**. Ст. *Благовѣщенскаго* «Издѣлія изъ соломы» содержитъ 1) описаніе кустарнаго промысла обывателей Некрульской волости Олонецкаго уѣзда, состоящаго въ плетеніи изъ соломы шляпъ, фура-

Digitized by Google

жекъ и пр. издѣлій, и 2) исторію промысла.—**84**, **85**, **86**, **88**, **89**. Ст. «Свадебные обычаи въ Ряговскомъ приходѣ» содержитъ описаніе двухъ видовъ Олонецкой свадьбы, сосуществующихъ нерѣдко въ одной и той же волости, приходѣ, деревнѣ: свадьбы убѣгомъ (причины убѣговъ, положеніе дѣвушки въ семьѣ и свадебный церемоніалъ) и свадьбы со сватовствомъ.

Оренбургскія Г. В.—40. Сообщеніе объ экспедиціи проф. *Х. Ѳ. Лессина* въ Киргизъ-Кайсацкую степь съ цѣлью изслѣдовать вершины Кара-Адыръ-тау.—Сообщеніе редакціи объ изслѣдованіи: «Русскіе плѣнники въ Средне-Азіатскихъ ханствахъ XVIII и XIX стол.»—**44**. Отчетъ о занятіяхъ Оренбургской ученой Архивной коммиссіи со времени открытія ея дѣйствій 12 янв. 1888 г. по 20 окт. 1889 г.

Пензенскія Г. В.—187. Возстановленіе древ. грузинскихъ храмовъ (изъ «Моск. В.»)—**201**. О доставленныхъ въ музей одесскаго Общества Ист. и Древн. трехъ обломковъ плитъ изъ с. Тарутина. Обломки эти являются памятниками греческихъ колоній. Въ этотъ же музей доставленъ бронзовый кувшинъ съ рисунками и славян. надписью.—**205**. О готовящейся въ Соляномъ Городкѣ выставкѣ игрушекъ. Б. Вессель, г. Вороницкій и др. педагоги прочтутъ рядъ очерковъ педагогич. и этнографич. характера («Сын. Отеч.»)—**213**. О новой раскольничьей сектѣ въ Вольскомъ уѣздѣ, происшедшей отъ раскольниковъ «нѣтовщины». Сущность ученія: погибающій міръ можетъ спастись лишь посредствомъ символическаго перерожденія.—**224**. Сообщеніе объ открытіи древ. могилы въ Кіевѣ у Софійскаго собора. Найдены скелеты человѣка и лошади.—**227**. О возвращеніи Ѳ. М. Истомина, совершившаго путешествіе съ этнограф. цѣлью по Пермской, Архангельской и вост. части Вологодской губ.—**228**, **231** и сл. *А. Ѳ. Селивановъ* «Матеріалы для исторіи Буртасовъ».—**233**. Найденная въ Закаспійской области (близъ Мерва) древняя надгробная плита, помѣщавшаяся на могилѣ принца Шахъ Кумъ Каджирскаго, умершаго въ 1161 г.—**235**. Сообщеніе о быстромъ распространеніи православія между калмыками-язычниками и о перемѣнѣ ихъ образа жизни.—**239**. Найденныя кр. дер. Длутова (близъ Ласка) польскія монеты 1500 г.—**244**. Развитіе иконописи въ слоб. Борисовкѣ Грайворон. у., Курской губ.

Пермскія Г. В.—73, **75**, **77**. Положеніе о Казанской научно-промышленной выставкѣ 1890 г. произведеній Волжско-Камскаго края и Востока Россіи, утвержденное г. министромъ финансовъ 30 мая 89 г.—По § 2 Положенія въ научный отдѣлъ выставки между прочимъ войдутъ отдѣленія историко-этнографическое и антропологоархеологическое. Выставка будетъ открыта 1 мая и закрыта 15 сент. 90 г.—**78** Отзывъ о I томѣ труда проф. П. Н. Буцинскаго «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ» (изъ «Гражд.»).—

Digitized by Google

81 Приготовленіе арьяна у Вотяковъ Глазов. у. (Вят. губ.). Арьянъ —самый распространенный напитокъ у вотяковъ (изъ «Пр. В.»).— **82** Засѣданіе Уральскаго Общества Любит. Естествознанія 7 окт. 89 г. *И. А—скаго.*

Псковскія Г. В.—33, 34. Продолженіе «Библіографическаго указателя книгъ и статей, относящихся къ Псковской губерніи», начатаго еще въ 1888 году въ №№ 20, 22, 24, 41 и продолженнаго въ 1889 г. въ №№ 12, 13.

Рязанскія Г. В.—72, 74 и сл. «Древніе акты Воронежскаго дѣвичьяго Покровскаго монастыря».—**73.** *И. Токмаковъ.* «Матеріалы по археографіи Рязанскаго края, хранившіеся въ Моск. глав. архивѣ Мин. Ин. Д. и его библіотекѣ».

Рязанскія Еп. В.—15. Описаніе свящ. с. Ильицына (Зар. у.), *Купрессовымъ*, нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ. Особенно интересны обычаи при сватаньи и поминаньи. Во время свадьбы у невѣсты на столѣ ставится украшенная лентами елка; по угламъ стола вѣшаются полотенца; дѣвушки сидятъ и вышиваютъ ихъ. Пріѣзжаетъ женихъ и обыкновенно даритъ невѣстѣ 2 круглыхъ пирога, два куска говядины, два пшонника, штофъ водки, башмаки, чулки, шаль, поясъ, зеркало, серьги и мыло. Женихова родня обращается къ сидящимъ за столомъ дѣвушкамъ съ вопросомъ: «что это сидитъ за родня?»—«Подружки», отвѣчаютъ дѣвушки, «вышиваютъ полотенца, всѣ онѣ съ краснымъ товаромъ», и на вопросъ, продается ли ихъ товаръ, отвѣчаютъ: «Положите намъ на 4 угла 4 рубля, а середину осеребрите». Женихова родня кладетъ по угламъ 4 мѣдныхъ монеты, а на середину стола серебряную, а женихъ выкладываетъ свои подарки невѣстѣ. Невѣста беретъ жениха за руку и ведетъ въ другую комнату, гдѣ даритъ ему рубашку, шаровары, шарфъ, платокъ, перчатки и полотенце; дѣвушки съ пѣснями сопровождаютъ ихъ. Въ день свадьбы пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты женихъ и дружко. Дружко торгуетъ невѣсту у ея крестнаго отца, брата и сестры и угощаетъ ихъ. Во время торга женщины поютъ: «торгуйся, братецъ, торгуйся, не отдавай меня дешево, проси за меня 100 руб., за мою косыньку 1000, за мою красу смѣту нѣтъ. Братецъ поломайся, братецъ постарайся!» Когда же братъ уступаетъ, поютъ: «Брату мила сестра, а золото еще милѣе. Ой, братикъ татаринъ, продалъ сестру за талеръ, русу косу за полтину, бѣло личико отдалъ такъ». Затѣмъ, послѣ угощенія, ѣдутъ въ церковь.—Въ 40-й день по смерти покойника выходятъ на дворъ и тамъ оплакиваютъ его, думая, что въ этотъ день покойникъ стоитъ на дворѣ, не смѣя войти въ избу. Сообщается также слѣдующее суевѣрье: если во время крестнаго хода за пасхальной утреней прійти на могилу родныхъ, взять яйцо и покатить по могилѣ со словами: «Христосъ воскресе», то изъ мо-

Digitized by Google

гилы послышится: «Воистину воскресе», или если во время пасх. за утр. прійти въ хлѣвъ, то можно увидѣть домового.—**19**. Перепечатано изъ журн. «Вѣра и разумъ» сообщеніе о новой сектѣ, появившейся въ сл. Ясиной, Богодуховск. уѣзда, которая по сущности своего ученія представляетъ подобіе древнихъ гностическихъ сектъ.—**21**. Сообщеніе о распространеніи въ ревельскомъ уѣздѣ новой секты «читающихъ».—С. Апоничищи (Зар. у.). Послѣ вѣнчанія новобрачныхъ встрѣчаютъ въ домѣ жениха съ хлѣбомъ, заранѣе надрѣзаннымъ и переламываютъ его надъ ихъ головами.—**22**. Описаніе с. Курова (Зар. у.). Сообщ. нѣкоторые мѣстн. обычаи.

Сибирскій Вѣстникъ. 111—112. *Акрыпыкъ*. Чащевито (о киргизахъ).—**113**. Н. М. Пржевальскій (извлеченіе изъ рѣчи преподавателя гимназіи В. П. Щепетова, читанной имъ на годич. актѣ муж. гимназіи). Библіограф. замѣтка о «Художественно-этнографическихъ рисункахъ Сибири», издаваемыхъ въ Томскѣ П. Кошаровымъ.—**115**. О путешествіи Н. Ѳ. Катанова (по свѣдѣніямъ, доставленнымъ самимъ путешественникомъ).—**118**. *Всеволодъ С.* Библіограф. замѣтка объ антрополого-этнологическомъ очеркѣ Алексѣя Харузина—«Киргизы Букеевской орды».—**120**. Инородецъ. Положеніе инородческаго населенія въ с. Усть-Абаканскомъ, Минусинскаго округа.—**122**. *Акрыпыкъ*. Кокпэрэ (о киргизахъ).—**123**. Библ. замѣтка объ изслѣдованіи проф. харьк. универс. Буцинскаго: „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ".

Смоленскія Еп. В.—16, 17 и 18. Свящ. *Яблонскій*. Историко-стат. опис. с. Ларина Вяз. у.

Сѣверный Кавказъ—75, 77 и 85. *Гр. П—въ*. Въ горахъ и ущельяхъ близъ Кисловодска. Статьи представляютъ путевыя впечатлѣнія.

Тамбовскія Г. В.—66. Содержаніе документа, видѣннаго Д. И. Эварницкимъ въ Екатеринослав. губ. и представляющаго собой какъ бы завѣщаніе 40 казаковъ, зарывшихъ 27 милліоновъ въ 80 вер. отъ Херсона, близь д. Одаренкова. Завѣщаніе относится къ 1724 г.—**67**. «Цыгану не грѣхъ божиться», народ. сказаніе Моршанскаго у. Это интересное сказаніе возводитъ право цыганъ божиться ко времени распятія Христа, когда утаивъ изъ жалости 5-й гвоздь, предназначенный для груди Христа, цыганъ сталъ божиться, что уже отдалъ гвоздь и онъ уже вбитъ. Случайно сѣвшая на грудь Христа муха была принята воинами за гвоздь и цыганъ съ потомками искупилъ грѣхъ родичей въ обманѣ и божбѣ.—**73**. „Застольные обычаи" (изъ Харьк. Г. В.).—*С. О.* «Св. Илья Надѣлящій». Авторъ говоритъ о значеніи, придаваемомъ рус. народомъ этому святому и обрядахъ, сопровождающихъ его праздникъ.—**93**. Содержаніе сообщенія *И. И. Дубасова* о „Тамбовскихъ перелетахъ", т. е. бѣглыхъ лю-

Digitized by Google

дяхъ XVII и нач. XVIII в. Сообщеніе это напечатано въ „Историч. Вѣст.“, августъ 89 г.—**125**. *П. Падучевъ* „Новыя деревенскія пѣсни“. Авторъ жалуется на новыя вѣянія въ народн. поэзіи Козловскаго у. Тамб. г. Пѣсни принимаютъ характеръ забубеннаго разгула и франтовства. „Прибаски“, или плясовыя пѣсни сопровождаются ухарскими „ихъ! ахъ! трахъ, тарарахъ!“ Приведено нѣск. пѣсенъ. (Интересующіеся могутъ сравнить ст. Глѣба Успенскаго. „Новыя народныя пѣсни“—въ Рус. Вѣд.“; рецен. и краткое содержаніе во 2-й кн. „Этнограф. Обозр.» 215.).

Тобольскія Г. В. 38. *К. Г.* Объ увозѣ киргизами въ плѣнъ русскихъ людей и объ угонѣ ими скота.

Томскія Г. В.—2—13. *А. Оксеновъ.* Сибирь до эпохи Ермака, по свѣдѣніямъ западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ (1245—1578 гг.). Въ очеркѣ этомъ приводятся извѣстія о сѣверной Азіи слѣдующихъ западно-европейскихъ путешественниковъ и писателей: *Плано-Карпини* (путешествовалъ въ 1245 г.), *Марко Поло* (съ 1254 или 1255 до 1295 г.), *Шильтберіера* (1394—1427), *Матвѣя Мѣховскаго* (сочиненіе его появилось въ 1517 г.), *Альберта Кампензе* (сочиненіе его относится къ 1523 или 24 г.), *Павла Іовія* (свѣдѣнія о Сибири получены имъ въ 1525 г.), *Сигизмунда Герберштейна* (былъ въ Московіи въ 1517 и 1526 гг.), *Рафаэля Барберини* (путешествовалъ въ Московію въ 1565 г.) и *Александра Гваніини* (сочиненіе его появилось въ 1578 г.). Г. Оксеновъ ограничивается въ своемъ очеркѣ почти только однимъ извлеченіемъ свѣдѣній изъ сочиненій названныхъ писателей, дѣлая при этомъ комментаріи только общаго характера. Изъ сдѣланнаго авторомъ обзора свѣдѣній зап.-европейскихъ писателей и путешественниковъ о сѣв. Азіи видно, что русскіе и зап. Европа до послѣдней четверти XVI стол. знали очень немногое о сѣвер. Азіи и ея обитателяхъ. При этомъ свѣдѣнія ихъ не только не отличались точностью, но въ большинствѣ случаевъ оказывались даже совершенно баснословными. Только со времени Ермака, начавшаго эпоху русскихъ завоеваній на сѣверо-западѣ Азіи, эти страны стали выходить изъ мрака и дѣлаться извѣстными любознательному міру.

Томскія Еп. В.—17. *Н. Городковъ.* Сибирское общество прежняго времени въ религіозно-нравственномъ отношеніи (фактическія данныя заимствованы авторомъ изъ ст. С. Серафимовича «Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири“).—**18—19.** *М. М.* Пчеловодство, какъ занятіе для духовенства Томской епархіи.—**20—21.** *Гордѣй Черкасовъ.* Бесѣда въ дер. Заплывиной, Барн. окр., съ защитникомъ ученія о перекрещиваніи И. С. Макаровымъ—. *Протоіерей В. Вербицкій.* Обозрѣніе становъ Алтайской дух. миссіи въ 1889 г.

Туркестанскія Вѣд..—11. *А. Проневскій.* Покрывала мусуль-

Digitized by Google

манскихъ женщинъ (пер. изъ Revue Scientifique ст. Генриха д'Эстре «Le voile des musulmanes»).—**32**. *В. Наливкинъ*. Школа у туземцевъ Средней Азіи.— 33. *О. Ш*. Отъ Орска до Казалинска (о киргизахъ).—**33—33**. *Z*. Женщина въ кочевомъ быту.—**38—40**. *Н. Аристовъ*. Западный Туркестанъ въ VII столѣтіи, по описанію китайскаго путешественника Авторъ пользуется для своихъ замѣтокъ двумя сочиненіями Сюань-Цзана, совершившаго въ 629—646 гг. путешествіе по зап. Туркестану: «Датханъ-си-ай-цзи» (записки о зап. странахъ времени Тханской династіи) и «Сюань-Цзанъ-Чуань»—біографія (автобіографія?) Сюань-Цзана. Оба сочиненія переведены на франц. яз. извѣстнымъ синологомъ Ст. Жюльеномъ, первое подъ заглавіемъ: «Memoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois en l'an 648, par Hiouen-Thsang. Paris, 1857—58», второе—«Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde. Paris, 1853». Значительный этнографическій интересъ въ этихъ замѣткахъ представляютъ собою свѣдѣнія о религіи въ западномъ Туркестанѣ и о тугюсцахъ, древнихъ властителяхъ Туркестана.—**42—43**. *О. Ш*. Отъ Орска до Казалинска (окончаніе этнографическихъ набросковъ о киргизахъ).

Уфимскія Г. В.—1, 2, 3, 6, 7, 10, 14, 21, 22, 25, 29, 31, 32, 34, 36.—«Этнограф. очерки русскаго населенія Уфимской губ. въ его народномъ быту, обрядахъ, обычаяхъ и проч.» *М. Колесникова*. Эти очерки начались печатаніемъ еще въ 1888 г. и еще не кончены. Содержаніе помѣщенныхъ въ этомъ году: крест. свадьбы, родины, крестины, хороводы, игры, пѣсни, праздники (семикъ, Троицынъ день, проводы весны, кузьминки (1 ноября) ,дѣтскія игры, лѣчебникъ крестьянъ, святочныя гаданія. «Очерки», отличаясь почти полнымъ отсутствіемъ мѣстнаго колорита, могутъ имѣть значеніе только для опредѣленія, такъ сказать, территоріальнаго распространенія извѣстныхъ великорусскихъ обычаевъ, обрядностей, пѣсенъ и т. п.—**4, 5 и 6**. *Ф. Нефедовъ* «Археологич. значеніе Оренбургскаго края».—**23 и 24**. *А. Ф. Комовъ* «Памятники старины въ срединѣ сѣверной половины Бирскаго у.».—**37—39, 41, 43**. *А. Ф. Комовъ*. «Черемисы и Вотяки средины сѣверной половины (второй станъ) Бирскаго у.» Имѣя своимъ содержаніемъ историч. замѣтку о разселеніи Черемисъ, описаніе жилищъ, одежды, характера, религіозныхъ моленій Черемисъ, краткій перечень боговъ, свадьбу, похороны, эта статья все же даетъ мало новаго послѣ трудовъ Веске и Смирнова.

Харьковскія Г. В.—151 Сообщеніе объ открытіи въ Спартѣ могилы царя, жившаго за 1600—1800 л. до Р. Х.—Ст. «Доисторическіе работники»; въ этой статьѣ описывается часть этнографическаго отдѣла на всем. Парижской выставкѣ въ Palais des arts liberaux. —**152** Извѣщеніе о выходѣ въ свѣтъ I-й кн. журнала «Вѣра и Ра-

Digitized by Google

зумъ», гдѣ, между прочимъ, помѣщена ст. г. Корсунскаго „Судьба идеи о Богѣ въ исторіи религіозно философскаго міросозерцанія др. Греціи".—Сообщеніе объ открытіи въ Кіевѣ фресокъ временъ Ярослава Мудр. (изъ «Кіев.»).—155 Краткое описаніе вновь открытаго харьковскаго музея рѣдкостей и древностей, имѣющаго и довольно обширный этнограф. отдѣлъ.—158 Сообщеніе объ открытіи Гарлезомъ самаго древняго ритуала Китая.—160 «День Ивана Купала». Неизвѣстный авторъ этой замѣтки, пользуясь отчасти статьей г. Дворжицкаго-Богдановича, передаетъ древнее и современное празднованіе этого дня и старается разъяснить причины появленія пріуроченныхъ къ нему вѣрованій.—162 «Застольные обычаи» — краткая замѣтка, посвященная нѣкоторымъ фактамъ изъ исторіи застольнаго этикета. — 169 Сообщеніе о чтеніи въ засѣданіи Отдѣла Этнографіи Имп. О-ва Л. Е., А. и Э. доклада *В. Н. Свѣтъ* «о черничкахъ» (этотъ докладъ напечатанъ въ кн. 1 «Этнограф. Обозрѣнія»).—174 Краткія свѣдѣнія о найденной въ Динабургѣ коллекціи древнихъ монетъ съ Р. Х. до Наполеона III.—180 Въ корреспон. изъ Симферополя сообщается о раскопкахъ г. Костюшко близь Херсон. монастыря.—181 Извѣщеніе о выходѣ іюльской кн. жур. „Вѣра и Разумъ" съ перечисленіемъ входящихъ въ нее статей.—„Исторія жилища", подъ этимъ заглавіемъ кратко описывается часть этнограф. отдѣла на всем. Париж. выставкѣ, извѣстная подъ названіемъ „Histoire des habitations".—182 Сообщеніе о раскопкахъ блить Мцхета.—186 Извѣстіе о полученіи харьков. музеемъ образцовъ гончарныхъ и гипсовыхъ кустарныхъ издѣлій.—190 Г. Базилевскій и его коллекція античныхъ вещей въ Парижѣ (изъ «Нови»).—193 Помѣщено объявленіе отъ Историко-филолог. Общества при харьк. унив., изъ котораго видно, что Общество задается цѣлями собиранія и этнограф. матеріала.—196 Краткая замѣтка о раскопкахъ археолога Эдуарда Навилля въ Египтѣ.—197 Сообщеніе содержанія второй іюльской кн. Журн. „Вѣра и Разумъ".—Выдержка изъ сообщенія проф. Вирхова о новыхъ раскопкахъ въ Закавказскомъ краѣ (Вѣнскій антропологич. конгрессъ).—199 Найденныя подъ Кіевомъ монеты XVII в.—202 Корресп. изъ Кяхты о географ. экспедиціи Н. М. Ядринцева.—207 О выставленной въ Парижѣ серіи дощечекъ, недавно найденныхъ въ Некрополѣ (Средній Египетъ) и принадлежащихъ, по мнѣнію египтолога Маснеро, къ роду живописи, извѣстному подъ именемъ энкаустики.—211 Извѣстіе объ опредѣленіи клада, найденнаго близъ с. Горокъ Спасскаго у. и присланнаго въ Имп. археологич. коммиссію; онъ состоитъ изъ золотыхъ ордынскихъ монетъ 700—764 гг. Всѣхъ монетъ 185.—Въ корресп. изъ Вани Кутаисской губ. сообщается о крупной археологич. находкѣ: найдено цѣлое зданіе на глубинѣ 1½ арш. „Полагаютъ, что здѣсь была стоянка Грековъ еще до—христі-

Digitized by Google

анской эры".—**212** Небольшая выписка изъ статьи г. Сорокина „Природа и человѣкъ въ средней Азіи" (Истор. В., августъ).—**219** Замѣтка о замѣщеніи каѳедръ географіи, этнографіи и антропологіи въ нашихъ университетахъ.—**220** Печальное положеніе кустарей, почти всегда подпадающихъ подъ власть кулаковъ.—О присланныхъ въ Имп. Археолог. Коммиссію монетахъ, найденныхъ близъ Ростова.—**223** Обращеніе Имп. Моск. Археологич. Общ. къ другимъ археолог. обществамъ и статист. комитетамъ съ просьбой о присылкѣ матеріала для составленія археолог. карты Россіи.—**225** Замѣтки о выходѣ 2-й августовской книжки журн. „Вѣра и Разумъ", гдѣ между прочимъ помѣщена ст. А. Бѣляева „Характеристика археологіи".—**231** Сообщеніе о найденныхъ при раскопкахъ въ Херсонесѣ стѣнахъ языч. храма съ гробницей.—**233** Замѣтка объ инструментахъ и музыкальности крестьянъ Смоленской губ. (изъ „Н. Вр.").—**235**. Объ экспедиціи г. Ядринцева въ предѣлы Монголіи.—237 Рецен. на „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ проф. П. Н. Буцинскаго.—**204**. О проѣздѣ черезъ Петербургъ франц. путешественника Жоржа де-Саверни, въ теченіе пяти лѣтъ изслѣдовавшаго Индію, Афганистанъ, Бухару, Туркестанъ, Амуръ и Сибирь вообще. Богатую собранную имъ этнограф. коллекцію онъ намѣренъ принести въ даръ Парижскому музею.—**242**. Изложеніе описанной г. Ивановскимъ смертной казни въ Китаѣ (изъ „Рус. В.").—**244**. Результаты раскопокъ г. Завитневича въ Мозырскомъ у. (изъ „Вилен. Вѣст.").—**249**. Перечисленіе сочиненій, удостоенныхъ Академіей Наукъ Уваровской преміи (г. Мочульскаго „Историко-литерат. анализъ стиха о Голубиной Книгѣ" и г. Платонова, «Древ.-русскія сказанія XVII в., какъ историч. источникъ»).—**251**. Случай въ одномъ изъ селеній Кутаисской губ., гдѣ домашніе, во избѣжаніе зараженія, вынесли больную чахоткой въ поле и, по прошествіи нѣкотораго времени, приведя ее въ безчувственное состояніе, предали землѣ.—**250**. Извѣщеніе де-Моргана о кольцахъ-монетахъ (найденныхъ при раскопкахъ въ Русской Арменіи), представляющій собой ассирійскія мѣры вѣса.—**253**. Сообщеніе о 2-й сентябр. кн. журн. «Вѣра и Разумъ» (прод. ст. А. Бѣляева «Характеристика археологіи»).—О появившейся на Кавказѣ въ Джебраильскомъ у. магометанской сектѣ *аллахановъ*, признающей Али богомъ.—**255**. Проэкты основанія въ болѣе значит. городахъ историческихъ музеевъ.—**256**. Въ Аквида-дельи-Абруцци въ Италіи издается 2-хъ-недѣльный журналъ Alaudae (жаворонки), гдѣ между прочимъ помѣщаются описанія Апеннинскихъ странъ и людей.—Изъ Сердобскаго у. Сарат. губ. сообщаютъ о найденномъ въ Трескинской вол. кладѣ (старинная деревянная колесная ступица, заключавшая въ себѣ старинныя золотыя и серебр. монеты).—**263**. Отчетъ о засѣданіи Ист.-Филолог. Общества, въ которомъ г. Сави-

Digitized by Google

новымъ сдѣлано сообщеніе о нѣсколькихъ народ. этимологич. сказаніяхъ.—**265**. Сообщеніе объ избраніи проф. Сумцова дѣйств. членомъ И. О. Л. Е., А. и Э.—**266**. Извѣщеніе о выходѣ окт. кн. журн. „Вѣра и Разумъ".—**270**. Замѣтка о доставленныхъ г. Зарѣцкимъ въ Моск. музей коллекціяхъ скиѳскихъ вещей.—Интересный разсказъ изъ крест. жизни о томъ, какъ сынъ, желая завоевать любовь отца, укралъ у него деньги, таилъ ихъ, отказываясь вернуть, пока отецъ не полюбитъ его.—**271**. Случай самосуда надъ конокрадомъ.—Раскопки въ Вавилонѣ и открытіе др. г. Нипура съ храмомъ Ваала (изъ „Рус. В.").—**272**. О передачѣ преміи Сибирякова за сочиненія по изслѣдованію Сибири.—**274**. Представленіе г. Сабо проэкта музея съ входящими въ него отдѣлами кустарнымъ и этнографическимъ.—Вышедшія описанія коллекцій рукописей и монетъ, находящихся при Институтѣ Вост. языковъ Мин. Ин. Дѣлъ. — Поиски клада.—**277**. замѣтка о поѣздкѣ г. Истомина въ сѣв. губерніи и привезенныхъ имъ образцахъ одежды и утвари зырянъ.—**278**. Народная медицина; замѣтки о дѣйствительности средства противъ икоты.—**281**. Письмо одного изъ мелкихъ деревен. торгашей Моск. губ. Въ этомъ письмѣ описывается, какъ жива въ народѣ потребность чтенія и какъ авторъ письма устроилъ у себя нѣчто въ родѣ библіотеки, давая книжки для прочтенія по 1 к. въ сутки.—Тульскіе кустари стали приготовлять фортепіанныя принадлежности, привозившіяся прежде изъ заграницы.—**282**. Замѣтка о выходѣ 2 й окт. книжки журн. „Вѣра и Разумъ" съ перечисленіемъ помѣщенныхъ въ ней статей.—О выходѣ отд. изданіемъ книги проф. Д. И. Богалѣя «Колонизація Новорос. края и первые его шаги по пути культуры». **284**. Объ открытомъ въ м. Больганѣ Подольск. г., Ольгопольск. у. „до-историческомъ кладбищѣ" и подобномъ ему кладбищѣ въ м. Качаловцѣ Ямпольск. у.—**284**. Замѣтка о появившемся въ „Нов. Об." сообщеніи о нравахъ духоборовъ с. Башкиретъ Борчалин. у.—**292**. Отчетъ о читанномъ въ засѣданіи Ист.-Филол. Общ. рефератѣ А. Я. Ефименко „О дворищномъ землевладѣніи въ Южн. Россіи" (преобладаніе у сябровъ договорнаго, а не кровнаго начала, отсутствіе общины). Рефератъ вызванъ ст. г. Лучицкаго „Сябры и сябр. землевладѣніе".—**293**. Замѣтка о рѣчи пр. Корсакова „Объ историч. значеніи поступат. движенія великорус. племени на Востокѣ".

Якутскія Еп. В.—1—15. Путевыя записки, въ которыхъ кратко описываются: обстановка юрты якутовъ, костюмъ и пища ихъ, ѣзда на оленяхъ, домашній бытъ, нравственность якутовъ, отношеніе ихъ къ рус. администраціи, „варварское обращеніе" съ животными, суевѣрія и пр.—**6—7**. *Ч—о*. Трагическая смерть чукчей-фанатиковъ. Обрядовая сторона этого страшнаго обычая,—пишетъ авторъ,—одинакова у чукчей шелагскихъ, чаунскихъ, носовыхъ и та-

Digitized by Google

бунныхъ. Побужденіемъ къ самоубійству служитъ вѣра въ загробную жизнь, доходящая до фанатизма, и желаніе поскорѣе повидаться съ умершими родными. Души умершихъ чукчей почитаются покровителями семейства. Различныя несчастія, скорби и болѣзни приписываются вліянію умершихъ, вмѣстѣ съ злыми духами. Въ угоду умершихъ родственниковъ и злыхъ духовъ чукчи жертвуютъ собственною жизнью, особенно во время эпидемій и тяжкихъ несчастій. Чукча, рѣшившій покончить всѣ земныя связи и разсчеты, заявляетъ о томъ ближайшимъ родственникамъ, и эта вѣсть скоро сообщается его сосѣдямъ-чукчамъ, юкагирамъ, ламутамъ и русскимъ. Сосѣди и особенно родственники начинаютъ уговаривать фанатика, рѣшившагося окончить жизнь преждевременно, отложить задуманное дѣло, не огорчать ихъ. Но всѣ подобныя увѣщанія безполезны,—фанатикъ, по его убѣжденію, имѣетъ важныя побужденія къ исполненію своего намѣренія: онъ ссылается на сновидѣнія, на мертвецовъ, которые мучатъ его, на дьяволовъ и родныхъ, которые являются ему во снѣ и зовутъ къ себѣ. Начинается приготовленіе фанатика къ смерти. Для него приготовляется новая одежда изъ бѣлыхъ оленьихъ шкуръ (пыжиковъ), новыя санки и сбруя для оленей, на которыхъ предпринимается далекое путешествіе въ другой міръ. Все это дѣлается медленно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 10—15 дней. Наступаетъ день, назначенный для его смерти. Собираются родные и сосѣди. Въ присутствіи ихъ обрекшій себя на смерть надѣваетъ новое платье и садится въ углу юрты. Орудіе для умерщвленія его находится въ рукахъ ближайшаго родственника. Орудіе въ этомъ случаѣ бываетъ трехъ родовъ: копье, ножъ и ремень. Если онъ желаетъ быть умерщвленъ ножемъ, то двое изъ родныхъ держатъ его за руки, а третій, поставивъ острый ножъ къ лѣвой сторонѣ горла, вонзаетъ его, направляя въ сердце. Если желаетъ быть заколотымъ, то сквозь отверстіе въ стѣнѣ подается ему копье; онъ, направивъ его въ сердце, подаетъ знакъ, чтобы его закололи. Если же фанатикъ желаетъ быть удавленнымъ, то двое родныхъ, обвивъ вокругъ шеи лассовый ремень, тянутъ его въ противоположныя стороны, пока не удушатъ свою жертву. Воля чукчи исполнена. Убитаго кладутъ на приготовленныя сани, въ полусидячемъ положеніи, и увозятъ на назначенное мѣсто. Здѣсь провожавшіе мертвеца должны разстаться съ нимъ. Олени, на которыхъ онъ привезенъ, закалываются. Съ умершаго снимаютъ одежду, разрѣзываютъ ее на мелкіе куски и оставляютъ, а самого его, связавъ по рукамъ и ногамъ, кладутъ на костеръ и сожигаютъ. Участвовавшіе въ погребальной процессіи, намазавъ лицо и руки кровью умершаго *), обращаются къ нему во время сожи-

*) Всегда ли это? Откуда тогда берется кровь, если чукча былъ задушенъ? А. И.

Digitized by Google

ганія съ мольбою и просятъ не забывать ихъ. Затѣмъ, дождавшись сожженія трупа, когда останется отъ него одинъ пепелъ, разъѣзжаются по домамъ... „Этотъ ужасный обычай, унаслѣдованный издревле, погубившій тысячи душъ, соблюдается,—замѣчаетъ авторъ,—до настоящаго времени съ такою же точностью, съ которой соблюдался и до христіанской проповѣди“.

Ярославскія Г. В. 69—71, 73. *С. Я. Деруновъ*: Село Козьмодемьянское, Щетинской волости, Пошехонскаго у. (продолженіе).—Бракъ и брачные союзы. Обряды при заключеніи брака. Разводъ, расходъ. Вторичный бракъ. Отношенія между супругами. Статья г. Дерунова содержитъ болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія по указаннымъ отдѣламъ. Изъ явленій мѣстной жизни оказывается интереснымъ между прочимъ, что, по словамъ автора, въ настоящее время замѣчается стремленіе женщины выйдти изъ подчиненнаго положенія и стать наравнѣ съ мужчиной. Далѣе интересенъ взглядъ крестьянъ на силу родительскаго проклятія; поэтому поводу авторъ приводитъ преданіе, передающее, какъ непокорный сынъ, проклятый родителями, былъ обращенъ на 7 лѣтъ въ оборотня. Въ общемъ до послѣдняго времени родительская власть была еще очень крѣпка, но за послѣднее время она стала слабѣть, и „иные молодые крестьяне, вмѣсто почитанія родителей, оказываютъ противное, говоря. „стариковъ выгоднѣй мѣнять на быковъ“.—**74, 75** *Н. Оп—на*: Семейные раздѣлы, бобыльство и нищенство въ Рыбинскомъ уѣздѣ. Какъ на главную причину раздѣловъ авторъ указываетъ на посѣщеніе молодежью Петербурга для отхожихъ промысловъ. Возвращаясь изъ Петербурга, сынъ считаетъ себя выше отца и отказывается его слушаться. Семейные раздѣлы являются главной причиной бобыльства и нищенства. Бобыли—безземельные крестьяне. Нищенство усиливается и переходитъ подчасъ, благодаря выгодамъ, которыя оно представляетъ, въ профессію. Отецъ нерѣдко пьянствуетъ, а жена и дѣти собираютъ милостыню, которой и кормится вся семья. **76.** *А. Г—скаго.* Изъ двадцатидвухлѣтней практики волостнаго суда въ Болобановской волости, Рыбинскаго у. Въ этой замѣткѣ авторъ указываетъ на увеличивающееся число дѣлъ разбираемыхъ въ волостномъ судѣ: такъ въ срокъ отъ 1862—1866 разбиралось всего 84 дѣла, отъ 1877—1881 г.—226. Наибольшее число дѣлъ касалось долговыхъ взиманій (243), затѣмъ семейныхъ раздѣловъ и сем. споровъ—184. дѣлъ о пьянствѣ разбиралось—83, и объ оскорбленіяхъ 72. Всѣхъ дѣлъ за 23 года разбиралось 752, слѣдовательно слишкомъ 64% касалось упомянутыхъ дѣлъ. Авторъ въ своей замѣткѣ старается объяснить и причины этого явленія.—*С. Я. Деруновъ*: Село Козьмодемьянское. Отношенія родителей и дѣтей (имущественныя).—**79, 80** и **84**. Того же: Семья, сем. дѣлежи при жизни отца, распоряженія на

Digitized by Google

случай смерти. 80, 81 82, 84 и 85. *В. Колесниковъ*: Послѣдствія крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. Указывается на вредное вліяніе крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ на экономическій бытъ крестьянина.—85. *А. Архангельскій*: Пѣсни и причеты Дмитровскаго прихода, Пошехонскаго у. №—23—27. Предыдущіе №№ пѣсенъ и причетовъ печатались въ Яросл. Г. В. за 1888 г. №№ 46—49, 52, 56 и 66 и въ 1889 въ №№ 9, 10, 18, 30, 51 и 68. *С. Я. Деруновъ*. Село Козьмодемьянское: Семейные дѣлежи по смерти отца или матери.

Примѣч. Окончаніе библіографіи за этотъ годъ будетъ помѣщено въ будущемъ году.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Къ вопросу о народной медицинѣ.

Нѣкто А. С. обратился письменно въ Этнографическій Отдѣлъ Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи съ предложеніемъ, не найдетъ ли Отдѣлъ возможнымъ поставить на серьезную почву изученіе народной медицины. Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ этого письма: „Этнографическій Отдѣлъ давно уже дѣлаетъ доброе и полезное дѣло изслѣдованіемъ мѣстныхъ обычаевъ и условій народнаго быта... Но есть цѣлая область, еще почти нетронутая, но которая могла бы дать для науки очень многое, это—народная медицина. Въ селахъ и деревняхъ существуетъ цѣлое привиллегированное сословіе знахарей и знахарокъ, наслѣдственно передающихъ свои знанія; нѣкоторые изъ нихъ настолько выдѣляются, что становятся извѣстны чуть не по всей Россіи. Лѣчатъ они мѣстными травами, заговорами, растираніемъ и т. п. Наши врачи относятся скептически къ этого рода средствамъ и называютъ ихъ шарлатанскими, но сплошь шарлатанствомъ назвать этого нельзя... Народная медицина идетъ тѣмъ же путемъ, что и научная: какъ та, такъ и другая руководится главнымъ образомъ опытомъ, и какъ въ той, такъ и въ другой могутъ быть заблужденія... Правда въ послѣднее время медицинскія средства изучаются и примѣняются на болѣе точномъ основаніи знанія химіи и физіологіи; но давно ли это? Замѣчательно, что научная медицина открываетъ новыя средства, которыя точно какимъ-то инстинктомъ угадывалъ народъ. Массажъ сталъ примѣняться врачами недавно, между тѣмъ какъ въ народной медицинѣ онъ употреблялся давно, напр. при вывихахъ, ломотѣ и проч... Изучить народныя сред-

Digitized by Google

ства съ научной точки зрѣнія, изучить характеръ дѣятельности знахарей и знахарокъ, хотя бы даже въ явно шарлатанскихъ пріемахъ, каковы, напр., заговоры; изучить тѣ причины, по которымъ эти люди пользуются вліяніемъ, ихъ бытъ, отношенія къ паціентамъ,—вотъ главная, хотя и нелегкая задача..." Вопросъ, затронутый авторомъ записки, безъ сомнѣнія, одинъ изъ весьма важныхъ и интересныхъ вопросовъ народнаго быта, и Этнографическій Отдѣлъ не исключаетъ его изъ области своихъ занятій. Въ изданную Отдѣломъ „Программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній" 1887 и 1889 гг. внесены нѣкоторые вопросы и по народной медицинѣ (стр. 37 и слѣд.) Въ I кн. „Этнографич. Обозрѣнія" была помѣщена отдѣльная статейка по этому вопросу; въ библіографическомѣ отдѣлѣ нашего изданія точно также отмѣчаются относящіеся къ этому факты, и въ программу изданія внесена рубрика по народной медицинѣ. Этого, конечно, недостаточно. Дѣло настолько серьезное, что требуетъ и серьзной постановки, но вмѣстѣ съ тѣмъ это дѣло такое, которое требуетъ и спеціальныхъ познаній, именно медицинскихъ, какими рѣдко кто изъ этнографовъ обладаетъ. „Здѣсь скорѣе дѣло врача", совершенно справедливо замѣчаетъ г. А. С., и врачи, имѣющіе ближайшее соприкосновеніе съ простонародьемъ, дѣйствительно болѣе всего могли бы сдѣлать въ этомъ отношеніи безъ особеннаго затрудненія. Въ газетахъ появилось было извѣстіе о томъ, что петербургскіе врачи подняли вопросъ о собираніи свѣдѣній черезъ сельскихъ учителей и фельдшеровъ о знахаряхъ и знахаркахъ и о народныхъ медицинскихъ средствахъ (см. „Эти. Обозр." II, 197), но такъ это извѣстіе и заглохло, и мы не знаемъ, въ какомъ положеніи этотъ вопросъ въ настоящее время. Народные учителя, священники, фельдшера, фельдшерицы и т. д., не говоря ужъ о врачахъ, безъ сомнѣнія могутъ сообщить весьма цѣнныя свѣдѣнія по этому вопросу. Но намъ кажется, что для руководства прежде всего необходима спеціальная программа. Въ виду этого редакція „Эти. Обозр." обращается съ просьбою ко всѣмъ, кто интересуется этимъ дѣломъ, помочь въ составленіи такой программы присылкою тѣхъ вопросныхъ пунктовъ, какіе, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ имѣть въ виду при изслѣдованіи народной медицины. Когда вопросъ будетъ болѣе или менѣе исчерпанъ, тогда можно будетъ приступить къ изданію программы, которая можетъ найти мѣсто на страницахъ „Этногр. Обозрѣнія," а кромѣ того войдетъ въ общую этнографическую программу, или же будетъ издана отдѣльно.

Н. Я.

Digitized by Google

Мелкія этнологическія замѣтки.

1. *Къ вопросу о прозваніи Ильи Муромца.*

Новѣйшія изслѣдованія по былевому эпосу доказали, что прозваніе богатыря Ильи—„Муромецъ"—сравнительно поздняго происхожденія, что оно—дѣло поздняго пріуроченія и осмысленія ничего не говорящей сѣверной Россіи старой формы, которая дошла до насъ въ нѣсколькихъ варіантахъ: *Morowlin* (Ляссота), *Murawlenin* (Кмита Чернобыльскій), *Муровецъ* (Панкѣевъ), *Муромлянъ* (Муровлянъ?) [1]). Эту форму сближали съ Муровцемъ, Муровскимъ островомъ на Днѣпрѣ, но можно указать еще нѣсколько личныхъ и топографическихъ именъ [2]), которыя приводятъ насъ къ этому прозванію Ильи: *Муравскій* шляхъ по водораздѣлу Днѣпра и Дона (Сборникъ лѣтоп., относящ. къ ист. Ю. и З. Руси, Кіевъ, 1888, 91, 92; изслѣд. г. *Руссова* о шляхахъ), воспѣваемая въ одной волынской пѣснѣ рѣка *Муравець* (Житецкій, op. cit., 346), львовскій монахъ XVII в. *Murawiec* (Сборникъ лѣт., 242), упоминаемый Длугошемъ Nicolai *Morawiec* (Ioannis Dlugossi Hist. Polon., Francofurti, 1711, т. I, XI, стр. 251 A и 270 B), и въ особенности *Моровскъ* (Черн. губ., Остер. у.)—древній Моривѣйскъ: Александровичъ („Остерскій уѣздъ", Кіевъ 1881, стр. 5, и Багалѣй, op. cit., 145, срв. 52) нашелъ первое упоминаніе о немъ подъ 1139 г., но, несомнѣнно, онъ существовалъ и раньше, такъ какъ подъ этимъ годомъ упоминается не объ его основаніи, а о томъ, что возлѣ него Ярополкъ Владиміровичъ былъ встрѣченъ посольствомъ Всеволода Ольговича. Послѣднее сближеніе тѣмъ болѣе важно, что въ былинахъ и сказкахъ объ Ильѣ Черниговщина играетъ большую роль. Любопытное указаніе объ Ильѣ даетъ Котляревскій, замѣчательный знатокъ южно русскаго быта прошлаго вѣка, разсѣявшій въ своей „Энеидѣ" массу интересныхъ указаній для исторіи южно-русской культуры. Въ числѣ лубочныхъ картинъ онъ указываетъ и картину такого содержанія:

---

[1]) А. Н. Веселовскій, Исполинъ Илья Муромецъ у Луиса де Кастильо, Ж. М. Н. Пр. 1883, Юж. р. был., вып. I, 61—64; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 261, 800; Халанскій, Былины, 27; Гильфердингъ, № 185 и т. д.

[2]) Новицкій. Указатель къ изд. врем. ком. для разб. древн. акт., т. I. Кіевъ, 1878, имена личныя, стр. 472—3: Моравецъ, Моранскіе (Муравскіе), Морановскіе, и стр. 479: Муравець, Муравицкіе; т. II, им. геогр., Кіевъ. 1883, стр. 517: островъ Моровинъ, с. Моровскъ (Муравскъ); стр. 527: м. Муравица, Муравскій, шляхъ; стр. 528: остр. Муравецъ.

Digitized by Google

Якъ Муромець Илья гуляйе,
Якъ бьйе половцивъ, проганяйе—
Якъ Переясливъ боронывъ...

(Дешевая библіотека, № 84, Энеида Котляревскаго, стр. 123). Нѣтъ никакихъ основаній заподазрѣвать достовѣрность этого показанія; желательно было бы, чтобъ южно-русскіе ученые освѣтили это указаніе, очень интересное, но сомнительное для многихъ вслѣдствіе того, что оно стоитъ совершенно одиноко.

2. Къ малорусскимъ легендамъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Малорусскія легенды объ Ильѣ Муромцѣ [1]) не всегда совпадаютъ съ великорусскими былинами и сказками объ этомъ богатырѣ въ своихъ подробностяхъ. Анализъ ихъ могъ бы внести, по нашему мнѣнію, много новаго въ разработку русскаго былевого эпоса, но для этого у насъ пока нѣтъ подъ руками надлежащихъ матеріаловъ. Изъ этихъ разсказовъ наиболѣе оригиналенъ разсказъ, напечатанный г. Сумцовымъ: во второй части его Илья (называемый пророкомъ), выступаетъ въ роли разбойника, съ такими чертами, которыя приводятъ насъ къ легендамъ о кровосмѣсителѣ-разбойникѣ; когда онъ послѣ 37-лѣтняго сидѣнія появился въ полѣ, отецъ и мать его умерли со страха. Насколько мы знаемъ, эти черты въ Великороссіи неизвѣстны; онѣ примыкаютъ къ западнымъ сказаніямъ объ Ильѣ пророкѣ, по которымъ онъ убилъ отца и мать и т. д. (А. Н. Веселовскій, Разыск., вып. IV, 264, 326; Schuller, Kolinda, Hermanstadt, 1860, 28; Schott, Walach. Märchen, 281—2).

3. Къ былинамъ о Соловьѣ-Разбойникѣ.

Въ чудовищномъ образѣ былиннаго Соловья-Разбойника слѣдуетъ, кажется, видѣть рядъ разнообразныхъ и разновременныхъ наслоеній. Имя его есть или искаженіе какого-нибудь непонятаго народомъ имени, или отзвукъ примитивныхъ названій людей именами животныхъ. Если считать былинную и сказочную локализацію мѣстопребыванія Соловья и разбойни-

[1]) „Новости", 1889, № 108; „Елисаветградскій Вѣстникъ", 1889, № 92; Драгомановъ, Преданія, стр. 248—9; Кулишъ, Зап. о Ю. Р., II. 48—57; Трусѣвичъ, „Кіевлянинъ", 1866, № 6; Trusiewicz, Kwiaty i owoce 247—8; Rulikowski, Zbiór, III, 1879, Dz. Etn., стр. 67—9; de Povadon, Revue Internationale, 1888, 25 іюня (К—ій, Кіев. Ст., 1888, XII, библ. 74); Петровъ, l. c., 373; Галаховъ, Ист рус. лит., I (1880), 27; Сумцовъ, Апокрифы, Кіев. Ст. 1887, XI, 419—420.

Digitized by Google

ковъ (не всегда послѣдовательно выдержанную) дѣломъ позднѣйшихъ измѣненій, то во враждебныхъ „залеганіяхъ дороги“ и столкновеніяхъ Соловья и разбойниковъ съ Ильей можно видѣть поэтическіе отголоски вражды Полянъ и Сѣверянъ, христіанъ и язычниковъ (припомнимъ, что Соловей возмущаетъ Илью, хвастаясь существующимъ у него въ роду кровосмѣшеніемъ [1]); срв. лѣтописную характеристику язычниковъ—Сѣверянъ: *Багалѣй*, Ист. сѣв. земли, 95—98 и т. д.). Въ Соловьѣ можно подмѣтить отраженія типичнаго сказочнаго змѣя, бортничества, апокрифической птицы Ногой и т. д. По сообщенію С. Н. Маслова въ Орловской губ., *Карачевскомъ* у. есть село „Девять Дубовъ“ и „Соловьевъ Перевозъ“. Желательно было бы, чтобы мѣстные жители возможно полнѣе собрали орловскія преданія о Соловьѣ: только тогда можно будетъ рѣшить, составляютъ ли эти названія отложенія былинныхъ фактовъ, или наоборотъ.

4. *Малорусскія пѣсни о Дунаѣ богатырѣ.*

Дунай принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ древне-русскимъ богатырямъ, память о которыхъ до сихъ поръ сохранилась въ Малороссіи. По свидѣтельству Стецкаго („Волынь“, Львовъ, 1864, стр. 119) въ одной пѣснѣ, извѣстной въ Украинѣ и на Волыни, поется о томъ, „что Дунай Селивановичъ ходилъ въ „рудожелтомъ“ кафтанѣ, носилъ черную шапочку-мурмашку (норманку) и былъ большой мастеръ играть на звончатыхъ гусляхъ. Во время одного хоровода (na jednej zabawie) понравилась ему дочь вдовы; онъ заигралъ передъ ней, уронилъ свою шапочку-мурмашку, дѣвица подняла ее—и Дунай былъ счастливъ“. Существованіе пѣсенъ о Дунаѣ въ Малороссіи подтверждается Миллеромъ („Малор. нар. думы и Кобзарь О. Вересай“, Древн. и Нов. Рос., 1875, IV, стр. 352), г. Драгомановымъ („Къ вопросу о слѣдахъ великор. богатыр. эпоса въ Малор.“, ib. IX, 96) и г. Петровымъ („Слѣды сѣв. рус. был. эпоса въ юж. рус. нар. лит.“, „Труды Кіев. Дух. Акад.“, 1878, V, стр. 381—381). Вѣроятно, Дунай этихъ пѣсенъ и „Дуньче-козаче“ пѣсни, помѣщенной у П. И. Житецкаго (Очеркъ звук. ист. малор. нарѣчія, стр. 310)—одно и то же, хотя, можетъ быть, „Дуньче-козаче“—искаженіе „донской козакъ“. Великорусская хороводная пѣсня о Дунаѣ помѣщена у г. Пальчикова („Крестьянскія пѣсни“, № 15) и у др.

---

[1]) Замѣчательное совпаденіе въ данномъ случаѣ представляютъ древнегреческія преданія объ Ѳолѣ: „tu (Aiolu) kai dôdeka paides eni megarois gegnasin, hex men thygateres, hex d'hyiees hêbôontes enth' hoge thygateras poren hyiasin einai akoitis“ (Odys X, 5—7).

Digitized by Google

5. *Тугаринъ.*

Въ литературѣ принято считать это имя искаженіемъ слова Тугорканъ. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ сближеніе его съ туганить=обижать, гнести, угнетать, придираться, неволить, нудить, силовать, или съ тугурить=чутко, внимательно остерегаться, бдительно стеречь (толковый словарь Даля)— вообще съ общеславянскимъ корнемъ туг. Кромѣ Змѣя Тугарина (=насильника?) или Тугарина Змѣевича, встрѣчается въ сказкахъ Федоръ Тугаринъ, врядъ ли имѣющій что-нибудь общее съ Тугорканомъ. Морошкинъ (Слав. именословъ, СПБ, 1867, стр. 195) указываетъ нѣсколько славянскихъ именъ отъ корня туг (Туганинъ, Туганъ и т. д.); г. Новицкій (Указ., имена личныя, т. I, Кіевъ, 1878, стр. 719) упоминаетъ мурзу Тугай-бея. Въ виду этого сближеніе Тугарина съ Тугорканомъ кажется намъ очень сомнительнымъ; вѣроятнѣе всего, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ нарицательнымъ именемъ, которое вслѣдствіе забвенія его первоначальнаго значенія сочтено было за имя собственное.

6. *Къ пѣснямъ и былинамъ о Журилѣ-Чурилѣ-Цюрилѣ.*

Г. Кандинскій въ своей статьѣ: „Матеріалы по этн. сысольскихъ и вычегодскихъ Зырянъ" приводитъ, со словъ одного старика, любопытное извѣстіе о томъ, что Чурило былъ древнимъ главнымъ богомъ чуди (Этн. Об. III, 105; отсюда—чурка, незаконнорожденный ребенокъ, выраженіе: чурки буди энъ вомзясь—не испортись). Это не единственный случай обоготворенія инородцами воспѣтыхъ въ былинахъ богатырей: чуваши знаютъ Илью—бога, о которомъ они разсказываютъ то же, что русскія былины и сказки объ Ильѣ Муромцѣ (А. Н. Веселовскій, Разыск. въ обл. р. дух. ст., вып IV,351—2 со ссылкой на „Мат. къ объясн. стар. чув. вѣры" Магнитскаго 29, 251—3). Распространенность въ славянскихъ языкахъ корня *чур.*, характеръ и исторія сказаній о Чурилѣ и т. д. врядъ-ли допускаютъ возможность заимствованія русскими Чурила отъ инородцевъ, хотя, быть можетъ, внимательный анализъ, для котораго пока очень мало матеріала, и откроетъ въ русскихъ сказаніяхъ о Чурилѣ нѣкоторыя инородческія черты, какъ и въ сказаніяхъ объ Ильѣ и т. д. Для выясненія генезиса сказаній о Чурилѣ имѣютъ громадное значеніе малорусскія пѣсни о Журилѣ-Чурилѣ-Цюрилѣ, до сихъ поръ еще очень мало изученныя (П. И. Житецкій, Очеркъ звук. ист., 317—8; Жегота Паули, гал. пѣсни, II, 149—150; Ант. и Драг., Ист.

Digitized by Google

пѣсни, I, 54—5; Чубинскій, IV, 539; Петровъ, l. c., 387; Дашкевичъ, Былины, Кіев. Унив. Изв., 1883, май, 249—250; Dzieła znakomitych pisarzów krajowych, т. I. Lwów, 1857, przypis do str 39—pisma Дунина-Борковскаго; Несецкій, Korona Polska, I, 388—9; Балинскій и Липинскій, Starożytna Polska, II, 1375; Костомаровъ, Ист. поэзія и нов. ея мат., Вѣст. Европы, 1874, XII, 593—4; Kolberg, Pokucie, I, 176; Соколовъ, Солнечные боги [1]). Откладывая подробный разборъ этихъ пѣсенъ до другого раза, отмѣчу нѣкоторыя ихъ любопытныя черты. Эти пѣсни привязываются то къ веснѣ и весеннимъ играмъ, то къ свадьбамъ: фактъ, вполнѣ объясняемый исторіей брака, которая на каждомъ шагу констатируетъ постоянный обмѣнъ между весенними и свадебными пѣснями. Несомнѣнно, что первоначально эти пѣсни были *только* весеннія; это ясно видно изъ ихъ характера. Ксеня (v. Дженджурыха?), которая въ большинствѣ этихъ пѣсенъ упоминается рядомъ съ Чуриломъ, по всей вѣроятности=ksieni галицкихъ весеннихъ игръ *брачнаго* характера (Pauli, Pieśni ludu polskiego w Galicyi, Lwów, 183[illegible], стр. 13; Szablewska, Wesele i krzywy taniec u ludu ruskiego w okolicy Zbarażu, Zbiór, VII, 1883, Dz. etn., 132—3), т. е. аббатисса, игуменья (срв. игуменья Чурилья въ былинахъ), настоятельница женскаго монастыря [2]). Во время этихъ игръ дѣвушки часто выбираютъ себѣ предводительницъ съ названіями: королева, царица, княжна, старостиха и т. д. (очень вѣроятно, отголосокъ примитивныхъ клебберталей и дуэній; см. ст. Чернышова, Кіев. Ст., 1887, XI. 491—505; Зиберъ Еще о братствахъ, Слово, 1881, I и Очерки прим. экон культ., 277—296, 311 слѣд.). Ksieni—одинъ изъ варіантовъ такихъ названій. Въ представленіяхъ о Ksieni, какъ и о Журилѣ—Чурилѣ, легко подмѣтить смѣшеніе историко-бытовыхъ и миѳологическихъ элементовъ (брачный характеръ—и оплодотвореніе земли); изучать ихъ, конечно, только и можно въ связи съ весенними и свадебными обрядами.

Извѣстный эпизодъ о неудачномъ романѣ Чурилы съ Катериной и Ваньки ключника съ княгиней Волхонской, разобранный отчасти А. Н. Веселовскимъ (Юж. был., т. II, стр. 101 слѣд.) находитъ себѣ полную параллель въ малорусскихъ, польскихъ бѣлорусскихъ пѣсняхъ о Петрусѣ, львоскомъ кравчикѣ и т. д. [3]).

---

[1]) Указаніе П. Н. Милюкова.

[2]) Польское слово, употребляемое и галицкими русинами.

[3]) Zbiór, VIII, 1884, Dz. Etn. стр. 73, VII, 1883, стр. 171 и X, 194; срв. Sbornik и т. д., II, стр. 98—9; Kolberg, Pokucie II, стр. 47—50, срв.

Digitized by Google

Длугошъ (Ioannis Dlugossi seu Longin. Hist. Polon. libri XII, Lipsiae, 1711, т. I, lib. X, стр. 50, подъ 1381 г.; срв. „Висла". 1889, I, стр. 4) сообщаетъ подобный разсказъ о „Semovitus totius tunc Masoviae unicus dux". Конечно, такія исторіи могли часто случаться и обращать на себя вниманіе народа; сопоставленіе пѣсенъ, воспѣвшихъ такія трагическія катастрофы, можетъ быть интересно съ той точки зрѣнія, что очень часто старыя, сложившіяся по другому поводу пѣсни приноравливаются народомъ къ событіямъ болѣе позднимъ—и измѣняются въ такомъ случаѣ только имена и мелкія подробности.

7. Журъ.

Г. Сумцовъ въ своихъ статьяхъ: „Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ" (Кіев. Ст. 1885, VII, 417 слѣд. и отд. отт., Кіевъ, 1885, 1—14) и „Культурныя переживанія" (ib. 1889, VII, № 47, стр. 43—4) производитъ малорусскаго Журила (Чурило, Цюрило) отъ слова журъ-кисель, хлѣбное кушанье. Откладывая разборъ этой теоріи до другого, болѣе удобнаго раза, считаю нелишнимъ пополнить приведенныя г. Сумцовымъ данныя, которыя я объясняю себѣ въ совершенно иной связи и которыя имѣютъ интересъ сами по себѣ, безъ отношенія къ былинному Чурилу. По словамъ Новосельскаго (Lud ukr., I, 241) „еще недавно богомольцы разсказывали, что какой-то маляръ (соб. narodowy artysta)... нарисовалъ на стѣнѣ одного изъ кіевскихъ монастырей фигуры двухъ постныхъ кушаній малорусскихъ—Жура и Кваши. Журъ, плотный казакъ, „zarzucił wyloty, zamotał za ucho potężny oseledec, pokręca wąsa i zdaje się, że zuch ten mruga brwiami na przechodzące tamtędy dziewki i mołodyce". Кваша же, старая, неопрятная, грязная баба, сморщилась, „заслинилась" такъ, что смотрѣть на нее гадко,—кажется, что „скибками" даже не взялъ бы ее". Г. Gloger (Skarbczyk, Zwyczaje doroczne, Warsz. 1882, стр. 7) приводитъ польскую пѣсню о Журѣ—панѣ Журавскомъ въ видѣ, отличномъ отъ пѣсенъ, напечатанныхъ Кольбергомъ (Lud, V, 270—1), которыми руководствовался г. Сумцовъ при своихъ сближеніяхъ. „Плёнъ" (отъ польскаго

51—2; Lud, I, 84—114; XII, № 431; Вацлавъ зъ Олеска, I, 514, срв. 483; Чтенія, 1863, III, 57—62; срв. 70; Житецкій. l. c. 311, 316. 320; Костомаровъ, Вол. пѣсни, 201; Чубинскій, Труды V, 64, 670—2, 1017; 1068, 1071; Головацкій, I, 62—4; Шейнъ, Мат. 430—431; Дмитріевъ, Опытъ, 28—29; Карпенко, Васильк. соловей, 158—9; Kolberg, Pieśni ludu polsk, 1857, I, 84—115, 303—4; Lipiński, Pieśni, ludu wielkopol., 179, Wójcicki, Piesni, 69, 147; Paulí, польск. пѣс., 98; Wasilewski, Jagodne, стр. 194—6, и т. д.

Digitized by Google

plon, урожай, обиліе), съ которымъ г. Сумцовъ сближаетъ отчество Чурила—Пленковичъ, встрѣчается не только въ польской пѣснѣ, съ которой г. Сумцовъ познакомился по статьѣ Срезневскаго (Маякъ, 1843, XI, 53), но и во многихъ другихъ польскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ пѣсняхъ (см. „Висла", 1889, стр. 518; Головацкій, Пѣсни, IV, стр. 191—2, 200—1; Козловскій, Lud, Warsz. 1867, стр 204—5; Gloger, Zwycz, dorocz., стр. 31—8; Zbiór, VIII (1884), Dz. etn., стр. 72, № 18, Вацлавъ зъ Олеска. Гал. пѣсни, стр. 56; Шейнъ, Матеріалы, стр. 266, 270; Pauli, малор. пѣсни, стр. 51 и т. д.). Сходно съ польскимъ сербское плен—множество, обиліе.

8. Къ Бѣлорусскому народному снотолкователю г. Романова.

„Бѣлорусскій народный снотолкователь" г. Романова, напечатанный въ настоящей книжкѣ „Этнографическаго Обозрѣнія", представляетъ довольно цѣнный матеріалъ для народной символики и вообще для исторіи народныхъ повѣрій, легендъ и т. д. Не входя въ подробный разборъ его, отмѣтимъ нѣсколько небезынтересныхъ частностей.

„Луну ясную (видѣть)... ничóго, дóбро... Заходъ луны видѣть —смерть табѣ будя" (стр. 57). Это толкованіе сна примыкаетъ, конечно, къ цѣлому ряду легендъ, трактующихъ о вліяніи луны на человѣческую жизнь. По словамъ латышской сказки (В. Ѳ. Миллеръ, Сборникъ мат. по этн., II 11), однажды мѣсяцъ сказалъ солнышку: „что ты такъ чванишься, что согрѣваешь весь свѣтъ? Я вѣдь дѣлаю еще больше: я рождаю, выращиваю, содержу и умерщвляю. На меня всѣ смотрятъ, да примѣчаютъ: старикъ, идя ночью по дорогѣ, посмотритъ на меня, опершись на свою палку, и когда у меня голова кверху, а ноги и спина внизъ, то умираетъ". По малорусскимъ повѣріямъ (Чубинскій, Труды, I, 7—9, 11) луна можетъ сильно вліять на людей, животныхъ, растенія, на человѣческій возрастъ, здоровье и т. д. Вѣчные жиды малорусской легенды [1]) старѣютъ когда „мисяць старый" („старыкъ", фаза луны), и молодѣютъ когда мѣсяцъ „молодый" („молодыкъ") Такія преданія стоятъ далеко не одиноко и находится въ непосредственной связи съ примитивными воззрѣніями на луну (см. Лосіевскій, Башкирское преданіе о лунѣ въ связи съ преданіями другихъ народовъ

[1]) См. мою ст.: „Палій и Мазепа", Э. О. II, 101 (отд. 22), прим. 3; Свидницкій, Великдень у Подолянъ, Основа, 1861, окт. 52; Чубинскій, Труды, I, 10—11; А. Н. Веселовскій, Отчетъ о 22 присужденіи нагр. гр. Уварова, 177—8 и пр.

Digitized by Google

о солнцѣ и лунѣ, Изв. И. О. Л. Е., А. и Э., т. XXVIII, 145—151). Въ связи съ ними, кажется, находится и слѣдующая словинская пословица „ver sa ten už na starom mesiaci narodie" (знач.: stary je, ubuda mu sila). [1])

„Жемчугъ (видѣть)—слезы (будутъ)." Это толкованіе (стр. 65) представляетъ замѣчательную параллель къ „смутному сну" Святослава въ „Словѣ о полку Игоревѣ" („сыпахуть ми тьщими тулы поганыхъ тълковинъ великый женчюгъ на лоно"), что впрочемъ уже указано изслѣдователями, и, быть можетъ, находится въ связи съ малорусскими повѣріями о фантастической „жемчужной травѣ" (г. Сумцовъ, „Этногр. Зам.", Эт. Об. III, 121—2=отд. отт., Москва, 1889, стр. 11—12)

„Поймать рыбу во снѣ—забеременѣть" (стр. 70). Срв. распространенныя легенды о чудесной беременности отъ уловленной особымъ образомъ рыбы (моя статья о Паліѣ и Мазепѣ, Э. О. III, стр, 95, отд. отт. 15, прим. 1 и т. д.)

9. *Превращеніе въ растенія и деревья.*

Преданія объ этихъ превращеніяхъ принадлежатъ къ числу очень распространенныхъ, извѣстныхъ многимъ народамъ на протяженіи многихъ вѣковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ указаны въ настоящей книжкѣ Этн. Обозр. (стр. 50—3), но этими указаніями, конечно, вопросъ далеко не исчерпывается. По малорусскимъ преданіямъ (Nowosielski, Lud, II, 149—150) братъ и сестра, не зная о своемъ родствѣ, вступили въ бракъ; узнавши, они пришли въ отчаяніе; Богъ превратилъ ихъ въ цвѣтокъ—братки (Иванъ да Марья, viola tricolor). Срв. Костомаровъ, Волын. нар. пѣсни въ Мал. лит. сборн. Мордовцева, Саратовъ, 1859, стр. 234 № 39 (братъ зъ сестрою) и стр. 236—7, № 41 (тополя); Czeczot, Pieśni wieśniacze, ks. III, стр. 66 (братъ и сестра); Neymann, Mat etnogr., Zbiór, VIII, Dz. etn., стр. 167, № 129 (тополя), стр. 292 и т. д. [2]).

10. *Сонъ-трава.*

Въ „Этнографическихъ замѣткахъ" г. Сумцова, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ Этн. Обозр. (стр. 112—118, отд. отт. 2—8) разбираются довольно подробно малорусскія легенды о Сонъ-травѣ (Anemone pratensis). Считаемъ не лишнимъ попол-

---

[1]) Sbornik slovenskich narodnich piesni, povesti, prislovi, porekadiel, hadok, hier, obyczajov a povier, sväzok I, vo Viedni, 1870, стр. 102. № 594.

[2]) Еще нѣкоторыя указанія даны въ моей „Малорусской свадьбѣ" („Труды Этн. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.", т. VII, прим. къ пѣснѣ 220). *Н. Я.*

Digitized by Google

нить собранный авторомъ матеріалъ слѣдующей малорусской легендой, напечатанной г-жей E. S. (p. Stefanija Ulanowska, Symbolika wiosenna, Krakow, 1884, стр. 8—9). „Сонъ-трава появляется изъ земли первою и очень рано начинаетъ цвѣсти. Она—сиротка, которую злая мачеха выгоняетъ изъ земли раньше всѣхъ другихъ растеній. „Выходи же, выходи!“ говоритъ она: „Не сиди въ хатѣ, тунеядецъ (próżniak),— уже всѣ цвѣты расцвѣли, тебя только нѣтъ между ними“. Бѣдняжка должна повиноваться, появляется на Божій свѣтъ, но, увидѣвъ, что нѣтъ еще на землѣ ни одного изъ товарищей, печально склоняетъ головку и дремлетъ, какъ сирота“.

В. Каллашъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Имп. Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Моск. университетѣ. Этнографическій Отдѣлъ Общества имѣлъ съ 15-го октября три засѣданія, въ которыхъ были доложены сообщенія гг. *В. В. Каллаша*: „Историческія лица и событія прошлаго вѣка въ народныхъ преданіяхъ“; *В. И. Ашмарина*: „О культѣ Кереметя у чувашъ“; *В. В. Кандинскаго*: „Національныя божества сысольскихъ и вычегодскихъ зырянъ“; *А. А. Казмина*: „Предварительный отчетъ объ этнографической поѣздкѣ на Донъ“; *В. М. Михайловскаго*: „О шаманствѣ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ“; *А. С. Хаханова*: „Культъ предковъ и огня у грузинъ“; *П. В. Иванова*: „Народныя легенды Харьк. губ.“. Кромѣ того, было сдѣлано нѣсколько мелкихъ сообщеній и отзывовъ о новостяхъ этнографической литературы.

Членъ Отдѣла *Н. Н. Харузинъ* окончилъ обширное изслѣдованіе о лопаряхъ русскихъ и отчасти скандинавскихъ, которое уже отпечатано и въ самомъ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу. Для личнаго знакомства съ современнымъ бытомъ лопарей, г. Харузинъ предпринималъ по командировкѣ отъ Отдѣла спеціальную поѣздку на сѣверъ вмѣстѣ съ своей сестрою *В. Н. Харузиною*, которая описала свои путевыя впечатлѣнія въ вышедшей на дняхъ книжкѣ „На сѣверѣ“, не лишенной живого этнографическаго интереса.

Имп. Рус. Географическое Общество въ своемъ послѣднемъ отчетѣ (за 1888 г.) сообщаетъ между прочимъ перечень

Digitized by Google

этнографическихъ матеріаловъ, поступившихъ въ Общество за послѣднее время отъ слѣд. лицъ: *Д. Н. Островскаго*: „Лопари и ихъ преданія" (см. выше библіогр.; авторъ доставилъ въ Общество также коллекцію изъ быта Лопарей); свящ. *К. Щеколдина*: „Лопарскія сказки"; *Зыкуса*: „Литовскіе напѣвы" (возвращены автору для дополненія); *Гр. Верещагина*: „Вотяки Сарапульскаго уѣзда" (см. выше библ.); *М. А. Саковича*: „Крестьяне мѣстечка Мотоля (Гродн. г. Кобрин. у.) и ихъ пѣсни"; *Н. Симонова*: „Свѣдѣнія по этнографіи. Буляжъ (?Грод. г.); *Е. Т. Соловьева*: „Договорное право по обычаямъ великорус. и инородческаго населенія Казанской г.; *А. Бурбы*: „Литовскіе напѣвы" (Ковен. г.); *М. Довойны-Сильвестровича*: „Литовскія легенды, басни и сказки собранныя въ окрестностяхъ г. Россіенъ" (Ковен. г.; часть легендъ напечаталъ собиратель въ Тильзитѣ, 1889 г.); *Мицкуса* (Мицкевича): „Пѣсни и орацiи. собран. въ Шимкаицкой волости (Ков. г.) *Е. Р. Романова:* „Заговоры, апокрифы, духовныя стихи" (это составитъ 5-й выпускъ его „Бѣлорусскаго сборника", первые выпуски котораго изданы въ Кіевѣ; продолженіе будетъ печататься въ Могилевѣ); *И. Я. Спрогиса*: „Похоронный обрядъ у латышей; въ 40-хъ годахъ" и „Судьба стариковъ у древнихъ латышей"; *Р. Р. Шлюпаса*: „Мелодіи Литовскихъ пѣсенъ"; *С. О. Балторомайтиса* (въ другомъ мѣстѣ Блатеромайтисъ): „Библіографическій указатель литературы о Литвѣ", *Дыдзюля*: „Образецъ литовскихъ легендъ"; *Ѳ. Ильинскаго*: „Русская свадьба въ Бѣлгородскомъ уѣз." (Кур. г.) и „Русскія народныя пѣсни", зап. тамъ же; *И. Н. Мамакина*: „Матеріалы по этнографіи Лукьяновск. у. (Нижегородской губ.)"; *Г. И. Куликовскаго*: „Загадки, пословицы и поговорки Обонежья"; *Ю. А. Сыропятова*: „Народная поэзія Периск. губ."; *А. А. Ресина*: „Очеркъ инородцевъ русскаго побережья Тихаго океана" (нап. въ „Извѣстіяхъ" Г. Общ); *А. Н. Минха*: „Народныя суевѣрья, предразсудки и т. д." (Сарат. г.); *В. Н. Добровольскаго*: „Религіозныя народныя повѣрья и сказанія Калязинск. у." (Твер. г.), *Ельчанинова*: „Собраніе корельскихъ словъ въ Бѣжецкомъ у." (Твер. г.); *М. В. Миловзорова*: „Роды и семейственное право Алтайцевъ"; *К. Д. Мачаваріани*: „Историч. очеркъ Сухума и Абхазіи" (возвращенъ автору); *Евг. Ярошиньской*: „Пѣсни Буковинско-русскаго народа изъ-надъ Днѣстра"; *С. С. Бобчева*: „Сборникъ на Българскитѣ юридически обычаи."

Въ томъ же отчетѣ сообщено, что общество занято составленіемъ программы для описанія русскихъ инородцевъ".

Съ Высочайшаго разрѣшенія Геогр. Общество открыло по-

Digitized by Google

всемѣстную подписку на премію и медаль имени покойнаго Н. М. Пржевальскаго для выдачи русскимъ путешественникамъ и изслѣдователямъ на полѣ географической науки На могилѣ Пржевальскаго, на берегу оз. Иссыкуля сооруженъ памятникъ (опис. см. въ газ., нпр., въ „Варш. Дневн.“ 181).

Казанское Общ. Исторіи, Археологіи и Этнографіи образовало изъ своей среды коммиссію по собиранію и изданію памятниковъ финскаго народнаго творчества, подъ руководствомъ г. М. Веске, лектора финскихъ языковъ при Казанскомъ университетѣ. Въ подобномъ предпріятіи чувствовалась необходимость въ виду оскудѣнія и исчезновенія инородческой поэзіи на ряду съ общимъ паденіемъ національнаго быта инородцевъ.

Императорское Одесское Общ. Исторіи и Древностей 14 ноября текущаго года праздновало пятидесятилѣтіе своего существованія. Поэтому случаю была выбита юбилейная медаль.

Въ Варшавскомъ музеѣ промышленности въ ноябрѣ и декабрѣ текущаго года открыта выставка произведеній древняго и новаго искусства и искусства въ примѣненіи къ промышленности. Въ январѣ будущ. года тамъ-же будетъ выставка сельскаго хозяйства и вспомогательныхъ промысловъ; съ 3-го февраля по 3 апрѣля—выставка мелкаго мѣстнаго промысла. Награды будутъ присуждаемы преимущественно экспонентамъ Привислинскаго края, а также внутреннихъ губерній.

По сообщенію столичныхъ газетъ, Императорская Публичная Библіотека пріобрѣла бумаги Вука Степановича Караджича, знаменитаго собирателя памятниковъ сербскаго народнаго быта и словесности. (Варш. Г. В.).

Эстонскій народный эпосъ „Kalewipoeg“ (Калевичъ) появился въ русскомъ переводѣ. Онъ печатался по частямъ въ „Эстляндскихъ Губ. Вѣд.“ (Э. Г. В. 20).

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТР. 73—90.

I. Пѣсни, записанныя Р. А. Пфеннигомъ.

а) *Киргизскія.*

1. Подъ луною есть одна звѣзда красивѣе луны;
Искренно любящій другъ лучше богача.
Если дурной человѣкъ оскорбитъ тебя,
То и тогда лучше быть добрымъ, нежели гнѣваться.

2. Желтая земля лежитъ, какъ крышка «кереговъ»... [1])
Золото родится въ желтой землѣ такъ же, какъ и желѣзо.

3. Черноокая! Я бымъ такъ далеко отъ тебя. Здравствуй!..
Теперь я, радостно улыбающійся, возлѣ тебя.
Горячо любимая! Когда я былъ далеко отъ тебя, я сильно тосковалъ;
Теперь для меня насталъ день счастья: ты--моя...

4. У гнѣдой пятилѣтней лошади нѣтъ хорошаго бѣга...
Вблизи нѣтъ аула... Впереди нѣтъ большого озера съ птицами.
Я пріѣхалъ издалека на гнѣдой пятилѣтней лошади.
Изъ бѣлой кибитки не выходитъ тонкая талія.

5. На Азретѣ сидитъ аистъ...
На золотомъ самоварѣ серебряный чайникъ.
Ты, подобно кречету, три раза перемѣнившему перья,
Ставъ бѣлой, увидишь-ли наше зеркальце, сидя въ своей кибиткѣ? [2]).

6. Конь Таралазбанъ, на которомъ я всегда ѣзжу,
По грязи и по растаявшимъ болотамъ не можетъ итти.

---

[1]) Кереги—деревянныя рѣшетки, служащія основаніемъ юрты.

[2]) Н. П. Остроумовъ перевелъ послѣдніе 2 стиха такъ:
Подобно кречету. и т. д.
Сдѣлавшись очень бѣлой, усидитъ ли въ своей кибиткѣ наше зеркальце?

Digitized by Google

Бабушка моя не спитъ...
Тише, тише говори!
Намъ пѣсня—не работа.
Что другое и дорого, а пѣсня дешева.
Бабушка моя не спитъ и пр.

7. Конецъ міра прійдетъ,—не успѣетъ глазъ моргнуть.
У дѣвушки талія тонка, какъ мѣдный кувшинчикъ.
Кыяктау, Макпалау! [1]) Я не нашелъ своего аула.
Ирь залифя заланау! [2]) Только скажи разъ, и я буду.
Сдѣлаешь дѣвушкѣ добро и не увидишь его,
Все равно, какъ спрятанный въ песчаную землю кувшинъ.
Кыяктау, Макпалау! и пр.

8. Аулъ мой откочевалъ на «Тогузъ-байга» [3]).
Бѣлая кибитка поставлена на зеленую траву.
Изъ всего народа я полюбилъ и выбралъ только тебя, дорогая.
Дай-же Богъ много лѣтъ Батимѣ!

б) *Сартскія.*

9. Пускай будетъ постоянно ночь
И день обратится въ ночь.
Когда я увижусь съ возлюбленной,
Была бы такая ночь, которая бы не разсвѣтала!
О прости, мой Боже!
Между розъ, возлюбленная,
Тебя я увидѣлъ;
Ты сама знаешь, другъ мой,
Что я тобой очарованъ (горю).
Прости, о Боже!
Пускай мечеть обратится въ медресе (школа),
А посреди пролегала бы дорога...

---

[1]) Собств. имена.

[2]) Фраза непонятна. Ирь—мужчина, остальныя слова татарскія (?) или сартскія (?). А. *И.*

[3]) Въ окрестностяхъ Оренбурга; въ буквальн. переводѣ означаетъ „тридцать скачекъ".

Digitized by Google

Если бы былъ справедливый царь,
Всякій бралъ бы себѣ въ жены свою возлюбленную.
Прости, о Боже!

10. [1]) Устремляю я напрасно на дорогу взгляды.
Сѣдла нѣтъ, лишь нагайка у меня осталась.
Но не жалко, что оставилъ гдѣ-то я сѣдло;
Жалко то, что въ томъ же мѣстѣ милая осталась.

II. Киргизскія пѣсни, записанныя А. А. Ивановскимъ.

11. Величаніе хозяину (предъ началомъ пѣнія).

(Мактагын).

Ты, Сарсенбай,—почетный человѣкъ, богатый, съ малыхъ лѣтъ богатырь, ты всегда щедрый, умный и разсудительный.

Хвалить буду тебя, буду богатымъ и я. Пѣсни пѣть тогда буду я день и ночь.

Сарсенбай у меня человѣкъ уважаемый. Денегъ у тебя полные мѣшки лежатъ. Я считаю тебя за прекраснѣйшаго человѣка.

„Лучше Сарсенбая никого нѣтъ",—такъ всегда я буду хвалить тебя въ своихъ пѣсняхъ. У Сарсенбая богатства много. Во всемъ мірѣ не могъ найти такого щедраго, какъ Сарсенбай.

Сарсенбай, ты любишь ѣздить на иноходцѣ; сѣдло и сбруя—изъ серебра; одежда на тебѣ вся дорогая. Щедрость твоя велика.

Ты—человѣкъ большой справедливости; съ малыхъ лѣтъ ты

---

[1]) Перев. М. В. Косовицкаго, см. стр. 91. Переводчикъ, очевидно, старался, чтобы и русскій переводъ пришелся по нотамъ, оттого переводъ не вполнѣ дословный. Поэтому мы привели въ другомъ переводѣ № 9, который случайно оказался записаннымъ и переведеннымъ также у г. Готовицкаго. У г. Пеннига (перев. Косовицкаго) № 9 читается такъ:

1. „Жду я, не дождуся тьмы ночной, чтобъ смѣнила день собой. Съ ней когда настаетъ встрѣчи часъ, пускай будетъ ночь всегда. Да проститъ мнѣ Богъ грѣхи!

2. Между розъ въ первый разъ тебя я встрѣтивъ, былъ плѣненъ тобой. Ты сама вѣдь знаешь, другъ мой, что сильна моя любовь. Да проститъ и пр.

3. Если (бы?) государь правдивый зналъ про любовь и страсть мою, отдалъ бы приказъ онъ лично насъ соединить съ тобой. Да проститъ и пр.—

Который переводъ вѣрнѣе предоставляемъ судить спеціалистамъ. *Ред.*

Digitized by Google

имѣлъ большое богатство. Если я буду хвалить тебя въ пѣсняхъ, надѣюсь, ты сдѣлаешь мнѣ подарокъ.

Ты—дорогой, дороже золота, дороже крѣпкаго булата. Я тебя не сравняю съ другими людьми; я считаю тебя за родного брата.

Около тебя постоянно терлись (вертѣлись) красивыя дѣвушки. Много есть людей, завидующихъ твоей красотѣ.

Ты только одинъ родился такой дорогой. Счастье твое больше счастья всего народа. Соберись и пятьдесятъ юношей, ни одному изъ нихъ не сравняться съ тобой.

Твои глаза остры и веселы; на красномъ умномъ лицѣ—черныя брови. Щедрость и счастье равны у тебя.

Руки у тебя, какъ золотыя. Все у тебя дѣлается съ умомъ. Если посадишь около себя красавицу, невольно она влюбится въ тебя.

Если откроешь ротъ, съ нёба течетъ медъ. Отъ лба твоего исходитъ блескъ, подобный солнечному. Твое тѣло сотворено изъ огня (такъ ты пылокъ!).

Изъ тысячи людей я не могъ найти лучше тебя. Если бы ты былъ птицей, то былъ бы лучше всѣхъ птицъ, былъ бы красивѣе даже попугая.

Во рту тридцать зубовъ, всѣ серебряные, брови золотыя. Лицо твое похоже на золото и серебро. Увижу тебя стоящимъ или сидящимъ, отъ красоты твоей пьянымъ дѣлаюсь.

12. Объясненіе въ любви.

Милая! Ты—бѣлый лобъ и я—бѣлый лобъ. Въ мірѣ не родилось еще такого человѣка, какъ ты, дорогая. Какъ съ неба орелъ, спустился я къ тебѣ. Дорогая, какой дашь мнѣ подарокъ?

Въ Москвѣ двѣ лошади ѣли соль. Одна изъ нихъ покачивалась (была иноходцемъ), потряхивая чолкой. Лошадь, прибѣжавъ издалека, стала сухая. Благополучна-ли ты, дорогая и милая моя.

Въ Москвѣ есть дѣвицы-красавицы, каждая стоитъ пять тысячъ рублей. Я привезъ тебѣ калоши, какихъ и онѣ не носили никогда.

Не я-ли стосковался по тебѣ, а ты—по мнѣ? Сильно любимая! Чѣмъ намъ даромъ шататься, лучше намъ сойтись обоимъ вмѣстѣ.

Я тебя искалъ пять лѣтъ, а ты, должно быть, обо мнѣ не ду-

Digitized by Google

мала? Я писалъ прошлаго года тебѣ письмо,—„пріѣдетъ", думалъ. Теперь я пріѣхалъ сюда искать тебя.

Я давно женихъ твой, дорогая, милая моя! Не томи меня, не будемъ понапрасну тратить время, подумай да стели постель... Одна ты у меня, любезная!

Ты для меня съ малыхъ лѣтъ красавица. Я искалъ тебя и, по милости Бога, нашелъ. Дамъ, что только запросишь, дорогая, но утѣшь меня, дай хорошій (благопріятный) отвѣтъ.

Невѣста отвѣтила: Ты меня искалъ и пріѣхалъ издали, дорогой. Я, только что ты успѣлъ пріѣхать, тотчасъ же пищу поставила. Я тосковала по тебѣ съ малыхъ лѣтъ. Если вздумаю пойти къ тебѣ, спрошу отца.

13. Споръ Ирбая съ Батимой.

(Ибраймен Батиманынг айтысканы).

Батима. Я тебя, Ибрай, люблю страстно и постоянно о тебѣ думаю. Пріѣзжай ко мнѣ скорѣе, поведемъ дѣло гласно.

Ибрай. Нѣтъ, я тебя любить не намѣренъ. Если хочешь вести дѣло гласно, то, видно, не любишь меня.

Б. Сдѣлаемъ на это условіе въ присутствіи родителей, соберемъ на пиръ много казаковъ (киргизовъ) и будемъ спорить. Кто оспоритъ, какой ему подарокъ?

И. Если ты переспоришь меня, буду служить работникомъ у тебя. А если жъ я переспорю тебя, то какая мнѣ будетъ награда?

Б. Я не думаю, чтобы ты переспорилъ меня; но если переспоришь, то я буду тебѣ законная жена.

И. Хорошо, я согласенъ на все. Будемъ гулять съ тобою вмѣстѣ. Знай, что къ веснѣ я пріѣду къ тебѣ.

Б. Нѣтъ, дружокъ, ты останешься у меня. Мнѣ будетъ скучно безъ тебя. Не говори, чего не слѣдуетъ. Я ни за что не останусь безъ тебя.

И. Нѣтъ, останешься безъ меня. У тебя есть другой любовникъ, —объ этомъ я узналъ отъ постороннихъ людей.

Б. Ахъ, дружокъ мой безцѣнный! Ты лучше всѣхъ! У меня кромѣ тебя нѣтъ никого, за это я ручаюсь головой.

Digitized by Google

И. Это увидимъ по окончаніи спора. Если я возьму тебя, то товарищи будутъ смѣяться надо мной.

Б. Надо мной нечего смѣяться. Дай Богъ, чтобы ты былъ наказанъ за то, что говоришь, не зная.

И. Зачѣмъ ты ругаешь меня, подлая? Пусть Богъ судитъ меня, если я говорю неправду; на это есть свидѣтели.

Б. Ахъ, душа моя, любимый мой, вкусъ твой сладкій, сахарный, медовый! Говори, Ибрайка, сколько душѣ угодно, а я никогда не забуду тебя, удалый молодецъ!

И. Батима золотоволосая и чернобровая! Сквозь шею видно, какъ ты глотаешь пищу. Въ мірѣ равной тебѣ я не считалъ никого.

Б. Голова у тебя, какъ у богатыря, безъ тебя мнѣ не весело. Теперь я и пѣть не могу; намъ нужно перестать и пиръ начинать.

И. Я ранѣе зналъ, что такъ и должно быть. Хорошо, перестанемъ пѣть, если ты будешь моей женой и будешь любить меня.

Б. Ибрай, умная у тебя голова. Чѣмъ меня брать, возьми лучше 15 лучшихъ лошадей.

Узю барган джокъ, 15 ат берып кутылды—сама не вышла за него, а отдала 15 лошадей.

14. Состязаніе во взаимовосхваленіи.

Милая, черныя брови, писанныя перомъ! Удивится красотѣ твоей всякій, кто увидитъ тебя. Между Петербургомъ, Омскомъ и Семипалатинскомъ не родилось еще ни одного человѣка красивѣе тебя!

—

Милый, бѣлые зубы, сладкіе, какъ сахаръ, сладкіе, какъ „казы“ (нѣчто вродѣ нашей колбасы), рѣзанные наискось, сладкіе, какъ „ялъ“ (шеина), сладкіе такъ-же, какъ если-бы я съ сахаромъ, урюкомъ и конфектами пила вкусный фамильный чай цѣною въ десять рублей фунтъ.

15. Первое формальное знакомство жениха съ невѣстой.

(Кюсу или калындыгын косарда айткан джирлар)

Молитва „Алхамъ“ стоитъ въ нѣчалѣ корана.
О, любовь, любовь (джар, джар! [1])

[1]) Послѣ каждаго стиха.

Digitized by Google

Всѣ пророки находятся передъ Богомъ.
Одинъ—жемчугъ (мерруарт), а другая „маржанъ“ (красн. камень)
Одинъ—яхонтъ (яхут), а другая—изумрудъ (каухар).
Двое безгрѣшныхъ вмѣстѣ соединились:
Одинъ—царь, а другая—царица;
Одинъ, какъ серебро, а другая, какъ золото, красивы.
На одной дочери пророка женился Гали,
Съ того времени начали устраивать игры и пиры.
Не трогайте у черныхъ коровъ рога;
Отъ матери не отдѣляйте дочери.
Съ дѣвкой парень видится на пирушкахъ.
Въ черную воду класть ледъ,—унесетъ;
Отдать дѣвушку въ дальнюю землю,—не увидишь.
Двѣ постели и пять подушекъ—мало будетъ.
Одинъ, какъ солнце, а другая, какъ мѣсяцъ, сошлись.
Будьте неразлучны до скончанія вѣка!
О, любовь, любовь!

16. Плачъ матери по умершемъ сынѣ.

(Анасын улгён баласына джилаганы).

Ахъ, ты, любимый мой сынокъ, ты, дитя, оставилъ меня! Богъ самъ далъ, самъ взялъ. Всѣ люди сами знаютъ объ этомъ.

Я теперь осталась безъ сына. Послѣ смерти сына нутро (животъ) разгорѣлось; я не могла ходить отъ печали. Теперь мы ничего не можемъ сдѣлать безъ тебя. Все знаетъ самъ одинъ Богъ.

Ахъ, Боже мой, далъ сына ты на радость, взялъ въ наказаніе. Я похудѣла. О, сынъ, теперь ты умеръ, а бывало, играя, ты сосалъ молоко изъ грудей моихъ.

Ты теперь не тоскуешь, про меня не думаешь; я плачу день и ночь, думая о тебѣ. Плачу я: нѣтъ у меня сына; стою, нутро горитъ; одна дума о тебѣ.

О, дитя, я плачу, думая о тебѣ; нѣтъ тебя играющаго, нѣтъ тебя бѣгающаго. О, Боже, зачѣмъ ты взялъ его, зачѣмъ унесъ его, какъ быстрая лошадь! Прошло веселое время...

На сердце печаль пала... Осталась я одна, несчастная, громко

Digitized by Google

рыдающая мать. Ты ушелъ, дорогой, въ дальній путь. Зачѣмъ я живу на свѣтѣ съ такою печалью!

Увижу чужого мальчика, еще больше плачу; плачу, когда стану думать о любимцѣ моемъ. Не прощался ты когда уходилъ. Богомъ данный, единственный сынъ, гдѣ теперь я увижу тебя?

Милый мой, любимый, единственный сынъ, съ бобровой головой (басымдагы кундызым), отчего Богъ не взялъ меня туда, гдѣ лежишь ты? Горитъ мое сердце, нутро переворачивается...

Хожу вокругъ тебя, любимый, послѣ тебя не осталось у меня никого. Осталась я одна, какъ трава, стоптанная лошадьми.

Давитъ тебя черная земля. Закрыли тебя тесомъ, могилу сравняли съ землей. Теперь ты, не прійдешь ко мнѣ, дорогой. Осталась твоя карая лошадь.

Ахъ, любимый сынъ, большой былъ у тебя умъ. Дай Богъ, чтобы ты нашелъ себѣ мѣсто въ раю!

Я хожу кругомъ твоей могилы, единственный сынъ, какъ небесная звѣздочка. Тебѣ вернуться нельзя; ты ушелъ въ такое мѣсто, откуда нѣтъ возврата... О, горе, горе мнѣ!..

17. Плачъ жены по умершемъ мужѣ.

(Хатыны улгён баин джок таганы).

Буду стихи начинать, если вы мнѣ позволите. Я смерть порицаю; объ этомъ нужно запѣвать.

Всѣ умираютъ; нѣтъ никого, кто-бы вѣчно оставался въ живыхъ. Я объ этомъ и не пѣла-бы, если-бы не было такъ велико горе мое.

Если я буду пѣть со слезами, не прійдешь ли ты, мой милый? Я готова плакать по три раза въ день.

Я буду просить объ этомъ безпрестанно. Если-бы ты пришелъ обратно, я была-бы очень тому рада.

Если буду думать о тебѣ, очень грустно будетъ мнѣ. Недавно ты былъ живъ, а теперь оставилъ насъ сиротами.

Смерть хитрая подкралась къ тебѣ какъ разъ въ то время, когда намъ съ тобой, мой любимый, только бы играть да веселиться.

Я теперь осталась безъ веселья. Люди умираютъ во всемъ мірѣ... При тебѣ я была всегда сыта, теперь же совсѣмъ голодна.

Digitized by Google

Буду молиться Богу, буду просить за своего покойнаго мужа, буду во всѣ стороны раздавать милостыню.

Ты былъ человѣкъ честный, благодѣтельный, щедрый. Если къ тебѣ собиралось и сто гостей, ты всѣхъ ихъ принималъ.

Великій Богъ взялъ тебя. Теперь мнѣ ходить по-міру... Гдѣ мнѣ искать тебя? Земля тебя скрыла отъ меня.

Имѣлъ пророкъ сына Омара... Много плакать—грѣхъ. Въ раю восемь отдѣленій; отворишь въ него дверь, пріятный запахъ пойдетъ.

Имѣлъ пророкъ сына Идриса. Вездѣ смерть приходитъ нежданною. Горько мнѣ вспоминать о тебѣ.

Имѣлъ пророкъ сына Сыдыка. Уѣхалъ теперь ты, мой родимый супругъ, далеко. Нѣтъ веселья безъ тебя.

Я пою губами и пошевеливаю тридцатью зубами. Много постороннихъ людей постоянно вспоминаютъ о тебѣ.

Дорожить тобою стоило: я не знала никого лучше тебя. Теперь ты лежишь покойно. Не стану я больше плакать.

18. *Утѣшеніе оплакивающей покойника.*

Поютъ, когда нужно остановить пѣніе.

Не плачь ты, молодая, будетъ тебѣ плакать, хорошая молодуха. Ахъ ты, смерть, всегда людей разволнуешь! Теперь, молодуха, будетъ ужъ плакать, перестань!.. Много хорошихъ людей умирало и о нихъ много также пѣли пѣсенъ. Хотя и убѣдительно просили Бога, но ни разу мертваго Онъ не дѣлалъ живымъ. Умираютъ цари, богатые, богатыри, большіе и малые... Не плачь-же больше!..

Digitized by Google

ПОПРАВКИ И ДОБАВЛЕНІЯ.

Ко II кн. Стрн. 5, стрк. 13 сн., вм. 631 чит. 531 (въ опечаткахъ исправлено невѣрно).

Стрн. 39, № 24: о „Висраміани" ошибочно сказано, что извѣстенъ англійскій переводъ; слѣд. читать: „извѣстенъ персидскій текстъ, изд. въ Калькутѣ (Wis o Romain и пр.) и нѣмецкій переводъ (Zeitschr. der Morgenländ. Gesellsch., B. XXIII):

Къ III кн.

Стрн.	6, стрк. 4 и 11 снизу,		вм.	domicin	чит.	domacin
—	29—40 нѣсколько разъ		„	табли	„	табла
—	31 стрк. 1 сн.		„	и	„	и
—	36 — 15 „		„	нервый	„	первый
—	38 — 12 „		„	есть	„	ѣсть
—	53 — 4 св.		„	высѣлка	„	высѣкла
—	123 — 4 „		„	нѣснѣ	„	пѣснѣ
—	134 — 7 сн.		„	ete	„	etê
—	— — 9 „		„	gelos	„	gelôs
—	160 — 6 „		„	Трауенберга	„	Траубенберга
—	91 — 5 св.		„	№ 5	„	№ 2.

По поводу статьи г. Пеенинга слѣдуетъ замѣтить, что авторъ въ ней имѣлъ въ виду также свой фортепіанный аккомпаниментъ къ приложеннымъ здѣсь напѣвамъ, но право напечатанія его онъ оставилъ за собою.

Упомянутая на стр. 49 (въ выноскѣ) книжечка издана не въ Кіевѣ, а въ Харьковѣ, подъ загл.: „Своимъ землякамъ хлиборобамъ" и пр. А. К., 1876.

Digitized by Google

Киргизскія и сартскія пѣсни, записанныя Р. А. Пфеннигомъ.

(Приложеніе къ его статьѣ) *).

1 ♩=88 mm.

Ай а - стын - да бер джол - дуз ай - дан джак - сы.

Дос э - гиз - бэ джар-джан-дэ бай - дан джак - сы. Джа - ман - га

бер сюзь айт - сянгь те-рес ка - рай - ды, Бал-кы - ган

кур - га - сын - дан кай-ра - ан джак - сы.

ср. №5.

2 ♩=40mm.

Ка-ра-кузь мень кель ген-че джурдынгба, а-ман, Кур-ге-лэ ак джю-зинг ды
А-сык джар, кур-мёй бен-день коп за-рык-тымъ Кур-се-теръ кунь бар и-кень

кель-дымъ са ган, ау!
се - ни ма - ган, ау!

ср. №3.

3 ♩=40mm

Джерь-сары сал-сан кумайт джа-бык кере гэ. Джерь-сары

ал-тынъ ку-майт те-мир бер-ге, яу!

ср. №2.

*) №№ 1—8 киргизскія, №№ 9 и 10—сартскія. Русскій переводъ прилагается особо.

Digitized by Google

4 ♩= 72 mm.

Тор-бэсьт-ат а - лянг-дашь - ій джа-кын эль джок.

Ал-дын - гда ша - га - ла - лы тчал кар куль джок А-

лы-стан тор-бэсьт - ат мень - кэль ге - ным - де. Бозь уй - ден

джуг(у)-рынь ши-гарь бранг бэль джок.

ср. N. 8.

5 ♩= 66 mm.

Ба - сы - на А - зе - рет - тынг ку-нар ляй-лекь. Ал-тын-

нан са - ма - у - рынг ку - мыс чай некь. Сун - кар - дай

ушь - тю - ле - гён аб - пак бу - лып уй - ин - дэ

От - ур ми - кень уй, ал - лай бэ - зынгь ай некь?

ср. N. 1

Digitized by Google

№ 6 ♩=80 mm.

Да - им мэ-нэм мен ге-немь Та ра-лаз-бан. Ат джур-ал-мас бал - чик - тан
Ул - гён дэ-гень без-дер ге, Кызмет-пе, уз-гя кый-бат бул - са - да,

джаз-ге саз-дан, ау-ай! Япыр - мау, я-пыр - мау а-джи-кем, яу! А-кыр-мау
Ул-гён ар-зан, ау-ай? Япыр - мау... и т. д. (припѣвъ).

ак-рын сюй-ле! Джар кын-мау, джар-кын мау!

№ 7 ♩=160 mm.

А ляк у - терь бу - дунь - я, кузь джум - ган-дай, яу!
Джак сы-лык кыз га ит - кень бе - лен - мей - де, яу!

Кыз - дынг бе - ли джин - ши-кяй джизь кум-ган-дай, яу! Кыя-
Бэр кум-ган ку-майт джер-ге куй-ган дай, яу! Кыя-

ктау, Мак-па-лау! Та - бал - ма-дым ау-лым-дай. Ирь за - ли
ктау, Мак-па-лау! и т. д. (припѣвъ).

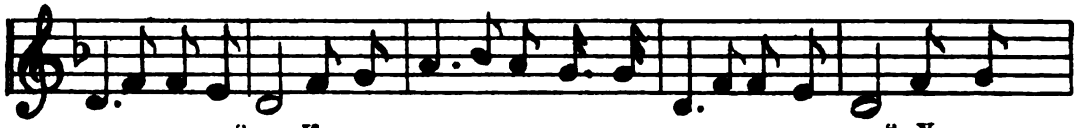
фя за - ла - нау, ус-лай бэр айт-сянгь бу-лар-ман, ау!

№ 8 ♩=50 mm. *)

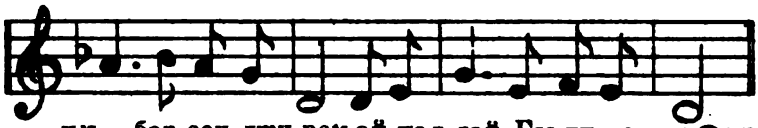
Ку - на - ды ку-чуб ау-лым ау! То-гуз бай га Ако - тау ти - гу - че-

(* № 8 напоминаетъ начало „Азры" А Рубинштейна.—*Ред.*

Digitized by Google



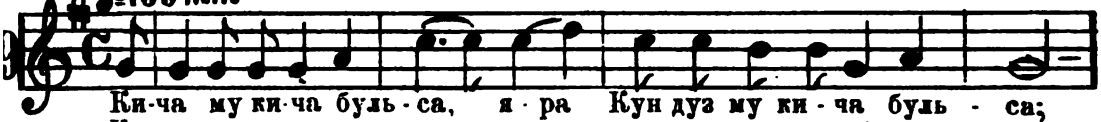
дук чопь у-рай-га Ка-лык тан ка-лап ал-ган, ау, ка-ра-гы - май, Ху - да-



ср. № 4.

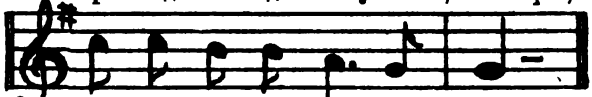
им бэр-сен джу-рем ай-нал лай Бы-ти-ма - га ау!

♩=100 mm



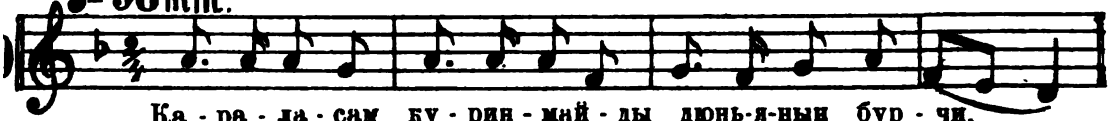
Ки-ча му ки-ча буль-са, я - ра Кун дуз му ки - ча буль - са;
Кы-зыл гуль а-ра-си - да, я - ра мен-се - ны ку-рюб кал - дым;
Ма-чит буль-са мя-дря-са, я - ра ур - та - си-да юл буль - са;

Яр би-лан та-пуш-кан - да я - ра Танг ат - мас ки-ча буль-са
У - зюнгь бля-сии я-ры - ым я - ра, Мен сен - га ку-юб кал-дым.
Берь а-диль пад-ша буль са, я ра, хяр ким сюй ка-нын аль-са.



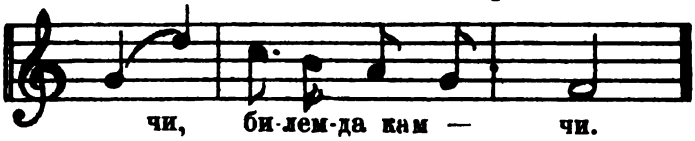
Вай то - ба - а - и Ал - ла! (припѣвъ).

♩= 58 mm.



Ка - ра - ла - сам ку - рин - май - ды дюнь-я-ныи бур - чи,
И - гар то - кум кал-ан джий - да кам-чим ка - лыб-дур,

и - гар то - кум да - ля - да кал-ды би - лем - да кам-
Кам-чи буй - люк шул я-рим-ден кел-лым ко - лыб-



чи, би-лем-да кам — чи.
дур, кел лым ко лыб — дур.

Digitized by Google

1890 г.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

Годъ изданія 2-й.

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ,

подъ редакціей Секретаря Отдѣла **Н. А. Янчука**,

при ближайшемъ участіи слѣдующихъ лицъ: проф. **Д. Н. Анучина**, **В. Н. Акимова**, **Е. В. Барсова**, акад. **Ѳ. И. Буслаева**, **П. М. Богаевскаго**, акад. **А. Н. Веселовскаго**, **Э. А. Вольтера**, **М. К. Васильева**, **В. П. Горленка**, **И. В. Грена**, **С. Я. Дерунова**, **И. Е. Забѣлина**. **А. А. Ивановскаго**, **П. В. Иванова**, **А. А. Казимина**, **В. В. Каллаша**, **В. В. Кандинскаго**, **Г. И. Куликовскаго**, проф. **В. Ѳ. Миллера**, **В. М. Михайловскаго**, **А. Н. Пыпина**, **Е. Р. Романова**, проф. **Н. Ѳ. Сумцова**, **В. К. Трутовскаго**, **Г. А. Халатова**, **А. Н. Харузина**, **Н. Н. Харузина**, **А. С. Хаханова** и др.

Изданіе посвящено главнымъ образомъ всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, при чемъ, кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ также помѣщаться статьи общаго методологическаго характера, имѣющія цѣлью, во-первыхъ, уяснить современное состояніе этнографической науки, ея задачи и требованія, а во-вторыхъ—служить руководствомъ при этнографическихъ изслѣдованіяхъ.

Ближайшими предметами статей и изслѣдованій будутъ служить слѣдующіе вопросы народнаго быта:

1. Вѣрованія.
2. Обычаи и обряды.
3. Народная словесность, языкъ.
4. Народная музыка.
5. Народная медицина.
6. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.
7 Матеріальный бытъ, поскольку онъ находится въ связи съ бытомъ духовнымъ и служитъ къ уясненію послѣдняго.
8. Доисторическая этнографія.

Кромѣ того, въ **библіографическомъ отдѣлѣ**, изданія помѣщаются:

Digitized by Google

1. Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, если таковыя касаются вопросовъ этнографіи.

2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданій ежемѣсячной, еженедѣльной и ежедневной прессы съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3. Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи.

Наконецъ, въ отдѣлахъ «смѣсь» и «извѣстія и замѣтки» помѣщаются мелкіе этнографическіе матеріалы, обзоръ дѣятельности ученыхъ обществъ, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

«Этнографическое Обозрѣніе» выходитъ 4 мя книжками въ годъ (въ 12—15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки: 1-я кн.—въ началѣ марта, 2-я—въ началѣ іюня, 3-я—въ концѣ сентября, 4-я—въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и прошлогоднія, продаются по 1 р. 50 к. съ перес.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина и Н. П. Карбасникова.

Содержаніе «ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ» за 1889 г.:

О задачахъ русской этнографіи, проф. *Д. Н. Анучина*.—О нойдахъ (шаманахъ) у древнихъ и современныхъ лопарей, Н. *Н. Харузина*.—Свадебные обычаи Ахалцихскихъ армянъ, В. Н. *Аммова*.—О черничкахъ, В. *Н. Сентъ*.—Замѣтка о народной медицинѣ, *П. М. Богаевскаго*.—Бесѣдныя складчины и ссыпчины Обонежья, *Г. И. Кумиковскаго*.—Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ, *В. В. Каллаша*.—Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ, проф. В. Ѳ. *Миллера*, съ замѣткой о грузинскихъ переводахъ иранскихъ эпическихъ произведеній, *А. С. Хаханова*.—Тушины, *А. С. Хаханова*.—Очеркъ вѣрованій крестьянъ Елатомск. уѣз. Тамб. губ., *А. П. Звонкова*.—Палій и Мазепа въ народной поэзіи, *В.* В. *Каллаша*.—Оскаръ Кольбергъ (съ портретомъ), Н. А. *Янчука*.—Частныя и общественныя гульбища на Дону, *А. А. Казмина*.—Семейная община у грузинъ, *Н. Л. Абазадзе*.—Празднованіе новаго года у грузинъ, *А. С. Хаханова*.—Сила родительскаго проклятія, по народнымъ разсказамъ, *П. В. Иванова*, съ замѣткою *Н. А. Янчука*.—Опытъ бѣлорусскаго народнаго снотолкователя, *Е. Р. Романова*.—Двѣ статьи о киргизскихъ народныхъ пѣсняхъ (съ прилож. нотъ) *М.* В. *Готовицкаго* и *Р. А. Пфенинга*.—Киргизскій народный поэтъ-пѣвецъ Ногойбай, *А.* А. *Ивановскаго*.—Этнографическія замѣтки (сонъ-трава, розмай-зилье, женчужная трава, васильки, обжинки, Спасова борода, символика краснаго цвѣта, татуированіе у католиковъ Босніи и Герцеговины), проф. *Н. Ѳ. Сумцова*.—Библіографія (книги, журналы, газеты). Смѣсь. Извѣстія и замѣтки.

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1890 ГОДУ

РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА.

Подписка на 1890 г. (12-й годъ изданія) открыта.

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

Варшава. Въ Редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Русскій Филологическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (NN) отъ 10 до 15 листовъ каждая. [Двѣ книги (два NN) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому N журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) Педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Въ изданіи Русскаго Филологическаго Вѣстника принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица (профессоры и преподаватели): А. И. Александровъ, К. Ю. Аппель, С. К. Буличъ, А. С. Будиловичъ, Р. Ѳ. Брандтъ, В. А. Богородицкій, И. А. Бодуэнъ де Куртенэ, С. Н. Брайловскій, И. М. Бѣлорусовъ, Я. И. Горожанскій, ак. Я. К. Гротъ, К. Я. Гротъ, М. П. Карпинскій, Н. И. Ивановъ, Е. П. Карскій, П. А. Кулаковскій, Л. Н. Майковъ, В. Н. Мочульскій, В. А. Истоминъ, И. С. Некрасовъ, М. П. Петровскій, Н. И. Петровъ, А. А. Потебня, С. В. Преображенскій, Н. В. Рузскій, М. П. Савиновъ, А. И. Соболевскій, И. П. Созоновичъ, П. А. Сырку, Г. К. Ульяновъ, М. Е. Халанскій, А. А. Шахматовъ, Н. В. Шляковъ, В. А. Яковлевъ, и др.

Изъ редакціи Русск. Филол. Вѣстн. можетъ быть выписанъ Русск. Филол. Вѣстн. (г-мъ Мин. Народн. Просв. рекомендованъ для библіотекъ среднихъ учебн. заведеній, М. Н. Пр., а Учебнымъ Ком. при Св. Синодѣ одобренъ для фунд. библіот. Дух. Семинарій). Цѣна за 1880 г., 1881 и 1882 по 5 (пяти) р., за 1883, 1885, 1887, 1888 и 1889 по 7 р.; 1884 и 1886 гг. въ продажѣ нѣтъ.

Редакторъ-издатель *А. Смирновъ.*

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„Юридическая Лѣтопись".

Съ 1-го Января 1890 года будетъ издаваться, подъ редакціей ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета **Н. Д. Сергѣевскаго** и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ **Н. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева** и **Н. М. Коркунова**, ежемѣсячный журналъ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ». Задачею журнала поставляется, во-первыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; во-вторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, «ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ» будетъ заключать въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ право- и государствовѣдѣнія;

II. Хроники: законодательную, судебную и научную;

III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ» выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписная цѣна **5 РУБЛЕЙ** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: **Анисимова, Большая Садовая, № 12; Цизерлинга, Невскій проспектъ, № 46; Мартынова, Большая Морская, № 30.**

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію «ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ», **С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 26.**

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 г.

(двѣнадцатый годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ".

(50 №№ въ годъ)

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Программа газеты: Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства". Хроника мѣстной жизни. Корреспонденціи (собственныхъ корреспондентовъ). Обзоръ событій по Россіи и за-границей. Статьи научнаго и политическаго содержанія. Статьи по вопросамъ и текущимъ нуждамъ и потребностямъ Пріуралья и Зауралья. Критика и библіографія. Къ изученію Пермской губерніи. Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и городскихъ учрежденій Пермской губ. Фельетонъ. Литературный отдѣлъ (повѣсти, разсказы—оригинальныя и переводныя и стихотворенія). Смѣсь. Справочный отдѣлъ. Объявленія. Приложеніе: „Записки Уральскаго общества любителей естествознанія".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ . . . 6 руб. ♦ На полгода. 3 р. 50 к.

Лица, подписавшіяся не менѣе, какъ на полгода, со дня подписки по 1-е января 1890 г. получатъ газету безплатно. Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ, именно: за годъ 4 рубля, за полгода 2 руб. 50 коп.

Въ 1890 г., какъ и въ предшествовавшемъ, въ „Екатеринбургской Недѣлѣ" будутъ принимать участіе слѣдующія лица: **Артлебенъ И. Н., Большаковъ К. А., Вологдинъ П. А., Галинъ П. Н.** (Нилъ А—гъ), **Голова Е. С., Гуринъ Г. И., Дмитріевъ А. А., Дядя Листаръ** (псевдонимъ), **Жилка Ан.** (псевдонимъ), **Курбатовъ Н. А., Кирпищикова А. А.** (А. К—ва), **Котелянскій Б. О.** (врачъ), **Коринфскій А. А., Мартыновъ А. И., Никольскій Д. П.** (врачъ), **Остроумова Н. В.** (Н. О—вой), **Остроумовъ И. Г., Русскихъ Н. А.** (врачъ), **Сарахановъ К. К., Стахевичъ Н. П., Старостинъ В. И., Смородинцевъ Н. С., Удинцевъ В. А., Филимоновъ Ф. Ф.** (Гейне изъ Ирбита), **Хлопинъ Г. В., Чириковъ Е. Н.**

и мн. др.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій просп., д. № 47).

Редакторъ-Издатель **А. М. Симоновъ.** Редакторъ **П. Н. Галинъ.**

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1890 ГОДЪ.

(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	— 1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „	50 к.—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по **3 рубля.**

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

Журналъ выходитъ подъ тою же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій пер., 21.

Редакторъ-издатель *В. М. ЛАВРОВЪ.*

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ
НА ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНУЮ И ХУДОЖЕСТВЕННУЮ
16 годъ „ГАЗЕТУ А. ГАТЦУКА“. изданія

«ГАЗЕТА» иллюстрируется изящными рисунками и выходитъ въ объемѣ 2—3 лист. въ недѣлю; въ важныхъ случаяхъ—два раза въ недѣлю.

Постоянное и близкое участіе въ **«Газетѣ»** будутъ принимать слѣдующія лица: *Н. Ф. Анненскій*, проф. *В. Б. Антоновичъ*, *Н. М. Астыревъ*, проф. *Ѳ. И. Буслаевъ*, *Л. П. Бѣльскій*, *А. Н. Веселовскій*. *В. А. Гольцевъ*, проф. *Н. Я. Гротъ*, *Д. Н. Доброхотовъ*, *Н. Н. Златовратскій*, *И. И. Иванюковъ*, *М. К Іогель*, *В. Г. Короленко*, проф. *Ѳ. Е. Коршъ*, *В. В. Лесевичъ*, *И. А. Линниченко*, *Н. С. Лѣсковъ*, *Г. А. Мачтетъ*, *Д. Л. Мордовцевъ*, *И. И. Родзевичъ*, *Н. И. Стороженко*, *Гл. И. Успенскій*, *А. И. Эртель и др.*

Приведенныя имена ближайшихъ сотрудниковъ „Газеты“ могутъ дать русской читающей публикѣ вполнѣ ясное и убѣдительное представленіе о составѣ „Газеты“ и объ ея назначеніи. „Газета“ не будетъ служить, какъ всѣ наши безъидейныя иллюстрированныя изданія, для празднаго легкаго чтенія: она постарается, насколько позволятъ ей силы, средства и обстоятельства, ставить и освѣщать тѣ жизненные вопросы, общественные и индивидуальные, которые съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе назрѣваютъ въ русскомъ обществѣ и не находятъ не только разрѣшенія, но даже и возможности быть поставленными ясно и опредѣленно.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА „ГАЗЕТА“ ДАСТЪ СЛѢДУЮЩІЯ
БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ и ПРЕМІИ:

1. **Шесть книгъ беллетристическаго содержанія**, отъ 6 до 10 печатн. лист. въ каждой.
2. **Иллюстрированныя драмы Шекспира**. Выпускъ VIII, съ англійскими иллюстраціями.
3. **Моды и домашнее хозяйство**. Шесть выпусковъ со множествомъ рисунковъ и политипажей, съ образцами работъ, выкройками и проч.
4. **Крестный календарь** на 1890 г. (при № 1 „Газеты“).
5. **Художественную премію**—больш., прекрасно исполн. олеографическую картину.

Въ ближайшихъ №№ „ГАЗЕТЫ“ и приложеній будутъ напечатаны:

1. Очеркъ литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго.—**В. А. Гольцева.**
2. Исторія стараго тисса. Разсказъ **Г. А. Мачтета.**
3. Новые разсказы **Гл. И. Успенскаго, В. Г. Короленко и Н. Н. Златовратскаго.**
4. Это тоже человѣкъ! Разск. **Н. М. Астырева.**
5. Въ старомъ домѣ. Повѣсть **М. К. Іогеля.**
6. Дневникъ обыкновеннаго человѣка **И. И. Родзевича.**
7. Борьба за существованіе. Драма **А. Додэ**, переводъ Н. Александровича.

Будутъ помѣщены портреты Н. К. Михайловскаго, Гл. И. Успенскаго, В. Г. Короленко, Н. В. Лесевича, Г. А. Мачтета, В. А. Гольцева и другихъ современныхъ русскихъ писателей.

Подписная цѣна на „Газету“ со всѣми приложеніями, и преміями, съ пересылкой и доставкой: На годъ—5 руб. На полгода—3 руб. На 1/4 года 1 р. 75 к.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ выдается только годовымъ подписчикамъ. Подписчики, желающіе получить эту премію, прилагаютъ за пересылку и доставку ея 1 рубль. Разсылка преміи начнется немедленно, по порядку полученія подписныхъ денегъ. Требованія адресуются: въ Главную Контору „Газеты А. Гатцука“. Москва, Никитскій бульваръ, собств. домъ.

Digitized by Google

X т. „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла“

Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр.

выйдетъ въ свѣтъ въ январѣ наступающаго года и будетъ содержать изслѣдованіе:

„РУССКІЕ ЛОПАРИ“,

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО И СОВРЕМЕННАГО БЫТА.

Николая Харузина.

(Около 50 печ. листовъ, съ рисунками)

Цѣна 3 р. 50 к.

Будетъ продаваться въ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ при канцеляріи Общества: Москва, Политехническій Музей.

Digitized by Google

Труды Этнографическаго Отдѣла (9 книгъ) содержатся въ слѣдующихъ томахъ «Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи» *).

т.

VII. (кн. 1). Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Изд. В. А. Дашкова, 1868 г. Ц. 3 р.

XII. (кн. 2). Народныя пѣсни Латышей, Ѳ. Я. Трейланда. Изд. В. А. Дашкова. 1873 г. Ц. 4 р.

XIII. (кн. 3), вып. 1—2, 1874 г., по 1 р. 15 к.

Содержаніе. Вып. 1: Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла 1867—74 г. *Статьи:* 1) Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Ст. Верковича.—2) О появленіи ламаизма въ Забайкальѣ и о вліяніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцелли.—3) программа этнографическаго народнаго календаря, А. Л. Дювернуа.—4) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, докладывалъ Н. А. Поповъ.—5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (двѣ статьи). Колоусека—6) Одежда каменнобродскихъ русскихъ и мордвиновъ, А. Примѣрова.—7) Домашній бытъ Маріупольскихъ грековъ, А. Авторинова.—8) О перилахъ, П. Вологдина.—9) Свадебные обычаи у болгаръ, Жинзифова.—10) Раскопки поломенскихъ кургановъ, Анастасьева.—11) Проектъ этнограф. изслѣдованія о-ва Эзеля, бар. Зассъ-Кассели.—12) Этнографическія замѣтки, Н. Г. Керцелли.—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., К. Попова.—14) О мезенскихъ самоѣдахъ, Н. Г. Керцелли.—15) Сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суражскаго у., Дударева.—16) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1873 г., Е. В. Барсова.—17) Объ историческомъ значеніи праздника въ честь Бурхана-Майдори, совершаемаго бурятами. Н. Г. Керцелли.—18) Сѣверныя сказанія о лембоехъ и удѣльницахъ Е. В. Барсова.—19) Замѣтка изъ этнографіи сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—20) Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ у., Е. П. Добрынкиной, съ замѣткой Е. В. Барсова.—21) Изъ исторіи народнаго двоевѣрія Н. А. Покровскаго.—22) Юрьевъ день, Е. В. Барсова.—23) О кладоискателяхъ въ Зубцовск. у., Квашнина-Самарина.

Вып. 2. Зыряне и Зырянскій край, К. А. Попова.

XXVIII, (кн. 4). Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла (1874—77 г.), съ приложеніями. Ц. 2 р.

Статьи: 1 О) французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валеріо, Н. А. Попова.—2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, П. В. Шейна, съ замѣчаніями В. Ѳ. Миллера. — 3) Вѣрованія и обряды бѣлоруссовъ, В. и А. Зенковичей.—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Нефедовъ.—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрынкиной.—7) Обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей на Орели, Е. В.

---

*) Получать можно въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей), а также въ нижнихъ магазинахъ комиссіонера Общества А. Суворина. Первыя 2 книги, изд. Дашкова, остались въ незначительномъ количествѣ только у издателя (Москва, Публичный и Румянцевскій Музеи).

Digitized by Google

Барсова.—8) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ „Нижегородск. Сборникѣ" И. Ф. Кудрявцева.—9) Охотничье право собственности у Зырянъ, К. А. Попова.—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., А. Ѳ. Можаровскаго.—11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., П. М. Апостольскаго.—12) Башкирское преданіе о лунѣ, Л. В. Лосіевскаго.—13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера, П. М. Апостольскаго.—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Ѳ. Миллера.

XXX, (кн. 5, въ 2-хъ част.). Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ., П. Е. Ефименка. Ц. 4 р.

Часть 1: Описаніе внутренняго и внѣшняго быта. 2 р. 50 к.

Часть 2: Народный языкъ и словесность. Ц. 1 р. 50 к.

XL, (кн. 6). Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, Ѳ. Я. Трейланда (Бривземніакъ). Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и колдовство. Ц. 3 р. 50 к.

XLVIII, (кн. 7 и 8). Протоколы засѣданій и приложенія. Ц. 4 р.

Вып. 1. *Статьи*: 1) Потеряла ли законную силу бытующая старина въ сознаніи русскаго народа? Н. А. Покровскаго.—2) Малорусская свадьба въ Константиновск. у., Сѣдлецкой губ., Н. А. Янчука.—3) Приговоры и прачеты о табакѣ, П. В. Шейна.—4) О гиляцкомъ языкѣ. Д-ра Зеланда. (2 р.).

Вып. 2. *Статьи*: 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ). В. Ѳ. Миллера.—2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). Его-же.—3) А. Л. Дювернуа (некрологъ). Его-же.—4) Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ. Е. А. Покровскаго.—5) О юридическомъ бытѣ татовъ. М. М. Ковалевскаго.—6) Слѣды языческихъ вѣрованій у манзовъ. Н. Л. Гондатти.—7) Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.—зап. Сибири. Его-же.—8) Программа для собиранія этнографич. свѣдѣній, сост. Н. А. Янчукомъ.—Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. М. Н. Харузинымъ. (2 р.)

LXI, (кн. 9). Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи (съ приложеніемъ портрета М. Н. Харузина). 2 р.

Статьи: 1) Памяти М. Н. Харузина. В. Ѳ. Миллера.—2) Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи. П. М. Богаевскаго.—3) О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ. В. Кандинскаго.—4) О доказательствахъ на волостномъ судѣ. А. Шаппе.—5) Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда. А. П. Звонкова.—6) Объ участіи сверхъ-естественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ. П. И. Астрова.—7) По Минской губерніи (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году). Н. Янчука.—8) Петербургскія белагашныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсіевымъ. А. Кельсіева.—9) Изъ русской народной космогоніи, передано С. Я. Деруновымъ.—10) Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Николая Харузина.—11) Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. Вас. Тихонова.—12) О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ. В. Н. Аршинова.—13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. (прилож. къ статьѣ П. М. Богаевскаго).—14) Напѣвы бѣлорусскихъ пѣсенъ (прилож. къ статьѣ Н. Янчука).

2533 081

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

3 2044 012 230 884

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
SEP 1 0 1991

Digitized by Google

Digitized by Google